

Сергей НАЗАРЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В ЭПОХУ МИРОВЫХ ВОЙН:

ФАКТЫ И МИФОЛОГИЯ

**КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ МОЛДОВЫ
АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ И ПОЛИТОЛОГОВ «PRO-MOLDOVA»
ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА
«EST – VEST» РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

Сергей НАЗАРИЯ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ МИРОВЫХ ВОЙН:
ФАКТЫ И МИФОЛОГИЯ**

Кишинёв, 2012

CZU

Научный консультант – Буриан Александр Дмитриевич, в 1988-1990 гг. сотрудник международного отдела ЦК КПСС, в 1992-1994 гг. председатель комиссии по внешней политике Парламента РМ, в 1994-1995 гг. заместитель министра иностранных дел РМ, в 1995-1997 гг. Чрезвычайный и Полномочный Посол РМ в ФРГ, доктор (хабилитат) юридических наук, профессор, консультант Института истории, государства и права АНМ, председатель Ассоциации внешней политики и международного сотрудничества Республики Молдова, главный редактор журнала «Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale».

Консультант по военным вопросам – Басалин Вячеслав Сергеевич, полковник в отставке, ветеран Великой Отечественной войны.

Научный редактор – Поливцев Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Высшей Антропологической Школы РМ.

Научный рецензент – Спрынчанэ Михаил Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Государственного института международных отношений Молдовы.

Литературный редактор – Гуджабидзе Татьяна Иосифовна.

Литературный редактор 7-й главы – Максименко Евгений.

Корректор – Цветаева Марина Владимировна.

Компьютерная вёрстка – Назария Елена.

Книга издана при содействии ПКРМ, Посольства Российской Федерации в Республике Молдова, Центра российской науки и культуры в Республике Молдова, некоторых экономических агентов.

Данная работа является попыткой историко-политологического анализа итогов первой мировой войны и политических предпосылок, хода и результатов второй мировой войны. Она выполнена на обширной документальной, историографической и политологической основе и является одновременно исследовательской работой и пособием для студентов политологов-международников и историков, а также для всех тех, кто интересуется вопросами международных отношений.

Отзывы на работу можно присылать по адресу: sergnazar@mail.ru

ISBN

© Sergiu Nazaria, 2012.

© Coperta: Iaroslav Olinnîc, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Часть I. Рождение, эволюция и распад Версальско-Вашингтонской системы международных отношений	7
Глава 1. Итоги первой мировой войны	7
1. Октябрьская революция и выход России из войны.....	7
2. Воюющие коалиции в начале 1918 г. «14 пунктов В. Вильсона».....	13
3. Поражение Германии и ее союзников.....	16
4. Главные результаты войны.....	18
Глава 2. Создание Версальско-Вашингтонской системы (1918-1922)	19
1. Международная ситуация и планы победителей накануне Парижской мирной конференции.....	19
2. Начало работы мирной конференции и столкновение интересов стран-победительниц. Образование Лиги Наций.....	22
3. Мирный договор с Германией.....	28
4. Подписание мирных договоров со странами-союзницами Германии.....	34
5. Версальская система и ее противоречия.....	36
6. Вашингтонская конференция.....	37
Глава 3. «Русский вопрос» в международных отношениях в 1918-1920 гг.	45
1. Начало иностранной военной интервенции и дипломатическая изоляция Советской России.....	45
2. Парижская мирная конференция – штаб антисоветской интервенции.....	48
3. Поддержка западными странами внутренней контрреволюции в России и продолжение борьбы с Советской властью в 1919-1920 гг.....	53
4. Советско-польская война.....	55
Глава 4. Эволюция международной обстановки в 20-ые годы	61
1. Две тенденции в капиталистическом мире в отношении Советской России после окончания интервенции.....	61
2. Отношения между западными державами и побежденной Германией в 1920-1921 годах.....	64
3. Генуэзская и Гагская конференции.....	67
4. Дипломатическое признание СССР.....	76
5. План Дауэса.....	79
6. Локарно и проблема «мирной ревизии» Версальского договора в 1925-1927 годах.....	82
7. Окончательное решение репарационного вопроса.....	86
Глава 5. Развитие международных отношений в первой половине 1930-х годов и начало подготовки второй мировой войны	89
1. Образование очага войны на Дальнем Востоке и внешняя политика великих держав в 1931-1933 годах.....	89
2. Образование главного очага мировой войны.....	93
3. Борьба за создание системы коллективной безопасности.....	97
4. Захватнические действия Италии и Германии.....	105
5. Германско-итальянская интервенция в Испанию и политика «невмешательства» западных держав.....	110
6. Расширение японской экспансии в Китае.....	115
7. Ось Берлин – Рим – Токио.....	116
Глава 6. Обострение международных отношений в 1938-1939 годах и политический кризис накануне войны	119
1. Цели и задачи английской, французской и советской дипломатии. Дальнейшие планы германской агрессии.....	119
2. «Аншлюс» Австрии.....	122
3. Мюнхенский сговор и его последствия.....	125
4. Эволюция ситуации в Европе в первые месяцы 1939 года.....	137
5. Англо-франко-советские переговоры весной и летом 1939 года.....	142
6. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 года.....	159
Глава 7. Бессарабский вопрос в международной политике	181
1. Возникновение бессарабского вопроса в международных отношениях.....	181
2. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права и позиция самих бессарабцев.....	199
3. Внешнеполитические цели Румынии в межвоенный период и позиция великих держав.....	207
4. Вопрос о Бессарабии в советско-румынских отношениях в 1920-1939 гг.....	219

Часть II. Военные действия в период второй мировой войны.....	246
Глава 8. Начало войны и оккупация Западной Европы фашистскими государствами.....	246
1. Нападение фашистской Германии на Польшу. «Странная война».....	246
2. Кампания на Западе.....	255
3. Битва за Англию.....	264
Глава 9. Нападение Гитлера на Советский Союз и милитаристской Японии на Соединённые Штаты Америки.....	270
1. Человеконенавистнические планы нацистов.....	270
2. О «теории» подготовки СССР к войне против Германии в 1941 году.....	277
3. Начало Великой Отечественной войны советского народа.....	306
4. Московская битва.....	322
5. Нападение Японии на США.....	337
Глава 10. Историографические дискуссии об участии Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии.....	341
1. Роль Румынии в антисоветской войне на её первом этапе (1941 – ноябрь 1942 гг.).....	341
2. Некоторые молдавские и румынские историки – об «освободительном» характере войны Румынии против СССР и о политике румынских властей на оккупированной территории.....	347
3. Истребление мирных граждан Молдовы и Украины.....	354
4. Личность Иона Антонеску и характер его диктатуры. Интерпретации истребления гражданского населения в националистической исторической литературе.....	380
Глава 11. Коренной перелом в ходе второй мировой войны.....	402
1. Борьба воюющих коалиций весной – осенью 1942 г.....	402
2. Разгром вермахта и его союзников на южном фланге советско-германского фронта.....	408
3. Развитие событий на советско-германском фронте между двумя великими битвами: февраль – июнь 1943 г.	422
4. Сражение на Курской дуге.....	425
Глава 12. Военный разгром и безоговорочная капитуляция агрессоров.....	435
1. Год решающих побед на всех фронтах.....	435
2. Последние сражения на Европейском континенте.....	452
3. Капитуляция милитаристской Японии и окончание войны.....	465
Часть III. Эволюция международных отношений в годы войны.....	473
Глава 13. Политические взаимоотношения между великими державами на первом этапе мировой войны (1939-1941).....	473
1. Англо-американские отношения, их суть и значение для победы над Гитлером.....	473
2. Советско-германские отношения в период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.	478
3. Разрешение бессарабского вопроса в пользу СССР. Распад «Великой Румынии».....	483
4. Миссия Гесса.....	497
5. Взаимоотношения Советского Союза и Японии на начальном этапе войны.....	498
6. Американо-японские отношения и подготовка милитаристской Японии к новой агрессии в зоне Тихого океана.....	499
Глава 14. Расширение, кризис и распад фашистского блока.....	504
1. Взаимоотношения фашистских держав в досталинградский период.....	504
2. Дипломатия гитлеровской Германии и её сателлитов после тяжёлых поражений на всех фронтах.....	513
Глава 15. Дипломатическая деятельность антифашистских государств в 1941-1945 годах.....	519
1. Образование антигитлеровской коалиции.....	519
2. Помощь западных союзников СССР в рамках программы ленд-лиз.....	534
3. Союзнические взаимоотношения в период до первой встречи «большой тройки».....	537
4. Тегеранская конференция и её историческое значение.....	539
5. Между Тегераном и Ялтой.....	543
6. Сотрудничество с французскими патриотами в антифашистской войне.....	544
7. Крымская конференция.....	550
8. Между Ялтой и Потсдамом.....	557
9. Берлинская конференция и её всемирно-историческое значение.....	562
Глава 16. Вопрос об открытии второго фронта.....	564
1. Проблема начала крупномасштабных военных действий против Гитлера в Западной Европе в 1941-1942 гг.	564
2. Необходимость второго фронта после начала коренного перелома в ходе войны.....	583

Глава 17. Обсуждение польского вопроса в рамках антигитлеровской коалиции и его окончательное решение.....	593
1. Польский вопрос в 1941-1943 гг.	593
2. Польские события 1944 года.....	597
3. Восстановление независимой Польши и её международное признание.....	606
Глава 18. Германский вопрос в годы второй мировой войны.....	612
Глава 19. Атомная гонка в годы войны и её последствия.....	616
 Итоги второй мировой войны.....	 622
Список аббревиатур.....	627
Источники и литература.....	628
Некоторые работы автора по данной проблематике.....	654

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прадеды моих детей и мой родной дядя в годы Великой Отечественной войны боролись с фашизмом (трое – в рядах советских войск, один был связан с подпольем, а ещё один – в рядах дивизии «Тудор Владимиреску»), но, к счастью, остались живы и ушли в мир иной уже в наши дни. Как минимум четверо их братьев сложили головы на фронтах сражений с гитлеровскими ордами. Поэтому события, о которых пойдёт речь в этой книге, связаны не только с элитами, но и с сотнями миллионов простых людей, среди которых в 1941-1945 гг. были и около 400 тысяч уроженцев Молдовы, мобилизованных в Красную Армию, в том числе и члены моей семьи.

* * *

Данная работа является попыткой историко-политологического и историографического анализа итогов первой мировой войны и предпосылок, хода и итогов второй мировой войны. Первая часть охватывает период 1917-1939 годов и посвящена итогам первой мировой войны и процессу возникновения, развития и полного демонтажа Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, а также политическим причинам второй мировой войны. Во второй части прослеживаются военные действия 1939-1945 годов. В третьей – дипломатические отношения тех лет.

Монография подготовлена на обширной документальной и историографической основе. При её написании автор обращался к трудам ведущих историков, политиков и политологов из многих стран мира. Изучая события, мы использовали, в первую очередь, опубликованные документы и мемуары, выступления и другие работы политиков, военных и дипломатов, игравших важную роль в международной жизни изучаемого периода. Мы не ставили задачу проанализировать и отразить все события эпохи, а лишь наиболее значительные. Основной акцент сделан на том, что происходило на Европейском континенте. Не обойдены вниманием роль и место Румынии и Молдовы.

В своих выводах автор, будучи приверженцем материалистического понимания истории, старался, в меру собственных возможностей, придерживаться принципа исторического объективизма, историзма и при этом опирался на общечеловеческие ценности. Он открыто выражает свою солидарность с миролюбивыми силами, заостряя внимание читателя на эпизодах сотрудничества между великими державами – членами антигитлеровской коалиции, хотя не скрывает имевшиеся между ними естественные противоречия и осуждает поджигателей войны и их приспешников. Ни про одну войну столько не врут и не ввали, как про Вторую мировую, поскольку их итоги не устраивали ни побежденных немцев, ни западных союзников.

По нашему мнению, изучение внешней политики великих держав должно осуществляться не с позиций голого морализаторства, а с точки зрения практицизма, политического реализма и национальных интересов народов мира и, в первую очередь, великих наций. Мы убеждены, что в процессе исследования ложь из любви так же недопустима, как и из ненависти. Поэтому автор стремился отразить события такими, какими они были в своё время, без переноса на них сегодняшнего эмоционально-политического заряда. В этом контексте особое место занимает критика исторического мифотворчества.

Считаем, что лишь та политика является реалистичной и честной, которая учитывает истинные национальные интересы народов, их стремление к миру и международному сотрудничеству. И, наоборот, попытки дестабилизировать ситуацию на планете, реализовать свои эгоистические цели за счёт других государств являются не только аморальными, но и нереалистичными, а следовательно, антинациональными и безответственными. Они могут привести к войнам, и противостоять этому должны здоровые силы планеты, объединившись против государств-пертурбантов.

Предлагаемая монография является не только исследовательской работой, но может служить и своеобразным пособием для студентов политологов-международников и историков, преподавателей истории. Книга адресована также всем, кто интересуется вопросами международных отношений в целом и проблематикой мировых войн, в частности. Понимая, что историческая и политическая наука находятся в постоянном развитии, автор не претендует на истину в последней инстанции, а лишь высказывает своё видение событий, допуская при этом возможность некоторого субъективизма. Он также осознаёт необходимость дальнейшего изучения данной тематики.

Мы заранее благодарны всем своим читателям и непредвзятым критикам.

ЧАСТЬ I. РОЖДЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И РАСПАД ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мы уехали с сознанием, что договоры, которые мы навязали нашим врагам, были несправедливы и неразумны¹.

Г. Никольсон

ГЛАВА 1. ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Октябрьская революция и выход России из войны

7 ноября (25 октября) 1917 г. в Петрограде победило вооружённое восстание, и власть в России захватили большевики². Это положило начало принципиально новой эре в мировой истории и стало началом раскола мира на две системы.

Декрет о мире. Главной внешнеполитической задачей новой власти было «прекращение империалистической войны», заключение всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуции. 8 ноября (26 октября) 1917 г. Второй съезд Советов принял ленинский Декрет о мире – программный документ советской дипломатии³. В нём впервые излагались основы политики мирного сосуществования государств с различным социальным устройством. Новорожденная власть предлагала всем народам и правительствам воюющих наций немедленно заключить демократический мир – без аннексий и контрибуции. Провозглашался полный отказ от всяких форм агрессии, принцип самоопределения наций⁴, осуждение колониализма, требование равенства больших и малых народов.

С трибуны Второго съезда Советов указывалось, что советское правительство не считает свои предложения ультимативными. Оно согласно обсудить любые другие условия мира и настаивает на немедленном их представлении, на полной их ясности, исключении тайной дипломатии из их обсуждений. В Декрете о мире предлагалось заключить перемирие не менее чем на три месяца, чтобы дать возможность всем странам подготовиться к переговорам о заключении мира.

Призывая отказаться от аннексий, Ленин отнюдь не предлагал установить некое соглашение о соблюдении международного статус-кво. Напротив, само содержавшееся в нём определение аннексий придавало четкий и всеобщий характер принципу самоопределения народов. «Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей не предоставляются права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение её является аннексией, т.е. захватом и насилием». Декрет уточнял, что принцип самоопределения должен быть равно действенным, «независимо от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»⁵.

Радио и печать широко разнесли его содержание по всему миру. Этот документ стал самым популярным среди трудящихся воюющих государств и особенно в среде миллионов солдат, гниющих в окопах империалистической бойни. Он выразил их глубокие чаянья и стремление к немедленному миру. И в этом смысле Декрет о мире оказывал сильнейшее революционизирующее воздействие на воюющие

¹ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С. 154.

² См. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х томах. М., 1991-1992; Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990; Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1987; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. М., 1990; Черчилль У. Мировой кризис. М., 2004. С. 132-143 и др.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13-16.

⁴ Укрепив свою власть, большевики частично отошли от этого принципа, придав ему несколько иное толкование, а именно «исторически-классовое» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 112). Во главе своей национальной политики они поставили «сближение и слияние пролетариев и трудящихся всех наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии» (Ibid., С. 94, 111). На практике это означало, что большевики уже в 1919-1921 годах признавали право на самоопределение лишь за нациями, «борющимися против империализма» (Афганистан, Турция), и теми, где пролетариат находился у власти. Так, в 1921 г. Красная Армия вторглась в Грузию, Армению и Азербайджан, свергла их правительства и установила в этих странах Советскую власть. Это означало экспорт революции, отход от провозглашённого в 1917 г. принципа самоопределения наций. Уже нечего говорить, что в сталинские времена этот принцип был полностью растоптан, являясь лишь показным, для целей зарубежной пропаганды.

Однако мы считаем неверным и не соответствующим истине и утверждение, будто бы принцип самоопределения наций, провозглашённый большевиками, имел с самого начала демагогический характер. // См., например: Cojocaru Gh. Tratatul de Uniune Sovietică. Chişinău, 2005.

⁵ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. 1. М., 1957. С. 12.

страны. В планах большевистского правительства он имел как бы двоякий смысл – прекращение мировой войны, как первой цели, и популяризация идеи революции среди трудящихся воюющих стран. Этому способствовало и прямое призыв к народам прекратить империалистическую бойню.

Велось немало споров по поводу того, следует ли рассматривать этот декрет как акт внешней политики или как манифест революционной агитации: ведь его текст действительно обращен не только к правительствам, но и к народам, и «в особенности к сознательным рабочим трёх самых передовых наций человечества и самых крупных, участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии»⁶. Вот как объясняет это итальянский историк Джузеппе Боффа: «На самом деле декрет представлял собой нечто большее. Трудно было бы попытаться отделить один его аспект от другого: все они слиты воедино, объединены глубоко интернационалистической идеей... Эта идея не останавливалась у порога классических дипломатических представлений о международных отношениях, но шла дальше, побуждала видеть весь мир как арену противоборства враждующих политических классов в сущности своей группировок, границы которых вовсе не совпадали с границами государств, даже если речь шла о государствах национальных. Идея эта оставалась господствующей и при рассмотрении вопроса об установлении самых широких национальных прав народов: по своему мировоззрению и политическому опыту большевики были решительными интернационалистами»⁷.

В дополнение Декрета о мире Советская власть приняла ещё ряд постановлений. Так, 15 (2) ноября 1917 г. была опубликована «Декларация прав народов России», в которой нерусским народам предоставлялось право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств⁸.

31 (18) декабря Постановлением СНК, утверждённым третьим Всероссийским съездом Советов, Советская Россия признала государственную независимость Финляндии⁹. Декретом от 29 августа 1918 г. Советское правительство отменило все договоры и акты Царской России с Пруссией и Австрией, «касающиеся раздела Польши», и признало «за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство»¹⁰. В декабре 1918 г. была признана независимость Эстонии, Латвии и Литвы¹¹.

3 декабря (20 ноября) 1917 г. последовало обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»¹², в котором был нанесен мощный удар по колониализму, а все грабительские договоры царизма о разделе Ирана и Турции аннулировались. Были также отменены все акты царского правительства, ущемляющие суверенитет Китая. Одной из ближайших задач Наркомата иностранных дел явилось опубликование тайных договоров. Декретом о мире была отменена тайная дипломатия. В первые недели после революции были обнародованы и объявлены аннулированными все тайные договоры царского правительства¹³, направленные на захват чужих земель и подчинение других народов. В то же время Ленин отметил, что «мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радужно примем, мы их не можем отвергать»¹⁴.

В результате рассекретивания ленинским правительством тайных договоров западным державам стало сложнее облачаться в тогу непримиримых врагов хищного германского империализма. Их собственные цели, обнародованные в Петрограде, оказались далеки от благородного идеала. Их империализм стоил германского. Стал явным общий характер войны – империалистической схватки за добычу.

Призыв советского правительства прекратить войну. 20 (7) ноября 1917 г. большевистское правительство послало в Ставку Верховному главнокомандующему старой армии генералу Н.Н. Духонину предписание обратиться к командованию неприятельских армий с предложением немедленно прекратить все военные действия.

21 (8) ноября Народный комиссариат по иностранным делам обратился к послам союзных держав с нотой. Приложив к ноте текст Декрета о мире, НКВД просил рассматривать его как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров, предложение, с которым полномочное правительство Российской Республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам»¹⁵.

⁶ Ibid. С. 13.

⁷ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. М., 1990. С. 79-80.

⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 14-15.

⁹ Ibid. С. 71.

¹⁰ Ibid. С. 458-460.

¹¹ Ibid. С. 603, 621-622.

¹² Ibid. С. 34-35.

¹³ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 57-58; История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 34-35; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М., 1986. С. 24-25.

С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. было опубликовано 7 томов с секретными договорами. Чиновники бывшего МИДа и иностранные дипломаты скупали и уничтожали сборники документов, но они проникли за пределы России и публиковались как в русских, так и иностранных газетах. // Воронина И.А. Первые публикации Народного комиссариата по иностранным делам (1917 – 1918 гг.) // Межд. жизнь. 2003, № 2. С. 118.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 20.

¹⁵ ДВП СССР. Т. 1. С. 17.

Отказавшись выполнить предписание Ленина от 20 (7) ноября, Духонин был отстранен от должности, а на его место был назначен Н.В. Крыленко¹⁶. Чтобы понять настроения солдатской массы, отметим, что из-за отказа начать переговоры о мире, Духонин был стихийно растерзан солдатской толпой.

В этом контексте объективно возникает вопрос: **способна ли была Россия продолжать войну?** Как известно, за все 3,5 года войны российская армия не была достаточно вооружена и снабжена всем необходимым, но в конце 1916 г. положение особенно ухудшилось. Армия была раздета, разута и голодна. На 10 германских артиллерийских выстрелов русские отвечали одним, а на каждые десять немецких пуль – четырьмя, не редкостью была ситуация, когда на одно ружье приходилось 2-3 солдата. Войска месяцами бесценно находились в окопах, в грязи по пояс, не видя бани, чесотка, вши были всеобщим явлением. Между солдатами и офицерами существовала непроходимая пропасть. Первые ненавидели вторых, а последние считали солдатскую массу «быдлом» и говорили с ней на языке кулака. Но после февральской революции, положившей начало всеобщей демократизации общества, армия уже не могла держаться на палочной дисциплине.

Дезертирство на протяжении всех лет войны было постоянной головной болью российского командования, но к концу 1916 – началу 1917 года оно достигло угрожающих размеров, что подрывало боеспособность армии. Потери русской армии на фронте были ужасающими, что сильнее всего сказывалось на её боеспособности. К концу 1916 г. экономика страны не справлялась не только с задачей снабжения армии, но и с гражданскими нуждами. Из-за длительного отрыва от села самых сильных мужчин, российское сельское хозяйство, и без того слабо развитое, пришло в полный упадок, и это губительно сказалось на производственном и продовольственном снабжении городов и фронта. Тысячи фабрик и заводов встали по причине отсутствия сырья, которое не поступало из-за разрухи на транспорте. Паровозный и вагонный парк в результате сильного износа резко уменьшился, но и имевшиеся в наличии машины не использовались в полную меру из-за отсутствия топлива. Получался заколдованный круг – транспорт не работал из-за отсутствия топлива, а топлива не хватало из-за плохой работы транспорта. По этой же причине с перебоями осуществлялись экономические связи Москвы и Петрограда с провинциями, города с деревней, а также фронта и тыла. Россия погрузилась в экономическую разруху, которая становилась подлинно всеохватывающей.

На этом фоне усиливалось движение протеста народных масс против войны внутри страны. В таких условиях уже к концу 1916 г. стала очевидной невозможность для России продолжать войну «до победного конца». Все эти процессы усилились в 1917 г., а в конце лета – осенью этого же года приняли повальный характер. Полки и даже целые дивизии стихийно покидали окопы и снимались с фронта, уходя в тыл. Желание покончить с войной превратилось в первостепенное, самое срочное для десятков миллионов людей, и никакое правительство не могло удержать солдат в окопах. Поэтому, если даже большевики и не были бы сторонниками прекращения войны, они, или кто-либо другой на их месте, в любом случае не смогли бы удержать фронт. Россия не могла продолжать войну! Это признавал и Ллойд Джордж, который отмечал, что «Россия, вероятно, потеряла больше людей, чем кто-либо другой. Её войска дрались без оружия и снарядов, они были гнусно обмануты своим правительством, и не приходится удивляться, что озлобленный этим русский народ восстал против Антанты». Он выражал сомнения, «вынесла ли бы какая-либо другая страна так много, как Россия и продолжала ли бы так долго участвовать в войне»¹⁷.

Позиция стран Антанты и Германии. Однако империалистические правительства держав Антанты игнорировали предложения Советского правительства. Они стремились не допустить выхода России из войны, хотя прекрасно знали, что она больше воевать не может. Представители Антанты открыто выступили против Советской власти. 24 (9) ноября дипломатические представители союзных держав решили не отвечать на советскую ноту от 21 (8) ноября и в контакты с правительством Ленина не вступать. На следующий день главы иностранных военных миссий при Ставке, по поручению своих правительств, выразили протест против нарушения договора от 5 сентября (23 августа) 1914 года, заключенного между Россией, Англией и Францией, в силу которого союзники обязывались не заключать перемирия иначе, как по взаимному соглашению. 27 (14) ноября аналогичные действия предпринял и военный представитель США. Это была попытка воспрепятствовать прекращению военных действий на Восточном фронте. Но протест западных союзников был безосновательным, так как Советское правительство на тот момент не предлагало сепаратного мира. Однако правительства Антанты не собирались принимать советское предложение, они стремились свергнуть большевистское правительство и продолжить участие России в войне.

Хотя правительство кайзера было не менее антикоммунистическим, чем правительства Антанты, оно, однако, по-иному реагировало на советские мирные предложения. В основе действий Германии и её союзников лежали экономические и политические факторы. Истощение ресурсов и усталость на-

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 79-80.

¹⁷ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 279.

селения этих стран приняли угрожающие размеры. Германские правящие круги надеялись облегчить положение путём заключения сепаратного мира с Россией, который покончил бы с необходимостью борьбы на два фронта. Не могли не учитываться и антивоенные настроения немецкого народа и опасность революции в Германии в случае бесконечного затягивания войны. 27 (14) ноября германское правительство заявило о своём согласии начать переговоры о перемирии.

Получив этот ответ, Советское правительство предприняло новую попытку заключить не только русско-германский, но и всеобщий мир: оно предложило немцам отсрочить начало переговоров на 5 дней, чтобы снова предложить правительствам Антанты принять в них участие. 28 (15) ноября Советское правительство ещё раз обратилось к правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к мирным переговорам¹⁸, подчеркнув, что «Советская власть стремится к всеобщему, а не сепаратному миру». Но правительства стран Антанты вновь не дали ответа на это предложение, и Советская Россия одна начала мирные переговоры.

Начало переговоров в Брест-Литовске. Советская делегация во главе с А.А. Йоффе была направлена в Брест-Литовск, который был предложен немецкой стороной в качестве места встречи. Германскую делегацию возглавлял генерал М. Гофман. На первом заседании 3 декабря (20 ноября) 1917 г. представитель советской делегации предложил положить в основу переговоров Декрет о мире, на что Гофман ответил, что не уполномочен вести переговоры о целях войны: его интересует только военная сторона перемирия, и речь может идти только о сепаратном перемирии, ибо русская делегация не имеет полномочий на ведение переговоров от имени Англии и Франции.

На следующем заседании, 4 декабря (21 ноября), советская делегация изложила свои условия: перемирие заключается на 6 месяцев; военные действия приостанавливаются на всех фронтах; немцы очищают Моондзунские острова и Ригу; запрещаются какие бы то ни было переброски немецких войск на Западный фронт¹⁹. Было подчеркнуто, что речь идет о прекращении войны вообще, а не о сепаратном соглашении. Особенно настаивали советские делегаты на принятии пункта о запрещении перебрасывать германские и австрийские войска на Западный фронт. Это было эмоционально отвергнуто Гофманом. Он заявил, что такие условия предлагают только побеждённой стороне, и выдвинул контрпроект, который закреплял сложившееся на фронте положение.

Советская сторона потребовала 5 декабря (22 ноября) сделать перерыв ввиду выявившихся разногласий. Немцы заволновались. Они опасались, что советская делегация более не вернётся в Брест. Было подписано десятидневное перемирие, с 7 по 17 декабря, по которому сохранялись занятые позиции и немцы прекращали всякие перевозки. Советская делегация выехала в Петроград. Время перерыва Советское правительство использовало для предложения странам Антанты начать всеобщие мирные переговоры. Но они продолжали безмолвствовать.

15 (2) декабря переговоры закончились заключением перемирия на 28 дней, с 17 (4) декабря 1917 г. по 14 (1) января 1918 г., между Россией и Четверным союзом. В случае разрыва обе стороны обязывались предупредить своего противника за 7 дней. Переброска немецких войск на Запад запрещалась. Во время перемирия Совнарком вновь обратился к правительствам стран Антанты определиться по отношению к мирным переговорам, предупреждая, что если союзники не примкнут к переговорам, Россия будет вести их самостоятельно.

Планы Антанты в отношении России. Но Антанта преследовала другую цель – доведение войны «до победного конца». Пока шли переговоры в Брест-Литовске, она организовала свои силы для свержения ненавистной ей Советской власти. 30 ноября в Париже собралась международная конференция для обсуждения «русского вопроса» и разработки плана вооружённого вмешательства в дела России. Западные страны поддержали все антисоветские силы на её территории. Знаменательно, что вмешиваясь во внутренние дела России, поначалу они пытались делать это тайно.

23 декабря 1917 г. англичане и французы заключили тайную конвенцию о разделе сфер действий в России. В английскую зону вошли Кавказ и казачьи территории рек Кубани, Дона, во французскую – Бессарабия, Украина, Крым²⁰. Соединённым Штатам был послан английский меморандум, в котором предусматривалось их участие в расходах по оккупации России²¹.

Но в тот момент у Антанты не было сколько-нибудь значительных боевых сил для организации серьёзной интервенции в Россию. Поэтому она стремилась столкнуть Советскую Россию с Германией и таким образом свалить большевиков.

¹⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 28-32.

¹⁹ См: История дипломатии. Т. 3. С. 68; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 31.

²⁰ Соглашение между Францией и Англией относительно действий в южной России. // Межд. жизнь. 1997, № 10. С. 110; см также: История дипломатии. Т. 3. С. 72; История международных отношений. Т. 1. С. 34; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 72; Соловьев О. Ноябрь 1917 г. Как Англия и Франция делили Россию. // Межд. жизнь. 1997, № 10.

²¹ См: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 5. М., 1938. С. 94-95.

Продолжение Брестских переговоров. Переговоры о мире возобновились в Брест-Литовске 22 (9) декабря 1917 г. Они прошли три этапа: первый – с 22 по 28 декабря 1917 г.; второй – с 9 января по 10 февраля 1918 г.; третий – с 1 по 3 марта 1918 г. Германское командование требовало от правительства завершить переговоры как можно скорее, так как на середину марта было намечено генеральное наступление на Западном фронте. Первый холодок пробежал по залу, когда советская делегация во главе с А.А. Йоффе потребовала, чтобы заседания были публичными и чтобы каждая сторона имела право полностью опубликовать протоколы заседаний.

В самом начале мирной конференции советская делегация выдвинула в качестве основы переговоров о мире 6 предложений: отказ от насильственного присоединения занятых во время войны территорий; вывод войск с этих территорий; восстановление полной самостоятельности народов, лишенных её во время войны; гарантия свободного (путём референдума) определения государственной принадлежности или государственной самостоятельности всех национальных групп, лишенных самостоятельности; законодательное обеспечение прав национальных меньшинств на культурную и административную автономию; отказ от взыскания «военных издержек» или контрибуции, решение колониальных проблем на принципах самоопределения наций²².

Глава германской делегации Р. Кюльман 25 (12) декабря от имени держав блока заявил, что предложенные принципы применимы как основа переговоров, если все воюющие страны, без исключений и оговорок, в определенный срок обяжутся соблюдать эти условия. Выдвигая эту оговорку, Германия и её союзники исходили из того, что державы Антанты не примут участия в переговорах, что и позволит Четверному блоку предъявить Советской России аннексионистские условия мира. Прикрываясь ссылками на самоопределение наций, немцы пытались обосновать продолжение оккупации Прибалтики и Польши. Эти области, согласно принципу самоопределения якобы отделились от России, и дальнейшая их судьба является их собственным делом. Кюльман спросил, не согласится ли советское правительство вывести свои войска из неоккупированной части Лифляндии и Эстляндии, чтобы дать возможность местному населению соединиться со своими соплеменниками, живущими в занятых немцами областях.

Объявленный 28 (15) декабря перерыв в работе конференции Советское правительство использовало для того, чтобы ещё раз обратиться к странам Антанты с предложением присоединиться к переговорам о заключении всеобщего мира²³, и попыталось добиться перенесения переговоров в какую-либо нейтральную страну в целях создания лучших условий для их работы. При определении своих задач на мирных переговорах большевистское правительство исходило из состояния армии и положения на фронтах. Ленин наметил тактику ведения переговоров, направленную на их максимальное затягивание.

На возобновившихся 9 января 1918 г. переговорах германские представители отклонили предложение о их перенесении в нейтральную страну и заявили, что, поскольку другие страны к переговорам не присоединились, признание общих принципов теряет смысл.

В начале января 1918 г. в Брест-Литовск приехали представители украинской Центральной рады. На заседании 10 января Кюльман поставил перед Троцким, возглавлявшим советскую делегацию на втором этапе переговоров, вопрос, намерены ли большевики впредь быть здесь «единственными представителями всей России», на что тот ответил, что «не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах». Немцы использовали это заявление Троцкого для того, чтобы форсировать отдельные секретные переговоры с делегацией Центральной рады, уже не обладавшей фактической властью на территории Украины, которая реально была в руках Советов. Страны Четверного союза заявили о признании ими делегации Украинской рады как самостоятельной и представляющей украинское государство. Одновременно Центральная рада вела переговоры с представителями Антанты, от которой получала финансовую поддержку, и с Совнаркомом. Создалось любопытное положение: Центральная рада вела переговоры сразу с тремя взаимоисключающими сторонами.

Немцы ухватились за столь «универсальных» дипломатов и ускорили их прибытие в Брест-Литовск. Предварительные переговоры с ними вёл Гофман. Националисты, с каждым днем теряя свои позиции на Украине, в обмен на скорейшее движение германских войск на Украину, пообещали дать немцам хлеб, продовольствие, руду, отдать под немецкий контроль железные дороги.

12 января 1918 г. (30 декабря 1917 г.) Гофман заявил, что Германия не намерена выводить свои войска с этих территорий. Советские представители категорически протестовали против этого грубого извращения провозглашенного принципа самоопределения наций вплоть до отделения, справедливо указав, что на оккупированных немцами территориях никакого свободного волеизъявления населения быть не может.

14 (1) января 1918 г. Кюльман представил советской делегации германские условия мира: войска Германии и её союзников остаются в оккупированных ими областях, Германия отказывается от проведения там референдума. 18 (5) января Гофман предъявил условия, по которым оккупированная территория – свыше 150 тысяч кв. км – отрывалась от России. В случае отказа советской стороны – война.

²² История внешней политики СССР. Т. 1. С. 43-44.

²³ ДВП СССР. Т. 1. С. 67-70.

Германия и Австро-Венгрия занимали Польшу, Литву, часть Белоруссии, Украины, Эстонии и Латвии. В руках немцев оставались Моонзундские острова и Рижский залив. Это обеспечивало контроль над морскими путями к Финскому и Ботническому заливам. Под контроль Германии переходили порты Балтийского моря, через которые шло 27% всего морского вывоза из России и 20% импорта.

Советская делегация потребовала нового перерыва мирной конференции на 10 дней и выехала в Петроград. Германия и Австро-Венгрия использовали перерыв для завершения переговоров с Украинской радой, власть которой в это время уже превратилась в фикцию. Территория её свелась только к той комнате, которую она занимала в Брест-Литовске. Но немцы и австрийцы признавали только делегацию Центральной рады.

И всё-таки изгнание из Украины Центральной рады поставило Германию в затруднительное положение: не стало правительства, с которым велись переговоры. На этот раз немцы попросили перерыва в работе мирной конференции. 3 февраля (21 января) Кюльман и Чернин* выехали в Берлин. На совместном совещании дипломатов и верховного военного командования обсуждался вопрос, подписывать ли мир с несуществующим правительством Украины.

9 февраля (27 января) представители Четверного союза подписали в Брест-Литовске мир с «мертвыми душами». В основу его было положено обязательство Центральной рады поставить до 31 июля 1918 г. для Германии и Австро-Венгрии – взамен военной помощи для борьбы с большевиками – 1 млн тонн хлеба, 400 млн штук яиц, 50 тыс. тонн мяса, сало и др. Чернин в связи с этим говорил: «Мы признали правительство Украинской рады, следовательно, для нас оно существует»²⁴.

Вильгельм II приказал Кюльману предъявить советской делегации ультиматум о принятии германских условий и кроме оккупированных областей потребовать от советского правительства немедленно очистить от русских войск не занятые немецкими войсками области Лифляндии и Эстляндии, притом без всякого права их народов на самоопределение. Выполняя эти приказания, Кюльман предъявил советской делегации категорическое требование принять германские условия мира, однако упомянуть о Лифляндии и Эстляндии не решился. Оглашая эту формулу, он добавил, что принятие её является абсолютно обязательным условием.

10 февраля (28 января) советской делегации предстояло дать ответ на германский ультиматум. Ленин категорически требовал подписания мира²⁵. Однако, нарушив эту директиву, Троцкий объявил в этот день, что войну Советская Россия прекращает, армию демобилизует, но мира не подписывает – «ни войны, ни мира»²⁶.

Таким образом, Троцкий сорвал Брестские переговоры. Его действия удивили даже тех германских представителей, которые были за мирный договор. Без согласования с Совнаркомом он послал телеграмму Н.В. Крыленко, в которой потребовал прекращения военных действий и состояния войны и демобилизации армии. Позиция Троцкого была на руку лидерам германской военной партии – Гинденбургу, Людендорфу, Вильгельму II и другим, которые давно требовали прервать переговоры. 13 февраля состоялось совещание военно-политического руководства рейха, на котором было принято решение возобновить наступление. И 18 февраля оно началось.

Как только были получены известия о наступлении немцев, Ленин предложил немедленно подписать мир. В ночь на 19 февраля он послал в Берлин следующую радиограмму: «Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать мир на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство»²⁷. Но немецкое наступление развивалось всё шире.

21 февраля Советское правительство объявило: «Социалистическое отечество в опасности!»²⁸. Под Псковом и Нарвой полки молодой Красной Армии преградили дорогу наступающим и приостановили продвижение немецких войск.

В 10 часов 30 минут 23 февраля был, наконец, получен ответ от немцев. Это был ультиматум, содержащий новые территориальные претензии и экономические требования, несравненно более тяжелые, чем предъявленные в Бресте: подлежали немецкой оккупации вся Латвия и Эстония, Германия требовала провести демобилизацию русских армий, включая части, сформированные Советским правительством. Флот следовало разоружить; безотлагательно вывести русские войска из Украины, Финляндии и Турции; заключить мир с Украинской радой и др.

Но и немецкое наступление, в принципе, выдохлось. 23 февраля СНК принял германские условия. Для подписания мирного договора Советское правительство назначило новую делегацию, в состав которой вошли Л.М. Карахан, Г.И. Петровский, Г.В. Чичерин, Г.Я. Сокольников и А.А. Йоффе.

* Руководитель австрийской делегации.

²⁴ История дипломатии. Т. 3. С. 88; История КПСС. Т. 3. Кн. I. М., 1967. С. 529-530.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.

²⁶ История КПСС. Т. 3. Кн. I. С. 529-530

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 339.

²⁸ Ibid. С. 357-360.

Она прибыла в Псков 25 февраля в 9 часов вечера и заявила резкий протест против продолжения военных действий. Он остался без ответа. Прибыв 28 февраля в Брест-Литовск, советская делегация возобновила протест. А 1 марта состоялось первое заседание мирной конференции. На нем глава германской делегации, посланник фон Розенберг*, повторил, что военные действия могут быть прекращены только по подписании мирного договора.

Советская делегация отказалась от обсуждений условий мира, так как дискуссия привела бы к захвату новых территорий германскими войсками. Советские представители указали на насильственный характер навязываемого России договора, подчеркнув, что он «не является плодом соглашения». 3 марта состоялось подписание Брестского мирного договора с приложениями экономического и правового характера и дополнениями²⁹.

Мирный договор между Советской Россией и центральными державами состоял из 13 статей. Было обусловлено, что стороны объявляют о прекращении войны. Россия произведет полную демобилизацию своей армии; военные суда России переходят в русские порты до заключения всеобщего мира или же немедленно разоружаются. От России по договору отходили Польша, Литва, Латвия, Эстония, и в руках немцев оставались все занятые к тому моменту территории. До заключения всеобщего мира общая площадь захваченных территорий составляла около 1 млн квадратных километров, а численность населения – 50 млн человек. Это были экономически развитые области, где размещалась большая часть металлургической промышленности и добычи угля, значительная часть других отраслей промышленности! На Кавказе Россия уступала Турции Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. С Украинской Центральной радой Советская Россия обязывалась заключить мирный договор и признать мирный договор между Германией и Украиной. Финляндия очищалась от русских войск. Вновь вступали в силу отдельные статьи невыгодного для России русско-германского торгового договора 1904 года. Россия, под видом содержания русских военнопленных, должна была выплатить центральным державам огромную контрибуцию.

15 марта IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал мирный договор. 17 марта он был ратифицирован и германской стороной. Огромной ценой Россия вышла из войны и получила столь необходимую ей передышку. Поражение Германии в войне и начавшаяся в стране революция изменили международную ситуацию. 13 ноября грабительский Брестский договор был аннулирован³⁰.

2. Воюющие коалиции в начале 1918 г. «14 пунктов В. Вильсона»³¹

Положение сторон в начале 1918 г.³² С выходом России из войны Антанта лишилась многомиллионной русской армии. Общее соотношение сил складывалось в начале 1918 г. в пользу германской коалиции: она располагала 295 дивизиями против 274 дивизий Антанты (кроме того, 75 дивизий на русском фронте), имела превосходство в артиллерии; только в авиации и танках перевес был на стороне Антанты. Германские и австрийские войска занимали большие территории во Франции и Румынии, оккупировали целиком Бельгию, Сербию, Черногорию и почти всю Албанию. Победа австро-венгерских войск при Капоретто в октябре 1917 г. надолго вывела из строя Италию.

Однако в экономическом и политическом отношениях германская коалиция находилась в значительно более тяжелых условиях, чем страны Антанты. Три года войны привели Германию на грань голода. Блокада сократила во много раз германский импорт, что привело к острой нехватке стратегических материалов: цветных металлов, марганца, жидкого горючего, смазочных масел и тому подобных. Ограбление оккупированных территорий не привело к значительным результатам из-за сопротивления местного населения.

Боевые качества германской армии сильно снизились по сравнению с начальным периодом войны. Иमेвшиеся резервы, которыми могла быть пополнена армия, не превышали 100 тысяч человек. Железнодорожный и автомобильный транспорт был крайне изношен, возможности для его восстановления отсутствовали. Резко сократилось и количество лошадей. Контакт с русской революцией усиливал антивоенные настроения в германской армии. Увеличивалось число дезертиров. Людендорф впоследствии писал в своих воспоминаниях: «Воля к победе имела решающее значение, и она-то и дала отказ»³³.

Союзники Германии переживали ещё более глубокий кризис. Экономика Австро-Венгрии была дезорганизована до предела. В стране царил голод. Дезертирство приняло массовый характер. В Турции также не хватало продовольствия, транспорт почти весь стоял, финансы дезорганизованы,

* Возглавлявшие делегацию на предыдущих этапах переговоров министры иностранных дел выехали для заключения мира с Румынией.

²⁹ БСЭ. Т. 4. М., 1971. С. 26. Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale de la Pacea Westfalică (1648) până în contemporaneitate (1947). Buc. 1998, P. 241.

³⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 565-567. Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale... P. 241.

³¹ Черчилль У. Мировой кризис. С. 160-175.

³² Rusu N. Armistițiul din 11 noiembrie 1918. // Istoria. Revistă de istorie. 2006, Nr. 10, P. 41.

³³ Всемирная история. Т. 8. М., 1961. С. 79.

царил голод в тылу и в армии. Число дезертиров превышало число солдат на фронте. Положение Болгарии также было тяжелейшим. В стране ширилось движение против войны. В общем обстановка сложилась такая, что германское верховное командование считало возможным внезапный выход своих союзников из войны.

Англия, Франция и Италия также испытывали продовольственные затруднения, но в значительно меньшей степени, чем страны германского блока. Усилия Германии, попытавшейся в 1917 г. путём неограниченной подводной войны прекратить доставку в Англию и Францию вооружения, сырья и продовольствия из-за океана, потерпели неудачу. Не были исчерпаны и людские резервы Антанты. Важным источником пополнения английской и французской армий были колонии. Кроме того, имея на своей стороне экономические ресурсы США и надеясь на прибытие в будущем американских войск, союзное командование могло, в случае необходимости, более смело бросать в бой свои резервы.

Реакция Запада на Декрет о мире. Рост антивоенных настроений народных масс и усиливающееся воздействие революционных событий в России на трудящихся всего мира вызывали большое беспокойство у империалистических правительств. Они осознали необходимость сформулировать «мирную» программу, чтобы с её помощью ослабить влияние большевистских предложений о заключении всеобщего демократического мира и довести войну «до победного конца».

Наибольшую активность в этом вопросе проявляли Соединённые Штаты и Англия. В ноябре 1917 г. советник В. Вильсона полковник Хауз рекомендовал президенту немедленно сделать заявление о целях войны «ввиду больших мирных предложений и возрастающих со стороны либеральных и рабочих элементов союзных стран требований обеспечить, чтобы война во имя империалистических целей больше не продолжалась»³⁴. Беседуя с английским послом, президент США говорил 3 января 1918 г., что Декрет о мире оказывает сильное воздействие на настроения людей в странах Антанты. Он отметил, что «очевидным является то, что, если ничего не будет сделано для нейтрализации его воздействия, влияние агитации увеличится, и будет постоянно возрастать»³⁵. Комментируя эти настроения, известный американский историк Арно Майер писал: «Глубоко убеждённый в правоте тезиса о том, что идеи являются мощным оружием, Вильсон был решительно настроен не дать Ленину захватить монополию на планы реконструкции послевоенного мира особенно ещё и потому, что многие дипломатические формулы Ленина были взяты из арсенала западного либерализма»³⁶.

Октябрьская революция вызвала резкие споры в непосредственном окружении Вильсона. Полковник Хауз полагал, что у союзников нет иного выхода, кроме как приспособить свои военные цели к задачам новой России. Это было отражением наивной веры в то, что цели социалистической революции можно при определённой дипломатической ловкости совместить с целями союзников и сохранить Россию как воюющую страну.

Второй подход предлагал госсекретарь Лансинг. Ему казалось крайне опасным «на ходу» менять цели войны – это могло укрепить позиции либеральных и левых партий в странах Антанты, что, в конечном счете, сыграло бы не в пользу «возвращения» России, а на руку силам социального подъема в Европе. Поэтому Лансинг был против «заигрывания» с большевиками и за укрепление сражающихся с ними в России сил. Это был путь, на который вскоре встал и сам президент, и он вёл к интервенции.

К началу декабря 1917 г. Лансинг и Вильсон пришли к выводу, что признание Советского правительства не может быть предметом обсуждения. Они заключили, что необходима секретная помощь антисоветским силам генерала Каледина. Но открыто отвергнуть провозглашенные революцией новые принципы вожди американского империализма не могли. Следовало перехватить у большевиков инициативу на международной арене, так как старая империалистическая Европа, по мнению Хауза, не способна выдвинуть более привлекательные цели войны. В этом был глубокий смысл. Президент постарался одним ударом достичь нескольких целей: во-первых, хотя бы частично нейтрализовать эффект советских публикаций; во-вторых, показать Англии и Франции, что теперь именно США определяют характер войны; в-третьих, заручиться поддержкой малых стран; в-четвертых, создать новую идейную среду для форсирования массовых военных усилий. Разумеется, сказались и личные амбиции Вильсона, ведь теперь именно он «определял», за что идет громадная мировая схватка.

Четырнадцать пунктов Вудро Вильсона. Значение революции в дипломатии, произведенной большевиками, невозможно было замолчать. Отвечая на её вызов, Вильсон готовил главную речь в своей дипломатической карьере об условиях мира.

В этой, получившей большую известность, речи, от 8 января, о «четырнадцати пунктах»³⁷ – американской «хартии мира» – президент выступил умелым адвокатом своего класса, правящей элиты своей страны. Он не стал хулить петроградские публикации, напротив, похвалил новые высокие стандарты в

³⁴ Ibid. С. 81.

³⁵ Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С. 167.

³⁶ Цитировано по: Мальков В.Л. В Версале 80 лет назад. // Межд. жизнь. 1999, № 8. С. 92.

³⁷ Международные отношения и внешняя политика СССР (сборник документов). М., 1957. С. 53-54.

международных отношениях, методы открытой дипломатии. Вильсон противопоставил ей тайную дипломатию, скрытые от народов договоры. Он назвал подлинными мастерами тайной дипломатии не «смирных овечек» из лагеря Антанты, а «злых волков» в Берлине и Вене. Говоря о России, Вильсон отметил, что события, происходящие там, вызывают восхищение всех друзей человечества. Пройдет немного времени, и президент США будет характеризовать Советскую Россию совсем по-иному.

В первом из четырнадцати пунктов содержалось осуждение тайной дипломатии. Это был удар и по хищным планам центральных держав, и по тайным договорённостям союзников.

Второй пункт был направлен против морской гегемонии Британии, он требовал свободы морей. Для США, строивших военный флот равный британскому, это было не пустым словословием. Британия уже не могла занимать доминирующие позиции на океанах. Предвоенный мир, в этом отношении, ушёл в прошлое. Но англичане категорически выступали против этого пункта. Премьер Дэвид Ллойд Джордж заявил, что «Англия истратит всё до последней гиней, чтобы сохранить превосходство своего флота над флотом США»³⁸.

В третьем пункте Вильсон призывал к снятию экономических барьеров и установлению свободы торговых отношений среди всех стран. Монополия всегда нравится её обладателю, но для самой мощной экономики мира не страшно было открывать свой рынок более слабым конкурентам. И в то же время открыть рынки конкурентов означало открыть для себя весь мир. Полагаясь на свою развитую экономику, США нечего было опасаться конкуренции со стороны экономически ослабленных европейских стран.

Четвёртый пункт провозглашал необходимость разоружения. Окруженным океанами США нечего было опасаться Канады и Мексики. Кроме того, привлекательно звучавший лозунг требовал разоружения, прежде всего тех, кто мог соперничать, если не в экономике, то в военной силе с США, – главных европейских государств: Германии, Франции, Англии. Более того – вооружённые силы были единственным тогда козырем этих стран, превосходящим американскую силу. Чтобы Америке сравняться с европейскими государствами по военной мощи было два варианта: или дополнительно потратить десятки миллиардов долларов и долгие годы на вооружение, или разоружить конкурентов. Естественно, что для США второе было выгоднее.

Пятый пункт призывал к свободному, открытому урегулированию колониальных притязаний. Следует помнить о мире 1917 года, когда страны Антанты хотели сохранить свои империи и поделить германские и турецкие владения. Разумеется, что США не желали служить гарантом чужих владений, а стремились внедриться в этот мир чужих привилегий, получить доступ к ресурсам колоний, наводнить колониальный рынок своими высококонкурентоспособными товарами. В условиях монополии старых метрополий на свои колонии эта тенденция США оставалась бы нереализованной.

В шестом пункте речь шла о России. Американский президент озвучивал заинтересованность Запада в сохранении Восточного фронта. Провозглашалось невмешательство в русские дела и равноправие новой России на международной арене. Но на деле американцы посылали туда свои войска, оружие и деньги для ликвидации большевистской власти.

Седьмой-тринадцатый пункты предусматривали освобождение оккупированных территорий и административно-территориальное переустройство Европы.

В четырнадцатом пункте, в определенном смысле – главном, он выдвинул предложение о создании международной организации мирового охвата. Вильсон надеялся сделать такую организацию механизмом распространения американских идей, средством влияния на все регионы мира, что позволит США стать мировым арбитром.

По справедливому мнению американского историка У. Уильямса, целью «14 пунктов» было «перестроить систему международных отношений в соответствии с американскими принципами и тем самым сделать возможной доминирующую роль США в политической и экономической жизни мира, не прибегая к большим войнам»³⁹.

Нет никаких сомнений, что Вильсон понимал смелость своего шага. Он, безусловно, предвидел оппозицию не только со стороны противника – центральных держав, но и со стороны ближайших союзников, так как эта программа подминала их под США. При всём осознании грандиозного потенциала Америки имперский Лондон ещё не привык к тому, чтобы его заслоняли на мировой арене. Столкнулись две линии мировой политики: имперский гегемон XIX в. с трудом расставался со своим положением в пользу Америки. Англия была готова дать бой заокеанскому претенденту. Западные союзники без труда увидели в этой речи моменты, которые были направлены против их позиций.

Влияние «14 пунктов» на положение в мире. В той исторической обстановке было более важно знать, каким будет эффект воздействия речи о «14 пунктах» на огромную воюющую массу людей. Она могла выбирать: в Петрограде Ленин предлагал немедленный мир; в Вашингтоне Вильсон предлагал

³⁸ Всемирная история. Т. 8. С. 97.

³⁹ Цитировано по: Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. С. 176.

нечто абстрактное, звучащее привлекательно, но не показывающее конкретных путей прекращения самого большого в мировой истории кровопролития.

Краткое резюме итогов воздействия «14 пунктов» на европейский мир может быть таким: во-первых, они не стали идейной альтернативой ленинскому Декрету о мире, и обещаниями Вашингтону не удалось «вернуть» Россию в империалистическую войну; во-вторых, главные союзники – Англия и Франция – сохранили приверженность тайным соглашениям; в-третьих, центральные державы отвергли «14 пунктов» Вильсона как основу для мирного урегулирования – практическим ответом Германии на «14 пунктов» явилось письмо фельдмаршала Гинденбурга кайзеру от 7 января 1918 года*: «Чтобы обеспечить себе мировое политическое и экономическое положение, какое нам необходимо, мы должны разбить западные державы»⁴⁰.

Так реагировали противники. Если постараться коротко определить отношение важнейших союзников, то его суть сводится к краткой фразе: «это не ваше дело». Вильсон замахивался на мировое переустройство, но в мире существовали огромные самостоятельные державы, не нуждающиеся в поучениях и отвергающие их. Лондон и Париж считали, что Вильсон берет на себя слишком многое и присваивает себе решение чужих проблем.

Остро ощущая своё одиночество на дипломатическом фронте, президент предложил воспользоваться самым эффективным американским оружием – экономическим: контролем над сырьем, необходимым таким промышленным центрам, как Германия, и финансовой зависимостью стран Антанты. Таким образом, лидер американского империализма произносил священные слова о суверенитете, самоопределении, свободе международной торговли и одновременно давил своим главным рычагом – экономическими возможностями США. Президент не желал превращения конца истории в простое перераспределение сил и территорий европейскими соперниками. Главное, чего он добивался – вырвать из рук Европы ключи от мировой истории!

Толпам слушателей и миллионам читателей Вильсон говорил слова о великом русском народе. На практике же снаряжал армии против этого народа, решив задавить новый социальный строй. Эти действия не могут быть ничем оправданы даже сегодня, когда казарменно-социалистическая система оказалась недееспособной. Вмешательство во внутренние дела любого народа недопустимо ни для кого и никогда. А это было открытое вмешательство во внутренние дела России. В сентябре-октябре 1918 г. в секретном Комментарии к «14 пунктам» уже откровенно предусматривается расчленение России.

3. Поражение Германии и её союзников

Начало переговоров о прекращении огня. В марте – июле 1918 г. немцы провели на Западном фронте последнее своё наступление с целью вырвать победу в войне, но оно окончилось крахом. Потери были огромны, и восполнить их Германия уже не могла. 26 сентября армии Антанты перешли в генеральное наступление. 29 сентября на совещании военно-политических кругов Германии Гинденбург и Людендорф потребовали немедленного заключения перемирия. 5 октября было образовано новое правительство, которое возглавил принц Макс Баденский, слывший либералом. Новый канцлер направил через Швейцарию президенту Вильсону телеграмму с просьбой о заключении перемирия и мира на основе «14 пунктов»⁴¹. К просьбе Германии присоединилась Австро-Венгрия.

Обмен телеграммами между Берлином и Вашингтоном продолжался целый месяц. Вашингтон требовал, чтобы германское правительство подтвердило своё согласие с «14 пунктами» об условиях мира. 12 октября Германия согласилась на это.

23 октября президент официально уведомил союзные державы о своей переписке с германским правительством и запросил их, желают ли они заключить перемирие с Германией и принять «14 пунктов» в качестве основы будущего мира. Завязавшиеся англо-франко-американские переговоры сопровождались острой полемикой. Французы добивались таких условий перемирия, которые бы привели к полному уничтожению экономической и военной мощи Германии. Соединённые Штаты и Англия, напротив, выступали за «умеренность» по отношению к Германии, которую они хотели сохранить как сильную державу, способную не допустить французскую гегемонию в Европе. Резкие возражения англичан встретило американское требование «свободы морей».

Споры между союзниками приобрели весьма напряженный характер. Был даже момент, когда Америка пригрозила начать непосредственные переговоры с Германией и Австро-Венгрией. «Сепаратный мир?» – спрашивал Клемансо. «Да» – последовал ответ. «Мы сожалеем об этом, но будем продолжать войну», – заявил Ллойд Джордж при полном одобрении Клемансо.

---

* Не имеет значения, что этот ответ хронологически был дан раньше самой речи Вильсона, главное дальнейшие шаги Германии.

⁴⁰ Ibid. С. 179.

⁴¹ Rusu N. Armistițiul din 11 noiembrie 1918. // Istoria. Revistă de istorie. 2006, Nr. 10, P. 42.

Наконец 5 ноября союзники уведомили Вильсона для передачи Германии, что они согласны начать с ней мирные переговоры на основе «14 пунктов». В тот же день госсекретарь США Лансинг сообщил германскому правительству о решении союзников, одновременно уведомив его, что оно может направить своих представителей к главнокомандующему союзными армиями маршалу Фошу, который уполномочен вручить им условия перемирия⁴².

К этому времени положение Германии было уже совершенно безнадежным, так как все её союзники уже капитулировали. 29 сентября это сделала Болгария, 30 октября на борту английского крейсера «Агамемнон» в Мудросе – Турция, а 3 ноября в Падуе – Австро-Венгрия. К этому времени последней уже практически не было – «лоскутная монархия» распалась на независимые государства. События в Германии тем временем нарастали бурными темпами – 3 ноября в стране началась революция. Её военно-политическое руководство решило немедленно начать переговоры о перемирии или капитуляции.

Компьенское перемирие⁴³. 7 ноября 1918 г. вечером автомобиль германской делегации во главе с Эрцбергером под белым флагом пересек фронт и поездом утром следующего дня делегация прибыла на станцию Ретонд, в Компьенском лесу, где стоял штабной поезд Фоша. В то же утро делегация была принята маршалом. Не подав немцам руки, Фош спросил:

- Чего вы хотите, господа?
- Мы хотим получить ваши предложения о перемирии.
- О, у нас нет никаких предложений о перемирии, – сказал Фош. – Нам очень нравится продолжать войну...

- Но нам нужны ваши условия. Мы не можем продолжать борьбу.
- Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело⁴⁴.

Заставив, таким образом, германских делегатов просить о перемирии, Фош приказал прочесть им условия. Германия обязывалась в течение 15 дней очистить занятые территории в Бельгии, Франции, Люксембурге, покинуть Эльзас-Лотарингию, Румынию, вывести войска из Австро-Венгрии и Турции, выдать Антанте 5 тысяч орудий, 3 тысячи минометов, 30 тысяч пулеметов, 2 тысячи самолетов, 5 тысяч локомотивов, 5 тысяч автомобилей и др. Антанта занимала левый берег Рейна, причём содержание оккупационной армии возлагалось на Германию. Германия отказывалась от Брест-Литовского и Бухарестского договоров. Войска в Восточной Африке должны были сдаться. Военнопленные, взятые немцами, возвращались на родину, но германские военнопленные оставались в плену. Германский ВМФ подлежал разоружению и интернированию. Блокада Германии сохранялась. Военные действия прекращались через 6 часов по подписании перемирия.

Условия Компьенского перемирия свидетельствовали о намерении использовать Германию в борьбе против России. Статья 12 предусматривала, что германские войска должны покинуть территорию России только тогда, когда союзники признают, что для этого настал момент. А в статье 16 указывалось, что союзники в целях поддержания порядка будут иметь свободный доступ на территории, покинутые немцами на восточной границе.

Это было требование капитуляции. Германской делегации дали 72 часа для ответа – до 11 часов утра 11 ноября. Делегация направила эти условия в Берлин, а до получения ответа предложила организовать частное совещание с представителями англо-французского командования. На совещании немцы заявили, что условия Антанты невыполнимы. Они угрожали, что требования, предъявленные Фошем, толкнут Германию в объятия большевиков.

Особенно настойчиво протестовала германская делегация против оккупации Рейнской области. Немцы упорно настаивали против демонтажа германской промышленности в районах, временно занимаемых союзниками, и были за то, чтобы немецкий персонал оставался на месте. Основные их старания сводились к тому, чтобы сохранить производственный потенциал Германии в неприкосновенности. Контрпредложения немцев были вручены Фошу. Из Берлина делегаты получили известие, что Вильгельм II низложен и образовано новое правительство во главе с социал-демократом Эбертом. Оно предложило делегации выдвинуть возражения против наиболее беспощадных требований союзников; в случае отклонения возражений – подписать условия, но одновременно заявить протест Вильсону.

Немецкие представители упростили созвать новое частное совещание уполномоченных обеих сторон, настойчиво указывая на «большевистскую опасность». И это дало результат: сократилось число выдаваемых пулеметов до 25 тысяч, самолетов – до 1700. На рассвете 11 ноября 1918 г. условия перемирия были подписаны⁴⁵. В 11 часов прогремел артиллерийский салют из 101 выстрела, которым завершилась война. Она продолжалась 51 месяц и две недели. Война за передел мира завершилась. Начался сам передел.

⁴² История дипломатии. Т. 3. С. 115-116.

⁴³ Rusu N. Armistițiul din 11 noiembrie 1918. // Istoria. Revistă de istorie. 2006, Nr. 10, P. 44.

⁴⁴ История дипломатии. Т. 3. С. 117.

⁴⁵ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 6. М., 1938. С. 172.

4. Главные результаты войны

По своим масштабам эта война не имела аналогов в прошлом. В её орбиту было втянуто 34 государства с населением более 1 млрд человек или 2/3 населения планеты. Под ружьем находились 70 млн человек, из которых 10 млн были убиты и 20 млн ранены. Военные действия проистекали на территории в 4 млн квадратных километров. Только прямые военные расходы государств превысили 200 млрд долларов.

На плечи трудящихся легли колоссальные трудности. Упал уровень жизни рабочих, резко ухудшились условия их труда, выросла степень эксплуатации. Одновременно война стала самым выгодным средством обогащения капиталистов, прибыли которых возросли баснословно. Война послужила гигантским толчком для революционных потрясений: в результате буржуазно-демократических революций рухнули четыре самые реакционные монархии – царская, Габсбургская, Гогенцолернов и Оттоманская. Война породила колоссальную социальную энергию пролетариата, в результате чего произошла величайшая в истории человечества революция – Октябрьская в России. Она стала главным итогом первой мировой войны и запрограммировала дальнейшее развитие XX века, расколов мир на две системы. Под её влиянием усилилось революционное движение западноевропейского пролетариата и национально-освободительная борьба колониальных и полуколониальных народов.

Коренным образом изменилась вся международная обстановка – на руинах четырёх реакционных империй возродились многие национальные государства. Германия, перестав быть центрально-европейским колоссом, была низложена до уровня второразрядной державы, а Франция на некоторое время возвратила себе положение гегемона в Западной Европе. В лагере победителей изменилось соотношение сил в пользу США, ставших главным оплотом капитализма.

А на обломках бывшей царской России появилось новое государство – база мировой коммунистической революции. Именно противостояние двух миров и предрешило всю мировую ситуацию на долгие десятилетия.

ГЛАВА 2. СОЗДАНИЕ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ (1918-1922)

1. Международная ситуация и планы победителей накануне Парижской мирной конференции

Положение в мире после окончания войны. После окончания войны перед державами-победительницами встала задача – закрепить её результаты в мирных договорах с побеждёнными странами и решить вопрос подавления мировой коммунистической революции, ключевым элементом чего было уничтожение Советской России.

Поражение Германии означало утверждение в мире господствующей роли держав Антанты и США и, следовательно, увеличение тех ресурсов, которые они могли выделить для развертывания антисоветской вооружённой интервенции. Анализируя новую ситуацию, в которой оказалась Советская Россия, Ленин писал, что никогда её положение не было столь опасно: «Теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую Советскую Республику»¹. Эта оценка не была простым вымыслом. Уже 12 ноября 1918 г. военное командование Антанты разработало план, в котором в качестве главной задачи выдвигалась необходимость уничтожить большевизм².

Ещё более обстоятельно интервенционистские замыслы были изложены в записке главного командования союзными армиями от 18 января 1919 г. «О необходимости интервенции союзников в России»: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы ... она сама должна вызвать поражение России путём свержения большевизма... Интервенция, преследующая эту цель, является для неё жизненной необходимостью...»³.

Вопрос для интервентов состоял в том, какую форму придать вооружённой борьбе и под какими лозунгами она должна осуществляться. Старый лозунг – «о защите России от немцев» – уже не годился, прикрывать такими лозунгами истинные цели интервенции и обманывать народы своих стран стало уже невозможным. Тогда появился лозунг защиты «русских друзей-союзников», находящихся на оккупированных иностранными войсками территориях, что означало поддержку и оказание материальной, военной и финансовой помощи контрреволюционным правительствам на территории России. Военное выступление Антанты против бывшего союзника было осуществлено без объявления войны и вопреки неоднократным предупреждениям советского правительства об установлении мирных отношений со всеми государствами.

Параллельно с подавлением революции победители стремились к переделу мира. Эта задача могла быть осуществлена только с учетом силы каждого из участников дележа, силы общеэкономической, финансовой и военной. Союз между странами-победительницами был заключен по принципу: «вместе бить, врозь идти». После войны пути союзников расходились всё дальше и дальше. Этим и намеревалась воспользоваться Германия.

Условия мира, которые навязывали Германии, были крайне тяжелыми. Но это вовсе не означало, что империалистическая Германия была кроткой овечкой. На деле это был раненый хищник, с рычанием зализывавший раны и зорко следивший за своими врагами. Германскому верховному командованию удалось отвести армию за Рейн. Почти вся она избежала плена. И хотя германская армия была демобилизована и быстро поддавалась влиянию революции, сохранялась возможность пугать ею победителей. Одновременно немцы запугивали Запад, что революция может переброситься и в страны Антанты. И дело было не только в угрозах: милитаристская Германия являлась серьёзной антисоветской силой и могла быть таковой и в дальнейшем. Но одновременно и в Германии происходил рост революционных сил. Чтобы не допустить разрастания революции, немецкие генералы были готовы впустить войска Антанты в Берлин. «Если они, вопреки всему, – писал Гофман о германских революционных силах, – захватят власть, Берлин займет Антанта. Эти перспективы не очень отрадны, но всё же – некоторая страховка»⁴. Перспектива сдачи Берлина национальным врагам, была более привлекательной, чем победа революционного народа.

Соотношение сил в стане победителей. В результате войны в лагере победителей произошла перегруппировка сил. По уровню экономического и финансового развития на первое место вышли США, единственная страна полностью выигравшая от войны и превратившаяся из страны-должника, в страну, которой Европа задолжала около 11 миллиардов долларов. К концу войны США сосредоточили у себя около 40% мировых запасов золота. В 1919 г. общая сумма долгосрочных американских капиталовложений за границей достигла 13 миллиардов долларов. Англия ещё сохраняла первенство по объёму

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 164.

² «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов. Т. 1. М., 1960. С. 57.

³ Ibid. С. 83.

⁴ История дипломатии. Т. 3. С. 135.

заграничных капиталовложений, однако, ей становилось всё труднее соперничать с США в борьбе за сферы приложения капитала. За годы войны значительно увеличилась доля промышленной продукции: к началу 20-х годов США давали почти половину мировой добычи каменного угля, около 35% мирового производства чугуна и стали, 2/3 добытой во всём мире нефти, 85% мирового выпуска автомобилей⁵. Быстрое укрепление экономической мощи США в результате благоприятной военной конъюнктуры явилось основой усиления их экспансионистской внешней политики.

В целях активной защиты интересов Америки президент США впервые в истории покинул пределы страны и отправился в старый свет. Пацифисты и либералы прославляли Вильсона как «апостола нового политического порядка» и устроили ему, когда он появился в Европе в 1919 г., триумфальные встречи с колокольным звоном, пушечными салютами, рядами девушек, одетых в цвета американского флага, бросавших цветы к ногам президента⁶. Ленин же со свойственным ему революционным радикализмом охарактеризовал Вильсона как «идола мещан и пацифистов вроде Кейнса и ряда героев Второго Интернационала...»⁷.

Первостепенное значение правящие круги США предавали требованию «свободы морей» как в мирное, так и в военное время. Это требование, предусматривающее свободу торговли с любой воюющей державой и запрещение морской блокады противника, было рассчитано на подрыв английского морского господства. Американское правительство настаивало на всеобщем признании принципа «равенства торговых возможностей» и «открытых дверей», что поставило бы США, как сильнейшую в экономическом отношении державу, в наиболее благоприятные условия экономической экспансии. В германском вопросе американские правительственные круги выступали против большого ослабления Германии, рассчитывая использовать её как антисоветский бастион и в качестве противовеса Англии и Франции. В целях ослабления Англии и Японии американцы добивались расторжения англо-японского союза.

США отменяли и возможность согласия на подачки, которые союзники могли бы кинуть им где-нибудь в Африке. Речь шла о мировой гегемонии, о «веке Америки», и разменивать эти глобальные надежды на сомнительные приобретения в виде нескольких миллионов бушменов Вильсон не желал, о чём и говорил демонстративно.

Однако и США не имели возможности добиться полной реализации своих планов. Состояние американских вооружённых сил в тот период ещё не соответствовало удельному весу США в мировой экономике. Американский флот всё ещё уступал английскому по тоннажу и боевой мощи. США не имели разветвленной сети военно-морских баз, какой располагала Англия. Американская армия в Европе представляла незначительную силу по сравнению с английскими и тем более с французскими вооружёнными силами. Слабой стороной американской дипломатии было и то, что правительство не имело большинства в конгрессе, а республиканские вожди решили заставить Вильсона заплатить за всё, чего бы он не достиг в Париже. Они не отвергали идею более активной роли США на мировой арене, не отрицали идею создания мировой организации, но скептически относились к практической реализации этой проблемы. А если США перенапрягутся, потеряют необходимые ресурсы, свяжут себя обязательными соглашениями, подпадут под влияние европейских держав? Именно так думал умирающий Т. Рузвельт и его последователи – Дж. Лодж и Э. Рут.

Не подлежит сомнению, что Вильсон собирался в Париж, оставляя за собой ослабленный политический тыл. А впереди? Высланный дипломатический авангард в лице полковника Хауза предупреждал о полной решимости старой европейской дипломатии, возглавляемой Жоржем Клемансо и Дэвидом Ллойд Джорджем, дать бой. Буржуазия стран-победительниц безусловно не намерена была отдавать плоды, доставшиеся после четырёх с половиной лет ожесточенного конфликта, в руки самозванного учителя человечества, руководителя новой силы, претендующей на главенство в мировых делах, тем более, что ещё свежи были в памяти времена, когда провинциальные янки снимали шляпу перед Вестминстером и Пале-Бурбоном. Скептически говорили, что на долю США пришлось лишь 2% военных усилий союзников, поэтому американцы не имеют никакого права диктовать свою волю. Выражая это мнение, австралийский премьер Юз говорил, что роль, которую сыграла во время войны Америка, «не дает президенту Вильсону права стать своего рода „*deus ex machina*” на Мирной конференции и указывать всему миру, как ему следует жить в будущем». Он выразил надежду, что Англия и Франция, которые принесли столько жертв, встанут на защиту своих собственных интересов и не позволят человеку, не имеющему права говорить даже от имени собственной страны, быть вершителем их судеб⁸.

Но и Вильсон, прибыв в Европу и посетив её столицы – Париж, Лондон, Рим, – выразил, вольно или невольно, своё высокомерие и неуважение к внесшим главный вклад в победу европейцам. Выступая в Лондоне перед английской элитой, он «не проявил никаких признаков дружеского участия «перед

⁵ История США. Т. 3. М., 1985. С. 10.

⁶ Лан В.И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976. С. 56-58.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 224.

⁸ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 171.

людьми, являвшимися его соратниками... Вильсон ни одним словом не упомянул ни о роли Великобритании в войне, «ни о страшных жертвах», которые понёс её народ. «Но ни слова признания не сорвалось с его уст, не говоря уже о выражении благодарности» английскому народу. «Когда Вильсон кончил, все присутствующие ощутили холодок разочарования»⁹.

Ллойд Джордж отмечает, что несколько недель спустя ему «пришлось наблюдать такое же отсутствие простого человеческого сочувствия к страданиям, которые перенесла Франция» во время выступления Вильсона во французской палате депутатов. «Я не услышал ни одной фразы, которая говорила бы о том, что президент Вильсон имеет хоть малейшее представление об опустошениях, произведенных войной в домах и семьях Франции»¹⁰. Вильсону было не до страданий европейских народов, он решил осчастливить их своей программой мирового переустройства. Ллойд Джордж отмечал, что «президент вполне серьёзно считал себя миссионером, который должен спасти бедных европейских язычников от векового поклонения ложным и жестоким богам»¹¹. С чисто профессорской самоуверенностью он изрекал истины в последней инстанции, а «его горячая любовь к человечеству превращалась в пламя, когда он приходил в соприкосновение с еретиками»¹².

Одновременно с этим Вильсон не терпел критики в свой адрес и, будучи очень подозрительным человеком, никому не доверял. Доверчивые люди знают много тяжелых разочарований в жизни, но они, в общем, получают от неё больше, чем те, кто склонен к подозрительности. При нормальной и разумной осторожности, проницательности и бдительности первые умеют использовать способности самых одарённых людей; вторые должны довольствоваться оказанными неохотно и поспешно услугами людей второстепенных. Доверие поощряет лучших работников, недоверие их расхолаживает. Вот почему в окружении Вильсона никогда не было людей выдающегося ума, и ему не всегда удавалось собрать вокруг себя людей большого ума. В качестве ректора университета, губернатора штата Нью-Джерси или президента США он всегда был первым, но первым не среди равных, а среди подчиненных. Он не привык совещаться с равными, и ему было трудно приспосабливаться к такому новому для него положению. На Мирной конференции его решения имели веса не более чем решения премьер-министров, с которыми он совещался¹³.

В итоге войны Великобритания достигла своих главных целей: её основной противник – Германия – был повержен, под британское владение перешли обширные территории. Во время войны Англия значительно истощила свои финансовые ресурсы и оказалась должником США (её задолженность равнялась 3,7 млрд долларов). Но она продолжала оставаться крупным кредитором своих европейских союзников, которые должны были ей 4,3 миллиарда долларов. Британские банки продолжали сохранять на мировом финансовом рынке решающие позиции. И хотя её потери составили 744 тысячи убитых и 1693 тысячи раненых, значительно снизилось промышленное производство и на 25% сократились зарубежные инвестиции, Великобритания всё ещё сохраняла свой военный и экономический потенциал. Англия опиралась прежде всего на своё военно-морское превосходство: германского флота уже не существовало, а американский пока ещё уступал английскому. Но на многих важнейших рынках, где Англия раньше господствовала, значительно усилились позиции её конкурентов, в особенности США и Японии. Английская промышленность отставала от американской по технической оснащенности, а британские товары были дороже американских.

Английский план исходил из необходимости ликвидации морского могущества Германии и её колониальной империи. Вместе с тем правящие круги Англии стремились сохранить в центре Европы сильную империалистическую Германию, способную бороться с советским большевизмом, а также в качестве противовеса Франции. Англия решительно настаивала на лишении Германии колоний и флота, но не соглашалась на большее ослабление своего бывшего противника в территориальном и военном отношениях. Английские интересы сталкивались с французскими и в репарационной проблеме, и при разделе бывших германских колоний и османских владений. Опираясь на Японию, Англия рассчитывала противостоять США. С другой стороны, для борьбы с возросшими претензиями Франции ей можно было опираться на те же США, которые, исходя из своих интересов, не хотели гегемонии Франции в Европе. Проникновение Франции на Балканы Англия рассчитывала нейтрализовать, подержав против неё Италию и, с другой стороны, организовав балканские страны против Франции.

После окончания войны наиболее мощной в военном отношении державой оказалась Франция. Опираясь на это преимущество французские империалистические круги выдвинули обширную программу передела мира. Они мечтали о расчленении Германии, стремясь максимально ослабить опасного конкурента. Об этом свидетельствовало заключенное с царской Россией в феврале 1917 г. тайное соглаше-

⁹ Ibid. С. 160-161.

¹⁰ Ibid. С. 162, 195.

¹¹ Ibid. С. 196.

¹² Ibid. С. 202.

¹³ Ibid. С. 205.

ние. По нему Франция получала не только Эльзас-Лотарингию, но и весь углепромышленный бассейн Саар, а граница Германии проходила по Рейну. Левобережные территории Германии отделялись от неё и составляли нейтральные государства под французским контролем. Франция добивалась от Германии крупной суммы репараций и ограничения германских вооружённых сил. Французское правительство высказалось за территориальное расширение Польши, Чехословакии, Румынии, Сербии за счёт побеждённых, полагая, что эти государства из опасения реваншистской войны со стороны Германии станут орудиями французской политики в Европе¹⁴. Французская программа совместного устройства мира включала и колониальные притязания на некоторые германские колонии в Африке и на часть владений Османской империи. Выполнение этого плана сделало бы Францию гегемоном Европы.

Позиция французской дипломатии была довольно сильной: за её спиной стояла огромная континентальная армия; маршал Фош диктовал Германии условия перемирия и многого уже добился. Однако на полное осуществление своего плана французский империализм не мог рассчитывать. Франция после войны испытывала серьёзные экономические трудности. Северные департаменты страны, наиболее развитые в промышленном отношении, были опустошены в результате военных операций и грабительских действий германских оккупантов. Положение осложнялось инфляцией и громадной задолженностью по военным займам США, Англии, а также огромными людскими потерями: 1,4 миллиона убитых, 2,8 миллиона раненых.

Притязания Франции, Англии и США играли решающую роль в определении условий послевоенного устройства мира. Но с захватническими требованиями выступали и другие участники антигерманской коалиции – Япония и Италия.

В годы войны заметно усилилась экономическая мощь Японии. Производство чугуна и стали увеличилось почти в два раза, продукция машиностроения и химической промышленности – в 7 раз, экспорт в 1919 г. превысил довоенный уровень в 3,3 раза и почти в два раза её золотой запас. Участие Японии в войне было незначительным, но оказалось весьма прибыльным: она захватила германские колонии в Океании и рассчитывала сохранить за собой занятую ею китайскую провинцию Шаньдунь, навязала Китаю кабальный договор, заняв по существу монопольное положение на рынках Восточной Азии. Японцы намеревались также захватить советский Дальний Восток. Но против слишком большого укрепления японского империализма выступали другие великие державы, прежде всего США.

К числу стран-победительниц относилась и Италия. По Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г. об условиях вступления в войну, Италия должна была получить при дележе добычи Южный Тироль (Трентино), Истрию, Адриатическое побережье Австро-Венгрии и колониальные территории в Африке. В апреле 1917 г. было подписано новое соглашение, по которому Италии были обещаны территории на юге Анатолии. Однако осуществить эти планы в ходе войны ей не удалось, и на мирной конференции при дележе добычи «по силе» Италии пришлось выступать в роли шакала на трапезе более сильных хищников: она стремилась урвать добычу побольше, используя для достижения этих целей противоречия между своими партнёрами, запугивая их большевистской опасностью в стране, если не будут удовлетворены её территориальные притязания. Италия надеялась главным образом на поддержку США и Англии, заинтересованных в создании противовеса Франции.

С претензиями на земли, принадлежавшие побеждённым странам и на получение доли в репарациях выступили и различные малые государства.

2. Начало работы мирной конференции и столкновение интересов стран-победительниц. Образование Лиги Наций¹⁵

Открытие конференции. 18 января 1919 г. состоялось открытие мирной конференции. В ней приняли участие 27 государств, принадлежащих к лагерю победителей. Всего на конференцию съехалось более тысячи делегатов. Число сотрудников, обслуживающих делегацию, достигло у американцев 1300. Содержание американской миссии обошлось в 1,5 млн долл. Все участвующие в конференции страны были поделены на четыре категории. В первую входили воюющие державы, «имеющие интересы общего характера» – США, Великобритания, Франция, Италия, Япония. Эти страны участвовали во всех заседаниях и комиссиях и были представлены пятью делегатами. Остальные участники конференции были отнесены к группе стран, «имевших интересы частного характера». Они были представлены на конференции одним, максимум – тремя делегатами и привлекались к обсуждению вопросов, лишь прямо их касавшихся. При такой организации большинство стран было отстранено от работы конференции.

Все важные вопросы решались на конференции её органами – Советом десяти, Советом четырёх, и Советом пяти. В Совет десяти, действовавший с января до середины февраля 1919 года, входили главы

¹⁴ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 190-191; Воронина И.А. Первые публикации Народного комиссариата по иностранным делам (1917 – 1918 гг.) // Межд. жизнь. 2003, № 2. С. 120.

¹⁵ Черчилль У. Мировой кризис. С. 175-218, 239-257.

правительств и министры иностранных дел: США – Вильсон и Лансинг, Англии – Ллойд Джордж и Бальфур, Франции – Клемансо и Пишон, Италии – Орландо и Соннино, Японии – Сайондзи и Макино.

С 24 марта начал функционировать Совет четырёх, в котором был представлен ещё более узкий круг участников: главы правительств США, Англии, Франции и Италии. По существу, только три участника – США, Англия и Франция – играли решающую роль. Исход борьбы между ними и предопределял то или иное решение обсуждаемых вопросов. Совет четырёх функционировал до подписания в июне 1919 г. Мирного договора с Германией. Им были приняты согласованные решения по мирному договору с Германией, по созданию Лиги Наций, обсуждены основные проблемы мирных договоров с союзниками Германии – Турцией, Болгарией, а также правопреемниками Австро-Венгерской империи – Австрией и Венгрией. После подписания Версальского договора Вильсон, Ллойд Джордж и Орландо вернулись в свои страны. Окончательная подготовка текстов договоров с союзниками Германии была поручена Совету пяти: министрам иностранных дел великих держав. Побуждённые государства к разработке мирных договоров не привлекались. Лишь в конце конференции их представители были приглашены для вручения уже подготовленного каждому из них мирного договора.

Среди делегатов конференции не было представителей России, т.к. она стала социалистическим государством, решительно выступавшим за прекращение войны, за мир без аннексий и контрибуции. Конференция собиралась в разгар антисоветской интервенции, задача которой состояла в уничтожении Советского государства.

Предварительный регламент конференции был отработан до мелочей, но вскоре всё это оказалось в известной мере нарушенным. Если не считать Венского конгресса 1815 г., то в истории дипломатии трудно найти ещё одну такую беспорядочную конференцию: некоторые её совещания остались почти без протоколов. Когда сверхзанятому Клемансо сказали об этом, он пробормотал: «К черту протоколы».

Открывая конференцию, президент Франции Пуанкаре потребовал санкций против Германии и выдвинул программу её расчленения. Вильсон предложил вначале рассмотреть вопрос о Лиге Наций. Другие участники Совета десяти колебались, боясь, что принятие устава Лиги может затруднить решение территориальных и финансовых проблем. Клемансо был избран председателем конференции.

Образование Лиги Наций. Четыре дня после пленума шли общие дискуссии в Совете десяти. Вильсон настаивал, чтобы устав Лиги Наций и мирный договор составляли единое целое. Англичане и французы пытались отделить Лигу от мирного договора. Наконец решили передать вопрос о Лиге Наций особой комиссии. Этим английские и французские дипломаты надеялись снять его на долго с повестки дня. Видя, что работу этой комиссии хотят всячески затруднить, Вильсон со своей стороны сделал дипломатический ход, заявив, что берет на себя роль председателя в комиссии. По месту пребывания она была названа «комиссией отеля Крийон». Ею был выработан окончательный текст Устава Лиги Наций. В его основу был положен совместный англо-американский проект, подготовленный англичанином Херстом и американцем Миллером.

Французский проект Лиги Наций, подготовленный бывшим премьером Леоном Буржуа, имел ярко выраженную антигерманскую направленность, запрещая Германии доступ в эту организацию. Предполагалось формирование международных вооружённых сил и международного генерального штаба при Лиге Наций. Такой проект не удовлетворял ни Англию, ни США, понимавших, что эти силы неизбежно попадут под контроль Франции, как сильнейшей сухопутной военной державы капиталистического мира. Проект отражал стремление Франции закрепить своё военное превосходство и использовать Лигу Наций в борьбе за гегемонию в Европе. Попытки французов отстоять свои предложения ни к чему не привели. Не помогла даже угроза возможного невступления Франции в Лигу Наций.

В американском проекте¹⁶ имелась специальная статья, предусматривающая распространение на всех членов Лиги Наций принципа свободной торговли и равных возможностей. Против неё выступали представители Франции, Италии, Бельгии и других малых стран, понимавших, что в руках сильнейших промышленных держав мира – США и Англии – этот принцип окажется мощным средством подчинения других стран.

Ожесточенные споры разгорелись и вокруг японского предложения о включении в устав пакта тезиса о равенстве рас. Японцы хотели изобразить себя сторонниками равноправия наций и тем самым привлечь на свою сторону симпатии азиатских народов. Этому воспротивились США и Англия, даже упоминание о равенстве рас противоречило политике расовой дискриминации, царствующей в США и на территории огромной колониальной империи Великобритании. В конечном итоге Япония сняла своё предложение в обмен на согласие передать ей Шаньдунь.

В окончательном виде Устав Лиги Наций содержал 26 статей и определял её структуру; функции, принципы и обязанности её членов. Главными органами Лиги являлись общее собрание (Ассамблея) и Совет. Каждый член Лиги Наций имел на общем собрании один голос. Совет состоял из пяти посто-

¹⁶ Романов В.В. Вудро Вильсон и его концепция мироустройства. // США. Канада: экономика, политика, культура. 2005, № 2.

янных членов и четырёх непостоянных, назначаемых Ассамблеей на определенный срок. Все решения Ассамблеи и Совета принимались только единогласно.

Члены Лиги Наций обязывались уважать и охранять от нападения территориальную целостность и политическую независимость всех государств Лиги. Споры между членами Лиги подлежали третейскому разбирательству или же рассмотрению Советом. В случае агрессии со стороны какой-либо страны, против неё должны были быть применены торговые, финансовые или военные санкции. На практике этот пункт остался на бумаге.

В Уставе признавалось, что «сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью». Такая расплывчатая формулировка позволяла реально проводить политику вооружений вместо сокращения оружия. Устав Лиги Наций был включен в тексты всех мирных договоров. Эта организация должна была поддерживать новую систему международных отношений.

Решение вопроса о бывших германских и турецких колониальных владениях. Острую проблему составил вопрос о судьбе германских колоний и турецких владениях. «Казалось, – писал Хауз 30 января 1919 г. – что все пошло прахом... Президент был зол, Ллойд Джордж был зол, Клемансо тоже был зол. Впервые президент утратил самообладание при переговорах с ними...»¹⁷ Пошли слухи, что Вильсон покидает конференцию. Но в конечном итоге был найден компромисс: по инициативе президента в устав организации была включена статья, установившая систему мандатов, которая стала новой формой колониализма. Германские колонии и арабские владения Турции поступили в «фонд» Лиги Наций, как подмандатные территории. Они были разделены на группы «А», «В» и «С» в зависимости от уровня их развития. К группе «А» были отнесены территории, отошедшие от бывшей Османской империи – Сирия, Ливан, Палестина, Месопотамия; к группе «Б» – бывшие германские колонии в Восточной и Центральной Африке – Танганьика, Того, Камерун, Руанда-Урунди; к группе «С» – бывшие германские колонии в Юго-Восточной Азии и Океании – Маршалловы, Марианские и Каролинские острова, острова Науру, Новая Гвинея, Западная Самоа, а также Юго-Западная Африка. Не было вопроса, вокруг которого не кипела бы дипломатическая борьба. Япония требовала Шаньдунь, против чего резко выступал Китай. Англичане склонны были поддержать Японию, но американцы не желали усиливать опасного конкурента.

Великобритания получила Палестину, Месопотамию, Трансиорданию, Танганьiku, часть Того и Камеруна. Юго-Западная Африка (Намибия) была закреплена за Южно-Африканским Союзом, тихоокеанские острова южнее экватора – за Японией. Бельгия получила Руанду-Бурунди. Всего империалистические страны-победительницы захватили под вывеской «подмандатных территорий» 3 млн квадратных километров с населением 17 млн человек. Это была новая форма колониального разбоя.

Обсуждение германского вопроса на конференции. Каждый из главных участников конференции стремился к ослаблению Германии как конкурента. Но одновременно в обстановке 1919 г. сильно проявилось желание не допустить дальнейшего развития германской революции и стремление сделать из побеждённой Германии «оплот против большевизма». По свидетельству Хауза, маршал Фош в борьбе с большевистской Россией был «готов пойти на сотрудничество с Германией после подписания прелиминарного договора о мире, и считает, что такое сотрудничество может оказаться весьма ценным»¹⁸. Заняв левый берег Рейна и предмостные укрепления, войска победителей не пошли в глубь Германии, т.к. это могло привести к сплочению германского пролетариата. Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо относились к «возможной оккупации Германии как к крайней мере, лишь в случае её большевизации»¹⁹.

Страх перед революцией была одной из главных мотиваций в принятии решений на конференции. В этом смысле Ллойд Джордж писал, что «народные массы всей Европы, от края и до края, подвергают сомнению весь существующий порядок, нынешнее политическое, экономическое и социальное устройство. Величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, что Германия может связать свою судьбу с большевиками.... Такая опасность не химера. Нынешнее германское правительство неустойчиво, неавторитетно, не имеет престижа... Если мы будем благоразумными, мы предложим Германии такой мир, который, будучи справедливым, покажется всем мыслящим людям предпочтительней, чем другая альтернатива – большевизм»¹⁹.

О том же писал и полковник Хауз: «Большевизм повсюду завоевывает новые позиции. Мы сидим на пороховом погребе, и в один прекрасный день какая-нибудь искра взорвет его... В нынешней обстановке каждый новый день означает риск»²⁰. Член английской делегации и известный историк дипломатии Г. Никольсон писал по этому поводу, что возможно «немцы... вручат власть большевикам; затем, соединившись с русскими и мадьярами, поставят нас перед лицом красной срединной Европы»²¹.

¹⁷ Архив полковника Хауза. Т. 4. М., 1944. С. 233.

¹⁸ Ibid. С. 259.

¹⁹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 350.

²⁰ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 306.

²¹ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. С. 276.

Германская контрреволюция, подавив январское восстание берлинских рабочих, и участвуя в совместной с Антантой интервенции в Прибалтике, рассчитывала, что это будет учтено при составлении условий мирного договора. Однако победители стремились, в первую очередь, извлечь из поражения Германии максимум экономических, политических и территориальных выгод, хотя, вместе с тем и помогали буржуазии сохранить своё господство в Германии.

С утверждением Устава Лиги Наций отпадал мотив, тормозивший обсуждение условий мирного договора. Лл. Джордж, Орландо и Вильсон покинули на время Париж, а Клемансо был прикован к постели выстрелом анархиста. Глав правительств до середины марта заменили министры иностранных дел.

Острая борьба развернулась вокруг вопроса о западных границах Германии. В конце 1918 г. Франция потребовала перенесения этой границы на Рейн и оккупации предместных укреплений на его правом берегу войсками союзников. Эту позицию решительно отстаивала влиятельная группа во главе с Фошем, которая рассматривала Рейн как естественную стратегическую границу Франции. Не решаясь открыто требовать аннексии левого берега Рейна, населенного немцами и исторически составлявшего неотъемлемую часть Германии, французская делегация предложила создать здесь «независимую» Рейнскую республику, лишенную вооружённой силы и права воссоединения с Германией. Статус нового государства должны были определить правительства Франции, Бельгии и Люксембурга. Предусматривалась постоянная оккупация Рейнской республики иностранными войсками, впредь до выполнения Германией всех условий мирного договора. Её население подлежало призыву во французскую и бельгийскую армии. Экономические и другие связи «свободного» государства с Германией могли осуществляться лишь в таких формах и масштабах, которые не противоречили бы интересам Франции.

Англия и Соединённые Штаты выступили против этого плана, видя в нём угрозу установления полной французской гегемонии в Европе. По существу речь шла не столько о судьбе территории к западу от Рейна, сколько о большем: Франция получила бы возможность контролировать важнейший военно-промышленный район в Западной Европе. Тогда Клемансо предложил создать Рейнскую республику только на ограниченное время, до выполнения Германией обязательств по договору. Вильсон и Ллойд Джордж не приняли и этого предложения.

Однако Вильсон вернулся из Америки отнюдь не триумфатором. Целый ряд сенаторов выступил против участия США в Лиге, опасаясь вовлечения Америки в европейские дела и обвинив президента в нарушении доктрины Монро. Они требовали включения этой доктрины в устав Лиги Наций²². По этому поводу английский историк А. Темперли писал: «Идеи президента завоевали Европу. Надо ждать... завоюют ли идеи Вильсона Америку!»²³. В Европе знали о затруднениях Вильсона, поэтому его деятельность была осложнена.

Клемансо продолжал требовать стратегической границы по Рейну и создания на левом берегу реки самостоятельного государства, в крайнем случае, под протекторатом Лиги Наций. Французы носились с планом соединения лотарингской руды с рурским углем. Фош твердил о «красной опасности», угрожающей Польше. Он требовал создания «великой Польши» с передачей ей Познани и Данцига, для создания противовеса Германии и Советской России. Но создание Польши по французскому образцу означало усиление Франции в Европе, чему противились Америка и Англия.

Что касается опасений французского правительства относительно возможности реванша Германии, Ллойд Джордж и Вильсон предложили Клемансо гарантировать восточные границы Франции, обязываясь оказать ей немедленную помощь в случае нападения Германии. Эти гарантии, указывали Ллойд Джордж и Вильсон, делают ненужными отторжение левого берега Рейна от Германии и оккупацию его войсками союзников. Однако Клемансо продолжал стоять на своём, отправив 17 марта Вильсону и Ллойд Джорджу ноту, в которой выразил согласие принять англо-американскую гарантию, но предлагал отделить в политическом и экономическом смысле левый берег Рейна от Германии и установить оккупацию левобережных провинций на 30 лет. При этом он ставил условием, что левый берег и пятидесятикилометровая зона на правом берегу Рейна будут полностью демилитаризованы.

В качестве компенсации за свои уступки в рейнском вопросе Клемансо требовал передачи Франции Саарского угольного бассейна, без чего Германия, владея углем, будет контролировать всю французскую металлургию²⁴. В ответ Вильсон раздраженно заявил, что ничего не слышал о Сааре. В запальчивости Клемансо обозвал его германофилом. Он резко заявил, что ни один французский премьер не подпишет договор, в котором не будет обусловлено возвращение Саара Франции.

- Значит, если Франция не получит того, что она желает, – ледяным тоном заметил президент, – она откажется действовать совместно с нами. В таком случае, не желаете ли вы, чтобы я вернулся домой?

- Я не желаю, чтобы вы возвращались домой, я намерен сделать это сам, – с этими словами Клемансо стремительно вышел из кабинета Вильсона²⁵.

²² Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. С. 288-289.

²³ История дипломатии. Т. 3. С. 148.

²⁴ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 343-344, 344-345, Тардые А. Мир. М., 1943. С. 213-222, 228.

²⁵ История дипломатии. Т. 3. С. 149; Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. С. 285.

Кризис в отношениях между Францией и США дополнился резким обострением противоречий между США и Англией, а также между Францией и Англией по вопросу о разделе Турции. Итоги обсуждения достаточно метко определил Вильсон. На вопрос Хауза, как прошло совещание с Ллойд Джорджем и Клемансо, президент ответил: «Блестяще, – мы разошлись по всем вопросам»²⁶. Переговоры зашли в тупик.

Меморандум из Фонтенбло. 25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал Клемансо и Вильсону с дачи в Фонтенбло меморандум «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий»²⁷, ставший известным под названием «Документ из Фонтенбло». В нём была изложена английская программа и дана критика французских требований. «Вы можете отнять у Германии её колонии, сократить её армию до размеров обыкновенной полицейской силы, а её флот до уровня флота державы пятого разряда. В конечном итоге это всё равно: если со временем она почувствует, что с ней обошлись несправедливо при заключении мира в 1919 году, она найдет средства отомстить своим победителям.

По этим причинам я решительно возражаю против отделения от Германии ещё большего, чем это необходимо, числа немцев и передачи их под управление какой-либо другой страны. Я не могу себе представить более серьёзной причины будущей войны»²⁸. Ллойд Джордж был против удовлетворения территориальных требований к Германии со стороны поляков. Рейнская область также остаётся за Германией, но демилитаризуется. Германия возвращает Франции Эльзас и Лотарингию и на 10 лет Саар. Что касается Восточной Германии, то Польша получает Данцигский коридор. Британская империя и США обязуются выступить на защиту Франции в случае германской агрессии²⁹. В вопросе о репарациях Ллойд Джордж высказался против чрезмерных требований, предлагая, чтобы «уплата репарационных платежей» прекратилась тогда, когда исчезнет поколение, участвовавшее в войне³⁰. Размер репараций должен соотноситься с платежеспособностью Германии.

«Документ из Фонтенбло» вызвал взрыв негодования у французского премьера³¹. Клемансо язвительно отметил, что английский премьер предлагает поставить Германии умеренные территориальные требования, но ничего не говорит об уступках, связанных с военно-морским положением Германии, с лишением её флота, колоний и рынков сбыта. Ллойд Джордж ответил, что раз Франция считает английские предложения приемлемыми только для морских держав, то он охотно возьмет их назад³².

Эта полемика была перенесена в Совет четырёх. Вильсон поддерживал Ллойд Джорджа в вопросе о Сааре. Встретившись с единым фронтом обеих держав, Клемансо решил изменить своё требование, предложив передать Саарскую область Лиги Наций, которая, в свою очередь, предоставит Франции мандат на 15 лет. Но и это предложение не было поддержано.

Вильсон высказался также и против отделения от Германии Рейнской области и даже против длительной её оккупации французами. Взамен он повторил английское обещание о совместных США и Англии гарантиях французским границам в случае нападения Германии, хотя реального значения это обещание не имело.

Французская делегация требовала ограничения германского военного производства и установления над ним международного контроля. Против выступили англичане и особенно американцы. Германии следует оставить армию, необходимую для подавления большевизма, и все имеющееся у неё вооружение, говорил Вильсон³³. Эта позиция отражала стремление сохранить германский милитаризм для его борьбы с мировым коммунизмом, а также для усиления европейских позиций США против английских и французских конкурентов.

Вопрос о репарациях. Глубокие противоречия между США, Англией и Францией возникли по репарационным вопросам. Вильсон и Ллойд Джордж выступали за умеренные размеры репараций, под предлогом, что большие репарации бросят Германию «в объятия революции и большевиков».

Но для французов борьба за репарации являлась частью их борьбы за европейскую гегемонию. Они надеялись с помощью репараций ослабить Германию, выкачать из неё огромные денежные и материальные средства, которые дали бы возможность Франции восстановить причинённые войной разрушения и значительно упрочить своё экономическое положение. Поэтому французские представители настаивали на полном возмещении Германией всех убытков, понесенных победителями в войне. Они требовали включения в сумму репараций всех военных расходов держав-победительниц и возмещения

²⁶ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 305.

²⁷ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 347-357.

²⁸ Ibid. С. 348.

²⁹ Ibid. С. 355.

³⁰ Ibid. С. 349.

³¹ Ibid. С. 357-361; Тарье А. Мир. С. 102-104, 129-145, 213-222.

³² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 361-362.

³³ История дипломатии. Т. 3. С. 152.

ущерба, причинённого германской армией, и подчеркивали, что так как Франция пострадала от войны больше всех, ей должна принадлежать и большая часть репараций. На протяжении всей конференции они боролись за руководящую роль Франции в механизме будущей репарационной системы, чтобы использовать репарации для влияния на экономику и политику послевоенной Германии.

В ходе военных действий Англия понесла несравненно меньший материальный ущерб, чем Франция, но зато её общие расходы превосходили французские. Поэтому Ллойд Джорджу было выгодно добиваться, чтобы доля каждого из победителей определялась в зависимости от его военных расходов. Вместе с тем он горячо доказывал абсолютную невозможность получить с Германии полную сумму военных расходов и настаивал на снижении общей суммы репараций.

Англия стремилась ослабить экономические позиции Германии, как конкурента на мировых рынках. Но, исходя из своей традиционной политики «равновесия сил» в Европе, она не желала, чтобы результатом решения репарационной проблемы явилось усиление французских позиций. С точки зрения английских правящих кругов, Германию нужно экономически ослабить, но в пределах, исключающих возможность её подчинения Франции. Германия должна была остаться серьёзным противником Франции. В общем, позиция Англии была довольно противоречивой: с одной стороны, Англия хотела восстановить подорванную во время войны свою мировую финансовую гегемонию, что требовало поступления крупных сумм в качестве репараций; с другой, перед лицом своего французского соперника в борьбе за господство в Европе, она опасалась чрезмерного ослабления Германии. Немалую роль в этом смысле играли и опасения английских промышленников, предвидевших значительное увеличение германского экспорта в связи с необходимостью получения средств на покрытие больших репарационных обязательств³⁴.

Английские представители на Парижской конференции часто выступали с диаметрально противоположными проектами. Так, позиция лорда Канлифорда сближалась с французской точкой зрения. Напротив, Кейнс, финансовый эксперт английской делегации, утверждал, что от Германии нельзя требовать больше 50 млрд золотых марок. Колебания по этому вопросу проявлял и Ллойд Джордж. Во время избирательной кампании 1918 г. он заявил, что Германия «заплатит за всё». Вскоре после открытия конференции он стал добиваться уменьшения суммы репараций, а незадолго до подписания мирного договора снова изменил свою точку зрения в сторону сближения с позицией французов.

Американцы опасались, что Клемансо и Ллойд Джордж убьют курицу, несущую золотые яйца. Ведь получить долги с Англии и Франции США могли лишь в случае, если Германия будет платежеспособной. Кроме того, они не были заинтересованы в экономическом усилении Англии и Франции. США не пострадали от войны и поэтому рассчитывать на большую долю репараций они не могли при любом принципе распределения. В силу этого американскому капиталу представлялось гораздо более выгодным проводить усиление своих позиций в Германии не путём взимания репараций, а посредством инвестиций в германскую промышленность. Американцам было выгодно уменьшить максимально сумму германских репараций, чтобы не допустить ослабления немецкой экономики, что в свою очередь позволило бы получать максимум прибыли от инвестиций. Американский эксперт Дэвис, близкий к группе Моргана, считал возможным потребовать с немцев не более 25 млрд долл.³⁵

Не менее важным объяснением тенденции к уменьшению суммы репараций являлись и опасения коммунизации Германии в случае ухудшения её экономического положения. По этому поводу Ллойд Джордж предупреждал конференцию: «Мы толкаем Германию в объятия большевиков»³⁶. Член английской делегации лорд Милнер заявил, что наложить на Германию чрезмерное бремя – это лучший способ «большевизировать» её³⁷.

Такие же споры вызвал вопрос о распределении репараций между победителями. Ллойд Джордж предлагал 50% всей суммы выделить Франции, Англии – 30% и остальным странам – 20%³⁸. Франция настаивала на 58% для себя и 25% для Англии. После долгих споров Клемансо объявил, что последнее слово французов – это 56% для Франции и 25% для Англии. Вильсон предлагал 56% и 28%³⁹.

Что касается общей суммы, Франция требовала 600-800 млрд золотых марок, Англия – 480 млрд, а США – 228 млрд.⁴⁰ Договориться и согласовать общую цифру не удалось. Американские эксперты предлагали не фиксировать цифры репараций, поручить это особой репарационной комиссии. 25 января 1919 г. на пленарном заседании Парижской конференцией было принято решение о создании «Комиссии по репарациям за причинённый ущерб». Комиссия должна была обсудить и доложить конфе-

³⁴ Тардьё А. Мир. С. 258; Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 407-409.

³⁵ Всемирная история. Т. 8. С. 113.

³⁶ Тардьё А. Мир. С. 258.

³⁷ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 409.

³⁸ Ibid. С. 357.

³⁹ История дипломатии. Т. 3. С. 153.

⁴⁰ История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М., 1967. С. 82.

ренции: «1. Размеры суммы, которую должны уплатить вражеские страны в виде репараций. 2. Сколько они смогут заплатить. 3. Какими методами, в какой форме и в течение какого времени должна быть произведена уплата»⁴¹. Проведя множество заседаний, комиссия не смогла ответить на эти вопросы, по причине противоречий между её членами. Была утверждена лишь сумма, которую Германии предстояло уплатить до 1 мая 1921 г. – 20 млрд золотых марок⁴². В остальных вопросах к соглашению так и не пришли. Клемансо снова стал угрожать уходом. Вильсон со своей стороны вызвал из Америки пароход. Мирная конференция висела на волоске.

В апреле 1919 г. Ллойд Джордж в меморандуме Вильсону попытался связать сокращение размеров германских репараций с соответствующим сокращением долговых обязательств держав Антанты перед США. Он предложил на всю сумму германских репараций выпустить бонны, которыми Англия и Франция будут взимать с Германии репарации. Вильсон категорически отказался связать репарационную проблему с проблемой межсоюзнических долгов.

Представители США решительно высказались против возмещения военных расходов путём взимания репараций. США соглашались на взыскание с Германии репараций только за причинённый гражданам союзных держав материальный ущерб. Право на возмещение военных расходов американцы признавали только за Бельгией. Вильсон дал понять, что если Клемансо и Ллойд Джордж будут упорствовать в этом вопросе, США вообще откажутся от участия в репарационной системе, выступят с осуждением их позиции и ограничатся конфискацией в свою пользу германского имущества в США и латиноамериканских странах. Румынская делегация также выдвинула предложение по вопросу о германских репарациях, но её мнение не было учтено⁴³.

Окончательное урегулирование репарационного вопроса было отложено. В этом оказались заинтересованы все, надеясь получить более удобные возможности для маневрирования.

Требования итальянской и японской делегаций. Когда основные вопросы были относительно урегулированы, неожиданно выступил итальянский премьер. Он потребовал присоединить к Италии город Фиуме. Великие державы и слышать не хотели об этом. Тогда Орlando покинул мирную конференцию.

В день отъезда Орlando, 24 апреля, вдруг выступили японцы. Они потребовали как можно скорее урегулировать Шаньдунский вопрос в духе их требований, в противном случае они не подпишут договора. Японцы весьма удачно выбрали момент. Уход Италии с конференции уже нанес ей некоторый удар. Было очевидно, что если ещё и Япония последует за Орlando, престиж конференции сильно пострадает. Вильсон колебался, он уже однажды провалил японское требование о равенстве рас. Но Англия приняла сторону Японии. Японцы объявили о своём намерении в будущем вернуть Шаньдун Китаю. В конце концов Вильсон согласился на передачу Шаньдуня Японии, что, вынужденно или нет, но доказало лицемерный характер его «14 пунктов».

Очень четко выразил суть дискуссии на конференции Г. Никольсон, отметив, что «каждое государство неизбежно выдвигало решения, которые отражали его интересы»⁴⁴, оказавшиеся в действительности антагонистичными⁴⁵. «Кроме расхождений во мнениях по таким центральным проблемам, как французская безопасность, Рейнская область, репарации, Саарская долина, судьба германского флота, блокада, воинская повинность и границы Польши, энергию Верховного совета отвлекали и растрачивали на мелкие проблемы...»⁴⁶. Эти непрекращающиеся разногласия не могли не наложить свой отпечаток на мирные договоры с побеждёнными странами.

3. Мирный договор с Германией

Отношение немцев к проекту мирного договора. Проект мирного договора с Германией был, наконец, выработан. Победители спешили добиться быстрейшего подписания его германским правительством: страх перед растущим революционным движением в Европе и особенно перед революцией в Германии постоянно тяготел над участниками Парижской конференции. 18 апреля 1919 г. немцам предложили прислать делегацию в Версаль к 25 апреля. Клемансо просил выслать делегацию, имеющую полномочия обсуждать все вопросы, связанные с миром.

В Германии знали о разногласиях в лагере Антанты. Генерал Гренер пытался установить связь с Англией и Америкой, действуя через подставных лиц. Людендорф через своих агентов предлагал Клемансо создать специальную германскую армию для борьбы с Советской Россией. Эрцбергер также вёл переговоры с французами, развивая план восстановления Бельгии и Северной Франции руками герман-

⁴¹ Ibid. С. 81.

⁴² Ibid. С. 82.

⁴³ Dobrinescu V.Fl. România și sistemul tratatelor de pace de la Paris (1919-1923). Iași, 1993, p. 53.

⁴⁴ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. С. 84.

⁴⁵ Ibid. С. 85.

⁴⁶ Ibid. С. 126.

ских рабочих. Министр иностранных дел Германии Брокдорф-Ранцау старался добиться уступок, связавшись с представителями Англии и США. Германия пыталась как можно шире использовать противоречия в лагере своих противников.

В ожидании приглашения, Германия создала несколько комиссий для подготовки своего контрпроекта. Там внимательно изучали прения на мирной конференции, знакомились с позициями держав. Немцы выведывали у представителей малых стран подробности переговоров в Совете четырёх. Генерал Гренер настаивал на том, чтобы сохранить армию. Он выступал против капитуляции и против признания Германии виновницей войны, ибо такое признание влекло бы за собой выдачу генералов, а командные кадры армии надо было сохранить во что бы то ни стало.

Противники Германии отдельно друг от друга вели переговоры с ней. В дороге германскую делегацию посетил представитель Вильсона и посоветовал Брокдорфу-Ранцау подписать мирный договор. Последний ответил, что не подпишет ничего, выходящего за пределы «14 пунктов».

Немцы прибыли в Париж 30 апреля, 7 мая им был вручён текст договора, причём союзники недвусмысленно заявили, что не может быть речи о какой-либо широкой дискуссии по поводу условий, сформулированных на 208 страницах проекта. Клемансо открыл заседание конференции краткой речью. «Час расплаты настал, – заявил он. – Вы просили нас о мире. Мы передаем вам книгу мира»⁴⁷. При этом Клемансо подчеркнул, что победители приняли торжественное решение применить все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы полностью добиться полагающегося им «законного удовлетворения». Германским делегатам заявили, что никакие устные дискуссии не будут допущены и замечания должны быть представлены в письменном виде. Немцам был предоставлен срок в 15 дней, в течение которого они могли обращаться за разъяснениями. После этого Верховный совет решит, в какой срок должен последовать окончательный ответ германского правительства.

Во время перевода речи Клемансо, условия мира были вручены Брокдорфу-Ранцау, который заявил: «От нас требуют, чтобы мы себя признали единственными виновниками войны; такое признание в моих устах было бы ложью... Мы категорически возражаем против утверждения, что Германия... должна быть объявлена единственной виновницей»⁴⁸. «Не одна Германия совершила ошибку», – говорил Брокдорф. Он подчеркнул, что Германия принимает «14 пунктов», добавив, что они обязательны для обеих сторон – и победителей, и побеждённых. Немцы обязывались восстановить Бельгию и Францию, но требовали не истощать Германию чрезмерными репарациями, что повлекло бы за собой хаос во всей экономической жизни Европы. Они также потребовали допуска Германии в Лигу Наций⁴⁹.

Больше двух дней изучали немцы условия мира. В Берлине была организована демонстрация протеста. Шейдеман кричал: «Пусть отсохнут руки, прежде чем они подпишут такой мирный договор»⁵⁰. «Свершилось невероятное, – заявил председатель Национального собрания в Веймаре. – Неприятель предлагает нам договор, превосходящий самые пессимистические предсказания. Он означает уничтожение германского народа. Непостижимо, чтобы человек, обещавший всему свету справедливый мир, мог содействовать составлению проекта, продиктованного ненавистью»⁵¹. Однако Брокдорфу приказали остаться в Париже, надеясь добиться пересмотра некоторых пунктов договора. Но Клемансо неизменно отвечал отказом.

Германские правительственные круги прилагали максимум усилий для того, чтобы найти пути для смягчения условий договора. Они запугивали победителей возможной революцией. Большинство депутатов Национального собрания и членов правительства склонялись к тому, что договор подписывать надо, боясь, что в противном случае Германия будет оккупирована войсками Антанты. Однако среди Веймарских политиков было немало и таких, которые считали, что если союзники не пойдут на серьёзные уступки, то следует отказаться от подписания договора. Именно этого опасался Ллойд Джордж⁵². Активным сторонником этой точки зрения был Брокдорф-Ранцау. Он считал, что если Германии удастся затянуть мирные переговоры ещё на несколько месяцев, то победители, запутавшись в своих противоречиях и опасаясь революции в Германии, неизбежно пойдут на смягчение условий договора.

А опасения эти постоянно увеличивались, особенно после провозглашения Советской республики в Баварии. Ещё 8 апреля 1919 г. Совет четырёх поручил военному совету во главе с маршалом Фошем разработать план военной оккупации Германии на случай: 1. Если не с кем будет подписывать договор, то есть к власти придёт революционное правительство; 2. Если веймарское правительство откажется подписывать договор; 3. Если веймарское правительство договор подпишет, а правительство Баварии или какой-либо другой части Германии откажется это сделать⁵³.

⁴⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 158.

⁴⁸ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 574.

⁴⁹ Ibid. С. 576-578.

⁵⁰ История дипломатии. Т. 3. С. 159.

⁵¹ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 357.

⁵² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 588.

⁵³ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 85.

9 мая обсуждалось предложение Клемансо об оккупации Берлина и Франкфурта-на-Майне «в целях давления на Германию». 10 мая Фош изложил Совету четырёх план военной оккупации Германии. 19 мая он сообщил, что «в течение 8 часов после получения соответствующего приказа вся армия может двинуться в Германию»⁵⁴. Но Ллойд Джордж и Вильсон тревожились, что, отказавшись подписать договор, Германия может установить тесное сотрудничество с Советской Россией.

Лл. Джордж, опасавшийся последствий военной оккупации Германии, стал склоняться к тому, что в целях давления на Германию можно ограничиться возобновлением блокады. Эта точка зрения была категорически отвергнута Вильсоном и Клемансо. Президент заявил: «Блокадой вы только вызовете большевизм»⁵⁵. Было подтверждено решение, в случае необходимости, прибегнуть к военной оккупации.

20 мая Брокдорф-Ранцау попросил продлить срок представления ответа. Он не терял надежды сыграть на противоречиях союзников. 29 мая Брокдорф вручил председателю конференции ответную ноту⁵⁶. Германская сторона протестовала против всех пунктов мирных условий и выдвигала свои контрпредложения. Немцы соглашались на сотысячную армию, но настаивали на принятии Германии в Лигу Наций. Они отказывались в пользу Франции от Эльзас-Лотарингии, требуя, однако, провести там плебисцит. Они выражали готовность возратить полякам значительную часть Познаньской области и предоставить Польше доступ к открытому морю. Они принимали передачу своих колоний Лиге Наций при условии признания также и за Германией права на получение мандата. В качестве репараций Германия соглашалась уплатить в течение 60 лет 100 млрд золотых марок, из них 20 млрд до 1 мая 1926 г. Она уступала часть своего флота. Что касается виновности в войне, то Германия настаивала на создании «беспристрастной комиссии», которая расследовала бы этот вопрос и требовала всеобщего разоружения.

Позиция малых держав на конференции по вопросу о вооружениях. Незадолго до этого военные эксперты определили численность войск малых наций пропорционально армии, оставленной Германии. Это означало, что Австрия должна иметь армию в 15 тысяч человек, Венгрия – 18 тысяч, Болгария – 10 тысяч, Чехословакия 22 тысячи, Югославия – 20 тысяч, Румыния – 28 тысяч, Польша – 44 тысячи и Греция – 12 тысяч человек⁵⁷.

Союзники Германии не были представлены на конференции и не могли открыто выразить свой протест, но остальные страны и слышать не хотели о таком составе их армий. Американский генерал Блисс, делавший доклад, полагал, что нужно увеличить армию Германии и соответственно численность войск малых наций. Клемансо выступил против. 5 июня представители Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Греции были приглашены на заседание совета в квартире Вильсона. Ещё на предварительном совещании они решили отказаться от сокращения армий. Заседание у президента происходило в крайне накалённой атмосфере. Делегаты приглашенных стран категорически настаивали на сохранении своих армий. Напрасно их убеждали Вильсон и Ллойд Джордж. Клемансо не выступал. Делегаты чувствовали его молчаливую поддержку. Соглашение так и не было достигнуто.

Противоречия между союзниками и продолжение переговоров с немцами. Разногласия между союзниками разгорелись вновь по поводу договора с Германией: «Ллойд Джордж изо всех сил старается облегчить требования, предъявляемые Германии. Французы просто в ярости от него; непохоже, чтобы Вильсон оказывал ему малейшую поддержку... Ллойд Джордж продолжает драться один... Он хочет изменить: 1. Восточную границу; 2. Репарации; 3. Военную оккупацию; 4. Допустить Германию в Лигу Наций... Глава о репарациях и возмещении – настоящее преступление, она безнравственна и бессмысленна... за них только одни старые шовинисты»⁵⁸.

Германия надеялась использовать разногласия союзников и добиться уступок. Но ожидания не оправдались. 16 июня Брокдорфу вручили новый экземпляр мирного договора, в который были внесены некоторые изменения. В частности Франция отказывалась от своих планов политического господства в Саарской области в пользу Лиги Наций. Для управления областью назначалось 5 комиссаров. В Верхней Силезии предполагалось провести плебисцит. В сопроводительной ноте Клемансо подчеркнул, что договор должен быть принят или отвергнут в том виде, в каком он изложен сегодня⁵⁹. На ответ давалось 5 дней. В случае неполучения ответа «державы объявят, что перемирие кончилось, и примут те меры, которые сочтут необходимыми, для того, чтобы силой провести и выполнить эти условия»⁶⁰. Единственная уступка состояла в том, что немцам по их настойчивой просьбе прибавили ещё 48 часов к этим 5 дням. Немецкая делегация отбыла в Берлин.

В этот же день, 16 июня, Фош сделал в Совете четырёх новый доклад. Теперь он заявил, что для оккупации Германии не хватает сил. Если в день Компьенского перемирия союзники располагали на Рей-

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. С. 86.

⁵⁶ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 578-580.

⁵⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 160.

⁵⁸ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. С. 273-274.

⁵⁹ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 371.

⁶⁰ История дипломатии. Т. 3. С. 161.

не 198 дивизиями, то теперь их осталось только 39. С такими силами нельзя пройти с боями 480 км от Рейна к Берлину⁶¹.

Это заявление вызвало в Совете четырёх крайнее замешательство. От Фоша потребовали письменного изложения его точки зрения, чтобы обсудить её с участием высших представителей союзных армий. 20 июня на вечернем заседании совета такое обсуждение состоялось. Его результатом явилось решение о том, что если до 19 часов 23 июня 1919 г. Германия не даст согласие подписать договор, войска Франции, Англии, США и Бельгии, при активном содействии английского флота, а также армий Польши и Чехословакии перейдут в наступление в глубь Германии.

Подписание Версальского договора. В это время в самой Германии шли острые дискуссии. Одни, в том числе и Брокдорф-Ранцау, предлагали не подписывать мирный договор. Другие настаивали на его подписании, опасаясь дальнейших внутренних осложнений. Но и те, и другие открыто выступали против выполнения его условий. Запросили мнение Гинденбурга. Он ответил, что армия неспособна сопротивляться, и будет разбита; надо сохранить, во что бы то ни стало, армию и её командование. Точка зрения Брокдорфа-Ранцау не была принята, и он ушёл в отставку.

22 июня Национальное собрание Германии большинством голосов (237 – «за», 138 – «против» и 5 «воздержались»)⁶² согласилось на подписание мирного договора за исключением статьи, где говорилось об ответственности Германии за возникновение войны. Однако союзники, в лице Клемансо, заявили, что не пойдут ни на какие изменения условий договора и требуют либо подписать мир, либо отказаться от подписания. 23 июня Национальное собрание Германии в Веймаре приняло решение подписать мир без всяких оговорок, о чём президент Эберт известил союзников в Версале. Новый министр иностранных дел Германии Мюллер и министр юстиции Белл прибыли в Париж. 28 июня 1919 г. – в 5-ю годовщину сараевского убийства – мирный договор с Германией был подписан. Церемония подписания происходила в Зеркальном зале Большого Версальского дворца, где в 1871 г. после победы над Францией, Бисмарк провозгласил создание Германской империи. Формально, под первой мировой войной была подведена черта. Германия была повержена более сильной коалицией держав. Но германский милитаризм не был сломлен. Своё поражение он считал всего лишь временной неудачей на пути к достижению далеко идущих захватнических планов. Вынужденные согласиться на подписание тяжелого и унижительного мирного договора, империалистические круги Германии едва скрывали намерение третировать его. Полемизуя с противниками подписания мирного договора, Эрцбергер утешал их тем, что это будет всего лишь вынужденной формальностью.

Содержание договора. Договор с Германией содержал 440 статей и подразделялся на 15 частей⁶³. Часть 1-я (устав Лиги Наций) и часть 13-я (Международная организация труда) в неизменном виде вошли потом во все другие договоры, выработанные Парижской мирной конференцией.

Территориальные постановления Версальского договора определяли границы Германии с Францией, Бельгией, Люксембургом, Швейцарией, Австрией, Чехословакией, Польшей и Данией. Территория Германии уменьшилась по сравнению с 1914 г. на 1/8, а население – на 1/10 часть. Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию в границах 1870 г. (14,6 кв. км, население около 1,5 млн чел.), отказываясь в пользу Бельгии от районов Эйпен, Мальмеди и Морене (1000 кв. км, 62 тыс. чел.).

Была создана Рейнская демилитаризованная зона на левом берегу Рейна и в 50-километровой полосе на его правом берегу, где Германия не имела права сооружать укрепления, содержать вооружённые силы, производить военные маневры и сохранять какие-либо «материальные средства для мобилизации». В случае нарушения Германией установленного статуса Рейнской демилитаризованной зоны она стала бы рассматриваться «как совершившая враждебный акт по отношению к державам, подписавшим настоящий Договор и как стремящаяся поколебать всеобщий мир». Германские территории, лежащие на западе от Рейна, вместе с предмостными укреплениями оккупировались войсками победителей. Были установлены три зоны оккупации и определены сроки вывода оттуда войск союзников – от 5 до 15 лет.

В качестве компенсации за разрушение шахт на севере Франции в счёт будущих репараций Германия передала Франции «в полную и неограниченную собственность» угольные копи, расположенные в Саарском бассейне. Оговаривалось, что Германия могла выкупить у Франции эти копи при согласии на то последней, а также в том случае, если Лига Наций «постановит о присоединении к Германии всей или части территории Саарского бассейна». Управление территории Саарского бассейна на 15 лет передавалось Лиге Наций, после чего вопрос о государственной принадлежности этой территории подлежал решению путём плебисцита среди населения этой области.

Германия признавала независимость Польши и возвращала ей часть древних польских территорий, лежащих в Верхней Силезии. Более 100 тысяч кв. км исконно польских земель, захваченных немцами в предыдущие века, остались за Германией.

⁶¹ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 86.

⁶² Европа в международных отношениях 1917-1939. М., 1979. С. 47.

⁶³ Международные отношения и внешняя политика СССР (сборник документов). С. 59-61; см. также: Тардьё А. Мир. С. 353-355. Chiachir N. Istoria relațiilor internaționale, P. 256.

28 июня 1919 г. между Польшей и пятью великими державами был заключен договор «о защите прав нацменьшинств» («малый Версальский договор»), который обязал польское правительство уважать права более 1 миллиона человек немецкого национального меньшинства в Польше, не возложив аналогичное обязательство на германское правительство в отношении почти 2 миллионов человек польского меньшинства в Германии⁶⁴. Реваншистские круги Германии обрели юридический повод для постоянно-го вмешательства в жизнь Польши. Это доказывает, что авторы Версальского договора заботились не о национальных интересах польского народа, не о мире и безопасности в Европе, а стремились к превращению Польши в противовес Германии, а, главное, в антисоветский барьер. Ленин по этому поводу очень ёмко заметил, что «из Польши Версальский мир создал государство-буфер, который должен огран-дичить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков»⁶⁵.

Город Данциг с прилегающей территорией превращался в «вольный город» под защитой Лиги На-ций и включался в пределы таможенной границы Польши. Ведение внешних сношений вольного горо-да и защита прав его граждан в других странах возлагались на Польшу. Управление городом должно было осуществляться совместно Лигой Наций и Польшей.

К Дании отошла северная часть Шлезвига. Германия отказалась в пользу главных союзных держав от всех прав на территорию Мемеля (Клайпеды), которая в 1923 г. была воссоединена с Литвой.

Статья 80 обязывала Германию «строго уважать независимость Австрии» (то есть запрещался ан-шлюс). Германия признавала независимость Чехословакии и передавала ей часть Верхней Силезии, что объективно вбивало клин в польско-чехословацкие отношения.

Германия также отказывалась от своих бывших колониальных владений, которые были *de facto* раз-делены между победителями. Все «права правооснования и привилегии» на Шаньдунь Германия пере-давала Японии. Это грубейшее нарушение прав и суверенитета Китая вызвало мощное возмущение ки-тайского народа и привело к тому, что Китай отказался подписать Версальский договор.

Часть 5 Версальского договора фиксировала военные ограничения, наложенные на Германию. В спе-циальном введении к этой части договора указывалось, что эти ограничения имеют своей целью «сде-лать возможной подготовку общего ограничения вооружений всех наций». Впоследствии эта формули-ровка использовалась Гитлером для саботажа и срыва военных постановлений Версальского мирного договора под предлогом, что державы-победительницы не провели «общего ограничения вооружений всех наций».

Военные статьи договора сводились к следующему: к 31 марта 1920 г. германская армия не должна была превышать 100 тысяч человек (не более 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий), включая солдат, унтер-офицеров, офицеров, курсантов военных училищ и нестроевой состав. Она должна была насчиты-вать не более 4 тысяч офицеров. Германский генштаб ликвидировался, и его восстановление запрещалось. Вооружённые силы Германии сохранялись лишь в целях поддержания «порядка» в стране и охраны гра-ниц. Отменялась всеобщая воинская повинность. Германская армия должна была комплектоваться «толь-ко путём добровольного найма». Чтобы не допустить создания обученных резервов, устанавливался длительный срок службы в армии: солдаты и унтер-офицеры – 12 лет, офицеры – 25 лет.

Германии запрещалось проводить какую бы то ни было военную подготовку в учебных заведениях, стрелковых, спортивных и туристических организациях. Она лишалась права аккредитовывать в дру-гих странах свои военные миссии, а германским гражданам запрещалось проходить военную службу и получать военную подготовку в армиях других государств. Исключение составляло право немцев слу-жить во французском Иностранном легионе.

Германии категорически запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, дири-жабли, военную авиацию и химические отравляющие вещества. В будущем ей разрешалось иметь ВМФ в составе 6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 миноносцев и 12 контрминоносцев. Численность лич-ного состава ВМФ не должна была превышать 15 тыс. человек. Ей также предписывалось срыть все со-оружения береговой обороны за пределами побережья и укрепления вдоль западной границы.

Контроль над исполнением военных постановлений Версальского договора возлагался на особые межсоюзнические комиссии: военную, морскую, воздушную. Германия освобождалась от оккупации.

В ходе обсуждения на Парижской конференции статей, налагавших на Германию военные ограни-чения, в полной мере проявлялось стремление США и Англии рассматривать её в качестве «противове-са большевизму». Доказывая необходимость сохранить Германии армию в 200 тыс. человек, Вильсон утверждал, что она необходима для борьбы против «опасности извне со стороны большевиков... с которой немцам, возможно, придётся столкнуться на восточной границе»⁶⁶. Однако Брест-Литовский и Бухарестский мир отменялись.

⁶⁴ Европа в международных отношениях. С. 50.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 323-324.

⁶⁶ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 90.

Версальский договор предусматривал, что германские войска останутся в Прибалтике до того времени, когда «правительства главных союзных и объединившихся держав сочтут момент уместным, сообразуясь с внутренним положением этих территорий»⁶⁷.

Американская делегация, несмотря на французское сопротивление, добивалась сохранения в Германии военной авиации, береговых укреплений и военно-морских баз со всем вооружением, имевшимся там. США категорически возражали против установления контроля Антанты над германской военной промышленностью. Так уже в 1919 г. закладывались основы американской политики возрождения военно-промышленного потенциала германского империализма.

Вопрос о репарациях нашел своё оформление в 17 статьях Версальского договора. В качестве правового основания для взыскания с Германии репараций устанавливались её виновность в развязывании войны и право победителей на возмещение убытков за разрушение и материальный ущерб, понесенный гражданами стран, с которыми Германия вела войну.

Общая сумма репараций не была зафиксирована Версальским договором. Её должна была определить межсоюзническая репарационная комиссия, созданная через 2 недели после вступления в силу Версальского договора. Её первым председателем стал Пуанкаре. Началась длительная борьба вокруг репарационного вопроса.

Унизительными, но практически мало обременительными были для Германии статьи, запрещавшие любое ограничение импорта товаров в Германию из стран-победительниц. Авиация стран-победительниц получила неограниченную свободу полётов и посадок на территории Германии. Рейн, Эльба, Одер, Неман и Дунай на территории Германии объявлялись открытыми для кораблей иностранных держав, устанавливалась свобода прохода через Кильский канал для торговых и военных кораблей «всех наций», находящихся в мире с Германией. Над финансами страны устанавливался контроль стран-победительниц. Германия обязывалась признать международные договоры и дополнительные конвенции, которые будут заключены странами-победительницами с её бывшими союзниками.

Ратификация мирного договора. При ратификации договора в Национальном собрании 9 июля 1919 г. (209 голосами против 116) проявились реваншистские настроения правящих кругов Германии: выражался протест против возврата Польше части её западных земель, «отторжения» от Германии Северного Шлезвига, Эйпена и Мальмеди; председатель Национального собрания Ференбах заявил «решительный протест» против «насильственного отторжения Эльзас-Лотарингии»⁶⁸.

10 января 1920 г., после ратификации «союзниками и объединившимися державами», Версальский договор вступил в действие. Так как сенат США отказался ратифицировать договор, США подписали сепаратный мирный договор с Германией 25 августа 1921 года.

Характер Версальского мирного договора. Версальский мирный договор лёг в основу версальско-вашингтонской системы мирных договоров и по своему характеру являлся империалистическим миром. Наиболее ёмко, по нашему мнению, его суть была определена Лениным: «Мы имеем в мировой истории первый случай юридического закрепления грабежа, рабства, зависимости, нищеты и голода по отношению к миллиарду с четвертью людей»⁶⁹. «Это неслыханный грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе, самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве»⁷⁰.

Один из наиболее известных дипломатов в межвоенный период, член английской делегации на Парижской мирной конференции Г. Никольсон сравнил итоги этой конференции с провалом. Он охарактеризовал обстановку, царившую на мирной конференции, нездоровой, отметив, что её участники увязли в болоте, из которого не сумели выбраться⁷¹. Он писал, что «Парижская мирная конференция облекла империалистический мир в ризы вильсонизма, причём редко в истории человечества возмездие прикрывалось столь елейной софистикой»⁷². Этот известнейший историк дипломатии оценил Парижские договоры как ужасно лицемерные⁷³. Он отмечал: «Мы уехали с сознанием, что договоры, которые мы навязали нашим врагам, были несправедливы и неразумны»⁷⁴.

Советник Вильсона, полковник Хауз, говорил о процедуре подписания договора с Германией: «Всё это весьма напоминало обычаи прежних времён, когда победитель волочил побеждённого, привязанным к своей колеснице. По-моему, это не в духе новой эры, которую мы клялись создать... Всё дело бы-

⁶⁷ Ibid.; Всемирная история. Т. 8. С. 115; Европа в международных отношениях. С. 52.

⁶⁸ Европа в международных отношениях. С. 48.

⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 224.

⁷⁰ Ibid. С. 353.

⁷¹ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. С. 153.

⁷² Ibid. С. 154.

⁷³ Ibid. С. 155, 156.

⁷⁴ Ibid. С. 154.

ло тщательно инсценировано и притом максимально унизительно для противника»⁷⁵. Оценивая сам договор, Хауз писал: «Я склонен согласиться с теми, кто говорит, что договор получился скверным, и его не надо было заключать, ибо при проведении его в жизнь он вовлечет Европу в бесконечно трудное положение»⁷⁶. Хауз, по всей видимости, не представлял себе даже приблизительно всех тяжелейших последствий Версальского мирного договора с Германией. Он не мог подумать, что данный договор станет причиной следующей мировой войны.

4. Подписание мирных договоров со странами-союзницами Германии

Противоречия между союзниками. Парижская мирная конференция выработала также тексты мирных договоров, которые должны были подписать Австрия, Венгрия, Болгария и Турция. При обсуждении условий этих договоров обнаружились резкие противоречия по вопросу о разделе Австро-Венгерской и Османской империй. Наиболее сильными позициями в Дунайском бассейне и на Балканах располагала тогда Франция, вооружённые силы которой находились в этом регионе. Поддерживая территориальные претензии Румынии, Польши, Сербо-хорвато-словенского королевства и Чехословакии, Франция рассчитывала опереться на эти страны при проведении своей политики в Европе.

Но французская политика столкнулась с замыслами английского и американского империализма. Не желая усиления Франции, Англия и США выступили против её планов в этом регионе. Англия добивалась крупных территориальных приращений для Греции за счёт Болгарии и Турции.

Италия требовала аннексии ряда территорий, обещанных ей по тайным договорам. Она выдвинула претензии на город Риека (Фиуме), который предназначался Сербии. Но этому воспротивились другие участники Совета четырёх, и Орландо покинул конференцию. Впрочем, эффектный жест итальянской делегации не был основан на реальной силе. Война показала военную и экономическую слабость Италии, находившейся на грани финансовой катастрофы и остро нуждавшейся в получении займов от своих союзников. 2 мая Совет четырёх вынес решение о том, чтобы Италия не упоминалась в тексте договора с Германией, и лишил её представительства в соответствующих комиссиях. Тогда итальянская делегация уже без всякого шума совершила обратную поездку из Рима.

Как уже отмечалось, участникам конференции пришлось столкнуться с многочисленными претензиями малых государств на те или иные территории Австро-Венгрии. Решение спорных вопросов проходило в обстановке острой борьбы, политических интриг и столкновений корыстных расчетов. В результате границы малых стран, установленные в Париже оказались впоследствии источником серьезных трений и конфликтов. Члены румынской делегации отметили безразличие англичан к проблемам Румынии⁷⁷. Италия пыталась столкнуть Румынию и Югославию в вопросе о Банате. И.И. Брэтяну, глава румынского правительства и румынской делегации на конференции, дал по каждой области, на которую претендовала Румыния – Бессарабии, Буковине, Трансильвании, Марамурешу и Банату – детальные пояснения. Он характеризовал положение малых государств как «всё более и более ужасающее»⁷⁸.

Сен-Жерменский договор. Подписание мирного договора с Австрией состоялось 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Лэ (близ Парижа). В преамбуле договора указывалось, что Австрия является республикой. Её территория составила 84 тысячи квадратных километров, а население – около 6,7 млн чел.

Австрия признавала независимость и границы всех соседних с ней государств, включая и вновь образованные. Сен-Жерменский договор предполагал передачу Румынии Буковины. К Румынии отошли Трансильвания и восточная часть Баната.

Военные постановления Сен-Жерменского договора предписывали Австрии демобилизовать армию в трёхмесячный срок. Ей разрешалось иметь вооружённые силы численностью в 30 тысяч человек. Весь австро-венгерский морской и дунайский военный флот передавался победителям. Иметь военную авиацию Австрии запрещалось.

Австрия обязалась уплачивать репарации в пользу победителей. В их счёт она передала им весь свой торговый и рыболовный флот. Окончательная сумма репараций подлежала установлению репарационной комиссией. В 1922 г. выплата репараций была отсрочена на 20 лет.

Статья 88 Сен-Жерменского договора предусматривала запрещение аншлюса, т.е. присоединения Австрии к Германии или какому-либо другому государству.

Мирный договор с Болгарией. 27 ноября 1919 г. в Нейи-сюр-Сен (пригороде Парижа) был подписан мирный договор с побеждённой Болгарией. По его условиям Болгария лишалась западной Фракии,

⁷⁵ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 377.

⁷⁶ Ibid. С. 379.

⁷⁷ Dobrinescu V.Fl. România și sistemul tratelor de pace de la Paris (1919-1923), P. 49-50, 51, 52; Diaconu C.S. Opinie publică și acțiune politică. // Dosarele istoriei. 2000, Nr. 6; Morar-Vulcu C. Trianonul și discursul politic actual. // Dosarele istoriei. 2000, Nr. 6.

⁷⁸ Dobrinescu V.Fl. România și sistemul tratelor de pace de la Paris (1919-1923), P. 50, 51, 52.

а с ней и выхода в Эгейское море. Эта провинция (8,7 тыс. кв км) была передана Греции. В пользу Югославии отходило 2,5 тыс. кв. км. Южная Добруджа сохранялась за Румынией.

Нейский договор накладывал на Болгарию серьёзные военные ограничения. Армия комплектовалась только путём добровольного найма и не превышала 20 тысяч человек; запрещалась всеобщая воинская повинность. Болгария лишалась права иметь военную авиацию и ВМФ.

Репарационные постановления договора обязывали Болгарию в течение 37 лет выплатить победителям 2,25 миллиарда золотых франков. Кроме того, в шестимесячный срок со дня вступления договора в силу она должна была передать Греции, Румынии и Югославии более семидесяти тысяч голов скота и ежегодно в течение пяти лет поставлять Югославии по пятьдесят тысяч тонн угля. После заключения Нейского мирного договора Болгария оказалась в тяжелом экономическом положении, её политические позиции на Балканах были сильно ослаблены.

Трианонский договор. В связи с венгерской революцией заключение мирного договора с Венгрией затянулось. Но после 133 дней, 1 августа 1919 г., вследствие организованной Антантой интервенции, Венгерская Советская республика пала. 1 марта 1920 г. Венгрия была провозглашена монархией и адмирал Хорти стал регентом. 4 июня 1920 г. в большом Трианонском дворце Версаля хортистское правительство подписало мирный договор. Трианонский договор был составлен по образцу Сен-Жерменского. Венгрия признавала границы, установленные с Австрией, Румынией и Чехословакией, и отказывалась в пользу этих государств от ряда территорий. По сравнению с довоенными размерами территории Венгрии уменьшилась более чем в три, а население – более чем в два с половиной раза.

Военные постановления Трианонского договора запрещали Венгрии формировать свою армию на основе обязательной воинской повинности. Численность наёмной армии ограничивалась 35 тысячами человек. Венгрия не могла иметь авиацию, танки и тяжелую артиллерию. Весь флот передавался победителям. На Венгрию налагались репарации, окончательный размер которых должна была определить репарационная комиссия. Румынии предоставлялось 12,5% из общей суммы австро-венгерских и болгарских репараций⁷⁹.

Заключение мира с Турцией. На Парижской мирной конференции победители занимались и делением «турецкого наследства». Ещё в ходе войны правительства стран Антанты заключили ряд соглашений о разделе владений Турции на Ближнем Востоке. К их числу относились секретное англо-франко-русское соглашение о Константинополе и проливах (март-апрель 1915 г.), и англо-франко-итальянское соглашение (апрель 1917 г.). Однако прочность этих соглашений оказалась эфемерной, прежде всего потому, что из числа их участников выпала Россия. США не были их участниками, но имели особые намерения утвердиться на Ближнем Востоке. Решающим фактором, определявшим ситуацию в этом регионе, были находившиеся здесь английские войска. Именно это давало англичанам возможность получать для себя максимум выгоды.

По соглашению Сайкс-Пико Месопотамия с Мосулом передавались Франции, а Палестина должна была поступить под международное управление. Но к концу войны англичане сочли невыгодным поддерживать его. Ллойд Джордж заявил, что договор Сайкс-Пико сгорел в «библейском огненном столбе», который зажгли захватившие Палестину «английские крестоносцы»⁸⁰. От Индии до Босфора Великобритания намеривалась создать сплошной пояс британских колоний и полуколоний. Стамбул должен был стать вторым Гибралтаром, Анатолия – вторым Египтом.

В борьбе за Палестину Англия использовала сионистских лидеров, пообещав создать здесь «еврейский национальный очаг». Сионисты и арабы поддерживали английские притязания на Палестину. Франция отказалась в пользу Великобритании от Палестины. Мандата на Палестину и Сирию добивались и США. Но этому воспротивились Англия и Франция. Взамен Вильсону предложили мандат на Армению и Константинополь, но конгресс его не принял, так как конгрессмены посчитали это дело слишком дорогим.

Ллойд Джордж считал, что большая часть Турции должна быть поделена между победителями, а на оставшейся территории в Малой Азии следует образовать небольшое турецкое государство. Он поддерживал греческие претензии на район Смирны (Измир) и на европейскую часть Турции, видя в Греции «лучшего английского солдата» на черноморских проливах. Но британским намерениям воспротивились французы, понимая, что их реализация приведет к ликвидации французских позиций в этой стране.

На Парижской конференции дележ «турецкого наследства» не был завершён, и понадобились новые переговоры. Договор был вручён для подписания султанскому правительству, не обладавшему уже реальной властью, которая перешла в руки кемалистского Великого национального собрания. 10 августа 1920 г. в Севре (близ Парижа) был подписан мирный договор с Турцией, согласно которому территория Турции уменьшалась до одной четвертой бывшей Османской империи.

Турции разрешалось иметь армию не более 50 тысяч человек, включая жандармерию. Почти весь ВМФ передавался победителям. Весь район проливов подлежал полному разоружению и целиком пос-

⁷⁹ Ibid., P. 54.

⁸⁰ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 284.

тупал под контроль специально созданной международной комиссии проливов, которая имела право действовать в полной независимости от местной власти. Грабительский Севрский договор вызвал возмущение турецкого народа и не был признан кемалиским правительством. Это стало причиной его невыполнения и первым шагом к разрушению всей системы договоров, подписанных в Париже.

5. Версальская система и её противоречия

Мирные договоры, подписанные в 1919-1920 гг. в Париже и его окрестностях, образовали систему международных отношений, названную Версальской. Она имела ярко выраженный империалистический характер и представляла собой результат компромиссов между державами-победительницами, которые стремились обеспечить своё господствующее положение в мире.

По форме и по срокам Версальская конференция сравнима с Венским конгрессом. Как и в Вене, в Версале много танцевали, заседания конференции часто прерывались сведениями о революционных вспышках в Европе. Даже задачи Лиги Наций сближались с целями Священного союза: охрана новой системы международных отношений.

Но по существу Версальский мир более напоминал Франкфуртский, будучи безошибочным способом превратить будущий мир в простое перемирие. Не устранив довоенных противоречий, он породил новые – между победителями и побеждёнными. Поэтому версальская система оказалась чрезвычайно шаткой, неустойчивой. «Версальский договор – это есть договор хищников и разбойников», – говорил В.И. Ленин и подчеркивал далее, что «международный строй, порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане»⁸¹. Довольно точное замечание.

Версальская система оказалась неспособной выполнить свою непосредственную задачу – держать в узде побеждённые страны. Антанта сплотила против себя побеждённых и вызвала их ненависть. Поражение Германии в войне усилило несоответствие между высоким уровнем экономического развития страны и слабостью её позиций на мировых рынках, в сферах приложения капитала. Главная причина первой мировой войны – борьба Германии за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала – не была устранена, а лишь временно приглушена и неизбежно должна была через некоторое время обостриться ещё больше. Ни попытка подорвать германскую экономику путём репараций, ни лишение Германии массовой армии, не предотвратили подготовку реваншистской войны. Германские правящие круги начали думать о реванше сразу же после подписания перемирия. С другой стороны, разногласия среди держав Антанты не позволили создать прочные гарантии против немецкого реванша. Этому способствовало и стремление сохранить германский милитаризм как антисоветский таран. Каждый из победителей вёл переговоры с Германией без ведома партнёров и натравливал её против союзников. Не подлежит сомнению, что условия Версальского договора были чрезвычайно тяжелы, и вся эта тяжесть легла на плечи немецкого трудового народа, подготовив этим массовую социальную опору идеям реванша. Германский же империализм сохранил всю свою промышленность и был готов в своё время восстановить в полном объёме её производительную мощь.

Противоречия между победителями (не только по отношению к Германии) явились немаловажным фактором, подрывавшим версальскую систему. На Ближнем Востоке Англия тайно поддерживала Сирию против Франции, а Франция Турцию против Англии. В Европе, где Франции удалось укрепить своё экономическое и военно-политическое положение благодаря ослаблению Германии и заключению военно-политических блоков со странами Восточной Европы, версальскую систему активно подрывала Англия. Английские правящие круги оказывали большую экономическую и политическую поддержку германскому империализму, надеясь использовать его против революции и ослабления позиций Франции. Вместе с Италией, считавшей себя обделенной по мирным договорам, Англия старалась ослабить французские позиции на Балканах.

Версальская система не удовлетворила и США, которые были недовольны закреплением господства Англии и Франции в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, значительной части Азии. Вильсону не удалось добиться включения принципа «свободы морей» в мирные договоры. Неприятие влиятельных кругов США вызвала и передача Шаньдуня Японии. Даже Лига Наций, детище США, отрицательно расценивалась большинством американских политиков, по мнению которых она стала орудием в руках Англии и Франции. В виду этого США не ратифицировали Версальский мирный договор, а в дальнейшем сделали немало для подрыва его основных положений. Американские монополисты расширили свои картельные связи с германскими концернами. Германия получила многомиллиардные американские займы, способствовавшие восстановлению её военно-промышленного потенциала.

Другим фактором, расшатывавшим вновь образованную систему, была хищническая политика правящих кругов вновь образованных малых стран Европы. Отмечая их агрессивные устремления, Ллойд Джордж писал: «Малые народы, не успевшие ещё сами вкушать сладость свободы, уже стараются под-

⁸¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 352, 353.

чинить себе других... Эти народы ... бóльшие империалисты, чем Англия или Франция, и уж, конечно, бóльшие, чем США»⁸².

Версальская система узаконила и колониальное господство кучки стран над 7/10 населения Земли. По этой причине она никак не была справедлива, и усиливающаяся борьба угнетенных народов разрушала её. Один из основных пороков Версальской системы состоял в том, что она была направлена против Советской России. Стремление изолировать советское государство «санитарным кордоном», построить послевоенные международные отношения вопреки его жизненным интересам, объективно подрывало эту систему, делало её непрочной и недолговечной.

Замечательный по своей точности и одновременно оригинальности вывод по поводу нового геостратегического положения Германии и Франции после Версаля сделал Г. Киссинджер: «Парадоксально, но уязвимость Франции, стратегические выгоды Германии усугубил именно Версальский договор... Перед войной у Германии были сильные соседи, как на востоке, так и на западе. Она не могла осуществлять экспансию ни в одном из направлений, не натолкнувшись на сопротивление крупного государства: Франции, Австро-Венгрии или России. Но после заключения Версальского договора, Германии на Востоке не противостоял никто. С учетом ослабления Франции, исчезновения Австро-Венгерской империи и временного отхода России на задний план не было ни малейшей возможности реконструировать прежнее равновесие сил...».

Киссинджер считает, что существование независимой Польши делает Францию в будущей войне беззащитной: «Чтобы сдержать Германию, Франции требовался союзник на востоке, который мог бы принудить Германию вести войну на два фронта. Россия была единственной сильной страной, годящейся на эту роль. Но она смогла бы оказывать нажим на Германию, только нарушив неприкосновенность Польши. А сама Польша была слишком слаба, чтобы взять на себя роль России...»⁸³.

«Таким образом, те кто формулировал и оформлял Версальское урегулирование, достигли как раз противоположного задуманному. Они попытались ослабить Германию физически, а вместо этого укрепили её геополитически. В долгосрочном плане Германия оказалась в гораздо лучшем положении для господства над Европой, чем перед войной. Как только Германия сбросила с себя кандалы разоружения..., она не могла не возродиться гораздо более могущественной, чем когда бы то ни было»⁸⁴.

Созданная в Версале система договоров фиксировала соотношение империалистических сил, сложившееся к исходу более чем четырёхлетней мировой бойни. Неизбежное изменение в будущем этого соотношения предопределяло недолговечность Версаля. Версальский мир должен был покончить с войной. В действительности же он превратил её в постоянную угрозу, нависшую над всем миром.

6. Вашингтонская конференция

Интересы великих держав на Дальнем Востоке. Первая мировая война и Октябрьская революция изменили соотношение сил на Дальнем Востоке. Аннулирование Советской властью всех неравноправных договоров, заключенных правительством царской России с Ираном, Монголией, Китаем и др., нанесло удар по всей колониальной системе, стало мощным катализатором национально-освободительного движения угнетенных народов.

Во время войны Англия, США и Франция были заняты на европейских фронтах и не могли уделять большого внимания тихоокеанским вопросам. В годы войны сократился приток европейских товаров на дальневосточные рынки. США были поглощены снабжением европейских стран. Американские займы потекли в Европу и для США дальневосточные рынки временно отошли на второй план. Поражение Германии в войне означало, что на время исчезала опасность проникновения немецких монополий в страны Дальнего Востока.

Это было использовано Японией для захватов в Китае, ограбления народов Китая и Кореи и усиления стратегических и экономических позиций на Тихом океане. Япония рассматривала всю Восточную Азию, и особенно Китай, как свою монопольную сферу влияния. Ещё во время войны японцы усилили шовинистическую кампанию под лозунгом «Азия для азиатов», выступая за установление своеобразной «японской доктрины Монро».

Выше уже отмечалось, что война дала огромный толчок развитию японской промышленности. К концу войны в руках Японии, активно вытеснявшей своих англо-американских конкурентов с китайских рынков, оказалась почти половина внешней торговли Китая, тогда как на долю США приходилось 15,7%, Англии – 17,1%⁸⁵. Это было главным фактором, обуславливавшим обострение империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Япония не только вытеснила американских конкурентов с

⁸² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. С. 196.

⁸³ Kissinger H. Diplomacy. Buc. 1998, P. 218-219.

⁸⁴ Ibid., P. 221.

⁸⁵ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 150.

китайского рынка, но и проникла на латиноамериканские рынки. Японские товары появились в Мексике, не самом пороге США. Это была угроза доллару в его собственном доме.

Но в целом, в мире несравненно выросла мощь США, правящие круги которых всё активнее стремились к новому переделу мира в соответствии с распределением мирового богатства. Частью этого стала и борьба империалистических держав за господство в азиатско-тихоокеанском регионе, главным объектом которой оставался Китай. Тихоокеанская проблема стала одной из важнейших проблем мировой политики, причём в борьбе за господство на Тихом океане теперь наиболее острыми стали противоречия между Японией и США.

В мае 1918 года, когда первая мировая война ещё не завершилась и немцы рвались к Парижу, Ленин прогнозировал, что «экономическое развитие этих стран [т.е. Японии и США – С.Н.] в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающую неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся экономическая и дипломатическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что... предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно»⁸⁶.

Противоречия США и Японии всё более обострялись. Ещё в конце войны американцы пытались ослабить позиции Японии в Китае. С этой целью в июне 1918 г. влиятельная банковская группа США^{*} решила образовать консорциум, чтобы завоевать приоритет в финансировании Китая. Англия и Франция, которых также беспокоило исключительное положение Японии в Китае, приняли американское предложение о присоединении к консорциуму. Оказавшись перед лицом единого фронта держав, Япония была вынуждена присоединиться к консорциуму. Но за пять лет своего существования он не предоставил Китаю не одного займа. Это объясняется рядом причин, прежде всего противодействием со стороны Японии, продолжавшей активно проникать в Северо-Восточный Китай путём строительства новых железных дорог. Другой, не менее важной причиной, бездействия финансового консорциума был тот факт, что в обстановке революционного подъема в Китае, пекинское правительство не решилось принять кабальные условия финансирования. Да и сами кредиторы шли на финансирование Китая неохотно, так как опасались революции и конфискации предоставляемых средств.

После войны значение дальневосточных регионов для американской буржуазии ещё больше увеличилось. Этому способствовало и открытие в 1920 г. Панамского канала, который сократил морской путь между Нью-Йорком и Дальним Востоком на 8 тысяч миль. После фактического поражения на Парижской мирной конференции, борьба за Дальний Восток, и особенно за Китай, выдвинулась на первый план в американской внешней политике.

В борьбе за Китай и Дальний Восток стратегическое положение Японии было выгоднее, чем положение США. С 1920 г. правительство Страны восходящего солнца приступило к осуществлению своей программы «8-8». Япония собиралась строить каждые восемь лет две, а в дальнейшем три эскадры по восемь броненосных судов. Ассигнования Японии на морское строительство в 1921-1922 гг. составляли 1/3 национального бюджета. Японские военно-морские базы на Тайване и Рюкю, опорные пункты на Сахалине, Курилах, Марианских, Каролинских и Маршаловых островах давали ей возможность маневрировать флотом и обеспечивать защиту метрополии от нападения.

При огромных расстояниях на Тихом океане, без баз ВМФ на Дальнем Востоке, война для США была бы практически невозможной. Конгресс только в 1921 г. ассигновал средства на подготовительные работы по оборудованию баз на Филиппинах и Гуаме. Между Сан-Франциско и Манилой американцы имели два опорных пункта – Пирл-Харбор и Гуам. Но гавань Пирл-Харбора была недостаточно оборудована и не могла обслуживать большое число судов. Гуам имел неплохую гавань, но и она не была оборудована и укреплена. Кроме того, географическое положение Гуама делало его легко уязвимым от японского флота.

Не в лучшем состоянии были и английские базы на Тихом океане – Гонконг и Сингапур. В Гонконге, занимающем весьма выгодное географическое положение, не было доков, которые могли бы вместить суда атлантического флота. Сингапур – важнейший для морских коммуникаций пункт – не имел гавани, годной для базирования больших судов.

В 1921 г. американская морская разведка установила, что строящиеся в Японии и Англии суда по своей мощности превосходят те, что строились в США. Если ранее в Соединённых Штатах считали, что 6 новых линкоров, которые ещё только предстояло спустить на воду, станут самыми мощными в мире, то теперь было установлено, что Япония будет иметь восемь линкоров большего тоннажа, а Англия – четыре. Одним из важнейших препятствий в морском строительстве США, ограничивающем тоннаж крупных кораблей, была пропускная способность Панамского канала, через который нельзя было проводить корабли водоизмещением свыше 35 тысяч тонн.

⁸⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 330.

^{*} В составе «Морган и К°», «Кун, Леб и К°», «Нэшнел сити бэнк оф Нью-Йорк», «Форт Нэшнел сити бэнк оф Нью-Йорк» и др.

Однако стремление США ликвидировать Советскую власть в России связывало им руки в отношении Японии, продолжавшей интервенцию на Дальнем Востоке. Не имея значительных вооружённых сил в этом районе, американцы до времени не мешали действиям Японии. Это усложняло американскую политику в отношении японского соперника. Но попытки Японии установить полное господство на русском Дальнем Востоке вызывали серьёзное беспокойство в правящих кругах США. Поэтому американское правительство, несмотря на желание задушить руками японцев Советскую власть на Дальнем Востоке, стало противодействовать японской экспансии и искать пути для проникновения в экономику Дальневосточной Республики.

На стороне Японии стояла Англия, связанная с ней старым, 1902 г., договором о союзе, продленным в 1911 г. ещё на 10 лет. Срок договора истекал в 1921 г. Перед американской дипломатией встала задача добиться расторжения англо-японского договора.

Противоречия между США и Англией обострились на почве борьбы за рынки сбыта, сферы приложения капиталов, источники сырья. Ближайшим объектом соперничества являлись английские доминионы. Американские монополии успешно конкурировали с английскими на рынках Канады, Австралии, Новой Зеландии. Обострились англо-американские противоречия и в крупнейших государствах Южной Америки – Аргентине, Бразилии, Уругвае и других. При помощи займов и сети своих банков, США начали быстро вытеснять Великобританию из этих стран.

Англо-американское соперничество обострилось и в Китае. Американцы добивались преобладающего положения на всей территории страны, под лозунгом «открытых дверей» требовали ликвидации «сфер влияния». Американский капитал стремился проникнуть в бассейн реки Янцзы и Южный Китай, где господствовали англичане.

Наиболее открытыми политическими проблемами англо-американских отношений были в это время вопросы о морских вооружениях и англо-японском союзе. В 1919 г. конгресс подтвердил принятую ещё в 1916 г. программу, согласно которой американский флот к 1924 г. должен был стать крупнейшим в мире. Она предусматривала постройку 10 линейных кораблей, 5 линейных крейсеров, 10 минных крейсеров, 50 торпедных катеров и др. Это означало прямой вызов английскому первенству на море. Соперничать в продолжительной гонке морских вооружений Англия уже не могла из-за относительной слабости своей экономики и политических осложнений внутри и вне страны. Хотя пока ещё (в 1919 г.) соотношение военных флотов Англии, США и Японии выглядело следующем образом: Англия – 737 кораблей общим водоизмещением 2,3 млн тонн, США – 595 кораблей общим водоизмещением 1,47 млн тонн, Япония – 192 корабля общим водоизмещением 0,82 млн тонн. И многие английские политики считали, что, во что бы то ни стало, следует сохранить это преимущество. Так Черчилль говорил: «Ничто в мире ... не должно заставить нас отказаться от сохранения господства на морях, от которого зависит существование нашей страны»⁸⁷. Правительство Англии решило приступить к постройке четырёх линкоров, которые предполагалось завершить в 1924 г.

С целью давления на Англию США использовали её финансовые трудности. Требуя от английского правительства уплаты военных долгов, составлявших 850 млн фунтов стерлингов (4,7 млрд долларов), американцы подрывали позиции Англии на мировом кредитном рынке. В результате этого в 1921 г. фунт стерлингов потерял 21% от своего золотого паритета⁸⁸. Без урегулирования вопроса о задолженности Соединённым Штатам было невозможно восстановить золотой паритет фунта стерлингов.

Влиятельные политические деятели Англии стали склоняться в пользу компромисса с США по вопросу о морских вооружениях. В марте 1921 г. министр ВМФ Англии лорд Ли выступил с речью, в которой предложил путём соглашения установить паритет между английским и американским флотами. Через месяц Англия официально довела до сведения американского правительства, что она «готова отказаться от традиционной политики содержания флота, равного двум другим сильнейшим в мире флотам, и договориться с США о равенстве флотов»⁸⁹. При этом она предлагала гарантировать безопасность США в Атлантике, чтобы американцы имели возможность сосредоточить свой флот на Тихом океане.

Англии пришлось пойти навстречу американским требованиям по вопросу об англо-японском союзе. Имевший в своё время антирусскую, затем антигерманскую и лишь отчасти антиамериканскую направленность, этот союз после мировой войны оказался нацеленным преимущественно против США. Как заявил в 1922 г. американский сенатор Лодж, «англо-японский союз представляет собой наиболее опасный элемент в наших взаимоотношениях с Дальним Востоком и на Тихом океане. Он вызывает растущую тревогу не только в США, но и в Канаде ... Он поддерживает в Японии военный дух и её приготовления на суше и на море к новым конфликтам»⁹⁰.

Для давления на Англию с целью ликвидации англо-японского союза, США использовали и ирландский вопрос. Когда американский конгресс в июле 1921 г. обсуждал предложение о признании

⁸⁷ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 156.

⁸⁸ Всемирная история. Т. 8. С. 396; История дипломатии. Т. 3. С. 238.

⁸⁹ Всемирная история. Т. 8. С. 396.

⁹⁰ Ibid.

Ирландской республики, госсекретарь Юз дал понять английскому послу, что решение конгресса будет зависеть от характера взаимоотношений между Англией и Японией.

Англо-японский союз вызывал возражения также внутри Британской империи. Представители Канады и Южно-африканского союза на имперской конференции в июне 1921 г. заявили, что хорошие отношения с США являются основой имперской политики, а союз с Японией портит эти отношения. Канадский премьер Мейен предложил взамен англо-японского союза заключить договор четырёх держав – США, Великобритании, Японии и Франции. Представители двух других доминионов – Австралии и Новой Зеландии – стояли за возобновление англо-японского союза, рассматривая его как гарантию против нападения Японии на их территории, но и они соглашались ввести в условия договора некоторые изменения, которые удовлетворили бы американцев. В итоге имперская конференция постановила передать окончательное решение вопроса на обсуждение специальной конференции с участием США. Это означало, что англо-японский союз не будет возобновлен.

Кроме того, Англия проявляла большую заинтересованность в Голландской Индии* с её богатейшими ресурсами, где английские монополии владели огромными плантациями каучука. Нефть Голландской Индии также находилась в руках англо-голландского нефтяного треста «Ройал-датч Шелл». Более трети всего экспорта из Голландской Индии шло в Англию. Аппетиты японского империализма также были устремлены к этому богатейшему архипелагу, что, если и не сразу, то в будущем объективно сталкивало интересы этих двух государств. В роли конкурента Англии на Дальнем Востоке выступали не одни США. Многолетний союзник Англии, Япония, в значительной степени обязанная ей своим возвышением, превращалась в серьёзного соперника: японская политика в Азии была направлена и против Вашингтона, и против Лондона.

В самой Англии были влиятельные противники возобновления союза с Японией. Укрепление позиций Японии в Китае в период мировой войны нанесло серьёзный ущерб английским интересам. К 1918–1919 гг. японские капиталовложения в Китае достигли суммы, близкой к английским капиталовложениям. 20 июля 1921 г. Китайская ассоциация в Лондоне (организация английских промышленников ведущих торговлю с Китаем) обратилась в английское министерство иностранных дел с письмом, в котором требовала заменить англо-японский договор соглашением четырёх держав. Английские промышленники всё с большим раздражением наблюдали проникновение Японии не только в Северный Китай, но и в сферу влияния Англии – долину Янцзы и Южный Китай. Противники союза указывали на опасность усиления конкуренции Японии, они предостерегали, что развитие и углубление противоречий может привести к вооружённому столкновению между Японией и Америкой, в которой Англия, в силу её союза с Японией, окажется прикованной к последней.

Как видим, англо-американское соперничество развивалось отнюдь не прямолинейно. Возникали обстоятельства, требовавшие временного сотрудничества обеих стран. Сотрудничества с Англией требовали и интересы американской мировой торговли. В своей экспансии в другие страны американский капитал после войны нуждался в услугах посреднического аппарата лондонских банков и их отделений за границей, пока сам не создал широкой сети своих опорных пунктов. Временно совпадали интересы Англии и США и в том, чтобы не допустить усиления гегемонии Франции в Европе, и в том, чтобы не дать Японии утвердить своё господство на Дальнем Востоке.

Таковы были главные причины, побудившие американскую дипломатию выступить с предложением о созыве международной конференции для рассмотрения проблем Тихого океана и Дальнего Востока.

Созыв Вашингтонской конференции. 10 июля госсекретарь Юз выступил с официальным предложением созвать международную конференцию в Вашингтоне. 11 августа были разосланы приглашения. Советская Россия и Германия на конференцию приглашены не были. Советское правительство дважды протестовало против того, что РСФСР – великая тихоокеанская держава – не допущена к участию в конференции, и категорически заявило, что решения такой конференции не будут иметь законной силы и выполняться РСФСР не будут⁹¹. Аналогичный протест был направлен и правительством ДВР.

Вашингтонская конференция открылась 12 ноября 1921 г. в составе представителей США, Англии, Японии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии, Португалии, Китая. Английские доминионы и Индия имели самостоятельные делегации. Заседания конференции были объявлены публичными, выступления делегатов печатались в газетах. В действительности основные вопросы решались на закрытых совещаниях глав четырёх делегаций – США, Англии, Японии и Франции. Мнения других делегаций очень мало принимались во внимание.

Официальная повестка дня конференции включала следующие пункты: 1) ограничения морских вооружений, а также правила пользования новыми орудиями войны; 2) тихоокеанский и дальневосточный вопросы (Китай, Сибирь и подмандатные острова). Вопрос об англо-японском союзе в повестке дня не значился, но было ясно, что решение его необходимо для достижения соглашения по другим проблемам.

---

* Индонезия.

⁹¹ ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 224–226, 472–473.

США были представлены делегацией во главе с Юзом, английскую делегацию возглавлял Бальфур, во главе французской делегации был премьер-министр Бриан, японской – Като. Ведущая роль на конференции принадлежала США. Своей первоочередной задачей они считали ликвидацию англо-японского союза. Переговоры об этом велись в строгой тайне между главами американской, английской и японской делегаций. Бальфур вначале настаивал на замене англо-японского союза трёхсторонним англо-американско-японским соглашением, предусматривающим возможность для двух договаривающихся сторон входить друг с другом в военные оборонительные соглашения. Юз отверг эту попытку Англии сохранить в новом виде англо-японский союз и настоял на приглашении Франции к участию в соглашении. Серьёзные англо-французские противоречия в борьбе за Ближний Восток, в германском и других вопросах, задолженность Франции США позволяли американской дипломатии считать, что привлечение Франции к проектируемому соглашению усилит позиции США в противовес Англии и Японии. 10 декабря, неожиданно для большинства делегатов, американский представитель Лодж огласил проект договора четырёх держав – США, Англии, Франции и Японии – о взаимной гарантии неприкосновенности островных владений на Тихом океане. Претензии Италии на участие в договоре не получили сатисфакции.

Бальфур выразил удовлетворение по поводу американского предложения, хотя все поняли, что он старается скрыть, что новый договор в приличной форме ликвидировал англо-японский союз. Японский делегат откровенно сказал английскому представителю: «Во всяком случае, вы устроили союзу блестящие похороны»⁹².

Договор четырёх держав. 13 декабря 1921 г. был подписан договор четырёх держав о совместной защите колониальных владений в зоне Тихого океана⁹³. Договор заключался на 10 лет. Было указано, что после его ратификации англо-японский союз потеряет силу. Это был крупный успех американской дипломатии: Англии пришлось отказаться от англо-японского союза и участвовать в группировке, в которой главную роль должны были играть США. 6 февраля 1922 г. четыре державы обязались уважать права, связанные с португальскими и нидерландскими островными владениями в бассейне Тихого океана. Однако это соглашение не ликвидировало империалистических противоречий на Дальнем Востоке и лишь отсрочило японо-американское столкновение.

Вопрос о морских вооружениях. Заключение четверного соглашения сделало возможным обсуждение вопроса об ограничении морских вооружений. От имени американского правительства Юз внёс предложения: прекратить постройку сверхмощных военных кораблей; исключить из строя определенное число старых судов; установить определенный тоннаж для линейных судов; в течение 10 лет после подписания соглашения не строить линкоров; по истечении же этого срока строить линейные суда только в замену выбывающих; новые линкоры не будут превышать 35 тысяч тонн (максимальная пропускная способность Панамского канала). Основные мотивы американских предложений были ясны – догнать Англию по мощности военно-морских сил и ограничить на более низком уровне тоннаж других морских держав.

Бальфур заявил, что Англия, в принципе, согласна с предложением Юза. Это объяснялось её большими экономическими трудностями и огромными расходами на содержание флота, а также опасениями, что со временем США могут обойти по мощности английский флот. Кроме того, англичане стремились к тому, чтобы в составе их флота были лишь наиболее технически совершенные боевые суда. Американская дипломатия предлагала ограничить и численность крейсеров, которых у Англии было значительно больше, чем у других держав. Но английские представители категорически отвергли это предложение так как высокоманевренный крейсерский флот, опирающийся на многочисленные базы, имел важное значение для контроля над морскими коммуникациями, связывающими Англию с её колониальными владениями. Так Англия сохранила за собой некоторое превосходство в морских силах.

Вслед за Бальфуром выступил японский представитель Като. Он также заявил, что Япония принимает, в принципе, предложение о сокращении морских сил. Представитель Франции Бриан согласился с предложением Юза, но добавил, что Франция не будет сокращать свои сухопутные силы. Казалось между державами, явившимися на Вашингтонскую конференцию, существует единодушие. Но как только от принципов перешли к конкретному обсуждению вопроса, вскрылись острые разногласия.

Японская делегация вместо пропорции тоннажа крупного флота для США, Англии и Японии 5:5:3 предложила 10:10:7. Американцы угрожали, что если Япония будет упорствовать, то они начнут строить по четыре корабля на каждый японский. Тогда японцы изъявили согласие принять американскую пропорцию, при условии, что Америка не будет строить на Тихом океане военно-морских баз. Юз энергично возразил против этого японского требования, особенно в отношении Гавайских островов. В то же время Франция настаивала на своём праве построить 10 новых линкоров тоннажем 35 тысяч тонн каждый, а Италия – на установлении для неё равноправия с Францией. Юз предложил для Франции

⁹² Всемирная история. Т. 8. С. 399; История дипломатии. Т. 3. С. 244.

⁹³ Международные отношения и внешняя политика СССР (сборник документов). С. 72-73.

тоннаж в 175 тысяч. После упорной борьбы французы заявили, что, не желая привести конференцию к срыву, принимают предложения Америки.

Американцы и англичане поставили вопрос о сокращении сухопутной армии и авиации. Своим предложением они преследовали особые цели: американцы хотели подорвать японские позиции в Китае, а англичане – французские в Европе и на Ближнем Востоке. Франция категорически отказалась пойти на сокращение сухопутных сил. Бриан 21 декабря заявил, что большая армия нужна Франции для спасения Польши и всей Западной Европы от большевизма. Он указывал и на то, что Германия в любой момент может восстановить свою многомиллионную армию. Против сокращения сухопутной армии высказались Япония, Бельгия и Италия. Не было единодушия и между самими инициаторами предложения. В результате этот вопрос остался нерешенным, и, потерпев в этом поражение, Англия стала требовать сокращения французского подводного флота.

В начале обсуждения, поддержанная США, Англия поставила вопрос о полном уничтожении подводного флота. Французская делегация решительно отвергла это, настаивая даже на доведении тоннажа своего подводного флота до 90 тысяч тонн. Точку зрения французских делегатов поддерживали представители Японии и Италии. Пытаясь примирить позиции Англии и Франции, делегация США внесла предложение ограничить подводный флот США и Англии до 60 тысяч тонн, Франции и Японии – до 31 тысячи тонн. Тогда представитель Японии выставил требование на право иметь подводный флот водоизмещением в 54 тысячи тонны, делегация Франции, после консультации со своим правительством, продолжала настаивать на праве строить подводный флот водоизмещением в 90 тысяч тонн.

Англичане выступили с категорическим протестом против французских требований, доказывая, что стремление Франции построить большой подводный флот создает угрозу Англии. «Недопустимо, заключил Бальфур, – чтобы Франция с 800-тысячной сухопутной армией имела ещё первоклассный подводный флот»⁹⁴.

Отвечая Бальфуру, Бриан указал, что, когда представители Англии требовали для своей страны сохранения линейного флота тоннажем в 500 тысяч тонн, французские делегаты не восприняли это требование как направленное против интересов Франции. «Англия, – заявил далее Бриан, – принимает меры предосторожности против нас, а мы желаем принять меры предосторожности против Англии. Англия хотела бы упразднить подводные лодки. На это мы не согласны. Но если Англия пожелает упразднить линейные суда, то мы немедленно же согласны на упразднение подводного флота...»⁹⁵.

После длительной и безрезультатной дискуссии стало совершенно ясно, что договориться о подводных лодках не удастся, и вопрос остался открытым.

Договор пяти держав. В итоге почти трёхмесячной борьбы представители США, Британской империи, Японии, Франции и Италии подписали в феврале 1922 г. соглашение «Об ограничении морских вооружений», так называемый договор пяти держав⁹⁶. Он установил соотношение тоннажа линейных судов и авианосцев для каждой из этих держав в пропорции 5:5:3:1,75:1,75. Суммарный тоннаж линкоров был установлен 525 тыс. тонн для США и Англии, 315 тыс. тонн – для Японии, 175 тыс. тонн – для Франции и Италии. Суммарный тоннаж авианосцев был определен соответственно 135 тысяч тонн, 81 тыс. тонн и 60 тыс. тонн. США добились запрещения постройки линкоров водоизмещением свыше 35 тысяч тонн. Договор был заключен на срок до 13 декабря 1936 г. Он официально закрепил согласие Англии на принцип паритета английского и американского линейных флотов.

В виде компенсации Японии за её согласие на установленную пропорцию линейных флотов, договор пяти держав запрещал сооружать новые военно-морские базы на Тихом океане. Этот запрет не распространялся на прибрежные острова США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, зону Панамского канала, Гавайские острова, а также на острова Британской империи к западу от 110⁰ восточной долготы. Таким образом, США пришлось отказаться от права сооружать военные базы на Филиппинах, острове Гуам, Алеутских островах. Это должно было в скором времени усилить противоречия между Америкой и Японией. С другой стороны, Англия оставляла за собой право укреплять Сингапур, форпост к западу в Тихий океан, что сулило обострение англо-японских противоречий. Лишив США и Англию возможности создавать военно-морские базы на расстоянии 5-6 тысяч километров от японских островов, Япония обеспечила своему флоту, опирающемуся на обширную сеть хорошо оснащенных баз, господство в Азиатских водах и в западной части Тихого океана.

В тот момент у США не было крупных военно-морских баз в Тихом океане, вдали от американских берегов, кроме того, флот США в случае войны должен был оперировать не только в Тихом, но и в Атлантическом океане. Ближайшей к Дальнему Востоку английской военной базой, способной обслужить крупные корабли, в то время была Мальта. Перед флотом Англии стояла, кроме того, задача ограждать её владения, разбросанные по всему миру. Таким образом, в будущих столкновениях на Тихом океане

⁹⁴ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 162.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Международные отношения и внешняя политика СССР (сборник документов). С. 73-74.

только Япония смогла бы концентрировать все свои военно-морские силы в непосредственной близости к основным объектам борьбы, то есть у китайского побережья. Эти уступки японцам вызвали ожесточенную критику справа в американском сенате со стороны таких влиятельных сенаторов как Франс, Поиндекстер, Рид и др. Дж. К. Шилдс отмечал: «Не Соединённые Штаты, а Япония господствует на Тихом океане – в тех дальневосточных водах, где мы должны господствовать, если мы собираемся эффективно проводить доктрину открытых дверей». Отказ от строительства баз вблизи Японии – результат «невежества и безответственности»⁹⁷.

Представители США согласились на уступки в военных вопросах по двум причинам: во-первых, они были уверены в том, что вооружённое столкновение отсрочено и что в случае войны превосходство финансовых, технических и сырьевых ресурсов США даст им возможность справиться с соперником на Тихом океане; во-вторых, они стремились проводить тайную военно-политическую линию, которая обеспечила бы США в будущих возможных столкновениях с Японией контакт с Англией.

В Договоре пяти держав было указано, что любая из подписавших его стран может приостановить действие договора на время войны. Если в мирное время какая-либо из этих стран признает, что изменившиеся обстоятельства затрагивают интересы её обороны, то все державы должны собраться на конференцию в целях пересмотра договора. Эта статья фактически сводила к нулю всё соглашение.

Китайский вопрос на конференции. При обсуждении на конференции вопроса о Китае обнаружилась вся глубина американско-японских противоречий. Китай был представлен на Вашингтонской конференции делегатами пекинского правительства, чуждого китайскому народу и не способного защищать его интересы. Представителей южно-китайского революционно-демократического правительства Сунь Ят-Сена не допустили на конференцию.

Как известно, Китай отказался подписать Версальский договор, поскольку бывшие германские владения на китайской территории не были ему возвращены, а были отданы Японии. Под давлением развивавшегося в Китае антиимпериалистического движения, пекинское правительство выдвинуло программу, отражавшую национальные интересы страны. Она состояла из 10 пунктов и в основном повторяла требования, сформулированные Китаем на Парижской мирной конференции. Они сводились к следующему: державы обязуются уважать и сохранять территориальную целостность, политическую и административную независимость Китайской Республики, а Китай, со своей стороны, обещал не отчуждать и не сдавать в аренду иностранным государствам какую-либо часть своей территории. Соглашаясь с принципом «открытых дверей и равных возможностей», он настаивал на праве участвовать в договоре, который державы хотят заключить между собой по вопросам, касающимся Китая или Тихого океана. Китайцы требовали ликвидации на своей территории всех специальных прав и привилегий иностранных держав; возвращения Японией Китаю бывших германских владений в Шаньдуне и её отказа от «21 требования»; предоставления Китаю финансовой и таможенной независимости; уничтожения прав экстерриториальности иностранцев; ликвидации «сфер влияния» и «аренды» китайских территорий иностранными державами; вывода иностранных войск.

Империалистические державы отказались принять программу Китая за основу для разрешения тихоокеанских и дальневосточных вопросов. Американцы поддержали лишь пункты, которые можно было использовать против Японии. Они стремились вытеснить из Китая своих конкурентов и занять здесь господствующие позиции. В частности, американская делегация высказывалась за возвращение Шаньдуня Китаю. Японцы отказались обсуждать этот вопрос на конференции и добились решения рассмотреть на двусторонних японо-китайских переговорах с участием американского и английского наблюдателей.

4 февраля 1922 г. представители Японии и Китая подписали в Вашингтоне соглашение. Япония обязалась вывести свои войска из Шаньдуня. Угольные и железорудные копи, принадлежавшие до войны немцам, переходили в управление смешанной японо-китайской компании. Железная дорога Циндао-Цинань возвращалась Китаю с условием возмещения Японией стоимости железнодорожного имущества. Япония предоставила Китаю для этой цели заем, что дало ей возможность сохранить в значительной степени своё влияние в Шаньдуньской провинции.

Пересмотр Версальского договора по вопросу о Шаньдуне явился дипломатическим поражением Японии и успехом американской внешней политики. Японии также пришлось формально отказаться от некоторых пунктов «21 требования», в том числе от исключительного права предоставлять Китаю займы на постройку железных дорог в Северо-Восточном Китае и Внутренней Монголии, от преимущественного права кредитовать Китай под обеспечение налогами и направлять своих советников и инструкторов.

Договор девяти держав. 6 февраля 1922 г. участники Вашингтонской конференции подписали соглашение о политике в Китае⁹⁸. Договор девяти держав обязывал уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая и соблюдать «принцип открытых

⁹⁷ История США. Т. 3. С. 81.

⁹⁸ Международные отношения и внешняя политика СССР (сборник документов). С. 74-75.

дверей», то есть «равенство отрывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций». Признание принципа «открытых дверей» нарушало в интересах США английский и японский «принцип сфер влияния». Договор был направлен, в первую очередь, против притязаний Японии на монопольную эксплуатацию Китая. Политические деятели США считали его одним из своих важнейших достижений на Вашингтонской конференции. Глава американской делегации Юз писал: «Мы считаем, что благодаря этому договору „открытые двери“ в Китае стали наконец реальностью»⁹⁹. Американцы, обладая мощной промышленностью, рассчитывали тем самым вытеснить своих конкурентов и утвердить своё господство на китайском рынке.

Договор девяти держав не внёс никаких изменений в полуколониальный статус Китая, который рассматривался по-прежнему как объект сделки. Договор имел целью создать единый фронт империалистических держав против китайского национально-освободительного движения. Не добился Китай и возвращения арендованных у него территорий. Империалистические державы заявили, что некоторые из этих территорий «имеют весьма важное стратегическое значение» и поэтому не могут быть возвращены. Япония считала такими территориями Порт-Артур и Дальний, а Англия – Гонконг и Коулун. Китай не добился восстановления своей таможенной автономии, ликвидации иностранных почтовых отделений на его территории, закрытия иностранных радиостанций и беспроволочного телеграфа, вывода иностранных войск и полиции. Характерно, что когда был затронут вопрос о том, как следует понимать принцип «территориальной и административной целостности Китая», представители США объяснили, что он может быть применен только к его 18 провинциям. Это означало, что Япония могла продолжать хозяйничать в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, а Англия – в Тибете.

Формально не было отменено и «21 условие». Барон Сидехара многозначительно предупреждал, что их отмена может послужить примером «для отмены актов, подписанных другими странами», и «был бы создан чрезвычайно опасный прецедент, который мог бы иметь далеко идущие последствия для устойчивости существующих международных отношений в Азии, в Европе и где бы то ни было...»¹⁰⁰.

Но Договор девяти держав не ликвидировал противоречий на Дальнем Востоке. Американские правящие круги стремились оттеснить Японию и обеспечить превращение Китая в зависимую от США страну. Но Япония не сложила оружия в своей борьбе за Китай. Она присоединилась к Договору девяти держав, так как, находясь на Вашингтонской конференции, фактически, в полной изоляции, не имела другого выхода. Тем не менее, поскольку договор не предусматривал никаких мер воздействия к его нарушителям, японские империалисты считали, что они и в дальнейшем смогут проводить свою прежнюю политику в Китае.

Итоги конференции. Вашингтонская конференция фиксировала установившееся к этому времени новое соотношение сил на Тихом океане. Решения конференции, дополнив и частично изменив Парижские договоры 1919-1920 гг., составили вместе с ними, так называемую, Версальско-Вашингтонскую систему. Вашингтонская конференция закончила передел мира на Дальнем Востоке. В этом смысле она дополняла Версаль.

Заключенные в Вашингтоне соглашения отвечали, в первую очередь, империалистическим интересам США. Благодаря сотрудничеству с Англией, Америке удалось несколько потеснить своего основного конкурента на Дальнем Востоке и в зоне Тихого океана – Японию. Однако было бы не правильным считать, что Япония серьёзно пострадала в результате вашингтонских постановлений. Она сохраняла за собой важнейшие позиции в Китае, опорные морские базы на Тихом океане, несмотря на ликвидацию англо-японского союза, всё ещё пользовалась поддержкой Англии. Наибольший урон конференция нанесла Китаю, закрепив его положение как неравноправной, полуколониальной страны.

Вашингтонская конференция означала, что в мировой политике произошло известное перемещение сил в сторону США. Если в 1919 г. в Париже английская и французская дипломатия обошли американскую, то в Вашингтоне, напротив, представители США добились значительного успеха. Американская дипломатия выступила в роли инициатора и организатора нового «равновесия сил» на Дальнем Востоке, оказавшегося, впрочем, шатким и кратковременным.

Принятые на Вашингтонской конференции решения не смогли ослабить острых противоречий великих капиталистических держав на Дальнем Востоке. Они принесли лишь видимость мира, временно отсрочив их неизбежное столкновение. Гонка вооружений не только не приостановилась, но и приняла ещё более широкий размах, в особенности по тем видам военно-морских судов, строительство которых не было ограничено в Вашингтоне. Усилилась борьба за рынки сбыта, за источники сырья и сферы для инвестиций капиталов. Борьба колониальных держав за гегемонию на Тихом океане не ослабла. Тихоокеанский узел империалистических противоречий по-прежнему оставался очагом крупных конфликтов.

⁹⁹ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 164.

¹⁰⁰ Всемирная история. Т. 8. С. 403.

ГЛАВА 3. «РУССКИЙ ВОПРОС» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В 1918-1920 гг.¹

1. Начало иностранной военной интервенции и дипломатическая изоляция Советской России

Причины интервенции. Октябрьская революция в России вызвала страх и ненависть капиталистического мира. «В союзных странах, – писал Ллойд Джордж, – особенно среди имущих классов, давала себя чувствовать неукротимая ненависть, порожденная неподдельным страхом перед большевизмом»². Во-первых, потому, что победила под лозунгом мира, а империалисты обоих воюющих лагерей стремились довести войну «до победного конца», а мир «без аннексий и контрибуции» лишил их огромных военных прибылей и будущей военной добычи.

Во-вторых, в продолжение первого, не меньшее значение имела и опасность распада Антанты в разгар войны и крушения Восточного фронта. Западные союзники были заинтересованы в сохранении России в войне, а для этого необходимо было поддержать все антибольшевистские силы и оказать им всестороннюю помощь в деле свержения Советского правительства.

Правящие круги капиталистических стран страшились также морального воздействия Октябрьской революции на международное рабочее движение и на освободительную борьбу угнетенных народов. Советское государство, которое уже одним фактом своего существования революционизировало весь мир, превращалось в центр притяжения всех эксплуатируемых на планете.

Большевистское правительство национализировало иностранную собственность в России и объявило об отказе уплатить старые долги. Это означало потерю примерно 16 млрд золотых рублей иностранными капиталистами. Стремление вернуть утерянное также толкнуло мировой империализм на антисоветскую интервенцию.

Непримиримая классовая вражда к Советскому государству проявилась с первых дней Октябрьской революции. Она вылилась в непосредственное вмешательство во внутренние дела Республики Советов, в организацию военной интервенции с целью свержения Советской власти и реставрации буржуазно-помещичьего строя. Основным мотивом интервенции был страх, что из России революция распространится на всю, измученную войной, Европу. «Фанатичные революционеры, мечтающие о завоевании всего мира силой оружия», – так охарактеризовал большевиков английский премьер Ллойд Джордж³.

Интервенты нашли союзника в лице российской контрреволюции. Насильно свергнутые эксплуататорские классы не хотели терять власть и собственность. Их сопротивление власти победившего пролетариата вылилось в острейшую форму классовой борьбы – в гражданскую войну⁴. Эта война закончилась бы сравнительно быстро, без колоссальных человеческих потерь⁵ и не охватила бы большую часть страны, если бы внутренняя контрреволюция не получила бы массовой военной, политической и экономической поддержки со стороны иностранных империалистов.

Начало интервенции. Антисоветскую интервенцию часто сравнивают по аналогии с военным нажимом, который в своё время пришлось испытать Французской революции. По нашему мнению, следует согласиться с Дж. Боффа, который считает, что «для интервенции в России были характерны особые отличительные черты, сближающие её с некоторыми последующими конфликтами такого рода в нашем столетии, и не в последнюю очередь с войной во Вьетнаме». Прежде всего, это была необъявленная война, что позволяло участвующим в ней странам обходить конституционные процедуры, необходимые для развязывания вооружённого конфликта. Слово «война» вообще не произносилось в слух; сам Черчилль позже иронизировал по этому поводу. Отрицалось даже, что речь идет о вмешательстве. Самое большее – это была «помощь», необходимая как для «установления демократического правительства», так и для того, чтобы дать местным правительствам время «выстоять против большевиков»⁶.

В антисоветской интервенции участвовали в большей или меньшей степени все крупнейшие капиталистические государства и значительное число малых стран. Главными организаторами и участниками интервенции являлись Англия, Франция, Япония и США. Организационным центром подготовки интервенции и планирования всей антисоветской политики стал Верховный военный совет Антанты, созданный 7 ноября 1917 г. Парижская конференция Верховного совета, открывшаяся 28 ноября 1917 г., положила начало обсуждению политики вооружённой интервенции союзников по отношению к Совет-

¹ Черчилль У. Мировой кризис. С. 143-160, 218-239, 288-316.

² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 277.

³ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 108.

⁴ Diaconu C.S. Roşii şi Albii. // Dosarele istoriei. 2000, Nr. 3.

⁵ Общие демографические потери России на фронтах и в тылу (в боях, от голода, эпидемий, террора) в годы гражданской войны составили 8 млн чел. // Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // ННИ, 2006, № 5. С. 33.

⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 108.

скому государству: «Союзники примут меры, чтобы установить... действительный контроль над развитием русской внешней политики»⁷.

23 декабря 1917 года была заключена тайная англо-французская конвенция «о районах будущих операций британских и французских войск на территории России»⁸. Это был раздел России на зоны влияния. В английскую зону входили Кавказ и казачьи области рек Кубани и Дона, во французскую – Украина, Бесарабия, Крым. Англия, Франция и США выделили значительные суммы российской контрреволюции для создания белых армий и организации контрреволюционных мятежей.

Не имея в это время значительных людских ресурсов для борьбы против Советской России, державы Антанты и США располагали большими материальными возможностями. Русская контрреволюция, обладавшая известными людскими резервами, нуждалась в материальных средствах для борьбы против Советской власти. Летом 1918 года обе эти антисоветские силы объединились.

Направления вооружённого вторжения интервентов определялись сложившейся к весне 1918 г. обстановкой. Черное море было для них недоступно, пока Турция продолжала сражаться на стороне Германии. Сухопутная граница России в войне также была недостижима, ибо на пути стояли Германия и Австро-Венгрия. Оставались два основных района, через которые можно было осуществить интервенцию: на севере – Мурманск и Архангельск, а также Дальний Восток.

Первая высадка войск интервентов произошла 9 марта в Мурманском порту. Вторжение в Советскую Россию союзники пытались оправдать ссылкой на мнимую необходимость «обороны Мурманского края от немцев». На самом деле, организовав интервенцию на Севере, державы Антанты и США попытались создать плацдарм для наступления в глубь России в целях свержения Советской власти. К началу июля здесь насчитывалось около 15 тыс. солдат.

Параллельно с этим готовилась и интервенция на Дальнем Востоке. Японские, английские и американские крейсера появились во Владивостокском порту ещё в январе 1918 года. Правительства Англии и Франции, заинтересованные в том, чтобы США все свои войска отправляли в Европу, предлагали, чтобы вторжение в Советскую Россию с Востока было поручено японцам. США видели в Японии своего главного конкурента на Дальнем Востоке, поэтому интервенция одной Японии на русском Дальнем Востоке никак не устраивала американцев. Они выступали за объединённую интервенцию, сами претендуя на богатство Сибири.

5 апреля во Владивостоке под предлогом «защиты» японских подданных высадились японские войска, а вместе с ними отряд английских солдат. 29 июня 1918 года вслед за ними появились и американские оккупанты. Советское правительство, получив известия о высадке японцев, опубликовало специальное сообщение, в котором подчеркнуло, что эта акция была заранее спланирована⁹.

Посол США Фрэнсис заявил 16 апреля, что высадка японцев «не имеет политического значения, а явилась просто мерой полицейской предосторожности, предпринятой японским адмиралом под его личную ответственность». А высадку английского десанта он объяснил просьбой английского консула «защитить консульство и английских подданных, угроза которым могла возникнуть в связи с высадкой японцев»¹⁰. 18 апреля французский посол Нуланс выступил с публичным заявлением о солидарности Франции с японскими интервентами. После этого Советское правительство лишило его дипломатического иммунитета и потребовало его отзыва.

Мятеж чехословацкого корпуса. Составной частью союзнической интервенции в Советской России явился также антисоветский мятеж 50-тысячного чехословацкого корпуса, сформированного из чехов и словаков, бывших военнопленных австро-венгерской армии, оказавшихся в российском плену. Этот мятеж был задуман ещё в ноябре 1917 года, когда в Яссах состоялось совещание, на котором и был разработан план использования корпуса в антисоветской борьбе.

Командование корпуса заключило с большевистским правительством соглашение о переброске чехословаков через Сибирь во Францию. Чехи обязывались сдать оружие и двигаться к Владивостоку отдельными эшелонами. В нарушение соглашения командование корпусом оружие не сдало, эшелоны с войсками умышленно скапливались на крупных станциях. По пути в корпус вливались русские белогвардейцы, в результате чего его численность увеличилась до 60 тысяч человек.

В корпусе была развернута антисоветская агитация; солдатам внушалась мысль о том, что Советская Россия, выйдя из войны, предала союзников и тем самым поставила под угрозу создание независимой Чехословакии, а самих чехословаков большевики собираются передать немцам. 26 мая в Челябинске вспыхнул мятеж. Вскоре от Пензы до Владивостока Советская власть была свергнута восставшими чехословаками.

⁷ Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.) М., 1949. С. 27.

⁸ Ibid. С. 28-29; История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 60; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 72; Соловьев О. Ноябрь 1917 г. Как Англия и Франция делили Россию. // Межд. жизнь. 1997, № 10.

⁹ ДВП СССР. Т. 1. С. 225.

¹⁰ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 73.

4 июня представители Англии, Франции, Италии и США заявили протест против действий Советского правительства по разоружению чехословаков, назвав их «недружелюбным актом, направленным против них, так как чехословацкие отряды являются союзными войсками и находятся под покровительством и заботой держав согласия»¹¹. В ноте НКВД от 12 июня 1918 года отмечался контрреволюционный характер мятежа, участие в котором приняли и офицеры стран Антанты. В ней говорилось, что это откровенное решительное вмешательство во внутренние дела России¹².

Предложения Советского правительства о прекращении интервенции и отношении Антанты к ним. В это время правительство Ленина предлагало странам Антанты и США отказаться от интервенции и наладить с Россией тесные экономические взаимоотношения. Но эти предложения остались без ответа, так как Запад надеялся вооружённой рукой свергнуть большевиков. 2 июля 1918 года Верховный военный совет Антанты принял решение об усилении интервенции в Сибири. «Союзники, – говорилось в этом решении, – должны воспользоваться возможностью и установить свой контроль над Сибирью, поскольку в будущем такая возможность может и не представиться»¹³. Совет решил направить в Сибирь хорошо оснащенные, значительные в количественном плане силы, состоящие из контингентов войск всех союзников, причём ядро этой армии должны были составить японские войска.

Эти решения были доведены до сведения Вильсона. В августе во Владивостоке вновь высадились значительные силы японских, английских, французских и американских войск. «Очень пестрый по составу кордон союзных войск, – писал Ллойд Джордж, – сторожил всю Сибирь по линии Сибирской железной дороги, вплоть до Урала. Он включал русских белогвардейцев, чехов, британские морские и военные части, японцев, американцев и маленькие группы французов и итальянцев»¹⁴. Иностранная военная интервенция расширялась.

В августе 1918 года последовали декларации правительств Японии, США, Великобритании. 19 сентября последовала декларация верховного комиссара Франции в Сибири и 3 декабря 1918 года – итальянского правительства. Все эти декларации объявили основанием для интервенции необходимость «борьбы с Германией»¹⁵.

Японцы объявляли свою «неизменную политику уважения территориальной целостности России и воздержания от всякого вмешательства в её внутреннюю политику». Верх фарисейства! В пространной декларации США лицемерно говорилось, что американское правительство решилось на интервенцию, только «чтобы оказать возможное покровительство и помощь чехословакам против нападающих на них вооружённых австрийских пленных...».

В английской декларации, подписанной Бальфуrom, говорилось о защите независимости России и завоеваний революции, которым угрожает... Германия. Декларация итальянского правительства, подписанная министром иностранных дел Соннино, выпущенная через три недели после капитуляции Германии, когда о «германской опасности» уже не могло быть и речи, тем не менее, повторяла все «аргументы» других деклараций – о защите России от... Германии.

Только во французской декларации откровенно заявлялось о том, что интервенция союзников направлена против советского строя и призвана оказать поддержку элементам, «оставшимся верными союзным обязательствам и стремящимся положить конец большевистской дезорганизации».

Открытая интервенция была не единственным средством для свержения Советской власти. Антанта и США поддерживали и организовывали мятежи и заговоры, снабжали деньгами и оружием русскую контрреволюцию. Дипломатические представители этих стран продолжали находиться в Советской России, хотя их правительства и отказались признать Советское государство, а войска союзников уже вели вооружённую борьбу против него. Характерным примером «деятельности» иностранных дипломатов в Советской России являлся заговор, нити которого сходились в руках английского дипломатического представителя Локкарта, действовавшего совместно с французским генеральным консулом в Москве Гренаром. Заговорщики пытались подкупить охрану Кремля, арестовать Совнарком и свергнуть Советскую власть. По замыслу одного из руководителей заговора – английского разведчика Сиднея Рейли, предполагалось расстрелять В.И. Ленина сразу же после ареста¹⁶.

Но правительство Ленина не теряло надежду добиться дипломатическим путём прекращения войны. В ноте от 24 октября 1918 года, направленной Вильсону, оно изъявило готовность вступить в мирные переговоры с союзными державами и просило США и страны Антанты сообщить, каковы их условия заключения мира с Советским государством¹⁷.

¹¹ Ibid. С. 75; История дипломатии. Т. 3. С. 125; История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 66.

¹² История внешней политики СССР. Т. 1. С. 75.

¹³ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 66-67.

¹⁴ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 6. С. 97.

¹⁵ Штейн Б.Е. «Русский вопрос» .... С. 51-52.

¹⁶ См: БСЭ. Т. 14, М., 1973. С. 619; Чекисты. М., 1970. С. 41-47.

¹⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 538-539.

3 ноября большевистское правительство ещё раз предложило правительствам Антанты и США прекратить военные действия¹⁸. 6 ноября VI Всероссийский съезд Советов принял специальное постановление обратиться к правительствам США, держав Антанты и Японии с предложением открыть переговоры о заключении мира и уполномочил НКИД предпринять в этом направлении необходимые шаги¹⁹. Это постановление было передано на Запад по радио.

2. Парижская мирная конференция – штаб антисоветской интервенции²⁰

Две линии в борьбе с советским коммунизмом. Несмотря на то, что Парижская конференция была создана для выработки мирных договоров с побеждёнными странами, она была превращена победителями в штаб вооружённого вмешательства в дела России, и «русский вопрос» занял центральное место в её работе. Сущность этого вопроса сводилась к принятию необходимых мер к ликвидации Советской власти в России. Его важнейшим аспектом считались и борьба с революцией в других странах.

«Русский вопрос» участники конференции начали обсуждать ещё до её официального открытия и возвращались к нему неоднократно в процессе её работы. Более того, все решения конференции по проблемам послевоенного мира принимались с учетом задачи уничтожения большевистской власти в России. Ллойд Джордж отмечал, что «из всех вопросов, обсуждавшихся на ... предварительной стадии, только вопрос о позиции союзников по отношению к России представляет неизменный интерес»²¹. «Если, – продолжал он, – Мирная Конференция в самом деле намерена обеспечить мир... она должна рассмотреть положение в России... Какой бы хороший мир ни был заключен с Германией, бессмысленно думать, что... конференция может разойтись, оставив Россию в её нынешнем положении»²².

Стремление покончить с Советской Россией объединяло всех лидеров буржуазного мира, но по тактическим вопросам у них были расхождения. Клемансо, Фош, Черчилль и Керзон настаивали на безоговорочном продолжении военной интервенции, тогда как Вильсон и Ллойд Джордж сомневались в том, что победу над большевистской Россией можно одержать одними военными средствами. Выражаясь современным журналистским языком, можно сказать, что тогда тоже были «ястребы» и «голуби», в равной мере исполненные решимости ликвидировать большевиков.

Позиция Черчилля выражалась словами: «Мы должны сказать русским – мы применим силу, чтобы восстановить прежнее положение вещей». Программа ясная, включая формулу «прежнее положение вещей»²³. Ллойд Джордж выступал за более гибкую тактику, заявляя, что он «решительный противник военной интервенции в какой бы то ни было форме». В доказательство своей правоты он привёл пример немцев, «находившихся на расстоянии выстрела от Петрограда», имевших «вместе с австрийцами около миллиона солдат», но «застывших в трясине, откуда большинству не удалось ещё выбраться»²⁴. Кроме того, выяснилось, что войск держав Антанты, посланных в Россию, оказалось совершенно недостаточно для победы над Советской властью. Посылать новые соединения было затруднительно по соображениям внутренней политики: народы устали от войны, рабочие сочувствовали русской революции, росло движение против интервенции. «Организованные рабочие, – писал Лл. Джордж, – с определенной симпатией реагировали на приход к власти пролетариата в России и страстно желали перемен повсюду, особенно смены господствующего класса. Эти настроения, усугубляемые искренним отвращением ко всякой новой войне, были настолько сильны, что если бы мы приостановили демобилизацию и начали переброску войск» в Россию, «вспыхнул бы мятеж»²⁵.

Было и другое соображение, по которому Ллойд Джордж выступал против интервенции: «Военная интервенция может только укрепить ту силу, которую мы собираемся уничтожить. Единственно верный способ укрепить власть большевиков в России – это попытаться сокрушить большевиков при помощи чужеземных войск. Если мы пошлем туда войска стрелять в большевиков, мы тем самым создадим ещё больше большевиков»²⁶. Он сравнил положение в России с ситуацией во Франции времен великой революции: «Уже тот факт, что мы вмешались, позволил Дантону объединить французских патриотов и сделать террор орудием войны. Когда революция пошла по пути военной диктатуры, наше положение ухудшилось. Франция была превращена в огромную военную машину, которая приводилась в движение главным образом страстной ненавистью к нам»²⁷. Плюс ко всему, по мнению Лл. Джорджа,

¹⁸ Ibid. С. 549.

¹⁹ Ibid. С. 556.

²⁰ Черчилль У. Мировой кризис. С. 218-239.

²¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 274.

²² Ibid. С. 353-354.

²³ Штейн Б.Е. «Русский вопрос» .... С. 64.

²⁴ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 284.

²⁵ Ibid. С. 277.

²⁶ Ibid. С. 284-285.

²⁷ Ibid. С. 285.

«огромное большинство населения России... решительно предпочитает большевистскую власть правлению сторонников старого режима и что это большинство, конечно, не собирается участвовать в каких-либо военных предприятиях, целью которых будет восстановление старого строя»²⁸. Всё это приводило Ллойд Джорджа и Вильсона к выводу о бесперспективности антисоветской военной интервенции. Они настаивали на дипломатических методах борьбы с Советской властью.

О разногласиях в подходе к Советской России писал в январе 1919 года и Ленин: «Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам, служащих самой черной монархической и помещичьей реакции, уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты... Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит по-прежнему за военное вмешательство в России, за „экономическое окружение“ (Клемансо) и удушение Советской республики»²⁹.

После восстания военных моряков на французских кораблях в Черном море в апреле 1919 года Клемансо перестал требовать интервенции силами самой Антанты и на заседании Совета четырёх присоединился к точке зрения Вильсона и Ллойд Джорджа.

Вопрос об участии России в конференции. На предварительных совещаниях союзных делегаций встал вопрос об участии России в конференции. Мнения по этому вопросу разделились. Клемансо высказывался против какого-либо представительства России. «Мир, который теперь должен быть установлен, не затрагивает её»³⁰.

Ллойд Джордж высказал противоположное мнение: «Россия, в конце концов, занимает почти две трети Европы и большую часть Азии. Это проблема, от которой мы никуда не можем уйти. Может ли она быть разрешена, если русский народ не получит право высказаться на конференции по касающимся его вопросам? Дело, которое касается почти 200 млн человек, невозможно разрешить, не выслушав их. Невозможно пригласить на Мирную конференцию татар, финнов, латышей и не пригласить большевиков, которые представляют две трети всего населения. Большевики, что бы о них ни думали, ведут, по-видимому, за собой большинство населения. Этот факт — без сомнения печальный факт, но нельзя игнорировать факты только потому, что они неприятны»³¹. Ллойд Джордж был готов рассматривать Советы как фактическое правительство России³². Президент Вильсон был того же мнения. Но в этом вопросе он был непоследователен и вскоре изменил своей позиции.

12 января 1919 года было окончательно решено, что Россия не будет представлена на конференции, но представители белогвардейцев, выбранные Пишоном (Сазонов, Львов и др.), могут быть опрошены персонально или при помощи меморандумов³³. Это решение означало несомненную победу линии Клемансо, а вся филиппика Ллойд Джорджа осталась словесным упражнением.

Фактом было решение Совета десяти от 12 января 1919 года, что Россия не будет представлена на конференции. А маршал Фош предложил организовать вооружённый поход против большевиков, двинув туда американские армии и используя Польшу в качестве плацдарма³⁴.

Продолжение дискуссии. Обсуждение вопроса о представительстве России на Мирной конференции привело к постановке общего вопроса о политике по «русскому вопросу». Генеральная дискуссия началась на заседании Совета десяти 16 января 1919 года. Ллойд Джордж заявил, что его неправильно поняли, так как он не предлагал признания большевистского правительства в том смысле, чтобы ему было предоставлено место на Мирной конференции³⁵. «Я принял в виде компромисса предложение, — пишет он, — чтобы мы пригласили делегатов от всех борющихся в России группировок, которые должны были в ближайшем будущем — в подходящее время и в подходящем месте — встретиться с союзниками, чтобы прийти к соглашению»³⁶.

Аргументировал британский премьер своё предложение невозможностью силой свергнуть большевиков и опять сослался на пример немцев, которые, ощущая колоссальную нехватку сил на Западном фронте, «вынуждены были держать миллионный гарнизон в нескольких областях России, представляющих собой лишь её окраину; к тому же большевики в то время были слабы и неорганизованны. Сейчас они сильны и имеют грозную армию. Разве кто-либо из западных союзников готов послать в Рос-

²⁸ Ibid. С. 276.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 461.

³⁰ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 278.

³¹ Ibid. С. 279.

³² Ibid. С. 287.

³³ Штейн Б.Е. «Русский вопрос»... С. 67.

³⁴ История дипломатии. Т. 3. С. 171.

³⁵ Штейн Б.Е. «Русский вопрос»... С. 70.

³⁶ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 287.

сию миллион человек? Вряд ли найдется для этого и тысяча добровольцев»³⁷. Далее он отметил, что войска Антанты, находящиеся в России, решили вернуться домой, мятежные чехословаки уже заражены большевизмом, Колчак и Деникин очень слабы³⁸. «Единственно возможный план – ...пригласить представителей различных русских правительств встретиться в Париже, после того как они заключат временное перемирие... Нас уверяли, что если большевистские эмиссары приедут во Францию и Англию, они сразу же обратят в свою веру французский и английский народы. Возможно, что большевизм найдет почву в этих странах, но это произойдет не в результате приезда нескольких русских»³⁹.

Президент Вильсон заявил, что нельзя ничего возразить против тех соображений, которые выдвинул Ллойд Джордж. «Несомненно, – сказал он, – что за большевиками стоит огромная сила... Несомненно, что большевистские лидеры часть своей силы черпают из постоянной угрозы иностранной интервенции. Эта угроза помогла им объединить вокруг себя народ». Он полагает потому, что английское предложение – единственное, которое может дать какие-нибудь результаты⁴⁰.

Против доводов англичан высказались представители Франции, возлагавшие все надежды на военную силу. Не придя к соглашению, Совет десяти решил перенести обсуждение «русского вопроса» на 21 января. Пишон и Соннино предложили заслушать на этом заседании только что прибывшего из Советской России французского посла Нуланса и бывшего датского посланника в Петербурге Скавениуса. Ллойд Джордж свидетельствует, что Нуланс «повторил сплетни и пересуды парижской крайне правой прессы об ужасах большевизма» и «не произвёл хорошего впечатления. Сами французские министры были разочарованы своим очевидцем»⁴¹.

Скавениус порекомендовал идти против большевиков большими массами войск, так как в противном случае «подобно немецким войскам, наши войска, посланные в Россию, через несколько месяцев окажутся зараженными большевизмом»⁴². Из его выступления Ллойд Джордж сделал вывод, что «это совсем не согласовывалось с теорией, что большевики обязаны своей победой только террору и что большинство населения их не поддерживает»⁴³. Скавениус также отметил, что без поддержки интервентов белогвардейские войска небоеспособны⁴³.

Совет десяти не принял никакого решения. Вечером британская делегация заседала одна. Представитель Канады Р. Борден и Австралии Юз признали невозможным посылать войска своих стран в Россию. Ллойд Джордж предложил начать переговоры с большевиками ввиду явной нереальности сбросить их силой⁴⁴. Каждый день приносил новые сообщения о продвижении Красной Армии.

В тот же день вновь состоялось заседание Совета десяти. Соннино категорически возражал против переговоров с большевиками. Клемансо выступил против их приглашения в Париж. Тогда Вильсон высказался за то, чтобы пригласить русских в Салоники или на остров Лемнос⁴⁵. Клемансо заявил, что он принципиально возражает против каких-либо переговоров с большевиками, т.к. большевизм распространяется и его угроза очень велика. Он может распространиться на такие страны, как Венгрия, Австрия, Германия, Италия, Франция⁴⁶.

Идея проведения конференции на Принцевых островах. Совет десяти поручил президенту США обратиться ко всем воюющим в России группам с приглашением прибыть на совещание по вопросу о восстановлении мира в России. Предварительным условием участия в конференции было прекращение военных действий. 22 января 1919 года в печати появилось обращение Вильсона. Представителей враждующих лагерей в России приглашали не в Париж и не в Салоники, а на Принцевы острова в Мраморном море. Один пассаж в этом документе интересен своим фарисейством. Так как интервенция была крайне непопулярной, и её продолжение грозило перерасти в революцию в самих странах Антанты, лидеры мирового империализма попытались предстать перед общественностью в демократическом свете.

Они заявили, что «признают абсолютное право русского народа самому управлять своими делами, без какого-либо давления ... извне... Они безоговорочно признают революцию и не будут никоим образом и ни при каких обстоятельствах помогать или потворствовать контрреволюции». Если не знать авторства документа, можно подумать, что он составлен кем-нибудь из почитателей Ленина и Троцкого. Далее эти «демократы» объявляют, что «не имеют желания... помогать какой-либо из организованных групп, борющихся сейчас в России... Их единственная и искренняя цель – сделать всё возмож-

³⁷ Ibid. С. 289.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid. С. 290.

⁴⁰ Ibid. С. 291-292.

⁴¹ Ibid. С. 292-293.

⁴² Ibid. С. 294.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. С. 301-305.

⁴⁵ Ibid. С. 305-307.

⁴⁶ Ibid. С. 308.

ное, чтобы дать России мир и возможность самой найти выход из нынешнего беспорядка»⁴⁷. Прямо слова из Евангелия... Возможно, они таковыми и были бы в действительности, если не одновременная с этим массивная помощь стран Антанты русской контрреволюции оружием, снаряжением и финансами.

Но это обращение не было передано непосредственно Советскому правительству и дошло до него 23 января 1919 года из радиоперехвата. Отмечая причины неудачи этого предложения, Ллойд Джордж писал: «Ни одна из враждующих группировок не пожелала встретиться со своими противниками на конференции. Большевики не желали признать какие-либо права за своими противниками. Для них это были мятежники... С другой стороны, антибольшевистские организации не хотели вести переговоры»⁴⁸ с большевиками.

Что касается позиции большевиков, то здесь Ллойд Джордж, мягко говоря, сказал неправду. 4 февраля правительство РСФСР направило Англии, Франции, Италии, США и Японии ноту с конкретными предложениями для ведения переговоров. С условием, что социалистический строй Советской России не будет затронут, большевики соглашались признать долги прежних правительств, готовы приступить к выплате процентов по старым займам и предоставить ряд концессий подданным стран Антанты. Советское правительство, несмотря на свои военные успехи, соглашалось даже говорить о территориальных уступках. Выражая согласие немедленно начать переговоры на Принцевых островах или в любом другом месте, оно просило сообщить, куда направить своих представителей⁴⁹.

Перспектива мирных переговоров с Советами встретила яростное сопротивление сторонников продолжения вооружённой интервенции. На таких позициях стояли правящие круги Франции. А Черчилль предложил потребовать от Советского правительства, чтобы в течение 10 дней, начиная с 15 февраля, Красная Армия прекратила наступление на фронтах и отступила не менее чем на 5 миль от передовых позиций противника, иначе будет считаться, что Советская Россия отвергла предложение о конференции. Если это произойдет, то с таким же требованием союзники обратятся к противникам большевиков⁵⁰. Но дело в том, что ещё 22 января, вслед за резолюцией Совета десяти о созыве конференции на Принцевых островах, французским правительством был послан «дружеский совет» белогвардейцам не принимать этого предложения⁵¹. В таких условиях, 16 февраля, все белогвардейские «правительства» одновременно сообщили о своём отказе встретиться с большевиками⁵².

Конференция на Принцевых островах была сорвана. Причины отказа от её созыва заключались, конечно, не в том, что российская контрреволюция не пожелала принять в ней участие. Дело в том, что к этому моменту белогвардейские силы в известной мере, получив значительную помощь Антанты, оправались от ударов Красной Армии. Войска Колчака готовились к наступлению и вновь оживились надежды на низвержение Советской власти.

Следует осветить и те закулисные комбинации, которые были предприняты между 22 января и 15 февраля политиками Антанты, стремящимися сорвать конференцию на Принцевых островах. Этими деятелями были Клемансо, Пишон, Черчилль, Бонар Лоу и др. Что предпринял Черчилль? Вот что пишет по этому поводу Лл. Джордж: «В нашем кабинете давало себя чувствовать могущественное и исключительно настойчивое влияние сторонников военной интервенции в России», которым удался ловкий маневр. «Уинстон Черчилль... бросил всю свою кипучую энергию и весь свой талант на организацию военной интервенции против большевистской власти в России... Черчилль очень ловко использовал возможности, которые давал ему мой и президента Вильсона отъезд из Парижа, чтобы поехать туда и поставить свои планы в отношении России на рассмотрение французской, американской и английской делегаций.

Не может быть никакого сомнения в том, что французские военные власти... стремились организовать активную военную интервенцию в России. В английском правительстве они нашли горячего сторонника своих проектов в лице военного министра»⁵³.

Что касается самого Черчилля, то он изображает свою поездку в Париж несколько в иных тонах: «Как раз в этот самый период * я впервые принял участие в обсуждении «русского вопроса» в Париже... Я неоднократно побуждал премьер-министра принять по отношению к России определенную политику. В конце концов, он предложил мне поехать в Париж и установить самому, что можно было сделать в тех пределах, какие были нами намечены»⁵⁴.

Думаю, всем ясно, что без разрешения Лл. Джорджа Черчилль не поехал бы в Париж. Премьер прекрасно знал империалистическое нутро и интервенционистские планы Черчилля по «русскому вопро-

⁴⁷ Ibid. С. 314-315.

⁴⁸ Ibid. С. 316.

⁴⁹ ДВП СССР. Т. 2. М., 1958. С. 57-60.

⁵⁰ Штейн Б.Е. «Русский вопрос».... С. 116; Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране советов. Киев. 1971. С. 100.

⁵¹ Штейн Б.Е. «Русский вопрос».... С. 102.

⁵² История дипломатии. Т. 3. С. 175.

⁵³ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 317-318.

* Имеется в виду после 22 января 1919 года.

⁵⁴ Штейн Б.Е. «Русский вопрос» .... С. 108.

су» и, тем не менее, предложил ему ехать. Становится очевидным, что ничего не было сделано для практического осуществления резолюции от 22 января. Наоборот, в то время как противники конференции на Принцевых островах (Клемансо, Пишон, Черчилль) действуют, её сторонники и инициаторы (Вильсон, Лл. Джордж) бездействуют, способствуя этим срыву конференции. Из этого напрашивается логический вывод, что ответственность за срыв переговоров на Принцевых островах несут лидеры Антанты. Никто не поверит, что Колчак, Деникин, Чайковский и другие руководители белого движения осмелились бы отклонить предложение, сделанное Западом, если бы союзники действительно искренне желали его осуществления.

Бальфур ещё на заседании 21 января высказал мнение, что если различные партии России будут приглашены на конференцию на равных основаниях, то при этом большевики могут отказаться от конференции, поставив себя тем самым в невыгодное положение⁵⁵. Таким образом, приглашение на конференцию представителей Советской России предлагалось Бальфуром как дипломатический трюк. Его поддерживали и другие деятели – Орландо, Макино и другие.

Этот вывод, по нашему мнению, убедительно подтверждается ещё и тем, что Советское правительство так и не получило ответ на свою ноту от 4 февраля. Выходит, что предложение о созыве конференции на Принцевых островах было лишь маневром. С одной стороны, оно отражало известные разногласия в руководящих кругах союзников по вопросу о формах борьбы с Советской властью, с другой, – имело целью успокоение общественного мнения своих стран, которое требовало прекращения интервенции. С третьей, была сделана попытка выиграть время для того, чтобы дать возможность русской контрреволюции собраться с силами. Более того, на заседании Совета десяти 25 февраля Фош предложил продолжить интервенцию в России силами «окраинных» народов – финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов, русских под военным руководством союзников⁵⁶. Он предлагал из 1,2 млн русских пленных в Германии отобрать настроенных антибольшевистски и отправить их в Польшу, к Деникину, для усиления внутренней контрреволюции⁵⁷.

Миссия Буллита. Однако в это время всё ещё продолжалось наступление Красной Армии и Вильсон с Ллойд Джорджем решили провести дипломатический зондаж позиций Советского правительства, послав в Советскую Россию представителя американской миссии в Париже. Выбор пал на Уильяма Буллита*, убежденного противника Советской власти, и неслучайно, – нужен был человек, считал Ллойд Джордж, «известный всему миру как убежденный консерватор, чтобы весь мир поверил, что его отчет – не выдумка радикала»⁵⁸.

22 февраля 1919 года он был официально уполномочен на это Лансингом⁵⁹. Поездка Буллита в Россию была окружена глубокой тайной. О ней знала только английская делегация (Ллойд Джордж, Керр и Бальфур). Ллойд Джордж сообщил условия, на которых страны Антанты считали возможным вести переговоры с большевиками⁶⁰. Их суть состояла в сохранении того положения, которое сложилось в России в итоге иностранной интервенции и возникновения белогвардейских правительств.

8 марта Буллит прибыл в Москву, где был принят Лениным, Чичериным и Литвиновым. После внимательного изучения англо-американских предложений большевистское правительство внесло в них некоторые поправки, с которыми Буллит согласился. Проект предусматривал приостановку военных действий на территории России, с тем, чтобы созвать конференцию для заключения мира на следующей основе: признание власти фактически существующих правительств на территориях, занимаемых сторонами к моменту перемирия и взаимное обязательство не предпринимать попыток к свержению силой этих правительств; отмена экономической блокады Советской России и предоставление ей свободы товарообмена с другими странами; предоставление права Советской России беспрепятственного транзита на всех железных дорогах и пользования всеми портами бывшей Российской империи; дипломатическое признание Советского правительства и взаимное обеспечение свободного въезда и передвижения граждан по территории договаривающихся стран; взаимное обязательство воюющих сторон провести амнистию политическим противникам; отказ Антанты и США от дальнейшей интервенции и вывод их войск из России⁶¹.

Запад требовал, чтобы большевики взяли на себя финансовые обязательства бывшей империи. Это условие было включено в проект, но с оговоркой, что подробности уплаты долгов будут выработаны с учетом финансового положения России. Советское правительство настаивало, чтобы уплата долгов бы-

⁵⁵ Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране советов. С. 84.

⁵⁶ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. С. 319; Штейн Б.Е. «Русский вопрос».... С. 136-137; Всемирная история. Т. 8. С. 106.

⁵⁷ Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране советов. С. 75.

* В 1933 году стал первым послом США в СССР.

⁵⁸ Ibid. С. 108.

⁵⁹ Ibid. С. 102; Штейн Б.Е. «Русский вопрос».... С. 140.

⁶⁰ См: История дипломатии. Т. 3. С. 176; Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране советов. Т. 1. С. 104; Штейн Б.Е. «Русский вопрос».... С. 143.

⁶¹ ДВП СССР. Т. 2. С. 92-94.

ла возложена равномерно на всех правопреемников бывшей Российской империи, чтобы в счёт русского долга было зачтено золото, захваченное чехословацкими мятежниками и полученное немцами в результате Брестского мира и затем поступившее в распоряжение Антанты.

Во время пребывания в России Буллит имел возможность ознакомиться с положением дел в «Совдепии» и пришел к выводу, что «в настоящий момент в России никакое правительство, кроме социалистического, не сможет утвердиться иначе, как с помощью иностранных штыков, и всякое правительство, установленное таким образом, падет в тот момент, когда эта поддержка прекратится»⁶². В этой связи он писал: «Никакой действительный мир не может быть установлен в Европе и во всём мире, пока не будет заключен мир с революцией. Это предложение Советского правительства предоставляет возможность заключить мир с революцией на справедливых и разумных основаниях и, быть может, – единственную возможность»⁶³.

По возвращении в Париж Буллит представил доклад, в котором высказал убеждение, что Советскую власть в России невозможно свергнуть с помощью открытой интервенции и блокады. Он обосновал желательность заключения мира с большевиками тем, что это позволит с помощью экономических мер продиктовать Советам волю Запада. «Если блокада будет снята, – писал он, – и Советская Россия будет снабжаться всем необходимым, то русский народ можно будет крепче зажать в руках с помощью страха прекращения помощи, чем с помощью блокады»⁶⁴.

Вначале этот план нашел одобрение. Буллит было поручено составление текста декларации о перемирии. Ллойд Джордж посоветовал даже опубликовать в газетах материал о поездке американского представителя в Москву. Вильсон намерен был выслушать отчет своего посланника. Его предложения поддерживали Бальфур и Хауз, даже Орландо высказался совершенно определенно за заключение мира на этих условиях.

Однако вскоре все изменилось, Вильсон отказался принять Буллита и запретил печатать материалы о положении в Советской России, а Ллойд Джордж публично заявил, что он непричастен к поездке Буллита в Москву. «Это был случай самого грубого обмана общественности, пожалуй, самого бесовского из всех, какие я знал за всю мою жизнь»⁶⁵, – заметил позже Буллит. Американское и английское правительства отмежевались от миссии Буллита и тем самым отказались от дальнейшего обсуждения условий перемирия. Это объясняется начавшимся наступлением Колчака. Оно возродило надежды на скорую победу российской контрреволюции и, следовательно, попытки соглашения с Советским правительством становились ненужными и даже вредными, так как они, по мнению западных лидеров, могли лишь укрепить большевиков.

3. Поддержка западными странами внутренней контрреволюции в России и продолжение борьбы с Советской властью в 1919-1920 гг.

Положение России весной 1919 года и планы Антанты. К весне 1919 года на многочисленных фронтах, опоясавших Советскую республику, сосредоточились крупные соединения интервенционистских и белогвардейских войск. На Дальнем Востоке хозяйничали американцы и японцы, подпирая своими штыками режим Колчака. В Закавказье англичане поддерживали националистические правительства Грузии, Армении и Азербайджана. На Северном Кавказе орудовала добровольческая армия Деникина. На западе развернула военные действия Польша и захватила Барановичи, Лиду и Вильнюс. На северо-западе на американские и английские деньги рос Юденич. На севере, в районе Мурманска и Архангельска, американские и английские интервенты совместно с белогвардейскими отрядами Миллера готовили наступление в центр страны. Все эти войска насчитывали около 1 млн человек. Советская Россия оказалась в огненном кольце.

Основную силу этого похода составляла армия Колчака. На него и возлагались наибольшие надежды, так как он располагал огромной территорией, значительными людскими и продовольственными ресурсами. 16 января 1919 года представители держав Антанты подписали с Колчаком соглашение, по которому он обязался «согласовывать» свои действия с директивами верховного командования Антанты. Французский генерал Жанен был назначен главнокомандующим всеми войсками интервентов в Восточной России и Сибири, ему предоставлялось право осуществлять общий контроль на фронте и в тылу. Английский генерал Нокс руководил организацией поставок вооружения и обмундирования для армии Колчака.

За 1919 год США, Англия, Франция и Япония доставили Колчаку 700 тыс. винтовок, 3650 пулемётов, сотни миллионов патронов, большое количество артиллерии, обмундирование. Большая часть этого

⁶² История США. Т. 3. С. 64; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 106; Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране советов. С. 108-109.

⁶³ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 106.

⁶⁴ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 105.

⁶⁵ Ibid. С. 106; Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция... С. 110.

«добра» приходилась на долю американцев. В результате этих поставок войска Колчака превратились в серьёзную силу и насчитывали около 400 тыс. человек⁶⁶. В начале марта они перешли в наступление.

Но, помогая Российской контрреволюции, лидеры Антанты действовали крайне скрытно и осторожно, чтобы, с одной стороны, не вызывать возмущение рабочих в собственных странах, а с другой – не оказать невольной услуги делу германо-советского сближения. На заседании Совета четырёх 7 мая 1919 года Ллойд Джордж заявил, что обстановка в России за последнее время значительно изменилась. Можно предвидеть близкое падение большевиков и вступление Колчака в Москву⁶⁷. 23 мая Клемансо предложил признать Омское правительство Колчака в качестве всероссийского правительства⁶⁸.

26 мая за подписью Вильсона, Ллойда Джорджа, Клемансо, Орландо и представителя Японии, Верховный совет Антанты послал на имя Колчака ноту, в которой США, Англия, Франция, Италия и Япония заявили, что они готовы на определенных условиях признать его «правительство». Требования сводились к тому, чтобы внутривнутренняя жизнь России была поставлена под их контроль. Союзники требовали созыва после занятия Москвы Учредительного собрания; признания независимости Польши и Финляндии; решение вопроса об отношениях России с прибалтийскими странами, кавказскими и закаспийскими территориями должно было произойти с совета и при сотрудничестве Лиги Наций, т.е. по воле Антанты; бессарабский вопрос также должна была решать мирная конференция⁶⁹.

Колчак снесся с Деникиным и Миллером и ответил письмом от 4 июня 1919 года на условия Антанты, выразив ей свою признательность и готовность принять основные требования союзников: принять участие в разоружении, поскольку это будет одобрено Учредительным собранием; признавал независимость Польши с условием определения границ Учредительным собранием; признавал де-факто Финляндию с отнесением решения вопроса на усмотрение Учредительного собрания; признавал возможность обеспечить автономию «национальных групп» трёх прибалтийских государств, кавказских и закаспийских областей с передачей споров Лиге Наций, указывал на необходимость разрешения вопроса о Бесарабии Учредительным собранием и подтверждал свою декларацию от 27 ноября 1918 года в принятии на себя русского государственного долга⁷⁰.

12 июня 1919 года Англия, Франция, США и Италия признали ответ Колчака удовлетворительным и обещали ему ещё более интенсивную помощь. Отношения, установленные между союзниками и правительством Колчака, имели характер фактического признания этого правительства. Союзники осуществляли с ним регулярные контакты через своих представителей; всячески оказывали ему военную, экономическую, финансовую, политическую помощь и поддержку.

Поражение русской контрреволюции. Помощь эта, однако, запоздала: когда Колчак получил ноту о признании, его разбитые войска катились в глубь Сибири. Со второй половины 1919 года интервенты и белогвардейцы перенесли центр тяжести борьбы на юг. Против Советской власти была двинута новая сила – генерал Деникин. Новый поход Антанты, как и предшествующий, был комбинированным: войска Юденича готовили второй удар по Петрограду, на западе военные действия вели поляки, в Сибири – недобитая армия Колчака. Но главная роль отводилась южному направлению. Основные надежды возлагались на деникинскую армию, которую У. Черчилль называл «моя армия». Не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков, боеприпасы, снаряжение и обмундирование были посланы Деникину в Новороссийск⁷¹. В конце июня 1919 года пал Царицын. Деникин рвался к Москве.

Несколько сот английских офицеров действовали в добровольческой армии в качестве инструкторов. В боях под Царицыным действовала 47-я эскадрилья английских ВВС. При штабе Деникина находилась специальная миссия США во главе с адмиралом Мак-Келли, выполнявшим функции военного советника⁷².

В середине октября деникинцы заняли Орел и приближались к Туле. Угроза нависла над Москвой. Для Советской власти это было самое опасное из всех наступлений, под непосредственным ударом оказалась Центральная Россия с её пролетарскими центрами, являвшимися базой революции. Но именно в этот момент началось контрнаступление Красной Армии, предопределившее разгром Деникина.

Невоенные формы борьбы с Советской властью и позиция большевистского правительства. В общем в 1919 г. четко выявилось намерение империалистических правительств стран Антанты и США продолжать интервенцию в Советской России в замаскированной форме. Антанта взяла на себя материальное снабжение и финансирование походов против большевизма. Основную ставку она делала на белогвардейские армии. В то же время Запад рассчитывал направить против большевиков военные силы лимитрофных с Россией государств. Оказывая военную и дипломатическую поддержку русским конт-

⁶⁶ Всемирная история. Т. 8. С. 264.

⁶⁷ Штейн Б.Е. «Русский вопрос».... С. 230.

⁶⁸ Ibid. С. 235-236.

⁶⁹ Ibid. С. 235-243; История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 110; История дипломатии. Т. 3. С. 180.

⁷⁰ Штейн Б.Е. «Русский вопрос».... С. 243.

⁷¹ История дипломатии. Т. 3. С. 180.

⁷² Всемирная история. Т. 8. С. 180.

преволюционным группировкам, капиталистические государства в то же время окончательно порвали всякие отношения с Советской Россией. Они стремились к полной изоляции Советов. Ещё в декабре 1918 г. Антанта ультимативно потребовала от шведского правительства разрыва отношений с Советской Россией. В начале 1919 г. советский полпред В.В. Воровский покинул Стокгольм. Постепенно из России выехали дипломатические представители всех скандинавских государств. К лету 1919 г. в Советской России оставались лишь представители датского Красного Креста, но 9 июля 1919 г. и они выехали из страны.

Наряду с военной интервенцией, поддержкой внутренней контрреволюции, дипломатической изоляцией одним из методов борьбы против Советской России была экономическая блокада. Фактически она началась в 1918 г., когда интервенты заняли российские порты на Тихом океане, на Белом, Черном и Балтийском морях. Однако тогда основным средством борьбы против революции было вооружённое вторжение. К середине 1919 г., когда военные неудачи Антанты и её ставленников в России стали очевидными, западные державы решили основной упор сделать на беспощадную экономическую блокаду.

Весной и летом 1919 года под нажимом великих держав все страны совершенно порвали торговые связи с Россией. 10 октября 1919 года Антанта и США официально объявили блокаду РСФСР и призвали нейтральные страны к участию в её экономической изоляции.

Советское правительство энергично протестовало против этого и направило предупредительные ноты Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландам, Испании и Швейцарии. В конечном итоге Германия отказалась присоединяться к блокаде. Кроме политической заинтересованности в нормализации своих отношений с Россией, серьёзной причиной этого была заинтересованность германских деловых кругов в обширном российском рынке. Правительство Ленина многократно обращалось и к правительствам Антанты и США с предложением о начале мирных переговоров, но, как и ранее, представители этих держав игнорировали все предложения.

Однако правящим кругам Запада к концу 1919 года становилось всё более ясно, что ничто не сможет сокрушить Советскую Россию. Успехи Красной Армии, расширение движения солидарности с Советской Россией в капиталистических странах и страх нового революционного подъема в них, и, наконец, необходимость для самих ведущих стран наладить экономические отношения с Россией – всё это ставило в повестку дня вопрос о снятии блокады. М. Литвинов писал из Копенгагена, где вёл переговоры с англичанами: «Снятия блокады требуют не только рабочие, но и промышленники, настаивает-де на этом Ллойд Джордж и весь русский отдел Форин оффис как на начале мирных отношений»⁷³.

16 января 1920 года Верховный совет Антанты принял решение об отмене экономической блокады России. Но это не означало перемены в политике союзных правительств по отношению к большевистской России. Они продолжали поддерживать русскую контрреволюцию и подстрекали Польшу к нападению на Советское государство.

Весной 1920 года начались переговоры правительства Ленина с прибалтийскими республиками, которые закончились подписанием мирных договоров Советской России с Литвой 12 июля, Латвией – 11 августа и Финляндией – 14 октября 1920 года. Началась нормализация отношений с Англией. С этой целью в Англию был направлен Л.Б. Красин, который был принят английским кабинетом и предложил конкретную программу товарообмена между двумя странами. Переговоры продвигались вперед, но были прерваны началом советско-польской войны.

4. Советско-польская война⁷⁴

Советско-польские отношения до начала войны. После разгрома Деникина остатки его армии под предводительством «черного барона» окопались в Крыму, надеясь при благоприятных условиях возобновить наступление в глубь России. Но самостоятельно врангелевские войска были неспособны не только уничтожить большевиков, но и развернуть против них широкомасштабное наступление. По этой причине интервенционистские круги Антанты, не отказавшиеся от мысли вооружённой рукой уничтожить Советскую власть, возложили реализацию этой цели на Польшу, воссозданную, как известно, в качестве буфера против коммунизма, политика которой определялась крайне реакционным и шовинистическим правительством Юзефа Пилсудского, человека крайних антикоммунистических и антирусских взглядов. Он неоднократно заявлял, что «нападение на большевиков в любое время и в любом месте всегда было его политикой»⁷⁵. Пилсудский заявил, что ставит своей целью создать своего рода Лигу Наций на востоке Европы для борьбы с большевиками⁷⁶. Он планировал оторвать Украину от Совет-

⁷³ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 116.

⁷⁴ Черчилль У. Мировой кризис. С. 317-330; Дадлиани Г.Л. Советско-польская война 1919-1920 гг. // ВИЖ, 1990, № 5; Ștefănescu A.V. „Primejdia roșie” (1919-1921): Războiul polono-sovietic. // Dosarele istoriei. 2006, Nr. 3.

⁷⁵ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 115.

⁷⁶ Ibid.

ской России, отдав её под власть Петлюры, и заключить затем польско-украинский союз против большевистского государства. Далее, на основе этого союза предполагалось создание широкого антисоветского блока с участием Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии.

Предложение участвовать в борьбе против советской страны было сделано и Германии, но немцы ответили, что «в намерения германского правительства не входит участие в военных действиях против Советской России до тех пор, пока она не угрожает германским границам». Это решение было принято вопреки предложению генерала Людендорфа, который в начале января 1920 года подал правительству докладную записку, где предлагал, чтобы Германия приняла активное участие в общем военном походе Антанты против РСФСР. Против этого предложения Людендорфа решительно выступил министр обороны генерал фон Сект, направивший 17 января 1920 года министру иностранных дел Симонсу записку, в которой подчеркивалось, что «план генерала Людендорфа является утопией с политической точки зрения и не выполним с военной точки зрения, а если бы даже он был выполнен, то это было бы пагубным для Германии»⁷⁷.

Советская Россия, крайне обескровленная двумя годами жесточайшей войны, стремилась предотвратить её продолжение. Как известно, ещё в ноябре 1918 г. Советское правительство признало независимость Польши⁷⁸, а в ноте от 29 августа 1918 г. спецдекретом отменило все договоры и акты, заключенные правительством Российской империи с правительствами Прусского Королевства и Австрийской империи, касающиеся разделов Польши⁷⁹. 28 ноября 1918 г. Советское правительство предложило Польше установить дипломатические отношения и назначило своим представителем Ю. Мархлевского⁸⁰.

Ю. Пилсудский отверг советские предложения и выдвинул претензии на территории Литвы, Белоруссии, Украины до Дона и Черного моря. Более того, он «мечтал о захвате Москвы и Петербурга»⁸¹. 30 декабря 1918 г. польское правительство официально заявило территориальные претензии на Литву и Белоруссию. Советская миссия Красного креста, посланная в Польшу, была арестована, а 2 февраля 1919 г. её члены были зверски убиты. 4 февраля 1919 года польские войска перешли в наступление.

10 февраля 1919 г. Советское правительство предложило переговоры на основе мирного урегулирования всех проблем⁸². Под давлением всеобщей рабочей забастовки, начавшейся 7 февраля, Пилсудский согласился вступить в переговоры, но военные действия не прекратил. 17 апреля поляки заняли Лиду, 21 апреля – Вильно, а 8 августа и Минск. В Польшу стало массированно поступать вооружение, обмундирование, продовольствие из западных стран. Лишь от США было получено до августа 1919 г. 403 тыс. тонн груза на сумму в 135 млн долл. Французская военная миссия готовила польскую армию. С апреля по июнь из Франции через Германию в Польшу была перебросена 40-тысячная польская армия, в рядах которой находился 1291 французский офицер и 3313 французских солдат⁸³.

Советско-польские переговоры проходили 10 октября – 13 декабря 1919 г. недалеко от Луцка. Советская сторона согласилась на территориальные уступки при условии заключения мирного договора⁸⁴. 22 декабря 1919 г., а затем 28 января 1920 г., Советское правительство снова обратилось к правительству Польши с нотой, в которой отметило, что признаёт и всегда признавало независимость и суверенитет Польской республики. Совнарком подчёркивал, что между обеими странами нет ни одного спорного вопроса, который не мог бы быть разрешён мирно, путём переговоров, взаимных уступок и соглашений⁸⁵. Советское правительство соглашалось на серьёзные территориальные уступки Польше: линия границы, предложенная им, проходила на 50, а кое-где и на 80 км дальше к востоку от территории, полученной Польшей по окончании войны. Но эти предложения Антанта и Пилсудский восприняли как слабость Советов.

2 февраля 1920 года Советское правительство вновь подтвердило свои мирные предложения Польше. Министр иностранных дел Польши Патеk обещал дать ответ, а в это время польские войска, получив массированную помощь Запада, начали военные действия против советской Украины. 6 марта Г. Чичерин обратился к правительствам Англии, Франции, США и Японии с нотой, в которой предлагалось повлиять на поляков для заключения мира⁸⁶. Только 27 марта польское правительство согласилось вступить в переговоры и начать с 10 апреля совещание с русскими уполномоченными в г. Борисове, но прекратило боевые действия не на всем фронте, а лишь на борисовском участке⁸⁷. Польское правительство отвергло предложение советской стороны вести переговоры в нейтральном городе или в одной из столиц: Москве, Варшаве, Париже или Лондоне.

⁷⁷ Ibid. С. 115-116.

⁷⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 580.

⁷⁹ Ibid. С. 458-460.

⁸⁰ Ibid. С. 580.

⁸¹ Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1. С. 29.

⁸² ДВП СССР. Т. 2. С. 68-70.

⁸³ Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1. С. 27, 28.

⁸⁴ Ibid. С. 28-29.

⁸⁵ ДВП СССР. Т. 2. С. 331-333.

⁸⁶ Ibid. С. 400-402.

⁸⁷ Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1. С. 32.

8 апреля Советское правительство вновь обратилось к западным странам за посредничеством с целью заключения мирного договора с Польшей⁸⁸. Но 19 апреля польский аэроплан сбросил бомбы на Киев, что повлекло за собой человеческие жертвы⁸⁹. 25 апреля НКВД ещё раз подтвердил готовность к ведению мирных переговоров.

Начало войны. Сорвав переговоры, крайне шовинистические правящие круги Польши 25 апреля 1920 г. активизировали военные действия и уже 6 мая захватили Киев⁹⁰. Но эта политика была не только и не столько результатом антикоммунистических и антирусских настроений и захватнических устремлений польских правящих кругов, но в ещё большей степени политикой Антанты, которая оказала Польше не только морально-психологическую, но и огромную экономическую и военную помощь для организации похода. Франция делала это открыто. Что касается Англии и в какой-то степени США, то они старались замаскировать своё участие в борьбе против РСФСР. С одной стороны, английское и американское правительства усиленно вооружали войска Пилсудского и, следовательно, являлись одними из главных организаторов антисоветского похода. С другой – Англия вступила во время советско-польской войны в торговые переговоры с Советским правительством. Английское правительство делало заявления, что оно не поддерживает наступления Польши и желает мира с Россией.

Помощь, оказанная Польше Антантой. Комбинированный удар Антанты (с Юга – Врангель и с Запада – Пилсудский) должен был привести к разгрому большевистской власти. Но как мы уже говорили, главные надежды в достижении этой цели возлагались на Польшу. Антанта рассматривала Польшу после разгрома Колчака и Деникина как ударную антисоветскую силу. Военные миссии из Америки, Англии и Франции помогали польскому правительству создавать армию и готовить её к походу против Российской Федерации. К 19 февраля 1920 г. в Польше находилось 9 генералов, 29 полковников и подполковников, 63 батальонных командира, 196 капитанов, 435 лейтенантов и 2120 французских солдат⁹¹. Только с апреля 1919 года по январь 1920 года Франция предоставила Польше долгосрочный кредит в 575 млн франков, вооружение для 6 сформированных во Франции и переброшенных в Польшу дивизий, 300 тыс. ружей и карабинов, 2,2 тыс. пулеметов, 360 пушек и гаубиц для 30 дивизионов тяжёлой артиллерии и 1100 пушек для 63 дивизионов полевой артиллерии, 120 тыс. шинелей, 1 млн пар ботинок и др.⁹²

Англия передала Польше безвозмездно самолеты, 58 тыс. винтовок и 58 млн патронов. Италия – несколько самолетов и несколько батарей полевой артиллерии⁹³. США предоставили займы на сумму 176,5 млн долларов, передали из своих запасов, оставшихся в Европе после первой мировой войны, более 200 броневиков и танков, 300 самолетов, пулеметы, 3 млн комплектов обмундирования, 4 млн пар солдатской обуви и др. Американские корабли перевозили всё это в Данциг⁹⁴.

Армия Врангеля также полностью была снабжена Антантой и США. Она получила от интервентов обмундирование и вооружение. Флот интервентов обслуживал врангелевцев с моря. При штабе барона Врангеля находились военные миссии стран Антанты и США, а Франция признала его правительство.

Позиция РСФСР. Но одновременно с этим в странах Запада усилилось движение в защиту страны советов под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!». Это движение было важным фактором, оказавшим сдерживающее влияние на политику буржуазных правительств.

Влияла на политику стран Антанты и борьба течений среди буржуазии – умеренного, выражавшего интересы кругов, для которых было выгодно развитие торговли с Россией, и крайне правого, связанного с колониальными военными кругами, считавшими главной задачей уничтожение большевизма и устранение его революционизирующего воздействия на рабочее и национально-освободительное движения. От того, какое крыло возьмет верх, зависела политика этих стран.

Уже после нападения Польши Советское правительство пыталось прекратить войну. Так, 19 мая 1920 г. правительства Советской России и Советской Украины обратились с совместной нотой к Великобритании, Франции, Италии и США, напомнив, что Польша является участницей Антанты и членом Лиги Наций и что воздействие этих двух международных объединений на одного из своих членов не может не быть решающим, тем более, что сама Польша, учитывая её военно-техническую подготовку, не в состоянии вести войну без посторонней помощи. Страны Антанты ответили молчанием⁹⁵.

В июне 1920 г. Красная Армия перешла в контрнаступление: 10 июня был освобождён Киев, 11 июля – Минск, 14 июля – Вильно. Она стремительно приближалась к Варшаве. Естественно, что это грозило

⁸⁸ ДВП СССР. Т. 2. С. 427-428, 445-447.

⁸⁹ Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1. С. 32.

⁹⁰ Ștefănescu A.V. „Primejdia roșie” (1919-1921): Războiul polono-sovietic. // Dosarele istoriei. 2006, Nr. 3, P. 7.

⁹¹ Штейн Б.Е. «Русский вопрос» в 1920-1921 гг. М., 1958. С. 29; Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1. С. 32.

⁹² История дипломатии. Т. 3. С. 198; Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1. С. 32.

⁹³ История дипломатии. Т. 3. С. 198.

⁹⁴ Ibid.; Всемирная история. Т. 8. С. 279.

⁹⁵ История дипломатии. Т. 3. С. 199.

распространением коммунистической революции за пределы России, чего не скрывали и большевистские лидеры, которые стремились к перерастанию российской революции в мировую. Крах угрожал не только существованию капитализма в Польше, но и всей версальской системе. Выпадение Польши из неё могло не только нарушить послевоенное «равновесие» в Европе, но и приблизить коммунизм к Германии, и способствовать его смычки с германскими революционными силами. Поэтому Антанта поспешила оказать Польше дополнительную поддержку⁹⁶.

Немецкое правительство ненавидело коммунистов не меньше, но государственные интересы Германии толкали его на мир с Советской Россией и на отказ от сотрудничества с Антантой против большевиков. Так генерал Сект писал: «Нынешнее польское государство есть порождение Антанты. Оно создано для того, чтобы возместить давление, ранее оказывавшееся Россией на Восточных границах Германии. Борьба Советской России с Польшей бьет не только по последней, но и, в первую очередь, по Антанте: Франции и Британии. Если Польша рухнет, то всё здание Версальского договора рассыплется в прах. Отсюда неминуемо следует, что у Германии отсутствует интерес помогать Польше в её схватке с Россией»⁹⁷.

Позиция Антанты и воюющих сторон по отношению к продолжению войны или её прекращению. Руководители Антанты находились в это время на конференции в бельгийском городе Спа (5-16 июля). Туда прибыли польский премьер Грабский и министр иностранных дел Патек. Они настаивали на военной интервенции союзников. Однако было решено, что Верховный совет Антанты, чтобы дать передышку отступающим польским войскам, предпримет шаги для установления перемирия.

12 июля 1920 г. английское правительство в лице министра иностранных дел Лорда Керзона предъявило Советской России категорическое требование, в котором предложило немедленно приостановить военные действия и заключить перемирие между Польшей и РСФСР, а также «между армиями Советской России и генералом Врангелем»⁹⁸. В качестве границы между Польшей и РСФСР предлагалась так называемая «линия Керзона», соответствующая этнической границе между белорусским, украинским и польским народами, выработанная державами Антанты и опубликованная 8 декабря 1919 г. в декларации «О временной восточной границе Польши»⁹⁹.

Английское правительство угрожало, что, если советские войска не остановят наступления, союзники окажут Польше помощь «всеми средствами, имеющимися в их распоряжении»¹⁰⁰. Правительства Антанты направили в Варшаву военно-дипломатическую миссию. Эта нота выражала страх Запада перед распространением коммунистической революции в Европу и была рассчитана на то, чтобы дать возможность передышки польским войскам, до того как они получают новую помощь от стран Запада. Предложение о «перемирии с Врангелем» отражало стремление превратить Крымский полуостров в убежище русской контрреволюции.

Советское правительство ответило на ноту Керзона 17 июля 1920 года¹⁰¹. Оно указало, что польское правительство не обращалось к нему с предложениями о мире, но готово пойти на мир, если Польша без посредников обратится с подобным предложением. В этом ответе, кроме справедливого требования о необходимости польско-советских переговоров, явно просматривается и желание большевиков распространения революции на Запад. Их больше интересовала революционная борьба, а не урегулирование границ. Когда дебатировался вопрос, преследовать ли поляков по ту сторону «линии Керзона», между партийными руководителями не возникло принципиальных разногласий. Были лишь расхождения в оценке зрелости революционного движения в Польше и «за нею», в Европе. Некоторые деятели, в частности Троцкий и Радек, высказывались против продолжения наступления только потому, что скептически смотрели на его политические последствия¹⁰².

Но когда Красная Армия подошла к стенам польской столицы, в знаменитом обращении Троцкого к войскам был дан приказ взять Варшаву: по ту сторону большевикам уже виделось соединение с немецкими революционерами... Что касается Врангеля, Советская власть требовала капитуляции всех белогвардейских войск. Ллойд Джордж заявил в парламенте, что раз Советское правительство возражает против участия Англии в советско-польских переговорах, то он и не настаивает, однако требует приостановить советское наступление на этнографических границах¹⁰³. В ответ на советскую ноту Керзон сообщил 20 июля по радио, что Англия не настаивает на своём участии в переговорах между Россией и Польшей, но если по получении от Польши просьбы о мире советские войска будут продолжать нас-

⁹⁶ Ștefănescu A.V. „Primejdia roșie” (1919-1921): Războiul polono-sovietic. // Dosarele istoriei. 2006, Nr. 3, P. 9-10.

⁹⁷ Kissinger H. Diplomația, P. 236.

⁹⁸ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 119.

⁹⁹ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 120; История дипломатии. Т. 3. С. 199-200.

¹⁰⁰ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 120.

¹⁰¹ ДВП СССР. Т. 3. С. 47-53; Штейн Б.Е. «Русский вопрос» в 1920-1921 гг. С. 41.

¹⁰² См: Девятая конференция РКП (б). Протоколы. М., 1972. С. 36.

¹⁰³ ДВП СССР. Т. 3. С. 121; Штейн Б.Е. «Русский вопрос» в 1920-1921 гг. С. 42.

тупление, союзники окажут Польше поддержку. Для подкрепления своих слов Керзон заявил, что Англия воздерживается от торговых переговоров с Россией¹⁰⁴.

22 июля польское правительство предложило правительству РСФСР немедленно заключить перемирие и начать непосредственные мирные переговоры. Советское правительство сразу же согласилось¹⁰⁵. 23 июля оно известило Ллойда Джорджа о согласии на переговоры и конференцию с Антантой для урегулирования проблем между Россией и странами Антанты, но без участия Польши и окраинных государств в этой конференции. Думается, что в этом вопросе большевики занимали справедливую позицию, так как отношения между Советской Россией и странами Запада касались только этих стран.

29 июля 1920 года, после совещания Ллойд Джорджа с Мильераном в Булони, Советскому правительству была направлена нота от имени двух правительств, в которой сообщалось, что оба правительства согласны на конференцию с участием Советской России, с условием, что конференция займется, прежде всего, установлением условий мира между Россией и Польшей и уже в конце – заключением мира между Россией и государствами Антанты¹⁰⁶. Лидеры двух стран считали, что из-за мира с Антантой большевики согласятся на контроль Антанты над советско-польскими переговорами. В этом они ошибались: большевики ни за что не потерпели бы над собой контроля. Но другое было для них положительным в булонской ноте – впервые выражалось согласие французского правительства на определенных условиях сесть за стол конференции с советскими представителями.

25 июля в Варшаву прибыла англо-французская миссия по оказанию моральной и технической помощи и приняла активное участие в руководстве операциями польской армии. Начальник штаба французской армии генерал Вейган был назначен руководителем обороны Варшавы. В это время советские войска продолжали наступление.

1 августа произошла встреча советских и польских делегатов в Барановичах, но у поляков не оказалось полномочий от правительства для ведения переговоров о мире, а только от командования для их ведения о перемирии. Советская делегация заявила, что ей необходимо получить письменный или по радио мандат от польского правительства, с тем, чтобы уже 4 августа могла состояться встреча обеих делегаций. Но время шло, а мандат не приходил.

Здесь мы видим, что обе стороны не спешили с прекращением войны: большевики, хотя наступательный пыл Красной Армии под польской столицей иссякал, надеялись на скорейшее восстание варшавского пролетариата и распространение таким образом коммунистической революции на Польшу; а польские правящие круги только хотели помешать развитию операций Красной Армии и выиграть время до готовящегося вмешательства Антанты.

А наступление Красной Армии в направлении Варшавы вызвало серьёзнейшую тревогу Запада. 4 августа 1920 г. Ллойд Джордж и Бонар Лоу пригласили к себе Красина Л.Б., руководителя советской торговой делегации, находившейся в Лондоне для ведения переговоров с английским правительством, и потребовали немедленно прекратить наступление в Польше. В противном случае, пригрозили они, через три дня английский флот будет готов к выходу в море и блокада Советской России возобновится, если Советское правительство не даст удовлетворяющего Англию ответа¹⁰⁷. В полном единодушии с англичанами выступили Франция и США. 10 августа 1920 года госсекретарь США Кольби опубликовал ноту, в которой заявил, что США не признавали и не признают Советскую власть¹⁰⁸.

Вследствие массовой помощи Англии, Франции и США, а также в результате серьёзных ошибок советского политического руководства и военного командования, советские войска стремительно отступали от Варшавы. Следует отметить, что большевистские вожди в отношении оценки настроений польских трудящихся допустили явный политический просчёт: ни польские рабочие, ни польские крестьяне не поднялись на восстание. Правда, многие из них симпатизировали красным, но фактором, сыгравшим решающую роль, было пробуждение не классового, а национального духа. Некоммунистические польские партии объединили свои усилия и сумели мобилизовать поляков на сопротивление коммунизму. Национализм одержал явную победу. И хотя ещё 7 августа поляки выразили готовность вести переговоры для выработки предварительных условий перемирия и мира, согласившись начать их лишь 17 августа, после чего польская армия перешла в контрнаступление.

10 августа в Лондоне советская делегация опубликовала условия перемирия: полное признание независимости Польши; отказ со стороны РСФСР и УССР от контрибуции; граница по «линии Керзона» с отклонением в районе Белостока и Холма в пользу Польши; Польша ограничивает свои вооружённые

¹⁰⁴ ДВП СССР. Т. 3. С. 62-63.

¹⁰⁵ Ibid. С. 55-60, 79-80.

¹⁰⁶ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 120; Штейн Б.Е. «Русский вопрос» в 1920-1921 гг. С. 43.

¹⁰⁷ ДВП СССР. Т. 3. С. 81.

¹⁰⁸ См: История внешней политики СССР. Т. 1. С. 121; История дипломатии. Т. 3. С. 204-205; История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 121.

силы 50 тыс. человек. Создается рабочая милиция для поддержания порядка¹⁰⁹. Ллойд Джордж признал их чрезвычайно умеренными и заявил, что Англия не будет помогать Польше, если та отвергнет их.

25 августа в ноте английскому правительству Советское правительство отказалось от требования о создании рабочей милиции¹¹⁰. В ходе переговоров правительство Пилсудского пыталось использовать свои успехи на фронте. Оно не только отвергло все советские предложения, но и отказалось принять пограничную «линию Керзона». Франция поддержала эту авантюристическую позицию, её дипломатия рекомендовала полякам прервать переговоры и решать спор силой оружия. Такую же позицию занимали в польско-советской войне и США. Но долго продолжать наступление польская армия не могла и вскоре выдохлась.

Заключение мира. Советское государство, заявлением ВЦИК от 23 сентября 1920 года, обратилось к правительству Польши с предложением о скорейшем прекращении войны, для избежания бессмысленных жертв. Одной из причин этого было и намерение сосредоточить свои силы на борьбе с Врангелем. Советское государство шло на серьёзные уступки. В целях быстрее достижения соглашения с Польшей ВЦИК заявил об отказе от некоторых условий, которые первоначально были сформулированы русско-украинской делегацией. Была подтверждена готовность Советской России немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее «линии Керзона».

ВЦИК заявил, что его предложение сохраняет силу в течение 10 дней. Если до 5 октября прелиминарные условия мира не будут подписаны, СНК вправе изменить предложенные условия¹¹¹.

Несмотря на противодействие Антанты, и особенно Франции, Польша ответила согласием подписать мир. 12 октября 1920 года в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой¹¹². Обе договаривающиеся стороны признавали независимость Украины и Белоруссии, но к Польше отходили западные украинские и белорусские земли. Это однозначно было исторической несправедливостью, которая препятствовала нормальным отношениям между соседними народами, мешала свободному развитию польского народа и его государства и в 1939 году послужило одной из серьёзнейших причин трагедии Польши. Верно было сказано, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы.

Мир с Польшей был весьма неустойчивым, пока не был разгромлен Врангель. Но и после этого польское правительство продолжало тормозить ход переговоров о заключении мирного договора. Лишь 18 марта 1921 г. (в Риге) был подписан окончательный мирный договор между РСФСР и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. В основу его были положены условия прелиминарного договора и к Польше отошли западные украинские и белорусские земли¹¹³.

Но для Российской Федерации заключение этого мира имело большое значение: окончание войны означало крах интервенции и начало мирной полосы в историческом развитии страны, когда решающее значение приобретало хозяйственное строительство.

---

¹⁰⁹ ДВП СССР. Т. 3. С. 137-139.

¹¹⁰ Ibid. С. 147.

¹¹¹ Ibid. С. 204-206.

¹¹² Ibid. С. 245-258.

¹¹³ Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1. С. 42.

ГЛАВА 4. ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ В 20-Е ГОДЫ

1. Две тенденции в капиталистическом мире в отношении Советской России после окончания интервенции

Причины, которые вынуждали капиталистические страны сотрудничать с РСФСР. Во второй половине 1920 г. разразился первый послевоенный экономический кризис. Это был кризис перепроизводства, сменивший торгово-промышленный подъем 1919 – начала 1920 г. Он охватил, прежде всего, США, Англию и Японию, а затем перекинулся на другие страны. С июня 1920 г. до апреля 1921 г., когда кризис достиг своего апогея, индекс промышленного производства США снизился на 32%. Резко сократилась внешняя торговля: экспорт США уменьшился с 8,08 млрд долл. в 1920 г. до 4,38 млрд долл. в 1921 г., импорт соответственно с 5,13 млрд до 2,4 млрд долл. Экономический кризис сопровождался ростом безработицы. К апрелю 1921 г. в Европе насчитывалось 10 млн безработных, в США – до 5 млн.¹

Экономический кризис усугублялся тем, что Советская Россия была искусственно изолирована от системы мирового хозяйства. Нельзя было серьезно думать о восстановлении мировой экономики, пока Россия с её ресурсами оставалась вне сферы мировой торговли. Капиталистические страны были заинтересованы в получении из России сырья, топлива, сельскохозяйственных продуктов, леса – товаров, в экспорте которых Россия играла значительную роль до первой мировой войны. Русский рынок также служил для сбыта промышленной продукции западных европейских стран. Некоторые политические деятели капиталистических государств считали, что возвращение России в сферу действия системы мирового хозяйства является важнейшей предпосылкой для восстановления экономического равновесия во всём мире.

После окончания антисоветской интервенции в международном положении начался новый период. Особенностью новой полосы было то, что вооружённая борьба между государствами двух систем сменилась установлением мирных отношений в условиях не вполне устойчивого равновесия между ними, когда политическая борьба стала проводиться «мирными» средствами.

В этот период в капиталистическом мире происходила борьба двух тенденций: с одной стороны, тенденция к военной интервенции против Советского государства, с другой – стремление извлечь выгоду из установления деловых торговых отношений с Советской Россией.

Линия на продолжение антисоветской интервенции и стремление к сотрудничеству с большевистской Россией. Представители банковского капитала, крупных монополистических объединений, таких, как нефтяной трест Детердинга «Ройял датч-Шелл», американский нефтяной трест «Стандарт ойл», бывшие кредиторы царской России, военные и колониальные круги ратовали за сокрушение Советской России силой оружия. Это течение возглавляли президент Гардинг и государственный секретарь Юз в США, «величайший ненавистник Советской России» Черчилль и выступавший за войну против большевиков Керзон в Англии, Клемансо и Пуанкаре во Франции, Людендорф в Германии.

Сторонниками установления деловых отношений с большевистской Россией были более расчетливые и трезвые политики, такие как Ллойд Джордж и Бонар Лоу в Англии, Эррио во Франции, сенаторы Бора, Уилер и Гудрич в США, выражавшие интересы торгово-промышленной буржуазии. Они считали, что на данном этапе борьбу против России нужно вести экономическими средствами, с помощью торговли и реставрации частной собственности на средства производства.

Нормализации отношений между капиталистическими странами и РСФСР последовательно добивались рабочие. Их требования вытекали из чувства пролетарской солидарности, а также из стремления улучшить своё экономическое положение, т.к. налаживание отношений с Россией усилило бы занятость трудящихся в странах капитала.

Отношение Кремля к взаимным связям с капиталистическим миром. Большевики также стремились к переориентации своих отношений с Западом на экономической основе. Период революционных потрясений завершился, и становилось объективно необходимым выдвинуть новые задачи по всем вопросам хозяйственной жизни страны, соответствующие новой обстановке. Эти задачи были провозглашены X съездом ВКП (б), который принял важнейшее решение о переходе к новой экономической политике (НЭП). К сожалению, этот период продолжался в СССР лишь до конца 20-х годов, когда произошёл так называемый «великий перелом» – с отказом от экономических стимулов в развитии страны и переходом к внеэкономическому принуждению, а отсюда объективно и к «гулагизированию» СССР.

Говоря о необходимости экономического строительства в России и его влияния на внешний мир, Ленин писал: «Сейчас главное своё воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы

¹ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 168-169.

эту задачу – и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»². Как видим, Ленин даже вопросы хозяйственного развития рассматривал сквозь призму задач мировой революции. Он верил, что «коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей Европы и Азии»³. В этом, своём главном прогнозе, Ленин ошибся, так как созданная в СССР казарменная модель социализма оказалась экономически не жизнеспособной и не выдержала долгосрочной конкуренции с капитализмом. Хотя здесь следует отметить, что после смерти В.И. Ленина советское руководство во главе с И.В. Сталиным отказалось от ленинской концепции строительства социализма на основе экономического стимулирования и поднятия на этой основе производительности труда и эффективности производства. В ходе так называемого «великого перелома» конца 20-х – начала 30-х годов сталинское руководство взяло курс на «строительство социализма» на основе внеэкономического принуждения и гуглаизации страны.

Но тогда этого большевики и не предполагали, а для успешного экономического строительства нужны были благоприятные международные условия – мир и деловое экономическое сотрудничество с другими странами. X съезд определил и задачу советской внешней политики в превращении мирной передышки в длительный мир, чтобы вывести страну из состояния внешнеполитической и экономической изоляции, и в установлении более прочных постоянных мирных сношений со всеми государствами⁴.

Съезд подчеркнул необходимость использования иностранной техники и привлечения иностранного капитала. Главной формой участия иностранного капитала в разработке естественных богатств Советской России выдвигались концессии. С одной стороны, Ленин рассматривал концессии как средство ускорения восстановления хозяйства, с другой – определял их сущность «в интересе политическом»⁵. По его мнению, они должны были способствовать укреплению мира, улучшению международного положения Советской Республики и предотвращению новой интервенции. Установление отношений с деловыми кругами Запада затруднило бы «для капиталистических держав, пошедших на сделку с нами, военные предприятия против нас...»⁶.

В своих отношениях с капиталистическими странами Запада большевики продолжали руководствоваться двумя мотивами, которые, кстати, постоянно повторяются в тот период у Ленина. Первым по-прежнему была необходимость использовать любые расхождения между могущественными противниками, недавно ещё пытавшимися задушить в колыбели Советскую Республику. Вторым – убеждение (быть может немного механистическое, но объективно верное), что единство мировой экономики, обусловленное развитием капитализма и разрушенное войной, рано или поздно заставит считаться с объективными потребностями, выражавшимися в том, что без природных богатств России Европе всё равно не подняться на ноги. Интервенция, по мнению Ленина, была попыткой решить эту задачу путём низведения России до положения побеждённой страны⁷. Именно потому, что она не удалась, теперь можно было ожидать иных решений. На такой двоякой основе и утвердилась снова идея налаживания отношений с буржуазным миром.

Советско-английское торговое соглашение. Ещё во время вооружённой борьбы против интервентов со стороны советского правительства делались попытки установить контакты с внешним миром, завязать торговые отношения. Из всех крупных держав наибольший интерес к торговле с Россией проявляла Англия. Для неё экспорт в Россию и импорт из неё имели особенно важное значение. Поэтому английское правительство и согласилось начать советско-английские торговые переговоры. Начало этим переговорам было положено вскоре после решения Верховного совета Антанты о снятии блокады с России. Однако в этом решении говорилось о восстановлении торговых отношений с русским народом, минуя Советское правительство. Поэтому с советской стороны в качестве органа, ведущего торговлю с границей, был выдвинут Центросоюз. Переговоры, вскоре принявшие не чисто торговый, а политический характер, велись с перерывами с апреля по ноябрь 1920 года.

Во главе советской делегации находился Л. Красин, который предложил конкретную программу развития советско-английской торговли, но требовал полного снятия блокады, организации взаимного торгового представительства, прекращения поддержки Польши, ведшей в это время войну против России.

Но английское правительство не торопилось. Только 30 июня оно заявило в памятной записке о своей готовности заключить «соглашение о взаимном прекращении враждебных действий и о возобновлении торговых сношений» на следующих условиях: каждая сторона «обязуется воздерживаться от враждебных действий или мероприятий, направленных против другой стороны, и от ведения какой-либо официальной пропаганды»; английское правительство соглашается не требовать немедленного уре-

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 341.

³ Ibid. Т. 42. С. 161.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 266.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 96.

⁶ Ibid. С. 111.

⁷ Ibid. Т. 45. С. 160.

гулирования вопроса о долгах и «готово остановить установление русских обязательств этого рода, равно как и разрешение других вопросов, связанных с долгами или претензиями Великобритании к России или России к Великобритании, до мирных переговоров»⁸. НКВД заявил о согласии принять эти условия. Но англичане стремились использовать переговоры для давления на большевиков, чтобы прекратить развернувшееся в это время наступление на Польшу.

9 ноября 1920 года правительство РСФСР обратилось к правительству Великобритании с нотой, в которой предлагало «дать прямой и скорый ответ на вопрос, готово ли оно... немедленно же приступить к переговорам»⁹.

Как явствует из документов, правительство Лл. Джорджа вынесло окончательное решение о заключении договора с Советской Россией только на заседании кабинета, состоявшемся 17-18 ноября 1920 г., уже после того, как была разбита армия Врангеля и потерпела крах польская интервенция. Министр торговли Р. Хорн в своём выступлении говорил об угрожающем росте безработицы, усилении конкуренции других стран в торговле с Россией. Высказываясь в пользу развития с ней торговли, он подчеркнул мысль о том, что с помощью торговли удастся победить большевизм: «Единственным путём, которым мы свалим большевизм, является торговля»¹⁰. Бонар Лоу заявил, что «нельзя продолжать переговоры и не заключать соглашения», тем более, что страна стоит перед угрозой безработицы¹¹.

Лорд Керзон запугивал министров «красной опасностью», грозящей английским колониям и прежде всего Индии, и призывал правительство быть осторожным при подписании торгового соглашения. Его поддержали военный министр Черчилль и канцлер казначейства О. Чемберлен¹².

Премьер Ллойд Джордж полностью согласился с Хорном и Бонар Лоу. «Это та политика, – говорил он, – которую мы одобрили год назад. С ней согласны были Франция и Италия... Наша ненависть побуждает нас говорить, что мы скорее навредим сами себе, чем сделаем добро для Советской России». Он отметил затем, что правительству необходимо учитывать интересы Англии, потому что она переживает трудные времена. «Заказы не поступают. Потребители не хотят покупать. Мы, возможно, стоим перед самым тяжелым периодом безработицы, которую кто-либо из нас когда-нибудь видел. Русские готовы платить золотом, а вы не хотите продавать. Мы торгуем с людоедами на Соломоновых островах». Отвечая противникам соглашения, говорившим о скорой гибели Советской власти, Ллойд Джордж продолжал: «Я уже не раз слышал предсказания о падении Советского правительства за последние два года. Деникин, Юденич, Врангель – все потерпели крах, и я не вижу ближайшей перспективы падения Советского правительства»¹³.

18 ноября 1920 года кабинет значительным своим большинством принял решение «поручить министру торговли заключить торговое соглашение с Россией...»¹⁴. В этот же день Ллойд Джордж заявил в палате общин, что основы соглашения с Россией выработаны кабинетом. Наконец, 29 ноября 1920 года Л. Красину был официально вручён британский проект соглашения¹⁵. Тем самым переговоры вступили в заключительную фазу и 16 марта 1921 года соглашение было подписано. Оно по существу носило не только торговый, но и политический характер.

Это означало, что британское правительство де-факто признало Советскую Россию, хотя между обеими странами и оставались спорные вопросы. 23 марта 1921 г. Лл. Джордж официально объявил, что англо-советское соглашение означает фактическое признание Советской России¹⁶. Для России соглашение с Англией имело существенное значение, это был первый договор, заключенный с великой державой, и облегчало развитие внешней торговли. Оно было примером практического претворения в жизнь принципа мирного сосуществования и сотрудничества между странами с разными общественно-политическими системами. Соглашение было выгодно и для Англии, поскольку английская промышленность получила новые рынки сбыта, что в условиях переживаемых ею затруднений, а затем жестокого экономического кризиса 1921 г. имело немаловажное значение.

Обе стороны обязывались воздерживаться от всяких враждебных действий и ведения «вне собственных пределов» пропаганды против другой стороны. Стороны обязались не устанавливать друг против друга блокады, устранить «все препятствия, до сего времени ставившиеся на пути возобновления» торговли, и не ставить её в худшие условия, по сравнению с торговлей с другими государствами. Английское правительство заявило, что не предпримет действий, имеющих целью наложение ареста либо завладение золотом, имуществом и товарами, которые принадлежат Советскому правительству и будут

⁸ ДВП СССР. Т. 3. С. 17-18.

⁹ Ibid. С. 323.

¹⁰ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 127.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. С. 128.

¹⁵ История дипломатии. Т. 3. С. 229.

¹⁶ Ibid. С. 230.

вывезены в Англию. Без этого обязательства никакая торговля не была возможна. В совместной декларации было условлено, что решение вопроса о взаимных претензиях должно найти место в мирном договоре, последующее заключение которого предусматривалось в преамбуле соглашения¹⁷.

Советско-английское соглашение впервые официально признавало принцип монополии внешней торговли и, как следствие этого, предусматривало создание государственных представительств с дипломатическими привилегиями для ведения торговых операций между двумя странами. В силу всего этого соглашение с Англией явилось примером для целого ряда торгово-промышленных соглашений России с государствами Западной Европы.

Установление торговых отношений между РСФСР и другими странами. Советско-английские переговоры вызвали тревогу в деловых кругах Германии. Немецкие промышленники опасались, что будут вытеснены с русского рынка. В январе 1921 года Русско-Германское общество, созданное для развития торговли с Россией, решило послать делегацию в Москву. В рейхстаге раздавались требования возобновить дипломатические отношения с Советской страной. Но германское правительство не торопилось. Оно надеялось на договорённость с Западом по репарационным вопросам, поэтому не хотело из-за нормализации отношений с Россией портить отношения с Англией, Францией и США. 22 января 1921 г. министр иностранных дел Симонс выступил против установления дипломатических отношений с РСФСР. Но опубликованное советско-английское соглашение от 16 марта 1921 года заставило германское правительство изменить свою позицию: оно начало переговоры с Советами. К тому же попытки Германии добиться пересмотра репарационного плана в то время были неудачны.

6 мая 1921 г. было заключено временное советско-германское торговое соглашение. Подписано было также дополнительное соглашение об обмене военнопленными и интернированными. Германия пошла дальше Англии, признав представительство РСФСР единственным законным представительством Российского государства в Германии, и предоставив ему дипломатические права и привилегии. Это было выгодно для обеих стран не только экономически, но и политически: для Германии это было первое послевоенное соглашение, в котором она выступала в качестве равноправного партнёра; для России оно было фактическим признанием и означало удар по планам её изоляции. Вскоре аналогичные соглашения были подписаны с Норвегией, Австрией, Италией, Данией и Чехословакией.

Учитывая важность урегулирования взаимных отношений с капиталистическими странами, 28 октября 1921 г. Советское правительство обратилось к правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США с нотой, в которой говорилось, что в целях устранения угрозы войны и развития экономического сотрудничества готово обсудить вопрос о признании довоенных долгов России, если данные страны предоставят льготные условия, обеспечивающие возможность выплаты этих долгов, дадут обязательство прекратить всякие действия, угрожающие «безопасности Советских Республик и дружественной Дальневосточной Республике», гарантируют неприкосновенность их границ и заключат с Советской страной окончательный всеобщий мир. Для обсуждения этого вопроса предлагалось созвать международную экономическую конференцию¹⁸. Постановка вопроса предлагала деловое сотрудничество на равноправной основе.

Постепенно, несмотря на противодействие определенных кругов, политические и экономические связи большевистской России с капиталистическим миром расширялись, и это было положительным явлением, способствующим укреплению всеобщего мира.

2. Отношения между западными державами и побеждённой Германией в 1920-1921 годах

Отношение победителей и побеждённых к уплате репараций. Среди многочисленных проблем, порожденных Версальским договором в начале 20-х годов, на первый план выдвинулась репарационная проблема. Огромные репарационные платежи ложились тяжелейшим бременем на германскую экономику, поэтому основные группировки немецкого монополистического капитала выступали за ревизию Версаля, а рейнско-вестфальские магнаты «угля и стали» были за прямую конфронтацию с победителями. Химические и электротехнические концерны ратовали за постепенную ревизию мирного договора путём компромисса с Антантой.

Как уже отмечалось выше, репарационные постановления Версальского договора основывались на признании союзниками вины Германии за развязывание войны и ответственности за причинённые потери. Предполагалось, что к 1 мая 1921 г. Германия выплатит наличными, в виде различных товаров, морских судов, ценных бумаг и т.д. 20 млрд золотых марок (4,75 млрд долл.). Представители США выступали за то, чтобы размер репараций был определен исходя из платежеспособности Германии, а не ущерба, причинённого ею неприятельским странам¹⁹. Пол-к Хауз вообще считал, что «лучше было бы спи-

¹⁷ ДВП СССР. Т. 3. С. 607-614.

¹⁸ ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 445-447.

¹⁹ Индукаева Н.С. Политика США в вопросе о германских репарациях в 1920-1921 гг. // Вопросы истории международных отношений. Томск, 1973. С. 85.

сать репарации как безнадежные долги»²⁰ и, как отмечал редактор его архива Ч. Сеймур, был уверен, что «при добросовестном изучении германской платежеспособности станет ясно, что немцы не Способны заплатить столько, сколько предусматривает соглашение о перемирии»²¹. Но европейские державы, и в первую очередь Франция, понесшие большие потери, считали, что немцы «должны заплатить за всё».

Как известно, репарационный вопрос был одним из наиболее острых на Парижской мирной конференции. Он выявил сильные противоречия между США и странами Антанты, т.к. был тесно связан с решавшимся на конференции важнейшим вопросом о послевоенном устройстве Европы. США пошли на уступки в репарационном вопросе своим союзникам, чтобы сохранить стабильность в Европе и получить долги с европейских стран. В то же время они стремились не допустить чрезмерного ослабления германских монополистических кругов перед лицом назревавшей революции. В этом вопросе они находили поддержку правящих кругов Англии. Английская дипломатия во время конференции проводила двойственную политику. С одной стороны, она также стремилась не допустить большевизации Германии. С другой, в результате войны её основной соперник в Европе – Германия, была разгромлена и перед Англией открывалась перспектива установления экономической гегемонии в Европе. Но ряд факторов мешал Англии в этом, и самым важным было усиление экономической и финансовой мощи США и активизация их проникновения в Европу. Попав в финансовую зависимость к американцам, англичане стремились восстановить своё прежнее положение. Поэтому сохранение сильной Германии, за что боролась американская дипломатия, противоречило их планам.

Но английской дипломатии приходилось бороться на два фронта: против слишком «умеренных» требований США и «крайних» – Франции, заинтересованной в ослаблении Германии. Отсюда, как мы видели, по тем или иным вопросам английская делегация блокировалась то с Францией, то с США. По этим причинам (из-за противоречий между победителями) репарационный вопрос остался неразрешенным.

Весной 1920 года обострились отношения между Германией и державами-победительницами в связи с саботажем немецким правительством репарационных платежей. Французское правительство предупредило, что, если Германия не начнет сокращение своей армии и выплату репараций, французская армия от имени союзников оккупирует часть Рурской области.

На проходившей в Сан-Ремо в апреле 1920 года конференции союзники выработали предварительное соглашение о распределении репараций и о подсчете общей суммы убытков. Американская дипломатия продолжала выступать за то, чтобы размер немецких репараций был определен исходя из платежеспособности Германии, а не убытков, причиненных ею странам Антанты. В ноте правительствам Англии и Франции, американское правительство утверждало, что всякое иное решение данного вопроса «подорвет инициативу Германии» в деле восстановления её хозяйства²².

Решения конференции в Спа. В 1920 – 1921 годах состоялся ряд встреч представителей европейских держав, на которых рассматривалась проблема репараций. США официально не участвовали в них, но внимательно следили за ними.

Конференция, на которой предполагалось решить вопросы о разоружении Германии и репарациях, состоялась в городе Спа 5-16 июля 1920 г. Впервые после войны на международную конференцию была приглашена Германия. Немецкое правительство Ференбаха выразило своё несогласие с условиями Версальского мирного договора, но поскольку он подписан, заявило, что будет, если «вообще это возможно», выполнять его. Немцы готовились к конференции с целью ослабить репарационное бремя. Министр иностранных дел Симонс говорил, рассчитывая на межсоюзнические противоречия: «Надо учитывать тактику противников. Одни из них хотят доить корову, а другие её зарезать. Те, которые хотят доить, должны войти с нами в соглашение»²³.

Устроители конференции требовали ответа, почему Германия не выполняет условий Версальского договора. Они потребовали от германского правительства изъять оружие у частных лиц, перевести армию на добровольческий принцип, сдать все излишки военного имущества и т.д. К 1 января 1921 г. армия должна быть доведена до 100 тыс. человек. В случае несвоевременного или неточного выполнения этих условий союзники угрожали оккупировать новые территории Германии, включая Рурский бассейн. Немцы были вынуждены принять эти условия.

На конференции обсуждался также репарационный вопрос. Союзники сетовали на то, что поступило всего 8 млрд марок, вместо положенных 20 млрд. Французы настояли на обсуждении вопроса о поставках германского угля. Немцы должны были в течение 10 лет поставлять ежегодно по 25 млн т угля, но саботировали это. Союзники требовали ежемесячных поставок в 2,4 млн т. Немцы, естественно, были против, мотивируя это тяжелым экономическим положением страны и участвовавшими забас-

²⁰ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 265.

²¹ Индукаева Н.С. Политика США по вопросу о германских репарациях на Парижской мирной конференции (1919 г.). // Вопросы истории международных отношений. Томск, 1972. С. 112.

²² Вопросы истории международных отношений. Томск, 1973. С. 87-88.

²³ Глушков Е. Репарационная политика Антанты и позиция правящих кругов Германии // Из истории буржуазной дипломатии и международных противоречий в первой половине XX в. Томск, 1986. С. 28.

товками. Симонс добивался сокращения ежемесячных поставок до 1,1 млн т. Магнат Стиннес потребовал не только резкого сокращения его поставок, но и пригрозил их полным прекращением, а оккупация Рура, подчеркнул он, приведет к автоматическому прекращению добычи угля и восстанию населения²⁴. Стиннес, представлявший интересы тяжелой индустрии Германии, опасался, что лотарингская сталелитейная промышленность, получив немецкий уголь и кокс, явится опасным конкурентом для германских промышленников. Чтобы помешать этому, он готов был пойти на риск оккупации Рура; не колеблясь нанести огромный ущерб всей германской экономике, лишь бы отстоять интересы своей группы.

Союзники заколебались: Ллойд Джордж сообщил Симонсу, что союзники готовы пойти на полгода на сокращение ежемесячных поставок до 2 млн т. Внутри немецкой делегации появились противоречия: Ратенау и Мельхиор высказались за принятие предложений союзников; магнаты «угля и стали» (Стиннес и др., которых поддерживал Симонс) выступили против. Рейхсканцлер Ференбах колебался.

14 июля Симонс неофициально встретился с Ллойд Джорджем, но последний предупредил, что в случае непринятия этих предложений против Германии будут применены военные санкции и оккупация Рура. Берлинское правительство, убедившись, что дальнейшее сопротивление не только бесполезно, но и опасно, пошло на капитуляцию. 16 июля 1920 года германская делегация подписала протокол, предложенный союзниками. В течение полугода поставки немецкого угля были определены в 2 млн т ежемесячно, а союзники обязались выплачивать по 5 марок золотом премиальные за каждую тонну. В случае срыва поставок должна была последовать оккупация Рура²⁵. Это вызвало большое недовольство США. Государственный департамент требовал: «Не должно быть никакой оккупации дополнительных немецких территорий без единодушного одобрения всех союзных держав», так как «это решение представляется нарушением условий Версальского договора»²⁶.

Что касается общей суммы репараций, то её конференция не определила, но установила долю каждого из союзников: Франции – 52%, Великобритании – 22%, Италии – 10%, Японии – 0,75%, Бельгии – 8%, Португалии – 0,75%, Греции, Румынии и Югославии – 6,5%²⁷. За США было сохранено право получения своей доли репараций²⁸.

Дальнейшее обсуждение репарационного вопроса. В декабре 1920 г. в Брюсселе прошла новая конференция экспертов, где неофициально называлась сумма репараций в 100 млрд золотых марок²⁹. На Парижской конференции 29 января 1921 года была установлена сумма репараций в 226 млрд золотых марок, которую немцам следовало выплатить в течение 42 лет. Плюс к этому в счёт репараций предполагалось удерживать 12% от германского экспорта. Всё достояние страны, в частности, выручка германских таможен, было объявлено гарантией выполнения репараций³⁰.

Решения Парижской конференции вызвали крайнее раздражение в Берлине. Симонс 1 февраля в официальном правительственном заявлении отклонил решение союзников. Он снова угрожал революцией в Германии. В ответ Германии было разрешено представить свои контрпредложения. Симонс не медля их заготовил. Он исключил из всей суммы репараций 20 млрд, считая их уплаченными. Общую сумму он определил в 50 млрд, так что оставалось выплатить 30 млрд. При этом Симонс оговорил, что сумма эта может быть оплачена только в том случае, если Верхняя Силезия останется за Германской империей, а Германия получит возможность восстановить свою международную торговлю³¹.

Решения Лондонской конференции. 21 февраля – 14 марта 1921 года в Лондоне состоялась конференция. Немцы прибыли на неё только 28 февраля, и с 1 марта началось обсуждение репарационного вопроса. Контрпредложение Симонса союзники отказались обсуждать. 3 марта Ллойд Джордж от имени Антанты отверг германские предложения и предупредил, что, если Германия не примет репарационный план союзников, будут оккупированы Дуйсбург, Рурорт, Дюссельдорф. Заседания конференции были отложены до 7 марта³².

Немецкое правительство отвергло ультиматум. 6 марта Ференбах направил в Лондон требования о снижении выплат до 1,4 млрд золотых марок в год, об отказе от выплаты налога с экспорта, предоставлении Германии займа на сумму 8 млрд золотых марок из расчета 5,5% годовых. 7 марта Симонс отказался принять репарационный план союзников. В результате 8 марта были оккупированы вышеуказанные немецкие города.

Немецкое правительство обратилось за помощью к США. Американцы отказались поддержать акцию союзников против Германии, но в то же время, президент Гардинг, вступивший в должность всего за 4 дня до оккупации немецких городов, не решался на активное вмешательство в конфликт между

²⁴ Ibid. С. 31.

²⁵ Ibid. С. 32.

²⁶ Вопросы истории международных отношений. Томск, 1973. С. 88-89.

²⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 212; Dobrinescu V.Fl. România și sistemul tratatelor de pace de la Paris, P. 54.

²⁸ История дипломатии. Т. 3. С. 212.

²⁹ Из истории буржуазной дипломатии. С. 32.

³⁰ Ibid. С. 32-33; История дипломатии. Т. 3. С. 215.

³¹ История дипломатии. Т. 3. С. 215.

³² Из истории буржуазной дипломатии. С. 35.

Германией и странами Антанты, так как его победа на президентских выборах 1920 г. во многом была достигнута благодаря возвращению к «изоляционизму». На встрече госсекретаря США Юза и его заместителя Флетчера с английским и французским послами, состоявшейся 25 апреля в Вашингтоне, Флетчер обвинил английское и французское правительства в том, что они хотят получить с Германии сумму репараций, превосходящую её платежеспособность. Он также обратил внимание союзников на необходимость определить точную сумму репарационных платежей с учетом мнения немецкого правительства. Юз, в свою очередь, резко высказался против оккупации немецких городов союзными войсками³³.

Но английское и французское правительства выступали в репарационном вопросе единым фронтом. И на Лондонской конференции, возобновившей в конце апреля свои заседания, установили сумму репараций в 132 млрд золотых марок³⁴. 4 мая правительство Ференбаха в полном составе ушло в отставку³⁵. 5 мая 1921 г. союзники вручили Германии ультиматум, в котором требовали принять решения конференции и немедленно приступить к выполнению условий Версальского договора. Они настаивали, чтобы немецкое правительство до конца первого полугодия 1921 г. внесло в счёт репараций 1 млрд марок, в противном случае территория Рурской области будет оккупирована. 11 мая, вновь сформированное правительство Вирта приняло этот ультиматум³⁶.

С этого периода немецкое правительство встало на так называемый путь «выполнения» репарационных обязательств, продолжая на деле, при одобрении США, саботировать их выплаты и срывать натуральные поставки союзникам. Выплата репараций привела к хроническому дефициту государственного бюджета. Она тяжело отразилась на положении народных масс, но вместе с тем способствовала также более быстрому сближению немецких промышленников и финансистов с деловыми кругами США, так как определенную часть репараций Германия уплачивала за счёт займов, полученных в Америке.

Политика США в вопросе о германских репарациях в 1920-1921 годах отразила нарастание противоречий в лагере противников Германии. В этот период империалистические круги Германии, используя поддержку американского правительства, развернули борьбу против Версальского договора в целом и его статей, касавшихся репараций, в частности. США, несмотря на официально провозглашённый курс на изоляцию от европейских проблем, оказывали значительное влияние на расстановку сил в Европе. Их постоянная поддержка саботажа немецким правительством Версальского договора способствовала краху всей версальской системы и возрождению германского империализма.

3. Генуэзская и Гагская конференции

Необходимость европейского сотрудничества. В начале 20-х годов доминирующим в умах европейских лидеров стало понимание необходимости восстановления экономического единства Европы, разрушенного мировой войной и антисоветской интервенцией. Поэтому советское предложение от 28 октября 1921 г., о котором говорилось выше, о необходимости созыва международной конференции, с целью рассмотрения всех вопросов установления мира и экономического сотрудничества в Европе, вызвало большой интерес в западных странах. Особенно настойчивые призывы согласиться на созыв международной конференции раздавались в правящих кругах Англии, сознававших, что расширение экономических отношений с Советской Россией содействовало бы устранению трудностей, которые переживала английская внешняя торговля.

Правительство Ллойд Джорджа рассчитывало, что, взяв на себя роль организатора большой международной конференции, оно укрепит свой престиж в глазах английского народа накануне приближающихся парламентских выборов. Экономическая конференция с участием России, от которой путём коллективного нажима предполагалось добиться больших уступок, могла также усилить позиции Англии в её острой борьбе с США за морскую гегемонию и с Францией – за влияние в Европе и на Ближнем Востоке. В частности, Ллойд Джордж рассчитывал, что Германия на предстоящей конференции будет блокироваться с Англией против их общего французского конкурента.

За созыв конференции высказывались также влиятельные деловые круги Италии, экономическое положение которой тоже было тяжелым.

Позиция французского правительства. Иные взгляды высказывали французские промышленники и финансисты, которые не испытывали больших экспортных затруднений, ибо продукция их предприятий и капитал банков в значительной степени шли на восстановление районов страны, разрушенных в военные годы. К тому же до войны между Францией и Россией не было столь тесных экономических взаимоотношений, как между Россией и Англией и Италией, поэтому объективно французская экономика не нуждалась столь быстро в возобновлении прерванных с Россией довоенных экономических связей. Гораздо в большей степени французов интересовал возврат Россией дореволюционных долгов, зна-

³³ Вопросы истории международных отношений. Томск, 1973. С. 90.

³⁴ Ibid.; История дипломатии. Т. 3. С. 217; Из истории буржуазной дипломатии. С. 39.

³⁵ Из истории буржуазной дипломатии. С. 40.

³⁶ Ibid.; Вопросы истории международных отношений. Томск, 1973. С. 91; История дипломатии. Т. 3. С. 217.

чительная доля которых приходилась на Францию. Всем этим и определялась столь ожесточенная анти-советская политика французских правящих кругов. Но после того как Лл. Джордж предложил Бриану, сменившему на посту премьера Мильерана, пакт, гарантирующий Франции английскую помощь против неспровоцированного нападения Германии, французы также согласились на участие в конференции.

При встрече Ллойд Джорджа с Брианом, состоявшейся 19 декабря 1921 г. в Лондоне, по возвращении последнего из Вашингтона, было решено созвать заседание Верховного совета Антанты во Французском городе Канн в начале января 1922 г.

Интересы Германии в европейской политике. Английская акция вызвала беспокойство в правящих кругах Германии. Немецкие бизнесмены считали, что им должны принадлежать самые сильные позиции на советском рынке, и видели в лице Англии своего конкурента. Начавшийся поворот английской политики германская дипломатия попыталась использовать в своих интересах: Англия нуждается в рынке, пусть же предоставят Германии кредиты, облегчат условия репараций, и Германия станет крупнейшим покупателем английских товаров. Таким маневром немцы надеялись убить двух зайцев: с помощью Англии пробить брешь в Версальском договоре и помешать её сближению с Советской Россией.

Во время переговоров германского министра иностранных дел Ратенау с руководством Английского банка о кредитах, англичане высказали мысль, что нельзя предоставлять кредиты Германии, придавленной репарационными обязательствами. Этим они косвенно признавали необходимость смягчения этих обязательств. При публикации итогового документа в печать не попал один секретный пункт: Английский банк предлагал председателю Рейхсбанка ни при каких условиях не выдавать остатка своего золотого запаса, если бы Франция потребовала этого в качестве санкции. Видя английскую поддержку, германское правительство сообщило репарационной комиссии, что уплата репараций, предстоящая 15 января и 15 февраля 1922 г., остаётся под вопросом. Французы немедленно заявили протест, но Ратенау снова связался с Лондоном и ему дали понять, что можно не уступать – французов не поддержат³⁷.

Каннские решения Высшего совета Антанты. Как видим, все великие капиталистические державы Европы преследовали свои эгоистические цели, но общим для всех была потребность в восстановлении экономического единства старого континента. Каннскому заседанию предшествовало совещание экспертов Англии, Франции, Италии и Бельгии, состоявшееся в Париже 30 декабря 1921 г. На этом совещании и на собрании бывших кредиторов России были подготовлены решения Каннской конференции.

6 января 1922 года в Канне открылось заседание Верховного совета Антанты. Кроме того, были приглашены представители Германии и наблюдатель от США. В этот же день было принято решение о созыве в марте международной экономической конференции европейских держав в Генуе с участием представителей Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Советской России. Страны-участницы конференции признали, что избавление Европы от экономического паралича требует объединенных усилий наиболее мощных стран.

В каннских решениях говорилось, что одни нации не могут присваивать себе право диктовать другим нациям принципы, на основе которых те должны строить свою внутриэкономическую жизнь и свой образ правления; каждая страна имеет право избрать для себя систему, которую она предпочитает. Из этого видно, что участники каннского совещания признали неизбежность соглашения между двумя системами собственности: капиталистической и социалистической, которую тогда представляла Советская Россия. В то же время в каннской декларации выдвигалось требование возратить иностранной собственности и признания долгов прежних правительств. Это объявлялось обязательной предпосылкой предоставления новых иностранных кредитов и юридического признания Советского правительства³⁸.

Верховный совет Антанты принял текст приглашения, которое от имени итальянского правительства 7 января было направлено Советской России. В нём выражалось пожелание, «чтобы г. Ленин не преминул принять участие в конференции»³⁹. 8 января Советское правительство ответило согласием на приглашение, оговорив, что, если председатель СНК В.И. Ленин вследствие перегруженности работой не сможет покинуть страну, состав делегации и её полномочия будут такими же, как и при участии В.И. Ленина⁴⁰.

На заседании Верховного совета Антанты, состоявшемся 13 января, было решено утвердить следующий порядок дня конференции: 1) рассмотрение вопроса о проведении в жизнь принципов Каннской резолюции от 6 января 1922 года; 2) установление европейского мира. Кроме того, конференция должна была обсудить целый ряд финансовых и экономических вопросов, связанных с репарационными платежами Германии.

Англо-французские переговоры после Канн. Каннская конференция ещё не закончилась, как 12 января во Франции пал кабинет Бриана и к власти пришел Пуанкаре. Правые были крайне недовольны тем, что Бриан согласился участвовать в международной конференции вместе с Советской Россией.

³⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 250.

³⁸ ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 58-59.

³⁹ Ibid. С. 48.

⁴⁰ Ibid. С. 47, 67.

Недовольство вызвало и то, что в Канне Франция уступила Англии в вопросах о германских репарациях и об эвакуации её вооружённых сил с левого берега Рейна.

6 февраля Пуанкаре направил в Лондон меморандум, в котором требовал установления режима капитуляций в Советской России, признания ею долгов, как условия её участия в Генуэзской конференции, сохранения договоров версальской системы, недопущения уступок Германии в вопросе о репарациях. Он добивался отсрочки конференции на три месяца⁴¹.

25 февраля 1922 года между Пуанкаре и Ллойд Джорджем во время совещания в Булони удалось достигнуть компромиссного соглашения. Было решено снять с обсуждения в Генуе вопросы о пересмотре мирных договоров версальской системы и о германских репарациях. Также было принято постановление, что приглашение Советской России в Геную не будет означать её юридического признания. Вопрос о признании Советского правительства должен был быть решён в зависимости от того, примет ли оно условия западных держав.

Конференция кануна Генуи. В Париже в феврале 1922 года состоялась специальная конференция кредиторов России, принявшая решение об уплате Россией всех долгов, возмещении за национализированную собственность иностранцев. Без этого Советское правительство не должно быть признано. Англия убеждалась, что соглашение с Россией сопряжено с серьёзными затруднениями.

С 20 по 28 марта в Лондоне происходило совещание экономических и финансовых экспертов союзников, результатом которого явился так называемый Лондонский меморандум. Он выдвигал требование возврата всей национализированной иностранной собственности в России, уплаты всех долгов. Эксперты требовали предоставления иностранцам в Советской России прав экстерриториальности, т.е. установления режима, который империалисты навязывали колониальным странам.

Накануне Генуи французская дипломатия стремилась создать антисоветский фронт малых стран под руководством Франции. В феврале 1922 года в Бухаресте состоялась конференция стран Малой Антанты и Польши. В марте 1922 года в Варшаве собралось совещание министров иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии. На этом совещании был подписан договор, являвшийся попыткой французской дипломатии создать антисоветский блок прибалтийских государств. Он имел также антианглийскую и антигерманскую направленность. Но в конечном итоге этот договор в силу не вступил. В конце совещания в Варшаву были приглашены советские представители. Конференция постановила признать все договоры, заключённые её участниками с Советской Россией.

Позиция американского правительства. Правительство США в течение двух месяцев не давало ответа на приглашение в Геную и только 8 марта 1922 года заявило Италии, что отказывается участвовать в конференции, поскольку она «не есть чисто экономическая конференция, а носит скорее политический характер»⁴². В качестве основы для экономических связей с Россией Юз предлагал политику «открытых дверей».

Позиция США объяснялась рядом причин. Наиболее агрессивные круги по-прежнему ратовали за разрешение «русского вопроса» военными средствами. Противники Генуи опасались попыток со стороны британской дипломатии взять реванш за Вашингтон и объединить Европу против Америки. Другой причиной явился вопрос о межсоюзнических долгах. Скоро появились слухи, что в Генуе будет поднят вопрос о списании военных долгов, и американцы опасались, как бы западные державы – должники США – не поставили на конференции по примеру большевистской России вопрос о ликвидации или сокращении долга европейских стран США. Американские финансисты рассматривали этот долг, насчитывавший к этому времени с процентами 11 млрд долл., как орудие воздействия на политику этих стран. Поэтому 3 февраля 1922 г. сенат США принял закон Маккормика о непреклонном погашении союзниками всей задолженности США и процентов по долгам⁴³. Надежды союзников на аннулирование или отсрочку уплаты долгов потерпели крах.

Отказавшись участвовать в Генуэзской конференции, правительство США поручило своему послу в Риме Чайлду присутствовать в Генуе в качестве наблюдателя. Также послали в Геную своих представителей крупнейшие американские монополии, в частности «Стандард ойл».

Отношение ленинского правительства. Всестороннюю подготовку к конференции вело и Советское правительство, которое при личном участии Ленина детально разработало программу и тактику советской делегации с учетом всех возможных ситуаций. Но при любых обстоятельствах большевики придерживались принципа: «На сделку, невыгодную нам, не пойдем»⁴⁴. При этом Ленин многократно говорил: «Мы с самого начала заявляли, что Геную приветствуем и на неё идем; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на неё как купцы, потому, что нам торговля с капиталистическими

⁴¹ История дипломатии. Т. 3. С. 254; История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 175; Всемирная история. Т. 8. С. 495.

⁴² История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 176.

⁴³ Ibid.; История дипломатии. Т. 3. С. 256-257.

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 34.

странами... безусловно необходима, и что мы идем туда, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только»⁴⁵.

Главой советской делегации назначался В.И. Ленин, его замом – НКВД Г.В. Чичерин. Делегация должна была представлять все 8 советских республик. Накануне конференции Советское правительство провело работу по учету ущерба, причинённого России иностранной интервенцией и определило его в 39 млрд золотых рублей. Сумма долгов России равнялась 18,5 млрд рублей, из которых 4,5 млрд составляли довоенные долги. При известных условиях большевики считали возможным пойти на переговоры относительно уплаты довоенных долгов.

27 марта 1922 г. советская делегация выехала из Москвы и по пути в Геную остановилась в Риге, где 29-30 марта состоялась конференция Эстонии, Латвии, Польши и РСФСР. На ней была достигнута договорённость о согласованных действиях всех её участников в Генуе. Делегаты конференции выразили мнение о желательности юридического признания Советского правительства.

Страны-участницы договорились об активизации торговых отношений и установлении прямых финансовых связей. Конференция высказалась за необходимость поддерживать принцип всеобщего ограничения вооружений и не допускать враждебных действий против соседних государств. Этим были сорваны французские планы подготовливаемого антисоветского блока.

В Берлине 2-4 апреля советская делегация вела переговоры с канцлером Виртом и министром иностранных дел Ратенау об установлении нормальных дипломатических и экономических отношений между Россией и Германией. Правительство Германии не захотело подписать советско-германское соглашение, надеясь добиться в Генуе больших уступок со стороны Англии и Франции. Единственным, чего удалось достигнуть в Берлине советским представителям, стало взаимное обязательство, что в Генуе обе делегации будут поддерживать тесный контакт.

Начало работы Генуэзской конференции. Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. в зале сделок старинного дворца Сан-Джорджо. Всего было представлено 29 стран, а с английскими доминионами – 34. После открытия конференции, итальянский премьер Факта, избранный председателем, произнёс речь, в которой прозвучал призыв к «восстановлению торговых связей с Центральной и Восточной Европой, с крупнейшим рынком Европы – Россией...» Он отметил, что Генуэзская конференция созвана на основе каннских резолюций и что державы, принявшие приглашение на конференцию, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях⁴⁶.

Вторым выступил британский премьер Ллойд Джордж. Он сказал: «Мы участвуем на этом собрании на началах абсолютного равенства. Это лишь в том случае, однако, если принимаем равные условия»⁴⁷. Под «равными условиями» он подразумевал условия, установленные в Каннах. Ллойд Джордж говорил об экономической разрухе в Европе, одолеть которую можно только совместными усилиями. В связи с этим он выразил сожаление, что США не участвуют в конференции.

Французский министр иностранных дел Л. Барту поддержал прочих ораторов в вопросе о каннских резолюциях и категорически заявил, что Франция не допустит обсуждения версальских соглашений, т.к. конференция в Генуе не является кассационной инстанцией, подвергающей пересмотру существующие договоры⁴⁸.

В зале общей трибуны не было, и все выступающие говорили со своих мест. От Бельгии выступил премьер Тенис. Его речь не обратила на себя внимания делегатов⁴⁹. От Японии выступил виконт Исии. Он пытался показать, что Япония «воодушевлена искренним духом согласия», страна миролюбивая и желает международного сотрудничества со всеми нациями, и «в частности со своими соседями»⁵⁰. Поверить в искренность слов японца было сложно – в это время японская армия продолжала интервенцию на русском Дальнем Востоке.

Йозеф Вирт, канцлер Германии, говорил на немецком языке, монотонно и скучно жалуясь на положение Германии. Ссылаясь на «особое место, занимаемое Германией», на её центральное географическое положение в Европе и «тесные связи со всем мировым хозяйством», Вирт в довольно туманных выражениях протаскивал идею создания международного консорциума западных стран для совместной эксплуатации Востока. Его длинная речь утомила всех делегатов, в зале начался легкий шум, разговоры, движение⁵¹.

Официальными языками конференции были французский и английский, и все речи переводились на эти языки. Если говорящий говорил на французском, переводили только на английский, если на английском – переводили на французский. В то время синхронных устройств для перевода речей ещё не было, поэтому переводы были очень утомительны.

⁴⁵ Ibid. С. 2, 70.

⁴⁶ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., 1963. С. 42.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid. С. 43.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. С. 43-44.

Но наступил момент декларации Советской России. Вот как описывает выступление Чичерина член советской делегации А.Н. Эрлих: «Он начал свою речь на французском языке, которым владел в совершенстве. Свою речь Чичерин произнес спокойно, не очень громко, певучим голосом, который был слышен всем присутствующим в зале. Речь длилась свыше 20 минут и была выдержана в важнейших принципиальных положениях ленинской программы.

...Речь Чичерина была выслушана с огромным вниманием, почтительностью и доброжелательностью всеми присутствовавшими при полной тишине в зале. Никто не шелухнулся. Чичерин говорил свою речь наизусть, редко заглядывая в листы, лежавшие перед ним на столе...

Выждав несколько секунд, Чичерин снова начал свою речь, на этот раз на английском языке, для того чтобы Ллойд Джордж и другие делегаты, говорящие по-английски, могли непосредственно из уст Чичерина слышать то, о чём он говорил ранее по-французски. Воздействие и впечатление от речи Чичерина, которая теперь была понята всем залом, были настолько неотразимы, что гром аплодисментов, прервав все преграды дипломатического этикета, был как бы естественной реакцией на эту речь, богатую своим содержанием, и на исключительные лингвистические способности Чичерина»⁵².

Так как Чичерин предложил идею разоружения, после него выступил Барту, заявив, что «вопрос о разоружении исключен» и французская делегация отвечает на его предложение решительным отказом⁵³.

Отвечая Барту, Чичерин заявил, что на Вашингтонской конференции в ноябре 1921 г. французский премьер А. Бриан говорил, что «причина, по которой Франция отказывается от разоружения, является вооружение России». В Вашингтоне представителей РСФСР не было. А теперь, иронически отметил Чичерин, когда Россия присутствует на конференции в Генуе и готова согласиться на разоружение, «причина, указанная Брианом, окажется устраненной», так что несогласие Франции о разоружении должно отпасть⁵⁴.

Лл. Джордж попытался выволить Барту из неприятного положения, обратив в шутку предложение Чичерина о созыве Всемирного конгресса: «Мне, Ллойд Джорджу, по старости вряд ли удастся дожить до этого события, и мы все попали бы в царство, где, я надеюсь, больше не будет ни войн, ни конференций»⁵⁵. Нет сомнения, что если даже большинство делегаций и желали обойти молчанием советскую программу мира, Барту своим запальчивым выступлением лишь подчеркнул её наиболее важные пункты, тем самым невольно содействуя её популяризации.

На конференции были созданы четыре комиссии: политическая, или «русская», финансовая, экономическая, транспортная. Во все комиссии входили делегаты от Англии, Франции, Италии, Германии и России. Остальные страны совместно избирали по несколько делегатов в каждую комиссию. 11 апреля советской делегации был вручён меморандум лондонских экспертов от 28 марта. Как мы уже отмечали, он содержал требование об уплате Советским правительством всех долгов дореволюционных и белогвардейских правительств, реституции национализированной собственности иностранцев, установления системы капитуляций в России, отмены монополии внешней торговли, отмены коммунистической пропаганды во всех странах. Сумма долга, предъявленного России, составляла 18 млрд рублей. Это были поистине хищнические домогательства, на удовлетворение которых большевики никогда бы не пошли. Естественно, что в этом смысле эти требования были далеки от реальности.

Совещание на вилле Альбертис. 14 апреля, в 10 часов утра, на вилле Альбертис (резиденция Лл. Джорджа) состоялась встреча представителей делегаций Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и России. В основу переговоров западные державы предложили положить лондонский меморандум экспертов. Советская делегация решительно отвергала этот проект. Она отклонила требование о возвращении национализированной собственности иностранцев, об уплате долгов дореволюционных правительств и в свою очередь выдвинула контрпретензии в 39 млрд рублей за ущерб, причинённый иностранной интервенцией хозяйству России. Свои контрпретензии русские обосновали ссылкой на прецедент, являющийся принципом международного права, уже признанным в случае с «Алабамой»⁵⁶. Что касается обязательств прежних правительств перед союзниками, то их Чичерин объявил недействительными на основании следующего умозаключения: «Союзные державы стремились сокрушить новую Россию, которая возникла из революции, и потерпели неудачу. Тем самым они освободили новую Россию от всяких обязательств Антанте».

Он обосновал отказ от возврата военных долгов тем, что Россия понесла 54% всех потерь Антанты и таким образом заплатила кровью, а все прибыли достались исключительно другой стороне⁵⁷. Желая всё же найти почву для установления деловых связей с иностранным капиталом, Советское правительство согласилось признать за пострадавшими иностранными гражданами право на возмещение убыт-

⁵² Ibid. С. 44-46.

⁵³ Ibid. С. 46.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. С. 47.

⁵⁶ Ibid. С. 54.

⁵⁷ Ibid. С. 55.

ков. Однако непереносимым условием оно ставило соблюдение взаимности. Таким образом, убыткам иностранных граждан от действий Советской власти был противопоставлен ущерб, причинённый России интервенцией.

Ллойд Джордж и Барту предупредили срывом конференции в случае, если предложения Антанты не будут приняты. По поводу заявленной суммы советской контрпретензии Ллойд Джордж сказал: «Если вы с этим приехали в Геную, можно было совсем не приезжать»⁵⁸. Английские дипломаты дали понять, что за отказ Советской России от контрпретензий готовы уменьшить военные долги и продлить срок уплаты процентов по ним. Однако Барту выступил против этого компромисса. Переговоры на вилле Альбертис, продолжавшиеся и 15 апреля, не дали результата.

Рапалльский договор. Всё время, пока шли переговоры на вилле Альбертис, Генуя переживала тревогу. Большинство склонялось к выводу, что Советы добьются соглашения с Антантой за счёт Германии. Всё это беспокоило Ратенау и Мальцана*, которых англичане и французы фактически отстранили от дел конференции.

Американский внешнеполитический эксперт Ф. Кеннан в своей книге «Россия и Запад» пишет по этому поводу: «В субботу (15 апреля) усилились слухи о соглашении англичан и французов с русскими, немцы оставались всё в том же полном неведении о ходе переговоров. Весь вечер они мрачно сидели в вестибюле их отеля и, наконец, отправились спать в состоянии крайнего утомления и упадка духа»⁵⁹. А лорд д'Абернон** так повествует о состоянии немцев в этот момент: «К германской делегации в Генуе стали поступать неофициальные сведения из различных источников..., что Россия пришла к соглашению с Англией и Францией, а Германия оставлена в стороне. Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация всесторонне обсудила положение и в конечном результате решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять»⁶⁰.

О растерянности немцев знали в кругу советской делегации. Около двух часов ночи с 15-го на 16-е апреля член советской делегации А.В. Сабанин позвонил в отель, где разместились германские представители и, поговорив с Мальцаном, попросил передать Й. Вирту, что Г.В. Чичерин предлагает продолжить переговоры, начатые в Берлине⁶¹.

Дальнейшие события живо изображает д'Абернон, которому рассказал о них Мальцан: «В 2 часа 30 минут ночи Мальцан пришел к Ратенау. Последний ходил взад и вперед по комнате в пижаме, с измученным лицом и с воспаленными глазами. Когда Мальцан вошел, Ратенау сказал: „Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор?“ – „Нет, известие совершенно противоположного характера“, – ответил Мальцан и передал Ратенау всю историю. Последний сказал: „Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к Ллойд Джорджу, все объясню и приду с ним к соглашению“. Мальцан возразил: „Это будет бесчестно. Если Вы это сделаете, я немедленно подаю в отставку и уйду от государственных дел...“. В конце концов, Ратенау присоединился к мнению Мальцана и согласился – правда, не совсем охотно – встретиться в воскресенье с русской делегацией. В воскресенье утром состоялось совещание русских с немцами»⁶².

В книге Кеннана эти события излагаются так: «В 1 час 45 минут ночи в комнате Мальцана в отеле раздался телефонный звонок. Это был один из советских делегатов... – „Не угодно ли будет немцам сегодня же (16 апреля) несколько позже прибыть в Рапалло и обсудить вопрос о сепаратном советско-германском соглашении?“»

В темные часы этого раннего пасхального утра члены германской делегации собрались в пижамах в комнате Мальцана, обсуждая, как быть.

Позднее в министерстве иностранных дел Германии это совещание было названо „пижамным“. Дольше всех тянул с подписанием договора Ратенау... Среди находившихся в Генуе делегатов он меньше всех хотел бы порвать с Западом из-за русских. Но положение (для немцев в Генуе) было безвыходным.

- В 5 часов утра русских уведомили, что немцы готовы разговаривать...

- Русская и германская делегации встретились позднее в Рапалло, и переговоры протекали благоприятно. После полудня было достигнуто полное соглашение...

- Ратенау, ожидавшего в ближайшем отеле окончательной подготовки текста, осведомили, что наступило время для подписания. И вот как раз в тот момент, как Ратенау садился в автомобиль, чтобы направиться в Рапалло, ему сообщили, что его просит к телефону Ллойд Джордж условиться о беседе. В крайнем душевном волнении Ратенау постоял минутку, но вернуться назад было бы долго, мучительно и

⁵⁸ Ibid. С. 53, 64.

* Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии и член германской делегации на Генуэзской конференции.

⁵⁹ Ibid. С. 68.

** Английский посол в Берлине в 20-ые годы.

⁶⁰ Ibid. С. 69.

⁶¹ Ibid. С. 70.

⁶² История дипломатии. Т. 3. С. 282-283.

неопределенно по результатам. Он дважды пробормотал по-французски: „Le vin est tiré, il faut le boire”⁶³. С этими словами он сел в автомобиль, отправился в советскую штаб-квартиру и подписал договор»⁶³.

По форме повествования двух западных дипломатов несколько разнятся, но суть у них одна: русские и немцы были брошены в объятия друг другу неуступчивостью Запада, его попытками изолировать эти две великие державы и держать их под жёстким контролем. Результат этой политики – подписание Чичериным и Ратенау советско-германского договора⁶⁴, расколовшего единый антисоветский фронт великих капиталистических держав. Ещё в конце декабря 1920 г. Ленин отмечал эту тенденцию: «Отношение Англии и всей Антанты к Германии. Германия – самая передовая страна, за исключением Америки... И вот, эта страна, связанная Версальским договором, находится в условиях, невозможных для существования. И при таком положении Германия, естественно, толкается на союз с Россией... Единственное для неё средство спасти себя – только в союзе с Советской Россией»⁶⁵.

По Рапалльскому договору от 16 апреля 1922 г. оба правительства взаимно отказывались от возмещения военных расходов и убытков, причинённых их странам и их гражданам во время войны. Германское правительство отказывалось от претензий, вытекающих из мероприятий РСФСР по отношению к германским гражданам или их частным правам, при условии, что российское правительство не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств.

Дипломатические и консульские отношения между Германией и Советской Россией немедленно возобновлялись. Оба правительства согласились применять принцип наибольшего благоприятствования в торговле и благожелательно идти навстречу обоюдным экономическим потребностям. Было обусловлено, что договор не затрагивает отношений договаривающихся сторон с другими государствами.

В тех условиях обоим участникам Рапалльский договор принес серьёзные выгоды. Во-первых, взаимное аннулирование всех претензий. Во-вторых, восстановление дипломатических отношений. В-третьих, экономическое сближение России и Германии. Таким образом разрывалось кольцо экономической и политической блокады вокруг Советской России, для которой договор с Германией был первым полномасштабным договором с великой державой. Для Германии это был первый равноправный договор с великой державой после Версальского мира. Для обеих стран соглашение означало выход из внешнеполитической изоляции. Его благотворные результаты сказались уже к концу 1922 г. Экспорт из Германии в РСФСР вырос более чем в два раза, а импорт – в 14 раз. Но не только торговцы, но и немецкие военные стремились к связям с Россией. Их старания увенчались успехом, и тайное сотрудничество с РККА дало им возможность проводить испытания, которые были им запрещены мирным договором⁶⁶.

Рапалльский договор «без аннексий и контрибуции» стал важнейшим вкладом в укрепление советско-германских отношений и обеспечение мира в Европе. К несколько иным, но очень интересным выводам, приходит Г. Киссинджер в оценке Рапалло: «Рапалло впоследствии стало символом советско-германского сближения, ...будучи просто одной из судьбоносных случайностей, казавшейся неизбежной лишь в ретроспективе: случайностью это было лишь в том смысле, что ни одна из сторон не планировала это событие именно тогда; неизбежной она была потому, что западные союзники предопределили её, подвергнув остракизму две крупнейшие континентальные державы, посредством создания пояса малых, враждебных друг другу, государств, а также посредством расчленения как Германии, так и Советского Союза. Всё это создавало максимум побудительных мотивов, как для Германии, так и для Советского Союза, преодолеть идеологическую вражду и сотрудничать в деле подрыва Версаля.

Рапалло... символизировало всепобеждающую общность интересов, сводившую воедино советских и германских лидеров вплоть до самого конца межвоенного периода. Джордж Кеннан приписывал это соглашение отчасти советской настойчивости, отчасти отсутствию единства среди стран Запада... Ясно, что демократические страны Запада были глупы и близоруки»⁶⁷.

Отношение Запада к советско-германскому договору. Через два дня после его заключения правительства стран Антанты, Малой Антанты, Польши и Португалии адресовали Германии ноту. Они обвинили Германию в нелояльности и нарушении каннских резолюций, в том, что немецкие представители «заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией»⁶⁸. Германию фактически исключили из политической комиссии Генуэзской конференции. Репарационная комиссия потребовала немедленной

* Вино открыто, его следует пить.

⁶³ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. С. 71-72; Kissinger H. *Diplomația*, P. 239.

⁶⁴ ДВП СССР. Т. 5. С. 223-224; См: Международные отношения... (сборник документов). С. 76-77.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 104-105.

⁶⁶ См. подробнее: Горлов С.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы. // ВИЖ, 1991, № 9: А.И. Уткин. Так пришла война. Екатеринбург. 1992. С. 10-12; Дьяков Ю.Л. Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992; Горлов С.А., Ермаченков С.В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе. // ВИЖ, 1993, № 6-8; Dolghin Fl. 1922-1933. Spada fascistă s-a călit în U.R.S.S.? // Magazin Istoric. 1994, Nr. 4.

⁶⁷ Kissinger H. *Diplomația*. P. 239.

⁶⁸ См: История дипломатии. Т. 3. С. 286.

присылки официальной копии этого документа, чтобы судить, не наносит ли советско-германский договор ущерба правительствам, создавшим репарационную комиссию. Дипломаты Антанты утверждали, что советско-германский договор нарушает ряд пунктов Версальского договора, хотя многие видные юристы-международники считали, что между двумя документами нет юридических противоречий⁶⁹. 21 апреля, после значительных колебаний, немцы ответили на ноту Антанты, что Рапалльский договор ни в какой мере не затрагивает отношения третьих держав с Россией.

23 апреля союзники послали новую ноту канцлеру Вирту. В ней по предложению Барту говорилось, что правительства Антанты оставляют за собой «полное право считать недействительными и несостоявшимися все те постановления русско-германского договора, которые будут признаны противными существующим договорам»⁷⁰.

Следует отметить, что таких положений в советско-германском договоре никогда и никто не обнаружил, так как юридических противоречий Версальскому договору в нём не существовало. Лидеры Антанты по существу волновала не юридическая сторона вопроса, а фактическая и политическая. Они были озабочены ударом по своим гегемонистским устремлениям, тем, что Германия выходит из-под их контроля, а Россия становится самостоятельной силовой единицей на международной арене. Это рушило Версальский статус-кво, и в этом была причина всех волнений. Но данный процесс являлся объективной необходимостью, и остановить его не мог никто. Стремление государств к независимости, к укреплению политического суверенитета и экономическому процветанию является прогрессивным и объективно существующим, а все попытки помешать им в этом рано или поздно кончаются крахом. Тем более, когда речь идет о великих державах.

Продолжение переговоров Советской России с западными странами. Тем временем советская делегация, ознакомившись с содержанием доклада экспертов, сформулировала своё отношение к нему. В меморандуме от 20 апреля 1922 г.⁷¹ она заявила, что доклад экспертов противоречит каннской резолюции от 6 января 1922 г. В нём утверждалось, что Запад стремится закабалить Россию. Из этого документа следовало, что предпосылкой нормальных экономических связей с капиталистическими странами должно быть установление дипломатических отношений, признание Советского правительства де-юре и отказ от попыток навязать России «систему капитуляций», от покушений на её суверенитет. В меморандуме указывалось, что Советское правительство юридически не обязано возмещать иностранцам ущерб, понесенный ими в результате национализации их собственности или аннулирования долгов прежних правительств России.

Революция, говорилось в меморандуме, «прервала преемственность ...обязательств». Это утверждение, думаем, является необоснованным, т.к. смена власти не освобождает страну от долговых обязательств. Если уж Россия и не должна была платить, то от этого её освободили только действия самих интервентов. Тем не менее, Советское правительство, «желая найти почву для соглашения и восстановления деловых связей с иностранным капиталом», изъявило готовность возместить убытки иностранцам при условии, что будет соблюдена взаимность и иностранные державы, в свою очередь, возместят ущерб, нанесенный России во время интервенции. В связи с этим в своём меморандуме Советское правительство официально предъявило империалистам контрпретензии за ущерб, причинённый интервенцией в сумме 39 млрд золотых рублей. Это означало, что возместить ущерб иностранным гражданам должны их правительства.

Советская делегация отвергла требование об уплате военных долгов прежних правительств, мотивируя это тем, что «русский народ принес в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе». Отвергая требование о возвращении экспроприированных предприятий, советская сторона выражала готовность оказывать при сдаче предприятий в концессию предпочтение бывшим владельцам.

Англия колебалась. Соглашение с Россией упиралось в проблему частных претензий. В этом вопросе банковские круги Сити проявляли сугубую осторожность. Ллойд Джордж заявил на встрече 20 апреля с Чичериным, что без принятия требования о реституции переговоры представляются излишними. В ответ советская делегация предложила следующую формулу по основному спорному вопросу: «Российское правительство было готово вступить в переговоры с бывшими владельцами национализированных промышленных предприятий о предоставлении преимущественного права на концессию в виде аренды на вышеуказанную собственность или удовлетворении их справедливых претензий каким-либо путём по взаимному соглашению»⁷².

Англичане заявили, что эта формула неприемлема, настаивая на включении в неё следующего общего заявления: «Россия согласна возратить собственность там, где это возможно...» и далее следовала

⁶⁹ См.: Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. С. 76.

⁷⁰ История дипломатии. Т. 3. С. 286.

⁷¹ Международные отношения... (сборник документов). С. 77-83.

⁷² История дипломатии. Т. 3. С. 288.

вышеприведенная формула. Но советская сторона категорически отказалась дать требуемое заверение. Тогда представитель Англии предложил вместо слов «возвратить собственность» вставить «возвратить пользование имуществом», оговорившись, что это вряд ли будет приемлемо для Лл. Джорджа⁷³.

Русские согласились пойти навстречу союзникам при условии, что военные долги и проценты по ним будут аннулированы и России будет оказана достаточная финансовая помощь. Признание Советского правительства де-юре также было обязательным условием⁷⁴. На совещании всех членов политической подкомиссии, за исключением России и Германии, было признано, что ответ советской делегации может в общем служить основой для дальнейших переговоров⁷⁵. Наконец 2 мая представители Антанты вручили советской делегации новый меморандум, в основном повторяющий прежний и кое в чём (под воздействием Пуанкаре) ухудшая его. Ответ на него был получен 11 мая.

19 мая состоялось закрытие конференции, на которой была утверждена резолюция о продолжении её работы в Гааге. Так закончилась первая большая международная конференция с участием Советов. Большевики считали её итоги положительными для себя, так как конференция означала признание Советского правительства де-факто, и было сделано всё возможное для улучшения политических и деловых отношений советского государства с капиталистическим миром, создания прочных и взаимовыгодных экономических связей. «Генуя стала первой, по существу в [XX] веке попыткой преодолеть раскол Европы и обеспечить её восстановление на основе экономического сотрудничества и новых принципов взаимоотношений между государствами», – отмечает российский исследователь Ю. Кашлев⁷⁶.

Гаагская конференция явилась продолжением Генуэзской. Она проходила с 15 июня по 20 июля 1922 г. На Гаагской конференции присутствовали не полномочные представители правительств, а эксперты. От США, официально отказавшихся от участия в работе Гаагской конференции, присутствовал наблюдатель – посол в Голландии Сассдорф.

Официальное открытие Гаагской конференции состоялось 26 июня, когда прибыла советская делегация во главе с Литвиновым. На конференции были созданы две комиссии: «русская» и «нерусская». Первые десять дней проходили заседания «нерусской» комиссии, в которых советские представители участия не принимали. Она состояла из трёх подкомиссий: частной собственности, долгов и кредитов. Основную роль играла подкомиссия частной собственности, поскольку доминировало стремление вернуть национализированную в России собственность иностранцев. Вопрос о долгах занимал подчиненное положение.

На первом же заседании этой подкомиссии 29 июня было выдвинуто предложение о реституции национализированной собственности иностранцев в России или о полной её компенсации. Советское правительство было готово на переговоры о предоставлении бывшим собственникам концессий.

При условии получения займа в 3224 млн золотых рублей для восстановления промышленности, транспорта, сельского хозяйства, торговли и финансов, Советское правительство было готово пойти на частичную уплату довоенных долгов. 19 июля советская делегация заявила о готовности Советского государства признать, в принципе, необходимость уплаты довоенных долгов и компенсировать убытки бывших иностранных собственников в России в форме концессий или иным путём, обусловив это признанием Советского правительства де-юре. Однако это предложение не было принято. 20 июля работа конференции была прервана.

Значение конференций в Генуе и Гааге. И Генуя, и Гаага показали, что в капиталистическом мире шла борьба двух тенденций: одна стремилась создать единый антисоветский фронт, другая – установить с Советской Россией деловые контакты. И на Генуэзской, и на Гаагской конференциях фактически провалилась идея общего соглашения между капиталистическими странами за счёт России. Всё более реальной становилась идея прямых двусторонних соглашений с этой страной. Фактически Генуя и Гаага, признав де-факто Советскую Россию, стали шагом на пути её юридического признания. Первым проявлением этой тенденции было заключение Рапалльского договора. В то же время Советской России не удалось добиться установления нормальных отношений со странами Антанты, приемлемого для неё урегулирования спорных вопросов, заключения торговых соглашений и получения кредитов. Всё это неизбежно становилось делом ближайшего будущего. Но в тот момент прежнее единство мировой экономической системы не было воссоздано, ибо его нельзя было реконструировать в соответствии со старой картой довоенного устройства. Россию оставили в одиночестве как в гетто. Политические мотивы взяли верх над экономическими расчетами.

После окончания Гаагской конференции один из инициаторов её созыва – крупнейший английский делец Л. Уркварт* заявил журналистам: «Мы, деловые люди, считаемся больше с фактами, чем с символом веры. Я должен работать с каждым правительством, которое является действительной властью в

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Кашлев Ю. Чичерин, Генуя, Рапалло: как это видится сегодня. // Межд. жизнь. 1998, № 3. С. 107.

* Бывший владелец известных Ленских золотых приисков и другой собственности в России.

России. А теперь это одно лишь Советское правительство»⁷⁷. Вскоре Уркварт подписал в Берлине с Красиным концессионный договор.

Под влиянием части американских деловых кругов, выступавших за установление деловых связей с Россией, в середине августа 1922 года правительство США сделало неофициальный запрос Советскому правительству, каковы условия восстановления этих связей и возможна ли посылка в Советскую Россию американской экспертной комиссии. Советское правительство сообщило, что приветствовало бы торговые переговоры с США, но экспертные комиссии могут быть допущены только на началах взаимности. В это же время был заключен контракт на 15 лет с американской нефтяной компанией «Интернэшнл Бойрсдал» на организацию добычи нефти в России.

Побывавший в сентябре 1922 года в России лидер французских радикалов Э. Эррио высказался за немедленное установление деловых отношений между двумя странами. Сразу после окончания Генуэзской конференции был подписан советско-чехословацкий торговый договор, а в сентябре 1922 года к англо-советскому торговому соглашению 1921 года присоединилась Канада.

Всего в 1922 году Советское правительство заключило десять концессионных договоров (против пяти в 1921 году). Таким образом, отказ капиталистических стран принять советские предложения в Генуе и Гааге не остановил процесс укрепления деловых связей, а только изменил их форму: вместо предполагавшегося многостороннего соглашения стали заключаться двусторонние договоры с отдельными правительствами и деловыми кругами.

4. Дипломатическое признание СССР

Причины восстановления дипломатических отношений между СССР и капиталистическим миром. 1924 г. вошёл в историю международных отношений как год признания Советского Союза буржуазными государствами. Крах попыток силового уничтожения большевистского государства и стабилизация советского строя всё больше и больше убеждал правящие круги других стран в необходимости установления нормальных политических отношений с СССР. В капиталистических странах усиливалась и тенденция к расширению экономических связей с СССР, однако, отсутствие нормальных дипломатических отношений с этой страной мешало развитию торговли между ними, лишало её правовой и политической базы, делало торговые операции рискованными для обеих сторон.

Существующее положение было экономически невыгодно для капиталистических государств. Не имея в СССР дипломатических представителей и консульских чиновников, эти страны не могли получать экономической информации о положении в Советском Союзе, его потребностях и возможностях. Многие фирмы, торговавшие с Россией, были лишены защиты со стороны соответствующих дипломатических представителей. Были случаи, когда крупнейшие фирмы отказывались от выгодных сделок с советскими представителями именно из-за отсутствия нормальных дипломатических отношений с СССР. Деловые круги Запада видели, что государства, установившие дипотношения с Советским Союзом, вели свою торговлю в более благоприятных условиях. Нелепость политики «непризнания» СССР становилась всё более очевидной для реалистически мыслящих людей, т.к. нормализация дипломатических отношений с Москвой стала необходимым шагом на пути развития экономических связей государств с различным общественным строем. Этому в немалой степени способствовали выступления рабочего класса капиталистических стран за нормализацию отношений с Советским Союзом, а также противоречия капиталистических держав, их борьба за первенство.

В 1924 г. великие державы стали одна за другой устанавливать дипломатические отношения с СССР. Своей политикой Советское правительство стремилось приблизить нормализацию отношений с ними.

Признание Англией советского государства. Первым государством, установившим в 1924 г. дипломатические отношения с Советским Союзом, стала Великобритания. Её экономическое положение в 20-е годы было нелегким. США с каждым годом всё больше теснили Англию с мировых рынков. Внутри Британской империи усилились центробежные силы. Канада и Австралия экономически сближались с Соединёнными Штатами и удалялись от Англии, перед которой со всей остротой встал вопрос о значительном расширении торговли. В поисках новых рынков сбыта Великобритания наталкивалась на мощных конкурентов – США, Японию, быстро восстановившую свои силы Германию. Проблему рынков Англии было трудно решить без экономического сближения с СССР, которое в свою очередь зависело от нормализации дипломатических отношений между двумя странами. В результате, в британских деловых кругах всё более настойчиво раздавались голоса за признание СССР де-юре. Летом 1923 г. Советский Союз посетила делегация английских промышленников. Возглавлял её лидер консерваторов Болдуин. По возвращении на Родину делегация выступила за предоставление кредитов Советскому Союзу и расширение англо-советской торговли.

Противниками признания оставались консерваторы, игравшие главную роль в правительстве. Либералы и лейбористы оказались более гибкими в проведении английской внешней политики и были

⁷⁷ Всемирная история. Т. 8. С. 507-508.

сторонниками признания СССР. Борьба по этому вопросу развернулась во время парламентских выборов 1923 г. Основным внешнеполитическим пунктом предвыборной программы лейбористов было обещание возобновить экономические и политические взаимоотношения с СССР. Либеральная партия также выставила в своей предвыборной программе пункт о немедленном установлении дипломатических отношений с СССР. Заявления лейбористов и либералов о безоговорочном дипломатическом признании Советского правительства привлекли на их сторону немалое число избирателей.

22 января 1924 г., впервые в истории Англии, было сформировано лейбористское правительство во главе с Рамсеем Макдональдом, занявшим также пост министра иностранных дел. Лейбористский премьер был реалистом и видел, что развитию экономических связей препятствует отсутствие нормальных отношений между двумя странами. К тому же он не мог не считаться с настроениями рабочего класса.

Однако и правительство Макдональда попыталось навязать Советскому Союзу в обмен на признание согласие выплатить старые долги⁷⁸. Естественно, что большевики отвергли это, расценив английские притязания как шантаж. Следует отметить, что в вопросе о признании СССР Макдональд сразу ощутил мощное давление рабочего класса: 29 января лондонские рабочие направили английскому правительству делегацию с требованием о немедленном признании⁷⁹.

Правительство Макдональда, называвшее себя рабочим, не решилось в первые же дни своей деятельности пойти на конфликт с рабочими – своими избирателями. Это, конечно, не следует понимать, что весь английский рабочий класс был настроен просоветски. Но среди значительной части рабочих эти настроения были достаточно сильны. Кроме того, в условиях безработицы, рабочие надеялись, что при установлении дипломатических отношений за счёт увеличившихся советских заказов улучшится их экономическое положение.

По указанию из Лондона 2 февраля 1924 года английский официальный агент в Москве Хаджсон направил Советскому правительству ноту, в которой говорилось о признании Великобританией СССР. В ней подчеркивалось, что «для создания нормальных условий установления вполне дружественных отношений и торговых отношений в полном объеме необходимо будет заключить определенные практические соглашения по ряду вопросов»⁸⁰. Здесь же была сделана оговорка, что Советское правительство признается «в качестве Правительства де-юре на территориях бывшей Российской империи, которые признают его власть»⁸¹.

Эта формула означала, что англичане не признают советскими те территории, которые не входили в состав СССР, но Советское правительство считало своими, например Бессарабию. Или косвенно такая формулировка свидетельствовала, что английское правительство не отказалось от надежды, что на территории «бывшей Российской империи» всё ещё могут появиться, кроме Советского, и другие правительства, которые Англия тоже могла бы признать. Под это подходил случай с Грузией, где в тот момент произошло восстание и было образовано меньшевистское правительство. Кроме того, английское правительство в своей ноте отмечало, что «признание Советского Правительства России автоматически вводит в силу все договоры, заключенные между обеими странами до Русской революции, за исключением тех, которые потеряли юридическую силу»⁸². Советская сторона поняла эту туманную формулу как попытку навязать ей аннулированные договоры, заключенные царским правительством.

Перед советской дипломатией встала сложная задача – отстоять интересы СССР и одновременно не затягивать нормализацию отношений с Англией из-за спора о формулировках. Она предпочла не вступать в споры, а дать свою интерпретацию ноте английского правительства. В ответной ноте правительство СССР, подчеркнув, что дружественное сотрудничество народов Великобритании и Советского Союза является одной из его первых забот, отметило, что «Британское Правительство признает де-юре Правительство Союза Советских Социалистических Республик, чья власть распространяется на все территории бывшей Российской империи, за исключением территорий, отделившихся с согласия Советского Правительства и образовавших самостоятельные государства»⁸³. В советской ноте было заявлено также, что Советское правительство готово обсудить и решить дружественным образом все вопросы, вытекающие прямо или косвенно из фактора признания. Оно выразило готовность «прийти к соглашению с Британским Правительством по вопросу о замене старых договоров»⁸⁴.

Одновременно с официальной перепиской Макдональд и Чичерин обменялись частными письмами. В письме от 1 февраля 1924 года Макдональд предложил обменяться не послами, а поверенными в делах⁸⁵. Чичерин высказался за обмен послами⁸⁶. Однако долгое время стороны были представлены поверенными в делах.

⁷⁸ См.: ДВП СССР. Т. 7. М., 1963. С. 33.

⁷⁹ См.: История внешней политики СССР. Т. 1. С. 192; История дипломатии. Т. 3. С. 383.

⁸⁰ ДВП СССР. Т. 7. С. 53.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid. С. 54.

⁸⁴ Ibid. С. 54-55.

⁸⁵ Ibid. С. 99.

⁸⁶ Ibid. С. 98-99.

Установление дипломатических отношений между СССР и Великобританией имело большое политическое и экономическое значение. Оно встретило одобрение у большинства населения обеих стран. Оно имело важнейшее значение для общеевропейского мира и стабильности, так как нормализация отношений произошла на основе признания полного равноправия и уважения суверенитета друг друга, без односторонних уступок и к взаимной выгоде.

Дипломатическое признание Советского Союза Итальянским правительством. Вслед за Англией дипломатические отношения с СССР установила Италия, не менее заинтересованная в развитии экономического сотрудничества с Россией. Накануне первой мировой войны свыше 40% потребляемого зерна Италия ввозила из России. В 20-е годы Италия импортировала зерно из США и Аргентины, покупая его по более высоким ценам и неся в три раза более высокие транспортные расходы, чем при закупке его в советских портах. Кроме того, итальянская промышленность нуждалась в сырье и нефти из СССР и могла поставлять на советский рынок медикаменты, сельскохозяйственные машины, электротехнические и другие товары. Она остро нуждалась во внешнем рынке, многие отрасли промышленности переживали депрессию. В 1923 г. заметно увеличилась пассивность итальянского торгового баланса.

Осенью 1923 г. Италия заявила о своей готовности одновременно с подписанием торгового договора установить и дипломатические отношения с СССР. 30 ноября 1923 г. в итальянском парламенте Муссолини заявил: «Для итальянского хозяйства, для блага итальянского народа выгодно признание русской республики де-юре... Но за это и Россия должна мне кое-что дать. Я требую хороший торговый договор. Я требую концессии на сырье, в котором Италия нуждается»⁸⁷.

Советское правительство исходило из того, что признание является совершенно необходимым условием для развития торговых отношений между обеими странами. Чичерин указывал: «Мы идем на экономические уступки, поскольку они нам дают экономические выгоды... Мы не идем на покупку права признания нас де-юре... В наших переговорах с Италией мы дальше этого не пойдем: взаимные уступки ради взаимной выгоды»⁸⁸.

2 февраля Муссолини узнал из газет, что английское правительство признало СССР, и форсировал переговоры. И уже 7 февраля 1924 г. итальянское правительство заявило о признании де-юре Советского правительства⁸⁹. В советском ответе выражалась уверенность, что установление в полном объеме дипломатических отношений между двумя странами окажет благотворное влияние на экономические связи и сотрудничество обеих народов⁹⁰. Выразив удовлетворение решением итальянского правительства немедленно назначить своего посла в Москву, Советское правительство заявило, что в ближайшем будущем назначит своего посла в Рим.

В тот же день был подписан итальянско-советский торговый договор⁹¹, признавший монополию внешней торговли СССР и зафиксировавший взаимное применение режима наиболее благоприятствующей нации. Всё это резко продвинуло вперед отношения между двумя странами и способствовало укреплению стабильности на континенте.

Признание СССР рядом малых стран. После восстановления дипломатических отношений СССР с Англией и Италией многие европейские государства заявили о признании Советского Союза и установлении с ним дипломатических отношений. В течение 1924 г. СССР установил дипломатические отношения с Норвегией, Австрией, Швецией, Грецией и Данией. В апреле 1924 г. были установлены отношения между СССР и Геджасом*, – первым арабским государством, вступившим в дипломатические отношения с Советским Союзом. Первой страной американского континента, признавшей СССР де-юре, явилась Мексика. Соглашение с ней было подписано 4 августа 1924 г.

Установление дипломатических отношений между Францией и СССР. Позже других стран Европы на путь нормализации отношений с СССР вступила Франция. Ещё 22 декабря 1923 г. предлагая Советскому Союзу установить дипломатические отношения, правительство Пуанкаре обусловило это признанием долгов царского и Временного правительств и компенсацией за национализированное в России имущество французских граждан⁹². За установление нормальных отношений с СССР начал активную кампанию Э. Эррио.

В мае 1924 г. во Франции состоялись парламентские выборы, принесшие победу некоммунистической левой. К власти пришло правительство Э. Эррио, заявившее о намерении восстановить дипломатические отношения с СССР⁹³. 15 июля Эррио направил Чичерину ноту, в которой французское правительство сообщило «о своём намерении подготовить в короткий срок восстановление нормальных

⁸⁷ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 199–200.

⁸⁸ ДВП СССР. Т. 7. С. 607.

⁸⁹ Ibid. С. 91.

⁹⁰ Ibid. С. 92.

⁹¹ Ibid. С. 68–88.

* Саудовская Аравия.

⁹² История дипломатии. Т. 3. С. 395–396; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 202; История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 197.

⁹³ Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 253.

отношений Франции с Россией»⁹⁴. Но из-за противодействия США произошла задержка с признанием СССР. Лишь 24 октября 1924 г. Эррио от имени Совета министров Франции направил в Москву телеграмму, в которой говорилось, что французское правительство готово «установить теперь же нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза путём взаимного обмена послами»⁹⁵. В телеграмме указывалось, что Франция признает де-юре правительство СССР «как правительство территорий бывшей Российской империи, где его власть признана населением, и как преемника на этих территориях предшествующих российских правительств»⁹⁶.

Чичерин в ответ заявил, что «мы горячо приветствуем этот акт»⁹⁷. 30 октября на его имя была получена телеграмма от Эррио, в которой говорилось, что «не существует народов, более предназначенных для взаимного понимания, чем французский народ, преисполненный чувства справедливости и братства, и великий русский народ, достойные качества которого я сам лично имел возможность оценить»⁹⁸.

Полпредом во Францию был назначен Л. Красин, который продолжал занимать пост наркома внешней торговли. Французским послом в СССР стал Ж. Эрбетт. Признание СССР Францией имело большое политическое значение для обеих стран и для Европы в целом. Отношения дружбы и сотрудничества между Францией и Россией стали стержнем европейской стабильности и безопасности.

Установление дипотношений между СССР и Китаем. 31 мая 1924 года было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой»⁹⁹, предусматривавшее установление нормальных дипломатических и консульских отношений между договаривающимися сторонами. Советское правительство отказалось от всех империалистических привилегий царского правительства. КВЖД была объявлена чисто коммерческим предприятием, управляемым двумя странами на паритетных началах. Все договоры, заключенные царским правительством и какой-либо третьей стороной и затрагивающие суверенные права и интересы Китая, объявлялись недействительными и утратившими силу.

Сунь Ят-Сен высоко оценил это событие и отметил, что оно «имело место лишь благодаря тому, что Россия отказалась от своих былых привилегий в Китае и ликвидированы прежние договоры, нарушавшие суверенитет Китая. Всё это было сделано Россией добровольно, исходя из её революционных принципов»¹⁰⁰. Советско-китайское соглашение было ярким выражением новых принципов внешней политики. Оно способствовало национально-освободительной борьбе китайского народа и, в частности, аннулированию навязанных ему неравноправных империалистических договоров.

Дипломатическое признание Советского Союза Японией. Полоса признаний СССР завершилась установлением 20 января 1925 г. дипломатических и консульских отношений с Японией¹⁰¹. Конвенция между СССР и Японией предусматривала эвакуацию японских войск из Северного Сахалина к 15 мая 1925 г. Были подтверждены статьи Портсмутского договора, которые сохранили своё значение: Россия и Япония будут воздерживаться от принятия военных мер на русско-корейской границе, от возведения укреплений на Сахалине и прилегающих к нему островах.

* * *

Установление дипломатических отношений между СССР и капиталистическими странами стало реализацией объективно неизбежного процесса, но одновременно и результатом целенаправленной политики Советского государства, что явилось крупнейшим успехом его внешней политики. В течение года, вошедшего в историю как «полоса признаний», Советский Союз признали юридически 12 государств. В 1924 г. СССР имел дипломатические отношения с 22 капиталистическими государствами. Из великих держав лишь США отказывались от его дипломатического признания.

5. План Дауэса

Обострение репарационного вопроса. Борьба вокруг репарационного вопроса, который по-прежнему оставался неурегулированным, привела в 1922 – 1923 годах к резкому обострению противоречий между всеми заинтересованными сторонами. Провозгласив «политику выполнения» Версальского договора, правительство Вирта фактически «доказывало его невыполнимость». Германские промышленники и финансовые магнаты, с молчаливого одобрения правительства, саботировали все мероприятия по выплате репараций.

⁹⁴ ДВП СССР. Т. 7. С. 399.

⁹⁵ Ibid. С. 515.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Ibid. С. 518.

⁹⁸ Ibid. С. 524-525.

⁹⁹ Ibid. С. 331-335.

¹⁰⁰ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 211.

¹⁰¹ ДВП СССР. Т. 8. М., 1963. С. 70-77, 78-80.

В стране процветала во многом искусственно вызванная инфляция. Она служила одним из главных орудий в борьбе против репарационных обязательств, под предлогом неплатежеспособности и угрозы финансового краха. На собрании предпринимателей Северо-Западной Германии 6 июня 1922 г. Стиннес открыто призывал к срыву репарационных платежей. Его газета требовала очистить от войск союзников все занятые ими территории и «исправить» границы Германии на востоке¹⁰². Делая ставку на использование растущих англо-французских и американско-французских противоречий, германские промышленные магнаты во главе со Стиннесом вели опасную игру, открыто провоцируя оккупацию Рура.

Попытки правительства Вирта урегулировать репарационный вопрос путём переговоров путали карты Стиннесу, поэтому не без усилий последнего 13 ноября это правительство пало. Новый канцлер Куно, человек крупного монополистического капитала, ориентировался на сотрудничество с американским финансовым капиталом. Но подлинным вдохновителем политики нового правительства являлся крупнейший германский бизнесмен Г. Стиннес.

Позиция Франции. Французские монополистические круги давно желали нового конфликта с Германией, рассчитывая, благодаря ему, захватить Рур и тем самым обеспечить экономическую, политическую и военную гегемонию Франции в Европе. Сталелитейные предприятия, группировавшиеся вокруг «Комите де Форж», выступали за прямую военную аннексию Рура. Политическим рупором этой группы являлся Р. Пуанкаре. Другая часть французского бизнеса, точку зрения которой в правительстве представлял Бриан, выступала за овладение Руром путём заключения картельных соглашений между предприятиями Франции и Германии. Но тяжелое экономическое положение Франции и саботаж репарационных поставок Германией (к началу 1922 года было выплачено наличными только 1,8 млрд марок, а натурой 1,6 млрд) предопределили победу первой группировки.

Отношение Англии и США. Германские магнаты встретили в репарационном вопросе поддержку Великобритании и США. Англичане выступали за сокращение репараций и последующее их упразднение. Это определялось их стремлением не допускать усиления Франции и установления её гегемонии в Европе. Британское правительство пыталось проводить традиционную политику «равновесия сил» на континенте, что давало бы Англии возможность играть роль арбитра в европейских делах. С другой стороны, как известно, Германия рассматривалась в качестве важнейшего антибольшевистского форпоста.

Американские финансовые магнаты стремились обеспечить выгодные условия своим капиталовложениям в Германии. А для этого главным было обеспечить стабилизацию экономического и политического положения Веймарской республики. Поддерживая немцев в их непримиримой позиции к Франции, правящие круги США считали, что в ходе нарастающего кризиса во франко-германских отношениях будет покончено с преобладающей ролью Франции в репарационном вопросе и откроется широкая дорога американскому бизнесу для вмешательства в дела Германии и Европы в целом.

Оккупация Рура. Опираясь на поддержку Англии и США, 11 декабря 1922 г. Стиннес заявил, что Германия не будет платить репарации даже под угрозой оккупации Рура. 9 января 1923 г. репарационная комиссия признала факт «умышленного невыполнения» Германией репарационных поставок. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска вступили в Рур.

Оккупация Рура полностью дезорганизовала германскую экономику. Рурская область была отделена от остальной Германии таможенной границей. Германия лишилась 88% всей добычи угля, 70% продукции чугуна и 40% стали. Тысячи предприятий прекратили работу из-за отсутствия сырья и топлива. В стране наступил экономический коллапс. 60% населения остались без работы. В Германии резко пошло на подъем революционное движение.

В ответ на эту акцию германское правительство отозвало своего посла из Парижа и посланника из Брюсселя. США и Англия формально заняли выжидательную позицию, на деле поддерживая немцев. С осуждением захвата Рура выступил СССР¹⁰³.

Не имея возможности оказать военное сопротивление, руководящие круги Германии объявили «пассивное сопротивление» оккупации Рура. Суть этой политики состояла в экономическом саботаже. Правления немецких монополий покинули Рур. Тысячи предприятий Рурской области были закрыты. Правительство Куно заявило, что не согласится вести переговоры о репарациях, пока не будут эвакуированы оккупационные войска из Рура. Французское правительство в свою очередь объявило, что оно не станет вести какие-либо переговоры о репарациях до тех пор, пока не будет прекращено «пассивное сопротивление». Расчеты французов, связанные с оккупацией Рура, не оправдались. Поставки рурского угля во Францию прекратились. К осени 1923 г. оккупационные расходы достигли 7 млрд франков. Курс франка быстро падал.

Разрешение кризиса. В этой обстановке правительство Болдуина, при поддержке США, 20 июля 1923 г. направило в Париж ноту с требованием ликвидации рурского кризиса путём созыва конференции. 11 августа оно ультимативно заявило Франции, что в случае продолжения ею оккупации Рура, она не будет поддержана Англией в вопросе о германских репарациях.

¹⁰² История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 203.

¹⁰³ ДВП СССР. Т. 6. С. 150.

12 августа 1923 г. в результате всеобщей забастовки ушло в отставку правительство Куно. Новое правительство возглавил Густав Штресеман, объявивший 26 сентября 1923 г. о прекращении «пассивного сопротивления». Однако это не значило победы Франции. Воспользовавшись её ослаблением, на первый план в разрешении германской проблемы вышли США и Англия.

12 октября 1923 г. английское правительство обратилось к правительству Соединённых Штатов с предложением созвать конференцию для урегулирования репарационной проблемы и получило согласие американцев. Французской дипломатии пришлось согласиться на организацию комитета экспертов для обследования платежеспособности Германии. 30 ноября было принято решение об образовании двух комитетов экспертов. Не дожидаясь их рекомендации, США и Англия предоставили германскому правительству крупный заем. В декабре 1923 г. США подписали с Германией торговый договор. Франция всё больше отеснялась на задний план – в решении репарационного вопроса и германской проблемы в целом.

14 января 1924 г. приступили к работе комитеты экспертов. Председателем первого, разрабатывавшего планы стабилизации марки, был избран директор моргановского банка в Чикаго Ч. Дауэс; председателем второго, в котором изыскивались пути возвращения в Германию капиталов, переведенных за границу в период инфляции – английский финансист Мак-Кенна. Германию представлял президент Рейхсбанка Яльмар Шахт. 9 апреля 1924 г. комитеты экспертов представили репарационной комиссии свои рекомендации, известные как «План Дауэса».

Принятие «плана Дауэса». Комитет высказался за прекращение всякой военной оккупации германской территории. Для прекращения инфляции предлагалось предоставить Германии заем в 800 млн золотых марок. Взимание репараций начиналось с 1924/25 финансового года: Германия должна была выплатить в этот год 1 млрд марок, далее эти взносы возрастали и к 1928/29 году должны были составлять 2,5 млрд марок ежегодно¹⁰⁴.

В качестве основного источника репараций были определены отчисления госбюджета за счёт косвенных налогов на сахар, табак, пиво, спиртные напитки, а также транспортный спецналог. Этим тяжесть репараций взваливалась на плечи трудящихся. Кроме того, должны были делаться отчисления от прибылей промышленности и железных дорог. Предусматривался выпуск на 5 млрд марок промышленных облигаций и на 11 млрд марок железнодорожных. Шесть процентов с этих сумм – 960 млн марок – ежегодно должны были переводиться в репарационный фонд.

Важнейшее место в «плане Дауэса» занимал вопрос о гарантиях выплаты репараций со стороны Германии. Право эмиссии изымалось из ведения германского правительства и становилось исключительной функцией вновь созданного банка, независимого от германского правительства и поставленного под контроль западных держав. Создавался независимый от правительства пост комиссара по налогам, под контроль которого передавались акцизы, таможенные пошлины и наиболее доходные статьи государственного бюджета. Контроль над железными дорогами из ведения германского правительства на 40 лет передавался вновь созданному акционерному обществу. Иностранные капиталовложения в Германии налогом не облагались. «План Дауэса» прямо или косвенно поставил под англо-американский контроль всю экономику Германии.

16 июля 1924 г. в Лондоне открылась международная конференция с участием представителей США, Англии, Франции, Италии, Японии, Португалии, Греции, Румынии и Югославии для рассмотрения «плана Дауэса». 2 августа на конференцию была приглашена делегация Германии. По прибытии в Лондон она была приветливо встречена Макдональдом, так что относительно её равноправия с другими участниками не могло возникнуть никаких сомнений. В центр переговоров выдвинулась проблема вывода войск из Рурской области, которой германское правительство придавало первостепенное значение. Это требование германской стороны встретило поддержку со стороны Макдональда. В результате длительных переговоров, с помощью американского посла Келлога, удалось прийти к единому мнению об уходе из Рурской области через год¹⁰⁵. 16 августа конференция завершила работу утверждением «плана Дауэса», а 10 октября 1924 г. была достигнута договорённость между банками стран-участниц лондонских соглашений о кредите Германии в сумме 800 млн золотых марок.

Последствия «плана Дауэса». Одним из важнейших политических аспектов «плана Дауэса», оказавшего решающее влияние на последующее развитие международных отношений, была его трансформация из орудия французской политики силы в мощный рычаг влияния на Германию со стороны прежде всего американского делового мира¹⁰⁶.

И хотя «план Дауэса» содержал серьёзные ограничения германского суверенитета, он был связан с огромными валютными инъекциями в экономику Веймарской республики. С 1924 по 1932 год Германия получила в виде займов и других поступлений около 32 млрд марок, а выплатила репараций и

¹⁰⁴ Всемирная история. Т. 9. М., 1962. С. 148.

¹⁰⁵ Европа в международных отношениях 1917-1939. М., 1979. С. 72-73.

¹⁰⁶ Постников В.В. США и дауэсизация Германии (1924-1929 гг.). М., 1957. С. 41-45, 270-271.

платежей по займам менее 20 млрд марок. В итоге к началу 1933 г. Германия имела 12,5 млрд марок невозвращенных поступлений. Эти средства пошли на восстановление немецкого военно-промышленного потенциала. За эти годы 70% всех иностранных займов составляли американские деньги. Экспорт капитала в Германию осуществлялся в 1924-1929 годах и в виде прямой скупки американскими монополиями акций немецких предприятий¹⁰⁷.

Штресман рассматривал «план Дауэса» в качестве решающего поворотного пункта в послевоенном развитии Германии. Он должен был укрепить внешнеполитическое положение Веймарской республики, оздоровить её экономику, стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Германский министр иностранных дел рассматривал его как своего рода перемирие в репарационном вопросе и как этап на пути к ликвидации с помощью США всех репарационных платежей¹⁰⁸.

Принятие «плана Дауэса» означало поворотный пункт во взаимоотношениях Германии с западными державами. Это отразилось и на франко-германских отношениях, которые вступили в новую фазу. Политика диктата Франции отходила в прошлое. Подводя 23 августа 1924 г. на заседании рейхстага итоги пятилетней эволюции внешнеполитических позиций страны, Штресман говорил: «От Версаля до Лондона был длинный путь унижений и громадных трудностей. Я убежден: Лондон – это не конец. Лондон может быть исходным пунктом развития..., являясь началом сотрудничества народов на равноправной основе»¹⁰⁹. Таким образом, вступление в силу «плана Дауэса» завершило один и открывало другой этап в послевоенном развитии Германии.

Говоря об этом плане, было бы неправильно не затронуть ещё один его аспект. Косвенно он имел антисоветскую направленность. Для того, чтобы платить репарации и проценты по займам, Германии нужно было иметь заграничные рынки для сбыта продукции своей промышленности. В качестве основного такого рынка авторы плана подразумевали СССР. Они надеялись одним ударом убить двух зайцев – оградить себя от конкуренции с германскими производителями и воспрепятствовать индустриализации Советского Союза. «По моему мнению, – заявил 3 октября английский премьер Болдуин, – самым полезным делом для мировой торговли было бы развить торговлю с Россией при содействии Германии, с тем, чтобы Германия излишки своего экспорта ...реализовала на русском рынке, вместо того, чтобы выбрасывать эти массы экспортного товара в нашу страну или же в наши колонии»¹¹⁰. Правда, в этой части «план Дауэса» не реализовался. Взяв курс на индустриализацию своей страны, большевики не допустили её превращения в сырьевой придаток Германии.

Если говорить о главном результате «плана Дауэса», то он состоит в том, что германские монополисты за короткий срок, буквально в течение нескольких лет, опираясь на финансовую поддержку США и Англии, воссоздали мощную военную промышленность. Это явилось основной материальной предпосылкой для будущей германской агрессии.

6. Локарно и проблема «мирной ревизии» Версальского договора в 1925-1927 годах

Внешнеполитические задачи Германии в середине 20-х годов. Международное положение, сложившееся к концу 1924 года, представлялось чрезвычайно благоприятным для начала активных внешнеполитических действий Германии. Её руководители, и в первую очередь Штресман, правильно оценили обстановку и сумели использовать ведущие аспекты внешней политики Англии – антифранцузский и антисоветский – как орудие борьбы Германии против версальских ограничений, за восстановление её военно-экономического потенциала. Используя тяжелое экономическое положение, а также страх западных держав перед коммунизмом, эти круги с самого начала существования Веймарской республики в отношениях с державами-победительницами поставили главной целью кардинальную ревизию установленного Версальским договором статус-кво.

Теперь в центр внешнеполитической программы было поставлено непосредственное наступление на Версальский договор с целью его ревизии. Это проводилось главным образом политическими, дипломатическими средствами, так называемая «мирная ревизия», поскольку германское правительство не могло ещё подкрепить свои требования угрозой применения силы. «Мирная ревизия» территориальных постановлений Версальского договора стала целью всей деятельности министра иностранных дел Веймарской республики Г. Штресмана (1923-1929), считавшего, что Германии следует «идти на международные соглашения на основе существующего соотношения сил с тем, чтобы это соотношение разрушить»¹¹¹. Он исходил из того, что источником политической силы и главным средством «мирной ревизии» будет мощь германской экономики.

¹⁰⁷ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 212, 213.

¹⁰⁸ Европа в международных отношениях. С. 73-74.

¹⁰⁹ Ibid. С. 76.

¹¹⁰ История дипломатии. Т. 3. С. 377.

¹¹¹ Европа в международных отношениях. С. 77.

Условием реализации плана «мирной ревизии» правящие круги Германии считали «взаимопонимание» с Западом, предполагавшее не только нормализацию международных отношений, но и соглашение на основе антикоммунизма. Особые надежды в Германии возлагались на США. Сам Штресман не раз говорил: «Наша судьба зависит от Соединённых Штатов»¹¹².

Правительство Германии считало своими главными целями во внешнеполитической области, которые ему представлялось возможным осуществить уже в 1925 году, скорейшее освобождение от оккупации союзных войск, прежде всего Кёльнской зоны, а затем всех остальных оккупированных территорий; комплексное, в интересах Германии, решение проблемы её разоружения; прекращение международного надзора за разоружением Германии и демилитаризацией Рейнской области.

Действия германского правительства ввиду осуществления своей внешнеполитической программы. Проведение в жизнь вышеуказанной программы натолкнулось бы на сопротивление Франции, которая усмотрела бы в ней угрозу своей безопасности. Следовало поэтому в первую очередь предоставить французскому правительству взамен ощутимые гарантии безопасности. В плане «взаимопонимания» для Германии вырисовывалась перспектива временного компромисса на Западе и упразднения постановлений Версальского договора на Востоке.

План действий предложил английский посол в Берлине лорд д'Абернон. Он посоветовал немцам взять на себя инициативу и предложить идею гарантийного пакта. При этом он не рекомендовал производить одновременных демаршей в Париже и Лондоне, а обратиться к нему с конкретными предложениями в форме доверительного меморандума¹¹³. Д'Абернон был известен своими прогерманскими взглядами и представлял те английские круги, которые видели в Германии противовес французским стремлениям к гегемонии в Европе и партнёра в борьбе против СССР. Он разделял мнение германского правительства о недолговечности границ на Востоке¹¹⁴. Более того, поддерживая позицию Германии относительно её восточных границ, английские руководители не строили иллюзий относительно конечных целей германского правительства. «В Лондоне господствует мысль, – писал д'Абернон, – что германское предложение о гарантиях на Западе сделано с единственной целью: создать условия, благоприятные для войны на Востоке»¹¹⁵.

20 января 1925 г. германский меморандум был передан британскому правительству. В соответствии с советами д'Абернона и предлагался проект гарантийного пакта. В нём говорилось, что державы, «имеющие интересы на Рейне» – Англия, Франция, Италия и Германия, при поручительстве США должны взять на себя обязательство не вести войну друг против друга и соблюдать территориальный статус-кво на Рейне. Договаривающиеся государства должны были заключить между собой Рейнский гарантийный пакт, подписать арбитражные договоры о мирном разрешении конфликтов и подтвердить положения Версальского договора о демилитаризации Рейнской зоны. Всё это предварительно уже было согласовано с Англией.

28 января Эррио выступил в парламенте против пакта, заявив, что Франция не может отказаться от военной оккупации Рурской области. Одобрение депутатов встретило и заявление премьер-министра о том, что разоружение Германии – это чистая фикция.

Штресман считал необходимым для «успокоения» Франции предложить гарантийный пакт, равноценный условиям безопасности, выработанным в Версале в 1919 году. 9 февраля он передал французскому правительству текст меморандума с предложением о заключении Рейнского пакта. Аналогичные предложения были переданы бельгийскому и итальянскому правительствам.

Отношение Франции к германским планам. Позже Эррио вспоминал об этом меморандуме: «Теперь ясно, что этот текст лёг в основу Локарнских соглашений; для нас он представлял большой интерес, поскольку формально гарантировал статус-кво на Рейне (а следовательно, возвращение Эльзаса Франции) и казался очень удобным в качестве первого вклада в дело протокола»¹¹⁶.

Первоначально Франция не приняла эти предложения. Она хотела, чтобы Германия дала гарантии не только в отношении своих западных, но и в отношении восточных границ, так как была заинтересована в сохранении своих союзных связей с Польшей и Чехословакией.

Позиция английского правительства. В английском правительстве в это время обсуждались планы создания западного блока антисоветской направленности с привлечением в него Германии. 20 февраля министр иностранных дел О. Чемберлен в секретной записке писал, что Советская Россия «нависла, как грозная туча, над восточным горизонтом Европы – угрожающая, не поддающаяся учету, но прежде всего обособленная ... Россия не только не является фактором стабильности, она скорее – один

¹¹² Газин В.П. Локарно и проблема «мирной ревизии» Версальского договора в 1925-1927 гг. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск. 1989. С. 17.

¹¹³ История дипломатии. Т. 3. С. 407.

¹¹⁴ Никонова С.В. Германия и Англия от Локарно до Лозаны. М., 1956. С. 37.

¹¹⁵ Европа в международных отношениях. С. 83.

¹¹⁶ Эррио Э. Из прошлого. С. 239.

из самых опасных моментов, порождающих нашу неуверенность; поэтому необходимо определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, именно из-за России»¹¹⁷.

Англия рассчитывала, с одной стороны – изолировать Советский Союз, а с другой – добиться изоляции Франции, порвать связи между ней и её военными союзниками на востоке Европы, противопоставить Франции Германию и сохранить за собой роль арбитра во франко-германских противоречиях. В таких условиях Франция объективно ориентировала бы всю свою внешнюю политику и систему обеспечения безопасности на Англию, став её зависимым клиентом. Даже Германия, отдалившись от СССР, была бы вынуждена искать поддержки исключительно у Англии. В этой связи весьма показательна следующая запись лорда д'Абернона, английского посла в Берлине: «Прямая выгода Англии менее заметна, но не прямая выгода – сделаться арбитром между Францией и Германией – предоставляет нам громадные возможности. Это делает нас решающим фактором в европейской политике. Второе последствие пакта – устранение опасности для Германии попасть в руки России»¹¹⁸.

Эти слова не только сразу объясняют всю логику английской внешней политики в 20-е годы, вообще, и в случае с Локарнским пактом, в частности, но и открывают многое в понимании шагов английских политиков в 30-е годы, вплоть до Мюнхена и даже до 1 сентября 1939 г. Именно эта политика заложила семена нестабильности, взорвавшей континент через полтора десятилетия.

Мнение Советского правительства относительно идеи «гарантийного пакта». Следует отметить, что в СССР верно уловили суть этой политики. 30 июня 1925 г. Г.В. Чичерин писал в «Известиях»: «Вся кампания гарантийного пакта была начата Англией в связи с желанием изолировать СССР, оторвать от него Германию, создать против него единый фронт, получить возможность при удобном случае возобновить против него систему блокады»¹¹⁹.

В связи с подготовкой гарантийного пакта и вступлением Германии в Лигу Наций СССР не мог не поднять вопрос о дальнейшем развитии советско-германских отношений. В Москве опасались, что германские правящие круги пренебрегут «рапальской линией» во взаимоотношениях между СССР и Германией. Но в марте – апреле 1925 г. германский посол в Москве заверил Советское правительство, что Германия «не может и не желает жертвовать своими отношениями с Россией ради Лиги Наций», что она «не может дать втянуть себя в блок держав, направленный против России», что в качестве члена Лиги Наций Германия будет «противодействовать всем антирусским тенденциям»¹²⁰.

Германия была заинтересована в торгово-экономических связях с СССР. 30 сентября 1925 г. в Берлин прибыл НКВД Чичерин. Здесь он вёл с рейхсканцлером Лютером и Штресеманом переговоры, в ходе которых получил заверения, что германское правительство не пойдёт в Лигу Наций на антисоветской основе.

В то же время германское правительство попыталось надавить на Францию «русским козырем». Штресеман пригрозил Западу, что если позиция французского правительства не изменится, Германия пойдёт на новое сближение с Советским Союзом, с которым у Германии нет трений¹²¹. Это в определенной степени имело значение, так как «синдром Рапалло» не был забыт правящими кругами западных стран.

Выработка общей позиции западных государств в отношении идеи пакта. Согласование общей англо-французской точки зрения на германское предложение о гарантийном пакте затянулось на несколько месяцев. Напрасно искало французское правительство поддержки у своего британского союзника в вопросе о признании Германией неприкосновенности границ восточноевропейских союзников Франции. Остин Чемберлен писал 18 марта английскому послу в Берлине: «Мы не примем на себя никаких новых обязательств относительно каких-либо границ, за исключением границ между Германией, с одной стороны, и Францией и Бельгией – с другой»¹²². Отказ Англии от гарантии польско-германской и чехословацко-германской границ ставили Францию и её восточных союзников в трудное положение.

Только 16 июня 1925 г. в Берлине был получен из Парижа ответ, который одобрял схему гарантийного договора фактически в том виде, в котором её предлагали Англия и Германия, – без гарантии восточной германской границы. Франция пошла на уступки, согласившись оставить открытым вопрос о гарантиях границ своих союзников – Польши и Чехословакии, но потребовала подтверждения отказа от пересмотра в будущем мирных договоров. Французское правительство было вынуждено считаться с объективными реалиями, которые отражал германский проект: отказ Лондона от франко-англо-бельгийского союза; согласие английского правительства гарантировать лишь границы Франции с Германией; изменения самой политики французского правительства в отношении Германии, обусловленные обязательствами по «плану Дауэса» и т.п.

¹¹⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 409.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ История международных отношений. Т. 1. М., 1967. С. 217.

¹²¹ Европа в международных отношениях. С. 84-85.

¹²² История дипломатии. Т. 3. С. 411.

Большое влияние на позицию французского правительства оказали и США. Лично президент Кулидж и госсекретарь объявили о поддержке идеи гарантии западных границ Германии. В июле 1925 г. в Берлине состоялись переговоры между представителями деловых кругов США, Англии и Германии, во время которых американская сторона настаивала на принятии гарантийного пакта. После этого английские и американские делегаты побывали в Париже и оказали в этом плане давление на французское правительство.

Вместе с тем необходимо было учитывать отношение к этому вопросу со стороны других государств. В Париже предполагаемый отказ Англии от гарантий германских восточных границ вызвал крайнее волнение. Италия и Чехословакия потребовали, чтобы в гарантийном пакте было заявлено о признании Германией запрещения «аншлюса» Австрии. Но эти требования были проигнорированы.

Начало работы Локарнской конференции. 5 октября 1925 года в швейцарском курортном городе Локарно открылась, наконец, столь долго готовящаяся конференция. Сюда прибыли делегации Англии, Франции, Бельгии, их возглавили министры иностранных дел. Делегацию Германии возглавляли Лютер и Штресман. Муссолини явился только к подписанию соглашений. Через несколько дней после начала работы конференции приехали министры иностранных дел Польши и Чехословакии – Скминьский и Бенеш.

Французская делегация во главе с Брианом оказалась перед лицом единого фронта Англии и Германии. В особенности это касалось вопроса о гарантиях германских восточных границ, что непосредственно затрагивало интересы Польши и Чехословакии. Германская делегация ни при каких обстоятельствах не соглашалась на гарантии западными державами этих границ. О. Чемберлен также подтвердил, что «Правительство его Величества не может принять на себя какое-либо новое обязательство относительно гарантии восточных границ Германии»¹²³.

Были подписаны арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией, в которых шла речь об урегулировании юридических и политических споров, но не содержалось никаких обязательств в отношении гарантии неприкосновенности границ между этими государствами со стороны других держав¹²⁴. Эти договоры не были связаны с основным из подписанных на конференции документом – Рейнским гарантийным пактом, по которому Англия и Италия гарантировали германско-французскую и германско-бельгийскую границы¹²⁵. Именно такие договоры отвечали интересам ревизионистской политики германского правительства. «В них не содержится какое-либо открытое или скрытое признание наших восточных границ, – писал статс-секретарь германского МИДа Шуберт. – Одна из целей всей политики пактов, а именно различие между западными и восточными границами, таким образом, достигнута»¹²⁶. Вот в чём была цель германской политики – достичь фактического и юридического признания различия между западными и восточными границами.

Отдельно были подписаны гарантийные договоры Франции с Польшей и Чехословакией, которые вообще не входили в систему Локарнских соглашений. Однако согласно данным договорам французское правительство могло оказать помощь этим странам лишь с санкции Совета Лиги Наций, что почти обесценивало их, так как Франция не могла фактически это сделать без воли Англии, игравшей ведущую роль в этом Совете. Не было принято и требование Франции о предоставлении ей безоговорочного права на ввод войск в демилитаризованную Рейнскую область в случае германско-польской войны. Этот вопрос также должен был решаться Советом Лиги Наций. Чичерин отмечал по этому поводу: «Франция уступила по всей линии, немецко-польская граница не гарантируется, однако Франция без Совета Лиги Наций не может постановить помочь Польше... Это есть предательство её Францией»¹²⁷.

Все участники конференции высказались за принятие Германии в Лигу Наций. Штресман повторил, что Германия не признает вины за развязывание первой мировой войны. Ввиду того, что вопрос о представительстве Германии в органах Лиги был решён ещё ранее (Германия выступала как равный с другими великими державами партнёр), обсуждению подверглось лишь применение к Германии, как к разоруженному государству, статьи 16, предусматривающей применение санкций.

От Германии требовали обязательства участвовать во всех военных и экономических санкциях стран-членов Лиги против «агрессора». От неё требовали, чтобы она согласилась на пропуск через свою территорию войск западных держав для военных действий против СССР. Перед Германией был поставлен выбор: либо сохранение нормальных отношений с СССР на базе Рапалльского договора, либо включение её в антисоветский фронт западных держав.

Германская делегация отклонила прямое и косвенное участие Германии в санкциях, объясняя это тем, что, в случае прохода иностранных войск через территорию Германии, могут возникнуть «громдные

¹²³ Европа в международных отношениях. С. 88.

¹²⁴ Карой Л. Великобритания и Локарно. М., 1967. С. 45.

¹²⁵ Международные отношения... (сборник документов). С. 87-88; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. 1929-1939. М., 1976. С. 14.

¹²⁶ Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. М., 1974. С. 178.

¹²⁷ ДВП СССР. Т. 8. С. 629.

внутриполитические и внешнеполитические трудности». Причиной этого было стремление добиться вооружения Германии и в то же время не порывать с «рапальской линией» по отношению к СССР. В конце концов, союзники пошли на уступки Германии в толковании статьи 16, так как не рискнули легализовать вооружение Германии.

Последствия Локарнского пакта. Заключение Локарнского гарантийного пакта явилось первым значительным шагом Германии на пути ревизии Версаля. Фактически Германия вновь приобрела ранг великой державы. Штресман считал, что в Локарно «был взорван краеугольный камень всей версальской системы»¹²⁸.

В Локарно были удовлетворены многие германские требования относительно снятия ограничений для развития гражданского воздушного флота, и Германия получила возможность выпускать самолеты. В результате Локарнского пакта ограничения в отношении вооружения Германии стали всё более ослабляться и игнорироваться.

Заключение Локарнского гарантийного пакта закрепило намечавшееся в процессе развития международных отношений известное изменение расстановки сил в Западной Европе. Германия была вновь включена в «европейский концерт» великих держав, в ущерб позиций Франции, подрывая её господство на континенте. Это отвечало интересам Англии, которая становилась не просто главным гарантом, но и фактически, что было для неё более важным, главным арбитром в Западной Европе. Создававшаяся на восточных границах Германии напряженность не противоречила интересам английского правительства, так как наносила ущерб французскому влиянию. Она также полностью отвечала ревизионистско-реваншистским устремлениям германских правящих кругов.

В СССР Локарнская система рассматривалась как антисоветская¹²⁹. Частично это соответствовало действительности, и в этом была самая слабая сторона данной системы, т.к. обеспечить безопасность в Европе без России или против неё невозможно. Объективно Локарнский пакт таил в себе зачатки новых противоречий. Были подняты и акции плана «мирной ревизии».

Политика Германии в отношении ревизии восточных границ. 1925-1927 годы – время интенсивного зондирования германских руководящих кругов отношения западных стран к проектам ревизии восточных границ.

В плане «мирной ревизии» осуществлялась таможенная война против Польши, чтобы толкнуть её к экономической катастрофе. Чтобы в обмен на помощь получить согласие на пересмотр границ¹³⁰. Немцы делали всё возможное, чтобы не допустить иностранных займов Польше. Но так как Запад был в то время заинтересован в Польше как антисоветском бастионе, поэтому и не шёл до конца навстречу германским требованиям: не оказывая Польше крупной финансовой поддержки, он в то же время не соглашался на возврат Германии её бывших восточных земель. Немцы вынашивали планы в обмен на Данциг и «польский коридор» «отдать» полякам Литву¹³¹.

Некоторые круги предлагали в союзе с Западом вначале сокрушить СССР, а затем обрушиться на Польшу и таким образом решить «проблему территорий». Это последнее свидетельствует о начале постепенного кризиса доверия к доктрине «мирной ревизии». Даже Штресман не исключал «решения вопроса» восточных границ вооружённым путём¹³². Но пока германский империализм «мирно» готовил ревизию Версальского договора.

7. Окончательное решение репарационного вопроса

Эволюция экономической роли Германии в мире к концу 20-х годов. Благодаря постоянному притоку в страну иностранного капитала и тесному сотрудничеству германских монополий с американскими корпорациями промышленное производство Германии уже в 1927 году достигло довоенного уровня, а по некоторым видам (производство стали и чугуна, добыча угля) даже превысило его. Быстрыми темпами развивалась химическая и машиностроительная промышленность, которые по некоторым показателям к 1929 году опередили аналогичные отрасли промышленности Англии, Франции и США. Германское судостроение поставляло своему торговому флоту суда, которые часто по своим техническим характеристикам превосходили суда американского и английского флота. Такое же положение к концу 20-х годов было и в области гражданской авиации. Значительно возрос как в абсолютных цифрах, так и в отношении его доли в мировой торговле германский экспорт, объем которого к 1929 году также превысил уровень 1913 года. Всё это вновь выдвинуло Германию в ряд могущественных держав мира и превратило её в опасного конкурента стран-победительниц.

¹²⁸ Европа в международных отношениях. С. 91.

¹²⁹ См: КПСС в резолюциях..., М., 1970. Т. 3. С. 245.

¹³⁰ Политика великих держав в Центральной Европе. С. 22.

¹³¹ Ibid. С. 24.

¹³² Ibid. С. 25.

«Прошло всего лишь одно десятилетие после войны, которую Англия якобы выиграла, а Германия якобы проиграла. И вот Германия снова завоевывает мировой рынок, снова строит торговый флот, снова проникает с помощью картелей в промышленные предприятия других стран и в общем становится ещё более грозным соперником Англии, чем была до войны»¹³³, – писал в конце 20-х годов английский историк Л. Денни. Грозным соперником становилась Германия и для Соединённых Штатов, которые, подобно Англии и Франции, вынуждены были уступить германскому империализму свои позиции на многих мировых рынках в различных частях света, в том числе в Центральной и Южной Америке. В общем, соотношение сил в мире менялось, поэтому настало время менять и отношения между Германией и её бывшими врагами.

Новый репарационный план – «план Юнга». Опираясь на поддержку Соединённых Штатов, германские правящие круги усиленно добивались пересмотра репарационного «плана Дауэса», который становился для Германии всё более неприемлемым. США не находились в числе претендентов на германские репарации. Для США, вложивших в экономику Германии огромные капиталы, непосредственный интерес представляло своевременное получение процентов на вложенные средства и, следовательно, укрепление её экономического положения. Поэтому в Вашингтоне соглашались на пересмотр репарационной проблемы. В этом смысле американский исследователь Кристофер Лэйн вполне справедливо отмечает, что «Вашингтон являлся той движущей силой, которая продвигала планы Дауэса и Юнга»¹³⁴.

9 февраля 1929 г. в Париже начал работу комитет финансовых экспертов по репарационному вопросу, состоявший из представителей США, Англии, Франции, Японии, Италии, Бельгии и Германии – по двое от каждой страны. Председателем был избран американский банкир Оуэн Юнг, представитель группы Моргана, один из авторов «плана Дауэса». Кроме него в комитете участвовали Дж. П. Морган, Т. Ламонт и Т. Перкинс. Не удивительно поэтому, что американские эксперты играли руководящую роль. Германия была представлена президентом Рейхсбанка Яльмаром Шахтом и Феглером («Стальной трест»).

Французское правительство добивалось увязки между германскими репарациями и межсоюзническими долгами, с тем, чтобы покрывать свои долги Соединённым Штатам и Англии за счёт германских репараций.

Немцы добивались снижения репарационных платежей. 12 февраля Шахт заявил, что Германия не может платить аннуитеты по 2,5 млрд марок, и предлагал снизить их до 1,65 млрд в течение 37 лет, а также отменить иностранный финансовый и экономический контроль. Он заявил, что Германия не сможет выполнить платежные обязательства без восстановления её заморской сырьевой базы.¹³⁵ Шахт фактически потребовал возврата колоний и части восточных провинций, что означало открытое требование пересмотра Версальского мирного договора. Предложение Шахта встретило решительные возражения со стороны держав-кредиторов – Англии и Франции. Американские эксперты высказывались за снижение репарационных платежей.

26 апреля Юнг предложил следующий вариант: в течение 37 лет Германия платит аннуитеты в сумме 2,05 млрд марок, а в последующие 22 года – 1,7 млрд. Шахт продолжал настаивать на 1,65 млрд ежегодных платежей. Англичане согласились с Юнгом, а французы и бельгийцы колебались, считая эти цифры заниженными. Тогда 4 мая Юнг выдвинул предложение нового распределения ежегодных платежей между союзниками в ущерб Англии, увеличив долю Франции, Бельгии, Италии и уменьшив английскую с 23 до 19%. Англичане отказались принять эту схему.

Соглашение по «плану Юнга» в целом между экспертами было достигнуто 7 июня 1929 г. Аннуитеты в течение первых 37 лет устанавливались в 2 млрд марок с отсрочкой начала платежей на 2 года. К этой сумме добавлялись платежи по займам. В течение следующих 22 лет Германия должна была вносить платежи, равные сумме ежегодных погашений державами-кредиторами их военных долгов. Репарационные платежи разбивались на две части: безусловную, не подлежащую отсрочке (в сумме 660 млн марок), и которые могли быть отсрочены в случае экономических затруднений Германии, но не более, чем на два года. Общая сумма платежей должна была составить 113,9 млрд марок, т.е. была на 20% снижена.

6 августа 1929 г. в Гааге открылась конференция по введению в действие «плана Юнга». Впредь репарации должны были выплачиваться только за счёт прибылей железных дорог и государственного бюджета. Отчисления прибылей промышленности отменялись. Отменялся также финансовый и экономический контроль. Это было новым ударом по Версальской системе.

Одновременно с принятием «плана Юнга» был решён вопрос о выводе союзных войск из Рейнской зоны. 30 июня последние французские войска покинули её.

¹³³ История дипломатии. Т. 3. С. 503.

¹³⁴ Layne Cr. Pacea iluziilor: marea strategie americană din 1940 până în prezent. Iași, 2011. P. 98.

¹³⁵ Ерин М.Е. Германский империализм в борьбе за пересмотр репарационных обязательств (План Юнга и Гаагская конференция 1929/1930 гг.) // Дипломатические отношения западноевропейских стран между двумя мировыми войнами. Ярославль, 1976. С. 25.

Отмена германских репараций. «План Юнга» считался вошедшим в силу с июня 1930 г. Но уже в июне 1931 г. президент Германии Гинденбург обратился к президенту США Гуверу с отчаянным призывом о помощи ввиду невозможности уплаты очередного репарационного взноса – разразился мировой экономический кризис. Американские банки, спасая свои вклады в Германии, приняли меры спасения германских банков от банкротства: 20 июня 1931 г. по требованию американских банкиров Гувер выступил с предложением отсрочки на год всех платежей по репарациям и военным долгам.

Французы встретили предложение Гувера весьма холодно, так как Франция получала репараций больше, чем платила долгов союзникам. Мораторий Гувера означал для неё потерю 2 млрд франков в год. Но Франция уже не могла вести себя самостоятельно.

В июне 1932 г., ко времени истечения срока моратория Гувера, в Лозане собралась последняя международная конференция по репарационному вопросу, которая окончательно аннулировала репарации. Правда, конференция обязала Германию произвести последний взнос в 3 млрд марок. Но этот взнос так и не был сделан. Лозанская конференция 1932 г. ликвидировала один из важнейших элементов Версальского мирного договора – репарационные обязательства Германии.

Проблема межсоюзнических долгов. Но остался другой важнейший международно-финансовый вопрос – о международных долгах. США, энергично помогая Германии освободиться от «репарационного ярма», в тоже время настойчиво требовали от своих вчерашних союзников уплаты их военных долгов. Европейские государства всё больше склонялись к тому, чтобы прекратить платежи Соединённым Штатам по военным долгам.

После окончания Лозанской конференции Франция и Англия заключили «джентльменское соглашение», по которому договорились считать, что они согласились на отказ от репараций, имея в виду, что за это Соединённые Штаты откажутся от своих требований по военным долгам. Гувер отверг правомерность этого соглашения, и когда наступил срок очередного платежа Соединённым Штатам, английское правительство не посмело от него уклониться. Но оно заявило, что отныне считает своё долговое соглашение с США потерявшим силу. Франция в октябре 1932 года прекратила платежи Соединённым Штатам по военным долгам. Другие европейские должники США также отказались платить¹³⁶.

* * *

Подводя основные итоги третьего десятилетия, следует отметить главное: за 10 лет ещё больше изменилось соотношение мировых сил. Роль США в решении вопросов на международной арене резко возросла, а значение Англии и в большей степени Франции постепенно падало. Роль Франции как ведущей континентальной державы резко снизилась, и начался процесс возвышения Германии и возрождения её агрессивных реваншистских устремлений. Одновременно на Дальнем Востоке росли ревизионистские претензии Японии, стремящейся к установлению своего единоличного господства в этом районе.

Другим важнейшим итогом этого периода стал факт роста влияния и укрепления могущества СССР. Становилось очевидным, и это подтвердили следующие годы, что без СССР и тем более против него не может быть стабильности в мире и обеспечения безопасности любой страны старого континента.

---

¹³⁶ История США. Т. 3. С. 195.

ГЛАВА 5. РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ И НАЧАЛО ПОДГОТОВКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Образование очага войны на Дальнем Востоке и внешняя политика великих держав в 1931-1933 годах¹

Обострение противоречий на Дальнем Востоке. После Вашингтонской конференции борьба великих держав за господство в бассейне Тихого океана и на Дальнем Востоке продолжилась. В Китае в этой борьбе столкнулись, прежде всего, США и Япония.

К началу 1930-х годов по размерам прямых капиталовложений в китайскую экономику первое место занимала Англия, которой принадлежало 36,7% всех иностранных инвестиций в Китае. На долю Японии приходилось 35,1%, США и Франции, соответственно – 6,1 и 5,9%². Однако в захвате китайского рынка больших успехов добились США. В 1931 году американцы заняли второе место во внешнеторговом обороте Китая, оттеснив Англию на третье место и создав реальную угрозу вытеснения Японии с первого места.

Большая часть английских капиталовложений в Китае приходилась на горнодобывающую промышленность. Под контролем англичан находились многие очень важные железные дороги и несколько машиностроительных и судостроительных заводов. Более двух третей внешнеторговых перевозок Китая и около одной пятой перевозок речного флота приходилось на английские суда.

Британских предпринимателей особенно интересовал район бассейна р. Янцзы, где концентрировалась большая часть их капиталовложений. На Шанхай, в котором располагались главные конторы английских банков и компаний, приходилась львиная доля всех английских инвестиций. Англичане занимали прочные позиции и в Южном Китае, особенно в Гонконге и Кантоне. Через Гонконг, один из крупнейших портов мира, проходила значительная часть экспорта и импорта Китая.

В Северо-Восточном Китае особенно сильны были позиции Японии. Здесь была размещена большая часть её китайских капиталовложений. К 1931 году основные командные позиции в Северо-Восточном Китае находились в руках японских монополий Мицуи, Мицубиси, Окура, Ясуда, Сумитомо. Япония занимала первое место во внешней торговле Маньчжурии, которая была источником сырья. В 1930 году на долю Японии приходилось почти 100% всего экспортированного из Китая чугуна и железной руды, 70,5% каменного угля, 88,5% шелковых коконов, 78% хлопка³.

США интересовали все районы Китая, поэтому они выступали за создание единого Китая и поддерживали режим Чан Кайши. Они стремились вытеснить отсюда конкурентов и установить своё господство. Председатель американской торговой палаты в Шанхае С. Френч заявил спустя год после прихода к власти Чан Кайши: «Америка крайне нуждается в значительно более широком выходе для её продукции... Мы должны сделать всё от нас зависящее для сохранения и расширения доли Америки в этом грандиозном потенциальном рынке Азии»⁴.

Однако экспансионистские устремления Вашингтона встретили ожесточенное сопротивление со стороны Лондона и Токио. Борьба за господство в Китае приняла напряженный характер и явилась одной из основных причин, объясняющих, почему американские бизнесмены и военные стратеги стали считать Японию главным врагом США в Азии.

Меморандум Танака. В середине 1927 года Японское правительство генерала Танаки, выражавшее интересы наиболее агрессивных кругов японского империализма, приняло программу широкой внешнеполитической экспансии в Китае и в других странах Азии. Эта программа была изложена в секретном меморандуме Танаки «О программе действий в Китае»⁵. Японская агрессия на Дальнем Востоке готовилась по всем линиям: политической, экономической, идеологической. Предполагалось, что на первом этапе будет сравнительно легко захвачен Северо-Восточный Китай. Следующие этапы – военные походы с этого плацдарма против остального Китая и СССР.

Меморандум начинался с обоснования необходимости захвата северо-восточных провинций Китая, Внутренней Монголии и МНР. Эти районы, говорилось в меморандуме, привлекают внимание прежде всего тем, что «нигде в мире нет таких лесных богатств, такого изобилия минеральных ресурсов и сель-

¹ См.: История войны на Тихом океане. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. М., 1957; Нольфо Э.Д. История международных отношений (1918-1999 гг.). Т. 1. М., 2003. С. 171-178; Stanciu T. Războiul din Manciuaria. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2.

² История второй мировой войны 1939-1945. Т. 1. М., 1973. С. 84.

³ Ibid. С. 85.

⁴ Ibid.

⁵ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1980. С. 8-9; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М., 1967. С. 273.

скохозышвенных продуктов»⁶. Для бедной натуральными ресурсами Японии Маньчжурия должна была стать источником дешевого сырья. На долю этих районов приходилось 93% добычи нефти, 79% выплавки железа, 55% добычи золота, 41% железнодорожных линий, 37% запасов железной руды, 23% выработки электроэнергии и 37% внешнеторгового оборота Китая⁷. Значение этих богатств ещё более возросло для Японии в годы мирового экономического кризиса, когда объём японского экспорта снизился на 32%, а импорта – на 30%, резко упало производство промышленной продукции⁸.

Кроме своего экономического значения, Северо-Восточный Китай был нужен японским милитаристам и как плацдарм для последующего завоевания всего Китая и других стран. «Для того, чтобы завоевать Китай, – говорилось в меморандуме, – мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, остальные малые азиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права»⁹. Япония, подчеркивал Танака, должна проводить политику «железа и крови».

Японские правящие круги понимали, что, осуществляя эти планы, Япония неизбежно придёт к столкновению с США. «Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединённые Штаты, т.е. поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне»¹⁰. План Танаки предусматривал и войну с СССР. «В программу нашего национального развития входит необходимость вновь скрестить мечи с Россией. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию»¹¹.

Как мы уже отмечали, экономический кризис сильно ударил по экономике Японии и подстегнул её агрессивные намерения. Японские господствующие классы видели выход из экономического кризиса в проведении агрессивной внешней политики, в организации колониальной войны, японская промышленность быстро переводилась на военные рельсы, разворачивались новые отрасли военного производства, налаживался массовый выпуск вооружения и боеприпасов. Приоритет отдавался авиации и танкостроению. Возводились новые военно-морские судовой верфи. Параллельно создавался комплекс подсобных отраслей химического производства, металлургии цветных, легких и редких металлов. Эти приготовления не представляли секрета для правительств США, Англии и Франции, и хотя они задевали их интересы, западные страны решили не препятствовать японской агрессии, преследуя свои цели.

Начало японской агрессии против китайского народа. Предлог для начала агрессии японские милитаристы искали недолго – 18 сентября 1931 года неподалеку от Мукдена на Южно-Маньчжурской железной дороге японская агентура совершила диверсию. Незначительные повреждения, причинённые взрывами, послужили «основанием» для оккупации японскими войсками всей Южной Маньчжурии. В трёхмесячный срок вся Маньчжурия оказалась в руках агрессоров, не встретивших сопротивления со стороны китайских войск.

Чан Кайши считал главным врагом Коммунистическую партию и Красную Армию Китая, с которыми велась гражданская война. Чтобы расправиться с ними, он был готов пойти на сговор с Японией. Отсюда его политика: не оказывать вооружённого сопротивления японцам, не втягивать в антияпонскую борьбу китайский народ, не ослаблять свою армию и попытаться полностью переложить ликвидацию агрессии на Лигу Наций.

Вот почему правительство Китая направило письмо на имя генерального секретаря Лиги Наций, прося о немедленном созыве Совета Лиги и принятии мер для сохранения мира между народами. В этом письме нападение Японии на Китай не квалифицировалось как акт агрессии, хотя Япония нарушила договор девяти держав, пакт Бриана-Келлога* и устав Лиги Наций.

Позиция Лиги Наций по отношению к дальневосточному конфликту. При обсуждении письма китайского правительства участники заседания Совета Лиги показали, что они не желают принимать каких-либо действенных мер против Японии. Объясняя это, британский представитель лорд Сесиль заявил: «Япония всегда была одним из столпов Лиги Наций». Он предложил урегулировать конфликт на месте.

Совет Лиги Наций послал японским и китайским правительствам телеграммы с предложением воздержаться от дальнейших враждебных действий и найти возможность отозвать свои войска. Таким образом, агрессор и его жертва получили одинаковые предостережения. Данное решение Лиги Наций не было направлено против Японии, а китайцев предупредили, что эффективность действий Совета Лиги

⁶ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 274.

⁷ История второй мировой войны. Т. 1. М., 1967. С. 89.

⁸ История дипломатии. Т. 3. М. 1965. С. 538.

⁹ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. С. 9; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 274.

¹⁰ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 274.

¹¹ Ibid.

* Договор о запрещении войны в качестве орудия государственной политики.

Наций зависит от способности китайского правительства сдерживать антияпонское движение и соблюдать спокойствие¹².

Отношение США к японской агрессии. Соединённые Штаты также заняли с самого начала позицию невмешательства. Посланник Джонсон телеграфировал из Пекина в госдепартамент: насильственная оккупация Маньчжурии представляет собой акт агрессии, который, очевидно, длительное время планировался. Госсекретарь Г. Стимсон попытался привлечь внимание членов кабинета к событиям в Маньчжурии, но президент Г. Гувер не пожелал их обсуждать, сославшись на необходимость принятия срочных мер для преодоления финансового кризиса¹³.

В первый же день рассмотрения японско-китайского конфликта Совет Лиги обратился с письмом к правительству США, возлагая большие надежды на участие США в его урегулировании. Стимсон ответил, что США не примут участия в расследовании мукденского инцидента и будут избегать всего, что могло бы вызвать недовольство Японии¹⁴.

9 октября 1931 года на заседании кабинета Стимсон ещё раз предложил обсудить вопрос о дальневосточной ситуации. Однако президент вновь заметил, что ни при каких условиях нельзя допускать, чтобы кто-либо втянул США в дальневосточный конфликт. Стимсон поставил перед президентом вопрос о применении к Японии экономических санкций. Гувер поручил узнать, какова позиция Великобритании. Из Лондона поступил отрицательный ответ, что вполне удовлетворило президента, который располагал теперь предложением для того, чтобы отклонить предложения об экономических санкциях в отношении Японии¹⁵.

Во второй половине октября на специальном заседании правительства президент США сформулировал свои взгляды по вопросу о японских действиях в Маньчжурии: «Предположим, Япония наберётся смелости и заявит: „Больше мы не можем терпеть эти договоры. Мы должны указать, что Китай оказался не в состоянии обеспечить должный порядок внутри страны, который предусматривается договорами. Значительная часть территории Китая находится под влиянием китайских коммунистов, сотрудничающих с Россией. Правительство Маньчжурии оказалось в руках военного авантюриста, не признающего китайское правительство, а Китай не принимает никаких мер, чтобы заставить его подчиниться. На этой территории царит анархия, что совершенно недопустимо. Само существование нашего народа зависит от расширения экспорта наших промышленных товаров в Китай и от гарантии поставок сырья из этой страны. Сегодня наша экономика почти парализована в связи с тем, что в Китае происходят беспорядки. Кроме того, при наличии большевистской России на севере и возможности появления на нашем фланге большевистского Китая наша независимость окажется под угрозой. Либо стороны, поставившие свои подписи под пактом девяти держав, должны объединиться с нами и восстановить в Китае порядок, либо мы должны сделать это сами в качестве акта самосохранения. Если вы к нам не присоединитесь, мы будем считать себя свободными от взятых обязательств, поскольку ныне обстановка полностью изменилась”.

Америка, разумеется, не приняла бы такое предложение, но и не смогла бы выдвинуть серьёзные возражения против этого шага японцев»¹⁶. Таким образом, президент США, по существу, рассматривал военные действия Японии в Маньчжурии как «наведение порядка» в Китае. Его беспокоило, прежде всего, национально-освободительное движение китайского народа и влияние коммунистической России на Дальнем Востоке. Поэтому был сделан вывод, что США не будут предпринимать ни военных, ни экономических санкций против Японии.

В Вашингтоне считали, что японские военные действия в Маньчжурии заставят Чан Кайши ещё больше ориентироваться на США, приведут к обострению японско-советских отношений, а может быть, и к столкновению Японии с СССР. Для американского правительства важно было направить японскую экспансию на север, а не на юг. А с тем фактом, что, оккупировав Северо-Восточный Китай, японцы нанесли сильнейший удар по американским интересам, временно смирились, ожидая, что ближайший советско-японский конфликт ослабит обе стороны и позволит установить американскую гегемонию над Китаем в целом.

Позиция Англии и Франции. Позиция Великобритании определялась в значительной степени тем, что в Маньчжурии у неё были малые экономические интересы. Поэтому в Лондоне полагали, что японские военные действия в северо-восточных провинциях Китая создадут военную угрозу Советскому Союзу, отвлекут внимание Чан Кайши от районов, в которых сосредоточены британские экономические интересы. Кроме того, нанкинское правительство будет вынуждено обращаться к Англии за помощью и поддержкой. На японцев же возлагались надежды как на ударный кулак против китайского национально-освободительного движения.

¹² История второй мировой войны. Т. 1. С. 91.

¹³ История США. Т. 3. М., 1985. С. 188.

¹⁴ Ibid.; История второй мировой войны. Т. 1. С. 91.

¹⁵ История США. Т. 3. С. 188-189.

¹⁶ История второй мировой войны. Т. 1. С. 92; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 280.

Интересы Франции заключались в том, чтобы отвлечь внимание Японии от Индокитая. Генерал Вейган заявил, что нападение Японии на Китай «укрепляет положение цивилизации на Востоке против большевизма»¹⁷.

Советская реакция на японскую агрессию. В Москве агрессивные действия Японии были восприняты как опасность для Советского Союза, как нарушение русско-японского Портсмутского договора 1905 года. 31 декабря 1931 года НКВД повторил предложение, сделанное в Москве министру иностранных дел Японии Иосидзаве, заключить советско-японский пакт о ненападении. Японское правительство 13 декабря 1932 года под предлогом, что Япония и СССР являются участниками многостороннего Пакта Бриана – Келлога, отклонило предложение Советского правительства¹⁸. А по поводу слухов о предстоящем советско-японском столкновении официальный Токио подчеркнул, что они распространяются американскими агентами: «Это все дело американцев, иностранные (американские) круги хотят посорить Японию и СССР»¹⁹.

Продолжение японской агрессии в Китае. Высшее военно-политическое руководство Японии, став на путь агрессии против Китая и подготовки войны против СССР, США и Великобритании, всемерно повышало мощь вооружённых сил. Япония создала плацдармы для нападения на Советский Союз и военно-морские базы для ведения боевых действий против Соединённых Штатов и Англии. В 1931-1935 годах резко возросли боевая мощь и техническое оснащение японских вооружённых сил. Их подготовка к агрессии основывалась на опыте прошлых войн и велась с учетом новейших военно-теоретических взглядов.

После захвата северо-восточных провинций Китая командование японской армии выбрало следующим объектом нападения Шанхай – крупнейший торгово-промышленный центр и ключ к долине р. Янцзы. 29 января 1932 года японцы вторглись в город, но встретили мужественное сопротивление жителей и солдат 19-й китайской армии, расположенной в городе. Защитники Шанхая сумели в самоотверженной борьбе остановить противника, вторжение которого поддерживали 3 авианосца, 11 крейсеров и 36 эсминцев.

Действия японцев вызвали крайнее беспокойство в лагере великих держав, т.к. дальнейшее распространение японской агрессии было чревато тем, что Япония займет господствующее положение в Центральном Китае. Президент США послал в Шанхай для совместных с англичанами действий войска и военные корабли. Некоторые представители военных кругов настаивали на применении решительных действий против Японии, но это не входило в планы администрации Гувера. Он заявил, что занят внутренними проблемами и не намерен заниматься делами Дальнего Востока²⁰.

Между тем, Япония продолжала всемерно укреплять свои позиции в Китае. В целях маскировки агрессии Японское правительство «юридически оформило» захваты, провозгласив 18 февраля 1932 года «независимость» Маньчжурии, а 9 марта – создание марионеточного государства Маньчжоу-Го во главе с Пу И – последним китайским императором из Маньчжурской династии²¹.

Комиссия Литтона. Совет Лиги Наций создал ещё в декабре 1931 года комиссию для изучения обстановки на месте, возглавляемую англичанином лордом Литтоном, бывшим вице-королем Индии. Решение о её создании было принято по предложению японцев. «Изучение» комиссией обстановки давало Японии дополнительное время для завершения намеченных военных операций²².

К работе комиссия приступила только весной 1932 года. Сначала она отправилась в США, затем – в Японию и только после этого в Китай. Много времени, до октября 1932 года, заняло составление доклада. За это время японцы значительно продвинулись в южном направлении. В докладе комиссии Маньчжурия признавалась составной частью Китая, но отмечалось наличие «особых интересов» Японии на её территории. При его обсуждении в Лиге Наций представитель Японии Мацуока, отвергнув все предложения доклада, заявил, что маньчжурская проблема – «дело жизни и смерти» для страны. Британский министр иностранных дел Дж. Саймон выступил, к огромному удивлению Мацуоки, по существу, в защиту Японии.

В резолюции, принятой Ассамблеей, подтверждался суверенитет Китая над Маньчжурией, объявлялся незаконным её захват Японией. Последней предлагалось эвакуировать свои войска с территории Маньчжурии. В то же время резолюция отмечала наличие «особых прав и интересов» Японии в Северо-Восточных провинциях Китая. В знак протеста японская делегация во главе с Мацуокой покинула заседание Ассамблеи. 27 марта 1933 года Япония заявила о своём выходе из Лиги Наций²³.

¹⁷ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 281.

¹⁸ См.: Системная история международных отношений. Том первый. События 1918 – 1945 годов. М., 2006. С. 244-245.

¹⁹ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 278.

²⁰ История США. Т. 3. С. 191-192.

²¹ Vişoiu R. Viaţa absurdă a ultimului împărat, Pu Yi. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 4.

²² История дипломатии. Т. 3. С. 547.

²³ История США. Т. 3. С. 190; Всемирная история. В 13 томах. М., 1955 – 1983. Т. 9. С. 187.

Последствия японской агрессии. Оккупированная Маньчжурия экономически стала придатком Японии, а стратегически – плацдармом для продолжения дальнейшей японской агрессии. В первые же месяцы оккупации Япония приступила к выкачиванию из этой территории всех видов сырья: каменно-го угля, железной руды, бокситов, цинка, олова, леса. Чтобы обеспечить всем необходимым Квантунскую армию из местных ресурсов, оккупанты форсировали развитие экономики новой колонии. Была увеличена выплавка стали, чугуна, добыча угля, возросло производство синтетической нефти. Военные заводы приступали к серийному выпуску вооружения и военной техники.

Оккупанты развернули у китайских, монгольских и советских границ интенсивное строительство аэродромов, железных и шоссейных дорог. К 1934 году было построено около 40 аэродромов и 50 посадочных площадок. Всё ближе к советским границам выдвигались базы снабжения, парки автомашин, арсеналы, пункты военного обеспечения. Железных дорог стратегического назначения было построено около 1 тыс. км. Качественно и количественно росла Квантунская армия, достигшая в 1935 году 200 тыс. японских и 75 тыс. маньчжурских солдат и офицеров, имевшая свыше 200 боевых самолетов. Реальным правительством Маньчжурии был штаб этой армии.

В марте 1933 года японцы захватили новые районы Китая и вышли на подступы к Пекину. 31 мая 1933 года правительство Чан Кайши фактически капитулировало перед японцами, признав все захваты. США и Англия, оставив Китай на произвол судьбы, одновременно поставляли Японии дефицитные стратегические материалы. Американские правительственные круги радовало то направление, в котором, как им казалось, развивалась японская агрессия. Они считали, что нападение на Советский Союз осуществится сразу же, как только японская армия завершит модернизацию.

Развертывая подготовку войны против СССР и Китая, японские милитаристы следили за складывающейся в мире обстановкой. Понимая, что западные державы не будут пока противостоять их экспансии, они в то же время искали союзников. И таковым вскоре становится Германия, где к власти приходят фашисты. Германско-японское сближение начинается в 1933 году и уже в 1936 году оформляется юридически.

* * *

Вся внутренняя и внешняя политика правящих классов Японии, начиная с середины 1920-х годов, сосредоточивалась на подготовке большой войны, грабеже соседних стран. Открытая агрессия японских милитаристов против Китая, в результате которой Япония захватила Маньчжурию и вышла к границам СССР, создала сложное международное положение. Японская военщина образовала очаг войны на Дальнем Востоке и усиленно готовилась к схватке.

В замыслах правящих кругов западных стран таился опасный просчёт, что японская агрессия будет направлена только против СССР. Однако, афишируя свои антисоветские планы, японский империализм готовил также войну против США, Англии, Франции, помышляя о захвате их владений в бассейне Тихого океана. На Дальнем Востоке возник опасный очаг мировой войны.

2. Образование главного очага мировой войны

Экспансионистские внешнеполитические цели германского империализма и причины прихода фашистов к власти в Германии. Политика «мирной ревизии» Версальского договора, проводимая либеральными методами в 1920-е годы²⁴, не дала желаемых результатов. Хотя тиски Версаля и были ослаблены, но сбросить их не удалось, а реализация планов установления мирового господства германского империализма прежними методами вообще казалась невозможной. Поэтому наиболее реакционные круги германского финансового капитала стали склоняться к мысли о необходимости смены методов и средств в достижении этой цели, для чего следовало привести к власти наиболее оголтелые силы немецкой реакции и реванша.

Всё это происходило на фоне разразившегося мирового экономического кризиса, крайне обострившего все противоречия капитализма как внутри стран, так и на международной арене. Особенно сильно он сказался на Германии, поразив её до основания. За годы кризиса её национальный доход снизился более чем на 40%, почти половина промышленного пролетариата (8 млн чел.) осталась без работы, быстро нарастал революционный подъем. Классовые бои становились всё более ожесточенными, резко пошёл вверх авторитет компартии, ставшей массовой и грозившей смести капитализм.

²⁴ См.: Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914 – 1936. М., 1958. С. 239; ДВП СССР. Т. 8. С. 629; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 245; Международные отношения и внешняя политика СССР (сборник документов). М., 1957. С. 87-88; Европа в международных отношениях. 1917-1939. М., 1979. С. 77, 83, 84-85, 88, 91; Газин В.П. Локарно и проблема «мирной ревизии» Версальского договора в 1925-1927 гг. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. С. 17, 22; Никонова С.В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1956. С. 37; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 217; История дипломатии. Т. 3. С. 411; Карой Л. Великобритания и Локарно. М., 1967. С. 45; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. 1929-1939. М., 1976. С. 14; Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. М., 1974. С. 178.

В этих условиях немецкие монополисты, истинные хозяева страны, привели к власти гитлеровцев, стремясь решить две задачи сразу: уничтожить коммунизм в Германии и взять реванш за поражение в первой мировой войне, установив мировое господство германских монополий. Ставка на фашистскую партию была сделана не случайно. Возглавляемая А. Гитлером, она открыто выступила с шовинистическими лозунгами войны за мировое господство германской расы, разжигала ненависть к другим народам, спекулируя на унижении национального достоинства немецкого народа Версальским мирным договором, призывала к жестоким репрессиям против рабочего и демократического движения, к установлению жесточайшей террористической диктатуры в Германии. Следует отметить, что постоянная, на протяжении 14 лет после Версаля, пропагандистско-психологическая обработка населения страны в духе борьбы с «несправедливостями Версаля» подготовила подавляющую его часть к восприятию, как чего-то вполне «естественного», агрессивных акций, осуществленных нацистами до начала войны²⁵.

Круг финансовых и промышленных магнатов, поддержавших НСДРП, был широк. К ним принадлежали, прежде всего, глава Стального треста Ф. Тиссен, «угольный король» Я. Шахт, директор самого крупного в мире химического концерна, и крупнейшего из всех концернов в Европе, «ИГ Фарбениндустри» Г. Шницлер, электрический король Сименс, известный промышленник, хозяин самого большого частного концерна в Европе Ф. Флик, «король пушек» А. Крупп, мультимиллионеры А. Феглер, Ростерг, Шредер, Ренхард, Рехлинг. Поддержку фашистской партии оказывали и многочисленные немецкие князья и бароны, крупнейшие землевладельцы, а также иностранные монополисты, например, английский нефтяной магнат Г. Детердинг, американский «автомобильный король» Г. Форд и другие²⁶.

Ещё за два года до прихода гитлеровцев к власти атташе американского посольства в Берлине Д. Гордон доносил госсекретарю Г. Стимсону: «Нет никакого сомнения, что Гитлер получил значительную финансовую поддержку от определенных крупных промышленников... Важные финансовые круги... оказывают давление на канцлера и других членов кабинета, чтобы предпринять эксперимент с участием нацистов в правительстве»²⁷.

Но не следует понимать вышесказанное упрощенно, так как взаимоотношения монополистов с гитлеровцами не ограничивались предоставлением помощи, а лидеры германского фашизма не были безвольными приказчиками капиталистов. Здесь имело место гораздо более сложное явление. Оно заключалось в том, что гитлеровская партия выполняла волю монополистического капитала в целом и объективно была его верным орудием. Установленный нацистами режим служил интересам монополий и имел определенное классовое предназначение, которое могло и не совпадать с частными устремлениями отдельных монополистов. Гитлеровцы обладали огромной (хотя и она была относительной) самостоятельностью и проявляли инициативу в поисках таких решений, которые полнее отвечали интересам главных представителей финансовой олигархии. При фашистах произошло невиданное ранее сосредоточение власти в руках государственного аппарата, его верхушки. Это создало иллюзию его независимости от общества. Но в то же время, прямо или косвенно, тысячами нитей, усилилась зависимость, чаще, конечно, теневая, этого аппарата от делового мира. Так что, если оценивать характер фашистской диктатуры, то можно сказать – это была диктатура монополий, для монополий, получившая огромную, бесконтрольную от общества власть, но осуществляемую по форме от имени фашистской партии и её вождя.

Естественно, приход нацистов к власти был связан не только с поддержкой крупного капитала. Благодаря социальной демагогии, разнузданной психопропаганде реванша и игре на униженных национальных чувствах народа, фашисты сумели обеспечить себе широкую социальную поддержку, в первую очередь, в мелкобуржуазной среде, настроенной антикоммунистически. Они сумели сыграть на чувствах нации и разжечь её низменные инстинкты. Но решающим фактором, сделавшим гитлеровскую партию правящей, было прямое вмешательство в её судьбу элиты германского бизнеса.

19 ноября 1932 года группа видных монополистов обратилась к президенту Гинденбургу с меморандумом, в котором содержалась просьба (звучавшая как приказ) призвать Гитлера к власти. Его подписали хозяева немецкой металлургии, угольной, химической, машиностроительной и судостроительной промышленности, финансовые магнаты – представители более 160 крупнейших компаний с суммарным капиталом более 1,5 миллиарда марок²⁸.

²⁵ В этой связи польский публицист С. Мацкевич писал: «Откуда проистекало это его влияние на людей? Сколько раз слушая речи Гитлера, столько же раз испытывал чувства огромного удивления, как это может нравиться людям. Как могли эти крики и визги действовать на немецкий народ, веками воспитанный в культуре мысли? Времена Гитлера подтверждают теорию тех, что полагают, что не только отдельные люди, но и целые нации подвержены психическим заболеваниям». // Мацкевич С. Политика Бека. М., 2010. С. 33.

²⁶ Подробнее см.: Рубцов Ю.В. Кредит на Мировую войну Гитлер взял у Америки. // <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/47919/>.

²⁷ История второй мировой войны. Т. 1. С. 113-114.

²⁸ Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1971. С. 78; Безыменский Л. Разгаданные загадки

Не осталась в стороне и военщина. Сговор командования рейхсвера с гитлеровцами был одной из важнейших предпосылок установления фашистского режима. «Господа генералы, господа офицеры, – провозгласил Гитлер на съезде партии 1933 года, – тем, что я стою здесь, я обязан вам»²⁹. 29 января 1933 года, уходя в отставку с поста рейхсканцлера, генерал Шлейхер посоветовал Гинденбургу, который сам был крупным военным деятелем, поручить формирование нового правительства национал-социалистической партии, рассматривая такой шаг как наиболее «благоприятную возможность» для Германии³⁰. Президент, старый аристократ, преодолевая огромную личную неприязнь к «выскочке» Гитлеру, не мог ослушаться реальных хозяев Германии и в тот же день поручил ему сформировать новое правительство. Так, 30 января фашистская партия овладела государственной властью. В одной из самых культурных стран мира установилась террористическая диктатура наиболее реакционных, шовинистических, агрессивных кругов финансового капитала.

Следует отметить, что после прихода Гитлера к власти поток финансовой поддержки в его пользу увеличился. В июне 1933 года был учрежден «Фонд Адольфа Гитлера из пожертвований германской экономики». Все ведущие промышленники Германии систематически перечисляли средства на текущий счёт этого фонда, председателем попечительского совета которого стал Крупп – глава «Имперского союза германской промышленности», – лично внесший за предвоенные годы на данный счёт 12 млн марок³¹. Один только химический гигант «ИГ Фарбен-индустри» с 1933 по 1939 гг. перевёл политическому руководству нацистской партии, СС, СА, корпусу лётчиков и т.д. миллионы марок. Лишь накануне Мюнхена данный концерн «пожертвовал» 600 тыс. марок в фонд «помощи» Судетам³². Всего за время фашистской диктатуры через фонд Гитлера нацистская партия получила около 700 млн марок³³.

Уже после войны руководитель отдела декартелизации американской военной администрации в Западной Германии Д. Мартин так писал о роли монополий в фашистской Германии: «Довоенные фильмы изображали маршировавших прусским шагом нацистов полновластными хозяевами Германии. Стоит, мол, Гитлеру скомандовать, и самые могущественные властители Германии донацистского периода бросаются выполнять его приказания, опасаясь возможных репрессий. Но после того, как мы ознакомились с архивами на вилле Хюгель и порасспросили Альфреда Круппа и директоров его заводов, от этого впечатления не осталось и следа. Гитлеру и его партии никогда не давали забывать, что своим приходом к власти они обязаны промышленникам, и что они смогут добиться успеха только с помощью промышленников»³⁴.

Тесное сотрудничество гитлеровцев с монополиями проявлялось в том, что важные государственные посты, особенно в области экономики, были предоставлены руководителям крупных концернов. В августе 1934 года Шахт, глава Рейхсбанка, занял пост министра экономики, превратившись фактически в финансово-экономического диктатора Германии. Тиссен и Рейнхард стали финансовыми советниками в Пруссии и управляли районами, в которых находились их предприятия.

Гитлеровское правительство создало целую систему подчинения монополистам всей экономики страны. 15 июля 1933 года был учрежден генеральный совет хозяйства, в котором заправляли Крупп, Тиссен, Фиглер, Сименс, Шредер, Рейнхард и другие. Этот орган с полным основанием можно было назвать действительным правительством Германии. Таким образом, представители ведущих концернов овладели всем хозяйственным и финансово-политическим аппаратом фашистской Германии, подчинив себе всю общественно-экономическую жизнь страны³⁵. 30 января 1933 года можно с уверенностью назвать самым «черным» днем в истории великой страны и её народа.

Превращение Германии в государство войны. Фашистская диктатура в кратчайшие сроки и наиболее эффективно обеспечила восстановление военно-промышленного потенциала страны и перевод экономики на военные рельсы, подготовила великий немецкий народ к войне не только материально, но и морально, пробудив низменные инстинкты, которые цивилизация нивелировала на протяжении тысячелетий, оболванила десятки миллионов людей, превратив их в потенциальных убийц. Высочайшая концентрация и централизация производства и капитала, исключительная агрессивность немецкой буржуазии, выросшей на почве захватнических традиций прусского милитаризма и безмерном национальном чванстве, давняя мечта обеспечить себе «место под солнцем», наконец, доведенная до уровня истерии жажда реванша – всё это породило планы невиданной в истории агрессии.

третьего рейха. 1933-1941. М., 1984. С. 34; Фалин В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

²⁹ История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 209-210.

³⁰ История дипломатии. Т. 3. С. 574.

³¹ Микульский К. Концерн Круппа. М., 1959. С. 36.

³² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 1. М., 1965. С. 699-701.

³³ История второй мировой войны. Т. 1. С. 121.

³⁴ Мартин Д. Братство бизнеса. М., 1951. С. 115.

³⁵ См.: Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны; История второй мировой войны. Т. 1. С. 121-122.

Внешнеполитические цели. Германские фашисты пришли к власти, имея готовую внешнеполитическую программу, изложенную в книге Гитлера «Майн кампф»³⁶. Впоследствии она была развита в ряде речей Гитлера, других военно-политических вождей Рейха. В первую очередь, они предполагали присоединить к Германии Австрию, западные районы Чехословакии и Польши и образовать таким образом ядро будущей империи. Планировалось завоевать Европу, Ближний и Средний Восток вплоть до Индии. Колонии западноевропейских государств должны были перейти к Германии. Завершающим этапом на пути к мировому господству должен был стать совместный с японцами поход на Америку.

В качестве идеологического обоснования этой разбойничьей программы гитлеровцы выдвинули геополитику и расовую «теорию» о необходимости расширения «жизненного пространства» для германской «расы господ» за счёт низших рас³⁷. Пропагандируя человеконенавистническую расовую «теорию», главари фашистского рейха внушали немцам пещерные идеи, что они имеют «право» уничтожать и поработать сотни миллионов людей других наций, и разжигали у них стремление к насилию и грабежу, раздували военный психоз. Под прикрытием шумихи об «опасности большевизма» германский фашизм приступил к подготовке реваншистской войны. Но определенной помехой быстрому росту вооружений Германии были версальские военные ограничения – «оковы Версаля», как говаривал Гитлер. Первоочередной задачей германской дипломатии стала ликвидация военных постановлений Версальского договора.

Чтобы облегчить себе эту задачу, фашистское руководство приняло решение о выходе из Лиги Наций, которая, по его мнению, стесняла процесс перевооружения Германии³⁸. Это означало первую фазу заговора фашизма против всеобщего мира. Знаменательно, что гитлеровцы не всегда шли напролом и для достижения своих целей и введения в заблуждение противников были готовы использовать все методы, в том числе и дипломатические. В мае 1933 года в своём кругу Гитлер заявил: «Я сделаю все уступки, чтобы иметь свободные руки для продолжения моей политики. Я гарантирую все границы, я заключу всякие пакты о ненападении и дружбе, которых от меня потребуют. Было бы с моей стороны ребячеством не воспользоваться этими средствами на том основании, что я когда-нибудь должен буду нарушить свои обязательства, хотя бы и самые торжественные»³⁹. Эти слова не требуют комментариев.

Одним из первых шагов на пути реализации гитлеровской программы стало присоединение к Германии Саарской области, в результате проведенного 13 января 1935 г. плебисцита, предусмотренного Версальским договором. Это резко усилило экономическую мощь рейха, т.к. доля горнодобывающей и металлургической промышленности Саара составляла в общегерманском производстве более 10%⁴⁰.

Начало реализации программы перевооружения. После прихода гитлеровцев к власти развернулась лихорадочная подготовка к войне, которая стала главным содержанием деятельности фашистского государства. Беспощадный террор против инакомыслящих, строжайшая централизация власти в руках самых реакционных и авантюристических сил германского империализма, готовых на всё во имя осуществления захватнических планов, создали важнейшие государственно-политические предпосылки для подготовки и ведения тотальной войны за мировое господство. Основным элементом этой подготовки стала бешено развернувшаяся гонка вооружений и милитаризация экономики. Началось строительство массовой армии.

Решающий шаг на пути развертывания вооружённых сил был сделан 16 марта 1935 года, когда в Германии был издан закон о создании вермахта и введена всеобщая воинская повинность. Вооружённые силы делились на три вида: сухопутную армию, ВМФ и ВВС⁴¹. В связи с введением всеобщей воинской повинности гитлеровское правительство официально заявило, что не считает себя связанным ограничениями в вопросах вооружения, наложенными Версальским договором⁴². Западные державы реагировали на это лишь формальными нотами протеста. Такое поведение Англии, Франции и Италии, писал французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсэ, убеждало Гитлера в том, что «он может себе позволить и в будущем диктовать законы Европе»⁴³.

³⁶ Hitler A. Mein Kampf. Buc., 1994.

³⁷ Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. Свердловск, 1991. С. 24-32, 79-85.

См. также о проникновении расистской и нацистской идеологии в Румынию и о политике, направленной на массовое уничтожение людей других национальностей на территории Румынии и оккупированных румынскими фашистами областей Молдовы и Украины: Назария С. Холокост: страницы истории (на территории Молдовы и прилегающих областях Украины). Кишинёв, 2005; Nazaria S. Holocaust: file din istorie (pe teritoriul Moldovei și în regiunile limitrofe ale Ucrainei). Chișinău, 2005.

³⁸ История дипломатии. Т. 3. С. 588.

³⁹ Ibid. С. 591.

⁴⁰ Европа в международных отношениях. С. 225.

⁴¹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. Т. 1. М., 1956. С. 28-29.

⁴² История второй мировой войны. Т. 1. С. 156.

⁴³ Европа в международных отношениях. С. 231.

В 1935 году численность сухопутных сил достигла 300 тыс. человек. С учетом военно-морского и военно-воздушного флотов и всех вспомогательных войск личный состав вооружённых сил достиг 900 тысяч⁴⁴. Если к этому добавить военизированные отряды СА и СС, то эта цифра будет намного выше.

Ещё более высокими темпами развивалась авиация. ВВС создавались с таким расчетом, чтобы не только взаимодействовать с другими видами вооружённых сил, но и самостоятельно вести воздушную войну. Основное внимание сосредоточивалось на наступательных силах – бомбардировочной авиации. Ещё до введения всеобщей воинской повинности Германия имела 2500 самолетов, из них 800 боевых⁴⁵.

С приходом к власти фашисты развернули крупную программу морских вооружений, и уже к середине 1935 г. были спущены на воду несколько крупных боевых кораблей, среди которых «карманный линкор» «Адмирал Шпеер» водоизмещением 12700 т. Кроме того, находились на стапелях 3 линкора, два из которых водоизмещением по 31800 т., тяжелый крейсер, эсминцы, другие корабли⁴⁶.

Новым толчком к усилению гонки военно-морских вооружений послужило англо-германское соглашение, заключенное 18 июня 1935 года. Германия получила право иметь флот, составлявший 35%, а по подводным лодкам – 45% от английского⁴⁷. Отныне Германия приобретала возможность создать флот водоизмещением в 420 тыс. тонн, что означало его увеличение в 5,5 раза.

Для нацистов это соглашение имело огромное военное и политическое значение. Оно фактически легализовало перевооружение фашистского рейха и поощряло его руководителей на дальнейшие нарушения международно-правовых обязательств. Англичане собственноручно уничтожали последние барьеры на пути вооружения Германии и, поощряя гитлеровцев, затягивали себе петлю на шею. Соглашение было заключено, несмотря на официальный протест Франции, и стало одним из звеньев двуручнической, предательской политики английских правящих кругов по отношению к своему французскому союзнику.

Как отмечалось в английских и американских официальных кругах, соглашение было, в основном, направлено против СССР⁴⁸, так как вело к резкому изменению стратегической обстановки на Балтийском море в пользу Германии. Но одновременно оно изменяло соотношение сил и на Северном море, что создавало потенциальную угрозу Англии и Франции. При содействии английских правящих кругов, гитлеровская Германия ковала оружие, которое, в конце концов, было обращено не только против СССР, но в первую очередь – против Запада.

После заключения морского соглашения развернулось интенсивное строительство большого германского военного флота. 12 подводных лодок, тайное строительство которых началось давно, были немедленно введены в строй. Кроме уже заложенных на стапелях, вскоре началось строительство двух линейных кораблей водоизмещением 41,7 тыс. тонн и 42,9 тыс. тонн, ряда тяжелых крейсеров, эсминцев, 24 подводных лодок⁴⁹.

Кульминационным пунктом лихорадочной деятельности гитлеровцев по превращению Германии в государство войны в 1933-35 годах стал седьмой съезд национал-социалистской партии, состоявшийся в сентябре 1935 года. Нацисты объявили, что теперь, наконец, немцы обрели долгожданную «свободу» – военный суверенитет, свободу вооружаться. Съезд прошел как открытая демонстрация быстро возрастающей военной мощи фашистского государства и как грандиозная пропагандистская акция, предназначенная для идеологической и психологической обработки немецкого населения в интересах подготовки войны.

* * *

Таким образом, фашистский переворот (хотя и в рамках конституционной законности) в Германии явился поворотным пунктом в практической подготовке к войне, во всей политике германского империализма, в развертывании его военно-экономического и идейно-психологического потенциала. Он привёл к возникновению в центре Европы опаснейшего очага войны.

3. Борьба за создание системы коллективной безопасности

Рождение идеи коллективной безопасности. В обстановке возникновения на Дальнем Востоке и в Европе очагов агрессии, реалистически мыслящие государственные деятели стали понимать, что дальнейший рост мощи агрессивных держав в условиях разобщённости стран миролюбивых, представляет огромную опасность для последних и дела мира в целом. Так появилась идея создания системы коллек-

⁴⁴ История второй мировой войны. Т. 1. С. 156.

⁴⁵ Ibid. С. 158.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 616; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 313-314; Всемирная история. Т. 9. С. 314; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 206-208; Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale de la Pacea Westfalică (1648) până în contemporaneitate (1947). Buc. 1998. P. 272.

⁴⁸ См.: История второй мировой войны. Т. 1. С. 171.

⁴⁹ Ibid. С. 159.

тивной безопасности. Её суть состояла в создании единого фронта миролюбивых сил для противодействия фашистской агрессии, чтобы сделать её невозможной^г.

Дипломатическое признание СССР Соединёнными Штатами Америки⁵⁰. В годы кризиса товарооборот США с западными государствами упал, а закупки СССР американских товаров возросли: в 1931 году Советский Союз закупил 77,3% экспортируемых американских тракторов, 57,3% металлорежущих станков, являлся крупным импортером горнорудного и нефтяного оборудования⁵¹. Советские заказы выполнялись на предприятиях, расположенных в 36 штатах⁵².

Но этот процесс был искусственно прерван администрацией Гувера, что противоречило интересам американских деловых людей. В то же время резко возросли советские заказы в других странах. С приходом в Белый дом Ф.Д. Рузвельта положение стало меняться к лучшему. Усилилась и тенденция признать СССР в сенате.

Негативную деятельность развернул госдепартамент. В этой связи очень показательна позиция Джорджа Кеннана, отмечавшего в своих мемуарах, что Рузвельт «дорожил восстановлением взаимоотношений с Советским Союзом ради отрезвления немецких нацистов и японских милитаристов... Я не знаю, насколько верны были расчеты президента. Что касается меня, то я был настроен скептически. Никогда, ни в то время, ни позднее, я не считал Советский Союз подходящим реальным или потенциальным союзником для нашей страны. Особенно опасной казалась мне идея опереться на советскую мощь, вместо того чтобы развивать или мобилизовать наши собственные ресурсы»⁵³.

27 июля 1933 года зам. госсекретаря У. Филлипс представил Рузвельту памятную записку, в которой излагались предварительные условия признания СССР: отказ Советского правительства от «мировых революционных целей», признание им долгов царского и Временного правительств, выплата стоимости национализированной собственности, «преодоление различий между экономической и социальной структурой Соединённых Штатов и России». В записке подчеркивалось, что нормализации отношений препятствует монополия внешней торговли СССР, классовый характер Советского государства, советское законодательство и «система правосудия в отношении к иностранным гражданам»⁵⁴. По существу, этот документ должен был убедить Рузвельта в невозможности нормализации советско-американских отношений.

Президент Рузвельт, однако, иначе подходил к этому. Нельзя было не считаться с действительностью и ростом реального веса СССР на международной арене. В то же время Япония сильно потеснила США на Дальнем Востоке, что привело к обострению японско-американских отношений. Некоторые политики считали, что признание Советского Союза явилось бы определенным сдерживающим фактором на пути японской агрессии.

В американской печати стали появляться статьи о необходимости признания СССР с целью укрепить пошатнувшееся влияние США на Дальнем Востоке. Особенно активно в этом направлении выступали журналы «Нэйшн» и «Нью рипаблик». Известный журналист У. Липпман писал: «Признание имеет много преимуществ. Великая держава Россия лежит между двумя опасными центрами современного мира: Восточной Азией и Центральной Европой»⁵⁵. Газета «Нью-Йорк таймс» 21 октября 1933 года

---

^г Примечание научного редактора. Вскоре после прихода Гитлера к власти, в декабре 1933 г., советское руководство выдвинуло концепцию «неделимости мира». В этом смысле 3 января 1935 г. М.М. Литвинов заявил, что «...в настоящее время нарушение мира в каком-либо уголке мира неизбежно повлечёт всеобщую войну». // См. подробнее: Литвинов М.М. Внешняя политика СССР. М., 1937. С. 369-372.

⁵⁰ Севостьянов Г.Н. Послы вручают верительные грамоты. Установление советско-американских дипломатических отношений в свете новых документов. // ННИ, 1993, № 6; Севостьянов Г.Н. Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 г. Новые материалы. // ННИ, 1994, № 3.

⁵¹ История США. Т. 3. С. 201.

⁵² Фураев В.К. Советско-американские отношения, 1917-1939. М., 1964. С. 205.

⁵³ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002 (<http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>).

Ниже он, долгие годы работавший в СССР, высказывает своё отношение к тогдашним советским лидерам, и данная позиция представляется нам довольно интересной: «Многие стороны советской жизни вызывали у меня уважение и восхищение, но я всегда отвергал эту идеологию в целом. Если я уважал советских лидеров за мужество, решительность, политическую серьезность, то мне всегда были глубоко неприятны другие их политические характеристики – фанатичная ненависть к значительной части человечества, чрезмерная жестокость, уверенность в своей непогрешимости, неразборчивость в средствах, излишняя любовь к секретности, властолюбие, скрывающееся за идеологическими установками. Поэтому я не имел иллюзий, ещё даже до того, как встретился с феноменом сталинизма в его апогее в 1930-х годах, когда огромная нация оказалась беззащитной перед невероятной хитростью человека, во многих отношениях выдающегося, но безжалостно жестокого и циничного». // Ibid.

⁵⁴ История США. Т. 3. С. 201.

⁵⁵ История второй мировой войны. Т. 1. С. 280.

высказалась более определенно: «Советский Союз представляет барьер против агрессии милитаристской Японии на одном континенте и Германии на другом»⁵⁶.

В сложившихся условиях Рузвельт, оценивая роль Советского Союза в развитии международных событий, в расстановке сил в мире, приходил к выводу о том, что далее невозможно не считаться с такой державой, как СССР. Эти соображения побудили президента ещё раз обсудить с госсекретарём Хэллом вопрос о признании СССР. Да и государственный секретарь изменил взгляды. Поэтому, когда ФДР высказал мысль о желательности нормализации отношений между США и Советским Союзом, глава внешнеполитического ведомства поддержал Рузвельта, заметив: «В целом Россия – миролюбивая страна. Мир вступает в опасный период, как в Европе, так и в Азии. Россия со временем может оказать значительную помощь в стабилизации обстановки, по мере того как мир всё больше будет под угрозой». Полностью согласившись с этой оценкой, президент добавил: «Два великих государства – Америка и Россия – должны поддерживать нормальные отношения. Восстановление дипломатических отношений выгодно для обеих стран»⁵⁷.

Определённое влияние на президента оказывало и настроение американской общественности, к которой он как ответственный руководитель страны не мог не прислушиваться⁵⁸. Учитывая в комплексе факторы экономического, политического и международного характера, 10 октября 1933 года президент Рузвельт направил послание Председателю ЦИК СССР М.И. Калинину. В нём подчеркивалась готовность покончить с ненормальным положением, когда две великие державы в течение столь длительного времени находились без прямых официальных отношений. Президент предложил направить в Вашингтон для переговоров лично с ним представителя Советского правительства⁵⁹. Инициатива президента была с удовлетворением встречена в Кремле, и был дан однозначно положительный ответ⁶⁰.

7 ноября 1933 года нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов⁶¹ прибыл в Вашингтон для переговоров, которые начались на следующий день и продолжались 10 дней. Вначале их вёл с американской стороны Хэлл, но после его отъезда на межамериканскую конференцию их возглавил сам Рузвельт, что имело решающее значение⁶². Между этими двумя замечательными людьми установились уважительные человеческие отношения, что в дипломатии имеет немаловажное значение. Их беседы показали готовность обеих сторон найти взаимоприемлемые решения. В ходе переговоров была достигнута договорённость о нормализации дипломатических отношений, подписаны другие важные документы. Был достигнут компромисс и по вопросу о бывших долгах: в совместном коммюнике была зафиксирована готовность Советского правительства уплатить США 75 млн долларов в виде дополнительных процентов по займу, который предоставят США. Президент обещал убедить конгресс определить сумму американских претензий в 150 млн долларов⁶³. Так как обе стороны проявили реализм, взаимную заинтересованность и добрую волю, по большинству вопросов удалось договориться⁶⁴.

Признание Соединёнными Штатами Советского Союза отвечало давно назревшим потребностям и интересам обоих государств и народов. Оно создало основу нормальных отношений между ними и сыграло важную роль в международной жизни 30-х годов и в создании антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны.

Первым американским послом в СССР был назначен известный дипломат Уильям Буллит. Интересна характеристика, данная ему Джорджем Кеннаном, работавшим с ним в Москве в те годы: «Уильям Буллит, по моему мнению, которое разделяло большинство коллег, был прекрасным послом, и мы гордились им. Очень одаренный человек, получивший прекрасное образование и воспитание, умел и любил поддерживать интеллектуальное общение, в том числе с такими умнейшими представителями коммунистического движения, как Бухарин и Радек, которые тогда охотно посещали американское посольство в Москве. Он прекрасно знал немецкий и французский, что в значительной мере компенсировало его недостаточное знание русского языка. Буллит всегда поддерживал вокруг себя благоприятную психологическую атмосферу, за что мы все были ему признательны.

Его главной профессиональной слабостью был недостаток терпения. Он прибыл в Россию с большими надеждами и хотел их немедленного осуществления. Не то чтобы Буллит симпатизировал совет-

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ История США. Т. 3. С. 207.

⁵⁸ См.: Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917-1933 гг. Киев. 1971. С. 203; Фураев В.К. Советско-американские отношения. С. 228.

⁵⁹ ДВП СССР. Т. 16. М., 1970. С. 564-565.

⁶⁰ Ibid. С. 565.

⁶¹ См.: Борисов Ю.В. Звёздный час наркома Литвинова (о новой книге академика Г.Н. Севостьянова). // ННИ, 2007, № 7.

⁶² См.: Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания. С. 221-225.

⁶³ Ibid. С. 224; Севостьянов Г.Н. Судьба соглашения Рузвельт – Литвинов о долгах и кредитах. 1934-1935. Новые документы. // ННИ, 1995, № 2.

⁶⁴ См.: Мальков В.Л. Советско-американские отношения 1934 – 1939 годов. // ННИ, 2005, № 6.

ской идеологии, но питал некоторый излишний оптимизм в отношении намерений советских лидеров. В этом случае его подвели воспоминания об общении с Лениным. Буллит приезжал в Россию во время Парижской мирной конференции в феврале 1919 года с молчаливого согласия президента Вильсона и премьера Ллойда Джорджа. Тогда Буллит встречался с Лениным и другими советскими лидерами. Вернулся он с советскими предложениями – не идеальными, но приемлемыми для западных держав, чтобы можно было прекратить невыгодную военную интервенцию в России и установить более или менее нормальные отношения с советским режимом. Однако с ним обошлись не лучшим образом. Вильсон и Ллойд Джордж проигнорировали привезенные им предложения и публично отрицали всякую ответственность за его поездку в Россию. В качестве советника по русским делам на конференции весьма неудачно выбрали Герберта Гувера, а Буллит в знак протеста на конференции сложил с себя полномочия американского представителя. В то время советское руководство ещё не оценивало США однозначно как империалистическую державу, играющую лишь отрицательную роль в международных отношениях. Вернувшись в Россию в 1933 году, Буллит рассчитывал, что линия правительства Рузвельта, свободного от предубеждений и жесткости, свойственных республиканским администрациям предшествующих лет, сразу встретит должное понимание советской стороны.

Однако посол был вскоре разочарован. Руководил страной уже не Ленин⁶⁵, а Сталин, и противоречия с советским правительством по ряду вопросов в 1934-1935 годах привели к тому, что Буллит стал сторонником жесткой линии по отношению к Москве. Все мы охотно поддерживали эту линию, однако она не отвечала общему направлению политики Рузвельта, который не только не оказал послу поддержки, но вскоре перестал прислушиваться к его советам по русским делам, конечно считая, что в ухудшении отношений между двумя странами виноват прежде всего Буллит, с его недостатком такта и выдержки. Летом 1936 года Буллит ушел в отставку с поста американского посла в СССР и вскоре получил аналогичное назначение в Париж⁶⁶.

Борьба за реализацию идей коллективной безопасности. Мы уже отмечали, что к этому времени в умах многих деятелей созрела идея коллективной безопасности в Европе. И она не была утопичной, так как основывалась на совпадении интересов поборников национальной независимости и безопасности государств, независимо от их социального строя. Одними из первых осознали это в Кремле и в декабре 1933 года выступили с конкретным предложением о создании европейской системы коллективной безопасности. Оно предусматривало согласие СССР вступить в Лигу Наций и в её рамках

---

⁶⁵ Интересно мнение Джорджа Кеннана о вожде большевистской революции и его стиле руководства, высказанное им в его знаменитой книге об СССР. В ней автор и идеолог доктрины «сдерживания коммунизма» писал: «Ленин был очень „человечный человек“ в полном смысле этого слова. Он родился в благополучной семье, получил прекрасное образование, был одарён гениальным умом. Ему были чужды пороки социального выскочки, наоборот, он был достойным соперником любому интеллектуалу. У него начисто отсутствовало тяжёлое бремя личной незащищённости, которое тяжёлым грузом давило на Сталина. Ему никогда не приходилось сомневаться в своих соратниках, которые признавали его влияние, любили и уважали его.

Ленин строил свои отношения на доверии и уважении, в то время как Сталин был вынужден управлять своими подчинёнными на основе страха. Именно такие качества дали возможность Ленину развивать движение, как он и замышлял, осуществляя всеобщие цели и оставляя в стороне свои собственные интересы. А поскольку интеллектуальный потенциал партии являлся результатом, главным образом, его труда, он никогда не испытывал необходимости в применении бесчестных методов, которые постоянно практиковал Сталин... Сформировав ленинизм в соответствии со своими устремлениями и используя при этом наследие Маркса, Ленин не боялся пользоваться им так, как того требовала политическая ситуация. По этой причине он всегда объективно воспринимал и рассматривал аргументы и инициативы тех людей, которые разделяли его веру в справедливость русской революции в октябре 1917 года. Они могли свободно приходить к нему и делиться своими мыслями. И что характерно – эти мысли Ленин воспринимал в том духе, в каком они предлагались, хотя отвечал на них критически и с непревзойдённой в истории социалистического движения интеллигентностью. Люди не ощущали ни малейшего страха за свои высказывания...

Такой подход в отношениях с коллегами по партии способствовал установлению гуманистического климата в верхних эшелонах власти советского режима при жизни Ленина. Наделённый таким характером, Ленин был способен передавать своим единомышленникам атмосферу воинствующего оптимизма, хорошего настроения, непоколебимой веры в свои идеалы и товарищеской преданности. Соратники его любили и глубоко уважали, и вместе с тем всю свою энергию бескорыстно вкладывали в работу, глубоко веря в то, что, если эта работа будет сделана хорошо, их поддержит и должным образом оценит руководство партии. В этих условиях, пока абсолютная власть Ленина оставалась прочной, в среде его администрации царили такие инициативность и ответственность за свои действия, которых никогда не было даже в самые лучшие дни властвования Сталина. Этим объясняется гибкость и высокое мастерство ленинской дипломатии». // Кеннан Д. Россия и Запад при Ленине и Сталине. // Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль. Политические портреты. Минск, 1991. С. 19-20.

⁶⁶ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

заклучить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. СССР предлагал участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии⁶⁷.

14 декабря 1933 года правительство СССР направило правительству Польши проект совместной декларации о решимости охранять и защищать мир в Восточной Европе⁶⁸. Но в это время Польша всё более склонялась к сближению с Гитлером⁶⁹, поэтому в начале февраля 1934 г. она заявила о своём отказе участвовать в какой-либо декларации с Советским Союзом, имеющей целью гарантировать независимость Прибалтийских стран⁷⁰. Литвинов сказал министру иностранных дел Польши Беку, а затем польскому послу Лукасевичу, что Советский Союз рассматривает германско-польский договор как шаг, весьма опасный для восточноевропейских стран⁷¹.

Министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску⁷² разработал на основе идеи коллективной безопасности план договора между СССР, Польшей и Румынией, который предусматривал, что в случае нападения одного из этих государств на другое, третье оказало бы помощь подвергнувшемуся нападению⁷³. В Москве положительно воспринимали эти предложения, но, к сожалению, Титулеску не учел, что в его собственной стране слишком сильны силы, не желавшие сближения с СССР.

Вызывающие действия германских милитаристов порождали растущее беспокойство во Франции. Такие политики, как Э. Эррио, министр авиации П. Кот, министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур, стремились к укреплению отношений с Советским Союзом. В беседах Литвинова с Поль-Бонкуром постепенно вырисовывалась идея дополнить франко-советский договор о ненападении 1932 года⁷⁴ обязательствами взаимной помощи против агрессии⁷⁵.

20 апреля 1934 года новый министр иностранных дел Франции Л. Барту заявил, что его правительство намерено продолжать переговоры с СССР в духе позиции Поль-Бонкура⁷⁶. Л. Барту и вновь вошедший в правительство Э. Эррио являлись сторонниками той традиционной французской политики, которая опасалась возрождения промышленной и военной мощи Германии (особенно после установления в ней фашистской диктатуры) и не доверяла британской политике «равновесия сил» с её неизменным стремлением играть на франко-германских противоречиях. Считая совершенно необходимым проведение самостоятельной внешней политики, отвечающей национальным интересам Франции, Барту, этот великий реалист, понимал, что она невозможна без сближения с СССР⁷⁷. Но, приняв такое решение, он не хотел отказываться от системы взаимоотношений государств Западной Европы, установленной договором в Локарно. Поэтому о предстоящих переговорах с Москвой Барту информировал остальных участников Локарнской системы и, прежде всего, Германию⁷⁸.

Франко-советским переговорам, проходившим в мае-июне 1934 года, придавалось особое значение, поэтому их вели непосредственно министры иностранных дел двух государств. Были подробно рассмотрены французские предложения, отразившие двойную ориентацию Франции: на сближение с СССР и сохранение Локарнской системы. Вместо единого договора ряда стран был выдвинут советско-французский план заключения двух договоров. Предполагалось, что первый договор, т.н. Восточный пакт, или Восточное Локарно, охватит государства Восточной Европы, а также Германию. Участники пакта

⁶⁷ ДВП СССР. Т. 16. С. 876-877.

⁶⁸ Ibid. С. 747.

⁶⁹ 26 января 1934 года было заключено польско-германское соглашение. // См.: Grecu A. De la ideeа războiului preventiv la tratatul de neagresiune. Aspecte ale relațiilor polono-germane la începutul anilor '30. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 7-8.

⁷⁰ История второй мировой войны. Т. 1. С. 285

⁷¹ ДВП СССР. Т. 17. М., 1971. С. 136, 156.

⁷² О его деятельности см.: Bois P. Titulescu – un destin nemeritat. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 8; Paul-Boncour J. Alături de Titulescu. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 5; Potra T. Nicolae Titulescu în 1938. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 3; Scurtu I. Nicolae Titulescu: activitatea diplomatică. // Dosarele istoriei. 2002, Nr. 3; Moisuc V. De la un război la altul. // Dosarele istoriei. 2002, Nr. 3; Xenî C. Nicolae Titulescu. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 3, 4; Preda D. 1927-1928. Nicolae Titulescu primul ministeriat la afacerile externe. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 3; Duțu M. Nicolae Titulescu – un diplomat care s-a jucat cu milioanele țării. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 6; Spătan I. Nicolae Titulescu și Uniunea Statelor Europene. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 10.

⁷³ ДВП СССР. Т. 17. С. 361.

⁷⁴ См.: История второй мировой войны. Т. 1. С. 272-273.

⁷⁵ ДВП СССР. Т. 16. С. 595.

⁷⁶ ДВП СССР. Т. 17. С. 279; см также: Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 194-196.

⁷⁷ В этой связи С. Мацкевич отмечал: «Политические мысли Луи Барту текли в русле наследия дипломатов старой школы. Германия – самая большая опасность для Франции. С Гитлером не стоит проводить политику Бриана-Штресемана и Пакта четырех [т.е. франко-германского сближения – С.Н.]. Нужно вернуться к союзу с Россией, ибо союз с царём спас Францию во время битвы на Марне». // Мацкевич С. Политика Бека. С. 55.

⁷⁸ История второй мировой войны. Т. 1. С. 286.

взаимно гарантируют нерушимость границ и обязуются оказать помощь тому из них, который подвергнется нападению агрессора. Второй договор – между Францией и СССР – будет содержать обязательства по взаимной помощи против агрессии. Советский Союз возьмет на себя такие обязательства в отношении Франции, как если бы он участвовал в Локарнской системе, а Франция – обязательства в отношении Советского Союза, как если бы она была участницей Восточного пакта. Предусматривалось также вступление СССР в Лигу Наций⁷⁹.

Советская дипломатия считала целесообразным участие Германии в Восточном пакте, поскольку обязательства, налагаемые им, связали бы её. В Советском Союзе встретило предложение Франции привлечь к участию в Восточном Локарно Прибалтийские государства. В окончательном проекте в качестве участников Восточного пакта были названы Польша, СССР, Германия, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва⁸⁰. Румыния, отклонив советские и французские предложения, отказалась участвовать в пакте⁸¹.

Устранение антисоветской направленности договора в Локарно имело большое значение и превращало его в общеевропейский. Роль СССР менялась в видении сторонников этой идеи. Барту говорил: «Наши малые союзники в центре Европы должны быть готовы рассматривать Россию как опору против Германии»⁸². 27 июня 1934 года проект Восточного пакта французское правительство передало англичанам. Правящие круги Англии заявили о готовности поддержать идею заключения такого пакта при условии, чтобы гарантии, которые СССР и Франция взаимно предоставили друг другу, были распространены и на Германию. А это означало, что Германия должна стать участником пакта о взаимопомощи между СССР и Францией. Кроме того, Лондон потребовал согласия Франции на вооружение Германии⁸³. Глава Форин Оффиса Саймон отозвался о Восточном пакте как о попытке «окружения» Германии и заявил, что Англия не будет в нём участвовать⁸⁴.

Советский полпред в Лондоне сообщал по этому поводу в НКВД: «Английское правительство по существу всегда относилось к Восточному пакту недоброжелательно... Восточный пакт должен был бы сильно укрепить наши международные позиции, обезопасить нашу западную границу и облегчить наше положение на Дальнем Востоке... Восточный пакт, который неизбежно должен был бы сценарировать все французские связи на Востоке и в сильнейшей степени гарантировать безопасность самой Франции, способствовал бы чрезвычайному росту французского международного могущества. Именно поэтому британская дипломатия не могла относиться с горячностью к Восточному пакту»⁸⁵.

Чтобы добиться согласия Англии на Восточный пакт, Советское правительство сообщило английскому правительству 16 июля 1934 года, что оно не возражает против включения в гарантии франко-советского соглашения Германии, равно как согласно с тем, чтобы на последнюю распространялись гарантии, как Франции, так и Советского Союза⁸⁶. Барту пригрозил Саймону, что Франция может пойти на военный союз с СССР и без Восточного пакта⁸⁷. Вскоре Лондон объявил правительствам Италии, Польши и Германии, что он поддерживает проект Восточного пакта. Последней дополнительно сообщалось, что её требование на «равенство вооружений» будет полностью удовлетворено⁸⁸.

Руководители гитлеровской Германии сразу поняли, что Восточный пакт может сковать их агрессивные устремления, но прямо выступить против него не решились, действуя осторожно, взяв на вооружение английскую дипломатическую тактику выжидания и маневрирования. Они предприняли попытку заставить страны Восточной Европы отклонить идею пакта. Дипломаты Чехословакии, Польши, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы поодиночке приглашались в германское министерство иностранных дел, где им внушали мысль отказаться от пакта. Об этом французский посол в Берлине проинформировал советское полпредство⁸⁹.

В германском меморандуме, датированном 8 сентября и переданном английскому правительству 10 сентября, говорилось, что германское правительство «не может участвовать в новых международных

⁷⁹ См: Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929-1939. М., 1976. С. 179-181; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. М., 1990. С. 437; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 309, 310, 312; История второй мировой войны. Т. 1. С. 286; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 304-305; История дипломатии. Т. 3. С. 601-602; Всемирная история. Т. 9. С. 302.

⁸⁰ ДВП СССР. Т. 17. С. 480; см. также: Системная история международных отношений. Т. 1. С. 260.

⁸¹ ДВП СССР. Т. 17. С. 501.

⁸² История второй мировой войны. Т. 1. С. 287.

⁸³ Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929-1939 гг.). М., 1965. С. 161-163; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 183; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 312.

⁸⁴ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 305.

⁸⁵ История дипломатии. Т. 3. С. 602.

⁸⁶ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 312-313; Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией. С. 166.

⁸⁷ История второй мировой войны. Т. 1. С. 288.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ ДВП СССР. Т. 17. С. 524.

системах безопасности любого характера до тех пор, пока другие державы считают возможным ещё оспаривать равноправие Германии в области вооружения». Здесь же отмечалось, что Германия не заинтересована в советских и французских гарантиях и высказывается против заключения отдельного соглашения между Францией и СССР⁹⁰. Таким образом, гитлеровская дипломатия прикрыла отказ Германии от участия в Восточном пакте демагогическими ссылками на неравноправное положение Германии в области вооружений.

Продолжая эту линию и широко используя угрозы, шантаж и ложь, гитлеровцы вели шумную кампанию в пользу заключения двусторонних договоров. Предложения о заключении таких договоров Гитлер сделал Франции, Польше и другим соседним странам, за исключением Литвы⁹¹. Их целью было разобщить эти страны, не дать им сплотиться, а цену фашистским гарантиям мировое сообщество вскоре узнало. Выше мы приводили слова Гитлера о цене заключаемых им договоров. Фашисты не без оснований видели в системе коллективной безопасности главное препятствие своим агрессивным планам.

Важную роль в борьбе против коллективной безопасности гитлеровские главари отводили Польше, и тогдашнее польское правительство охотно взяло на себя эту роль. Выполняя директивы Барту, французский посол в Варшаве Ларош вёл переговоры о Восточном пакте с Беком, информируя об их ходе советского полпреда В.А. Антонова-Овсеенко. 17 июля Ларош рассказал советскому полпреду, что польский МИД дал понять, что он против Восточного пакта, так как Польша, собственно говоря, не нуждается в нём⁹². Вскоре польское правительство заявило, что сама идея пакта неосуществима, поскольку Советский Союз не является членом Лиги Наций. Французскому правительству было заявлено, что Польша может присоединиться к Восточному пакту лишь при условии, если к нему присоединится Германия. К тому же Польша заявила, что отказывается принять на себя какие-либо обязательства в отношении Литвы и Чехословакии и что она предпочитает двусторонние договоры⁹³.

Вступление СССР в Лигу Наций. 15 сентября 1934 года по предварительному дипломатическому согласованию тридцать членов Лиги Наций обратились к СССР с приглашением «вступить в Лигу Наций»⁹⁴. До этого, 9 июня 1934 года, были установлены дипломатические отношения СССР с Чехословакией и Румынией, 23 июля 1934 года – с Болгарией и, уже после 17 сентября, – с Албанией. СССР был принят в эту международную организацию, и как великой державе ему предоставили постоянное место в Совете Лиги. Успехи внешней политики СССР были очевидны. Всё большее значение в мировой политике приобретало сближение Советского Союза и Франции, а это могло поставить крест на гитлеровских планах мирового господства. Да и англичане были не в восторге от такого сближения.

Убийство Барту. Фашистские правители Германии решили прибегнуть к своему излюбленному методу, который они широко использовали в политике – террору. По всей Европе прокатилась волна насилия. Не без участия Берлина многие политические деятели европейских государств были смещены или убиты. Был уничтожен румынский премьер Дука, отправлен в отставку и вынужден покинуть родину министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску, выдающаяся личность, действовавшая в целях сохранения независимости и безопасности своей страны⁹⁵. Очень точно, по нашему мнению, раскрывает причины его отставки румынский историк М. Хриску: «Политика коллективной безопасности, проводимая Титулеску, стала считаться „неактуальной“, и возобладала тенденция в пользу ревизии румынской внешней политики по причине роста влияния Германии в Европе»⁹⁶.

Среди тех, кто пал жертвой фашистской политики террора, оказался и французский министр иностранных дел Л. Барту, крупнейший политический деятель Франции в период между эпохой Клемансо и де Голля. Зная, что его жизнь находится под угрозой, он мужественно продолжал проводить свою линию. После войны было доказано, что нити заговора против него тянулись из Берлина, а убийство санкционировал лично Гитлер. Тщательно разработанная злодейская акция «Меч тевтонов» была осуществлена в Марселе 9 октября 1934 г. во время церемонии встречи в порту югославского короля Александра⁹⁷.

Гитлеровцы знали, в кого целили: был уничтожен самый волевой и горячий сторонник идеи коллективной безопасности из числа западных политиков, наделенных властью. Убийство Барту и последовавшая затем очередная смена в составе кабинета министров ослабили ряды сторонников национальной внешней политики Франции. Пост министра иностранных дел перешел к П. Лавалю – одному из наиболее отвратительных предателей своей страны, заслужившему позже прозвище «могильщика Фран-

⁹⁰ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 313; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 185; Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией. С. 166-167.

⁹¹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 314.

⁹² ДВП СССР. Т. 17. С. 482.

⁹³ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 315; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 185-186; Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией. С. 167.

⁹⁴ ДВП СССР. Т. 17. С. 590; см также: Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 193.

⁹⁵ Panait O. Prăbușirea marelui Titulescu. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 5.

⁹⁶ Hriscu M. Demiterea lui Nicolae Titulescu. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 4. P. 73.

⁹⁷ См. Волков В.К. Операция «Тевтонский меч». М., 1966; Hincu D. Terorism la Marsilia. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 10; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 197.

ции» и «честь» всенародной ненависти французов. Так как он носил черную одежду, и лишь галстук был белый, во Франции шутили: «В жизни Лаваль есть лишь одно светлое пятно – это его галстук!».

Лаваль представлял ту часть политической элиты страны, которая находилась на крайне правых, профашистских позициях. Сторонник антисоветского сговора с Германией, он поставил своей задачей похоронить проект Восточного пакта, отказаться от курса на франко-советское сближение и прийти к соглашению с фашистскими государствами. Лаваль выдвинул план гарантийного пакта только трёх стран – Франции, Польши и Германии. Но сила инерции «движения Барту» и позиция французской общественности не позволили ему реализовать этот антинациональный проект.

Советско-французский и советско-чехословацкий договоры. СССР продолжал добиваться начатого ещё при Барту и неустанно предупреждал Запад, что его политика попустительства вооружению Германии может обернуться против него же. Эта мысль была ясно выражена М.М. Литвиновым министру иностранных дел Великобритании Антони Идену[†] 28 марта 1935 г. во время его посещения Москвы: «Выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, Гитлер хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки смогут начать стрелять совсем в другом направлении»⁹⁸. А. Иден понимал это, но не он был главным среди тех, кто принимал решения в английском правительстве. Уже позже он писал в своих мемуарах: «Заключение Восточного пакта могло бы предотвратить гитлеровскую агрессию в отношении Чехословакии и избежать Мюнхена»⁹⁹. За совместное с СССР преграждение пути фашизму выступали также Уинстон Черчилль и Дэвид Ллойд Джордж.

Когда Лаваль стал министром иностранных дел Франции, советская дипломатия продолжала вести с ним переговоры о коллективной безопасности. Но уже в первой беседе с советскими представителями он цинично заявил, что не будет скрывать своего намерения добиться франко-германского сближения и соглашения¹⁰⁰. Он хвастал, что из всех политиков Франции он больше всех сделал для сближения с немцами. После войны его «заслуги» были по достоинству оценены другим галстуком, правда, не совсем белым – он был повешен как изменник.

Но тогда, в 1934 году, он открыто заявил советскому полпреду, что соглашение с Москвой – это только обходной путь к соглашению с Берлином¹⁰¹. С одной стороны, цель Лаваль состояла в том, чтобы, запугивая Гитлера сближением с СССР, добиться антисоветской сделки с ним на выгодных для французских правых условиях. С другой стороны, эти круги не могли не считаться с огромной популярностью идеи коллективной безопасности в народных массах Франции.

Весной 1935 г. переговоры о заключении договора о взаимной помощи вступили в практическую стадию. Французская сторона предложила включить в текст оговорку, согласно которой выполнение договорных обязательств подчинялось решению на сей счёт Совета Лиги Наций. Это сводило на нет любые обязательства о взаимной помощи. Забегая вперед, следует отметить, что и во время англо-франко-советских переговоров 1939 г. британская дипломатия предлагала подобный механизм взаимопомощи.

Лаваль получил советский проект 15 апреля, и в ходе переговоров был достигнут компромисс. Советско-французский договор о взаимной помощи против агрессии был подписан в Париже 2 мая 1935 года¹⁰² и обязывал обе стороны в случае неспровоцированного нападения взаимно оказать друг другу немедленную помощь и поддержку. Обязательства договора имели безусловный характер. 13-15 мая Лаваль совершил визит в Москву, где вёл переговоры со Сталиным и другими советскими руководителями. Обе стороны заявили о своей готовности продолжать усилия по созданию регионального Восточного пакта, но, к сожалению, Лаваль смотрел на эти обязательства, как на «клочок бумаги»¹⁰³.

16 мая 1935 года в Праге был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи, содержащий те же обязательства, что и советско-французский пакт. Но здесь имелась оговорка, что взаимная помощь СССР и Чехословакии может быть осуществлена при условии оказания помощи со стороны Франции¹⁰⁴. Советско-французский и советско-чехословацкий договоры имели в тех условиях большое значение, так как могли стать надежным фундаментом общеевропейской системы коллективной безопасности. Требовалось только честное их выполнение всеми участниками. Они могли предотвратить войну, а в случае её начала вынуждали Гитлера воевать на два фронта.

[†] Примечание научного редактора: Сэр Антони Иден (англ. *Sir Anthony Eden*, 12 июня 1897 – 14 января 1977) британский государственный деятель, консерватор. С отличием окончил факультет восточных языков в Оксфорде. В 1940 – 1945 министр иностранных дел, в 1955 – 1957 премьер-министр Великобритании.

⁹⁸ ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. С. 235.

⁹⁹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 318.

¹⁰⁰ ДВП СССР. Т. 17. С. 647.

¹⁰¹ Ibid. С. 648.

¹⁰² ДВП СССР. Т. 18. С. 309-312; см. также: Системная история международных отношений. Т. 1. С. 268.

¹⁰³ См., на пример: Мацкевич С. Политика Бека. С. 78.

¹⁰⁴ ДВП СССР. Т. 18. С. 336; см. также: Системная история международных отношений. Т. 1. С. 269.

4. Захватнические действия Италии и Германии

Агрессивные планы фашистской Италии. Будучи, подобно Германии и Японии, заинтересованной в вооружённом переделе мира, вступила на путь открытого нарушения мира и фашистская Италия. Намеченная ею программа экспансии содержала широчайшие притязания и распространялась на всё Средиземноморье, Балканы и Дунайский бассейн. Однако во всех этих районах Италия встречала слишком большие препятствия. На Балканы её не пустили англичане и французы, сорвав образование проитальянского балканского блока и содействовав заключению Югославией, Грецией, Румынией и Турцией Балканской Антанты, целью которой было сохранение существующих границ. Гитлеровская Германия была готова поддерживать итальянские замыслы в отношении Средиземноморья и частично Балкан, но в Дунайском бассейне пути итальянской и германской политики совсем разошлись.

Таким образом, итальянская экспансия в Европе имела весьма ограниченные перспективы. Ввиду этого на первое место в своих агрессивных планах Италия стала всё больше выдвигать расширение своих колониальных владений в Африке. Захваченные ранее Ливия, Сомали и Эритрея приносили метрополии незначительную выгоду. Наибольшее значение эти три колонии имели как военно-стратегические плацдармы для дальнейшей экспансии в сторону Туниса, Египта и Эфиопии. Захват Туниса и Египта, принадлежащих Франции и Англии, являлся для итальянских фашистов несбыточной мечтой. Но попытаться овладеть Эфиопией Италия могла.

Подготовка к агрессии против Эфиопии. Эфиопия представляла собой слабо развитое феодальное государство с населением около 10 млн человек. Её захват создал бы для Италии возможность связать свои колонии в Восточной Африке в единый массив. Итальянские владения стали бы плацдармом, направленным против английских колоний в Африке, клином разъединяющим англо-египетский Судан и Британскую Сомали, угрозой важнейшим Средиземноморским коммуникациям Англии и с севера нависли бы над английской колонией Кения.

В начале 30-х годов начинается непосредственная подготовка к нападению на Эфиопию. В трёх африканских колониях Италии сосредотачивались войска, строились и реконструировались морские порты, аэродромы, военные базы, к эфиопским границам прокладывались шоссейные дороги. За три года в метрополии и колониях были развернуты вооружённые силы в 1,3 млн человек. Для перевозки экспедиционной армии было подготовлено, зафрахтовано и закуплено более 155 морских судов общим тоннажем около 1,25 млн тонн¹⁰⁵.

Для ведения войны Италия резко увеличила закупки в США вооружения, самолетов, авиамоторов, запасных частей, нефти, сырья и других товаров. Англия расширила поставки Италии угля, никеля и прочих стратегических материалов. Германия в 1935 году продала Италии угля в четыре, а машин – в два раза больше, чем в 1934 году. Французские заводы Рено поставляли для итальянской армии танки; импорт автомобилей в итальянские колонии возрос в 20 раз¹⁰⁶.

Тем временем на границах Эфиопии провоцировались инциденты. Серьёзный конфликт произошёл 5 декабря 1934 года у оазиса Уал-Уал в эфиопской провинции Огаден на расстоянии более 100 км от Итальянского Сомали. Атаковав отряд эфиопских войск, итальянцы применили авиацию, танки и артиллерию. Были десятки убитых и раненых. Правительство негуса Хайле Селассие I обратилось в Лигу Наций, членом которой являлась и Эфиопия, с просьбой предотвратить итальянскую агрессию.

Лишь спустя 9 месяцев после событий в Уал-Уал Совет Лиги Наций приступил к обсуждению итало-эфиопского конфликта. Но все свелось лишь к говорильне, что и развязало руки Муссолини, который заканчивал последние приготовления к войне.

Фашистские государства всё больше захватывали инициативу в международных отношениях. Это давало им значительные преимущества в осуществлении агрессивных замыслов. Германию вполне устраивало, что экспансия Италии нацелена на юг и, следовательно, её внимание к Центральной и Юго-Восточной Европе, где немецкие интересы сталкивались с итальянскими, надолго будет отвлечено. К тому же, общественное мнение западных стран, считали в Берлине, неизбежно будет приковано к итальянской агрессии в Африке, а это на руку германским фашистам.

Отношение Запада к итальянским приготовлениям¹⁰⁷. Создавшуюся ситуацию стремилась использовать и Франция, которая намеревалась за счёт Эфиопии укрепить отношения с Италией, не допустить её сближения с Германией и руками итальянцев добиться ослабления позиций Англии в государствах Азии и Африки. В начале января 1935 года премьер-министр Франции П. Лаваль встретился с Муссолини в Риме. 7 января было достигнуто соглашение об изменении франко-итальянской границы в Африке. Франция пошла на значительные уступки, передав Италии 20% акций железной дороги Джи-

¹⁰⁵ История второй мировой войны. Т. 2. М., 1974. С. 12.

¹⁰⁶ Вобликов Д. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860-1960. М., 1961. С. 66-67.

¹⁰⁷ См.: Севостьянов Г.Н. Москва, Вашингтон и итало-эфиопская война. По новым документам. // ННИ, 1999, № 3, 4.

бути* – Аддис-Абеба, 800 км² на границе Итальянской Эритреи напротив Баб-эль-Мандебского пролива** и 125 тыс. км² территории, прилегающей к южной границе с Ливией, а также были продлены до 1965 года льготы итальянских поселенцев в Тунисе. Италия отказалась от экспансии в сторону озера Чад и Экваториальной Африки, т.е. районов французского влияния. Позднее Лаваль хвастал, что он подарил Муссолини Эфиопию¹⁰⁸.

Результаты секретных переговоров Лаваль с Муссолини были доведены до сведения Лондона. Форин Оффис дал понять, что если не будут затронуты британские интересы в отношении озера Тана и реки Голубой Нил, Англия не намерена противодействовать итальянской агрессии. На вопрос Муссолини, как Англия отнесется к факту вторжения его армии в Эфиопию, Макдональд ответил: «Англия – леди. Женщинам нравятся активно-наступательные действия мужчин, но при условии соблюдения секретности. Поэтому действуйте тактично, а мы не будем возражать»¹⁰⁹.

Политику фактического попустительства итальянскому агрессору проводили и США. 31 августа 1935 года Рузвельт подписал закон о нейтралитете, запрещающий вывоз оружия и военных материалов в воюющие страны¹¹⁰. Это означало, что захватчик, не столь зависящий от их ввоза, получал реальное преимущество перед жертвой агрессии. Таким образом правящие круги Англии, Франции и США де-факто взяли курс на поощрение агрессии итальянского фашизма.

Здесь необходимо сделать небольшое отклонение от изложения дальнейших событий и вернуться к американскому закону о нейтралитете, действовавшему с 1935-го по 1941 год и имевшему немаловажное значение для всей предвоенной международной ситуации. Его принятию в немалой степени способствовало всеобщее разочарование американской общественности итогами участия США в первой мировой войне и ответственность крупнейших корпораций за вовлечение страны в войну.

Принятие законодательства о нейтралитете, как первоначально полагали демократические и либеральные элементы, должно было уменьшить вероятность вовлечения в войну в угоду частным интересам, не соответствующим интересам нации в целом. Упор на приоритет национальных интересов имел положительное значение. Однако, как часто бывает, благими намерениями вымощена дорога в ад. В условиях, когда в Европе и на Дальнем Востоке уже существовали очаги новой мировой войны и началось наступление фашизма, становилось очевидным, что именно национальные интересы США требовали их участия в создании системы коллективной безопасности. Уберечься от войны можно было только в том случае, если бы удалось помешать её возникновению где-либо в мире. Нейтралитет же вёл к обособлению США, тогда как для предотвращения войны как раз требовались коллективные усилия.

Нейтралитет, провозглашенный, когда существовала реальная возможность общими усилиями государств остановить начавшееся широкое наступление агрессоров, означал отказ правых кругов США от международного сотрудничества во имя мира. В американской историографии распространено мнение, что законы о нейтралитете «способствовали тому, чтобы сделать войну ещё более неизбежной. Руководители стран „оси“, люди, не отличавшиеся осторожностью и благоразумием, без труда убедили себя, что Соединённые Штаты останутся в стороне, в то время, как они будут перекраивать карты Европы и Азии»¹¹¹. Объективно американский нейтралитет содействовал агрессорам, и те круги США, которые хотели толкнуть Гитлера на Восток, использовали данное законодательство с этой целью. Рузвельт, будучи, в принципе, против закона о нейтралитете, до середины 1937 г. считал его вполне приемлемым.

Агрессия и позиция великих держав¹¹². Но вернёмся к нашему вопросу. В ночь на 3 октября 1935 г. внезапно, без объявления войны, итальянские войска вторглись с трёх сторон в Эфиопию, рассчитывая, применив современное вооружение и новые методы борьбы, в короткий срок разделаться со своей жертвой. Страх за судьбу своих колоний в Индии и Африке заставил Англию принять меры предосторожности. Она подтянула в район Средиземного и Красного морей крупные военно-морские и воздушные силы. В Средиземном море находились 7 линкоров, 3 авианосца, 25 крейсеров, 65 эсминцев, 15 подводных лодок, около 450 самолетов¹¹³.

Итальянцы, не сумев с ходу захватить Эфиопию, стали увеличивать брошенные против неё силы. Сосредоточение большой массы итальянских войск, боевой техники, оружия, снаряжения, ГСМ, доставлявшихся в Восточную Африку морским путём на протяжении многих месяцев, стало возможным вследствие попустительства большинства членов Лиги Наций, которая ничего не сделала для предот-

* Французский порт на побережье Аденского залива.

** Указанный пролив соединяет Красное море с Индийским океаном.

¹⁰⁸ См.: История второй мировой войны. Т. 2. С. 13; Всемирная история. Т. 9. С. 321; История дипломатии. Т. 3. С. 617; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 307-308.

¹⁰⁹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 13-14; История дипломатии. Т. 3. С. 618.

¹¹⁰ См: История США. Т. 3. С. 298.

¹¹¹ Ibid. С. 299.

¹¹² Sandache Ș. Războiul din Etiopia. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2; Нольфо Э.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 208-219.

¹¹³ История второй мировой войны. Т. 2. С. 15.

вращения войны. Хотя формально, 7 октября 1935 года Совет Лиги Наций признал Италию агрессором. 11 октября Ассамблея Лиги постановила применить против Италии экономические и финансовые санкции, запрещавшие экспорт в Италию оружия и некоторых видов сырья (каучук, свинец, олово, хром), прекратить импорт итальянских товаров и воздержаться от предоставления Италии займов и коммерческих кредитов¹¹⁴.

Такие ограниченные меры не могли оказать решающего воздействия на ход событий, тем более, что Италия заблаговременно создала запасы стратегического сырья и, кроме того, продолжала пользоваться помощью государств, не принявших участия в санкциях. В этой связи С. Мацкевич отмечал, что «против Италии начали применять санкции, которые основывались главным образом на том, что в Италию нельзя посылать зонтики и дамские шляпки. Во всяком случае, не запретили отправлять бензин, не закрыли Суэц. Санкции Лиги наций помогли несчастному негусу как мёртвому кадилу»¹¹⁵.

5 октября 1935 года Белый дом запретил ввоз оружия в Италию и Эфиопию. Нетрудно догадаться, что это решение наносило удар не по агрессору, который вряд ли остро нуждался в приобретении вооружения за рубежом, а по жертве агрессии – Эфиопии, не располагавшей военной промышленностью и испытывающей острую нехватку в оружии. В то же время запрет не распространялся на торговлю стратегическими материалами, что больше всего соответствовало интересам агрессора.

Отказ США, Германии, Австрии, Венгрии от участия в санкциях и нежелание Англии и Франции проводить их в жизнь создали для Италии благоприятные условия, ибо в её импорте эти государства играли главную роль. США поставляли Италии 72% парафина, 60% хлопка, 40% чугунного лома, 27% машинного оборудования и стального лома, 26% никеля. Германия давала 40% угля, 25% проката, 11% железа и стали, 7% никеля. Доля Австрии в итальянском импорте составляла 28% леса, 23% спецстали, 12% железа и стали. Венгрия являлась важным поставщиком продовольствия¹¹⁶.

Стремясь, чтобы санкции были наиболее эффективными, СССР предложил запретить ввоз нефти в Италию. Это предложение поддержали 9 государств – членов Лиги Наций, поставлявших в Италию большую часть потребляемой ею нефти. Такие меры могли оказать решающее воздействие на события в Эфиопии. В Риме забили тревогу. Муссолини обратился к Лавалю с просьбой не допустить применения нефтяных санкций, которые поставили бы Италию в безвыходное положение.

Английское правительство выразило опасение, что если Лига Наций решит ввести эмбарго на экспорт нефти в Италию, то США увеличат ввоз нефти в эту страну и английские нефтяные компании утратят итальянский рынок. Корыстные интересы большого бизнеса победили. Англия и Франция могли бы провести ещё одну действенную санкцию против Италии – закрыть Суэцкий канал и отрезать фашистскую армию в Африке от её баз. Но они не пожелали сделать это. Более того, французские власти в Джибути задержали купленное Эфиопией оружие, а французская администрация железной дороги Джибути – Аддис-Абеба отказалась его перевозить.

Большинство членов Лиги Наций лишь на словах соглашались с необходимостью порвать с Италией экономические отношения, на деле продолжая снабжать её военно-стратегическими материалами и особенно нефтью, которая имела первостепенное значение для исхода эфиопской кампании. Так, экспорт нефти из США увеличился в 2,5-3 раза¹¹⁷. Государственный секретарь США К. Хэлл впоследствии признавал, что, «если бы были применены тотальные санкции, Муссолини был бы тотчас остановлен»¹¹⁸.

Англия и Франция, вступив в тайный сговор, с ведома Муссолини, разработали план раздела Эфиопии. 9 декабря 1935 года Лаваль и министр иностранных дел Великобритании С. Хор договорились позволить Италии аннексировать значительную часть территории Эфиопии. Абиссинию же предлагалось компенсировать полосой на юге Эритреи с выходом к морю¹¹⁹ – «коридором для верблюдов», как называли эту полосу журналисты. Этот план попал в печать и вызвал бурю возмущения во всех странах. Хор был вынужден подать в отставку. Через месяц подало в отставку и правительство Лавалья. Но политика этих двух стран в итало-эфиопском конфликте не изменилась.

Из великих держав только СССР открыто воспротивился итальянской агрессии против Эфиопии. В ноте от 22.11.35 г. правительству Италии Советское правительство осудило агрессию против Эфиопии¹²⁰. В беседе с С. Хором советский полпред в Лондоне 06.11.35 подчёркивал большое значение санкций в деле пресечения новых актов агрессии. «Италия, – говорил он, – является агрессором, но этот агрессор сравнительно слабый и не очень опасный для Европы. В той же Европе есть другие кандидаты

¹¹⁴ Ibid. С. 16; Всемирная история. Т. 9. С. 325; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 320; История дипломатии. Т. 3. С. 620.

¹¹⁵ Мацкевич С. Политика Бека. С. 91.

¹¹⁶ История второй мировой войны. Т. 2. С. 16.

¹¹⁷ Ibid. С. 17; История дипломатии. Т. 3. С. 619; История США. Т. 3. С. 300.

¹¹⁸ История дипломатии. Т. 3. С. 620; История второй мировой войны. Т. 2. С. 17.

¹¹⁹ Всемирная история. Т. 9. С. 325-326; История второй мировой войны. Т. 2. С. 17; История дипломатии. Т. 3. С. 621; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 321.

¹²⁰ ДВП СССР. Т. 18. С. 561.

в агрессоры, гораздо более сильные и опасные. Мы считаем чрезвычайно важным, чтобы на примере Италии был дан урок всем возможным агрессорам вообще. Решённые сейчас санкции должны явиться предостережением всякому будущему агрессору»¹²¹. Но в этом и была вся суть политики западных держав – они не желали создавать прецедента. Безнаказанность итальянского агрессора имела далеко идущие последствия, она приободрила и другие агрессивные государства, в первую очередь Германию, как бы говоря: если разрешено Италии, разрешено и нам. В этом был главный порок политики «невмешательства», так как объективно она привела к росту международной напряженности.

Тем временем итальянские войска продолжали наступление и пошли на чудовищное преступление – против мирного населения и эфиопской армии были применены иприт, огнеметные средства и разрывные пули. Опираясь на численное превосходство, преимущество в технике и вооружении, используя преступные методы ведения войны, итальянские захватчики 5 мая 1936 года овладели столицей страны Аддис-Абебой. После этого западные державы одна за другой стали отказываться от применения санкций против Италии. Первой это сделала Англия. Лига Наций расписалась в своём полном бессилии, а главное – в нежелании обуздать агрессора¹²². Голос Советского Союза звучал одиноко в стенах Лиги Наций. Характерное признание сделал А. Иден позже: «Это мы превратили Муссолини в значительную силу»¹²³.

Итоги ликвидации независимости Эфиопии. Итало-эфиопская война привела к дальнейшему обострению противоречий между великими державами. Упрочившись в Эфиопии, итальянские фашисты возобновили свои притязания на соседние французские колониальные владения, что привело к прерыву их временного сближения с Францией и показало необоснованность расчетов французских правительственных кругов на «умиротворение» Италии. Ещё в большей степени захват Эфиопии усилил угрозу африканским колониям Англии. Под удар были поставлены британские имперские коммуникации в Красном море.

Кроме того, итало-эфиопская война содействовала сближению двух фашистских государств – Италии и Германии, что проявилось уже в 1936 году в их совместной интервенции против республиканской Испании. Это сближение осуществлялось на основе возрастающего подчинения политики Италии интересам германского фашизма. Италия полностью отказалась от противодействия германским планам в Австрии, на Балканах, в Дунайском бассейне. Это была плата за германскую экономическую и политическую поддержку итальянской агрессии в Африке.

Оккупация демилитаризованной Рейнской зоны. Война в Эфиопии и попустительство агрессору со стороны Запада положили начало новому этапу предвоенной истории. Английский военный историк и теоретик Б. Лиддел Гарт отмечал, что создавшееся положение «побудило Гитлера к новому вызывающему шагу в марте 1936 года»¹²⁴.

Безнаказанная агрессия Италии в Эфиопии и предыдущая политика гитлеровцев дали основание сделать вывод, что наступила удобная пора для прямого нарушения Версальского и Локарнского договоров и осуществления захватнических планов в Европе. Первым актом предусматривался неожиданный и одновременный ввод более чем 30-тысячной немецкой армии в Рейнскую демилитаризованную зону. Маскировочным прикрытием замышляемой авантюры стал тезис, будто франко-советский пакт несовместим с духом локарнских соглашений и угрожает Германии. Гитлер заявил: «Москву нужно подвергнуть карантину»¹²⁵. Абсурдность измышления гитлеровцев была очевидной, поскольку ни Франция, ни СССР никаких территориальных претензий к Германии не имели, а их договор о взаимопомощи предусматривал только ответные действия против агрессии. Задуманная фашистами акция была связана с огромным риском для них. Впоследствии Йодль признавал: «У нас было беспокойное чувство игрока, поставившего на карту всю свою карьеру»¹²⁶.

Агрессивный акт милитаристской Германии в Европе подготавливался в тесном контакте с фашистской Италией. 25 февраля 1936 года между ними было заключено соглашение о мерах борьбы против советско-французского пакта и об общей линии политики в отношении Локарнского договора¹²⁷. Вторжение германских войск в Рейнскую зону должно было отвлечь внимание Запада и на неопределённое

¹²¹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 323-324.

¹²² См.: Наумов А. В Женеве всё рушится. Лига Наций, СССР и кризис Версальской системы. // Родина, 2011, № 6.

Уже упомянутый выше, известный в межвоенное время польский публицист консервативного толка Станислав Мацкевич (председатель «правительства» Польши в изгнании в 1954-1955 годах) писал в связи с этим, что «Лига Наций – это всего лишь псевдоним сотрудничества Англии и Франции с целью проведения общей политики» в отношении Германии. «Её полноправными хозяевами были Англия и Франция». // Мацкевич С. Политика Бека. С. 23, 89.

¹²³ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 322.

¹²⁴ История второй мировой войны. Т. 2. С. 19.

¹²⁵ Ibid.; История дипломатии. Т. 3. С. 625.

¹²⁶ История второй мировой войны. Т. 2. С. 19.

¹²⁷ Ibid. С. 19-20.

время отложить вопрос о нефтяных санкциях против Италии, позволив ей без помех завершить заключительные операции в Эфиопии. Одновременно продолжение итало-эфиопской войны отвлекало внимание западноевропейской общественности от Центральной Европы. По просьбе Муссолини Гитлер перенёс дату наступления на неделю раньше.

7 марта 1936 года немецко-фашистские батальоны вторглись в Рейнскую демилитаризованную зону и заняли её, не встретив отпора. Неожиданный успех окрылил агрессора, германские войска вышли на Французскую границу¹²⁸. Французское правительство реагировало на эту акцию лишь словесно. Но «всё это были пустые слова и размахивание руками перед лицом свершившегося факта», – писал Шарль де Голль¹²⁹. Вместо того, чтобы заставить гитлеровскую Германию отвести свои войска из демилитаризованной зоны, французское правительство встало на выгодный для агрессора путь бесчисленных консультаций, совещаний и конференций. Английское правительство обратилось к Франции с советом «пождать принимать какие-либо меры». Болдуин сказал французскому премьеру Фландену: «Если есть хотя бы один шанс из ста, что ваша полицейская акция приведет к войне, я не имею никакого права втягивать Англию»¹³⁰.

Торжествующий Гитлер поспешил заявить: «Дух Версальского договора уничтожен». И добавил: «В Европе должен возникнуть новый порядок»¹³¹. На восточных границах Франции вновь заблестели штыки вооружённых сил Германского рейха. Система гарантий и союзов, созданных ею, трещала по всем швам. Конечно, германские войска на западной границе, особенно в первое время, не могли помешать Франции предпринять наступление¹³², но психологический эффект от их присутствия был реален.

Ремилитаризация Рейнской зоны разрешила проблему строительства крупных военных сооружений на западе рейха, что, с одной стороны, повышало способность Германии к возможному противоборству с французскими силами, а с другой – позволяло сократить до минимума количество войск, необходимых для удержания фронта против Франции. При этом появлялась реальная возможность не только увеличить наступательную мощь войск, действующих на любом другом направлении, но практически исключалась и неожиданная атака с Запада. Однако самый главный стратегический выигрыш заключался в том, что, укрепившись на западе, фашистская Германия фактически перерезала «линию жизни» между Францией и её союзниками в Восточной и Юго-Восточной Европе, сразу же дестабилизировав обстановку на континенте и создавая в перспективе непосредственную угрозу ряду стран, и, прежде всего, Австрии и Чехословакии.

Ремилитаризация Рейнской зоны привела к важным переменам и в отношении фашистского режима Муссолини к третьему рейху. Она была расценена фашистской верхушкой Италии как весомое доказательство большой силы Германии. Эта акция привела и к важным переоценкам в представлениях политического руководства Германии относительно перспектив ближайшего развития. Оно всё более убеждалось, что со стороны Запада не последует реальных действий для пресечения германской агрессии.

Всё это в совокупности резко ухудшило международную обстановку в Европе. В этом смысле трудно не согласиться с газетой «Известия» от 12 марта 1936 года, констатирующей: «Будучи теперь наиболее современной вооружённой силой западного капиталистического мира и опираясь на 70 млн населения, концентрированную промышленность и невиданную концентрацию государственной власти, третья империя представляет собой мощное империалистическое государство. Оно ещё не готово для вооружённого наступления. Оно имеет много слабых мест – отсутствие стратегического сырья,.. отсутствие достаточно обученных резервов. Но оно уже перестало являться объектом политики и уже не боится восстановления во Франции тенденции к расчленению Германии, а, наоборот, великолепно знает, что Франция его боится»¹³³. Рейнская зона, захваченная фашистской Германией, стала её плацдармом против Франции. «Французы, – писал французский историк М. Бомон, – началом Второй мировой войны считают день 7 марта 1936 г. Именно в этот день была упущена возможность пресечь посягательства Гитлера»¹³⁴.

¹²⁸ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 233-234; Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией. С. 251; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 220-224.

¹²⁹ Голль Ш. Военные мемуары. Т. 1. М., 1957. С. 52.

¹³⁰ Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией. С. 255.

[†] Примечание научного редактора: В июне 1936 г. внешнеполитический комитет английского правительства рассматривал доклад о передаче Германии мандата на колониальные владения. И хотя вывод состоял в том, что «нельзя удовлетворить пожелания Германии в колониальной области», поиски общей с нацистами платформы продолжились. // Соколов В.В. Великобритания на пути ко второй мировой войне. // ННИ, 2009, № 5. С. 71.

¹³¹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 20; История дипломатии. Т. 3. С. 627.

¹³² Гитлер признавался своим ближайшим сподвижникам: «Если бы французы вошли тогда в Рейнскую область, нам пришлось бы убраться оттуда с поджатыми хвостами, потому что военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были недостаточными даже для слабого сопротивления». // Наумов А.О. «Рейнский блеф» Гитлера. Ремилитаризация рейнской области в 1936. // ННИ, 2011, № 2. С. 49.

¹³³ Цит. по: Европа в международных отношениях. С. 242-243.

¹³⁴ Наумов А.О. «Рейнский блеф» Гитлера. Ремилитаризация рейнской области... // ННИ, 2011, № 2. С. 59.

5. Германо-итальянская интервенция в Испанию и политика «невмешательства» западных держав

Планы фашистских государств в Испании. Одной из наиболее крупных и трагических по своим последствиям диверсий фашистских держав и их агентуры против мира явился мятеж генерала Франко в Испании. К лету 1936 года в агрессивных планах фашистов она заняла особое место. Это объяснялось тем, что победа Народного фронта на парламентских выборах 16 февраля в Испании, а затем в мае во Франции стимулировала антифашистскую борьбу народов Европы; начали складываться благоприятные условия для образования международного фронта против угрозы новой мировой войны.

Задолго до интервенции германский и итальянский фашизм завязал тесные связи с испанской реакцией. Германская разведка активно вербовала в Испании шпионов и диверсантов, создавала тайные склады оружия совместно с главарями испанских фашистов, готовила вооружённый мятеж. Фашистские агенты были везде – среди всех слоев населения, в армии, государственном аппарате, частном бизнесе и др. Социальной опорой испанской реакции были в первую очередь помещики, клерикалы, военщина. Германия и Италия, активно поддерживая реакционные силы в подготовке фашистского переворота, в основном делали ставку на военщину. Но, не очень веря в её возможности, генеральные штабы Германии и Италии планировали своё вмешательство во внутренние дела Испании, причём, план проведения операции предусматривал внезапность и быстроту. В марте 1936 года в Берлине побывал генерал Санхурхо, которого прочили в руководители мятежа, и получил заверения в оказании ему всей необходимой помощи.

При совпадении интересов в испанском вопросе, между Германией и Италией, как выше уже указывалось, существовали и противоречия. Как и в случае с Эфиопией, немецкие фашисты рассчитывали, что их партнёр, увязнув в Испании, будет не в состоянии противодействовать захвату Австрии и укреплению позиций Германии в Центральной Европе, придунайской зоне и в странах Балканского п-ва.

Немаловажную роль в планах обоих государств играли военно-стратегические цели. Немцы считали, что если они займут Иберийский полуостров, то смогут «взять Францию в тиски с юга, с тем, чтобы французы узнали, что значит вести войну на два фронта»¹³⁵.

Ещё определеннее это положение было выражено в меморандуме МИД Германии, подготовленном в октябре 1938 года: «Заполнение военного и политического вакуума на Пиренейском полуострове, что уже в значительной степени достигнуто, означает коренное изменение в положении Франции... Связь Франции с её колониальной империей станет проблематичной. Гибралтар потеряет свою цену, свобода прохода английского флота через пролив будет зависеть от Испании, не говоря уже о возможности использовать Пиренейский полуостров для операций подводных лодок, легких морских сил, а также авиации... Европейский конфликт, в котором ось Берлин – Рим будет противостоять Англии и Франции, приобретет совершенно иной вид, если сильная Испания присоединится к оси Берлин – Рим». В немалой степени именно эти стратегические цели требовали «сделать всё возможное, чтобы позволить Франко добиться быстрой победы»¹³⁶.

Утвердившись на Пиренейском полуострове, фашистские державы получали возможность перерезать коммуникации в Средиземноморье и в значительной части Атлантики, от которых зависела Франция, но в ещё большей степени – Англия. Особое место занимала Испания и в экономических планах фашистских держав. Она давала около 45% мировой добычи ртути, более половины пирита, являлась крупным экспортером железной руды, вольфрама, свинца, цинка, калийных солей, серебра и других полезных ископаемых для военной промышленности¹³⁷. Захват этих источников стратегического сырья фашистскими государствами позволял им резко улучшить свои экономические позиции в ущерб потенциальным противникам. Таким образом, политические, экономические и военно-стратегические цели германского и итальянского фашизма толкали эти страны на интервенцию в Испанию. Кроме того, они считали, что интервенция резко ослабит антифашистское движение в Европе.

Начало мятежа. 17 июля 1936 года части, расположенные в испанском Марокко, подняли мятеж против республики¹³⁸. 18 июля радиостанция Соуты передала условный сигнал к началу действий: «Над Испанией безоблачное небо». Большинство гарнизонов Испании присоединилось к мятежникам. В первую неделю из 145-тысячной армии поддержали бунтовщиков 100 тысяч войск, более половины артиллерийских полков и иностранные легионы. Используя внезапность и бездеятельность правительства, мятежники захватили испанское Марокко, Канарские и Балеарские острова (кроме острова Менорка), укрепились в ряде провинций северной и юго-западной Испании. Руководители мятежа рассчитывали в кратчайшие сроки сломить сопротивление верных республике частей и взять власть в свои руки¹³⁹. Им казалось, что в стране нет такой силы, которая сможет им противостоять.

¹³⁵ История второй мировой войны. Т. 2. С. 23.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Овинников Р.С. За кулисами политики «невмешательства». М., 1959. С. 22-23.

¹³⁸ См.: Малай В.В. Начало гражданской войны в Испании в 1936 году и проблема невмешательства. По материалам Архива внешней политики РФ. // ННИ, 2006, № 6.

¹³⁹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 25.

Но на защиту республики встали трудящиеся и остановили фашизм. В упорных боях были разгромлены восставшие гарнизоны в Мадриде, Барселоне, Валенсии, Картахене, Малаге, Бильбао, Сантандере и других городах. Матросы и унтер-офицеры сорвали попытки мятежа на флоте. Верность республике сохранили ВВС. К концу месяца положение мятежников на полуострове стало критическим, и, казалось, ничто не может их спасти.

Гитлеровская интервенция. Но именно в то время, когда военно-фашистский мятеж угасал под мощными ударами народных масс, в испанские события вмешались внешние силы. На помощь пришёл ударный отряд мировой реакции – фашистские державы. 22 июля генерал Франко, принявший на себя командование африканской армией после гибели в автокатастрофе Санхурхо, направил в Берлин и Рим группы офицеров с просьбой о содействии. Через несколько дней Гитлер решил отправить в испанское Марокко транспортные самолеты для переброски франкистских войск на материк. Аналогичное решение принял и Муссолини. 28 июля германские и итальянские самолеты приступили к транспортировке войск Франко через Гибралтарский пролив¹⁴⁰. Возник обширный плацдарм мятежников на юге Испании. 2 августа в территориальные воды Испании вошли соединения германских и итальянских кораблей. Гитлер был уверен, что ни Англия, ни Франция не будут ему противодействовать.

В конце июля в Германии был создан особый штаб «W», на который возлагалась задача переброски в Испанию военной техники, специалистов, а в дальнейшем – и воинских частей. Кроме того, гитлеровцы сформировали морскую эскадру «Нордзее», создавшую «мост» между германскими, португальскими и испанскими портами, захваченными мятежниками. В течение 1936-1939 годов не менее 170 германских судов осуществляли военные перевозки в Испанию¹⁴¹. Фашистские агрессоры прикрывали интервенцию лозунгом «борьбы с большевизмом» и старались убедить правящие круги Запада, что не собираются покушаться на их интересы в Испании.

На первых порах Германия и Италия тщательно маскировали свои агрессивные акции: войска перевозились под видом туристов, коммерсантов, специалистов производства, а вооружение и боеприпасы – под маркой железного лома, сельскохозяйственных машин и удобрений. Для транспортировки грузов фрахтовались суда под флагом нейтральных стран. О размахе помощи франкистам со стороны Германии и Италии свидетельствует тот факт, что военные поставки обошлись этим странам в 1 млрд долларов. За первые два года войны Германия направила генералу Франко 650 самолетов, 200 танков, 700 артиллерийских орудий. Италия – 2 тыс. орудий, 7,5 млн снарядов, 241 тыс. винтовок, 10 тыс. автоматов, 325 млн патронов, 7633 автомашины, 950 танков и бронетранспортеров, 1000 самолетов, 17 тыс. авиабомб, 2 подводные лодки, 4 миноносца¹⁴².

Нарастающий поток германской и итальянской военной техники резко изменил соотношение сил и обеспечил мятежникам в августе-сентябре значительное преимущество над республиканцами, особенно в авиации. С конца октября 1936 года, после официального признания 18 ноября Германией и Италией правительства Франко, интервенция приобрела качественно новый характер. Фашистские государства стали направлять в Испанию свои вооружённые силы. Были брошены в бой авиационные, танковые, зенитные, инженерные и другие немецкие части, входившие в так называемый «легион Кондор», в котором насчитывалось 250 самолетов, в том числе 140 истребителей и 100 бомбардировщиков, 180 танков, сотни противотанковых орудий и другие средства. По подсчетам самих гитлеровцев, стоимость переброски, содержания и обеспечения этого «легиона» с 7 ноября 1936 года по 31 октября 1938 года составила более 190 млн рейхсмарок. Являясь главной ударной силой немецкого фашизма в Испании, он стал крупным учебным центром, где прошли обучение 56 тыс. офицеров и кандидатов в офицеры франкистской армии¹⁴³.

Германия и Италия стремились «пропустить» через испанский фронт как можно больше солдат и офицеров для овладения боевым опытом. В среднем, ежемесячно в бою находилось 10-12 тыс. немцев и 40-45 тыс. итальянцев. Всего за три года войны в Испанию было послано 250 тыс. итальянских, 50 тыс. немецких, 20 тыс. португальских, 10 тыс. марокканских солдат и офицеров¹⁴⁴.

На испанской земле фашисты проверяли принципы своей военной доктрины: варварские бомбардировки и обстрелы городов и селений (Герника), массовые расстрелы мирных граждан, морской разбой, политические и идеологические диверсии. Немецкие фашисты превратили Испанию в огромный полигон, на котором опробовали боевую технику, совершенствовали вооружение и отработывали способы

¹⁴⁰ «В период с 28 июля по 6 августа 1936 года Франко получил большую часть обещанных самолетов и смог завершить уже начавшуюся переброску своих войск на европейский континент». // Дамс Х.Г. Франсиско Франко. Солдат и глава государства. // <http://militera.lib.ru/bio/dahms/05.html>.

¹⁴¹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 25-26.

¹⁴² Ibid. С. 26, 27; Всемирная история. Т. 9. С. 340.

¹⁴³ Уткин А.И. Так пришла война. С. 16-17; История второй мировой войны. Т. 2. С. 26-27; История дипломатии. Т. 3. С. 634; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 234-235.

¹⁴⁴ История второй мировой войны. Т. 2. С. 27; История дипломатии. Т. 3. С. 635; История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 332.

их применения. Летом 1938 года генерал Рейхенау говорил, что «Испания для Германии стала высшей школой войны», более полезной, «чем 10 лет обучения в мирных условиях». «Было бы ошибкой рассматривать войну в Испании как войну второстепенного порядка. Испания научила нас многому, в Испании мы исправили некоторые ошибки нашей военной стратегии... Наша интервенция в Испании позволила нам утвердиться на основных стратегических линиях Франции и Англии. Благодаря нашим позициям в Испании мы находимся в благоприятном положении, господствуя над жизненными пунктами этого стратегического района»¹⁴⁵.

Итало-германская интервенция изменила соотношение сил между врагами и защитниками Испанской республики, стала определяющим фактором военного превосходства франкистов. За всё это, конечно, надо было платить. Вскоре после начала мятежа начался вывоз в Германию природных богатств Испании с территорий, контролируемых мятежниками. Только в течение октября-ноября было вывезено в Германию 10750 т марганца, вольфрама, меди и других ценных металлов. 28 ноября 1936 года фашистская Италия также заключила секретное соглашение с Франко, по которому получала право контроля над экономическими ресурсами Испании и возможность свободно пользоваться её портами, дорогами и т.д.¹⁴⁶

В период марта-июля 1937 года были подписаны три германо-испанских протокола, по которым мятежники обязались заключить торговый договор с Германией, без её согласия не вести экономических переговоров с другими странами, отправлять в рейх сырьё и различные товары для оплаты военных поставок, а также разрешить немецким монополиям разведку и эксплуатацию минеральных ресурсов метрополии и её владений. Вскоре после этого германские компании приобрели концессии на 73 испанских горнорудных предприятия. Стремясь не допустить подобных сделок Франко с Англией, немцы прямо заявили ему, что Германия усилит свою помощь только в том случае, если последний обеспечит её поставками руды. В результате, в 1937 году в Германию было вывезено 1,62 млн тонн железной руды, 926 тыс. тонн сернистого колчедана, 7 тыс. тонн других руд¹⁴⁷.

Политика «невмешательства» западных держав. Правящие круги Англии, Франции и США не могли не осознавать, что итало-германская интервенция против Испании чревата опасными последствиями для их собственных интересов. Но, как и в отношении Эфиопии, они заявили о невмешательстве в испанские дела. Инициаторы этой политики мотивировали необходимость подобного курса тем, что в противном случае война в Испании может перерасти в европейскую. Данный тезис был насквозь фальшивым, т.к. ни в экономическом, ни в военном плане фашистские державы ещё не были готовы к такой войне. «Невмешательство» – одно из проявлений политики «умиротворения» – было вызвано к жизни антикоммунизмом ведущих политических деятелей Запада, их страхом перед «советской революцией» в Испании, победа которой могла усилить революционные тенденции во Франции и других странах. Во франкистах же деловые круги Запада видели гарантов сохранения существующего в Испании строя и неприкосновенности капиталов, вложенных ими в экономику этой страны.

В то же время правительственные круги этих держав учитывали, что вторжение фашистских агрессоров в Испанию создает серьёзную угрозу их колониальным владениям в Африке, ухудшает их военно-стратегические и политические позиции в случае столкновения с Германией и Италией. Поэтому Англия и Франция пытались найти общий язык с мятежниками, договориться с Франко о гарантиях своих капиталовложений в Испании, нейтрализовать проникновение германского и итальянского капитала в испанскую экономику и не допустить окончательного перехода «националистической» Испании на сторону фашистских держав.

Характеризуя позицию правящих кругов Франции, советский полпред Я. Суриц отмечал: «Испанская проблема расколола страну на два лагеря, но даже среди сторонников Франко большинство будет против допущения итальянцев и немцев к пиренейской своей границе. Они строят все свои расчеты (конечно, ложные) на уверенности, что при посредстве Англии, которая также заинтересована в недопущении итальянцев и немцев в Испанию, можно будет легко прибрать к рукам Франко и при помощи „золотого“ и иных ключиков „освободить“ его от германско-итальянской опеки»¹⁴⁸.

Этим, в частности, и объясняются многочисленные попытки Англии и Франции добиться «мирного урегулирования» испанской проблемы путём создания «временного правительства» из представителей республиканцев и франкистов под общим контролем европейских держав. В то же время Великобритания прилагала большие усилия, чтобы установить прямые контакты с правительством Франко. Уже в октябре-ноябре 1936 года она установила с ним торговые отношения, а в начале 1937 года в захваченной мятежниками зоне открылись английские консульства. В ноябре кабинет Чемберлена фактически признал правительство Франко¹⁴⁹.

¹⁴⁵ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 327; История второй мировой войны. Т. 2. С. 27-28.

¹⁴⁶ История дипломатии. Т. 3. С. 634-635.

¹⁴⁷ История второй мировой войны. Т. 2. С. 24, 31.

¹⁴⁸ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 74-75.

¹⁴⁹ Овинников Р.С. За кулисами политики «невмешательства». С. 114-115, 153-154.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что, если бы Англия, Франция и США руководствовались в отношении Испании элементарными нормами международного права, то фашистские державы были бы вынуждены отказать Франко в помощи и республиканское правительство быстро покончило бы с мятежом. Так, из-за политики «невмешательства» Испанская Республика оказалась в кольце экономической блокады.

15 августа 1936 года состоялся обмен правительственными нотами между Англией и Францией. Обе страны обязались запретить экспорт оружия и военных материалов в Испанию и её владения. Осуществление этой политики в международном масштабе было возложено на созданный в сентябре 1936 года Лондонский комитет, состоявший из послов 27 европейских государств, аккредитованных при английском правительстве.

С самого начала, объективно, данная политика носила не только антииспанский, но и антисоветский характер. Эта тенденция усилилась в конце 1937 – начале 1938 года, когда в Англии и Франции к власти пришли сторонники прямого сговора с фашистскими державами – Чемберлен и Даладье. По этому поводу советский полпред в Лондоне И.М. Майский писал: «Чемберлен глубоко враждебен коммунизму и СССР. Ему совершенно не по силам перешагнуть эту вражду ради создания единого фронта миролюбивых держав даже в целях защиты Британской империи. Больше того, он считает, что германский и итальянский фашизм смогут ещё пригодиться английской буржуазии в качестве тарана в борьбе с „коммунистической опасностью“, идущей с востока. Вот почему вся его внешнеполитическая установка базируется не на сопротивлении агрессорам, а на сделке с агрессорами за счёт третьих стран, если возможно, то и за счёт СССР»¹⁵⁰.

В этом контексте показательна характеристика британскому лидеру и его внешнеполитическому курсу, данная германским послом в Лондоне Г. Дирксеном, естественно, защищавшим интересы гитлеровского рейха и оправдывавшим стремление умиротворителей достичь соглашения с Берлином. Но что абсолютно абсурдно, так это его сравнение с Рузвельтом и разговоры о будто бы совершённой им «ошибке» в отношении СССР. По его мнению, Чемберлен «был, бесспорно, выдающимся политиком мирового уровня, и помыслы его были чисты и благородны... В своем отношении к наиболее важным вопросам британской внешней политики, как и в отношении к недавно возникшим авторитарным государствам, Чемберлен руководствовался твердыми и честными идеалами. Он приступил к делу, будучи твердо убежден, что люди поверят ему и пойдут за ним и что им удастся достигнуть *modus vivendi*. Таким образом, он совершил ошибку, которая не становится менее опасной от сознания того, что позднее такую же ошибку совершил и Рузвельт в отношении Советского Союза. Таково было его убеждение, и Чемберлен предпринял все необходимые шаги для его осуществления. Он заменил тех, кто придерживался других взглядов, отличных от его собственных, людьми по своему выбору. Антони Иден и лорд Коэнборн ушли из Форин Оффис. Лорд (впоследствии сэр) Роберт Ванситарт, чьи политические симпатии были слишком недвусмысленными, был изгнан из системы исполнительной власти и ограничен статусом дипломатического советника. Управление Форин Оффисом взял на себя лорд Галифакс. В качестве личного советника новый премьер-министр выбрал сэра Горация Вильсона. Сэр Невилл Гендерсон был назначен послом в Берлин. Но ещё до всех этих перемен Чемберлен уже искал контакта с Гитлером, и контакт этот был установлен лордом Галифаксом на охоте в Берлине в ноябре 1937 г.»¹⁵¹.

Английский дипломат Рж. Томпсон в своих мемуарах описывает пресловутую политику «невмешательства», проводившуюся Англией. В частности, он приводит такой факт: «Для нас в Валенсии казалось нелепым, что контроль над морским побережьем Испании от Малаги в северном направлении был поручен немцам. Их карманный линкор „Дойчланд“ и эсминцы обеспечивали Франко и итальянцев разведывательными данными и направляли на цель их бомбардировщики. На этих кораблях развеивался специальный флаг комитета по „невмешательству“ с соответствующей эмблемой. Мы всегда думали, что тот, кто изобрел эту эмблему, обладал довольно циничным чувством юмора»¹⁵².

Большую активность в проведении политики «невмешательства» проявили США. В январе 1937 года конгресс США принял резолюцию о запрете продажи оружия «воюющим сторонам в Испании». Эмбарго было встречено с нескрываемым удовлетворением как испанскими мятежниками, так и их фашистскими покровителями. Эту политику тогдашний американский посол в республиканской Испании К. Бауэрс назвал «сотрудничеством с державами „оси“ в войне за уничтожение демократии в Испании»¹⁵³. Правительство пыталось запретить американским гражданам отправляться в республиканскую Испанию для борьбы с фашизмом, лишая их паспортов и даже гражданства, но, несмотря на это, 3800 американских добровольцев боролись за дело свободы и демократии, и половина из них отдали свои жизни на испанской земле.

¹⁵⁰ СССР в борьбе за мир... С. 210.

¹⁵¹ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001 (http://militera.lib.ru/research/dirksen_h/index.html).

¹⁵² История дипломатии. Т. 3. С. 636.

¹⁵³ История США. Т. 3. С. 304.

С 1 мая 1937 года вступил в силу новый закон о нейтралитете, на этот раз бессрочный. Он содержал уже имевшееся в раннем законодательстве положение о запрещении экспорта оружия и предоставлении кредитов воюющим странам. Отныне запрещалось также плавание американских граждан на судах воюющих стран даже на их собственный риск. Основным нововведением был пункт о торговле с воюющими странами другими товарами, кроме вооружения, по принципу «кэш энд кэрри», то есть оплатыкупаемых в США товаров наличными и вывоза их на своих судах.

Нетрудно понять, что республиканская Испания не располагала ни валютными средствами, ни океанским флотом, чтобы воспользоваться услугами США. Что же касается франкистов, то с помощью Германии и Италии им фактически были предоставлены весьма благоприятные возможности для ввоза стратегических материалов и военных товаров. Франко на протяжении всего периода гражданской войны регулярно получал нефть и нефтепродукты из США: в 1936 г. – 334 тыс. тонн, в 1937 г. – 420 тыс. тонн, в 1938 г. – 478 тыс. тонн, в 1939 г. – 624 тыс. тонн. Более того, мятежникам «великодушно» осуществляли поставки горючего и в кредит, сумма которого достигла 6 млн долларов¹⁵⁴.

Во Франции в те годы существовало правительство во главе с Л. Блюмом, опиравшееся на Народный фронт. Под напором профашистских кругов Блюм всё более скатывался вправо. По его инициативе французское правительство разорвало торговое соглашение 1935 года, по которому республиканское правительство Испании могло закупать оружие у Франции на сумму в 100 млн франков в год¹⁵⁵. Л. Блюм считал основой своей политики сохранение англо-французского сотрудничества и не смел действовать без согласования своей позиции с руководителями английской политики. «Франция изолирована в Европе и не может действовать без Англии», – говорил Блюм испанскому министру иностранных дел Альваресу дель-Вайо, просившему оказать помощь республиканскому правительству¹⁵⁶. Он должен был любой ценой получить оружие для немедленного вооружения четырёх дивизий. «Победа зависит, – сказал глава республиканского правительства Негрин, напутствуя Альвареса дель-Вайо, – от успеха вашей миссии, ибо единственная надежда быстро получить оружие – это Франция»¹⁵⁷.

Но миссию постигла неудача. События в Испании принимали всё более трагическую окраску.

Отношение СССР к испанским событиям. После того, как политика «невмешательства» превратилась в средство удушения испанской демократии, Советский Союз принял решение в одиночку оказать помощь республиканскому правительству. 7 октября 1936 года советский представитель в Комитете по невмешательству заявил, что его правительство не может считать себя связанным обязательствами, которые не выполняются другими странами¹⁵⁸.

23 октября 1936 года представитель СССР сделал новое заявление в Комитете по невмешательству. В нём говорилось, что Германия и Италия, продолжающие интервенцию в Испанию, превратили соглашение о невмешательстве «в пустую разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать». Исходя из этого, советское правительство заявило, что считает необходимым «вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие вне Испании, каковыми правами и возможностями пользуются теперь все правительства мира, а участникам соглашения предоставить право продавать или не продавать оружие Испании»¹⁵⁹.

С этого момента Москва стала посылать оружие мадридскому правительству. На поддержку республиканцев мобилизовался и Коминтерн. В Испанию стекались антифашисты-добровольцы из 54 стран, были сформированы интернациональные бригады. Всего в Испании, по разным данным, сражалось от 25 до 42 антифашистских добровольческих бригад. Учитывая расстояние между двумя странами, оказание советской помощи было нелегким делом. Усилиями СССР и местных коммунистов была организована также более или менее тайная закупка оружия в других странах. Советское правительство было, таким образом, единственным, открыто выступившим на стороне республики. Всего с октября 1936 по январь 1939 года Советский Союз поставил в Испанию 648 самолетов, танков – 347, броневые автомобили – 60, орудий – 1186, пулеметов – 20648, винтовок – 497813, а также большое количество снарядов, патронов, пороха¹⁶⁰. Были направлены в Испанию около 3 тыс. советских военных специалистов, в том числе Я.К. Берзин, Г.М. Штерн, М.Н. Воронов, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, Р.И. Родимцев, М.С. Шумилов, П.И. Батов и другие. Осенью 1938 года СССР предоставил республиканскому правительству кредит на сумму 85 млн долларов¹⁶¹.

Поражение республиканской Испании. На заключительном этапе войны правящие круги Англии и Франции открыто выступили на стороне фашистских мятежников. В конце января 1939 года Чемберлен и Даладье в ультимативной форме потребовали от правительства республики немедленной капиту-

¹⁵⁴ История дипломатии. Т. 3. С. 636.

¹⁵⁵ Ibid. С. 637; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 273.

¹⁵⁶ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 278.

¹⁵⁷ История дипломатии. Т. 3. С. 638.

¹⁵⁸ ДВП СССР. Т. 19. М., 1974. С. 514.

¹⁵⁹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 330.

¹⁶⁰ Ibid. С. 331.

¹⁶¹ Ibid.

ляции перед Франко. 9 февраля английский крейсер «Девоншир» поддержал вторжение мятежников на остров Менорка. 27 февраля Англия и Франция разорвали дипломатические отношения с республикой и признали правительство Франко.

Политика «невмешательства» значительно подорвала международный фронт антифашистских сил и дала возможность их противникам занять выгодные стратегические позиции для последующих агрессивных акций, непосредственно открывавших путь ко второй мировой войне.

6. Расширение японской экспансии в Китае¹⁶²

Безнаказанный захват Эфиопии, развертывание итало-германской интервенции в Испании послужили для японской военщины вдохновляющими примерами в расширении ею экспансии на Дальнем Востоке. Готовя широкую агрессию против СССР, японские милитаристы старались обеспечить свою страну необходимым для войны промышленным и сельскохозяйственным сырьем, независимо от импорта, а также создать важный стратегический плацдарм на Азиатском материке. Эту задачу они надеялись решить захватом Северного Китая.

В этой части страны было сосредоточено около 35% угольных и 80% железорудных запасов Китая, имелись залежи золота, серы, асбеста, марганцевых руд, выращивались хлопок, пшеница, ячмень, бобы, табак и другие культуры, поставлено производство кож и шерсти. Северный Китай с его 77-миллионным населением мог стать рынком сбыта японских товаров.

Для реализации этой цели в Маньчжурии усиленными темпами строились военные заводы и арсеналы, аэродромы и казармы, прокладывались стратегические коммуникации. Уже к 1937 году общая протяженность железных дорог здесь составляла 8,5 тыс. км, причём, новые дороги прокладывались в основном к советской границе. Количество аэродромов возросло до 43, а посадочных площадок – до 100. Нарастали и вооружённые силы. К 1937 году Квантунская армия насчитывала свыше 400 танков, около 1200 орудий и до 500 самолетов¹⁶³.

За год до нападения на Китай, 7 августа 1936 года, премьер-министр Хирота, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, министр финансов разработали программную декларацию об основных принципах национальной политики. Она предусматривала внедрение Японской империи в Восточную Азию, а также экспансию в район стран Южных морей путём активной дипломатической деятельности и военных усилий на суше и море¹⁶⁴.

Для реализации своих планов японские империалисты нуждались в мощном союзнике, которого нашли в лице гитлеровской Германии. И одна, и другая сторона имела одних и тех же потенциальных противников и рассчитывала на отвлечение части их сил союзником. Это стало главной причиной подписания между двумя странами 25 ноября 1936 года «антикоминтерновского пакта»¹⁶⁵.

7 июля 1937 года японские войска напали на китайский гарнизон, расположенный в 12 км юго-западнее Пекина. Спровоцированный японцами инцидент послужил поводом для начала очередного этапа войны в Китае. Правящие круги Японии рассчитывали и на то, что военно-техническая отсталость Китая, слабость его центрального правительства, которому зачастую не подчинялись местные генералы, обеспечат скорую победу.

Для действий в Китае японцы выделили 12 пехотных дивизий (около 300 тыс. солдат и офицеров), около 1300 самолетов, до 1000 танков и бронемашин, более 1,5 тыс. орудий. Оперативный резерв составляли часть сил Квантунской армии и 7 дивизий, размещённых в метрополии. Для поддержки с моря действий сухопутных войск выделялись большие силы ВМФ¹⁶⁶. Одновременно с наступлением на севере японцы развернули боевые действия в Центральном Китае. После ожесточенных боев 12 ноября они овладели Шанхаем, создали угрозу Нанкину и готовились к высадке в важнейших пунктах Юго-Восточного и Восточного Китая. Уже через месяц был захвачен Нанкин.

В июле 1938 года группировка японских войск нарушила советскую границу в районе озера Хасан, но после двухнедельных ожесточенных боев была наголову разгромлена. Бои у озера Хасан нельзя рассматривать как пограничный инцидент, так как они были запланированы генеральным штабом и санкционированы пятью министрами и императором.

Осенью 1938 года Япония перенесла стратегические усилия на юг Китая, и 22 октября ударом с моря японская армия захватила Гуанчжоу (Кантон). С потерей этого порта Китай оказался изолирован-

¹⁶² См.: История войны на Тихом океане. Т. 2. Японо-китайская война. М., 1957.

¹⁶³ История второй мировой войны. Т. 2. С. 34.

¹⁶⁴ История войны на Тихом океане. Т. 2. С. 340-343.

¹⁶⁵ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 331; Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale. P. 272-273.

¹⁶⁶ Сапожников Б. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937-1941). М., 1970. С. 41-42.

ным от внешнего мира. Японцам удалось захватить огромную территорию Китая с главными промышленными центрами и важнейшие железные дороги страны. Далее они рассчитывали добиться капитуляции гоминьдановского правительства политическими, а не военными средствами. Одновременно с этим японцы прилагали максимум усилий для экономического ограбления захваченных территорий и расширения сырьевой базы для дальнейшей агрессии.

Агрессивные действия японских самураев наносили серьёзный ущерб интересам США, Англии и Франции. С 25 августа 1937 года японский флот блокировал побережье Китая и закрыл устье Янцзы для судов всех государств, авиация бомбила иностранные корабли, концессии и различные американские и английские миссии. Препятствуя деятельности иностранных предпринимателей, японская администрация установила в оккупированных районах контроль над валютой и таможнями. Однако правящие круги Запада надеялись на столкновение Японии с СССР и не предпринимали против неё эффективных мер, ограничиваясь дипломатическими жёсткими.

Несмотря на то, что американские интересы были ущемлены на Дальнем Востоке больше, чем в Европе, США в течение первых двух лет войны, самых тяжелых для Китая, не оказывали ему существенной помощи в борьбе с японскими агрессорами. В то же время американские монополии поставляли в Японию все необходимое для осуществления этой агрессии, а значит и для подготовки «большой войны». Только в 1937 году США экспортировали в Японию более 5,5 млн тонн нефти и станков более чем на 150 млн йен. В 1937-1939 годах они предоставили Японии военные материалы и стратегическое сырьё на сумму 511 млн долларов, что составило 70% всего американского экспорта в эту страну¹⁶⁷. Группа Моргана в 1938 году предоставила японским фирмам заём на сумму 125 млн долларов¹⁶⁸.

Расширению японской агрессии в Китае способствовала и политика Лиги Наций, которая ограничилась лишь резолюцией о «моральной» поддержке Китая. Конференция 19 государств в Брюсселе отклонила советское предложение о применении санкций против Японии. В то же время Германия и Италия снабжали вооружением своего восточного союзника и посылали в японскую армию технических специалистов, авиаинженеров и др.

Как уже отмечалось, главным объектом японской агрессии в Азии был Советский Союз, с которым у японцев не могло быть компромиссов. С конца 1938 года начинается подготовка новой крупномасштабной операции против Монголии и СССР. Обладание Монголией дало бы Японии крупные стратегические выгоды, т.к. с юга ставило под смертельную угрозу все советские коммуникации с Дальним Востоком. Сконцентрировав мощную группу^г, японцы в мае 1939 года перешли монгольскую границу и вышли на р. Халхин-Гол, где через четыре месяца потерпели сокрушительное поражение от Красной Армии под командованием генерала Г.К. Жукова¹⁶⁹. Захватнические планы японских милитаристов рухнули. Разгром японцев на Халхин-Голе, их стратегические неудачи в попытке захватить весь Китай, кризис в отношениях с Германией, вызванный заключением советско-германского пакта о ненападении, явились сдерживающими факторами, временно разъединившими силы агрессоров.

7. Ось Берлин – Рим – Токио

Предпосылки сближения фашистских государств. Осенью 1936 года итальянский министр иностранных дел Чиано посетил Германию. В беседе с ним Гитлер заявил, что если Англия сочтёт, что складывание блока Германии и Италии идет «под знаменем антибольшевизма», то она не только воздержится от выступления против такого блока, но «будет искать средства к соглашению и взаимопониманию» с ним¹⁷⁰.

Совместная интервенция Германии и Италии в Испании ускорила оформление агрессивного военного блока. 25 октября 1936 года в Берлине было подписано соглашение между Германией и Италией¹⁷¹. Агрессоры договорились о разграничении сфер экономической экспансии на Балканах и в Дунайском бассейне, а также о дальнейшей тактике в войне против Испанской Республики. Германия признала захват Италией Эфиопии. Так была создана «ось» Берлин – Рим.

Планируя войну с СССР, как уже отмечалось, японские милитаристы понимали, что Японии одной не удастся одержать победу. Военно-фашистские круги толкали правительство на дальнейшее сближение с Германией. Их стремление найти союзников по антисоветской агрессии совпало с планами гитлеровских лидеров.

¹⁶⁷ Марушкин Б. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937-1939 гг.). М., 1957. С. 35, 53, 96, 109, 153.

¹⁶⁸ История второй мировой войны. Т. 2. С. 36.

^г Примечание научного редактора: К началу августа 1939 года японская группировка у р. Халхин-Гол насчитывала 75 тысяч солдат и офицеров, более 500 орудий, 182 танка, более 300 самолётов.

¹⁶⁹ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 152-178.

¹⁷⁰ История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 330.

¹⁷¹ Михайленко А.В., Михайленко В.И. Новые итальянские дипломатические документы о военнополитическом кризисе накануне второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 4. С. 131.

Гитлер считал, что помощь со стороны Италии недостаточна для Германии в случае столкновения с Англией и Францией. Гитлеровская дипломатия нашла себе партнёра на Дальнем Востоке. Как мы уже отмечали, обе стороны нуждались друг в друге для борьбы с западными странами и СССР. Но в Берлине надеялись, что сближение с Японией, имевшее прежде всего антисоветскую направленность, не вызовет возражений со стороны Англии, Франции и США и даст возможность под флагом антикоммунизма осуществить некоторые захватнические планы Германии.

В феврале 1936 года в Токио произошёл военно-фашистский мятеж. Приход к власти правительства Хироита ускорил наметившееся сближение между Японией и Германией. 25 ноября 1936 года в Берлине был подписан пакт, имевший своей официальной целью сотрудничество Германии и Японии в борьбе против Коммунистического Интернационала и получивший название «Антикоминтерновский пакт»¹⁷².

Пакт состоял из трёх статей и дополнительного протокола. В первой из них обе стороны взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Во второй статье стороны рекомендовали «любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа Коммунистического Интернационала, принять оборонительные меры». Статьей третьей устанавливался срок действия соглашения – пять лет. В дополнительном протоколе стороны брали обязательство принимать необходимые меры и «против лиц, прямо или косвенно, внутри страны или за границей состоящих на службе Коммунистического Интернационала». Тем самым Германия и Япония под предлогом борьбы против Коминтерна стремились вмешиваться во внутренние дела других государств. Будучи открыто направленным против Советского Союза, «антикоминтерновский пакт» в то же время своей антисоветской фразеологией должен был прикрыть мобилизацию сил агрессоров против Англии, Франции и США.

Германия и Япония обязывались не заключать политических соглашений с Москвой, которые противоречили бы духу пакта. Год спустя, в ноябре 1937 года, к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия, таким образом, было достигнуто политическое единство трёх фашистских стран.

Заключение военного пакта между агрессорами. Но «антикоминтерновский пакт» не содержал определенных обязательств военного характера. Поэтому в правящих кругах Германии и Японии возникло стремление консолидировать свои силы посредством заключения военно-политического союза. Такой договор должен был объединить два фашистских государства против СССР и западных держав. Соглашение с Японией, с точки зрения гитлеровской дипломатии, было необходимо и для разрешения существенных японо-германских противоречий, связанных с Китаем. Дело в том, что японские монополии полностью вытеснили германские фирмы с занятых китайских территорий.

Стремясь сохранить свои интересы в Китае и вместе с тем улучшить отношения с Японией, гитлеровцы в феврале 1938 года признали Маньчжоу-Го, а в июле их военные советники были отозваны из гоминьдановской армии. В том же месяце прекратились и поставки оружия Китаю. Острые противоречия вызывали и бывшие германские владения на Тихом океане, ставшие «подмандатными» территориями Японии. Японо-германские переговоры о заключении военно-политического союза начались в январе 1938 года. Их вели Риббентроп и Осима*. Гитлеровский министр убеждал Осиму в необходимости заключения «оборонительного союза, в силу которого договаривающиеся стороны должны безоговорочно вступить в войну с противником, напавшим на одну из договаривающихся сторон»¹⁷³.

Но японское руководство боялось, не закончив военные операции в Китае, ввязываться в войну с Советским Союзом. Оно хотело, прежде всего, урегулировать отношения с Англией, Францией и США. Совет пяти министров поручил Осиме продолжать переговоры. Во время Мюнхенской конференции Гитлер поставил перед Муссолини вопрос об участии в союзном военном договоре с Японией. Дуче дал принципиальное согласие на это. 28 октября 1938 года в Риме состоялось совещание министров иностранных дел Германии и Италии. Муссолини говорил Риббентропу: «Мы должны создать не просто оборонительный союз. В нём нет нужды, так как никто не собирается нападать на тоталитарные державы. Вместо этого мы хотим создать союз для того, чтобы переделать карту мира»¹⁷⁴.

Однако в Риме опасались столкновения с США, так как военный блок трёх держав с участием Японии создавал непосредственную угрозу американским интересам на Тихом океане. Это неминуемо сделало бы США врагом Италии. Между тем итальянская экономика во многом зависела от США, откуда Италия получала крупные займы, сырьё и горючее. В начале февраля 1939 г. в Рим, затем в Берлин прибыла специальная японская миссия. Она потребовала, чтобы договор был направлен только против СССР.

Итальянское правительство использовало новую ситуацию для того, чтобы ускорить заключение двустороннего итало-германского союза. И когда Чиано в конце апреля 1939 г. сообщил Муссолини о

¹⁷² История международных отношений... Т. 1. М., 1967. С. 331; Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale. P. 272-273.

* Японский военный атташе в Берлине.

¹⁷³ История дипломатии. Т. 3. С. 747.

¹⁷⁴ Ibid. С. 747-748.

том, что «японцы настаивают на своих оговорках к трёхстороннему союзу» и что «подписание отложено на неопределенное время», диктатор сказал, что он этому «очень рад»¹⁷⁵. 8 мая было опубликовано официальное коммюнике о решении Чиано и Риббентропа заключить двусторонний союз.

Несмотря на секретный характер японо-германо-итальянских переговоров, в Лондоне получили сведения о них уже в ноябре 1938 г. Однако ничего не было предпринято для недопущения военного союза держав «оси». Линия английской дипломатии была выражена постоянным заместителем министра иностранных дел А. Кадоганом: «Наша позиция должна заключаться скорее в том, чтобы показать себя вообще индифферентными к тому, присоединится или не присоединится Япония к союзу осей»¹⁷⁶. В Форин Оффисе прекрасно знали, что дело обстоит далеко не так, однако тактики не меняли.

О переговорах между Японией и Германией стало известно в начале 1939 года и в США. Но американское правительство не сделало ни одного решительного шага. Хотя следует отметить, что в Вашингтоне стали осознавать опасность для интересов США такого сближения и ошибочность прежнего курса США на «невмешательство». В начале 1939 года президент Рузвельт обратился к Конгрессу с посланием, лейтмотивом которого был рост угрозы безопасности США: «Мы убедились, что... наши законы о нейтралитете могут действовать не совсем правильно и несправедливо – они могут оказать фактическое содействие агрессору и лишить помощи жертву агрессии. Инстинкт самосохранения должен подсказать нам, что мы не можем допустить повторения этого в будущем»¹⁷⁷.

Германия и Италия продолжали настаивать на безоговорочном вступлении Японии в военный союз трёх держав. Премьер Хиранума соглашался, чтобы Японию рассматривали как страну, готовую принять участие в войне Германии и Италии против Англии и Франции. 22 мая 1939 г. союзный договор, получивший название «Стальной пакт», между Германией и Италией был подписан¹⁷⁸. Он обязывал договаривающиеся стороны прийти друг другу на помощь в случае военного конфликта. Германо-итальянский договор о военном союзе сблизил две фашистские державы в целях передела мира и развязывания войны на европейском континенте.

Что касается планов гитлеровцев в отношении Японии, они стремились толкнуть её на юг, поскольку в то время борьба против СССР не входила в их ближайшие задачи. Они хотели переключить внимание англичан, французов и американцев на Японию и тем самым облегчить возможность быстрого разгрома западных держав в Европе.

---

¹⁷⁵ Ibid. С. 749.

¹⁷⁶ Ibid. С. 750.

¹⁷⁷ История США. Т. 3. С. 313.

¹⁷⁸ Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 295-298.

ГЛАВА 6. ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1938-1939 ГОДАХ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НАКАНУНЕ ВОЙНЫ¹

1. Цели и задачи английской, французской и советской дипломатии. Дальнейшие планы германской агрессии

Ситуация в мире за полтора года до войны. 1938 год начинался с плохих предзнаменований: на Дальнем Востоке расширялась японская агрессия, в Испании продолжалась немецко-итальянская интервенция и Республика была в преддверии агонии, ушёл в отставку министр иностранных дел Великобритании А. Иден, сторонник идеи коллективной безопасности, ежедневно возрастала угроза со стороны фашистской Германии и на очереди ликвидации была Австрия. Три агрессивных государства опрокидывали всю систему послевоенного миропорядка, всячески ущемляя интересы Англии, Франции, США, которые делали агрессорам уступку за уступкой. В конечном итоге, в течение 1938 г. фашистская Германия реально стала великой державой, в принципе, способной развязать мировую войну. Почему же неагрессивные страны, обладавшие к тому моменту несравненно большим экономическим, человеческим и военным потенциалом, допустили это, почему не удалось предотвратить её?

Готовясь к захвату других стран, германский фашизм на начальном этапе придавал важнейшее значение реализации этих целей дипломатическими средствами. На внешнеполитический аппарат нацистской Германии была возложена задача предотвратить сотрудничество СССР, Англии и Франции, иначе германская агрессия становилась невозможной. Образование союза этих государств было единственным условием недопущения агрессии. Сторонником такого сближения было Советское правительство, а на Западе за это выступали У. Черчилль, который, по его словам, «в то время настаивал на том, что только заключение франко-англо-русского союза даст надежду сдержать натиск нацистов»², а также Ллойд Джордж, указывавший, «что... победа над Германией может быть решена только большой сухопутной армией. Такая армия имеется лишь у СССР»³, и А. Иден, который «был верным сторонником союза с Францией» и «стремился установить более тесные отношения с Советской Россией»⁴.

Англо-французская политика. Но, к сожалению, правящие круги Англии и Франции, поддержанные Вашингтоном, избрали иной путь. Советский полпред во Франции Суриц писал, что правительство этой страны всё меньше стремится к поддержанию советско-французского договора о взаимной помощи⁵. В беседе с М.М. Литвиновым 6.11.1937 г. министр иностранных дел Франции И. Дельбос не скрывал, что США толкают Францию на соглашение с Германией⁶. С. Уэллес (зам. госсекретаря США) в своих воспоминаниях писал, что политика Вашингтона определялась убеждением, что Германия не начнёт войны против западных держав, пока не уничтожит СССР⁷. Характеризуя политику Н. Чемберлена, Черчилль писал, что «премьер-министр хотел поддерживать хорошие отношения с обоими европейскими диктаторами и считал, что лучший метод – это умиротворение»⁸. В беседе с советским послом в Лондоне И.М. Майским сэр Уинстон говорил о сути позиции «умиротворителей»: «Эти люди рассуждают так: всё равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения – так пусть она лучше выкроит себе империю за счёт государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое. Такие рассуждения, конечно, сплошной идиотизм, но, к сожалению, они ещё пользуются значительной популярностью в известных кругах консервативной партии»⁹.

И. Дельбос отмечал, что «Чемберлен убежден, что нет иного пути и следует договориться с Германией и Италией» и что Англия за то, «чтобы возник конфликт между Германией и СССР»¹⁰. Об этих настроениях были прекрасно осведомлены гитлеровцы. Отмечая это, французский посол в Берлине Франсуа-Понсэ 21.02.1938 г. писал Дельбосу: «Германия делает ставку на Н. Чемберлена. Она усматривает в нём сторонника идеи, согласно которой Англия должна предоставить Германии свободу рук на востоке и юго-востоке Европы... Она рассматривает британского посла в Берлине сэра Невиля Гендерсона как представителя этой политики, за которую поручился сам премьер-министр»¹¹.

¹ См.: Buzatu Gh., Cîrstea M. Diplomatul Tilea stârneşte Europa împotriva lui Hitler. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 2.

² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 126.

³ ДВП СССР. Т. 20. М., 1977. С. 613.

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 109-110.

⁵ ДВП СССР. Т. 20. С. 632, 688, 764-765.

⁶ Ibid. С. 595.

⁷ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 160.

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 109.

⁹ Майский И.М. Кто помогал Гитлеру. М., 1962. С. 55.

¹⁰ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936-1939 гг. М., 1987. С. 134.

¹¹ Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980. С. 123.

В разгар политики умиротворения Муссолини говорил Чиано о премьер-министре Великобритании Чемберлене и других умиротворителях: «Эти люди сделаны не из того теста, что их френсисы дрейки и другие блистательные авантюристы, которые создали империю. Эти – просто утратившие вкус к жизни сыновья многих поколений богачей, они растеряют свою империю»¹².

В политике правящих кругов Германии, наряду со стремлением к уничтожению англо-французского господства в Европе, присутствовала и тенденция к сближению с Англией¹³ за счёт СССР и даже Франции и Италии, что при определенных условиях могло стать основой англо-германского союза. Но этот вариант был маловероятным, т.к., отмечал Гитлер, «для решения германского вопроса может быть только один путь – путь насилия»¹⁴, и эта политика объективно вступала в непримиримое противоречие с коренными интересами Великобритании.

Стремясь к достижению согласия с фашистами, английское правительство направило в Германию лорда Э. Галифакса, который 19.11.1937 г. имел беседу с Гитлером¹⁵. Характеризуя эту встречу, крупнейший английский военный теоретик Лиддел Гарт писал: «Немецкие документы свидетельствуют, что Гитлера особенно „ободрил“ этот визит. Галифакс дал Гитлеру понять, что Англия не будет мешать ему в Восточной Европе»¹⁶.^г Далее Л. Гарт отмечает, что в феврале 1938 г. «Гендерсон посетил Гитлера для конфиденциальной беседы. Фактически она явилась продолжением ноябрьских переговоров фюрера с Галифаксом. Гендерсон подчёркивал, что английское правительство весьма симпатизирует стремлениям Гитлера к „переменам в Европе“ на благо Германии...»¹⁷.

Чтобы не выглядеть тенденциозно, приведём и вывод, который делает Л. Гарт о сути данной политики, и с которым мы абсолютно солидарны: «Как свидетельствуют документы, эти события ускорили действия Гитлера. Он решил, что перед ним открыли „зеленую улицу“, позволяя двигаться на Восток. Это был вполне закономерный вывод»¹⁸. Будучи лично знаком со многими довоенными политиками Англии, Л. Гарт был отлично осведомлен об их настроениях, и в этом смысле его свидетельство приобретает особую значимость: «В английских правящих кругах выдвигалось немало предложений относительно того, чтобы позволить Германии осуществить экспансию в восточном направлении и таким образом отвести опасность от Запада. Эти круги доброжелательно относились к стремлению Гитлера приобрести жизненное пространство и давали ему понять это»¹⁹.

И чтобы добиться своего, «умиротворители» проводили политику изоляции СССР на международной арене, игнорировали все его внешнеполитические предложения, намекая агрессорам, что в будущей схватке с ними Советский Союз будет одинок. И даже если Германия и Япония не смогут полностью уничтожить СССР, то настолько обескровят друг друга, что Западу будет легко выступить в качестве верховного арбитра и навязать свою волю ослабленным сторонам.

Внешнеполитические устремления СССР. Для ясности и полноты картины состояния международных отношений начала 1938 г. следует отметить позицию Москвы, которая до этого момента проводила политику создания системы коллективной безопасности в Европе²⁰. Характеризуя внешнеполитические цели Советского Союза в этот период, видный английский историк и военный теоретик генерал Фуллер отмечал, что «Сталину... мир был необходим для осуществления новой экономической политики»²¹, т.е. для укрепления экономического потенциала страны. Именно поэтому СССР хотел предотвратить войну, именно в этом заключалась суть его задач²². Но этот огромный фактор стабильности в европейских делах западные державы и фашистские государства стремились изолировать и отстранить

¹² Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929 – 1941 годы. М., 2004. С. 193-194.

¹³ См.: Речь Гитлера от 5 ноября 1937 г. перед военно-политическим руководством Германии. // Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973. С. 125, 126-128; Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. Свердловск. 1991. С. 39-44, 64-72.

¹⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. Т. 1. М., 1981 (Далее – Документы и материалы...). С. 29; История второй мировой войны. Т. 2. С. 76.

¹⁵ См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 35-46.

¹⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976. С. 22-23.

^г Примечание научного редактора: Хорошо известно высказывание Галифакса о том, что английское правительство выразило удовлетворение тем фактом, что Гитлер превратил Германию в «бастион Запада против большевизма». Более того, в ноябре 1937 г. в Лондон были приглашены французский премьер К. Шотан и министр иностранных дел И. Дельбос, которым было заявлено, что Англия не поддержит Францию в её обязательствах по отношению к Чехословакии. // Соколов В.В. Великобритания на пути ко второй мировой войне. // ННИ, 2009, № 5. С. 73.

¹⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 23.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. С. 22.

²⁰ См.: История внешней политики СССР. Т. 1. С. 283-337; История второй мировой войны. Т. 1. С. 273-304; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 8-129; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 145-210; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 433-449.

²¹ Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война 1939-1945 гг. М., 1956. С. 42.

²² Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 433-449; 469-484.

от решения европейских проблем, заставить Советский Союз «вариться в собственном соку». Такая политика и привела к мировой катастрофе.

Видение внешнеполитических задач гитлеровским руководством и отношение к ним «умиротворителей». Суть момента накануне событий 1938 г. состояла в стремлении агрессивных государств к переделу мира и установлению в нём пещерного «нового порядка», а с другой стороны – в политике поощрения и «умиротворения» этих последних западными правящими кругами за счёт интересов третьих стран и даже собственных, в надежде на то, что, окрепнув, Гитлер, в конечном итоге, направит удар против СССР.

Однако следовать англо-французскому сценарию Гитлер и не думал. Это прекрасно понимали в Москве, а также такие политики, как У. Черчилль, Ллойд Джордж, А. Иден, Ш. де Голль, П. Рейно и другие, но их мнение мало интересовало чемберленов и галифаксов, это был «глас вопиющего в пустыне». Тот факт, что фашистская Германия не собиралась нападать на СССР, не укрепив свой тыл на Западе, убедительно подтвердили все последующие события. В речи перед высшим военно-политическим руководством рейха 5.11.1937 г. Гитлер отмечал, что «для Германии вопрос стоит так: где можно добиться максимального выигрыша путём минимальных усилий? Германская политика должна иметь в виду двух заклятых врагов – Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом в глазу...»²³. И далее фюрер развил идею их уничтожения²⁴.

Но и в среде самих «умиротворителей» проскальзывали опасения, что эта линия может обернуться бумерангом против Запада. Так, директор политотдела МИДа Франции Массигли писал: «Если..., осуществив свои цели ближайшей экспансии в Центральной Европе, Германия предусмотрительно не ввяжется в конфликт с СССР и повернётся на запад, чтобы реализовать последнюю часть программы ближайших требований..., то следует предположить, что акции по „умиротворению“, даже если они содержат в себе некоторые возможности сохранить мир на ближайшее время, не могут устранить на длительный срок возможности конфликта, и в тот день, когда этот конфликт разразится, они поставят нас в исключительно неблагоприятное положение»²⁵.

Путь «умиротворения» был опасен, в первую очередь, для самих «умиротворителей», и только их слепая ненависть к коммунизму помешала им разглядеть всю пагубность этой политики для собственных стран и народов. И скорее Гитлер использовал их в качестве своего орудия, чем наоборот. Перед решающим столкновением с Западом военно-политическое руководство рейха стремилось максимально использовать антисоветскую позицию его правящих кругов для захвата соседних стран и создания так называемой «срединой Европы», без чего, в принципе, и нападение на Запад было невозможно*. В этом контексте фюрер отмечал в уже известной нам речи от 5.11.1937 г. необходимость предварительного захвата Австрии и Чехословакии²⁶ и то, что «Англия, а также... и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехословакию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решён Германией»²⁷. Далее фашистский рейхсканцлер выразил уверенность, что Англия и Франция не выступят против Германии из-за Австрии и Чехословакии²⁸. Говоря о последующих шагах фашистской Германии, Фуллер писал: «Цель Гитлера... заключалась в завоевании жизненного пространства путём войны с Россией... Перед Гитлером вставала стратегическая проблема: разбить поочерёдно Польшу, Францию и Англию, перед тем как приступить к основной операции»²⁹.

Перспектива политики поощрения фашистских агрессоров была одна – мировая война. Альтернатива – организация системы европейской безопасности, стержнем которой должен был стать англо-франко-советский союз. Во втором случае война становилась невозможной, ведь соотношение сил в этот момент было ещё многократно не в пользу агрессоров. Но из этих предпосылок «умиротворители» делали иные выводы: т.к. Гитлер ещё слаб и не может начать большую войну, следует оберегать его от всяких неожиданностей и взрастить его силы. А когда он достаточно окрепнет, то неизбежно двинется на Восток. На Запад он не пойдёт (наверное, из чувства благодарности к чемберленам), а если и задумает – не сможет преодолеть «линию Мажино», за которой западные демократии смогут отсидеться. Даже через десятилетия поражает близорукость и зашоренность этих людей.

²³ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 125; Документы и материалы... Т. 1. С. 27.

²⁴ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 126-128; Документы и материалы... Т. 1. С. 29-30.

²⁵ Цит. по: Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. С. 178.

* Забегая вперед, следует отметить, что создание «срединой Европы» было необходимым минимумом для нацистов перед столкновением с Западом, но абсолютно недостаточно для движения на Восток. Для этого плана необходимого минимума была значительно выше – захват всей Европы.

²⁶ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 128; Документы и материалы... Т. 1. С. 30.

²⁷ Ibid.

²⁸ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. С. 130; Документы и материалы... Т. 1. С. 30-31.

²⁹ Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война. С. 47.

2. «Аншлюс» Австрии

Шаги по пути ликвидации государственной независимости Австрийской республики. Как уже отмечалось, первыми жертвами нацистов на пути захватов должны были стать Австрия и Чехословакия. Не допусти Запад этого шага, не было бы и последующих. Германия начала форсированную подготовку к вторжению в Австрию. В программе, изложенной в «Майн кампф», аншлюс рассматривался в качестве первоочередной задачи.

7 февраля 1938 года австрийский канцлер Шушниг получил приглашение прибыть в резиденцию Гитлера в Берхтесгадене (Баварские Альпы). Для устрашения австрийского канцлера Кейтель^г в его присутствии доложил фюреру о готовности германской армии к вторжению в Австрию. Гитлер вынудил Шушнига подписать протокол, который фактически предусматривал установление германского контроля над внешней политикой Австрии, легализацию деятельности австрийских национал-социалистов, назначение ряда австрийских нацистов на ключевые правительственные посты. Гитлеровскому агенту Зейсс-Инкварту был предоставлен пост министра внутренних дел и министра безопасности.

На робкую попытку Шушнига напомнить, что за Австрию могут вступить западные страны, фюрер ответил, что с Италией его связывает дружба, Англия и пальцем не пошевелит ради Австрии, противодействия Франции он также не опасается³⁰. После этой встречи Шушниг заявил, что он «десять часов боролся с сумасшедшим»³¹.

Реализация протокола означала бы ликвидацию независимости Австрии. Под давлением масс 9 марта Шушниг объявил, что через три дня назначается плебисцит, который решит будущее Австрии³². Это грозило провалом подготовленного немецкими фашистами захвата Австрии путём «мирной эволюции». Утром 10 марта Гитлер потребовал немедленного осуществления плана «Отто» – вторжения в Австрию. В ответ на опасения военных специалистов фюрер заявил (и, как увидим, не без основания), что ни Англия, ни Франция не поддержат Австрию. Утверждённая 11 марта директива №1 предусматривала проведение операции желательно «в форме мирного вступления»³³. Тем временем Зейсс-Инкварт потребовал отсрочки плебисцита.

Позиция западных держав. Австрийское правительство пыталось найти поддержку у Англии, но получило категорический отказ. 21 февраля член кабинета Дж. Саймон заявил в парламенте, что Великобритания никогда не давала специальной гарантии независимости Австрии. В этом случае он сказал двойную неправду, ибо такие гарантии были даны Англией и Францией в Версальском и Сен-Жерменском договорах и в трёхсторонней англо-франко-итальянской декларации от 17 февраля 1934 г.

Следует особо подчеркнуть, что в Лондоне, Париже и Вашингтоне были заранее осведомлены о гитлеровских планах поглощения Австрии³⁴, но никаких шагов в её защиту не было предпринято³⁵. Более того, гитлеровские заправилы были предупреждены о невмешательстве Запада, в частности – в беседе Галифакса с Риббентропом 10 марта 1938 г. Тогда же Галифакс заявил, что они с Чемберленом полны решимости достигнуть договорённости с Германией³⁶. В этом контексте германский посол Г. Дирксен свидетельствовал, что Гитлер «расценил молчаливую уступчивость Великобритании как согласие на аннексию Австрии, вызвавшую бурю негодования со стороны британского общественного мнения»³⁶. Информирова Гитлера о результатах зондажа позиции Великобритании в «австрийском вопросе», Риббентроп писал: «Я принципиально убежден, что Англия в настоящее время... не предпримет что-либо

^г Примечание научного редактора: Кейтель Вильгельм (Keitel) (1882-1946), генерал-фельдмаршал германской армии, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ). 8 мая 1945 Кейтель в присутствии представителей Советского Союза подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. Во время Нюрнбергского процесса Кейтель признал себя виновным в том, что он выполнял приказы Гитлера. Он был признан виновным в преступлениях против человечности, против мира и в военных преступлениях и приговорен к смертной казни. 16 октября 1946 он был повешен в Нюрнбергской тюрьме. Последними его словами были: «Германия превыше всего!» // См.: Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

³⁰ См.: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 121; Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 365; см. также: Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 247-250.

³¹ Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы. // ННИ, 2006, № 6. С. 63.

³² Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 273.

³³ История второй мировой войны. Т. 2. С. 80.

³⁴ См.: Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. С. 130-131, 132, 133-134, 135, 138, 140; Мельников Ю.М. США и Гитлеровская Германия. 1933-1939 гг. М., 1959. С. 265. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 137; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 162-163 и др.

³⁵ Примечание научного редактора: Очень откровенно в связи с этим высказался в парламенте известный французский политик П.Э. Фланден: «Не будем проявлять героизм ради Австрии, лучше укроемся за нашей линией Мажино». // Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960, С. 246.

³⁶ См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 71, 72.

³⁶ http://militera.lib.ru/research/dirksen_h/index.html.

против этого, а будет оказывать сдерживающее влияние на другие страны»³⁷. После захвата Австрии в западных столицах сделали вид, что «ничего не заметили»³⁸.

Против «надругательства над Австрией»³⁹ выступил Черчилль. Он призвал дать решительный отпор агрессорам, пока была возможность сделать это малыми жертвами. «Через два года, – говорил сэр Уинстон, – германская армия будет значительно больше французской», и все малые страны перейдут на сторону нацистов. Далее он раскрывает стратегическое значение Вены как центра коммуникаций всех стран, входивших в состав Австро-Венгерской империи, и фашистская Германия получила полный контроль над ними. У Германии появилась возможность заблокировать эти коммуникации и, в первую очередь, установить полную экономическую и военную осаду Чехословакии, крупнейшего промышленного центра бывшей Австро-Венгрии⁴⁰.

Чтобы предотвратить падение этого важнейшего звена в обороне Европы, Черчилль выступил с критикой позиции Чемберлена, который был против «создания замкнутых группировок стран, что было бы вредно для дела мира в Европе». Он убедительно доказал, что этот тезис теряет свою ценность, если альтернативой оказывается захват агрессором одной страны за другой. Чтобы не допустить этого, а значит и войны, выход один – англо-франко-советский союз⁴¹. Если безопасность государства требует не отказываться от применения силы в качестве последнего средства, её нужно применить. Если это так, то силу следует применить в наиболее благоприятных для этого условиях. Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и её труднее будет выиграть⁴². Это очень убедительная аргументация в пользу необходимости противостоять нацизму, даже рискуя начать войну, и опровергающая псевдоумиротворителей.

Ликвидация австрийской государственности и её последствия для международной ситуации. 11 марта правительство Австрии капитулировало. На рассвете следующего дня германская армия приступила к оккупации страны. 14 марта Гитлер подписал указ, по которому Австрия объявлялась провинцией рейха. 10 апреля в Австрии проходил референдум. В обстановке разнузданной демагогической пропаганды и террора, а также прямой фальсификации итогов голосования из 4,484 млн бюллетеней 4,453 млн были признаны содержащими ответ «да» за «аншлюс»⁴³.

Не дожидаясь конца комедии с референдумом, западные державы признали захват Австрии свершившимся фактом и преобразовали свои дипломатические представительства в Вене в генеральные консульства⁴⁴. 14 марта Чемберлен, выступая в палате общин, заявил, что английское правительство не имело никаких обязательств перед Австрией⁴⁵. На следующий день он добавил, что не думает, что происшедшие события должны побуждать правительство к изменению его политики; наоборот, последние события укрепили его уверенность в правильности этой политики, и он сожалеет лишь о том, что этот шаг не был осуществлён раньше⁴⁶. Только СССР выступил против ликвидации независимости Альпийской Республики посредством заявления М.М. Литвинова от 17 марта 1938 г.⁴⁷ Текст его с предложением коллективных мер безопасности против дальнейшего расширения агрессии был направлен ряду правительств, но английское и французское его фактически отвергли⁴⁸. Л. Гарт отмечает, что это вызвало «ещё большее удовлетворение Гитлера»⁴⁹ и, конечно же, подстегнуло его к дальнейшим захватам. Ещё 14 марта М.М. Литвинов направил записку в Политбюро ЦК ВКП (б), в которой отмечал: «Захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватый величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»⁵⁰.

³⁷ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 138.

³⁸ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 359; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 163; История второй мировой войны. Т. 2. С. 81.

³⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 125.

⁴⁰ Ibid. С. 125-126.

⁴¹ Ibid. С. 126-128.

⁴² Ibid. С. 146.

⁴³ История второй мировой войны. Т. 2. С. 80.

Данный «референдум» проходил одновременно и в Австрии, и в Германии. В Германии проголосовали «за» – 99,08%, в Австрии – 99,75% принявших в нём участие. // Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы. // ННИ, 2006, № 6. С. 71.

⁴⁴ История второй мировой войны. Т. 2. С. 80.

⁴⁵ Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы. // ННИ, 2006, № 6. С. 70.

⁴⁶ Ibid. С. 71.

⁴⁷ Документы и материалы... Т. 1. С. 78-79; ДВП СССР. Т. 21. М., 1977. С. 128-129.

⁴⁸ См.: Документы по истории мюнхенского сговора. М., 1979 (Далее: Документы по истории... С. 68, 70-71; Документы и материалы... Т. 1. С. 80-82; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 126-127; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 147; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 342.

⁴⁹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 23.

⁵⁰ Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. М., 2010. С. 128 (со ссылкой на АВП РФ).

«Присоединив» Австрию, Германия резко улучшила своё геостратегическое положение, создав угрозу не только экономическим коммуникациям и безопасности Чехословакии, но и другим странам, так как получила прямой выход на Балканы. Австрия стала плацдармом для дальнейших нацистских захватов на юго-востоке Европы. У Германии появилась общая граница с Италией и Венгрией, чего ранее не было. Территория Германии увеличилась на 17%, а население – на 10%, т.е. на 6,7 млн человек. Вся 50-тысячная австрийская армия была включена в состав вермахта. Резко увеличился экономический потенциал рейха⁵¹, возросли его возможности контроля над сырьевыми ресурсами дунайско-балканского региона.

Но ещё опаснее для дела мира оказалось то, что Гитлер обнаглел до крайности. Фюрера колоссально «ободрила та стоворчивость, с которой правительства Англии и Франции восприняли его вторжение в Австрию и включение этой страны в состав рейха»⁵², писал Л. Гарт. Он понял, что не на словах, а на деле ему дан «зеленый свет» для агрессии не где-то в Эфиопии, а в самом центре Европы, вблизи жизненных центров Запада! Гитлер понимал, что всё, что выигрывает он, теряет Запад, и что Запад это тоже понимает. И если ради него жертвуют, то он нужен – сильный и невредимый, для решения более крупных задач, как бы в интересах Запада, по сравнению с которыми «какая-то Австрия» ничего не стоит. Следовательно, «аншлюс» – это аванс для будущих дел и одновременно прецедент, разрешающий дальнейшие «мирные» захваты. Именно так должно было понимать гитлеровское руководство политику правящих кругов Запада, которые если и не прямо, то косвенно указывали: «Мы пошли вам на встречу, теперь пришло время и вам на нас поработать, уничтожив мировой коммунизм»⁵³.

7 ноября 1943 г. Йодль[†] сделал следующее признание: «Австрийский „Аншлюс“ ...привёл не только к достижению нашей старой национальной цели, но также и укрепил нашу боевую силу и значительно улучшил наше стратегическое положение. До этого времени территория Чехословакии вдавалась самым угрожаемым образом прямо в Германию (осиная талия в направлении Франции – территория, которая могла стать воздушной базой для союзников, особенно для России). Теперь Чехословакия сама попала в клещи. Её стратегическое положение стало таким неблагоприятным, что она должна была стать жертвой любой атаки, которая была бы энергично направлена прямо в цель и проведена до того, как могла бы прибыть эффективная помощь с Запада»⁵⁴.

Однако сразу после «аншлюса», вызвавшего большую озабоченность в Праге, немцы лицемерно попытались «успокоить» чехов. 15 марта Геринг заверил чехословацкого посла в Берлине В. Мастного, что у Чехословакии нет повода для беспокойства. Вопрос Австрии – «дело чисто семейное», и Германия не имеет в отношении Чехословакии никаких враждебных намерений, а, наоборот, хочет идти по пути дальнейшего сближения⁵⁵.

Время проходит, а вопросы остаются: как же получилось, что Англия и Франция, будучи богатыми и мощными державами, без сопротивления позволили Германии захватить целое независимое государство, в сохранении которого эти страны должны были быть, казалось, заинтересованными, исходя из интересов своей национальной безопасности. Вот как отвечает на этот вопрос известный английский историк Л. Мосли: «Люди, дрожащие от страха перед Германией в каждой из этих стран, составляли... „правлящие классы“... Во Франции эта клика была полностью заражена коррупцией и пораженчеством; мучимые кошмарами угрозы со стороны нацистской Германии и опасностью коммунизма внутри своей страны, многие из них всё более склонялись к поиску компромисса с Германией в надежде, что с помощью соглашения с национал-социализмом можно будет задуть угрозу красной революции. У этих людей не было веры ни в самих себя, ни в свой народ...»⁵⁶.

Ту же мысль, по сути, высказывает и другой английский историк Дж. Кимхе: «Концепция национал-социалистской Германии как бастиона против русского коммунизма была воспринята значительно шире среди правящих и высших классов Англии и Западной Европы, чем это может предполагать новое поколение спустя тридцать лет. В большинстве случаев не сочувствие или поддержка расовой политики и идей нацистов и фашистов приводили к прощению действий нацистов и к недостаточному противодействию со стороны демократий, короче говоря, к политике умиротворения; они проистекали в большинстве случаев от страха перед распространением русского влияния»⁵⁷. Среди такой публики во

⁵¹ См.: История второй мировой войны. Т. 2. С. 81.

⁵² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 23.

⁵³ Дискуссия советника германского посольства в Англии Э. Кордта с советником британского правительства по вопросам промышленности Г. Вильсоном от 10 марта 1938 г. // Документы и материалы... Т. 1. С. 68-70.

[†] Примечание научного редактора: Альфред Йодль – генерал-полковник, начальник оперативного отдела ОКВ.

⁵⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов... Т. 2. С. 193.

⁵⁵ Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1. С. 27.

⁵⁶ Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. М., 1972. С. 29; аналогично по смыслу см.: Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. М., 1959. С. 115-116.

⁵⁷ Кимхе Дж. Несостоявшаяся битва. М., 1971. С. 165.

Франции очень популярна в то время была мысль «лучше Гитлер, чем Народный фронт!»⁵⁸, а когда Гитлер оккупировал Францию, они стали его лакеями. Следует только добавить к словам Мосли и Кимхе, что правящие классы Запада стремились уничтожить руками Гитлера коммунизм во всемирном масштабе.

Но существует ещё одно обстоятельство, позволяющее лучше разобраться в мотивах принимаемых в то время английскими руководителями решений – это стремление установить контроль над Францией. Подбадривая нацистов, англичане способствовали переходу союзников Франции из числа малых государств Европы в орбиту влияния Германии. Это ослабляло независимую позицию Франции и усиливало влияние на неё Англии, позволяя последней диктовать ей внешнюю политику. В то же время усиление могущества Германии делало Францию ещё более зависимой от английской помощи в случае немецкой агрессии, и осознание этого французами толкало их ещё теснее в объятия англичан.

У Франции, конечно, был выход, делающий её истинно независимой и великой державой, свободной и от тевтонской угрозы, и, тем более, от опеки Альбиона. Это, естественно, союз с Россией. К этому объективно толкали её национальные интересы ещё с момента возникновения в 1870-1871 гг. Германской империи. Но правящие классы, ввиду врожденного антикоммунизма, боялись сближения с Советским Союзом пуще, чем черт ладана, что ещё сильнее толкало Париж в объятия Лондона. Именно этот односторонний союз и привёл Францию к катастрофе 1940 года. Только в союзе с Россией Франция могла быть великой державой⁵⁹, иначе объективно ей следовало плыть во внешнеполитическом фарватере Великобритании. Де-факто перед второй мировой войной Франция перестала быть великой державой.

3. Мюнхенский сговор и его последствия

Претензии Германии к Чехословакии и позиция великих держав. Не прошло и двух месяцев с момента нацистского вторжения в Австрию, как Европа вновь была охвачена тревогой: угроза германского нашествия нависла над Чехословакией. Эта страна привлекала гитлеровцев выгодным стратегическим положением в центре Европы, наличием богатых природных ресурсов и высокоразвитой промышленностью. В начале апреля 1938 г. Гитлер сообщил Муссолини, что приступает к решению проблем Судетской области и «польского коридора», а затем начнёт продвижение в Прибалтику⁶⁰.

Чтобы захватить Чехословакию, фюрер спровоцировал внутренние беспорядки в этом государстве⁶¹: здесь, вдоль границы с Германией, в Судетах, немцы составляли большинство населения (3,5 млн чел.) и среди них нацисты разжигали яростную сепаратистскую кампанию. Как писал в своих мемуарах Г. Дирксен, «28 мая Гитлер собрал самых доверенных людей партии и государства на секретное совещание в Reichskanzlei и сообщил им о своем решении в этом же году покончить с Чехословакией», чтобы «освободить тыл для наступления против Запада»⁶². Первым этапом на этом пути стало требование передачи в состав рейха Судетской области (хотя вначале Гитлер формально выступал лишь против «угнетения чехами» своих немецких соплеменников). Но не о конкретных требованиях Гитлера речь: в чём бы они ни состояли на том или ином этапе кризиса, это было явно больше того, что могло выполнить чехословацкое правительство. А если то или иное требование принималось, то ставка моментально повышалась, чтобы для чехов новое требование было абсолютно неприемлемым и этим кризис не мог быть разрешен, разве только после ликвидации Чехословакии. Отметим лишь, что самую грязную работу за немцев выполняли англичане и французы.

На протяжении весны и лета напряженность в отношениях между Берлином и Прагой нарастала и достигла к осени взрывоопасного уровня. А правительство Чемберлена старалось, прежде всего, угодить нацистам[†]. Своей главной задачей оно считало не допустить оказания Францией помощи Чехосло-

⁵⁸ Верт А. Франция. 1940-1955 годы. М., 1959. С. 53; Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939 – 1945). М., 1965. С. 116.

⁵⁹ Аналогичного мнения придерживались и некоторые реалистично мыслящие политики Запада, например, бывший советник А. Идена в его бытность министром иностранных дел Р. Ванситтарт. // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971. С. 167.

Эту же мысль высказывает и Ш. де Голль в своих мемуарах, в чём мы далее убедимся неоднократно.

⁶⁰ Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1. С. 28.

⁶¹ В это дело был вовлечён абвер (военная разведка во главе с адмиралом Канарисом). // Ibid. С. 29.

⁶² http://militera.lib.ru/research/dirksen_h/index.html; Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945. Исторические очерки, документы и материалы. В 4-х томах. Т. 1. Подготовка ко Второй мировой войне. М., 2005. С. 383.

[†] Примечание научного редактора: «То, что происходит к востоку от Рейна, – лицемерно заявил Чемберлен, – Англию не интересует». // Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960, С. 246.

Документы свидетельствуют, что «план Z», т.е. план выдачи Чехословакии Гитлеру, был подготовлен Чемберленом и тремя его коллегами по кабинету – Э. Галифаксом, Дж. Саймоном и С. Хором. // Соколов В.В. Великобритания на пути ко второй мировой войне. // ННИ, 2009, № 5. С. 73.

вакии, что могло вовлечь Англию в войну с третьим рейхом. А это означало бы крах всей внешнеполитической линии Чемберлена, направленной на достижение соглашения с Германией⁶³. Вот как в этом плане на запрос своего правительства оценивал линию Чемберлена & К⁰ Дирксен: «Я ответил положительно на... вопрос, относительно желания Кабинета предпринимать дальнейшие попытки, направленные на достижение соглашения с Германией... Нынешний Кабинет, резюмировал я, поставил вопрос о достижении взаимопонимания с Германией в ряд наиболее важных пунктов своей программы. Это был первый послевоенный Кабинет, у которого были подобные планы и который демонстрировал по отношению к Германии величайшее понимание, какое когда-либо проявлял какой-либо другой Кабинет. Он продемонстрировал растущее понимание в судетском вопросе и был готов пойти на огромные жертвы с тем, чтобы удовлетворить справедливые германские требования, но при одном условии: что такие требования были бы реализованы мирными средствами»⁶⁴.

В основе такой позиции английских правящих кругов лежал расчет, что, поглотив Чехословакию, фашисты двинутся на Восток. Убедительным подтверждением этому служит такое циничное заявление Чемберлена: «Ни Великобритания, ни Франция ... не стали бы воевать в защиту Чехословакии в случае нападения на неё Германии, и чехословацкое государство не может продолжать существовать в его теперешнем виде»⁶⁵. «Это вообще нереальное государство», – говорил ближайший советник Чемберлена по внешнеполитическим вопросам Г. Вильсон⁶⁶. Почти слово в слово повторил своего шефа Галифакс: «Чехословакия не может существовать в нынешнем виде. Бессмысленно вести войну за объект, существование которого нельзя обеспечить»⁶⁷.

Однако у Чехословакии был пакт о взаимопомощи с Францией и такой же договор с СССР, а Великобритания имела обязательства перед Францией и должна была выступить на стороне последней, если она окажется вовлеченной в войну. «Однако, – пишет Мосли, – чехи для Чемберлена были второсортными людьми. А то, что они были верными союзниками Франции, для Чемберлена имело ещё меньшее значение, поскольку он не слишком много заботился и о французах»⁶⁸. А чтобы не создавать ситуации, когда Англии придётся выполнять свои союзнические обязательства, было решено всеми силами надавить на чехов и заставить их «мирно» капитулировать перед агрессором. Именно такой тактикой «умиротворители» хотели угодить Гитлеру. На этом фоне понятны слова Горация Вильсона, сказавшего, что Чехословакия существует, чтобы создавать затруднения для великих держав⁶⁹.

Выражая суть данной политики, американский посол в Париже Буллит доносил в Вашингтон: «Действия Франции и Англии по отношению к Чехословакии будут основываться на предположении о том, что конечный распад Чехословакии является неизбежным и что лучшее, на что можно надеяться, – это то, что такой распад произойдет без кровопролития и таким образом, чтобы спасти лицо Франции и Англии»⁷⁰. В этом же духе новый министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ, рьяный «умиротворитель», говорил германскому послу Вельчеку, что в отношении Чехословакии Франция заинтересована только в одном – чтобы Германия какими-либо «насиловственными, грубыми действиями не поставила французов перед необходимостью выполнить свои обязательства»⁷¹.

В качестве единственного средства решения чехословацкого вопроса Чемберлен и Боннэ предлагали переговоры с Гитлером и одновременное давление на Прагу с целью уступить его требованиям⁷². Немцы, в свою очередь, требовали у Лондона и Парижа разрыва системы договоров Чехословакии с Францией и СССР⁷³. Это требование поддержал и американский посол в Берлине Вильсон во время своего визита в Прагу в августе 1938 г. в беседе с Э. Бенешем⁷⁴. Боннэ говорил, что в случае, если Чехословакия проявит «неблагоразумие», французское правительство может заявить, что Франция считает себя свободной от своих обязательств⁷⁵. Черчилль писал по этому поводу: «Нужно признать, что если Боннэ искал предлогов для того, чтобы покинуть чехов на произвол судьбы, то его поиски оказались безуспешными»⁷⁶.

⁶³ См.: Документы по истории... С. 41-42, 67-68, 98-99.

⁶⁴ http://militera.lib.ru/research/dirksen_h/index.html.

⁶⁵ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 366.

⁶⁶ Мосли Л. Утраченное время. С. 41.

⁶⁷ Крал В. План зет. М., 1978. С. 178.

⁶⁸ Мосли Л. Утраченное время. С. 61.

⁶⁹ Ibid. С. 41.

⁷⁰ Мельников Ю.М. США и Гитлеровская Германия. С. 282.

⁷¹ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 339; см. также: Мосли Л. Утраченное время. С. 64.

⁷² Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 343; Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. С. 158; Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. С. 92.

⁷³ Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. С. 163-164.

⁷⁴ Мельников Ю.М. США и Гитлеровская Германия. С. 291-292

⁷⁵ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 182-183; Сиполс В.Я. Внешняя политика... С. 167.

⁷⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 136.

Чтобы сломить чехов окончательно, запугать их и заставить капитулировать, началась концентрация немецко-фашистских войск у чехословацких границ. Одновременно гитлеровская агентура, возглавляемая главарем судетских нацистов Генлейном, готовила фашистский путч в приграничных районах. При подготовке агрессии против Чехословакии в Берлине рассчитывали на стремление к территориальным захватам со стороны реакционных правящих кругов Польши, которые также выдвинули свои войска к чешской границе⁷⁷.

Между тем, расчеты гитлеровцев не оправдались. Правительство Бенеша, под напором сильнейшего патриотического подъема своего народа, срочно провело в мае частичную мобилизацию. Войска заняли пограничные укрепления, предотвратив опасность фашистского путча в Судетах и внезапного вторжения гитлеровской армии⁷⁸. Решимость чехословацкого народа защитить свою Родину сорвала замысел агрессора. Этот эпизод убедительно доказывает, что Чехословакия была способна отстоять свою независимость, и для этого требовалась только воля к сопротивлению. Как мы увидим далее, материально-техническое оснащение, боевая подготовка чехословацкой армии, система укрепсооружений, дух народа позволяли Чехословакии даже одной оказывать одновременно Германии и Венгрии сопротивление в течение нескольких месяцев⁷⁹.

Огромное значение для исхода майских событий имела твердая уверенность чехословаков в помощи Советского Союза, решительно поддержавшего Чехословакию⁸⁰. По условиям советско-чехословацкого договора, обязательство СССР об оказании помощи ЧСР вступало в силу только в случае получения последней помощи со стороны Франции. Таким образом, отказ Франции выступить в защиту Чехословакии полностью освобождал Советский Союз от обязательства. Однако Советское правительство и в этом случае готово было прийти на помощь Чехословакии. 26 апреля М.И. Калинин заявил, что «пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»⁸¹. Сталин указал, что «Советский Союз может оказать помощь Чехословакии при одном условии: если сама Чехословакия будет защищаться и попросит советской помощи»⁸².

Но дело в том, что само чехословацкое руководство не желало получения такой помощи. Договор с Советским Союзом президент Чехословакии рассматривал не как эффективное средство обеспечения независимости страны, а лишь как выгодный козырь в дипломатической борьбе. «Отношения Чехословакии с Россией, – пояснял Бенеш британскому посланнику Ньютону, – всегда были и будут второстепенным фактором, зависящим от Франции и Англии... Если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия также утратит к ней интерес»⁸³. Даже мысль о допуске советских войск на территорию Чехословакии для совместной обороны страны Бенеш считал «ослоумием» и невообразимой глупостью⁸⁴. Вообще в Праге твердо придерживались позиции, что без помощи со стороны Франции помощь СССР будет отвергнута. В беседе с французским послом в Польше Ноэлем Э. Бенеш говорил: «Я хочу сотрудничать с СССР только в той мере, в какой это делает сама Франция»⁸⁵.

Таким образом, Прага смотрела на Париж, Париж – на Лондон, а Лондон... на Берлин. Круг замкнулся: третий рейх задумал сожрать Чехословакию. Чтобы не раздражать немцев (и англичан), французы не соглашались принять советское предложение⁸⁶ о переговорах на уровне генеральных штабов Франции, СССР и Чехословакии⁸⁷.

Париж, вслед за Лондоном, всё больше склонялся к поискам соглашения с Германией, а вернее – к капитуляции перед ней. О сотрудничестве с СССР в деле оказания помощи Чехословакии и не помышляли. В беседе с польским послом Ю. Лукасевичем Боннэ заявил, что «франко-советский пакт является очень „условным“ и французское правительство отнюдь не стремится опираться на него» и, что он «был бы особенно доволен, если бы мог... заявить Советам, что Франция не нуждается в их помощи»⁸⁸. В итоге, Боннэ открытым текстом заявил, что «Франция не будет воевать из-за судетского вопроса... Чехословацкое правительство не должно считать, что если разразится война, то мы будем на его стороне»⁸⁹. также и посол Великобритании Н. Гендерсон 6 августа неофициально проинформировал германский МИД: «Англия не станет рисковать ни единым моряком или лётчиком из-за Чехословакии»⁹⁰.

⁷⁷ История второй мировой войны. Т. 2. С. 83-84.

⁷⁸ Ibid. С. 84; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 179; Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. С. 92.

⁷⁹ См.: Степанов А.С. Перед Мюнхеном. // Военно-исторический журнал (далее: ВИЖ), 1992, № 4-5.

⁸⁰ См.: Документы по истории... С. 53-54, 57, 61, 76, 87, 89, 94.

⁸¹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 84-85; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 343; Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1961. С. 54.

⁸² Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. С. 54.

⁸³ История второй мировой войны. Т. 2. С. 87-88; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 178.

⁸⁴ Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918-1939. М., 1968. С. 171.

⁸⁵ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 178.

⁸⁶ ДВП СССР. Т. 21. С. 470; Документы по истории... С. 206-207.

⁸⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 23; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 179.

⁸⁸ Документы и материалы... Т. 1. С. 104.

⁸⁹ См.: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 183; Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. С. 181, 182.

⁹⁰ Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 284.

Англо-французские «миротворцы» опасались лишь новой попытки Гитлера «разрешить» судетский вопрос силой: неприкрытая агрессия могла вызвать возмущение общественного мнения, что помешало бы дальнейшему проведению политики «умиротворения». Англичане говорили немцам: «Нужна дружная тактика в отношении чехов: не надо выстрелов – душийте»⁹¹.

Помогая фашистам «душить» чехов, английское правительство, по согласованию с Парижем, в конце июля направило в Прагу лорда Ренсимена в качестве «независимого посредника»⁹², фактической задачей которого было заставить чехословацкое правительство принять нацистскую программу расчленения страны. Именно к этому и свелись выводы Ренсимена, представившего меморандум о присоединении Судетской области к рейху. «Чехословакия, – указывал он, – не может существовать в нынешнем виде, и важно что-то сделать, если это даже приведет к необходимости отрезать несколько пальцев»⁹³. Англичане и французы стали откровенно требовать у своего союзника, и следует особо подчеркнуть – самого преданного и боеспособного союзника, чтобы он позволил себя добровольно ампутировать, т.к. в ином случае может обидеться такой хороший человек, как А. Гитлер!

Ухудшение положения в сентябре 1938 года. С начала сентября в Лондоне и Париже вопрос был переведен в плоскость, как именно оформить передачу Германии Судетской области. Чемберлен предпочитал двустороннюю англо-германскую сделку. Но, боясь, что будут обойдены её интересы, этому воспротивилась Франция. Своё участие предлагала и Италия. На праве участия в сделке настаивала и Польша. США поддерживали идею созыва конференции, но сами предпочитали оставаться в стороне. Как видим, в позициях этих стран были расхождения, но в одном все они были едины: СССР в переговорах о судьбе Чехословакии участвовать не должен!

Галифакс сказал 11.09.1938 г., что присоединение к Германии Судетской области – это единственная надежда избежать войны. Он, а также Чемберлен, Дж. Саймон и С. Хор, предложили созыв конференции Англии, Франции, Германии и Италии⁹⁴. Оправдывая эту сделку, Даладьё говорил, что если начнётся война между западными державами и Германией, она принесёт обеим сторонам только ущерб. К концу войны разразится революция, которая распространится на все страны – и победительницы, и побеждённые. «В результате ослабления европейского континента Советский Союз не замедлит бы занести в наши страны мировую революцию»⁹⁵. Очень красноречивое объяснение, всё разъясняющее и не требующее дополнительных комментариев.

Но были и другие мнения. В связи с планами созыва такой конференции главный дипломатический советник британского МИДа Р. Ванситтарт, выступавший против этих планов, представил Галифаксу записку, в которой отмечал, что суть такой конференции в том, чтобы «изгнать Россию из Европы», что «целиком и полностью было на руку Германии». Но такая политика может привести к тому, предупреждал он, что Россия, поставленная в положение изоляции, может пойти на сближение с Германией⁹⁶ (Sic!). Совершенно реалистичный вывод.

Такого же мнения был и посол США в СССР Дж. Дэвис, друг Рузвельта⁹⁷. 12 сентября 1938 г. лидер лейбористской партии К. Эттли на встрече с Чемберленом (по инициативе последнего) настаивал

⁹¹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 90.

⁹² Ibid.; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. С. 343; Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. С. 184; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 370; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 134; Крал В. План зет. С. 146-157; Гаек И. Мюнхен. М., 1960. С. 111-126; Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1. С. 35.

⁹³ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла... С. 370.

В обращении к лорду Ренсимену Муссолини назвал Чехословакию «искусственным образованием Версальской системы». // См.: Михайленко А.В., Михайленко В.И. Новые итальянские дипломатические документы о военно-политическом кризисе накануне второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 4. С. 135.

⁹⁴ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 147; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 174.

⁹⁵ См.: Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. С. 195-196.

⁹⁶ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 174-175.

⁹⁷ Цветков Г.Н. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев. 1973. С. 61-80.

[†] Примечание научного редактора: Джозеф Эдвард Дэвис (англ. Joseph Edward Davies [29 ноября 1876 – 9 мая 1958]). В августе 1936 года был назначен послом в Москву. После нападения нацистской Германии на СССР заявил, что «мир будет удивлен размерами сопротивления, которое окажет Россия». В одной из речей Дэвис сказал: «Среди всех Объединённых Наций не будет более верного, более стойкого в деле поддержания и защиты постоянного мира в свободном свете народа, чем советский народ». Он настоятельно требовал открытия Второго фронта в Европе, входил в состав делегации США на Потсдамской конференции. Джозеф Дэвис повсеместно защищал И.В. Сталина и его политику. Написал книгу «Миссия в Москву» (1942), по которой в 1943 году был снят одноименный фильм. 18 мая 1945 г. Джозеф Дэвис, единственный западный дипломат в истории СССР, был награжден орденом Ленина с формулировкой: «За успешную деятельность, способствующую укреплению дружественных советско-американских отношений и содействовавшую росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран».

на совместной декларации Великобритании, Франции и СССР об оказании помощи Чехословакии в случае германской агрессии. Однако Чемберлен считал такой шаг «нецелесообразным»⁹⁸.

13 сентября, в связи с обострением международного положения в результате провокаций фашистской агентуры в Судетах, на совещании английского премьера со «старшими министрами» было принято решение о срочной поездке премьера в Германию. Это был сверхсекретный «план зет»⁹⁹. Его содержание и суть Чемберлен изложил в письме к Ренсиму. «Я решил, – писал премьер, – сделать неожиданный и драматический шаг, а именно: отправиться в Германию для встречи с германским канцлером. Если Гитлер согласится, а ему отказать будет трудно, я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путём мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются столпами европейского мира и главной опорой против коммунизма и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... Будем обсуждать и другие политические вопросы. Один из них будет касаться, вероятно, системы договоров между Францией, Чехословакией и Россией... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»¹⁰⁰.

В этом небольшом документе выражена суть курса правящих кругов Великобритании – достижение сговора с Германией с целью устранения опасности войны на Западе и канализации немецко-фашистской экспансии на Восток. План преподносился как мирный, хотя все понимали, что он открывает путь войне. Но Чемберлен & К^о питали иллюзии, что сами останутся в стороне от пожара, который уйдет на Восток. И сказано в Святом писании: «Святая наивность!».

Раскрывая причины этой политики, депутат от католической партии Светлик заявил в парламенте Чехословакии: «Англия нас не поддерживает, потому что она боится, что Германия, потерпев поражение в войне, вызовет крах капитала во всём мире»¹⁰¹.

Английский политический деятель и известный историк дипломатии Г. Никольсон писал о своём диалоге с членом правительства О. Стэнли, который говорил: «Видите ли, победим мы или потерпим поражение, это будет конец всего того, что мы отстаиваем». Далее Никольсон поясняет, что «мы» для него – это класс буржуазии¹⁰². Аналогично и мнение заместителя министра иностранных дел Англии О. Харви: «Любая война, завершится она победой или поражением, уничтожит богатые, праздные классы, и поэтому они за мир любой ценой»¹⁰³.

Словами Рузвельта, адресованными лорду Лотиану, можно подвести итог этим настроениям: «Состоятельный класс в Англии настолько боится коммунизма, который на самом деле не представляет никакой угрозы для Англии, что бросился в объятия нацизма»¹⁰⁴.

На съезде нацистов в Нюрнберге в адрес Чехословакии посыпались грубая брань и угрозы. 12 сентября Гитлер потребовал «предъявить судетским немцам право „самостоятельно“ решить свою судьбу», предупредив, что они «не покинуты и не безоружны»¹⁰⁵. По сигналу из Берлина генлейновцы организовали многочисленные инциденты, превратившиеся в массовые выступления пронацистски настроенных судетских немцев. Для предотвращения мятежа чехословацкое правительство было вынуждено применить войска и объявить Судетскую область на военном положении. Генлейн, опасаясь ареста, бежал в Германию.

Чехословацкое правительство предложило представителям судетско-немецкой партии продолжить переговоры. Через Ренсиму генлейновцы выдвинули свои условия: вывести из Судетской области чехословацкие войска, отменить военное положение и передать функции охраны порядка местным органам. Для выполнения этих требований они определили срок – шесть часов.

13 сентября в Лондоне получили тревожную телеграмму от английского посла в Берлине, содержащую предупреждение, что, в случае невыполнения чехословацким правительством ультиматума, вспыхнет война; поэтому «нельзя терять ни минуты». «Если понадобятся оправдания» за «постыдную капитуляцию перед германскими угрозами, то это, безусловно, можно объяснить нашей постоянной приверженностью принципу самоопределения»¹⁰⁶, – предлагал Гендерсон.

⁹⁸ Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1. С. 39.

⁹⁹ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 191; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 175; Крал В. План зет. С. 174-186.

¹⁰⁰ См.: Сиполс В.Я. Внешняя политика... С. 175; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 191.

¹⁰¹ Крал В. План зет. С. 266-267.

¹⁰² Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 190.

¹⁰³ Ibid.

Во Франции в правящей среде господствовали аналогичные настроения, о чём Суриц информировал Литвинова 12 октября 1938 г. // Год кризиса. 1938-1939. Т. 1. М., 1990. С. 54-59.

¹⁰⁴ Мосли Л. Утраченное время. С. 185.

¹⁰⁵ История второй мировой войны. Т. 2. С. 92.

¹⁰⁶ Ibid. С. 93.

Встречи Чемберлена с Гитлером. Предательство Чехословакии англичанами и французами.

Этого сигнала только и ждал Чемберлен. В тот же день он уведомил Гитлера о готовности посетить его на следующий день. 15 сентября в Берхтесгадене состоялась встреча Чемберлена с Гитлером, который был настроен весьма воинственно¹⁰⁷. И это понятно, т.к. сами англичане и французы заверяли его, что ничего не предпримут для спасения Чехословакии. Да и унижительное паломничество британского премьера, которому пришлось пересечь всю Германию и, добравшись до Баварских Альп, подняться по ступеням горной виллы рейхсканцлера, явилось новым свидетельством постыдной капитуляции Запада.

Сославшись на вымышленное сообщение о трёхстах убитых и многих сотнях раненых в результате столкновений в Судетах, Гитлер заявил, что чехословацкая проблема требует немедленного решения и что возможность сотрудничества Германии и Англии будет в значительной степени зависеть от того, сумеют ли они достигнуть соглашения на общей основе. Если судетских немцев включить в рейх, бесцеремонно заявил фюрер, отделить венгерское, польское и словацкое меньшинства, то оставшаяся часть окажется столь малой, что по этому поводу не придётся ломать голову.

Чемберлен высказался за передачу Судет Германии, отметив лишь, что должен проконсультироваться с членами своего кабинета, Парижем и лордом Ренсименом, «забыв» при этом о Праге. Глава английского правительства предложил прервать переговоры на несколько дней, чтобы затем встретиться вновь. После беседы с Чемберленом Гитлер абсолютно уверовал в возможность захвата Судетской области Чехословакии. Премьер Англии был также полон решимости заставить наконец Прагу выполнить требования Германии.

После возвращения Чемберлена из Берхтесгадена, где он фактически сдал Чехословакию на милость Гитлеру, следовало провести это решение в жизнь. Хотя общий курс кабинета в надвигавшемся мировом конфликте оставался прежним, некоторые его члены отлично понимали, насколько это рискованно для национальных интересов страны. «Нельзя гарантировать, – предупреждал Галифакс, – что такая политика принесёт успех... Если она потерпит неудачу, правительству будет предъявлен упрек, что прояви только мужество в своих убеждениях, оно могло бы предотвратить несчастье. Его обвинят также в отказе от принципов коллективной безопасности... Но эта критика его не трогает»¹⁰⁸.

Докладывая 17.09 на заседании Кабинета министров результаты своего визита к Гитлеру, Чемберлен по-прежнему утверждал, что, выдав Чехословакию Германии, можно достичь желанной договорённости с фюрером. «Премьер-министр полагает, – говорится в протоколе этого заседания, – что можно урегулировать существующие трудности, и надеется достичь соглашения также и по другим вопросам»¹⁰⁹.

18 сентября по приглашению английского правительства в Лондон прибыли Даладье и Боннэ. После того, как французы были ознакомлены с результатами визита Чемберлена к Гитлеру, обе стороны договорились о совместном предъявлении ультиматума Праге. В ноте, направленной чехословацкому правительству 19.09.1938 г., они, в форме, не терпящей возражений, потребовали срочной передачи Германии приграничных районов, в которых немцы составляли большинство населения, без чего «поддержание мира и безопасности жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно обеспечено...»¹¹⁰. Они «признали», «что в случае согласия правительства Чехословакии с предложенными мероприятиями... оно будет вправе просить некоторую гарантию своей будущей безопасности»¹¹¹ и потребовали от него аннулирования договоров о взаимной помощи с Советским Союзом и Францией¹¹². Боннэ в беседе с чехословацким посланником подчеркнул, что если Чехословакия не примет этих требований, то Франция и Англия никакой помощи ей не окажут, а бросят её на произвол судьбы¹¹³.

Предательство Чехословакии Чемберленом и Даладье вызвало волну протеста во всём мире и величайшее возмущение в самой Чехословакии. Под давлением народных масс правительство 20.09.1938 г. отклонило англо-французские предложения и просило правительства Англии и Франции пересмотреть свою точку зрения¹¹⁴.

Но... (Sic!) не прошло и получаса, как премьер Годжа, пригласив французского посланника де Лакруа, сообщил ему, что если Чехословакия получит более жёсткий ультиматум с прямым заявлением об отказе Франции выполнить союзнические обязательства по договору, то Прага капитулирует. Аналогичное разъяснение получил и английский посланник Ньютон¹¹⁵. Объяснить такое можно только одним: правители Чехословакии, по сути, повторяли в миниатюре англо-французских мюнхенцев, бояв-

¹⁰⁷ Документы и материалы... Т. 1. С. 382; Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. С. 421-428.

¹⁰⁸ История второй мировой войны. Т. 2. С. 93-94.

¹⁰⁹ Ibid. С. 94.

¹¹⁰ Документы и материалы... Т. 1. С. 170-171.

¹¹¹ Ibid. С. 170.

¹¹² Ibid. С. 171.

¹¹³ Документы по истории мюнхенского сговора. С. 235.

¹¹⁴ Ibid. С. 241-243; Документы и материалы кануна... Т. 1. С. 179-181.

¹¹⁵ История второй мировой войны. Т. 2. С. 97-98.

шихся коммунизма и своего народа больше, чем Гитлера. Для того, чтобы на деле, а не только на словах, отвергнуть англо-французский ультиматум, а затем противостоять фашистской агрессии, требовалась огромная политическая воля и личное мужество, следовало вооружить народ и принять помощь СССР. Но именно эти качества и намерения у буржуазных чешских политиков отсутствовали.

Принимать чехословацкую ноту Чемберлены и даладье и в дурном сне не желали, да и знали, с кем имеют дело в Праге: унижаясь и пресмыкаясь перед Гитлером, они вели себя деспотически с чехами. В 2 часа ночи 21 сентября Бенеш был поднят с постели приходом английского и французского посланников, вручивших ему «полуночный» ультиматум¹¹⁶. Чехословацкому правительству было решительно заявлено, что в случае непринятия этих предложений чехов оставят без французской (и английской) поддержки, на откуп немцам¹¹⁷. «Если же чехи объединятся с русскими, – подчеркнули они, – война может принять характер „крестового похода” против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне»¹¹⁸. Даже С. Хор впоследствии признавал, что это была одна из наиболее бесстыдных акций в истории британской дипломатии¹¹⁹. На Нюрнбергском процессе Я. Шахт говорил по этому поводу: «Гитлер не взял Чехословакию силой. Союзники просто подарили ему эту страну»¹²⁰. Тогда горько шутили: «Чехословакии предложили совершить самоубийство, чтобы, упаси господь, не быть убитой!».

Подчиняясь англо-французскому давлению, правительство Бенеша капитулировало, дав согласие удовлетворить берхтесгаденские требования Гитлера¹²¹. По поводу данного ультиматума Черчилль сделал заявление: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы... Мнение, будто можно обеспечить безопасность, бросив малое государство на съедение волкам, – роковое заблуждение»¹²². К сожалению, это мнение было тогда в Англии не в чести. Как отмечает английский историк Буллок, «союзники предпочли сопротивлению альянс с Гитлером»¹²³. Что касается позиции США в чехословацком кризисе, то на всём его протяжении, начиная с марта и заканчивая октябрём, они полностью поддерживали англо-французских «мюнхенцев»¹²⁴.

22-23 сентября состоялась новая встреча британского премьера с Гитлером, на этот раз в Годесберге¹²⁵. Чемберлен изложил фюреру выработанный в Лондоне план передачи Судетской области Германии и замены договоров, которые имела Чехословакия, международной «гарантией». Но Гитлер нагло заявил, что английские предложения уже неприемлемы. Помимо судетских немцев, пояснил он, в Чехословакии проживают поляки и венгры. Им тоже должно быть предоставлено право отделиться. Кроме того, метод определения границ передаваемой территории слишком длителен, а он не хочет иметь никакого дела с комиссиями, комитетами и тому подобными организациями. Границу следует установить немедленно и передаваемую область сразу же оккупировать германскими войсками. Проблему необходимо «разрешить» полностью и окончательно до 1 октября.

Гитлер сердечно поблагодарил Чемберлена за его труды в переговорах по «спасению мира» и заверил в своём давнем стремлении к дружбе с Англией. «Между нами нет никаких противоречий, – передаёт в своих мемуарах слова Гитлера его переводчик Шмидт, – мы не будем вмешиваться в ваши дела вне Европы, а вы можете, ничего не опасаясь, предоставить нам свободу рук в Центральной и Юго-Восточной Европе»¹²⁶. Со стороны Чемберлена не последовало никаких возражений.

Позиция СССР и возможность защиты Чехословакии¹²⁷. СССР в дни сентябрьского кризиса твердо выступал в защиту Чехословакии, за организацию коллективного отпора агрессорам¹²⁸. Он был готов прийти на помощь Чехословакии и без Франции¹²⁹, и в случае, если Польша и Румыния будут

¹¹⁶ Документы по истории... С. 244-245; Документы и материалы кануна... Т. 1. С. 188.

¹¹⁷ Документы по истории... С. 245-249; Документы и материалы кануна... Т. 1. С. 187, 196-197.

¹¹⁸ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла... С. 377; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 196.

¹¹⁹ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 196.

¹²⁰ Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье. // Межд. жизнь, 1989, № 9. С. 131.

¹²¹ Документы по истории... С. 250-251; Документы и материалы... Т. 1. С. 195.

¹²² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 139.

¹²³ Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. Смоленск. 1994. С. 199.

¹²⁴ См.: Мельников Ю.М. США и Гитлеровская Германия. 1933-1939 гг. С. 280, 282, 287, 291, 292-293, 297-299, 302; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 387.

¹²⁵ Документы и материалы... Т. 1. С. 201-210; Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. С. 428-439.

¹²⁶ История второй мировой войны. Т. 2. С. 99.

¹²⁷ См.: Calafeteanu I. România și „criza cehoslovacă”. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 4; Anghel Fl. Polonia și criza cehoslovacă în documente diplomatice românești (septembrie-octombrie 1938). // Revista istorică. Academia Română, 2007, Nr. 5-6. P. 580-581.

¹²⁸ См.: Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958. С. 71-72; История второй мировой войны. Т. 2. С. 101, 104; Уткин А.И. Так пришла война. С. 50.

¹²⁹ ДВП СССР. Т. 21. С. 500; Документы и материалы кануна... Т. 1. С. 181-182; Документы по истории... С. 240-241, 264.

возражать против прохода советских войск через их территорию¹³⁰. Советский полпред в Лондоне вспоминал свой диалог с М. Литвиновым по этому поводу и слова наркома, что СССР придёт Чехословакии на помощь в любом случае, требовалась только просьба чехословацкого правительства¹³¹. Крупная группировка советских войск была выдвинута к западным границам Советского Союза для оказания в случае необходимости военной помощи Чехословакии¹³², о чём К.Е. Ворошилов 26 сентября предупредил Гамелена¹³³.

Но чтобы получить такую помощь, за ней следовало обратиться. Этого Э. Бенеш не сделал. Мосли по этому поводу пишет: «Бенеш воздержался от просьбы к русским оказать помощь не из-за опасений получить отказ, а из-за опасений, что такая помощь могла быть предоставлена»¹³⁴. Бенеш в своих мемуарах признавал: «Я сам никогда не имел никакого сомнения в действиях Советского Союза. Я был уверен, что он свои обязательства выполнит!»¹³⁵. Однако, по уже известным причинам, СССР был проигнорирован как западными странами, так и чехами, что последним обошлось немедленной расплатой, а Западу – немногим позже. Этот факт отмечен не только бывшими советскими историками, но и западными¹³⁶.

Чтобы приблизиться к завершению данного вопроса, необходимо рассмотреть реальность оказания помощи Чехословакии со стороны Советского Союза, а также возможность сопротивления чехов нацистской агрессии. Здесь нет смысла приводить данные о численности и оснащении группировки советских войск, предназначенных для этих целей. Отметим лишь, что они были довольно внушительными¹³⁷. Вопрос был поставлен так (ещё в сентябре 1938 г.) потому, что Чехословакия не имела общих границ с СССР, а правительства Польши и Румынии запретили проход Красной Армии через их территорию.

Начнем с того, что 23 сентября польское правительство было предупреждено, что, в случае вторжения его войск в Чехословакию, СССР будет считать это актом агрессии и денонсирует пакт о ненападении с Польшей¹³⁸. В таком случае Красная Армия прошла бы через территорию агрессора без предупреждения последнего и вступила бы в соприкосновение с вермахтом. В случае, если бы Польша сохранила нейтралитет, но продолжала занимать прежнюю позицию по этому вопросу, оставался воздушный коридор над Румынией на высоте более трёх тысяч метров¹³⁹. Здесь возникает другой вопрос: а достаточно ли было бы этого коридора для переброски крупных войсковых подразделений и техники, а затем для их снабжения?

В это время Советский Союз имел самую мощную в мире авиацию¹⁴⁰ и, по некоторым данным, выдвинул к польско-румынской границе 2 тыс. самолетов¹⁴¹. СССР был единственной в мире страной, обладавшей мощными авиадесантными войсками, состоявшими из шести парашютно-десантных бригад¹⁴². Они могли быть одновременно, вместе с вооружением, подняты в воздух и переправлены за сотни километров. Исходя из вышеизложенного, нет сомнений, что мощная военно-транспортная авиация была способна одновременно поднять в воздух многочисленную армаду и по воздушному коридору переправить её в Чехословакию. Таким образом, в кратчайшие сроки мощная группировка Красной Армии могла быть переброшена для совместной с чехословацкой армией обороны Чехословакии. Возможность её снабжения всем необходимым также не вызывает сомнений. Кроме того, не следует забывать, что снаб-

¹³⁰ ДВП СССР. Т. 21. С. 516; Документы и материалы кануна... Т. 1. С. 214-215; Документы по истории... С. 265, 269.

¹³¹ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987. С. 352.

Правда, сегодня есть немало историков, пытающихся доказать обратное, а именно тот факт, что «Советский Союз не намеревался выступить в защиту Чехословакии» или даже отказался это сделать. // См. например: Дембский С. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 180; Buga V. 1938: Cehoslovacia și „cordonul românesc”. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 1.

¹³² Документы по истории... С. 254-256, 312-313, 314-315; История второй мировой войны. Т. 2. С. 105-107.

¹³³ ДВП СССР. Т. 21. С. 530, 532.

¹³⁴ Мосли Л. Утраченное время. С. 68.

¹³⁵ Цитиров. по: История внешней политики СССР. Т. 1. С. 351; История второй мировой войны. Т. 2. С. 112.

¹³⁶ См.: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 141; Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Т. 2. С. 23; Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 200 и др.

¹³⁷ Документы по истории... С. 254-256, 312-313, 314-315; История второй мировой войны. Т. 2. С. 105-107.

¹³⁸ ДВП СССР. Т. 21. С. 516; Документы и материалы кануна... Т. 1. С. 214-215; Документы по истории... С. 265, 269.

¹³⁹ Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1. С. 30, 38.

¹⁴⁰ См.: История второй мировой войны. Т. 2. С. 201; История КПСС. Т. 4. М., 1971. С. 402; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 203; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 170; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 483 и др.

¹⁴¹ Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. С. 262; История второй мировой войны. Т. 2. С. 106.

¹⁴² История второй мировой войны. Т. 2. С. 202.

жение советской группировки могло реально осуществляться по Дунаю и этому никто не смог бы воспрепятствовать. Ясно, что советские и чехословацкие войска были бы надежно прикрыты с воздуха советской авиацией.

Но нельзя было абсолютно исключать и прямую возможность сухопутного перехода советских войск в Чехословакию. «Было хорошо известно, – пишет английский историк Ротштейн, – что позиция Румынии и даже Польши... на самом деле будет зависеть от позиции, которую займет Франция... Поэтому, если бы Франция действительно намеревалась выполнить свои обязательства, она, разумеется, договорилась бы с соответствующими странами» о пропуске через их территорию советских войск¹⁴³. В этом выводе нельзя не согласиться с автором. И если бы чехи оказали сопротивление Гитлеру, Франция была бы обязана выступить. Правда, в свете её поведения по выполнению своих обязательств перед Польшей годом позже, возникает вопрос: а выступила бы реально Франция, или, в лучшем случае, ограничилась бы формальным объявлением войны? Опираясь на факты поведения правительства Даладье в дни сентябрьского кризиса, Франция, вероятнее всего, осталась бы в стороне. Не исключено, что могло не последовать даже формального объявления войны. Так что Советскому Союзу и в этом случае пришлось бы воевать с Германией без помощи западных союзников. Это лишь один из предполагаемых, хотя и наиболее вероятный вариант развития событий, но вовсе не единственный.

Правда, он подтверждается и следующим фактом. Дело в том, что к этому моменту в военном руководстве Германии пока ещё оставались немногие реалистически мыслящие люди. И одним из «последних из могикан» был начальник Генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Бек, выступавший против войны. Он считал, что при вмешательстве Франции, Германия будет разбита. Однако Гитлер был уверен – Франция воевать не будет¹⁴⁴, и оказался прав. После этих событий Бек и немногие оставшиеся его сторонники были отправлены в отставку, и руководство армии полностью перешло к готовым на любые авантюры сторонникам бесноватого фюрера.

Но нельзя исключить и другого: под давлением общественного мнения своей страны, на определённом этапе правительство Даладье было бы вынуждено заступиться за Чехословакию или уйти в отставку. И не случилось бы годом раньше того, что произошло с обязательствами перед Польшей. Такое предположение допустимо, т.к. именно по этой причине «мюнхенцы» и боялись вступления Франции в войну, а следом и Англии. Дело в том, что внутреннее разложение французского общества ещё не достигло такой степени тяжести, как через год (чему способствовал и «Мюнхен»). До «Мюнхена» ещё был жив Народный фронт, и капитулянты не были ещё так крепки.

Учитывая это, нельзя абсолютно исключить ситуацию, что Франция заступилась бы за Чехословакию, и тогда гитлеровский режим был бы в кратчайшие сроки уничтожен. Что касается в таком случае пропуска советских войск через Румынию, то, по мнению Черчилля, эта проблема была бы решена «с помощью нажима и гарантий великого союза под эгидой Лиги Наций»¹⁴⁵. Но чтобы эта возможность воплотилась в реальность, требовалось одно – правительство Бенеша должно было возглавить сопротивление своего народа и обратиться за помощью к союзникам.

А для уничтожения Гитлера ещё в 1938 г. существовали все предпосылки – соотношение сил было многократно на стороне миролюбивых стран. У Германии тогда не было и одного шанса из тысячи выиграть войну. Это признавал даже такой убежденный «мюнхенец», как Гендерсон, писавший в те дни в одном из сообщений в Лондон: «Если бы мы действительно показали зубы Гитлеру, он не посмел бы в настоящее время развязать войну»¹⁴⁶.

По этому поводу на Нюрнбергском процессе Кейтель свидетельствовал, вспоминая слова Гитлера: «Я приму решение о действиях против Чехословакии, только если буду твердо уверен..., что Франция не выступит...»¹⁴⁷. И далее он продолжил: «Я твердо убежден, что если бы Даладье и Чемберлен сказали в Мюнхене: „Мы выступим“, мы ни в коем случае не прибегли бы к военным действиям. У нас не было сил, чтобы форсировать чехословацкую линию укреплений, и у нас не было войск на западной границе... Мы были чрезвычайно счастливы тем, что дело не дошло до военных операций, ибо были убеждены, что наши военные средства нападения недостаточны для прорыва пограничных укреплений Чехословакии. Таким образом, рассматривая дело с чисто военной точки зрения, для наступления и для прорыва укреплений у нас не было сил»¹⁴⁸.

«Если бы дело дошло до войны, мы не могли бы действительно эффективно защищать ни западную, ни восточную границу, и, без сомнения, если бы Чехословакия стала бы сопротивляться, мы задержались бы на её укреплениях, так как у нас не было средств для их прорыва. Таким образом, о военных

¹⁴³ Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. С. 241.

¹⁴⁴ Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1. С. 37.

¹⁴⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 140-141.

¹⁴⁶ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла... С. 381.

¹⁴⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 133.

¹⁴⁸ История второй мировой войны. Т. 2. С. 108; Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. С. 59.

испытаниях в этом случае, без сомнения, нельзя говорить. Это скорее было испытание „политических нервов”. Эти слова были также произнесены на Нюрнбергском процессе и принадлежали фельдмаршалу Манштейну¹⁴⁹. Кажется, нет более солидных доказательств невозможности военного решения этого вопроса в пользу Германии, и все-таки есть необходимость обратиться к статистике по поводу реального соотношения сил.

Агрессор имел 47 дивизий (по другим данным, 35 пехотных и 16 танковых и моторизованных, причём треть из них ещё формировалась)¹⁵⁰, 39 из которых, согласно плану «Грюн», предусматривалось использовать против Чехословакии¹⁵¹. Но и половина их была небоеспособна по причине плохой организации. Уже 1 октября, не встречая сопротивления при занятии Судетской области, дивизии продвигались крайне медленно, создавая гигантские заторы на дорогах.

Чехословакия имела 45 дивизий, обладала вооружёнными силами численностью в 2 млн человек, располагала 1582 самолетами, 469 танками (по другим данным, до 740^r), 5700 артиллерийскими орудиями, 601 тыс. пулеметов и другим вооружением. Её армия могла опереться на мощные пограничные укрепления. Против чехословацких тяжелых фортов оказались бессильны 210-мм немецкие орудия¹⁵². «Гитлер лично прибыл на бывшую границу, чтобы составить впечатление об этих укреплениях, и вернулся потрясенный... Их захват, при решительной обороне, стоил бы нам много крови»¹⁵³, – вспоминал А. Шпеер¹⁵⁴. Чехословакия обладала ещё одним значительным преимуществом перед Германией: огромным моральным превосходством народа и армии¹⁵⁴.

Численность французской армии достигала 100 дивизий¹⁵⁵. Потенциальные материальные и людские ресурсы Британской империи были громадны. Преимущество Англии и Франции перед Германией в области ВМФ было неоспоримо. Мощь Красной Армии, как мы уже отмечали, создавала для Чехословакии решающий перевес даже без Англии и Франции. Муссолини и не пытался бы что-либо предпринять в пользу Гитлера. Даже спустя год этот шакал не решился выступить, а сделал это лишь накануне капитуляции Франции.

В таких условиях Германия потерпела бы поражение в кратчайший срок. Но, к сожалению, произошло другое: Чехословакию сдали без единого выстрела, сразу, в один день, изменив и соотношение сил, и геостратегическую ситуацию таким образом, что Германия превратилась в великую державу, способную развязать мировую войну!

Мюнхенская конференция. 29 сентября в Мюнхене была созвана конференция четырёх держав – Англии, Франции, Германии и Италии¹⁵⁶. Во избежание нежелательной огласки, в конференции приняли участие лишь главы правительств и министры иностранных дел. Открывая её, Гитлер выступил с речью. Разразившись бранью в адрес Чехословакии, он потребовал «в интересах европейского мира» немедленной передачи Судетской области и заявил, что при любых условиях его войска 1 октября будут введены в пограничные районы. При этом фюрер снова заверил, что у Германии других притязаний в Европе нет. Задачу конференции он определил так: придать вступлению германских войск на территорию Чехословакии законный характер и исключить применение оружия. Чехословацкая делегация не была допущена к переговорам.

Долг великих держав, заявил английский премьер, позаботиться о том, чтобы чехословацкое правительство «по безрассудству или упрямству» не отказалось очистить территорию. Даладье также заявил, что «ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства». В основу принятого в Мюнхене соглашения был положен «компромиссный проект», представленный Муссолини якобы от своего имени. В действительности германский МИД накануне передал его в Рим по телефону. Поскольку сделка подготавливалась заранее, все пункты документа были быстро согласо-

¹⁴⁹ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 264.

¹⁵⁰ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 382.

¹⁵¹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 108.

^r Примечание научного редактора: Чехословацкие танки LT vz. 35 значительно превосходили немецкие машины Т-1 и Т-2 по мощи вооружения, имея такую же броневую защиту и скорость. После оккупации Чехословакии они были взяты на вооружение вермахта.

¹⁵² История второй мировой войны. Т. 2. С. 108; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 382; Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 199; Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1. С. 42.

¹⁵³ История второй мировой войны. Т. 2. С. 108.

¹⁵⁴ Примечание научного редактора: Алберт Шпеер – главный архитектор рейха, с 1942 г. – министр вооружений.

¹⁵⁵ Документы по истории... С. 262-263, 316-318.

¹⁵⁶ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 382.

¹⁵⁶ См.: Документы и материалы кануна... Т. 1. С. 230-239; Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. С. 105-114; Мосли Л. Утраченное время. С. 56-88; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 137-146; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 373-387; Гаек И. Мюнхен. С. 139-187; Крал В. План зет. С. 263-272; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 190-211; Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 262-264 и др.

ны. Гитлер и Муссолини покинули заседание, представив Чемберлену и Даладье все объяснения с чехами. Впрочем, уговаривать Масаржика и Мастного, представлявших Чехословакию, не пришлось: они прибыли с готовым согласием. В ночь на 30 сентября чехословацкую делегацию пригласили для ознакомления с текстом диктата. Мюнхенский сговор вступил в силу.

Руководство соцпартии поддержало Мюнхенское соглашение, испытывая, как выразился Леон Блюм, «трусливое облегчение»¹⁵⁷. Лейбористская партия осудила Мюнхен¹⁵⁸.

Мюнхенский диктат, навязанный Чехословакии силой, с самого начала был противозаконным актом. Итогом конференции было решение об отторжении от Чехословакии в пользу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных претензий хортистской Венгрии и панской Польши¹⁵⁹. «В сентябре 1938 г. польское правительство, воспользовавшись критическим положением Чехословакии, выдвинуло 12-часовой ультиматум и заняло спорную территорию»¹⁶⁰. У. Черчилль впоследствии писал в своих мемуарах, что поляки «пока на них падал отблеск могущества Германии, поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии», что Польша «с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства»¹⁶¹.

«2 октября польские войска начали занимать ультимативно потребованные чехословацкие территории, которые для Польши имели огромное экономическое значение: расширив свою территорию лишь на 0,2 %, она увеличила мощность своей тяжелой промышленности почти на 50 %. После этого Варшава ультимативно потребовала от пражского правительства новых территориальных уступок, теперь уже в Словакии, и добилась своего. В соответствии с межправительственным соглашением от 1 декабря 1938 г. Польша получила небольшую территорию (226 кв. км) на севере Словакии (Яворину на Ораве) с населением 4280 человек»¹⁶².

В дополнение к соглашению Англия и Франция обязывались предоставить совместно с Германией и Италией «гарантии» Чехословакии против неспровоцированной агрессии¹⁶³. Своеобразным вознаграждением за предательство в отношении Чехословакии явилась подписанная 30 сентября Гитлером и Чемберленом англо-германская декларация, в которой говорилось об «усилиях по устранению возможных источников разногласий...»¹⁶⁴. По существу этот документ оценивался как пакт о ненападении между Англией и Германией. В Мюнхене был предreshён вопрос о подписании аналогичной франко-германской декларации. Она была подписана 6 декабря 1938 года¹⁶⁵, войдя в историю под названием Пакт Бонне – Риббентропа[†].

Мюнхенское соглашение – один из самых позорных актов в международной политике западных держав. На глазах у всего человечества суверенное европейское государство было отдано гитлеровцам на разграбление. Министр иностранных дел чехословацкого правительства К. Крофта в беседе с советским полпредом в Праге С.С. Александровским 3 октября 1938 г. с горечью заявил: «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения. Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии»¹⁶⁶. Это утверждение вскоре стало реальностью. Однако, рассчитывая направить дальнейшую германскую агрессию на Восток, «умиротворители» просчитались, т.к. они, в первую очередь, ухудшили положение своих стран в неизбежной схватке с фашизмом.

Последствия Мюнхена. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в величайшей ценности Чехословакии для обороны Европы. Она являла собой центральное звено в системе французских союзов в Восточной Европе, с выпадением которого разлагалась вся система в целом и Малая Антанта в частности. Преследуя цель изоляции СССР, Франция сама оказалась изолированной. По соображениям национальной безопасности, Советский Союз был кровно заинтересован в существовании Чехослова-

¹⁵⁷ Великая Отечественная война. (1941-1945 годы). М., 2010. С. 100.

¹⁵⁸ Ibid. С. 101.

¹⁵⁹ Новые документы по истории Мюнхена. С. 156-160.

¹⁶⁰ Мальцев Д.А. Мюнхенский сговор и его не присутствующие участники. // Материалы международной научной конференции «Интерпретации различных аспектов второй мировой и Великой Отечественной войны в современной восточно-европейской историографии». Кишинёв, 21-22 мая 2010. Кишинёв, 2010. С. 4-21; Catalan S.M., Constantiniu Fl. Frontiere în mişcare: modificări politico-teritoriale în Europa răsăriteană (1938-1947). // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 7-8. P. 692; Згорняк М. Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом второй мировой войны. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/Z/Zgorniak/polsh.html>.

¹⁶¹ http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/1_19.html.

¹⁶² Марьина В.В. Кто и как делил Чехословакию в марте 1939 года. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

¹⁶³ Новые документы по истории Мюнхена. С. 159.

¹⁶⁴ СССР в борьбе за мир... С. 22.

¹⁶⁵ Ibid. С. 115.

[†] Примечание научного редактора: Во время своего визита в Париж в декабре 1938 г. Риббентроп выступил против французской политики союзов на Востоке, включая пакт о взаимопомощи с СССР. // См.: Год кризиса. 1938-1939. Т. 1. С. 134-136.

¹⁶⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. М., 1978. С. 564.

кии: пока она жила, фашистский рейх ни за что не решился бы напасть на Францию и Польшу¹⁶⁷. Она была серьёзным барьером на пути германской агрессии в Юго-Восточную Европу, к захвату ресурсов Венгрии и Румынии, закрывала выход к портам Чёрного моря и далее в глубь Балкан. Она также прикрывала продвижение гитлеровцев к южному сектору советской западной границы. С захватом Чехословакии нацистская Германия охватывала с юга Польшу и с севера Венгрию и получала выход к румынской границе.

Кроме того, она играла исключительную роль в защите Германии и её жизненных центров с юга и юго-востока (как Австрия с юга и юго-запада): естественный горный массив, защищать который очень удобно, надёжно прикрывает обороняющихся с этого направления. Уже обладая громадным преимуществом в 1945 г., Красная Армия не смогла его прорвать, и Прага была взята позже Вены и Берлина, и не с юга, а с севера. Но пока страна оставалась свободной, с её территории, по кратчайшему пути, авиация могла достать важнейшие жизненные центры Германии. Вот какова геостратегическая ценность Чехословакии и что потеряли противники Гитлера, лишившись её. Без захвата этой страны нацисты не могли развязать мировую войну!

Но, как мы уже убедились, и с точки зрения своего военного потенциала Чехословакия представляла исключительную ценность. Утратив её, союзники потеряли 45 первоклассных дивизий, а Гитлер приобрел оружие для формирования своих 45 дивизий. Сняв вооружение с чехословацких оборонительных сооружений, он сумел значительно и в кратчайший срок укрепить «линию Зигфрида». Какая экономия времени, стратегических материалов и промышленных мощностей! Запад в лице чехословацкой армии лишился единственной первоклассной армии в Восточной Европе. По боевой подготовке эта армия в 1938 году превосходила немецкую! В результате резко изменилось в пользу Гитлера соотношение вооружённых сил (без учета СССР): от 150 дивизий против 50 немецких, к 110 против 100! Поистине блаженная глупость! Тем более, что все эти минусы французы предвидели заранее¹⁶⁸.

В результате Мюнхенского сговора и последующего захвата всей Чехословакии, Германия приобрела бесценные источники стратегического сырья и первоклассную промышленность этой страны, что не просто ускорило темпы развития Германии, но, ввиду ограниченности её сырьевых ресурсов, предотвратило неизбежный экономический коллапс рейха и позволило лучше подготовиться к войне и вступить в неё немного позже, в более благоприятный момент. Черчилль отмечал, что только заводы «Шкода» с октября 1938-го по сентябрь 1939 г. выпустили почти столько продукции, сколько все английские военные заводы за то же время¹⁶⁹. Кроме всего прочего, англичане выдали Гитлеру весь хранившийся в Лондоне золотой запас Чехословакии¹⁷⁰. Значительно увеличилась территория и население рейха, пополнились резервы рабочей силы высочайшей квалификации.

Но была ещё потеря, возможно, страшнее всех остальных, вместе взятых: Гитлер понял, что ему всё позволено, а западные лидеры абсолютно лишены воли, и с ними можно не считаться. Гитлер и ранее никого и ничего не уважал, кроме силы. Но теперь, после Мюнхена, он не считал «миротворцев» за людей... Не зря Риббентроп сразу после Мюнхена говорил, что «они подписали себе смертный приговор и предоставили нам возможность проставить дату его исполнения».

И как продолжение этого – Франция лишилась уважения и авторитета в Европе, растеряла «всех своих союзников, надорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника»¹⁷¹. И.М. Майский передавал в Москву мнение Д. Ллойд Джорджа: «Западные „демократии“ понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой»¹⁷². О том же писал и полпред СССР в Париже Я. Суриц. Он сообщал в Москву 12 октября «о том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей было нанесено страшнейшее поражение, сейчас отдаёт себе отчёт любой француз»¹⁷³.

В попытке изолировать СССР, Запад и, в первую очередь, Франция, подружили сук, на котором сидели – Сталин хорошо это запомнил¹⁷⁴. И не было ли это первым импульсом, пока лишь психологическим, толкнувшим его затем в объятия Гитлера? Как отмечает российский историк М. Наринский, объективно Мюнхен подталкивал Москву к поискам сближения с Берлином. Он приводит информацию французского посла Р. Кулондра, которому заместитель наркома иностранных дел В. Потёмкин гово-

¹⁶⁷ Уже после Мюнхена, в итальянских дипломатических документах констатируется неизменность антигерманской политики Москвы, её направленность на создание системы коллективной безопасности. // Михайленко А.В., Михайленко В.И. Новые итальянские дипломатические документы о военно-политическом кризисе накануне второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 4. С. 137, 148.

¹⁶⁸ См.: Меморандум начальника Генерального штаба французской армии генерала Гамелена // Документы и материалы... Т. 1. С. 151-152.

¹⁶⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 151.

¹⁷⁰ Мосли Л. Утраченное время, С.196; Чикваидзе А.Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси, 1976, С.180.

¹⁷¹ Документы и материалы... Т. 1. С. 245; Год кризиса. Т. 1. С. 55.

¹⁷² ДВП СССР. Т. 21. С. 557.

¹⁷³ Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 136.

¹⁷⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 141.

рил после Мюнхена: «Мой бедный друг, что же вы наделали? Для нас я не вижу другого выхода, кроме четвертого раздела Польши»¹⁷⁵. «Впоследствии мы дорого поплатились за это», – писал Черчилль¹⁷⁶. Эффект Мюнхена сказался мгновенно: все восточноевропейские столицы наперебой старались заручиться дружбой нацистов.

Чтобы поставить окончательно точку в анализе тех событий, следует ответить ещё на один вопрос: стало ли за год после Мюнхена положение западных держав в сравнении с положением Германии лучше? Это последний барьер, за который хватаются апологеты Мюнхена¹⁷⁷, отвечая на него положительно. Чтобы не выглядеть пристрастными, предоставим слово Черчиллю: «Мы потерпели полное и абсолютное поражение, – заявил он в палате общин. – ...И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты»¹⁷⁸. По окончании Мюнхенской конференции Д. Ллойд Джордж заметил Ивану Майскому: «Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях начинается эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака»¹⁷⁹.

«Спорили... кто больше выиграл в силе за год... – Гитлер или союзники... Общие темпы подготовки промышленности к войне продолжали ускоряться. Однако какими бы неопределимыми ни казались эти достижения, они были пустяками по сравнению с могучим ростом вооружений Германии. ...Производство вооружений по общенациональному плану – задача, требующая четырёх лет. Первый год не дает ничего, второй – очень мало, третий – много, а четвертый – изобилие. Гитлеровская Германия в этот период переживала уже третий или четвертый год интенсивной подготовки в таких жестких условиях, которые были почти равны условиям военного времени. Англия ...двигалась вперед... в значительно меньших масштабах. В 1938 – 1939 годах все военные расходы Англии достигли суммы 304 млн ф.с., а расходы Германии равнялись, по меньшей мере, 1,5 млрд фунтов... Германия выпустила... по крайней мере, вдвое, а может быть, и втрое больше оружия, чем Англия и Франция, вместе взятые...

Ещё более катастрофическим было изменение в соотношении сил французской и германской армий... В последовавший за Мюнхеном год... германская армия приближалась к полной боевой готовности, хотя у неё было меньше обученных резервов, чем у французов. Поскольку источником сил этой армии служило население, вдвое превосходившее по численности население Франции, полное превосходство германской армии над французской было лишь вопросом времени»¹⁸⁰.

Мюнхенский сговор ускорил созревание предвоенного политического кризиса, приведшего ко второй мировой войне. Именно об этом писал и известный журналист-международник Э. Дзелепи, характеризуя мюнхенскую политику Чемберлена: «Под предлогом сохранения мира он развязал Гитлеру руки для войны против СССР. Таков был подлинный смысл Мюнхенского соглашения. Вторая мировая война была на деле предусмотрена этим соглашением. То есть, война „нормальная“, „истинная“, какой бы была война Запада во главе с Гитлером против красной России»¹⁸¹.

4. Эволюция ситуации в Европе в первые месяцы 1939 года

Ухудшение международного положения после Мюнхена. В последовавшие за Мюнхеном месяцы на Западе ждали скорого военного столкновения Германии с СССР, тем более, что территориальный заслон между ними стал довольно шатким. Чтобы толкнуть Германию на это и указать ей направление агрессии, в печати и европейских правительственных кругах велось много разговоров о предстоявшей со дня на день гитлеровской операции против Советской Украины¹⁸². Да и подписанные англо-германская и франко-германская декларации понимались в Берлине как предоставление свободы Гитлеру на Востоке¹⁸³. Одновременно во весь голос печать и тихо дипломатия этих стран пытались внушить гитлеровцам мысль о «военной слабости СССР». В этом смысле вызывала удивление и позиция польского руководства, которое стремилось договориться с Гитлером на антисоветской основе. Польский историк С. Жерко даёт такую оценку позиции Бека (в отношении германских требований по Данцигу и «польскому коридору» в начале 1939 г.): «Трудно привести лучший пример дезориентации, беспечности и переоценки роли собственной страны»¹⁸⁴.

¹⁷⁵ Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 136.

¹⁷⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 141.

¹⁷⁷ См., например: Дембский С. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 175-177.

¹⁷⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 148-149.

¹⁷⁹ См.: Дембский С. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 179.

¹⁸⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 150-152.

¹⁸¹ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. М., 1975. С. 26.

¹⁸² См.: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 212-220; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 217-222; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 542; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 357.

¹⁸³ См., например, письмо Кулондра Бонне. // Документы и материалы... Т. 2. С. 49-55; о том же: Ibid. С. 136-138; Год кризиса. Т. 1. С. 95-97; Мосли Л. Утраченное время. С. 155.

¹⁸⁴ См.: Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 140.

В силу всего этого, чтобы проникнуться подозрением к Западу, не требовалось и того постоянного недоверия, которое советские деятели испытывали к капиталистическим державам. Любой мало-мальски сообразительный человек истолковал бы Мюнхен и последовавшие за ним события только как попытку толкнуть Германию против СССР, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. Несколько месяцев спустя, на XVIII съезде ВКП(б) Сталин и изложил эту гипотезу¹⁸⁵. Он отметил, «что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может закончиться для них серьёзным провалом»¹⁸⁶, и что СССР следует «соблюдать осторожность и не давать втянуть (себя – С.Н.) в конфликты... провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»¹⁸⁷. Это был первый, хотя и непрозрачный намёк на его возможное намерение расплатиться с англичанами и французами их же монетой. Но в целом СССР твердо стоял за создание антигитлеровской коалиции, которая не позволила бы Гитлеру развязать войну.

Правда, некоторые современные историки делают из всего этого сенсационные, но противоречащие всему комплексу существующих фактов и ничем не подкреплённые выводы. Так, например, С. Дембский утверждает: После Мюнхена стало «ясно, что Советский Союз уже не намеревался участвовать в каких-либо акциях, направленных на сдерживание германской экспансии»¹⁸⁸. Видимо совместный с Гитлером хищнический раздел Чехословакии тогдашними польскими правителями следует понимать как «сдерживание германской экспансии»...

Московский съезд ещё продолжал работу, когда Гитлер разорвал в клочки и мюнхенское соглашение, и обещание, что «Судеты его последнее территориальное притязание в Европе», и 15 марта захватил Чехословакию. Через неделю Германия аннексировала литовский город Клайпеду (Мемель). В результате Польша была взята в клещи, а 21 марта Риббентроп потребовал возврата Данцига и права на строительство экстерриториальной железной дороги и автострасы через «польский коридор»¹⁸⁹. «Действия, предпринятые Гитлером вследствие соглашения в Мюнхене (вторжение в Чехословакию), ничего не изменили в политике Лондона. Это было совершенно естественно, поскольку Чемберлен и поехал в Мюнхен, чтобы устранить препятствие, каким была Чехословакия, на пути Гитлера на Восток. Вторжение в Чехословакию было дополнением к Мюнхенскому соглашению. Прежде чем ринуться в войну против Советского Союза, Гитлер должен был захватить Чехословакию»¹⁹⁰.

В апреле Италия оккупировала Албанию. Меньше чем за полгода мюнхенская политика Англии и Франции, неосторожно объявленная Чемберленом началом новой эры, потерпела полный провал. 17 марта 1939 г. Р. Ванситарт заявил И. Майскому, что «внешняя политика премьера потерпела полный крах», что аннексия Чехословакии нанесла по ней окончательный удар и поэтому «политика умиротворения мертва и возврата к ней не может быть»¹⁹¹. Упорно следуя своей политике, «умиротворители» не воспротивились новым захватам. Чемберлен заявил, что распад Чехословакии аннулировал данные ей в Мюнхене гарантии и он не считает себя связанным этим обязательством. Выразив сожаление по поводу того, что произошло в Чехословакии, Чемберлен сказал, что не видит причин, почему этот вопрос должен уводить в сторону политику Англии¹⁹². Затем он произнес то, чего даже его наиболее рьяные сторонники не надеялись услышать: «Мы будем продолжать нашу политику умиротворения»¹⁹³. Это был довольно ясный намёк Гитлеру, что ему нечего опасаться «умиротворителей» за своё продвижение на Восток. Только СССР открыто выступил против этого вопиющего нарушения всех человеческих законов¹⁹⁴.

Но окончательное уничтожение Чехословацкого государства вызвало протест общественности во Франции и Англии. И если, как мы показали, Чемберлен был склонен предоставить событиям свободу идти своим чередом, то большая часть прессы, оппозиция, одно крыло его партии и даже кабинета, напротив, требовали энергичного ответа. Вырисовывались новые угрозы, на этот раз против Польши и Румынии¹⁹⁵. Под нажимом всех этих разнообразных факторов Лондон был вынужден возобновить зон-

¹⁸⁵ См.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 571.

¹⁸⁶ Ibid. С. 572.

¹⁸⁷ Ibid. С. 574.

¹⁸⁸ Дембский С. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 180-181.

¹⁸⁹ Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. С. 490-491, 496.

Естественно, что поляки отвергли эти домогательства. В связи с этим российский историк М. Наринский вполне обоснованно пишет о позиции Польши в отношении германских требований от 21 марта 1939 г.: «Могла ли Варшава дать другой ответ на требования Берлина? Думается, что нет. Политика уступок Гитлеру означала утрату Польшей самостоятельной роли в Центральной Европе, её превращение в германского вассала с перспективой утраты страной независимости». // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 141.

¹⁹⁰ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 27.

¹⁹¹ Год кризиса. Т. 1. С. 386.

¹⁹² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 25; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 154-155; Мосли Л. Утраченное время. С. 186.

¹⁹³ Мосли Л. Утраченное время. С. 186.

¹⁹⁴ Документы и материалы... Т. 2. С. 46-48; Год кризиса. Т. 1. С. 289-290.

¹⁹⁵ См.: Год кризиса. Т. 1. С. 288.

даж советских намерений насчёт совместных антигитлеровских акций¹⁹⁶. Ответ Москвы был положительный. Литвинов предложил созвать конференцию всех стран, подвергшихся угрозе со стороны Германии: СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции¹⁹⁷. Но английское правительство фактически отвергло советское предложение¹⁹⁸. Временное расстояние между этими событиями составило сутки! Чемберлен не желал соглашения!

Англо-французские гарантии Польше. Британский премьер предпочел иную инициативу, все последствия которой он далеко не в состоянии был предвидеть. Она имела огромное косвенное влияние, как на политику Германии, так и Польши и, естественно, это, в свою очередь, напрямую сказалось на международных отношениях. Более того – это стало формальным поводом вступления Англии в войну. Речь идет о заявлении Чемберлена 31 марта в палате общин, что Англия и Франция окажут помощь Польше в случае угрозы её независимости¹⁹⁹. Аналогичные обязательства взяли на себя Лондон и Париж по отношению к Румынии, Греции и Турции²⁰⁰. Но ключевым пунктом в системе этих гарантий оставалась Польша.

Станислав Мацкевич следующим образом характеризует данное событие: «Одна из самых трагических дат в истории Польши – это гарантия независимости, данная нам Англией, которую англичане не собирались соблюдать ни в момент её объявления, ни когда-либо позже. Принятие этой гарантии было помешательством и сумасшествием»²⁰¹. Зная о слабости Бека перед признаками внешнего блеска и «выражения уважения», англичане прислали Идена на вокзал встречать польского министра «и от вагона, в котором он, Бек, приехал, до самого выхода с вокзала разложили красный ковёр. Бек был восхищён. Он, разумеется, не понимал, что по этому красному ковру идёт к катастрофе Польши»²⁰².

Апологеты политики «умиротворения» расценили англо-французские гарантии Польше как «революцию» в политике западных держав, как переход к «противоборству» с Германией²⁰³. В действительности ничего подобного не произошло. Изменилась только тактика «умиротворителей», но не их стратегия. Проводить старую политику открыто стало невозможно, к тому же у Гитлера пропало желание продолжать переговоры с Чемберленом. Поэтому английская дипломатия занялась изысканием средств давления на Гитлера: демонстративным заигрыванием с Советским Союзом и раздачей гарантий малым странам.

Суть вопроса заключается не в том, что Чемберлен вдруг решил остановить Гитлера и воевать за Польшу. Как это, на первый взгляд, ни звучит парадоксально, гарантии были даны именно для того, чтобы не воевать! Во-первых, как выше отмечалось, это было сделано с целью надавить на гитлеровцев и заставить их пойти на соглашение в желаемом чемберленами духе. Во-вторых, для того, чтобы успокоить общественное мнение. Гарантии были даны под напором общественности, возмущенной нарушением Гитлером мюнхенских «гарантий» и агрессией против Литвы. Но это была имитация принятия мер борьбы против агрессоров.

Английское общество требовало остановить Гитлера, предпринять реальные шаги по недопущению войны и расширению агрессии. Именно этого Чемберлен и не хотел. И то, что мы это утверждаем, не плод возбужденной фантазии или злонамеренная клевета. Доказательством этому служат все те факты, которые были приведены на предыдущих страницах, и те, о которых пойдёт речь далее. И везде мы видим Чемберлена как человека, выступающего за сговор с Гитлером за счёт других стран, чтобы «в конце тоннеля» агрессии оказался Советский Союз²⁰⁴. Не выдерживает даже легковесной критики и тезис о

¹⁹⁶ СССР в борьбе за мир..., С.265; Документы и материалы... Т. 2. С. 55.

¹⁹⁷ Год кризиса. Т. 1. С. 294, 314-315, СССР в борьбе за мир..., С.246, 265-266.

¹⁹⁸ Год кризиса. Т. 1. С. 315.

¹⁹⁹ СССР в борьбе за мир... С. 290; Документы и материалы... Т. 2. С. 62; Год кризиса. Т. 1. С. 350-351.

Мацкевич назвал это заявление катастрофичным по своим последствиям для Польши. // Мацкевич С. Политика Бека. С. 196.

²⁰⁰ Документы и материалы... Т. 2. С. 69-70; Год кризиса. Т. 1. С. 378-379; СССР в борьбе за мир... С. 329-330.

²⁰¹ Мацкевич С. Политика Бека. С. 192.

²⁰² Ibid. С. 196.

²⁰³ См.: Нидхарт Г. «Странная война» которая привела к «блицкригу». Выжидательная позиция Великобритании во время кризиса международной системы накануне и в начале второй мировой войны. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/N/Nidhart/Articles/Nidhart.html>.

²⁰⁴ Вот что пишет С. Мацкевич в этой связи: «Польше с лёгкостью, с радостью [Англия] дала эти жульнические „гарантии“. Почему? Да потому, собственно, что во всей английской дипломатической переписке с какого-то момента постоянно повторяется одно слово: Россия, Россия и Россия. Англия прежде всего хочет устроить так, чтобы Гитлер в первую очередь атаковал не их, англичан, а русских.

Итак, Англия понимает: как только Гитлер узнает, что Польша приняла нашу сторону, он, конечно же, нападёт на Польшу. Польша слаба, её армия на лошадках ничего не стоит, её Генеральный штаб состоит из людей низкого интеллектуального уровня, её военное снаряжение убого, а мы, разумеется, и гроша не дадим, чтобы хоть чем-то помочь вооружению Польши. Поэтому Гитлер быстрехонько управится с польской армией и тут-то встретится с глазу на глаз с русскими. Из этого должна возникнуть русско-немецкая война, то есть исполнение наших мечтаний, то есть отведение первичной угрозы от нас, направление её на Россию.

том, что побудительной причиной этого шага стало его собственное возмущение и гнев из-за того, что Гитлер его обманывает, или унижение тем, что в глазах собственного народа он предстал глупцом.

Во-первых, если это было бы так, этого не было бы вообще! Извините за тавтологию, но дело в том, что будь Чемберлен возмущен и оскорблен действиями и словами фюрера, не было бы Берхтесгадена и Годесберга и, тем более, самого Мюнхена, где Чемберлен в буквальном смысле терпел унижения. Было бы действие по пресечению агрессии, а не словоблудие о необходимости сохранения мира вообще и любой ценой, даже такой, которая требует пожертвовать многими странами и миллионами их граждан. Да и поведение премьера 15 марта, в день оккупации нацистами Чехословакии, ничуть не позволяет заподозрить его в возмущении действиями Гитлера, но об этом уже говорилось.

Более того, не только не было возмущения и гнева, а было действие, граничащее с государственной изменой, и вызванное боязнью, что, не дай бог, Гитлер не так поймет и, испугавшись (наверное его, Чемберлена!), остановится: Чемберлен предупредил Гитлера, что против этого не будут предприняты никакие действия! «Когда я занял Мемель, – засвидетельствовал потом Гитлер, – Чемберлен информировал меня через третьих лиц, что он очень хорошо понимал необходимость осуществления этого шага, хотя публично одобрить такой шаг он не мог»²⁰⁵.

Уж чего-чего, но только не воевать желал этот «человек с зонтиком». Здесь социально-политический корень, объясняющий суть «гарантий». О том, что их никто и не собирался выполнять, свидетельствует следующее: на заседании английского кабинета 24 мая министр по координации обороны лорд Чэтфильд строил следующие прогнозы: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские войска займут оборону на линии Мажино и будут сосредоточивать силы для наступления на Италию. Если Италия будет придерживаться нейтралитета, а в войну окажется вовлеченной Бельгия, то французские вооружённые силы, возможно, предпримут наступление через Бельгию. Но если Бельгия не будет участвовать в войне, то каких-либо действий против линии Зигфрида не предполагается». Что же, по мнению лорда Чэтфильда, должна предпринять сама Англия? «Мы, конечно, сможем осуществить эффективное воздушное наступление в случае... если в войну вступит Бельгия»²⁰⁶. А как в таком случае поступила бы Франция? В чём бы выразилась её помощь Польше и Румынии в случае нападения на них Германии? Боннэ на этот вопрос ответил: ни в чём ином, как в немедленном объявлении войны Германии²⁰⁷.

Иными словами, военные обязательства, взятые Англией и Францией в соответствии с объявленными гарантиями, были, по существу, блефом, преднамеренным обманом, обманом Польши и обманом собственной страны. Здесь напрашивается своеобразная аналогия с блефованием Гитлера во время чехословацкого кризиса. Тогда Гитлер блефовал, чтобы получить от англичан и французов целую страну, Чемберлен же давал гарантии, чтобы надавить на Гитлера. Но это был блеф, т.к. давить было нечем, да и цель давления состояла в толкании Гитлера на Восток.

Немецкий исследователь Себастиан Хауффнер писал в связи с этим: «Если вступление Гитлера в Прагу было демонстрацией в адрес Англии, то гарантии Чемберлена Польше были демонстрацией в адрес Германии. Фактически это был чистый блеф: Англия не могла защитить Польшу в случае нападения на неё Гитлера. И это понимал каждый. Заявление о гарантиях было просто сигналом Гитлеру: если вы сделаете с Польшей то же самое, что сделали с Чехословакией, то это будет означать войну с нами. Но и это было частично блефом. В 1939 году Англия не была в состоянии вести настоящую войну против Германии»²⁰⁸.

Итак, не вызывает сомнений тот факт, что гарантии Польше были хорошо рассчитанным жестом: они были призваны заменить собой союз с СССР, которого требовала английская общественность! Фактически они провоцировали гитлеровцев к нападению на Польшу²⁰⁹, служили целям тех кругов западных держав, которые стремились вывести вермахт к советским рубежам. Это мы попытаемся доказать, но к такому же выводу пришел и Л. Гарт: «Гарантии Польше были наиболее верным способом ус-

---

[Таким образом], гарантия независимости Польше, данная Англией, не только не была никакой гарантией нашей независимости, но, совершенно напротив, она была спекуляцией с целью как можно более скорой ликвидации этой независимости. Англия не только хотела, чтобы Польша попала под первый огонь войны с Германией, но и желала вдобавок, чтобы Польша в этой войне была по возможности беззащитна, чтобы она как можно скорее эту войну проиграла...

Где были те самолёты, корабли, танки, военное снаряжение и деньги, деньги прежде всего, которыми англичане „гарантировали“ нам помощь в случае нашествия Германии на Польшу?». // Мацкевич С. Политика Бека. С. 195-196, 198.

²⁰⁵ История второй мировой войны. Т. 2. С. 131.

²⁰⁶ Ibid. С. 126.

²⁰⁷ СССР в борьбе за мир... С. 307.

²⁰⁸ Хауффнер С. Самоубийство Германской империи. М., 1972. С. 46.

²⁰⁹ «Каждому должно быть ясно, что гарантии Чемберлена повлекут за собой германское нападение на нас». // Мацкевич С. Политика Бека. С. 198.

корить взрыв и начало мировой войны. Они подстрекали Гитлера доказать бесплодность подобных гарантий по отношению к стране, находящейся вне досягаемости Запада»²¹⁰. Таково же мнение и генерала К. Типпельскирха, который отмечал их беспочвенность без союза с СССР и то, что они толкали Гитлера к войне²¹¹.

А вот как оценивает английские «гарантии» Станислав Мацкевич: «Англия не нуждается в существовании Польши и никогда в ней не нуждалась. Временами в её интересах было толкнуть нас против России..., временами против Германии, временами, как в 1939-м, направить на нас Гитлера, чтобы тем самым отвести удар Гитлера от себя и направить его на Россию... Англия строит свою внешнюю политику на взаимных антагонизмах европейских великих держав. Ей необходимы трения между Россией и Германией. Существование великой Польши ослабляло бы эти трения. Таким образом, интерес Англии заключается в том, чтобы Польши вовсе не было, либо она была возможно наименьшей»²¹².

В чём же состоял провокационный характер этих гарантий? Во-первых, как уже выше отмечалось, в военном отношении Англия была слаба. Комитет начальников штабов составил доклад, где доказывалась практическая невозможность эффективной помощи Польше²¹³. К таким же выводам пришел и Черчилль, доказавший, что к началу 1939 г. соотношение сил было уже не в пользу союзников и что следовало покончить с Гитлером ещё в сентябре 1938 г.²¹⁴ Сам Гитлер это также прекрасно осознавал, а если так, то гарантии, данные именно Польше, как бы подсказывали: вот куда надо ударить, ведь мы дали гарантии Чехословакии, и они остались на бумаге, да и в отличие от прошлого года мы слабее вас и никак не сможем вам воспрепятствовать. В этом смысле, крупнейший английский специалист по истории международных отношений А. Дж. П. Тейлор отмечал, что «британские гарантии, данные Польше, прямоком вели к началу войны в Европе»²¹⁵.

Во-вторых, как отмечали Л. Гарт и У. Черчилль, выполнить свои гарантии Англия могла только с помощью России²¹⁶. Ллойд Джордж счел возможным предупредить парламент, что брать на себя такие чреватые последствия обязательства, не заручившись поддержкой России, – это безрассудство, подобное самоубийству²¹⁷. В беседе с Чемберленом он подтвердил свои слова и добавил: «При отсутствии твердого соглашения с СССР я считаю ваше сегодняшнее заявление безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться»²¹⁸. Подчеркиваем, «не было сделано даже предварительных шагов... чтобы выяснить, может ли Россия предоставить, а Польша принять подобную помощь»²¹⁹. Лиддел Гарт отмечает, что «Чемберлен питал чувства глубокой неприязни к Советской России, а Галифакс – религиозную антипатию»²²⁰. Ждать, что эти люди изменят себе и заключат союз с СССР было бы, по крайней мере, наивно. Приписать же Гитлеру наивность – это все равно, что считать, что можно осчастливить тигра, кормя его манной кашкой. Гитлер почти наверняка знал, что чемберлены и галифаксы скорее отдадут руку на отсечение²²¹, чем подпишут ему соглашение с Россией. А если так, то и гарантии Польше бессмысленны.

В подтверждение этого вывода можно привести слова Чемберлена, сказанные в июле 1939 года: «Если Лондон не сможет избежать соглашения с Советским Союзом, тогда британская подпись под документом не должна означать, что Англия окажет поддержку жертве агрессии и объявит войну Германии. Следует сохранить за собой возможность заявить, что Великобритания и Советский Союз интерпретируют события по-разному»²²².

Уверенность в том, что Англия и Франция не выступят, видна и в принятом 11 апреля 1939 г. плане

²¹⁰ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 26.

Мнение Лиддел Гарта подтверждается и следующим эпизодом. 11 августа Риббентроп информировал Чиано о неизменности решения напасть на Польшу. «Чего вы хотите? – спросил итальянский министр. – Коридора или Данцига?» «Ни того, ни другого, – ответил Риббентроп. – Мы хотим войны». // Системная история международных отношений. Т. 1. С. 301; Полторац А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965. С. 284.

²¹¹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956. С. 7, 9.

²¹² Мацкевич С. Политика Бека. С. 165.

* Этот вывод, естественно, не касается ВМФ.

²¹³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 26.

²¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 156-157.

²¹⁵ Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995 (militera.lib.ru/h/taylor/index.html).

²¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 156-157, 162; Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 26.

²¹⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 26.

²¹⁸ Год кризиса. Т. 1. С. 353-354; СССР в борьбе за мир... С. 290-291.

²¹⁹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 26.

²²⁰ Ibid. С. 27.

²²¹ О нежелании чемберленовской клики пойти на полномасштабное соглашение с Советским правительством см.: Нидхарт Г. «Странная война» которая привела к «блицкригу». Выжидательная позиция Великобритании во время кризиса международной системы накануне и в начале второй мировой войны. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/N/Nidhart/Articles/Nidhart.html>.

²²² Falin V. „Al Doilea Război Mondial s-ar fi putut încheia în 1943”. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 5. P. 24.

«Вейс», плане нападения на Польшу²²³: «Усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекающая отсюда сдержанность Англии в недалеком будущем могли привести к созданию такого положения»²²⁴, т.е. положения, когда Запад не выступит. Сам по себе план «Вейс» уже доказывает, что Гитлер не верил чемберленовским «гарантиям», и весь предыдущий опыт общения с «мюнхенцами» подсказывал ему: воевать они не будут, не хотят, не могут! Воевать должен будет он. И он, конечно, готовился.

В-третьих, давая гарантии Польше, но не давая их прибалтийским государствам, Гитлеру как бы намекали, что если он не решится напасть на Польшу, то через Прибалтику путь свободен! А это не могло не столкнуться СССР с Германией.

Как видим, в нежелании выполнять данные Польше обязательства состояла подлость британского демарша, а в невозможности их выполнить – его слабость. В любом случае без СССР они теряли практический смысл: во-первых, если бы англичане захотели выполнить свои обязательства, случилось бы поражение англо-французского блока; во-вторых, в случае отказа от такового, был бы нанесен непоправимый удар по международному престижу Лондона. Этот шаг был не просто и даже совсем не ошибкой, а, как уже отмечалось, хорошо рассчитанным жестом, подталкивавшим Гитлера на Восток.

Следует отметить, что советское руководство верно понимало смысл гарантий²²⁵. Литвинов писал Майскому по этому поводу: «Можно допустить, что неожиданной готовностью прийти на помощь Польше и Румынии Чемберлен подсказывает Гитлеру направление его агрессии на северо-восток. Чемберлен рассчитывает, что мы воспротивимся оккупации Прибалтики и что произойдет на этой почве советско-германское столкновение, о котором Чемберлен мечтает»²²⁶. В позиции СССР был факт осознания того, что односторонние гарантии Англии и Франции Польше не могут заменить полномасштабного соглашения миролюбивых стран против агрессоров²²⁷, а лишь имитируют его, и что в новой форме продолжается старая политика «умиротворения» Гитлера, на этот раз за счёт Польши, и попытка канализации агрессии на Восток.

По мнению Мосли, «трудно найти в англо-польском соглашении²²⁸ какое-либо достоинство вообще»²²⁹, а неуверенность в его эффективности, в случае нападения Гитлера на Запад, заставляла его лидеров метаться и искать другие пути. По-видимому, даже такие твердолобые, как Чемберлен, начинали понимать, что могут остаться один на один с агрессором, а это уже грозит крушением Британской империи. Сама жизнь заставляла «мюнхенцев» искать дополнительную поддержку против Гитлера.

Хронологически и логически мы подошли, в общем, к вопросу об англо-франко-советских переговорах весны и лета 1939 г., а также англо-германских и советско-германских, параллельных этому, контактах. Эти переговоры были последним шансом не допустить войну, и, если бы у сторон были соответствующие желание и воля, – это был бы стопроцентный шанс!

5. Англо-франко-советские переговоры весной и летом 1939 года²³⁰

Настроения на Западе накануне переговоров. Чтобы лучше ощутить атмосферу, царившую на Западе до начала этих переговоров, вернёмся в один из дней накануне их начала: 1 апреля по приглашению Черчилля в Чартуэлл, его имение в Кенте, прилетел Дж. Дэвис, в то время посол США в Бельгии и, как мы уже отмечали, убежденный сторонник создания системы коллективной безопасности в Европе. Эти двое хорошо понимали друг друга и как никогда ранее не сомневались в необходимости подписания пакта с Москвой. Несколько позднее, в тот же день, Дэвис завтракал с Дж. Кеннеди[†] и вновь очутился в атмосфере умиротворения.

²²³ См.: Документы и материалы... Т. 2. С. 66-68; Год кризиса. Т. 1. С. 375-378.

²²⁴ Документы и материалы... Т. 2. С. 66; Год кризиса. Т. 1. С. 376.

²²⁵ См.: СССР в борьбе за мир... С. 291-292, 300, 302-304.

²²⁶ Ibid. С. 303.

²²⁷ В связи с англо-французскими «гарантиями» Иван Майский записал в своём дневнике: «Обязательства, данные британским правительством Польше, Румынии и Греции, делают для него безусловно необходимым быстрый сговор с СССР, ибо без нас эти обязательства нереализуемы. Что реального может сделать Англия (или даже Англия и Франция вместе взятые) для Польши и Румынии в случае нападения на них Германии? Очень мало. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьёзной угрозой, Польша и Румыния перестанут существовать» (Соколов В.В. Великобритания на пути ко второй мировой войне. // ННИ, 2009, № 5. С. 80).

Выводы советского посла полностью подтвердились всеми последующими событиями.

²²⁸ 4-6 апреля в Лондоне проходили переговоры Чемберлена с польским министром иностранных дел Беком, в результате чего односторонняя английская гарантия стала двусторонней англо-польской. // Документы и материалы... Т. 2. С. 65; Год кризиса. Т. 1. С. 361; СССР в борьбе за мир... С. 308-309.

²²⁹ Мосли Л. Утраченное время. С. 218.

²³⁰ См.: Ржешевский О.А. Москва, Спиридоновка, 17. // ВИЖ, 1989, № 7; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 299-300; Ștefănescu A.V. Ultimele zile de pace. // Dosarele istoriei. 2004, Nr. 9.

[†] Примечание научного редактора: Посол США в Великобритании и отец Дж. Ф. Кеннеди.

«Я предложил Кеннеди, – писал Дэвис, – передать от моего имени Чемберлену, что если англичане не проявят достаточной осторожности, то толкнут Сталина в объятия Гитлера. Англия и Франция пренебрежительно обошли Россию, которая тогда была их союзником, и она им больше не доверяет. Англия и Франция стремились использовать Россию в своих интересах и оставить её сражаться один на один; Сталин больше всего хотел мира для России и может решиться на сближение с Гитлером в качестве наилучшего средства обеспечения своей безопасности, по крайней мере, на некоторое время»²³¹.

Дэвису не удалось повлиять на Кеннеди, который питал инстинктивную антипатию к Советской России; его взгляды подкреплялись ошибочной информацией о военном потенциале Советского Союза. Кеннеди сказал Дэвису, что «России придётся воевать за Польшу или Румынию независимо от того, будет ли формально заключен договор с Англией и Францией или нет, так как это важно для интересов самой России». «Ошибочная теория, – возразил Дэвис. – В России трезво смотрят на вещи. Там принимают все меры, чтобы избежать войны. Пока чувствуют себя уверенными, что, имея... очевидное превосходство в силе, могут совместно с Англией и Францией нанести поражение Гитлеру в случае войны... Так или иначе, – резюмировал Дэвис, – по-видимому, невозможно оказать какое-либо влияние на политическую атмосферу в Лондоне». «Я твердо убежден, – телеграфировал он Рузвельту, вернувшись в Брюссель, – что решающим фактором, которым руководствуется Гитлер в вопросе... быть миру или войне в Европе в это лето, является то, заключат или не заключат Англия и Франция конкретное соглашение с Советским Союзом...»²³².

Мы привлекли внимание читателей к поездке Дэвиса в Лондон именно потому, что здесь выражена вся квинтэссенция международной ситуации перед началом переговоров, четко показаны позиции всех европейских центров силы. Судьба мира зависела от тех или иных результатов их взаимодействия. К сожалению, ситуация была такова, что вынужденные начать переговорный процесс с СССР, «мюнхенские миротворцы» не думали с ним взаимодействовать.

Начало переговоров. Об этих переговорах написано много, и мы не будем их чрезмерно подробно излагать. Нас интересуют сам подход и цели Запада в ходе переговоров, методика их ведения, их оценка немецкой дипломатией и стремление последней воспользоваться стратегическим просчётом Запада в диалоге с Советским Союзом. Не менее важным представляется и освещение позиции и целей СССР в ходе этих переговоров, могли ли они привести к другим результатам, т.е. была ли реальная альтернатива произошедшим в последнюю декаду августа событиям и можно ли было не допустить мировой войны?

Естественно, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать большой и хорошо известный фактологический материал, поэтому повторение уже известных истин неизбежно. Данный вопрос имеет не только научное значение, он достаточно идеологизирован и политизирован, поэтому, как говорил классик, если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы²³³. Поэтому даже некоторые очевидные истины, касающиеся событий накануне войны, опровергаются и ещё долго будут опровергаться. Для того, чтобы избежать этого, следует отдалиться от них во времени на такое же расстояние, как до Пунических войн.

После неудачи с советскими предложениями и контрпредложениями англичан в апреле начинаются переговоры, длившиеся более 4-х месяцев. Но Запад оставался верен себе: последовало предложение²³⁴ обязать СССР прийти на помощь жертвам гитлеровской агрессии в Восточной и Западной Европе, однако без ответных обязательств. Кроме того, прибалтийское направление не прикрывалось англо-французскими гарантиями. Москва поняла, что «мюнхенцы» не стремились к соглашению с СССР, а пытались надавить на Гитлера, чтобы последний пошёл на сделку с Англией и Францией под угрозой тако-го соглашения. Одновременно успокаивалась и общественность²³⁵: мы же ведём переговоры!

Все документы свидетельствуют, что в Москве не просто желали тройственного союза, но надеялись, что его удастся заключить. Представленные 17 апреля советские предложения сводились к следующему: СССР, Англия и Франция должны заключить союз с обязательством оказания друг другу помощи в случае, если одна из держав подвергнется агрессии; вместо односторонних гарантий должен быть принят принцип автоматического вступления в действие пакта также в случае нападения на любую из восточно-европейских стран, граничащих с СССР на всём протяжении от Балтийского до Черного моря; договор должен быть подписан одновременно с военной конвенцией, которая установит формы и размеры взаимной помощи; все три правительства должны принять на себя обязательство не заключать сепаратного мира в случае войны²³⁶. В этой советской позиции был новый принципиальный аспект:

²³¹ Мосли Л. Утраченное время. С. 223.

²³² Ibid. С. 224.

²³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 17.

²³⁴ Документы и материалы... Т. 2. С. 70-72; Год кризиса. Т. 1. С. 379-383; СССР в борьбе за мир... С. 331-333.

²³⁵ По результатам исследования, проведенного Институтом Гэллага накануне Второй мировой войны опроса общественного мнения Великобритании, 92 % граждан этой страны выступали за заключение военного союза с Советской Россией. // См.: // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

²³⁶ Год кризиса. Т. 1. С. 386-387; СССР в борьбе за мир... С. 336-337; Документы и материалы... Т. 2. С. 72.

решимость избегать расплывчатых, никого ни к чему не обязывающих соглашений или односторонних для СССР обязательств. СССР был намерен действовать на условиях равноправия со своими союзниками – обязательства должны быть взаимными и паритетными.

Если бы Лондон и Париж реально стремились к соглашению с целью предотвращения агрессии, то это и был тот случай, когда этого можно было достичь. Но Боннэ заявил, что «вряд ли можно рассчитывать найти на его основе скорое решение»²³⁷. 19 апреля на заседании внешнеполитического комитета британского правительства обсуждение советских предложений свелось к тому, что Англия по политическим соображениям была против военного союза с СССР и члены комитета были «не расположены принимать советские предложения»²³⁸. 26 апреля эти предложения были рассмотрены уже на заседании британского правительства и тоже были отвергнуты. Главным аргументом послужило соображение, что подписание Англией и Францией союза с СССР отрицательно отразилось бы на англо-германских отношениях²³⁹. Вот в чём суть!^г

25 апреля был получен французский ответ²⁴⁰, который Литвинов назвал издевательским²⁴¹, т.к. не предусматривалась помощь СССР со стороны Англии и Франции в случае прямой против него агрессии, в то время как СССР обязан был это сделать. На первый взгляд, французская сторона декларировала взаимность обязательств: «В случае, если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленную помощь и поддержку. В случае, если бы вследствие помощи, оказанной Союзом ССР Франции и Великобритании в условиях, предусмотренных предыдущим параграфом, СССР оказался бы в свою очередь в состоянии войны с Германией, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленную помощь и поддержку».

Этот проект, по существу, отклонял очень важные составные части советских предложений. Его «взаимность» была весьма относительной. Если на СССР налагались обязательства помочь Франции и Англии в любом случае их войны с Германией (даже если они сами её начнут), то поддержка Советскому Союзу предусматривалась лишь после того, как он окажет помощь Англии и Франции.

Когда Суриц обратил на это внимание Боннэ, последний, изобразив смущение, заявил, что из-за своей чрезмерной занятости редакцию проекта перепоручил генеральному секретарю МИДа Леже и что признает редакцию предложения «неудачной» и сегодня же пришлет исправленную им самим новую редакцию²⁴². 29 апреля ответ в новой редакции был получен²⁴³. На этот раз принцип паритета был соблюден, но он предусматривал только вариант нападения Германии на страны Центральной и Восточной Европы. И ничего не говорилось о взаимной помощи на случай прямого нападения на одну из трёх держав, о предоставлении гарантий со стороны трёх держав всем восточноевропейским странам, расположенным между Балтийским и Черным морями, об отказе от заключения с агрессором после открытия военных действий сепаратного мира, об одновременном подписании трёхстороннего договора и военной конвенции.

Англичане же тянули с ответом Москве до 8 мая²⁴⁴, а немцы уже 26 апреля знали, что ответ этот будет отрицательным и трёхсторонний пакт будет отвергнут. Знали немцы и о позиции Польши и Румынии²⁴⁵. В результате, 28 апреля Гитлер аннулировал англо-германское морское соглашение и польско-германское о ненападении²⁴⁶. Это был открытый вызов Западу. В беседе с Риббентропом он четко раскрыл планы дальнейших завоеваний и их очередность: Польша – Запад – Советский Союз. Польшу

²³⁷ СССР в борьбе за мир... С. 348.

²³⁸ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 242; Сиполс В.Я. Внешняя политика... С. 242.

²³⁹ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 244; Сиполс В.Я. Внешняя политика... С. 243-244.

^г Примечание научного редактора: На заседании комитета по внешней политике английского правительства от 19 апреля было решено «не отвергать советские предложения», но одновременно дать понять Москве, «что для военного союза время ещё не пришло». При этом британское руководство осознавало, что «Советы могут заключить какое-либо соглашение с германским правительством». // Соколов В.В. Великобритания на пути ко второй мировой войне. // ННИ, 2009, № 5. С. 78.

²⁴⁰ Документы и материалы... Т. 2. С. 74; Год кризиса. Т. 1. С. 399; СССР в борьбе за мир... С. 348-349.

²⁴¹ Год кризиса. Т. 1. С. 413; СССР в борьбе за мир... С. 350.

²⁴² Год кризиса. Т. 1. С. 413; СССР в борьбе за мир... С. 357.

²⁴³ Год кризиса. Т. 1. С. 413-414; СССР в борьбе за мир... С. 357.

²⁴⁴ Следует отметить, что, объясняя это, британский посол У. Сидс, посетив 3 мая Литвинова, заявил, что ответ задерживается лишь по причине сверхзанятости правительства другими вопросами. Высшая степень бестактности! // Год кризиса. Т. 1. С. 423; СССР в борьбе за мир... С. 366.

Буллит в этой связи отмечал, что политика британского правительства по отношению к СССР была «почти что оскорбительной». Французский посол в Москве Паярд также считал, что англичане своей политической «к советской обиде... добавили ещё и оскорбление». // Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 245.

²⁴⁵ Год кризиса. Т. 1. С. 405; СССР в борьбе за мир... С. 352.

²⁴⁶ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 246.

он разобьет за 8 – 14 дней, а Англия и Франция не вмешаются. Первая ограничится военно-морской демонстрацией, а вторая побряцает оружием за своей линией Мажино, и на этом дело и кончится»²⁴⁷.

И в этих условиях, когда Гитлер планировал быть готовым к началу военных действий в июле – августе, Лондон не спешил, а полученный ответ²⁴⁸ по форме и содержанию был значительно хуже французского от 25 апреля. Он сводился к предложению, чтобы Советское правительство «обязалось бы в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств оказать немедленное содействие, если оно будет желательным»²⁴⁹. Характеризуя это предложение, Суриц писал Литвинову: «Оно втягивает нас автоматически в войну с Германией, когда Англии и Франции заблагорассудится воевать с Германией из-за данных ими без согласования с нами обязательств. Они признают лишь за собой право установить как момент, так и круг объектов такого конфликта, отводя нам роль слепого спутника»²⁵⁰.

Разве мало-мальски уважающее себя государство могло принять подобное предложение?!^г Как и французский проект от 25 апреля, английский не предусматривал помощи СССР в указанных выше вариантах. Более того, если предположить (а этого нельзя было исключить), что Польша и Румыния согласились бы пропустить германские войска через свои территории, не оказывая им сопротивления, или даже договорились бы с гитлеровцами против СССР, то и в таком случае Англия не собиралась сотрудничать с Советским Союзом, который оказался бы один на один с нацистской Германией.

Учитывая всё это, невольно (в который раз) возникает вопрос: зачем было вообще затевать переговоры? Ответ на этот вопрос содержится в протоколе заседания правительства от 3 мая 1939 г., раскрывающем тактику английской дипломатии: правительство считает необходимым продолжать переговоры с Советским Союзом, чтобы не допустить нормализации отношений СССР и Германии²⁵¹. Высшая степень вероломства по отношению к потенциальному союзнику и к своему народу!

Отставка Литвинова с должности НКВД. Не исключено, что эта политика содействовала и замене 3 мая в должности народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова В.М. Молотовым²⁵². Ещё 21 апреля 1939 г. в сталинском кабинете в Кремле состоялось совещание с участием некоторых членов Политбюро, а также Литвинова, Потёмкина, Майского и Мерекалова, на котором политика наркома, односторонне ориентированная на Англию и Францию была подвергнута критике²⁵³. Черчилль по этому поводу писал: «Смещение Литвинова означало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами...»²⁵⁴. В западной, а в 90-е годы и в постсоветской историографии это событие оценивалось как прелюдия к новой, пронемецкой ориентации советской дипломатии²⁵⁵. Но заметим, что ни мнение Черчилля, ни тем более второе предположение не подтверждаются никакими документами. Более того, ещё несколько месяцев стратегический курс внешней политики СССР не менялся.

²⁴⁷ Документы и материалы... Т. 2. С. 76-79; Год кризиса. Т. 1. С. 419-422; СССР в борьбе за мир... С. 362-365.

²⁴⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 84-85; Год кризиса. Т. 1. С. 438-439; СССР в борьбе за мир... С. 382-383.

²⁴⁹ Год кризиса. Т. 1. С. 413; СССР в борьбе за мир... С. 357.

²⁵⁰ СССР в борьбе за мир... С. 385-386.

^г Примечание научного редактора: На вопрос Галифакса, чем не нравятся русским английские предложения от 8 мая, Майский ответил: «Перед СССР сейчас имеются две возможные дороги:

1. Политика изоляции и свобода рук в международных делах. Это могло бы обеспечить ему, учитывая его мощь, богатство ресурсами, многочисленность населения и прочая, относительную безопасность, но не предупредить мировую войну.

2. Политика блока с Англией и Францией возлагала бы на СССР тяжёлые военные обязательства, лишала бы его свободы действий в международных делах, но зато обещала бы большую безопасность, ибо таким путём можно было бы надеяться предотвратить мировую войну.

СССР предпочитает второй путь, но нужны гарантии безопасности. Иначе ему не имеет смысла отказываться от перспектив, открываемых первым путём». // Соколов В.В. Великобритания на пути ко второй мировой войне. // ННИ, 2009, № 5. С. 80.

Английское правительство оставалось слепо и глухо к трагично складывающейся реальности.

²⁵¹ Европа в международных отношениях. С. 382.

²⁵² Итальянский посол в Берлине Аттолико сделал предположение, что отставка Литвинова напрямую связана с провалом советско-английских переговоров. // Михайленко А.В., Михайленко В.И. Новые итальянские дипломатические документы о военно-политическом кризисе накануне второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 4. С. 151.

²⁵³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917-2002 гг. М., 2002. С. 236.

²⁵⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 166.

²⁵⁵ См.: Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. С. 515; Кеннан Д. Россия и Запад... // Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль. С. 68; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 289.

Так, например, известный российский историк пишет: «Смещение Литвинова означало отход советского руководства от политики коллективной безопасности, курс на лавирование между противоположными группировками на международной арене в стремлении к наиболее выгодным условиям соглашения». // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 147.

К тому же, и Литвинов, и Молотов выражали одну линию – обеспечение национальной безопасности СССР, условно назовем её «линией Сталина». Да и не мог Литвинов в тех условиях иметь отличное от Молотова, а тем более от Сталина, мнение. Суть, по-видимому, в другом – как добиваться этой цели. То, что Литвинов воплощал линию на сотрудничество с Западом – это факт. А так как Молотов подписал пакт с Германией, ему (заметьте, значительно позднее) приписали якобы прогерманскую ориентацию. Верно здесь скорее то, что он был свободен от прежних литвиновских стереотипов действий и заявлений. Но эта «новая ориентация» – лишь внешняя видимость и случайное совпадение, что именно Молотов подписал пакт. Будь Литвинов наркомом иностранных дел, он сделал бы это, а договорись СССР с Западом – и тогда Молотов подписал бы соглашение. И если не договорились, то вовсе не потому, что Литвинов уже не был на своей должности.

Так вот, суть в методах, которыми и Литвинов, и Молотов пытались добиться цели обеспечения безопасности СССР. Обстановка, как известно, изменилась, доверия к Западу не оставалось, была лишь надежда, что объективно, с точки зрения своей безопасности, Запад заинтересован в сотрудничестве с СССР (здесь Сталин проявлял здравый реализм, основанный на логике государственного эгоизма, и не его вина, что классовый инстинкт заглушил в «мюнхенцах» этот нормальный инстинкт самосохранения). Следовало пробудить и реализовать эту заинтересованность. «Мягкотелый» Литвинов для этого не годился, от его методов требовалось отказаться хотя бы на время.

Необходимо было говорить с Западом другим языком – жестко и требовательно: либо союз с серьезными обязательствами и без всяких уверток, либо ничего. Удивительно не то, что Литвинова заменили, удивительно, что с Западом ещё так долго продолжался диалог без реальных результатов, когда ситуация была иной. И тот же Черчилль это подтверждает: «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в таком случае от них будет мало проку. Надвигавшаяся буря была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе»²⁵⁶. А квинтэссенция ответа в следующем: советское руководство посчитало, что Молотов в тех условиях лучше сможет «позаботиться» о реализации государственных интересов Советского Союза.

Мнение, что отставке М. Литвинова способствовал и Запад, ввиду политики проволок на англо-франко-советских переговорах, небезосновательно. Литвинов усматривал возможность обеспечения безопасности страны только на основе создания системы европейской коллективной безопасности и, думается, не допускал альтернативы. Это, конечно, только предположение, не подтверждаемое пока документально, а лишь косвенно. Литвинов ни разу не встречался с Гитлером и Риббентропом, ни разу не принял Шуленбурга[†]. Некоторые объясняют этот факт тем, что он был евреем. Но, думается, причина кроется в его глубоком антифашизме, не допускавшем даже на государственном уровне контактов с нацистами, и поэтому в условиях, когда союз с Западом становился всё более проблематичным, он, естественно, не соответствовал занимаемой должности. Вопрос об отставке М.М. Литвинова объективно назрел, если советское руководство намеревалось проводить не политику односторонней ориентации на Запад против Гитлера, а политику обеспечения национальных интересов любым путём и отличную от прежних идеологических ориентиров.

На этой почве у Литвинова могли, естественно, возникнуть столкновения с Молотовым, человеком сугубо прагматичным. Есть свидетельства, что отставке Литвинова предшествовало бурное объяснение его с Молотовым в кабинете Сталина. Об этом свидетельствует и телеграмма Сталина 3 мая всем полпредам за рубежом²⁵⁷. Естественно, что смена наркома в тех условиях что-то значила. Но согласиться с мнением, что смена Литвинова Молотовым означала смену курса внешней политики страны, нельзя. Курс не был сменен. Изменились лишь некоторые его стороны. Пополнились методы и средства его реализации. Но в целом он сохранялся ещё в течение трёх с половиной месяцев, хотя возможности его проведения постоянно сужались, пока не зашли в тупик. О смене курса можно говорить лишь с последней декады августа. До этого советское государство прилагало усилия, чтобы добиться соглашения с Западом, а отношения с Германией были второстепенны и как бы держались про запас. Но об этом речь пойдёт ниже.

Продолжение переговорного процесса. 14 мая Молотов дал ответ Советского правительства²⁵⁸, который, по сути, не отличался от предложений 17 апреля. Отношение английского кабинета и на этот

²⁵⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 166.

[†] Примечание научного редактора: Фридрих-Вернер граф фон дер Шуленбург, немецкий дипломат, посол Германии в СССР (1934-1941), сторонник германо-советского сближения. Участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера. Вот что писал про него сотрудник германского посольства в Москве и советский разведчик Г. Кегель: «Он оказался человеком, имевшим собственное мнение, которое он, однако, слишком долго скрывал, когда речь шла о выполнении указаний министра иностранных дел». // Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987. С. 154.

²⁵⁷ ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 81; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. С. 396.

²⁵⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 86-87; Год кризиса. Т. 1. С. 458-459; СССР в борьбе за мир... С. 359.

раз осталось неизменным²⁵⁹. Комментируя его, Ллойд Джордж говорил в парламенте: «Существует большое желание обойтись без России. Ещё месяц назад Россия предложила свою помощь. И мы месяцами смотрели дареному коню в зубы... Была кампания умаления русской армии, русских ресурсов, русских возможностей и русского руководства. Часть этой кампании проводилась открыто, однако в основном она велась в домашнем кругу, конфиденциально... Правда заключается в том, что у русских самый мощный воздушный флот в мире, у них исключительно мощные танковые войска. И они предлагают предоставить всё это в наше распоряжение, при одном условии, что с ними будут обращаться на равных. Почему это не делается?.. Почему мы до сих пор не решили, что должны действовать с Россией на тех же условиях, что и с Францией?.. И тогда шансы избежать войны увеличились бы»²⁶⁰.

После него выступил Черчилль: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством?.. Ясно, что Россия не пойдёт на заключение соглашения, если к ней не будут относиться, как к равной... Без действенного Восточного фронта невозможно удовлетворительно защищать наши интересы на Западе, а без России невозможен действенный Восточный фронт. Если правительство... отклонит... необходимую помощь России... таким образом, вовлечет нас наихудшим путём в наихудшую из всех войн...»²⁶¹.

Наконец, 27 мая от имени Англии и Франции был получен ответ²⁶². В этих предложениях (в пункте 1 и 2) предусматривалась английская и французская помощь СССР (и наоборот) в случае прямого нападения Германии. Однако ст. 4 относительно механизма предоставления этой помощи сводила на нет этот документ. Она предусматривала в случае возникновения конфликта не немедленные действия, а консультации относительно создавшегося положения, т.е., пока одного Гитлер будет убивать, остальные двое должны решить, в самом ли деле у него серьёзные намерения или же он шутит. А если поймут, что не шутит, то начнут консультации и с союзником (когда ставить ему припарки, до или после того?!). К тому же, согласно англо-французскому проекту, эти консультации должны были осуществляться в соответствии с принципами, изложенными в ст. 16 устава Лиги Наций, а это крайне усложняло дело.

Естественно, что, ознакомившись с этим документом, Молотов отверг его, заявив, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нём²⁶³. Кроме того, устранив один недостаток, этот проект сохранял все остальные, о которых говорилось выше. Получалось, что, уступив в чем-то, англичане и французы не приняли главного, а то, что приняли, обусловили неприемлемой процедурой.

Видный деятель консервативной партии Г. Ченон, характеризуя этот проект, писал, что правительство проявило хитрость, связав договор с Лигой Наций, в результате чего новое обязательство в действительности было «совершенно пустым». Предусматриваемое соглашение «такое легковесное, такое нереальное и такое неприменимое, что оно может только побудить нацистов посмеяться над нами»²⁶⁴. Дабы не стать объектом насмешек, Молотов посоветовал английскому и французскому послам поискать других партнёров²⁶⁵.

Чемберлен высказался о переговорах с СССР как о блефе и о том, что Гитлеру нечего опасаться объединенного фронта Англии, Франции и СССР²⁶⁶. А. Кадоган писал 20 мая: «Премьер-министр заявил, что скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»²⁶⁷. В своём дневнике Чемберлен записал: «Если бы диктаторы имели чуточку терпения, я смог бы предложить им путь..., чтобы удовлетворить требования Германии»²⁶⁸.

Неискренность поведения английского правительства бросалась в глаза каждому непредубежденному политику. По этому поводу Ф. Рузвельт говорил, что у него создается впечатление, будто британское правительство занято не вопросом о заключении важнейшего международного договора, а покупает на базаре персидский ковер: торгуется из-за каждой мелочи и прибавляет по пенсу через каждые полчаса. Он считал, что это самый плохой метод ведения переговоров вообще, а с СССР в особенности²⁶⁹.

²⁵⁹ См.: Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 251-252; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 246-247; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла... С. 403-404; Панкрашова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну. М., 1970. С. 42-43.

²⁶⁰ Мосли Л. Утраченное время. С. 224-225.

²⁶¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 170-171.

²⁶² Документы и материалы... Т. 2. С. 104-105; Год кризиса. Т. 1. С. 512-513; СССР в борьбе за мир... С. 421-422.

²⁶³ Документы и материалы... Т. 2. С. 101-104; Год кризиса. Т. 1. С. 508-511; СССР в борьбе за мир... С. 417-421.

²⁶⁴ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 249; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 257.

²⁶⁵ Документы и материалы... Т. 2. С. 102; Год кризиса. Т. 1. С. 509; СССР в борьбе за мир... С. 418.

²⁶⁶ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 404.

²⁶⁷ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 247; Сиполс В.Я. Внешняя политика. С. 252.

²⁶⁸ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 404.

²⁶⁹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 366.

30 июня 1939 г. в беседе с советским полпредом К.А. Уманским ФДР заявил: «Сроки новой агрессии исчисляются неделями... С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США». // Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6. С. 4.

2 июня в ответе Англии и Франции Советское правительство вновь по сути повторило свои предложения от 17 апреля²⁷⁰. Единственным принципиальным дополнением к предыдущим проектам было то, что СССР, кроме всех восточно-европейских стран, давал гарантии Турции, Греции и Бельгии. На второй день в беседе с Сурицем Даладье согласился с советским проектом и добавил к нему тезис о том, что стороны должны прийти на помощь жертве агрессии и в случае косвенной агрессии²⁷¹. Вопрос о косвенной агрессии был поднят и Галифаксом в беседе с Майским 8 июня²⁷². В целом в эти дни продолжались прения по различным аспектам соглашения и, в первую очередь, по вопросу о гарантиях малым странам. Советское правительство согласилось предоставить гарантии Швейцарии и Голландии, но впоследствии англичане и французы сняли это предложение. Советы настаивали на заключении в кратчайший срок военной конвенции.

15 июня 1939 г. правительства Англии и Франции сообщили Советскому правительству свои замечания²⁷³, которые, в принципе, не отличались от предыдущих англо-французских предложений. Уже на следующий день был дан ответ советского правительства²⁷⁴. В нём отмечалось совпадение позиций только по одному вопросу – прямой агрессии против одной из трёх стран. В остальном позиция англичан и французов была неизменной. Правительство Франции было более склонно к соглашению, но во всех спорах, возникавших у него с Лондоном, оно позволяло Чемберлену вести себя на поводу.

Продолжение переговоров в Москве. В середине июня вместо пересылки предложений начались непосредственные переговоры представителей трёх держав в Москве. Кремль пригласил Галифакса в Москву, но он под предлогом занятости не поехал, и в СССР был направлен второразрядный чиновник Форин Оффис У. Стрэнг²⁷⁵. Его задача, впрочем, заключалась лишь в том, чтобы передать британскому послу новые инструкции, а переговоры от имени Великобритании и Франции вели их послы У. Сидс и П. Наджиар, не имевшие полномочий принимать решения. По этому поводу Ллойд Джордж говорил: «Лорд Галифакс посетил Гитлера и Геринга. Чемберлен отправлялся в объятия фюрера три раза подряд... Почему в гораздо более мощную страну, которая предлагает нам свою помощь, послали представлять нас лишь чиновника Форин Оффис? На это можно дать лишь один ответ. Г-н Невиль Чемберлен, лорд Галифакс и сэр Саймон не желают союза с Россией»²⁷⁶.

Переговоры проходили крайне медленно, хотя даже Чемберлен отмечал, что «русские преисполнены стремления достигнуть соглашения»²⁷⁷. 21 июня англичане и французы вновь выдвинули проект 1-й статьи договора²⁷⁸, но уже 22-го Советское правительство отклонило его «ввиду того, что эти предложения являются повторением старых... неприемлемых»²⁷⁹. Характеризуя ход переговоров, А. Жданов[†] «от себя лично» сделал вывод, что «английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР..., а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака... Англичане и французы хотят не настоящего договора..., а только лишь разговоров о договоре, для того, чтобы... облегчить себе путь к сделке с агрессорами»²⁸⁰. Следует отметить, что, строго следя за ходом событий, к таким же выводам пришли в Берлине и Риме: «То, каким образом две западные державы ведут переговоры с Советами, является доказательством того, что политика противодействия не имеет глубоких корней...»²⁸¹.

На заседании 1 июля англичане и французы сделали, наконец, второй шаг навстречу русским: дали согласие распространить гарантии трёх держав и на Прибалтийские страны²⁸², но только в случае прямой агрессии Германии. В ответе от 3 июля²⁸³ Молотов добавил к этому и помощь в случае косвенной агрессии. 8-9 июля переговоры продолжились, и послы сочли приемлемым советское толкование термина «косвенная агрессия». Был принят пункт о запрещении сепаратного соглашения с агрессором и распространены гарантии трёх договаривающихся сторон на 10 стран²⁸⁴.

Казалось, что все вопросы решены и можно подписывать полновесное тройственное соглашение.

²⁷⁰ Документы и материалы... Т. 2. С. 113-115; Год кризиса. Т. 2. С. 5-6; СССР в борьбе за мир... С. 432-433.

²⁷¹ СССР в борьбе за мир... С. 434.

²⁷² Ibid. С. 442; Год кризиса. Т. 2. С. 16.

²⁷³ Документы и материалы... Т. 2. С. 121-122; Год кризиса. Т. 2. С. 31; СССР в борьбе за мир... С. 450-451.

²⁷⁴ Документы и материалы... Т. 2. С. 122; Год кризиса. Т. 2. С. 33; СССР в борьбе за мир... С. 451-452.

²⁷⁵ Черчилль назвал это назначение оскорбительным для СССР. // Черчилль У. Вторая мировая.... Кн. 1. С. 176.

²⁷⁶ История второй мировой войны. Т. 2. С. 135.

²⁷⁷ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 251.

²⁷⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 126; Год кризиса. Т. 2. С. 45-46; СССР в борьбе за мир... С. 459-460.

²⁷⁹ Год кризиса. Т. 2. С. 46; СССР в борьбе за мир... С. 460.

[†] Примечание научного редактора: Андрей Жданов – тогда секретарь ЦК ВКП(б) и глава ленинградской партийной организации.

²⁸⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 71-73; СССР в борьбе за мир... С. 473-475.

²⁸¹ Год кризиса. Т. 2. С. 74.

²⁸² Ibid., СССР в борьбе за мир... С. 476; Документы и материалы... Т. 2. С. 129.

²⁸³ Документы и материалы... Т. 2. С. 130; Год кризиса. Т. 2. С. 80-81; СССР в борьбе за мир... С. 479-480.

²⁸⁴ Турцию, Грецию, Польшу, Румынию, Бельгию, Эстонию, Латвию, Финляндию, Швейцарию, Голландию. // Документы и материалы... Т. 2. С. 131-133; Год кризиса. Т. 2. С. 88-90; СССР в борьбе за мир... С. 484-487.

Но реальность была иной. Чемберлен & К⁰ не были бы самими собой, если бы это стало возможным. Английское правительство затеяло бесконечную дискуссию вокруг определения «косвенная агрессия»²⁸⁵, и не было достигнуто договорённости по вопросу об одновременном подписании и введении в силу политического и военного соглашений²⁸⁶. Молотов предложил после согласования статей политического договора парафировать их, а затем немедленно начать переговоры по военной конвенции. После их завершения предлагалось одновременно подписать и ввести в силу политическое и военное соглашения, которые должны были составить единое целое²⁸⁷.

Англичане не желали полновесного соглашения. 4 июля 1939 г. на заседании внешнеполитического комитета правительства Галифакс внёс предложение: или сорвать переговоры, или заключить ограниченный пакт. Обосновывая свою позицию, он сказал: «Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»²⁸⁸. Другой влиятельный член кабинета Дж. Саймон 10 июля на заседании правительства говорил: «Важно обеспечить, чтобы мы имели свободу рук для того, чтобы заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, поскольку... не согласны с её интерпретацией фактов»²⁸⁹.

Такая позиция была связана для Англии и Франции с огромным риском. В этом контексте Дзелепи писал: «Переговоры в буквальном смысле слова ни о чём. Надо было что-то предпринять для успокоения общественного мнения западных стран. Ибо ни одно ответственное лицо ни в Лондоне, ни в Париже и не помышляло всерьёз о достижении действительного соглашения»²⁹⁰. Однако СССР не мог удовлетвориться переговорами ради переговоров. Это не обеспечивало его безопасности и могло толкнуть на соглашение с Германией.

И хотя переговоры ещё продолжались, и у СССР оставалась надежда на их успех, испытывать до бесконечности терпение кремлевских вождей было чрезвычайно опасно. Каждый раз, когда на советские предложения в английском правительстве формулировался отрицательный ответ, неизменно вставал вопрос: не будет ли он последней каплей, переполнившей чашу терпения советских руководителей, и не толкнёт ли их к новому Рапалло. Это понял даже Галифакс: «отклонение предложения России может бросить её в германские объятия»²⁹¹. Кроме того, появилось ещё одно неприятное для англичан обстоятельство – им стали известны планы Гитлера начать наступление на Польшу уже в июле, после чего повернуть на Запад. Беспокоило их и то, что все попытки прийти к соглашению с Германией, о чём речь пойдёт ниже, гитлеровцы не принимали. Более того, в Лондоне стало известно о немецких предложениях Кремлю о сотрудничестве. В этих условиях Чемберлен рисковал не менее того, кто намерился перепрыгнуть пропасть в два прыжка.

Вызывает удивление очередной шаг Галифакса: 11 июля он телеграфировал Сидсу указание отклонить советское предложение об одновременном подписании политического договора и военной конвенции и советский проект определения косвенной агрессии²⁹². О стремлении Чемберлена сорвать переговоры и договориться с Гитлером предупреждал 14 июля Майского Ллойд Джордж²⁹³.

Французское правительство 11 июля заявило англичанам, что оно отвергает советское предложение об одновременном вступлении в силу политического и военного соглашений под предлогом того, что во время военных переговоров возникнут трудности с получением согласия Польши и Румынии на проход советских войск через их территорию²⁹⁴.

17 июля, на очередном заседании, Молотов вновь заявил о необходимости одновременного вступления в силу политического и военного соглашений, без чего нет смысла продолжать переговоры²⁹⁵. Но, видимо, и сам Молотов в успех переговоров уже не верил, т.к. в письме Майскому и Сурицу он назвал «жуликами и мошенниками господ переговорщиков с англо-французской стороны» и заметил, что «толку от этих бесконечных переговоров не будет». Последние слова письма были особо опасны для «мюнхенцев»: «Тогда пусть пеняют на себя»²⁹⁶. В свете последующих событий это означало, что советское руководство намеревается искать другие пути обеспечения безопасности своей страны. Примерно к этому выводу подталкивают и письма Сурица в НКВД от 19 июля²⁹⁷.

²⁸⁵ См.: Год кризиса. Т. 2. С. 91-93; Документы и материалы... Т. 2. С. 373.

²⁸⁶ См. Телеграмму Сидса Галифаксу от 10 июля 1939 г. // Документы и материалы... Т. 2. С. 374; Телеграмму Наджиара Бонне от 10 июля 1939 г. // Год кризиса. Т. 2. С. 93-94.

²⁸⁷ Ibid.

²⁸⁸ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 252-253; Сиполс В.Я. Внешняя политика... С. 267.

²⁸⁹ Панкрашова М. Англо-франко-советские переговоры 1939 года // Межд. жизнь, 1989, № 8. С. 34.

²⁹⁰ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 27.

²⁹¹ Год кризиса. Т. 2. С. 97-98; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 254-255.

²⁹² История второй мировой войны. Т. 2. С. 137-138; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 256.

²⁹³ Год кризиса. Т. 2. С. 98-99; СССР в борьбе за мир... С. 491-492.

²⁹⁴ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 255-256; Сиполс В.Я. Внешняя политика. С. 271.

²⁹⁵ Документы и материалы... Т. 2. С. 139-140, 375-377; Год кризиса. Т. 2. С. 103-105; СССР в борьбе за мир... С. 495-496.

²⁹⁶ Документы и материалы... Т. 2. С. 140; СССР в борьбе за мир... С. 496.

²⁹⁷ Год кризиса. Т. 2. С. 105-107; СССР в борьбе за мир... С. 496-499.

Представитель Форин Оффис на переговорах, Стрэнг, в письме в МИД от 20 июля 1939 г.²⁹⁸ дал объективную оценку сторон на этих переговорах, а также рассмотрел возможность их срыва. Он отмечал, что Великобритания более чем СССР заинтересована в заключении договора и без этого не сможет выполнить своих обязательств в Восточной Европе. «В конечном счёте, в распоряжении русских имеются... два... варианта...: политика изоляции и политика соглашения с Германией... И если мы хотим соглашения с русскими, то... должны заплатить ту цену, которую они запрашивают...». Стрэнг доказывал, что советская сторона не желает срыва переговоров и что у неё немало оснований не доверять англичанам, а за время переговоров это недоверие возросло. Он отмечал, что сразу же после 2 июня следовало принять советские предложения, и выразил полное понимание советских опасений за Прибалтику, проводя аналогию с англо-французскими опасениями за Бельгию и Голландию.

Английский дипломат рекомендовал своему правительству принять все советские предложения и заключить военно-политическое соглашение. Без принятия условия о неразделимости политических и военных статей, Молотов, по его мнению, не пойдёт на соглашение. Стрэнг доказывал, что принятие англичанами советской позиции о единстве политических и военных соглашений более выгодно Западу, чем СССР, т.к. без существования военной конвенции Советский Союз, ввиду отсутствия общих границ с Германией, мог и не прийти на помощь Западу (да и не смог бы без пропуска его войск через польскую территорию), а Запад в любом случае должен был бы атаковать Германию. Стрэнг был убежден, что срыв переговоров вдохновит немцев к действию и может привести СССР к соглашению с Германией. В конце письма он настаивал на том, чтобы в СССР на переговоры был направлен хотя бы один из высших офицеров, рангом не ниже Айронсайда*, иначе это будет выглядеть обидным для Советского правительства.

Это действовало на англичан и французов²⁹⁹, как и начало советско-германских торговых переговоров³⁰⁰, и концентрация немецких войск у польских границ³⁰¹, поэтому 25 июля было принято решение начать переговоры с целью согласования текста военного соглашения между тремя державами³⁰². Но одновременно с этим И.М. Майский сообщал в Москву о стремлении чемберленовской клики достичь компромисса с Гитлером за счёт Польши и прервать переговоры с СССР³⁰³. 30 июля Чемберлен записал в своём дневнике: «Англо-советские переговоры обречены на провал..., но... надо создать видимость успеха, чтобы оказать давление на Германию»³⁰⁴. Таким образом, переговоры велись ради переговоров. Комментируя такое отношение англо-французской стороны к переговорам с СССР, М. Панкратова отмечала, что согласие на военные переговоры было тактическим манёвром и всерьёз Англия и Франция их вести не собирались. Их целью было воздействовать на Германию для соглашения с ней³⁰⁵.

В этом контексте имела большое значение позиция Польши и Румынии, т.к. их территории разделяли СССР и Германию. Чтобы осуществить реальное военное взаимодействие с Англией и Францией в борьбе с гитлеровской агрессией, Красная Армия должна была пройти через территории этих стран. Подробно на этом мы не будем останавливаться, а лишь отметим, что позиция правительств Румынии и Польши была абсолютно отрицательной в этом вопросе.

2 августа состоялось последнее заседание политических представителей СССР, Англии и Франции на московских переговорах. Текст соглашения был, в основном, согласован. Несогласованной осталась только формулировка о косвенной агрессии³⁰⁶. Но в целом судьбу соглашения трёх держав о взаимной помощи против агрессии должны были решить военные переговоры.

Секретные англо-германские переговоры. Именно в это время резко усилились попытки правящих кругов Англии пойти на сделку с германским фашизмом на антисоветской основе. В исторической литературе довольно широко освещены англо-германские переговоры³⁰⁷, в которых с английской сто-

²⁹⁸ Документы и материалы кануна... Т. 2. С. 379-383.

* Один из высших руководителей английской армии.

²⁹⁹ См. телеграмму Бонне французскому послу в Лондоне К. Корбену от 19 июля 1939 и письмо Бонне Галифаксу того же дня // Год кризиса. Т. 2. С. 110-112.

³⁰⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 117.

³⁰¹ Ibid. С. 154; Документы и материалы... Т. 2. С. 199.

³⁰² Документы и материалы... Т. 2. С. 157, 384-386; Год кризиса. Т. 2. С. 123-125; СССР в борьбе за мир... С. 515-516.

³⁰³ Документы и материалы... Т. 2. С. 144-146; Год кризиса. Т. 2. С. 118-119; СССР в борьбе за мир... С. 504-505; Майский И. М. Воспоминания... С. 410-411.

³⁰⁴ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 257; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза... С. 276; то же по смыслу см.: Чикваидзе А.Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. С. 181; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. С. 409-410.

³⁰⁵ Межд. жизнь, 1989, № 8. С. 36.

³⁰⁶ Документы и материалы... Т. 2. С. 166; Год кризиса. Т. 2. С. 153-157; СССР в борьбе за мир... С. 524-525.

³⁰⁷ См.: Мосли Л. Утраченное время. С. 249-253; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 417-420; Панкратова М. Почему... С. 84-86; Сиполс В.Я. Внешняя политика. С. 277-278; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 259-260; История второй мировой войны. Т. 2. С. 147-150; Стегарь С.А. Дипломатия

роны участвовали ближайший советник Чемберлена Г. Вильсон, министр внешней торговли Р. Хадсон и др., а с немецкой – Вольтат, экономический советник Геринга, посол Германии в Лондоне Дирксен и др.³⁰⁸ Кроме того, попытка заключения соглашения англичан с нацистами была предпринята при посредничестве верховного комиссара Лиги Наций Буркхардта³⁰⁹ и шведа Далеруса, осуществлявшего челночные рейсы между Даунинг-стрит, 10 и рейхсканцелярией вплоть до 1 сентября 1939 г.³¹⁰

В отличие от переговоров с СССР, где шла мелочная торговля до последнего и было стремление свести до минимума будущие обязательства, в контактах с Вольтатом английская сторона сама шла далеко навстречу, до обещания, что, в случае согласия немцев, Великобритания признает их монополию на влияние в Восточной и Юго-Восточной Европе, откажется от гарантий восточно-европейским странам и от переговоров с СССР³¹¹. Вся эта возня с переговорами убедила германское правительство, что, в случае нападения на Польшу, ему не следует опасаться вмешательства Англии и Франции. Об этом свидетельствует и бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх³¹². Все усилия британского правительства оказались безрезультатными, т.к. в Берлине думали не о сделке с Британской империей, а о сокращении её.

А вот интерпретация этих переговоров в версии профессора М.М. Наринского: «Весной-летом 1939 г. происходило объективное нарастание противоречий между Германией и Англией, что делало практически невозможным достижение компромисса между руководством двух стран»³¹³. С первой частью утверждения нельзя не согласиться, объективно, конечно же, «происходило нарастание противоречий между» двумя странами, однако это совсем не означало, что прими Гитлер предложения Чемберлена & К⁰, таковое не состоялось бы. Оно воистину стало абсолютно невозможным лишь после нападения Гитлера на западные страны и прихода к власти Черчилля. Но об этом подробнее пойдёт речь далее.

При желании гитлеровцы без труда добились бы соглашения с англичанами. Так, один из видных руководителей немецкой дипломатии Вайцзекер писал: «Подпольные зондажи Чемберлена, направленные на компромисс, подтверждают, что с Англией можно наладить разговор, если того пожелать»³¹⁴. Следовало только пожелать... Правда, и со стороны Гитлера были попытки (или, скорее, их имитация) пойти навстречу английским пожеланиям. Так, 11 августа 1939 г., принимая в Берхтесгадене Буркхардта, он говорил: «Я хочу жить в мире с Англией и заключить полный союз – гарантировать все владения англичан в мире и сотрудничать с ними»³¹⁵. Верить в искренность слов Гитлера – значило дать себя одурачить. Дело в том, что примерно так поступал Гитлер со своей очередной жертвой, чтобы ввести её в заблуждение. Так было всегда. Не могло быть и речи о долговременном союзе с Англией, т.к. планы Гитлера предусматривали передел мира, в том числе и за счёт британских владений.

Примерно в это же время и примерно такие же обещания давались и СССР³¹⁶, лишь бы не допустить англо-франко-советского объединения и добиться его отрыва от англичан и французов. И только в этом смысле можно понимать псевдопредложение Гитлера Чемберлену через Буркхардта – помешать англичанам подписать военную конвенцию с СССР, пообещав то, что Чемберлену не могло и присниться – сделку! Действительно, в преддверии нападения на Польшу, почему бы не пообещать её, получив свободу для расправы с поляками. Напомним, что это предложение Гитлер сделал в день, когда англо-французская делегация прибыла в Москву, а на следующий день должны были начаться военные переговоры. В этом плане логика действий Гитлера понятна: ему нужно было любой ценой сорвать эти

Франции перед второй мировой войной. С. 267; Европа в международных отношениях. С. 387-390; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 550 и др.

³⁰⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 141-146, 146-157, 159-165; Год кризиса. Т. 2. С. 113-117, 125-134, 147-152, 163-168; СССР в борьбе за мир... С. 499-502, 505-515, 518-524, 527-533, 584-588.

³⁰⁹ В августе 1939 г. Гитлер говорил ему: «Всё, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп, чтобы понять это, я буду вынужден добиться соглашения с Россией, разбить Запад, а затем, после его поражения, собрав все силы, двинуться на Россию». // Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер один. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991. С. 311; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 310.

³¹⁰ Мосли Л. Утраченное время. С. 261-264, 282-283, 323-329, 331-334; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. С. 410-411; Чикваидзе А.Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. С. 224-242; Безыменский Л. Августовское предложение Гитлера Лондону (Протокол беседы Гитлера с Буркхардтом 11 августа 1939 г. в Берхтесгадене) // Межд. жизнь, 1989, № 9. С. 41-45; Безыменский Л. «Второй Мюнхен» – замысел и результаты (из архива Форин Оффиса) // ННИ, 1989, № 4-5.

³¹¹ Год кризиса. Т. 2. С. 113-117, 127-134, 147-150; СССР в борьбе за мир... С. 499-502, 520-524.

³¹² Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 6.

³¹³ Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 152-153.

³¹⁴ Межд. жизнь, 1989, № 8. С. 46.

³¹⁵ Ibid. С. 45.

³¹⁶ Правда эта политика довольно таки странным образом интерпретируется, ставя её в вину и советской стороне: «И Англия, и Советский Союз вели своеобразную „двойную игру“, осуществляя параллельные контакты с Германией». // Наринский М.М. Происхождение... // Белые пятна – черные пятна. С. 151.

переговоры. А ещё одно лживое обещание ничего не стоило и ни к чему не обязывало, но могло способствовать неудаче московских переговоров: пусть англичане тешат себя надеждой и поводят русских за нос!...

Естественно, в Советском Союзе не знали всех тонкостей британских планов, но о самих контактах с гитлеровцами было хорошо известно. Майский сообщал в Москву о имевших место переговорах и о том, что Чемберлен пытается ускользнуть от выполнения обязательств Польше и оживить прежнюю политику «умиротворения». Он стремится договориться с Гитлером в надежде на то, что тот оставит в покое Запад и повернет на Восток³¹⁷. Такая же информация поступала и из Франции. Суриц писал, что в Париже, как и в Лондоне, далеко ещё не оставлены надежды договориться с Берлином и на соглашение с СССР смотрят не как на средство «сломить Германию», а лишь как на средство добиться лучших позиций при будущих переговорах с Германией³¹⁸. Учитывая это и всю прежнюю мюнхенскую политику Запада, было бы вполне естественно предположить, что в Кремле не могло быть и речи о доверии этим кругам. Удивительно только, что зная это, видя сознательное затягивание переговоров, Сталин, с его мнительностью, всё ещё надеялся достичь согласия. И разве это не доказывает его заинтересованности именно в достижении соглашения?!

Прибытие английской и французской военных миссий в Москву. В начале августа было уже ясно, что дело стремительно идет к войне. В Лондоне, Париже и Москве стало известно, что в Германии проводится мобилизация и завершаются приготовления к назначенному нападению на Польшу³¹⁹. Об этом знали и в Варшаве, но были категорически против принятия советской помощи на случай германского вторжения³²⁰. Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»³²¹. По этому поводу У. Ширер пишет, что «ей реальнее, чем какой-либо другой стране, угрожала опасность со стороны Германии, но правители Польши этого не понимали... Такая политика была равносильна самоубийству»³²². Даже Ж. Бонне утверждал, что «сегодня Польша стремительно движется к самоубийству»³²³. О позиции поляков в Берлине были хорошо осведомлены и, в частности, через Шуленбурга³²⁴.

Польских правителей того времени Ширер называет «горсткой незрелых в политическом отношении полковников»³²⁵. А С. Мацкевич в этой связи утверждал, что именно министр иностранных дел Юзеф Бек & К⁰ ответственны «за то, что Польша была выставлена на первую линию огня Гитлера». «Не преувеличивая умственных способностей Бека, знаю, что эти люди, которых я знал лично, такие как Рыдз-Смиглы или Мосьцицкий, были людьми весьма ограниченными. Скажу даже, что ограниченными сверх нормы»³²⁶.

³¹⁷ Документы и материалы... Т. 2. С. 144-145; Год кризиса. Т. 2. С. 118-119; СССР в борьбе за мир... С. 504; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. С. 410-411.

³¹⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 198-199; СССР в борьбе за мир... С. 526-527.

³¹⁹ Год кризиса. Т. 2. С. 154-156, 186-187, 188, 209-210, 243, 259; СССР в борьбе за мир... С. 525, 526-527, 538, 540, 562, 606; ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 340; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. С. 401.

³²⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 182; СССР в борьбе за мир... С. 539; Мосли Л. Утраченное время. С. 212-217; Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 27; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 157.

³²¹ См.: Шубин А.В. На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия советско-германского сближения. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

³²² Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. С. 493-494.

³²³ См.: Hrenciuc D. 6 septembrie 1939: Consiliul de Coroană de la Cotroceni și neutralitatea regatului României Mari. // Revista istorică. Academia Română, 2010, Nr. 5-6. P. 438.

В связи с этим, румынский историк Даниель Хренчук отмечает: «Сегодня можем утверждать, что Жорж Бонне был прав». // Ibid.

³²⁴ Год кризиса. Т. 2. С. 182; СССР в борьбе за мир... С. 539 (Док, № 406).

³²⁵ Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. С. 501.

³²⁶ Мацкевич С. Политика Бека. С. 94.

Правда, данную позицию польских руководителей не следует объяснять исключительно их личными качествами. Важнее, в этом смысле, представляется их патологический антисоветизм и русофобия. «Главная цель – ослабление и разгром России», – говорилось в датированном декабрем 1938 г. докладе 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска польского. А один из высокопоставленных польских дипломатов Я. Каршо-Селлевский утверждал 28 декабря 1938 г. в беседе с советником германского посольства в Варшаве Рудольфом фон Шелия: «Политическая перспектива для Европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта стать определенно на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические интересы Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения». Ю. Бек в беседе с И. Риббентропом 26 января 1939 г. не скрывал, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». // См.: <http://lib.rus.ec/b/246897/read>; <http://www.km.ru/front-projects/krestovyi-pokhod-zapada-protiv-rossii/raschlenenie-rossii-lezhit-v-osnove-polskoi-pol>; <http://www.usovski.ru/?p=1374>; <http://www.xn--b1adccaencl0bewna2a.xn--p1ai/index.php/history/52->

Несмотря на надвигающуюся угрозу войны, англичане и французы не спешили с началом переговоров. Во-первых, с момента назначения делегаций и до их прибытия в Москву прошло 17 дней! Во-вторых, в состав делегаций были включены второстепенные чиновники и, в-третьих, они не имели полномочий на подписание договорённостей (англичане не имели полномочий даже на ведение переговоров). Разве это свидетельствует о доброй воле английского и французского правительств в кратчайшие сроки разработать военную конвенцию и подписать полномасштабный военно-политический договор, способный не допустить агрессию в Европе? Любой непредубежденный человек, проанализировав вышеизложенное, может дать только отрицательный ответ! К этому выводу подводит и анализ инструкций, данных делегациям военно-политическим руководством их стран.

Французская военная миссия получила инструкции, подписанные 27 июля начальником Генерального штаба французской армии генералом Гамеленом³²⁷. В них речь шла лишь о крайне ограниченных военных мероприятиях советских войск на второстепенных театрах и советских военных поставках Польше, Румынии, Турции. Задача заключения военной конвенции даже не ставилась. Какие-либо согласованные с СССР военные действия против Германии не предусматривались. Не содержалось и никаких соображений для содействия пропуску советских войск через Польшу и Румынию. В этом смысле этот документ трудно назвать инструкцией военной миссии для заключения военной конвенции.

Инструкции для британской делегации³²⁸ были рассмотрены на заседании правительства 26 июля и предусматривали «стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»³²⁹ и «вести переговоры весьма медленно»³³⁰. Делегация не должна была брать на себя обязательств по воздействию на Польшу, Румынию и Прибалтийские государства с целью их сотрудничества с СССР³³¹. В этом документе признавалось, что «русские действительно желают одновременного заключения как политических, так и военных соглашений»³³², но такой задачи перед английской делегацией не ставилось.

Даже Галифакс отметил, что «из беглого ознакомления с инструкциями представляется, что позиция, занятая делегацией..., вызовет большое подозрение у русских»³³³. Но в то же время, инструктируя П. Дракса, он ставил задачу «тянуть с переговорами возможно дольше». В том же духе были и инструкции Чемберлена³³⁴. В своих воспоминаниях Дракс не скрывает, что никто перед ним задачу выработки конвенции не ставил³³⁵. Пока английское правительство действовало по старому правилу: «переговоры ради переговоров» с целью предотвратить сближение СССР с Германией. Они так и не поняли, что это был кратчайший путь к сближению Москвы и Берлина. Как Сидс, так и Наджиар, ознакомившись с инструкциями, пришли к выводу, что, действуя в соответствии с ними, англо-французская делегация сорвет переговоры³³⁶. Американское посольство в Англии сообщало Хэллу, что английский МИД поставил перед своей делегацией задачу затягивать переговоры до 1 октября³³⁷. Об истинных намерениях англичан на переговорах были отлично осведомлены и немцы, о чём свидетельствуют телеграммы германского посла Дирксена из Лондона³³⁸. Он пришел к выводу, что перед английской миссией не стояла задача заключить соглашение.

Советская делегация состояла из высших военачальников РККА – наркома обороны К. Ворошилова, начальника Генштаба Б. Шапошникова, наркома ВМФ Н. Кузнецова, командующего ВВС А. Локтионова³³⁹. Был подготовлен план возможных военных действий с выделением сторонами соответствующих сил³⁴⁰. Советская делегация обладала всеобъемлющими полномочиями и могла подписать военную конвенцию³⁴¹.

---

articles/1567-lraschlenenie-rossii-lejit-v-osnove-polskoi-politiki-na-vostoker;
<http://hedrook.vho.org/library/triller.htm>.

³²⁷ Документы и материалы... Т. 2. С. 157-158; Год кризиса. Т. 2. С. 143-144.

³²⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 166-193.

³²⁹ Ibid. С. 169.

³³⁰ Ibid. С. 168.

³³¹ Ibid. С. 169.

³³² Ibid. С. 170.

³³³ Ibid. С. 392.

³³⁴ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 264.

³³⁵ Ibid.

³³⁶ Ibid. С. 265.

³³⁷ Год кризиса. Т. 2. С. 181; СССР в борьбе за мир... С. 404.

^г Примечание научного редактора: Будучи реалистически мыслящим политиком, при анализе хода англо-франко-советских переговоров Ф.Д. Рузвельт заявил полпреду К.А. Уманскому, что «положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями». Поэтому он «считает, что пути к дальнейшему „умиротворению“ для Англии отрезаны» (ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 524-525). Однако он недооценил степень отсутствия чувства государственного прагматизма у английских политиков (и самостоятельности у французских), которые продолжили линию на достижение договорённости с Гитлером.

³³⁸ Год кризиса. Т. 2. С. 147, 151.

³³⁹ Ibid. С. 176; Документы и материалы... Т. 2. С. 200; СССР в борьбе за мир... С. 535-536.

³⁴⁰ Год кризиса. Т. 2. С. 168-174.

³⁴¹ Ibid. С. 193; Документы и материалы... Т. 2. С. 214-215; СССР в борьбе за мир... С. 545.

Ход военных московских переговоров. Англо-франко-советские переговоры начались в Москве 12 августа 1939 г.^г Об этих переговорах написано очень много, но вкратце остановимся на некоторых моментах, без чего невозможно будет понять тактику западных союзников. Начались они, по существу, с изложения Ворошиловым доводов о необходимости представления сторонами планов совместных действий, но выяснилось, что английская и французская военные миссии прибыли в Москву без конкретных планов военного сотрудничества трёх держав на случай агрессии³⁴². Ворошилов предложил следующую схему работы, с которой Дракс³⁴³ и Думенк^{г2} согласились: предварительно рассмотреть англо-французские планы, затем советский, потом вопрос о войне на два фронта, а в конце – проблему непосредственной связи вооружённых сил трёх стран. Этот план, подчеркнул нарком, нужно обсудить в подробностях, договориться, подписать военную конвенцию, разъехаться по домам и ждать событий в спокойном сознании своей силы³⁴⁴.

Комментируя позицию советской делегации, П. Дракс писал: «Первые 24 часа моего пребывания в Москве свидетельствовали, что Советы стремились к достижению соглашения с нами»³⁴⁵. На заседании 13 августа генерал Думенк доложил о предполагаемых военных действиях союзных сил и предложил сделать то же на следующем заседании Ворошилову³⁴⁶. Нарком подчеркнул, что он хотел бы услышать, как французы и англичане представляют себе действия Красной Армии на Восточном фронте, т.к. у СССР нет границ ни с Францией и Англией, ни с Германией, и его участие в войне возможно только с территории соседних государств – Польши и Румынии. Думенк заявил, что на следующем заседании он сделает об этом сообщение³⁴⁷.

Британский посол У. Сидс в телеграмме в Лондон подчеркивал в этой связи, что советская делегация выдвинула «основную проблему», от решения которой будет зависеть успех или провал переговоров³⁴⁸. Оценивая итоги второго дня переговоров, П. Дракс заключил, что Ворошилов «не хотел терять времени и стремился как можно скорее заключить соглашение с Францией и Британией»³⁴⁹.

Проблеме прохода советских войск через территорию Польши и Румынии были посвящены переговоры 14 августа. На прямой вопрос Ворошилова с англо-французской стороны так и не последовало реального ответа³⁵⁰. Было ясно, что с польским и румынским правительствами по данному поводу не было проведено никакой работы³⁵¹. Ворошилов поставил вопрос принципиально: это предварительное условие переговоров и совместного договора между тремя государствами; без положительного решения этого вопроса переговоры нецелесообразны³⁵². Англо-французская делегация обратилась с просьбой дать возможность запросить Лондон и Париж по этому вопросу, а в это время заслушать планы советской стороны³⁵³. Ворошилов согласился с таким предложением³⁵⁴.

---

^г Примечание научного редактора: Английская и французская миссии отплыли из Лондона на тихоходном лайнере 5 августа.

³⁴² Документы и материалы... Т. 2. С. 215-216; Год кризиса. Т. 2. С. 194-195; СССР в борьбе за мир... С. 546-547.

³⁴³ О Драксе германский посол Дирксен писал, что он «практически находится в списке подготовленных к отставке и никогда не был в составе военно-морского штаба». По его мнению, «задачей военной миссии будет определение боевых возможностей советских войск, а не заключение соглашения о военных операциях... Военные атташе разделяют скепсис британских военных кругов относительно предстоящих переговоров с советскими военными». // Уткин А.И. Вторая мировая война. М., 2002 (militera.lib.ru/h/utkin3/index.html).

^{г2} Примечание научного редактора: Адмирал Дракс – глава английской миссии, генерал Думенк – французской.

³⁴⁴ Документы и материалы... Т. 2. С. 217; Год кризиса. Т. 2. С. 195; СССР в борьбе за мир... С. 548.

³⁴⁵ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба... С. 268.

³⁴⁶ Документы и материалы... Т. 2. С. 218-228; Год кризиса. Т. 2. С. 196-206; СССР в борьбе за мир... С. 549-560.

³⁴⁷ Документы и материалы... Т. 2. С. 228-229; Год кризиса. Т. 2. С. 207; СССР в борьбе за мир... С. 560-561.

³⁴⁸ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 290.

³⁴⁹ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 269.

³⁵⁰ Довольно объективно осветил эти переговоры член французской делегации, впоследствии генерал А. Бофр. Касаясь советских предложений и позиции западных стран, он писал: «Трудно представить себе более конкретные и более ясные [предложения]... Контраст между этой программой и смутными абстракциями франко-английской платформы поразительный... Советские аргументы были весомее... Наша позиция оставалась фальшивой». // См.: Ржешевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. М., 1984. С. 83.

³⁵¹ Документы и материалы... Т. 2. С. 230-235; Год кризиса. Т. 2. С. 210-215; СССР в борьбе за мир... С. 563-568.

³⁵² Документы и материалы... Т. 2. С. 235; Год кризиса. Т. 2. С. 215; СССР в борьбе за мир... С. 568.

³⁵³ Документы и материалы... Т. 2. С. 236-237; Год кризиса. Т. 2. С. 216-217; СССР в борьбе за мир... С. 570.

³⁵⁴ Документы и материалы... Т. 2. С. 238-239; Год кризиса. Т. 2. С. 218; СССР в борьбе за мир... С. 572.

В тот же день Думенк и Наджиар отправили телеграммы в Париж³⁵⁵ с отчётом о ходе переговоров и с требованием советской стороны. Как видно из этих документов, они были за положительный ответ на поставленный вопрос. Без его решения Германия в кратчайшие сроки разгромила бы польские и румынские вооружённые силы, и вермахт вышел бы к советским границам. При этом возникало два минуса:

- один для антигитлеровской коалиции в целом. Это потеря примерно 60 – 70 польских и румынских дивизий, спасти от разгрома которые могло лишь своевременное, на начальной стадии конфликта, соприкосновение Красной Армии с вермахтом (тем более, как сегодня известно, англичане и французы не думали наступать, а рассчитывали отсидеться за линией Мажино);

- второй для СССР. В случае пассивности Запада, что уже тогда в Москве допускалось, вермахт вступал в боевое соприкосновение с РККА на советской границе, вблизи жизненно важных советских центров, и Советскому Союзу пришлось бы один на один вести борьбу с Германией. Именно этого и добились «мюнхенцы». «Не было сомнений, – говорил в этой связи Боннэ, – что Германия и Россия, приобретя общую границу..., в конечном счете придут к столкновению»³⁵⁶. И задача советской дипломатии состояла в том, чтобы предотвратить такое развитие событий. Проход советских войск через Виленский коридор и Галицию обеспечивал это даже при условии, что французы оставались бы на Западе в обороне. И в этом случае Гитлер был бы вынужден держать против линии Мажино около 40 дивизий, а совместно с русскими воевали бы, как минимум, 40 польских дивизий. Ясно, чем бы закончилось дело. Но ясно и другое: ничего бы и не началось, будь создан военный союз трёх держав. В таком случае Гитлер никогда бы не осмелился начать войну – об этом мы уже говорили и ещё будем говорить.

Вернёмся к 14 августа 1939 г. «Я думаю, – заметил П. Дракс после заседания, – наша миссия закончилась»³⁵⁷. Думенк в своём дневнике констатировал, что состоявшееся в тот день «заседание, носившее весьма драматический характер, знаменовало конец настоящих переговоров»³⁵⁸. Наверняка, и Думенк, и Дракс знали, что говорили. И хотя ещё оставалась надежда, но, как потом оказалось, переговоры окончательно зашли в тупик.

15 августа был заслушан доклад Б.М. Шапошникова о предполагаемых действиях РККА и ВМФ и выделяемых для этого средствах³⁵⁹, а также планы англичан и французов о ведении морской войны³⁶⁰. И на сей раз в телеграммах в Париж Думенк и Наджиар отметили необходимость удовлетворить советское требование, т.к. это, в первую очередь, в интересах Запада, и пришли к выводу, что Советский Союз полон решимости в случае германской агрессии прийти на помощь своим союзникам. Эта информация с соответствующими комментариями была передана МИДом премьеру Даладье³⁶¹.

План сотрудничества, изложенный Б.М. Шапошниковым, свидетельствовал о готовности Советского Союза к решительным действиям вместе с Англией и Францией для разгрома агрессора. Ознакомление с данными, приведенными на переговорах сторонами о своих вооружённых силах, подводит к единственному выводу: миролюбивые державы обладали колоссальным превосходством в военной силе и ресурсах над агрессором. Поэтому заключение договорённости явилось бы более чем 100 процентной гарантией, что войны не было бы. И наоборот, война могла начаться, если миролюбивые государства не достигли бы соглашения.

Предложения Советского Союза наглядно опровергают утверждения, что в Москве мечтали о войне между двумя группировками капиталистических стран, в то время как СССР оставался бы в стороне. Как минимум, эта внешнеполитическая позиция СССР осталась в прошлом с приходом к власти нацистов. На этом же этапе Советское правительство руководствовалось другими принципами – не оказаться втянутым в войну, а если придётся воевать, то совместно с могучими союзниками, обладая огромным превосходством над агрессором: «воевать на чужой территории и малой кровью!». В тех конкретных условиях это могло быть обеспечено только союзом с Западом!

То, что Гитлер планировал поочередно разбить Польшу, Запад, а затем СССР, мы уже отмечали, и это доказывают многие факты, но в первую очередь – его секретные речи перед высшим военно-политическим руководством рейха³⁶². Зная о таких планах и руководствуясь интересами обеспечения собственной безопасности, СССР должен был делать всё возможное, чтобы предотвратить нападение Германии на Польшу и Францию. А без советской помощи ни Польша, ни Франция, ни обе вместе были не в

³⁵⁵ Год кризиса. Т. 2. С. 219-220; СССР в борьбе за мир... С. 572.

³⁵⁶ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 292.

³⁵⁷ Мосли Л. Утраченное время. С. 292.

³⁵⁸ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 377.

³⁵⁹ Документы и материалы... Т. 2. С. 239-243; Год кризиса. Т. 2. С. 220-224; СССР в борьбе за мир... С. 573-577.

³⁶⁰ Документы и материалы... Т. 2. С. 243-246; Год кризиса. Т. 2. С. 225-227; СССР в борьбе за мир... С. 578-581.

³⁶¹ Документы и материалы... Т. 2. С. 253-255; Год кризиса. Т. 2. С. 228-229, 247-248, 266-267; СССР в борьбе за мир... С. 582, 589-590, 619-620.

³⁶² См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 27-30; Т. 2. С. 96-99; Год кризиса. Т. 1. С. 493-495; Дашичев В.И. Банкротство стратегии ... С. 125-130, 133-134, 138-140.

состоянии устоять перед натиском фашистской Германии. Их разгром делал, по существу, неизбежным нападение Германии на СССР.

Но в таком случае, пусть и годом-двумя позднее, гитлеровская Германия становилась гигантской силой. Используя ресурсы покоренной Европы, она была бы способна значительно перевесить экономический потенциал СССР, а значит, и в военном плане, и в геополитическом, соотношение менялось в пользу Гитлера. А на Дальнем Востоке уже шла, хотя и малая, но война с Японией. Всё говорит о том, что в Кремле понимали это и не желали реализации такого сценария. Этим и объясняется тот факт, что, видя нежелание Англии и Франции вступить в союз с СССР, московские руководители столь долго всё же добивались этого союза.

Сейчас очень много пишут и говорят о стремлении Советского Союза распространить революцию на всю Европу. Такое имело место, но в теории вообще, а не в конкретной политике момента, поскольку перед страной стояла совершенно иная задача – элементарного выживания. И в условиях почти абсолютной международной изоляции, попыток «мюнхенцев» организовать антисоветский крестовый поход, Сталин, Молотов & К⁰ не могли руководствоваться одними постулатами идеологии и ставить распространение революционного миропорядка как самоцель. Главным было обеспечить безопасность страны. В этом смысле Сталин руководствовался старым, добрым, до банальности известным английским принципом: «Нет постоянных друзей и постоянных врагов, есть постоянные государственные интересы!». Именно этот принцип, ослепленные антикоммунизмом, нарушили Чемберлен & К⁰. Именно этим принципом определялись все шаги советского руководства летом 1939 года. Именно здесь следует искать ключ к разгадке всех шагов и поворотов на 180⁰ советской внешнеполитической линии. Но об этом речь пойдёт ниже.

А пока Сталин был готов к смертному бою с Гитлером и за Польшу, и за Францию, и ещё ранее – за Чехословакию, а фактически за СССР: «малой кровью», вместе с союзниками и на их территории. В августе 1939 г. Сталин мог думать только так и следующим образом: «Если не остановить Гитлера сегодня, завтра будем воевать с ним, но уже в несколько раз более сильным, без союзников, большой и только своей кровью» и, кто знает, на чьей территории. Хотя, конечно, сценария 1941 года ни он, ни кто другой в СССР не предполагали.

Разумеется, что и в военных кругах Англии и Франции понимали, чем грозит срыв московских переговоров, т.к. были хорошо информированы, что до намеченного Гитлером нападения на Польшу оставались считанные дни. 16 августа 1939 г. Форин Оффис запросил мнение специального комитета экспертов – заместителей начальников штабов трёх видов вооружённых сил Англии. Ответ был получен 17 августа. До этого момента мы старались, ссылаясь на документы, не приводить их в тексте. Сейчас сделаем небольшое исключение и, не комментируя, приведём некоторые выдержки из этого доклада. Военные рекомендовали правительству «оказать сильнейшее давление на Польшу и Румынию с тем, чтобы добиться их согласия отнестись к этому (т.е. проходу советских войск через их территорию – С.Н.) положительно». Они пришли к выводу, что без помощи русских поляки и румыны потерпят скорое и неизбежное поражение:

«Если русские будут сотрудничать в отражении германской агрессии против Польши и Румынии, они могут сделать это эффективно только с польской или румынской территории... Полякам особенно следует указать, что они имеют обязательства по отношению к нам... и что им нет оснований ожидать от нас слепого выполнения наших гарантий, если они в то же время не будут сотрудничать в принятии мер, направленных на достижение общей цели. Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет... поставлено под угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами...

Вывод: ...должно быть оказано сильнейшее давление на Польшу и Румынию с тем, чтобы они заранее дали согласие на использование русскими силами их территории в случае нападения Германии»³⁶³.

На таких же позициях стоял и генерал Гамелен³⁶⁴. Следует очень хорошо запомнить выводы английских и французских военных, т.к. к ним мы ещё не раз вернёмся. Но, по известным причинам, английское правительство вышеизложенное мнение проигнорировало.

Что касается поставленного советской делегацией вопроса о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии, то ответа не последовало ни 16, ни 17 августа, после чего, по предложению П. Дракса, переговоры были прерваны до 21 августа³⁶⁵. В то же время Наджиар и Думенк продолжали настаивать перед своим правительством на положительном ответе³⁶⁶. Но реакция поляков оставалась

³⁶³ См.: Ржешевский О.А. Москва, Спиридоновка, 17. // ВИЖ, 1989, № 7. С. 77.

³⁶⁴ См.: Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 296.

³⁶⁵ Документы и материалы... Т. 2. С. 301-303; Год кризиса. Т. 2. С. 262-264; СССР в борьбе за мир... С. 614-615.

³⁶⁶ Документы и материалы... Т. 2. С. 306-307, 314; Год кризиса. Т. 2. С. 266-269, 292-293; СССР в борьбе за мир... С. 618-621, 621-623.

неизменно отрицательной³⁶⁷. Английское и французское правительства ничего реально не предприняли, чтобы изменить отношение польского руководства к этому вопросу.

21 августа заседание было продолжено без получения из Лондона и Парижа положительных ответов, и вновь возникла полемика вокруг вопроса о пропуске через территорию Польши и Румынии советских войск для их боевого соприкосновения с вермахтом. Англичане и французы пытались доказать, что можно продолжить работу с целью выработки конвенции, не дожидаясь ответов от своих правительств. Ворошилов опять заявил, что без положительного решения данного вопроса, в принципе, не может быть военного сотрудничества между тремя странами. Он привёл в качестве аргумента аналогичный прецедент времен первой мировой войны, когда англичане и американцы не могли принять участия в военном сотрудничестве с французскими вооружёнными силами, если бы не действовали с территории Франции.

«Если, – продолжил нарком, – этот аксиоматичный вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьёзному военному сотрудничеству с СССР»³⁶⁸. Ответственность за прерывание переговоров он возложил на англичан и французов, но в случае получения положительного ответа, советская военная миссия готова вновь продолжить работу!

В этих условиях 21 – 23 августа состоялся интенсивный обмен телеграммами между французским посольством в Москве и Кэ д'Орсе, а также между последним и посольством Франции в Польше³⁶⁹. Это свидетельствует об определенном протрезвлении в Париже, но, чтобы добиться реальных результатов, французы не предприняли действенных шагов ни в Лондоне, ни в Варшаве: вопрос о пропуске советских войск не был поставлен жестко. Французы занимались уговорами Бека, хотя в интересах самой Франции (и, естественно, Польши) в данном случае следовало надавить на польское правительство всеми имеющимися средствами. В этом плане очень ценно свидетельство члена французской военной миссии А. Боффа, которое раскрывает реальные цели французской дипломатии в те дни: «Проблема заключалась не в том, чтобы добиваться у поляков ответа, согласны ли они на пропуск советских войск через свою территорию, а в том, чтобы найти лазейку, которая позволила бы продолжать переговоры...»³⁷⁰.

Правда в современной российской исторической науке есть и иные мнения по данному вопросу. Так профессор Наринский уверен, что «учитывая отрицательное отношение Польши и Румынии к пропуску советских войск через их территории, позиция Кремля обрекала военные переговоры на неудачу»³⁷¹. Если следовать данной логике, то следует считать, что влияние Парижа и Лондона на польскую и румынскую политику равнялось нулю.

Уважаемый Михаил Матвеевич сам себя опровергает, приводя далее следующие собственные мысли и информацию: «Французские дипломаты в Москве понимали важность этого вопроса. По прибытии английских и французских военных в Москву глава французской миссии генерал Думенк имел беседу с послом Наджиаром. „Привезли ли вы что-либо конкретное о проходе [советских войск] через Польшу? – сказал он мне. – Имеете ли вы заверения по этому вопросу? И поскольку я заметил, что у нас их нет, то он воскликнул: «Значит, они не читали и не поняли мои телеграммы! Это коренной вопрос дискуссий, и его не обойдёшь»». И далее автор отмечает: «Генерал Думенк признавал, что поставленные Ворошиловым вопросы были „совершенно законными”»³⁷². Как же тогда можно утверждать, что именно «позиция Кремля обрекала военные переговоры на неудачу»?

В этих условиях 21 августа Советское правительство сообщило Гитлеру, что готово принять 23 августа в Москве Риббентропа для подписания с Германией пакта о ненападении³⁷³. Естественно, что это сообщение вызвало колоссальную тревогу в Лондоне и Париже, о чём, в частности, сообщал Майский в НКВД³⁷⁴, и этим во многом и объясняется активизация французской дипломатии. Под прессом событий, 21 августа в 16 ч. 15 мин. в Москву отправляется телеграмма Гамелена, в которой от имени Дала-

---

17 августа 1939 г. Ж. Думенк сообщал в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». 20 августа он информировал своё руководство, что «провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции». // Ржешевский О.А. Перед великим испытанием. // ННИ. 2010, № 3. С. 9.

³⁶⁷ Документы и материалы... Т. 2. С. 307-309, 314, 317-318; Год кризиса. Т. 2. С. 273-274, 278-279, 293, 294, 294-295; СССР в борьбе за мир... С. 621.

³⁶⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 324-325; Год кризиса. Т. 2. С. 298-299; СССР в борьбе за мир... С. 626-627.

³⁶⁹ Год кризиса. Док. № 585, 586, 588, 589, 594, 595, 597, 599, 600; Т. 2. С. 405 – телеграмма Гамелена Дюменку.

³⁷⁰ ВИЖ, 1989, № 7. С. 78.

³⁷¹ Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 154.

³⁷² Ibid. С. 155.

³⁷³ Год кризиса. Т. 2. С. 303.

³⁷⁴ Ibid. С. 312.

дье Думенк уполномочивается, наконец, подписать военную конвенцию³⁷⁵. Но так как от поляков желаемого ответа не поступало и их позиция на тот момент оставалась неизменной³⁷⁶ (Бек говорил французскому и английскому послам, что у Польши не только нет договора с СССР, но она и не хочет его иметь³⁷⁷), Боннэ телеграфирует послу Франции в Польше Нозлю³⁷⁸: срочно добиться у Рыдз-Смиглы^г устранения препятствий по заключению соглашений в Москве.

Он требует от поляков «по крайней мере молчаливого права подписи...», ведь только Россия может прийти им на помощь. Это ограничило бы и значение намечающегося советско-германского соглашения. Но обращение к полякам носило декларативный характер, как бы убеждая или даже умоляя их позволить спасти самих себя, в то время как требовалось давление на них.

В тот же день Ж. Думенк провёл беседу с Ворошиловым, где сообщил, что уполномочен подписать военную конвенцию³⁷⁹. Но Ворошиловым вопрос был поставлен так: это есть только позиция французского правительства или и английского, польского и румынского? Так как от поляков нет положительного ответа, то и соглашения быть не может³⁸⁰.

На следующий день после обеда Нозль направил Думенку телеграмму, в которой сообщалось, что «в случае немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР... не исключается»³⁸¹. Но реальность была другой. Поляки не меняли своих позиций, и это была попытка продолжить бесплодные переговоры. Такая «сверхдипломатичная» формулировка была выработана с согласия Бека, который из «тактических соображений одобрил её, но заявил, что польская принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остаётся без изменений»³⁸².

Поразительное упрямство: предпочесть падение в пропасть помощи соседа (с которым давно враждовал) для предотвращения падения!³⁸³ Станислав Мацкевич писал, что ещё со времён Мюнхена «перед польской политикой стояла одна-единственная задача: постараться, чтобы Польша вступила в эту войну как можно позже... И Бек делал всё, но в обратном направлении. Он делал всё, чтобы Гитлер в первую очередь атаковал именно нас»³⁸⁴. В этой связи, крупнейший английский историк А. Дж. П. Тейлор пишет, что «русские просили разрешения вступить на польскую территорию, но поляки не позволили. И русским ничего другого не оставалось, кроме как сохранять нейтралитет»³⁸⁵.

Наджиар, отвечая на телеграмму Нозля, отмечал, что «эта уступка происходит слишком поздно. Кроме того, она недостаточна, поскольку... не позволяет сослаться на решение самого польского правительства»³⁸⁶. Комментировать эти слова излишне. 23 августа Нозль попытался повторно повлиять на Бека, но безрезультатно³⁸⁷. Его следовало убеждать не уговорами. Но если французы с 17 по 23 августа хотя бы что-то предпринимали в отношении поляков, то англичане не сделали и десятой доли того. А когда переговоры сорвались, позиция Польши стала для них удобной ширмой для прикрытия собственного нежелания создать реальный тройственный союз.

На первый взгляд, может показаться, что соглашения не удалось достигнуть из-за разногласий по отдельным вопросам. Но на деле участь переговоров была предрешена отсутствием политического стремления двух западных столиц заключить пакт того типа, который предлагал СССР, – всеобъемлющий и «без щелей». Из всего этого Советское правительство сделало вывод, что соглашение с англичанами и французами невозможно, и пошло на подписание пакта с Германией.

³⁷⁵ Ibid. С. 405.

³⁷⁶ Ibid. Док. № 573, 574, 579, 580.

³⁷⁷ Ibid. С. 279.

³⁷⁸ Ibid. Док. № 589, 590.

^г Примечание научного редактора: Эдвард Рыдз-Смиглы – маршал, главнокомандующий польской армии.

³⁷⁹ Ibid. С. 307-311; Документы и материалы... Т. 2. С. 329-334; СССР в борьбе за мир... С. 631-636.

³⁸⁰ Документы и материалы... Т. 2. С. 330-332; Год кризиса. Т. 2. С. 308-309; СССР в борьбе за мир... С. 632-634.

³⁸¹ Год кризиса. Т. 2. С. 316.

³⁸² Ibid. С. 317.

Политику Польши накануне подписания германо-советского договора следующим образом описал авторитетный западный специалист по Восточной Европе Хью Сетон-Уотсон в своей книге «Восточная Европа между войнами, 1918-1941»: «Уверенные в своем контроле над армией и полицией, „тонко“ натравливая друг на друга различные оппозиционные группировки, главари режима молились и желали того, чтобы этот кризис продлился как можно дольше, и в это время они понемногу готовились как внутри страны, так и вдоль своих границ». «Со своей стороны, – продолжает автор, – Советский Союз за счет этого договора вновь получил те территории, которые потерял по условиям того мира, который был ему навязан в 1918 г. Германией (эти потери не были исправлены Версальским договором)». // См.: Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

³⁸³ По сообщению Я.З. Сурица, Э. Даладьё ещё в марте 1939 г. предупреждал, что польская политика в отношении СССР в конце концов доведёт Польшу до раздела. // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 144.

³⁸⁴ Мацкевич С. Политика Бека. С. 185.

³⁸⁵ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

³⁸⁶ Год кризиса. Т. 2. С. 317.

³⁸⁷ Ibid. С. 318.

Один из крупнейших английских специалистов по истории современных международных отношений А. Дж. Тейлор считал Англию главной виновницей неудачных англо-франко-советских переговоров 1939 года и выражал понимание позиции советской стороны. «Из этого краха родился советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г.», – заключил он³⁸⁸. В этой связи и С. Мацкевич, критикуя близорукую политику польских властей, приведших свою страну к краху, отмечал, что «сейчас же англичане имели свободу рук, не должны были ничего добиваться от России для Польши, а Польшу назначили жертвой – кровью и жизнью которой они должны были изменить направление гитлеровской атаки с запада на восток»³⁸⁹.

Была ли возможность, используя позицию Франции, которая «в последний момент» дала положительный ответ на подписание соглашения, добиться положительного результата? Судя по переговорам весной и летом 1939 г., этого сказать нельзя. С начала 1938 г. Франция показала себя абсолютно зависимой от Англии, не сделавшей ни одного самостоятельного шага на международной арене. В истории ещё не было случая, когда те, кто завёл общество в тупик, сумели бы вывести его обратно. Не могли и не хотели люди типа Боннэ договариваться с СССР, да и стоящие за ними «200 семейств» не позволили бы им этого. Мы уже отмечали, что среди данной публики преобладали настроения типа «лучше Гитлер, чем Народный фронт!».

Конечно, не весь правящий класс Франции был слеп настолько, чтобы не видеть грозящей со стороны нацистов опасности, и среди таких трезвомыслящих людей, бесспорно, был и генерал Ж. Думенк. Но они были в меньшинстве и не могли влиять на принятие решений. К тому же, следуя по английской внешнеполитической колее, Франция была уже неспособна из неё выйти. А английское правительство не намеревалось менять курс на сделку с Германией и в затягивании переговоров с СССР видело лишь средство к этому. Об этом в своих дневниках свидетельствуют и Думенк, и Ж. Вийон. Нет, французские руководители того времени были неспособны изменить что-либо, т.к. не могли повлиять на позицию правительства Чемберлена и даже на польских правителей. В этом случае, даже если допустить, что Сталин и Ворошилов согласились бы подписать двустороннее соглашение с французами, оно осталось бы на бумаге, ввиду невозможности его реализации из-за позиции польского правительства. Поэтому Советское правительство избрало другой путь для обеспечения своей безопасности – пошло на договор с Германией и осталось вне европейского конфликта, когда он разразился.

«В этой ситуации Гитлер, – пишет Хаффнер, – оказался более ловким. Чемберлен вёл свои переговоры с Москвой с явным нежеланием. Он ясно давал понять, что не желает союза с Россией, а переговоры призваны служить жупелом для Гитлера. Гитлер же был готов идти до конца. Его не смущало даже то, что в тот момент он поставил с ног на голову свою политическую концепцию и отказался от того, что он годами проповедовал против „мирового большевистского врага“»³⁹⁰.

6. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 года

Наиболее полновесный анализ советско-германских отношений накануне второй мировой войны сделала западногерманская исследовательница И. Фляйшхауэр. В советской и постсоветской историографии эти отношения подробно излагаются и анализируются В. Сиполсом в двух цитированных монографиях и в хорошо документированной статье в майском номере журнала «Международная жизнь» за 1989 г., а также на основе сравнительного анализа советских и германских документов в статье С. Горлова, опубликованной в четвёртом номере за 1993 г. журнала «Новая и новейшая история» (хотя вывод автора, что советско-германский пакт был подготовлен в ходе контактов сторон, начиная с апреля, абсолютно необоснован). В целом, в исторической литературе этому вопросу уделено немало внимания³⁹¹.

³⁸⁸ Цит. по: Прибылов В.И. Был ли выбор? // ВИЖ, 1990, № 2. С. 33.

Иную точку зрения высказывает профессор МГИМО М.М. Наринский, который со ссылкой на историка С.З. Случа отмечает, что неудача англо-франко-советских переговоров явилась результатом «упущенных возможностей» всех участников. // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 150.

С такой постановкой вопроса можно согласиться в том смысле, что данная неудача сказалась крайне негативно на всех участниках этих переговоров, однако не в том понимании, что за неё несёт ответственность и СССР. «Неудача» стала следствием исключительно политики чемберленовского руководства Великобритании и слепо следовавшего за ним французского руководства.

³⁸⁹ Мацкевич С. Политика Бека. С. 197.

³⁹⁰ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. М., 1972. С. 47.

³⁹¹ См.: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. М., 1991; Groza A. URSS – instigatorul celui de-al doilea război mondial. Chişinău. 1995; СССР – Германия. 1939 – 1941. Т. I (17-IV-30-IX-1939 г.). Нью-Йорк. 1989; История второй мировой войны. Т. 2. С. 278-289; История внешней политики СССР. Т. 1. С. 389-393; Сиполс В.Я. Внешн. пол. Сов. Союза. С. 307-328; Сиполс В.Я. Дипл. борьба... С. 280-298; Накануне. М., 1991. С. 220-269; Сиполс В.Я. За несколько месяцев до 23 августа 1939 года.

Поэтому нет смысла повторяться, а так как целью данной работы не является анализ тактики и методов германской дипломатии, мы тем более не будем этого делать. Нас интересуют другие вопросы этих отношений: кому принадлежала инициатива в их возобновлении; каково было их значение для сторон и на что они рассчитывали; почему Советский Союз предпочел договор с Германией продолжению переговоров с Англией и Францией, т.е. каковы причины такого шага; были ли для СССР реальные альтернативы данному договору; каковы его ближайшие и более отдаленные последствия для безопасности СССР и других стран; что получил Гитлер от пакта со Сталиным и каково значение пакта от 23 августа для развязывания войны, т.е. решился бы Гитлер напасть на Польшу без его подписания и началась бы в таком случае война 1 сентября или не началась вообще. Естественно, что полного и абсолютно исчерпывающего ответа на эти вопросы дать невозможно. Мы считаем, что уже их постановка должна вызвать интерес у тех, кому эти проблемы небезразличны, а мы делаем лишь попытку первоначального ответа на них.

У непредубежденного читателя может возникнуть вопрос: что плохого в том, что отношения двух великих соседних держав из враждебных нормализуются и становятся партнёрскими? Ответим сразу – если это не во вред третьим странам! Естественно, что в данном случае советско-германский пакт нельзя квалифицировать как безвредный, т.к. он предопределял судьбу целого ряда государств. В этом контексте возникает другой вопрос: насколько оправдано игнорирование интересов малых стран ради обеспечения национальной безопасности великих держав?

Вопрос о инициативе в нормализации советско-германских отношений. Но вернёмся к вопросу о советско-германских отношениях. Какое имеет значение, кто проявил инициативу в их нормализации, а затем сближении двух стран? Дело в том, что если это была инициатива Советского Союза, то его элементарно можно обвинить в «двойной игре», в том, что советское руководство заблаговременно решило направить события по случившемуся варианту, а переговоры с Англией и Францией были лишь ширмой для этого. В таком случае «чемберлены» – невинные ягнята в сравнении с «коварным» Сталиным и «мировым злодеем» Гитлером*. Но ни один имеющийся в распоряжении исследователей документ не подтверждает данной версии. Более того – документы доказывают, что это была исключительно инициатива немецкой дипломатии и Гитлера. Это очень убедительно доказывает и И. Фляйшхауэр на основе многочисленных документальных материалов из немецких архивов³⁹². Конечно, можно сделать и противоположный вывод, но тогда потребуется прибегнуть к слишком вольной трактовке фактов.

Мы очень тщательно проанализировали существующие на данный момент сборники документов и пришли к однозначному выводу: ничто не указывает, что инициатива в этом вопросе принадлежала СССР (следует подчеркнуть, что сборник «СССР – Германия...», подобранный, по нашему мнению, очень тенденциозно, не составляет исключения из общей картины). Все касающиеся этого вопроса документы доказывают, что первый, а затем и второй, и т.д. до, приблизительно, 10-го шага принадлежит немцам³⁹³ (впервые это сделал Чиано, намекнув советскому послу в Риме ещё 2 октября 1938 г.: «Москве следовало бы подумать о своих отношениях с Берлином и Римом...»³⁹⁴ Немцы впервые сделали это 5 января 1939 г., предложив Мерекалову возобновить экономические переговоры³⁹⁵, с чем советская сторона согласилась³⁹⁶). А начиная с 10 мая³⁹⁷ не прекращаются германские предложения об улучшении и

// Межд. жизнь, 1989, № 5; Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова – Риббентропа. // ННИ, 1993, № 4; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939- 1941. М., 1992. С. 31-38; Суворов В. День «М». Черкассы. 1994. С. 51-70; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. С. 551-555; Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 27-28; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 178-180; Буллок А. Гитлер и Сталин. Смоленск. 1994. С. 230-238; Stokesbury J.L. Scurtă istorie a celui de-al doilea război mondial. Бус., 1993. Р. 55; Розанов Г.Л. Так была развязана вторая мировая война. М., 1989; Розанов Г.Л. Сталин – Гитлер. М., 1991; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн. 2, ч. I. М., 1989; Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1987; Открывая новые страницы. М., 1989; 1939 год. Уроки истории. М., 1990; Фест И.К. Гитлер. Биография. Пермь. 1993; Уткин А.И. Так пришла война. Екатеринбург. 1992. С. 78-86; Трубайчук А.Ф. Пакт о ненападении: была ли альтернатива второй мировой войне. Киев, 1990; Dolghin Fl. Stalin, principalul redactor al pactului germano-sovietic. // Magazin Istoric, 1998, Nr. 8; Buzatu Gh. Pactul Hitler- Stalin și România. // Dosarele istoriei. 2001, Nr. 7; Ștefănescu A.V. Ultimele zile de pace. // Dosarele istoriei. 2004, Nr. 9 и др.

* В данном случае кавычки выражают иронию по отношению к сторонникам этого мнения, а не сомнение в коварстве Сталина или злодействе Гитлера.

³⁹² См.: Фляйшхауэр И. Пакт... С. 20-40, 331-334, 334-335.

³⁹³ См.: СССР- Германия ... Т. 1. С. 10-20 (док. № 1-7); Год кризиса. Док. № 14, 101, 109, 110, 124, 137, 141, 155, 279, 329, 349, 362, 363, 382, 384, 388, 403, 412, 413, 437, 442, 485, 494, 503, 504, 523, 524, 525, 534, 538, 549, 556, 570, 572.

³⁹⁴ Год кризиса. Док. № 14.

³⁹⁵ Ibid. Док. № 101.

³⁹⁶ Ibid. Док. № 104.

³⁹⁷ Ibid. Док. № 329.

политических отношений с СССР. Активность немцев возрастала по мере того, как приближалась назначенная Гитлером дата нападения на Польшу – 1 сентября 1939 г.³⁹⁸ У Гитлера уже не было времени^г.

Он хотел соглашения немедленно, чтобы избежать кошмара войны на два фронта. Образовался своего рода заколдованный круг: Англия и Франция добивались соглашения с Германией, но Берлин не проявлял заинтересованности; Германия стремилась к нормализации отношений с СССР, но Советское правительство не реагировало на германские предложения; СССР добивался заключения договора о взаимной помощи с Англией и Францией, но они уклонялись от подписания такого договора. Только 22 июля советской стороной было официально заявлено о начале торговых переговоров³⁹⁹, а 29 июля Молотов в телеграмме Астахову^{г2} и 3 августа в беседе с Шуленбургом подтвердил желательность для СССР улучшить и политические отношения с Германией⁴⁰⁰. Но это ещё не значило, что того хронического недоверия, которое присутствовало у СССР к Германии, вдруг не стало⁴⁰¹. 13 августа немцы предложили отправить в Москву одного из ближайших соратников Гитлера для ведения с СССР политических переговоров⁴⁰², на что Молотов 15 августа в беседе с Шуленбургом ответил, что приезд Риббентропа требует дополнительной подготовки⁴⁰³.

17 августа в беседе с Молотовым Шуленбург передал предложение германского правительства о приезде в Москву Риббентропа для подписания пакта о ненападении, на что Молотов ответил согласием и выразил идею о дополнительном протоколе по вопросам внешней политики как составной части пакта⁴⁰⁴. Вплоть до середины августа, пока существовала хоть какая-то надежда на заключение англо-франко-советского договора, Советское правительство не реагировало на немецкие зондажи. Однако, когда практически выяснилась бесплодность переговоров с Англией и Францией, игнорировать германские предложения становилось опасно⁴⁰⁵. 19 августа в новой беседе наркома с германским послом подтверждается содержание предыдущей, и Шуленбург сообщает Молотову о близком «решении польского вопроса», поэтому следует при этом учесть интересы Советского Союза. Молотов сообщил, что Риббентроп мог бы приехать в Москву 26-27 августа⁴⁰⁶.

Следует отметить, что чрезмерная уступчивость германской стороны⁴⁰⁷ объяснялась боязнью немцев заключения англо-франко-советского соглашения (что априори абсолютно исключить никто не мог), как единственного средства, способного предотвратить развязывание фашистской агрессии⁴⁰⁸.

19 августа было подписано кредитное соглашение между СССР и Германией⁴⁰⁹, а 21 августа Гитлер направил Сталину письмо, в котором предложил принять Риббентропа в Москве не позднее 23 августа⁴¹⁰. В тот же день Сталин сообщил Гитлеру, что советская сторона согласна на приезд в Москву Риб-

³⁹⁸ Ibid. Т. 1. С. 356-357, 375-378; Документы и материалы... Т. 2. С. 64, 66-68.

^г Примечание научного редактора: Первоначально, в соответствии с планом «Вайс», нападение на Польшу предусматривалось 1 сентября 1939 г. Однако, когда летом была завершена подготовка к войне, в июле (за месяц до заключения Пакта Молотова – Риббентропа) была назначена другая дата – 26 августа.

³⁹⁹ Год кризиса. Док. № 490.

^{г2} Примечание научного редактора: Георгий Астахов – на тот момент советский поверенный в делах в Германии.

⁴⁰⁰ Ibid. Док. № 511, 525.

⁴⁰¹ Ibid. Док. № 329, 341, 349, 362, 382, 384, 388, 436, 525.

⁴⁰² Ibid. Док. № 549.

⁴⁰³ Ibid. Док. № 556.

⁴⁰⁴ Ibid. Док. № 570; Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 1. С. 559.

⁴⁰⁵ В этой связи немецкий историк Барч М. отмечает, что «предложение из Берлина пришло в момент, когда стало совершенно ясно, что Лондон и Париж не думают заключать соглашения с Москвой... Ни одна из европейских держав не согласилась заключить действенный союз против агрессии... Советский Союз... находился в возникшей не по его вине жёсткой изоляции, окружённый открыто враждебными соседями». // Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989. С. 69.

⁴⁰⁶ Год кризиса. Док. № 572.

⁴⁰⁷ Ibid. Док. № 538, 541.

⁴⁰⁸ Как отмечал Риббентроп в меморандуме Гитлеру от 24 июня 1940 г., фюрер даже уполномочил его объяснить о германской незаинтересованности в территориях Юго-Восточной Европы вплоть до Константинополя и Босфора с Дарданеллами в случае, если советская сторона потребует этого. Однако данный вопрос на переговорах не поднимался. // *Diplomația cotropitorilor. Culegere de documente*. Chișinău, 1992. P. 129.

⁴⁰⁹ Год кризиса. Док. № 575.

⁴¹⁰ Ibid. Док. № 582.

Всё это время шла сложная дипломатическая игра. Так, 21 августа Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве – Риббентропа для подписания пакта о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием! Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с СССР, 22 августа Гитлер отменил полет Геринга, хотя об этом в Лондон было сообщено только 24 августа. Пока же английское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию. 26 августа из Лондона в Берлин поступили сведения, что Англия не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит вой-

бентропа 23 августа⁴¹¹. Этот пресловутый пакт⁴¹² и дополнительный секретный протокол к нему были подписаны в Москве 23 августа 1939 г.⁴¹³

М.И. Мельтюхов так описывает это событие: «Состоялся прием в Екатерининском зале Кремля. Риббентроп, войдя в зал, приветствовал присутствующих обычным фашистским жестом – выбросив вперед вытянутую руку с восклицанием „Хайль Гитлер!” Все замерли. Но Сталин улыбнулся и неожиданно ответил... книксеном. Взявшись пальцами за края своего френча, он картинно присел перед гостем. В зале раздался смех, и неловкость ситуации была сглажена. Когда приём закончился, Риббентроп покинул помещение и остались только свои, Сталин сказал: „Кажется, нам удалось провести их”»⁴¹⁴.

Но вернёмся к так называемой «инициативе». Как видим, инициирование советско-германских отношений принадлежало немецкой стороне, но вот что касается дополнительного протокола, инициатива исходила от СССР. Даже если и в целом инициирование процесса сближения принадлежало бы Советскому правительству, то и в таком случае его нельзя обвинить в «двойной игре» и т.п., т.к. после Мюнхена доверие к англичанам и французам было настолько подорвано, что надежды на создание вместе с ними антигитлеровской коалиции почти не оставалось.

В этой ситуации в Москве не могли исключить саботажа со стороны Запада (неподписание совместно с СССР военно-политического договора и сговор с Гитлером на антисоветской основе). Поэтому вызывает удивление, что в таких условиях не Кремль начал рекогносцировку с целью нормализации отношений с Германией. Ведь в случае срыва переговоров с Лондоном и Парижем у Москвы должна была быть альтернатива для обеспечения своих государственных интересов. Вызывает удивление не то, что Советы приняли в конце концов германское предложение, а то, что они сделали это столь поздно.

По довольно обоснованному мнению И. Фляйшхауэр, реальность «германской альтернативы» выкристаллизовывалась перед Сталиным уже накануне 1 мая, но в ряду приоритетов он отводил ей тогда последнее место, направляя главные усилия на создание коллективного фронта сдерживания агрессии. Доказательством тому служит, по мнению германского историка, ненаправление Мерекалова в Берлин, что парализовало дальнейшее развитие контактов СССР – Германия, и одновременно активность Майского и Сурица, добивавшихся союза с Западом⁴¹⁵. Более того, отмечает Фляйшхауэр, т.к. СССР желал мира и не думал отказываться от связей с Западом⁴¹⁶, он после 3 августа и до середины месяца не проявлял ни малейшей готовности вступить в переговоры с Германией⁴¹⁷.

Тогда возникает ещё вопрос: почему 17 августа в Кремле согласились принять Риббентропа? Думается, что процесс англо-франко-советских переговоров дает удивительно простой ответ: в Москве окончательно убедились, что англичане и французы ломали комедию с целью одурачить СССР, поэтому переговоры с Западом и были прерваны до 21 августа. Когда и в этот день не был получен ответ на кардинальный, по словам Ворошилова, вопрос, Сталин дал положительный ответ на предложение Гитлера. Заметим: не из-за германских предложений прервались переговоры с англичанами и французами, а в силу невозможности их дальнейшего продолжения было принято предложение Гитлера. Ллойд Джордж по этому поводу говорил Майскому, что он находит, что Советское правительство проявило даже слишком много терпения в переговорах с Англией и Францией⁴¹⁸.

ну, но воевать не будет. // См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. М., 2000 (militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html).

⁴¹¹ Год кризиса. Док. № 583.

⁴¹² Интересны оценки, данные германскому и советскому министрам видным американским дипломатом Дж. Кеннаном: «Риббентроп был очень сильно взволнован делом, которое ему предстояло. Это был напыщенный, неприветливый человек, бывший торговец вином, который ловко воспользовался славой Гитлера, нацистский выскочка, нахальный, назойливый, переполненный энергией, раболепствующий перед Гитлером, надменный ко всем остальным. Главным образом, его привлекали внешний лоск и атрибуты государственной должности, а не её сущность. Без сомнения, он желал стать великим министром иностранных дел, но ещё больше хотел показать, что он уже является одним из великих...

И, наконец, следует упомянуть Молотова, сталинского министра иностранных дел времён второй мировой войны, эту выносливую рабочую лошадку русского коммунистического движения, человека с физическими данными ресторанный вышибалы. С железными нервами и каменным лицом, невозмутимого, упрямого, непоколебимого в аргументации, и, к тому же, большого мастера шахматной игры, который никогда не делал бесполезных ходов. Невозможно было представить себе более противоположных людей, чем Молотов и Риббентроп. Молотов не страдал персональным тщеславием, в нём начисто отсутствовала театральность. Он был совершенно равнодушен к тому, что думала или говорила о нём другая сторона... По-видимому, у него всё-таки были чувства..., но обычно он знал, как скрывать свои переживания, и если они когда-либо проявлялись в действиях государственного мужа, то никто и никогда не догадывался, что это было». // Кеннан Д. Россия и Запад при Ленине и Сталине. // Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль. С. 72, 75-76.

⁴¹³ Год кризиса. Док. № 602, 603.

⁴¹⁴ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

⁴¹⁵ Фляйшхауэр И. Пакт... С. 131.

⁴¹⁶ Ibid. С. 54-55.

⁴¹⁷ Ibid. С. 241.

⁴¹⁸ Год кризиса. Т. 2. С. 312.

«Мы знаем, – пишет итальянский историк Луччяно Канфора в своей книге „Краткая история демократии”, – что русские чувствовали себя обманутыми перед лицом того, как умышленно непоследовательно англичане и французы вели переговоры. Они повторили решение Брест-Литовска, так сказать, в совершенно иной политической ситуации, выведя себя из надвигающейся войны, как они раньше вышли из антиимпериалистической войны. С течением времени, – продолжает автор, – распространился миф о „разделе” Польши между Гитлером и Сталиным, как о ещё одном эпизоде в длинной череде разделов. Однако, правда состоит в том, что Польша в 1938-1939 гг. была исторически антисоветской, но сговорчивой в отношении гитлеровской Германии, ориентируясь на которую министр иностранных дел Польши Бек определял свое поведение (включая выход 11 августа 1939 г. из Лиги Наций)»⁴¹⁹.

В этом контексте, говоря о причинах подписания Советским Союзом пакта с Германией, Дзелепи писал: «Что касается Сталина, то в этом не было ничего таинственного. Следовало, прежде всего, избежать быстро приближавшейся войны против СССР. Если бы британское правительство не саботировало политику коллективной безопасности, если бы оно не играло на руку Гитлеру, если бы не было Мюнхена и его последствий – не было бы и советско-германского пакта. Сталину пришлось сделать выводы из политики Англии, тащившей за собой и Францию, но совсем не такие, как обычно полагают: будто бы, подписывая пакт с Гитлером, он провоцировал его на войну против западных стран»⁴²⁰.

Вернёмся ещё раз к вопросу «о инициативе». Некоторые исследователи приходят к выводу, что на XVIII съезде ВКП(б) Сталин высказался за смену внешнеполитического курса страны в сторону сближения с Германией. Мы не станем цитировать Сталина, т.к. каждый может ознакомиться с его докладом на этом съезде. Позволим себе только одно утверждение: вы не найдете там ничего подобного, хотя обнаружите кое-что другое, то, что капиталистические страны были разделены на «агрессивные» и «неагрессивные, демократические», и эти последние, если не откажутся от политики «умиротворения», жестоко поплатятся за это, а СССР не будет выгребать за них жар⁴²¹. Следует обладать в высшей степени большим воображением, чтобы в этом усмотреть смену курса!

И последние аргументы по поводу «инициативы», приводимые Л. Безыменским. Он цитирует речь Гитлера 22 августа 1939 г., когда фюрер приписал себе инициативу в улучшении советско-германских отношений сразу же после Мюнхена. Затем приводит слова Риббентропа от 22 июня 1941 г., в которых звучит тот же мотив. И, наконец, приводит выводы шефа английской разведки генерала Ф. Дэвидсона, тщательно изучившего соответствующие германские документы – инициатива принадлежит Гитлеру⁴²².

Каково же было значение советско-германских переговоров для обеих сторон и каков был их расчет? В отношении Гитлера как будто все ясно: он торопился развязать войну, для чего следовало не допустить тройственного англо-франко-советского соглашения, иначе возникала реальная угроза войны на два фронта и неизбежный разгром. Кроме того, не только Сталин осознавал, что Красная Армия не готова воевать с Германией, но и Гитлер понимал, что в 1939 году вермахт был также далек от такой готовности. И он опасался СССР, как и Кремль побаивался его. Это в 1941 году он, покорив всю Европу, одурел от легких побед и решил разгромить СССР за 6 – 8 недель⁴²³.

Но в 1939 г. ещё преобладала относительная трезвость в оценке военно-экономического потенциала СССР. Также и советско-финская война ещё не сыграла злую шутку с Гитлером и не ввела его в заблуждение по поводу боевых возможностей Красной Армии⁴²⁴. И, конечно же, летом 1939 г. у нацистов не было уверенности в невмешательстве СССР в случае их нападения на Польшу. Да и возможность решить некоторые экономические проблемы с помощью Советского Союза также привлекала нацистских главарей. В условиях экономической блокады со стороны Запада, они рассчитывали на получение стратегического сырья и других материалов с Востока.

Позиция Запада после нападения на Польшу не беспокоила Гитлера: он знал, что ни Англия, ни Франция не вмешаются. Этому есть множество свидетельств, некоторые из них мы приводили, но са-

⁴¹⁹ См.: Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

⁴²⁰ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 28.

⁴²¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 568-574.

⁴²² См.: Безыменский Л.А. Альтернативы 1939 г. // Новое время, 1989, № 24. С. 34.

⁴²³ См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 149-153; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 86-89, 91-93; Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 198-203; Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 15-16.

⁴²⁴ До настоящего времени господствует мнение, что советско-финская война доказала военную слабость СССР. Это в корне ошибочная теория. Отметим, что всё обстояло как раз наоборот: последнее советское наступление, прорвавшее «линию Маннергейма», не уступавшую по эффективности «линии Мажино», доказало огромные наступательные возможности Красной Армии. А все неудачи предыдущего периода показали не слабость армии, а бездарность Ворошилова и К⁰, использовавших её «не так, не там и не по назначению». // См. например: Энгл Э., Лаури П. Зимняя война. Советское нападение на Финляндию. 1939 – 1940. М., 2006; Барышников Н.И. Советская финляндская война 1939-1940 гг. // ННИ, 1989, № 4.

мое убедительное – в его речи перед руководством вермахта 22 августа 1939 г. Характеризуя Чемберлена и Даладье, фюрер оценивал их способности ниже среднего уровня и отмечал, что образование «Великой Германии» было достигнуто посредством блефа со стороны политического руководства. Он откровенно выразил уверенность, что за Польшу Запад не вступится, добавив: «Наши противники – жалкие черви. Я видел их в Мюнхене... Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне своё предложение о посредничестве...»⁴²⁵ Но в таком случае, обещал А. Гитлер генералам, он, ударом ноги в живот, на глазах у иностранных фотокорреспондентов, спустит Чемберлена с лестницы⁴²⁶. Позволить себе говорить о ком-либо в таком духе, даже в его отсутствие, – значит полностью презирать эту личность и быть уверенным в полном отсутствии у неё воли к сопротивлению. Наверное, в данном случае бесноватый фюрер был недалек от истины...

Другим было его отношение к советским руководителям⁴²⁷. Он понимал, что шантаж и угрозы приводят к нежелательным результатам. Тут необходима другая тактика: попытка «купить» СССР обещанием полной гарантии его безопасности, невмешательства в «сферу его интересов» в Восточной Европе. И эти обещания германская дипломатия не уставала раздавать всё лето. Так, к примеру, в письме Молотову Астахов сообщал 12 августа: «Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) – это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»⁴²⁸. Это же делает и Гитлер, вначале через посредников, а затем лично в письме Сталину от 21 августа.

Ожидая ответа из Москвы, он, по свидетельствам очевидцев, пребывал в состоянии крайнего возбуждения и даже полупростратии. Его состояние в тот момент нельзя было сравнить ни с чем до этого. Хотя письмо Гитлера было составлено в мажорном тоне, реально он выступал в роли просителя и покорно ждал от Сталина решения. Всё это говорит об огромном значении для Германии возможности оторвать Советский Союз от Англии и Франции. С нейтрализацией СССР Гитлер получал не просто возможность расправиться без помех с Польшей (судьба её была в любом случае решена – с пактом или без него⁴²⁹), а значительно большее – свободу рук на Западе! В этом состояло значение пакта для фашистской Германии, к этому Гитлер стремился. И он добился этого в результате неудачи англо-франко-советских переговоров.

В этой связи нельзя не отметить принципиальную разницу в подходе к переговорам с Советским Союзом правительств Англии и Франции, с одной стороны, и Германии – с другой. Германское правительство недвусмысленно заявило через своего посла в Москве, что оно желает заключить с СССР договор о ненападении. Гитлер в связи с этим обратился с личным посланием к Сталину. По-видимому, и тон этого письма импонировал советскому диктатору: в отличие от англо-французских аморфных и бессодержательных деклараций, в нём чувствовалась напористость и решимость к действию. В Москву прибыл не кто иной, как имперский министр иностранных дел с широчайшими полномочиями. Эти факты не могли не свидетельствовать о желании Германии заключить с СССР без всяких проволочек договор о ненападении. Действия Германии резко контрастировали с отношением к переговорам с Советским Союзом англичан и французов. Для выработки текста советско-германского договора о ненападении и его подписания потребовался всего один день. Сугубо психологически это также импонировало советской стороне, тем более, что советских руководителей порядком утомили канитель и проволочки англичан и французов в их стремлении затягивать переговоры до бесконечности.

Чего же добивалось сталинское руководство СССР? Ранее мы уже дали ответ на этот вопрос – обеспечения безопасности своей страны. И тут существовали два варианта: первый и основной – договорённость с Англией и Францией; второй – соглашение с Германией и невмешательство в конфликт, а точнее – оттягивание сроков вступления в европейскую войну⁴³⁰. Естественно, в СССР понимали, что при втором варианте надолго сохранить мир не удастся, но если и вступать в войну, то на относительно

⁴²⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии. С. 138-140.

⁴²⁶ История второй мировой войны. Т. 2. С. 129.

⁴²⁷ В 1939 году на вопрос Гитлера, чем кончится дело, если Германия нападёт на Польшу, а Франция и Англия придут ей на помощь, В. Кейтель и В. Браухич ответили, что она покончит с Польшей в течение месяца, затем разгромит Францию и Англию. Далее Гитлер спросил, что случится, если против Германии выступит и Советский Союз. Браухич ответил: «Германия потерпит поражение». // Якушевский А.С. Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР. // ВИЖ, 1989, № 5. С. 74.

⁴²⁸ Год кризиса. Т. 2. С. 185.

⁴²⁹ В этом смысле львовский историк международного права В. Макаручук поясняет: «То, что нацистская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу, не может быть однозначно объяснено как результат советского согласия на такую агрессию. По крайней мере, ни в одном документе немецкого МИД (а они все опубликованы) нет даже намёка на то, что Москва 23 августа тем или иным способом дала согласие на своё вступление в войну против Польши». // Макаручук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. М., 2010. С. 162.

⁴³⁰ См. Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. 1939-1942. Vol. I. Buc., 1988. P. 45.

благоприятных для себя условиях. Именно в этом плане комментировал задним числом задачи советской внешней политики французский военно-воздушный атташе в Москве Люге 29 августа 1939 г.: «Эта потребность мира предполагает уклонение от любой рискованной авантюры за пределами границ... Отказаться от своего первостепенного принципа мира» Советское правительство может «только в... случае, если участие в войне» на стороне Англии и Франции «обеспечит СССР по меньшей мере неприкосновенность его территории... и уничтожение с наименьшими затратами главного врага: Германию. Это... минимум..., оправдывающий участие советского режима в европейской войне.

В том случае, если условия... участия в войне не будут достигнуты..., то следует остаться вне конфликта, обеспечив в этом случае неприкосновенность территории путём соглашения с единственным опасным противником: Германией. В этом случае Германия должна заплатить... гарантиями». Раскрывая суть пакта, Люге отмечает, что «Советское правительство пожертвовало идеологией во имя реальности»⁴³¹. Точнее и не скажешь – реальность диктовала логику шагов Советского руководства.

Как уже отмечалось, создание тройственного договора было тем реальным средством, которое не допустило бы войну и гарантировало национальную безопасность СССР. Срыв переговоров означал упущение последней возможности предотвратить войну. Мы уже отмечали, что причиной этого явилось отсутствие у правящих кругов Англии и Франции доброй воли и желания достигнуть соглашения. Попытка «обмана» СССР обернулась для Англии и Франции самообманом и самоизоляции. Чтобы не остаться в вышеупомянутом «заколдованном круге» изоляции, Советскому Союзу требовалось найти другое решение, пусть не столь эффективное, как то, к которому он стремился, пытаясь заключить тройственный пакт, пусть временное и не вполне надежное, но решение. И таким решением стало принятие германских предложений.

Это, по мнению Советского правительства, оттягивало вступление СССР в войну в условиях его изоляции от Запада; предотвращало возможность создания единого антисоветского фронта капиталистических государств; исключало вероятную до того момента войну СССР на два фронта – против Германии на западных границах и Японии на Дальнем Востоке; удерживало германскую агрессию на рубеже западных советских границ на 100-350-700 км; открывало перед Советским Союзом перспективу экономического и технологического сотрудничества с Германией; преподносило, в конце концов, с точки зрения сталинского менталитета, урок Западу.

Вот как комментирует логику советского руководства того периода патриарх американской дипломатии Дж. Кеннан: «Если бы англичанам и французам не удалось сковать силы Гитлера на Западе, Россия была бы втянута в эту войну, к которой она была так плохо подготовлена, и ей пришлось бы воевать на два фронта – против Германии и Японии. Более того, [Сталину] пришлось бы открывать боевые действия вдоль существующих советских западных границ в непосредственной близости от двух крупнейших советских промышленных центров – Москвы и Ленинграда. Если, с другой стороны, он примет предложение Гитлера, он не только останется в стороне от надвигающегося немецко-польского конфликта, при возможности будущего столкновения Гитлера с Англией и Францией, но и по условиям сделки ему будет разрешено занять большие пространства Восточной Европы. Он должен использовать этот регион в качестве буферной зоны, в случае, если Гитлер вздумает напасть на него позднее»⁴³².

Оттягивая сроки вступления в войну, Сталин надеялся укрепить экономический потенциал страны и Красную Армию, обескровленную предыдущими репрессиями. В целом, по мнению советского руководства, советско-германский пакт, хотя и по минимуму, и временно, но обеспечивал неприкосновенность советских границ и безопасность государства. Пакт, по его мнению, на практике реализовал право политического руководства на выбор внешнеполитических средств, способных обеспечить достижение гарантии безопасности СССР в самых сложных условиях ценой минимальных потерь.

И дабы окончательно разобраться в мотивах, толкнувших Гитлера и Сталина навстречу друг другу, следует иметь в виду ещё одну грань проблемы. Как известно, политика – это концентрированное выражение экономики, т.е. первичным является экономический интерес, и он же диктует и политику. Так вот, советская экономика была на подъеме, и для его обеспечения в СССР было всё: неисчерпаемые запасы сырья, развитая промышленность, постоянно растущие кадры, передовые технологии, абсолютная политическая и социальная стабильность^г и т.д. Для осуществления задач экономического развития объективно требовалось время. С точки зрения своих жизненных экономических интересов, СССР не нужна была большая война.

Для повышения своего благосостояния ему требовался мир. Это и явилось тем основным побудительным мотивом (на уровне социальной системы), толкавшим Кремль на обеспечение мирного развития своей страны. И главное здесь не в субъективизме сталинского руководства, как трактуется эта

⁴³¹ Прибылов В.И. Был ли выбор? // ВИЖ, 1990, № 2. С. 33.

⁴³² Кеннан Д. Россия и Запад при Ленине и Сталине. // Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль. С. 70.

^г Примечание научного редактора: Другой вопрос, какими конкретными средствами и методами была достигнута эта стабильность.

проблема во многих случаях. При всей личной одиозности и бесчеловечности олицетворяемого им режима, советский диктатор обеспечивал своей политикой кардинальные интересы страны.

И Гитлера экономические резоны двигали навстречу Сталину. Но суть этих мотивов была противоположна советским: экономика Германии находилась на пороге коллапса, и выход из него был один – война с целью захвата сырья, продовольствия, валютных и золотых запасов, производственных мощностей, порабощения дешевой рабочей силы и т.д. Но как уже отмечалось, чтобы развязать большую войну, фашистской Германии следовало нейтрализовать на её начальном этапе своего самого серьёзного потенциального противника – СССР. Этой задаче и послужил пакт.

Итог по данному вопросу можно подвести словами ведущих английских исследователей истории второй мировой войны Дж. Батлера, Дж. Гуайера: Гитлер подписал пакт, «чтобы развязать себе руки для борьбы против Великобритании и Франции. Россия подписала договор в целях самозащиты, в надежде, что трудная кампания на Западе ослабит Германию и отобьёт у неё охоту к новым авантюрам»⁴³³. Им вторит крупнейший английский историк А. Дж. П. Тейлор: «Германо-советский пакт не был союзом, это был взаимный обмен обещаниями о ненападении и нейтралитете... На Западе, – продолжает он, – поднялась шумиха по поводу преступления Советской России, заключившей соглашение с ведущей фашистской державой. Трудно было понять упреки британских и французских политиков, которые активно способствовали разделу Чехословакии и даже стремились к новому соглашению с Германией за счет Польши»⁴³⁴.

Ошибочно или преднамеренно, но вопрос: «Почему Советский Союз предпочел договор с Германией продолжению переговоров с Англией и Францией?» является неправомерным. Исходя из анализа целей СССР, его переговоров с Западом и контактов весной – летом с нацистской Германией, вывод напрашивается однозначный: СССР никогда не предпочитал сближение с Германией альтернативе тройственного пакта. Будучи за улучшение отношений с Германией, Советский Союз не усматривал для себя возможность такого улучшения ценой отрыва от Запада. Мы привели не одно тому доказательство: англичане и французы буквально толкнули Сталина в объятия Гитлера. Это явствует из анализа внешней политики Советского правительства от Мюнхена и до пакта, с обязательным учётом главного фона международных отношений того периода: агрессивной экспансионистской политики третьего рейха, поощряемой мюнхенскими «миротворцами».

Угроза нависла не только над советской коммунистической системой, но и над государством как таковым, и физическим существованием народов СССР. В этом контексте У. Ширер писал, что «к концу июля 1939 года Сталин пришёл к выводу, что Франция и Англия не хотят оборонительного союза, что правительство Чемберлена хочет склонить Гитлера к ведению войны в Восточной Европе. Он весьма скептически относился к выполнению Англией союзнического долга перед Польшей, полагая, что он будет выполнен не лучше, чем долг Франции перед Чехословакией. События, произошедшие на Западе в течение предшествующих двух лет, укрепляли его в этой мысли»⁴³⁵.

Вина за заключение пакта полностью ложится на проводников мюнхенской политики умиротворения. Сталин лишь отплатил мюнхенцам «той же монетой», которой на протяжении долгого времени они расплачивались с ним. Рассматривая этот вопрос, И. Фляйшхауэр приходит к выводу, что мюнхенская политика Запада толкнула Сталина в объятия Гитлера и предопределила «четвёртый раздел Польши»⁴³⁶. Такого мнения придерживается большинство историков. Бывший министр иностранных дел Румынии Гафенку писал по этому поводу: «Недоверие Запада к Советскому Союзу привело к мюнхенскому компромиссу, а недоверие Советского Союза к Западу явилось причиной московского компромисса»⁴³⁷.

Но наиболее показательной в этом вопросе является точка зрения крупнейшего английского специалиста А. Тейлора. Он считал, что «пакт не был ни союзом, ни соглашением по расчленению Польши. Мюнхен был действительно союзом для расчленения: британцы и французы продиктовали раздел чехам. Советское правительство не совершило такой акции против поляков. Оно пообещало остаться нейтральным, о чём всегда просили поляки и на чём всегда настаивала политика западных стран. Более того, соглашение было, в разумении последнего средства, антигерманским; оно ограничивало немецкое продвижение на восток в случае войны»⁴³⁸.

По поводу срыва англо-франко-советских переговоров существует много искажений, как, в частности, и такое, что советская сторона вела себя неискренне⁴³⁹. Однако ничего, кроме осуждения приписыва-

⁴³³ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942 гг. М., 1967. С. 59.

⁴³⁴ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

⁴³⁵ Ширер У. Взлёт и падение... Т. 1. С. 575; см. также: Lynch M. Stalin și Hrușciiov. Buc., 1994. P. 104.

⁴³⁶ См.: Фляйшхауэр И. Пакт... С. 53.

⁴³⁷ Ibid. С. 53-54.

⁴³⁸ Taylor A. The Origins of the Second World War. New-York, 1962, P. 262.

⁴³⁹ См.: Суворов В. День «М». С. 60-61; Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. Prelegeri. Ediția a III-a. Chișinău 1996. P. 6; Groza A. URSS – instigatorul ... P. 11, 14; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 11, 15, 20; Kissinger H. Diplomația. P. 314, 316; Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale. Chișinău, 2005. P. 150; Zamfirescu D. Stalin decide: Uniunea Sovietică se aliază cu Germania nazistă. // Magazin Istoric, 2008, Nr. 8.

ваемых Советскому Союзу намерений, это не означает. На данный момент нет ни одного документа, подтверждающего такое обвинение. В ходе переговоров Москва оперативно отвечала на все предложения партнёров, англичане и французы же постоянно тянули время. Нет ни малейших оснований полагать, что, в случае согласия англичан и французов подписать советский проект договора, Советский Союз не подписал бы его. Допускать такое – значит совершенно не знать проблему.

Существует также утверждение о том, что в августе 1939 года советской дипломатии «явно не хватило гибкости и тактического мастерства, чтобы использовать и слабости в позиции партнёров, и разногласия между ними»⁴⁴⁰. Удивительно не утверждение само по себе, а то, что принадлежит оно А. Чубаряну – столь авторитетному в научном мире учёному. Дело в том, что за 4 месяца советская дипломатия успела проявить «и гибкость, и мастерство», но т.к. у англичан и французов вся «слабость в позиции» заключалась в нежелании идти на соглашение, оно и не было достигнуто. А на военных переговорах в августе в Москве «разногласий», которые-де существовали «между ними», просто не было. Англичане и французы выступали единой делегацией, и это хорошо известно. Суть не в том, что кому-то не хватило мастерства. При любом мастерстве силой не навяжешь дружбу и союз. Для этого Чемберлену следовало «перевоспитать»... И разве при захвате Австрии и особенно Чехословакии Гитлер не только проявил великое дипломатическое мастерство, что Запад преподнес ему эти страны? Суть поведения «мюнхенцев» и в сентябре 1938 г., и летом 1939 г. одна – они хотели столкнуть Гитлера с СССР, и никакая «гибкость и мастерство» не заставили бы их изменить это стремление.

Довольно широкое распространение получило и мнение, что англо-франко-советские переговоры были прерваны по причине того, что сталинский режим в политическом и моральном плане более подходил к сговору именно с Гитлером. Если говорить о политическом аспекте, то это только поверхностное сходство, а что касается морального аспекта – доля истины в таком утверждении присутствует, но к рассматриваемой нами проблеме это не имеет ни малейшего касательства⁴⁴¹. Говорить о сговоре режимов в данном случае непозволительно, хотя внешне может показаться, что и это было: прекращение взаимных нападок в прессе, выдача Сталиным немецких антифашистов гестапо, обмен любезностями по различным поводам и другое. По сути своей это было межгосударственное соглашение, а не соглашение режимов типа «Священного союза», Антикоминтерновского пакта, НАТО или ОВД. Это соглашение диктовалось государственными интересами, а не внутривнутриполитическими, выражающими интересы политических и социальных элит, направленные на сохранение их господства внутри страны. Не понимать этого, значит допускать смещение понятий.

Утверждение другого авторитетного историка, профессора М.И. Семиряга о том, что «всем участникам тройственных переговоров недоставало должной ответственности перед своими народами... и государственной мудрости...»⁴⁴² неверно по отношению к советскому руководству, и это подтверждается всем ходом переговоров, с которыми любой желающий может ознакомиться, проштудировав соответствующий документальный сборник. В этом смысле уважаемый профессор не прав, когда пишет, что «конфронтационный дух так пронизывал действия советского руководства, что мешал трезво оценить ситуацию и реально определить, где враги, а где силы, могущие стать союзниками СССР»⁴⁴³. Доверять Западу, особенно после Мюнхена, не было особых оснований, но утверждать, что Сталин не только был слеп, что не мог отличить врагов от друзей, это сверх меры! Скорее можно прийти к выводу, что не Сталина «покинуло чувство реализма и выдержки»⁴⁴⁴, а некоторых наших современников.

Или, ссылаясь на документы № 574 и 597 сборника «Год кризиса», автор заключает, что позиция польского правительства претерпела изменения в вопросе о пропуске советских войск, и фактически возлагает вину за срыв переговоров на Советское правительство⁴⁴⁵. Но это явное передёргивание документов, извлечение из них даже не отдельных цитат, а лишь их фрагментов, которые не выражают сути самих документов. Более того, изучив документы под номерами 598, 599, 600, 607, 613, нельзя не убедиться, что позиция польского правительства осталась абсолютно неизменной, а французы не предприняли никаких реальных шагов, чтобы воздействовать на своих союзников.

⁴⁴⁰ См.: Известия. 1.07.1989 г.

⁴⁴¹ О сути и характере сталинского режима написаны сотни и тысячи трудов. Мы предлагаем читателю ознакомиться с работами на эту тему некоторых молдавских историков. // См.: Şişcanu I. Raptul Basarabiei. 1940. Chişinău, 1992; Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia şi Transnistria (1812-1993). Chişinău, 1995; Пасат В. Трудные страницы истории Молдовы (1940-1950). М., 1996; Beniuc V. Instituționalizarea puterii politice totalitare în Moldova postbelică. Chişinău, 1998; Stăvilă V. De la Basarabia Românească la Basarabia sovietică. 1939–1945. Chişinău, 2000; Vasilos V. Istoria românilor. Chişinău, 2003; Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. Chişinău, 2005; Pasat V. Calvarul. Documentarul deportărilor de pe teritoriul R.S.S. Moldoveneşti. М., 2006; Pasat V. RSS Moldovenească în epoca stalinistă. Chişinău, 2011.

⁴⁴² Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 22.

⁴⁴³ Ibid. С. 9.

⁴⁴⁴ Ibid.

⁴⁴⁵ Ibid. С. 26.

Что касается проводимой автором аналогии с 1938 г., когда Советский Союз, вне зависимости от позиции Польши и Румынии, готов был предоставить помощь Чехословакии, а летом 1939 г. позиция этих стран будто бы стала препятствием для заключения военной конвенции, из чего делается вывод, что позиция Польши стала для Ворошилова удобным поводом, чтобы прервать переговоры, то здесь тоже факты выворачиваются наизнанку. Да и аналогия с Чехословакией⁴⁴⁶ явно хромает: речь шла о предоставлении помощи лишь при условии обращения за ней самого чехословацкого правительства, а так как обращения не последовало, не последовало и помощи. То же и в 1939 г.: СССР был готов оказать эту помощь лишь при условии договорённости с соответствующими правительствами. По поводу последнего возможна ирония: когда началась война, СССР без всяких просьб захватил ряд территорий. Но подобная ирония неуместна, т.к. речь идет о кардинально различных ситуациях.

Заслуживает внимания утверждение, что летом 1939 г. все три стороны прибегли к тактике проволочек⁴⁴⁷. Такое утверждение правомерно лишь в отношении англичан и французов. СССР же прибегнул к подобной тактике в отношении немцев. Утверждение, что немцы «медлили и терзали ожиданием СССР» также не соответствует действительности: все документы свидетельствуют об их огромном нетерпении заключить с СССР соглашение, которое возрастало по мере приближения 1 сентября. Вообще, обвинения в адрес СССР в затягивании переговоров с Англией и Францией и в стремлении советского руководства делать ставку преимущественно на Германию абсолютно безосновательны.

И уж воистину «абракадабра» – книги В. Суворова⁴⁴⁸. Здесь мы не будем опровергать его тезис о «превентивной войне» Гитлера против СССР, это произойдёт в следующей главе, но лишь отошлём читателя к «описанию» г-ном Резуном англо-франко-советских переговоров лета 1939 г. в Москве⁴⁴⁹. Его «труды» – образчик некомпетентности и фальсификации, а избранная им «методология» доказывает, что он с неба свалился и больно ударился одним местом об угол кушетки. Суворов-Резун приписывает Сталину божественное провидение, а все остальные – Гитлер, Чемберлен, Даладьё – оказались болванчиками на ниточках в его руках. «Великий Иосиф», как паук, плёл ту международную конструкцию, которую придумывал до этого в своём кремлёвском кабинете. Захотел – и Гитлер начал войну, захотел – и заставил Францию и Британию объявить войну Германии. Что и говорить, исключительная «научная компетентность»!.. Точь-в-точь как у отцов-иезуитов!

Вопрос об альтернативах развития международной ситуации накануне войны непрерывно терзает историков, политологов, психологов и вообще специалистов-международников. Попытаемся проанализировать возможные альтернативы. В европейских отношениях того периода сложился определённый треугольник: англо-франко-советские переговоры; советско-германские; англо-германские. В зависимости от того, по какой оси достигли бы соглашение, так бы и сложилась ситуация.

Мы подробно проанализировали первый вариант и пришли к выводу, что он в огромной степени соответствовал национальным интересам великих и малых антифашистских держав, обеспечивал мир, не позволяя Гитлеру развязать войну. Для всех народов, в том числе и для немецкого, это был наилучший вариант, но, по известным причинам, он не был реализован.

Состоялся второй вариант, и мы рассмотрели, на что рассчитывали договаривающиеся стороны. О последствиях мы ещё поговорим.

И, наконец, третий вариант, на первый взгляд, наименее вероятный – это возможность достижения англо-германского соглашения на антисоветской основе. По поводу его вероятности напомним, что осуществившееся советско-германское сближение для всех было ещё менее вероятным. Но чтобы доказать, что англо-германское соглашение не было невероятным, нужно рассмотреть вопрос о приоритетах во внешней политике Германии. Как и в случае с СССР, у Германии было 2 варианта: основной и альтернативный. Если у СССР основным вариантом было достижение соглашения с Западом, а альтернативным – договорённость с Германией, то у Гитлера основным вариантом, предоставлявшим ему максимальную свободу действий, было соглашение с СССР, а альтернативным – с Англией. Разве не ясно, что, отвергнув германские предложения, Советский Союз толкнул бы Германию на соглашение с Англией, что привело бы к созданию пресловутого «пакта четырёх», направленного против СССР.

Сталин, хотя сегодня некоторые и отказывают ему в этом, был большим реалистом, прекрасно осознававшим перспективу. Что было делать Гитлеру, получи он отказ в Москве, когда тройственные переговоры зашли в полный тупик? Естественно, чтобы не оказаться в изоляции, пойти, наконец, на соглашение с Англией. Отрицать, что Чемберлен отверг бы этот жест Гитлера⁴⁵⁰, значит абсолютно не иметь

⁴⁴⁶ Ibid. С. 21.

⁴⁴⁷ Грубайчук А. Возвращаясь к 1939 году // Межд. жизнь, 1991, № 1. С. 121.

⁴⁴⁸ Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; Суворов В. День «М»; Суворов В. Тень Победы. Донецк, 2002 и др.

В своих работах некоторые историки – Г. Городецкий, М.А. Гареев, А. Исаев и др. – раскрыли прямой подлог и обман со стороны В. Суворова-Резуна и доказали полную абсурдность его «теории».

⁴⁴⁹ См.: Суворов В. День «М». С. 61–63.

⁴⁵⁰ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 27.

представления о пружинах, которые двигали английскую политику того времени. А утверждать, что коль Англия, находясь в несравненно худшем положении в мае 1941 г., отвергла предложение Германии о мире, то она сделала бы это и в августе 1939 г., – значит не представлять себе существовавших реалий.

Во-первых, заметим, что общим в отношении Черчилля (бывшего в мае 1941 г. английским премьером) и Чемберлена к Гитлеру было лишь то, что оба они были англичанами. Чемберлен стремился к соглашению с фашистскими державами, и даже 3 сентября, за 15 мин. до объявления войны Германии, продолжал сомневаться, следует ли поступить именно так, или можно ещё договориться с фюрером за счёт Польши.

Черчилль же был непреклонным противником Гитлера и никогда ни секунды не сомневался, что с ним следует решительно покончить. Этот человек олицетворял собой волю и решимость английского народа уничтожить фашизм, и, даже в случае захвата метрополии, он не пошел бы на мировую с Гитлером. Уже зная это, мы можем с абсолютной уверенностью утверждать, что в мае 1941 г. у Гитлера не было ни малейшего шанса договориться с Черчиллем, а в августе 1939 г. (при желании) шансы договориться с Чемберленом были очень высоки.

Во-вторых, в мае 1941 г. военное положение Англии не было таким безнадежным, чтобы перед английским правительством стояла дилемма: или похабный мир с Гитлером, или оккупация. В мае – июне и особенно в сентябре 1940 года военное положение Англии было намного сложнее: она осталась почти без сухопутной армии, с недостаточными ВВС и без союзников. Но и в тот момент Гитлер не решился на её захват. А в мае 1941 г., и Черчилль это понимал, угрозы оккупации не существовало, т.к. Гитлер концентрировал свои войска на Востоке, готовясь к броску на СССР. В подобных условиях Черчилль тем более не мог думать о компромиссе с Гитлером, о чём известно и из его мемуаров, и из других документов. Но даже в самые тяжелые дни 1940 года, вспоминая Черчилль, он был уверен, что в случае попытки Гитлера высадиться на острове, он потерпел бы сокрушительное поражение в силу абсолютного господства англичан на море. Нет, сравнение с 1941 г. совершенно неуместно.

Как бы развернулись события, достигни Гитлер компромисса с Западом? То, что в его планы входило покорение и Западной Европы, и СССР – это давно аксиома. Но в последовательности этапов в реализации этих целей произошли бы, по-видимому, изменения. После захвата Польши, которую Чемберлен откровенно собирался принести в жертву, организовав «новый Мюнхен», Гитлер, вероятно, направил бы удар против СССР, и не исключено, что совместно с англичанами и французами. Это предположение не лишено оснований, т.к. в марте 1940 г. англичанами и французами планировались бомбардировки Баку и Грозного, и наступление сухопутных сил на Кавказ из Сирии и Ленинград – из Финляндии.

Предвидим возражение: такие планы строились в условиях советской агрессии против Финляндии. Верно, но не в Финляндии было дело. Чемберлена Финляндия волновала не больше, чем до этого Австрия, Чехословакия, Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы, которые так или иначе Гитлер захватил до Финляндии. Дело в том, что советско-финская война стала удобным предлогом для выступления против СССР, а защита самой Финляндии никогда не предусматривалась английскими планами, тем более, что эта страна никогда не входила в британскую «сферу интересов», а представляла предмет советско-германского соперничества (а в прошлом – русско-шведского).

Достигни Гитлер соглашения с Англией, и весной 1940 года (а возможно, и ранее) он захватил бы не Данию и Норвегию, а Прибалтику и Финляндию, после чего и двинулся бы на Москву. Однозначно ясно, что и Балканы также были бы под его контролем. Не только не исключено, но и наиболее вероятно, что и Турция оказалась бы в гитлеровской упряжке, т.к. от этого её ранее удерживала только Англия. Если кто-то сомневается в реальности такого сценария, пусть предложит что-то другое в случае, если было бы достигнуто соглашение Запада с Гитлером. Конечно, соглашение с Западом для Гитлера тоже не было бы постоянным, он бы и его нарушил, как нарушил в 1941 г. договор с СССР. В принципе, не было такого договора, которого Гитлер не нарушил бы, если таковой ему мешал.

Нас могут обвинить в фантастичности подобных предположений, но они небезосновательны. Это те реалии, которые неизбежно сложились бы в случае договорённости Гитлера с Западом. Для Гитлера это был не самый лучший вариант, но в случае невозможности реализации основного, ему просто не оставалось бы другого выхода. Наверняка, и Сталин, принимая предложение Гитлера, думал примерно так же. Он не мог не понимать, что пакт лишь оттягивает неизбежность войны.

После провала тройственных переговоров Англии, Франции и СССР был рассмотрен альтернативный советско-германскому пакту и единственно возможный в тех условиях вариант развития международных отношений в целом. В случае отказа от германских предложений Советский Союз должен был бы избрать линию поведения именно в его рамках, т.е., по-нашему мнению, если у СССР и были альтернативы пакту, то только в условиях сохранения той изоляции, в которой он оказался после Мюнхена и даже более того – в условиях возможного объединения усилий капиталистического мира на анти-советской основе. Именно в этом плане рассматривает возможные альтернативы пакту М.И. Семиря-

га⁴⁵¹, правда, как мы помним, он исключает вероятность объединения капиталистических стран против СССР. Проанализируем имевшиеся, с точки зрения профессора Семиряги, варианты поведения СССР.

«Первый путь – Советский Союз отвергает предложение Германии и затягивает переговоры с ней. Одновременно, терпеливо, но упорно, с готовностью к компромиссу добивается заключения военного соглашения с Англией и Францией».

Мы не согласны с такой постановкой вопроса и считаем её абсолютно неаргументированной: возможность заключения военной конвенции с Англией и Францией была полностью исчерпана и для долгих дебатов не оставалось времени⁴⁵². Допустим, М.И. Семиряга и был бы прав, если бы переговоры, длившиеся 3 – 4 месяца, были прерваны, скажем, в апреле – июне или даже в июле 1939 г. Было известно, что со второй половины августа ожидается гитлеровское нападение на Польшу, и до него ещё оставалось бы время договориться. Но 22 августа, когда эти переговоры были прерваны окончательно, лимит времени был абсолютно исчерпан, и никаких реальных перспектив у Советского Союза не было. И даже сегодня мы не найдем ни одного документа, подтверждающего, что в 1939 г. имелась хотя бы малейшая возможность заключить тройственный пакт.

А что касается возможности для СССР затягивать переговоры с Германией, то её просто не было. Это подтверждается как минимум двумя неопровержимыми фактами: телеграммой Гитлера от 21 августа, где прямо сказано, что далее, чем до 23 августа, он ждать не будет и в ближайшие дни приступит к решению «польского вопроса». К тому же, подготовка к нападению на Польшу шла полным ходом, некогда было немцам ждать, и дальнейшее затягивание переговоров с ними было нереально. Подробнее об этом пойдёт речь ниже.

«Второй путь – ...заключить договор с Германией, но включить в него статью, которая давала бы право его аннулировать... Одновременно Советскому Союзу необходимо было продолжать осуществлять давление на западных партнёров...»

Однако, где уверенность, что Германия согласилась бы на такой договор с СССР? Документы свидетельствуют об обратном. Гитлеру не нужна была видимость переговоров и договоров. Ему, как и Сталину, человеку действия, был необходим реальный договор с реальным «выключением» Советского Союза «из игры», причём таким выключением, чтобы не оставалось ни малейшей возможности «давления» Советов на Запад. Да и каким образом мог бы Советский Союз оказывать подобное давление?

«Третий путь – не заключать договор ни с Германией, но при этом поддерживать с ней нормальные экономические отношения, ни с Англией и Францией... на неприемлемых для Советского Союза условиях. Это означало, что Советский Союз сохранял бы подлинный нейтральный статус... Время работало на Советский Союз, а не на Германию»[†].

И кто это опять ввел в заблуждение профессора, сообщив, что Германия согласилась бы на такой вариант? Немцы стремились не к экономическому сотрудничеству с СССР как к таковому (хотя и это для них было очень важно), а к недопущению его договорённости с Западом. Без этого не было бы и экономических связей.

А с Англией и Францией (в который раз повторяемся!) на приемлемых для СССР условиях договор не получался, т.к. эти условия были неприемлемы для Чемберленов. СССР не нейтралитет сохранил бы, а усугубил бы свою изоляцию. Это был «нейтралитет Робинзона Крузо, окруженного людоедами». Что касается времени, то оно работало на СССР только в условиях мира. Гитлер же и не думал предоставлять такое время.

Перечислив эти три варианта, М.И. Семиряга заключает: «Конечно, рассчитывать на подобные альтернативные решения можно было только в случае уверенности..., что Германия при отсутствии договора с СССР не нападет на Польшу»⁴⁵³. Судя по всему, у некоторых наших современников сегодня

⁴⁵¹ Ibid. С. 57.

⁴⁵² Несравненно более логичной нам представляется позиция другого российского историка, научного руководителя Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, президента Ассоциации историков Второй мировой войны Ржешевского Олега Александровича. Вот что он пишет в этой связи: «Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через её территорию в случае нападения Германии». // Ржешевский О.А. Перед великим испытанием. // ННИ. 2010, № 3. С. 9.

[†] Примечание научного редактора: Мнение уважаемого историка М.И. Семиряга напоминает позицию Льва Троцкого в 1918 году в Брест-Литовске: «Ни войны, ни мира, а армию – распускаем!». // См.: История КПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 529-530.

⁴⁵³ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 51.

Близкую к этой позицию занимает и другой известный историк, М.М. Наринский: «Мне представляется, что можно говорить о некоторых принципиально неверных установках сталинского руководства в его международной деятельности накануне войны. Во-первых, это непонимание характера и масштабов угрозы со стороны нацистской Германии... А возможности достижения договорённости с Англией и Францией не были использованы в полной мере». // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 158.

такая уверенность есть, но достоверно известно, что у советского руководства тогда её не было.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к категорическому выводу: лучшей альтернативы для обеспечения своей национальной безопасности в тех конкретных условиях у СССР не было. Худшая же есть всегда. Эту идею очень чётко выразил израильский историк Городецкий: «Напрашивается вывод, что Сталин выбирал не оборонительный союз с Англией и Францией и не пакт с Германией, а такую политику, которая бы наилучшим образом отвечала безопасности Советского Союза... Сталин сделал выбор в пользу меньшего из двух зол... У Сталина не было альтернативы подписанию пакта»⁴⁵⁴.

Анализируя события августа 1939 года, похожую точку зрения выразили и американские историки А. Рид и Д. Фишер: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша понять, каково реальное положение дел, а германское предложение – рухнуть. Сталин оставил обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция»⁴⁵⁵.

Что получили стороны, подписав пакт. Мы говорили выше о расчетах, которые толкнули сталинское руководство на договор с Германией. Рассмотрим их с точки зрения реализации.

Первое – выигрыш во времени Советский Союз получил. Это был плюс, т.к. был увеличен военно-экономический потенциал СССР. Нам могут возразить⁴⁵⁶: к 22 июня 1941 г. по сравнению с 23 августа 1939 г. Советский Союз ничего не выиграл: в августе 1939 г. в его сухопутных силах состояло 1,9 млн чел., и вермахт насчитывал около 2-х млн (также без ВМФ и ВВС); в июне 1941 г. в Красной Армии было 5,5 млн чел. (собственно военнослужащих – 4,8 млн, но вместе с призванными на военные сборы – 5,5 млн), в Германии под ружьем было 8 млн⁴⁵⁷. В августе 1939 г. население Германии (с Австрией и «протекторатом») составляло около 85 млн, а СССР – около 170 млн; в июне 1941, соответственно, около 290 млн (вместе с населением оккупированных стран и союзниками-сателлитами) и примерно

Нам несколько иначе видится ситуация последнего предвоенного лета и говорить о «непонимании характера и масштабов угрозы со стороны нацистской Германии» советским руководством не приходится как минимум с 1934 года, когда был взят курс на создание системы коллективной безопасности и который оставался стратегически неизменным до начала третьей декады августа 1939 г.

А что касается «возможностей достижения договорённостей с Англией и Францией», какие из них «не были использованы в полной мере»?

Можно, однако, согласиться с утверждением уважаемого историка, что «Сталин делал ставку на затяжной конфликт на Западе, который позволит ему играть роль „третьего дерущегося“» (Ibid.), но лишь со следующей принципиальной оговоркой: это стало таковым лишь после подписания советско-германского договора. До того же советское руководство делало всё возможное для предотвращения войны. Экстраполировать же советскую позицию после 23 августа 1939 на период до него принципиально недопустимо.

Далее профессор Наринский продолжает анализ сталинского внешнеполитического курса кануна войны: «Во-вторых, это геополитическое по своей сути мышление, стремление обеспечить безопасность страны за счёт территориальных приобретений и сферы влияния. В действительности же в ситуации острого международного кризиса летом 1939 г. для подлинной безопасности гораздо важнее было объединить всех потенциальных противников блока агрессоров. Для достижения этой цели, очевидно, необходимы были уступки и компромиссы. Но ни советское руководство, ни правящие круги Англии и Франции не проявили к этому последовательного стремления» (Ibid. С. 158-159).

Под каждым словом уважаемого Михаила Матвеевича до предпоследнего предложения этого абзаца, включительно, мы готовы подписаться, но лишь задав предварительно маленький вопросик: На какие ещё «уступки и компромиссы» следовало пойти советскому руководству, а оно не пошло на них ради создания *равноправной* трёхсторонней Антанты? Что касается последнего предложения, то оно верно лишь в отношении «правлящих кругов Англии и Франции». Касательно советского руководства, то извините, к чему же ещё следовало стремиться? «Таскать каштаны» для Чемберлена? Но Сталин не был Бенешем!

Также никак нельзя согласиться и с утверждением будто «принципиальные просчёты сталинского руководства явились основой курса на советско-германское сближение, выражением которого стало заключение пакта о ненападении 23 августа 1939 г.» Как уже было показано, причиной этому послужила именно внешнеполитическая линия Чемберлена & К⁰ и слепое следование ей французских правящих кругов, боявшихся собственного народа больше чем Гитлера.

⁴⁵⁴ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

⁴⁵⁵ Ржешевский О.А. Перед великим испытанием. // ННИ. 2010, № 3. С. 10 (со ссылкой на: Read A., Fisher D. The Deadly Alliance: Pact 1939-1941. London, 1988. P. 115).

⁴⁵⁶ Например, профессор Наринский пишет: «Заключением советско-германского пакта Сталин выиграл не время, а территорию». // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 159.

Дело в том, что в тех конкретных условиях, «выигрывая территорию», он «выигрывал время». «Пространство» становилось выигранным «временем». Подробнее об этом пойдёт речь ниже.

⁴⁵⁷ Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии. // ВИЖ, 1988, № 4. С. 43; Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях. // ВИЖ, 1991, № 2. С. 11; Гарева М.А. О мифах старых и новых. // ВИЖ, 1991, № 4. С. 47.

192 млн в СССР (в сентябре 1940 г.)⁴⁵⁸. В 1939 г. Германия производила почти в два раза меньше СССР, в 1941-м – значительно больше. Цифры настолько убедительны, что оспаривать их невозможно, но мы и не делаем этого, т.к. полностью согласны: к 22 июня 1941 г. потенциал Германии многократно возрос по сравнению с советским.

Таблица 1. Развитие вооруженных сил СССР в 1939-1941 гг.⁴⁵⁹

	На 1.01.39	На 22.06.41	В % к 1939г.
Личный состав (тыс. чел.)	2485	5774	232,4
Орудия и минометы (тыс.)	55,8	117,6	210,7
Танки (тыс.)	21,1	25,7	121,8
Боевые самолеты (тыс.)	7,7	18,7	242,8

Но продолжим сравнение. В Германии всеобщая воинская повинность была введена в марте 1935 г., в СССР – 1 сентября 1939 г. Значит, в смысле обученности резерва положение СССР в 1939-м, по сравнению с Германией, было хуже, чем в 1941 г. Качественно в 1939 г. советское вооружение уступало немецкому. В 1941-м это отставание уменьшилось (хотя количественно СССР имел преимущество и в 1939-м, и в 1941-м, но не количество сыграло решающую роль в войне, а качество). В 1940 году по сравнению с 1939-м оборонная промышленность увеличило своё производство на 27%. Если ассигнования на армию в годы первой пятилетки составляли лишь 5,4% всех бюджетных расходов, то в 1941 году они возросли до 43,4%⁴⁶⁰.

Главное другое: в 1939 г. Красная Армия была обескровлена репрессиями, в 1941-м положение с командным составом несколько улучшилось. И ещё одно замечание: хотя Германия и превосходила в 1941 г. Советский Союз по численности населения и объемам производства, это не было одновременно и качественным превосходством. Из примерно 290 млн «подданных» фюрера около 200 млн ненавидели фашизм, и в случае большой затяжной войны Гитлер мог рассчитывать только на немцев и на не очень надежных (как потом оказалось совсем ненадежных) европейских союзников. Так что возможности комплектации немецкой армии в 1941 г. не особо возросли по сравнению с 1939 г. Кроме того, значительное количество войск фашистской Германии постоянно отвлекалось на ведение охранной службы в оккупированных странах.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод – выигрыш во времени предоставил СССР и выигрыш в качестве подготовки, но проигрыш в количественном плане. А то, что полученной отсрочкой в СССР не сумели в полной мере воспользоваться, это уже другой вопрос. И просчётом Сталина, как считают некоторые⁴⁶¹, было не 23 августа, а 22 июня: и неподготовленность к отражению агрессии, и неверие, что война в 1941 году начнется. Ещё Сталин просчитался, предполагая, что Гитлер надолго застрянет на Западе. Правда, в августе 1939 г. никто, даже сам фюрер и его окружение, не думал, что через 9 месяцев произойдет столь стремительный разгром Франции.

⁴⁵⁸ Кожурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы). // ВИЖ, 1991, № 2. С. 23.

⁴⁵⁹ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

⁴⁶⁰ Петров Б. К наступлению готовы... // Родина, 2011, № 6. С. 15.

⁴⁶¹ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 51; Бережков М. Просчет Сталина // Межд. жизнь, 1989, № 8; Уткин А.И. Так пришла война. С. 87.

Так, например, очень авторитетный учёный и один из наиболее серьёзных российских историков Дашичев В.И. утверждает: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.». // Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 1. С. 13.

При всём нашем искреннем уважении к Вячеславу Ивановичу, во-первых, пакт заключался советской стороной совсем не для того, чтобы навсегда обезопасить себя от гитлеровской агрессии. А, во-вторых, причины катастрофы 1941 г. лежат в совершенно другой плоскости и пресловутый пакт тут совершенно не причём. Но об этом ещё пойдёт речь в дальнейшем.

Данную точку зрения в принципе поддерживает и другой не менее уважаемый российский историк: «Есть основания считать, что если советско-германский пакт и был тактическим успехом Сталина, то весь курс на сотрудничество с Берлином стал его стратегическим просчётом». // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 159.

С этим можно было бы согласиться лишь при условии, что у кремлёвского руководства были реальные альтернативы в виде заключения тройственного союза с Англией и Францией. Но, к величайшему сожалению, их не было. Реальной альтернативой «сотрудничеству с Берлином» была бы полная изоляция СССР перед лицом фашистской коалиции при благоприятном по отношению к ней нейтралитете Запада.

Второе – ухудшилось стратегическое положение Германии* с выдвижением СССР на Запад и, соответственно, улучшились позиции СССР. Однако нам могут возразить: в сентябре 1939 г. германская агрессия началась значительно западнее, чем в 1941-м. В 1939 г. Советский Союз совместно с Польшей и Западом встретил бы Гитлера в Силезии, Померании и Восточной Пруссии, за сотни километров от советской границы 1941 года. Это было бы так, если бы удалось подписать тройственный пакт. Но этого не случилось, без чего соприкосновение с вермахтом из-за пресловутой позиции пилсудчиков было на этой линии невозможно.

То, что Запад не вмешается, а польская армия небоеспособна, знал не только Гитлер, но предвидел и Сталин. И в чём он с полным основанием не сомневался, так это в том, что ему придётся воевать с немцами один на один. Именно этого и добивались «мюнхенцы», а Красная Армия была к тому не готова. Не подпиши Сталин пакта, германская армия была бы у границ СССР в 1939 г. Уже в 1939-м, в крайнем случае, весной 1940-го, немцы оккупировали бы Прибалтику. И стоял бы вермахт в непосредственной близости от Ленинграда и на 250-350 км восточнее по прямой на московском направлении. Нам опять могут возразить: в любом случае следовало защищать Польшу в качестве буфера между СССР и Германией.

Однако именно такого варианта и пытались избежать русские, т.к. именно этого хотели «мюнхенцы» – столкновения один на один вермахта и РККА. Да и защитить не дали бы себя в любом случае сами поляки, а немцы разгромили бы их задолго до того, как Красная Армия вступила бы в боевое соприкосновение с вермахтом. Любой мало-мальски компетентный военный объяснит: чтобы этого не произошло, полякам следовало разрешить союзнику начать проход через свою территорию до момента начала германской агрессии. Опоздание всего в несколько дней означало (при таком качественном и количественном соотношении сил между немецкой и польской армиями) полный разгром поляков к моменту подхода лишь советских авангардов[†].

Также ясно, что дивизии и корпуса главных сил на расстояние в сотни километров мгновенно не перебрасываются. А при уровне развития польской транспортной сети, такая переброска затянулась бы на недели, даже если эти силы и стояли бы в готовности у польской границы. Собственный уровень моторизации Красной Армии в то время был низок, и основная часть войск передвигалась бы пешим шагом. Моторизованные войска, оторвавшись от главных сил, подошли бы к району военных действий, как раз израсходовав запас топлива. Конечно, некоторым образом положение исправила бы авиация. Её бы хватило для снабжения передовых частей.

Но, в отличие от 1938 г., положение резко изменилось в пользу Германии. И тех сил, которые СССР был способен перебросить в район боевых действий, было бы недостаточно для сдерживания порыва вермахта. Кроме того, в случае сотрудничества РККА с чехословацкой армией в 1938 г., можно было опереться на мощнейшие укрепсооружения, в то время как в Польше они отсутствовали, и разгром вермахта в оборонительном сражении был невозможен. Это могло случиться только во встречном сражении с Красной Армией. Получается, что без предварительного пропуска советских войск на польскую территорию эта помощь была бы неэффективной, с чем согласились французские и английские военные ещё на московских переговорах.

Но даже приняв эти аргументы, нам могут возразить в другом: выйдя к советским границам 1939 г. на всём протяжении от Балтийского до Черного морей, Германия не решилась бы на войну с СССР в том же году. Она к ней просто не была готова! Поэтому, где же тут выигрыш во времени? Конечно, в 1939 г. войны между СССР и Германией не было бы, останься Красная Армия в местах своей постоянной дислокации (это и в случае, если бы пакта не существовало, но и с Англией и Францией договора не было бы). Не было бы её и в 1940-м (уже только в варианте с пактом), так как Германия была занята обеспечением своего тыла на Западе. Что же касается 1941 г., даже если бы Германия и не атаковала Советский Союз раньше 22 июня, она все равно имела бы выигрыш во времени на московском направлении неделю, а на ленинградском – 2 месяца! Да и на юге германские войска находились бы всего в 30-40 км от Одессы. При таком раскладе положение СССР в 1941 г. могло быть намного хуже.

В этом смысле известный израильский историк Габриэль Городецкий отмечает, что «мотивы поведения Сталина обуславливались в первую очередь чистой Realpolitik... Оккупация Бессарабии и Северной Буковины в конце июня 1940 г. была скорее результатом желания обезопасить себя на Балканах и побережье Черного моря, чем следствием ненасытного аппетита русских, как это часто представляют в литературе. Экспансия per se была лишена всякого идеологического мотива... Распространение советской системы безопасности на устье Дуная создавало необходимую глубину обороны для Севастополя

---

* Имеется в виду по сравнению с положением, если бы советская граница в 1941 году была бы там же, где и в 1939-м.

[†] Примечание научного редактора: Напрашивается аналогия с четвёртой антифранцузской коалицией (1806-1807 гг.), когда прусская армия была разгромлена через шесть дней после вторжения Наполеона, ещё до того как русские войска успели вступить на территорию Прусского королевства.

и Одессы, находившихся всего лишь в 40 км от румынской границы... Оккупация Северной Буковины также мотивировалась стратегическими соображениями. Она принесла Сталину контроль над главными железными дорогами между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов... Гитлер был авантюристом, склонным к крайнему экспансионизму и совершенно пренебрегавшим вопросами международного права. Сталин, напротив, как мы видели, скинув идеологическую мантию, старался проводить в высшей степени расчетливую и осторожную политику, ориентированную главным образом на безопасность. Он также разделял общепринятое уважение к средствам внешней политики и, по-видимому, даже переоценивал возможности дипломатии»⁴⁶².

Так что, с точки зрения стратегической, выдвижение СССР на Запад было однозначно положительным и полностью соответствовало задачам национальной безопасности. Такого же мнения придерживался и Черчилль в этом вопросе уже после разгрома Польши: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях... Для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае... создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...». И далее Черчилль отмечает, что эти шаги Советский Союз предпринял из соображений государственной безопасности, исходя из своих национальных интересов⁴⁶³.

Но так как при улучшении стратегического положения СССР было уничтожено крупное европейское государство, возникает вопрос – как рассматривать его шаги с точки зрения права, морали, и какова его роль в ликвидации Польши. Естественно, что, пойдя на территориальную сделку с Гитлером за счёт многих восточноевропейских народов, Советский Союз нарушил нормы права и морали. Сам факт подобного соглашения является преступным, запятнавшим не только сталинское руководство, но и всю страну. Но если проанализировать практическое советское участие в реализации этого соглашения, то следует отметить, что роль СССР в уничтожении Польши полностью отсутствует. Эта «заслуга» принадлежит исключительно гитлеровцам. СССР не вмешался, пока не стало абсолютно ясно, что Польша как государство прекратила своё существование. К тому же, Советским Союзом были заняты территории этнически не польские. Красная Армия вышла на линию, которая, по условиям Версальского договора, должна была разделить Польшу и СССР, на т.н. «линию Керзона», т.е. на этническую границу между поляками, с одной стороны, и украинцами и белорусами – с другой.

Морально-психологически и политически это было сильной стороной предпринятой Советами акции. Они заняли только земли, населённые украинцами и белорусами, которые на протяжении всех лет польского господства подвергались национальной и всякой другой дискриминации и, естественно, тяготели к воссоединению со своими этническими братьями из СССР. Именно не польский этнический состав населения этих территорий и оправдал, с точки зрения «исторического права», присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. Кроме того, Советский Союз как бы вернул свои территории, отнятые у него в результате войны с Польшей в 1920 г. Но потеря этих территорий была признана Советским правительством по условиям мирного договора 1921 г., и здесь присутствует вопиющее нарушение этого договора Советским Союзом, а значит, и международного права⁴⁶⁴. С другой стороны, в СССР всегда утверждали, что этот договор навязали ему «под дулом пистолета», воспользовавшись военной слабостью страны, поэтому он сам является символом нарушения международного права со стороны Польши⁴⁶⁵.

Но как бы ни считаться с историческим правом, реализовано оно было в условиях, когда Польша истекала кровью. Хотя СССР не уничтожал её, но он принял участие в её разделе⁴⁶⁶. Польша факти-

⁴⁶² Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001 (militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html).

⁴⁶³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 205.

⁴⁶⁴ С подобного рода постановкой вопроса совершенно не согласен украинский специалист в области международных правовых отношений Владимир Макачук: «Секретный протокол о разделе сфер влияния между нацистской Германией, с одной стороны, и Союзом ССР, – отмечает он, – был составлен так, что формально не нарушал принятой в то время практики международно-правовых документов... Европейские границы на 1939 г. давно уже не рассматривались как бесспорные, и поэтому ничего противоправного в намерениях сторон предвидеть последствия их ожидаемых изменений – а именно так был сформулирован текст документа – не было». // Макачук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 155, 156.

⁴⁶⁵ Известный французский историк, профессор Сорбонны Анни Лакруа-Риц считает, что так называемая «Восточная Галиция» была оккупирована поляками в 1920-1921 гг. Легитимность этого территориального захвата со стороны Польши вызывает, конечно же, большие сомнения. Французский историк подчеркивает, что действия Москвы перед началом Второй мировой войны были направлены на то, чтобы не оказаться один на один с Германией. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

⁴⁶⁶ Вот как оценивает данную ситуацию профессор Наринский: «Участники переговоров были очень довольны достигнутыми соглашениями. Советско-германский пакт означал соглашение правителей двух тотали-

чески была предана своими западными союзниками. Они не предприняли никаких реальных шагов для её спасения, надеясь, что следующей жертвой Гитлера станет СССР. Черчилль предвидел такое поведение правительства Чемберлена, отмечая, что ещё до нападения нацистов на Польшу «Чемберлен уже решился на такой шаг»⁴⁶⁷. Поэтому определенную ответственность за гибель Польши несет и Запад. Но большая доля вины в ликвидации польского государства лежит на его реакционных правителях, приведших страну к катастрофе.

Как известно, следствием Пакта Молотова – Риббентропа было расширение СССР на запад не только на московском направлении за счёт Польши, но и на ленинградском за счёт Прибалтики. В этом вопросе также есть нюансы. В силу обстоятельств Советский Союз не мог не включить Прибалтийские страны в свою «сферу влияния». Но аморальными и противоправными являются формы и средства реализации этого: грубо, игнорируя мнение населения этих республик, был изменён социальный и общественный строй по образу и подобию советского, лишив прибалтов их государственной независимости. В этом проявилась тенденция СССР к экспорту революции на Запад при определенных благоприятных условиях. Правда, у малых народов в тех условиях возможные альтернативы были минимальными: или быть советизированными, но сохраниться физически и развиваться в новых условиях, или сохранить буржуазный строй, но быть уничтоженными фашизмом. Третьего тогда быть не могло.

«Разумеется, – отмечает Габриэль Городецкий, – оккупация Прибалтики может и должна быть осуждена по моральным соображениям, но она была вызвана угрозой, нависшей над Советским Союзом. Как справедливо отметил Волкогонов, захватывая Прибалтийские государства, Сталин концентрировал все свои усилия на укреплении военно-стратегического положения СССР и был неразборчив в отношении использовавшихся при этом методов»⁴⁶⁸. Рассматривая процесс закрепления СССР в Прибалтике, нельзя не согласиться, что на первом этапе – ввода войск на территорию этих республик – он действовал в своих национальных интересах и, объективно, в интересах этих стран, делая невозможным проникновение туда фашизма. Но все последующие шаги были вопиющим нарушением законности и права народов на самоопределение.

Анализируя последствия Пакта Молотова – Риббентропа, И. Фляйшхауэр оправдывает действия СССР интересами его безопасности, а в «польском вопросе» – его историческим и этническим правом. Что касается столь стремительного поглощения Прибалтийских стран, она объясняет это не сталинским желанием как таковым советизировать и поглотить их, а тем, что по-иному Сталин просто не успел. Дело в том, что Франция потерпела столь стремительное поражение, что легализовать эту акцию у него не было времени. Сталин не ожидал такого поворота событий на Западе, рассчитывая, что он ещё успеет постепенно закрепиться на востоке Европы. А когда Франция пала, Гитлер высвободил вдруг свою энергию, Сталин испугался, что нацисты, ничего не опасаясь, повернут на Восток и проглотят Прибалтику. Чтобы не пустить туда Гитлера, он просто присоединил эти земли к СССР⁴⁶⁹. Но на данный момент нет документальных данных в подтверждение этой версии, хотя, скорее всего, она является истинной.

При рассмотрении этих проблем объективно возникает вопрос, имеющий большое значение и сегодня – это возможности сосуществования и совместимости государственных интересов великих держав и малых стран. Дело в том, что накануне второй мировой войны в угоду реализации или обеспечения интересов великих держав были проигнорированы не только интересы, но и само существование ряда малых стран. Насколько это было в определенных условиях оправданно? В отношении Австрии и Чехословакии это было преступлением со стороны не только фашистской Германии, но и «демократических» Англии и Франции, пожертвовавших этими странами во имя реализации корыстных, узкоклассовых интересов своих элит, ничего общего не имеющих с национальными интересами этих государств. Со стороны фашистской Германии все предпринятые ею на международной арене шаги несли в себе агрессивный, антигуманный характер. Советский Союз произвёл ряд территориальных поглощений под предлогом защиты от фашистской агрессии себя и аннексированных территорий. Для выяснения полной ясности в этот вопрос, исследователям ещё предстоит работа в российских архивах.

С началом войны и её распространением на обширные районы мира возникла угроза захвата агрессивными государствами всё новых стран и территорий. На европейском театре особое экономическое и военно-стратегическое значение для воюющих сторон имели Скандинавские страны. Над ними нависла угроза нацистского порабощения, что одновременно резко ухудшало геополитическое положение Великобритании. Чтобы этого не допустить, Черчилль призывал (тогда он ещё не был премьером) окку-

---

тарных государств, направленное на военно-политическое переустройство Европы, на раздел сфер влияния в восточной части континента». // Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 158.

⁴⁶⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 175.

⁴⁶⁸ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

⁴⁶⁹ Фляйшхауэр И. Пакт Молотова – Риббентропа: германская версия. // Межд. жизнь, 1991, № 7. С. 126-128.

пировать эти страны и с их территорий встретить гитлеровское нашествие⁴⁷⁰. Правда, англичанам не удалось этого сделать – их опередили нацисты.

В общем, перед войной и в ходе её сложилась практика, когда малые государства приносились в жертву реализации пусть и жизненно важных, но эгоистических интересов великих держав, и это считалось приемлемым и допустимым. И хотя в настоящее время эта традиция, идущая ещё из древности и получившая развитие в колониальную эпоху, формально осуждена как недопустимая и преступная, практически великие державы следуют ей. Это один из стержневых элементов военной доктрины США, предусматривающий в случае военного конфликта соприкосновение американских вооружённых сил с противником на территориях других государств, при максимальном отдалении от американских рубежей. Естественно, в таком случае не только интересы стран, но и они сами будут принесены в жертву и уничтожены в горниле современной войны. Но обратимся к результатам советско-германского пакта.

Третье – Советский Союз избежал международной изоляции и, в принципе, возможного объединения капиталистического мира на антисоветской основе. Но он избежал и более реального, чем объединение всех капиталистических стран, сценария – совместной борьбы против него Германии и Японии. И не на время, а в принципе! Иногда можно услышать возражения, что одновременная война на два фронта Советскому Союзу не грозила, т.к. между Германией и Японией в то время ещё не было формального военного соглашения⁴⁷¹. Внешне такое кажется убедительным, но на деле доказывает непонимание реальностей. Во-первых, Япония и без формального военного союза с Германией, и без объявления войны находилась фактически в состоянии малой войны с СССР. Во-вторых, прошло не так уж много времени, и она заключила с Германией и Италией военный договор. Бесспорно, классический разгром самураев при Халхин-Голе отрезвляюще подействовал на крайних милитаристов в Японии. Но позволим себе утверждение, что это было не единственным и даже не главным, что отвернуло японскую агрессию от СССР.

Как пишет профессор Т. Хаттори, в связи с советско-германским договором от 23 августа 1939 г., кабинет Хиранума вынужден был подать в отставку⁴⁷². Это была не простая отставка, а символизирующая глубочайший смысл. Во-первых, это наверняка единственный в современной истории случай, когда договор, заключенный между двумя державами, послужил причиной отставки правительства третьей страны. Почему? А вот здесь и вся суть – это был кабинет, представляющий крайне реакционные, милитаристские круги японского империализма, целиком ориентировавшиеся на Германию, целью которых был совместный с Гитлером военный разгром и оккупация СССР. Отставка Хиранума была не просто отставкой, это было поражение курса кругов, толкавших императорскую Японию на войну «в северном направлении». Данная отставка символизировала их шок и возмущение «изменой» Германии «общему делу».

Всё это привело к власти силы, которые стали добиваться реализации агрессивных устремлений Японии в другом направлении – в зоне Тихого океана и Южных морей. Такой курс не только на время, но в принципе исключал войну Японии против СССР, по крайней мере до достижения ею победы в противоположном направлении, где она столкнулась бы с США и Великобританией. Япония ощутила себя покинутой и изолированной в случае войны против СССР и правильно поняла, что, заключив пакт с Советским Союзом, Германия вначале хочет расправиться с Западом. Выходило, что и Японии необходимо следовать в этом направлении.

И следующие два года подготовки Японии к войне были направлены именно на достижение её целей в борьбе, главным образом, с США и Англией. Подтверждением этому служило всё: и то, что большей частью ассигнования военного бюджета шли не на нужды сухопутной армии; и конкретная боевая подготовка армии и флота, направленная на борьбу в условиях тропиков и высадку морских десантов; и подписание в апреле 1941 г. пакта о нейтралитете с СССР; и даже то, что после нападения Германии на Советский Союз, Япония не воспользовалась «благоприятной ситуацией» и не двинулась «на Север», т.к. сила двухгодичной инерции толкала её в противоположном направлении. Более того, почти все эти два года после пакта японцы считали, что и немцы свои основные усилия прилагают в противоположном от СССР направлении.

Представим, что могло быть, если бы СССР не подписал пакта с Германией. Во-первых, нет гарантий, что японцы в таком случае не попытались бы в ближайшем будущем после Халхин-Гола взять реванш. Но самое главное для СССР – не произошло бы смены направления японской агрессии, и она по-прежнему была бы устремлена «на Север». И направление германской экспансии при этом варианте также было бы ориентировано против СССР. Это и явилось бы той реальной основой, на которой развернулись бы агрессия против Советского Союза с Запада и Дальнего Востока одновременно, при благоприятном к агрессорам «нейтралитете» «демократий». Не подпиши Сталин пакта, и получил бы он войну на два фронта, и мечта «умиротворителей» стала бы реальностью.

⁴⁷⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 246-247.

⁴⁷¹ Groza A. URSS – instigatorul celui de-al doilea război mondial. P. 21.

⁴⁷² Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. М., 1973. С. 30; см.: Год кризиса. Т. 2. С. 540-542 (док, № 409).

Главное, что приобрёл Гитлер в результате пакта со Сталиным, это нейтрализация СССР, уверенность в его невмешательстве в «польский вопрос» и «свободу рук» на Западе. В этом смысле нельзя не признать, что пресловутый Пакт Молотова – Риббентропа стал определенной вехой на пути к войне. И вот здесь возможно главное возражение против всей нашей системы аргументации: «Вы сами себя опровергаете, признавая, что пакт развязал окончательно руки Гитлеру!». Но подобный подход – свидетельство абсолютной неспособности понять суть международной ситуации того момента, истинную сущность целей Гитлера и путей их достижения, а также то, что, с пактом или без него, война в результате срыва англо-франко-советских переговоров стала абсолютно неизбежной. Последнее мы попытаемся доказать чуть ниже, а сейчас вернёмся к предполагаемому возражению. Нет, пакт не развязал войну, её начало в принципе было предопределено Мюнхеном, он лишь развернул её на 180°.

Да, за определенную цену Сталин предоставил Гитлеру свободу рук на Западе. Но только так мог он отвести нависшую над его страной угрозу*. Естественно, для СССР это был не лучший вариант, но и не худший. Не предотвратив войну в принципе, Сталин не допустил сценария «мюнхенцев». Запад попал в ту западню, которую так усердно готовил для СССР.

Но Гитлер получил ещё один выигрыш. До этого мы говорили, что Сталину был необходим «буфер» между СССР и Германией, а когда обеспечить его стало невозможно, он решил добиться минимума – перенесения границы западнее за счёт Польши. Естественно, что ни о каком взаимном доверии между большевистским и нацистским руководством не могло быть и речи. Недоверие было взаимным. И по тем же причинам, перед предстоящей схваткой и с Западом, и с СССР Гитлеру следовало отдалить германскую границу как можно восточнее, подальше от жизненно важных центров Германии – Силезского промышленного района, Померании и Восточной Пруссии. Да и до Берлина от старой польской границы было всего 150 км.

Перенос Германской границы на Восток также создавал дополнительное пространство – «буфер» – на пути эвентуального русского наступления на Силезию и Восточную Пруссию. То есть, Гитлеру пакт давал не просто свободу действий, но и большую гарантию от возможного неожиданного советского наступления в тыл вермахту во время его кампании на Западе. Немцы не забыли кошмара русского наступления на Восточную Пруссию, сорвавшего разгром Франции в сентябре 1914 г. и поставившего Германию в положение воюющей на два фронта. Да и при простом взгляде на германо-польскую границу 1939 г. видно, что с неё очень удобно наступать, но невозможно обороняться. Перенос границы на «линию Керзона» резко улучшил возможности её обороны и несравненно меньшими средствами. В общем, Гитлер выиграл от пакта не меньше Сталина.

Вероятные сроки начала войны. Доказательств того, что и без пакта судьба Польши оказалась бы той же, что и с пактом, множество! Их только следует собрать воедино. О некоторых мы уже говорили. Во-первых, с пактом или без, Запад Польшу предал. Сталин без Запада за Польшу не воевал бы в любом случае. Значит, она при всех раскладах оставалась один на один с Германией. Во-вторых, есть множество высказываний Гитлера, прямо доказывающих, что с пактом или нет, но он Польшу уничтожит. Так, мы упоминали его телеграмму Сталину от 21 августа, в которой он прямо об этом заявляет; затем его речь 22 августа перед генералитетом; его беседы с многочисленными приближенными, которые впоследствии засвидетельствовали это, как, например, граф Чиано, министр иностранных дел Италии и зять Муссолини⁴⁷³.

К выводам о неизбежности разгрома Польши при любом варианте пришли столь авторитетные лица, как У. Черчилль⁴⁷⁴, Л. Мосли⁴⁷⁵, И. Фляйшхауэр⁴⁷⁶. Но не станем верить историкам и даже самому Гитлеру, мастеру блефа. Для того, чтобы убедиться в этом, следует рассмотреть положение, в котором оказался рейх накануне агрессии, был ли выход из этого положения, и если да, то какой.

Общеизвестно, что состояние экономики государства и экономические интересы его правящего класса определяют внутривнутриполитический и внешнеполитический курс правительства. Мы уже отмечали, что захват Австрии и Чехословакии значительно увеличил экономический потенциал и улучшил экономическое состояние рейха. Но безудержная гонка вооружений быстро поглотила захваченное, и накануне войны экономика фашистской Германии была фактически на пороге коллапса.

Как заявил Гитлер в рейхстаге, с февраля 1933 г. по 1 сентября 1939 г. Германия израсходовала на вооружение 90 млрд марок⁴⁷⁷, из них только в 1939 г. (до августа) – 19,8 млрд⁴⁷⁸. Для сравнения можно

* Такого мнения придерживались У. Черчилль, Л. Гарт, В. Фалин, К. Типпельскирх, Л. Мосли, И. Фляйшхауэр, А. Буллок, Л. Безыменский, Ж.Л. Стоксбери, В.Я. Сиполс, Д. Волкогонов, Р. Медведев, Д. Боффа, Г.К. Жуков, А.М. Васильевский, И.М. Майский, другие исследователи, военачальники и политики.

⁴⁷³ См.: СССР в борьбе за мир... С. 504.

⁴⁷⁴ См. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 175-205.

⁴⁷⁵ Мосли Л. Утраченное время. С. 261.

⁴⁷⁶ Фляйшхауэр И. Пакт... С. 342-343.

⁴⁷⁷ Норден А. Так делаются войны. М., 1972. С. 98; Европа в международных отношениях. С. 376; История второй мировой войны. Т. 2. С. 300.

сказать, что в первый год фашистской диктатуры на эти цели было израсходовано 1,5 млрд⁴⁷⁹. Военные расходы составили в 1938/1939 бюджетном году 58% всех расходов (в 1933/34 г. – 24%)⁴⁸⁰. Это привело к астрономическому государственному долгу в 60 млрд марок⁴⁸¹. «Расходы на военные и прочие государственные нужды пришли в такое несоответствие с излишками гражданского хозяйства, что военная экономика могла развиваться лишь за счёт выпуска новых денег, вследствие чего финансовая, а с ней и экономическая катастрофа становились неизбежными. Создалось такое положение, из которого только „прыжок в войну” мог считаться единственным спасением...»⁴⁸² – этот вывод принадлежит крупнейшему немецкому специалисту, изучившему участие Германии во второй мировой войне.

Для преодоления финансового кризиса и дальнейшего субсидирования военных приготовлений в 1938-1939 гг. были предприняты чрезвычайные меры, в первую очередь, увеличены налоги. Если в 1933 г. поступления от налогов составили 10,5 млрд марок, то в 1938-м – 22,8, а в 1939 г. – 27,2. Выпуская т.н. «налоговые облигации», гитлеровское правительство собирало налоги наперёд, надеясь в будущем покрыть дефицит за счёт ограбления захваченных стран. Увеличились суммы государственных займов. Если в 1933/34 бюджетном году был выпущен заём на 400 млн марок, то в 1938/39 – на 11,2 млрд⁴⁸³.

Особое внимание уделялось развитию тяжелой промышленности. С 1932 г. по 1939 г. производство средств производства в Германии почти утроилось⁴⁸⁴. К июню 1939 г. в военной промышленности было занято 22% промышленных рабочих. С 1933-го по 1939 г. военное производство увеличилось почти в 10 раз⁴⁸⁵. Всё это не могло не привести к тяжелейшим диспропорциям в народном хозяйстве, которое не способно долго выдерживать такого положения вещей.

Форсированный перевод экономики Германии на военные рельсы привёл к снижению в 1938-1939 гг. экспорта, т.к. многие предприятия, поставлявшие продукцию на внешний рынок, переключились на военное производство⁴⁸⁶. Это резко уменьшило приток инвалюты в страну со всеми вытекающими последствиями. 30 января 1939 г. Гитлер заявил: «Германия должна экспортировать или умереть»⁴⁸⁷. Но в тех условиях увеличение экспорта было невозможно, т.к. процесс милитаризации экономики привёл к максимальному сужению возможностей свободного развития мирной экономики⁴⁸⁸. Конечно, в это время происходил экономический рост, но исключительно за счёт роста военного производства, что, естественно, ничего не давало мирной экономике, а только ослабляло её. Золотовалютные запасы Германии стремительно снижались⁴⁸⁹. Они были наименьшими среди всех развитых капстран, уступая в десятки раз Бельгии, Голландии, Швейцарии, в сотни раз Англии и Франции, почти в тысячу раз США⁴⁹⁰.

В связи с гонкой вооружений промышленность остро нуждалась в сырье. А его импорт пожирал золотовалютные запасы. Этому способствовали и введенные с 1938 г. США и Англией ряд ограничительных мер, предпринятых с целью помешать закупкам Германией стратегического сырья. Несмотря на все мероприятия по обеспечению автаркии в снабжении сырьем, зависимость от ввоза из-за границы к началу войны была колоссальной. Так, потребность в продовольствии покрывалась на 20% за счёт импорта, а в сырье – на 33%. Что касается импорта по отдельным видам стратегического сырья, то он составлял от потребностей: руды – 75%, меди – 70%, свинца – 50%, олова – 90%, минеральных масел – 65%, каучука – 85%, сырья для текстильной промышленности – 70%⁴⁹¹. За счёт гигантских усилий фашистскому руководству удалось создать запасы стратегического сырья для ведения войны на 9-12 месяцев. Но по отдельным видам резервы были значительно меньше: по натуральному каучуку – на 2 месяца, магний – 4, меди – 7⁴⁹². Потребность в сырье для военных нужд от общих потребностей страны составляла: по стали – 30%, горючему – 14%, цементу – 45%, меди – 20%, лесоматериалам – 24%, каучуку – 14%⁴⁹³.

Эти цифры доказывают слабость сырьевого потенциала Германии и постоянно возрастающую зависимость его от других государств. Чрезвычайно высока была и степень милитаризации экономики, подступившей к такому рубежу, за которым маячила катастрофа. Германия не могла, опираясь на собственные ресурсы, вести большую войну. Более того, все цифры потребления и запасов, которые мы привели, могли обеспечить снабжение германской армии на уровне момента 1 сентября 1939 г. А она насчитывала

⁴⁷⁸ Европа в международных отношениях. С. 376.

⁴⁷⁹ История фашизма в Западной Европе. С. 257.

⁴⁸⁰ Ibid.

⁴⁸¹ История второй мировой войны. Т. 2. С. 302; Европа в международных отношениях. С. 377.

⁴⁸² Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 1. С. 162.

⁴⁸³ История второй мировой войны. Т. 2. С. 301.

⁴⁸⁴ Ibid. С. 296.

⁴⁸⁵ Ibid. С. 297.

⁴⁸⁶ Ibid. С. 298.

⁴⁸⁷ Ibid.; Европа в международных отношениях. С. 377.

⁴⁸⁸ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 1. Т. 2. С. 23-25.

⁴⁸⁹ Ibid. С. 26.

⁴⁹⁰ См.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 566.

⁴⁹¹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 2. С. 28.

⁴⁹² История второй мировой войны. Т. 2. С. 299.

⁴⁹³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 2. С. 27.

всего немногим более 2 млн чел. Для ведения мировой войны требовалось поставить под ружье около 8 млн чел.! Снабжать такую армию германская экономика была абсолютно неспособна. При таком раскладе, даже без ведения боевых действий, в кратчайший срок Германию ждал экономический крах! Значит, необходимо было увеличить сырьевую базу и экономический потенциал страны в несколько раз! Это задача на десятилетия, если учитывать, что даже при огромном перенапряжении сил с 1929-го по 1939 г., объем промышленного производства в Германии возрос всего лишь на 25%⁴⁹⁴. Другими словами, для решения этой задачи Германии требовалось срочно захватить чужой потенциал и богатства.

Для ведения большой войны, отмечает Мюллер-Гиллебранд, Германии следовало начать разработку отечественных металлорудных месторождений, осуществить строительство высокопроизводительных сталелитейных предприятий, увеличить производство шариковых подшипников, коленчатых валов и т.д. Особенно остро ощущалась нехватка тяжелых прессов для изготовления броневых плит, авиационных бомб и снарядов крупных калибров. Значительную часть запасов цветных металлов пришлось использовать ещё до начала войны, пополнить эти запасы не удалось, т.к. к тому времени золотые и валютные фонды были исчерпаны. Резервы железнодорожного подвижного состава, автомашин и речных судов, продолжает немецкий исследователь, были на исходе. Уже зимой 1938/1939 года из-за транспортных затруднений отмечались осложнения в экономической жизни страны, особенно в части снабжения углем⁴⁹⁵. Тогда что же ожидало Германию следующей зимой?

Создавалось положение, когда при данном уровне и состоянии экономики, опираясь исключительно на свои силы, страна не могла не только вести большую войну, но в скором времени её ждала катастрофа. К началу войны сложилась ситуация заколдованного круга: цели требовали захватов; для этого необходим гигантский экономический потенциал; создать его быстро невозможно; значит, следует отобрать его у других народов. Круг замкнулся.

Финансовый кризис, недостаточный промышленный и сырьевой потенциал, трудности в экономике, порожденные её сверхмилитаризацией, побуждали гитлеровцев спешить с началом войны. Только посредством порабощения и ограбления других стран и народов они надеялись поправить своё экономическое положение и избежать катастрофы. Гитлеровская клика доказала свой крайний авантюризм не только в политике, но и в экономике, бросив её целиком на алтарь войны, да так, что без выигранной войны обрушивалась и экономика. Гитлера можно и в этом плане, а не только в военно-политическом, сравнить с тем азартным игроком, который положил на кон всё: и состояние, и даже жизнь. Чтобы не лишиться их, следовало только выигрывать...

Но перенапряжение с материальными ресурсами – ничто, по сравнению с перенапряжением сил немецкого народа. Создание вермахта и колоссальное расширение военного производства требовали огромного количества квалифицированной рабочей силы. Стремясь решить эту проблему, в военное производство были вовлечены все ранее безработные, около 700 тыс. ремесленников и мелких торговцев, разорившихся в 1933-1939 гг., домохозяйки. С мая 1938-го по май 1939 года число рабочих, вовлеченных в военное производство, увеличилось на 1,25 млн чел. И всё-таки в 1939 г. только в промышленности не хватало 631 тыс. рабочих⁴⁹⁶.

Чтобы восполнить этот недостаток, усилилась эксплуатация трудящихся: с 1 января 1939 г. было решено увеличить рабочий день с 10 до 14 часов; за счёт «рационализации» была повышена производительность труда; введена принудительная трудовая повинность для женщин, которые вскоре составили 1/3 всех рабочих⁴⁹⁷; допускался труд мужчин старше 65 лет и подростков 13-14 лет⁴⁹⁸. При этом происходило снижение заработной платы. Так, в 1939 г. она составила 82,5% от уровня 1929 г. Наряду с этим стоимость жизни в 1939 г. возросла по сравнению с 1933 г. на 7%. Снижалась калорийность продуктов, уменьшались пособия и пенсии, фонды соцобеспечения сократились с 33 марок в 1932 г. на одного жителя до 7 марок в 1939 г.⁴⁹⁹

В общем, на фоне гигантского перенапряжения сил нации резко упал её уровень жизни. И даже с помощью изощренной идеологической обработки и жесточайшей системы террора нельзя было долго удерживать ситуацию под контролем. Учитывая социально-экономическое положение, сложившееся в Германии накануне войны, можно утверждать, что страна стояла на пороге такого кризиса, который неминуемо смёл бы нацистский режим. Признаки этого ещё открыто не проявлялись, но его главари чувствовали, что только война может спасти режим и предотвратить экономический коллапс.

Это понимали и следившие за экономической ситуацией Германии иностранные дипломаты. Так, советник английского посольства в Берлине Форбс ещё 6 апреля 1939 г. доносил в Лондон: «Ни в коем случае нельзя исключать того, что Гитлер прибегнет к войне, чтобы положить конец тому несносному

⁴⁹⁴ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 566.

⁴⁹⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 2. С. 29.

⁴⁹⁶ История второй мировой войны. Т. 2. С. 299.

⁴⁹⁷ Ibid.; История фашизма в Западной Европе. С. 258.

⁴⁹⁸ История второй мировой войны. Т. 2. С. 300.

⁴⁹⁹ История фашизма в Западной Европе. С. 248.

положению, в которое он поставил себя своей экономической политикой». Да и Гендерсон писал 6 мая Галифаксу: «Сможет ли [Германия] пережить ещё одну зиму без краха? А если нет, то не предпочтёт ли Гитлер войну экономической катастрофе?»⁵⁰⁰.

Вот что пишет в связи с этим английский историк А. Дж. П. Тейлор: «Англичане были твердо уверены, что нацистская экономическая система вот-вот развалится. Предполагалось, что все отдано на производство вооружения и у Германии фактически нет сырья, необходимого для ведения войны. Начальники штабов докладывали: „Немцы уже истощены, впали в уныние“. Англии и Франции оставалось только удерживать свои оборонительные линии и продолжать блокаду. Германия рухнет тогда без дальнейшей борьбы. Чемберлен заявил: „Я не думаю, что нужно вести беспощадную борьбу“»⁵⁰¹.

Мы подступили к тому моменту, когда у читателя может возникнуть вопрос: да, мы согласны, война действительно была неизбежна, но почему она началась 1 сентября 1939 г., и нельзя ли было начать её позже? На это можно ответить только отрицательно. Позже, чем на несколько дней, она начаться не могла! И здесь две основные причины: всё та же экономическая и природно-климатическая.

Что касается экономики Германии, то речь не идёт о том, что она не выдержала бы ещё нескольких месяцев. Выдержала бы, может, и более года. Тут дело в другом. Германия почти достигла в опоре на собственные силы пика военного производства и, соответственно, опередила другие страны в готовности к войне. Промедление с началом военных действий означало в таких условиях утрату достигнутого преимущества и, как следствие, шансов на победу в войне.

Вот как объясняет необходимость немедленного начала войны бывший министр вооружений в гитлеровском правительстве А. Шпеер: «Предположим, что благодаря нашему быстрому вооружению соотношение сил с Англией и Францией сейчас 4:1 в нашу пользу. После занятия Чехословакии противник начал сильно вооружаться. Для достижения максимального уровня производства ему понадобится от полутора до двух лет*. Он сможет начать нас догонять и преодолевать разрыв между нами, только начиная с 1940 года. Если противоположная сторона начнет производить столько же, сколько и мы, наше превосходство будет постоянно уменьшаться. Чтобы его поддерживать на прежнем уровне, нам надо производить в 4 раза больше. Но мы не в состоянии этого делать... У нас сейчас во всех областях разработаны новые модели, противник же располагает устаревшим материалом»⁵⁰².

Более убедительной, по нашему мнению, причины невозможности отодвинуть начало польской кампании привести невозможно. А захватив Польшу, Германия ещё больше увеличивает свой потенциал и улучшает экономическую ситуацию за счёт её ограбления. Может возникнуть ещё вопрос: Гитлер не мог ждать полгода и более, но что решало начало сентября? Почему не начало октября или даже ноября? А вот тут вмешалась бы матушка-природа. С начала октября и по апрель в Польше очень нестабильная погода – дожди размывают дороги, заполняют многочисленные водные преграды на пути агрессора, делают невозможным быстрое передвижение его танковых и моторизованных колонн вне дорог с твердым покрытием и использование полевых аэродромов. Т.е., германская армия теряла бы своё главное преимущество – техническое, и могла оказаться в положении затяжной войны, да ещё и на два фронта. Поэтому тянуть далее с началом польской кампании Гитлер не мог.

В той конкретной международной ситуации война стала неизбежной. Миротлюбивые страны в силу классового и национального эгоизма оказались разобщёнными. Это и позволило Гитлеру развязать мировую войну.

⁵⁰⁰ См.: Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. С. 477.

⁵⁰¹ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

* У. Черчилль пришел, в принципе, к аналогичным выводам.

⁵⁰² Шпеер А. А. Гитлер: «Кампания против России – детские игрушки». // ВИЖ, 1996, № 3. С. 60.

ГЛАВА 7. БЕССАРАБСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

1. Возникновение бессарабского вопроса в международных отношениях

Выход Румынии из войны и её притязания на Бессарабию. Как уже отмечалось, победа Октябрьской революции в вызвала страх и ненависть капиталистического мира, в том числе и в Румынии. Вот как оценивает данную ситуацию относительно румынских правящих кругов молдавский историк И. Левит: «Как и руководители других буржуазных стран, правители королевской Румынии были потрясены известиями о свержении Временного правительства и приходе к власти в России большевиков. Они не без основания опасались, что декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и земле вызовут новую волну революционных выступлений русских солдат и окажут влияние и на румынских рабочих и крестьян. Король Фердинанд и его окружение были охвачены страхом за судьбы монархии и существующего в стране социально-экономического строя. Сильно тревожило их и то, что выход России из войны и уход русских войск с Румфронта приведут к разгрому румынской армии войсками Центральных держав»¹.

По сути идентичны и выводы американского историка, почётного члена Румынской Академии наук Кейта Хиткинса: «Возможные последствия [мартовской] революции для румынских солдат и крестьян вызвали реальное беспокойство в правительственных кругах. Многие политики боялись быстрого распространения эпидемии из России за Прут... Но появилась новая опасность. В конце лета 1917 г. российские революционные события грозили дезорганизацией фронта и подрывом социальной и политической стабильности в (Запрутской – С.Н.) Молдове. В то время как уставшие от войны русские солдаты всё более радикализировались, поддаваясь обещаниям социально-экономической справедливости, король и Брэтиану боялись, что подобные идеи подорвут решимость румынских солдат-крестьян воевать. Ноябрьская большевистская революция лишь углубила кризис»².

Однако в российских революционных событиях румынская олигархическая элита усмотрела и свои выгоды – возможность реализации «проекта Великой Румынии». Вот что по этому поводу писал в своих послевоенных мемуарах тогдашний румынский министр И.Г. Дука: «Разложение русского фронта не пугает меня, наоборот – радует. Когда Россия рухнет, мы сможем быстро захватить Бессарабию, а так как, с Россией или без неё, в конечном итоге победу одержат союзники, в конце войны мы захватим также и Трансильванию, и таким образом из этих сражений и из этих потрясений родится то, что мы опасались видеть даже в самых смелых снах: объединение всех румын от Днестра и до Тисы»³.

Интервенты нашли союзника в лице российской контрреволюции и правящих элит соседних с Россией стран, включая Румынию. Ещё 8 ноября английский кабинет на своём экстренном заседании обсуждал вопрос о возможности выступления румынской армии против большевиков в контакте с восставшим казачьим атаманом А.М. Калединым⁴.

На данном заседании румынский посол подтвердил готовность своего правительства выступить совместно с этим белогвардейским генералом против Советской власти. В тот же день советник президента США В. Вильсона по международным вопросам полковник Хауз на совещании с английским премьер-министром Д. Лл. Джорджем и министром иностранных дел Его Величества А. Бальфуром рекомендовал «посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися (антисоветскими – С.Н.) силами, территориально наиболее близкими к» России⁵.

10 ноября 1917 г. президент Вильсон лично поощрил Румынию на антисоветскую борьбу, пообещав взамен поддержку её притязаний на Бессарабию на предстоящей мирной конференции⁶. Правда, сделал он это в слишком общей форме, что разочаровало румынского премьера И. Брэтиану, жаждавшего территориального приращения Румынии за счёт Бессарабии. Так, «в ноте, отправленной 28 ноября в Яссы, (Вильсон – С.Н.) пообещал, что приложит всё своё влияние во имя единой Румынии в качестве свободной и независимой нации»⁷.

¹ Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинёв, 2000. С. 77-78.

² Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. Istoria României. Buc., 1998. P. 418.

³ Duca I.G. Memorii. Vol. 3. Războiul (1916-1917). Partea I. București, 1994. P. 273.

⁴ См.: Архив полковника Хауза. Т. 3. С. 169; Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б. Преподательская роль «Сфатул Цэрий». Кишинев, 1969. С. 140; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 76; Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С. «Сфатул Цэрий» – антинародный орган. Кишинев, 1986. С. 76.

⁵ Архив полковника Хауза. Т. 3. С. 169.

⁶ Гиршвельд А. О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. // Вопросы истории. 1948, № 8. С. 11.

⁷ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu. Iași, 1995. P. 40.

Идею совместной с генералом А.М. Калединым борьбы королевской Румынии против большевиков поддержало и французское правительство Ж. Клемансо⁸. Оно официально одобрило предложение румынского посла в Париже использовать находившихся на территории России трансильванских военнопленных для борьбы с Советской властью⁹. Естественно, что без согласия западных союзников правящая Румынией королевская клика никогда бы не решилась на оккупацию Бессарабии.

Об этом 4 февраля 1921 г. Советское правительство радирировало Правительству Его Величества: «Без активной поддержки со стороны правительств стран Антанты были бы невозможны военные действия со стороны Польши против России, не была бы отторгнута Бессарабия»¹⁰. Данная констатация ленинского правительства полностью поддержана молдавским историком А.Г. Морарём, который утверждает, что «правительства Англии, Франции и другие организаторы и участники антисоветской военной интервенции, оказавшие помощь Румынии в её агрессии», «дали согласие на аннексию края Румынией в вознаграждение за её участие в антисоветской интервенции»¹¹.

Однако не следует забывать, что положение правительства И.И.К. Брэтиану¹² было довольно сложным в связи с фактическим выходом России из войны, в то время как Румыния по договору 1916 г. с Антантой обязана была сражаться против германского блока «до конца». «Но страх полного поражения и оккупации противником всей территории страны в случае дальнейшего разложения русской армии и ухода её с занимаемых позиций на фронте вызвал у румынских правящих кругов очередной прилив желания заключить сепаратный мир с немцами и их союзниками»¹³.

Данный вывод подтверждается и Н. Йоргой, отмечавшим, что ещё в конце 1916 г. «премьер-министр утратил всякую внутреннюю уверенность и открыто заявил, что было бы счастьем добиться мира»¹⁴. Йорга писал, что «Брэтиану и другие министры, похоже, полностью деморализованы»¹⁵. И. Дука также свидетельствует о надеждах премьера Брэтиану на то, что союзные державы «с пониманием» отнесутся к положению Румынии, оказавшейся между революцией и возможной немецкой оккупацией¹⁶: «Он считал, что наша военная миссия завершена, что союзники должны понимать это и позволить нам выйти из войны»¹⁷. Чтобы подбодрить охваченную паникой румынскую олигархию, 9/22 ноября 1917 г. от имени английского короля Фердинанду была направлена телеграмма, в которой была обещана поддержка¹⁸. С категорическим требованием к Румынии продолжать войну выступило и французское правительство¹⁹.

А тем временем под влиянием Декрета о мире русские солдаты, не дожидаясь окончания войны, на своих участках вели переговоры с противником о перемирии. 17/30 ноября генерал А. Авереску записал в дневнике: «Русские уже начали на многих участках фронта переговоры о перемирии, кое-где оно даже было заключено»²⁰. В этом контексте И. Дука отмечал, что «генерал Щербачёв сообщил Брэтиану, что более не владеет ситуацией и поставлен перед дилеммой или оставить командование, или самому предложить перемирие»²¹. И здесь расчёты румынских правителей совпадали с мнением Щербачёва. Боясь дальнейшей радикализации русской армии, Дука писал: «В этих условиях продолжать отказываться от подписания перемирия означало бы иметь через несколько дней на территории нашей страны русскую анархию и наступление немцев, т.е., полный и окончательный разгром. Наоборот, под-

⁸ Очень активен в этом направлении был глава французской военной миссии в Яссах генерал А. Бертело. // См.: 1918 la Români. Documente externe. Vol. 2. Bucureşti, 1983. P. 103.

Американский исследователь Шерман Дэвид Спектор отмечает в связи с этим, что «французский посол Сент-Олер и Бертело в условиях (углубляющейся в России пролетарской революции – С.Н.) советовали Брэтиану послать войска в Кишинёв для изгнания оттуда большевиков. Посредством акции, которую советские историки называют первой военной интервенцией союзников в Россию, Румыния захватила Бессарабию». // Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 44.

⁹ См.: Антонюк Д.И. и др. Предательская роль «Сфатул Цэрий». С. 141; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 76; Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С. «Сфатул Цэрий» – антинародный орган. С. 76-77.

¹⁰ Чичерин Г.В. Статьи и речи по международной политике. М., 1961. С. 12.

¹¹ Афтенюк С.Я., Морарь А.Г. Действительность и измышления фальсификаторов. Кишинев, 1984. С. 28.

¹² Руководитель австрийской делегации на переговорах о мире, имперский министр иностранных дел граф Чернин характеризовал Брэтиану как «неисправимого лгуна». // См.: Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 33.

¹³ Левит И.Э. Молдавская республика. С. 79-80.

¹⁴ Iorga N. Istoria românilor. Vol. X. Bucureşti, 1939. P. 377.

¹⁵ Iorga N. Memorii. Vol. 1. Bucureşti, 1939. P. 174.

¹⁶ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. München, 1982. P. 8.

¹⁷ Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 13.

¹⁸ 1918 la Români. Documente externe. Vol. 2. P. 1016.

¹⁹ Ibid. P. 1017; Фош Ф. Воспоминания (война 1914-1918 гг.). М., 1939. С. 213.

²⁰ Averescu A. Notițe zilnice din război (1916-1918). Bucureşti, 1935. P. 245.

²¹ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 13; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 18.

писание перемирия означало выиграть время, дать возможность Щербачёву сохранить командование... и рассчитывать со временем или на создание единого фронта с украинцами* и А.М. Калединым, или на политические изменения внутри России»²².

В этом контексте следует пояснить, что происходившие в русской армии процессы носили стихийный характер и что солдатские комитеты, со своей стороны, принимали меры для прекращения беспорядков. Так, ревком 9-й армии просил обеспечить свободный проход её частей на родину, гарантируя в этом случае «спокойное поведение русских войск»²³. Однако, как мы увидим в дальнейшем, именно румынское правительство предприняло беспрецедентный шаг – пошло на разоружение отступающих русских частей, на изъятие у них продовольствия и фуража²⁴, осознанно усугубив этим положение.

Советское правительство пыталось внести элемент организованности в этот процесс. Во-первых, в войсках был распространён приказ нового Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о переходе командования в руки комитетов, минуя штабы армий и фронта. За ним последовало указание «продовольствие брать по реквизиционным квитанциям Военно-революционных комитетов, приравненным к правительственным обязательствам. В случае столкновения с румынскими войсками прокладывать себе дорогу с оружием в руках»²⁵. К сожалению, у румынской стороны отсутствовали мирные намерения в отношении России.

И. Брэтиану и его сторонники настойчиво добивались заключения вместе с Щербачёвым перемирия для подавления «анархии». 19 ноября (1 декабря) 1917 г. штаб румынской армии стал готовиться к нанесению удара по большевизированным русским войскам. Однако без согласия англичан и французов заключить перемирие румыны не могли, т.к. это означало нарушение договора с Антантой 1916 г. и лишение себя прав на предусмотренные по нему послевоенные территориальные приращения. Поэтому 20 ноября (2 декабря) премьер-министр направил в Лондон и Париж телеграммы, пытаясь убедить западных союзников, что если не заключить перемирия с немцами, это сделает советский командующий, который придёт на смену Д.Г. Щербачёву²⁶.

При этом румынские правители ни на секунду не сомневались, что они «до конца» выполнили свой долг перед Антантой и даже «спасли» её от разгрома, поэтому, после поражения Германии, союзники просто «обязаны» выполнить все данные ими Румынии обещания. Подобный тезис совершенно откровенно озвучивался яским правительством и в те дни, и впоследствии – в мемуарах румынских деятелей: «Союзникам не за что на нас жаловаться. Наш вклад в общую борьбу был значительным. Благодаря нашим усилиям Верден был спасён, и Западный фронт получил облегчение благодаря переброске многочисленных германских дивизий против нас. Что касается наших прав, они оплачены обильно пролитой румынской кровью. 800000 убитых являются достаточной данью в пользу удовлетворения наших национальных требований. Исходя из этого, Брэтиану считал, что долгом союзников является понять, что мы не можем и не должны больше продолжать борьбу, а значит, позволить нам сложить оружие...

Разве не очевидно, что (мир с австро-германским блоком – С.Н.) был навязан нам по вине других, что мы не желали его, что приняли его как печальную неизбежность? Таким образом, он не имеет никакого значения. Союзные державы просто должны считать его не имеющим силы и не вступившим в действие и, что бы ни случилось до всеобщего мира, должны считать нас союзниками», соблюдая «целостность наших прав, исходящих из нашего союзного договора. Такова была точка зрения Брэтиану»²⁷, – писал, например, И.Г. Дука.

Следует подчеркнуть, что письменное согласие яских эмиссаров Антанты, обеспокоенных большевизацией русской армии²⁸, Брэтиану получил в тот же день²⁹ и поэтому был уверен, что получит и

* Имеется в виду Украинская Центральная Рада.

²² Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 13; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 18-19.

²³ Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 170.

²⁴ Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957. С. 239.

²⁵ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 171.

²⁶ Liveanu V. Evenimente imediat premergătoare armistițiului de la Focșani. 1917. // Studii și referate privind istoria României. Partea II. București, 1954. P. 1540.

²⁷ Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 13-14; о ходе переговоров с австро-германским блоком см.: Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. București, 1927. P. 311-323.

²⁸ В декабре 1917 г. происходил процесс большевизации русских войск Румынского фронта, массовый уход солдат с позиций, а также усилилось их влияние на румынское крестьянство. // См.: Свободная Бессарабия. 1917, 9, 15, 17, 19, 22, 30.12, № 184, 189, 191, 192, 195, 200; Борьба за власть Советов в Молдавии. Сборник документов и материалов. С. 240.

Так, в своих мемуарах И. Дука свидетельствовал, что «после подписания Фокшанского перемирия процесс большевизации и разложения русского фронта на нашей территории усилился со скоростью, вызывавшей беспокойство. Фактически мы оказались перед лицом подлинной большевистской революции на нашей

согласие союзных правительств³⁰. Не дожидаясь развития событий, 21 ноября (4 декабря) на фронт поступил согласованный с румынским правительством приказ Д.Г. Щербачёва о прекращении огня со следующего дня³¹. Глубоко проанализировав сложившуюся ситуацию, И. Левит пришёл к выводу, «что поспешность, с которой румынское правительство добивалось перемирия с австро-германским блоком, объяснялась и расчётом на то, что в создавшейся ситуации удастся присоединить Бессарабию к Румынии»³².

Данный вывод подтверждается и воспоминаниями Дуки: «Во время Бухарестских мирных переговоров было завершено и объединение Бессарабии. Говорю завершилось, так как, когда разваливалась Россия, объединение стало виртуально достижимо». И, как уже отмечалось, образование Сфатул Цэрий было, по его же словам, расценено в Яссах как «пролог возвращения Бессарабии к матери-родине». Он также писал, что Бессарабия была тем «минимумом», на который рассчитывали в тот момент румынские правящие круги³³. Эти свои мысли И. Дука высказывал и Н. Йорге³⁴. Однако, как мы уже отмечали выше, самые оптимистичные политики, включая и его самого, верили, что после Бессарабии последует и Трансильвания³⁵.

На заседании правительства И. Брэтиану доложил присутствующим «о требовании Щербачёва и союзников вступить в борьбу с большевиками и добавил: союзные послы заявили, что это будет самой большой услугой, которую мы сможем в данный момент оказать делу союзников, стремящихся воссоздать румыно-украинский фронт. Брэтиану добавил затем, что готов принять это предложение, но с чётким условием, что оно станет последней услугой, которую Румыния в состоянии оказать союзникам. После этого он, Брэтиану, освободится от всяких обязательств перед союзниками, которые не должны отказывать ему в праве подписать сепаратный мир»³⁶ – сообщал И.Г. Дука.

Однако 22 ноября (5 декабря) произошло неожиданное – союзники запретили румынам идти на перемирие: «Неожиданно из Парижа пришло известие, что Клемансо в бешенстве, что обвиняет нас в предательстве и заявляет о том, что более не считает нас союзниками»³⁷. Чтобы добиться своего, двумя днями позже Брэтиану отослал новую телеграмму в Париж для передачи её Клемансо, в которой пугал своего французского коллегу «большевистской угрозой внутри страны» для предотвращения которой пришлось снять с фронта войска. «Для того, чтобы предотвратить полную и непоправимую катастрофу, нам ничего не остаётся как заключить перемирие для выигрыша времени»³⁸ – настаивал премьер.

«В конечном счёте, – отмечает И. Левит, – правительства союзных держав уступили настояниям руководства Румынии и генерала Щербачёва о заключении перемирия с противником. К их доводам и планам отнеслись с „пониманием“, тем более, что перемирие мыслилось использовать для борьбы с большевизмом. Правительства держав Антанты даже договорились предоставить Румынии помощь в виде кредитов... Возражения против подписания перемирия с противником были сняты»³⁹.

В сложившихся обстоятельствах в проведении военной операции по захвату Восточной Молдовы реальную помощь Румынии оказали и Центральные державы. Прекратив боевые действия на Румынском фронте, немцы и австрийцы позволили румынам снять часть войск с передовой и направить их в Бессарабию. По «горячим следам» об этом писал ещё французский журналист Клод Ане: «Румыния договорилась с Центральными державами и получила их молчаливое согласие на захват Бессарабии»⁴⁰.

26 ноября (9 декабря) 1917 г. командующий русским Румынским фронтом генерал Д.Г. Щербачёв и румынский генерал А. Лупеску подписали в г. Фокшаны от имени Румынии перемирие с командованием австро-германских войск⁴¹. Это высвободило румынские войска и позволило 4-9 (17-22) декабря обе-

---

территории». Ещё больше румынскую олигархию пугал собственный народ: крестьяне («голытьба») присоединялись к выступлениям русских солдат и распределяли между собой помещичий скот и продовольствие. // Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 30, 31; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 38, 39.

²⁹ Liveanu V. Evenimente imediat premergătoare armistițiului de la Focșani. 1917. // Studii și referate privind istoria României. Partea II. P. 1540.

³⁰ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 14; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 19, 21.

³¹ Averescu A. Notițe zilnice. P. 249-250.

³² Левит И.Э. Молдавская республика. С. 91.

³³ Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 34, 104; Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 26, 85.

³⁴ Iorga N. Memorii. Vol. 1. P. 176-177.

³⁵ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 26; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 34.

³⁶ Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 42.

³⁷ Ibid. P. 16, 21; Liveanu V. Evenimente imediat premergătoare armistițiului de la Focșani. 1917. // Studii și referate privind istoria României. Partea II. P. 1545.

³⁸ Liveanu V. Evenimente imediat premergătoare armistițiului de la Focșani. 1917. // Studii și referate privind istoria României. Partea II. P. 1543.

³⁹ Левит И.Э. Молдавская республика. С. 96.

⁴⁰ Anet C. La revolution russe. L'Ukraine traitée separement. Paris, 1919. P. 42.

⁴¹ См.: Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920). București, 1993. P. 146; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 78; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău, 1996. P. 81; Левит И.Э. Молдавская республика. С. 97-98.

зоружить часть российских большевизированных частей⁴², зверски убив при этом советского военного комиссара фронта С.Г. Рошаль⁴³. Правда, некоторые румынские историки отрицают причастность румынских властей к этому преступлению. Так, Паул Черноводяну пишет, что «Рошаль был тайно убит без ведома ясского правительства по приказу членов Французской военной миссии..., желавших прекратить вредную пропагандистскую деятельность их фанатичного соотечественника⁴⁴». А румынский академик Ион Опря «открыл тот факт», что «Рошаль был расстрелян», так как «попытался убить Щербачёва»⁴⁵.

Для дезорганизации и деморализации революционных солдат румынские власти и российские контрреволюционеры прекратили подвоз продовольствия и фуража в большевизированные части. В этой связи ключевое значение приобрели Унгены как узловой железнодорожный пункт у румынской границы. В ответ на действия контрреволюции и выполняя указания ВРК Румфронта, большевистский Исполком Унгенского Совета стал задерживать эшелоны с грузами, предназначенными для королевских войск⁴⁶.

⁴² Как писал своему правительству швейцарский посланник в Румынии Буасси, главная цель перемирия – «выиграть время» в борьбе с большевизмом – «достигнута». // 1918 la Români. Documente externe. Vol. 2. P. 1024.

Об этом же докладывал А. Бальфур в меморандуме своему правительству 27 ноября (10 декабря) 1917 г. // См.: Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. М.–Л., 1924. С. 90.

⁴³ Подробнее об этом см.: Ходза Н.А. Большевистский комиссар Семен Рошаль. М., 1952; Иткис М., Ройтман Н. Большевистский комиссар Семен Рошаль в Молдавии и на румынском фронте. // Днестр. 1959, № 12; Аftenюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964. С. 491-493; Левит И.Э. Молдавская республика. С. 131, 133-134; История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968. С. 52-53; Есауленко А.С. Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917-1918). Кишинев, 1977. С. 141; Kirişescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. P. 206.

Некоторые авторы доходят даже до распространения слухов о том, будто бы С. Рошаль имел задание арестовать короля Фердинанда и спровоцировать в Румынии «коммунистическую революцию». // См.: Pădureac L. Relațiile româno-sovietice (1917 – 1934). Chișinău, 2003. P. 19-20.

⁴⁴ Примечание научного редактора: По всей вероятности, румынский историк Паул Черноводяну имеет в виду, что С. Рошаль был французом.

Семен Григорьевич Рошаль (25 января 1896 г. – 21 декабря 1917 г.) родился в Санкт-Петербурге в семье коммерсанта. Учился в 10-й петербургской гимназии, был членом революционного кружка из-за чего был исключён из гимназии и занялся революционной работой. В 1914 году вступил в РСДРП.

В сентябре 1915 года Рошаль был мобилизован и отправлен на Северный фронт. В декабре 1915 года, отпущенный с фронта в отпуск, приехал в Петроград, где был арестован за революционную пропаганду на фронте. Находился в заключении в тюрьме «Кресты».

Освобождён из тюрьмы во время Февральской революции. Был отправлен в Кронштадт, где в марте 1917 года был избран председателем горкома РСДРП(б) и членом исполкома Кронштадтского совета. Играл ключевую роль в привлечении балтийских матросов на сторону большевиков. В июле 1917 года Рошаль был арестован правительством Керенского вместе с Троцким, Раскольниковым и др. и вновь заключён в «Кресты». Освобождён 26 октября (8 ноября) 1917 во время октябрьского переворота.

В октябре 1917 г. – комиссар сводного отряда солдат и матросов при подавлении выступления Керенско-го-Краснова под Петроградом. Участник захвата Ставки Верховного Главнокомандующего и убийства генерала Духонина. В декабре 1917 года был направлен Лениным в качестве комиссара Совнаркома на Румынский фронт для организации фронтового военно-революционного комитета.

⁴⁴ Cernovodeanu P. Basarabia. P. 149; см. также: Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812-1993). Chișinău, 1995. P. 168; Bobeică A. Sfatul Țării – stindard al renașterii naționale. Chișinău, 1993. P. 26.

И. Дука также перекладывает всю вину за убийство Рошалья на французоз. А Н. Йорга пишет о некоем «секретном русском антибольшевистском комитете». // См.: Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 45; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 56; Iorga N. Memorii. Vol. 1. P. 199, 304.

⁴⁵ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. București, 1998. P. 174.

⁴⁶ Примечание научного редактора: Воспоминания участников событий подтверждают и дополняют описываемую ситуацию с продовольственным снабжением войск Румфронта. Член Исполкома Унгенского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.А. Ачкасов сообщает: «Контрреволюционное командование фронта во главе с Щербачёвым приказало не выдавать продовольствия и фуража воинским частям, которые шли за большевиками. В результате этого многие воинские подразделения Румынского фронта нередко голодали».

Прибывший в первой половине декабря 1917 года в Унгены член Румчерода П.И. Баранов «предложил партийной организации и исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов задерживать военные грузы, которые отправлялись через станцию Унгены для румынской армии до тех пор, пока командование фронта не нормализует снабжение русских воинских частей Румынского фронта. При этом он подчеркнул, что запасы продовольствия и фуража для русских армий были настолько велики, что возникло подозрение, не заготавливает ли генерал Щербачёв эти запасы для продолжительной борьбы против революции». После приезда П.И. Баранова в Унгенах было перехвачено «не менее нескольких десятков эшелонов».

На проходившем в Галаце 25 ноября – 4 декабря 1917 года II-ом съезде 6-й российской армии между комиссаром по снабжению Румфронта А.А. Гончаровым и делегатом съезда Г.И. Котовским состоялся следующий диалог (воспроизведённый Гончаровым), начатый вопросом Григория Ивановича:

Было заявлено, что «до тех пор, пока командование русскими войсками на Румынском фронте будет совершать насилия над революционными солдатами фронта и, обладая большими интендантскими запасами, будет морить их голодом, Исполком Унгенского Совета рабочих и солдатских депутатов не пропустит ни одного вагона через границу для румынской армии»⁴⁶. Таким образом, происходила эскалация напряжённости между «белыми» и «красными», и в это противостояние всё более втягивалось румынское правительство.

Военные действия румынской армии против Советской России и «плата» за них. 7/20 декабря по итогам совещания со своими министрами и военными, а также с французским, английским, американским и итальянским посланниками, И. Брэтиану сообщил, что союзники требуют от румынской армии активного включения в борьбу с большевиками (хотя, как мы указали выше, к этому румыны приступили ещё 4/17 декабря). В свою очередь, премьер добивался, чтобы союзные державы санкционировали заключение Румынией сепаратного мира с Германией и её союзниками при сохранении в силе основных статей её договора 1916 г. с Антантой⁴⁷.

Решение правительства о начале военных действий против советских войск⁴⁸ в ночь на 9 декабря было утверждено королём. В 6 часов утра румынские войска, при поддержке казаков и гайдамаков, нанесли удар по небольшому большевистскому гарнизону в Соколе вблизи Ясс и ликвидировали его⁴⁹. М. Джуvara, впоследствии ставший видным румынским дипломатом, писал об этих событиях: «В ответ на просьбу представителей Антанты, которые письменно заявили, что эта операция явится последним военным вкладом, который они вправе ждать от Румынии, румынская армия открыто включилась в военные действия против большевистских войск, занимавших тогда всю территорию Молдовы и Бессарабии»⁵⁰.

Румынские министры и генералы, узнав о «победе» под Соколом, поздравляли друг друга. Однако были среди них и люди более реалистически мыслящие. Так, генерал А. Авереску записал в своём дневнике: «Ошибка... Этот необдуманный шаг дорого обойдётся нам в будущем»⁵¹. Но он сам даже не представлял, насколько оказался прав...

«– В чём дело, почему мы сидим только на чечевице? Хлеб приходится делить, как в тюрьме. Полученные буханки измеряются шпагатом, нарезаются малюсенькими порциями. Не дай Бог, чтобы они получились неравными.

Я ответил, что виноват генерал Щербачёв. На железнодорожных станциях, на реках Прут, Днестр, Дунай скопилось много грузов для фронта. Недавно, рассказал я Котовскому, нас собрал член фронтового отдела Румчерода Баранов. Он прямо поставил вопрос о том, что Щербачёв стремится переправить как можно больше грузов в Румынию. Враги революции хотят накопить боеприпасы и продовольствие для контрреволюционных войск.

– А Вы, комиссар Румчерода, что делаете? – спросил Котовский.

– Мы приняли свои меры. В Унгенах и на других пограничных станциях армейские большевики не пропускают вагонов в Румынию.

– Надо их прямо в дивизии отправлять, – подсказал Котовский. – Попробую и я помочь. Армейский комитет предлагает мне выехать в Кишинёв. Буду работать там в Совете депутатов. Заглядывай, если туго будет – поможем». // Ачкасов Н.Г. В прифронтовой полосе. // Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918-1920 гг.) Сборник воспоминаний участников гражданской войны. Кишинёв, 1964. С. 35-36; Гончаров А.А. Шёл отряд по берегу... Одесса, 1963. С. 12-13.

⁴⁶ См.: Афтенюк С.Я. и др. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. С. 494-496.

⁴⁷ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 33, 34; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 43.

⁴⁸ В румынской националистической историографии большевики в целом и советское правительство в частности представлены как банда кровожадных и диких преступников, без малейшего проблеска морали и цивилизованности, во главе которых находился «шизофреник» Ленин (см. например: Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. I). Будучи далеки от оправдания некоторых методов, которые использовали коммунисты при достижении своих целей, мы не можем не отметить, что подобные оценки событий являются не только крайне упрощёнными и даже примитивными, но и не имеют ничего общего с реальной действительностью. Плюс ко всему, красный террор, являясь удешевлённым ответом на белый террор, был развёрнут после 30 августа 1918 года и не имеет никакого касательства к Бессарабии. В нашем крае террор был связан не большевиками, а ещё в январе 1918 года, то есть восьмью месяцами ранее, оккупационными военными румынскими властями.

В контексте всего описанного академиком Опрей & К⁰ следовало бы напомнить ему мнение Дж. Кеннана о большевистском вожде и стиле его руководства, представленного нами в 65-й ссылке 5-й главы настоящей работы. // См.: Кеннан Д. Россия и Запад при Ленине и Сталине. // Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль. Политические портреты. Минск, 1991. С. 19-20.

⁴⁹ См.: Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 46-52; Антонюк Д.И. и др. Победа Советской власти в Молдавии. С. 219-220.

⁵⁰ Цит. по: Левит И.Э. Молдавская республика. С. 132.

⁵¹ Averescu A. Notițe zilnice. P. 265; Averescu A. Notițe zilnice din război. Vol II. 1916-1918 (Războiul nostru). București, 1992. P. 255.

Получив известия об аресте Военно-революционного комитета Румынского фронта и об убийстве С. Рошала, о захвате румынами Леова и ряда бессарабских сёл на левобережье Прута и о расстреле членов Леовского ревкома⁵², НКВД РСФСР 16/29 декабря 1917 г. обратился к румынскому правительству через его посла в Петрограде К. Диаманди с нотой протеста⁵³. Однако удовлетворительного ответа на неё не последовало⁵⁴ и тогда Советское правительство 31 декабря предъявило по радио ультиматум Румынскому правительству прекратить подобные действия, наказать виновных и предупредило, что «неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных»⁵⁵.

Так как и после этого ничего не изменилось, по указанию В.И. Ленина, 31 декабря 1917 г. / 13 января 1918 г. весь состав дипломатической и военной миссии Румынии во главе с К. Диаманди был взят под стражу и заключён в Петропавловскую крепость⁵⁶. В Одессе были взяты под стражу румынский консул и персонал консульства⁵⁷. 1/14 января 1918 г. дуайен дипломатического корпуса в Петрограде посол США Фрэнсис в сопровождении группы дипломатов посетил Председателя Совнаркома Ленина, сделал ему заявление по поводу ареста румынского посланника и вручил меморандум за подписью дипломатов 20 стран⁵⁸.

После протеста дипломатического корпуса, аккредитованного в Петрограде, румынские дипломаты были освобождены и выдворены из России, причём дипломатические отношения оказались прерваны на 16 лет⁵⁹. Известный румынский историк и публицист, убеждённый сторонник «объединения Бессарабии с Родиной-Матерью» К. Кирицеску отмечал в связи с этим: «26 января, по причине интервенции румынских войск в Бессарабию, Советское правительство разорвало отношения с Румынией»⁶⁰. Но в Яссах не прореагировали на это решение. «На нас не произвело впечатления это заявление, – вспоминал Дука. – Мы создавали, что российский солдат отказывается воевать... В результате заявление о войне большевистского правительства было жестом без практических последствий, на который, как помнится, мы даже не потрудились ответить»⁶¹.

⁵² В начале декабря королевские власти направили вооружённый отряд за Прут в Леово, однако в результате сопротивления со стороны местного населения он был вынужден убраться восвояси. В ходе столкновения был убит румынский офицер и ранены два солдата. Через два дня город захватили два румынских полка с пулемётами, разогнали Леовский совет и расстреляли пять сторонников Советской власти, включая председателя Исполкома И. Настрата. Трупы расстрелянных румынское командование запретило убирать. // См.: НАРМ, Ф. 919, Оп. 2, Д. 2, Л. 41; Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов. Кишинев, 1967. С. 19-20; Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957. С. 234, 235, 237, 273, 276.

⁵³ Документ внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). Т. 1. М., 1957. С. 66-67; Известия ВЦИК. 1917, 19 декабря.

Правда, кое-кто пытается представить эти события, перевернув их с ног на голову: «1/14 декабря 1917 года вооружённые русские банды атаковали в Леово румынскую военную гвардию. Возникла необходимость интервенции отряда румынской армии». // Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 20.

При этом наш уважаемый автор даже не пытается дать ответ на закономерно возникающий вопрос: Чего же искала доблестная «румынская военная гвардия» на территории соседнего государства? Кроме того, с вторгшимися на территорию входящей в состав России Молдовы вступили в столкновение местные жители, а не «вооружённые русские банды». Также нет ответа и на другой вопрос: Кому была «необходима интервенция отряда румынской армии»? Кто его звал? И в этом случае, как и во многих других, историческая правда подменяется басней во имя торжества «румынского патриотизма».

⁵⁴ В своей ответной ноте Бухарест заявил, что не располагает сведениями о событиях в Леово, а произошедшее в районе Ясс было представлено как защита румынского населения от произвола отходящих русских войск. Связи с УНР и Калединым объяснялись необходимостью закупки продовольствия. // Советско-румынские отношения 1917-1941. Документы и материалы в двух томах. Т. 1: 1917-1934. М., 2000. С. 12-13.

⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 409, примечание 28; ДВП СССР. Т. 1. С. 79; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 194, 195; Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 9-10.

⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 23; Правда. 1918, 3 января; Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 10-11; Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice românești. P. 149; Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. P. 214; Adauge M., Danu E., Popovschi V. Mișcarea națională din Basarabia. Cronică evenimentelor din anii 1917-1918. Chișinău, 1998. P. 74-75.

⁵⁷ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 87.

⁵⁸ Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 11; За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970. С. 19; ДВП СССР. Т. 1. С. 82-84; Adauge M., Danu E., Popovschi V. Mișcarea națională din Basarabia. P. 75.

⁵⁹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 24; ДВП СССР. Т. 1. С. 89-90, 713; Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917-1918. Documente. Chișinău, 1995. P. 140-141; Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 30-45; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 56, 58; Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. P. 215; Cernovodeanu P. Basarabia. P. 149, 151.

⁶⁰ Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. P. 215.

⁶¹ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 47; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 58.

Правительство Румынии, чувствуя поддержку Антанты и Центральных держав, 4/17 января приняло решение начать необъявленную войну с Россией, и уже через три дня его войска перешли реку Прут. Эту мысль подчёркивает и историк Ион Цуркану: «Позиция великих держав создала общий благоприятный фон для подготовки и осуществления Объединения»⁶². Правда, сами союзники пытались скрыть истинные цели этой акции. Так, французский посланник в Яссах Сент-Олер 5/18 января телеграфировал консулу в Кишинёве Сарре: «Все мои коллеги, все посланники других союзных держав и я сам уполномочены заявить Вам официально, что вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой с целью обеспечения нормального функционирования тыла русско-румынского фронта в соответствии с правилами, существующими во всех воюющих государствах. По этой причине вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияния ни на существующую политическую обстановку в Бессарабии, ни на будущую судьбу этой страны»⁶³. Понятно, что эти слова должны были ввести в заблуждение молдавскую общественность и всё население края, выступавших тогда почти единогласно против вторжения на территорию Бессарабии румынских войск и за сохранение Молдовы в составе России. На деле это служило словесным прикрытием румынской интервенции против Советской России, а Бессарабию Антанта рассматривала в качестве «платы» румынской олигархии за борьбу с большевизмом.

В этом плане следует уделить внимание одному примечательному моменту в рамках исследуемого вопроса. Дело в том (как мы в дальнейшем ещё неоднократно увидим), что и румынская дипломатия в межвоенный период, и современная румынская историография, вопреки существующим фактам, лицемерно отрицают участие королевской Румынии в антисоветской интервенции. Во-первых, мы уже привели немало фактов в пользу обратного и ещё приведём. А во-вторых, не следует игнорировать и некоторые свидетельства самих румынских правителей в пользу тезиса об активном участии румынской олигархии в интервенции против советского государства.

Так, в январе 1918 г., отвергнув требование четырёх западных послов возобновить военные действия против германского блока, премьер И. Брэтиану заявил, что, последовав аналогичному совету, Румыния уже атаковала большевиков в Бессарабии⁶⁴. И это не единственное подобного рода признание. Как отмечает американец Ш.Д. Спектор, выступая на Парижской мирной конференции и пытаясь «набрать очки» в глазах Совета четырёх, Брэтиану хвастал, что «Румынии принадлежит заслуга быть первым союзным государством, вступившим в борьбу с большевиками. Она поддержала призыв союзников и захватила Бессарабию»⁶⁵.

10/23 января ЦИК Румчерода сделал официальное заявление французскому, английскому и румынскому консульствам в Одессе, в котором квалифицировал действия королевского правительства как «вероломное нарушение международного права» и просил дипломатов «предпринять шаги к тому, чтобы румынское правительство вывело немедленно свои войска из пределов Российской федеративной республики». На следующий день была обнародована нота протеста ЦИК Румчерода правительству Румынии с осуждением его акций в отношении русских войск. В ней повторялись требования «о выводе румынских войск из пределов Российской федеративной республики»⁶⁶. Ответ консулов сводился к идее, что «ничего серьёзного не произошло», а имели место лишь мелкие, незначительные инциденты⁶⁷.

Идя на антисоветскую интервенцию, румыны оголяли фронт против австро-германских войск, однако командование последних во главе с фельдмаршалом А. Макензеном заверило их, что вверенные ему армии не предпримут наступления на фронте. При этом немцы, для скорейшего достижения своих целей, использовали политику «кнута и пряника»: с одной стороны, предлагали румынам Бессарабию в обмен на скорейшее подписание выгодного им (т.е. немцам) сепаратного мира⁶⁸, включая уступку Добруджи⁶⁹, с другой – шантажировали их снятием дивизий с фронта и направлением их в Бессарабию в нарушение условий Фокшанского перемирия. А начальник штаба Макензена генерал Хелл даже заявил, что, «учитывая интересы Румынии», Германия проявила «благородство» и не воспользовалась выгодной ситуацией, дав тем самым правительству Брэтиану возможность осуществить свои политические планы⁷⁰.

⁶² Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. Chișinău, 1998. P. 165.

⁶³ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 207.

⁶⁴ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 45.

⁶⁵ Ibid. P. 109.

⁶⁶ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 59-60.

⁶⁷ Ibid. С. 61-62.

⁶⁸ См.: Marghiloman A. Note politice. Vol. 2. București, 1994. P. 204, 210, 219, 273, 283, 295.

⁶⁹ Ibid. P. 283.

⁷⁰ См.: Liveanu V. Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului de la Buftea. // Studii și materiale de istorie contemporană. V. I. București, 1956. P. 7-8.

Забегая вперёд, отметим, что, по свидетельству А. Маргиломана[†], 14/27 февраля 1918 г. в ходе переговоров Румынии с австро-германским блоком немцы «неофициально заверили» румын в тождестве их позиций в отношении Советской власти: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевизма в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью»⁷¹. Это было подтверждено румынским премьером 23 марта / 5 апреля во время «переговоров» с лидерами Сфатул Цэрий (И. Инкульцом, П. Халиппой, Д. Чугуриану⁷², к которым присоединился и К. Стере⁷³) в Яссах об ус-

[†] Примечание научного редактора: Прогерманский деятель. С 18 марта 1918 г., премьер-министр Румынии.

⁷¹ Marghiloman A. Note politice. Vol. 3. P. 356-357.

По свидетельству Маргиломана, командующий войсками Четверного союза на Балканах Макензен предлагал румынам Бессарабию ещё в августе 1917 г. // Ibid. P. 79.

⁷² Однако правящая румынская олигархия не доверяла лидерам Сфатул Цэрий. Касательно И. Инкульца и Д. Чугуриану К. Арджетоану подчёркивал, что эти двое «стали добрыми румынами, потому что именно так подул ветер... В них отсутствовали элементарные румынские чувства; они не очень заявляли об этом, так как им было выгодно править (точнее, решать свои грязные делишки) в Кишинёве под прикрытием нашей армии». // Argetoianu C. Memorii. Vol. 5. Bucureşti, 1995. P. 28-29.

⁷³ Примечание научного редактора: Резкие изменения в политической позиции К.Е. Стере, бывшего видного активиста народовольческих организаций в Кишинёве и Одессе в 1883-1884 гг., затем идеолога «румынского варианта» русского либерального народничества и одного из неофициальных лидеров социал-демократической партии Румынии в 1890-е гг., на рубеже XIX-XX вв. сблизившегося с правыми элементами её руководства («великодушными») и попоранистами, ушедшего в Национал-либеральную партию и достигшего в ней видного положения, весьма показательны.

Ещё 4 февраля 1918 г. в своей газете «Lumina», издаваемой в оккупированном немцами Бухаресте, бывший «бессарабский революционер» по поводу введения румынских войск в Бессарабию заявил: «Сегодня яские правители вступают туда (на запрутские земли – В.П.) как завоеватели, вопреки воле Бессарабии, выраженной в Сфатул Цэрий... Румынской армии непростительно переходить Прут только в качестве инструмента контрреволюционной акции, а генералу – командующему ею – лишь в качестве простого сообщника Каледина или Щербачёва». Но после встречи в Яссах с новым румынским премьером, консерваторм и германофилом А. Маргиломаном Константин Егорович отправляется в кишиневский Сфатул Цэрий в качестве «главноуговаривающего» за присоединение Бессарабии к Румынскому королевству.

Организаторы операции «Униря» имели веские основания для беспокойства: даст ли соответствующее голосование в конце марта 1918 года в Сфатул Цэрий «нужный результат»? Сам Стере спустя три года вспоминал: «В этот момент в душах интеллигентов-молдаван разыгрывался болезненный конфликт между симпатиями к русской революции и зовом нации. А у крестьян-молдаван, которые входили в блок под руководством г-на Цыганко, крестьян, которые благодаря революции захватили помещичьи земли, сильны были чувства боязни и недоверия. Они подозрительно смотрели за Прут, где, как они считали, лежала страна феодальная, в которой крестьяне не имеют никаких прав, даже права голоса, и не имеют земли, поскольку аграрная реформа не осуществлена». По мнению другого участника событий Н.А. Поповского, в Сфатул Цэрий «задача Стере была нелегкой». Во-первых, «среди членов этого собрания было много представителей меньшинств, которым была совершенно чужда идея объединения..., их занимало социальное и политическое движение в России, и в этом направлении они считали необходимым действовать и в Бессарабии... Они отнюдь не предусматривали отделение от русского государства, которое сохраняло в их глазах репутацию великой державы, и бросали молдавским националистам обвинение в том, что те «смотрят за Прут». Во-вторых, «многие из молдаван были не подготовлены к тому же впопыхах решать такие вопросы». Вот почему как нельзя был кстати именно такой, как Стере, опытный и изворотливый оратор, хорошо знающий местную обстановку, умеющий действовать и в интеллигентской, и в крестьянской, и в рабочей среде, с отменной поставленной революционной фразеологией.

Прибыв в Кишинев 24 марта, профессор Стере сразу же развивает максимум активности. Уже 25 марта румынский парламентарий выступил на трёх совещаниях: перед Советом генеральных директоров, Молдавским блоком и крестьянской фракцией. Посланец из Ясс активно общался то с одной фракцией, то с другой, переходил с молдавского языка на русский и наоборот. Своего пика его агитационная деятельность достигла 27 марта. Отчитываясь перед приехавшим румынским премьером А. Маргиломаном о проделанной работе, прожженный политик в довольно циничных выражениях доложил: «Было 28 выступлений, проделаны километры болтовни...», пришлось «предстать перед некоторыми революционерами». «Должен прикидываться дурачком с дурачками».

П.Н. Халиппа определяет деятельность Стере в дни подготовки акта 27 марта как «максимальный вклад», «верх дипломатической ловкости», так как новоприбывший агитатор «с одной стороны, должен был прибегать к русской революционной аргументации, чтобы убедить фракцию нацменьшинств и социалистическую фракцию «Сфатул Цэрий», что объединение происходит на основе идей и прав, предоставленных революцией, и побудить их присоединиться к этому акту; с другой стороны – внушить националистическим группам из «молдавского блока» и «крестьянской фракции» веру в шансы присоединения, смелость в действиях и уверенность в конечной победе румынизма». Д. Богос, товарищ министра по военным делам Молдавской республики, сообщает в своих мемуарах, что во время весьма сложной дискуссии с членами крестьянской

фракции во главе с В.В. Цыганко профессор Стере «пустил в ход все искусство», склоняя их голосовать за присоединение к Румынии.

Искусный политический камуфляж – совмещение в одном лице образов «заслуженного российско-бессарабского революционера» и респектабельного румынского буржуазного политика – и внешне складные речи К.Е. Стере сбили с толку многих противников «унири», особенно мало искушённых в политике крестьян-депутатов. Лично сам Константин Егорович впоследствии утверждал: «Лишь в последний момент я сумел отколотить от крестьянского блока, руководимого г-ном Цыганко, крестьян-молдаван, обеспечив таким образом большинство для принятия акта объединения». Об этом же пишет Д. Богос: К. Стере смог «вернуть на путь истинный многих крестьян молдаван» в крестьянской фракции. Как известно, крестьянскую фракцию удалось расколоть, часть ее членов и два члена фракции национальных меньшинств проголосовали 27 марта «за» присоединение к Румынии, ряд других воздержался.

В унионистском «агитпропе» К.Е. Стере в максимальной степени использовал свой ореол «бывшего ссыльного» и «народовольца», свою былую репутацию «защитника крестьян». Председатель Сфатул Цэрий И.К. Икулец представил собравшимся 27 марта 1918 года в здании Краевого Совета профессора Стере как «мученика царского режима» и «борца за лучшие идеалы». Сам же Константин Егорович спустя три года напомнил, какую [важную] роль сыграло «для этих интеллигентов и этих крестьян», его слово «непримиримого борца против царизма». Надо заметить, что и в последующие годы своей политической деятельности бывший народник не упускал случая, чтобы «пустить пыль в глаза своим революционным прошлым», выставляя на показ свои руки, «носившие браслеты царской полиции», на собраниях Цэрэнистской партии в Бессарабии.

Реальные факты биографии К.Е. Стере свидетельствуют, что политическая эксплуатация им своего революционного прошлого есть ни что иное, как эффектный, но дешёвый, популистский приём и откровенная демагогия. За участие в революционном движении студента Новороссийского университета из Кишинёва в 1885 году отправили в политическую ссылку в Сибирь на шесть лет. В 1888 году Стере пишет покаянное письмо директору Департамента полиции, в котором заявляет: «Я искренне и твёрдо решил разорвать как с этими традициями (революционной борьбы – В.П.), так и со всем „подпольным“, что было в моём прошлом в моей жизни», глубоко раскаивается, клянётся никогда не сходить «с пути законности», обещает «своей жизнью... заглаживать увлечение своей молодости» и просит «пощады», т.е. смягчения наказания. Спустя год Константин подаёт прошение аналогичного содержания начальнику Тобольского жандармского управления. Ему удалось убедить в своём чистосердечном раскаянии выдавших виды сибирских жандармов. При их поддержке участь «узника революции» была Департаментом полиции значительно облегчена.

Вращаясь в российской революционной среде почти все 80-е годы XIX в., К.Е. Стере основательно познал побудительные мотивы и цели, принципы взаимоотношений, вообще всю систему морально-нравственных ценностей многонациональной когорты российских юношей и девушек, ставших на путь революционной борьбы. Даже эмигрировав в Румынию, Константин Егорович не мог отрешиться от чувства уважения, если не преклонения перед мужеством революционеров-народников. На следующий год после переезда из российской Бессарабии в Румынию бывший российско-бессарабский революционер написал: «Да, есть страна, где интеллигенция смогла дать примеры бесподобного героизма и самопожертвования; где учащаяся молодёжь тысячами шла на смерть, на каторгу, на берега Северного Ледовитого океана, шла во имя любви к свободе, святой любви к Родине; шла без всякой надежды на воздаяние, без надежды даже на восхищение современников и потомков, ибо имена их оставались и остаются неизвестными. Это интеллигенция России».

Соответственно, К.Е. Стере далеко не понаслышке был знаком с русской революционной моралью, канонами поведения и императивами ко нравственному образу русского революционера, несоблюдение или нарушение которых, по выражению известного философа Н.А. Бердяева, «вело к отлучению не только со стороны революционного общественного мнения, но и со стороны радикального и либерального общественного мнения». Революционеры, обращавшиеся к царским властям с просьбами о помиловании или смягчении наказания, именовались презрительным словом «подаванцы» и покрывались вечным позором. Поэтому, написав прошения в карательные инстанции царского самодержавия, Стере – и он этого не мог не понимать – навсегда вычеркнул себя из боевого содружества российских революционеров. Приведем только один из многих тысяч примеров бесстрашного поведения революционера, не сломленного репрессиями царизма, продемонстрировавшего непоколебимую твердость убеждений и огромную силу духа. Наш земляк М.В. Фрунзе за революционную деятельность в 1909 и 1910 гг. дважды приговаривался царским судом к смертной казни. Его адвокат уговаривал своего подзащитного «отказаться от своих идей – сказать, что участие в борьбе – это заблуждение молодости». Но Фрунзе, тоже ранее студент, лишь на один – два года старше тогда Стере, в сходной ситуации, с той, однако, разницей, что ему грозила не ссылка, а утрата жизни, категорически отклонил предложение написать прошение о помиловании.

Бравируя своим революционным прошлым, К.Е. Стере рассчитывал, что факт его отступничества останется скрытым от широкой общественности. Однако редакция советского историко-революционного издания «Каторга и ссылка», разбирая жандармско-судебные фонды времен царского самодержавия, добралась и до оригиналов покаянных писем бывшего бессарабского революционера, о чем оповестила своих читателей. Затем текст первого письма с комментариями опубликовал журнал «Красная Бессарабия». Бухарестская газета «Dimineața» поспешила в том же 1932 г. проинтервьюировать цэрэниста-демократа на сей счет. Вначале Константин Егорович попытался отрицать факт написания покаянного письма, но затем вынужден был признать

ловиях «объединения», когда он ознакомил делегатов «бессарабского парламента» с позицией Центральных держав, не выдвигавших никаких возражений против «объединения» Бессарабии с Румынией⁷³.

Наш вывод подтверждается и многими другими фактами. Так, например, во время тех же переговоров с немцами, пытаясь добиться более выгодных условий мира, новый румынский премьер А. Авереску заявил германскому министру иностранных дел Кюльману, что «вообще Бессарабия заражена большевизмом, и присоединять её к королевству опасно». На это Кюльман цинично ответил: «Вам достаточно расстрелять каждого десятого и восстановить порядок»⁷⁴. Однако правящая клика Румынии, «умиротворяя» Бессарабию, и без германских советов следовала именно по данному пути.

Правда, большинство румынских историков, не отрицая немецких предложений в обмен на потерю Добруджи «отдать» Румынии Бессарабию, отрицает согласие румынской стороны на эту сделку. К примеру, П. Черноводяну отмечает, что «для облегчения последствий от потери Добруджи, с чем генерал Авереску не согласился, представители Центральных держав дали ему понять, что не будут возражать против аннексии Бессарабии Румынией... Но румынское правительство с возмущением отвергло подобный „трюк“, так как не соглашалось на „аннексию“ Бессарабии, а выступало за свободное волеизъявление её населения по вопросу о воссоединении с Румынией, и ни за что не воспринимало Добруджу в качестве обменной монеты... Его Величество не поддался на подобный шантаж и отметил, что ни в коем случае нельзя отдавать всю Добруджу, а максимум лишь Кадрилатер^г и что нет никакой связи между этой провинцией и вопросом о Бессарабии»⁷⁵. Послушать Черноводяну, складывается убеждение, что Фердинанд Гогенцоллерн был сторонником ленинского принципа о самоопределении народов...

Однако позиция Германии в бессарабском вопросе видна и из того, что, согласно подписанному Румынией с Центральными державами в Буффе 5/18 марта 1918 г. предварительному мирному договору⁷⁶,

---

его, оправдываясь тем, что это было сделано в «миг колебания и слабости». Сразу тогда возникает следующий вопрос: если это – проявление «кратковременной слабости», то почему Вы, уважаемый через год опять подали аналогичное прошение (о чем, естественно, интервьюируемый постарался умолчать)?

О том, что Стере задолго до 1917 г. перестал быть «непримиримым борцом против царизма» свидетельствует и история об его «Каноссе в Констанцу». Константин Егорович приложил ощутимые усилия, чтобы быть включенным в число румынских государственных лиц, встречавших и представлявших российскому императору Николаю II, во время визита последнего в Констанцу в июне 1914 г. Его кандидатура первоначально официальным Петербургом была отклонена, но после заверений румынского премьера И.И.К. Брэтиану, что «прегрешение» Стере «в России» было «грехом молодости», «в коем он бы теперь принёс повинную в Констанце», румынский парламентарий был допущен к особе царя.

Большинство представителей тогдашней румынской общественности сошлось во мнении, что «Стере был доставлен туда в знак капитуляции перед русским царизмом, против которого он некогда восстал». // См.: История Молдавии. Документы и материалы. Т. 4. Положение крестьян и общественно-политическое движение в Бессарабии (1861-1895 гг.). Кишинев, 1964. С. 596, 599, 605, 609, 614-619, 622-623, 625, 630-632, 634, 644-645, 653-654, 683; Stere C. Marele război și politica României. București, 1918. P. 395; Stere C. Un caz de conștiință. București, 1921. P. 61-62; Bogos D. La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917-1918. Chișinău, 1924. P. 134, 139; Marghiloman A. Note politice. Vol. 3. București, 1927. P. 456; Дембо В. Константин Стере. // Красная Бессарабия. 1930, январь, № 1. С. 19-20; Лурье Г. Ещё о «Журнале политической ссылки» и о предыстории 1889 года. // Каторга и ссылка. 1932, № 3. С. 142-148, 156, 157; Viața românească. 1937, Nr. 1-3. P. 40, 112-113; Волтурин Д. Глашатай революционных сил Бессарабии. // Кодры. 1969, № 9. С. 138; Bacalbașa C. Bucureștii de altă dată. V. IV. București, 1936. P. 171; Ornea Z. Poporanismul. București, 1972. P. 38-39, 283-284; Ornea Z. Viața lui C. Stere. București, 1991; Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 87; Гросул В.Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883-1895 гг. М., 1988. С. 194, 239, 240, 242; Мадиевский С.А. Политический путь Константина Стере. // Revista de istorie a Moldovei. 1990, Nr. 2 (2). P. 28-32, 36-39, 45; Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. P. 178, 179; Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). С. 236, 360, 362, 364, 367-368; Иванова З., Пенова А. Всегда на линии огня. // Солдаты революции. Док. очерки. Кишинев, 1977. С. 21-23.

⁷³ Marghiloman A. Note politice. Vol. 3. P. 439, 443-444, 448-451.

По мнению Дуки, Маргилومان считал, что все потери Румынии на переговорах с германским блоком, понесённые по вине Авереску и Арджетоюну, были «с лихвой компенсированы одобренной Центральными державами аннексией Бессарабии». // Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 94-95.

⁷⁴ Виноградов В.Н. Румыния в международных отношениях (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). // Вопросы истории. 1968, № 10. С. 14.

^г Примечание научного редактора: По-румынски, Южная часть Добруджи, входящая в состав Болгарии.

⁷⁵ Cernovodeanu P. Basarabia. P. 154; ту же мысль высказывает автор и на С. 156; см. также: Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 86; Chirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. 1916-1919. Vol. 2. București, 1989. P. 255; Bobeică A. Sfatul Țării. P. 137.

⁷⁶ Подробнее см.: Нотович Ф.И. Бухарестский мир, 1918. М., 1959.

Условия того договора были кабальными для Румынии. Фактически, в экономическом плане страна превращалась в полуколонии Германии. В собственность или аренду на 90 лет к немцам и австрийцам переходили нефтепромыслы, верфи, железные дороги, многие предприятия в Добрудже, леса и лесная промышленность, а также лучшие земли вдоль Дуная, годные для строительства экономических объектов. Румыния

численность румынской армии серьёзно ограничивалась, в то время как в Бессарабии румынскому правительству была предоставлена полная свобода действий и численность его войск и вооружения здесь не лимитировались⁷⁷. В связи с этим Константин Кирицеску отмечает, что «армии не будут выдвинуты унижительные условия; она даже сможет оставаться мобилизованной для использования в Бессарабии»⁷⁸. Таким образом, «благожелательный нейтралитет» Германии развязал румынским правителям руки для захвата Бессарабии, а насколько «свободным» было «волеизъявление» населения края, мы видели выше.

Вот как оценивает данную ситуацию ван Мёрс: «Кроме отказа от Южной Добруджи и некоторых незначительных территорий на западной границе, Румынии навязывалась демобилизация армии. Но всё же мирный договор в Буффе включал (секретное) соглашение об аннексии Бессарабии. Немцы дали добро на аннексию Бессарабии, в обмен на право переброски собственных войск через Бессарабию для оккупации Украины». Ниже автор отмечает, что «румынское владычество над Бессарабией было обеспечено..., в первую очередь, немецкой оккупацией Украины» и тем фактом, что «Красная Армия находилась на расстоянии в 1000 км от Кишинёва, а новое румынское правительство получило одобрение Берлина на аннексию Бессарабии»⁷⁹.

Академик А. Лазарев также приходит к выводу, что, «заключив прелиминарный договор с Центральными державами, Румыния получила возможность не только нарушить советско-румынское соглашение от 5-9 марта 1918 года* об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев, но и закрепиться в оккупированном крае, а также участвовать вместе с австро-германскими, а затем с французскими войсками в военных действиях против Советской власти на территории левобережной Молдавии и юга Украины»⁸⁰. Американский историк Ш. Дэвид Спектор приходит к идентичному выводу по данному вопросу, отмечая, что, по Бухарестскому миру, «судьба Бессарабии не упоминалась, однако было получено добро на захват провинции»⁸¹.

Поддержали румынские претензии на Бессарабию и представители западных стран. Так, например, И.Г. Дука вспоминает, что представитель Великобритании Барклай говорил И. Инкульцу: «Делайте, что хотите», – предоставив, таким образом, «унионистам» свободу действий. Представитель США Чарльз Вписка «заверил его в полной поддержке со стороны Соединённых Штатов», а «Сент-Олер сообщил ему, что и Франция согласна» на это⁸².

Однако, как мы уже отмечали, официально они стремились представить румынское вторжение как «вынужденное» и «гарантировали» его временный характер. Так, 21 февраля 1918 года, от имени дипломатических представителей держав Согласия, дуайен дипломатического корпуса при румынском правительстве барон Фашиотти отправил официальную ноту всем союзным консулам и представителям в Одессе, оригинал которой был передан советским властям. В ней отмечалось: «Что касается Бессарабии, то вы помните, что вмешательство румынских войск является военной оккупацией безо всякого политического характера, предпринятой в полном согласии с союзниками и бессарабскими властями с очевидной гуманитарной целью обеспечить продовольствием русские и румынские войска, а также и гражданское население»⁸³. Т.е., страны Антанты официально обещали эвакуировать впоследствии румынские войска из Бессарабии, подразумевая её российской территорией.

Оккупация Пруто-Днестровского междуречья. 12/25 января 1918 г., за день до вступления румынской армии в Кишинёв, её командующий генерал Презан заявил в воззвании к населению Бессарабии, что румынские войска вступили в край по приглашению Сфатул Цэрий в целях охраны оружейных и продовольственных складов и обеспечения заготовки и перевозки провианта для снабжения русских и румынских войск Румынского фронта⁸⁴. Он лицемерно опровергал слухи о том, будто Румыния хочет оккупировать Бессарабию. Выше мы уже приводили по этому поводу высказывания не только Презана,

---

должна была выплатить контрибуцию более чем в 5 миллиардов леев. Всю свою сельхозпродукцию вплоть до 1926 года Румыния должна была поставлять только Германии по заранее установленным заниженным ценам. Все хлебные запасы переходили в германские руки. Оккупированная румынская территория стала объектом неприкрытого грабежа, а Бессарабию немцы «уступили» румынам в качестве «компенсации». // Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917-1940. М., 2010. С. 57-58.

⁷⁷ См.: Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 48; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 89, 175.

⁷⁸ Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. P. 314.

⁷⁹ Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 87, 89.

* Об этом пойдёт речь ниже.

⁸⁰ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 175; см. также: С. 177-178.

⁸¹ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 49.

⁸² Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 86; см. также: Chirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. P. 255; Bobeică A. Sfatul Țării. P. 135; Ghibu O. Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917-1918). Amintiri. Chișinău, 1992. P. 455, 461-462.

⁸³ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 239, 264; см. также: Nanu F.C. Politica externă a României. 1918-1933. Iași, 1993. P. 109.

⁸⁴ Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente, București, 1929. P. 194-195, doc. CXLIII; Cernovodeanu P. Basarabia. P. 151.

но и другого румынского генерала – Броштяну. Эти разглазольствования были лишь камуфляжем, что, как уже отмечалось, подтвердил позже с парламентской трибуны вице-премьер Таке Ионеску.

Бухарестский историк Фл. Константиу приводит следующие аргументы в пользу румынского вмешательства в дела возрождённого молдавского государства: «Хаос, спровоцированный в России великими политическими изменениями, задел и Бессарабию, где находились склады румынской армии и пути коммуникаций, по которым доставлялись боеприпасы и военное снаряжение до тех пор, пока Россия участвовала в войне. Безопасность бессарабского пространства была составной частью безопасности молдавского пространства, которое на то время представляло свободное румынское государство»⁸⁵. Далее он отмечает, что действия румынской армии и разоружение советских частей, находившихся в Бессарабии, вызвали жёсткую реакцию со стороны Советского правительства: 1/14 января 1918 года в Петрограде были арестованы посол К. Диаманди и члены румынской военной миссии. 13/26 января Советское правительство заявило, что «прерывает дипломатические отношения с Румынией и конфискует казну», эвакуированную в Россию после начала германского наступления на румыно-германском фронте⁸⁶.

Вслед за разрывом дипломатических отношений⁸⁷, в тот же день СНК РСФСР констатировал «состояние войны» между Румынией и Россией, подчеркнув, что «румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики»⁸⁸. В постановлении Румчерода от 23 января / 5 февраля 1918 г. говорится: «Ввиду того, что румыны обманным образом попали в Россию, оккупировали Бессарабию, разграбив в ней сёла и города, ввиду того, что Совет Народных Комиссаров, исчерпав все возможные средства, прервал всякие сношения с Румынией, ЦИК Румчерода постановил считать себя на положении войны с Румынией»⁸⁹. 11/24 февраля Румчерод потребовал у румынской стороны немедленной эвакуации её войск с территории между Прутом и Днестром, но получил отказ на это требование⁹⁰.

Правительство Ленина не признало румынскую оккупацию Бессарабии⁹¹ и вновь потребовало эвакуации румынских войск. Дело в том, что в январе-феврале 1918 г. были разгромлены Центральная Рада и атаман А.М. Каледин, в отчаянии застрелившийся⁹². Это серьёзно улучшило положение Советской республики, войска которой вышли к Днестру. Произошло это в условиях продолжавшихся на юге и севере Бессарабии боёв с румынскими оккупационными войсками. В.И. Ленин требовал от командования революционных войск «действовать как можно энергичнее на Румынском фронте»⁹³.

Не следует также забывать об усилившемся дипломатическом давлении немцев на правительство И. Брэтиану, при том, что союзники, поддерживая антисоветские действия румынской олигархии, соглашались на заключение сепаратного мира ещё не давали. Более того, 20 января (2 февраля) 1918 г. посланники стран Антанты вручили премьеру коллективное письмо, в котором отвергали идею сепаратного мира: «Наши правительства подтвердили... свою уверенность в том, что Румыния... будет продолжать борьбу с той же энергией, как и в прошлом, и не отделит своей судьбы от судьбы союзников»⁹⁴.

⁸⁵ Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. Buc., 1997. P. 286-287.

⁸⁶ Ibid. P. 289; см. также: Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 84; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 90; Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria. P. 171.

⁸⁷ Примечание научного редактора: СНК принял следующее постановление:

«1. Все дипломатические отношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и вообще все агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путём.

2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии».

Щербачёв был объявлен «врагом народа» и поставлен «вне закона». // ДВП СССР. Т. 1. С. 40.

⁸⁸ Ibid. С. 89-90.

⁸⁹ За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов. Сборник документов... С. 53.

⁹⁰ Politică externă a României. Dicţionar cronologic. Bucureşti, 1986. P. 164; Cernovodeanu P. Basarabia. P. 153.

⁹¹ Правда, некоторые пытаются доказать обратное – будто Ленин одобрил одобрение Бессарабии от России и подтвердил это в личной беседе с П. Халиппой. «Данный способ самоорганизации бессарабских румын удивил даже гениального борца В.И. Ленина; он поздравил нас и призвал продолжить борьбу так, как диктует нам наша совесть и интересы народа. Нашим делегатам во главе с Паном Халиппой В.И. Ленин говорил: „Вы единственные среди национальных меньшинств, имеющие парламент, и его посредством осуществите всё, чего требует ваш народ; можете отделиться от России и, если пожелаете, можете объединиться с вашими румынскими братьями, но будьте бдительны, так как там господствует боярская олигархия”». // Halippa P., Moraru A. Testament pentru urmaşi. Chişinău, 1991. P. 150.

Естественно, что подобного не было и быть не могло, а утверждения Халиппы являются абсолютной ложью. Они лишь подтверждают, насколько данный «мемуарист» искривлен, и предупреждают, в какой степени ему следует доверять.

⁹² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 164, Т. 45. С. 168; Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977. С. 226-227; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 249.

⁹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 41.

⁹⁴ Левит И.Э. Молдавская республика. С. 303.

В эти дни итальянский министр иностранных дел Сонино сообщил румынскому послу в Риме позицию Верховного совета Антанты по данной проблеме, сводившуюся к тому, что со временем «предательство»

Понимая, что согласия своих союзников на сепаратный мир с австро-германским блоком им не получить, И. Брэтиану и Таке Ионеску решили «честь сохранить» и временно, до конца войны, уйти в отставку, передав бразды правления (а заодно и «честь» подписания унизительного сепаратного мира) германофилам во главе с А. Маргиломаном⁹⁴. 23 января (5 февраля) 1918 г. новое правительство сформировал генерал А. Авереску⁹⁵. В его задачу входило затянуть переговоры с немцами и создать у Антанты впечатление в «неизбежности» заключения Румынией сепаратного мира⁹⁶. Но и ему этого добиться не удалось.

5/18 февраля состоялась встреча А. Авереску с А. Макензенем^г, в ходе которой, среди прочего, немцы выдвинули румынам следующее «выгодное обеим сторонам» условие: «Вся румынская армия получает свободу рук для военных действий против большевиков, соответственно против петроградского правительства, до тех пор, пока последнее не подпишет мира с Центральными державами и Румынией»⁹⁷. Румынам это было нужно для окончательного захвата Пруту-Днестровской Молдовы, а немцам – для дополнительного давления на Советское правительство. Германский фельдмаршал заверил премьера, что Румыния сможет сохранить «армию в состоянии мобилизации и использовать её в Бессарабии для борьбы с большевиками. Не исключено, – писал Авереску, – что нам будет оказана помощь путём взаимодействия в России»⁹⁸.

В этот же день возобновилось немецкое наступление на Восточном фронте^{г2} и, развиваясь всё шире,

---

будет прощено: «Румыния никогда не получит со стороны Антанты согласия на сепаратный мир», чтобы не создавать прецедентов для выхода других стран из войны. Но при этом добавил, что «г-н Брэтиану должен знать, что церковь иногда даёт отпущение грехов, но никогда не делает этого заранее». // Цит. по: Liveanu V. Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului de la Buftia (5 martie 1918). // Studii și materiale de istorie contemporană. V. I. București, 1956. P. 21; см. также: Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 43.

Однако, несмотря на это, И. Брэтиану упорно добивался от держав Антанты разрешения на заключение сепаратного мира, опасаясь, что в обратном случае после их победы договор 1916 г. о союзнничестве не будет соблюден. И хотя, как мы уже отмечали, союзники не давали румынам заранее индульгенции, их позицию 18 февраля (3 марта) ещё раз озвучил французский министр иностранных дел С. Пишон в беседе с румынским посланником в Париже В. Антонеску: «Что бы ни случилось, Франция не откажется от своей традиционной политики в отношении Румынии и рассматривает мир, который она вынуждена будет подписать, как подлежащий пересмотру, как мимолётное несчастье». // Studii și materiale de istorie contemporană. P. 50.

⁹⁴ И.Г. Дука свидетельствовал: «Главной целью, ради которой Маргиломан был призван к власти, было подписание мира. В понимании Короля и Брэтиану смысл его деятельности состоял в обеспечении, до всеобщего мира, такого *modus vivendi*, который приняли бы Центральные державы». // Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 94.

Представляет интерес и комментарий американского исследователя С.Д. Спектора в связи с назначением королём Фердинандом А. Маргиломана на пост главы правительства по рекомендации Брэтиану: «Назначение Маргиломана основывалось на двух соображениях: 1) если союзники выиграют войну, его режим окажется дискредитированным и будет заменён либеральным правительством, которое попытается реализовать претензии Румынии и восстановить её статус союзного государства; 2) если победят Центральные державы, Румыния, как минимум, сумеет сохранить Бессарабию и воспользоваться длительным миром... Либеральный вождь (т.е. Брэтиану – С.Н.) в любом случае нёс ответственность за назначение Маргиломана и, в конечном итоге, за Бухарестский мир, подписанный 7 мая 1918 года». // Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 48.

⁹⁵ Aversescu A. Notițe zilnice. P. 285-286.

⁹⁶ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 57.

^г Примечание научного редактора: Тем временем, выйдя к Днестру, румынские войска попробовали захватить плацдарм на противоположном берегу в районе Рыбницы до 17 февраля (2 марта) 1918 г., т.е. значительно раньше начала немецкого наступления.

⁹⁷ Liveanu V. Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului de la Buftia. // Studii și materiale de istorie contemporană. V. I. P. 37.

⁹⁸ Aversescu A. Notițe zilnice. P. 291.

Уже прибывшей 5 марта в Буфтию для подписания прелиминарного мирного договора, румынской делегации немцами и австрийцами были навязаны дополнительные тяжелейшие условия, включая демобилизацию не пяти, как было ранее условлено, а восемью дивизий. Однако остальную часть войск румынам сохраняли «для обеспечения безопасности на русско-румынской границе», другими словами, для борьбы с Советской властью. // См.: Нотович Ф.И. Бухарестский мир. С. 155-156; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 85.

^{г2} Примечание научного редактора: Германское наступление на Восточном фронте началось 18 февраля 1918 г. Австро-Венгрия из-за внутривойсковых сложностей подключилась к нему несколько позднее – 24 февраля. Основные силы германского блока были брошены в наступление на Украину: от Германии 20 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, от Австро-Венгрии 8 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, всего около 450-500 тыс. человек. Им противостояли лишь небольшие красновардейские отряды и отдельные революционизированные части старой армии из состава Юго-Западного и Румынского фронтов, в количестве всего около 20-25 тыс. бойцов, т.е. советские войска уступали германо-австрийским полчищам по численности в

поставило Российскую республику в тяжелейшее положение⁹⁹. Воспользовавшись этим, румыны форсировали Днестр в районе Рыбницы, развернули наступление в направлении Воронково, однако были наголову разгромлены¹⁰⁰. Выход революционных советских войск к Днестру, продолжение сопротивления бессарабцев оккупации края, немецкое давление¹⁰¹ и отказ союзников разрешить заключение сепаратного мира, – все эти факторы момента привели к тому, что первоначально игнорировавшее советские протесты румынское правительство обеспокоилось и повело себя в отношении РСФСР иначе.

Советско-румынское соглашение об очищении Бессарабии. По инициативе В.И. Ленина СНК образовал и направил в Одессу «Высшую автономную коллегия по русско-румынским делам», которой было поручено ведение всех дел, касающихся взаимоотношений России с Румынией¹⁰². В результате переговоров между представителем Советского правительства Х. Раковским и главой румынского правительства А. Авереску при посредничестве представителей западных союзников, – французского эмиссара Аркье и канадского полковника Д. Бойля, – 5-9 марта 1918 г. было подписано советско-румынское соглашение, в котором указывалось: «Румыния обязуется покинуть Бессарабию в течение 2 месяцев... В Бессарабии остаётся отряд в 10000 человек для охраны румынских складов и железных дорог. Сразу после подписания соглашения охрана порядка в Бессарабии переходит в руки местной городской и сельской милиции. Румынское командование отказывается от арестов и от исполнения каких-либо правовых или административных функций, относящихся к полномочиям избираемых местных властей»¹⁰³.

23 февраля / 8 марта румынская сторона заявила, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным»¹⁰⁴. Даже академик И.М. Опря (правда, вновь противореча себе же и на той же странице¹⁰⁵) приз-

---

15-20 раз. Поэтому, проявляя бесспорное мужество и героизм в боевых действиях, советские отряды не могли остановить наступление интервентов и отступали на юго-восток в глубь страны. 18-20 февраля кайзеровские дивизии смогли овладеть Луцком и Ровно, а 1 марта комбинированным наступлением с трёх направлений взяли Киев.

В начале марта в районе железнодорожных станций Слободка и Бирзула развернулись упорные бои. В них с 5 марта приняли участие части 3-й Особой революционной армии, в рядах которых сражались многие бессарабцы и жители Левобережья Днестра, а также румынские интернационалисты. Молодые красноармейские формирования нанесли большие потери австро-германцам и гайдамакам, но под напором превосходящих сил врага отошли затем к ст. Раздельной, где бои длились до 11 марта. Последним через уже занятую противником Раздельную к ст. Березовка прорвался добровольческий отряд Г.И. Котовского. В ночь на 14 марта 1918 года австро-германские войска вошли в Одессу.

⁹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 339.

¹⁰⁰ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 139.

¹⁰¹ «Выкручивание рук» румынам немцами продолжалось вплоть до подписания мирного договора. // См.: Левит И.Э. Молдавская республика. С. 324-328.

¹⁰² ДВП СССР. Т. 1. С. 111.

Следует отметить, что телеграммой от 17 февраля 1918 г. Владимир Ильич предписал причислить войска Республики, освободившие Киев, в распоряжение данной Коллегии с целью очищения Бессарабии от румынских захватчиков. Однако, как уже отмечалось, немецкое наступление на Украине не позволило выполнить эту задачу. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т., 50.

* Следует обратить внимание, что во время этих переговоров ни одна из сторон, а также представители западных союзников, не ссылались на факт существования «независимой» Молдавской республики.

¹⁰³ ДВП СССР. Т. 1. С. 210-211; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 179, 216-217; Советско-румынские отношения 1917-1941. Т. 1. С. 26-28; *Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 26-27; Boldur A. La Bessarabie et les Relations Russo-Roumaines. Paris, 1927, 384-385; Brătianu Gh. I. Basarabia. Drep-turi naționale și istorice. București, 1995. P. 57; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei... P. 88.*

¹⁰⁴ ДВП СССР. Т. 1. С. 207; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 215.

Однако в наши дни в румынской историографии господствуют абсолютно другие интерпретации данного документа: будто бы в нём, чётко и без всяких оговорок, не предусмотрен отвод румынских войск и присутствуют какие-то тезисы с «двойным пониманием». Так, Флорин Константиу пишет об этом соглашении, что только «советская сторона интерпретировала его в качестве обязательства вывода румынских войск из Бессарабии». // *Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 289.*

Ион М. Опря утверждает, что договорённость от 5-9 февраля «не обязывала румынского премьер-министра к эвакуации своих войск из Бессарабии». // *Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 187.*

А молдавский историк Лидия Пэдуряк считает, что «указанное „соглашение“ не имело юридической силы». // *Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 27.*

Почему «не имело», она не поясняет, видимо, ей так хочется, ведь наш «историк» в первую очередь является «добрым румынским патриотом».

Правда, другой известный румынский историк, убеждённый сторонник идеи «Великой Румынии» Георгий Брэтиану ещё в 1943 г. писал по этому поводу: «Было даже заключено соглашение, по которому румынским войскам следовало срочно покинуть Бессарабию (немедленное оставление Бендер-Тигины отвергалось), за исключением охраны железных дорог и румынских складов, и не допускалось никакое вмешательство во внутреннюю политику страны... Данное чисто техническое соглашение не имело никакого полити-

наёт, что «в результате данного обмена нотами обе стороны посчитали конфликт исчерпанным»¹⁰⁶. По мнению этого историка, в феврале 1918 г. Авереску принял требования об очищении Бессарабии «за исключением условия, предусматривающего немедленное освобождение Бендер»¹⁰⁷. Здесь же автор отмечает, что соглашение предполагало необходимость освобождения всех арестованных в России румын и всех россиян, арестованных в Румынии.

Так же думали и советские представители. 26 февраля / 11 марта они телеграфировали об этом в Совнарком¹⁰⁸. 15 марта Х.Г. Раковский отправил на имя В.И. Ленина отчёт о своей деятельности. Он начинался словами: «Приехали с задачей погнать румынские контрреволюционные силы из Бессарабии и вызвать революционное движение в Румынии. Я был вынужден из-за создавшегося на юге катастрофического положения вследствие австро-германско-украинского наступления остановиться на полдо-

---

ческого характера: Румыния не стремилась влиять на дела молдавской республики и ограничивалась защитой своих военных интересов». // Brătianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naționale și istorice. P. 57.

Таким образом, воленс-ноленс Г. Брэтиану признаёт, что суть договора между Авереску и Раковским состояла в обязанности Румынии очистить Бессарабию от своих войск, и то, что данное соглашение подтверждало тот факт, что Румыния не обладала никакими правами на наш край и он никак не принадлежал ей. В этом смысле Брэтиану против своей воли признаёт именно политический характер «соглашения Авереску-Раковский». А тезис о румынских «исторических и этнических правах» на Бессарабию, о её якобы «румынском характере» появился позже и имел целью «узаконить» аннексию Пруто-Днестровского междуречья бухарестской полуфеодальной олигархией.

¹⁰⁵ «Однако это соглашение не решило застарелую территориальную проблему в отношениях Румынии с Россией, ведь Бессарабия пока не находилась в составе Румынии». // Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 241.

И вот как при помощи демагогической лингвистической эквилибристики (по-русски подобное называют словоблудием), ничего общего не имеющей ни с историческими фактами, ни с принципами международного права, г-н Опря пытается подтвердить свой тезис: Так как соглашение Раковский – Авереску предусматривало оставление 10-тысячного румынского отряда в Бендерах для охраны румынских складов, он, ссылаясь на выступление Авереску в парламенте Румынии в августе 1918 г. о том, что, если «освобождение „не начать с Бендер, то и в целом освобождение Бессарабии является невозможным”», приходит к следующему выводу: «В свете этих неоспоримых фактов, утверждение, будто бы Румыния отказалась от Бессарабии в силу соглашения между Авереску и Раковским, является не просто исторической неточностью, но и, в первую очередь, юридической и фактической неправдой».

В продолжение г-н Опря, пытаясь подтвердить свой тезис о правомочности неисполнения румынской стороной соглашения от 5-9 марта, опровергает основополагающий принцип всей националистической румынской историографии, а именно: «Бессарабия – румынская земля!». Он признаёт, что Румыния не могла отказаться «от Бессарабии уже потому, что на момент подписания соглашения, то есть 8 марта 1918 года, эта провинция была независимым и суверенным государством». // Ibid. P. 243.

Правда, один лишь Опря знает, как «провинция» одновременно могла быть «независимым и суверенным государством»! Однако важнее тот факт, что он, против собственной воли, признаёт, что «Бессарабия – не румынская земля!» и что «8 марта 1918 года» она находилась под румынской военной оккупацией, которую И. Опря пытается скрыть под словоблудие о «независимости».

Также, на многих страницах, автор пытается доказать незаконность большевистского правительства, выводя из этого необязательность исполнения договорённостей с Советами. Тогда почему румынское правительство подписывало соглашения с представителями этого правительства и брало на себя обязательства перед ним?! Но вскоре после анализируемых событий (между 1919 и 1934 годами) данное правительство было признано всем международным сообществом. И тогда как понимать, – было оно «законным» или нет?! Или стало «законным» лишь после его признания румынами?!

«Более того, – продолжает И.М. Опря, – до истечения предусмотренных ультиматумом Румчерода двух месяцев для отступления румынской армии, а именно 27 марта 1918 года Сфатул Цэрий принял решение об объединении Бессарабии с Румынией («законность» этого действия см. § 2 данной главы – С.Н.). Таким образом, даже если соглашение Авереску – Раковский и не было бы столь порочным по форме и существу, оно становилось беспредметным в момент возврата Бессарабии внутрь румынских границ». // Ibid. P. 244.

Исходя из логики господ Опри & К⁰, любой договор или соглашение, заключённые когда-либо румынским правительством с другой стороной, но вступившие в противоречие с румынским постулатом об «этническом, национальном, государственном и территориальном единстве всех румын», являются изначально необязательными к исполнению. Что стало бы с международным правом, если данный «принцип» стал бы нормой межгосударственных отношений?! Что стало бы с территориальной целостностью Румынии, если бы Венгрия, Сербия, Болгария, Молдова и Украина в своих взаимоотношениях с Бухарестом руководствовались «нормой», выведенной г-ном Опрей и другими сторонниками румынского шовинизма?! К счастью (и в первую очередь для самой Румынии), в международном праве господствует принцип обязательного и строжайшего исполнения буквы заключённых между государствами и правительствами договоров.

¹⁰⁶ Ibid. P. 241.

¹⁰⁷ Ibid. P. 240.

¹⁰⁸ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 144-147.

роге и согласиться на подписание мирного договора с Румынией, обеспечивающего нам Бессарабию»¹⁰⁹. «Приведённая выдержка из отчёта содержит признание того, — отмечает И. Левит, — что задача, стоявшая перед Раковским — С.Н.), не ограничивалась только изгнанием румынских войск из Бессарабии, но и включала в себя экспорт революции в соседнее государство силами советских войск»¹¹⁰.

21 марта генеральный консул Румынии в Москве Н.Г. Герен повторно информировал Наркоминдел РСФСР о ликвидации «возникшего между румынским правительством и советской властью конфликта». 31 марта «Известия» оповестили об этом общественность. 27 марта НКВД предложил приступить к осуществлению соглашения во всём его объёме¹¹¹. Всё это свидетельствовало о признании и одобрении достигнутой договорённости, о том, что как у главы румынского правительства А. Авереску, так и у дипломатов Антанты его законность и необходимость его выполнения не вызывали никаких сомнений.

Однако из-за ухудшения военного положения Советской Республики, вызванного германским наступлением по всему фронту, румынские правящие круги проигнорировали выполнение взятых на себя обязательств¹¹², — обязательств, подтверждённых, как мы выше показали, и западными странами. Наша констатация подтверждается и выводом молдавского исследователя А. Мораря: «Правители королевской Румынии не выполнили взятые на себя обязательства. Воспользовавшись тем, что австро-германские войска, по сговору с Центральной Радой, оккупировали Украину и Левобережную Молдавию..., Румыния продолжила и расширила оккупацию Бессарабии. Более того, правители королевства поспешили придать разбойничьему захвату края видимость законности»¹¹³.

С Антоном Морарём полностью согласен и американец Ш.Д. Спектор: «Румыния и не собиралась выполнить свои обязательства (по «конвенции Раковский — Авереску» — С.Н.), тем более, что менее чем через месяц появилась возможность формального присоединения Бессарабии. Данная возможность была предоставлена оккупировавшими Украину немцами и отступлением большевиков»¹¹⁴. Согласился с ним даже румынский академик И.М. Опря, признавший, что начатое немцами наступление на Украину стало основной причиной невыполнения румынской стороной взятых на себя обязательств¹¹⁵.

Но с точки зрения международного права подписание этого документа означало официальное признание румынским правительством незаконного характера оккупации Молдавской республики. Более того, выполнение соглашения от 5-9 марта от имени союзных держав было гарантировано присутствовавшими при его подписании указанными выше официальными лицами. Так, в радиোগрамме правительства Украины председателю Парижской конференции Ж. Клемансо (копия В. Вильсону), отправленной 7 февраля 1919 г., подчёркивалось, что данное соглашение «остаётся торжественным международным

¹⁰⁹ Цит. по: Левит И.Э. Молдавская республика. С. 334; см. также: *Relațiile româno-sovietice. Documente*. Vol. 1. P. 28, 29; Советско-румынские отношения 1917-1941. Т. 1. С. 25.

¹¹⁰ Левит И.Э. Молдавская республика. С. 334.

Идеи экспорта революции в Румынию и далее на Запад были присущи Раковскому и позже. Так, например, 28 апреля 1919 г., в телефонном разговоре по прямому проводу с Москвой он предлагал отправить румынскому правительству и его гарантам ноту, которая явилась бы «политической демонстрацией», сопровождающей советское наступление на Буковину и Бессарабию. «Центральным пунктом в этой ноте может стать русско-румынский договор от 5 марта прошлого года. Он составляет для нас удобную прямую основу для военных действий против румын, объектом которых мы поставим Бессарабию, а фактически — низвержение румынской буржуазии и объединение по её трупам с Венгрией. Эта политическая демонстрация поднимет настроение в Венгрии. Операцию против румын мы подготовляем, используя явным образом интернациональные и бессарабские элементы... Я лично считаю, что наши операции в Буковине и Бессарабии мы будем проводить под местной фирмой, не афишируя себя. Для Бессарабии в Одессе уже подготовлено бессарабское правительство..., которое состоит из бессарабских товарищей». // Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 268.

¹¹¹ Ibid. С. 180.

¹¹² Вот как комментирует этот факт российский историк М.И. Мельтюхов: «Из всего советско-румынского договора был выполнен лишь пункт об обмене пленными и интернированными. 19-24 марта 1918 г. в Сулине 92 румынских сенатора, депутата парламента и офицера были обменены на 73 офицеров и солдат русской армии из румынских лагерей. Как вспоминал позднее бывший выборный командующий 4-й армией И. Кондурушкин, „достаточно было взглянуть при нашем обмене в Сулине на румынских сенаторов, привезённых из России: круглые сдобные морды, цилиндры, тросточки, машинки, горы багажа, и сравнить с ними нас: грязные, оборванные, обобшивевшие, обросшие волосами, обобранные до последней лишней пары солдатских портянок, три месяца не видевшие бани и свежего белья, чтобы сказать: «Какие звери большевики и какие просвещённые европейцы румынские бояре!»». // Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 51-52.

Интересно было бы узнать мнение академика И. Опри об этих «большевистских зверстах и цивилизаторской миссии румынских королевских властей»...

¹¹³ Афтенюк С.Я., Морарь А.Г. Действительность и измышления фальсификаторов. С. 27.

¹¹⁴ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 48.

¹¹⁵ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 243.

актом, связывающим не только румынское правительство, но и державы Соглашения, тем более, что при оккупации румынскими войсками Бессарабии дипломатические представители держав Соглашения заявили, что она имеет чисто временный и военный характер»¹¹⁶.

В этой связи В. Степанюк пишет: «Является исторической истиной, что международное соглашение – советско-румынская конвенция от 5-9.03.1918 – ...представляет собой бесспорное политико-правовое свидетельство официального признания румынским правительством того факта, что вторжение румынских войск в пределы Молдавской Демократической Республики в январе 1918 г. является актом агрессии, совершено незаконно и полностью противоречит принципам международного права»¹¹⁷.

Именно за признание этого, де-факто и де-юре, И. Дука подверг критике А. Авереску: «Можно себе представить, какой аргумент он дал большевикам против нас, ибо мы сами официально подтвердили в официальном акте, что оккупация Бессарабии явилась незаконной... Задаю себе вопрос и сегодня, как стало возможным, чтобы генерал Авереску подписал подобный документ? ...Истинно и то, что эта несчастная ошибка является единственным актом, который Россия может предъявить нам в бессарабском вопросе, и я опасюсь, что в один прекрасный день это создаст нам серьёзные проблемы»¹¹⁸.

Летом 1918 г. тогдашний румынский министр иностранных дел К. Арион с трибуны парламента резко критиковал А. Авереску за то, что тот «заклучил мир с Раковским и с Россией на условии очищения Бессарабии». Пытаясь доказать необоснованность этого шага, он самоуверенно утверждал, что «Россия не возродится снова», а следовательно, подписывать с ней дипломатические документы не имело смысла¹¹⁹. На это А. Авереску ответил: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед»¹²⁰.

И хотя все документы и свидетельства эпохи подтверждают это, в современной румынской исторической науке немало таких «исследователей», которые «не замечают» сам факт советско-румынского соглашения от 5-9 марта 1918 года об очищении румынами Бессарабии. Так, например, румынский историк Фл. Ангел, пытаясь отрицать очевидное, резко критикует по этому поводу американского исследователя Макса Белоффа. «У Макса Белоффа, – пишет он, – появляется совершенно неожиданная и до настоящего времени недоказанная (sic!!! – С.Н.) информация, а именно о том, что в марте 1918 года Румыния подписала с Российской СФСР соглашение, предусматривавшее эвакуацию Бессарабии румынскими войсками»¹²¹. И в данном случае мы имеем дело с убедительным примером «румынского патриотизма», когда невыгодная румынистской концепции истина самым примитивным образом прос-то отрицается. Авереску и вся румынская элита того времени подтверждают данный факт, а «историк» Ангел «не признаёт» правдивость этих свидетельств. Таким образом, подобный способ «научного исследования» можно свести к тезису: «этого не было, так как нам это не выгодно»...

Следует отметить, что, захватив Бессарабию, Румыния не просто вступила в конфронтацию с советским государством, – она также нарушила свои прежние союзнические обязательства и договорённости с царской Россией¹²². Так, 18 сентября (1 октября) 1914 г. правительства двух стран подписали конвен-

¹¹⁶ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 239.

¹¹⁷ Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. P. 191.

¹¹⁸ Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. P. 75; Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1917-1919). P. 92.

¹¹⁹ Левит И.Э. Молдавская республика. С. 335; Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 51.

¹²⁰ Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. С. 273; Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 51.

¹²¹ Anghel Fl. Politica externă sovietică interbelică în viziunea istoriografiei anglo-saxone. // Revista istorică. Academia Română. 1997, Nr. 5-6. P. 350.

¹²² В этом контексте следует привлечь внимание читателя к ещё одному моменту, свойственному многим румынским политикам и историкам националистической ориентации, – иррациональной совето/русофобии, факт, подмеченный и некоторыми румынскими (и не только) историками. // См.: Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K. etc. Istoria României. P. 447.

Так, например, академик И.М. Опря, ещё недавно главный воспеватель «советско/русско-румынской дружбы» (см.: Oprea I. O etapă rodnică din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice. 1928 – 1936. București, 1967), но изменивший за ночь свои ориентиры, утверждает, что чуть ли не «от сотворения мира» Россия являлась самым безжалостным врагом «румынского рода». Любое событие из истории двух народов интерпретируется этим историком как враждебное действие русских в отношении румын: «Соседство этой империи было для румынского народа синонимом настоящего террора истории» (Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 5). «В рамках общей картины этих империалистических целей, – продолжает автор, – подчинение румынских стран (имеются в виду Дунайские княжества – С.Н.) являлось постоянной заботой царей России... Гонимые ненасытным стремлением к расширению границ своей империи, русские... дошли в 1709 году до Днестра» (Ibid. P. 6, 7). Кроме того, считает академик, цели русских всегда вступали в противоречие с жизненными интересами румынского народа: «Румынская дипломатия опасалась..., что, продолжая расширяться к югу, Россия преследовала захват Константинополя и великих проливов и, для реализации

цию, согласно которой Россия обязалась противодействовать всякой попытке нарушить территориальную целостность Румынии и признала за ней право присоединить населённые румынами области Австро-Венгрии, когда бухарестский кабинет «сочтёт это удобным». Что касается Буковины, оговаривалось, что разграничение между Россией и Румынией будет произведено по принципу этнического большинства. Другими словами, за румынским государством, с его же согласия, признавалось право на часть Буковины. Румынское правительство дало обязательство сохранять «благожелательный нейтралитет» по отношению к России до момента занятия указанных земель¹²³.

С нашей точки зрения, довольно объективны оценки описываемых нами событий, принадлежащие ряду западных историков. Так, американец Льюис Фишер ещё в 1930 г. писал, что, «захватив Бессарабию, которая являлась русской территорией, румынское правительство совершило военный акт. Большевики отомстили, разорвав 13 января 1918 г. отношения с Румынией и арестовав румынского посланника Диаманди в Петрограде»¹²⁴. В другой своей книге тот же автор отмечает, что Россия «не признала румынского суверенитета в отношении Бессарабии, захваченной Румынией в январе 1918 г., когда большевистская Россия была слабой»¹²⁵.

Болгарский профессор Г.П. Генев отмечал в 1940 г., что первая мировая война «завершилась неблагоприятно не только для побеждённых, но и для России. Румыны воспользовались этим обстоятельством и захватили всю Бессарабию, хотя, накануне вступления Румынии в войну, два соседних государства взаимно гарантировали свою территориальную целостность. Бессарабское население стремилось в 1917 г. к созданию независимого государства, однако Румыния проигнорировала это и путём насилия аннексировала Бессарабию, как только союзники одержали победу... Данная аннексия не имеет для СССР никакого юридического значения, и Россия может в любой момент потребовать возврата Бессарабии»¹²⁶.

Француз Франсуа Фейто в том же духе утверждал, что «румыны захватили Бессарабию и Буковину, являвшимися русскими землями»¹²⁷. Его соотечественник Морис Ваисс придерживается мнения, что в 1918 году Румыния оторвала Бессарабию от России¹²⁸. Позиция немца (румынского происхождения) А. Зуги также не отличается от вышеприведённых: «Военные акции в Бессарабии со стороны Румынии можно... рассматривать как противоречащие международному праву, поскольку румынские войска вторглись на территорию другого государства без объявления войны». Он делает вывод, что «разрыв дипломатических отношений с Румынией со стороны России правомерен с точки зрения международного права»¹²⁹.

С этого момента, как подчёркивает академик А. Лазарев, «для Румынии началось самое тяжёлое: необходимо было придать аннексии края хотя бы видимость „законности“ с точки зрения международного права»¹³⁰.

2. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права и позиция самих бессарабцев

Отношение населения края к «объединению» с Румынией. 27 марта 1918 г. многие депутаты Сфатул Цэрий проголосовали за «объединение» Бессарабии с Румынией вопреки своей воле и на следующий день заявили об этом. Так, депутат П. Кокырлэ «со слезами на глазах» сказал: «Господа, мы – предатели интересов крестьян, мы не оправдали святых надежд, возложенных на нас крестьянами... Что касается меня, скажу, что очень каюсь в своём поступке... зная, что мои товарищи, которые поступили честно и искренне, будут смотреть на меня как на предателя». А его коллеги Ф. Херца и Д. Маркитан признали, что «поступок их был вынужденным, так как им пригрозили и они страшно перепугались, когда жандармы появились на заседании фракции 27 марта, и когда шло голосование, их объял необузданный и животный страх за своих детей, которые, быть может, останутся без куска хлеба»¹³¹.

мечты царя Петра Великого, переданной Екатерине II-й и её наследникам, она, без сомнений, растопчет Румынию, нарушив её независимость и угрожая самому её государственному существованию» (Ibid. P. 29-30). Ещё менее жалует г-н Опрят Советский Союз, утверждая с убеждённо-истинным специалистом, что «Советская империя постепенно закабалила на своих пространствах нерусские народы, поставила их на службу России, стремясь к их денационализации и, в конечном итоге, к их полному поглощению» (Ibid. P. 152).

¹²³ Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. С. 122-123.

¹²⁴ Цит. по: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 93.

¹²⁵ Fisher L. Russias Road from Peace to War. 1917-1941. New York, 1969. P. 163.

¹²⁶ Цит. по: Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iași, 1995. P. 24.

¹²⁷ Fejto François. Histoire des démocraties populaires. Vol. 1. Paris, 1969. P. 23-24.

¹²⁸ Vaïsse Maurice. Dictionar de relații internaționale. Secolul XX. Iași, 2008. P. 340.

¹²⁹ Suga A. Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwicklung des Landes. Bonn, 1958. S. 50.

¹³⁰ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 139.

¹³¹ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 223.

Данные настроения чётко выразил американский историк Чарльз Кинг: «Приглашение румын в Бессарабию, хотя состоялось в результате обращения, сделанного Сфатул Цэрий, не было... желанным всюду... Многие члены Сфатул Цэрий сами очень мало выступали в пользу румынского присутствия»¹³². Голландец В.П. ван Мёрс следующим образом дополняет его: «Молдавские лидеры Сфатул Цэрий прекрасно осознали, что в умах доминируют революционные идеи и недоверие к румынскому правлению в республике»¹³³. Он оценивает господствовавший в то время в Румынии режим как реакционный¹³⁴.

Однако иного мнения придерживается бессарабский историк Г. Кожокару, пишущий, что «румынская армия была встречена с надеждой населением края, которое видело в ней «избавление от анархии и большевиков». Но архивные документы свидетельствуют, что крестьяне многих сёл открыто проявляли несогласие с решением Сфатул Цэрий»¹³⁵. Так, например, начальник бендерской сигуранцы Д. Попеску уже после 27 марта докладывал в Кишинёв, «что крестьяне пока настроены против нашей армии... В сёлах Булбоака, Гырбовэц, Фэрлэдень, Спея и Шерпень крестьянское движение наиболее развито. Жители Гырбовэц, созданные 31 марта священником на церковную службу в честь объединения, вели себя агрессивно со священником и выступили против объединения с Румынией»¹³⁶.

В рапорте генерала Рышкану в адрес командования говорится о собрании крестьян села Мерень Кишинёвского уезда, на котором было открыто сказано в глаза румынским офицерам: «Нам не нужно объединение. Сфатул Цэрий предал нас, мы не нуждаемся в румынском иге». В рапорте отмечалось: большинство селян объявили, что бессарабцы жили 100 лет с русскими, поэтому и далее могут жить так, и «сохрани их Бог стать румынами». Вывод делался однозначный: «Из всего вышеуказанного явствует, что население села Мерень противится нашим интересам»¹³⁷.

«Служба безопасности королевской Румынии, – пишут Виктор Стратан и Александр Горун, – на основе анализа огромного массива оперативных данных, расследований специалистов на местах с разочарованием констатировала, что идеи объединения не прижились в сознании молдаван и были отвергнуты населением»¹³⁸.

Таким образом, после 6-месячной деятельности, 19 июня / 2 июля 1918 г., кишинёвская сигуранца констатировала: «Как свидетельствуют надёжные источники, в целом население городов и сёл воспринимает приход румын не только с недоверием, но и с ненавистью. Оно считает этот приход не только бесполезным, но и вредным. Что касается самого „Объединения“ (секуристы имели все основания взять это слово в кавычки – С.Н.), то оно даже не обсуждается, так как, по мнению людей, это объединение могло состояться лишь посредством плебисцита»¹³⁹. В соответствии с «логикой» господ Опри, Петренко и Кожокару, данный аналитический доклад свидетельствует, что сигуранца занимала «антирумынские» позиции. Наш вывод не случаен, так как любые реальные факты, идущие вразрез с румынистскими тезисами, объявляются «антинаучными» и «антирумынскими»^{*}.

Когда местные власти собрались в Олэнешть праздновать объединение, население демонстративно покинуло сельскую площадь. То же произошло и в Пуркарь. В с. Гринзуць сельский сход постановил: «Повсюду демонстрировать, что мы против силового присоединения Бессарабии к монархистской Румынии». Жители Турлачь в единодушно принятой резолюции оценили решение Сфатул Цэрий как «провокационное, поскольку он действовал не в соответствии с полномочиями, данными народом».

В с. Будешть на торжественном заседании в честь объединения в присутствии румынских властей крестьянин Дану от имени сельчан заявил, что «они не желают никакого присоединения Бессарабии к Румынии и им не нужен...никакой король»¹⁴⁰. О глубоком недовольстве населения страны актом объединения свидетельствуют и документы румынской полиции. Так, в отчёте полиции Бельц от 30 апреля 1918 г. говорится: «Масса народа сегодня недовольна и явно враждебна. Ни в городах, ни в сёлах не заметно никакого энтузиазма по поводу ситуации Бессарабии, нигде не проводится искренних манифестаций любви и братства. Сам молдавско-румынский элемент враждебен румынской администрации,

¹³² King Ch. *Moldovenii, România, Rusia și politica culturală*. Chișinău, 2002. P. 33.

¹³³ Meurs W.P. van. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. P. 89.

¹³⁴ Ibid. P. 86.

¹³⁵ См.: НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 4803; НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 45; НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 55; НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 73; НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 45; НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 51 и др.

¹³⁶ Stratan V., Gorun A. *Moș Ion Roată, Siguranța și „Unirea”*. Chișinău-Iași, 2003. P. 141.

¹³⁷ НАРМ. Ф. 727. ОП. 2. Д. 73. Л. 29-29 об., 33-33 об., 34, 37-37 об.

¹³⁸ Stratan V., Gorun A. *Moș Ion Roată, Siguranța și „Unirea”*. P. 141.

¹³⁹ Ibid. P. 142; Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 172.

^{*} И данная работа, без какой-либо конкретной аргументации, будет объявлена «антинаучной» и «антирумынской». Однако, на большее румынисты ни интеллектуально, ни профессионально не способны: «Мы румыны и точка!».

¹⁴⁰ Левит И.Э. *Молдавская республика*. С. 378.

пренебрегает даже румынским духовенством... Священникам угрожают, когда они упоминают имя короля в церкви»¹⁴¹.

В донесении Кишинёвской сигуранцы вышестоящей инстанции от 19 июня / 2 июля 1918 г. говорилось, что все жители с. Бачой вышли с сапами и лопатами навстречу офицеру Д. Попеску, крича, что они не признают присоединения Бессарабии к Румынии, что румыны не имеют никаких прав производить реквизиции¹⁴². Этот Попеску возглавлял бендерскую сигуранцу и ещё 14 февраля сообщал своему начальству об одном эпизоде, который, по нашему мнению, является очень показательным: «Возвращаясь из Кишинёва на автомобиле, при выезде из села Броаска я вступил в разговор с тремя парнями, пасшими овец в поле. Я был одет в форму российского солдата и спросил их, знают ли по-русски. Они ответили мне, что говорят лишь по-молдавски. Я сделал вид, что являюсь сторонником большевиков, так как они сразу же начали ругать румын. Они рассказали, что все жители села Броаска являются большевиками, готовыми получить оружие и боеприпасы и, восстав, изгнать румын из Бессарабии... По своей наивности, они были абсолютно искренни»¹⁴³.

Вскоре Д. Попеску составил большой список «большевиков», в который были включены 50 крестьян села Спея, 43 – из Шерпен, 34 – из Пугачен, 30 – из Делакэу, десятки жителей Варницы, Телицы, Гура-Быкулуй. 14 февраля он составил новый список из 70 человек – крестьян сёл Булбоака, Гырбовэц, Дубэсарий Векь и др.¹⁴⁴ Подчёркнём лишь тот факт, что большинство из них были молдаване «от сохи».

И такого рода донесения от агентов тайной полиции шли из разных уголков Молдовы¹⁴⁵. В одном из них сообщалось о настроениях жителей села Чишмя Бельцкого уезда: «Они говорят, что им надоело такое братство, и что, не в состоянии терпеть эти лишения и произвол, они будут вынуждены вести пропаганду против нас»¹⁴⁶. Ставленник оккупантов, префект Сорокского уезда Секарэ 10 июля 1918 г. докладывал по инстанции, что даже руководители волостных земств, в своём большинстве молдаване, являются «сторонниками России» и занимаются революционной пропагандой среди крестьян, усиливая недоверие к румынским властям¹⁴⁷.

Своеобразным симбиозом глупости и произвола румынских властей в оккупированном крае можно назвать приказ коменданта гарнизона местечка Единец капитана Думитриу: «Румынские офицеры должны быть приветствуемы населением следующим образом: каждый приветствующий должен остановиться на месте, лицом к начальнику и быстро, геройски, с улыбкой на лице, снять шапку, поклонившись до земли. Для обучения населения этому и точному приведению в исполнение приказа, в дневные часы фуражка коменданта будет прогуливаться на палке по улицам и все будут обязаны её приветствовать»¹⁴⁸.

18 ноября 1918 г. Аккерманская городская дума направила правительству меморандум, в котором описывались грубые издевательства властей над горожанами. В нём отмечалось, что «городское самоуправление в последние месяцы буквально осаждается пострадавшими от избиений, чинимыми агентами местной полиции и солдатами местного гарнизона... Избиения, порой чрезвычайно жестокие, угрожающие жизни и здоровью населения, стали заурядным явлением. Избиения практикуются как на улице, так и, в особенности, в полицейских участках, днём и ночью, как при самом задержании, или даже без всякого задержания, так и после ареста, как в отношении мужчин, так и в отношении женщин... Многие случаи избиения остаются неоглашёнными, ибо население запуганно и терроризировано. Избитые предпочитают скрыть факт избиения из боязни подвергнуться, в виде мести, другим видам репрессий или преследований»¹⁴⁹.

Даже некоторые присланные из Румынии чиновники, редкие среди данной публики честные люди, не могли принять развязанного против населения террора. Так, префект Измаильского уезда Думбравэ докладывал вышестоящему начальству о произволе и насилии, творимых румынскими военными над мирным населением, и просил отставки: «При существующих условиях... когда властвует террор, город заполнен сотнями агентов сыскной полиции и даже все лояльные взяты под подозрение, когда на каждом шагу эксплуатируется слово „большевик“, а власть местной администрации превращается во власть фиктивную, когда в сёлах военные коменданты являются администраторами и судьями, а мои заявления остаются гласом вопиющего в пустыне, когда всё население стонет от гнёта военного управ-

¹⁴¹ Liveanu V. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. P. 240.

¹⁴² Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 149.

¹⁴³ Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și „Unirea”. P. 66-67.

¹⁴⁴ Ibid. P. 67.

¹⁴⁵ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 171-198.

¹⁴⁶ Ibid. С. 198.

¹⁴⁷ НАРМ. Ф. 742. ОП. 1. Д. 51. Л. 5-5 об.

¹⁴⁸ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 229.

¹⁴⁹ Ibid. С. 230.

ления и доведено до такого состояния, что в уезде нельзя найти ни одного сторонника единения с Румынией, – не могу оставаться на своём посту... Если бы я был врагом единения Бессарабии с Румынией, то я только радовался бы тому, как большинством военных властей убивается на корню идея объединения»¹⁵⁰.

Для слежки за настроениями населения Бессарабии румынские власти ввели цензуру на почте. Один из ответственных чиновников данного ведомства профессор Николае Шербан, на основе отобранных 14-15 июля 1918 г. писем, писал вышестоящему начальству: «Отовсюду раздаётся один тревожный клич: румыны отбирают всё у нас и оставляют умирать нас с голоду... В некоторых письмах румын осыпают грубой бранью... В общем из всех этих писем видно серьёзное недовольство крестьян, вызывает тревогу их решимость оказывать сопротивление с топорами и дубинами в руках проведению реквизиций. Из села в село посылаются письма, в которых население призывается к сопротивлению. Судя по фамилии отправителя или адресата, эти письма большей частью пишутся молдаванами»¹⁵¹.

Другим источником возмущения сельского люда было всё более активная поддержка румынскими властями помещиков в их взаимоотношениях с крестьянами¹⁵². Так, к примеру, на крестьян с. Вертужены Сорокского уезда помещик Катеринич при содействии румынских военных наложил контрибуцию в размере 60 тыс. рублей, требуя внести эти деньги в течение 4-х часов, но люди успели собрать только 11 тысяч¹⁵³. Анализируя ситуацию в крае, Совет генеральных директоров в переписке с румынскими военными указывал на «большое недовольство населения» и предупреждал, что «имеются серьёзные опасения, что может вспыхнуть восстание»¹⁵⁴.

На заседании Сфатул Цэрий 2 мая 1918 г. П. Ерхан признавал, что «среди крестьян мы видим немой укор нам»¹⁵⁵. Также негативно на ликвидацию Молдавской республики реагировали и молдавские солдаты, в частности орхеляне. А сорочане все как один отказались находиться в резерве королевской армии¹⁵⁶. Молдавский кавалерийский полк, расквартированный в Кишинёве, в полном составе отказался присягать на верность румынскому королю¹⁵⁷. Один высокопоставленный румынский чиновник с серьёзным беспокойством констатировал: «Жители Бессарабии проводят грань между молдаванами и румынами. Жителей Мунтении и Олтении они называют румынами и считают их чужеземцами и покорителями»¹⁵⁸. В этой связи К. Стере с горечью признавал, что «Бессарабия держится лишь благодаря румынской армии, которая спасла нас от большевиков и теперь охраняет нас»¹⁵⁹.

Другой видный деятель Сфатул Цэрий, а затем и румынский сенатор, Николай Александри заявил 7 октября 1918 г.: «Всё наше крестьянство, а это около двух миллионов человек, крайне возмущено политикой наших политиканов-румынизаторов. Если добавить к этим ещё пятидесятитысячную армию, живущую вне закона и грабящую всё подряд, вы поймёте смысл циркулирующей в нашем обществе фразы о том, что румыны это не нация, а специальность. Таким образом, за полгода румыны русифицировали край в большей степени, чем русские за сто лет. Наша страна стонет от одного конца до другого, процветают беззакония, оскорбления и издевательства, которых, наверное, не было на нашей земле веками. Жизнь при царском самовластии нам кажется раем»¹⁶⁰. И далее он добавил, что «двухмиллионная крестьянская масса поголовно возмущена и самым искренним образом мечтает об освобождении от нынешней Румынии. Мы готовы присоединиться к кому бы то ни было, только бы отделиться от королевской Румынии»¹⁶¹.

Такой же была реакция широких масс и на т.н. «голосование» 27 ноября / 10 декабря 1918 года[†]. Так, в кишинёвское жандармское управление поступила информация из Ниспорен о том, что 15 декабря соб-

¹⁵⁰ Ibid. С. 226-227.

¹⁵¹ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 190-191.

¹⁵² Ibid. С. 155-188; За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 110-121.

¹⁵³ НАРМ. Ф. 727. ОП. 2. Д. 55. Л. 185 об.

¹⁵⁴ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 156-157.

¹⁵⁵ НАРМ. Ф. 727. ОП. 2. Д. 55. Л. 186.

¹⁵⁶ Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 149-153.

¹⁵⁷ Ibid. С. 188.

¹⁵⁸ Liveanu V. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. P. 240.

¹⁵⁹ НАРМ. Ф. 727. ОП. 2. Д. 55. Л. 154 об.

¹⁶⁰ Цит. по: Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. P. 222; см. также: Brăseakin S.K., Sâtnic M.K. Triumful adevărului istoric. Anii 1918 și 1940 în destinul poporului moldovenesc. Chișinău, 1970. P. 60.

¹⁶¹ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 321; Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și „Unirea”. P. 85.

[†] Примечание научного редактора: В этот день Сфатул Цэрий 39 голосами (из которых 17 были копированы накануне) «за» (из 162) принял Декларацию, по которой отказался от условий, записанных в Акте об объ-

вание жителей с. Варзарешты постановило не платить налоги румынскому государству, а румынским чиновникам запретили появляться в селе¹⁶². В с. Чучулены 14 декабря должен был пройти торжественный молебен в связи с присоединением Бессарабии к Румынии и один из жителей села собирался рассказать селянам о своём визите в Бухарест в составе официальной делегации. Но толпа набросилась на него, обвиняя в предательстве и угрожая убийством¹⁶³.

В с. Лозова, как только священник собирался отслужить молебен по случаю «воссоединения», житель с. Миклаушены Георгий Бостан вышел из толпы и от имени собравшихся заявил, что лучше бы священник отслужил погребальную, так как это самый чёрный день в их жизни. После этого все разошлись и молебен был сорван¹⁶⁴. В с. Болдурешты во время молебна, как только священник стал говорить об «объединении», прихожане стали кричать, что им «не нужно присоединение к Румынии»¹⁶⁵. В том же документе вышестоящие румынские инстанции информировались о том, что люди даже заявляли, что единственным законным правительством является Российское Советское правительство¹⁶⁶.

Подводя итоги по данному вопросу, Изяслав Левит делает следующий вывод: «Приведённые факты красноречиво говорят о том, что по причине реквизиций, грабежей и насилий атмосфера в бессарабской деревне была накалена до предела, и акт объединения с Румынией, осуществлённый Сфатул Цэрий, был отрицательно воспринят большинством крестьян»¹⁶⁷. Проведя анализ исторических документов, данную мысль подтверждает и историк Ион Цуркану, пришедший к выводу, что «на данном этапе исследования одно является совершенно однозначным: народные массы следует исключить из списка [факторов], способствовавших «объединению»¹⁶⁸. Сеем заверить г-на Цуркану, что и на «следующих этапах исследования» он не сможет опровергнуть собственный вывод.

Конечно, решение Сфатул Цэрий было неодинаково воспринято различными социальными слоями. Были и те, которые поддерживали его. Среди них в первую очередь – помещики¹⁶⁹ и другие крупные собственники, духовенство, большинство служащих и офицеров, значительная часть молдавской интеллигенции и студенчества¹⁷⁰. Но по сравнению с массами тех, кто был против, они составляли незначительное меньшинство. В этой связи историки Д. Драгнев и И. Варта очень точно называют силы, выступавшие за «объединение»: «В течение марта земство Белцкого уезда, затем Союз крупных собственников Бессарабии, общее собрание земства Сорок (с участием представителей крупных собственников, духовенства¹⁷¹, педагогического корпуса¹⁷² и городского совета), земство Оргеевского уезда – высказались за объединение Бессарабии с Румынией»¹⁷³.

единении от 27 марта (9 апреля) 1918 г. // Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 234-235; Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente. Chișinău, 1993. P. 299-300; Cojocaru Gh. Sfatul Țării: Itinerar. P. 172; Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. P. 293 Adauge M., Danu E., Popovschi V. Mișcarea națională din Basarabia. P. 100-101; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 291; King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. P. 34.

А. Маргилومان писал, что, «несмотря на все затраченные деньги, не было и 36 депутатов, чтобы за него (т.е. за „присоединение” – В.П.) голосовать». // Marghiloman A. Note politice. Vol. IV. P. 313.

¹⁶² НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 45. Л. 1242.

¹⁶³ Ibid.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Ibid. Л. 1243

¹⁶⁶ Ibid.

¹⁶⁷ Левит И.Э. Молдавская республика. С. 399.

¹⁶⁸ Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. P. 173.

¹⁶⁹ См. Левит И.Э. Молдавская республика. С. 343-344.

¹⁷⁰ Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente. Chișinău, 1993. P. 239-256; Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. Chișinău, 1992. P. 389-395.

¹⁷¹ Однако далеко не все служители культа выступали за объединение с Румынией. Так, например, руководитель кишинёвской сигуранцы Дрэгуцеску 8 февраля 1918 г. докладывал своему бухарестскому начальству: «В епархиальном зале состоялось собрание священнослужителей, которые выступили против румын, заявив, что... не желают присоединять бессарабские церкви к румынским и находиться под властью румынского митрополита. Послание будет отправлено московскому митрополиту». // Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și „Unirea”. P. 86.

¹⁷² Также далеко не все учителя и другие молдавские интеллигенты поддерживали «унию». Об этом свидетельствует хотя бы приказ Войтояну от 30 июня 1918 г.: «Имея в виду тот факт, что существующие в Бессарабии генеральные секции учителей на своих собраниях обсуждают не только вопросы национализации школы, но и политические вопросы, принимают резолюции, направленные против румынского государства., Приказываем: 1) Секции Генерального Союза учителей и преподавателей распустить. 2) Собрания учителей и преподавателей запрещаются». А в январе 1919 г. командование V-й армии приказало кишинёвской полиции, «чтобы любое общественное собрание с любой целью и под любым наименованием: театральное, кинематографическое, музыкальное, литературное, конференция, посиделки, капустник и др., было поставлено под военный контроль... Отдельные личности или общественные организации, желающие проводить собрания или организовать спектакли, обязаны обратиться с заявлением в префектуру, которая перед

Вот комментарий Иона Цуркану по поводу таких «голосований»: «Это верно, что существуют некоторые документы, создающие впечатление существования широкой народной инициативы в пользу Объединения. Самыми важными являются решения совместных заседаний земств и крупных собственников Бельцкого и Сорокского уездов от 3 и, соответственно, 13 марта... Однако следует констатировать, что тексты обоих решений идентичны, другими словами, фактически доказывают, что написаны одной рукой... Во-вторых, из некоторых свидетельств, число которых со временем возрастает, видно, что в это дело была замешана румынская военная администрация... В-третьих, читая списки подписавших бельцкое и сорокское решения, обнаруживаем в них знакомые имена националистических активистов Молдавской Национальной Партии и Сфатул Цэрий... В-четвёртых, из содержания этих двух документов чётко вытекает, что решения унионистских собраний Бельц и Сорок были в значительной, а возможно, и в решающей степени результатом усилий крупных собственников и вообще состоятельных бессарабцев»¹⁷⁴.

Следовательно, около 2-3% населения края, проголосовавших за МНП (плюс антибольшевистски настроенные состоятельные слои населения), и составили «социальную базу» «объединения». Из них примерно половина являлась «этническими» русскими или русифицированными молдаванами: значительная часть священнослужителей; члены бывшего царского бюрократического аппарата; помещики-держиморды, в большинстве своём даже не знавшие румынского языка, великодержавные шовинисты и монархисты, откровенно презиравшие Румынию и всё румынское, но выступившие за «вхождение» Бессарабии в состав Румынского королевства с единственной целью – сохранить свои поместья и социальное положение.

По нашему мнению, довольно объективно и нетенденциозно оценивает отношение различных категорий населения нашего края к «объединению» голландец В.П. ван Мёрс: «Крестьяне, а не только национальностей, опасались, что румынская интервенция покончит с запланированной Сфатул Цэрий или Всероссийским Учредительным собранием аграрной реформой и возвратит экспроприированную собственность помещикам. Вполне возможно, что молдавские крестьяне считали себя в первую очередь молдаванами, а не румынами (в сноске автор отмечает, что „все местные организации использовали в своих названиях прилагательное «молдавский» вместо «румынский» – С.Н.)... Они осознавали, что румынская военная интервенция может трансформировать социально-экономическую революцию в Бессарабии в румынскую националистическую революцию. Лишь узкая молдавская элита боролась за объединение с Румынией и, в конечном итоге, предпочитала культурные и этнические связи социально-экономическим реформам»¹⁷⁵.

Оценки «Объединения» с точки зрения международного права. В первую очередь, Сфатул Цэрий не являлся законодательным форумом, который был бы избран всеобщим и прямым голосованием всем населением края. Он представлял лишь определённые организации, направившие (кооптировавшие) своих представителей в его состав. Как мы уже отмечали выше, ядро данной структуры составила МНП, а выборы во Всероссийское Учредительное собрание дали этой партии всего 2,2% голосов. Вот истинный максимальный «рейтинг» Сфатул Цэрий (упавший в декабре 1917 – январе 1918 гг. и того ниже) среди населения МДР, посему этот «орган власти» никак не мог представлять его волю. В нём не были пропорционально представлены национальные меньшинства края, рабочие и крестьяне. Следовательно, у него не было никакого права представлять население Бессарабии и решать его судьбу.

Вот как оценивает сложившуюся ситуацию экс-президент РМ П. Лучинский: «Объединение, учитывая нормы международного права того времени, не было „пристёгнуто на все пуговицы“, так как Сфатул Цэрий не являлся уполномоченным законными правами органом для голосования акта Объединения»¹⁷⁶. Мы дополним эту мысль, отметив, что оно не только «не было пристёгнуто на все пуговицы», но и вообще было полностью «расстёгнутым» и держалось исключительно на штыках завоевателей. Роль «пуговиц» играли пули.

выдачей разрешения потребует и отзыв гарнизонной комендатуры. Данный отзыв следует приложить к заявлению, программе или тексту конференции..., и в день и час проведения мероприятия агенты комендатуры и полиции должны присутствовать на собрании, спектакле, конференции... В случае выявления антирумынских призывов и агитации будут предприняты самые серьёзные меры». // Ibid. P. 137.

В связи с этими требованиями даже на родительские собрания приглашались агенты полиции (Ibid. P. 138). Комментарии излишни.

¹⁷³ Dragnev D., Varta I. Istoria românilor. P. 195; см. также: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 219-220; Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917-1918. Documente. P. 172-174, 182-185; Halippa P., Moraru A. Testament pentru urmași. P. 147-148; Bobeică A. Sfatul Țării. P. 127-132; Ghibu O. Pe baricadele vieții. P. 557-560; Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. P. 255.

¹⁷⁴ Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. P. 171-172.

¹⁷⁵ Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 86.

¹⁷⁶ Lucinschi P. Moldova și moldovenii. De ce țara noastră este mereu la sărăcie? (Încercare de răspuns la întrebare). Chișinău, 2007.. P. 188.

Если предположить, что народ избрал бы всеобщим и прямым голосованием парламент, даже тогда его общая судьба могла быть решена только референдумом. И – что не менее принципиально – ни один депутат этого органа не был избран в его состав, чтобы осуществить «объединение с матерью-Румынией». Процедура голосования в условиях военной оккупации и осадного положения не была свободной.

Возможно возражение: «Какая это оккупация, господа? Румыны оккупировали румын?!» Но и здесь грешат против истины: абсолютное большинство молдаван считало и продолжает считать себя именно молдаванами. Правда, предлагаются ещё и такие «бесспорные» аргументы: народ одурочен, неграмотен и неадекватно оценивает реальность, да и какой народ осуществил национальное объединение без применения силы и насилия? Однако последний европейский народ, добившийся национального единства подобным образом (немецкий), сделал это в 60-е годы XIX в., когда ещё ни в морали европейцев, ни в международном законодательстве не существовало «право наций на самоопределение», в то время как в 1918 г. это право было полностью признано и стало международной нормой. Следовательно, судьбу Бессарабии могло законно решить только её население и никто другой.

Но здесь возникает «контраргумент»: в условиях войны было невозможно провести свободные выборы. И в качестве аргумента приводят примеры других отделившихся от России территорий и даже пример Соединённых Штатов Америки периода Войны за независимость, когда первый Конгресс также не был всенародно избран. Даже если и согласиться с этим, подобное совсем не означает, что судьбу населения возможно, а также справедливо и законно решать против его воли.

Однако и этот «аргумент» не действителен, т.к. Россия де-факто вышла из войны ещё в ноябре 1917 г. (и, де-юре, в марте 1918-го), поэтому проводить выборы было возможно и, как уже неоднократно отмечалось, во Всероссийское Учредительное собрание они были проведены, в том числе и на территории Бессарабии, и его (т.е. Учредительного собрания) законность никто и никогда не ставил под сомнение, даже и разогнавшие его большевики. Более того, когда создавался Сфатул Цэрий, все без каких-либо оговорок признавали его главную миссию – организацию выборов в Бессарабское Учредительное Собрание – и никто не сомневался в возможности их проведения на демократической основе. И лишь в середине января, со вступлением румынских войск на территорию МДР и её оккупацией, лидеры Сфатул Цэрий (первым был П. Ерхан) посчитали проведение таких выборов «бессмысленными». Повторяем – «бессмысленными», и именно потому, что даже в условиях румынской военной оккупации они дали бы совершенно противоположный результат, чем тот, которого «добились» националисты под прикрытием румынских штыков.

Что касается «других отделившихся от России территорий», – то люди, провозгласившие независимость Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, выражали волю этих народов, и после провозглашения независимости данные территории стали поистине независимыми государствами. Ещё раз повторим – этими актами была выражена воля соответствующих народов жить в собственном независимом государстве. И после провозглашения независимости те, кто её провозгласил (и не под охраной иностранных штыков), не продали свои страны соседней державе.

В отношении США аналогия с МДР также неуместна. Во-первых, по тем же причинам, что и с лимитрофными по отношению к России новообразованными государствами. А во-вторых, Филадельфийский Конгресс, выражая волю американского народа, возглавил его борьбу против колонизаторов и интервентов, а Сфатул Цэрий, против воли своего народа, призвал интервентов для его же порабощения и подавления его свободы.

Да и смехотворны утверждения некоторых «историков» о том, что до мозга костей коррумпированная и некомпетентная румынская полуфеодалная олигархия во главе со своим полусамодержавным королём иностранных кровей, жестоко угнетавшая собственный народ, держа его в бесправии и убогости, могла обеспечить свободу волеизъявления ещё и молдавскому народу. В этом отношении особо значимо мнение Октавиана Гоги, – политика, которого невозможно заподозрить в «антирумынизме», – о румынском политическом классе: «Страна негодяев, страна несовершеннолетних, постыдно провалившаяся на экзамене на аттестат зрелости перед Европой... Вот к чему привели нас заурядные политики, во-первых, выступающие сегодня моралистами, министры, всю жизнь продававшиеся, депутаты-контрабандисты... Мы погибаем не от количества врагов, не от их оружия, болезнь у нас в душе, это устрашающая эпидемия морального менингита. Страна с руководителями – обыкновенными грабителями с большой дороги должна была оказаться на краю пропасти»¹⁷⁷.

Однако в правовом контексте рассматриваемого вопроса ещё больший интерес представляет точка зрения известного румынского дипломата Николае Титулеску: «Кроме того, самоопределение (имеется ввиду голосование 27 марта – С.Н.) имело место в условиях оккупации Бессарабии румынскими войсками... Но самоопределение, собственно говоря, это плебисцит. Чтобы получить международное правовое признание, любой плебисцит должен быть проведен в условиях свободы. Потому там, где его проводили..., именно международные силы обеспечивали порядок, а не военные той или иной заинтересованной стороны»¹⁷⁸. Титулеску ясно сознавал, в чём уязвимость акта 27 марта 1918 г.

¹⁷⁷ Цит. по: Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 281.

¹⁷⁸ Titulescu N. Documente confidențiale. București, 1992. P. 85; см. также: Antonescu Mareșalul României și războaiele de reintegrare. Mărturii și documente. Vol. 3. Venezia, 1989. P. 49.

В этом смысле, уже после завершения своей дипломатической карьеры, он отмечал: «Наихудшим является тот факт, что данное самоопределение было сопряжено двумя письмами: а) Одно генерала Авереску, который был тогда в первый раз председателем Совета министров, о том что румынские войска будут немедленно выведены из Бессарабии после восстановления порядка в ней; б) Второе от Клемансо, который от имени великих держав писал Колчаку, чтобы он продолжал борьбу с Советами, а российская часть Бессарабии будет в любом случае возвращена России»¹⁷⁹. «Таким образом, – завершает свою мысль выдающийся дипломат, – наши права на Бессарабию очень не серьёзны»¹⁸⁰. Другими словами, исходя из логики Титулеску, не может быть и речи о каком-либо «самоопределении» в случае с Бессарабией 1918 года.

Как уже отмечалось, с официальным протестом против данного решения Сфатул Цэрий выступил СНК РСФСР. В ноте Советского правительства от 18 апреля отмечалось, что акт 9 апреля является не только «вызовом Российской Федеративной Советской Социалистической Республике», вопиющим нарушением только что подписанного советско-румынского соглашения об очищении Бессарабии от румынских войск, но и «насилием над бессарабским населением, единогласно и открыто выразившим свой протест против румынской оккупации»¹⁸¹.

А вот как оценивает «объединение» известный американский историк Чарльз Кинг: «Важным источником нестабильности, проистекающей из территориального выигрыша, был статус Бессарабии – единственного территориального приобретения, чьё положение в рамках Великой Румынии никогда не было обеспечено каким-либо международным договором... Поскольку Япония никогда не ратифицировала этот договор»¹⁸², а Соединённые Штаты и Россию даже не пригласили его подписать, он остался документом, не имеющим большого юридического значения»¹⁸³.

Есть ещё один аргумент в пользу тезиса, что территория между Прутом и Днестром не является румынской. Правда, он косвенный, но очень убедительный, так как принадлежит Н. Йорге – пламенному стороннику румынизма и объединения Бессарабии с Румынией. Вот что он писал в 1912 году, в связи со столетним юбилеем вхождения Бессарабии в состав России: «Бессарабия не наша... Сто лет тому назад... поднялись ли мы на борьбу за неё?.. Румынии не существовало, а в той половине Румынии, которая была Молдовой, никто и не помышлял, что такая Румыния возможна... Ни одна душа не обратилась к воспоминаниям, не открылась надежде с целью дать отчаянный бой, к которому обратилась бы сегодня наша глубинная признательность... Сегодня, когда существует потребность хотя бы в одном герое, имя которого мы могли бы почитать, найти его невозможно»¹⁸⁴. И не могли бы найти, так как молдаване никогда не ощущали себя румынами и не стремились войти в состав румынского государства.

Анализ законности «объединения» Бессарабии с Румынией можно завершить выводами двух известных в Молдове людей. Первый из них – это юрист-международник А.Д. Буриан, считающий, что, «исходя из данности, что Сфатул Цэрий не был избран посредством всеобщего голосования населением Бессарабии, стоит ли вообще обсуждать вопрос, насколько законны решения незаконного органа, который, кроме того, явно превысил свои полномочия, ведь вопросы, связанные с передачей территорий, решаются либо на основе соглашения между общепризнанными субъектами международного права, либо посредством плебисцита (референдума)»¹⁸⁵.

Второе мнение, – политика и историка В.Ф. Степанюка, – звучит следующим образом: «Всестороннее изучение касающихся данной проблемы дипломатических актов, документов и исторических трудов приводит нас к выводу о том, что грубейшей ошибкой Румынского правительства явилась оккупация в январе 1918 года Молдавской Демократической Республики, „равноправного члена Российской Федеративной Демократической Республики“, союзника Румынии. Другие „недостатки“, „лакуны“, насколько бы ни были тяжелы, являются всё-таки второстепенными по сравнению с актом агрессии, совершённым румынским королевством в январе 1918 года, в результате чего было нарушено право молдавского народа на национальное самоопределение, был прерван процесс становления Молдавского Государства»¹⁸⁶.

¹⁷⁹ Titulescu N. Documente confidentiale. P. 86, 88.

¹⁸⁰ Ibid. 88.

¹⁸¹ ДВП СССР, т. I. С. 248-249.

¹⁸² Так называемый Парижский протокол Англии, Франции, Италии и Японии с Румынией от 28 октября 1920 года (или Договор послов), речь о котором пойдёт в третьей главе. // См.: *Tratatul privitor la Unirea Basarabiei cu România, semnat la 28 octombrie 1920 de către Marea Britanie, Franța, Italia, Japonia.* // Scurtu I. *Istoria României. Între 1918-1940.* București, 1986.

¹⁸³ King Ch. *Moldovenii, România, Rusia și politica culturală.* P. 37, 38.

¹⁸⁴ Iorga N. *Neamul românesc în Basarabia.* Vol. 2. București, 1997. P. 52-53.

¹⁸⁵ Burian A. *Geopolitica lumii contemporane.* Chișinău, 2003. P. 341.

¹⁸⁶ Stepaniuc V. *Statalitatea poporului moldovenesc.* P. 252.

3. Внешнеполитические цели Румынии в межвоенный период и позиция великих держав

Интересы Румынии на Парижской мирной конференции¹⁸⁷. «Для изучения вопросов, связанных с территориальными притязаниями Румынии, Совет десяти образовал комиссию экспертов под председательством французского министра иностранных дел А. Тардье, составленную из представителей США, Англии, Франции и Италии, – пишет М.И. Мельтюхов. – 8 февраля Комиссия по румынским делам пришла к выводу, что без участия России вопрос о Бессарабии не может быть разрешён, а поскольку существовала возможность победы войск адмирала А.В. Колчака, то решение бессарабского вопроса следовало отложить»¹⁸⁸.

Члены румынской делегации отметили безразличие англичан к проблемам Румынии¹⁸⁹. Впоследствии Н. Титулеску, вспоминая Парижскую конференцию, отмечал: «Прежде всего я с огорчением увидел, какое незначительное место занимали румынские проблемы среди многих других ещё менее значительных»¹⁹⁰. Италия пыталась столкнуть Румынию с Югославией в вопросе о Банате. И.И. Брэтиану, глава румынского правительства и румынской делегации на конференции, дал по каждой области, на которую претендовала Румыния – Бессарабии, Буковине, Трансильвании, Марамурешу и Банату, – детальные пояснения. Он характеризовал положение малых стран Европы как «всё более и более ужасающее»¹⁹¹.

Среди делегатов конференции не было представителей России, т.к. она стала социалистическим государством, решительно выступавшим за прекращение войны и за «мир без аннексий и контрибуции». Конференция собиралась в разгар антисоветской интервенции, задача которой состояла в полном уничтожении Советского государства. Однако, когда Советскому правительству стало известно о требованиях Румынии к руководителям Парижской мирной конференции относительно Бессарабии, в адрес её председателя Ж. Клемансо и президента США В. Вильсона была направлена радиogramма с «энергичным протестом против захватнической империалистической политики румынского помещичьего правительства»¹⁹² и поощрения этой политики западными державами¹⁹³.

Последние, естественно, никак не прореагировали на советский протест, так как не признавали большевистское правительство и всё ещё надеялись на его свержение силами белогвардейских армий. «Но, – как отмечают В.Н.Виноградов и М.Д. Ерещенко, – дипломатия держав Согласия очутилась в затруднительном положении – не просто потому, что негодовали Советы, их не признавали и с ними не считались, а потому, что против аннексии выступали самые разные оттенки российской общественности. В Париж на мирную конференцию прибыла делегация бессарабской оппозиции „справа” во главе с председателем распущенного земства А.Н. Крупенским^г, выступившая с протестом против действий румынских властей»¹⁹⁴.

¹⁸⁷ См.: Dobrinescu V.Fl. România și sistemul tratatelor de pace de la Paris (1919-1923).

¹⁸⁸ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 86-87.

¹⁸⁹ Dobrinescu V.Fl. România și sistemul tratatelor de pace de la Paris (1919-1923). P. 49-50, 51, 52; Diaconu C.S. Opinie publică și acțiune politică. // Dosarele istoriei. 2000, Nr. 6; Morar-Vulcu C. Trianonul și discursul politic actual. // Dosarele istoriei. 2000, Nr. 6.

¹⁹⁰ Цит. по: Istoria poporului român. București, 1970. P. 350.

¹⁹¹ Dobrinescu V.Fl. România și sistemul tratatelor de pace de la Paris (1919-1923). P. 50, 51, 52; см. также: Cernovodeanu P. Basarabia. P. 174; Iordache A. Ion I.C. Brătianu la Conferința de pace de la Paris din 1919. // Revista istorică. Academia Română. 1993, Nr. 9-10.

¹⁹² Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 238-239.

¹⁹³ Ibid. С. 239-240.

^г Примечание научного редактора: А.Н. Крупенский (1861-1939 гг.) – представитель древнего молдавского боярского рода, породнившийся с представительницей местной известной дворянской фамилии Кассо – Ефросиньей Аристовной, сестрой Льва (Лиона) Кассо, с сентября 1910 г. – главноуправляющего Министерством народного просвещения, а в 1911-1914 гг. – министра народного просвещения России. Семья А.Н. Крупенского – Е.А. Кассо являлась одним из самых крупных землевладельцев Бессарабской губернии, располагая более 14,3 тыс. десятин земли в Сорокском, Бельцком, Хотинском и Оргеевском уездах.

Дворянское семейство Крупенских было весьма влиятельным в Бессарабии: его члены избирались областными и губернскими предводителями дворянства в 1866-1869 гг. и в 1897-1905 гг., их «отпрыски» смогли выдвинуться на важные позиции и в государственных учреждениях России. Например, один брат Александра Николаевича, Павел стал одним из лидеров правых политформирований в Бессарабии – «Бессарабской патриотической лиги», «Бессарабской партии Центра», избирался депутатом II-ой, III-ей и IV-ой Государственных дум, в которых играл весьма заметную роль (возглавлял там фракции «независимых националистов», «центра» и др.), входя напрямую в контакт с императорским двором. Другому его брату, В.Н. Крупенскому, было доверено руководить консульством Российской империи в Пекине.

Сам Александр Николаевич с января 1908 г. по январь 1912 г. ежегодно избирался и был действующим предводителем Бессарабского дворянства, пока сам не подал прошения об освобождении от занимаемой должности. По своим идейным воззрениям Крупенский был убеждённым российским монархистом, неприятие им левых идейно-политических течений, очевидно, только ещё больше укрепилось после налёта на фамильный особняк в Кишинёве «гайдуцкой» дружины Г.И. Котовского, раздела имущества и земель его родного имения в 1917 году между нуждающимися крестьянами. Приход румынских войск и установление всевластия румынской военной администрации А.Н. Крупенский, как сторонник российской державности, воспринял крайне негативно, эмигрировал во Францию, за рубежом возглавил «Комитет помощи Бессарабии».

¹⁹⁴ Ibid. С. 187.

В столицу Франции прибыли также видные представители российской антибольшевистской эмиграции — С.Д. Сазонов, Н.В. Чайковский, В.А. Маклаков, М.Н. Гирс, заявившие о незаконности аннексии¹⁹⁵. П.Н. Милюков выпустил в Лондоне под своей редакцией сборник документов с разоблачением произвола румынской администрации. Патриарх Московский и всея Руси Тихон выступил против перехода Кишинёвской епархии в лоно Румынской патриархии. Приехали в Париж и бессарабские сторонники объединения с Румынией¹⁹⁶.

Совет четырёх согласился с предложением бывшего министра Временного правительства России В.А. Маклакова о необходимости проведения плебисцита в Бессарабии. Особенно настаивал на этой идее госсекретарь США Роберт Лансинг¹⁹⁷. Он подчеркнул, что «данная мирная конференция не может принимать решения в отношении территории, которая принадлежит государству, с которым Присутствующие державы не находятся в состоянии войны»¹⁹⁸. «Американский посол Уайт сообщил представителю Румынии, что, по мнению Вильсона, решение бессарабского вопроса должно быть отложено на будущее, то есть „на момент, когда восстановится Россия“, так как, говорил он, нельзя делить территории, принадлежащие союзнику, без его согласия и без договорённости с ним»¹⁹⁹.

Комментируя данную позицию, историк И.М. Опря отмечает: «Предложение американского посла было бессмысленным, так как являлось нереалистичным»²⁰⁰. «Таким образом, — продолжает автор, имея в виду и поддержку Колчака в бессарабском вопросе, — это маскирует стремление великих союзников к свершению акта политической неверности, преследующей целью передачу России части румынского национального достояния»²⁰¹. Анализируя этот исторический момент (1919 год, Парижскую конференцию), румынская историография впервые выдвигает идею о «предательстве Румынии Западом». Данный «тезис» присутствует в румынской исторической науке и касательно следующих периодов — вплоть до окончания второй мировой войны, когда вся Восточная Европа, включая Румынию, были «сданы» Западом Советам²⁰².

Однако вернёмся к теме. Хорошо понимая, что результаты референдума будут за сохранение края в составе России, премьер-министр Румынии И.И.К. Брэтиану категорически отверг эту идею²⁰³. Несмотря на отказ, западные лидеры рекомендовали румынам «воздержаться от парламентских выборов» в Бессарабии до проведения плебисцита²⁰⁴. В связи с этим румынский историк Ион Константин, приводя слова И. Пеливана, пишет, что «Бессарабия стала предметом шантажа в руках диктаторов мира, в особенности Соединённых Штатов, для того, чтобы навязать Румынии их волю и точку зрения»²⁰⁵.

2 июля 1919 г. Ион Брэтиану направил Совету министров иностранных дел Парижской мирной конференции, заседавшему под председательством французского министра А. Тардье, меморандум, в котором пытался убедить лидеров западного мира в необходимости поддержать румынские территориальные притязания, аргументируя это тем, что «...Румыния, в то время когда военные действия прекращены более 7 месяцев назад для всей остальной части Европы, находится в состоянии объявленной войны со своими русскими и венгерскими большевистскими соседями»²⁰⁶. В этом документе глава румынского правительства писал: «Союзные державы не должны всё же забывать, что во имя общей великой

¹⁹⁵ Ibid. С. 242-243; Brătianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naționale și istorice. P. 61.

В этой связи П. Шорников справедливо заметил, что «бывшие белогвардейцы не сошлись с коммунистами в оценке существующего в СССР политического строя, но по более актуальному в условиях иностранной оккупации вопросу в отношении к румынской политике в Бессарабии фундаментальных расхождений у них не было». // Шорников П.М. Бессарабский фронт. Кишинёв, 2010. С. 57.

¹⁹⁶ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 243-244.

¹⁹⁷ См.: Brătianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naționale și istorice. P. 61; Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 273; Nanu F.C. Politica externă a României. P. 112; Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 169, 193.

¹⁹⁸ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 169.

¹⁹⁹ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 273.

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Ibid. P. 274.

²⁰² См.: Dobrinescu V.-Fl., Tompea D. România la cele două Conferințe de Pace de la Paris (1919-1920, 1946-1947). Un studiu comparativ. Focșani, 1996; Strzebosz T. „Insurecția băieților și fetelor” din Varșovia. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 11; Șandru V. Destinul postbelic al României între Stalin și Churchill. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 7; Chiper I. De la disperarea lui Churchill la nemulțumirea lui Stalin. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 4; Vlad C. Franklin Roosevelt cade în capcana lui Stalin. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 12; Nițu A. România intră în orbita Kremlinului. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 8; Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7 и др.

²⁰³ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 193-194; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. Buc., 1995. P. 22; Nanu F.C. Politica externă a României. P. 112; Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 278.

²⁰⁴ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 188.

²⁰⁵ Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 22; см. также: Pelivan I. Ion C. Inculeț și Conferința de Pace de la Paris (1919-1920). // Patrimoniu. 1991, Nr. 1. P. 28.

²⁰⁶ Brătianu G.I. Origins et formation de l'Unité Roumaine. Bucarest, 1943. P. 314.

цели румыны оказали непрестанное содействие делу удушения хаоса, исходящего от великой России... Румынская армия боролась не только за то, чтобы остановить на Днестре большевистскую угрозу, но зачастую она форсировала эту реку для взаимодействия с французскими войсками»²⁰⁷.

Он просил Антанту предоставить Румынии возможность «сопротивляться большевизму не только в собственных интересах, но и в интересах всей Европы и даже, не преувеличивая, в интересах мировой цивилизации»²⁰⁸. «Невозможно, чтобы Европа не сознавала лежащее на Румынии бремя, – продолжал глава румынской делегации, – служить необходимым барьером на пути агрессивного большевизма»²⁰⁹. Брэтиану настаивал на том, что союзники должны вознаградить Румынию не только «за её вклад в общеевропейское дело по сдерживанию большевистской опасности на Днестре, но и за взаимодействие трансильванских легионов с антибольшевистскими войсками в Сибири»²¹⁰. Вот в этом и состоял главный «аргумент» румынской олигархии в деле аннексии Пруто-Днестровской Молдовы: Бессарабия в качестве платы за участие Румынии в антисоветской интервенции. А остальные «аргументы» – «исторические, этнические, экономические» – до того момента, пока не завершилась антисоветская военная интервенция, представляли для лидеров Антанты не более чем ширму для вовлечения Румынии в антибольшевистскую борьбу. Задача Запада состояла в ликвидации Советской власти, и для этого он был готов компенсировать (разрешив ей аннексию Бессарабии) усилия Румынии «в борьбе с коммунизмом».

В связи с этим американский историк Ш.Д. Спектор отмечает: «В отношении Бессарабии, которая не была обещана Союзом (т.е. Антантой – С.Н.), премьер-министр потребовал провинцию на основе права завоевателя и плебисцита. Целостная Румыния явилась бы барьером на пути будущего проникновения России на Балканы, уверял он Совет (четырёх – С.Н.)... Он давал гарантии, что превратит Румынию в антибольшевистский плацдарм, при условии, если союзники признают его требования»²¹¹. Таким образом, для получения легального одобрения конференцией захвата Бессарабии в ход шли как аргументы об опасности «русского коммунизма», так и об «империалистических претензиях» России. Однако единственным истинным «аргументом» Брэтиану была фраза о «праве завоевателя».

Брэтиану напомнил участникам Парижской мирной конференции, что разоружение революционных русских войск на территории Румынии в декабре 1917 г. и последовавший за этим захват Бессарабии были совершены с ведома и «по предложению представителей Антанты, в письменной форме заявивших, что операция будет последним военным сотрудничеством, которого союзники вправе ожидать от Румынии»²¹². По этому вопросу известный английский историк Г.У. Темперли¹ писал, что Парижская мирная «конференция, со своей стороны, не могла не видеть и не знать того, что знала вся Юго-Восточная Европа, а именно: Румыния своими решительными действиями спасла всю эту часть мира от коммунизма и анархии»²¹³. Данную мысль разделяет и румынский историк И.М. Опря, который отмечает, что «Румыния, одновременно с защитой собственных национальных интересов, превратилась в силу, оберегающую Запад от коммунистической экспансии»²¹⁴.

В контексте создаваемого Францией и Англией антисоветского и антикоммунистического «санитарного кордона» и их стремления изолировать советское государство, построить послевоенные международные отношения вопреки его жизненным интересам, Румыния объективно становилась важным звеном в этой цепи, что толкало Запад на уступки в её пользу²¹⁵. Данная мысль очень чётко выражена голландским исследователем данного вопроса В.П. ван Мёрсом: «Позиция этих держав не имела ничего

²⁰⁷ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 224.

Всё это, и в первую очередь информация из книги г-на Опри, убедительно опровергает тезис румынской историографии о неучастии Румынии в антисоветской интервенции. Но Опря не был бы «румынским патриотом», не опровергнул он сам себя. Так, на следующих же страницах своей монографии он убеждает читателя в невмешательстве Румынии в гражданскую войну в России и в неучастии в иностранной военной интервенции против неё. // Ibid. P. 246.

А затем он вновь совершает поворот на 180° и утверждает, что союзники «посоветовали румынским властям ввести войска в Бессарабию». // Ibid. P. 277.

Этим последним он против своей воли подтверждает, что т.н. «объединение» Бессарабии с Румынией явилось следствием в первую очередь антисоветской политики Антанты.

²⁰⁸ Цит. по: Виноградов В.Н. Румыния в международных отношениях (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). // Вопросы истории. 1968, № 10. С. 21.

²⁰⁹ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 249.

²¹⁰ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 277.

²¹¹ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 110, 111-112.

²¹² Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 308.

¹ Примечание научного редактора: Специалист в области британской внешней политики и международных отношений конца XIX-го – начала XX-го вв., член английской делегации на Версальской конференции.

²¹³ Цит. по: Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919-1925. М., 1947. С. 153.

²¹⁴ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 246; см. также С. 248-249.

²¹⁵ См.: Anghel Fl. Construcții geopolitice: Unirea Basarabiei în varianta de „cordon sanitaire”. // Revista istorică. Academia Română, 2011, Nr. 1-2.

общего с международными законами, а являлась следствием их надежд увидеть конец большевистского режима»²¹⁶. Далее он отмечает, что «в этих условиях Румыния воспользовалась усилиями Франции по созданию *cordon sanitaire*. Quai d'Orsay не скрывала своей симпатии по отношению к политике создания „Великой Румынии“, которая проводилась правительством Брэтиану»²¹⁷.

Ту же мысль высказывает и американец Чарльз Кинг: «После 1917 года, в условиях, когда октябрьская революция явилась тяжелейшим уроком политическим руководителям Западной Европы, Франция и Великобритания были настроены поддерживать теснейшие связи с Румынией, на которую смотрели как на буферное государство против большевистской опасности с востока»²¹⁸.

22 февраля 1919 г. на заседании Комиссии по румынским делам, проходившей под председательством А. Тардье, И. Брэтиану заявил: «Мы не можем себе представить существование румынского народа без Днестра и Тисы. Предназначенная отделить его от славянского элемента, Бессарабия является входом в наш дом. Если она будет в чужих руках, это может подвергнуть опасности наш очаг»²¹⁹. 23 апреля он телеграфировал замещавшему его в Париже Ферикиде: «Большой опасностью в настоящее время является борьба против большевиков на наших двух фронтах (Российском и Венгерском – С.Н.). От результатов этой борьбы зависят также и наши будущие границы»²²⁰.

Находившийся в это время в Бухаресте Н. Титулеску делал заявления в том же духе: «Мы являемся частью гвардии Антанты на Востоке, той старой гвардии, которая всегда без рапорта следует за ней, мы те, кто любит, не требуя любви взамен, мы те, кто верует, не претендуя попасть за это в рай»²²¹. И данная позиция румынской политической элиты не случайна, т.к. до определённого момента лидеры Антанты ещё не решили окончательно, «передать» ли Бессарабию румынам. Как свидетельствовал А. Болдур, ещё весной 1919 г. «великие державы придерживались мнения, что невозможно отделить Бессарабию от России без согласия русского народа»²²². В этом смысле американец Ш.Д. Спектор резюмирует, что «Румынии позволили оккупировать Бессарабию до того, как союзники определяют её будущий статус»²²³. Дело в том, что они ещё надеялись на успех А.В. Колчака и А.И. Деникина в борьбе с Советской властью²²⁴, с последующим восстановлением «Великой России».

Данный тезис очень чётко высветил и американский исследователь Ч. Кинг: «Не только Советский Союз никогда не признавал объединение Бессарабии с Румынией, но и, в отличие от бывших габсбургских территорий[†], объединение это не было признано и западными державами. Граница с Бессарабией была последней и самой противоречивой дискуссионной дипломатической проблемой для участников Парижской мирной конференции. Американцев и в особенности лично Вудро Вильсона волновал тот факт, что не было проведено никакого референдума в данной провинции. Британцы и французы также не допускали признания каких-либо территориальных изменений, которые могли бы представлять опасность для белогвардейских сил, ведущих борьбу с большевиками в российской гражданской войне»²²⁵.

Эта мысль осознаётся и румынскими учёными. Так, К.И. Стан пишет следующее: «Несмотря на все усилия (румын – С.Н.), союзники сохраняли достаточную сдержанность и откладывали рассмотрение бессарабского вопроса на конференции. Великие союзные державы заключили соглашение с царским генералом[‡] Колчаком, чьи войска в начале мая 1919 г. действовали в Сибири. Для того, чтобы расплатиться за его антибольшевистские действия, Верховный Совет (Антанты – С.Н.) согласился на ампутацию прав Румынии на Бессарабию»²²⁶. То, что констатирует г-н Стан, ещё раз подтверждает правоту нашего тезиса о том, что Антанта поддержала в конце концов Румынию в Бессарабском вопросе исключительно из соображений её антисоветской борьбы²²⁷.

²¹⁶ Meurs W.P. van. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. P. 94.

²¹⁷ Ibid. P. 102.

²¹⁸ King Ch. *Moldovenii, România, Rusia și politica culturală*. P. 36.

²¹⁹ Brătianu G.I. *Origins et formation de l'Unité Roumaine*. P. 304.

²²⁰ Ibid. P. 308.

²²¹ Цит. по: Oprea I. Nicolae Titulescu. București, 1966. P. 119.

²²² Boldur A. *La Bessarabie et les Relations Russo-Roumaines*. Paris, 1927. P. 93.

²²³ Spector Sh. D. *România la Conferința de pace de la Paris*. P. 239.

²²⁴ Oprea I. *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. P. 274.

Клемансо писал Колчаку, что возвратит ему «российскую часть Бессарабии» при условии, если тот продолжит свою борьбу с большевиками. // Titulescu N. *Basarabia rămân românească*. București, 1992. P. 57.

[†] Примечание научного редактора: Имеются в виду Трансильвания, Буковина и Банат, перешедшие к Румынии в качестве «Австро-Венгерского наследства».

²²⁵ King Ch. *Moldovenii, România, Rusia și politica culturală*. P. 37-38.

[‡] Примечание научного редактора: Неточность: А.В. Колчак был адмиралом.

²²⁶ Stan C.I. *Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920)*. // *Revista istorică. Academia Română*. 2001, Nr. 1-2. P. 15.

²²⁷ См. например: Goșu A. *Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România*. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920). // *Revista istorică. Academia Română*. 1993, Nr. 9-10. P. 851; Spector Sh. D. *România la Conferința de pace de la Paris*. P. 169.

Данный вывод подтверждается и румынской исследовательницей Виорикой Мойсук: «Не следует забывать, что даже в то время Клемансо, от имени великих держав, обратился к генералу Колчаку с письмом, в котором пообещал ему передачу территории между Прутом и Днестром в обмен на продолжение борьбы против советской власти»²²⁸. Таким образом, не может быть и речи о «признании великими западными державами прав» Румынии на Бессарабию. Их позиция определялась исключительно интересами борьбы против большевизма как в годы антисоветской интервенции, так и после её провала.

После победы Власти Советов в гражданской войне, политика Антанты в отношении своего бывшего великого восточного союзника определялась единственным соображением – задачей максимального ослабления Советской России. И лишь с этой целью Румыния была поддержана в 20-е годы в её споре с СССР по бессарабскому вопросу. Как мы убедимся в дальнейшем, после начала второй мировой войны и поражения Франции позиция Великобритании в данном вопросе кардинально изменится, и в июне 1940 г. (а также и в дальнейшем) она, де-факто, по геополитическим причинам и из соображений безопасности, поддержит Советский Союз в бессарабском вопросе. В этом смысле все «аргументы» румынской историографии о «признании Западом исторических и этнических прав Румынии на Бессарабию» являются абсолютно несостоятельными или, в лучшем случае, наивными.

Тогдашний румынский премьер А. Вайда-Воевод был полностью разочарован позицией союзников в бессарабском вопросе. В своих воспоминаниях он утверждает, что Ллойд Джордж не признавал объединения Бессарабии с Румынией²²⁹. «Клемансо, – продолжает Вайда, – с явным одобрением подвёл итог: он будет говорить только после вывода ваших войск из Венгрии»²³⁰. Румынский историк А. Гошу, комментируя позицию западных дипломатов, отмечает, что «представители США... использовали бессарабский вопрос как способ давления», чтобы сделать Румынию посговорчивее²³¹. «В инструкциях Вильсона и Лансинга американским делегатам, – продолжает автор, – особо отмечалось, что вопрос о расположенной между Прутом и Днестром провинции будет обсуждаться лишь после восстановления России»²³².

Позиция Франции была, естественно, более благоприятна для Румынии, однако и некоторые члены французской делегации считали Бессарабию советской (русской) территорией. Так, «влиятельное лицо французского МИДа, директор Политического и коммерческого управления Филипп Бертело считал возможное признание Объединения Бессарабии тяжелейшей „политической ошибкой“, так как вскоре Россия восстановится как великая держава»²³³.

Частичное международное признание «объединения» Бессарабии с Румынией и его оценки. Однако, «по мере роста успехов Красной армии мнение конференции всё больше склонялось в пользу прямой передачи Бессарабии Румынии»²³⁴. После поражения Белого движения, с целью подключить Румынию к новому походу Антанты против Советской России, 3 марта 1920 г. западные союзники извещают Бухарест о признании его прав на Бессарабию²³⁵. «3 марта 1920 года Ллойд Джордж отправил послание своему румынскому коллеге, в котором дополнительно подтверждал решение Англии и других держав о признании Объединения Бессарабии с Румынией»²³⁶. Ознакомившись с посланием Ллойда Джорджа, государственный секретарь США Е. Бейнбридж Колби сделал характерную запись на полях: «Это относится к некоей сделке, по которой Румыния эвакуирует Венгрию в обмен на обещание, что она получит Бессарабию»²³⁷. Соединённые Штаты не поддержали эту «сделку», считая её противоречащей принципам международного права. В связи с этим, американский исследователь Ш.Д. Спектор пришёл к выводу, что «сменивший Лансинга Бейнбридж Колби отказался участвовать в разделе России против воли русского народа»²³⁸.

²²⁸ Moisuc V. Premisele izolării politice a României. 1919-1940. București, 1991. P. 237.

²²⁹ В письме своему румынскому коллеге британский премьер писал: «Пользуюсь возможностью, чтобы напомнить Вашему Превосходительству, что решение данного вопроса мирная конференция отложила до того, как румынское правительство осуществит эвакуацию Венгрии». // Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 188-189.

²³⁰ Vaida Voievod Al. Memorii. Vol. 2. Cluj-Napoca, 1995. P. 54.

²³¹ Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 1993, Nr. 9-10. P. 845.

²³² Ibid. P. 846.

²³³ Ibid.

²³⁴ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 89.

²³⁵ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 245; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 156.

²³⁶ Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 23; см. также: Dobrinescu V. Fl. Relații româno-engleze (1914-1933). Iași, 1986. P. 62-63; Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 1993, Nr. 9-10. P. 853; Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 281-282.

²³⁷ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 189.

²³⁸ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 282.

Другой американский историк, Роберт Лангер, отмечает, что именно после разгрома Колчака и Деникина союзники «в 1920 г. изменили свою точку зрения. В апреле 1920 г. Комиссия по югославским и румынским делам наметила проект соглашения, который предусматривал признание главными союзными державами аннексии Бессарабии Румынией, и в мае 1920 г. генеральный секретариат мирной конференции обратился с просьбой к посольству США одобрить это решение»²³⁹.

Однако позиция Вашингтона в этом вопросе осталась неизменной. В этой связи Е. Бейнбридж Колби 12 июня 1920 г. писал послу США в Париже: «Соединённые Штаты всегда отказывались быть вовлечёнными в какую-либо дискуссию относительно румынских притязаний на Бессарабию. Эта позиция с полной ясностью была продемонстрирована на заседаниях Верховного совета (Антанты – С.Н.) прошлой осенью, и Вам надлежит, если представится возможность, подтвердить эту позицию и заявить, что данное правительство (США – С.Н.) не может быть соучастником любого договора, имеющего в виду расчленение России»²⁴⁰.

Г.И. Брэтиану, оценивая «вклад Румынии в борьбу с коммунизмом», писал в 1943 г.: «События 1919 г. представляют с этой точки зрения возможность сделать вывод, которым не следует пренебрегать. Если бы тогда от Днестра до Тисы не существовало этого организованного и сознательного элемента сопротивления и отпора, каким являлась румынская армия, то призрак всемирной Красной Армии на берегах Рейна, который в виде кошмара по ночам терзал Д. Ллойд Джорджа, легко стал бы страшной действительностью»²⁴¹.

Таким образом, возникновение в международных отношениях бессарабского вопроса не было лишь результатом советско-румынского территориального спора из-за аннексии королевской Румынией Пруто-Днестровского междуречья. Он не являлся также лишь следствием стремления румынской элиты к созданию так называемой «Великой Румынии». Без поддержки западных держав, в первую очередь стремившихся после окончания первой мировой войны «подавить мировой коммунизм» и его главный бастион – Советскую Россию, Румыния никогда бы не посмела даже думать перейти от мечты об «объединении всех румынских земель» к её практической реализации. Именно стремление буржуазного мира подавить Советскую власть в России, а также, заодно, и расчёты Запада ослабить Россию геополитически, сколотив против неё широкую коалицию, в том числе все т.н. «лимитрофные страны», включая Румынию, и породили бессарабский вопрос. Румынии позволили владеть Бессарабией в качестве платы за «борьбу с большевизмом».

В этом смысле бессарабский вопрос отражал столкновение интересов различных международных акторов. В нём проступили разные векторы развития тогдашних международных отношений: и борьба с «мировой коммунистической революцией», создание «санитарного кордона» против проникновения большевизма на Запад, и геополитические устремления ведущих западных держав получить удобный плацдарм для оттеснения России на восток плюс контроль над устьем Дуная, и планы Бухареста по образованию «Великой Румынии», а также – неизбежное подчинение увеличившегося румынского государства (и его внешней политики) интересам Лондона и Парижа.

На конференции румынский премьер так настойчиво защищал интересы новорождённой «Великой Румынии» и так раздражал Жоржа Клемансо, что последний выразил пожелание выслать И. Брэтиану из Франции в сопровождении двух жандармов²⁴². «Совет (четырёх – С.Н.) посчитал необузданным темперамент и ненасытную жадность Брэтиану достаточными для принятия превентивной меры. Так как подобная реакция казалась оправданной, союзные лидеры поддались влиянию сильнейшей антипатии по отношению к Брэтиану»²⁴³. Возмущившись нагло-вымогательскому тону румынского премьера, Клемансо бросил ему реплику: «Господин Брэтиану, Вы здесь для того, чтобы слушать, а не рассуждать»²⁴⁴. Более того, «союзники... согласились с замечанием Клемансо о том, что военные усилия Румынии не оправдывают её недавние территориальные приращения»²⁴⁵.

Таким образом, западные лидеры прекрасно понимали, что румынский вклад в общую победу был чрезвычайно скромным. Более того, – в годы войны, по причине крайне низкой боеспособности, Румыния, наряду с Италией, была для них скорее обузой. И лишь стремление заинтересовать румынскую олигархию оставаться и в дальнейшем в составе единого антисоветского фронта заставляло их терпеть её претензии. Комментируя данное положение вещей, американский исследователь Шерман Дэвид Спектор пишет: «Румыния постоянно просила союзников о помощи, а сейчас была похожа „на разбойника,

²³⁹ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 156-157.

²⁴⁰ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 246.

²⁴¹ Brătianu G.I. Origins et formation de l'Unité Roumaine. P. 324.

²⁴² Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 309.

²⁴³ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 186.

²⁴⁴ Цит. по: Виноградов В.Н. Румыния в международных отношениях (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). // Вопросы истории. 1968, № 10. С. 20.

²⁴⁵ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 181.

поджидавшего в засаде, с целью воровства территорий”... (Вильсон и Ллойд Джордж – С.Н.) предложили изгнать Румынию с мирной конференции, но Клемансо и Орландо убедили их позволить Брэттиану представить свою точку зрения до того, как это решение будет принято»²⁴⁶.

В конце концов, Румыния – за небольшим исключением – получила то, чего добивалась. По этому поводу Э. Хэмингуэй^Г писал: «Случилось так, что Румыния получила земли своих соседей в любом направлении, куда только пожелал ткнуть пальцем любой из этих румын. Те, кто состряпал договор, решили, что дешево отделались от присутствия горячих румынских патриотов»²⁴⁷. По Сен-Жерменскому договору (с Австрией) было признано объединение с Румынией Буковины; по Трианонскому договору (с Венгрией) – Трансильвании. Нейский договор (с Болгарией) подтвердил румыно-болгарскую границу 1913 г. Бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх в связи с этим позднее метко заметил, что «Румынии как стране победительнице удалось сорвать тогда крупный куш»²⁴⁸. Правда, в ходе Парижской конференции вхождение Бессарабии в состав Румынии «узаконить» не удалось.

«Аннексия Бессарабии... была передана для урегулирования министрам иностранных дел, уполномоченным Большой четвёркой вести в дальнейшем работы мирной конференции»²⁴⁹. Как отмечает уже неоднократно упомянутый нами румынский историк П. Черноводяну, «таким образом, вопрос об окончательном признании новых румынских границ оставался в подвешенном состоянии»²⁵⁰.

В этом смысле очень убедительно выглядит позиция ван Мёрса, считающего, что «мирные договоры разрешили все споры о румынских границах, с единственным исключением – это граница с Россией. По сути, данный вопрос остался за пределами компетенции конференции, так как Россия не была поверженным противником, каковыми являлись Австрия, Венгрия или Болгария, а была бывшим союзником»²⁵¹. Это, т.е. «частичное» международное признание аннексии, случилось позже, – по Парижскому договору, подписанному 28 октября 1920 г., когда Франция, Великобритания, Италия и Япония (которая, однако, его не ратифицировала) признали объединение Бессарабии с Румынией²⁵².

Данное «признание» произошло с опозданием ввиду обстоятельств, о которых довольно убедительно пишет американец Ш.Д. Спектор: «Признание союзниками объединения в пользу Румынии было отложено по разным причинам: и американской сдержанности в отношении сомнительных методов, использованных Румынией для получения Бессарабии; и нежелания участвовать в разделе Российской империи; и поддержки британцами и французами „белого” движения, выдвигавшего претензии на Бессарабию; и молчаливого принятия американской тактики по затягиванию признания территориальных изменений до того, как Румыния подчинится распоряжениям Совета (четырёх – С.Н.)»²⁵³.

Таким образом, признание было частичным и, как мы увидим в дальнейшем, довольно относительным. Об этом же пишет и румынский историк К.И. Стан: «В Парижском договоре относительно Бессарабии подписавшие его великие державы не брали на себя никаких гарантий. Отмечая это, один итальянский дипломат, очевидец событий, писал, что члены Антанты „не взяли на себя никаких обязательств вмешаться в случае конфликта”. Таким образом, и речи быть не может о надёжном, полном и окончательном решении вопроса»²⁵⁴. Если кто-то надеялся на «полное и окончательное решение», то это были явно преувеличенные и иллюзорные претензии, так как решение могло быть окончательным, лишь в случае согласия на него со стороны России.

²⁴⁶ Ibid. P. 183.

^Г Примечание научного редактора: В то время газетный репортёр в Европе.

²⁴⁷ Хэмингуэй Э. Репортажи. М., 1965. С. 80.

²⁴⁸ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 105.

²⁴⁹ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 192.

²⁵⁰ Cernovodeanu P. Basarabia. P. 175.

²⁵¹ Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 94.

²⁵² См.: Tratatul privitor la Unirea Basarabiei cu România, semnat la 28 octombrie 1920 de către Marea Britanie, Franța, Italia, Japonia. // Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente. Chișinău, 1993. P. 301-304; Beccarabia на перекрёстке европейской дипломатии. С. 247; Poștarencu D. O istorie a Basarabiei în date și documente (1812-1940). Chișinău, 1998. P. 167-170; Scurtu I. Istoria României. Între 1918-1940. București, 1986. P. 36; Campus E. Din politica externă a României. 1913-1947. București, 1980. P. 230-236; Agrigoroaiei I., Palade Gh. Basarabia în cadrul României întregite. 1918-1940. Chișinău, 1993. P. 70; Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 154-157; Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. 1940. Chișinău, 2007. P. 93; Cojocaru Gh. Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998. P. 156; Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. P. 347-350; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 311; Nanu F.C. Politica externă a României. P. 115; Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 1993, Nr. 9-10. P. 855.

²⁵³ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 280.

²⁵⁴ Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 26.

Но РСФСР и Украина заявили, что не признают законности этого договора²⁵⁵. Американский историк Адам Улам отмечает по этому поводу: «Советская Россия никогда не отказывалась от своего права на эту территорию, фактически захваченную Румынией в 1918 г. силой»²⁵⁶. «Всё-таки Советская Россия, а затем СССР, не подписали договор, не ратифицировали и не признавали его, а это, по мнению некоторых, лишает его какой-либо юридической силы»²⁵⁷ – признаёт К. Стан. Очень верная констатация румынского историка! Соединённые Штаты также не признали объединения Бессарабии с Румынией. Р. Лангер пишет, что США решительно отказались «участвовать в каком-либо соглашении, касающемся расчленения России»²⁵⁸. Ш.Д. Спектор также убеждён, что «американцы стойко выполняли своё обещание и отказались участвовать в разделе русской территории»²⁵⁹.

Однако путь Румынии даже к этому иллюзорному результату был совсем не прост. С этой целью между 16 января и 13 марта 1920 г. румынский премьер А. Вайда-Воевод несколько раз отправлялся в Париж, где перед членами Межсоюзнической комиссии раскрыл позицию своего правительства по восточной границе своей страны. Тогда же он посещал и Лондон, где вёл переговоры с Ллойд Джорджем. В конечном счёте, в отличие от американцев, англичане и французы согласились с восточной границей Румынии по Днестру²⁶⁰.

9 марта Парижская конференция союзных и присоединившихся держав представила Бухаресту ноту, в которой отмечала, что «Союзные правительства считают, что... в интересах Румынии... не следует и в дальнейшем затягивать решение бессарабского вопроса... Главные союзные державы выступают... за воссоединение Бессарабии с Румынией; ...они желают заключить договор о признании данного факта»²⁶¹. На межсоюзнической конференции в Сан-Ремо (24-25 апреля) британский министр иностранных дел лорд Керзон представил для утверждения вышеприведённый текст. В ходе новых переговоров следовало лишь добиться его признания и со стороны России²⁶².

Однако о каком-либо «его признании со стороны России» не могло быть и речи. 1 ноября ленинское правительство выступило с протестом против признания договора от 28 октября, заявив, что и в дальнейшем считает Бессарабию советской территорией²⁶³. На этот протест А. Авереску и Т. Ионеску ответили, что «объединение Бессарабии с Румынией является окончательно решённым вопросом и румынское правительство не ставит данный факт под вопрос. Второстепенные вопросы об изменении суверенитета были решены вышеуказанной конвенцией и являясь единственными решениями, способными урегулировать отношения между Румынией и Россией»²⁶⁴.

Но не одна Россия не признавала законность аннексии. Неизменной оставалась и позиция США. 2 октября 1920 г. госсекретарь Колби написал Вудро Вильсону следующее: «Имея в виду наш постоянный отказ одобрить политику, направленную на расчленение России, – как это было подчеркнуто в ноте итальянскому послу, – я склонен проинструктировать посла Уоллеса в том смысле, что мы не подпишем договор относительно Бессарабии, и что, по нашему мнению, поспешные действия в этом деле могут лишь способствовать предоставлению большевикам нового предлога для раздувания национальных настроений на том основании, что союзники распоряжаются российской территорией.

В ожидании Вашей точки зрения насчёт уместности подобного курса, я буду рад узнать, – как Вы считаете, достаточно ли изложить нашу позицию на конференции послов или желательно заявить определённый протест в связи с предполагаемой акцией союзников»²⁶⁵. Ниже на этом документе была про-

²⁵⁵ Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 69; Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. М., 1944. С. 522; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 247-248; Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 158; Nanu F.C. Politica externă a României. P. 115.

²⁵⁶ Ulam A.B. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy. 1917-1967. New York – Washington, 1968. P. 28.

²⁵⁷ Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 27; см. также: Duțu T. Tratatul diplomatic român-ruso-ucrainean privind frontiera de răsărit a României. // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 36.

²⁵⁸ Цит. по: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 157.

²⁵⁹ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 192.

²⁶⁰ Cernovodeanu P. Basarabia. P. 177.

²⁶¹ Ibid. P. 177-178; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 245; Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. Iași, 1929. P. 339-340; Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente, București, 1929. P. 277-278, doc. CXCVI.

²⁶² Cernovodeanu P. Basarabia. P. 178.

²⁶³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. С. 522; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 247-248; Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 69.

²⁶⁴ Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940. Iași, 1991. P. 87-88; см. также: Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 26; Duțu T. Tratatul diplomatic român-ruso-ucrainean privind frontiera de răsărit a României. // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 48.

²⁶⁵ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 246.

ставлена собственноручная резолюция президента В. Вильсона: «Я полностью разделяю Ваш взгляд и надеюсь, что Вы отправите предложенные Вами инструкции. В.В.»²⁶⁶.

Непосредственно накануне подписания договора, 27 октября, американский посол во Франции Хьюг К. Уоллес ещё раз попытался воспрепятствовать этому²⁶⁷, не преминув при этом заявить, что союзники «льют воду на мельницу большевиков»: «Подписание договора в столь неподходящее время будет способствовать большевистскому делу с далеко идущими и зловещими последствиями»²⁶⁸. Идентичной была в этом вопросе и позиция президента В. Вильсона. Однако румынский историк И. Константин делает из этого «удивительный своей оригинальностью» вывод: «Этим объясняется, почему под договором от 28 октября 1920 года нет подписи США, однако это не означает, что Соединённые Штаты никогда не признавали мартовского 1918 года Объединения»²⁶⁹. По всей видимости, какие-либо комментарии излишни...

Находясь на платформе соблюдения принципов международного права, США и впоследствии никогда не признавали законности данного договора. Так, 21 июня 1923 г. румынскому посланнику в Вашингтоне объяснили в госдепартаменте: «Сама Россия никогда не признавала отделения Бессарабии, а наша позиция заключалась в том, чтобы не признавать частей Российской империи, если только сама Россия этого не сделала. В этом смысле положение Бессарабии отличается от ситуации Прибалтийских стран, Польши и Финляндии»²⁷⁰.

В процессе изучения данной проблемы представляет интерес для исследователей и запись беседы от 23 июля 1923 г. американского посла в Бухаресте П. Джея с оставшимся в городе бывшим российским посланником С.А. Поклевским, в которой американской стороной отвергается румынская версия о «добровольном» вхождении нашего края в состав Румынского королевства. Американский посол следующим образом комментировал очередной румынский меморандум: «По моему мнению, наиболее значительным из всех фактов, касающихся Бессарабии и совершенно обойдённых в меморандуме, является то, что провинция остаётся в условиях чрезвычайного положения со времени её аннексии, а военное управление, осуществляемое с явно шокирующими злоупотреблениями, вызывало повторные и безрезультатные протесты в румынском парламенте со стороны более прогрессивных депутатов оппозиционных партий... Продление военного режима объясняют опасением нападений русских, но это объяснение, которое можно принять отчасти, касается зоны вдоль границы, но оно представляется притянутым, когда его распространяют на всю провинцию и, думается, призвано скрыть реальное недовольство со стороны очень значительной части общественности»²⁷¹.

«Таким образом, – отмечает известный российский исследователь В. Виноградов, – остались три страны – Англия, Франция, Италия и, естественно, Румыния. Это беспрецедентный в истории случай: три государства, среди которых ни одно формально не находилось в состоянии войны с Россией, допустив нарушение всех норм международного права, дали своё согласие на отрыв части территории вышеуказанной страны»²⁷². Правда, и в западных странах не все политики считали законным подписание Договора от 28 октября. Так, например, в 1931 г. французский премьер Э. Эррио заявил Н. Титулеску, что «в момент, когда Франция признала аннексию Бессарабии, подписав договор 1920 г., она совершила ошибку»²⁷³.

В этом контексте сам Н. Титулеску отмечал, что, хотя договор от 28 октября 1920 г. не освятил право Румынии на Бессарабию, он имел всё-таки «огромное моральное значение»²⁷⁴. Данная мысль была более подробно изложена выдающимся румынским дипломатом в его рапорте-меморандуме, посвящённом истории советско-румынских отношений и отправленном королю Карлу II в начале 1940 г.: «Чего стоит с юридической точки зрения Договор 1920 года? Конечно, аргументы англичан очень убедительны: нельзя владеть территорией какой-либо страны без её согласия и данная воля должна быть выражена в очень точных формулировках. У нас же была допущена ошибка считать данный договор источником права, с условием его ратификации подписантами... Но и тогда, естественно, следует констатировать, что данный Договор 1920 года не имеет юридической силы, даже в соответствии с высказанным самими же румынами тезисом... Даже если оставить в стороне политические заблуждения некоторых румынских деятелей, следует признать, что юридически Договор 1920 г. не предоставляет нам Бессарабию. Он имеет, однако, огромное моральное значение»²⁷⁵.

²⁶⁶ Ibid. С. 247.

²⁶⁷ Turcanu I. Istoria relațiilor internaționale. Chișinău, 2005. P. 122.

²⁶⁸ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 189.

²⁶⁹ Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 26.

²⁷⁰ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 190.

²⁷¹ Ibid. С. 191.

²⁷² Vinogradov V. Cum s-a comportat Antanta cu Moldova. Problema Basarabiei și Conferința de pace de la Paris. // Glasul Moldovei. 1996, 13 mai.

²⁷³ Titulescu N. Documente confidențiale. P. 98.

²⁷⁴ Titulescu N. Basarabia pământ românesc. P. 50.

²⁷⁵ Titulescu N. Documente confidențiale. P. 92-93.

Того же мнения придерживался и другой известный румынский дипломат А. Кретзяну: «Если рассматривать вопрос с точки зрения международного права, договор о Бессарабии имеет больше моральное значение»²⁷⁶. В одной из своих работ он признаёт юридическую несостоятельность Парижского протокола. «Вопрос о Бессарабии, – пишет Кретзяну, – продолжал оставаться нерешённым. Верная политике „колючей проволоки“, которую поддерживал Клемансо, Румыния в первые годы прихода коммунистов к власти в России упустила все имеющиеся в её распоряжении благоприятные возможности, чтобы добиться официального признания Кремлём воссоединения Бессарабии»²⁷⁷. Более того, и румынское правительство также понимало, что Парижский протокол мог считаться вступившим в силу лишь после его ратификации всеми странами, его подписавшими²⁷⁸. Эту истину признают и некоторые честные румынские историки. Так, например, Фл. Константиу отмечает, что «Япония осталась единственной из подписавших договор держав, не ратифицировавшей его, что предопределило его дальнейшую недействительность»²⁷⁹.

Несмотря на это, в румынской и «около-румынской» исторической науке господствует мнение, что 28 октября 1920 г. имело место полноценное международное признание «объединения» Бессарабии с Румынией²⁸⁰. Так, например, И.М. Опря отмечает, что «посредством попыток непризнания договора 1920 года на деле обосновывается взятие Румынией на себя обязательства просить разрешения на Бессарабию у русских»²⁸¹. А молдавский историк Лидия Пэдурак приходит к следующему выводу: «В результате деятельности румынской дипломатии в октябре 1920 года было подписание Парижского договора, признавшего права Румынии на Бессарабию. Это стало поражением для Советов»²⁸².

Этим заявлением фактически игнорируется тот факт, что данное «признание» было неполным, не только благодаря отказу США примкнуть к нему, но, что ещё важнее, из-за его непризнания другой стороной международного конфликта – Россией, а также по причине того, как происходило данное «признание». Юридическая суть вопроса состоит в том, что документ от 28 октября 1920 г. касательно Бессарабии мог вступить в силу лишь при условии его ратификации всеми подписавшими его сторонами²⁸³. По причине его нератификации Японией он никогда не вступил в действие и не считался легитимизированным. «По правде сказать, договор никогда не вступил в законную силу»²⁸⁴, – убеждён голландский исследователь В.П. ван Мёрс. Однако определённое «моральное значение» (но никак не юридическое) данный документ, конечно же, имел.

Ш. Дэвид Спектор подводит своеобразный итог процессу образования так называемой «Великой Румынии». Однако его выводы, как и выводы голландца В.П. ван Мёрса, абсолютно противоречат румынистской концепции об «объективной неизбежности образования единого Румынского государства», о том, что оно стало результатом «неустанной многовековой деятельности всего румынского народа». «Реализация этого проекта лишь частично обязана деятельности румынского народа как единого целого. „Великая Румыния“ большей частью явилась результатом искусной дипломатии Брэтиану, по сути, поддержанной антикоммунистической политикой многих стран. И всё-таки Брэтиану не решил проблем Румынии. Наоборот, лишь обострил их, создав империю, а не нацию»²⁸⁵, – отмечает историк.

Если исследователь стремится оставаться не на позициях «румынского патриотизма», а на платформе научной объективности в процессе анализа и оценки исторических событий, будет трудно не согласиться с этими выводами. Это верно в особенности, если иметь в виду, что Бессарабия была включена в состав Румынии посредством насилия, против воли подавляющего большинства её населения (более 97%), и не забывать тот факт, что большинство молдаван никогда не считали себя румынами. Но не только молдаване Бессарабии, но и миллионы венгров, евреев, немцев, украинцев, болгар и т.д. стали «подданными Его Величества Фердинанда Румынского» против своей воли. Именно в этом смысле следует понимать вывод Спектора о том, что «Брэтиану создал империю, а не нацию». Таким образом,

²⁷⁶ См.: Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale. P. 123.

²⁷⁷ Cretzeanu A. The Lost opportunity. London, 1957. P. 25.

²⁷⁸ ДВП СССР. Т. 10. С. 164.

²⁷⁹ Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 311.

²⁸⁰ См.: Cernovodeanu P. Basarabia. P. 181; Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. I; Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924). // Revista istorică. Academia Română. 1992, Nr. 7-8. P. 722; Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 57.

²⁸¹ Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924). // Revista istorică. Academia Română. 1992, Nr. 7-8. P. 722.

²⁸² Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 57.

²⁸³ В этом смысле В.П. ван Мёрс считает, что «условие о том, что договор вступал в силу лишь после его ратификации всеми подписантами, вызвало серьёзную дипломатическую напряжённость в 20-е годы». // Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 95.

²⁸⁴ Ibid. P. 103; ту же мысль высказывает и немецкий исследователь румынского происхождения А. Зуга. // См.: Suga A. Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwicklung des Landes. S. 54-58.

²⁸⁵ Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. P. 283.

появление на карте Европы «Великой Румынии» стало результатом международной конъюнктуры, порождённой стремлением великих капиталистических держав подавить пролетарскую революцию. Очень чётко эту мысль выразил П.К. Лучинский, заметивший, что «Объединение 1918 года явилось призывом стечения обстоятельств»²⁸⁶.

Бессарабский вопрос в международных отношениях в 20-е годы. Главной целью внешней политики Румынии в межвоенный период было удержать границы, установленные в результате первой мировой войны²⁸⁷. «Достижение международного признания изменившихся границ оказалось намного сложнее простого заявления об объединении и осталось одной из основных задач румынской дипломатии в межвоенное время. Однако, как и в прошлом, разнородная культура и неоднозначная идентичность жителей Бессарабии – от национальных меньшинств до самих молдаван – стали главным предметом разногласий»²⁸⁸, – пишет Ч. Кинг.

В вопросе о границах Румыния неизменно стремилась опереться на западные страны, добиться от них очередных «гарантий» своего территориального «status quo», одновременно укрепляя военные союзы с соседями. Так, в связи с истечением срока действия румыно-польского союзного договора от 26 марта 1921 г.²⁸⁹ правительства Румынии и Польши подписали 26 марта 1926 г. т.н. Гарантийный договор о взаимной военной помощи в случае нападения на одну из сторон любого государства²⁹⁰. Фактически этот договор носил антисоветскую направленность²⁹¹.

Румынские политики считали Францию и Великобританию главными гарантами территориальной целостности Румынии. Но политическая заинтересованность Франции в Румынии оставалась довольно скромной на всём протяжении 20-30-х годов²⁹². Даже подписание в 1926 г. Договора о политическом союзе между двумя странами²⁹³ состоялось по инициативе Румынии. Французское правительство не было заинтересовано и в военном альянсе с Румынией, поскольку считало её армию неспособной на серьёзные военные операции. И этот договор, даже обновлённый в 1936 г., не обязывал Францию в случае необходимости встать на поддержку Румынии²⁹⁴. И «всё же, благодаря подписанию 10 июля 1926 г. франко-румынской военной конвенции, международные позиции Румынии укрепились...»²⁹⁵. Дело в том, что данным договором Франция «гарантировала» Румынии границу по Днестру. В связи с этим, 2 октября 1926 г. Советское правительство направило премьер-министру Франции Р. Пуанкаре ноту протеста²⁹⁶.

Поскольку к этому моменту Парижский протокол 1920 г. ратифицировали лишь Англия и Франция, Советский Союз прилагал все усилия, чтобы удержать от его ратификации Италию и Японию. Так, НКВД Г.В. Чичерин 5 декабря 1926 г. на пресс-конференции в Берлине очень критично высказался²⁹⁷ по поводу сентябрьского заявления итальянского маршала Бадольо, сделанного в Кишинёве, о готовности Италии «маршировать в первых рядах против СССР»²⁹⁸.

В связи с подписанным 16 сентября 1926 г. итало-румынским Договором о дружбе и сотрудничестве²⁹⁹, который рассматривался Бухарестом в качестве подготовительного шага к ратификации Италией Протокола от 28 октября 1920 г.³⁰⁰, 6 октября 1926 г. Б. Муссолини была вручена советская нота протеста, в которой обращалось внимание итальянского правительства на непризнание советским прави-

²⁸⁶ Lucinschi P. *Moldova și moldovenii*. P. 211.

²⁸⁷ Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K. etc. *Istoria României*. P. 443; Hitchins K. *România. 1866-1947*. Buc., 1998. P. 420.

²⁸⁸ King Ch. *Moldovenii, România, Rusia și politica culturală*. P. 34.

²⁸⁹ Convenția de alianță defensivă între Regatul României și Republica Poloniei. // *Documente privind istoria României între anii 1918-1944*. P. 490-491; см. также: Bossy R. *Amintiri din viața diplomatică*. Vol. I (1918-1937). București, 1993. P. 50; Scurtu I. *Istoria României în anii 1918-1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură*. București, 1996. P. 27.

²⁹⁰ Hrenciuc D. *Considerații asupra evoluției relațiilor româno-polone în perioada interbelică*. // *Revista istorică. Academia Română*. 2004, Nr. 5-6. P. 169, 173; Scurtu I. *Istoria României în anii 1918-1940*. P. 27.

²⁹¹ Лебедев Н.И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. (Из истории румынского фашизма, монархии и её внешнеполитической «игры на двух столах»). М., 1968. С. 16.

²⁹² Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K. etc. *Istoria României*. P. 443; Hitchins K. *România. 1866-1947*. P. 421.

²⁹³ Tratatul de prietenie dintre Franța și România (10.VI.1926). // *Documente privind istoria României între anii 1918-1944*. P. 498-500; см. также: Scurtu I. *Istoria României în anii 1918-1940*. P. 27; Campus E. *Politica externă a României în perioada interbelică*. București, 1975. P. 21.

²⁹⁴ Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K. etc. *Istoria României*. P. 443-444; Hitchins K. *România. 1866-1947*. P. 421.

²⁹⁵ Meurs W.P. van. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. P. 103.

²⁹⁶ ДВП СССР. Т. 9. С. 472-473.

²⁹⁷ Ibid. С. 570.

²⁹⁸ Ibid. С. 650.

²⁹⁹ Scurtu I. *Istoria României în anii 1918-1940*. P. 27.

³⁰⁰ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 218.

тельством «присоединения» Бессарабии к Румынии. В ней также предупреждалось, что каждый подобный акт со стороны любого правительства будет рассматриваться как открытое проявление недружелюбия по отношению к СССР, как выпад против него³⁰¹.

Однако, несмотря на советскую позицию, 7 марта 1927 г. итальянский парламент ратифицировал Парижский протокол. Вслед за Францией Италия также гарантировала Румынии «территориальную целостность». 17 марта правительство СССР выступило с протестом, в котором указало, что судьба Бессарабии может быть решена только свободным волеизъявлением её населения. В ноте подчёркивалось, что отказ Румынии от плебисцита в Бессарабии является доказательством того, что она удерживает этот край в своём составе против воли его жителей, и «СССР по-прежнему и неизменно продолжает считать аннексию Бессарабии Румынией фактом голого насилия»³⁰².

Комментируя ратификацию Парижского протокола итальянским парламентом, английская «Manchester the Guardian» («Манчестер Гардиан») писала: «Немыслимо определять законное право на русскую территорию без согласия России». Газета опровергала также слухи о том, что Советский Союз якобы «готовит против Румынии агрессию на Днестре», тем фактом, что «только законная граница может стать предметом агрессии или интервенции». Констатируя это обстоятельство, «Манчестер Гардиан» заключала: «Если бы Бессарабия была частью Румынии, Лига Наций по ст. X её Устава должна была бы предпринять санкции против любой нации, намеревающейся захватить Бессарабию и вырвать её из власти Румынии. В настоящее же время вход советских войск в Бессарабию не нарушил бы ни одного международного договора»³⁰³. 14 марта 1928 г. Япония уведомила СССР, что пока не собирается ратифицировать Парижский протокол³⁰⁴.

27 августа 1928 г. в Париже был подписан известный пакт Келлога – Бриана, содержание которого сводилось к отказу от войны как средства урегулирования международных конфликтов и к разрешению разногласий между государствами только мирными средствами³⁰⁵. 6 сентября Советское правительство присоединилось к нему, и вскоре СССР первым ратифицировал его. «Румынское правительство сочло, что, подписав данный протокол, Советский Союз формально отказался от нового завоевания Бессарабии»³⁰⁶. Поскольку некоторые западные страны затягивали ратификацию пакта, 29 декабря 1928 г. Советское правительство предложило своим соседям считать пакт Келлога – Бриана обязательным и вступившим в силу даже в том случае, если другие страны его не ратифицируют. 9 февраля 1929 г. в Москве Советским Союзом, Польшей, Эстонией, Латвией и Румынией был подписан протокол о досрочном введении в действие пакта Келлога – Бриана. Несколько позже к Московскому протоколу присоединились Турция, Литва и Иран³⁰⁷.

Ещё 11 января 1929 г. в ноте польскому правительству³⁰⁸, а затем в день подписания Московского протокола Советское правительство устами Наркома иностранных дел М.М. Литвинова подчеркнуло неизменность своей позиции в бессарабском вопросе³⁰⁹. Однако румынское правительство в лице министра иностранных дел Г. Миронеску изображало данный акт как «уступку» со стороны СССР в бессарабском вопросе, как «разрешение» последнего³¹⁰.

В ответ советская сторона выступила с опровержением румынской интерпретации подписанного документа: «Заявление румынского министра иностранных дел не может быть названо иначе, как попыткой введения в заблуждение общественного мнения своей страны, равно как и общественного мнения Европы... Никогда, нигде и ни по какому поводу СССР не заявил о своём согласии на подобное толкование Московского протокола. Отказ от применения войны, конечно, не является и не может явиться отказом от прав на оккупированную Румынией территорию»³¹¹.

Эта истина осознавалась и здравомыслящими людьми в самой Румынии. Так, в статье «Вопрос о Бессарабии остаётся» бухарестская газета «Универсул» писала: «С подписанием Московского протокола обе стороны (СССР и Румыния – С.Н.) отказываются от войны как средства разрешения вопроса о Бессарабии, но это не означает отказ от претензий разрешить проблему мирным путём... Все старые и серьёзные споры между Румынией и Советской Россией остаются открытыми»³¹².

³⁰¹ ДВП СССР. Т. 9. С. 481.

³⁰² ДВП СССР. Т. 10. С. 110.

³⁰³ Цит. по: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 219.

³⁰⁴ ДВП СССР. Т. 11. С. 163.

³⁰⁵ Ibid. С. 503-506; Т. 12. С. 66-70.

³⁰⁶ Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 103.

³⁰⁷ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 256.

³⁰⁸ ДВП СССР. Т. 12. С. 24.

³⁰⁹ Ibid. С. 67.

³¹⁰ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 221-222; Копанский Я.М. Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской родиной (1918-1940). Кишинёв, 1975. С. 69.

³¹¹ Известия ЦИК СССР. 1929, 10 февраля.

³¹² Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 310.

4 декабря 1929 г. на сессии ЦИК СССР М.М. Литвинов ещё раз подтвердил позицию своего правительства: «Мы не можем не вспомнить, что на юго-западной нашей границе одна из провинций, формально не отделившаяся от нашего Союза, находится ещё в оккупации другой страны... Я имею в виду Бессарабию, население которой никогда не переставало стремиться к воссоединению с нашим Союзом, о чём мы забывать не можем»³¹³.

4. Вопрос о Бессарабии в советско-румынских отношениях в 1920-1939 гг.

Обсуждение статуса Бессарабии в первой половине 20-х годов. Бессарабия была долголетним спорным вопросом между Румынией и Советским Союзом. По справедливому замечанию академика А. Лазарева, «специфическая особенность положения Бессарабии заключалась как раз в том, что, в отличие от Финляндии, Польши, Эстонии, Литвы и Латвии, чья независимость была признана Советским правительством, насильственная аннексия этого края иностранной державой – королевской Румынией – никогда не признавалась Советской республикой, которая всегда считала Бессарабию частью советской территории... И хотя в Бухаресте с назойливым упрямством Днестр именовали „границей” между Румынией и СССР, никто из советских представителей никогда не давал согласия на установление государственной границы по этой реке»³¹⁴. Данную постановку вопроса полностью поддерживает и другой молдавский советский историк А.Г. Морарь, отмечая, что «Советское правительство законно рассматривало Бессарабию как часть Советского Союза и настойчиво добивалось её освобождения»³¹⁵.

Анализируя политико-юридические основания «присоединения» Бессарабии к Румынии, данную мысль в новых условиях фактически повторил и известный молдавский юрист А.Д. Буриан: «Тот факт, что Советский Союз никогда не признал этой передачи и не подписывал никаких соглашений, её легализующих, с точки зрения международного права поставил бессарабский вопрос в ряд неразрешённых, требующих юридического урегулирования»³¹⁶. Данную истину признавал и видный румынский политик 30-х – 40-х годов XX-го века Г. Тэтэреску, который в июле 1940 года писал следующее: «Советы никогда формально не признавали объединения Бессарабии»³¹⁷.

Надеясь на скорое падение Советской власти, королевское правительство не торопилось начинать прямые переговоры с Москвой. «Румынское правительство не спешило с возобновлением переговоров, так как международная конъюнктура благоприятствовала ему. Великие державы стремились устранить Советы от власти, и согласие на переговоры с русскими вызвало бы их недовольство. Румыния не желала разменять возможное признание своих границ со стороны непризнанного российского правительства на признание со стороны великих держав»³¹⁸.

³¹³ ДВП СССР. Т. 12. С. 631.

³¹⁴ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 171.

³¹⁵ Афтенюк С.Я., Морарь А.Г. Критика антикоммунистических извращений истории Советской Молдавии. С. 26.

³¹⁶ Burian A. Geopolitica lumii contemporane. P. 340.

³¹⁷ Tătărescu Gh. Mărturie pentru istorie. București, 1996. P. 238.

³¹⁸ Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 35; см. также вывод автора на С. 56: «В 1919-1929 гг. бухарестские власти не были склонны признавать петроградское большевистское правительство в обмен на признание последним границ Румынии, установленных великими державами на Парижской мирной конференции».

Правда, в другом месте автор полностью противоречит себе, приводя следующую информацию: «Ион И.К. Брэтиану 13 июня [1924 г.] через Эррио обратился к Пуанкаре намекнуть СССР, что „Франция не может представить себе нормальных отношений с Россией, если последняя будет стремиться возобновить дискуссию по бессарабскому вопросу, являющемуся окончательно решённым”». // Ibid. P. 64.

Данный маневр главы румынского правительства доказывает полную несостоятельность тезиса о том, будто Бухарест «не был заинтересован» в признании Советским правительством «границы» по линии Днестра. Те, кто поддерживает его, напоминают скорее лису из басни Доница, которая, не сумев достать высоко растущий виноград, объявила его «кислым». Более того, уже в следующем предложении наш автор приводит информацию, которая опровергает «незаинтересованность» Румынии в признании «границы» по Днестру: «Ни Франция, ни Балканские страны не желали осложнять своё положение из-за румынских интересов». // Ibid.

На других страницах своей работы госпожа Пэдуряк приводит немало примеров, которые, если только можно так выразиться, заколачивают «последний гвоздь» в теорию о «незаинтересованности»: «В декабре 1925 года Н. Титулеску проявил интерес к позиции Бенеша и заявил: „Если Чехословакия и Югославия поддержали бы нас в дискуссии с русскими, в особенности сейчас, когда Советы укрепляются и европейские государства стремятся к договорённости с ними! Мы же рискуем остаться в изоляции, так как никто и никогда не будет ставить румынские интересы превыше собственных. Наше положение улучшается лишь тогда, когда наши интересы совпадают с интересами других государств, однако это не случай с Бессарабией”». В другом месте наш автор пишет, снова полностью опровергая себя: «Румыния была готова к переговорам (с СССР – С.Н.), но только в случае признания своих границ». И, чтобы не переутомлять читателя, последнее в

В 20-е годы румынское и советское правительства постоянно вели переговоры о Бессарабии, но не смогли изменить свои первоначальные позиции. «Несколько переговорных раундов сменяли друг друга в '20-е – '30-е годы, однако ни один из них не смог решить бессарабского вопроса»³¹⁹. К аналогичной констатации приходит и И.М. Опря, отмечая, что в 1920-1921 гг. «антагонистические позиции сторон..., несмотря на прилагаемые усилия, остались непримиримыми»³²⁰.

Так, между 9 и 14 февраля 1920 г. румынский посол в Англии Д.Н. Чотори вёл в Копенгагене переговоры с М.М. Литвиновым, а позже с Л.Б. Красиным³²¹. А 18 февраля В.И. Ленин заявил корреспонденту «New York Evening Journal», что Россия не собирается нападать на Румынию и Польшу³²². Вслед за этим 24 февраля советский министр (народный комиссар) иностранных дел Г.В. Чичерин предложил бухарестскому правительству начать переговоры с целью нормализации отношений между двумя странами, выразив уверенность, что противоречия могут быть урегулированы при проявлении доброй воли³²³.

Анализируя дипломатическую тактику советской стороны в этом и других эпизодах, российские исследователи В.Н. Виноградов и М.Д. Ерещенко отмечают следующий момент: «Между прочим, уже при выборе времени и условий приглашения румынских партнёров к переговорам проявилась специфическая черта советской дипломатии в межвоенный период: переговоры предлагались чаще всего как превентивное средство достижения согласия по „спорным вопросам“ в условиях, когда где-то рядом, за кулисами дипломатии, ощущалась зримая сила Красной Армии либо, напротив, чувствовалась слабость позиций противостоящей стороны. Именно поэтому в стиле советских нот в адрес Румынии преобладал ультимативный тон. Этот отпечаток присутствовал и в ноте от 24 февраля 1920 г. с первым приглашением к столу переговоров (так же как и в ноте спустя два десятилетия – 26 июня 1940 г. – с ультиматумом о возвращении Бессарабии СССР)»³²⁴. В принципе, мы согласны с данной постановкой вопроса, однако несколько не до конца понятна позиция авторов – что же, советской стороне следовало выдвигать свои требования в момент слабости? Или советской дипломатии не следовало учитывать силу Красной Армии при достижении поставленных задач?

На указанное предложение румынский премьер А. Вайда-Воевод 3 марта ответил согласием, выдвинув, однако, в качестве предварительного условия признание включения Бессарабии в состав Румынии³²⁵. В ответной ноте он подчеркнул, что «Румыния завершила своё национальное объединение» и что она «придерживалась и придерживается принципа воздержания от вмешательства во внутренние дела соседней страны»³²⁶.

Но до того, как дать ответ, он заручился признанием со стороны Лл. Джорджа относительно «прав» Румынии на Бессарабию. «Как опытный и искушённый в международном праве политик, – отмечают В. Виноградов и М. Ерещенко, – он понимал, что ссылки на принятое одним Сфатул Цэрий решение о „волеизъявлении народа“ – весьма слабый и сомнительный аргумент в переговорах с советской стороной»³²⁷. Таким образом, в советско-румынских отношениях произошла своеобразная «оттепель».

этом ряду: «12 декабря (1928 г. – С.Н.), Г. Гафенку подчеркнул, что положительный аспект какой-либо договорённости с Советским Союзом состоит в укреплении безопасности границ, пусть даже мнимой». // Ibid. P. 66, 69, 70.

Таким образом, не может быть и речи о каком-либо «нежелании» Румынии, а скорее, это тот случай, когда другие «страны не желали осложнять» себе жизнь. Румынская же элита, «спала и видела во снах» признание Советским Союзом «границы по Днестру».

³¹⁹ King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. P. 38.

³²⁰ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 252.

³²¹ Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 22; Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 1993, Nr. 9-10. P. 852.

В румынской историографии получил широкое распространение миф румынской дипломатии о том, будто бы Л. Красин заверил Д. Чотори в том, что Советское «правительство желает признать „объединение Бессарабии“». // См. например: Nanu F.C. Politică externă a României. P. 114.

Эту же мысль пытается внушить и академик Опря: «Чотори... считал, что его переговоры с русскими в Копенгагене и Лондоне „подожгли к точке достижения признания объединения Бессарабии с Румынией“ и даже вопрос золотого запаса „был близок к своему решению“». // Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 263.

³²² ДВП СССР. Т. 2. С. 372.

³²³ Ibid. С. 390; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 250-251, 273; Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 237-238.

³²⁴ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 251.

³²⁵ Cernovodeanu P. Basarabia. P. 177; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 188; Bossy R. Amintiri din viața diplomatică. P. 47.

³²⁶ ДВП СССР. Т. 2. С. 403; Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 48.

³²⁷ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 251.

Вновь сменивший А. Вайду-Воевода генерал А. Авереску уверял в своей ноте от 8 октября 1920 г., будто Румыния придерживалась в отношении России «совершенного и безусловного нейтралитета»³²⁸. В следующей ноте от 21 октября (полученной 22-го) он также утверждал, что между двумя странами «нет никаких спорных вопросов»³²⁹.

Голландский исследователь В.П. ван Мёрс, со ссылкой на румынского дипломата Филити, отмечает, будто «в ходе неофициальных дискуссий советский представитель Максим Литвинов согласился на признание румынского суверенитета над Бессарабией в обмен на золотой запас Румынии, конфискованный ранее Советским правительством... В Лозанне Христианом Раковским было в последний раз сделано подобное предложение»³³⁰. В действительности же, утверждения подобного рода являются вымыслом румынской дипломатии и историографии, выдумкой, не имеющей никакого документального подтверждения³³¹.

В своих нотах от 8 и 17 марта, 5 августа, 29 сентября, 13 октября 1920 г. советская сторона постоянно напоминала, что на переговорах предстоит урегулировать «территориальный вопрос»³³². «Основа, на которой Российское Советское Правительство предпочитает вести переговоры с Румынией, сводится к точному соблюдению прав заинтересованных государств и народов», – отмечалось в советской ноте от 13 октября 1920 г.³³³ В этом контексте навряд ли у кого-либо могут быть сомнения по поводу того, что имел в виду советский нарком, тем более, что уже 1 ноября Советское правительство опротестовало акт от 28 октября 1920 г. о признании Бессарабии за Румынией³³⁴, о чём говорилось выше.

Как доказывают документы³³⁵, переписка между сторонами по вопросам повестки дня и места встречи делегаций свидетельствует, что советская программа никогда не допускала «даже косвенного признания захвата Бессарабии». В частности, это подчёркивалось и в инструкциях НКВД относительно временного характера существовавшей между двумя странами демаркационной линии по Днестру³³⁶.

Кроме отсутствия каких-либо документальных подтверждений в пользу румынской версии «Бессарабия в обмен на золотой запас», есть ещё одно доказательство её лживости. Дело в том, что большевиков можно обвинять во всех смертных грехах, однако одного им не припишешь – они были революционными идеалистами, готовыми умереть за свои идеалы, не брали взяток и не поддавались коррупции. Поэтому мысль обменять советскую территорию со всем её населением на золото и ценности не могло прийти в их головы «по определению». Однако полностью коррумпированная правящая румынская олигархия была неспособна осознать подобного. По всей видимости, по этой причине и был изобретен миф «об обмене».

Но «вернёмся к нашим баранам». Летом 1920 г. в Таллинне (Эстония) были продолжены советско-румынские контакты, которые осуществляли румынский посол Г. Филалити и заместитель наркоминдела М. Литвинов. Однако румыны заявили, что «ни в коем случае и ни в какой форме не согласятся ставить на обсуждение окончательное национально-государственное единство Румынии»³³⁷. При подобных обстоятельствах не могло быть и речи о достижении какого-либо компромисса с советской стороной. 14 декабря 1920 г. Наркомат иностранных дел РСФСР вновь предложил румынскому правительству начать мирные переговоры, но и эта нота осталась без ответа³³⁸.

³²⁸ ДВП СССР. Т. 3. С. 261; *Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 64-65.*

³²⁹ ДВП СССР. Т. 3. С. 300; *Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 67.*

³³⁰ Meurs W.P. von. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 101-102.*

³³¹ Данный миф кочует от одного румынского автора к другому. Так, И.М. Опря, – правда, в этот раз со ссылкой на архив МИДа Румынии, – пишет, что в 1922 г. в Лозанне «Чичерин (в этот раз уже не Раковский – С.Н.) допустил в качестве принципиального решения „признание в какой-нибудь форме присоединения Бессарабии в обмен на золотой запас и драгоценности королевской семьи“». // *Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924). // Revista istorică. Academia Română. 1992, Nr. 1-2. P. 29.*

В другой работе этот же автор, ссылаясь на газету «Adevărul», утверждает, что в марте 1920 г. «Правда» будто бы признала права Румынии на Бессарабию, а в начале следующего, 1921, года также и Красин предложил признать законность захвата Бессарабии Румынией в обмен на румынский золотой запас, хранящийся в Москве. // *Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 255.*

«В 1920-1921 годах русские были готовы согласиться на признание объединения Бессарабии», отмечает Л. Пэдуряк. «Идея отвергнуть территориальные претензии в обмен на экономическую компенсацию, – пишет автор, – было в прозрачной форме предложено большевистским правительством ещё в мае 1919 года». // *Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 36, 56.*

³³² ДВП СССР. Т. 2. С. 403, 409; ДВП СССР. Т. 3. С. 82, 218, 260.

³³³ ДВП СССР. Т. 3. С. 260.

³³⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 522; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 247-248; *Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 69.*

³³⁵ Смотри Выписку из годового отчёта НКВД РСФСР к VIII Съезду Советов за 1919-1920 гг. // Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 274-275.

³³⁶ Ibid. С. 252.

³³⁷ Dobrinescu V. *Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. P. 86.*

³³⁸ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 189-190.

В этих условиях, после окончания советско-польской войны в рядах Красной Армии были сильны настроения изгнать румын из Бессарабии. «После того как большевики разгромили последних белых генералов, Фрунзе, военный комиссар Советской Украины, вновь хотел завоевать Бессарабию, — пишет Л. Фишер. — Фрунзе был молдаванином. Он утверждал, что было бы трудно демобилизовать Красную Армию, что много воинских частей были молдавскими и бессарабскими^г и что они со рвением будут участвовать в войне против Румынии. Ворошилов поддержал Фрунзе»³³⁹. Однако данное предложение не получило поддержки в правительстве Ленина³⁴⁰.

Весной-летом 1921 г. между двумя правительствами велись переговоры по урегулированию отношений на Днестре³⁴¹: о прекращении вооружённых столкновений, о демаркационной линии по Днестру, о правилах судоходства по этой реке, о демилитаризации Днестровского лимана, о выводе из Бессарабии многочисленных осевших там антисоветских (белогвардейских, петлюровских, маховских и др.) воинских формирований³⁴². Руководитель объединённой российско-украинской советской делегации получил от Г.В. Чичерина директиву «считаться с тем, что мы не признали присвоение Бессарабии Румынией и, когда говорим о Бессарабии, считаем её оккупированной областью... Когда будет заходить речь о бессарабском берегу, придётся избегать таких выражений, которые могли бы быть истолкованы как признание Бессарабии частью Румынии»³⁴³.

В свою очередь, румынская сторона «старалась добиться установления на лимане окончательной границы, означающей признание Бессарабии частью Румынии»³⁴⁴. Однако, получив отпор советской делегации, королевское правительство отказалось от заключения соглашения. «Как следствие, румынское правительство пришло к окончательному выводу, что граница Румынии не является предметом обсуждения с российским правительством»³⁴⁵. В данном контексте не следует упускать из виду, что с этого момента и, как мы далее увидим, на протяжении следующих 20 лет румынская дипломатия и инспирированная властями правительственная пропаганда будут стремиться интерпретировать любую договорённость между двумя странами как «факт согласия» Советского правительства на аннексию Бессарабии. Так, в частности, румынская сторона утверждала, что предложение Г. Чичерина обсудить вопросы судоходства на Днестре является чуть ли не признанием Днестра в качестве советско-румынской границы.

В сентябре-октябре 1921 г. состоялась советско-румынская **конференция в Варшаве**, на которой, наряду с многими другими вопросами, заместитель наркома Л.М. Карахан предложил в первую очередь обсудить бессарабский вопрос³⁴⁶. Советское правительство разъяснило, что «задача конференции сос-

---

^г Примечание научного редактора: В Красной Армии в годы Гражданской войны сражалось 200 тыс. молдаван. Так, знаменитая кавалерийская бригада Г.И. Котовского была на 90% укомплектована бессарабцами.

Среди советских войск, отступавших весной-летом 1918 г. от Днестра до Дона, сдерживая натиск германо-австрийских дивизий, особую стойкость и самоотверженность проявил Тираспольский революционный отряд (ранее Особая революционная армия) Е.М. Венедиктова. В его полках, особенно 1-м Днестровском, и батареях воевало много добровольцев из молдавских и украинско-русских сел Бессарабии и Приднестровья, из числа жителей Бендер, Кишинёва, Тирасполя и др. Начальником штаба отряда был уроженец Оргеева Ф.Я. Левинзон, а председателем Военного совета являлся уроженец Тирасполя П.Е. Княгиницкий.

Образцовым соединением Красной Армии стала 45-я Бессарабская стрелковая дивизия, награждённая Почётным революционным красным знаменем ещё 1 октября 1919 г. РВС Советской республики за участие в героическом походе Южной группы войск 12-ой армии осенью 1919 г. Ко времени формирования в июне 1919 г. дивизия насчитывала 11 тыс. бойцов, располагала 34 орудиями, 193 пулемётами и 3 самолётами. Большая часть её командиров и рядовых состояла из бессарабцев и жителей Приднестровья. Командовал дивизией уроженец Кишинёва И.Э. Якир. Командиром 1-ой стрелковой бригады, сформированной в основном из бессарабцев-участников героического Хотинского восстания, был упомянутый Левинзон, а одним из её полков командовал уроженец молдавского села Котюжений Марь Сорокского уезда А.В. Попа. С 45-ой дивизией тесно взаимодействовал 1-й Бессарабский кавалерийский полк (позднее дивизион), воевавший под командованием уроженца молдавского села Сатул Ноу Одесского уезда Херсонской губернии И.С. Нягу.

³³⁹ Fisher L. Men and Politics. Europe the two World Wars. New York, 1966. P. 133.

³⁴⁰ О планах освобождения Бессарабии от румынских оккупантов при помощи военной силы ещё в 1919 г. см.: Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. М.-Л., 1933. С. 30-48, 80-85, 193-196.

³⁴¹ По мнению советской исследовательницы А. Язковой, румынское правительство согласилось на переговоры лишь после окончания советско-польской войны. // См. Язкова А.А. Малая Антанта в европейской политике. М., 1974. С. 179.

³⁴² ДВП СССР. Т. 4. С. 57, 266-267, 269-270, 541-542, 544; см. также: Язкова А.А. Малая Антанта в европейской политике. С. 179.

³⁴³ ДВП СССР. Т. 4. С. 179.

³⁴⁴ Ibid. С. 686.

³⁴⁵ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 254.

³⁴⁶ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 173; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 277; см. также: Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 257-259, 262; Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. P. 241-243; Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 120-127; Copanschi I. M. Diplomația sovietică în lupta pentru soluționarea echitabilă a problemei basarabene. 1918-1940. Chișinău, 1985. P. 68-70.

тояла... лишь в проведении демаркационной линии, считаясь с фактической оккупацией Бессарабии румынскими войсками»³⁴⁷. Руководитель румынской делегации посол Филалити отказался от обсуждения предложенной советской стороной повестки дня, обосновав это тем фактом, что Бессарабия вступила в состав Румынии по воле её народа³⁴⁸. На это Карахан ответил, что «Русское правительство остаётся при своём мнении, что Румыния располагает Бессарабией по праву военной силы... Оно не может присвоить выражения „свободного присоединения“ актам чистого насилия и вторжения, каковые представля-ет из себя история Бессарабии в 1918 г.»³⁴⁹.

В течение месяца велись бесплодные переговоры³⁵⁰. В итоге, 21 октября, по указанию своего правительства, румынская сторона отказалась подписать предложенную советской делегацией декларацию о нейтралитете в случае, если одна из сторон подвергнется нападению со стороны третьей державы. При этом румынские дипломаты заявили, что подобная декларация явилась бы равносильной «сокращён-ному союзу с правительством Советов»³⁵¹.

Таким образом, Варшавская конференция не дала никаких результатов, так как румынская сторона выдвигала в качестве предварительного условия урегулирования двусторонних отношений признание Советским правительством аннексии Бессарабии. Комментируя её итоги, французский историк Ш. Боккур писал: «Соседнее государство захватывает силой советскую территорию, отказывается от любых переговоров с СССР и, удерживая захваченное, ставит условием предварительное признание СССР легальности аннексии»³⁵².

Однако в румынской исторической и мемуарной литературе господствует иная точка зрения на эти события. Типичной в этом смысле является позиция известного румынского дипломата Рауля Босси, отмечавшего, что переговоры начались в Вене в начале августа 1921 г. «и затянулись до октября, когда русские, как и ожидалось, подняли вопрос о Бессарабии, а мы – о румынском золотом запасе, находящемся в Москве»³⁵³. «В ходе вышеупомянутых переговоров Филалити-Карахан, – продолжает Босси, – руководитель советской делегации предложил нашему представителю неофициально встретиться и выказал готовность к договорённости, по причине критического положения, в котором находились советские войска, гонимые армией Врангеля. Он без стеснения открылся Филалити, что для Советского правительства Бессарабия, честно говоря, была предметом торга и Москва не против отказаться от прав на неё в обмен на отказ румынского правительства от золотого запаса... Он предложил заключить договор о нейтралитете (то есть, о невмешательстве в случае нападения на одну из сторон третьей стороны), – который в обмен на Бессарабию гарантировал бы Советам невмешательство Румынии в конфликт на стороне Врангеля, – и конвенцию об отказе Румынии от золотого запаса, который был компенсирован стоимостью оставленного на её территории после Брест-Литовского перемирия российского оружия. Таким образом, Бессарабия в обмен на золотой запас! Карахан добавил примерно следующее умозаключение: „Зачем ссориться? Будем реалистами. Вы владеете Бессарабией, которую мы не в состоянии вернуть. В наших руках золотой запас, который Вы не сможете возвратить...”

Филалити составил меморандум, передав в Бухарест содержание беседы. Я читал этот документ. Александр Авереску одобрил данную инициативу и, насколько я припоминаю, поручил Филалити продолжить начатые с Караханом переговоры... Правда, большевики всё равно не сдержали бы слово и, как только миновала бы опасность со стороны Врангеля, немедленно возобновили бы свои претензии на владение нашим краем...

³⁴⁷ ДВП СССР. Т. 4. С. 480.

³⁴⁸ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 174; Nanu F.C. *Politica externă a României*. P. 119-121.

³⁴⁹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 182.

³⁵⁰ Подробнее об этом см.: Ibid. С. 175-178; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 256-258.

«2 ноября 1921 года Таке Ионеску отметил, что прекращение переговоров произошло по причине того, что русские подняли бессарабский вопрос, уже решённый великими державами на основе законного решения Сфатул Цэрий». // Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 41.

³⁵¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 178.

³⁵² Beaucourt Ch. *L'Union Soviétique et la Roumanie*. // *Les Frontieres europeennes de l'URSS. 1917-1941*. Paris, 1957. P. 296.

³⁵³ Bossy R. *Amintiri din viața diplomatică*. Vol. 1. P. 47; эту же точку зрения представлял в качестве истинной и его современник Г. Брэтиану. // Brătianu Gh. I. *Basarabia. Drepturi naționale și istorice*. P. 66-67; см. также: Nanu F.C. *Politica externă a României*. P. 120-121; Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 40.

Вот, например, к какому «оригинальному» выводу приходит Фредерик Нану, выдающий желаемое за действительное: «Можно доказать, хотя бы на опыте Балтийских государств, Польши и Финляндии, что советское признание границ не имело никакого значения, однако не вызывает ни малейшего сомнения, что не Румыния ответственна за непризнание Россией объединения Бессарабии. В 1920 году этого можно было добиться ценой признания советского правительства; в 1921 году оно предполагало договор о нейтралитете и отказ от золотого резерва и других ценностей Национального банка». // Nanu F.C. *Politica externă a României*. P. 121.

Однако министром иностранных дел был назначен вернувшийся с Запада Таке Ионеску. В Париже ему было указано, что Франция и Англия не позволили бы Румынии, – для которой они столько сделали, признав, совместно с Италией и Японией, в 1920 г. её права на Бессарабию, – разорвать единый с ними фронт путём признания ею существующего в России режима. Кроме того, не следует забывать, что в это время Лондон и Париж оказывали моральную и материальную поддержку Врангелю... Мы были, в этом плане, морально обязаны западным державам... Ион И.К. Брэтиану разделял точку зрения Таке Ионеску, ведь принятие предложения Карахана создавало опасность ослабить наши связи с Францией и Польшей. Филалити был, таким образом, проинструктирован отвергнуть предложение Карахана...

Что касается Франции и Англии, то несколько позже они покинули Врангеля и в 1927 г. (в действительности в 1924 – С.Н.) признали СССР, забыв, естественно, о своих обязательствах поддерживать позиции Румынии против России, позиции той Румынии, которой в своё время воспрепятствовали непосредственно договориться с Москвой!»³⁵⁴.

В современной румынской историографии позиция Таке Ионеску полностью оправдывается. Так, Ион Опря пишет, что министр иностранных дел «считал, что как для спокойствия внутри Румынии, так и для общемирового порядка было бы губительным, если вопрос объединения Бессарабии с Румынией „имел бы претензию не общеевропейского решения, а большевистской подачи“»³⁵⁵. Советская претензия, продолжает автор, «одобрить объединение Бессарабии с Румынией посредством румыно-советского договора является ничем иным как следствием юридического мышления, которое игнорирует тот простой факт, что похищенная силой территория не нуждается в договоре для её возврата истинному хозяину. Лишь согласие мирной конференции было законным и необходимым... Однако большевиков не интересовало соблюдение международного законодательства или исторических прав румын. Они стремились заполучить территорию Бессарабии для своих империалистических целей»³⁵⁶.

Естественно, г-н академик и на этот раз не искренен. Согласись Советское правительство на «румыно-советский договор» касательно «объединения Бессарабии с Румынией», вопрос был бы решён ещё в начале 20-х годов в пользу Румынии, и г-н Опря писал бы иные книжки, в которых делались бы выводы, что «лишь двусторонний договор являлся законным и необходимым»... И уверяем господ Опря & К⁰, что, сделай бы большевики королю Фердинанду эту «подачку», не только румыны приняли бы её с радостью, но и всё мировое сообщество немедленно бы признало её. Послушать г-на Опря, получается, что большевики претендовали «одобрить объединение Бессарабии с Румынией посредством румыно-советского договора», а румынская олигархия только и делала, что решительно сопротивлялась этому...

Вот как комментирует данную ситуацию молдавский прорумынский историк Л. Пэдуряк: «На деле Бухарест в тот момент не был заинтересован в возобновлении дискуссии по бессарабскому вопросу, тем более, что после 28 октября 1920 г. он перестал существовать на международной арене»³⁵⁷.

Странная позиция: не хочу что-либо видеть – объявляю это «несуществующим». Было бы более понятным, если бы г-жа Пэдуряк написала что-то вроде: «Советская политика была несправедливой, ревизионистской и агрессивной», как делают это другие авторы. В этом же случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда, «если действительность вступает в противоречие с нашим видением, тем хуже для действительности». Т.е., будучи неспособны решить вопрос как нам того хотелось, объявляем его «не существующим на международной арене». Спрятали голову в песок – и все дела...

Далее автор отмечает: «Многие румынские политики считали, что на варшавских переговорах была упущена возможность добиться признания объединения Бессарабии со стороны России»³⁵⁸. И вновь лишь иллюзия. Эта «упущенная возможность» является всего лишь румынским «патриотическим» изобретением. Абсолютно все документы опровергают данное необоснованное утверждение. Ещё ниже наш историк, противореча всему, что было ею же высказано до этого, утверждает, что «Румыния отказалась от сделки „Бессарабия = золотой запас“, (предложенной советским правительством), так как это дало бы русским возможность выдвинуть впоследствии идею, будто бы Румыния купила эту область»³⁵⁹. Тезис для маленьких, наивных детей...³⁶⁰

³⁵⁴ Bossy R. *Amintiri din viața diplomatică*. Vol. 1. P. 48, 49, 50.

³⁵⁵ Oprea I. *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. P. 280.

³⁵⁶ Ibid. P. 283.

³⁵⁷ Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 40.

³⁵⁸ Ibid. P. 40-41.

³⁵⁹ Ibid. P. 56.

О будто бы сделанном Караханом и отвергнутом Филалити предложении «Бессарабия в обмен на золотой запас» пишет и И.М. Опря. // Oprea I. *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. P. 258.

Пытаясь аргументировать позицию румынской стороны, г-н Опря пишет: «Руководитель советской делегации пытался замолчать всем известную истину о том, что и Бессарабия, и золотой запас принадлежат румынам, поэтому русские не предлагали обмен, так как он был бессмысленным, а с позиции силы извещали правительство Румынии, что собираются удержать именно то, что тогда подходило им более всего из этих компонентов румынского национального достояния». // Ibid. P. 259.

В другом месте на страницах своей работы автор приводит «дополнительные аргументы» в пользу тезиса о том, почему румынская сторона прервала переговоры: «Ион Брэтиану считал, что Бессарабия лучше обеспечена франко-британским всемогуществом, чем признанием со стороны непризнанной великими державами Советской России»³⁶¹. Таким образом, возможно, и не желая этого, наш автор признаёт нереалистичный или даже наивный характер румынской внешней политики того времени. Имею в виду т.н. «франко-британское всемогущество». И если в 1917-1918 годах, в момент, когда Румыния только захватила Бессарабию, подобного рода иллюзии ещё могли быть как-то поняты, то в году 1921, когда антисоветская интервенция потерпела полное поражение и одно капиталистическое государство за другим начало процесс нормализации своих отношений с Советской Россией (а первой это сделала Англия, подписав в марте 1921 г. торговое соглашение с Москвой³⁶²), подобные мысли доказывали лишь одно: в бессарабском вопросе румынская олигархия во главе с И. Брэтиану проводила нереалистичную политику, рано или поздно обречённую на крах, как это и произошло в 1940 году.

Правда, госпожа Пэдурак приходит к совершенно иному выводу, отмечая, что «рост силы Советского Союза предопределил более наглое его поведение по отношению к румынским властям»³⁶³. В качестве практического примера «наглого поведения» советских властей она приводит телеграмму Г.В. Чичерина от 11 ноября 1922 г., о которой ещё пойдёт речь ниже и в которой он говорит о советско-румынской границе по Пруту³⁶⁴. Как говорится, «без комментариев»...

Также присутствует в современной румынской историографии и тезис о «предательстве» Румынии Западом. Так, например, К.И. Стан пишет следующее: «Подписавшие данный договор (от 28 октября 1920 года – С.Н.) правительства, признавая одно за другим Советскую власть, опустили требование о признании СССР акта от 28 октября 1920 года, что лишь усилило состояние напряжённости между Румынией и советским государством»³⁶⁵. Преувеличенные и совершенно необоснованные претензии: будто основной задачей западных правительств была защита румынских хищнических интересов, а не своих собственных, включая укрепление общеевропейской безопасности!

Со ссылкой на «Российскую газету» (без указания её номера), автор представляет позицию Чичерина, который, вроде бы, предлагал Политбюро ЦК РКП(б) сделку «Бессарабия – золотой запас», а Ленин, окончательно не определившись, некоторое время колебался. Здесь же автор сообщает, что будто бы Чичерин выступал за признание Бессарабии в составе Румынии в обмен на мирный договор с этой страной. «Соображения, содержащиеся в разработанном народным комиссаром иностранных дел документе, – утверждает Опря, – как и положительные отзывы Политбюро, подтверждают мысль о том, что идея объединения Бессарабии в обмен на золотой запас являлась не выдумкой советской делегации на Варшавской конференции». В дальнейшем автор утверждает, что Троцкий поддержал идею сделки «Бессарабия – золотой запас», но Ленин, в конечном счёте, отверг её. // Ibid. P. 260-261, 262.

Даже если предположить, что вышеприведённое не фальшивка (отсутствуют источники, – «Российская газета», как минимум, таковым не является), во всяком случае, всё это не имеет ни малейшего юридического значения, а означало только то, что советская позиция по данному вопросу находилась в состоянии разработки.

³⁶⁰ Данная мысль нередко присутствует в румынских научных работах подобного рода. Так, И.М. Опря утверждает, что «в случае принятия предложенной Советами сделки румынское правительство предстало бы в качестве покупателя Бессарабии, которую оплатило бы ценой собственного золотого запаса, хранящегося в Москве, и вследствие этого предоставило бы возможность считать, что данная провинция не представляет собой естественную составную часть румынского национального достояния». // Ibid. P. 264.

³⁶¹ Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 42.

Это бы означало, считает академик Опря, что «великие западные державы увидели бы в подобном требовании знак неверия Румынии в политическую и юридическую ценность послевоенных договоров и в силу тех, кто гарантирует их соблюдение». // Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. 264.

В действительности всё обстояло «с точностью до наоборот», так как прословутое признание «объединения» Бессарабии с Румынией стало после окончания антисоветской интервенции серьёзной проблемой в отношениях Запада с Россией. Как будет показано в дальнейшем, в 20-е – 30-е годы многие западные лидеры считали данное признание ошибкой. Более того, именно Франция и Польша подталкивали Румынию к соглашению с СССР, о чём ещё пойдёт речь ниже. Однако и всеобщее признание международным сообществом возврата Бессарабии в состав СССР в июне 1940 года опровергает тезис румынской историографии, будто бы западные державы выступали против гипотетического признания Советским Союзом «объединения» Бессарабии с Румынией.

В дальнейшем автор, опровергая самого себя, говорит о предложении румынского правительства в конце 1922 года (в ответ на советское предложение о разоружении) заключить с Советами соглашение о том, что бы «граница по Днестру не являлась более предметом обсуждения с Федеративной Россией». Это «вызывало привычное сопротивление русских». // Ibid.

³⁶² См. ДВП СССР. Т. 3. С. 128, 607-614; История дипломатии. Т. 3. С. 229-230; Назария С.М. История международных отношений и внешней политики великих держав в новейшее время. Кишинёв, 2007. С. 62.

³⁶³ Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 45.

³⁶⁴ Ibid. P. 46.

³⁶⁵ Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română. 2001, Nr. 1-2. P. 26.

Однако вернёмся в 1921 г. При анализе изложенного выше возникает ряд вопросов. Первый – хотя «отправленный в Бухарест меморандум Филалити, в котором была записана беседа последнего с Караханом и который прочёл Босси», хранится в архиве румынского МИДа и в 1999 году был опубликован³⁶⁶, существуют не просто сомнения в его достоверности, но почти полная уверенность в том, что содержание беседы Филалити с Караханом было сфальсифицировано. Скорее всего, это было сделано для «внутреннего потребления», а также для «ушей» западных дипломатов.

Второй – «почему переговоры Филалити-Карахан» по вопросу «Бессарабия в обмен на золотой запас» не подтверждаются ни одним советским источником? Ведь абсолютно ясно, что Лев Карахан не мог по собственной инициативе «предложить неофициально встретиться» с Филалити. Перед тем как делать румынской стороне подобное предложение, он должен был, даже и в случае «неофициальной встречи», получить согласие вышестоящих инстанций. Но даже если предположить невозможное и допустить, что советский дипломат по своей инициативе и без консультаций со своим правительством пошёл на «неофициальный контакт» с румынской стороной, то и тогда, после окончания встречи и беседы с Филалити, он должен был сообщить о ней собственному руководству. Абсолютно никаких следов этого нигде не обнаружено.

Более того, 19 ноября 1921 г. Г.В. Чичерин отправил телеграмму российским миссиям в Ревеле (Таллинне), Риге и Гельсингфорсе (Хельсинки) с указанием опровергать сплетню о якобы имевшей место пресловутой беседе Карахана с Филалити по вопросу о «румынском золоте»: «...Это вымышленная сцена. Карахан не отзывал Филалити, ничего ему не шептал, и никогда не говорил ему, что румынское золото и ценности больше не существуют. Это всё выдуманно. Надо опровергать в печати у вас и в тех странах, где вы имеете возможность это сделать, румынские выдумки по поводу этих переговоров»³⁶⁷.

Третий – если предложение «Бессарабия в обмен на золотой запас» было в действительности сделано и о нём были проинформированы англичане и французы, почему ни один западный дипломат никогда не подтвердил его достоверность? Ответ на все эти вопросы может быть лишь один – это фальшивка румынской дипломатии, ставшая вскоре очередным мифом румынской историографии с целью фабрикации аргументов в пользу тезиса «Бессарабия – румынская земля!»

Однако существует ещё один аргумент, подтверждающий наши выводы – это тезис о «критическом положении, в котором находились советские войска, гонимые армией Врангеля» и о заинтересованности «Советов в невмешательстве Румынии в конфликт на стороне Врангеля в обмен на Бессарабию». Что-либо более абсурдное, чем это утверждение, сложно придумать, и в такого рода «аргументы» могут поверить лишь «форменные болваны»*. Данной «проблемы» осенью 1921 г. уже год как не существовало – «чёрный барон»[†] был разгромлен и изгнан из России ещё в декабре 1920 года! Таким образом, «аргумент Врангеля» никак не мог фигурировать в повестке дня переговоров «Филалити-Карахан» и был выдуман, как и вся «конструкция» ложного согласия Карахана осуществить «обмен Бессарабии на золотой запас».

А Г. Брэтиану, столь высоко ценимый современной румынской исторической наукой, в 1943 г. писал по этому поводу: «В действительности вполне очевидно, что на протяжении 1920 г. советское правительство несколько раз проявляло готовность посредством договора отказаться от любых претензий на Бессарабию. Было готово оно сделать это во время войны против Польши, когда в любой момент ожидало румынской интервенции, и было склонно пойти на это в обмен на румынский золотой запас в

³⁶⁶ Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. București, 1999. P. 140-142; см. также: Telegrama de la 17 octombrie 1921 a lui T. Ionescu către Gh. Filaliti. // Ibid. P. 155-159; а также: Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 164-166, 167.

³⁶⁷ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 290.

* Именно на них и рассчитаны любые «исторические» мифы. Для румынистов имеет значение не раскрытие событий так, как они происходили, а то, как они «должны были» происходить. А если то, что было, не соответствует тому, «как должно было быть», тогда на страницы учебников, «научных» журналов и монографий выносятся версия в соответствии с задачами реализации велико-румынского геополитического проекта. Таким образом, как мы уже писали выше, «если реальность вступает в противоречие с румынистским видением, тем хуже для реальности».

В этом смысле, в задачу националистической румынской и «около-румынской» «исторической науки» входит оболванивание собственного населения и в первую очередь молдавской молодёжи. Последней казодневно внушают «румынские истины» с целью вытравить из душ молодых людей «молдавский дух» и традиционное дружеское отношение всех предыдущих поколений молдавского народа к России. Ведь залогом «победы румынизма» в Молдове и, в конечном счёте, её присоединения к «Родине-матери Великой Румынии» является внушение большинству молдаван тезиса о «Бессарабии как исконно румынской земле, насильно захваченной и удерживаемой всегда враждебной румынам Россией». Культивирование вражды к России есть главное условие ликвидации независимой Молдовы. Вызывает сожаление лишь тот факт, что этого с 1991 года и по настоящее время всё ещё не поняли кишинёвские правители. В Бухаресте об этих «истинах» никогда и ни при какой власти не забывают.

[†] Примечание научного редактора: Кличка данная большевиками генералу П.Н. Врангелю.

то время, когда готовилось наброситься на Крым и ликвидировать армию Врангеля. Если Румыния не уступила этим пожеланиям, которые упростили бы её дальнейшие взаимоотношения с СССР, поставив их на один уровень с отношениями с Польшей после Рижского договора, то сделала это лишь по причине солидарности с союзными державами и учитывая их рекомендации. Таким образом, именно они несут ответственность за ту специфическую ситуацию, в которой оказалась Румыния во взаимоотношениях со своими восточными соседями. Без их вмешательства она уверенно смогла бы добиться этого признания со стороны СССР... Великие державы, не поддерживавшие прямые румыно-советские переговоры, каждая, в свою очередь, признала советское правительство»³⁶⁸.

Если не учитывать, что всё вышенаписанное Г. Брэтиану есть миф и никогда Советское правительство не соглашалось даже намёком на отказ от Бессарабии, из всего этого вытекает лишь одно: «верную» союзническим обязательствам Румынию «предали» западные державы. В 1943 г. подобное писать было сподручно, ведь на тот момент румыны являлись союзниками Гитлера, а западные державы – их врагами. Однако и в наши дни подобный тезис не чужд некоторым румынским историкам. По крайней мере, до настоящего момента никто и не пытался его опровергнуть.

В контексте вышеизложенного очень коротко следует осветить ещё один вопрос российско-румынских отношений того периода – о том, кто кому и сколько «должен», вопрос очень интенсивно обсуждаемый в наше время в румынской исторической литературе³⁶⁹. При этом румынским коллегам не следует забывать, что если у румынской стороны и есть основания для предъявления претензий на возврат ценностей, сданных в 1916 г. на хранение в Россию, то столь же естественным представляется и право другой стороны на возмещение убытков в связи с захватом в 1917-1918 гг. Румынией российского военного имущества и складов. В многократно цитированном нами сборнике документов этому вопросу также уделяется определённое внимание, и каждый из читателей может ознакомиться с этими материалами³⁷⁰.

Российские историки В. Виноградов и М. Ерещенко так оценивают состояние затронутого вопроса: «О румынских претензиях в Москву поступали окольным путём сведения из газет, поражающие своими размерами и не внушающие особого доверия. Когда осенью 1916 г. из Румынии раздавались призывы о помощи, напоминавшие мольбы, и русские войска „с колёс“ кидались в бой ради спасения Румынии от полной оккупации, было не до того, чтобы договорно оформлять взаимные расчёты. Теперь же оказалось, что армия, явившаяся спасать Румынию, должна выплачивать чистоганом за всё съеденное, а Россия – восполнять убытки, причинённые военными операциями, и возмещать стоимость ценных бумаг, привезённых в запломбированных ящиках. К сожалению, сейчас в материалах о „румынском золоте“, публикуемых в Румынии, в том числе и в русскоязычных изданиях, насчёт контрпретензий российско-украинской стороны хранится мёртвое молчание»³⁷¹.

После провала Варшавской конференции, с целью давления на советскую сторону при решении бессарабского вопроса, румынское правительство попыталось использовать нашедшие в Бессарабии пристанище белогвардейские и петлюровские формирования. 19 ноября 1921 г. под командованием атаманов Гуляй-Гулейко, Пшенника и Батурина они высадились на левобережье Днестра и, под прикрытием артиллерийско-пулемётного огня румынской армии, с двух сторон развернули наступление на Тирасполь^г. Данный бандитский налёт был отбит, однако в результате его были убиты десятки советских граждан³⁷².

³⁶⁸ Brătianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naționale și istorice. P. 67, 69.

³⁶⁹ См.: Tezaurul României la Moscova. Documente (1916-1917) selectate, adnotate și comentate. București, 1993.

³⁷⁰ См.: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 258-262, 280-289; см. также: Советско-румынские отношения. Т. 1. С. 172-174; Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 139-140.

³⁷¹ Ibid. С. 260.

^г Примечание научного редактора: Румынское правительство и администрация в Бессарабии оказывали покровительство и прямую поддержку петлюровским, белогвардейским и прочим бандформированиям, действовавшим против органов Советской власти на Левобережье Днестра и срывающим там процесс становления народного хозяйства. В обзоре Одесской губернской милиции о бандитизме в губернии и борьбе с ним за январь-ноябрь 1921 года сообщалось: «Входящая в так называемую Малую Антанту Румыния наводняла и поныне наводняет нашу губернию петлюровскими шайками с целью срыва налаживающейся мирной работы Украинской Республики. Вооружённые до зубов банды Заболотного и других „батьков“ терроризировали мирное крестьянское население, партийных и советских работников... Утомительная изо дня в день борьба с зарубежным бандитизмом тяжело отзывалась на политическом состоянии губернии».

Далее в отчёте приводятся конкретные примеры:

В июле [как и прежде в мае – В.П.] в Балтском уезде появилась новая банда галичан в 1500 чел., прибывших из-за рубежа...

В сентябре в Балтском уезде особенно сильно чувствуются контрреволюционные происки зарубежных руководителей бандитов...

В октябре... в районе бершадских лесов появилась банда, прибывшая из Румынии, в числе 200 чел...

На Генуэзской конференции (апрель-май 1922 г.) глава НКИДа РСФСР Г.В. Чичерин выступил с заявлением о том, что Россия не признаёт аннексии Бессарабии³⁷³. В предъявленных 8 мая советской делегацией «Претензиях Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду», пункт «Потеря территорий» начинается словами: «Бессарабия, оккупированная Румынией»³⁷⁴. Комментируя требование западных держав о возврате румынскому правительству ценностей, вывезенных на хранение в Москву, Чичерин заявил: «Требования возвратить Румынии золото без предварительного разрешения существующих между Румынией и Россией споров, например, вопроса о Бессарабии, является также неприемлемым»³⁷⁵. Именно так был поставлен вопрос и в официальном ответе советской делегации³⁷⁶.

17 мая, отвечая на предложение Ллойд Джорджа о заключении договора о ненападении между странами-участницами конференции с обязательством уважать ныне существующие границы³⁷⁷, Чичерин отметил наличие в Восточной Европе неурегулированных территориальных проблем и заявил: «Если, впрочем, пакт о ненападении будет покоиться на принципе уважения территориального статус-кво, это уважение не должно рассматриваться как равнозначное признанию этого статус-кво... и, в частности, признанию теперешней оккупации Бессарабии Румынией»³⁷⁸.

Румынское королевское правительство отвергло также и советское предложение от 19 июля 1922 г. участвовать в работе Московской конференции по сокращению вооружений, проходившей в декабре 1922 г. И в этом случае оно выдвинуло условием своего участия признание Москвой «присоединения» Бессарабии к Румынии³⁷⁹. На данной конференции М. Литвинов сделал по бессарабскому вопросу заявление, в котором, в частности, подчёркивалось, что Советская Россия не применит военную силу для разрешения территориального спора с Румынией³⁸⁰.

В направленных осенью того же года нотах румынскому правительству неизменно подчёркивалась принадлежность Бессарабии России³⁸¹. Так, в ноте 26 сентября отмечалось: «Трудно допустить, чтобы кто-либо мог серьёзно рассчитывать на то, что Россия вознаградит какое-либо государство за участие в деле разоружения путём отчуждения в его пользу громадного пространства российской территории»³⁸². В ноте 27 октября заявлялось, что «никакие границы не могут быть установлены путём одностороннего требования о признании территории, насильственно оккупированной военными силами»³⁸³.

В ноябре в Балтском уезде опять появился Заболотный. Кроме него, в районе Бирзулы разбойничал атаман Гуляй-Гулейко. В одной волости было обнаружено бандитское гнездо, причём задержано два румынских офицера и пять казаков.

В Тираспольском уезде 19 ноября с румынской стороны перешла Днестр банда в районе Паркан. Она не встретила поддержки среди крестьян и, не дойдя до Тирасполя, была разбита нашими войсками».

По поводу бандитского рейда 19 ноября атаманов Пшенника и Батурина, предпринятого из г. Бендеры и м. Гура-Быкулуй, в ноте правительства РСФСР и УССР от 29 ноября 1921 года указывалось на следующие примечательные обстоятельства: «Во главе банды, перебросенной в Парканы, находился сам атаман Пшенник, существование которого румынское правительство категорически отрицало... Энергичное участие в организации и переброске этих банд принимали румынский офицер, капитан Сатулеску, из штаба 3-го румынского корпуса, и некий капитан Мардарий, снабжавший банды оружием... 19-го вечером, когда разбитые и рассеянные банды стали спускаться к Днестру, с противоположной стороны румынскими солдатами на встречу им были отправлены лодки...»

«Советское правительство, протестуя самым энергичным образом против действий румынских властей, предупреждало румынское правительство, что оно считает его целиком ответственным во всех отношениях за действия контрреволюционных организаций, пребывающих на территории Румынии и Бессарабии, и за результат этих действий». // ДВП СССР Т. 4. С. 544; Пограничные войска СССР. 1918-1928. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 484-486; Советское строительство в левобережных районах Молдавии. 1921-1924. Сборник документов и материалов. Кишинёв, 1977. С. 165-1970.

³⁷² ДВП СССР. Т. 4. С. 542-543; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 194-195.

Очень детально, на основе материалов российских архивов раскрывает и анализирует этот случай Михаил Мельтюхов. // См.: Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 127-139.

³⁷³ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 302, 303; Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 195.

Однако в румынской исторической литературе можно встретить толкования, что в Генуе Чичерин будто бы «косвенно признал» Бессарабию в составе Румынии. // Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 265.

³⁷⁴ ДВП СССР. Т. 5. С. 301.

³⁷⁵ Правда, 7 мая 1922 г.; Известия, 7 мая 1922 г.

³⁷⁶ ДВП СССР. Т. 5. С. 366.

³⁷⁷ Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972. С. 278-279.

³⁷⁸ ДВП СССР. Т. 5. С. 401.

³⁷⁹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 774.

³⁸⁰ ДВП СССР. Т. 6. С. 45.

³⁸¹ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 303-305.

³⁸² Ibid. С. 303.

³⁸³ Ibid. С. 304.

В ноте от 11 ноября 1922 г. отмечалось: «Российское Правительство выражает надежду, что граница по Пруту между Россией и её союзниками, с одной стороны, и Румынией – с другой, не будет больше оспариваться Румынским Правительством.... Румынское Правительство не может, конечно, рассчитывать, чтобы Российское Правительство склонилось перед актом насилия, выразившимся в оккупации Бессарабии иностранной армией»³⁸⁴.

Выше мы уже отмечали, что молдавский историк Л. Пэдурак привела данный документ в качестве примера «наглого поведения» советских властей. И здесь же она продолжила: «Советские власти самопроизвольно передвигали границу к Пруту, превратив этим Советский Союз в первое ревизионистское государство, которое объявило в 1922 г. свои права на Бессарабию, хотя великие державы, учитывая волю населения, выраженную актом Объединения и на основе исторических аргументов, признали восточную границу Румынии по Днестру»³⁸⁵. И на этот раз в одной фразе – множество неправды и подмены понятий.

Во-первых, не в 1922 г. впервые «советские власти передвигали границу к Пруту», а всегда считали линию реки Прут западной границей своей страны. И это было заявлено сразу после вторжения Румынии на территорию России и захвата Бессарабии в конце 1917 – начале 1918 гг. Таким образом, Советское правительство в очередной раз (и никак не в «первый») заявило, что не может признавать насильственный захват своей территории иностранной армией в качестве законного действия. Обо всём этом должна была бы знать и уважаемая Лидия Пэдурак, ведь она является автором монографии по советско-румынским отношениям 1917-1934 годов...

Во-вторых, тот факт, что к этому моменту «великие державы признали восточную границу Румынии по Днестру», ни к чему не обязывал Советское правительство. Об этом событии уже шла речь выше, и не будем более повторяться, так как читатель может в случае необходимости вернуться на соответствующую страницу данной работы. Скорее, это «признание» стало проблемой для самих «великих держав», которые со временем пересмотрели свою точку зрения и признали советско-румынскую границу именно по линии реки Прут.

Но если следовать логике г-жи Пэдурак & К⁰, то и т.н. Второй Венский арбитраж, отнявший у Румынии в августе 1940 г. Северо-Западную Трансильванию, также следовало бы считать «законным», ведь все без исключения «великие державы» признали его «законность». Более того, если т.н. Парижский протокол от 28 октября 1920 г. подписали всего четыре «великие державы», и по причине его нератификации Японией, он так и не вступил в силу, то в случае с Венским арбитражем таких проблем не было.

Но, в конце концов, не воля группы стран, даже если они и «великие державы», определяет «законность» тех или иных территориальных изменений или сохранения status-quo. Определяющими, в соответствии с нормами международного права, являются два момента: воля населения данной территории и позиция центрального правительства той страны, в состав которой входит/входила на момент возникновения спора данная область. Если господа «румынские патриоты» не признают универсальности данных принципов, они рискуют вернуться в границы Румынии 1912 года.

И в этом смысле, в-третьих, не следует забывать, насколько была соблюдена в 1918 году «*voinea populației, exprimată prin actul Unirii*» («воля населения, выраженная актом Объединения»). Видимо, «румынским патриотам» нет дела до насилия над 97% населения Бессарабии, коль желание менее 3% является «законным выражением воли народа».

Однако вернёмся в 1922 г. На самой Московской конференции М.М. Литвинов сделал заявление, открывающее новые мирные перспективы для урегулирования румыно-советских отношений: «Одна из соседок на юго-западе России до сих пор оккупирует её землю, отказываясь даже вступить с Российским правительством в какие-либо переговоры для мирного разрешения территориальных споров. Тем не менее Россия не приняла никаких мер и не предполагает принять меры для разрешения этого спора военной силой»³⁸⁶.

Две недели спустя, 19 декабря 1922 г., на заседании Комиссии по проливам Лозаннской конференции Г.В. Чичерин подтвердил готовность советской стороны вести переговоры и договариваться со всеми соседними и черноморскими государствами³⁸⁷. Об этом же шла речь и на последовавшей встрече советского наркома с К. Диаманди, когда «впервые Румыния согласилась на участие в конференции без предварительных условий»³⁸⁸.

Не привели к успеху в бессарабском вопросе и советско-румынские переговоры, проходившие в августе-ноябре 1923 г. в Тирасполе. Правда, впервые между двумя странами был достигнут хоть какой-то положительный результат: 20 ноября было подписано «Положение о мерах и средствах, имеющих

³⁸⁴ Ibid. С. 305; см. также: Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 243.

³⁸⁵ Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 46.

³⁸⁶ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 306.

³⁸⁷ Ibid. С. 292.

³⁸⁸ Ibid.; ДВП СССР. Т. 7. С. 736.

целью предупреждение и разрешение конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестр»³⁸⁹. При этом советской стороной было подчёркнуто, что Днестр рассматривается не как государственная граница, а как временная демаркационная линия между двумя государствами³⁹⁰.

Помимо обсуждения вопроса о конфликтах на Днестре³⁹¹, 10 ноября в Тирасполе начались двусторонние торговые переговоры, продолженные затем в Одессе. Советская делегация внесла предложение учредить в Москве и Бухаресте торговые представительства каждой страны, но 31 декабря 1923 г. румынская сторона отвергла его под предлогом отсутствия дипломатических отношений между Румынией и СССР³⁹². Правда, в тот же день было достигнуто соглашение о продолжении переговоров, и уже в следующем месяце было согласовано место и время новой советско-румынской встречи – Вена, март 1924 г.³⁹³

Чтобы развеять разного рода спекуляции и ложную информацию, появившиеся в прессе разных стран о «косвенном признании» Советским Союзом «границы по Днестру», 9 декабря 1923 г., М.М. Литвинов в интервью корреспонденту «Известий» заявил, что достигнутые в ходе советско-румынских переговоров результаты не означают превращения демаркационной линии между СССР и Румынией в постоянную границу. Советская сторона, подчеркнул заместитель наркома иностранных дел, отвергла любые формулировки, которые могли быть интерпретированы как признание нынешней демаркационной линии в качестве реальной границы между двумя странами³⁹⁴.

В этом контексте следует отметить, что тогда в Румынии попытались интерпретировать признание СССР ведущими западными странами и установление с ним дипломатических отношений именно как «косвенное признание» Советским Союзом его границы с Румынией по Днестру. Правда, на этот раз румынское правительство не выдвинуло в качестве предварительного условия созыва двусторонней Венской конференции признание Советским Союзом «присоединения» Бессарабии к Румынии. Однако в переданных румынской делегации инструкциях глава правительства Ион И.К. Брэтиану отметил, что нормальные добрососедские отношения между двумя странами «не могут существовать без фиксации границы; а фиксация границы означала бы признание объединения Бессарабии, которая является нашей и должна оставаться таковой, так что в этом вопросе не может быть никаких иных мнений»³⁹⁵.

Одновременно, накануне открытия советско-румынской конференции, французский парламент ратифицировал Парижский протокол от 28 октября 1920 г.³⁹⁶ В Москве отреагировали на это как на попытку срыва венских переговоров, как «на вмешательство третьей державы, которое неизбежно будет препятствовать установлению длительного мира и будет способствовать продлению неналаженного состояния этой части Европы»³⁹⁷.

За несколько дней до начала работ конференции, 23 марта, в Вене состоялась «грандиозная демонстрация протеста против польского владычества в Галиции и румынского – в Бессарабии... В ней приняли участие тысячи галичанских и бессарабских беженцев, находившихся в Австрии. На митинге ораторы говорили о царившем в Бессарабии терроре, требовали эвакуации румынских войск из края и плебисцита среди населения края по вопросу о его судьбе. От имени собравшихся делегация вручила Крестинскому меморандум, в котором на основании документов и свидетельских показаний изобличались ужасы террора в Бессарабии и выдвигались требования эвакуации румынских войск из Бессарабии, проведения плебисцита, возмещения бессарабскому населению убытков, причинённых ему оккупантами, освобождения из бессарабских тюрем политических заключённых»³⁹⁸.

³⁸⁹ ДВП СССР. Т. 6. С. 512-516.

³⁹⁰ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 306-307.

³⁹¹ Академик Опря пишет о «советских военных провокациях на Днестре». // Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 248.

Вопрос о взаимных нарушениях демаркационной линии по Днестру и о вооружённых инцидентах между пограничниками двух стран детально, на основе материалов российских архивов анализирует Михаил Мельтюхов. // См.: Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 107-120, 141-142.

³⁹² ДВП СССР. Т. 6. С. 543.

³⁹³ ДВП СССР. Т. 7. С. 49-50, 702; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 293; см. также: Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924). // Revista istorică. Academia Română. 1992, Nr. 1-2. P. 23.

³⁹⁴ См.: ДВП СССР. Т. 6. С. 535-536; Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 213-214; Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 174-175.

³⁹⁵ Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 220; Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 177; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 29.

³⁹⁶ ДВП СССР. Т. 7. С. 155.

³⁹⁷ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 293; ДВП СССР. Т. 7. С. 155.

³⁹⁸ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 144.

Венская советско-румынская конференция проходила с 27 марта по 2 апреля 1924 г.³⁹⁹ Подчеркнув, что «инициатива очередной встречи принадлежит советскому правительству», академик Опря говорит о «накопившихся в течение целого века румыно-российских противоречиях»⁴⁰⁰. Возможно, уважаемый исследователь думает, что независимое румынское государство существовало в качестве субъекта международного права ещё с 20-х годов XIX века и было уже в то время признано в качестве важнейшего международного актора, способного конкурировать с Россией в мировой политике или хотя бы на региональном уровне?! Совершенно ясно, что относящееся к 1924 году утверждение о «накопившихся в течение целого века румыно-российских противоречиях» является нонсенсом. Единственным «рациональным» объяснением подобного рода фраз относящихся к румыно-российским отношениям, может быть лишь гигантомания, выставляющая Румынию XIX века (до 1859 не существовавшую в принципе, до 1878 года не существовавшую в качестве международного актора) в положение конкурента России. Естественно, на протяжении XIX века у России были противоречия со многими странами, – Францией, Англией, Австро-Венгрией, Турцией, Пруссией/Германией и др., – однако Румынии среди них не только не было, но и быть не могло по причине её микроскопического потенциала в международных отношениях.

В день открытия конференции глава советской делегации Н.Н. Крестинский огласил декларацию по бессарабскому вопросу: «Правительство СССР, а до образования Союза ССР правительства РСФСР и УССР, никогда не давали своего согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и рассматривают оккупацию Бессарабии в 1918 г. румынскими войсками, продолжающуюся доньше, как насильственный захват этой области»⁴⁰¹.

Оценивая позицию советской стороны, румынский историк И.М. Опря утверждает, что «Советское правительство, хотя и не признавалось в этом, однако прекрасно знало, что в ходе его спора с Румынией на его стороне было не право, а сила»⁴⁰². К сожалению, г-н Опря не посчитал нужным привести соответствующие доказательства в пользу своего тезиса. Более того, само содержание советского заявления опровергает тезис И. Опри: «Румынская делегация отказывается говорить о Бессарабии и тем самым отвергает плебисцит. Это, по нашему мнению, означает признание Румынского правительства в том, что оно удерживает Бессарабию под своей властью насильственно, вопреки известному ему настроению широких масс бессарабского населения... Правительство СССР не давало и не даёт согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и решительно протестует против аннексии Бессарабии Румынией»⁴⁰³. Где же здесь «осознание» советской стороной того, что «на её стороне было не право, а сила»? Как минимум в этом случае г-н Опря & К⁰ видят то, чего никогда не было.

Советская делегация предложила компромиссный вариант – путём проведения референдума дать возможность населению края самому определить свою судьбу: продолжать оставаться в составе Румы-

³⁹⁹ См.: Documente privind istoria României între anii 1918-1944. P. 493-495; Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 243-244; Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 290-321; Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. P. 243-247; Copanschi I. M. Diplomația sovietică în lupta pentru soluționarea echitabilă a problemei basarabene. P. 79-82; Копанский Я.М. Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии. С. 60-63; Nanu F.C. Politica externă a României. P. 124-125.

Касаясь сроков начала работ конференции, академик И. Опря отмечает, что «затягивание было необходимо [Советскому правительству] так как, чем далее откладывалось открытие конференции, тем длиннее становилась передышка, необходимая для расширения спектра международного признания (СССР – С.Н.). Ибо само собой разумеется, что вооруженный таким признанием, в ходе переговоров с Румынией Советский Союз мог позволить себе выдвинуть такие территориальные и финансовые претензии, которые не осмелился бы выставить, будь он изолированным и слабым». // Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924). // Revista istorică. Academia Română. 1992, Nr. 1-2. P. 24.

Читая вышеизложенное, не до конца ясно: г-н академик не вполне искренен или чего-то недопонимает? Разве, начиная переговоры с Румынией, советская сторона должна была исходить из интересов Бухареста? Что касается утверждения о неких советских «территориальных претензиях» к Румынии, то оно не верно, так как Бессарабия рассматривалась Советским правительством в качестве собственной территории, захваченной соседним государством, королевской Румынией, и оно требовало её возврата. А заявление о каких-либо «финансовых претензиях» к Румынии – вообще выдумка. Плюс ко всему, утверждение уважаемого историка, будто бы в марте 1924 года «Советский Союз мог позволить себе выдвинуть» какие-то «претензии» Румынии, так как не был уже «изолированным и слабым», полностью не соответствует действительности. Ещё со времён, когда Советская Россия была «изолированной и слабой», то есть с января 1918 года, она «выдвигала» подобные «претензии». Остаётся лишь сожалеть о том, что ещё не всем академиком знакомы эти истины.

⁴⁰⁰ Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 290.

⁴⁰¹ ДВП СССР. Т. 7. С. 164-165; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 307.

⁴⁰² Oprea I.M. Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924). // Revista istorică. Academia Română. 1992, Nr. 1-2. P. 24; Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 291.

⁴⁰³ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 308.

нии, объединиться с СССР или создать собственное независимое государство⁴⁰⁴. Но советское предложение о предоставлении народу Пруто-Днестровской Молдовы права самому решать свою судьбу оценивается некоторыми румынскими историками как «незаконное и произвольное». Вот образчик такого рода оценок: «В отсутствие исторических, этнографических и лингвистических аргументов, советская делегация предложила принцип национального самоопределения как единственную возможность для дипломатического маневра». И далее цитируемый автор продолжает: «Стремление советского правительства предложить решение бессарабского вопроса путём плебисцита доказывало или незнание прошлого и актов по самоопределению 1917 и 1918 годов, или представляло собой властный произвол»⁴⁰⁵.

Однако, по нашему мнению, г-н Опря не только не прав, но ещё и чрезмерно примитивен в логике и крайне тенденциозен. Получается, что право молдавского народа на самоопределение нуждается в «исторических, этнографических и лингвистических аргументах» (в их интерпретации сторонниками румынской националистической концепции). Чем хотите, но только не демократическими европейскими ценностями отдаёт от таких «размышлений». Получается, что право молдаван на референдум следует интерпретировать как «властный произвол». А то, что же произошло в «1917 и 1918 годах», читателю известно и без комментариев г-на Опри.

В действительности в Вене советской стороной было предложено создать в Бессарабии условия, которые обеспечили бы полную свободу для волеизъявления её населения: вывести из края румынские войска и администрацию и провести плебисцит под международным контролем. В качестве международных контролёров предлагалось привлечь те страны, которые не имели прямых или косвенных интересов в Бессарабии, не находились в зависимых или заинтересованных отношениях с Румынией или СССР. Это должно было обеспечить демократические условия проведения референдума и обеспечить объективную оценку его результатов.

«Следовательно, — отмечал А.М. Лазарев, — судьбу Бессарабии... мог решить только народ, для которого этот край являлся Родиной»⁴⁰⁶. Господин же Опря имеет другую точку зрения в данном вопросе: «Возобновление территориальной дискуссии явилось неприятным сюрпризом для румынской делегации, прибывшей на конференцию с убеждением, что данного вопроса уже давно не существует»⁴⁰⁷. По сути, наш историк не до конца искренен. Как говорят в народе, «я не я и шапка не моя».

В действительности румынская сторона, уверенная в нежелательном для неё исходе плебисцита, отвергла советскую инициативу, заявив, что она преднамеренно направлена против румынского правительства⁴⁰⁸. Уже с первого заседания стало ясно, что обе делегации стоят в бессарабском вопросе на противоположных позициях⁴⁰⁹. Данное положение вещей констатирует и сам румынский академик И. Опря: «Противоречие, ставшее доминантным на Венской конференции, проявило себя с самого начала переговоров, когда румынская сторона считала, что бессарабский вопрос уже решён и его обсуждение должно было свестись лишь к „нахождению удовлетворяющей оба правительства формуле“, в то время как советская сторона претендовала на обсуждение сути вопроса для установления пути, посредством которого мог быть решён этот территориальный спор»⁴¹⁰. Однако и в этом случае наш оппонент не до конца искренен, так как он явно не может не знать, что и «румынская сторона» не могла «считать бессарабский вопрос уже решённым».

⁴⁰⁴ Ibid. С. 307; ДВП СССР. Т. 7. С. 166; *Relațiile româno-sovietice. Documente*. Vol. 1. P. 233.

⁴⁰⁵ Oprea I.M. *Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924)*. // *Revista istorică. Academia Română*. 1992, Nr. 7-8. P. 714, 720.

⁴⁰⁶ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 204.

⁴⁰⁷ Oprea I.M. *Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924)*. // *Revista istorică. Academia Română*. 1992, Nr. 1-2. P. 29; Oprea I. *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. P. 296.

⁴⁰⁸ *Relațiile româno-sovietice. Documente*. Vol. 1. P. 152, 238-246, 245.

Как отмечает академик И. Опря, инструкции И. Брэтиану сводились к идее недопущения плебисцита, а в случае подобного предложения следовало прервать переговоры. // Oprea I.M. *Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924)*. // *Revista istorică. Academia Română*. 1992, Nr. 1-2. P. 30.

Однако И.М. Опря, говоря об инструкциях премьера, вновь занимается самоопровержением: «В соответствии с этими инструкциями, „установление добрососедских отношений между двумя странами“ не может состояться „без установления границы, а установление границы означает признание объединения Бессарабии“. Более того, само признание *де-юре* Советского Союза Румынией означало, в соответствии с теми же инструкциями, компенсацию в обмен на признание Советом Народных Комиссаров объединения Бессарабии». // Oprea I. *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. P. 297.

В таком случае, когда же г-н Опря искренен? И что же, сейчас его более не мучит забота о Западе?!

⁴⁰⁹ Зная о неуступчивой позиции румынского правительства, советское руководство ещё 24 марта указало Крестинскому: «Необходимо, чтобы на конференции раздалось слово „плебисцит“. Румыны, вероятно, уйдут, как только Вы коснётесь Бессарабии, поэтому одно из Ваших первых слов, когда коснётесь её, пусть будет „плебисцит“. Включите это слово в Вашу первую же фразу». // *Советско-румынские отношения*. Т. 1. С. 215.

⁴¹⁰ Oprea I.M. *Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924)*. // *Revista istorică. Academia Română*. 1992, Nr. 1-2. P. 32.

Тем не менее, 31 марта румынская делегация отклонила предложение о плебисците, заявив, что принадлежность Бессарабии к Румынии является «уже решённым вопросом». Она заявила, что готова продолжить переговоры лишь при условии признания советской стороной Бессарабии в составе Румынии, и объявила, что «считает необходимым отложить переговоры и возвратиться в Румынию»⁴¹¹.

Руководитель румынских переговорщиков подчеркнул, что предлагаемый советской стороной плебисцит «является исключительным средством для решения международных затруднений в том случае, когда невозможно определить политические права иными средствами. Население же Бессарабии является в своём абсолютном большинстве румынским и неоднократно имело возможность выразить свою волю. В этом случае предложение о референдуме является бессмысленным и оскорбительным»⁴¹². Данная тирада является целиком лживой, так как «население Бессарабии» в период между 1918-1924 годами не «имело возможность выразить свою волю» свободно, а тем более «неоднократно». А «оскорбительным» (для бессарабцев) было не «предложение о референдуме», а именно отказ румынских властей провести его. Таким же «оскорбительным» для молдаван было и остаётся утверждение, будто бы «население Бессарабии является в своём абсолютном большинстве румынским».

«Глава румынской делегации Ланга Рэшкану, – пишет уже известный нам румынский историк И. Опря, – заявил 28 марта, что „восстановление нормальных дружественных отношений в первую очередь предусматривает признание нынешней границы“»⁴¹³. Указанный автор следующим образом аргументирует румынскую позицию: «Румыния отвергла плебисцит ещё и потому, что это поставило бы её в неудобное и даже ущербное положение противоречия со своими союзниками, официально признавшими в октябре 1920 г. присоединение Бессарабии»⁴¹⁴.

А вот оценка российского историка, данная позиции румынской стороны в этом вопросе: «Своим отказом от плебисцита Румыния лишней раз подтвердила перед всем миром, что её власть в Бессарабии держится исключительно на штыках. В этой связи стоит отметить, что в прессе союзной Румынии по Малой Антанте Югославии преобладала поддержка советской позиции на Венской конференции»⁴¹⁵.

На утверждение румынской стороны о том, что «Румыния не принимала участия в антисоветской интервенции», советская делегация заявила: «Прежде всего, факт оккупации Бессарабии является сам по себе грубой интервенцией. Далее, нельзя иначе, чем интервенцией, квалифицировать ту помощь, которая оказывалась Румынией сначала войскам Центральных держав, оккупировавшим Украину, затем войскам Антанты на юге России и Украины; наконец, после ухода этих войск – „белогвардейским правительствам Юга России” и различного рода бандам, при поддержке румынских властей опустошавшим территорию Украины»⁴¹⁶.

Довольно объективно охарактеризовал позицию обеих сторон на конференции голландец В.П. ван Мёрс: «Руководитель советской делегации сделал типичное заявление по бессарабскому вопросу: он отказался от всех исторических претензий России на Бессарабию и доказал, что советские претензии основаны на праве национального самоопределения бессарабского населения. Он потребовал проведения плебисцита, но, с румынской точки зрения, бессарабского вопроса не существовало, а поэтому и вопроса о плебисците не могло быть в повестке дня»⁴¹⁷.

Правда, имеются и иные оценки хода работы Венской конференции и по поводу причин её срыва. По мнению некоторых авторов, в этом повинна исключительно советская сторона. Так, один из современных молдавских историков, Л. Пэдурак, уверена, что «прибывшая в Вену советская делегация не была настроена вести переговоры, а имела намерение лишней раз обвинить Румынию в нежелании решать спорные вопросы. Московское правительство понимало под „решением конфликтов” исключительно принятие своей точки зрения без каких-либо изменений... Российские власти не проявляли пессимизма..., будучи уверены, что наступит благоприятный момент, когда они установят свою власть на территории между Прутом и Днестром»⁴¹⁸. Если принимать всерьёз подобную точку зрения, то следует, что единственной целью Москвы было «лишний раз обвинить Румынию в неконструктивизме» и поэтому было решено «прокатиться в Вену». По всей видимости, кремлёвским вождям более нечем было заняться... Как бы в подтверждение данного предположения наш автор подводит итог: «Россия села за стол переговоров лишь для того, чтобы привлечь внимание к бессарабскому вопросу и создать иллюзию, будто не русские, а румыны затягивают прояснение ситуации»⁴¹⁹. Вероятно, Сталин с Чичериным были иллюзионистами...

⁴¹¹ ДВП СССР. Т. 7. С. 174-175.

⁴¹² См.: *Relațiile româno-sovietice. Documente*. Vol. 1. P. 253-254; Oprea I. *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. București, 1998. P. 110.

⁴¹³ Oprea I.M. *Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924)*. // *Revista istorică. Academia Română*. 1992, Nr. 1-2. P. 31.

⁴¹⁴ Oprea I. *Conferința româno-sovietică de la Viena (1924)*. // *Cugetul*. 1992, Nr. 2. P. 57.

⁴¹⁵ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 148.

⁴¹⁶ ДВП СССР. Т. 7. С. 174.

⁴¹⁷ Meurs W.P. van. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. P. 103.

⁴¹⁸ Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 55.

⁴¹⁹ Ibid. P. 56.

Однако далеко не все разделяют точку зрения госпожи Пэдурак. Вопросы, предстоявшие для обсуждения на Венской конференции, поднимались западной прессой ещё до её начала. Некоторые газеты представляли Румынию в качестве страны, силой аннексировавшей чужие, никогда ей не принадлежавшие территории⁴²⁰. Позиция СССР в бессарабском вопросе широко обсуждалась европейской прессой и после завершения конференции. Так, венская газета «Neue Freie Presse» отмечала 9 апреля, что «срыв венских переговоров проинформировал мир о существовании на юго-востоке Европы серьёзного территориального вопроса... После Венской конференции всем понятно, что прямая или косвенная помощь в бессарабском вопросе будет рассматриваться в качестве враждебного акта и как прямое и косвенное участие в деле оккупации советской территории... Непосредственные соседи Советского Союза, такие, как государства Малой Антанты, должны осознавать, что их участие в любом совместном с Румынией союзе будет всегда преследовать цель обеспечения аннексии Бессарабии и несомненно с поддержанием или установлением дружественных отношений с советскими республиками»⁴²¹.

Корреспондент швейцарской «Neue Zürich Zeitung», объехавший весной 1924 г. всю Бессарабию, писал: «Отвращение к Румынии, пронизывающее все слои населения и, естественно, известное и властям, господствует во всей стране, которая в случае плебисцита, несомненно, подавляющим большинством голосов выскажется за воссоединение с СССР»⁴²². Ту же мысль выразила в начале 1926 года и итальянская «Stampa»: «Если бы румыны рискнули прибегнуть к плебисциту, которого требуют большевики, то вряд ли они могли рассчитывать на то, чтобы собрать большинство голосов в свою пользу»⁴²³. Так что вполне объяснимо нежелание румынской стороны принять советское предложение о референдуме.

В свою очередь, «Deutsche Allgemeine Zeitung» писала 11 мая 1924 года, что «напряжённое положение не гарантирует спокойствия Румынии, ставшей столь великой за одну ночь, и отдаляет от неё интересы международного капитала. В случае возникновения серьёзных проблем помощь Франции является проблематичной и Пуанкаре совсем не намерен предоставить в распоряжение румынских интересов французскую армию, и наоборот, отсутствует интерес к румынской армии в деле обеспечения французских интересов»⁴²⁴. Правильность данного вывода в отношении незаинтересованности Франции в защите румынских территориальных интересов и в румынском военном потенциале признаётся и некоторыми румынскими историками: «Вывод, с сожалением, совершенно истинный, и он будет подтверждён в ходе переговоров о заключении румыно-французского договора о дружбе 1926 года»⁴²⁵.

Интересны в этом контексте оценки работы Венской конференции, сделанные корреспондентом английской «Манчестер Гардиан» в Австрии М.В. Фодором: «Румыния заявила, что бессарабский вопрос был решён посольской конференцией в октябре 1920 г. и последующей ратификацией договора послов Великобританией и Францией. Советский Союз не считает решение послов связывающим его, поскольку конференция была проведена без консультации с Россией, которая всё ещё считает Бессарабию нераздельной частью территории советских республик... Поскольку Советская Россия не намерена удерживать какую-либо территорию против воли её населения, русская делегация предложила плебисцит... Румыния стоит перед лицом довольно неприятной дилеммы. Если она пойдёт на плебисцит, возникнет опасность, что другие национальности начнут настаивать на проведении подобной процедуры в своих провинциях, что, хотя и необязательно, но возможно, может привести к дезинтеграции Румынии. Это, в свою очередь, приведёт к серьёзным осложнениям в других национальных государствах»⁴²⁶.

Комментируя срыв Венской конференции, М.М. Литвинов заявил 7 апреля 1924 г. на пресс-конференции, что румынское правительство продолжает считать, что все важнейшие международные вопросы решаются в Лондоне и Париже и что ратификация французским парламентом Парижского протокола от 28 октября 1920 г. заменит ей урегулирование с Советским Союзом вопроса о Бессарабии⁴²⁷.

Как сообщает советский историк Н.В. Березняков, после срыва конференции королевское правительство предложило СССР отказ от хранящегося в Москве золотого запаса своей страны в обмен на признание Советским правительством «прав» Румынии на Бессарабию*. В СССР отвергли данное предложение⁴²⁸. Уже известный нам французский историк Ш. Бокур подметил в этой связи, что линия по

⁴²⁰ Der Tag, 5.II.1924; Berliner Börsen Zeitung, 25.II.1924; The Observer, 23.III.1924.

⁴²¹ Citat după: Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 245.

⁴²² См.: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 261

⁴²³ Ibid.

⁴²⁴ См.: Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 245-246.

⁴²⁵ Ibid. P. 246.

⁴²⁶ Цит. по: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 208, 212.

⁴²⁷ Правда. 1924, 8 апреля.

* Вполне возможно, что это «утка», запущенная советской молдавской историографией, для дискредитации румынских правящих кругов того времени и «буржуазных фальсификаторов». По крайней мере, других источников, подтверждающих данную версию, мы не встречали.

⁴²⁸ Березняков Н.В. Из истории борьбы советской дипломатии за освобождение Бессарабии в 1918-1924 гг. // Ученые записки Института истории Молдавского филиала АН СССР. Т. VI (серия историческая). Кишинев, 1957. С. 201.

Днестру «была единственной из европейских границ Советской России, которая не была установлена свободно подписанным договором»⁴²⁹. Вообще-то данное утверждение может быть дополнено тезисом, что она была не только «единственной из европейских границ Советской России», но и единственной тогдашней европейской «границей» подобного рода.

К сожалению, Венская конференция потерпела неудачу, что серьёзно сказалось на дальнейших взаимоотношениях Румынии и Советского Союза. А их неурегулированность стала препятствием на пути развития взаимосвязей СССР с Польшей, Чехословакией, Югославией. В одной из бесед с В.А. Антоновым-Овсеенко чешский министр иностранных дел Э. Бенеш открыто заявил, что неразрешённость бессарабского вопроса является главной помехой для Чехословакии и Югославии как союзниц Румынии по Малой Антанте на пути установления дипломатических отношений с Москвой⁴³⁰. Всё это ещё раз доказывает, что бессарабский вопрос не был лишь проблемой двусторонних советско-румынских отношений, а представлял из себя общеевропейский вопрос.

Отмечая значение прошедшей в Вене советско-румынской конференции, академик А. Лазарев писал, что, хотя она и «потерпела неудачу, не решила бессарабский вопрос, однако сам её созыв, освещение её работы и итогов международной прессой сыграли в какой-то мере исторически положительную роль. Конференция, прежде всего, напомнила всему миру о существовании на юго-востоке Европы серьёзной территориальной проблемы, которую не в состоянии разрешить ни конференции послов, ни Лига Наций, ни парламенты великих держав без воли и согласия непосредственно заинтересованных в этом вопросе населения Бессарабии и Советского Союза»⁴³¹.

При этом, наряду со стремлением возврата Бессарабии и начавшемся в СССР национально-государственным строительством (охватившим в начале 1924 года и молдаван левобережья Днестра⁴³²), советское руководство не упускало из виду и вопрос распространения революционных коммунистических идей на юго-восток Европы. Достижению этих задач должно было послужить и образование Молдавской АССР. «Тем временем, — отмечает М. Мельтюхов, — ещё 5 февраля 1924 г. Г.И. Котовский, С.С. Тимов, П.Д. Ткаченко и ряд румынских эмигрантов-коммунистов обратились в ЦК РКП(б) с предложением создать Молдавскую республику, которая, по их мнению, могла бы привлечь симпатии бессарабского населения, оказать „сильное идейное влияние на окружающие области и, при соответствующей международной обстановке.., революционаризировать всё положение на Балканском полуострове”». В ответ на запрос ЦК о целесообразности подобного образования, командующий всеми вооружёнными силами Украины и Крыма Фрунзе поддержал это предложение...

С целью ускорить решение этого вопроса, Фрунзе 25 июля 1924 года направил в ЦК РКП(б)^г записку, в которой писал: „В районе Приднестровья приходилось неоднократно бывать лично, и я констатирую, что к северу от Тирасполя идёт сплошная полоса с преобладающим молдавским населением. В качестве административного центра можно было бы дать г. Тирасполь. Наконец, следует момент международный. Создание хотя бы небольшой по территории Молдавской республики или области явится в наших руках могучим орудием воздействия на настроение рабоче-крестьянских масс Бессарабии в смысле укрепления надежд на избавление от румынского гнёта”...

12 октября была образована Молдавская Автономная ССР в составе УССР... В акте ВУЦИКа об образовании МАССР указывалось, что „западная граница этой республики есть государственная граница СССР; мы считаем этой границей не Днестр, а Прут”... Указывая на международное значение образования МАССР, „Правда” писала: „У ворот Румынии, где свирепствует самая черносотенная в Европе буржуазия, зажглась советская звезда. Её лучи будут светить далеко на Запад, и она будет служить путеводной звездой всему населению Бессарабии и пролетариату Румынии”»⁴³³.

Советско-румынские отношения в период после Венской конференции и до установления дипломатических отношений. И после Венской конференции бессарабский вопрос оставался камнем преткновения в советско-румынских отношениях. Советский Союз использовал любую возможность для привлечения к нему внимания международного сообщества и разъяснения своей позиции по этой проблеме. Так, 12 августа 1924 г., накануне советско-английских переговоров, советская сторона обнародовала декларацию, в которой затрагивался и бессарабский вопрос. В ней отмечалось, что по отношению к России, союзнице Англии в годы первой мировой войны, была допущена вопиющая несправедливость:

⁴²⁹ Beaucourt Ch. L'Union Soviétique et la Roumanie. // Les Frontières européennes de l'URSS. P. 295.

⁴³⁰ ДВП СССР. Т. 11. С. 559.

⁴³¹ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 214.

⁴³² См.: Морарь А.Г. Неисследованная страница (К вопросу об образовании Молдавской АССР). // Страницы истории Советской Молдавии. Ч. 1. Кишинев, 1990. С. 49-70; Молдавская советская энциклопедия. МССР. Кишинёв, 1979. С. 119-121; Enciclopedia sovietică moldovenească. V. 8. Chişinău, 1981. P. 121-123; Большая советская энциклопедия. Т. 16. М., 1974. С. 428.

^г Примечание научного редактора: С 1925 года – ВКП(б).

⁴³³ Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 149-150.

«Жертвы, принесённые Россией для защиты Румынии в течение мировой войны, исчисляются примерно в 100 тысяч убитых и раненых... И... сначала с помощью генерала Макензена и германской дипломатии после подписания мира в Бухаресте, а затем с помощью союзной дипломатии румынское правительство нашло способ обогатиться одновременно за счёт как своего старого союзника – России, так и за счёт своих врагов...

Официально, с точки зрения международного права, Бессарабия остаётся территорией, принадлежащей Союзу ССР. Только сам бессарабский народ может изменить этот исторический факт, и ему должна быть предоставлена свобода для выражения своей воли, причём румынские войска и румынская администрация должны быть эвакуированы с территории Бессарабии»⁴³⁴. В данном документе была подвергнута критике и румынская «теория» об «исторических правах» на Бессарабию. В нём было справедливо замечено, что если руководствоваться подобными «аргументами», то карту всей Европы следует перекроить заново, а вместе с тем потребуется переделить и саму Румынию. Следует отметить, что данная постановка вопроса сохраняет свою актуальность и по настоящее время.

Также, и не впервые в истории международных отношений, на советско-английской конференции был поднят вопрос и о Северной Буковине⁴³⁵, с требованием, чтобы её народу, наряду с народом Бессарабии, была предоставлена возможность самому решать свою судьбу⁴³⁶.

Премьер-министр Румынии Юлиу Маниу (1928-1930) считал, что возобновление нормальных отношений между двумя странами зависит от признания Советским Союзом границы по Днестру, в то время как советский министр иностранных дел Максим Литвинов также решительно отверг такое предложение, пишет К. Хиткинс⁴³⁷. Вот как оценивает сложившуюся ситуацию историк Л. Пэдурак: «Румынские власти справедливо опасались возможных переговоров с СССР, так как было ясно, что в их ходе Москва будет настаивать на бессарабском вопросе и румыны будут вынуждены прервать переговоры. По этим причинам бухарестское правительство стремилось первоначально убедиться в пользе будущих переговоров... Румынии было выгодно сохранение политического status-quo в отношении России»⁴³⁸.

В 1929 г. министр иностранных дел Румынии К. Арджетоану откровенно заявил, что Румыния желает создать антисоветский союз, в котором должны участвовать Польша, Румыния, Чехословакия, Австрия, Венгрия, Югославия и Италия. По его мнению, Пакт Келлога, в этом плане, имел лишь моральное значение, так как никто не может заставить государство, подписавшее данный пакт, не вести войну, если оно эту войну хочет. В очередной раз румынский министр «напомнил Европе», что Румыния охраняет её от «русской опасности»⁴³⁹.

Фактором, не стимулирующим достижение соглашения, было и отсутствие серьёзных экономических отношений между двумя странами. На фоне отсутствия прогресса в двусторонних отношениях, поддержав США и Францию, Румыния в своё время включилась в экономический бойкот СССР⁴⁴⁰. В первую очередь это выразилось в том, что ряду судоходных компаний было отказано в провозе по Дунаю советской нефти и пшеницы⁴⁴¹.

Наибольшую известность в этой связи получил так называемый «сулинский инцидент», когда в марте 1931 г. в порту Сулина румынскими властями была запрещена перегрузка советской нефти с итальянского морского судна «Мелория» на речные суда голландской судоходной компании «Континентале моторшиф», которые должны были доставить нефть чехословацкой нефтеперегонной компании «Фанто» в Братиславу. При этом на запрос голландцев румыны ответили, что «запрет не только не будет снят, но что и в будущем Румыния будет всеми возможными мерами препятствовать транзиту советских товаров»⁴⁴².

⁴³⁴ ДВП СССР. Т. 7. С. 423-424; см. также: С. 247, 421.

⁴³⁵ Впервые этот вопрос был поднят перед румынским правительством в апреле 1919 г. в ноте Х. Раковского от имени правительства Украины. Затем повторно он вновь поднимался 2 мая того же года. // См.: Nanu F.C. *Politica externă a României. 1918-1933*. Iași, 1993. P. 112; Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 32.

3 декабря 1924 г. данный вопрос был вновь выдвинут Раковским от имени советского посольства в Великобритании. // См.: Moisuc V. *Premisele izolării politice a României*. P. 246-247.

Л. Пэдурак считает, что лишь начало наступления Деникина предотвратило тогда, в 1919 году, советскую «агрессию против Румынии». // Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 32.

⁴³⁶ ДВП СССР. Т. 7. С. 424.

⁴³⁷ Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K. etc. *Istoria României*. P. 445.

⁴³⁸ Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 70.

⁴³⁹ См.: Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 157.

⁴⁴⁰ См.: История внешней политики СССР. Часть 1. М., 1966. С. 255.

Дело доходило до абсурда. Так, румынское правительство конфисковало закупленную в СССР партию га-лош, так как на их подошвах стояла марка «Серп и молот», что могло «явиться средством ведения советской пропаганды», особенно в Бессарабии. // Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 158.

⁴⁴¹ См.: Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения (1929-1934 гг.). М., 1971. С. 68.

⁴⁴² ДВП СССР. Т. 14. С. 235.

Так как румынское правительство грубо нарушило все международные соглашения о свободном плавании и транзите судов по Дунаю, М. Литвинов обратился с просьбой к председателю Европейской дунайской комиссии Дольфини принять меры для разрешения данного инцидента⁴⁴³. Несмотря на то, что 1 апреля Дольфини сообщил советскому министру, что перегрузка осуществлена, «Мелория» продолжала стоять в Сулине. В связи с данной ситуацией Советское правительство обратилось к правительствам Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Италии, Франции и Чехословакии со специальными нотами, в которых указывалось на «серьёзнейшее нарушение международных соглашений, касающихся свободного плавания по Дунаю»⁴⁴⁴. В конечном итоге инцидент был урегулирован, но он способствовал дальнейшему усложнению советско-румынских отношений.

Однако влияние третьих сторон заставило Румынию и Советский Союз со временем изменить позиции. На Румынию влияли ближайшие её союзники, в первую очередь Франция и Польша⁴⁴⁵. В националистической прорумынской молдавской историографии роль этих стран не всегда оценивается положительно. Так, например, Л. Пэдуряк утверждает, что «Польша и Франция не предприняли решительных действий с целью положительного влияния на отношение России к Румынии»⁴⁴⁶. По нашему мнению этим предпринимается попытка переставить события «с ног на голову», и в дальнейшем читатель убедится в этом. Наш уважаемый историк явно перепутала причинно-следственную связь. А СССР был вынужден не обострять этот спор из-за нараставшей фашистской опасности в Европе и необходимости создания, в связи с ней, системы коллективной безопасности на континенте.

Пример Франции, которая стремилась подписать пакт с СССР⁴⁴⁷ для поддержания международного статус-кво, был сильным стимулом для той части румынской политической элиты, которая рассчитывала на Францию как на главного гаранта Версальской системы. Классическим выразителем этой линии был министр иностранных дел Николае Титулеску (октябрь 1932 – август 1936 гг.).

В 1932-1933 гг. франко-советский договор о ненападении 1932 года⁴⁴⁸ получил подкрепление в результате заключения аналогичных договоров СССР с Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей и Италией⁴⁴⁹. В этих условиях Румыния стала единственным соседом СССР, не имеющим с ним нормальных отношений, и оказалась перед угрозой политической изоляции⁴⁵⁰. Николае Титулеску вспоминал несколько позже: «Я старался любым путём выйти из изоляции. Смотрел на карту Европы и видел, что все страны имели отношения с Советами или собирались установить их в ближайшее время»⁴⁵¹. Поэтому, после соответствующих консультаций с Францией и Польшей, королевское правительство предприняло зондаж на предмет переговоров с Москвой о заключении пакта о ненападении.

Официальное предложение о заключении советско-румынского пакта о ненападении было сделано в начале декабря 1931 г. румынским послом в Варшаве советскому полпреду в Польше В.А. Антонову-Овсеенко. После обмена мнениями стороны договорились вести переговоры в Риге⁴⁵². Правда, румынская сторона не отказалась от попыток использовать эти переговоры с целью добиться от СССР уступок в бессарабском вопросе. «Румыния открыта для самой мирной политики в отношении Советской России, но находится в ожидании момента, когда обстоятельства позволят установить с ней нормальные политические отношения при соблюдении жизненно-важных интересов страны», – отмечал Н. Титулеску⁴⁵³. Ещё 5 января 1932 г. на совещании короля с премьер-министром Н. Йоргой и министром иностранных дел Д. Гикой была выработана и апробирована формула, которая, по мнению её творцов, в случае включения в текст документа должна была означать признание Бессарабии «румынской территорией»⁴⁵⁴.

⁴⁴³ Ibid. С. 202-203.

⁴⁴⁴ Ibid. С. 236.

⁴⁴⁵ Подробнее см.: Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K. etc. *Istoria României*. P. 445-446; Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 78-80.

⁴⁴⁶ Pădureac L. *Relațiile româno-sovietice*. P. 81.

⁴⁴⁷ При этом французское правительство уточнило, что подпишет данный пакт лишь одновременно с подписанием советско-польского и советско-румынского договоров о ненападении. // Moisuc V. *Premisele izolării politice a României*. P. 322.

⁴⁴⁸ См.: История второй мировой войны. Т. 1. С. 272-273.

⁴⁴⁹ Ibid. С. 276.

Польша в ходе переговоров с Москвой о заключении пакта о ненападении оговорила его подписанием Советского правительства на заключение аналогичного договора с Румынией. // См.: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 227; Meurs W.P. van. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. P. 104.

⁴⁵⁰ Meurs W.P. van. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. P. P. 104.

⁴⁵¹ Цит. по: Oprea I. *O etapă rodnică din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice*. P. 56; Oprea I. Nicolae Titulescu. P. 215-216.

⁴⁵² ДВП СССР. Т. 14. С. 830.

⁴⁵³ Цит. по: Oprea I. Nicolae Titulescu. P. 216.

⁴⁵⁴ Iorga N. *Memorii*. Vol. 6. București, 1939. P. 274.

Однако в процессе подготовки к переговорам в соответствии с румынским предложением, переданным через польских дипломатов, между СССР и Румынией была достигнута договорённость о «необходимости оставления в стороне неразрешённого бессарабского вопроса»⁴⁵⁵. Одновременно на пресс-конференции накануне начала советско-румынских переговоров М.М. Литвинов вновь высказал позицию своего правительства по бессарабскому вопросу, заявив, что «Румыния фактически оккупирует Бессарабию»⁴⁵⁶.

Советско-румынские переговоры в Риге продолжались весь 1932 г. и велись делегациями во главе с Б.С. Стомоняковым и М. Стурзой⁴⁵⁷. Главной целью обсуждаемого пакта было устранение возможностей нападения одной страны на другую⁴⁵⁸. Однако ещё до начала переговоров Литвинов поручил Стомонякову довести до сведения румынских представителей, что СССР не согласится на формулировки, «под которыми можно было бы понимать хотя бы отдалённое признание аннексии Бессарабии»⁴⁵⁹, и не оставлять у румынской стороны «иллюзий о возможности игнорирования нами территориального спора»⁴⁶⁰.

Серьёзные разногласия сторон вновь выявились, когда румынский представитель воспротивился внесению в текст пакта оговорки о том, что между странами существуют территориальные споры, решение которых в настоящее время не ставится в порядок дня. Данную позицию можно сравнить разве что с поведением страуса, прячущего голову в песок в случае опасности. Но от того, что кто-то не желает формально признавать существование спора, сам спор не исчезает. Даже если лишь советская сторона не признавала за румынской право на Бессарабию, от этого вопрос не переставал быть «спорным».

«И всё-таки усилиями дипломатов обеих делегаций, — отмечают российские историки В. Виноградов и М. Ерещенко, — все статьи двухстороннего договора, кроме первой и преамбулы, были согласованы и даже подписаны. Но отказ политического руководства [Румынии] хотя бы обозначить вопрос о Бессарабии как существующую проблему делал бесполезным продолжение переговоров»⁴⁶¹.

Так, 14 января на пресс-конференции министр иностранных дел Д. Гика дал понять, что румынская сторона явно не заинтересована в успешном завершении рижских переговоров. Ещё более откровенным был Г. Арджетоану, заявивший 16 января в Париже: «Лично я убеждён, что переговоры ни к чему не приведут и пакт с Советской Россией не будет подписан»⁴⁶². А 18 января сам премьер Н. Йорга дал указание МИДу о том, чтобы, если не удастся провести румынскую точку зрения, объявить о том, что Румыния вполне удовлетворена наличием пакта Келлога⁴⁶³. Учитывая вышеизложенное, не будет преувеличением сделать вывод о том, что позиция румынской стороны на переговорах в Риге не была рассчитана на достижение договорённости.

20 января 1932 г. в ходе очередного раунда румынский представитель заявил, что, до принятия советской стороной твёрдого обязательства никоим образом не включать вопрос о Бессарабии в пакт о ненападении, он считает бесполезным продолжение переговоров и готов их возобновить лишь после принятия упомянутого условия⁴⁶⁴. В новых инструкциях бухарестского правительства послу в Риге М. Стурзе «переговоры были представлены как нежелательные»⁴⁶⁵, и после 20 января румынская делегация фактически прервала их.

В опубликованном 26 января интервью М.М. Литвинов заявил: «Совершенно очевидно, что двусторонний пакт между двумя государствами, между которыми не только не существует никаких официальных отношений, но и имеются серьёзные территориальные и иные споры, не может быть заключён без упоминания о незатрагивании этих споров и об оставлении их в стороне. Мы вполне понимаем, что, поскольку Румыния фактически оккупирует Бессарабию, она хотела бы забыть о существующем споре и неупоминание о нём истолковать как наше молчаливое согласие на оккупацию. Мы на это согласиться не можем»⁴⁶⁶.

Подводя итоги рижским переговорам, советские исследователи Я. Копанский и И. Левит пришли к выводу, что они «не только не привели к подготовке пакта о ненападении между СССР и Румынией, но в известной степени ухудшили советско-румынские отношения»⁴⁶⁷. Следует подчеркнуть, что это по-

⁴⁵⁵ ДВП СССР. Т. 15. С. 58.

⁴⁵⁶ Известия. 1932, 6 января.

⁴⁵⁷ Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 324-327.

⁴⁵⁸ ДВП СССР. Т. 15. С. 58.

⁴⁵⁹ Ibid. С. 15.

⁴⁶⁰ Ibid. С. 21.

⁴⁶¹ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 298.

⁴⁶² См.: Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 88.

⁴⁶³ Iorga N. Memorii. Vol. 6. P. 289.

⁴⁶⁴ ДВП СССР. Т. 15. С. 45.

⁴⁶⁵ Iorga N. Memorii. Vol. 6. P. 273-274.

⁴⁶⁶ ДВП СССР. Т. 15. С. 58.

⁴⁶⁷ Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 94.

нимали и союзники румын. Так, 26 февраля 1932 г. в Женеве во время беседы с Литвиновым польский министр иностранных дел Залесский не скрывал того, что Румыния не проявляет заинтересованности в пакте, и намекал на сопротивление румынского короля⁴⁶⁸.

В свете происходившего менялась и позиция Польши. Если первоначально, как отмечалось выше, Польша оговаривала подписание собственного договора о ненападении с СССР одновременным подписанием Москвой аналогичного договора с Румынией, то в ходе апрельского 1932 г. визита Ю. Пилсудского в Бухарест последний заявил, что подпишет данный пакт вне зависимости от интересов Румынии и от последствий этого для румыно-польского союза⁴⁶⁹. 25 июля польско-советский договор был подписан, хотя польская сторона информировала румынскую, что его ратификация произойдёт лишь после подписания соответствующего пакта между Румынией и Советским Союзом⁴⁷⁰.

Как Залесский, так и польский посол в Москве Патек, фактически взяв на себя роль посредников, предлагали различные формулировки, способные, по мнению польской дипломатии, удовлетворить обе стороны. Так, во вступительной части пакта предлагалось упомянуть, что «спорные между обеими сторонами вопросы остаются в стороне, и подписание пакта не наносит ущерба позиции обеих сторон по спорным вопросам»⁴⁷¹. Однако и компромиссные польские предложения отклонялись румынской стороной⁴⁷². Более того, новое бухарестское правительство А. Вайды-Воевода отказалось от всего ранее достигнутого и предложило абсолютно новый проект⁴⁷³. Москва же настаивала на устранении разногласий, оставшихся после Риги.

Вскоре в качестве активного посредника в ход советско-румынских переговоров подключилось и новое французское правительство во главе со сторонником франко-советского сближения Э. Эррио⁴⁷⁴. Данная проблематика обсуждалась и при личной встрече М. Литвинова с Э. Эррио 24 июля в Женеве⁴⁷⁵. Однако румынские политики продолжали упорствовать, и переговоры были прерваны до 20 сентября.

Характеризуя их ход, советский полпред в Париже В.С. Довгалецкий писал в информационной записке для премьера Эдуарда Эррио, что советская сторона «старалась найти формулировки, полностью удовлетворяющие претензии Румынии, за исключением тех, которые непосредственно направлены на то, чтобы добиться отказа от наших прав на Бессарабию. К сожалению, по мере того как мы умножали эти наши усилия, становилась всё более очевидной странная идея побудить нас именно к признанию в пакте аннексии Бессарабии. Вот почему мы видим во всём этом не расхождение в формулировках, а предвзятую позицию, которая вытекает из расчётов, ни на чём, впрочем, не основанных»⁴⁷⁶.

Как бы в подтверждение выводов Довгалецкого, 26 августа 1932 г. Н. Титулеску предложил свою формулировку проекта пакта, в которой предусматривалось, что каждая из сторон, «констатируя отказ от войны как инструмента национальной политики в международных отношениях, берёт на себя обязательство не предпринимать... никакой агрессии..., ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне против противоположной Договаривающейся Стороны. Будет считаться противоречащим взятым на себя в предыдущем абзаце обязательствам любой акт насилия, направленный на нарушение единства и неприкосновенности территории... противоположной Договаривающейся Стороны»⁴⁷⁷. Комментируя данную инициативу, Л. Пэдурак отмечает, что «посредством соответствующих формулировок румынские власти пытались укрепить безопасность восточной границы»⁴⁷⁸. То есть, предпринимались именно те попытки, о которых говорил советский посол во Франции.

К концу августа 1932 года советским и французским дипломатам удалось согласовать редакцию окончательного протокола по советско-румынской договорённости: «Настоящий договор, содержащий обязательство каждой из сторон воздержаться от какого-либо нападения на другую, будет толковаться в том смысле, что никакой спорный вопрос, территориальный или иной, существующий между сторонами, не может никогда ограничивать упомянутые обязательства и не может служить для той или другой из договаривающихся сторон мотивом или дать им свободу для совершения где бы то ни было актов, противоречащих обязательству ненападения, установленному настоящим договором. Понимается также, что этот договор не может служить для других целей, в частности, не может толковаться как разрешение отмеченных спорных вопросов, существующих между сторонами в момент подписания настоящего договора, каковые вопросы не затрагиваются его заключением»⁴⁷⁹.

⁴⁶⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 5. М., 1967. С. 529.

⁴⁶⁹ Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 326.

⁴⁷⁰ Ibid.

⁴⁷¹ ДВП СССР. Т. 15. С. 330.

⁴⁷² Ibid. С. 514, 574.

⁴⁷³ Ibid. С. 380.

⁴⁷⁴ Ibid. С. 396, 404-406, 410, 411, 785.

⁴⁷⁵ Ibid. С. 433.

⁴⁷⁶ Ibid. С. 442.

⁴⁷⁷ Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 390.

⁴⁷⁸ Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 83.

⁴⁷⁹ ДВП СССР. Т. 15. С. 499.

1 сентября Э. Эррио передал вышеуказанную формулировку в Бухарест в качестве предложения французского правительства. При этом он пояснил, что Париж не может оттягивать заключение пакта о ненападении с СССР до бесконечности в связи с незаключением советско-румынского договора. «Эта позиция, – писал французский премьер, – имеет в виду, что румынское правительство сумеет оправдать оказанное ему доверие: с одной стороны, – идя на возобновление румыно-советских переговоров в самом ближайшем будущем, т.е. до ранее установленной даты 20 сентября; с другой стороны – отказываясь от всяких требований, на которые неразумно надеяться получить согласие СССР, т.е. от всяких формулировок, имеющих тенденцию прямо или косвенно получить признание Советским Союзом присоединения Бессарабии»⁴⁸⁰.

17 сентября 1932 г. М. Литвинов по пути в Швейцарию имел встречу в Варшаве с румынским посланником В. Кэдере. Было условлено возобновить двусторонние переговоры в Женеве⁴⁸¹. В беседе с польским министром Залесским по аналогичным проблемам заключения советско-польского пакта нарком заметил: «Если Румыния будет настаивать на неупоминании спорных вопросов, то из переговоров ничего не выйдет»⁴⁸². Несмотря на это, женевские переговоры успешно начались и продолжились до 2 октября. Однако соглашение, достигнутое между М.М. Литвиновым и В. Кэдере, не получило одобрения в Бухаресте. И опять разногласия вызвала, казалось бы, компромиссная и согласованная формула о наличии «существующих споров между договаривающимися сторонами». Бухарест не дал окончательного согласия на включение в текст слова «существующие»⁴⁸³.

Правда, накануне отъезда М. Литвинова из Женевы В. Кэдере внёс предложение, фактически устранившее единственное остававшееся разногласие и делавшее возможным скорое подписание пакта. Оно заключалось в упоминании в заключительном протоколе «будущих и настоящих споров»⁴⁸⁴. Но на следующий день Кэдере сообщил, что его собственное правительство не приняло этого предложения, и выразил сомнение в приемлемости для бухарестского правительства других, уже согласованных, формулировок⁴⁸⁵. «Действия Кэдере, – констатируют Я. Копанский и И. Левит, – явились отражением борьбы внутри правящих кругов королевской Румынии в связи с советско-румынскими переговорами»⁴⁸⁶.

Опять та же «тактика страуса». В связи с этим советский нарком выразил сомнение в искренности румынских властей в их «стремлении к заключению пакта»⁴⁸⁷. А 23 ноября 1932 г., выступая в парламенте, его румынский коллега Н. Титулеску^г заявил, что «на такой пакт о ненападении Румыния не может согласиться ни сегодня, ни когда бы то ни было»⁴⁸⁸. Более того, когда, ещё в последних числах сентября, ему показалось, будто Бухарест готов подписать пакт о ненападении, в тексте которого признавалось бы наличие спорных вопросов между Румынией и СССР, он пригрозил отставкой с поста посла в Лондоне и постоянного представителя Румынии в Лиге Наций⁴⁸⁹.

В интервью агентству Рейтер румынский дипломат обвинил Москву в претензии на Бессарабию: «Советы отказывались до сего дня от подписания пакта о ненападении, если Румыния прямо или косвенно не признает, что Бессарабия является спорной территорией. Другими словами, стало ясно, что под прикрытием пакта о ненападении в действительности обсуждается пакт о признании спора»⁴⁹⁰.

А в беседе с корреспондентом французской газеты «Le Temps» Н. Титулеску откровенно выступил против текста будущего пакта и заявил, что Румынии следует отказаться от его заключения и в своих отношениях с Советским Союзом строго оставаться на позициях пакта Бриана-Келлога. Одновременно он утверждал, что является сторонником советско-румынского сближения⁴⁹¹. Вот его аргументы в связи с данным проектом: «Кто признаёт существование спора в отношении какой-либо территории, неизбежно признаёт и обязанность предложить решение данного спора: арбитраж или плебисцит»⁴⁹².

По поводу переговорной тактики румынской дипломатии молдавский историк Лидия Пэдуряк приходит к следующему выводу: «В результате несогласия СССР отказаться от пассажа, напоминающего о существовании конфликта между двумя странами, Н. Титулеску прервал переговоры... Анализ представленных в ходе советско-румынских переговоров проектов доказывает бессмысленность их продолжения для румынской стороны. Целью русских являлось не только заключение пакта о ненападении,

⁴⁸⁰ Цит. по: Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 101-102.

⁴⁸¹ ДВП СССР. Т. 15. С. 539-540.

⁴⁸² Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 298.

⁴⁸³ Ibid.; ДВП СССР. Т. 15. С. 550, 554.

⁴⁸⁴ Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 398; ДВП СССР. Т. 15. С. 554.

⁴⁸⁵ Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 104-105.

⁴⁸⁶ Ibid. С. 105.

⁴⁸⁷ ДВП СССР. Т. 15. С. 575-576.

^г Примечание научного редактора: 21 октября 1932 г. Н. Титулеску был назначен министром иностранных дел Румынии.

⁴⁸⁸ Monitorul oficial. Partea III, Nr. 6, 1932 28 noiembrie. P. 46.

⁴⁸⁹ Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 106.

⁴⁹⁰ Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 83-84.

⁴⁹¹ Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 107.

⁴⁹² Цит. по: Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 326.

но и ослабление позиций Румынии в бессарабском вопросе»⁴⁹³. Странная логика: простое признание реальной действительности – в данном случае, существования конфликта, – означает «ослабление позиций». Тогда, по той же логике, непризнание реальности укрепляет позиции, не так ли?

Анализируя данный подход, румынский историк В. Мойсук оценивает его таким образом: это – «объективная и верная мысль, от которой независимое и суверенное государство не может отойти без риска поставить под вопрос свой суверенитет и национальную независимость»⁴⁹⁴. По нашему же мнению, как мы уже отмечали, данное поведение румынской дипломатии в межвоенный период можно квалифицировать именно как «тактику страуса». О какой «объективной и верной мысли» может идти речь в условиях непризнания объективной реальности?!

Поведение румынских властей вынудило М. Литвинова заявить 15 декабря корреспонденту «Известий», что «руководители переговоров с румынской стороны интересовались меньше пактом о ненападении, чем получением от Советского правительства косвенного или молчаливого признания оккупации Бессарабии»⁴⁹⁵. Несколько ранее, в интервью ТАСС, он подчеркнул, что, «если бы Румыния действительно стремилась... к заключению пакта о ненападении..., то соглашение... было бы давно достигнуто. Но систематическое дезавуирование собственных уполномоченных... обнаруживает следы различных борющихся между собой влияний...

Ход переговоров заставлял иногда сомневаться в серьезности и искренности стремлений Румынии к заключению пакта. Мы имеем откровенное заявление ответственных политических деятелей Румынии о ненужности для Румынии пакта... Подмена ранее согласованных, после длительных переговоров, статей другими, открывающими простор для новых разногласий, не может иметь иной цели, кроме дальнейшего максимального затягивания переговоров и отдаления подписания пакта, и, возможно, является стремлением к срыву пакта о ненападении между СССР и Румынией...

Дальнейшие переговоры, по-моему, должны вестись на основе дважды согласованных уже с представителями Румынии текстов. При наличии доброй воли со стороны Румынии вряд ли даже потребуются длительные переговоры или переговоры вообще»⁴⁹⁶, – завершил свою мысль нарком.

Одновременно М.М. Литвинов передал в Париж и Варшаву информацию о готовности Москвы подписать пакт в случае согласия Бухареста на последнюю редакцию заключительного протокола, сформулированного В. Кэдере. Он просил МИД Франции выяснить, готово ли румынское правительство к этому⁴⁹⁷.

19 октября в письме к Э. Эррио посол в Москве Ж. Пэйэр следующим образом оценил новые румынские демарши: «Занимая такую позицию, г-н Титулеску, очевидно, становится вольным или невольным орудием для немецких интриг, которые обнаруживаются как в Бухаресте, так и в Варшаве и имеют целью сорвать систему восточных пактов». Французский дипломат доносил главе своего правительства, что, по его мнению, Литвинов искренне стремится к успешному завершению переговоров⁴⁹⁸.

Комментируя данную ситуацию, В. Мойсук утверждает, что «такой договор... в желаемой советским правительством форме... означал бы добровольное признание Румынией существования территориального „спора“ с СССР и, соответственно, непризнание законности акта объединения Бессарабии со Страной в марте 1918 года, – что означало бы акт национальной измены»⁴⁹⁹. Странная, на первый взгляд, логика... Признание действительности, т.е. спора как такового, уже означает «акт национальной измены». Таким образом, непризнание реальной действительности является патриотическим действием?! В таком случае, если нам зима не по душе, игнорируем этот факт и носим летнюю одежду?.. Вот на данном принципе и зиждется вся румынистская концепция по бессарабскому вопросу: не признаем ничего, что противоречит «румынскому патриотизму». А если не признаём реальную действительность, то объявляем её несуществующей!.. Таким образом, боязнь «непризнания законности акта объединения» существует только по одной причине – так как данный акт был и остаётся незаконным.

Пытаясь снять с себя и румынского правительства вину за срыв переговоров, в конце октября 1932 г. Н. Титулеску заявил, что они будут продолжены и даже обратился к Польше с просьбой о посредничестве. Однако в этот раз последняя отказалась, о чём польский посол в Бухаресте Шембек официально поставил в известность румынское правительство. 3 ноября полномочный представитель Польши в Париже уведомил французский МИД о том, что «Польша пришла к убеждению, что Румыния в действительности не желает прийти к соглашению с Советским Союзом»⁵⁰⁰. Единственным посредником осталась Франция.

⁴⁹³ Pădureac L. Relațiile româno-sovietice. P. 84-85, 84.

⁴⁹⁴ Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 327.

⁴⁹⁵ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 298.

⁴⁹⁶ ДВП СССР. Т. 15. С. 575-576; Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. P. 404-405.

⁴⁹⁷ ДВП СССР. Т. 15. С. 570-571, 576-577.

⁴⁹⁸ См.: Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 110.

⁴⁹⁹ Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 328.

⁵⁰⁰ Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 111.

«Однако, – пишет В. Мойсук, – 29 ноября Э. Эррио и В. Довгалецкий подписали на Кэ д'Орсэ франко-советский пакт о ненападении, забыв, естественно, о данном Румынии обещании в августе, в момент парафирования этого договора. также поступило и польское правительство»⁵⁰¹. Вопреки мнению большинства румынских историков, это ещё раз доказывает лишь нереалистичность румынской внешней политики в межвоенный период. И не Франция или Польша «забыли о своих обещаниях», а румынские правители того времени не понимали, на каком свете находятся.

Комментируя эти события, американский историк Р. Лангер писал: «Советское правительство требовало включения пункта, оговаривавшего, что бессарабский вопрос не затрагивается; в свою очередь, румыны настаивали на твёрдом признании права на Бессарабию. Переговоры были прерваны»⁵⁰². Однако выход из тупика был всё же найден, и уже в 1933 г., отмечает Лангер, обе страны «стали участниками двух многосторонних конвенций, не возвращаясь к бессарабскому вопросу»⁵⁰³.

3 июля 1933 г. в Лондоне, по инициативе СССР, представителями Афганистана, Латвии, Литвы, Персии (Ирана), Польши, Румынии, Советского Союза, Турции, Чехословакии, Югославии и Эстонии была подписана Конвенция об определении агрессора⁵⁰⁴. На следующий день, 4 июля, была подписана вторая Лондонская конвенция – Об определении нападающей стороны, – которая отличалась от первой тем, что была открыта для присоединения к ней и других государств⁵⁰⁵. При её подписании Советское правительство сделало заявление, что СССР «готов подписать аналогичные конвенции с любыми государствами, независимо от их географического положения и ныне существующих с ними отношений»⁵⁰⁶.

В качестве важной вехи на пути улучшения советско-румынских отношений были оценены эти конвенции и Николаем Титулеску, который выразил эту мысль сразу после их подписания, обращаясь к Максиму Литвинову⁵⁰⁷. Во время своего визита в Польшу в начале октября 1933 г. совместно с послом В. Кэдере он посетил советское посольство и вручил полпреду СССР В.А. Антонову-Овсеевскому грамоту о ратификации Румынией Лондонской конвенции об определении агрессора для её передачи Советскому правительству⁵⁰⁸.

В своём выступлении перед журналистами в Варшаве румынский министр иностранных дел сообщил о своих контактах с советским послом и заявил, что «Румыния стремится сделать всё возможное, чтобы её отношения с СССР приобрели подлинно сердечный характер. Беседы, которые я имел, убедили меня, что это желание является взаимным»⁵⁰⁹.

Всё это открывало благоприятную перспективу для относительной нормализации советско-румынских отношений, хотя правящие круги Румынии попытались интерпретировать эти две конвенции как «косвенное признание» советской стороной их «прав» на Бессарабию⁵¹⁰. Именно так пытаются представить дело и некоторые современные румынские историки. «Эти документы означали признание Советским Союзом общей границы с Румынией по той линии, по которой она проходила в то время»⁵¹¹, – пишет И. Константин. Но подобное толкование опроверг ещё М.М. Литвинов, заявивший 29 декабря 1933 г. на сессии ЦИК СССР: «То обстоятельство, что этот акт был совершён, несмотря на то, что с одной из этих стран – с Румынией – не разрешены ещё старые споры, только увеличивает значение его»⁵¹².

За восстановление дипломатических отношений с СССР выступали и союзники Румынии по Малой Антанте. Так, 11 декабря 1933 г., во время встречи Н. Титулеску с Э. Бенешем в Кошице, румынский министр согласился со своим чехословацким коллегой, что, затягивая сроки установления дипотношений с Советским Союзом, Малая Антанта причиняет себе серьёзные трудности, так как даёт возможность Венгрии признать первой Советское правительство и этим уменьшить значение состоявшегося

⁵⁰¹ Moisuc V. Premisele izolării politice a României. P. 327.

⁵⁰² Цит. по: Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 231.

⁵⁰³ Ibid.

⁵⁰⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 3. М., 1945. С. 645-647.

⁵⁰⁵ Ibid. С. 649-650.

⁵⁰⁶ Известия. 1933, 5 июля.

⁵⁰⁷ Titulescu N. Documente diplomatice. Bucureşti, 1967. P. 511-512.

⁵⁰⁸ Ibid. P. 506-507; см. также: Известия, 12 октября 1933 г.

⁵⁰⁹ Известия, 12 октября 1933 г.

⁵¹⁰ В современной исторической литературе также присутствует мнение, будто бы Литвинов, подписывая эти конвенции, «косвенно признал» румынский суверенитет над Бессарабией. Более того, он вроде бы «тет-а-тет» заявил Титулеску: «Прекрасно осознаю, что, подписывая данное соглашение, отдаю Вам Бессарабию». // См.: Constantin I. România, Marile puteri şi problema Basarabiei. P. 31; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 105.

Так как данная трактовка не подтверждается никакими документами, и более того, опровергается всеми официальными советскими документами и действиями, её следует воспринимать как выдумку румынских дипломатов. И этот миф перекочевал впоследствии и в историческую литературу.

⁵¹¹ Constantin I. România, Marile puteri şi problema Basarabiei. P. 31.

⁵¹² Литвинов М.М. Внешняя политика СССР. М., 1937. С. 68.

сближения Малой Антанты с СССР в результате подписания Лондонских конвенций. Министры иностранных дел Румынии и Чехословакии договорились ускорить совместные усилия по восстановлению дипломатических отношений с советским государством⁵¹³.

В начале 1934 г. данная тенденция по сближению ещё более усилилась. В связи с этим Н. Титулеску писал: «В Любляне в январе 1934 г. состоялась моя встреча с Бенешем и Жефтичем^г, на которой мы договорились восстановить дипотношения с СССР». 22 января в Загребе руководители внешнеполитических ведомств трёх стран постановили: «Трое министров пришли к выводу, что настало время для восстановления нормальных связей между СССР и государствами Малой Антанты»⁵¹⁴.

Весной 1934 г. эта проблема заняла одно из ведущих мест в деятельности Н. Титулеску. В ходе посещения им в апреле Парижа, в его беседах с французским коллегой Л. Барту важнейшее значение было придано обсуждению вопросов сближения стран Малой Антанты с Советским Союзом⁵¹⁵. При этом румынский министр требовал от СССР отказа от Бессарабии, на что Литвинов, естественно, не соглашался. Кроме того, Титулеску категорически выступал против открытия советского консульства в Бессарабии⁵¹⁶.

Как видим, Лондонские конвенции от 3 и 4 июля 1933 г. в целом положительно сказались на дальнейшем развитии советско-румынских отношений. Этому способствовало также и осознание румынскими правителями и их союзниками возросшей угрозы со стороны реваншистских государств после прихода А. Гитлера к власти в Германии. Кроме того, в этих условиях возросло воздействие Франции на внешнюю политику Румынии. Определённое значение в интересующем нас аспекте имело и установление дипломатических отношений между СССР и США⁵¹⁷. Таким образом, новая международная ситуация решающим образом повлияла и на взаимоотношения Румынии и Советского Союза.

Идея создания системы коллективной безопасности в 1933-1935 гг. и установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Румынией. Борьба за создание системы коллективной безопасности положительно сказалось как в целом на международных отношениях, так и на взаимоотношениях Румынии и СССР. 15 сентября 1934 г., как уже отмечалось, по предварительному дипломатическому согласованию, тридцать членов Лиги Наций обратились к СССР с приглашением «вступить в Лигу Наций»⁵¹⁸. Накануне, 9 июня 1934 г., в Женеве, в результате переговоров М. Литвинова с Э. Бенешем⁵¹⁹ и Н. Титулеску, были установлены дипломатические отношения СССР с Чехословакией и Румынией⁵²⁰, а несколько позднее – с Болгарией и Албанией⁵²¹.

⁵¹³ Oprea I. O etapă rodnică din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice. P. 57.

^г Примечание научного редактора: Министр иностранных дел Югославии.

⁵¹⁴ Ibid. P. 58; Oprea I. Nicolae Titulescu. P. 217-218.

⁵¹⁵ Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 159-160.

⁵¹⁶ Ibid. P. 160-161.

⁵¹⁷ В этом смысле представляется совершенно беспочвенным и абсурдным вывод некоторых румынских историков «патриотического» направления о будто бы признании, в конце концов, Соединёнными Штатами включения Бессарабии в состав Румынии. Однако, при отсутствии научных аргументов, эти историки демонстрируют лишь свой «патриотизм». К примеру, Ион Константин пишет: «На основе предпринятого историком Г. Бузату и другими румынскими специалистами исследования в американских архивах стало возможным доказать, что начиная с 1 июля 1933 г. де-факто и де-юре США признали историческое право Румынии на Бессарабию». // См.: Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 27.

Подобные «выводы» подводят к мысли, что некоторые «патриоты» представляют события не в свете случившегося, а как бы им хотелось, чтобы они происходили: «Кому что, а курице просо». Правда данные «патриотические выводы» предназначены лишь для «внутреннего спроса» и имеют целью «патриотическое воспитание» «румынского рода».

⁵¹⁸ ДВП СССР. Т. 17. С. 590.

⁵¹⁹ Э. Бенеш постоянно торопил своих партнёров. 6 июня он затребовал у своего правительства согласие на дипломатическое признание СССР независимо от позиции других членов Малой Антанты. Получив его, 8 июня он вручил Титулеску официальное заявление, в котором указывалось, что «чехословацкое правительство больше не может откладывать нормализацию отношений с Россией».

Комментируя эти шаги, историки Я.М. Копанский и И.Э. Левит пишут: «Не исключено, что письмо Бенеша было инспирировано самим Н. Титулеску, который и ранее прибегал к подобным комбинациям для того, чтобы оказывать давление на своё правительство и короля. (Титулеску добивался от французских дипломатов в Париже заявлений о том, что они толкают его на сближение с СССР. А. Леже подтвердил этот факт – см. ссылку Я. Копанского и И. Левита)... Он тогда же пригрозил своей отставкой...»

Видимо, Титулеску был далеко не уверен в возможности получения таких полномочий. М.М. Литвинов писал, что Титулеску «в течение дня ходил как в воду опущенный, почти убеждённый в своей отставке. Положительный ответ из Бухареста он считал своей большой победой». // Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 162.

⁵²⁰ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 3. С. 719-720; Documente privind istoria României între anii 1918-1944. P. 510-511; Mironov A.-M. 1934. Deschiderea de legații la București și Moscova. // Magazin

В письмах, которыми по этому случаю обменялись Литвинов и Титулеску, содержались идентичные фразы, выразившие твёрдое убеждение двух стран, что «установленные таким образом отношения останутся навсегда нормальными и дружественными», что народы СССР и Румынии «будут сотрудничать к своему величайшему благу в деле поддержания всеобщего мира»⁵²². Данное событие было положительно воспринято как в Советском Союзе⁵²³, так и в Румынии⁵²⁴. Так, Н. Титулеску заявил, что до 1934 года «на нашу внешнюю политику тяжело давило ненормальное состояние наших двусторонних отношений»⁵²⁵. В одном из своих интервью он отметил: «Считаю восстановление дипломатических отношений между Румынией и СССР одним из важнейших шагов моей политической деятельности»⁵²⁶.

Как и после заключения Конвенции об определении агрессии, в Румынии стали утверждать, будто акт установления дипломатических отношений «сам по себе» является прямым или как минимум «косвенным признанием» Советским Союзом Бессарабии частью румынской территории⁵²⁷. Также и сам Титулеску не прекращал попыток добиться признания Бессарабии в качестве румынской территории. Реагируя на эти действия, М. Литвинов писал: «Со свойственной ему напористостью Титулеску вновь пытался вынудить у меня обещания, что мы не будем поднимать никогда бессарабского вопроса, и мне пришлось дать ему решительный отпор в присутствии Бенеша»⁵²⁸.

Правда, вскоре различные профашистские политические силы в Румынском королевстве выступили против соглашения от 9 июня⁵²⁹. Несмотря на это, в декабре 1934 г. стороны обменялись посланниками⁵³⁰. Бессарабский вопрос, однако, так и остался неразрешённым. Как пишет историк Ч. Кинг, «даже после полной нормализации взаимоотношений между Москвой и Бухарестом в 1934 году не было подписано ни одного официального документа, который бы гарантировал статус провинции... Бессарабский вопрос оставался спорным и в дальнейшем»⁵³¹.

Однако, несмотря на все трудности, после установления дипломатических отношений Н. Титулеску постоянно демонстрировал перед Советским правительством своё стремление к закреплению курса на сближение с СССР. Во время встреч в Париже и Бухаресте с секретарём советского полпредства в Варшаве М.С. Островским он непрестанно подчёркивал решающее значение для Румынии добрососедских взаимовыгодных отношений с Советским Союзом. В частности, Титулеску заявил Островскому, что «он сторонник не только дружбы с Советским Союзом..., но сторонник самой горячей дружбы». И, несмотря на то, что Румыния является союзницей Франции, первостепенную роль для её безопасности играют её отношения с Россией. По этой причине главную роль в его политике «занимает и будет занимать Россия»⁵³².

Кишинёвский историк О. Цыку следующим образом оценил советско-румынские отношения в период от Венской конференции до установления дипломатических отношений: «Предлагаемый Москвой плебисцит для Бессарабии был беспрецедентной исключительно антирумынской мерой...^{*} Уязвимость восточной границы Румынии являлась и в дальнейшем основным элементом, подрывающим международные позиции румынского государства... И Москва, и Бухарест смотрели на восстановление дипотношений как на исходный пункт для переговоров о заключении пакта о взаимопомощи... в качестве составной части системы коллективной безопасности... Анализируя советско-румынские отношения, приходим к выводу, что межвоенный период стал лишь продолжительным перемирием двух сторон в отношении Бессарабии... Москва всегда держала открытым этот вопрос с целью его благоприятного разрешения в свою пользу в подходящий момент»⁵³³.

Istoric. 2000, Nr. 5; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 105; Oprea I. O etapă rodnică din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice. P. 60, 98-99; Oprea I. Nicolae Titulescu. P. 219.

⁵²¹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 509.

⁵²² Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 3. С. 720; Halippa P. Publicistica. P. 25-26.

⁵²³ Известия. 1934, 10 июня.

⁵²⁴ Копанский Я.М., Левит И.Э. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией (июнь 1934 г.). // Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинёв, 1969. С. 86.

⁵²⁵ Цит. по: Halippa P. Publicistica. P. 28.

⁵²⁶ Цит. по: Oprea I. O etapă rodnică din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice. P. 63.

⁵²⁷ См.: Universul, 12 iunie 1934; Viața Basarabiei, 12 iunie 1934; Dimineața, 12, 13 iunie 1934; Adevărul, 13 iunie 1934; Бессарабское слово, 13 июня 1934; Raza, 14 iunie 1934; Lumea Nouă, 17 iunie 1934.

⁵²⁸ Цит. по: Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 170; Copanschi I. M. Diplomația sovietică în lupta pentru soluționarea echitabilă a problemei basarabene. P. 105.

⁵²⁹ Русско-румынские и советско-румынские отношения. С. 87-88.

⁵³⁰ Oprea I. O etapă rodnică din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice. P. 68.

⁵³¹ King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. P. 38, 40.

⁵³² Цит. по: Копанский Я.М., Левит И.Э. Советско-румынские отношения. С. 176.

^{*} Дословный перевод авторского текста: «одноразовая мера» („măsură ad-hoc”). В этом автор проявил неискренность, так как он не может не знать, что и до этого момента в разных германских областях, переданных в соответствии с Версальским мирным договором соседним государствам, были проведены референдумы. Таким образом, советское предложение никак не являлось «беспрецедентной исключительно антирумынской», «одноразовой мерой», а исходило из базового принципа самоопределения народов.

⁵³³ Tăcu O. Problema Basarabiei și relațiile sovieto-române în perioada interbelică (1919 – 1939). Chișinău, 2004. P. 95-101, 151, 182-183.

Советско-румынские отношения в последние предвоенные годы. После установления дипломатических отношений между СССР и Румынией стали налаживаться связи в самых разных областях. В октябре 1934 г. между двумя странами была установлена телефонно-телеграфная и почтовая связь. 8 февраля 1935 г. было подписано советско-румынское соглашение о прямом железнодорожном сообщении через Днестр⁵³⁴. Несколько позже, лишь в октябре 1936 г., между двумя странами были налажены нормальные торговые отношения⁵³⁵.

Однако, отмечает академик Лазарев, во всех «документах советской стороной были сознательно использованы такие термины и выражения, которые исключали малейшую возможность истолковать их как признание „законности” аннексии Бессарабии королевской Румынией, не давали румынской стороне никаких оснований или повода рассматривать реку Днестр в качестве границы между двумя государствами»⁵³⁶. Того же мнения, в принципе, придерживается и американский историк Льюис Фишер, который пишет, что «Румыния имела семнадцатилетнюю полемику с Москвой, которая, несмотря на установление дипломатических отношений, не признала румынского суверенитета над Бессарабией»⁵³⁷.

Во второй половине 30-х годов наблюдается постепенная внешнеполитическая реориентация Румынии с Франции на Германию. «Ремилитаризация Рейнской области была смертельным ударом по политике коллективной безопасности и тем самым по Николае Титулеску, подвергаемому всё более суровой критике, — отмечал Фл. Константиу. — Сближение с СССР осуждалось в стране большей частью политического спектра... Объединение всех факторов, враждебных Титулеску, привело к устранению его из правительства (29 августа 1936 года)». Советское правительство поняло отставку Титулеску как знак, что Румыния во внешней политике сменила курс в пользу Германии, и в условиях осложнившихся международных отношений конца 30-х годов ни одна из сторон не предприняла серьёзной попытки к взаимному сближению⁵³⁸. Более того, румынские правящие круги внушили себе почти иррациональный страх перед Советским Союзом как «к всегда присущему наследственному неприятелю, как к угрозе существованию страны». Гитлеровская Германия казалась им не столь опасной, и король Карл приложил все усилия, чтобы добиться расположения Гитлера.

В последние предвоенные годы бессарабский вопрос открыто не поднимался в двусторонних советско-румынских отношениях. Однако румыны не оставляли попыток «прощупывания» советского руководства на предмет благоприятного для себя решения данного вопроса⁵³⁹. В дипломатической переписке румынская сторона пыталась представить Днестр как пограничную реку, что вызвало отпор с советской стороны, считавшей правильным термин «линия реки Днестр»⁵⁴⁰.

И хотя Советский Союз никогда с 1918 г. не признавал аннексии Бессарабии Румынией, приближение второй мировой войны постепенно ставило бессарабский вопрос в плоскость практического решения. А приснопамятный пакт Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г.⁵⁴¹ стал первым реальным сигналом для данного решения. Советское руководство понимало «свою заинтересованность в Бессарабии» исключительно как её возврат и включение в состав СССР.

В Бухаресте, естественно, не знали о дополнительном секретном протоколе, но правильно оценили возможные последствия советско-германского договора для Румынии. Как писал тогдашний министр иностранных дел Г. Гафенку, Россия «хочет вернуть свои границы периода до 1914 г., а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом»⁵⁴².

⁵³⁴ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 239.

⁵³⁵ Копанский Я.М., Левит И.Э. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией (июнь 1934 г.). // Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинёв, 1969. С. 96; Oprea I. Nicolae Titulescu. Buc., 1966. P. 222-224.

⁵³⁶ Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 239-240.

⁵³⁷ Fisher L. Russias Road from Peace to War. 1917-1941. New York, 1969. P. 163.

⁵³⁸ См. Oprea I. Nicolae Titulescu. P. 341-366; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chişinău, 1996. P. 105-106; Moisuc V. Diplomaţia României şi problema apărării suveranităţii şi independenţei naţionale în perioada martie 1938 – mai 1940. Buc., 1971. P. 167-223; .

⁵³⁹ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 314-315.

⁵⁴⁰ Ibid. С. 315-320 (док, № 19-22).

⁵⁴¹ Год кризиса, док, № 602, 603.

⁵⁴² Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 321-322.

ЧАСТЬ II. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мир никогда не видел большей преданности, решимости и самопожертвования, чем те, которые были продемонстрированы русским народом и русскими армиями под руководством маршала Сталина. С нацией, которая, спасая себя, тем самым помогает спасти весь мир от нацистской угрозы, с такой страной мы всегда рады быть добрыми соседями и искренними друзьями в будущем мире¹.

Ф.Д. Рузвельт

ГЛАВА 8. НАЧАЛО ВОЙНЫ И ОККУПАЦИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ФАШИСТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

1. Нападение фашистской Германии на Польшу. «Странная война»

Причины, характер и периодизация войны. Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. нападением гитлеровской Германии на Польшу². Но корни этого события намного глубже во времени, будучи, как мы уже отмечали ранее, рождены Версальско-Вашингтонской системой, которая не только не разрешила противоречий, приведших к первой мировой войне, но и добавила к ним противоречия между побежденными и победителями. В конечном итоге она держалась лишь на двух опорах – Англии и Франции. Это сделало возможным ревизию агрессивными государствами – Германией, Японией, Италией – итогов первой мировой войны. Именно *их стремление к переделу мира, рынков сбыта и установлению мирового господства стало главной причиной второй мировой войны*.

А Великобритания и Франция позволили экспансионистским государствам развязать агрессию. Западные державы считали, что смогут переждать конфликт между фашизмом и коммунистическим государством до их полного взаимного ослабления. Говоря о причинах войны, данную мысль высказывает и Лидделл Гарт: «Ответ надо искать не только в агрессивности Гитлера, но и в том поощрении, которое он в течение длительного времени получал со стороны западных держав, проводивших политику умиротворения и попустительства»³. Таким образом, *второй важнейшей причиной войны было стремление капиталистических стран ликвидировать мировой коммунизм и его главный бастион – СССР*.

Третьей причиной мировой войны, косвенным образом породившей вторую, *было само существование Советского государства и его нескрываемое намерение, используя внутренние противоречия капиталистической системы, взорвать её и разжечь мировую коммунистическую революцию*. Эта тенденция была ярко выражена в первые годы после Октябрьского переворота, но подспудно присутствовала в политике Кремля на всём протяжении советской истории.

Для подтверждения данного тезиса воспроизведём несколько документальных свидетельств российского историка М.И. Мельтюхова: «В основу советского внешнеполитического курса были положены следующие расчеты, сформулированные И.В. Сталиным 7 сентября 1939 г. в беседе с руководством Коминтерна: „Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону”

Схожие идеи были высказаны в беседе Председателя СНК и нарком иностранных дел СССР Молотова с заместителем премьер-министра и министром иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкявичусом в ночь на 3 июля 1940 г. в Москве. „Сейчас, – сказал Молотов своему собеседнику, – мы убеждены более чем когда-либо еще, что гениальный Ленин не ошибался, уверяя нас, что вторая мировая война позволит нам завоевать власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России. Сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать ее от принятия предложений о мире до тех пор, пока голодающие массы воюющих наций не расстанутся с иллюзиями и не поднимутся против своих руководителей. Тогда германская буржуазия договорится со своим врагом, буржуазией союзных государств, с тем чтобы объединенными усилиями подавить восставший пролетариат. Но в этот момент мы придем к нему на помощь, мы придем со свежими силами, хорошо подготовленные, и на территории Западной Европы... произойдет решающая битва между пролетариатом и загнивающей буржуазией, которая и решит навсегда судьбу Европы”.

¹ Цит. по: Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5. С. 48.

² О существующих в этом вопросе мнениях см.: Гросул В.Я. Когда началась Вторая мировая война. // ННИ. 2010, № 3.

³ Лидделл Гарт Б. Важнейшие стратегические решения. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988. С. 18.

10 февраля 1941 г. эта идея в несколько иной формулировке попала и в дневник Вишневого: „Мы пользуемся старым методом «разделяй и властвуй». Мы вне войны, кое-что платим за это, многое получаем. Ведем торговые сношения с различными странами, пользуемся их техникой, кое-что полезное приобретаем и для армии, и для флота, и пр. Помогаем вести войну той же Германии, питая её по «порциям», на минимуме. Не мешаем империалистам вести войну ещё год, два... Выжидаем их ослабления. Затем – выступаем в роли суперарбитра, «маклера» и т.п.»⁴.

«Так называемая „миролюбивая внешняя политика СССР” являлась не более чем пропагандистской кампанией, под прикрытием которой советское руководство стремилось обеспечить наиболее благоприятные условия для „сокрушения капитализма” военным путем... В 1941 г. расширять „фронт социализма” далее на Запад можно было, лишь сокрушив Германию»⁵, – подводит итог М. Мельтюхов. И хотя мы не являемся сторонниками идеи «патологической привязанности СССР идее мира», в свете сопоставления и анализа всех фактов, данный вывод представляется нам откровенно тенденциозным и явно необоснованным. Если в первые дни войны советское руководство, возможно, ещё питало некоторые иллюзии по поводу «мировой революции», то вскоре последние их остатки развеялись без следа. В этом мы убедимся, анализируя эволюцию событий до самого дня нападения Германии на СССР.

Война была начата гитлеровской Германией и её союзниками с целью передела мира и захвата новых территорий, рынков сбыта товаров и приложения капиталов, источников сырья, ликвидации демократии и порабощения многих народов. Поэтому развязанная фашистами война имела агрессивный, захватнический, античеловечный характер. Так, в отношении восточного соседа нацисты руководствовались заветом Секта[†]: «Существование Польши невыносимо для Германии, несовместимо с её жизненными потребностями»⁶. А один из виднейших представителей германского монополистического капитала, «король пушек» Крупп цинично заявлял о целях войны и об отношении монополистов к фашистскому режиму: «Жизнь – это борьба за то, чтобы „выжить”, за хлеб и власть... В этой суровой борьбе нам требовалось руководство сильное и твёрдое. Гитлер дал его нам. После ряда лет его руководства все мы чувствовали себя намного лучше»⁷.

Государства и народы, подвергшиеся агрессии, защищали свою независимость и само право на жизнь. Для них эта война имела справедливый, освободительный характер. Вторая мировая война может быть хронологически поделена на пять периодов:

I. 1. 09. 1939 – 22. 06. 1941, на протяжении которого фашистская Германия покорила почти всю Западную Европу, захватив Польшу, Данию, Норвегию, Люксембург, Бельгию, Голландию, Францию, Югославию и Грецию. Остальные страны были союзными или зависимыми от Гитлера. Только Англия продолжала оказывать сопротивление. СССР проводил политику благоприятного для Германии «нейтралитета», расширяясь на запад (за счёт Прибалтийских государств, восточных районов Польши, Бессарабии и Северной Буковины).

II. 22. 06. 1941 – 19. 11. 1942, начинается нападением фашистской Германии на СССР, характеризуется стратегическим наступлением агрессивных государств на всех фронтах. Но судьба войны решалась на советско-германском фронте. 7.12.1941 г. милитаристская Япония атаковала тихоокеанский военный флот США, и таким образом и эти две великие державы были втянуты в войну. Именно на этом этапе сформировалась антигитлеровская коалиция, ядро которой составили СССР, США, Великобритания. В результате поражения под Москвой рухнул план «молниеносной войны» и миф о непобедимости вермахта.

III. 19. 11. 1942 – конец 1943 г., коренной перелом в войне, в ходе которого агрессоры терпят поражения на всех фронтах, но решающими оказались победы Советской Армии под Сталинградом и Курском. Состоялась первая встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране. Начался кризис фашистского блока в Европе, капитулировала Италия. Усиливается Движение Сопротивления на оккупированных территориях.

⁴ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; см. также: Petrencu A. Polonezii în anii celui de-al doilea război mondial. Culegere de documente. Chişinău, 2004. P. 24-26.

А вот комментарий профессора Рурского университета Бернда Бонвеца на подобного рода утверждения: «Убедительными доказательствами наступательных намерений Сталина либо СССР эти примеры служить не могут, так же, как его речь 5 мая 1941 г. или сталинские разъяснения, данные генеральному секретарю ИККИ Г. Димитрову 7 сентября 1939 г. Все, что нам теперь известно, свидетельствует: Сталин скрупулезно, и не только исходя из соображений обороны, учитывал государственные интересы, принимая в расчет и возможность войны с Германией». // Бонвеч Б. Наступательная стратегия – наступление – нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года. // <http://gkaf.narod.ru/kirillov/ref-liter/bonvetch.html>.

⁵ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

[†] Примечание научного редактора: Генерал Ханс Сект, в 1920-е годы – главнокомандующий рейхсвером.

⁶ Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Пруско-германский генеральный штаб (1640-1945). К его политической роли в истории. М., 1966. С. 303.

⁷ Ibid. С. 304.

IV. Начало 1944 г. – 9 мая 1945 г., характеризуется наступлением антифашистских армий на всех фронтах и освобождением большинства оккупированных стран и территорий. 6.06.1944 г. был, наконец, открыт англо-американцами второй фронт в Западной Европе. В Ялте произошла вторая встреча «большой тройки». Блок фашистских государств в Европе рухнул, и 9 мая по московскому времени (8 мая по центральноевропейскому) фашистская Германия капитулировала. Война в Европе завершилась.

V. 9.05 – 2. 09. 1945 г., агрессор потерпел окончательное поражение. После капитуляции Германии в Потсдаме проходила последняя конференция победителей с участием глав правительств СССР, Великобритании и США. Вследствие испытания трех американских атомных бомб, две из которых были взорваны над мирными японскими городами Хиросима и Нагасаки, человечество вступило в новую эру – ядерную. 9 августа СССР вступил в войну с Японией и разгромил Квантунскую армию. 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала, и вторая мировая война окончилась.

Начало войны и причины «лёгких побед» вермахта на её начальном этапе. В соответствии с разработанным шефом СД Г. Гейдрихом планом, вечером 31 августа 1939 г. группа эсэсовцев под руководством сотрудника СД Альфреда Нойжокса ворвалась в здание радиостанции приграничного с Польшей города Глейвиц и, инсценируя нападение на германскую территорию, произвела несколько выстрелов у микрофона, а затем на ломаном польском языке был зачитан заранее составленный текст, суть которого сводилась к идее о том, что «настало время войны Польши против Германии». Для большей убедительности эсэсовцы привели с собой немецких уголовников, переодетых в польскую военную форму и расстреляли всех в здании местной школы⁸.

За несколько дней до этого в резиденции в Оберзальцберге Гитлер цинично заявил своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, а будет ли он правдоподобен – значения не имеет. Победителя потом не спросят, говорил ли он правду или нет»⁹. Понимая, что война неизбежна, польское руководство решило 29 августа объявить всеобщую мобилизацию. В этот день заместитель министра иностранных дел Польши граф Шамбек пригласил к себе английского и французского послов и заявил им, что президент дал указание о всеобщей мобилизации.

Однако послы западных стран, ссылаясь на ведущиеся англо-германские переговоры, потребовали задержать опубликование манифеста о мобилизации. Затем они потребовали того же и от министра Ю. Бека и маршал Рыдз-Смиглы принял это требование и отдал приказ отложить начало мобилизации до 11 часов 31 августа¹⁰. Всё это выявило несамостоятельность польского правительства и привело к тяжелейшим последствиям для народа и государства.

1 сентября 1939 г. гитлеровская клика развязала мировую войну¹¹. В соответствии с планом «Вайс», сухопутные силы вермахта с трёх направлений – с севера из Восточной Пруссии, с запада из Восточной Германии и с юга из Словакии – вторглись в Польшу и, несмотря на героическое сопротивление, уже через две недели польские войска были окружены и разгромлены. Правда, всегда следует помнить, что «поляки сражались отчаянно, и храбрость их вызывала восхищение даже у противников»¹².

Таблица 2. Соотношение сил сторон на 1 сентября 1939 г.

Войска и вооружение	Германия	Польша
Численность войск	1,6 млн человек	1,0 млн человек
Дивизии	62	39
в том числе:		
танковые и моторизованные	11	-
Танки	2800	870 (с танкетками)
Орудия и минометы	6000	4300
Боевые самолеты	2000	407

Гитлер рассматривал войну против Польши как первый этап вооружённой борьбы за мировое господство. Её захват должен был резко улучшить позиции Германии в предстоящей борьбе с Англией и Францией, а затем послужить плацдармом для нападения на СССР. Хотя одновременно с этим среди части гитлеровского руководства существовали опасения, что нападение на Польшу спровоцирует вой-

⁸ См.: Германия во Второй мировой войне (1939-1945). М., 1971. С. 9; Бачо Я. Что происходило за кулисами... М., 1965. С. 140-141; Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. С. 119-124.

⁹ ННИ, 1969, № 5. С. 134.

¹⁰ Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 г. – июль 1941 г.). М., 1978. С. 94-95.

¹¹ Dolghin Fl. Primele zile de război. // Magazin Istoric, 1999, Nr. 9.

¹² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 44; см. Меллентин В.Ф. Танковые сражения 1939-1945 гг. М., 1957. С. 23; Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 25.

Свидетельство же Гудериана о случаях атаки польскими кавалеристами немецкой бронетехники является полнейшей выдумкой. // См. Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2006. С. 144-147.

ну с западными странами, в результате возникнет необходимость ведения боевых действий на два фронта, к чему Германия не была готова. Но, как мы уже отмечали, военно-политическое руководство рейха к концу лета 1939 г. было твёрдо убеждено, что Англия и Франция не предпримут никаких решительных действий на Западном фронте: «Одним из печальных последствий нашей политики умиротворения и нашей позиции в целом... было то, что Гитлер уверовал, что ни мы, ни Франция не способны вести войну»¹³. В подтверждение этой мысли, за день до начала войны начальник Генерального штаба сухопутных сил записал в своём дневнике: «Фюрер спокоен... Он рассчитывает на то, что французы и англичане не вступят на территорию Германии»¹⁴.

В соответствии с данными Польше гарантиями западные союзники должны были немедленно за неё вступить. Но они бросили Польшу на произвол судьбы, что фактически означало предательство по отношению к ней. Они «назначили нас жертвой, приманкой, вроде того телёнка, которого привязывают, чтобы на него напал тигр... После английской „гарантии“ дела автоматически катились к катастрофе»¹⁵.

«В Париже, – сообщает А.И. Уткин, – Даладьё спросил генерала Гамелена, сколько времени может продержаться Польша. Тот уверенно ответил, что она будет отвлекать основную массу германских войск до весны, к тому времени французы отомобилизуют свою армию, а Британия полностью придет на помощь Франции. Но не все армейские чины были столь оптимистичны, и военный совет пришёл к заключению, что у Франции нет альтернативы выполнению своего союзнического обязательства – через несколько месяцев Германия чрезвычайно усилится, если в её распоряжении будут польские и румынские ресурсы»¹⁶.

1 сентября правительства Чемберлена и Даладьё вступили в переговоры о созыве конференции представителей Англии, Франции, Германии, Италии и Польши для пересмотра Версальского договора, на сей раз, за счёт Польши. Эту мысль подтверждает и Черчилль: «Меня удивляло, что в течение всего дня 2 сентября, когда положение обострилось до крайности, Чемберлен хранил молчание. Я подумал, не предпринимается ли в последнюю минуту попытка сохранить мир, и оказался прав»¹⁷. Однако данный вариант никак не устраивал Гитлера, которому нужна была победоносная война. Он считал, что в Европе сложилась выгодная для рейха ситуация: СССР сохранял нейтралитет, а реальной англо-франко-польской коалиции просто не существовало. Нацисты стремились к скорому разгрому Польши с тем, чтобы вскоре поставить Англию и Францию перед свершившимся фактом.

1 сентября британский кабинет направил гитлеровскому правительству «ноту предостережения»: «Я сообщаю, – писал Чемберлен, – что правительство его величества без колебаний выполнит свои обязательства Польше, если германское правительство не готово... приостановить наступление против Польши и не готово немедленно вернуть свои войска с польской территории». Срок для ответа не был указан, и британский посол в Берлине не получил строгих инструкций, чтобы нота не рассматривалась как ультиматум. Идентичную позицию заняло и французское правительство¹⁸.

Колебания, связанные с надеждой на мирную конференцию, продолжались в Париже и Лондоне весь день 2 сентября. Лишь 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии¹⁹, но не предприняли реальных шагов, способных облегчить положение поляков. В тот день Невиль Чемберлен заявил: «Это печальный день для всех нас и самый печальный день для меня. Всё, для чего я работал, всё, на что я надеялся, всё, во что я верил в течение всей моей жизни, превратилось в развалины»²⁰. Гитлер не ошибся, заявив своим приближённым о политике Лондона и Парижа: «Хотя они и объявили нам войну... это не значит, что они будут воевать в действительности»²¹. Вслед за Англией войну Германии объявили британские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и Канада.

Некоторые европейские державы и США заявили о своём нейтралитете. Италия объявила себя «невоюющей» державой. Бухарест, вопреки действующему польско-румынскому договору, заявил о своём нейтралитете в происходящих событиях²².

¹³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 222-223.

¹⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 87.

¹⁵ Мацкевич С. Политика Бека. С. 200, 205.

¹⁶ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

¹⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 184.

¹⁸ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 84-85; Волков Ф.Д. Тайное становится явным: Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы второй мировой войны. М., 1989. С. 27.

¹⁹ Loghin L. Al doilea război mondial. Acțiuni militare, politice și diplomatice. Cronologie. Buc., 1984. P. 11.

²⁰ Цит. по: Рыжиков В.А. Зигзаги дипломатии Лондона. М., 1973. С. 210.

²¹ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 30.

²² См.: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 336, 337, 338; Hillgruber A. Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938-1944). București, 1994. P. 91; Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971. С. 22; militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; Hrenciuc D. 6 septembrie 1939: Consiliul de Coroană de la Cotroceni și neutralitatea regatului României Mari. // Revista istorică. Academia Română, 2010, Nr. 5-6. P. 443.

3 сентября французский главнокомандующий генерал М. Гамелен направил Рыдз-Смиглы телеграмму, в которой заверял его, что на следующий день он начнёт боевые действия на суше. Но поляки были жестоко обмануты. Ни о чём подобном их союзники и не помышляли. Они охотно выражали сочувствие польским патриотам, но от реальной помощи уклонялись. Галифакс заявил послу Э. Рачинскому, что он «разделяет его горе», но британское правительство «не может распылять силы, необходимые для решительных действий».

Начальник Имперского Генерального штаба Э. Айронсайд в ответ на просьбу польской военной миссии о безотлагательной помощи посоветовал закупать оружие в нейтральных странах²³. Английский историк А. Дж. П. Тейлор писал в этой связи, что своей политикой «британские и французские политики сознательно обрекали Польшу на катастрофу»²⁴. А Станислав Мацкевич ещё более категоричен, утверждая, что «польский вопрос они в то время считали вопросом не военным, а политическим. О помощи нашей армии речи не шло, речь шла об облегчении начала германо-русской войны. Чемберлен, провозглашая „гарантию польской независимости“, на самом деле думал: „Нужно сделать всё, чтобы Польша как можно быстрее перестала существовать“»²⁵.

Между тем, обстановка в Западной Европе позволяла союзникам предпринять действия с решительными целями. На Нюрнбергском процессе генерал Йодль сделал следующее признание: «Если мы не потерпели краха в 1939 году, то объясняется это тем, что во время Польской кампании примерно 110 англо-французских дивизий на Западе не предприняли никаких действий против 23 немецких дивизий»²⁶. Там же свидетельствовал и Кейтель: «Если бы франко-британцы предприняли наступление, мы смогли бы противопоставить им совершенно призрачную оборону»²⁷. В этом смысле К. Типпельскирх писал: «Западный вал (линия Зигфрида), который значительно уступал по мощности линии Мажино и частично ещё строился, не являлся непреодолимым препятствием для противника, решившегося на наступление, и не мог компенсировать недостаточное количество используемых сил»²⁸. Такого же мнения придерживались и многие другие немецкие военные, оставившие после войны свои мемуары²⁹. «Однако, — пишет английский историк Джон Кимхе, — в противоположность своим генералам Гитлер понимал умонастроения своих главных противников в Лондоне и Париже»³⁰.

Ограниченным немецким силам на Западе французское командование могло противопоставить многократно превосходящую группировку войск. По данным генерал-полковника Гальдера, на Западном фронте немцы располагали 300 орудиями против 1600 французских и не имели танков, в то время как у французов их было около 2 тысяч³¹. Германская армия была фактически лишена на Западе и авиации, а у союзников были в наличии почти 3 тыс. современных истребителей и бомбардировщиков³². Но, вопреки обязательствам правительств западных государств и собственным национальным интересам, англо-французские войска остались пассивными: «В то время как силы противника почти полностью заняты на Висле, мы, кроме нескольких демонстраций, ничего не предприняли, чтобы выйти на Рейн»³³.

Об этом же красноречиво рассказал и бывший офицер вермахта Бруно Винцер: «Французские войска были подтянуты к границе, а британская экспедиционная армия была переброшена во Францию. Но на этом пока всё и кончилось. Они спокойно наблюдали, как Польша, чью неприкосновенность они гарантировали, была раздавлена германскими дивизиями. Французская армия отсиживалась в блиндажах линии Мажино и на полевых позициях... изредка постреливала французская артиллерия. Британский экспедиционный корпус разместился позади линии Мажино. Офицеры играли в теннис, а солдаты — в футбол»³⁴.

На «линии Мажино» появился французский плакат: «Пожалуйста, не стреляйте, мы не стреляем». Сразу же последовал немецкий ответ: «Если вы не будете стрелять, мы тоже стрелять не будем»³⁵. Германское военное руководство поняло, что британский и французский кабинеты объявили войну лишь формально. Данное обстоятельство объяснялось политическими расчётами правящих кругов Англии и Франции направить агрессию Германии против Советского Союза. По признанию французского иссле-

²³ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 34; История второй мировой войны. Т. 3. М., 1974. С. 25.

²⁴ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

²⁵ Мацкевич С. Политика Бека. С. 205.

²⁶ См.: Розанов Г.Л. План «Барбаросса». Замыслы и финал. М., 1970. С. 24; Кимхе Дж. Несостоявшаяся битва. М., 1971. С. 23-24; Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. С. 101; Бачо Я. Что происходило за кулисами... С. 141-142; Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1988. С. 66.

²⁷ История второй мировой войны. Т. 3. С. 26.

²⁸ Типпельскирх К. История второй мировой войны. М. 1956. С. 31.

²⁹ См.: Кимхе Дж. Несостоявшаяся битва. С. 25; Вестфаль З. Роковой год. // Вестфаль З., Крейпе В. и др. Роковые решения. М., 1958. С. 35 (Далее: Роковые решения).

³⁰ Кимхе Дж. Несостоявшаяся битва. С. 25.

³¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 32.

³² История второй мировой войны. Т. 3. С. 26.

³³ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. 1940-1942 годы. М. 1957. С. 57.

³⁴ Винцер Б. Солдат трёх армий. М., 1973. С. 150-151.

³⁵ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 93.

дователя, генерала Бофра, именно «в политических установках нужно искать причину полной бездеятельности нашего Лотарингского фронта»³⁶.

Однако при этом, немцы рассчитывали на скорейшее вступление советских войск в Польшу. Но уже 5 сентября в Берлин пришло сообщение Шуленбурга, в котором указывалось, что «Молотов решительно возражает против поспешной оккупации советской сферы». 14 сентября он сообщил Риббентропу, что «для политической мотивации советской акции (разделения Польши и защиты русского меньшинства) наиболее важным является воздержание от акции до того времени, пока не падёт правительственный центр Польши, Варшава»³⁷. Более того, 15 сентября 1939 г. ТАСС обнародовал официальную информацию о том, что пулемётным огнём был сбит немецкий самолёт, экипаж которого в составе пяти человек был отправлен в Киев³⁸. Таким образом, советское руководство выжидало.

И лишь 17 сентября, когда Польша де-факто как государство прекратила свое существование и её вооруженные силы были полностью разбиты, Красная Армия перешла восточную польскую границу и заняла её территорию до «линии Керзона». Английский историк А. Дж. П. Тейлор писал в связи с этим: «Министерство иностранных дел указывало, что британское правительство, намечая в 1920 г. линию Керзона, считало по праву принадлежащей русским ту территорию, которую теперь заняли советские войска»³⁹. А немецкие историки М. Барч, Г. Штубе и др. считают, что СССР «не принял участия в гитлеровской агрессии». Лишь после «полного крушения польской армии» советские войска «заняли те области, которые в 1921 г. были аннексированы Польшей»⁴⁰.

А вот как оценивает это событие польский историк С. Дембский: «17 сентября 1939 г. Советский Союз совершил агрессию против Польши и тем самым вступил во Вторую мировую войну»⁴¹. Другой польский историк Г. Страухольд несколько иначе смотрит на данное событие: «В основе решений об аннексии СССР польских восточных территорий крылись различные предпосылки. Нельзя отрицать действительного намерения Сталина перенести границу СССР максимально дальше на Запад в предвидении неизбежного конфликта с нацистской Германией. Советско-германские трактаты 1939 года, если исходить с точки зрения и интересов Москвы, можно рассматривать как правильные и продиктованные так называемым требованием времени. Другой предпосылкой было стремление использовать удачный исторический момент и включить в границы СССР остающиеся за его пределами белорусские, украинские и литовские^Г земли вместе с их коренными жителями... Агрессия 17 сентября 1939 года с этой точки зрения была *объединительным действием*, оправданным с позиции этнической близости восточных славян»⁴².

С позиций международного права, отмечает Владимир Макачук, «освободительный поход 17 сентября 1939 г. стал не столько противозаконным „нападением на Польшу“, сколько оправданным с точки зрения действующего на то время международного права шагом страны, вынужденной приостановить свои договорённости с контрагентом вследствие кардинальной перемены обстоятельств, в которых эти договорённости были составлены, а также возникновения реальной угрозы для собственных жизненно-важных интересов»⁴³.

«В международном праве, – подчёркивает автор, – действует доктрина *rebus sic stantibus* – оговорка о сохранении силы договора только при неизменном положении вещей. Советские договоры с Польшей заключались из расчёта на то, что Польское государство будет сохранять свой суверенитет и играть роль своеобразного щита между СССР и агрессивными государствами.

Можно ли было 17 сентября 1939 г. допускать, что независимая Польша, с которой СССР подписал пакт о ненападении, будет продолжать своё существование как субъект международного права? Следовало ли ожидать, пока Германия оккупирует все польские земли и по своему усмотрению решит, что делать с согласованной советской сферой влияния: передать венграм, создать марионеточное Польское государство в новых границах или разрешить А. Мельнику сформировать своё правительство Западной Украины?

³⁶ См.: История второй мировой войны. Т. 3. С. 27.

³⁷ Макачук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 166.

³⁸ Ibid. С. 165.

³⁹ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

⁴⁰ См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989. С. 58-59.

⁴¹ Дембский С. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 194.

^Г Примечание научного редактора: В 1939 году Литва ещё не входила в состав СССР. В этом смысле вывод автора не может относиться к литовским землям, которые после 17 сентября отошли к Литве, на тот момент сохранявшей свою независимость.

⁴² Страухольд Гжегош. Где польская земля? Метаморфозы польских границ в XX веке. // Родина, № 12, 2011. С. 123.

Ниже автор отмечает, что СССР не продвинулся далее на Запад до Вислы, хотя с точки зрения безопасности это было бы вполне логично, исключительно по этническим причинам.

⁴³ Макачук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 108.

...Тем самым, безотносительно к заключённым 23 августа 1939 г. соглашениям, на западных границах СССР возникла вполне реальная опасность. Любой вариант развития событий без советского вмешательства..., [включая] полную оккупацию территории довоенной Польши вермахтом, представляли вполне *реальную*, а не воображаемую угрозу для интересов СССР»⁴⁴. И далее он продолжает: «Нормами права допускается аннулирование межгосударственного договора, если государство-контрагент прекращает существование. Именно такое обоснование имела советская нота, зачитанная польскому послу в ночь на 17 сентября 1939 г.»⁴⁵.

Поражение польского государства в вооруженной борьбе с нацистской Германией явилось следствием внутренней и внешней политики её правящих кругов, ориентированной односторонне на западные державы, которые предали Польшу, как ранее Чехословакию. Внутри страны существовал недемократический, полицейский режим, и правящая элита проводила политику угнетения национальных меньшинств, составлявших примерно 40% населения государства.

Советское руководство в тех условиях фактически проводило политику защиты своих интересов безопасности за счёт соседней страны. В этом смысле У. Черчилль писал: «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских калёным железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, ещё не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно-расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»⁴⁶.

По сути такого же мнения был в то время и госсекретарь Корделл Хэлл, заявивший 5 февраля 1941 г. английскому послу в США лорду Галифаксу: «С тех пор как Россия заключила договор с Германией, за которым последовала война, и после оккупации Прибалтики, части Польши и других районов, она последовательно проводила политику упорного отстаивания своих позиций особенно в отношениях с Германией и Японией... В целом её политический курс и позиция за прошедшие месяцы состояли в том, чтобы оказать противодействие и вызвать срыв многих далеко идущих планов Гитлера и японцев, а также их совместных планов. Конечно, русские не помышляют о том, чтобы помочь кому-либо из нас, когда они подобным образом серьёзно тормозят или нарушают планы Гитлера»⁴⁷. Естественно, что такую политику СССР проводил в интересах своей собственной безопасности, но объективно она совпадала с интересами США и Великобритании.

В этом контексте историк В. Макаrchук напоминает, что 12 октября 1939 г. англичане объявили польскому послу Августу Залескому, что об объявлении войны СССР не может быть и речи и напомнили, что в 1919 г. предложенная британцами «линия Керзона», отделила от Польши непольские земли. Учитывая то, что советские войска оккупировали также 12 тыс. кв. км. западнее этой линии (что может быть объяснено военной необходимостью противостояния Гитлеру), можно надеяться на возвращение Польше этих территорий «при оказии будущей мирной конференции»⁴⁸.

Изоляция Польши обеспечила германской армии решающее превосходство в силах над Войском польским. Польские вооружённые силы, хотя и проявляли чудеса храбрости и героизма, потерпели полное поражение. Польская армия потеряла 66,3 тыс. убитыми, 133,7 тыс. ранеными и 420 тыс. пленными⁴⁹, против 30,3 тыс. раненых немецких военнослужащих и 14 тыс. убитых и пропавших без вести⁵⁰. Такое соотношение потерь объясняется, в первую очередь, подавляющим военно-техническим превосходством вермахта. А на направлениях главных ударов это превосходство было многократным: в танках – восьмикратное, полевой артиллерии – четырёхкратное, противотанковой артиллерии – семикратное. Гитлер заявил, что война с Польшей явилась лучшей подготовкой к будущим сражениям, равной маневрам⁵¹.

Общая экономическая отсталость польского государства обусловила крупные недостатки в развитии его вооружённых сил. Армия испытывала нехватку современных технических средств и военной техники, многих видов вооружения, будучи полностью зависимой от зарубежных поставок. В качестве основных подвижных средств использовались кавалерийские бригады. «Можно вполне сказать, – делает вывод Лиддел Гарт, – что взгляды поляков в этом вопросе устарели на 80 лет»⁵². Несмотря на значи-

⁴⁴ Ibid. С. 176.

⁴⁵ Ibid. С. 181.

⁴⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 180.

⁴⁷ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. М., 1990. С. 344.

⁴⁸ Макаrchук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 216.

⁴⁹ История второй мировой войны. Т. 3. С. 31.

⁵⁰ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 28.

⁵¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 137.

⁵² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 34.

тельные людские резервы, польское командование не могло увеличить численность армии из-за нехватки вооружения и боевой техники.

Кроме полностью, как мы уже убедились, ошибочной военной доктрины, низкая боеспособность польских вооружённых сил определялась и тем, что командование допустило в планировании боевых действий серьёзные просчёты⁵³. Растянутость армии по всей границе и небольшая глубина обороны ставили основную массу войск под первые же удары компактных группировок противника. Не была должным образом организована противотанковая оборона на важнейших рубежах, отсутствовали стратегические резервы.

Стремясь «всё прикрыть» и «отстоять», польский генеральный штаб отказался от рациональной идеи создания стратегической обороны по линии рек Бебжа, Нарев, Висла, Сан. «Такое расположение польской армии как нельзя лучше способствовало выполнению германского плана»⁵⁴. По мнению Э. Манштейна, «в основе плана развёртывания польской армии, кроме желания „ничего не отдавать“, вообще не было никакой ясной оперативной идеи»⁵⁵. Кроме всего вышеперечисленного, польское главное командование недооценило силы вермахта и, в особенности, возможности танковых войск и авиации.

В этом смысле, участник польской кампании, генерал Меллентин, отмечает, что «на польскую военную клику ложится тяжёлая ответственность за положение, в котором оказалась польская армия в 1939 г.»⁵⁶. «К сожалению, – писал С. Мацкевич, – стоит признать, что если искать пример полной неграмотности в области современной войны и геополитики, то его следовало найти – о горе! – в нашем Генеральном штабе... Знал я полковников Генерального штаба, которые поучали меня, что отсутствие танков представляет собой преимущество нашей армии, потому что благодаря этому она „более эластична“»⁵⁷.

16 сентября польское правительство, покинув страну, бежит в Румынию⁵⁸. Польский народ продолжает оказывать ожесточённое сопротивление, но силы были не равны. После героического сопротивления, 28 сентября пала Варшава. Последний очаг польского сопротивления стих 5 октября.

Последствия поражения в войне с немецкими захватчиками оказались чрезвычайно трагичными для польского народа. В результате Речь Посполита потерпела полный крах, независимое государство перестало существовать, и в «генерал-губернаторстве» был установлен жесточайший режим фашистского террора. За годы войны 6 млн поляков было убито, богатства страны стали объектом грабежа, а народ – источником дешевой рабочей силы. При этом не следует забывать, что «на конец сентября – начало октября 1939 г. польское государство продолжало существовать как субъект международного права (понятно, в довоенных границах), а правительство, созданное в эмиграции, было легитимно и имело право представлять Польшу»⁵⁹.

После вывода Польши из войны фашистская Германия начала сосредоточение войск на своих западных границах для последующего наступления против армий англо-французской коалиции. В этом контексте Дж. Кимхе пишет: «Это была трагедия Польши; но была ещё и другая, более тяжёлая трагедия. Отказавшись воспользоваться сложившейся в самом начале войны обстановкой, западные державы не только покинули в беде Польшу, но и ввергли весь мир в пять лет разрушительной войны. Ибо в сентябре 1939 года вопрос состоял не в том, поможет ли наступление союзников на Западе полякам, а в том, приведёт ли оно к военному поражению Гитлера»⁶⁰.

Советско-финская война⁶¹. Под предлогом удаления границы от Ленинграда с целью обеспечения его безопасности, сталинское руководство потребовало от финского правительства переноса участка гра-

⁵³ В связи с польским военным планированием В. Макаrchук отмечает следующее: «В преддверии Второй мировой войны польское военное командование разработало два стратегических плана: „Восток” и „Запад”. Первый из них предусматривал ведение „оборонной” войны против СССР при взаимодействии с Румынией и материальной поддержке западных государств. Работы над созданием плана „Восток”, пишет польский историк В. Влодаркевич, были окончены уже в феврале 1939 г. и только тогда „в связи с возрастающей угрозой со стороны Германии ускорено начало приготовления операционного плана „Запад”». // Макаrchук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. М., 2010. С. 148; см. также: Згорняк М. Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом второй мировой войны. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/Z/Zgorniak/polsh.html>.

⁵⁴ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 24.

⁵⁵ Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 38.

⁵⁶ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 23.

⁵⁷ Мацкевич С. Политика Бека. С. 205.

⁵⁸ «Румынское правительство интернировало в Румынии как членов польского правительства, так и маршала Польши вместе с его штабом». // Згорняк М. Военно-политическое положение и оперативные планы Польши... // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/Z/Zgorniak/polsh.html>.

⁵⁹ Макаrchук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 184.

⁶⁰ Кимхе Дж. Несостоявшаяся битва. С. 147.

⁶¹ Энгл Э., Лаури П. Зимняя война. Советское нападение на Финляндию. 1939 – 1940. М., 2006; Барышников Н.И. Советская финляндская война 1939-1940 гг. // ННИ, 1989, № 4; Донгаров А.Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // ВИЖ, 1990, № 3; Дудорова О.А. Неизвестные страницы «зимней войны». // ВИЖ, 1991, № 9; Ивашов Л.Г. «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». // ВИЖ,

ницы между двумя странами северо-западнее, в обмен на другие, более обширные советские территории в Карелии. Финское правительство отказало, и тогда советская сторона 30 ноября 1939 г. атаковала Финляндию, надеясь нанести ей поражение в молниеносной кампании. Финны оказали мужественное и очень искусное сопротивление⁶². Англия и Франция выразили готовность прийти на помощь Финляндии.

В связи с этим крупнейший английский историк Тэйлор пишет: «Мотивы предполагавшейся экспедиции в Финляндию не поддаются разумному анализу. Провоцирование Англией и Францией войны с Советской Россией в то время, когда они уже находились в войне с Германией, представляется продуктом сумасшедшего дома. Оно даёт основания для того, чтобы предложить более зловещее толкование: переключение войны на антибольшевистские рельсы, с тем, чтобы война против Германии могла быть окончена и даже забыта... В настоящее время единственно полезным выводом может явиться предположение, что английское и французское правительства в то время утратили разум»⁶³.

Только 12 марта 1940 г. был подписан мирный договор, который предусматривал крупные территориальные уступки в пользу СССР. Но главной цели – советизации и вступления Финляндии в состав СССР – Сталин не достиг. Вот как определил итоги этой войны английский историк Э. Аптон: «"Зимняя война"... была одним из эпизодов, пожалуй, ненужным в общей истории второй мировой войны. Помимо того, что эта война побудила Финляндию к нападению на Советский Союз в июне 1941 г., она сыграла важную роль в возникновении иллюзии, что СССР в военном отношении является второсортной державой. Но эта война к тому же чуть не привела к ещё более серьёзным последствиям... Англия и Франция могли бы оказаться в состоянии войны с Советским Союзом, равно как и с Германией. Финляндия заслуживает глубокой благодарности со стороны западных союзников за то, что спасла их от безумной и глупой затеи»⁶⁴.

К близкому выводу пришёл и У. Черчилль, отмечая, что после финской войны на Западе «слишком поспешно заключили, что чистка погубила русскую армию и что всё это подтверждало органическую гнилость и упадок государственного и общественного строя русских... Можно не сомневаться, что Гитлер со всем своим генералитетом глубоко задумался над финским уроком и что это сыграло большую роль в формировании его намерений»⁶⁵.

События на Западе в конце 1939 – начале 1940 г. После захвата Польши наступил период т.н. «странной войны», когда находившиеся в состоянии войны Германия и западные страны активных военных действий не вели. «Объявлением войны, однако, ещё не всё было решено. Хотя война и была объявлена, но в течение более полугода практически не велась. В первую военную зиму в военном отношении на Западе ничего не происходило, события эти больше походили на последний акт „умиротворения“»⁶⁶. Чемберлен был уверен, что вскоре он договорится с Гитлером, по причине невозможности последнего выиграть войну. В этой связи американский посол Кеннеди докладывал 8 ноября 1939 г. в Вашингтон о своей беседе с премьером, который утверждал: «Я не думаю, что она продлится далее весны». Отсутствие у Гитлера каких-либо побед и продолжающееся давление блокады будет причиной крушения Германии, утверждал Чемберлен. В письме сестре он писал о своём «предчувствии», что «война окончится ещё до наступления весны – не поражением [Германии] на поле битвы, а осознанием немцами того, что они не могут одержать победы»⁶⁷.

А Муссолини даже пытался играть роль «посредника» между Германией и Западом с целью заключения мира. 3 января 1940 г. он написал письмо Гитлеру, в котором предложил заключить мир и образовать единый антисоветский фронт всех европейских держав: «Я глубоко убеждён, что Великобритания и Франция никогда не добьются успеха в том, чтобы заставить Вашу Германию, поддержанную Италией, капитулировать, но нельзя быть уверенным и в том, что будет возможно поставить французов и британцев на колени или даже разъединить их». Из этого положения дуче делал вывод о необходимости заключения мира на Западе и создания объединения всех европейских держав против большевизма, против СССР. Он прямо говорил, что «Россия является чужеродным элементом в Европе»⁶⁸.

1993, № 4; Доклад Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // ВИЖ, 1993, № 7; Севостьянов Г.Н. Правда о Зимней войне 1939-1940 гг. // ННИ, 1999, № 1; Troncota C. Războiul sovieto-finlandez. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 3.

⁶² См. N.S. Hruşciiov despre începutul războiului finlandez. // Diplomația cotropitorilor. Culegere de documente. P. 108-109; Pandea A. Mannerheim – asul din mîneca Finlandei. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 5.

⁶³ Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1982. С. 301-302.

⁶⁴ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М., 1992. С. 125.

⁶⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 245; данный тезис подтверждает и Г. Гудериан. // Гудериан Г. Опыт войны с Россией. // Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 118; см. также Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. М., 1990. С. 9.

⁶⁶ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 48.

⁶⁷ Цит. по: Некрич Р.М. Внешняя политика Англии (1939 – 1941 гг.). М., 1963. С. 76.

⁶⁸ Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967. С. 25.

Гитлер, однако, видел ситуацию иначе и в апреле 1940 г. молниеносным ударом захватил Данию и Норвегию⁶⁹, подготовив этим свой северный фланг к предстоящей схватке вначале с Англией, а затем и с СССР. В ответе Муссолини, последовавшем лишь 8 марта, фюрер заявил о своей решимости в ближайшее время разрешить спор с западными державами военным путём⁷⁰.

Следует напомнить, что Уинстон Черчилль предлагал опередить Гитлера и захватить важнейшие стратегические пункты на норвежском побережье, однако, к сожалению, не получил поддержки английского кабинета. Он следующим образом аргументировал свою позицию: «Германия, несомненно, применит к ней [т.е. к Норвегии – С.Н.] грубую силу, независимо от нашего образа действий, если только она сочтёт, что её интересы требуют установления насильственного господства над Скандинавским полуостровом. В таком случае война распространится на Норвегию и Швецию, и поскольку мы господствуем на море, то почему бы французским и английским войскам не встретить германских захватчиков на скандинавской земле... Тогда наша блокада Германии на севере станет полной... Едва ли нужно особо подчёркивать, что установление английского контроля над побережьем Норвегии является стратегической задачей первостепенной важности»⁷¹.

2. Кампания на Западе⁷²

Гитлеровские планы по разгрому западных союзников. Так как «план Шлиффена» оставался предметом восхищения немецких генералов на протяжении десятилетий, первоначально планировалось его повторение и в 1940 г.⁷³ – т.е. нанесение главного удара через Бельгию. Именно этого, в случае германского наступления, ожидали английские и французские генералы. Но на этот раз «гарантией» его стремительного выполнения должны были послужить бронетанковые и моторизованные войска, а также массированное применение авиации.

Однако группе генералов во главе с Эрихом фон Манштейном удалось переубедить Гитлера и предложить новый вариант плана «Гельб» – операции по разгрому объединённой западной коалиции⁷⁴. Союзники были введены в заблуждение о истинных намерениях германского военного командования т.н. «мехеленским инцидентом»⁷⁵. 10 января 1940 г. «сбившийся с курса» немецкий самолёт совершил вынужденную посадку в окрестностях Мехелена, и в руки бельгийского командования попал совершенно секретный план войны против Франции*. Он практически в точности повторял маршрут наступления кайзеровских войск на Париж в 1914 г. Это дополнительно убедило французов, что их взгляды на предстоящую войну с Германией верны. Этим деятельность немцев по дезинформации противника не ограничилась. Генерал Б. Лоссберг, служивший в то время в штабе оперативного руководства ОКВ, после войны писал: «В лагерь противника по различным каналам направлялось множество слухов. При этом не допускалось никакой грубой работы, которая могла бы вызвать подозрения. Вымысел перемешивался с правдой... Многочисленными путями за несколько месяцев до наступления непрерывно распространялись слухи о немецком „плане Шлиффена“ 1940 г.»⁷⁶.

Следует отметить, что ещё осенью 1939 г. Манштейном была выработана новая версия плана французской кампании, значительно отличавшаяся от «плана Шлиффена»⁷⁷. Он счёл, что традиционный план не даёт возможностей реализовать те преимущества, которые сулит Германии использование мощных танковых войск: «Оперативные замыслы ОКХ в основных чертах напоминали знаменитый план Шлиффена 1914 г. Мне показалось довольно удручающим то, что наше поколение не могло придумать ничего иного, как повторить старый рецепт, даже если он исходил от такого человека, как Шлиффен. Что могло получиться из того, если из сейфа доставали военный план, который противник уже однажды проштудировал вместе с нами, и к повторению которого он должен был быть подготовлен»⁷⁸. Поэтому

⁶⁹ См.: Хубач В. Захват Дании и Норвегии. Операция Учение Везер. 1940-1941. М., 2006.

⁷⁰ Ibid. С. 26.

⁷¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 247; см. так же С. 261.

⁷² Циммерман Б. Война на Западе. // Мировая война. 1939-1945 годы. Сб. ст. М., 1957. (Далее: Мировая война). С. 37-49; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 351-366.

⁷³ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 29.

⁷⁴ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 107; Циммерман Б. Война на Западе. // Мировая война. С. 42, 43.

⁷⁵ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 51; Дашичев В. Мехеленский инцидент и немецкий план разгрома Франции. // ВИЖ, 1959, № 3.

* В исторической литературе некоторые специалисты считают, что данный «инцидент» был заранее спланирован гитлеровским командованием. Хотя, в принципе, не столь важно, произошло это случайно или было организовано немцами с целью дезинформации противника. Существенно то, что, в конечном итоге, всё обернулось на пользу фашистским агрессорам.

⁷⁶ История второй мировой войны. Т. 3. С. 49.

⁷⁷ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 107, 110-111, 126, 129, 134; Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 29, 31; Роковые решения. С. 37.

⁷⁸ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 1. С. 433-434.

он выдвинул концепцию стремительного бронетанкового прорыва в Арденнах. Данное предложение нашло самую горячую поддержку у Гудериана⁷⁹, а с некоторыми оговорками, и у Рундштедта и Блюментритта⁸⁰. Вскоре у этих генералов появился влиятельный союзник – А. Гитлер. Манштейн изложил фюреру свой план, и результат не преминул долго ждать. Уже 24 февраля 1940 г. главнокомандование германских сухопутных войск издало директиву, содержащую окончательный вариант плана «Гельб», предусматривавшего достижение решительных военно-политических целей: полный военный разгром западных союзников, захват Голландии, Бельгии и Северной Франции, вывод Франции из войны и навязывание Англии выгодного для Германии мира⁸¹.

Этот эпизод из предыстории нападения на Францию даёт важный материал для понимания внутреннего механизма взаимоотношений в высшей военной верхушке в тот период. Во-первых, видно деление этой верхушки не по принципу «Гитлер против генералов», а по другому – «одна генеральская группа против другой». В ходе этого деления Гитлер опирается сначала на одну генеральскую группу (Кейтель – Йодль) против другой (Браухич – Гальдер), а затем к спорам подключается ещё одна группировка (Манштейн – Гудериан). Как видно из данной истории, возникший после войны миф о непримиримых противоречиях «недоучки Гитлера» с германскими генералами, не имеет под собой никаких оснований.

В соответствии с планом «Гельб» были развёрнуты три группы армий в составе 8 армий (136 дивизий, в том числе 17 танковых и моторизованных), действия которых поддерживали два воздушных флота. Главный удар наносила группа армий «А» (в составе 45 дивизий, включая 7 танковых и 3 моторизованные) под командованием генерал-полковника Рундштедта в полосе шириной 170 км через Арденны на стыке границ Германии, Франции и Люксембурга. В её задачу входило выйти к Маасу, форсировать его и нанести рассекающий удар в северо-западном направлении к Ла-Маншу. Эта группа составляла мощный бронированный кулак, предназначенный для внезапного удара по наиболее слабому участку обороны союзников.

Группа армий «Б» (29 дивизий, из которых 3 танковые и 2 моторизованные) под командованием генерал-полковника Бока развернулась от побережья Северного моря до Ахена и должна была сковать основные силы союзников, выдвинутые в Бельгию, имитируя нанесение главного удара. Группа армий «Ц» (19 дивизий) под командованием генерал-полковника Лееба имела задачу сковать французские силы на «линии Мажино». В резерве германского командования оставалось 42 дивизии⁸².

В совокупности немцам противостояли серьёзные силы западных союзников – всего 135 дивизий. «Если бы эти силы, – писал Черчилль, – были должным образом организованы и оснащены, хорошо обучены и находились под хорошим руководством, то они согласно нормам предыдущей войны вполне могли бы остановить вражеское вторжение»⁸³. Однако именно эти условия для остановки Гитлера на Западном фронте отсутствовали. «Признавая превосходство Франции в оружии старого типа, особенно в тяжёлой артиллерии, Гитлер, однако, утверждал, что в „маневренной войне это оружие вообще не имеет сколько-нибудь существенного значения“. А поскольку Германия обладала превосходством, имея новое оружие, можно было не принимать во внимание превосходство Франции по численности обученных солдат»⁸⁴.

План «Гельб» был рассчитан на ведение быстротечной войны, расчёт делался на максимальное использование фактора внезапности, создание решающего превосходства в силах на главном направлении и массированное применение танков и авиации. Гитлеровское руководство знало о противоречиях внутри западных стран и рассчитывало на поддержку капитулянтских элементов этих государств. Ставка делалась также на инертность союзного командования и его неспособность организовать отпор германскому наступлению.

Тем не менее, в разработанном германским командованием плане присутствовали явные черты авантюризма фашистских стратегов. Успех операции в решающей степени зависел от возможности прохода крупных масс танковых войск через Арденны, где активные действия союзной авиации могли причинить колоссальный урон наступающей группировке, а также от того, выдвинут ли союзники свои основные силы в Бельгию. На Нюрнбергском процессе Йодль признал, что если бы французская армия не вошла в Бельгию, а ожидала наступления на своих позициях и развернулась для контрудара в южном направлении, то «вся операция могла бы провалиться»⁸⁵. В этом контексте можно утверждать, что степень допустимого на войне риска была явно превышена германским командованием.

⁷⁹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 52-53; От «Барбароссы» до «Терминала». С. 27.

⁸⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 1. С. 436.

⁸¹ Ibid. С. 438, 515-518; Манштейн Э. Утерянные победы. С. 135, 137.

⁸² Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945 гг. Т. 2. М. 1956. С. 55.

⁸³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 321.

⁸⁴ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 48.

⁸⁵ История второй мировой войны. Т. 3. С. 83.

Но всё же нельзя не отметить, что в среде верховного командования нашлись люди, которые предупреждали об этом. Так, ещё в апреле 1940 г. генерал-полковник Бок заявил в докладе Браухичу: «Мне не даёт покоя ваш оперативный план... Здесь перейдены границы разумного... Вы сосредоточили основную массу танков на нескольких дорогах в гористой местности Арденн, будто авиации не существует! Вы надеетесь форсировать Маас..., хотя французы уже занимают позиции в этом районе... и им потребуется для выхода к реке... лишь одна четверть того времени, которое необходимо нам... Что вы будете делать, если французы умышленно дадут нам переправиться по частям через Маас и затем перейдут основными силами в контрнаступление против нашего южного фланга? Наконец, как вы мыслите себе вообще операцию, если противник не окажет вам услуги и не вступит в Бельгию? Невозможно себе представить, что после длившейся несколько месяцев подготовки наш оперативный план остался неизвестным. Как бы вы поступили на месте противника? Думаете, он так и войдёт в бельгийскую ловушку? Вы играете ва-банк!»⁸⁶.

Как видим, «план Гельб» был далёк от совершенства и в значительной степени рассчитан «на дураков». Как оказалось, в тех конкретных условиях, имея дело именно с французским командованием образца 1930-х гг., данный план великолепно сработал. Не зря говорят, победителей не судят!

Видение ситуации со стороны западных военных и политических кругов. Французское командование считало, что вермахт может нанести удар по союзным войскам на севере или на юге, действуя через Бельгию или Швейцарию. Поэтому предполагалось ввести войска в Бельгию и Швейцарию, включить бельгийскую и швейцарскую армии в состав союзных сил и создать прочную оборону на удалённых от французской границы рубежах. Возможность немецкого наступления через Арденны французское военное руководство полностью исключало⁸⁷. По этому поводу Черчилль писал о французском командовании: оно утверждало, «что Арденны не следует принимать во внимание как возможное направление вторжения ввиду характера местности... Линия Мажино не только поглотила огромное количество хорошо подготовленных солдат и технического персонала регулярных войск, но и оказала вредное воздействие как на военную стратегию, так и на национальную безопасность»⁸⁸.

По существу, оперативно-стратегическое планирование французского командования в 1939-1940 гг. свелось к разработке маневра войск в Бельгию. Переход союзников в наступление должен был произойти на последующих этапах войны. Расчёты французского военного руководства строились на уверенности, что война с самого начала примет затяжной позиционный характер. «Всё способствовало тому, чтобы положить принцип пассивности в основу нашей национальной обороны»⁸⁹.

В этом смысле немецкий генерал Меллентин отмечал, что «французское командование играло нам на руку, и ему остаётся упрекать за катастрофу, которая должна была последовать, только себя»⁹⁰. Анализируя планы союзников, советский исследователь Даниил Проэктор писал, что «можно без боязни преувеличений сказать, что здесь перед нами яркий пример из военной истории, как высокопоставленные генералы и их штабы выбирают из многих возможных военных решений наихудшее и... буквально подставляют врагу свои самые слабые, уязвимые места, хотя элементарные принципы военной теории требуют делать как раз наоборот»⁹¹.

Правда, не следует игнорировать тот факт, что эти планы встретили серьёзную критику со стороны некоторых французских военных. Так, например, Ш. де Голль 26 января 1940 г. направил меморандум восьмидесяти наиболее видным политическим и военным деятелям, в котором доказывал, что если противник предпримет наступление, используя бронетанковые войска и авиацию, союзный фронт будет неизбежно прорван. Он предлагал увеличить производство вооружения, свести механизированные средства в единый резерв для отражения наступления противника⁹². Однако предложения де Голля были проигнорированы. Генерал Дофьо ограничился пренебрежительным замечанием: «Эти выводы при нынешнем состоянии вопроса должны быть отклонены»⁹³. «Гласом вопиющего в пустыне остался и этот крик души полковника де Голля», — пишет известный историк Н. Молчанов⁹⁴.

Начало и ход боевых действий. Немецкое наступление началось 10 мая 1940 г.⁹⁵, и уже через две недели стало очевидно, что западные союзники проиграли войну: утром 15 мая французский премьер

⁸⁶ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 1. С. 441-442.

⁸⁷ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 63-64.

⁸⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 216, см. так же С. 326.

⁸⁹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 35.

⁹⁰ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 32.

⁹¹ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 127.

⁹² Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 57-58.

⁹³ Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1973. С. 118.

⁹⁴ Ibid. С. 119.

⁹⁵ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 33; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). Buc., 1989. P. 147.

В этот день Чемберлен был вынужден уйти в отставку, и главой английского правительства стал У. Черчилль. Выступая 13 мая в Палате общин, он заявил: «Мне нечего предложить Вам кроме крови, труда, пота

Поль Рейно позвонил главе английского правительства У. Черчиллю и заявил, что Франция проиграла сражение⁹⁶. Получив сведения о начале немецкого наступления и просьбу правительств Бельгии и Голландии о помощи, Гамелен отдал распоряжение о маневре союзных войск в Бельгию и Голландию. Лучшие дивизии союзников удалялись от участка фронта, где намечался главный удар немецкой армии. Люфтваффе не оказывали противодействия продвижению союзных войск.

Таблица 3. *Соотношение сил на Западном фронте 10 мая 1940 г.*

Войска и вооружение	Союзники	Германия
Численность войск (тыс.)	3785	3300
Дивизии	147	136
в том числе:		
танковые	3	10
механизированные	3	-
моторизованные	17	7
кавалерийские	7	1
Танки	3099	2580
Боевые самолеты	3791	3824
в том числе:		
истребители	1730	1264
бомбардировщики	763	1462
75-мм орудия	14544	7378

В мае капитулировали Голландия⁹⁷ и Бельгия, а в состав французского правительства был введён маршал А.Ф. Петэн, известный своими профашистскими настроениями. Узнав об этом, Гитлер откровенно заявил: «Петэн в правительстве – это моя самая большая победа во Франции»⁹⁸. Тем временем германские танковые колонны продвигались на север к морю, захватывая на своём пути один французский порт за другим. Кольцо вокруг северной англо-французской группировки беспощадно сжималось. В руках союзников оставался лишь один небольшой порт Дюнкерк. Однако 24 мая, абсолютно неожиданно, когда немецкие танки находились всего в 15 км от города, Гитлер отдал свой знаменитый «стоп-приказ»⁹⁹. Это дало возможность англичанам за несколько дней эвакуировать на Британские острова 338 тыс. английских и французских солдат. Здесь следует привести очень важное, с нашей точки зрения, уточнение: своим приказом Гитлер лишь подтвердил приказ командующего группой армий «А» генерал-полковника Рундштедта¹⁰⁰. Это в очередной раз опровергает миф о «высочке», якобы игнорировавшем мнение профессиональных военных.

Правда, в этом смысле Лиддел Гарт делает определённое уточнение: «Кажется более вероятным, что Гитлер отправился в штаб Рундштедта, надеясь найти основания для собственных сомнений и изменений в плане, к которым он хотел склонить Браухича и Гальдера. Если считать, что такое решение было кем-то Гитлеру подсказано, то можно предположить, что инициатива исходила от Кейтеля и Йодля»¹⁰¹. Английский историк очень чётко, по нашему мнению, раскрывает и ту реальную психологическую атмосферу, в которой оказалось нацистское руководство после первых столь стремительных успехов вермахта на Западе: «Известно, что Гитлер с самого начала прорыва во Франции находился в исключительно взвинченном и нервном состоянии. Необычная лёгкость, с какой осуществлялось наступление, и отсутствие сопротивления его армиям заставили фюрера нервничать: всё шло слишком хорошо, чтобы казаться правдоподобным»¹⁰².

и слёз. Вы спросите: какова наша политика? Я отвечу: продолжать войну на море, на суше и в воздухе... Вы спросите: какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа! Победа любой ценой, победа, несмотря ни на что, победа, каким бы долгим и тяжёлым ни был путь к ней». // См.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. С. 307.

⁹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 328.

⁹⁷ Через час после подписания акта о капитуляции немецкая авиация совершила варварский налёт на Роттердам. Не было никакой военной необходимости бомбить город. Нацисты, однако, ставили целью «продемонстрировать решительность и терроризировать голландцев». // Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 125.

⁹⁸ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 40.

⁹⁹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 1. С. 595, 602; Дашичев В. Почему немецкие танки остановились перед Дюнкерком. // ВИЖ, 1962, № 6; Дивайн Д. Девять дней Дюнкерка. М., 1965. С. 61; Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. 1939 – 1945. М., 2005. С. 107.

¹⁰⁰ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 89; Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 36.

¹⁰¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 89.

¹⁰² Ibid. С. 88.

В этой связи в военно-исторической литературе развернулась острая дискуссия о причинах т.н. «стоп-приказа». Одно из мнений состояло в том, что Гитлер желал создать благоприятные условия для заключения с Англией мирного договора на антисоветской основе¹⁰³. Так, например, Гальдер 21 мая записал в своём дневнике слова представителя МИДа при ОКХ Хассе фон Эрцдорфа: «Мы ищем контакта с Англией на базе разделения сфер влияния в мире»¹⁰⁴. Но документы не до конца подтверждают данную точку зрения. Так, подписанная Гитлером 24 мая, т.е. в тот же день, Директива №13 ставила задачу на уничтожение окружённой группировки и выхода немецких частей к Ла-Маншу. В приказе ОКХ от 25 мая Рундштедту эта задача конкретизировалась. Итак, вывод очевиден – Гитлер не стремился щадить английскую группировку. Однако, несмотря на это, танки не двинулись с места. Причину этого 25 мая объяснил Рундштедт: «Танки должны сначала отдохнуть, чтобы подготовиться к задачам на юге»¹⁰⁵. Таково же мнения в этом вопросе придерживались и Йодль¹⁰⁶, и У. Черчилль¹⁰⁷.

Впоследствии Рундштедт писал: «Решение Гитлера обосновывалось тем, что на карте, имевшейся в его распоряжении в Берлине, территория вокруг порта была показана как болотистая и непригодная для действия танковых частей. Учитывая, что танков мало, что местность труднопроходима и что французские армии к югу ещё не уничтожены, Гитлер решил отказаться от танковой атаки, считая её слишком рискованной». Он, по словам Рундштедта, сохранял силы для нанесения основного удара на юг «с целью захвата Парижа и окончательного подавления французского сопротивления»¹⁰⁸.

По нашему мнению, в этом разгадка остановки танковых частей Гудериана. Дело в том, что к 24-25 мая главная стратегическая задача кампании была ещё далека от завершения. Группе армий «А» предстоял разворот на юг в сторону Парижа, с целью окончательно сокрушить Францию и снять угрозу с тыла для Германии при дальнейших её действиях в войне против СССР. А для этого танки были нужны, как воздух, и рисковать ими на узких улочках Дюнкерка Гитлер не мог. Состояние танкового парка к этому времени было не из лёгких – с 10 по 30 мая вермахт потерял 20% танков. На 1 июня немецкие соединения имели в своём составе 2114 боевых машин. Германская промышленность в то время производила не более 200 танков ежемесячно¹⁰⁹. Англию же фюрер считал и без этого, в принципе, поверженной и какие-то 350 тыс. прижатых к морю войск спасти её уже в любом случае не могли. Но попытка уничтожить или пленить их на континенте вызвала бы с их стороны отчаянное сопротивление, что могло спровоцировать серьёзные потери в частях вермахта. К тому же, Геринг, с присущим ему бахвальством, твёрдо пообещал Гитлеру, что северная англо-французская группировка будет уничтожена люфтваффе¹¹⁰.

Своеобразный итог данному вопросу можно подвести словами Льва Безыменского: «Что касается политических мотивов, то здесь вполне возможен некоторый сдвиг во времени. Гитлер действительно говорил Рундштедту, Зоденштерну и Блюментритту о политике Англии и своём отношении к ней. Но речь об этом была не в дни „стоп-приказа“, а позднее – 29 мая. Тогда фюрер сказал, что ожидает „выхода Англии“ из войны и заключения „пристойного мира“. В таком случае у него, дескать, будут свободны руки для его „великой и главной задачи – конфликта с большевизмом“.

Но вот загвоздка: когда я поделился своими сомнениями с участником боёв генералом фон Шверингом (он командовал дивизией „Великая Германия“ под Дюнкерком), то он совершенно убеждённо сказал:

– Дюнкерк? Не может быть двух мнений: это было политическое решение Гитлера...

Очевидно, решение „загадки“ возможно лишь в том случае, если отказаться от крайних точек зрения. Первоначальной и главной причиной „стоп-приказа“ была военная ситуация. Однако именно этой ситуацией воспользовался Гитлер для своих политических соображений. Последние же толкали его к продолжению „двойной стратегии“ – оказывать на Англию военное давление, но не закрывать ей дверь к компромиссу с Германией. Гитлер, кстати говоря, никогда не противопоставлял эти линии. Именно устрашающей мощью вермахта он хотел заставить Англию прекратить войну в мире. Но только на условиях Гитлера!

¹⁰³ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939 – 1945). М., 1965. С. 118-119.

Правда, другой советский историк А. Некрич пишет в связи с этим: «На наш взгляд, не существует прямой связи между высказыванием Гитлера о желательности заключить мир с Англией и начать подготовку к нападению на СССР с „чудом под Дюнкерком“». // Некрич Р.М. Внешняя политика Англии. С. 252.

¹⁰⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 412.

¹⁰⁵ Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. 1933-1941. М., 1984. С. 254.

¹⁰⁶ См.: Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 108.

¹⁰⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 339, 340, 341.

¹⁰⁸ Цит. по: Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 50-51.

¹⁰⁹ Лещинский Л.М. Операция «Морской лев». М., 1963. С. 14.

¹¹⁰ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 81; Манштейн Э. Утерянные победы. С. 139; Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 108; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 51; Некрич Р.М. Внешняя политика Англии. С. 247; Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. 1939-1995. Chişinău, 1995. P. 11.

Однако Англия этого не приняла. Тогда решено было перейти к „последнему средству” – именно так генерал Йодль назвал вторжение на Британские острова¹¹¹. Следует подчеркнуть, что уже после первых поражений некоторые французские руководители обратились к англичанам с вопросом: на каких условиях Франции будет позволено запросить у немцев условия сепаратного мира. На это уже 28 мая 1940 г. Черчилль издал директиву, суть которой сводилась к следующему: «Нельзя допускать и мысли о том, что Франция заключит сепаратный мир». Англия же будет сражаться при любых условиях¹¹².

Несколько позже, на этот же вопрос французам он ответил: «Англичане хотели бы надеяться, что Франция будет продолжать сражаться южнее Парижа и до самого моря, а если будет необходимость, то и в Северной Африке... Иной курс означает уничтожение Франции..., [которая должна] продолжать борьбу с помощью превосходного флота и своей великой империи, а её армия будет продолжать партизанские военные действия в гигантском масштабе... Англия будет при всех обстоятельствах продолжать сражаться... Никаких условий, никакой капитуляции. У неё две возможности – смерть или победа»¹¹³.

31 мая в Париже состоялось заседание союзнического Верховного военного совета, на котором сэр Уинстон заявил: «Я абсолютно убеждён, что для достижения победы нам нужно лишь продолжать сражаться. Если даже один из нас будет побит, то другой не должен отказываться от борьбы. Английское правительство готово вести войну из Нового Света, если в результате какой-либо катастрофы Англия будет опустошена. Если Германия победит одного из союзников или обоих, она будет беспощадна, нас низведут до положения вечных вассалов и рабов... Если мы падём, тогда весь мир, включая Соединённые Штаты, включая всё, что мы знали и любили, обрушится в бездну нового средневековья, которое светила извращённой науки сделают ещё более мрачным и, пожалуй, более затяжным»¹¹⁴. От позиции Петэна у английского премьер-министра осталось впечатление, что он пойдёт на сепаратный мир.

Вскоре в войну против Франции вступила Италия. Выступив по радио, президент США Ф.Д. Рузвельт произнёс в адрес фашистской Италии следующие слова: «Сегодня, 10 июня 1940 года, рука, держащая кинжал, вонзила его в спину своего соседа»¹¹⁵. Однако предпринять какие-либо реальные шаги для помощи Франции американский президент не мог. Дело в том, что, как свидетельствует хорошо знавший его писатель Роберт Шервуд, «он мог произносить всевозможные мужественные слова, но когда от него требовались действия, он оказывался связанным по рукам и ногам господствовавшими в стране изоляционистскими настроениями»¹¹⁶. И такое положение сохранялось очень долго, практически вплоть до Пёрл-Харбора.

14 июня предатели Франции, заседавшие в правительстве, без боя сдали гитлеровцам Париж, объявив его «открытым городом». В этот же день Черчилль заявил Рейно: «Не может быть никаких сомнений, что Петэн сейчас опасный человек: он всегда был пораженцем»¹¹⁷. Однако, убедившись, что французские правящие круги всё более и более склоняются к идее перемирия с Гитлером, Черчилль согласился на обращение Франции к Германии с запросом об условиях капитуляции, но выдвинул при этом одно своё принципиальное требование – *французский флот будет отправлен в британские порты немедленно и до переговоров*¹¹⁸. Идентичной была и позиция Соединённых Штатов в этом вопросе. Так, посол США во Франции адмирал Уильям Леги свидетельствует: «Президент ещё ранее предупредил Виши^г, что Франция лишится традиционного доброго расположения и дружбы Соединённых Штатов, если передаст свой флот странам „оси”. Я должен был напомнить об этом предупреждении, когда сочту необходимым»¹¹⁹.

Кроме того, теми членами французского правительства во главе с Ш. де Голлем, которые были настроены на продолжение сопротивления, была выдвинута идея провозглашения союза между Францией и Англией и их империями. Это позволило бы французскому правительству перебраться в Северную Африку, объединить все силы Франции с Великобританией для продолжения борьбы против Гитлера¹²⁰. Однако Полю Рейно не хватило мужества даже для того, чтобы поставить этот проект на обсуждение. Пораженческая группа отказалась хотя бы рассмотреть данное предложение.

Главкомандующий французской армией Вейган, искавший, по выражению де Голля, путь к капитуляции, без особого труда убедил Петэна, что Англия накануне поражения: «За три недели Англии свернут шею, как цыплёнку». Заключать союз с Великобританией было, по словам Петэна, «равносиль-

¹¹¹ Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. С. 257-258.

¹¹² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 347, 359.

¹¹³ Ibid. С. 384.

¹¹⁴ Ibid. С. 356, 402.

¹¹⁵ Ibid. С. 363.

¹¹⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 242-243.

¹¹⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 377.

¹¹⁸ Ibid. С. 394, 395.

^г Примечание научного редактора: Виши – курортный городок на юге Франции, где в годы нацистской оккупации располагалось марионеточное прогитлеровское правительство.

¹¹⁹ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 401.

¹²⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 397; Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 83, 102, 104.

но слиянию с трупом». Другой министр воскликнул: «Лучше быть нацистской провинцией!». По свидетельству большого знатока французской внутривластной жизни А. Верта, «подавляющее большинство деятелей Виши было в то время убеждено, что Германия выиграла войну». Он приводит слова П. Лаваля, заявившего, что «Англия проигрывает войну. Очень важно, чтобы Франция первая заключила мир и заставила Англию платить, в противном случае Англия может заключить мир с Германией за счёт Франции»¹²¹.

Однако истинные патриоты были готовы драться против поработителей их родины до последнего дыхания: «Пока я жив, – писал де Голль, – я буду сражаться там, где это потребуется, столько времени, сколько потребуется, до тех пор, пока враг не будет разгромлен и не будет смыт национальный позор... Если в конечном счёте невозможно исправить положение в метрополии, то надо это сделать в другом месте. У нас есть империя. У нас есть флот, который может её защищать. У нас есть народ»¹²². В этом смысле очень показателен диалог, состоявшийся 8 июня между де Голлем и Вейганом и чётко отразивший позиции обеих фракций французской правящей элиты, – патриотов и капитулянтов:

«– Как видите, – сказал мне главнокомандующий, – я не ошибался, когда несколько дней назад говорил Вам, что немцы начнут наступление на Сомме 6 июня. Они действительно наступают. В настоящее время они переходят Сомму. Я не в состоянии им помешать.

– Ну что ж, и пусть переходят. А дальше?

– Дальше последуют Сена и Марна.

– Так. А затем?

– Затем? Но ведь это же конец!

– Конец? А весь мир? А наша империя?

Генерал Вейган горестно рассмеялся.

– Империя? Это несерьёзно! Что же касается остального мира, то не пройдёт и недели после того, как меня здесь разобьют, а Англия уже начнёт переговоры с Германией. – И, посмотрев мне прямо в глаза, главнокомандующий добавил: – Ах! Если бы я только был уверен в том, что немцы оставят мне достаточно сил для поддержания порядка!..»¹²³. По свидетельству Ш. де Голля вывод Вейгана «сводился к тому, что бессмысленное испытание необходимо прекратить, ибо вся военная система может неожиданно рухнуть, открыв тем самым широкий простор для анархии и революции»¹²⁴.

Де Голль не стал спорить с павшим духом главнокомандующим, а лишь заметил ему, что у правительства другое мнение, а именно – сражаться до победы. Однако, к сожалению, великий французский патриот ошибался. 16 июня Петэн стал премьером и запросил у немцев условия перемирия¹²⁵. «После Седана и падения Парижа, по мнению Петэна, следовало кончать войну, заключать перемирие и в случае необходимости расправиться с Коммуной, как в своё время в подобных же обстоятельствах расправился с нею Тьер»¹²⁶.

В этих условиях Черчиллю ничего не оставалось, как спасти хотя бы сторонников антифашистского Сопротивления. Поэтому 17 июня, полуконспиративно, на английском самолёте в Лондон был вывезен генерал де Голль. На следующий день он выступил по радио со своим памятным обращением к французскому народу, в котором призвал продолжать борьбу против оккупантов и их сторонников¹²⁷. В эти дни в Лондоне была создана организация Свободная Франция, объединившая всех французских патриотов, желающих вести борьбу за освобождение родины. Суд Виши приговорил де Голля к смертной казни, а десяток вдов прислали ему свои обручальные кольца, чтобы золото пошло на поддержку его дела¹²⁸.

28 июня английское правительство официально признало руководителя Свободной Франции «главой свободных французов»¹²⁹. Это же сделали и нашедшие в Англии убежище правительства других государств. После нападения Гитлера на СССР так же поступило и Советское правительство¹³⁰. А в сентябре 1941 г. госсекретарь К. Хэлл публично заявил, что у американского правительства и Свободной Франции имеется общность интересов, в связи с чем 11 ноября президент Рузвельт распространил на неё действие закона о ленд-лизе. Но, несмотря на это, даже после Пёрл-Харбора эта организация не получила официального статуса союзника США¹³¹.

¹²¹ Верт А. Франция. 1940-1955 годы. М., 1959. С. 112, 113.

¹²² Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 67, 76.

¹²³ Ibid. С. 82.

¹²⁴ Ibid. С. 92.

¹²⁵ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1959. С. 201.

¹²⁶ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 100.

¹²⁷ Ibid. С. 111, 331-332.

¹²⁸ Молчанов Н. Генерал де Голль. С. 149.

¹²⁹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 121.

¹³⁰ Ibid. С. 655-656; 661-662.

¹³¹ Ibid. С. 239, 240.

Капитуляция Франции. 22 июня 1940 г., в Компьенском лесу, на том же самом месте, в том самом вагоне, специально по приказу Гитлера доставленном из музея, где маршал Фош продиктовал условия капитуляции побеждённой кайзеровской Германии, лично фюрер принял капитуляцию Франции¹³². Согласно условиям перемирия, 2/3 её территории, включая Париж, остались под гитлеровской оккупацией. На остальной её части сохранился марионеточный прогерманский режим маршала Петэна с центром в Виши. Этот режим «был авторитарный политически, патерналистский во взаимоотношениях между трудом и капиталом, и ему оказывало поддержку высшее церковное духовенство»¹³³. Эльзас и Лотарингия были присоединены к рейху. Страна же подверглась разграблению: «Взятие с Франции оккупационных расходов обеспечило содержание армии численностью 18 млн. человек»¹³⁴.

Причины столь «мягких» условий капитуляции коренятся в опасениях Гитлера и его окружения, что в случае навязывания Франции более жёстких условий перемирия, она продолжит борьбу против Германии, опираясь на заморскую колониальную империю и флот. На оставшейся «свободной» части страны нацистам не следовало держать оккупационные войска для поддержания «порядка». Более того, «щадящий» режим, навязанный Франции, в качестве примера для подражания, должен был склонить в пользу мира с Германией и Англию, способствуя приходу к власти и в этой стране бывших «мюнхенцев».

Однако после победы в мировой войне фашисты намеревались включить в состав Германии всю Северную и Восточную Францию. Кроме того, они намерялись создать на территории Франции два самостоятельных государства – бургундское и бретонское¹³⁵. Некоторые детали гитлеровских замыслов в отношении Франции содержатся в дневнике Геббельса. 26 апреля 1942 г. он записал свой разговор с Гитлером: «Франция будет отброшена к границам 1500 года. Это означает, что Бургундия снова станет частью рейха. Мы получим страну, которую по богатству и красоте едва ли можно сравнивать с другими немецкими провинциями»¹³⁶.

Английское руководство сильно волновала судьба мощнейшего французского флота. Оно опасалось, что если он попадёт в руки Гитлера, тогда сильно осложнится положение Великобритании, особенно в Средиземном море. Так как уверенности в том, что вишистское правительство не передаст флот немцам, не существовало, было принято решение его уничтожить. Поэтому 3 июля 1940 г. мощная английская эскадра потопила находящуюся в своей базе Мерс-Эль-Кебир в Алжире группу французских кораблей¹³⁷. «Устранение французского флота, – писал Черчилль, – как важного фактора дальнейшего ведения войны почти единым ударом, с помощью насильственных мер, произвело глубокое впечатление во всех странах. Это сделала Англия, которую многие сбросили со счетов, думая, что она беспомощна»¹³⁸. Де Голль несколько в иных выражениях и с другой интонацией оценивал это событие, но и он признавал обоснованность английских опасений по поводу дальнейшей судьбы французского флота¹³⁹.

Каковы же *основные причины, приведшие Францию к поражению?*¹⁴⁰ Как и в случае с Польшей, в первую очередь, это близорукая внешняя политика правящих кругов накануне войны, которая привела к международной изоляции страны¹⁴¹; это моральная и интеллектуальная недееспособность французских руководящих элит, их капитулянтские, пораженческие настроения и боязнь собственного народа

¹³² Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 1. С. 630-634; Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. М., 1968. С. 152-162; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 47; Лавров Л.П. История одной капитуляции. М., 1964; Смирнов В.П. «Странная война» и поражение Франции (сентябрь 1939 г. – июнь 1940 г.). М., 1963.

¹³³ Верт А. Франция. С. 154.

¹³⁴ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

¹³⁵ Международная жизнь. 1959, № 10. С. 150; Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 93.

¹³⁶ См.: Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 42.

¹³⁷ Верт А. Франция. С. 101; Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 162; Некрич Р.М. Внешняя политика Англии. С. 283; Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 217-222; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 49; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 370.

¹³⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 407.

¹³⁹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 119.

¹⁴⁰ См. Дивайн Д. Девять дней Дюнкерка. С. 190-208.

¹⁴¹ Уже после нападения нацистов на Францию косвенную ответственность за её поражение несёт и сталинское руководство СССР. Своей пассивностью и даже благоприятным для Германии нейтралитетом Советский Союз позволил Гитлеру сконцентрировать все свои силы на Западе. Впоследствии эта политика будет дорого стоить советскому народу и его армии, которые в течение трёх долгих лет будут бороться фактически один на один с вермахтом. Ещё 18 марта 1940 г. фюрер говорил Муссолини, что именно благодаря советско-германскому пакту немецкое командование может сконцентрировать на Западном фронте 60 своих первоклассных дивизий. Об этом же свидетельствует и письмо германского военно-воздушного атташе в Москве, направленное 21 мая 1940 г. начальнику отдела внешних сношений НКО полковнику Г. Осетрову: «Успех германских войск на Западе обеспечен нашей дружбой с вами. Этого мы никогда не забудем. Перед отъездом в вашу страну я был у Гитлера, который мне сказал: „Помни, что Сталин для нас сделал великое дело, о чём мы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны забывать“». // Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 62-63.

больше, чем Гитлера¹⁴²; это ошибочная военная доктрина, ориентировавшая вооруженные силы исключительно на оборону, недооценившая роль новой военной техники и, в первую очередь, танков, авиации, современных средств связи; это абсолютно неправильное использование имеющихся сил и средств по причине полной неспособности военно-политического руководства страны.

«Французское командование, – отмечал Лиддел Гарт, – не сумело создать по-настоящему современную армию из-за отставания военно-теоретических взглядов, по меньшей мере, на 20 лет»¹⁴³. Что же касается политических взглядов французской правящей элиты, мы приводили высказывание английского историка Мосли, но здесь дополним его свидетельством де Голля: «Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России..., чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией. Многие открыто восхищались Муссолини... Значительная часть правых стремилась к миру с Гитлером и соглашению с Муссолини»¹⁴⁴. А Гарри Гопкинс отмечал, что «Франция была предана своими военными руководителями, промышленниками и разложившимися политиками»¹⁴⁵.

Черчилль писал: «Теперь это была Франция, совершенно отличная от той, которая набросилась на своего старинного врага в августе 1914 года. Дух реванша иссяк... Вожди, вселявшие его, давно умерли... Наступательные действия в представлении огромного большинства французов связывались с первоначальными неудачами..., с уверенностью, что огневая мощь современного оружия опустошительна для наступающей стороны. Ни во Франции, ни в Бельгии в достаточной мере не сознавали последствий того нового обстоятельства, что бронированные машины могли выдержать артиллерийский обстрел и продвигаться по сотне миль в день... Авторитет престарелого маршала Петэна в верховном военном совете довлел над французской военной мыслью, закрывая дверь перед новыми идеями и новой техникой»¹⁴⁶.

Эту же мысль подтвердил и Шарль де Голль: «Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом... Маршал [Петэн] высказывал убеждение, что танки и авиация не меняют характера войны, и что основным условием безопасности Франции является сплошной фронт, усиленный фортификационными сооружениями»¹⁴⁷.

Вторгшиеся во Францию немецко-фашистские войска уже обладали опытом боевых действий, тогда как союзные армии не имели боевого опыта, уступали противнику в уровне боевой подготовки и не были объединены под единым командованием. В развертывании германских сухопутных сил была ярко выражена идея наступления, французы же придерживались сугубо оборонительной концепции. На направлении главного удара командование вермахта создало подавляющее преимущество в силах и средствах, а союзные силы были рассредоточены равномерно по всему фронту.

Союзное командование имело численное преимущество в танках, однако это теряло своё значение из-за того, что большинство французских танков было сведено в отдельные танковые батальоны, распределённые между армиями, что ограничивало возможности их массированного применения. В этом смысле Лиддел Гарт чётко подметил, что «французское верховное командование смотрело на танки с позиций 1918 года, как на „слуг“ пехоты или как на средства разведки, дополняющие кавалерию»¹⁴⁸. В то же время германская бронетанковая техника была сконцентрирована в крупные соединения, способные наносить массированные удары, разрывая оборону противника и стремительно продвигаясь в глубь его территории. То же касается и авиации, которую немцы применяли массированно, расчищая путь своим наступающим сухопутным группировкам. «Итак, – приходит к выводу Лиддел Гарт, – немецкая армия добилась своих побед не потому, что обладала численным превосходством или была по-настоящему современной армией, а потому, что в своём развитии оказалась на несколько жизненно важных ступеней выше, чем её противники»¹⁴⁹.

Разгром Франции означал развал и поражение антигерманской коалиции. Западноевропейские государства оказались неспособными противостоять фашистской агрессии, хотя их экономические и демографические возможности превышали экономический потенциал Германии. Однако французский народ не смирился с участием марионетки Гитлера. В стране развернулась национально-освободительная борьба – Движение Сопротивления¹⁵⁰. Внутри страны его возглавила Французская Коммунистическая партия, а за пределами Франции во главе борьбы за освобождение родины стал генерал Шарль де Голль, основавший, как мы уже отмечали, организацию «Свободная Франция».

¹⁴² Подробнее см.: Мэй Эрнст Р. Странная победа. М., 2009.

¹⁴³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 34.

¹⁴⁴ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 61, 62.

¹⁴⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 664.

¹⁴⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 216.

¹⁴⁷ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 34, 47; см. также Верт А. Франция. С. 51.

¹⁴⁸ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 34.

¹⁴⁹ Ibid. С. 35.

¹⁵⁰ См. Гренье Ф. Герои Шатобриана. М., 1962; Черкасов П.П. Возникновение Сопротивления во Франции и ФКП (22 июня 1940 г. – 22 июня 1941 г.) // ННИ, 1990, № 4.

Вот как описывает чувства французских патриотов на начальном этапе фашистской оккупации Александр Верт: «Люди сопротивлялись потому, что это был для них вопрос простого уважения к самим себе. Они не хотели признать окончательного поражения Франции. Вид нацистов, топчущих французскую землю, приводил их в негодование. Для них морально и физически невыносима была мысль, что от них ждут „признания” Гитлера и гитлеризма как части „французского образа жизни”. Так же невыносима для них была мысль, что, в то время как Лондон „держался”, а Красная Армия сражалась за Москву и воевала под Сталинградом, Франция „ничего не делала”»¹⁵¹.

Одновременно выявилась несостоятельность расчётов гитлеровского военно-политического руководства на то, что с разгромом Франции будет заключен мир с Англией и война на Западе окончится. Несмотря на тяжелейшее положение, в котором оказалась страна, правительство Черчилля не могло пойти на заключение мира с Германией, поскольку это привело бы к потере господствующего положения Великобритании в системе международных отношений. Англия, опираясь на гигантские ресурсы своей колониальной империи и всё возрастающую поддержку США, продолжала борьбу с Гитлером. Стратегическая задача вермахта – полностью обеспечить свой европейский тыл на период похода на Восток – оказалась невыполненной.

Оперативно-стратегическое планирование германского командования и ход боевых действий вермахта в Западной Европе показали, что в военном руководстве «третьего рейха» проявилась устойчивая тенденция к переоценке собственных возможностей и недооценке сил противника. Победа над Францией вскружила голову фюреру и его окружению. Они стали приписывать её «непревзойдённым» качествам вермахта и «гениальности» военного руководства во главе с Гитлером. Приобретённый во Франции опыт боевых действий стал абсолютизироваться, а формы и способы ведения операций на Западе были признаны универсальными и пригодными для применения в любых условиях и против любого противника.

Однако разгром западной коалиции изменил геополитическую ситуацию в Европе. Быстро высвободив свои вооружённые силы, рейх начал подготовку к новым агрессивным походам – к захвату Балкан и нападению на СССР. В свою очередь, Советский Союз, воспользовавшись сложившейся международной обстановкой, в июне 1940 г. поглотил Балтийские страны, а также Бессарабию и Северную Буковину. Весной 1941 г. Гитлер захватил Югославию и Грецию, обеспечив себе таким образом южный фланг в будущей антисоветской войне и угрожая британским владениям в Восточном Средиземноморье.

3. Битва за Англию¹⁵²

Гитлеровские «мирные предложения» англичанам. Сразу после капитуляции Франции гитлеровцы начали по дипломатическим каналам – через Швецию, США и Ватикан – зондировать почву для «урегулирования» отношений с Великобританией. 19 июля 1940 г., выступая в рейхстаге, фюрер официально обратился к Англии с предложением заключить мир. В августе, по личной просьбе Гитлера, свои услуги в качестве посредника предложил король Швеции¹⁵³.

Однако в британских правящих кругах понимали, что принятие германских условий означало бы установление ничем не ограниченного господства Германии в Европе и низведение Англии до уровня второразрядной державы. Категорически против сговора с Гитлером выступал и английский народ. Черчилль говорил, что любой английский кабинет, посмеявшийся заключить летом 1940 г. сделку с нацистами, был бы в 24 часа свергнут возмущённым народом. В этой ситуации, выступая 22 июля по радио, от имени правительства Галифакс отклонил «мирные» предложения гитлеровского руководства. Черчилль отметил, что «фактически это было не предложение мира, а готовность принять отречение Англии от всего того, во имя чего она вступила в войну»¹⁵⁴.

Тогда нацистская клика попыталась добиться своей цели иными путями: с одной стороны, угрозой военного вторжения на Британские острова расколоть английскую правящую элиту и выдвинуть на политическую авансцену мюнхенцев – как это произошло во Франции с приходом Петэна к власти; с другой – посредством воздушного террора английских городов сломить волю английского народа к сопротивлению и принудить его к капитуляции.

Воздушное сражение между германскими и английскими ВВС. 16 июля фюрер подписал «директиву № 16 о ведении войны» против Великобритании, более известную как «Морской лев»¹⁵⁵. Она начи-

¹⁵¹ Верт А. Франция. С. 172.

¹⁵² Дейтон Л. Битва за Англию. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 190-224; Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 133-138.

¹⁵³ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 45.

¹⁵⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 414-415.

Однако некоторыми историками выдвигаются абсолютно абсурдные тезисы, будто бы Черчилль сознательно отклонил превосходные и очень выгодные немецкие предложения с целью затянуть войну и столкнуть Германию и СССР. // См.: Blaga M.N. Secretul lui Churchill. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 9.

¹⁵⁵ Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 163-175.

налась с заявления о том, что Англия «не даёт ещё признаков готовности к соглашению», поэтому следует подготовить против неё «десантную операцию и, если окажется необходимым, провести её» с целью оккупации метрополии. 1 августа последовала новая директива – № 17, которая, по существу, подменяла предыдущую. В качестве «необходимой предпосылки окончательного сокрушения Англии» предусматривалось ведение более активной морской и воздушной войны против английского государства¹⁵⁶.

Таким образом, политические аспекты, в первую очередь, шантаж, оставались очень важными, если не сказать приоритетными, для нацистского руководства в его отношениях с Англией. Эту мысль подтверждают и многие немецкие военные – Рундштедт, Блюментритт, Паулюс, считавшие, что Гитлер до разгрома СССР всерьёз не думал о вторжении на Британские острова¹⁵⁷.

Весьма показательна в этом смысле и секретная переписка Гитлера с Муссолини. Полагая, что фюрер намерен вначале расправиться с Англией и только после этого обрушиться на Советский Союз, дуче ещё 26 июня 1940 г. писал своему союзнику, что Италия готова принять непосредственное участие в «штурме острова». Такого рода предложения о военной помощи были повторены, однако Гитлер всякий раз отвечал отказом¹⁵⁸. И лишь через год он потребует всё это от Муссолини – для нападения на СССР.

Конечно, нельзя утверждать, что у Гитлера не было намерений высадиться в Англии. «Сейчас, – говорил он, – начнётся воздушная война, которая в конечном итоге и решит вопрос о соотношении сил. Если результаты воздушной войны будут неудовлетворительными, мы приостановим подготовку к вторжению. Но если у нас сложится впечатление, что Англия терпит поражение и что воздушная война через определённое время достигнет желаемого результата, мы нанесём решающий удар»¹⁵⁹. Попытка вторжения могла быть предпринята, как сказал Йодль, «только если бы возник вопрос о нанесении последнего удара по противнику, который уже потерпел поражение в воздушной войне»¹⁶⁰.

План «Морской лев» не был блефом, но сроки его осуществления были поставлены в зависимость от результатов агрессии против страны Советов¹⁶¹. А до этого – было важно нейтрализовать Великобританию. Средством достижения данной цели нацистские заправилы избрали массовые террористические бомбардировки английских городов, промышленных объектов и аэродромов. Кроме того, по данным госсекретаря Корделла Хэлла, «воздушные налёты на Англию служили ширмой для подлинных и подробно разработанных планов и приготовлений для внезапного и сокрушительного нападения на Россию»¹⁶².

Данная «операция» была начата 15 августа 1940 г. А 7 сентября пираты Геринга начинают налёты на жилые кварталы английских городов, целиком снося их. Под нацистскими бомбами гибли тысячи мирных жителей, главным образом, женщины и дети. Однако расчёты фашистских извергов сломить моральный дух английского народа и открыть дорогу к власти профашистским элементам не оправдались. Находящийся в то время в Англии де Голль свидетельствует, что «англичане в своей массе готовились к борьбе не на жизнь, а на смерть... с большой самоотверженностью и дисциплинированностью перенося все тяготы военного времени... В этой стране не хватало лишь средств для ведения войны... Но создавалось впечатление, что англичане намереваются восполнить всё недостающее ценой собственной самоотверженности»¹⁶³.

В небе Англии стервятники Геринга потерпели сокрушительное поражение от английских ВВС и не смогли завоевать господства в воздухе, без чего вторжение на острова было немыслимо: немцы потеряли 1733 самолёта против 915 английских¹⁶⁴. В этих условиях не могло быть и речи о разгроме английской авиации, как хвастливо заявлял Геринг. Народ Англии был полон решимости сражаться до полной победы над Гитлером. Символом этой решимости являлся великий сын английского народа – Уинстон Черчилль¹⁶⁵. Премьер-министр Австралии говорил о нём: «Мысли о поражении не было места в его сердце»¹⁶⁶.

¹⁵⁶ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 46.

¹⁵⁷ Ibid. С. 46-47.

¹⁵⁸ Ibid. С. 47.

¹⁵⁹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942 гг. М., 1967. С. 63-64.

¹⁶⁰ Ibid. С. 64.

¹⁶¹ Эту мысль подтверждает и генерал З. Вестфаль. // Роковые решения. С. 59.

¹⁶² Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 342.

¹⁶³ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 130.

¹⁶⁴ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 116.

В одном официальном документе гитлеровского командования в этой связи отмечается, что «в августе-сентябре 1940 г. было потеряно более 2000 самолётов, и стало ясно, что средства, которыми располагает Германия, недостаточны для вторжения в Англию». // Восточный пакт и планы Германии. Из архивов третьего рейха. // ВИЖ, 1991, № 4. С. 7.

¹⁶⁵ В этом смысле очень показательным является мнение о Черчилле другого великого деятеля того периода – Ф.Д. Рузвельта. «Жизнь показала, – писал Эллиот Рузвельт, – что в этом вопросе английский народ согласился с отцом». Вот, что говорил президент своему сыну: «Не упускай из виду одно обстоятельство. У Уинни [уменьшительное от Уинстон] есть одна высшая миссия в жизни, – но только одна. Он идеальный премьер-ми-

Вот что говорил Р. Шервуд об англичанах того периода: «Описываемое время было их „великим моментом“, а Черчилль был признанным лидером, выразителем их дум и чаяний, живым символом их решимости отстоять свою свободу»¹⁶⁷. Находившийся в Великобритании в начале 1941 г., личный представитель американского президента Г. Гопкинс телеграфировал Рузвельту, что он абсолютно уверен в «решимости англичан защищать свой остров и, в конце концов, выиграть эту войну. У меня больше чем когда-либо укрепилось убеждение, что Черчилль руководит страной во всех отношениях великолепно и что вся нация его поддерживает»¹⁶⁸.

Отказ Гитлера от высадки на Британские острова. И всё же возникает вопрос – почему, фактически имея перед собой противника без сухопутной армии, заправили «третьего рейха» не предприняли попытку штурма Британских островов? На этот вопрос советским следственным органам дал ответ пленённый Паулюс: «Серьёзные опасения вызывало лишь соотношение сил на море. Вопрос сводился к следующему: удастся ли авиации свести на нет явное превосходство английского флота над немецким, особенно учитывая частые туманы в проливе?»¹⁶⁹. Как известно, этого нацистской авиации сделать не удалось. Не следует забывать, что «в конце июля против предложения генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) с резкими возражениями выступило командование военно-морских сил. Оно дало ясно понять, что флот не мог гарантировать переброску войск через Ла-Манш в том количестве и на таком фронте, какие были необходимы»¹⁷⁰.

Аналогичный ответ мы находим и у Черчилля: «Лично я из чисто военных соображений не возражал бы против германской попытки вторжения в Англию весной или летом 1941 года. Я считал, что противник при этом понёс бы самое сокрушительное поражение... Но именно по этой причине я был не настолько наивен, чтобы ожидать этого»¹⁷¹.

«Вторжение в Англию, – продолжал он, – летом и осенью 1940 года требовало от немцев установления местного превосходства на море и в воздухе, а также огромных флотов специального назначения и большого количества десантных судов. Но превосходством на море обладали мы; господство в воздухе завоевали тоже мы; и, наконец, мы считали – и, как теперь выяснилось, вполне обоснованно, – что немцы не строили и не предполагали строить никаких специальных судов... Даже в том случае, если бы в 1940 году немцы имели хорошо обученные десантные силы, оснащённые всей техникой современной десантной войны, всё равно выполнение их задачи было бы безнадёжным делом перед лицом нашей морской и воздушной мощи»¹⁷². Для успешной высадки на Британские острова Гитлеру следовало перестроить всю промышленность Германии и всей Европы с первоочередного обеспечения нужд сухопутной армии на создание превосходящего английский военный флот. Однако до разгрома СССР приступить к началу выполнения этой задачи было немыслимо.

Таким образом, Англию спасло само существование Советского Союза, что признает и Лиддел Гарт: «Англию можно было покорить, отрезав её от колоний с помощью всё усиливающейся морской и воздушной блокады. Но [Гитлер] не осмелился сосредоточить на этом усилия все свои ресурсы, пока на сцене оставалась Красная Армия»¹⁷³. О том свидетельствует и бывший гитлеровский адмирал Ф. Руге: «Импорт Англии резко сократился, положение стало критическим, однако Германия не могла дальше поддерживать свои усилия в этом направлении из-за приближения русской кампании»¹⁷⁴.

Данный вывод подтверждают и другие бывшие гитлеровские генералы и офицеры: «Высшие офицеры постепенно приходили к убеждению, что битва за Англию будет прекращена летом 1941 г. По мере поступления в немецкие штабы, находившиеся во Франции, длинных списков авиационных и других частей, подлежащих переводу на Восток, становилось всё яснее, что оставшиеся на Западе силы не смогут продолжать битву за Англию»¹⁷⁵. Или: подготовка к войне с Россией потребовала «перемещения на Восток крупных сил немецкой авиации. В связи с этим борьбу против Англии пришлось, в конечном счёте, приостановить»¹⁷⁶. И не случайно член английского парламента А. Вудборн заявил после 22 июня 1941 г.: «Все мы мало отдаём себе отчёт в том, что великая мощь России, даже находившейся вне войны, явилась свинцовой гирей на ногах у Гитлера, которая помешала ему прыгнуть на нас»¹⁷⁷.

нистр военного времени. Его основная, единственная задача заключается в том, чтобы Англия выстояла в этой войне... У него идеальный склад ума для военного руководителя. Но чтобы Уинстон Черчилль руководил Англией после войны? Нет, не будет этого!» // Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 54.

¹⁶⁶ Короленков А.В. М. Гильберт. Как руководил Черчилль во время войны. // ННИ, 2007, № 4. С. 209.

¹⁶⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 416.

¹⁶⁸ Ibid. С. 434.

¹⁶⁹ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., 1972. С. 190.

¹⁷⁰ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 63.

¹⁷¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 551.

¹⁷² Ibid. С. 424, 440.

¹⁷³ Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. М., 1966. С. 22-23.

¹⁷⁴ Ibid. С. 23.

¹⁷⁵ Роковые решения. С. 55.

¹⁷⁶ Мировая война. 1939-1945 годы. С. 427.

¹⁷⁷ Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. С. 24.

Отсюда вытекает, что второй аспект ответа на поставленный выше вопрос содержится в раскрытии главной цели, стоящей на тот момент перед Гитлером, – необходимости военного разгрома СССР. А после этого, считали фашисты, Англия сама падёт. Связи между отказом от «Зеелёве»* и признанием приоритета нападения на Советский Союз очень весомо подтверждают свидетельства Ф. Паулюса, данные им 3 мая 1946 г.: «При ретроспективном рассмотрении событий мне представляется, что для последовавшего отказа от этой операции существовали следующие причины:

- 1) Риск и боязнь потери престижа в случае неудачи операции.
- 2) Надежда заставить Англию пойти на мир под простой угрозой вторжения в сочетании с подводной войной и воздушными налётами...
- 3) Намерение не слишком ущемлять Англию, так как Гитлер издавна надеялся достичь с ней взаимопонимания.
- 4) Сформировавшееся уже летом 1940 года намерение Гитлера напасть на Россию...¹⁷⁸

Все вышеприведённые рассуждения позволяют сделать вывод, что главную цель войны Гитлер видел не в разгроме Англии... Если принять во внимание, что намерение Гитлера напасть на Россию родилось непосредственно вслед за войной против Франции,... то наличие определённой связи между этими намерениями Гитлера и отказом его от проведения десантной операции против Англии становится вполне вероятным»¹⁷⁹.

Позицию Паулюса подтверждает и Гальдер, который 31 июля 1940 г. записал в своём дневнике слова Гитлера: «Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадает от Англии... Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия»¹⁸⁰. Из этого следовал вывод о необходимости военного разгрома СССР не позднее весны 1941 года¹⁸¹, о чём дополнительно пойдёт речь ниже. В этих условиях фашисты не могли рисковать, обескровливая свою авиацию в боях над Великобританией. В своём обстоятельном исследовании Дж. Батлер отмечает, что прекращение воздушного немецкого наступления на Англию произошло «не потому, что немцы достигли какого-то успеха или, напротив, потерпели неудачу, а только из-за того, что основные силы немецкой авиации необходимо было бросить на Россию... Для участия в кампании в России военно-воздушные силы снимались также из Северной Африки и Греции... Вообще, поскольку Гитлер был поглощён подготовкой к вторжению в Россию, Великобритания получила желанную передышку на средиземноморском и других театрах военных действий»¹⁸².

Поэтому уже с июля 1940 г. к советским границам начинается переброска сухопутных частей вермахта и люфтваффе. И параллельно с этим, как будет показано далее, германскими секретными службами была развернута гигантская операция по дезинформации советского руководства. Дело представлялось таким образом, что не подготовка к высадке на острова является симуляцией, а наоборот – концентрация немецких войск у западной границы Советского Союза есть попытка отвлечь внимание англичан от стремления штурмовать их остров¹⁸³.

---

* Кодовое название операции по высадке на Британские острова.

¹⁷⁸ Насколько прав в своём третьем выводе Паулюс, мы уже говорили выше, и об этом ещё пойдёт речь далее. Однако ни о каком «хорошем отношении» фюрера к какой-либо стране, кроме Германии, не могло быть и речи. Более того, он неоднократно заявлял, что в случае, если Германия и немцы окажутся недостойны его, Гитлера, то пусть все погибнут (См., например: Рейнгард К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 года. М., 1980. С. 315). Тем более не мог этот маньяк питать какие-либо добрые чувства к Великобритании.

¹⁷⁹ См.: Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 191, 193.

¹⁸⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 80.

¹⁸¹ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 492; об этом говорил Варлимонту Йодль ещё 29 июля 1940 г. // Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 122-123.

¹⁸² Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 367, 489.

В принципе, данную точку зрения разделяет и немецкий военный историк, бывший генерал-майор вермахта А. Филиппи. // Филиппи А. Припятская проблема. М., 1959. С. 26.

Другие немецкие историки, В. Баум и Э. Вайхольд, также считают, что для Германии Средиземное море всегда было «второстепенным театром военных действий», а с нападением на Советский Союз «этот театр ещё дальше отходил на задний план». Действия на нём откладывали на время «после разгрома» Красной Армии – «война на востоке стала первенствующей». «С началом операции „Барбаросса“, – продолжил эту мысль А. Хильдебранд, – колониальные цели и планы создания заморской империи всё более и более отступали на задний план... Путь в Африку и к мировому господству должен был проходить через Россию и нашёл свой ...конец уже после краха немецкого наступления под Москвой в декабре 1941 г.». Аналогичные мнения высказывают и другие исследователи. Так, Г. Вейнерт верно подчеркнул, что крах операции «Барбаросса» заставил Гитлера «положить на полку» планы нападения на США и завоевания американского континента. // См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 158.

¹⁸³ Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991. С. 221, 222, 223.

Этот вывод подтвердил сам Гитлер на состоявшемся уже 31 июля в Бергхофе совещании с высшим командным составом вермахта. На нём он объявил, что подготовка операции «Морской лев» должна продолжаться, но лишь как маскировка планируемого нападения на СССР¹⁸⁴. Вполне естественно, что в этой обстановке сроки высадки гитлеровских войск в Англию переносились вновь и вновь, пока 19 сентября 1940 г. не последовал приказ фюрера о её откладывании «до дальнейших распоряжений»¹⁸⁵.

И эти распоряжения не заставили себя долго ждать, т.к. уже 12 октября ОКВ отдало следующий приказ: «Фюрер принял решение о том, чтобы приготовления к высадке в Англии с настоящего времени и до весны будущего года сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию»¹⁸⁶. На совещании в ставке вермахта 9 января 1941 г. Гитлер заявил, что «англичан поддерживает надежда на возможность вмешательства русских. Они лишь тогда откажутся от сопротивления, когда будет разгромлена эта их последняя континентальная надежда». Далее он заявил, что «не верит, что англичане „безнадёжно глупы“; если они не будут видеть никакой перспективы, то прекратят борьбу. Если они проиграют, то никогда не найдут в себе моральных сил сохранить империю. Если же они смогут продержаться, сформировать 30-40 дивизий, и если США и Россия окажут им помощь, тогда создастся весьма тяжёлая для Германии обстановка. Этого допустить нельзя...»

Разгром России будет для Германии большим облегчением. Тогда на Востоке необходимо оставить лишь 40-50 дивизий, численность сухопутной армии можно будет сократить и всю военную промышленность использовать для вооружения военно-воздушных и военно-морских сил»¹⁸⁷.

И уже на следующий день последовал приказ ОКВ: все приготовления к «Зеелёве» прекратить! 16 января Гальдер распорядился, чтобы сухопутные силы остановили штабную отработку операции. Когда же фюреру осторожно намекали на то, что возможно вермахту выгоднее «Зеелёве», он категорически отвергал всё, что могло бы помешать подготовке «Барбароссы» и разрешал лишь дезинформационные мероприятия на Западе, что и делалось вплоть до 21 июня 1941 г.¹⁸⁸

Суть эволюции планов нацистского руководства по дальнейшему ведению войны чётко отразили английские исследователи второй мировой войны Дж. Батлер, Дж. Гуайер: «К весне 1941 года его [т.е. Гитлера – С.Н.] взгляды на войну претерпели глубокие изменения. Он вообще не считал больше Великобританию и других западных союзников своими главными противниками, а на достижение окончательной над ними победы смотрел как на маловажную задачу. Все мысли его были поглощены совершенно новым предприятием – завоеванием Советского Союза»¹⁸⁹.

Фюрер надеялся вынудить Англию принять отвергнутые ею прежде предложения о мире посредством давления на неё. «Итак, – подводят итог упомянутые выше исследователи, – если рассматривать решение Гитлера напасть на Россию, до достижения победы на Западе, в этом свете, то оно уже не представляется столь опрометчивым или неразумным, каким казалось вначале. Гитлер, конечно, не мог сказать, сколько пройдёт времени, прежде чем Великобритания будет побеждена. Если бы в результате воздушных бомбардировок моральный дух английского населения был подорван и если бы пало правительство Черчилля, это могло бы произойти уже в 1940 году. Если же нет, война могла продолжаться ещё два-три года, пока морская блокада не принесла бы, наконец, своих результатов. Но Гитлер не мог ждать так долго и не заняться решением „русской проблемы“. С каждым днём Россия становилась сильнее и активнее, с каждым месяцем исчезала её „дружественность“ по отношению к Германии. И каждое новое свидетельство её усиления придавало англичанам новые надежды, хотя формально мы ещё не стали союзниками. Кроме того, Гитлер не мог не знать о всё возрастающей для него угрозе вступления в войну Америки. Если бы он прождал дольше, он мог бы в один прекрасный момент обнаружить, что уже не способен контролировать положение»¹⁹⁰.

Таким образом, «ошибка» Гитлера состоит лишь в одном – в том, что он начал мировую войну. При любой последовательности событий, в начале 1941 г. *шансов у Германии выиграть войну, при том скудном потенциале, которым она обладала, не было.*

Судьба Великобритании и её народа в планах Гитлера¹⁹¹. 11 июня 1941 г. Гитлер подписал «директиву ОКВ №32 – Подготовка на период после „Барбароссы“», в которой планировалось: «После окончания восточной кампании военно-морским и военно-воздушным силам следует в полном объёме возобновить осаду Англии»¹⁹². А после её захвата вся территория страны должна была быть передана

¹⁸⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 81.

¹⁸⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 1. С. 696.

¹⁸⁶ Ibid. С. 697; Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 128; Батлер Дж. Большая стратегия. С. 276-277.

¹⁸⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. М., 1967. С. 157-158; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 93.

¹⁸⁸ Безыменский Л. Разгаданные загадки... С. 275, 277; Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 114.

¹⁸⁹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 58; Батлер Дж. Большая стратегия. С. 489.

¹⁹⁰ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 64.

¹⁹¹ См.: Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 53-58; Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 136.

¹⁹² «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. С. 199-203; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 47-49; Безыменский Л.А.

под контроль немецкой администрации. Всех непокорных планировалось безжалостно истреблять¹⁹³. Английский историк К. Кларк пришёл к выводу, что целью фашистов было «ввергнуть английский народ в состояние полного и постоянного рабства»¹⁹⁴.

Высшие штабы СС занимал и вопрос, как большее унижить английский народ после его завоевания. В этом смысле, 26 августа 1940 г. в III отделе СД был составлен документ «Планы для Англии». Его составители выражали сожаление, что в Лондоне нет такого символа, каким был знаменитый вагон в Компьене, в котором была подписана капитуляция Франции. «Однако, — отмечалось в нём, — со времени Трафальгарской битвы колонна Нельсона стала для Англии символом британской морской мощи и мирового господства. Если увезти колонну Нельсона в Берлин, то это было бы весьма эффектной демонстрацией германской победы»¹⁹⁵.

Установление в Англии нацистского «нового порядка» поручалось Гиммлеру. Эсэсовскую службу в Англии должен был возглавить некий штандартенфюрер СС Ф.А. Сикс, которому было поручено и «очищение Москвы от нежелательных элементов». Весьма примечательное совпадение: палач Москвы должен был стать и палачом Лондона! И Сикс подготовил всё, чтобы «оправдать оказанное ему высокое доверие» и сразу же после оккупации острова подвергнуть англичан кровавому террору. Первым делом был составлен список из 2700 лиц, в который вошёл весь цвет британской интеллигенции — учёные, писатели, артисты, члены парламента, церковные деятели и др. Все они подлежали немедленному уничтожению. Черчилль был в этом списке 48-м, там же находился и лорд Бивербрук^Г. Возле каждого крупного английского города предполагалось строительство гигантского концентрационного лагеря.

Чтобы покончить с английской государственностью, всю территорию Британских островов гитлеровцы планировали разделить на шесть частей. Экспроприации подлежали запасы продовольствия, топлива, сырья, средства транспорта. В нацистских верхах обсуждался вопрос: оставлять англичанам уголь для отопления помещений или нет. В качестве «имперского комиссара», т.е. наместника фюрера в Англии, предлагалась кандидатура Риббентропа. Англия, по словам Гитлера, должна была испытать такую встряску, какой она не знала со времён норманнского нашествия¹⁹⁶.

Приказом Браухича, сразу после оккупации страны всё работоспособное мужское население в возрасте от 17 до 45 лет должно было быть незамедлительно интернировано и выслано в Коми АССР и на Северный Урал. За каждого убитого немецкого солдата предполагалось казнить от 10 до 100 человек, а в случае сопротивления — уничтожить всю общину¹⁹⁷. Совсем как в Лидице¹² или Орадур сюр Глен¹³. Нацисты посягали не только на государственность английского народа, но и на само его физическое существование¹⁹⁸. И этим изуверским планам суждено было сбыться сразу после победоносного завершения «блицкрига» против советского государства.

Гитлеровская клика имела также и тщательно разработанные планы захвата Швеции и Швейцарии¹⁹⁹. «Шведов, — говорил Гитлер в ноябре 1941 г., — мы переселим на Восток, так же, как норвежцев, датчан и голландцев. Это будут члены рейха». Швейцарию нацисты намеревались ликвидировать, а швейцарцев расселить по всему рейху и использовать как обслуживающий персонал в гостиницах и ресторанах²⁰⁰. Не самая хорошая перспектива для тех, кто сожалеет о том, что Германия потерпела поражение в войне.

Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964. С. 222-224; Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М., 1989. С. 31.

¹⁹³ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 552.

¹⁹⁴ Цит. по: Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 101.

¹⁹⁵ Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. С. 269.

^Г Примечание научного редактора: Уильям Бивербрук — глава одной из крупнейших газовых монополий Англии, газетный магнат, поддерживал Консервативную партию, решительный сторонник борьбы с гитлеровской Германией.

¹⁹⁶ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 102, 103.

¹⁹⁷ Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 53; Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. С. 266.

¹² Примечание научного редактора: После совершённого в конце мая 1942 г. под Прагой, недалеко от посёлка Лидице, английскими парашютистами-диверсантами чешского происхождения покушения на «нацистского Люцифера», любимца Гитлера и одновременно начальника Главного имперского управления (государственной) безопасности, а также «протектора» Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха, вскоре скончавшегося, Лидице был сожжён дотла, все мужчины, 173 человека, расстреляны, а дети и женщины отправлены в концлагерь, где большинство и скончалось. // См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лидице>.

¹³ Примечание научного редактора: 10 июня 1944 г. эсэсовцы дивизии «Рейх», в ответ на похищение офицера СС, вымещая свою злобу на французских патриотах, поднявшихся на всенародное восстание, варварски истребили всё население деревни Орадур сюр Глен. Погибли 634 человека. Мужчин расстреляли, а около 400 женщин и детей заперли в церкви и сожгли. // См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Орадур-сюр-Глен>

¹⁹⁸ См. Лещинский Л.М. Операция «Морской лев». С. 40-45.

¹⁹⁹ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., 1972. С. 263.

²⁰⁰ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 106.

ГЛАВА 9. НАПАДЕНИЕ ГИТЛЕРА НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИИ НА СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

1. Человеконенавистнические планы нацистов

Цели фашистской Германии в войне против СССР. Советский Союз являлся основным препятствием на пути Гитлера к установлению мирового господства германского империализма. Однако, кроме захвата советской территории, преследовалась и цель уничтожения советского общественного строя, как главной цитадели мирового коммунизма. Война против СССР рассматривалась фашистами как особая война, в которой они делали ставку на физическое истребление большинства советских людей. Как свидетельствует начальник Генерального штаба сухопутных сил Ф. Гальдер, 30 марта 1941 г., на совещании руководящего состава вермахта, Гитлер говорил: «Речь идёт о борьбе на уничтожение... На Востоке сама жестокость – благо для будущего»¹.

О преступных целях фашистского руководства по отношению к народам Восточной Европы говорит и т.н. план «Ост»². Он предусматривал уничтожение миллионов людей и превращение оставшихся в рабов рейха. «Эти просторы, – говорил Гейдрих, – должны быть нашей сырьевой базой, а их жители... должны нам служить как рабы»³. В течение 30 лет планировалось выселение от 50 до 85 процентов населения Прибалтийских стран, Западной Украины, Белоруссии, Польши – всего около 51 млн человек. На «освободившиеся» земли намечалось переселить 10 млн немцев, а оставшихся местных жителей постепенно онемечить⁴.

«Фашисты обдуманно планировали умерить с голоду миллионы советских граждан! ...Как известно, и Геринг, и Розенберг заявили, что продовольствие будет выкачано, и что „необходимо совершенно чётко и полностью понять это“. Эти планы не были всего лишь бредовыми и злобными фантазиями извращённых умов и душ таких людей, как Гитлер, Геринг, Гиммлер и Розенберг. В течение многих недель и месяцев, как видно из архивных документов, сотни немецких чиновников трудились за своими письменными столами в ласковом свете весенних дней, складывая цифры и составляя докладные записки, в которых хладнокровно калькулировали убийство миллионов людей. С помощью голода в данном случае»⁵.

В середине июня 1941 г. германское правительство утвердило составленные Герингом «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях» (т.н. «Зелёная папка»). В них подчёркивалось: «получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской промышленности должны быть предоставлены и другие сырьевые продукты»⁶. Для руководства разграблением советских территорий 29 апреля 1941 г. на совещании Гитлера с руководством вермахта был образован специальный экономический штаб «Ольденбург» во главе с Герингом.

Нацисты намеревались «разгромить русских как народ, разобщить их», разделить территорию Советского Союза, «населяемую русскими, на различные политические районы с собственными органами управления» и «обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие»⁷. Советское государство подлежало расчленению и полной ликвидации⁸. На его территории предполагалось образовать четыре рейхскомиссариата – «Остланд», «Украина», «Москва» и «Кавказ» – управление которыми должно было осуществляться специальным «восточным министерством» во главе с А. Розенбергом⁹. Этот последний, в свою очередь, отмечал, что «речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело, скорее, заключается в том, чтобы уничтожить русских как народ»¹⁰. Генеральным планом

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 430-431.

² Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы. М., 1960. С. 225-236; Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. С. 336, 340-358.

³ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. М., 1970. С. 38.

⁴ Ibid. С. 227-232; Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. С. 353, 354.

⁵ Ширер У.Л. План «Барбаросса». // От «Барбароссы» до «Герминала». Взгляд с Запада. С. 43, 44.

⁶ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 66-67; «Зелёная папка» Геринга. // ВИЖ, 1991, № 4, 5.

⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 101.

⁸ Так, например, при обсуждении нападения на СССР в генеральном штабе, Гитлер заявил: «Частью нашей борьбы должно стать уничтожение России. Весной 1941 года. Чем скорее Россия будет сокрушена, тем лучше. Нападение достигнет цели только в том случае, если после одного удара русское государство рассыплется вдребезги. Простого захвата территории страны недостаточно... Целью является уничтожение людских ресурсов России». // Мендкович Н. Нацизм как система преступлений. // Великая обманная война-2. М., 2008. // http://militera.lib.ru/research/pyhalov_dukov/index.html.

⁹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 18.

¹⁰ «Зелёная папка» Геринга. // ВИЖ, 1991, № 4, 5; Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 63.

«Ост» намечалось истребление русской интеллигенции как носителя культуры народа, его научных и технических знаний, а также искусственное сокращение рождаемости¹¹.

Немецким солдатам и офицерам официально разрешалось творить преступления на захваченной территории СССР. 13 мая 1941 г. германское правительство утвердило директиву «О военной подсудности в районе „Барбаросса” и об особых полномочиях войск», в которой предписывалось применять к советским людям «массовые насильственные меры» и с военных снималась всякая ответственность за преступления против гражданского населения «даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление». В изданной для личного состава гитлеровской армии «Памятке немецкого солдата» откровенно говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай...»¹² Для советских людей, оказавшихся в плену, предписывалось создавать режим нечеловеческих условий и террора¹³. Фашистская Германия готовилась уничтожить советское государство, истребить большинство его граждан, а оставшихся в живых превратить в рабов.

Уже после начала антисоветской войны, 16 июля 1941 г. Гитлер созвал на совещание Геринга, Кейтеля, Розенберга, Ламмерса, Бормана и объявил основные территориальные требования к Советской России: Прибалтика, Кольский полуостров, Крым и «районы севернее его», Республика немцев Поволжья, Бакинский нефтяной район включались в состав «третьего рейха»; Бессарабию и Одессу фюрер

¹¹ «О войне против Советского Союза справедливо говорится, что она была „самой захватнической, порабощительной и кровопролитной” войной нового времени», отмечает (со ссылкой на: Nolte Ernst. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 463) немецкий историк Юрген Фёрстер. // Фёрстер Ю. Вермахт против СССР: война на уничтожение. // http://www1.yadvashem.org/yv/ru/pdf/yad_vashem_studies/foerster.pdf; <http://www.historicus.ru/534/>.

¹² Великая Отечественная война. С. 40.

¹³ См.: Штрайт К. Они нам не товарищи. // ВИЖ, 1992, № 1-12; 1993, № 5-6; 1994, № 2-6; Шнеер А. Плен. Иерусалим, 2003.

И действительно, из советских военнопленных 1941 года к концу войны остались в живых 1,1 млн человек. А общее число военнопленных составило 5,8 млн человек. Из них погибло около 4 млн. // Самсонов А.М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений – к великой победе. М., 1991. С. 37.

В этой связи, английский историк Энтони Бивор приводит следующий, очень показательный эпизод, правда, касающийся уже 1945 года: «Советское наступление понуждало немцев к срочной эвакуации не только концентрационных лагерей, но и лагерей для военнопленных. По заснеженным дорогам потянулись колонны узников. Их охрана вряд ли имела представление о конечном пункте этого марша. Однажды вечером группа британских военнопленных догнала колонну бывших военнослужащих Красной Армии. Советские пленные оказались одеты совсем не по-зимнему и даже не имели обуви. Их ноги были обернуты какими-то тряпками. „Изможденные бледные лица, – писал впоследствии Роберт Ки, – резко контрастировали с черными бородами измученных людей. Только глаза выдавали в них наличие чего-то человеческого, чего-то очень слабого, затаенного, но все же человеческого. Именно эти глаза посылали последний отчаянный призыв о помощи”. Британцы стали рыться в своих карманах и бросать советским пленным различные предметы: кто-то мыло, кто-то сигареты. Одна из пачек упала слишком далеко. Русский пленный отошел чуть в сторону, чтобы подобрать ее, но тотчас же подбежал охранник-фольксштурмовец и раздавил пачку. Затем он стал бить пленного прикладом винтовки. Среди британцев раздался гул возмущения. Охранник такого поворота событий не ожидал. Он прекратил избивать русского и в недоумении уставился на колонну англичан. Жестокость в обращении с узниками лагерей стала настолько привычной для него, что любой ропот возмущения казался ему просто невыносимым. Тогда он стал угрожать своей винтовкой англичанам, но ропот среди них все равно не умолкал. В конце концов порядок был установлен охраной самой британской колонны, а фольксштурмовец отошел к русским. „Мой Бог! – сказал один из товарищей Ки. – Я заранее прощаю русским все, что они сделают с этой страной, когда придут сюда. Абсолютно все”». // Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/04.html>.

В этом же контексте, тот же автор приводит и другой эпизод, имевший место в самом конце войны и доказывающий, что многие немцы понимали весь масштаб совершённых ими преступлений: «Шестнадцатилетний берлинец Дитер Борковски стал свидетелем следующей сцены, разыгравшейся на переполненном Ангальтском железнодорожном вокзале. „На лицах людей запечатлелась печать ужаса, – вспоминал он. – Сами они находились в состоянии гнева, перемешанного с отчаянием. До этого я никогда не слышал столько проклятий. Внезапно шум в нашем вагоне был прерван сильным голосом: „Тихо!” Мы увидели невзрачного запачканного солдата. На его гимнастерке было два Железных и один Золотой крест, а на рукаве светился значок с изображением четырех металлических танков. Это означало, что он уничтожил в ближнем бою четыре вражеских танка. „Мне нужно вам что-то сказать! – прокричал солдат, и весь вагон мгновенно замер. – И если вы даже не хотите меня слушать, прекратите скулить. Мы должны выиграть эту войну. Мы не должны терять мужества. Если войну выиграют другие и если они сделают с нами лишь малую часть того, что мы сотворили на оккупированных территориях, то всего через пару недель от Германии ничего не останется». В вагоне стало настолько тихо, что можно было услышать, как падает иголка”». // Бивор Э. Падение Берлина. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/12.html>.

«отдавал» Румынии; Ленинград планировал сровнять с землёй и после этого вместе с Карелией передать Финляндии. Все остальные районы до Урала следовало оккупировать и действовать в них по принципу: расстреливать каждого, кто хотя бы косо глянул¹⁴.

Нацистские планы по уничтожению евреев. В главном штабе СС существовало ведомство по расовым проблемам (Грейфельт), в гестапо – отдел по «еврейским делам» (Эйхман), в МВД – такой же отдел (Глобке). Они приступили к своему чёрному делу ещё в 1933 г.

Но самые решительные действия по уничтожению еврейского населения Европы откладывались нацистами на то время, когда, по их расчётам, будет разгромлен Советский Союз. 20 января 1942 г. в ставке Гитлера решили, что это время настало. В этот день Гейдрих собрал в своей берлинской резиденции близ озера Ванзее представителей высших органов власти и сообщил, что отныне расправа с еврейским населением вступает в новую стадию. «Вместо вывоза^{*} теперь в качестве возможного решения появляется эвакуация евреев на Восток... Однако и эти акции следует рассматривать как временные, потому что нам предстоит собрать некоторый практический опыт, который будет важен для предстоящего окончательного решения еврейского вопроса... Ходом этого окончательного решения, – продолжал Гейдрих, – будет охвачено около одиннадцати миллионов евреев»¹⁵. И далее, т.н. «протокол Ванзее» предусматривает уничтожение (по странам) одиннадцати миллионов граждан еврейской национальности¹⁶.

Такова была «разнарядка» Гитлера, выполнение которой поручалась Гейдриху, а Гейдрих перепоручил её Эйхману. Как известно из признаний самого Эйхмана, к 1945 г. он «не успел» выполнить этот дьявольский план. В порыве откровенности он признался своему коллеге-эсэсовцу, что уничтожил «только» шесть миллионов человек...

Предпосылкой для такой расправы была «свобода рук» на востоке Европы. В протоколе значилось, что «в ходе окончательного решения надо отправлять евреев под соответствующим руководством на трудовые работы на Восток. Работоспособных евреев направлять большими колоннами, разделив мужчин и женщин, причём большинство из них, разумеется, будет погибать в результате естественной смерти... При практической реализации окончательного решения всю Европу надо прочесать с Запада на Восток... Эвакуируемых евреев размещать в транзитных гетто, а затем транспортировать на Восток»¹⁷.

Планирование антисоветской войны. «С лета 1940 г. мысль об уничтожении Советского Союза стала составной частью планов Гитлера относительно дальнейшего ведения войны. Надо сказать, что эта мысль ещё задолго до своего осуществления являлась определяющим фактором его стратегии»¹⁸. Вскоре после разгрома Франции, 21 июля 1940 г. главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич получил приказ – начать разработку детального плана войны на Востоке¹⁹. Его основным разработчиком стал генерал Э. Маркс. План войны против СССР предусматривал уничтожение СССР. 31 июля 1940 г. на совещании руководящего состава вооружённых сил Гитлер заявил: «В соответствии с этим... Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года»²⁰. Продолжительность войны против СССР определялась в несколько недель, и её завершение намечалось на осень 1941 г. В этом контексте немецкий исследователь истории второй мировой войны Г.-А. Якобсен писал, что «тогда Германия сможет считать себя „неограниченным господином“ в Европе и на Балканах!»²¹.

¹⁴ «Расстрелян будет всякий, кто проявляет бездействие». Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза. 16 июля 1941 г. // ВИЖ, 1994, № 3. С. 70-72; Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 204-205.

^{*} Вероятно, имеется в виду план депортации всего еврейского населения Европы на о. Мадагаскар.

¹⁵ Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 210.

¹⁶ Ibid. С. 211.

¹⁷ Ibid. С. 210-212.

О решении «еврейского вопроса» – т.е. об уничтожении сотен тысяч евреев румынскими фашистами – самым верным союзником Гитлера Ионем Антонеску см.: *Procesul Marii Trădări Naționale*. Buc., 1946; *Martiriul evreilor din România. 1940-1944. Documente și mărturii*. Buc., 1991; *Mezincescu E. Mareșalul Antonescu și catastrofa României*. Buc., 1993; *Pelin M. Legendă și adevăr*. Buc., 1994; *Procesul lui Ion Antonescu*. Buc., 1995; *Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniștri*. Buc., 1996; Левит И. Пепел прошлого стучит в наши сердца. Холокост. Кишинёв, 1997; Левит И. Холокост в Бессарабии в кривом зеркале господина Петренку. Кишинёв, 1999; Benjamin L. *Bazele doctrinare ale antisemitismului antonescian*. // *Dosarele istoriei*. 2002, Nr. 6; *Deletant D. Antonescu și Transnistria*. // *Magazin Istoric*, 2005, Nr. 6, 7; *Nazaria S. Holocaust: file din istorie (pe teritoriul Moldovei și în regiunile limitrofe ale Ucrainei)*. Chișinău, 2005; *Назария С. Холокост: страницы истории (на территории Молдовы и прилегающих областях Украины)*. Кишинёв, 2005; *Назария С. Ответственность Румынского фашистского государства за Холокост на оккупированных территориях Молдовы и Украины в 1941-1944 гг.* // *История Холокоста в Одесском регионе. Сборник статей и документов*. Одесса, 2006; *Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România*. Buc., 2005 и др.

¹⁸ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 165; об этом же см.: Бутлар Э. Война в России. // *Мировая война*. С. 148.

¹⁹ К вопросу о подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза. // ВИЖ, 1959, № 2; С. 65.

²⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 80.

²¹ Якобсен Ганс-Адольф. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы. // *Вторая мировая война: Два взгляда*. – М.: Мысль, 1995 (<http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>).

Считалось, что советские войска не будут уклоняться от решительных сражений в приграничных районах, не смогут быстро отойти в глубь своей территории и будут разгромлены. Главный удар намечалось нанести из Польши и Восточной Пруссии на Москву. Основной группировке ставилась задача уничтожить главные силы Красной Армии на западном направлении, овладеть Москвой и северной частью Советского Союза, а затем повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с южной группировкой занять Украину. В итоге предполагалось выйти на рубеж Ростов – Горький – Архангельск.

Однако данный вариант плана был отвергнут, а его дальнейшая разработка была продолжена в Генеральном штабе сухопутных войск (ОКХ) под руководством генерал-лейтенанта Ф. Паулюса, и параллельно – в Штабе оперативного руководства верховного главнокомандования (ОКВ) под руководством генерала А. Йодля. Новый проект был представлен 15 сентября 1940 г. и имел свои особенности. Он допускал возможность организованного отхода советских войск в глубь страны и нанесение контрударов по растянувшимся в ходе наступления немецким группировкам. Считалось, что, в случае упорного сопротивления советских войск в приграничном сражении, для вермахта сложится самая благоприятная ситуация, т.к. при таком развитии событий немецкие объединения за счёт своего превосходства в силах, средствах и маневренности быстро нанесут поражение Красной Армии, после чего её планомерное отступление станет невозможным.

Предполагалось вести боевые действия одновременно на трёх стратегических направлениях: киевском – группа армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт), московском – группа армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок) и ленинградском – группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб). К войне против СССР привлекались Румыния, Венгрия и Финляндия. Этот план ещё неоднократно дорабатывался до середины ноября и первоначально получил наименование «Отто». 5 декабря он был представлен фюреру, который одобрил его и подчеркнул необходимость недопущения планомерного отхода советских войск. Основное внимание уделялось московскому направлению, на котором сосредоточивались главные силы. Завершить кампанию намечалось до наступления зимних холодов.

Вечером 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 на развёртывание военных действий против СССР, которая получила кодовое наименование «Барбаросса»²². «Конечной целью операции, – говорилось в директиве № 21, – является создание защитного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, оставшийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации»²³. Решение Гитлера о нападении на СССР английские исследователи Батлер и Гуайер оценили как «самое роковое из всех, какие он когда-либо принимал»²⁴. Всего для нападения на СССР выделялось 190 дивизий (из которых 152 немецкие), в том числе 19 танковых и 14 моторизованных. «В количественном отношении, – пишет Б. Мюллер-Гиллебранд, – они составляли около 75% действующей армии, фактически же это была большая часть боевой мощи, так как остальные 56 дивизий, как правило, не представляли собой полноценных соединений»²⁵.

Однако гитлеровское руководство беспримерно переоценило свои силы и возможности и сильно недооценило численность и боеспособность советских войск, дислоцированных в приграничных округах и расположенных в глубине страны, и в целом способность Советского Союза вести войну²⁶. Военный атташе Германии в СССР Кестринг считал, что для перевооружения и подготовки Красной Армии потребуется ещё четыре года. За этот вывод, легший в основу расчётов сроков «Барбароссы», ему после начала войны пришлось поплатиться карьерой²⁷. 30 апреля 1941 г. главнокомандующий сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршал Браухич заявил по поводу будущих боевых действий на Востоке, что предстоят «предположительно крупные приграничные сражения продолжительностью до 4 недель. В дальнейшем следует ожидать лишь незначительного сопротивления»²⁸.

Нападение на советское государство намечалось осуществить 15 мая 1941 г. А 3 февраля 1941 г. на совещании в Берхтесгадене Гитлер в присутствии Кейтеля и Йодля заслушал подробный доклад Браухича и Гальдера о плане войны против СССР, одобрил его и заверил генералов, что план будет успешно выполнен: «Когда начнётся осуществление плана „Барбаросса“, мир затаит дыхание и замрёт»²⁹. В

²² См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 149-153; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 86-89, 91-93; Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 198-203; Филиппи А. Припятская проблема. С. 158-166; ВИЖ, 1991, № 3. С. 30-38; Pandeia A. Aliații Reih-ului pe Frontul de Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 6.

²³ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 199; История второй мировой войны. Т. 3. С. 236.

²⁴ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 61.

²⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 2. С. 148.

²⁶ Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки, 1933 – 1945. М., 1991. С. 161, 385-397; Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война 1939-1945 годов. С. 163.

²⁷ Анфилов В.А. Провал плана «Барбаросса». М., 1986. С. 15.

²⁸ Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 14.

²⁹ История второй мировой войны. Т. 3. С. 239.

конце апреля военно-политическое руководство Германии окончательно установило дату нападения на Советский Союз – воскресенье, 22 июня 1941 г. Перенесение сроков с мая на июнь было вызвано необходимостью передислоцировать к советским границам силы, принимавшие участие в агрессии против Югославии и Греции.

Хотя в письме к Муссолини 21 июня 1941 г. Гитлер и отмечал, что принял «самое трудное» в своей жизни решение и что борьба против СССР будет не лёгкой, он, тем не менее, не сомневался в её окончании до зимы 1941 г. Вот как объяснил он выбор момента нападения: «Англия проиграла эту войну. С отчаянием утопающего она хватается за каждую соломинку, которая в её глазах может служить якорем спасения... Британские поджигатели войны направляют всё время взоры туда, откуда они пытались начать войну: на Советский Союз. Позади этих государств стоит в позе подстрекателя и выжидающего Североамериканский Союз»³⁰. Далее он поясняет, что в этих условиях Германия не имела более времени. Однако, как казалось нацистским главарям, всё складывается прекрасно. Никаких сомнений в быстрой победе у них не было: «Что касается борьбы на Востоке, дуче, то она определённо будет тяжёлой. Но я ни секунды не сомневаюсь в крупном успехе»³¹.

Давая генерал-фельдмаршалу Браухичу первые конкретные указания о разработке плана «Барбаросса», Гитлер предполагал провести эту операцию за пять месяцев. Однако профессиональные военные, принимавшие участие в его разработке и винившие впоследствии Адольфа Гитлера за авантюризм и сумасбродство, предусматривали совершенно иные сроки: генерал Эрих Маркс предполагал, что «Барбароссу» можно будет провести за 9-17 недель, полковник Зоденштерн – за 16 недель, генерал Паулюс – за 8-10 недель, фельдмаршал Браухич – за 6-8 недель³². «Подготовка операции „Барбаросса“ проходила в атмосфере такого оптимизма и такой уверенности в победе, – пишет немецкий историк Рейнгардт, – каких сегодня нельзя даже понять»³³.

Общим для всех вариантов было отрицание жизнеспособности советского государства. «Колоссом на глиняных ногах» называли они Советский Союз и слепо верили в этот бред. Гитлер уверял всех, что после первых недель боёв «русские пойдут на капитуляцию вследствие развала строя». Генерал К. Типпельскирх свидетельствует: «Следует ожидать, – говорил Гитлер в беседе с командующими армиями 5 декабря 1940 года, – что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит ещё большее поражение, чем армия Франции в 1940 году». В другом разговоре с командующими армиями, происходившем 9 января 1941 года, он дополнил это высказывание, заявив, что «русские вооружённые силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, и они плохо оснащены»³⁴.

Генерал-фельдмаршал Кейтель внушал В. Шелленбергу^г, что «запланированные фюрером меры так эффективны, что советская система не выдержит». И далее шеф разведки отмечает: «По мнению фюрера, мы сможем сейчас напасть на Россию без всякого риска ввязаться в войну на два фронта. Но если мы сейчас не используем этот шанс, нам надо ожидать вторжения с Запада, причём, к тому времени Россия уже так окрепнет, что мы не сможем себя защитить, если она на нас нападёт»³⁵. 9 мая 1941 г. будущий генерал Г. Блюментритт говорил: «Наши войска превосходят русские опытом, выучкой и вооружением, не говоря уже о командовании, нашей организации и подготовке. Первые 8-14 дней нам придётся вести жестокие бои, а затем придёт неизбежный успех, и мы, как всегда, победим»³⁶. В этом контексте оценивая планы нацистского руководства, Лиддел Гарт писал, что «решение напасть на Россию оказалось наиболее роковым и гибельным из всех важнейших стратегических решений Гитлера»³⁷.

По оценке В.И. Дашичева, одной из наиболее характерных особенностей гитлеровского стратегического руководства было отсутствие чувства реальности, недооценка сил и боевых качеств противника. Это самым пагубным образом отразилось на стратегии фашистской Германии. «Сказать, что про-

³⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 186-190.

³¹ Ibid. 189.

³² Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 15-16.

³³ Рейнгард К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 года. М., 1980. С. 34.

³⁴ Типпельскирх К. Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны. // Итоги второй мировой войны. С. 73; Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 14.

Одной из главных причин такого мнения Гитлера о боеспособности Красной Армии явились сталинские репрессии, обескровившие её руководство. // См. Романичев Н.М. «Красная Армия всех сильнее»? // ВИЖ, 1991, № 12. С. 2-3.

В. Варлимонт приводит фразу Гитлера, переданную ему со слов Йодля: «Русский колосс окажется свинячьим пузырьком; ткни его, и он лопнет». // Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 156.

^г Примечание научного редактора: Вальтер Шелленберг – начальник 6-го управления РСХА (разведка).

³⁵ Шелленберг В. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 192.

³⁶ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». М., 1987. С. 32.

³⁷ Лиддел Гарт Б. Важнейшие стратегические решения. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 33.

тивник силён, умён, искусен, считалось в вермахте чуть ли не пораженчеством. Необъективность, предвзятость, чванливость при оценке сил и боевых возможностей Красной Армии стали одной из важных причин тяжелейших катастроф немецко-фашистских войск»³⁸. Об этом же пишет и К. Рейнгардт: «Когда немецкое руководство получало информацию о России... не соответствовавшую его собственным представлениям, то эта информация игнорировалась или признавалась неправдоподобной»³⁹. Следует, однако, признать, что многие из вышеназванных недостатков планирования были свойственны и сталинскому режиму, о чём пойдёт речь ниже.

В этих условиях и германская разведка, находясь под воздействием тенденциозных умонастроений нацистских верхов и генералитета, допустила множество принципиальных просчётов при оценке возможностей Советского Союза. Она сумела раздобыть относительно верные сведения лишь о советских войсках первого стратегического эшелона, расположенных в приграничных округах, т.е. по линии Западная Двина – Днепр, и убедить политическое руководство «третьего рейха», что с их разгромом война победоносно завершится. Как указывал известный советский историк Д. Проэктор, «германская разведка допустила принципиальную и решающую недооценку советского военного потенциала в целом. Она просчиталась в определении возможности перестройки советского народного хозяйства на военный лад. Она глубоко ошиблась в оценке сил Красной Армии, военного искусства её полководцев. Она недооценила мобилизационные возможности Советского Союза, темпы мобилизации Красной Армии, преуменьшила способность советского Верховного Командования быстро развернуть стратегические резервы в первых кампаниях войны и перебросить их из внутренних округов на театр военных действий»⁴⁰.

В контексте вышеизложенного, при анализе «Барбароссы» возникает вопрос: могли ли три группы армий после начала военных действий, в связи с постоянно меняющейся ситуацией, решить свои задачи в принципе и, в частности, без взаимной поддержки и переброски войск из одной группы в другую. Ответ на данный вопрос только один – нет! Он возник также и в связи с тем, что в ходе выполнения «Барбароссы» командующие группами армий постоянно выражали недовольство тем фактом, что такие перегруппировки производились регулярно. Более того, когда «Барбаросса» провалилась и ни одна группа армий не выполнила поставленной перед ней задачи, все командующие стали винить в этом своих соседей, которые-де потребовали от верховного командования снятия сил с их направления для выполнения своих задач (ниже мы приведём пример такого рода в связи с приостановкой наступления на Москву и временную переброску танковой группы Гудериана для окружения Киева). Рундштедт не мог наступать на Украине без поддержки Бока, Лееб не мог продвигаться к Ленинграду, не забрав часть войск у того же Бока, Бок винил Лееба и Рундштедта в том, что не удалось взять Москву.

Вывод ясен до категоричности: план «Барбаросса» изначально, по сути своей был авантюристичен и невыполним из-за недостаточности сил и средств, выделенных на его реализацию. А это, в свою очередь, определялось недостаточным военно-экономическим потенциалом Германии. Как выразился в этом смысле известный историк Лев Безыменский, «в итоге хваленый план „Барбаросса“ оказывался не чем иным, как тришкиным кафтаном»⁴¹. Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт после окончания войны без обиняков заявил допрашивавшим его офицерам союзников: «Я обнаружил вскоре после начала вторжения, что всё написанное о России было чепухой»⁴². Знаменитый командующий танковой армией генерал-полковник Г. Гот сделал такой вывод: «Будущий историк придёт к заключению, что, если учитывать военную обстановку, то нападение на Россию было политической ошибкой и поэтому все военные усилия с самого начала были обречены на провал»⁴³. И Гот не ошибся, т.к. после войны многие историки пришли к выводу, что «когда в июне 1941 года Гитлер вторгся в Россию» – он принял «наиболее безрассудное из всех своих решений»⁴⁴.

Уже после войны некоторые немецкие генералы, в частности Гальдер, пытались всю вину за «Барбароссу» свалить на Гитлера*. По этому поводу Уильям Ширер писал, имея в виду именно Гальдера: «Хотя позднее он будет утверждать, что якобы был против самой идеи нападения на Россию, считая её безумной, его запись в дневнике за этот день свидетельствует об энтузиазме, с которым он взялся за это сложное новое задание... После войны, – продолжил далее американский историк, – Гальдер с из-

³⁸ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 9.

³⁹ Рейнгард К. Поворот под Москвой. С. 34.

⁴⁰ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 238.

⁴¹ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 63.

Данной точки зрения придерживаются и многие немецкие историки. // См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 198-199.

⁴² Ширер У.Л. План «Барбаросса». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 51.

⁴³ Гот Г. Танковые операции. М., 1961. С. 163.

⁴⁴ Хастингс М. Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 35; выше мы уже приводили идентичное мнение Лиддел Гарта по данному вопросу.

* Далее мы ещё будем писать об ответственности генералов вермахта и за этот план, и за методы, которыми орудовали фашисты на оккупированных территориях.

девкой напишет о „русской аванюре Гитлера” и заявит, что командующие сухопутными войсками Германии были с самого начала против этой войны с Россией. Но в объёмистом дневнике Гальдера за 1940 год нельзя отыскать ни одной записи, которая подтверждала бы эти утверждения. Более того, они оставляют впечатление, что Гальдер с подлинным энтузиазмом относился к этой „аванюре”, за планирование которой он как начальник генерального штаба ОКХ нёс основную ответственность»⁴⁵.

Однако следует отметить, что расчёт нацистов на скоротечность победы в войне делался на основе пусть временных, но серьёзных преимуществ, которыми обладал рейх накануне нападения на СССР. Среди них – заблаговременный перевод экономики на военные рельсы и оснащение вооружённых сил новейшей боевой техникой; заблаговременная мобилизация, сосредоточение и развёртывание войск; общее превосходство вермахта в силах и средствах над Красной Армией; наличие у немецкой армии боевого опыта, а у командования – навыков управления ею в боевых условиях; тщательная и всесторонняя подготовка вооружённых сил к войне; внезапность нападения и удобные плацдармы, созданные для этого на территории оккупированных и союзных стран; наконец, существование подконтрольного Германии фашистского блока государств, ещё более усиливавшего её военный потенциал. Но с каждым месяцем, а тем более годом после начала войны эти преходящие преимущества отпадали, и в действительности вступали основные долговременные факторы – огромный военно-экономический перевес Советского Союза над «третьим рейхом» и не сломленный дух его народа и армии. А вместе с его главными союзниками – США и Великобританией – данные преимущества возрастали на порядок.

Правда, до начала агрессии гитлеровское руководство было настолько уверено в успешном осуществлении плана «Барбаросса», что примерно с весны 1941 г. начало, как мы уже отмечали, планировать военные операции за советскими пределами. После разгрома СССР предусматривался захват английских колониальных владений и некоторых независимых государств в средиземноморском бассейне, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, вторжение на Британские острова, совместное с японцами завоевание Индии, развёртывание военных операций против США⁴⁶.

В уже упомянутой выше директиве № 32 Гитлер требовал быстрого продвижения через Северную Африку и Египет на Аравийский полуостров. Здесь должны были сойтись, образуя первые клещи, войска Ромеля, действующие в Северной Африке, и немецкий экспедиционный корпус, которому надлежало пройти через Болгарию и Турцию. Затем предполагалось осуществить вторые клещи, соединив удары вышеупомянутых двух групп с третьей, движущейся с Севера через советское Закавказье⁴⁷. В дальнейшем объединённые немецкие войска должны были совершить бросок на Индию. Одновременно, в том же направлении, предполагалось нанести ещё один удар – из Афганистана⁴⁸.

«Отныне, – отмечает Г.-А. Якобсен, – планы его больше не знали никаких пределов: в начале 1941 г. он даже приказал штабу оперативного руководства вермахта разработать проект германского продвижения в Афганистан против Индии (Англии)... Именно эта директива № 32 обнажила не только континентальную односторонность, но и претенциозные масштабы германской стратегии, которые грозили взорвать все прежние представления оперативного ведения войны и которые, несомненно, являлись результатом непрерывной серии успешных „молниеносных войн” германского вермахта! Гитлер хотел, не более и не менее, как вслед за победой на Востоке, в 1942 г. сокрушить позицию Англии как мировой державы на Средиземном море посредством широко задуманных операций на суше в форме тройных клещей. 60 дивизий должны были держать „Восточный вал” (Архангельск – Волга); один удар предусматривалось нанести из Ливии через Египет с целью пробиться до Сирии; второй – через Болгарию при возможном вовлечении в войну Турции, а третий – через Кавказ и далее через Иран, чтобы концентрированным наступлением уничтожить британские позиции»⁴⁹.

В апреле – июне 1941 г. эти вопросы неоднократно обсуждались в высших штабах германских вооружённых сил. Разумеется, из этого «стройного» замысла выпала одна «мелочь» – для того, чтобы двинуться на Индию, немецким войскам следовало преодолеть «какие-то» 6-7 тыс. км от западной советской границы. Однако для одуревшего от первых успехов Гитлера и его не менее безумной клики ничего не стоило в их воспалённом воображении «перемахнуть» через такую «малость», как пересечённое морями, пустынями и горными цепями пространство в несколько тысяч километров. Для осуществления планов мирового господства, по представлениям гитлеровских заправил, ключевым моментом являлся поход против СССР.

⁴⁵ Ширер У.Л. План «Барбаросса». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 36-37, 40-41.

⁴⁶ Великая Отечественная война. С. 81; Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 256-263.

⁴⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 201; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 48; Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 222-223; Рейнгард К. Поворот под Москвой. С. 53.

⁴⁸ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 261-262; см. также: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 54-55.

⁴⁹ <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

2. О «теории» подготовки СССР к войне против Германии в 1941 году

Возникновение тезиса о «превентивной войне» Гитлера против Советского Союза. 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на СССР. Война застала Красную Армию в состоянии неготовности к активному отражению фашистских полчищ⁵⁰. Основной причиной этого явился просчёт политического руководства страны во главе с И.В. Сталиным в оценке обстановки. Располагая всеобъемлющими данными о политике Гитлера, сосредоточении и развёртывании вдоль западных границ СССР немецко-фашистских войск и об их готовности начать вторжение, оно расценило все эти сообщения как провокационные, направленные на подталкивание Гитлера к войне с СССР.

О войне написано множество книг, но по настоящее время правда об этом событии раскрыта не до конца. По-прежнему остаются «белые пятна», во множестве распространяются ошибочные толкования и домыслы, лживые сведения о реалиях того времени и, в частности, о роли Советского Союза в развязывании войны Германией. Таким образом, в 1990-е годы, благодаря работам пресловутого В. Суворова⁵¹, на постсоветском пространстве⁵², в том числе и в Молдове⁵³, получил широкое распространение тезис о подготовке превентивного советского удара по фашистской Германии. Причиной тому стало как сознательное стремление обелить агрессоров, так и использование в исследованиях недостоверных источников или намеренная их фальсификация.

Вот выдержка из книги уже неоднократно цитированного нами российского историка М.И. Мельтюхова, также считающего, что в СССР велась подготовка к разгрому германских вооружённых сил уже в 1941 г.: «По мнению авторов доклада ГУПП, „современная международная обстановка является исключительно напряженной. Война непосредственно подошла к границам нашей родины. Каждый

---

⁵⁰ См. «Акт о приёме Наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е.». Этот ошеломляющий документ раскрывает многие причины поражений советских войск на начальном этапе войны и объясняет колоссальные потери Красной Армии на протяжении всего первого года Великой Отечественной войны. Он подтверждает крайне низкую боеготовность советских войск накануне войны, слабую подготовку личного состава и командных кадров всех уровней, отсутствие мобилизационных планов на случай войны, низкий уровень организации разведки, отсутствие системы поступления данных об иностранных армиях, слабую организацию службы тыла, запущенное состояние военно-хозяйственного снабжения и тот факт, что на момент назначения Тимошенко наркомом обороны запасы горючего в армии были накоплены всего лишь на 1/2 месяца боевых действий. В этом контексте в значительной степени проявляется логика поведения Сталина накануне гитлеровского нападения на СССР – в качественном плане страна была совершенно неготовой к крупномасштабной войне. // ВИЖ, 1992, № 1. С. 7-16.

Для изменения положения вещей требовалось относительно длительное время. К концу 1940 г. оно не улучшилось сколько-нибудь серьёзно. Об этом свидетельствовал сам нарком, отметив низкий уровень работы штабов и квалификации командиров Красной Армии и заявив, что «боевая подготовка и сегодня хромает на обе ноги». // Заключительная речь народного комиссара обороны Союза ССР Героя и Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г. // ВИЖ, 1992, № 1. С. 22.

⁵¹ Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; Суворов В. День «М». Черкассы, 1994; Суворов В. Тень Победы. Донецк, 2002 и др.

В своих работах некоторые историки – Городецкий Г., Гареев М., Уткин А., Исаев А., Маковский В., Никифоров Ю. и др. – раскрыли прямой подлог и обман со стороны В. Суворова-Резуна и доказали полную абсурдность его «теории». Однако в процессе критики суворовских фальсификаций возникают и другого рода перегибы. Так, Александр Осокин, опираясь лишь на собственные, ничем не подкреплённые умозаключения, выдвинул «гипотезу» о подготовке СССР к атаке Великобритании совместно с немцами. // Осокин А. 22 июня 1941 года: новая версия. // Мельтюхов М., Осокин А., Пыхалов И. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. М., 2008. С. 110-126.

⁵² Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год. // Отечественная история, 1993, № 4. С. 19-31; Мерцалов А.Н. Иной Жуков. М., 1994; Невежин В.А. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны. // Отечественная история, 1995, № 2. С. 54-69; Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв» 1939 – 1941 гг. М., 1997; Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая-июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны. // Отечественная история, 1995, № 2. С. 70-85; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995; Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г. // Отечественная история, 1995, № 5. С. 3-20; Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность. // Отечественная история, 1995, № 3. С. 33-38; Радзинский Э. Загадки жизни и смерти. М., 2004. С. 1137-1141 и др.

⁵³ Petrencu A. Istorie universală. P. 23-24; Groza A. URSS – instigatorul celui de-Al Doilea război mondial; Hîncu D. 22 iunie 1941 – războiul germano-sovietic. O altă ipoteză. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 6; Dolghin Fl. Planul sovietic de atac: mai 1941. // Magazin Istoric, 1999, Nr. 1; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. Buc., 1995. P. 124; Gogun A. Sub o nouă copertă. // Magazin Istoric, 2008, Nr. 1; Rusnac M. 1941: sovieticii pregătesc atacarea României. // Magazin Istoric, 2011, Nr. 6.

день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями... Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей (Германии – М.М.) никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой.

Задача всего начсостава Красной Армии – изучать опыт современной войны и использовать его в подготовке наших бойцов. Вся учеба всех родов войск Красной Армии должна быть пропитана наступательным духом”. „Германская армия ещё не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по их техническому оснащению и боевой выучке. Между тем, такое столкновение не за горами”. Интересно отметить, что Александров сделал к этому предложению следующее примечание: „Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы раскрыть карты врагу”.

Подобные рассуждения в директивных документах ЦК ВКП(б) наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях Красной Армии к наступлению недвусмысленно свидетельствуют о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию. Подобные замыслы, естественно, приходилось держать в строгой тайне, чем и объясняется вышеприведенное примечание начальника Управления пропаганды и агитации ЦК...

Советское руководство, вступив в борьбу за достижение Советским Союзом статуса „великой державы”, рассматривало Вторую мировую войну как благоприятную возможность для решения этой задачи... Оккупация Германией большей части континента, затяжная, бесперспективная война, рост недовольства населения оккупированных стран, распыление сил вермахта на разных фронтах, близкий японо-американский конфликт – все это давало советскому руководству уникальный шанс внезапным ударом разгромить Германию и „освободить” Европу от „загнивающего капитализма”⁵⁴. Правда, в отличие от Суворова, Мельтюхов считает, что советское военно-политическое руководство преследовало цель атаковать уже изготавившегося к нападению противника.

В пылу полемики зачастую забывали о том, что авторами этой версии, призванной оправдать нацистскую агрессию против СССР, были германский канцлер и нацистский фюрер А. Гитлер, рейхсминистр иностранных дел Й. фон Риббентроп⁵⁵ и рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс⁵⁶. «Выхватывание» отдельных фактов из контекста, без проведения основательного исследования и анализа, не может быть императивом современной историографии. Но одновременно в последние годы в процессе изучения поднятого нами вопроса были достигнуты и многие положительные результаты. Увидели свет несколько очень солидных монографий, ряд сборников внешнеполитических документов, а также донесения, аналитические статьи и мемуары советских разведчиков, которые в значительной мере дополняют и обогащают информацию, присланную дипломатами⁵⁷.

Характер боевой подготовки советских вооружённых сил. В ходе исследования сути планов войны важны следующие принципиальные вопросы: наличие и характер политических решений, определяющих внешнюю политику государства, и способы их реализации; содержание и направленность военных доктрин; направленность и характер планов войны; состояние боевой и мобилизационной готовности вооружённых сил; подготовка театров военных действий в оперативном отношении; соображения по стратегическому развёртыванию вооружённых сил и степень их реализации; возможности государства по переводу всех его структур и, прежде всего, экономики на военное положение.

В 1920 – 1930-е годы вся боевая и морально-психологическая подготовка советских вооружённых сил была направлена не на нападение, а на отражение агрессии. Другое дело, что этого следовало добиваться посредством наступления⁵⁸, но лишь после нарушения противником советских границ. Вот как

⁵⁴ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

⁵⁵ Один из ведущих сотрудников ведомства Риббентропа Фриче дал Международному трибуналу в Нюрнберге следующие показания: «В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Риббентроп вызвал меня около пяти часов утра в помещение министерства иностранных дел на совещание, на котором присутствовали представители нашей и иностранной печати. Риббентроп сообщил нам, что в тот же самый день начинается война против Советского Союза, и просил германскую печать представить эту войну против Советского Союза как войну превентивную... для того, чтобы опередить советское наступление». // Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. С. 150-151.

⁵⁶ См. Дневники Йозефа Геббельса. 1940-1941. // ННИ, 1994, № 6 – 1995, № 1; Геббельс Й. «...Русские дерутся отчаянно и имеют хорошее командование». // ВИЖ, 1997, № 4.

⁵⁷ См.: Вестник МИД СССР. 1990, № 8; Военно-исторический журнал (далее: ВИЖ), 1991, № 6; ВИЖ, 1996, № 2-6; Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 1. Кн. 1 и 2. М., 1995; Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке гитлеровской агрессии против СССР. Март-июнь 1941. Документы из Центрального архива ФСР России. М., 1997; Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. // ННИ, 1995, № 1; Документы внешней политики СССР. Т. 23. 1940 – 22 июня 1941. Кн. 1 и 2. М., 1998 и др.

⁵⁸ Во всех крупных странах задачи обеспечения безопасности планировалось решать посредством наступления. СССР в этом смысле совсем не составлял какого-либо исключения. // Исаев А.В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2005. С. 11-20, 27-28.

интерпретировал эту особенность советских военных планов накануне войны будущий германский фельдмаршал Э. Манштейн: «Более всего будет соответствовать правде утверждение, что развёртывание советских войск... было „развёртыванием на любой случай”». 22 июня советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны. Но картина могла в зависимости от развития политического и военного положения Германии быстро измениться... Как только Советскому Союзу представился бы политический или военный шанс, он превратился бы в непосредственную угрозу для Германии.

Конечно, летом 1941 г. Сталин не стал бы ещё воевать с Германией. Но если правительство Советского Союза, смотря по развитию обстановки, полагало перейти к политическому давлению на Германию или даже к угрозе военного вмешательства, то, безусловно, подготовка сил для обороны могла быть в короткое время превращена в подготовку к наступлению. Речь шла именно „о развёртывании сил на любой случай”»⁵⁹. Выступая на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля, один из разработчиков плана нападения на СССР – фельдмаршал Паулюс опроверг идею «превентивной войны» Гитлера против СССР⁶⁰. Другим, на этот раз невольным, свидетелем против сторонников тезиса о «превентивной войне» является генерал-полковник Ф. Гальдер с его дневником.

Своеобразие советской концепции наступления состояло в том, что она исходила из идеи ответного удара по противнику. «Идея превентивной войны как важного элемента военной доктрины глубоко укоренилась не в советской, а в немецкой военной традиции... Традиция сыграла важную роль при разработке операции „Барбаросса”. С другой стороны, „превентивная война” – совершенно чуждая идея в советском военном арсенале. „Упреждающий удар” – совершенно иное понятие – был одной из форм манёвра, присущей теории „глубокого боя” и полностью лишенной агрессивных намерений»⁶¹.

Последние крупные войсковые манёвры, проведенные советской стороной у своих западных границ, и штабные игры на картах в 1940-1941 гг. имели целью подготовить войска к отражению возможного нападения со стороны вермахта⁶², и ни разу в СССР не проводились мероприятия другого характера. Советская военная теория, ориентируя вооружённые силы на решение стоящих перед ними задач преимущественно посредством наступления, никогда не ставила целью начало агрессии. Все советские военные планы, в том числе на 1941 г.⁶³, предусматривали оборону страны от немецкого вторжения и ни в коем случае не нападение на Германию. При этом признавалась исключительная важность захвата и удержания стратегической инициативы с самого начала боевых действий. Однако эту проблему до конца решить не удалось, так как её требовалось согласовать с идеей ответного удара, которая исходила, в сущности, из того, что в начале войны необходимо прибегнуть к обороне.

За время продолжительной работы многих исследователей в российских архивах не были обнаружены какие-либо документы о подготовке Советского Союза к нападению на Германию. Попытки некоторых историков приписать такое решение Сталину являются домыслом или откровенной ложью. В этой связи убедителен, по-нашему мнению, комментарий Г. Городецкого: «Нет оснований не доверять Дмитрию Волкогонову, который, будучи членом комиссии, работающей с секретными документами Политбюро, удостоверяет, что ему попадались документы по соглашению Риббентропа – Молотова и Катынской бойне, но не было документов, свидетельствовавших о воинственных намерениях Сталина в отношении Германии. Было бы наивно полагать, что такую гигантскую операцию можно было провести без соответствующего планирования и подготовительной работы и без каких-либо документальных свидетельств... Легко понять, что аргументы Суворова основаны на апологетике Гитлера, а не на советских архивах, с которыми ему было бы полезно ознакомиться»⁶⁴. А российский исследователь Александр Шубин отмечает, что «идейно-политические рассуждения В. Суворова не стоят бумаги, на которой написаны»⁶⁵.

Этот вывод подтверждается, как уже отмечалось, всеми советскими военными планами с середины 1920-х гг. и до начала войны⁶⁶. Эти планы предусматривали наступательные боевые действия и оборону. Одобренный 14 октября 1940 г. стратегический план войны предусматривал наступление через 30 суток после вторжения противника. В нём не шла речь о нападении на Германию или другие государства.

⁵⁹ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 198.

⁶⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 601; эту мысль подтверждает и генерал З. Вестфаль. // Роковые решения. С. 61; см. также: Филияев И.В. Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс свидетельствует. // ВИЖ, 1990, № 5. С. 52, 54.

⁶¹ militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html.

⁶² Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы. По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г. // ВИЖ, 1993, № 6-8.

⁶³ См.: ВИЖ, 1996, № 2-6.

⁶⁴ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

⁶⁵ Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 453.

⁶⁶ Анализ предвоенных планов обороны СССР посвящена работа: Никифоров Ю.А. Военно-исторические исследования. Советское военно-стратегическое планирование накануне Великой Отечественной войны в современной историографии. // http://militera.lib.ru/research/nikiforov_ya/index.html.

Главной задачей, поставленной перед приграничными округами, была прочная оборона границ в период сосредоточения и развёртывания войск, который составлял 25-30 суток. В последующем предполагалась упорная оборона в сочетании с наступательными операциями во фронтовом масштабе.

Таким образом, стратегический план 1940 г. предусматривал не кампанию или стратегические наступательные операции, а сосредоточение войск на Западе и возможные активные действия в рамках фронтовых операций. Говоря о возможных театрах военных действий, в нём отмечалось, что «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке – против Японии, как открытого противника, или противника, занимающего позиции вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»⁶⁷. Из этого убедительно вытекает оборонительный характер последнего утверждённого Сталиным советского плана войны. Данную мысль подтверждает и Э. Манштейн: «Группировка советских сил на 22 июня не говорила в пользу намерения в ближайшее время начать наступление»⁶⁸.

Естественно, военные планы в зависимости от складывающейся обстановки непрерывно уточнялись или вновь перерабатывались. Назначенный в феврале 1941 г. на должность начальника Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков приказал своим подчинённым завершить уже в марте уточнение плана. Рабочий вариант плана – по сути ничем не отличавшийся от предыдущего – был подготовлен 11 марта 1941 г., но, по неизвестным причинам, не был одобрен и остался в архивах как рабочий черновой вариант⁶⁹.

Уточнённый вариант стратегического плана под названием «Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками» (подчеркнём, что в самом названии – *на случай войны* – выражена суть плана: нападение не готовилось заранее, не являлось самоцелью, а предполагалось как вынужденная мера) был составлен в Генштабе по состоянию на 15 мая 1941 г.⁷⁰ Данный вариант существенно отличался от предшествовавших планов добавлением фрагмента, ссылка на который и стала основой многочисленных утверждений о подготовке Сталиным упреждающего удара по расположенным у западных границ СССР вооружённым силам «миролюбивой» Германии.

Вот как оценивает этот документ А. Шубин: «Исследования последнего времени показывают, что план 15 мая – не реакция на сосредоточение Германии. Он – финальный аккорд целой симфонии военного планирования, в основе которого лежит как раз идея упреждающего удара. План этого удара был не ответом на действия германского командования, а ответом на угрозу в целом. Сосредоточение германских войск ожидалось и было незримой частью советского плана, которая облегчала его выполнение»⁷¹.

На самом деле в тексте документа, – составленного А.М. Василевским и подвергнутого редакции И.Ф. Ватутина, но не подписанного ни наркомом обороны, ни начальником Генерального штаба, – имеются следующие два абзаца: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развёрнутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развёртывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы Германскому Командованию, упредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск»⁷².

⁶⁷ См.: Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне ВОВ. Новые архивные документы. // ННИ, 1997, № 5. С. 109-110; Народный комиссар обороны Союза ССР, 18 сентября 1940 г., № 103202/06. ЦК ВКП (б), тов. Сталину, тов. Молотову. Особо важно. Совершенно секретно. Только лично. // ВИЖ, 1992, № 1. С. 24-29; Alexandrescu I. România în planurile Armatei Roşii. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 12.

⁶⁸ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 197.

⁶⁹ План стратегического развёртывания советских Вооружённых Сил. // ВИЖ, 1992, № 2. С. 18-22.

⁷⁰ Он опубликован генерал-полковником Ю.А. Горьковым в журнале «ННИ». // ННИ, 1993, № 3. С. 40-45; см. также: Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками. // ВИЖ, 1992, № 2; Радзинский Э. Загадки жизни и смерти. С. 1140-1141.

Анализ этого документа и его интерпретации в современной историографии см.: Никифоров Ю.А. Военно-исторические исследования. «Соображения...» Генерального штаба Красной Армии от 15 мая 1941 г.: проблемы интерпретации. // http://militera.lib.ru/research/nikiforov_ya/index.html.

Автор доказывает, что в соответствии с «Соображениями», войска Красной Армии могли нанести противнику «внезапный удар», упредив его в развёртывании основных сил лишь непосредственно после начала войны, которая могла начаться только по инициативе Германии. «Советские генералы, – уверен Ю. Никифоров, – допускали ошибку, полагая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадёт хронологически с началом военных действий, и именно поэтому рассчитывали упредить противника с нанесением удара (понимая под ним удар именно главных сил, а не только войск армий прикрытия)». // Ibid.

⁷¹ Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 475.

⁷² Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками. // ВИЖ, 1992, № 2. С. 17; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждаю-

Особо подчеркнём, что здесь говорится об атаке уже изготовившегося к нападению на Советский Союз агрессора. В этом контексте немецкий историк Г. Юбершер пишет: «„Соображения...“,... равно как и передислокация, и усиление концентрации войск Красной Армии на Западном направлении представляли собой реакцию профессионалов на зафиксированное советской стороной и проходившее с осени 1940 г. выдвижение вермахта в пограничные районы»⁷³. Ему вторит и американец Дэвид Гланц: «Хотя предложение Жукова, безусловно, имело место, оно лишь отражало нормальное планирование на случай чрезвычайных обстоятельств, входившее в круг обычных задач Генерального штаба»⁷⁴.

А российский исследователь Юрий Никифоров приводит и другой, однако очень убедительный аргумент в пользу несостоятельности «теории подготовки превентивной войны»: «Планируя первым начать войну, необходимо было бы определить срок, хотя бы примерный, к которому войска могли быть готовы для наступления. Отсутствие такой даты уже весьма симптоматично»⁷⁵. Более того, отмечает автор, планом предусматривалось строительство новых укрепрайонов в 1941 и 1942 годах. «Непонятно также, зачем в условиях планировавшейся наступательной войны начинать (!) строить укрепрайоны на границе – чтобы обороняться на них в 1943 году?»⁷⁶, вопрошает историк.

По вопросу о нанесении упреждающего удара Жуков направил докладную записку Сталину. На следующий день он получил ответ через А.Н. Поскрёбышева: «Передай Жукову, чтобы не писал мне записки для прокурора»⁷⁷. Вот что сообщает по этому поводу известный российский историк Лев Безыменский в статье «О „плане Жукова“ от 15 мая 1941 г.»: «По воспоминаниям генерала армии Лященко, беседовавшего в 1960-е годы с Тимошенко, маршал сказал, что Сталин „подошёл к Жукову и начал на него орать: „Вы что, нас пугать пришли войной, или Вы хотите войны, Вам мало наград, или званий?“. Жуков потерял самообладание, и его отвели в другую комнату. Сталин вернулся к столу и грубо сказал: „Это всё Тимошенко делает, он настраивает всех к войне, надо бы его расстрелять, но я его знаю как хорошего вояку ещё с гражданской войны“. Я ему сказал, – продолжал Тимошенко, – Вы же сказали всем, что война неизбежна на встрече с выпускниками академий. „Вот видите, – сказал Сталин, обращаясь к Политбюро, – Тимошенко здоровый и голова большая, а мозги, видимо, маленькие... Это я сказал для народа, надо их бдительность поднимать, а Вам надо понимать, что Германия никогда не пойдёт одна воевать с Россией. Это Вы должны понимать», – и ушёл. Потом открыл дверь, высунул рязбую голову и сказал: „Если Вы будете на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду», – и захлопнул дверь»⁷⁸.

Иными словами, Сталин не одобрял инициативу Генерального штаба⁷⁹, хотя, с военной точки зрения при достаточной подготовленности Красной Армии к наступательным действиям, сам замысел был довольно заманчив и сулил большие результаты, т.к. к тому времени в Польшу ещё не были переброшены танковые и моторизованные дивизии вермахта из Югославии. Правда, Красная Армия к таким действиям готова не была. В связи с этим, в беседе с историком-фронтовиком В.А. Анфиловым Жуков рассказал о реакции Сталина на предложенный план следующее: «Хорошо, что Сталин не согласился с нами. Иначе мы получили бы нечто, подобное Харькову в 1942 году»⁸⁰.

По оборонительным аспектам уточнённого варианта нарком и начальник Генштаба встречались со Сталиным в апреле – 7, в мае – 6, в июне – 5 раз. Им с трудом удалось убедить его одобрить проведение неотложных мер по подготовке страны к отпору агрессии (но и они к 22 июня далеко не были завершены) и уточнению плана 1940 г., в то время как вариант упреждающих действий против немецкой армии был исключён совершенно. Из этого видно, что в целом политические решения советского руководства не носили агрессивного характера и преследовали цель обороны страны. Этот вывод подтверждается и документально. Российский историк О.В. Вишлёв на основе германских архивных материалов убедительно доказал, что ссылки сторонников «превентивной войны» на указанное выступление являются абсолютно безосновательными: никакого удара по немецкой армии не планировалось, а приписываемые советскому руководству такого рода намерения являются грубейшей фальсификацией⁸¹.

щий удар против Гитлера в 1941 г. // ННИ, 1993, № 3. С. 41; Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне ВОВ. Новые архивные документы. // ННИ, 1997, № 5. С. 111.

⁷³ Юбершер Г. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о «превентивной войне». // ННИ, 1999, № 6. С. 66.

⁷⁴ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

⁷⁵ Никифоров Ю.А. Военно-исторические исследования. «Соображения...» Генерального штаба Красной Армии от 15 мая 1941 г.: проблемы интерпретации. // http://militera.lib.ru/research/nikiforov_ya/index.html.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ См. Горьков Ю. А. Кремль, Ставка, Генштаб. Тверь, 1995. С. 253-257.

⁷⁸ Безыменский Л.А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // ННИ, 2000, № 3. С. 61-62; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 325.

⁷⁹ Анфилов В.А. «...Разговор закончился угрозой Сталина». // ВИЖ, 1995, № 3. С. 41.

⁸⁰ Анфилов В.А. Новая версия и реальность. // Независимая газета, 1999, 7 апреля.

⁸¹ Вишлёв О.В. Западные версии высказываний И. В. Сталина 5 мая 1941 г. // ННИ, 1999, № 1. С. 93-115.

Отношение нацистского руководства к советскому государству и стоявшие перед вермахтом задачи. В порядке сравнения обратимся к политическим решениям Гитлера. В этом смысле большую помощь в их понимании нам оказывает работа «Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне „третьего рейха“ против СССР». Её материалы приобретают особую значимость в наши дни, когда, как мы уже отмечали, в постсоветской публицистике – вразрез с общепринятыми выводами мировой историографии – получила широкое распространение сомнительная версия о «превентивном», «вынужденном» характере нападения фашистской Германии на СССР. Публикуемые в сборнике документы доказывают, что агрессия против СССР была главным, тщательно спланированным и заблаговременно всесторонне подготовленным преступным деянием руководителей нацистского рейха. Ещё в речи Гитлера от 22 августа 1939 г. перед генералами вермахта было недвусмысленно заявлено: «Мы разгромим Советский Союз. Тогда забрезжит заря германского господства на всём земном шаре... Я дам пропагандистский повод к развязыванию войны – безразлично, правдоподобен он или нет. Победителя потом не спрашивают, говорил он правду или же нет»⁸².

В книге воспроизведён текст из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера от 21 июля 1940 г. о результатах секретного совещания у Гитлера: «Сосредоточение и развёртывание войск против России продлится 4-6 недель. Разбить русские сухопутные войска или, по крайней мере, захватить в свои руки такое русское пространство, какое необходимо, чтобы не допустить вражеских воздушных налётов на Берлин и Силезский промышленный район. Желательно продвинуться так далеко, чтобы наша люфтваффе смогла разбомбить важнейшие области России». В этом контексте чрезвычайно важно – Гальдер фиксирует прямое признание Гитлера: «Никаких признаков русской активности в отношении нас нет»⁸³.

Через 10 дней Гитлер прямо определил главную задачу командования вермахта, воспроизведённую Гальдером: «В ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 1941-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьём это государство одним ударом... Цель: уничтожение жизненной силы России»⁸⁴. 30 марта 1941 г. Гитлер конкретизировал выдвигаемые им цели: «Наши задачи в отношении России: разгромить её вооружённые силы, разрушить её государство»⁸⁵. В этой связи генерал Вальтер Варлимонт пишет: «Эти несколько цитат безошибочно свидетельствуют о том, что стремление Гитлера напасть на Россию было с самого начала безоговорочным и „неизменным“ – если использовать его собственное, часто повторяемое слово – решением... Реальная причина решения, несомненно, заключалась в его давней, глубокой и смертельной ненависти к большевизму»⁸⁶.

Днём раньше Геббельс внёс в свой дневник запись о предстоявшей «крупной операции против России»: акция «будет тщательно замаскирована, только очень немногие знают об этом... Главное – чтобы это началось. Нас ожидают огромные победы. А потому надо сохранять самообладание и не терять трезвой головы. И всё тщательно подготовить»⁸⁷. 16 июня 1941 г. Геббельс записал в дневнике доверительно сказанные ему слова Гитлера: «Нападение на Россию начнётся как только закончится сосредоточение и развёртывание войск. Это будет сделано примерно в течение одной недели... Это будет масштабное нападение самого крупного масштаба... Мы находимся накануне ни с чем не сравнимого победоносного похода. Мы должны действовать»⁸⁸.

Уже в ожидании приговора Нюрнбергского трибунала фельдмаршал Кейтель писал: «В начале декабря 1940 г. Гитлер принял окончательное решение – готовить войну против Советского Союза с таким расчётом, чтобы иметь возможность, начиная с марта 1941 г., в любой момент дать приказ о планомерном сосредоточении войск – это было равносильно началу нападения в начале мая»⁸⁹. Далее он приводит слова Гитлера перед генералитетом накануне вторжения, который «охарактеризовал эту войну как борьбу за быть или не быть, а потому потребовал отказа от всех традиционных понятий о рыцарской войне и от общепринятых правил и обычаев ведения войны... Затем он потребовал не считать комиссаров солдатами и рассматривать их не как военнопленных, а как самые опасные элементы фанатического сопротивления и потому немедленно убивать их или расстреливать на месте»⁹⁰.

Разоблачительной силой обладают и циничные откровения Гитлера и его приспешников о характере режима, ожидавшего советский народ после казавшейся им неизбежной победы «третьего рейха»:

⁸² Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне „третьего рейха“ против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 96.

⁸³ Ibid. С. 106.

⁸⁴ Ibid. С. 108.

⁸⁵ Ibid. С. 118.

⁸⁶ Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 126.

⁸⁷ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне „третьего рейха“ против СССР. С. 236.

⁸⁸ Ibid. С. 277-278.

⁸⁹ Кейтель В. Взгляд в прошлое. Накануне смертного приговора. // ННИ, 1991, № 2. С. 187.

⁹⁰ Ibid. С. 189; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 404-405.

«Речь идёт о том, как сподручней разделить гигантский пирог, чтобы мы, во-первых, господствовали, во-вторых – управляли, в-третьих – могли эксплуатировать»⁹¹. Образование, провозглашал Гитлер, не пойдёт на пользу народам СССР. «Лучше всего научить их только языку жестов... А умственной работе их учить не следует»⁹². И далее: «Я запрещаю проводить в этих областях санитарные акции нашего типа. Не нужны и никакие обязательные прививки, немецкие врачи должны обслуживать только немцев в немецких поселениях»⁹³. Гитлеру вторил Гиммлер: «Происходит столкновение между Германским рейхом и ублюдками недочеловеками. Мы должны победить их, и мы победим их! А сколько жертв это будет стоить в каждом отдельном случае – безразлично»⁹⁴. В апреле 1941 г. Розенберг, в координации с ведомством Гиммлера^г, составлял план расчленения и колонизации СССР, известный как Генеральный план «Ост». Планы германского руководства в отношении советской промышленности были изложены в т.н. «Зелёной папке» Геринга.

О том, какие перспективы рисовались Гитлеру после разгрома Советского Союза, рассказывал историку Льву Безыменскому бывший имперский министр вооружений Альберт Шпеер: «Мне не раз приходилось слышать высказывания Гитлера о том, что он считает всех русских „недочеловеками“. Однажды он при мне говорил Герингу, что с русскими надо обращаться как с „неграми из примитивных племён“. Мол, надо лишь предложить им бусы и спички, и они сразу принесут немцам зерно, масло и яйца. Убеждённости Гитлера в неполноценности всех славян была так глубока, что он не допускал и мысли о возможности серьёзного сопротивления со стороны Красной Армии». По словам Шпеера, это мнение укреплялось у Гитлера из года в год.

Бывший министр был свидетелем разговора, состоявшегося между Гитлером, Кейтелем и Йодлем сразу после окончания кампании на Западе: «Я стоял рядом, когда Гитлер сказал: „Теперь мы показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, по сравнению с французской кампанией поход против России будет просто игрой на ящике с песком...“ Однако я должен подчеркнуть, что стратегический расчёт, на котором базировался план „Барбаросса“, не принадлежал самому Гитлеру. Это был расчёт генералов...»⁹⁵.

Выше мы уже отмечали, что принципиальное решение о нападении на советское государство было принято гитлеровским руководством сразу после разгрома Франции. На Нюрнбергском процессе Йодль показал, что «ещё в мае 1940 г. Гитлер говорил, что он решил принять меры против Советского Союза, как только наше военное положение сделает это возможным»⁹⁶. К моменту капитуляции Франции план нападения на СССР был принят на вооружение уже всем политическим и военным руководством нацистской Германии. 29 июня о намерениях Гитлера Йодль сообщил своему заместителю, генералу Варлимунту, который дал показания перед Нюрнбергским трибуналом: «Йодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер обосновал это тем, что война должна произойти так или иначе, так лучше будет... начать необходимые приготовления к ней»⁹⁷. 30 июня Гальдер заносит в свой дневник следующую многозначительную запись: «Взоры обращены на Восток»⁹⁸.

3 декабря 1940 г. Гитлер посетил в госпитале фон Бока, и между ними состоялся серьёзный разговор. Фюрер раскрыл ему планы нападения на СССР и предложил командовать группой армий, которой предназначалось наносить главный удар – на Москву. Это было зафиксировано Боком в своём дневнике: «Актуальным становится восточный вопрос... Если мы ликвидируем русских, то у Англии не останется никаких шансов... После нескольких замечаний о моём здоровье он сказал, что необходимо стереть Советский Союз с лица земли. Тогда Англия быстро потеряет своё мировое значение и влияние»⁹⁹.

Командование вермахта, зная о предстоящей войне против СССР и полностью одобряя методы её ведения, не только ни в чём не возражало Гитлеру, но даже являлось его прямым дополнением в деле раз-

⁹¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне „третьего рейха“ против СССР... С. 248.

⁹² Ibid. С. 128.

⁹³ Ibid. С. 140.

⁹⁴ Ibid. С. 255.

^г Примечание научного редактора: У Розенберга и Гиммлера были не только *разные* ведомства, но и подходы различались. Розенберг на первых порах был склонен относиться несколько «мягче» к завоёванным народам. Между ними возникали даже серьёзные «трения». «Разве я подчиняюсь Розенбергу в вопросах выполнения политических задач в восточных областях? – гневно писал Гиммлер Борману после очередного конфликта с руководителем „остминистериума“ в мае 1941 г. – Манеры Розенберга делают сотрудничество с ним весьма затруднительным». // Подробнее обо всём этом см.: Аморт У. Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера). // История СССР. 1966, № 2. С. 163-187.

⁹⁵ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 31.

⁹⁶ Нюрнбергский процесс. Т. 5. М., 1957. С. 74.

⁹⁷ Ibid.. Т. 2. С. 634.

⁹⁸ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 141.

⁹⁹ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 13.

грома России. «Против этого решения в Германии не было ни малейшего признака сопротивления... Никогда ещё Гитлер не имел за собой столь сплочённую Германскую империю, как в своей убийственной и самоубийственной войне против Советского Союза», – писал С. Хаффнер¹⁰⁰.

Вот что пишет по этому поводу и известный американский историк Ширер, приведя пример с показаниями Кейтеля перед Нюрнбергским трибуналом: «Гитлер, показал на суде Кейтель, отдал... различные приказы о проведении в России беспрецедентной политики террора „жестокими методами“».

– Вы сами или какие-то другие генералы возражали против этих приказов? – спросил Кейтеля его адвокат.

– Нет, я лично никаких возражений не высказывал, – ответил фельдмаршал. – Так же, как и никто из других генералов, – добавил он.

Это же подтверждает и немецкий дипломат Хассель. 16 июня 1941 г. он записал в своём дневнике: „Брахич и Гальдер уже согласились с тактическими методами Гитлера (в России). Таким образом, армия должна взять на себя обязанность убивать и жечь, которая до этого момента была зарезервирована за СС“»¹⁰¹.

Итак, в ходе подготовки агрессивной войны против СССР было достигнуто полное взаимопонимание между Гитлером и германским военным командованием. К такому выводу, на основе богатого документального материала, приходит и немецкий историк В. Витте¹⁰². Сотрудник Военно-исторического ведомства ФРГ Ю. Фёрстер подчёркивает, что германское командование «безоговорочно приняло намерения Гитлера»¹⁰³.

Своеобразный итог этому подводит К. Рейнгардт: «Таким образом, не только Гитлер, но и его офицерский корпус думали добиться на Востоке относительно лёгкой и быстрой победы. Это мнение, базировавшееся на чисто военных успехах, дополнялось недооценкой советской системы, которую немцы считали неспособной оказать сопротивление и которая, по их мнению, в условиях воздействия извне должна была сразу же развалиться»¹⁰⁴. Для осуществления преступных замыслов Гитлера вермахт не нуждался в институте политических комиссаров – их роль взяли на себя немецкие генералы.

14 мая 1941 г. была принята преступная директива ОКВ, требовавшая беспощадных мер против гражданского населения. Формулировки приказа были составлены таким образом, что солдаты вермахта получали полное освобождение за совершение любого насилия. Как мы уже отмечали и выше, каждый участник Восточного похода вермахта знал, что ему всё позволено, и он не предстанет перед военным трибуналом¹⁰⁵. Об идеологической смычке генералов вермахта с Гитлером свидетельствуют не только директивы верховного командования, но и приказы командующих соединениями, действовавших на Восточном фронте¹⁰⁶. Как пишет В. Витте, «тот, кто читает сегодня документы, подписанные генерал-полковником Э. Гёпнером, генералом-фельдмаршалом В. фон Рейхенау или генерал-полковником Э. фон Манштейном, не может избавиться от впечатления, что слышит эхо речи Гитлера»¹⁰⁷.

¹⁰⁰ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 59.

¹⁰¹ Ширер У.Л. План «Барбаросса». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 46.

¹⁰² Витте В. Война на уничтожение: вермахт и Холокост. // ННИ, 1999, № 3. С. 72-79.

¹⁰³ Ibid. С. 74.

¹⁰⁴ Рейнгард К. Поворот под Москвой. С. 36.

¹⁰⁵ ННИ, 1999, № 3. С. 74-75.

¹⁰⁶ Данной точки зрения придерживаются очень многие немецкие историки. // См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 201-202.

¹⁰⁷ ННИ, 1999, № 3. С. 75; см. также: Бивор Э. Сталинград. М., 1999. http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-2-staligr_131.html.

Вот что пишет бывший полковник 6-й германской армии Вильгельм Адам об одном из такого рода приказов Рейхенау «О поведении войск в оккупированных странах Восточной Европы»: «То, чего требовал приказ от военнослужащих, было чудовищно. Он призывал к поголовному убийству русского населения, включая женщин и детей. Это уже не имело ничего общего с методами ведения войны в моём понимании. Приказ Рейхенау превзошёл даже „приказ о комиссарах“, [которых] требовалось изолировать и сразу же поголовно истреблять». // Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. М., 1972. С. 27; см. также Штейдле Л. От Волги до Веймара. М., 1975. С. 113.

О «подвигах» Манштейна смотри материал из монографии Полторака А.И. «От Мюнхена до Нюрнберга» (С. 249-255), составленный на базе «Стенографического отчёта Нюрнбергского процесса». Т. 36, а также монографию: Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1967. С. 511.

В этой связи наиболее убедительна позиция современных германских историков. Так профессор из Майнца Феликс Рёмер отмечает: «Согласно „Приказу о комиссарах“, любого пойманного комиссара Красной Армии нужно было расстреливать на месте. Приказ... требовал ни больше ни меньше, чем убийства обычных военнопленных». И далее: «Оба приказа, „О применении военной подсудности“ и „Приказ о комиссарах“, исполнялись повсеместно на всех линиях Восточного фронта с первых дней операции «Барбаросса». Есть доказательства того, что почти все подразделения чётко выполняли „Приказ о комиссарах“. Все 13 армий, 44 корпуса, а также более 80% немецких дивизий направляли рапорты о казнях пленных советских комисса-

14 июня 1941 г., когда было опубликовано заявление ТАСС с опровержением слухов об агрессивных намерениях Германии, на совещании у Гитлера в Берлине во время докладов командующих групп армий, армий и танковых групп о готовности к нападению было окончательно назначено время начала вторжения – 3 часа по средневропейскому времени, вместо ранее предлагавшегося – 3 часа 30 минут¹⁰⁸. Как видим, счёт шёл уже не на часы, а на минуты, в то время как Советское правительство убеждало общественность, что пакт о ненападении СССР и Германии неукоснительно выполняется, и на запад от границы, в Германию непрерывно двигались эшелоны с грузами.

Таким образом, сопоставление политических решений Сталина и Гитлера показывает их диаметрально противоположность. То же подтверждает и подготовка сторон к предстоящим событиям. В этом смысле, возражая своему итальянскому коллеге А. Сантони, немецкий историк Э. Екель счёл «важным подчеркнуть, что германская война против Советского Союза с любой точки зрения была неспровоцированной и агрессивной войной»¹⁰⁹.

Опасались ли гитлеровцы СССР? О приготовлениях нацистов к агрессии против Страны Советов свидетельствует множество документов¹¹⁰, подтверждающих факты концентрации войск и военной техники у советских границ, создание военных складов, аэродромов, ремонт дорог, строительство других военных объектов, создание воинских частей из украинских и белорусских националистов. Интенсивная переброска немецких войск и техники к границам советского государства началась ещё в 1940 г. С января 1941 г. она резко возросла, и в марте – апреле воинские эшелоны шли к советским границам непрерывным потоком. С 25 мая немецкое командование стало отправлять на Восток по военному графику до 100 эшелонов в сутки.

Провокации на границе приняли систематический характер ещё в 1940 г. В первом квартале 1941 г. количество задержанных или уничтоженных немецких лазутчиков исчислялось многими тысячами, а в апреле-мае оно возросло ещё в два-три раза¹¹¹. Причём, как правило, речь шла о профессионалах. С ап-

---

ров... Рассмотрев все имеющиеся в нашем распоряжении немецкие источники, мы сможем сделать вывод, что теория неповсеместного, спорадического исполнения „Приказа о комиссарах” не должна более иметь права на существование».

Из анализа архивов следует, – продолжает немецкий историк, – что «две трети всех дивизий регулярно расстреливали советских военнопленных». Он приходит к следующим выводам: «Во-первых, полностью развеялся миф о том, что командование войск вермахта отказывалось выполнять криминальные приказы. Налицо доказательства того, что высшие командные чины и большинство низших одобрили радикальные меры ещё до начала вторжения. Во-вторых, и „Приказ о комиссарах”, и приказ „О применении военной подсудности в районе «Барбаросса»» исполнялись куда тщательнее, чем считалось ранее, практически всеми частями и соединениями». // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. М., 2010. С. 87, 89, 92, 93.

Бернд Бонвеч, профессор Рурского университета, отмечает, что «в немецких местах лишения свободы погибли 2800 тыс. или 3300 тыс. советских военнопленных». «Приказ о комиссарах» носил по его мнению преступный характер. «Вермахт охотно исполнял [его] и сотрудничал с оперативными группами СС, проводившими национал-социалистическую политику уничтожения на оккупированной советской территории». «Согласно приказу ОКВ от 8 сентября 1941 г., „большевики потеряли право требовать, чтобы к ним относились как к достойным уважения солдатам или по правилам Женевской конвенции...” Командиры всех уровней открыто подталкивали своих подчинённых к нарушению общепринятых военных правил и международного права... Поэтому к февралю 1942 г. 60% от 3350 тыс. советских заключённых, попавших в немецкий плен в 1941 г., погибли». // Ibid. С. 122, 123, 124.

По мнению немецкого историка У. Герберта речь идёт о массовом, систематическом и преднамеренном убийстве пленных. И Г. Юбершер также повторяет выводы своих коллег: «Документы подтверждают, что преступные приказы выполнялись в подавляющем большинстве дивизий, корпусов и армий. Без поддержки и содействия военной элиты Гитлеру не удалось бы в полном масштабе вести войну на истребление. // Ibid. С. 138-139, 139.

Подводя итоги научных дискуссий по данному вопросу в Германии, днепропетровский историк Александр Маринченко пишет: «К началу 1980-х гг. [...] после дальнейших исследований тезис [о войне на истребление против СССР] получил всеобщее признание в германской историографии. Было установлено, что ранее широко распространённое представление о вермахте как убежище от нацизма оказалось научно несостоятельным. Более того, некоторые историки пришли к выводу, что имело место не только взаимодействие вермахта и СС между собой, но и их тесное сотрудничество с германской хозяйственной элитой в деле „политического и военного обеспечения Германии экономическими ресурсами, необходимыми для ведения войны”, проще говоря, ограбления оккупированных территорий». // Ibid. С. 133.

¹⁰⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 577.

¹⁰⁹ См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 53.

¹¹⁰ Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР. 1940-1941 гг. // ННИ, 1997, № 4. С. 94-104.

¹¹¹ См. Медведев Р.А. Дипломатические и военные просчёты Сталина в 1939 – 1941 гг. // ННИ, 1989, № 4. С. 156; Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. С. 159-160, 164, 166, 167, 178; Некрич Р.М. 1941.

реля 1941 г. засылались уже большие группы войсковых разведчиков во главе с опытными офицерами абвера¹¹². Эти группы имели шпионско-диверсионное снаряжение, инструкции о действиях в условиях войны и продвигались в глубь советской территории до 400 км. С января по июнь 1941 г. воздушная граница СССР нарушалась 324 раза¹¹³, а с октября 1940 г. – более 500 раз¹¹⁴.

И последнее, что касается позиции германской стороны накануне вторжения: опасалось ли фашистское руководство нападения Советского Союза? На это профессор Боннского университета Ханс-Адольф Якобсен отвечает: «Из многочисленных архивных материалов и из личных бесед с самим Гальдером я вынес убеждение, что Гитлер вовсе не исходил из того, что „русские окажут любезность“, нападая первыми»¹¹⁵. Об этом же писал и один из разработчиков плана «Барбаросса» генерал-майор Эрих Маркс: «Русские не окажут нам дружеской услуги – они не нападут на нас»¹¹⁶. В разведсводке генштаба сухопутных войск Германии от 13 июня 1941 г. говорилось: «Со стороны русских... как и прежде, ожидаются оборонительные действия»¹¹⁷.

Ещё 22 июля 1940 г. Гитлер заявил Гальдеру: «Русские не хотят войны»¹¹⁸. А 28 апреля 1941 г. посол Германии в СССР Шуленбург говорил уже самому Гитлеру¹¹⁹: «Я не верю, что Россия вообще собирается воевать с нами. Если Сталин не смог договориться с Англией и Францией в 1939 году, когда те были ещё сильными, он наверняка не примет подобного решения сегодня, когда Франция побеждена, а Британия жестоко побита. Наоборот, я убеждён, что Сталин склонен к дальнейшим уступкам Германии». В ответ Гитлер сказал, что лично он тоже не верит, что «Россию можно побудить напасть на Германию»¹²⁰. 24 мая германский посол вновь отправляет в МИД сообщение, в котором отмечает: тот

---

22 июня. М., 1965. С. 111-115; Беляев В.И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны. // ВИЖ, 1988, № 5. С. 50.

¹¹² Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке гитлеровской агрессии против СССР. Март-июнь 1941. Документы из Центрального архива ФСР России.

¹¹³ Беляев В.И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны. // ВИЖ, 1988, № 5. С. 50.

¹¹⁴ Хорьков А.Г. Накануне грозных событий. // ВИЖ, 1988, № 5. С. 42.

¹¹⁵ Красная Звезда, 1991, 23 мая; ННИ, 1994, № 2. С. 200.

¹¹⁶ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 52.

¹¹⁷ Крикунов В.П. Фронтовики ответили так. // ВИЖ, 1989, № 5. С. 32.

¹¹⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 61.

¹¹⁹ Соколов В.В. Германский посол в Москве в 1934-1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом. // ННИ. 2010, № 2. С. 165.

Очень интересен комментарий Городецкого по поводу позиции Шуленбурга и в целом германского МИДа во главе с И. Риббентропом в вопросе о предстоящей войне с СССР: «Гитлер несколько раз переносил аудиенцию для Шуленбурга... Вайцеккер полностью согласился с докладной запиской Шуленбурга, к тому времени переданной Гитлеру. Он предупредил Риббентропа, что война против России „закончится катастрофой“. Последний не высказывался по существу обсуждавшихся вопросов, но из общения с его помощниками Вайцеккер понял, что рейхсминистр совершенно не разделял взглядов Гитлера. Наконец, все эти усилия увенчались успехом: Риббентроп лично обратился к Гитлеру и получил его согласие принять Шуленбурга. К моменту этой встречи Риббентроп, кажется, стал твердым приверженцем позиции, которую отстаивал Шуленбург и другие. Тем не менее он разыгрывал свои карты весьма осторожно. Он предпочитал сначала выяснить позицию Гитлера, а уже потом принимать на себя какие-либо обязательства... В ту зиму 1941 г. Вайцеккер не меньше двух раз вел с Риббентропом долгие беседы, выдвигая тщательно продуманную аргументацию против войны с Россией. 6 марта 1941 г. он подготовил пространную докладную записку, где изложил аргументацию против войны с СССР и даже выступил за военный союз... Наконец 28 апреля Гитлер дал Шуленбургу личную аудиенцию в Рейхсканцелярии.

...Риббентроп все ещё сохранял надежду на то, что он сумеет убедить Гитлера – как это ему удалось после визита Молотова – в бесплодности замышлявшегося курса... Гитлер потребовал от Риббентропа „безоговорочной поддержки“ и предупредил его: больше никаких демаршей; он запретил мне говорить об этом с кем-либо; никакая дипломатия, сказал он, не заставит его изменить свое мнение о позиции России, которая была для него совершенно ясна, дипломатия вполне могла бы лишить его такого оружия, как тактическая внезапность нападения. Столкнувшись с непримиримостью Гитлера, Риббентроп уступил и занял типично угодническую позицию... Шуленбурга, уезжавшего из Берлина в спешке, не успели проинформировать о последствиях его встречи с Гитлером». // Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

¹²⁰ Ширер У. «Барбаросса»: очередь России. // ННИ, 1991, № 5. С. 167; см. также Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 163; Некрич Р.М. 1941. 22 июня. С. 129; Гареев М.А. Ещё раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. // ННИ, 1994, № 2. С. 200-201.

В этом контексте примечателен следующий эпизод. В дни подготовки гитлеровского нападения на СССР томик Коленкура о кампании Наполеона в Россию попал в руки советника германского посольства в Москве Гильгера. И вот что он пишет в своих воспоминаниях по этому поводу: «При чтении воспоминаний Коленкура особое впечатление на меня произвело то место, где автор описывает, как он упорно пытался убедить Наполеона встать на его точку зрения в отношении России и говорил о необходимости поддержания хороших франко-русских отношений. Это место книги так живо напоминало мне точку зрения Шуленбурга, которую он выражал всякий раз, когда ему представлялась возможность говорить с Гитлером о Советском Союзе, что я решил использовать это совпадение и разыграть посла.

факт, что советская «внешняя политика, прежде всего, направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели, тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений, заключённых с Германией»¹²¹.

На поставленный Нюрнбергским трибуналом вопрос, располагало ли гитлеровское командование какими-либо данными о подготовке со стороны Советского Союза нападения на Германию, Паулюс ответил: «Примечательным является то, что тогда ничего не было известно о каких-либо приготовлениях со стороны России... Начало войны было приурочено к тому времени, которое являлось бы наиболее подходящим для продвижения больших войсковых частей на территории России. Возможности подобного продвижения ожидалось в середине мая месяца. И соответственно этому были предприняты все приготовления... Этот план, однако, был изменён, так как Гитлер в конце марта решил... напасть на Югославию... В результате своего решения напасть на Югославию Гитлер изменил сроки выступления. Выступление должно было быть отсрочено примерно на пять недель, то есть оно намечалось на вторую половину июня»¹²².

Перед нами документ, подписанный Кейтелем: «Содержание: подготовка к операции „Барбаросса“»: «Время начала операции „Барбаросса“ вследствие проведения операций на Балканах переносится, по меньшей мере, на четыре недели»¹²³. Продолжать приводить нескончаемые свидетельства нет смысла. Все они доказывают одно: ни Гитлер, ни его окружение не верили в возможность нападения Советского Союза на Германию летом 1941 г. и знали, что СССР не желает этого и не готов к этому¹²⁴.

Американский обвинитель Олдерэн заявил на процессе: «Я считаю, что тех документов, которые я сейчас представил и цитировал, более чем достаточно для того, чтобы окончательно установить преднамеренность и хладнокровный расчёт, которые характеризовали военную подготовку для вторжения в Советский Союз. Начав почти за полный год до совершения этого преступления, нацистские заговорщики планировали и подготавливали каждую военную деталь своей агрессии против Советского Союза со всей тщательностью и скрупулезностью... Вторжение на территорию [СССР] является в мировой истории одним из наиболее хладнокровно обдуманных заранее нападений на соседнюю державу»¹²⁵.

В свете вышеизложенного, вызывает, по меньшей мере, удивление, что некоторые историки трактуют мероприятия по обороне страны не как ответную реакцию на действия изготавившегося к нападению противника, сосредоточившегося у западных советских границ, а как целенаправленные действия Кремля с целью нападения на «миролюбивую Германию»!

Однажды, когда посол зашёл ко мне, я сказал, что недавно получил конфиденциальное письмо от приятеля из Берлина; в этом письме имеется очень интересное сообщение о содержании последнего разговора посла с Гитлером. Граф Шуленбург выразил удивление, поскольку он имел основания полагать, что этот разговор известен в Берлине лишь очень немногим. „Как бы там ни было, – ответил я, – вот его текст“. С этими словами я стал ему читать отрывок из книги Коленкура, которую я тщательно спрятал от Шуленбурга, вложив её в папку для документов.

Читая, я не прибавил и не убавил ни одного слова в тексте Коленкура. Я только заменил имена действующих лиц – Наполеона на Гитлера, а Коленкура на Шуленбурга. Посол проявил неподдельное и большое изумление. „Хотя это, по-видимому, не та запись, которую я сделал для себя после встречи с Гитлером, – воскликнул он, – тем не менее, текст почти слово в слово совпадает с тем, что я сказал тогда Гитлеру. Я употребил в разговоре с ним именно эти выражения. Пожалуйста, покажите мне, откуда это письмо“.

Когда я протянул послу спрятанный томик мемуаров Коленкура, удивление его было безгранично, так как совпадение было действительно поразительным. Мы оба сочли это за очень дурное предзнаменование».

// См.: Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. С. 177; Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. С. 291.

¹²¹ Канун и начало войны. Документы и материалы. С. 227; см. также Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 555-556.

Данный вывод подтверждается не только немецкими, но и румынскими документами. Так, посол Румынии в Москве Григорий Гафенку писал в МИД 12 июня 1941 г., что «советское правительство, возглавляемое г-ном Сталиным, старается и далее предоставлять державам Оси и близким к ним государствам доказательства своей доброй воли... Отношения, которые поддерживает наше представительство с министерством иностранных дел, позволяют заметить, что и в отношении нас... советские власти ведут себя доброжелательно и благонамеренно... Самые умиротворительные намерения демонстрируются, естественно, в отношении могучего соседа, Германского рейха... Возникает вопрос, а само германское правительство требует или даже принимает такого рода доказательств? ...В министерстве иностранных дел царит ясная и мирная атмосфера». // *Gafencu Gr. Misiune la Moscova. Culegere de documente*. Buc., 1995. P. 217-218, 220.

В своём отчёте в МИД от 1 августа 1941 г. Гафенку ещё раз подчёркивает, что гитлеровское нападение от 22 июня оказалось совершенно неожиданным: «Есть причины думать, что даже посольство Германии не было точно проинформировано о предстоящем конфликте». // *Ibid*. P. 228.

¹²² Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 602-603.

¹²³ К вопросу о людских ресурсах и численности вооружённых сил Германии во второй мировой войне. // ВИЖ, 1959, № 4. С. 92.

¹²⁴ См.: Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. М., 1989. С. 109-111.

¹²⁵ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 540, 534.

Немецкий историк Г.-И. Шёпс пришёл к выводу, что «стремление России к нападению, в связи с которым Гитлер пытался обосновать свою версию превентивной войны, на самом деле не существовало. Особая угроза германским восточным границам со стороны передвижения русских войск войной того года не установлена». Вслед за Манштейном дислокацию советских дивизий на западной границе автор называет «развёртыванием на всякий случай»¹²⁶.

Степень готовности Красной Армии к войне. Если для кого-то вышеизложенное не является убедительным, то можно продолжить систему аргументов в пользу того, что в 1941 году Советский Союз не только не собирался, но и не мог напасть на нацистскую Германию. Но прежде чем приступить к изложению всей системы доводов, доказывающих неготовность советских войск к нападению, приведём краткую аргументацию Городецкого, раскрывающего необоснованность ещё одного резуновского тезиса: «То, что строительство укрепленных районов не удалось закончить, не было проявлением пренебрежения к обороне из-за чьей-то поглощенности агрессивными замыслами. Причина была куда более прозаическая; в большой мере такое положение дел сложилось из-за нехватки строительных материалов – цемента, леса, колючей проволоки. Не хватило и времени. Суворов вводит читателя в заблуждение, разворачивая полубезумный сценарий, согласно которому Сталин собирал массы своих войск и развёртывал их для того, чтобы нанести удар по немцам»¹²⁷.

На момент 22 июня 1941 г. соотношение сил между советскими и немецко-фашистскими войсками на линии соприкосновения составляло примерно 1:2 (2,9 млн против 5,5 млн, из которых 3,3 млн составляли немецкие сухопутные войска). Если бы Сталин готовился напасть на Гитлера, ему следовало увеличить численность своей армии примерно в 2,5-3 раза. Учитывая состояние советской транспортной сети, уровень механизации Красной Армии и др., приходим к выводу, что мобилизация и переброска войск в приграничные округа длилась бы минимум 1-2 месяца (в зависимости от региона). Ещё около месяца было необходимо для их развёртывания. Т.е., для создания превосходящей немецкие войска группировки и её сосредоточения для удара советскому командованию требовалось хотя бы 2-3 месяца. Это означало, что подготовительные мероприятия могли быть завершены не ранее конца августа – начала сентября. Наступление после этого срока теряло всякий смысл.

Но и в первых числах сентября Красная Армия, даже будучи полностью отобилизована, не смогла бы начать наступление, т. к. призванные в армию резервисты нуждались в некоторой военной подготовке. Это откладывало нападение на Германию ещё на 1-2 месяца. В контексте вышеизложенного следует отметить, что кремлёвское руководство имело относительно верное представление о сконцентрированных у советских границ силах фашистского блока – 4,5 млн чел.¹²⁸ Таким образом, для нападения на них следовало увеличить состав советских войск, как минимум, до 7 млн чел. Как мы видели, это могло случиться не ранее, чем через 3-4 месяца.

Источники свидетельствуют – Сталин осознавал тот факт, что армия была обессилена репрессиями и к середине 1941 года ещё далека от необходимого уровня боеспособности. Её самым слабым местом было недостаточное количество высококвалифицированных командных кадров всех уровней¹²⁹. К началу войны только в сухопутных войсках не хватало по штатам около 67 тыс. командиров, или 16%, а в западных приграничных округах эта цифра составляла 17-25%. Некомплект в лётно-техническом составе ВВС достиг 32,2%, в ВМФ – 22,4%¹³⁰. До 75% командного состава имели стаж пребывания в занимаемой должности всего несколько месяцев¹³¹.

¹²⁶ См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 54.

¹²⁷ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

¹²⁸ По данным разведки на 15 марта 1941 г., численность немецкой армии оценивалась в 8 млн чел.: 260-272 дивизии, из них пехотных – 220, танковых – 20, моторизованных – 21-22; танков – 11-12 тыс., артиллерийских орудий – 52 тыс., самолётов – 9200. // Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. // ННИ, 1995, № 1. С. 55.

¹²⁹ Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии. // ВИЖ, 1988, № 4. С. 45; Крикунов В.П. Куда делись танки. // ВИЖ, 1988, № 6. С. 29.

Израильский историк Арон Шнеер подсчитал, что «из 837 человек, получивших высшие воинские звания в ноябре 1935 г. (от полковника до маршала Советского Союза), 720 было репрессировано. В одном из своих сообщений, – продолжает автор, – немецкая разведка так оценивала последствия репрессий: „60-70% высшего командного состава ВС имеющего опыт боевых действий, пало жертвой крупной чистки летом 1937 г. ...Способности и опыт большинства вновь назначенного высшего командного состава не соответствует требованиям командования крупными воинскими соединениями. Высший и низший командный состав является слабым. Он отличается недостатком опыта, самостоятельности и инициативы”». // Шнеер А. Плен. Т. 1. С. 115.

¹³⁰ Киршин Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // ННИ, 1991, № 3. С. 5; Лето 1941. Украина. Документы и материалы. Хроника событий. Киев. 1991. С. 15.

В предвоенные годы было репрессировано свыше 40 тыс. командиров Красной Армии и лишь немногим более 11 тыс. из них смогли вернуться в строй и принять участие в боях ВОВ. Жертвами сталинского террора стали 3 маршала (В.К. Блюхер, А.И. Егоров и М.Н. Тухачевский) из 5, 2 командарма 1-го ранга из 4, 12 ко-

Вот что говорил о сложившейся ситуации на заседании Главного Военного Совета, которое проходило с 21 по 27 ноября 1937 года, командующий Закавказским военным округом комкор Н.В. Куйбышев (брат В.В. Куйбышева): «А я вот вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, что, скажем, Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареей. У нас в Азербайджанской дивизии – майор. Он до этого времени не командовал ни полком, ни батальоном и в течение последних лет являлся преподавателем училища. Откуда может быть хорошим командиром Грузинской дивизии Джабахидзе, который до этого в течение 2-х лет командовал ротой и больше никакого командного стажа не имеет?»¹³².

Только 7-8 марта 1941 г. приняли свои должности 4 командарма, 42 командира корпусов, 117 командиров дивизий¹³³. А всего в 1940-1941 гг. были вновь назначены на должности 82% командующих округами, 53% командующих армиями, 68,6% командиров корпусов, 71,8% командиров дивизий. И такое положение не случайно, т.к. в годы репрессий генералов было уничтожено в 4 раза больше, чем их погибло за всю Великую Отечественную войну¹³⁴. В этом смысле генерал-полковник Горьков писал: «К началу войны все клетки штатно-должностных книг были заполнены конкретными именами. Беда, однако, была в том, что почти все они имели командирский стаж от полугода до полутора-двух лет. Разумеется, с такими кадрами трудно не только воевать, но даже занять исходное положение для боя»¹³⁵. Воистину накануне войны Красная Армия «хромала на обе ноги»¹³⁶.

С началом войны всё это не смогло не сказаться отрицательно на ходе событий, т.к. качество управления советскими войсками в первые месяцы после 22 июня было крайне низким¹³⁷. Более того, в западных округах 2/3 личного состава составляли солдаты первого года службы, из которых 50% были призывники 1941 г.¹³⁸ Такое положение вещей не могло не повлиять крайне отрицательно на уровень готовности рядового состава к ведению боевых действий. Другими словами, Красная Армия была не готова к ведению крупномасштабной войны. Советское руководство надеялось, что лишний год мира позволит преодолеть эти недостатки. А без этого не может быть и речи о походе на Запад. Те же источники говорят о том, что кремлёвский диктатор искренне опасался германской силы¹³⁹. О каком же

мандармов 2-го ранга из 12, 60 комкоров из 67, 136 комдивов из 199, 221 комбриг из 397, восемь флагманов 1-го и 2-го рангов. В числе репрессированных оказались три заместителя наркома обороны, нарком ВМФ, шестнадцать командующих войсками военных округов, двадцать пять их заместителей, столько же начальников штабов округов, флотов и их заместителей. Без командующих остались все 16 военных округов и 5 флотов, 33 корпуса, 76 дивизий, 291 полк, 12 авиадивизий. Дошло до того, что в Закавказье тремя дивизиями командовали капитаны, а Грузинской дивизией – майор. Войсками всего Сибирского военного округа длительное время командовал капитан. Это стало одной из причин, по которой немецкое командование считало советские вооружённые силы небоеспособными. // См.: Кузнецов И.И. Генералы 1940 года. // ВИЖ, 1988, № 10. С. 29; Киришин Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // ННИ, 1991, № 3. С. 4; Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». М., 1990. С. 7-8; Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995 (militera.lib.ru/research/gorkov2/index.html).

¹³¹ Правда, следует отметить, что данное положение дел имело и объективный характер, а не являлось исключительно следствием сталинских «чисток». «Откуда же взялась нехватка командных кадров перед войной, на которую так любят ссылаться обличители Сталина? – вопрошает И. Пыхалов. – Дело в том, что в это время, по вполне понятным причинам, численность Красной Армии резко увеличивалась. При этом создавались десятки тысяч новых офицерских должностей, которые необходимо было заполнить. Так, если в выступлении на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК ВКП(б) К. Е. Ворошилов сообщил, что «армия располагает по штату 206 тысячами человек начальствующего состава», то к 15 июня 1941 года общая численность командного и начальствующего состава (без политсостава, ВВС, ВМФ и НКВД) составляла по списку 439143 человека, или 85,2 % к штату». //

http://www.fictionbook.ru/ru/author/piyhalov_igor/velikaya_obolgannaya_voyina.

¹³² militera.lib.ru/research/gorkov2/index.html.

¹³³ Киришин Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // ННИ, 1991, № 3. С. 5.

¹³⁴ Романичев Н.М. «Красная Армия всех сильнее»? // ВИЖ, 1991, № 12. С. 3.

¹³⁵ militera.lib.ru/research/gorkov2/index.html.

¹³⁶ Заключительная речь народного комиссара обороны Союза ССР Героя и Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г. // ВИЖ, 1992, № 1. С. 22.

¹³⁷ О хаосе, царившем в советских ВВС и сухопутных силах в первые недели войны, см. документы контрразведки: Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня – 9 июля 1941 г.). // Мельтюхов М., Осокин А., Пыхалов И. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. С. 7-28, 29-93.

¹³⁸ Киришин Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // ННИ, 1991, № 3. С. 11.

¹³⁹ В частности, об этом свидетельствует Г.К. Жуков. В беседе с К. Симоновым он говорил, что «война в Финляндии показала Гитлеру слабость нашей армии. Но одновременно она показала это и Сталину. Это было результатом 1937-1938 годов, и результатом самым тяжёлым. Если сравнить подготовку наших кадров

превентивном ударе может идти речь, если даже после того, как нападение Гитлера на СССР началось 22 июня 1941 г., Красной Армии был отдан приказ: отразить наступление, но государственную границу не переходить?!¹⁴⁰

И, как уже отмечалось, процесс перевооружения Красной Армии современной техникой был лишь на начальной стадии, а без его завершения она была неспособна вести победоносную войну. Для этого требовалось время. Советская промышленность ещё не была переведена на военные рельсы (хотя степень её милитаризации в 1941 г. значительно превосходила по этому показателю западные демократии 1939 года) и в этом смысле явно уступала немецкой.

В этом контексте может возникнуть возражение: советская сторона превосходила немецкую по количеству военной техники. Советский Союз располагал примерно 23 тыс. танков и более 20 тыс. самолётов, в то время как на советских границах Гитлер сосредоточил около 4,3 тыс. танков и 5 тыс. самолётов (из которых 4 тыс. немецких). Но эти цифры требуют уточнений: из более чем 23 тыс. танков (из них 10150 находились в западных приграничных округах¹⁴¹), которыми располагала советская сторона, менее 2 тыс. были новейшей конструкции («Т-34» и «КВ» – 1861 – даже превосходили лучшие немецкие образцы), остальные являлись морально абсолютно устаревшими и несоответствующими требованиям современной войны по главным параметрам: толщине брони (лишь противопульная) и огневой мощи (многие были вооружены только пулемётами). Кроме того, лишь 30% из них были исправны¹⁴². В то же время более трети германских машин были новейших конструкций («Т-3» и «Т-4», имевшие противоснарядную броню и пушку).

Таким образом, в качественном отношении немцы по этим параметрам превосходили советские войска. Та же ситуация была и с боевыми самолётами. Мощную огневую силу представляла советская артиллерия, по боевым качествам превосходившая немецкую, однако она была слабо обеспечена механизированной тягой. В советских ВС явно недоставало такой техники, как радио и автомобили, инженерное вооружение, средства ремонта, транспортировки и заправки горючего и целого ряда другого оборудования, без чего огромное количество танков, самолётов и артиллерии становилось небоеспособным. 45% всего автомобильного парка было неисправным, отсутствовали необходимые запасные части, дороги были отвратительными, а уровень квалификации водителей являлся крайне низким¹⁴³. При таком качественном отставании советское высшее военно-политическое руководство, даже при желании, не могло думать о наступлении на Германию.

Но и здесь могут возникнуть возражения: не имея качественных преимуществ, но располагая абсолютным количественным превосходством, Сталин мог внезапно атаковать, если бы Гитлер его не опередил. Возможно, если бы готовился к этому. Но в том-то и вся суть, что советская сторона была не готова к атаке. В качестве доказательства служит и тот факт, что подавляющее большинство советской военной техники (танков, самолётов) было без экипажей и находилось в состоянии консервации. Для её деконсервации требовались те же 1-2 месяца, так как потенциальные члены экипажей, скажем, танковых, состояли из занятых в народном хозяйстве трактористов. Их перепрофилирование также требовало времени (1-2 месяца). Таким образом, превращение советской техники в крупные бронетанковые соединения было делом времени. И если, допустим, Сталин собирался напасть на Гитлера в июле 1941

перед событиями этих лет, в 1936 году, и после этих событий, в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно. Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была ещё и разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок». // Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. М., 1988. С. 203; см. также «Сталин испытывает страх перед вермахтом». Из дневника Й. Геббельса. // ВИЖ, 1995, № 4. С. 29; Зимарин О.А. Миф «Ледокола». // ВИЖ, 1995, № 4. С. 34.

¹⁴⁰ Директива № 2 народного комиссара обороны СССР, отправленная в войска 22 июня 1941 г. в 7 часов 15 минут за подписью Тимошенко, Жукова и Маленкова. // Лето 1941. Украина. Документы и материалы. С. 109.

Более того, как свидетельствуют не только последующие события, но и документы, Красная Армия оказалась не готовой даже к оборонительным боям и отражению нападения на свою страну. В этом контексте приказом наркома обороны от 19 июня 1941 г. за подписью Тимошенко и Жукова была сделана последняя попытка перед гитлеровским вторжением устранить состояние поразительной беспечности, в котором пребывали войска пограничных округов. // Лето 1941. Украина. Документы и материалы. С. 88-89.

¹⁴¹ Крикунов В.П. Куда делись танки. // ВИЖ, 1988, № 6. С. 29.

¹⁴² См. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945. Краткая история. М., 1970. С. 42; История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 3. М., 1974. С. 420-421; Оружие победы. М., 1987. С. 209; Крикунов В.П. Куда делись танки. // ВИЖ, 1988, № 6. С. 29; Ивашов Л.Г. В последние предвоенные. // ВИЖ, 1989, № 11. С. 14.

¹⁴³ Киришин Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // ННИ, 1991, № 3. С. 7-8; Крикунов В.П. Куда делись танки. // ВИЖ, 1988, № 6. С. 29; Романичев Н.М. «Красная Армия всех сильнее»? // ВИЖ, 1991, № 12. С. 6, 7.

года, ему пришлось бы сделать это без помощи многотысячной танковой армады, которой располагал. Естественно, такое предположение абсурдно.

Аналогичным было положение и с советскими самолётами¹⁴⁴, которые в большинстве своём стояли на аэродромах без экипажей¹⁴⁵. Более того: когда после 22 июня вермахт стремительно наступал в глубь территории СССР, множество советских танков попало в руки немцев, ни разу не покинув место парковки. И как бы это ни казалось, на первый взгляд, странным, они практически не были использованы немцами^г, и причина этому одна – их большая техническая отсталость, делавшая бесполезным такое использование¹⁴⁶. По той же причине они не производились уже и в СССР, и в случае эвентуальной превентивной войны против Германии не смогли бы сыграть в ней значительной роли.

Вывод напрашивается следующий: то огромное численное преимущество, которое имел Советский Союз в танках и авиации, фактически мало что ему давало по причине устарелости большей части советской военной техники. Её невозможно было эффективно использовать в 1941 г., так как она явно уступала немецкой, следовательно, не могла ей противостоять и далеко не всегда была укомплектована боевыми экипажами.

Существовала ещё одна, третья, причина: в 1939 году советское руководство совершило тяжелейшую организационную ошибку – расформировало танковые корпуса, разделив их на полки и батальоны¹⁴⁷. Это немедленно снизило их наступательные возможности: известно, что сила танков состоит в их массированном применении (это доказал Г. К. Жуков в августе 1939 г. на Халхин-Голе), в ином случае эффект от их использования может быть сведён практически к нулю. Осознав свою ошибку, в 1940-1941 гг. советское руководство попыталось её исправить, но до 22 июня сделать это удалось далеко не в полной мере. К этому времени в Советской Армии были восстановлены лишь танковые бригады, а также считанные танковые дивизии и механизированные корпуса, что является дополнительным аргументом в пользу тезиса о невозможности на тот момент крупномасштабного советского наступления в западном направлении.

Правда, нам могут возразить – к 22 июня в западных округах числилось 20 механизированных корпусов. Но то-то и оно – они числились лишь на бумаге¹⁴⁸, реально имея только не до конца укомплектованные управленческие структуры. Большинство из них начали формироваться лишь в марте 1941 г. К началу войны лишь четыре из этих корпусов были полностью укомплектованы личным составом и боевой техникой. Укомплектованность материальной частью (с учётом танков устаревших конструкций) в среднем составляла 30-53%. Ряд корпусов (13, 17, 20 и 24-й) из-за ограниченного количества танков вообще не представлял собой механизированных соединений¹⁴⁹.

---

¹⁴⁴ К примеру, в западные приграничные округа поступило 1540 самолётов новых конструкций, но подготовку на них успели пройти только 208 экипажей. Кроме того, на присоединённых в 1939-1940 гг. территориях явно не хватало аэродромов – их количество лишь наполовину удовлетворяло потребности ВВС западных округов, что вызывало страшную скученность самолётов и облегчило немцам их массовое уничтожение. // Киршин Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // НИИ, 1991, № 3. С. 8, 9; Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии. // ВИЖ, 1988, № 4. С. 44; Романичев Н.М. «Красная Армия всех сильнее»? // ВИЖ, 1991, № 12. С. 7.

¹⁴⁵ А. Верт в связи с этим пишет: «К 22 июня лётчики Прибалтийского военного округа пробыли в воздухе всего по 15 часов, а лётчики Киевского военного округа – только по 4 часа. Цифры поразительные, если вспомнить, что, например, в американской авиации для участия в боевых действиях лётчик должен был налетать 150 часов». // Верт А. Россия в войне. С. 91.

^г Примечание научного редактора: Часть трофейных советских танков немцы передали румынам, а часть всё-таки использовали сами.

¹⁴⁶ Большинство советских танков были марки БТ и Т-26, которые имели запас хода 40 – 150 моточасов. // Крикунов В.П. Куда делись танки. // ВИЖ, 1988, № 6. С. 29; Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии. // ВИЖ, 1988, № 4. С. 43.

¹⁴⁷ 21 ноября 1939 г. танковые корпуса были расформированы. 9 июня 1940 г. нарком обороны утвердил план формирования новых механизированных корпусов. // Крикунов В.П. Куда делись танки. // ВИЖ, 1988, № 6. С. 28; Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии. // ВИЖ, 1988, № 4. С. 43.

¹⁴⁸ Орджилл Д. Самый лучший танк в мире. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 244-245.

¹⁴⁹ Начальный период войны. М., 1974. С. 261; Горьков Ю.А. Кремль, Ставка, Генштаб. Тверь, 1995. С. 85; Безыменский Л.А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // НИИ, 2000, № 3. С. 63.

В тех условиях советскому командованию следовало укомплектовать имеющейся техникой меньшее количество корпусов, примерно 8-10, но которые были бы боеспособны. В действительности же сталинское руководство пошло по самому неэффективному пути, начав комплектацию сразу 20 корпусов и добившись при этом только одного – в Красной Армии на момент 22 июня было крайне мало боеспособных крупных бронетанковых соединений!

«Как бы внушительно ни выглядели эти корпуса на бумаге, ни один из них не был полностью укомплектован танками и другими машинами, — отмечает американский историк Дэвид Гланц. — В отношении управления, подготовки личного состава, состояния связи и тылового материально-технического обеспечения механизированные корпуса также не были пригодны для боевых действий высокой интенсивности»¹⁵⁰.

Правоту данного вывода подтверждает и известный английский военный теоретик и историк Б. Лиддел Гарт: «Своих первоначальных успехов немцы добились только вследствие того, что их противник уступал им в технической оснащённости. Хотя русские и обладали значительным количественным превосходством в танках, общее число средств моторизации у них было настолько ограниченным, что их бронетанковые войска не имели даже полного комплекта механических транспортных средств. Это создало очень серьёзные препятствия при отражении немецких танковых ударов»¹⁵¹.

Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский¹⁵², командовавший в начале войны 9-м механизированным корпусом, писал: «Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. А мотопехота обеих танковых дивизий! Положенных машин у нас не было, но поскольку значилась моторизованной, не имела ни повозки, ни коня»¹⁵³. И далее прославленный военачальник свидетельствует, что «немецкие танковые и моторизованные соединения были оснащены техникой, которая превосходила по своим качествам наши устаревшие машины Т-26 и БТ... Эти машины... горели, как факелы»¹⁵⁴.

Следует особо подчеркнуть, что военно-политическое руководство третьего рейха было прекрасно осведомлено об огромном численном превосходстве над вермахтом, состоящей на вооружении у Красной Армии, боевой техники. Однако это никого не пугало по уже изложенным нами выше объективным причинам — её низким техническим характеристикам. 3 февраля 1941 г. Гальдер докладывал Гитлеру о состоянии советских вооружённых сил: «Общее количество танков... очень велико (до 10000 танков против 3,5 тысячи немецких, но эти танки, очевидно, преимущественно малоценные)»¹⁵⁵.

Доклаживали Гитлеру также по линии ВВС. Помощник уже известного нам Кестринга Кребс^г доносил из Москвы: «Перевооружение идёт полным ходом. Новый истребитель. Новый дальний бомбардировщик». Действие это оказывало своеобразное — Гитлер начинал размышлять, что времени для начала нападения на СССР у него остаётся всё меньше, ведь с каждым месяцем Красная Армия становится всё лучше подготовленной. Сомнений оставалось много, но было ясно одно — время работает не на Германию, а на СССР. К тому же, Кестринг докладывал, что пока Советский Союз ещё слаб: «Советская армия, — писал он 8 мая 1941 г., — улучшилась незначительно. Командный состав неудовлетворителен»¹⁵⁶. Время для нападения было, таким образом, выбрано не случайно — Красная Армия находилась в стадии перевооружения и укрепления командных кадров, и этот процесс был ещё далёк от завершения.

Расположение советских войск у границ. Сторонники «превентивного удара», который будто бы готовил Сталин в 1941 году, отмечают, что об этом свидетельствует и дислокация советских сил, расположенных на западных границах страны: они были сосредоточены на флангах немецких войск, готовые в любой момент к удару. Это абсолютно верно, но доказывает не агрессивные намерения советской стороны, а полную военную некомпетентность сторонников теории «превентивной войны». Любой выпускник любого военного училища любой страны знает, что иным образом войска и не могут быть дислоцированы, если верховное командование придерживается концепции, что наступление является лучшим видом ведения боевых действий, а задачи, поставленные перед армией, даже и самые оборонительные, могут быть достигнуты только наступлением. Такое расположение было продиктовано и принципом неравномерного распределения сил по фронту, без чего полное поражение армии, нарушающей этот принцип (не имеет значения, защищается она или готовится атаковать), абсолютно неизбежно.

¹⁵⁰ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

¹⁵¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 153.

¹⁵² Его выдающуюся роль в деле разгрома гитлеровских орд в годы Великой Отечественной войны невозможно переоценить. Из замечательной плеяды советских полководцев он единственный, которого смело можно поставить в один ряд с «маршалом Победы» Г.К. Жуковым.

О жизни и деятельности К.К. Рокоссовского смотри очерк: Рубцов Ю.В. «Советский Багратион» маршал К.К. Рокоссовский (1896-1968). // ННИ, 2004, № 6.

¹⁵³ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1972. С. 12.

¹⁵⁴ Ibid. С. 20, 38.

¹⁵⁵ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 287.

^г Примечание научного редактора: Последний начальник германского генерального штаба, покончивший жизнь самоубийством в Берлине в мае 1945 г.

¹⁵⁶ Ibid. С. 288; militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

Естественно, советское командование допустило много ошибок, в том числе и в вопросе конкретно-го развёртывания войск вдоль границы. Так, к примеру, склады со снаряжением, боеприпасами, топливом и т. д. были расположены слишком близко к границе, оказавшись после нападения в зоне досягаемости немецкой артиллерии, и многие из них были захвачены стремительно наступавшими передовыми частями вермахта¹⁵⁷. Но это были ошибки в деталях, но не принципа. В целом, в соответствии с законом неравномерного распределения сил по фронту, расположение советских войск было правильным, и быть другим не могло. Правда, в вопросе о выборе главного направления возможного германского удара командование РККА допустило серьёзный просчёт: оно посчитало, что попытку основного прорыва вермахт предпримет на юге, через Украину; в то время как главный удар был нанесён через Белоруссию, на Москву. Это в значительной степени отрицательно сказалось на ходе военных действий советских сил летом 1941 г., т.к. их основная группировка располагалась на Украине, а не на московском направлении.

Но даже в таком случае возникает законный вопрос: почему, если дислокация войск была в основном правильной, Красная Армия потерпела столь тяжёлые поражения и отступила в глубь страны до Москвы и Сталинграда? Ответ один – она была атакована внезапно, будучи неготовой к обороне и очутившись в условиях абсолютно неблагоприятного соотношения сил. На главных направлениях ударные немецко-фашистские группировки имели 3-4-кратное преимущество. Зная о подготовительных мероприятиях германской армии у советских границ, Сталин ничего не предпринял для предупреждения нападения¹⁵⁸. И вновь возникает вопрос: почему? Как это ни странно на первый взгляд – по причине своего реализма. Он получал достоверную информацию о сосредоточении германских войск в Польше и Румынии против СССР и знал, что они превосходят советские¹⁵⁹.

Причины неверия советского лидера в гитлеровское нападение на СССР в 1941 г. Но одновременно Сталин был убеждён, что их недостаточно для уничтожения Советского Союза, даже если и удастся разгромить русские армии в приграничном сражении. Главное, в чём был уверен Сталин – это факт, что Германия не располагает силами для победы над Красной Армией в одной блицкампании. Этот вывод подтверждал и приказ фюрера, ставший известным советской разведке, об уменьшении производства вооружений, следовательно, не могло быть и речи о начале антисоветской войны. Плюс к тому он знал, что Гитлер совершенно не готов к длительной войне в условиях приближающейся русской зимы: немецкая армия не располагала тёплой одеждой, а военная техника – зимним маслом (даже промышленно-технологические возможности Германии для его производства были недостаточны на тот момент). А если так, он и не станет вторгаться в СССР.

Таким образом, стратегически логика кремлёвского диктатора работала в верном направлении. Но, с тактической точки зрения, он ошибся, и его ошибка стала роковой для десятков миллионов человек. Гитлер оказался намного большим авантюристом, чем это мог себе представить Сталин. Он решился напасть на СССР, проигнорировав уроки прошлого и будучи абсолютно неготовым к войне в зимних условиях. Именно этого Сталин и не допускал. Будучи реалистом, он не мог поверить, что Гитлер не понимает элементарных вещей – Россию невозможно победить в одной молниеносной кампании, да ещё и армией, не оснащённой для преодоления суровых русских морозов. А тот факт, что план «Барбаросса» находился на его столе и был знаком до мельчайших деталей¹⁶⁰, воспринимался в этих усло-

¹⁵⁷ См.: Петров Б. К наступлению готовы... // Родина, 2011, № 6. С. 16.

¹⁵⁸ См.: Кондрашов В. «Собирайте факты». Как военная разведка освещала подготовку Германии к нападению на Советский Союз. // Родина, 2011, № 6. С. 4-6.

Интересна оценка Дж. Боффа: «Разумеется, ориентироваться было нелегко. Вместе с приведёнными сведениями поступили и другие, говорящие, казалось, о прямо противоположных намерениях Германии. Ведь не случайно некоторые из главных участников событий, например, правительство Японии и английская разведка, располагая аналогичной информацией, не сумели предвидеть, какой оборот примут события». // Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 14.

¹⁵⁹ Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. // ННИ, 1995, № 1. С. 54, 55, 57-58.

¹⁶⁰ Ibid. С. 56; Розанов Г.Л. Сталин – Гитлер. М., 1991. С. 187; Ивашутин П.И. Стратегия и тактика вероломства. // ВИЖ, 1991, № 6. С. 10; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 285; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. М., 1990. С. 166.

28 декабря 1940 г. советский разведчик Ильза Штёбе узнала содержание «директивы № 21». 29 декабря об этом узнал и Ф.И. Голиков и незамедлительно передал данную информацию Сталину, Молотову, Тимошенко и Мерецкову. // Лота В. «Альта» и «Арьин». // Родина. 2011, № 10. С. 18, 21.

Правда, не все исследователи согласны с тезисом о том, что Сталину в мельчайших подробностях вскоре после его подписания Гитлером стал известен план «Барбаросса». В этой связи Алексей Исаев пишет: «Действительности это никак не соответствует. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор В.И. Тупилов доложил в Москву о том, что „Гитлер отдал приказ о подготовке к войне против СССР. Война будет объявлена в марте 1941 г.“ ...Однако главная проблема заключалась в том, что источник сам не видел этого документа. Уточняющее сообщение содержало следующие сведения: „Подготовка наступления

против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на Востоке». Отметим, что в уточняющем сообщении уже отсутствует точная дата нападения на СССР, заменённая на абстрактное „весна 1941 г.” Сам по себе этот факт получения информации о некоем решении Гитлера относительно СССР является крупной удачей советской разведки. Но картину безнадежно портят неточности в процитированном сообщении. 18 декабря Гитлер не отдавал приказа о подготовке войны с СССР, это событие произошло на полгода раньше, в июне – июле 1940 г. В декабре 1940 г. был уже подписан стратегический план войны с СССР, нападение перешло из области политического замысла в плоскость практической реализации. Но куда хуже было другое: нападение на СССР безусловно привязывалось к выводу из войны Англии. Это уже выглядит как дезинформация. В директиве №21 „Барбаросса” был указан примерный срок завершения военных приготовлений – 15 мая 1941 г. и подчёркивалось, что СССР должен быть разгромлен „ещё до того, как будет закончена война против Англии”». // Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. С. 87-89.

Того же мнения придерживается и М.И. Мельтюхов: «В литературе можно встретить утверждения, что „материал об основных положениях плана „Барбаросса”, утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву”. К сожалению, это не соответствует действительности... Тогда советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось неизвестным, как и кодовое слово „Барбаросса”... Имеющиеся материалы не подтверждают версию о том, что советской разведке „удалось раскрыть замысел германского командования” и „своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии”...

По сведениям Разведуправления, отмечает далее М. Мельтюхов, на 1 июня на Востоке было сосредоточено всего 41,6% германских дивизий, а против Англии – 42,6%. Исходя из этих показателей, никто в Москве не стал бы делать вывод о завершении подготовки удара по СССР. На самом деле к 21 июня против СССР было развернуто 62% дивизий вермахта. Таким образом, советской разведке не удалось достоверно установить состав вооруженных сил Германии и их группировку на Востоке, что затрудняло оценку угрозы Советскому Союзу». // militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

Эта же мысль красной нитью проходит и в системе доказательств И. Пыхалова: «Увидев очередной рассказ про доблестных советских агентов, якобы узнавших точную дату немецкого наступления за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны, можно не сомневаться – перед нами ещё один образец ненаучной фантастики. В лучшем случае речь может идти лишь об ориентировочном сроке. Однако и здесь официозная историография, утверждающая, будто стоило Гитлеру подписать план „Барбаросса”, как наши разведчики тут же сообщили в Москву примерную дату нападения, а затем, по мере приближения войны, называли всё более точные сроки её начала, к сожалению, выдаёт желаемое за действительное.

Наиболее популярна легенда о предупреждениях, сделанных Рихардом Зорге. Что же именно докладывал из Токио этот советский разведчик? ...Наконец, 20 июня сообщается, что „война неизбежна”. А то мы не знали... А как же быть со знаменитым предупреждением „Нападение произойдёт на широком фронте на рассвете 22 июня”, якобы отправленным Зорге 15 июня, про которое не писал только ленивый? Увы, как выяснилось, это вульгарная фальшивка... Теперь представим, как это выглядело с точки зрения Сталина: проходит один предсказанный срок, затем второй, третий, а войны всё нет и нет. Какой должна быть его реакция?.. Со сроками нападения наши разведчики оказались не на высоте». Кроме того, продолжает автор, «создавалось неверное представление о распределении немецких сил между Востоком и Западом. В самом деле, если разведка приписала вермахту лишние дивизии, то эти „виртуальные” дивизии должны где-то находиться. Очевидно, на Западе. Так, по мнению Разведуправления Генштаба Красной Армии, на 1 июня 1941 года: „Общее распределение Вооружённых сил Германии состоит в следующем: против Англии (на всех фронтах) – 122-126 дивизий; против СССР – 120-122 дивизии; резервов – 44-48 дивизий”. Понятно, что при таком раскладе вовсе не очевидно, против кого будет нанесён немецкий удар». // http://www.fictionbook.ru/ru/author/piyhalov_igor/velikaya_obolgannaya_voyina.

Конечно, в доводах А. Исаева, И. Пыхалова, М. Мельтюхова и др. есть серьёзная логика, в том смысле, что план «Барбаросса» не сразу и не во всех деталях стал доступен советскому руководству. Однако к 22 июня 1941 г. у него уже было огромное количество сведений о готовящемся фашистами нападении. И в этом плане Габриэль Городецкий довольно высоко оценивает деятельность советских спецслужб накануне войны, при этом вполне логично объясняя, почему Сталин не верил разведке: «Как мы видели, вопреки господствующему мнению, органы советской разведки превосходили западные разведки по точности и достоверности информации относительно намерений немцев в 1940 году...

Совершенно очевидно, что Сталину поступало огромное количество подобных сообщений (т.е., неверных – С.Н.), которые сейчас не спешат извлекать из московских архивов; смешиваясь с сообщениями, свідетельствовавшими о подготовке к войне, они запутывали общую картину. Хотя они и не отрицали возможность войны, но разжигали в Кремле надежду на то, что войну все ещё возможно оттянуть. Они усиливали впечатление того, что подготовка к войне всё ещё не закончена. В такой обстановке Сталин просто-напросто отказывался верить разведывательной информации... Русские совершенно очевидно колебались в своих оценках... Несмотря на атмосферу отчаяния, воцарившуюся там, Сталин оставался непоколебим в своей уверенности в провокациях англичан, с одной стороны, и в том, что перед нападением немцы предъявят ультиматум, с другой». // Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»); см. так же: militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html.

виях как дезинформация¹⁶¹. Именно на этом основывалась уверенность Сталина, что в 1941 г. Гитлер не нападёт и что у Красной Армии есть ещё год, чтобы полностью завершить подготовку к войне. Вот почему гитлеровское нападение на заре 22 июня 1941 г. оказалось столь неожиданным для советской стороны (но не для многих высших военных) и стоило так дорого.

Принципиальную правильность мышления Сталина в этом вопросе подтверждает и такой эпизод. Незадолго до нападения на СССР Паулюс (в то время заместитель начальника генштаба) стал докладывать Гитлеру о трудностях снабжения войск в зимних условиях, и тот пришёл в неистовство: «Эту болтовню... я не намерен больше слушать. Никакой зимней кампании не будет. В этом отношении вы можете положиться на моё дипломатическое искусство. Нашей армии нужно только нанести русским несколько хороших ударов... Тогда выяснится, что русский колосс стоит на глиняных ногах. Я категорически запрещаю говорить при мне о зимней кампании!»¹⁶².

А вот мнение российского исследователя А. Шубина по данному вопросу: «Сталин знал, что Гитлер не готовится к войне зимой. Из этого следовали вовсе не те выводы, которые делает Суворов. Если Гитлер не собирается зимой штурмовать Москву, то это ещё не значит, что он вовсе не собирался её штурмовать. Сталин знал, что СССР располагает достаточными силами, чтобы немцы не могли совершить военную прогулку до Москвы. Как в этих условиях должен действовать Гитлер? Разумеется, применять стратегические „клещи“. В первый сезон захватить Ленинград и Украину, где и перезимовать. Для ведения незначительных боевых действий зимой Гитлер имел запас зимнего обмундирования. А во второй, в удобное время года – двигаться на Москву с севера и юга. Соответствующим образом ожидалось и сосредоточение немецких войск. Дискуссия в советском военном руководстве велась прежде всего о том, где стоит ожидать сосредоточения главных сил противника – на севере или на юге. То, что главный удар будет нанесён в центре, казалось стратегическим нонсенсом – ведь тогда придётся вести всю кампанию в один сезон, да ещё по расходящимся направлениям. Это казалось невероятным»¹⁶³.

Г.К. Жуков подтверждает осведомлённость Генштаба и военной разведки в отношении планов фашистов¹⁶⁴. Однако он свидетельствует, что Голиков (руководитель ГРУ) не только информировал, но и одновременно дезинформировал Сталина, обесценивая важнейшие сообщения нелепыми приписками: «1. На основании всех приведённых выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года, считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией... 2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценить как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»¹⁶⁵.

Уже в 1965 г., на вопрос историка Виктора Анфилова: «Почему вы сделали такой вывод?», Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков ответил, что «в условиях культа личности он был вынужден делать такие заключения, которые соответствовали бы точке зрения Сталина и его требованию „не провоцировать“ войну с немцами»¹⁶⁶. В связи с тем, что Гитлер неоднократно переносил сроки нападения на СССР, Сталину называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня. «Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, Сталин, – говорил Голиков В.А. Анфилову, – окончательно уверовал в то, что Германия не нападёт в 1941 г. на СССР, если её не спровоцируют, а к нашим докладом стал относиться ещё с большим недоверием и подозрительностью»¹⁶⁷.

Поведение советских государственных органов накануне гитлеровского нападения. Ряд мер по повышению боевой готовности войск предпринимался Наркоматом обороны, Генеральным штабом и военными советами округов. Однако, когда об этом становилось известно «вождю» и его окружению, такие мероприятия расценивались как способные вызвать провокацию и немедленно отменялись со строжайшим предупреждением не допускать ничего подобного в будущем. «Сталин, – отмечает Г. Городецкий, – действовал совсем не как поджигатель войны, каким его изображает Суворов. Он посто-

¹⁶¹ Известно, что этот план предусматривал разгром СССР за 6-8 недель, с выходом вермахта на линию Архангельск – Москва – Волга (См. Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 198-203). В нём даже не допускалась мысль о возможности остановок наступления на Восток по причинам сопротивления Красной Армии. Но если и допустить столь невероятный сценарий простой «прогулки» по русским степям, то и тогда, за полтора-два месяца, даже передовые моторизованные и танковые части Гудериана и Клейста вряд ли смогли бы достичь намеченного рубежа: они должны были останавливаться для дозаправки и отдыха, держиваться при преодолении водных преград, неизбежно затруднялся бы ход при движении узкими колоннами через лесные массивы и болота, в грязь приходилось бы продвигаться исключительно по шоссейным дорогам, что также замедляло темпы наступления и т.д.

¹⁶² Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965. С. 256.

¹⁶³ Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 466-467.

¹⁶⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 257-258.

¹⁶⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 240.

¹⁶⁶ Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 91.

¹⁶⁷ Ibid. С. 92.

янно сдерживал свои вооруженные силы после того, как в середине мая были проведены мероприятия по мобилизации. Он опасался, что ситуация может быстро выйти из-под контроля»¹⁶⁸. Бывший командующий 8-й армией П.П. Собенников вспоминал, что накануне войны чувствовалась большая нервность, несогласованность, неясность, боязнь «спровоцировать» войну. За несколько дней до нацистского нападения на командный пункт армии стали поступать по телефону и телеграфу весьма противоречивые указания об устройстве засек, минировании и т.п., причём одним распоряжением эти мероприятия приказывалось производить немедленно, другим они отменялись, затем опять подтверждались, чтобы вновь отменить¹⁶⁹.

А вот оценка той ситуации, данная российским историком Александром Шубиным: «Гитлер сосредоточил против СССР гораздо меньше сил, чем ожидало советское командование. Он недооценивал военную мощь СССР. Советское командование знало, что с такими силами воевать против СССР – безумие. Поэтому и не ожидало удара. К тому же крупная группировка вермахта всё ещё располагалась почти в центре фронта (это была группа армий „Центр“). С точки зрения советских ожиданий это значило, что немцы ещё далеки от своих исходных позиций. Сейчас их важно не спугнуть – иначе они смогут парировать советский „упреждающий удар“»¹⁷⁰.

При этом не следует игнорировать тот факт, что кроме высших военно-политических руководителей Германии, никто в мире с точностью не мог утверждать, по какому сценарию будут развиваться события во второй половине июня 1941 г. Поэтому обвинять советское руководство с абсолютной категоричностью в том, что оно не разобралось в ситуации, по всей видимости, не следует. Хотя, естественно, этот факт не снимает со Сталина и его ближайших сподвижников ответственность за просчёт накануне 22 июня.

По мнению Г. Городецкого, Ассарассон, дуайен дипломатического корпуса в Москве и внимательный наблюдатель кремлевских событий, лучше всех описал атмосферу в Кремле в последние мирные дни: «Никто не знает или не хочет сказать, что происходит, если происходит, на дипломатическом фронте. Один полагает, что идут переговоры, другой – что они ещё не начались, третий – что не будет никаких переговоров, а будет ультиматум. Одни говорят, что требования, предъявлены они или нет, касаются Украины и бакинских нефтяных месторождений, другие считают, что они связаны с другими вопросами. Некоторые полагают, что в число требований входят демобилизация и разоружение Украины. Большинство думает, что война неизбежна и близка; некоторые думают, что война входит в намерения и желания немецкой стороны. Немногие считают, что войны не будет, по крайней мере, в настоящий момент, и что Сталин пойдет на большие уступки, чтобы избежать войны. Одно несомненно: скоро мы станем свидетелями либо битвы глобального значения между Третьим Рейхом и Советской Империей, либо самого грандиозного шантажа в мировой истории»¹⁷¹.

Эта тенденция сохранялась вплоть до последних часов перед нападением. Так, вечером 21 июня, всё политическое руководство страны находилось в кремлёвском кабинете Сталина, куда после донесения о немецком перебежчике, сообщившем о предстоящем на рассвете следующего дня вторжении, также были приглашены Тимошенко, Жуков и Ватутин с проектом директивы о приведении войск в боевую готовность. Просмотрев её, Сталин сделал замечания и дал указания Жукову о переработке документа. Его указания и тут были пронизаны требованием «не спровоцировать немцев к нападению»:

«– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил С.К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду...

– Что будем делать? – спросил И.В. Сталин...

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком...

– Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос ещё уладится мирным путём. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений»¹⁷².

«Даже когда Молотов вернулся с печальным известием, – пишет Городецкий, – Сталин не разрешил военным приступить к осуществлению планов обороны, утвердив специальную директиву, которая, в частности, все ещё запрещала войскам, “за исключением авиации”, вторгаться в расположение немецких войск. Он явно сохранял иллюзию, будто войну можно отсрочить. Но в условиях внезапного нападения и без предварительной подготовки результативное выполнение директив было невозможно»¹⁷³.

¹⁶⁸ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

¹⁶⁹ Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 104-105.

¹⁷⁰ Шубин А.В. Мир на краю бездны. С. 472.

¹⁷¹ militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html.

¹⁷² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 243.

¹⁷³ militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html.

Из Москвы зашифрованная директива была отправлена в 0³⁰ ч. 22 июня. В округах она была получена через час, а в штабы армий её направили в третьем часу утра. До многих соединений её так и не довели. К тому же, некоторые командующие округами и армиями, будучи запуганы многочисленными требованиями «не спровоцировать», направляя директиву в войска, указывали: «В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полётах над нашей территорией немецких самолётов не показываться и до тех пор, пока самолёты противника не начнут боевых действий, огня не открывать». Даже когда вражеские войска начали вторжение, генерал-полковник Ф.И. Кузнецов доносил маршалу Тимошенко, что он «принял меры, чтобы бомбить противника, не перелетая границы»¹⁷⁴.

Поднятые в воздух после первого вражеского налёта авиационные части, через час пребывания в воздухе в зоне ожидания возвращались на свои аэродромы. Командующие ВВС округов получили приказ: границу не перелетать, уничтожать воздушного противника только над своей территорией, держать авиацию в постоянной готовности к выводу из-под удара¹⁷⁵. Задержка с постановкой боевых задач и неясность обстановки дезориентировали личный состав авиационных соединений. В таких условиях люфтваффе уничтожали советские самолёты прямо на аэродромах¹⁷⁶.

Вот некоторые примеры первых военных часов. Севастополь. Разговор командующего Черноморским флотом адмирала Ф.С. Октябрьского с Москвой: «Да, да, нас бомбят... – необычно резким голосом говорит Октябрьский...

– В Москве не верят, что Севастополь бомбят, – приглушённо произнёс Кулаков»¹⁷⁷.

Москва. После издания директивы №1 нарком обороны начинает звонить по округам, выясняет обстановку. За короткое время Тимошенко четвёртый раз звонит в штаб Западного особого военного округа. Заместитель командующего генерал Болдин докладывает новые данные. Выслушав его, нарком говорит: «Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность Вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам». Болдин кричит в трубку: «Как же так? Ведь наши войска вынуждены отступать. Горят города, гибнут люди!». Болдин настаивает на немедленном вводе в дело механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной. Ответ наркома гласит: «Никаких иных мер не предпринимать, кроме разведки в глубь территории противника на 60 километров»¹⁷⁸.

О какой подготовке СССР к нападению на Германию можно говорить в этой ситуации? Сама постановка вопроса абсурдна. Другими словами, допущенный Сталиным военно-политический просчёт пагубно отразился на положении войск приграничных округов, застигнутых врасплох мощнейшим немецким ударом. Можно с полной уверенностью утверждать, что, если бы не упорство Сталина, вермахту не удалось бы внезапное вторжение, и тогда не только война в целом, но и её начальный период приобрели бы совершенно иной характер.

Интересно в этом смысле мнение профессора Стэнфордского университета (США) Нормана Наймарка, который на вопрос «Какие новые объяснения есть тому, что Советский Союз потерпел такие страшные поражения в первые месяцы войны?» ответил следующим образом:

«Предполагаю, что старые толкования остаются правильными – Сталин настолько не хотел схватки в 1941 г., что к ней толком не готовился. Он опасался, что если он поставит войска под ружье, это спровоцирует нацистов.

Имеет также смысл сослаться на работу Дэвида Гланца „Колосс поверженный” (David Glantz. „Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War”), которая акцентирует внимание на плохую тактику Красной Армии. Мне сложно представить, что кто-то выдвинет новый тезис, по другому и при этом правильно объясняющий поражения СССР летом-осенью 1941 г.»¹⁷⁹.

Легендарный маршал утверждает, что военные круги были уверены в близости войны. Он даже признавал часть вины за собой и своими коллегами, которые не сделали всего возможного, чтобы убедить Сталина в неизбежности близкой войны и необходимости провести все мероприятия по мобилизационным и оперативным планам¹⁸⁰. Но Жуков умалчивает, что робость и пассивность военных объяс-

¹⁷⁴ Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 104.

¹⁷⁵ Ibid. С. 113.

¹⁷⁶ См.: Энтони Бивор. Сталинград. М., 1999. http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/stalingr_131/page-2-stalingr_131.html.

¹⁷⁷ Азаров И.И. Начало войны в Севастополе. // ВИЖ, 1962, № 6. С. 82.

¹⁷⁸ Болдин И.В. Страница жизни. М., 1961. С. 86.

¹⁷⁹ Клио. Журнал для учёных. 2011, №3 (54). С. 3.

¹⁸⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 238, 238-239, 241-244.

Его мнение подтверждается и А.М. Василевским: «Полагаю, что Сталин не один несёт ответственность перед Родиной за крайне неудачное развитие войны в первые её месяцы. Эта ответственность лежит и на других. Пусть в меньшей мере, но её несут Нарком обороны и руководящие лица Генерального штаба того времени. Они в силу своего высокого положения и ответственности за состояние Вооружённых Сил не должны были во всём соглашаться со Сталиным и более твёрдо отстаивать своё мнение». // Василевский А.М. В те суровые годы. // ВИЖ, 1978, № 2, 68.

нялись созданным в армии, спецслужбах¹⁸¹, как и во всей стране, режимом жесточайшего террора. К. Симонов справедливо писал: «Сталин несёт ответственность не только за то, что он с непостижимым упорством не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков. Главная его вина перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности и не располагали правами для того, чтобы принять достаточные меры к её предотвращению»¹⁸².

К этому можно добавить, что, планируя внешнюю политику, Сталин, как и всякий деспот, исходил не столько из реального, сколько из воображаемого комплекса условий и факторов. Хотя здесь следует повториться, что, в смысле понимания факта стратегической неготовности Германии к войне с СССР, Сталин был величайшим реалистом. Его просчёт состоит в том, что он недооценил авантюризм Гитлера, не учёл его при планировании советской внешней и оборонной политики. Он оценивал Гитлера до 22 июня 1941 г. не как склонного к авантюрам маньяка, принимавшего свои иллюзии за реальность, а как разумного государственного деятеля. В этом и состоял величайший просчёт Сталина! Косвенно, подтверждение этой мысли мы вновь находим у Г.К. Жукова. Готовя мемуары, маршал так излагал суть споров между ним и руководителем страны: «Я хорошо помню слова Сталина, когда мы ему докладывали о подозрительных действиях германских войск: „Гитлер и его генералитет не такие дураки, чтобы воевать одновременно на два фронта, на чём немцы сломали себе шею в первую мировую войну... У Гитлера не хватит сил, чтобы воевать на два фронта, а на авантюру Гитлер не пойдёт”»¹⁸³.

Мероприятия германского руководства по введению в заблуждение своих противников накануне 22 июня. Весной 1941 г. Берлином была развёрнута широкомасштабная акция по дезинформации советского правительства относительно намерения Германии напасть на СССР¹⁸⁴. Геббельс записал в дневнике: «Распространяемые нами слухи о вторжении в Англию действуют. В Англии уже царит крайняя нервозность. Что касается России, то нам удалось организовать грандиозный поток ложных сообщений. Газетные „утки” не дают за границе возможности разобраться, где правда, а где ложь. Это та атмосфера, которая нам нужна... Русские, кажется, ещё ни о чём не подозревают»¹⁸⁵. И, как оказалось, гитлеровский министр пропаганды был прав, в принципе. В этом смысле показательное «доверительное» письмо Гитлера Сталину, которому, по свидетельству Г.К. Жукова, советский руководитель поверил. В нём фюрер писал, что т.к. «территория Западной и Центральной Германии подвергается мощным английским бомбардировкам и хорошо просматривается с воздуха, он был вынужден отвести крупные контингенты войск на Восток». И сделал это будто с той целью, чтобы иметь возможность скрытно перевооружить и переформировать их там, в Польше, перед решительным броском на Англию¹⁸⁶.

В разработке мероприятий по маскировке сосредоточения немецких войск на Востоке принимали участие как органы оперативно-стратегического руководства, так и абвер¹⁸⁷. Маскировочные мероприятия планировалось осуществить в два этапа: первый – до середины апреля 1941 г. – включая маскировку общих военных приготовлений, не связанных с массовой перегруппировкой войск. Второй – с апреля по июнь 1941 г. – маскировка сосредоточения и оперативного развёртывания войск у границ СССР¹⁸⁸.

На первом этапе предусматривалось создать ложное представление относительно истинных намерений немецкого командования, используя различного рода приготовления к вторжению в Англию, а также к операциям на Балканах и Северной Африке. Первоначальное развёртывание войск для нападения на СССР планировалось проводить под видом обычных для армии перемещений. При этом ставилась задача создать впечатление, что центр концентрации вооружённых сил находится на юге Польши, в Чехословакии и Австрии, а скопление войск на севере относительно невелико.

На втором этапе, когда, как отмечалось в директиве № 21, скрыть подготовку к нападению на Советский Союз станет уже невозможно, сосредоточение и развёртывание сил для восточной кампании

¹⁸¹ Так разведка была в буквальном смысле разгромлена. Были репрессированы сотни разведчиков, заменённых совершенно неопытными сотрудниками. По подсчётам Вячеслава Кондрашова, с 1936 по 1940 год было репрессировано 863 человека, которые работали в различных структурах военной разведки. При этом по штату 1939 года в Разведывательном управлении состояло 445 человек, включая уборщиц и водителей. // См.: Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. // ННИ, 1995, № 1. С. 51-52; Кондрашов В. «Достоверные сведения о противнике». Система военной разведки РККА и ВМФ СССР в предвоенные годы. // Родина. 2011, № 10. С. 8-9, 10.

¹⁸² Симонов К. Уроки истории и долг писателя. // Наука и жизнь, 1987, № 6. С. 46.

¹⁸³ ННИ, 2000, № 3. С. 64.

¹⁸⁴ Подробнее см.: Вишнёв О.В. Почему же медлил Сталин в 1941 г.? Из германских архивов. // ННИ, 1992, № 2. С. 70-79; Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. С. 198.

¹⁸⁵ ННИ, 1994, № 2. С. 201.

¹⁸⁶ Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. С. 201.

¹⁸⁷ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 530.

¹⁸⁸ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 107-109.

планировалось представить в виде ложных мероприятий, проводимых, якобы, с целью отвлечения внимания от намеченного вторжения в Англию. Этот отвлекающий маневр гитлеровское командование выдавало за «величайший в истории войн».

Фашистская клика добивалась того, чтобы сохранить у личного состава своих вооружённых сил впечатление, будто подготовка к высадке в Англию продолжается, но в новой форме: выделенные для этой цели войска отводятся в тыл до определённого момента¹⁸⁹. Важное значение придавалось, в частности, распространению дезинформационных сведений о несуществующих авиадесантных корпусах, будто бы предназначенных для вторжения в Англию. О предстоящей высадке на Британские острова должны были свидетельствовать такие факты, как прикомандирование к войсковым частям переводчиков с английского языка, выпуск новых английских топографических карт, справочников и т.п.

Среди офицеров группы армий «Юг» распространялись слухи о том, что германские войска будут переброшены в Иран для ведения войны за захват английских колоний. В указаниях начальника штаба ОКВ от 9 марта рекомендовалось представлять развёртывание вермахта на Востоке в качестве оборонительного мероприятия по обеспечению тыла Германии на время высадки в Англии и операций на Балканах¹⁹⁰.

Суть советской внешней политики в последние месяцы перед войной. И последнее. Наши домогренные сторонники версии «превентивной войны» пытаются доказать, что и внешняя политика Советского Союза в последние предвоенные месяцы свидетельствует о том, что Сталин-де готовил удар против Гитлера и потому не внял многочисленным предупреждениям о готовящемся на СССР нападении. Как бы полемизируя с ними, известный американский публицист У. Ширер в своей книге «Взлёт и падение „третьего рейха“» пишет: «Кремлёвская команда, и прежде всего Сталин, при всей своей репутации практиков-реалистов (такowymi они, несомненно, были) по-прежнему слепо верили, что Россия сумеет как-то избежать гнева нацистского тирана... Было однако, что-то ирреальное, гротескное, почти невероятное в дипломатических сношениях Москва – Берлин в эти недели. Немцы неуклюже старались обмануть Кремль до самого последнего момента. А советские лидеры словно желали продолжения этого обмана, как будто были не в состоянии признать действительность и что-то сделать»¹⁹¹.

И далее он продолжает: «Просто не укладывается в сознании, как кремлёвская команда... несмотря на совершенно явные признаки и поступавшие со всех сторон предупреждения, до самого последнего момента как будто не сознавала, какая чудовищная угроза нависла над страной – угроза нацистского уничтожения»¹⁹². Лишь поздно вечером 21 июня посол в Москве граф Шуленбург получил кодированную телеграмму из Берлина, в которой требовалось немедленно уведомить Молотова, что он должен сделать ему срочное сообщение, которое и разъяснило всё¹⁹³. В этом контексте Ширер пишет: «Далее следовала уже знакомая декларация, наполненная ложью и фабрикациями, которые Гитлер с Риббентропом так мастерски наловчились стряпать... Но здесь нацисты поставили рекорд наглости и обмана»¹⁹⁴. СССР обвиняли в подготовке к нападению на Германию. Именно из этого «первоисточника» (ни в одно слово которого не верили ни его составители, ни, естественно, сам граф Шуленбург) и черпают свои «аргументы» сторонники «теории превентивной войны».

Особенно много нареканий в адрес Сталина приводится в связи с предупреждением его Черчиллем о концентрации немецких войск у советских границ¹⁹⁵. Этот вопрос основательно рассмотрел известный израильский историк Г. Городецкий, камня на камне не оставивший от лживой «теории» предателя родины Резуна¹⁹⁶. В этом контексте особое место занимает т.н. «миссия Гесса»: Г. Городецкий дока-

¹⁸⁹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 77-78.

¹⁹⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 120; История второй мировой войны. Т. 3. С. 241-242.

¹⁹¹ См. ННИ, 1991, № 5. С. 165.

¹⁹² Ibid. С. 171.

¹⁹³ См.: Соколов В.В. Германский посол в Москве в 1934-1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом. // ННИ. 2010, № 2. С. 166.

¹⁹⁴ Ibid. С. 172; см. также: Ширер У.Л. План «Барбаросса». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 47.

¹⁹⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1991. С. 160, 162; Некрич Р.М. 1941. 22 июня. С. 120-125.

При этом Городецкий пишет, что «английская разведка абсолютно не верила в неизбежность войны между Россией и Германией. Наоборот. Она прогнозировала германо-советское соглашение... Английские Форин Оффис и разведка пытались путем манипулирования делом Гесса оказать давление на Россию, чтобы она отдалась от Германии». // Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

¹⁹⁶ Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1995; Ответы Г. Городецкого на вопросы журнала «ННИ». // ННИ, 1995, № 3.

Вот как комментирует он указанное предупреждение: «К тому времени, как предупреждение Черчилля дошло до Сталина, оно, очевидно, могло оказать воздействие, прямо противоположное своему замыслу. По-

зал, что перелёт в Лондон эмиссара Гитлера во многом даёт ключ к пониманию кремлёвской политики накануне нападения Германии на СССР¹⁹⁷. Германский посол Шуленбург воспользовался стремлением Сталина получить опровержение слухов о якобы грядущей войне, распространяемых из Лондона, и притупил у советского лидера ощущение опасности со стороны реального врага – Германии. Встречи с немецким послом¹⁹⁸ укрепили Сталина в подозрении, что после фиаско в Греции и Северной Африке Черчилль жаждет втянуть Советский Союз в войну, дабы смягчить военное давление немцев на Великобританию. Да и личность Черчилля (ярого антикоммуниста и ненавистника Советской власти), и память о политике Великобритании в 1930-е годы толкали Сталина именно к такому (естественно, в тех условиях ошибочному) выводу. Так что предостережение У. Черчилля, сделанное И. Сталину, о развёртывании сил вермахта у советских границ, имело прямо противоположный эффект.

Этому, по мнению Г. Городецкого, содействовал и сэр Стаффорд Криппс, британский посол в Москве, который решил, что единственно надёжный способ ориентировать Россию на Великобританию –

дозрительность советского руководства только усилилась. “Вот видите, – сказал Сталин Жукову, – нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и направляют нас друг на друга. Это тонкая политическая игра”». // militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html.

¹⁹⁷ См.: Ответы Г. Городецкого на вопросы журнала «ННИ». // ННИ, 1995, № 3. С. 70-74.

Возможно, читателю было бы интересно ознакомиться с его более подробной системой аргументов: «Введение в свободное обращение британских архивных материалов одним ударом уничтожило дикие спекуляции, которые беспрепятственно циркулировали и разрастались в течение столь многих лет, существенно омрачая англо-советские отношения... После того как были рассекречены материалы британских архивов – не содержавшие никаких сенсаций, – прежние версии о заговоре можно поддерживать только, если выступать с совершенно немыслимыми предположениями... Архивные материалы... доказывают, что Гесс прилетел в Англию без разрешения Гитлера и что его не заманивала английская разведка. Более того, никаких официальных предложений он с собой не вез. После того как англичане в течение года неоднократно допрашивали Гесса и могли круглыми сутками наблюдать за его поведением, Кадоган сделал совершенно четкий вывод: “К настоящему времени совершенно ясно, что выходка Гесса была его личным безумным предприятием и германские власти заранее о ней ничего не знали”... В телеграмме Рузвельту Черчилль обещал не рассматривать предложения Гесса. Он охарактеризовал их так: „Нас ещё раз пригласили предать всех своих друзей, пообещав, что нам на время оставляют часть нашей шкуры”... Опубликованные к настоящему времени архивные материалы доказывают, что английские королевские ВВС Гесса не ждали. Не было его умышленного пропуска английскими ПВО». // Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

¹⁹⁸ Шуленбург и сам, будучи противником войны Германии против России, находился в неведении об истинных планах своего правительства. С другой стороны, имеются свидетельства, вызывающие у нас большие сомнения, будто за несколько недель до войны Шуленбург предупредил СССР о готовящейся агрессии. Но кремлёвский лидер отказался верить ему, расценив его сообщение как хитроумный ход со стороны Гитлера, желавшего добиться от него каких-либо уступок. По свидетельству А.И. Микояна, Сталин в тот же день собрал членов Политбюро и, рассказав о беседе с Шуленбургом, якобы заявил: «Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов». // См.: Некрич Р.М. 1941. 22 июня. С. 134-135; ННИ, 2000, № 1. С. 85; Хавкин Б. Граф Шуленбург: «Сообщите господину Молотову, что я умер за советско-германское сотрудничество». // Родина. 2011, № 1. С. 123.

Вот как оценивает данную ситуацию Г. Городецкий: «Позиция Шуленбурга оказала катастрофическое воздействие на способность Сталина правильно понять намерения Германии... Шуленбург был решительно настроен сделать всё, что в его силах, несмотря ни на какие трудности, чтобы снять напряженность в отношениях и устранить препятствия на пути к возобновлению переговоров. Его действия на самом деле привели к абсолютно противоположному результату – он укрепил ошибочную, но успокаивающую уверенность Сталина в том, что предотвратить войну все ещё было возможно... Если принять во внимание умонастроение Сталина того времени, скорее всего, он заподозрил, что Гитлер использует Шуленбурга в войне нервов, чтобы обеспечить себе более выгодные условия на предстоящих переговорах...

Проявленная в ходе этой беседы сдержанность резко контрастировала с предложениями, делавшимися всего лишь за два дня до этого. Сталин был, несомненно, поставлен в тупик. С одной стороны, Шуленбург, который только что вернулся после приема у Гитлера, мог, на самом деле отражая отношение Германии, при этом просто пытаться оказывать давление, чтобы добиться более выгодных условий. В то же время, и с такой же степенью вероятности, можно было предположить, что вопрос ещё не был урегулирован внутри немецкого руководства, и проведением осторожной политики Россия могла бы добиться соглашения. С другой стороны, весь этот эпизод мог оказаться ловушкой, приготовленной для России, и преждевременным приближением России к ней немцы могли бы воспользоваться как козырем на будущих переговорах с Англией. И действительно, в ходе беседы Шуленбург сделал совершенно умозрительное заявление, что „по его мнению, недалеко то время, когда они (воюющие стороны) должны прийти к соглашению и тогда прекратятся бедствия и разрушения, причиняемые городам обеих стран”. Наверняка это заявление подверглось тщательному обдумыванию – ведь вечером того же дня радио Берлина сообщило о полете Гесса в Англию с взятой им на себя миссией мира». // Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»); militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html.

сыграть на страхе советского руководства перед сепаратным миром на Западе. В свете этих событий перелёт гитлеровского посланца Рудольфа Гесса в Англию 10 мая 1941 г. с «мировотворческой миссией» становится ключевым в понимании позиции СССР в решающие месяцы перед войной. Перелёт «наци №3»^{*} в Британию был использован последней исключительно для давления на Москву¹⁹⁹ и более других факторов способствовал формированию у Сталина предвзятого отношения к английским партнёрам, оставаясь непрекращающейся головной болью советской разведки и его лично. В этом контексте, *в Кремле возникло ложное впечатление*, что импровизированное предостережение Криппса вовсе не блеф – оно вписывалось в общее видение ситуации, сложившейся у советского руководства. Подобная, вводящая в заблуждение, информация поступила также и от Филби, и других разведывательных источников.

Естественно, что параллельно поступала и достоверная информация о подготовке нацистского вторжения²⁰⁰. Ярчайший тому пример – информация легендарного советского разведчика Рихарда Зорге²⁰¹, предупреждение президента Рузвельта, переданное советскому правительству заместителем госсекретаря Уэллесом через посла в Вашингтоне Уманского²⁰², и именно её в Кремле посчитали дезинформацией. Так, 2 мая 1941 г., со слов германского посла в Японии Отта, Зорге информировал «Центр»: «Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР, чтобы получить европейскую часть СССР в качестве сырьевой и зерновой базы. 2. Критические сроки вероятного начала войны: а) завершение разгрома Югославии; б) окончание сева; в) завершение переговоров Германии и Турции. 3. Решение о начале войны будет принято Гитлером в мае»²⁰³. 19 мая он сообщил в Москву, что против Советского Союза будет сосредоточено 150 дивизий в составе 9 армий²⁰⁴. А 20 июня из Токио радировали, что «война неизбежна»²⁰⁵. По свидетельству видного советского дипломата Валентина Бережкова, предупреждения о готовящемся нападении на СССР шли и по линии советского посольства в Берлине²⁰⁶.

---

* «Наци №2» – Герман Геринг.

¹⁹⁹ 13 мая Криппс в письме в министерство иностранных дел предлагал «усилить опасения у Советского правительства сообщениями о том, что оно может остаться в одиночестве „слушать музыку” и что „во влиятельных кругах Германии усилились тенденции к заключению компромиссного мира с Великобританией”». // История второй мировой войны. Т. 2. С. 143.

²⁰⁰ По некоторым данным, в Москву были переданы 84 предупреждения о наметавшейся агрессии Гитлера против Советского Союза. // Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 285; см. также: Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. С. 207-215; Лето 1941. Украина. Документы и материалы. С. 89-93; Некрич Р.М. 1941. 22 июня. С. 115-119, 136-138; Воюшин В.А., Горлов С.А. Фашистская агрессия: о чём сообщали дипломаты. // ВИЖ, 1991, № 6; Военные разведчики докладывали... // ВИЖ, 1992, № 2. С. 36-41, № 3; Москве кричали о войне. // ВИЖ, 1994, № 6; «Теперь главный враг – Россия» (по данным военной разведки). // ВИЖ, 1995, № 3.

²⁰¹ Военные разведчики докладывали... // ВИЖ, 1992, № 2. С. 41; Лето 1941. Украина. Документы и материалы. С. 93; Горев Я. Я знал Зорге. М., 1964. С. 41; Об этом замечательном человеке и его роли в истории см.: Корольков Ю. Человек, для которого не было тайн. М., 1966; Колесников М., Колесникова М. Друзья и соратники Зорге. М., 1966; Мейснер Ганс Отто. Кто Вы, доктор Зорге? М., 1966; Dolghin Fl. Kremlinul și-a luat mâna de pe Richard Sorge. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 1; Dolghin Fl. Spionul unu și jumătate. Richard Sorighe. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 2.

За несколько недель до своего ареста Рихард Зорге передал в Москву ещё одну ценнейшую информацию – о том, что японские милитаристы вскоре направят свой удар не против СССР, а в противоположном направлении и советскому командованию можно перебросить несколько десятков дивизий из Сибири и Дальнего Востока на германский фронт. Эти сведения позволили заблаговременно сконцентрировать резервы под Москвой и разгромить рвавшуюся к столице ударную группировку вермахта. // См.: Севостьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. С. 12; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 42; Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-4-staligr_131.html.

²⁰² Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 343; см. также: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 491; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 23; Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне. С. 58-59; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 170; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 129.

По этому вопросу Дж. Кеннан отмечает в своих мемуарах: «К концу весны появились признаки, что Гитлер готовит крупную кампанию на Востоке. Мы посылали эти сведения в Вашингтон, а там тщетно пытались предупредить об этом Сталина. Поэтому известие о нападении на Россию 22 июня 1941 года не совсем застало нас врасплох». // <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

²⁰³ Красная звезда. 1964, 7 ноября.

²⁰⁴ Красная звезда. 1964, 16 сентября.

²⁰⁵ http://www.fictionbook.ru/ru/author/piyhalov_igor/velikaya_obolgannaya_voyina.

Его «сообщение от 15 июня», в котором будто бы указывается точный день начала гитлеровской агрессии против СССР – 22 июня – признано хрущёвской фальшивкой.

Правда, долгие годы данный тезис перекочёвывал из одной работы в другую. // См. например: Чекисты. М., 1970. С. 164.

²⁰⁶ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 41, 44-45, 49-50.

В самый последний момент перед вторжением Гитлера в Россию англичане попытались ещё раз предупредить советское руководство об этом. 12 июня 1941 г. английская разведка доложила своему правительству о скором начале германо-советской войны: «Получены новые сведения о том, что Гитлер принял решение напасть на Советский Союз. Военные действия поэтому весьма вероятны, хотя определить дату их начала пока ещё трудно. Мы думаем, что развязка наступит, видимо, во второй половине июня»²⁰⁷.

После получения этой информации Иден тут же пригласил советского посла и ознакомил его с ней. Он сказал, что правительство Великобритании теперь убеждено в неизбежности нападения Германии на СССР. А находящиеся на Ближнем Востоке британские войска будут эффективно отвлекать немцев на себя. Майский вежливо выслушал английского министра, но, по-видимому, не поверил ему, т.к. сказал, что, по его личному мнению, Германия не собирается воевать, а передвижения войск, о которых рассказал Иден, – это всего лишь часть «войны нервов».

13 июня Иден вновь пригласил Майского и повторил ему свои предупреждения. Если на Россию будет совершено нападение, сказал он, Великобритания будет готова послать в Москву свою военную миссию, чтобы передать информацию о тактике германских войск. Великобритания, подчеркнул Иден, с вниманием отнесётся и к экономическим нуждам России. Майский спросил: значит ли, что всё это может быть сделано только после того, как СССР окажется в состоянии войны? Ответ был удовлетворительным. Майский ещё раз подчеркнул, что он не верит в близкую советско-германскую войну.

«Эта беседа была последним важным официальным контактом между Великобританией и Россией перед нападением Германии на последнюю. Она закончилась безрезультатно, потому что советские руководители, хотя и сознавали грозящую им опасность, всё ещё надеялись, что в последний момент им удастся достичь урегулирования взаимоотношений с Гитлером»²⁰⁸.

Успешная кампания немцев по дезинформации противника на Востоке совпала в начале июня с одновременным вызовом Криппса для консультаций в Лондон. Это ещё более насторожило руководство СССР. Гипотеза о том, что, в конечном итоге, совершена закулисная сделка и Гитлеру предоставлена свобода рук на Востоке (с целью его отвлечения от Британской империи и самих Британских островов), обретала в этих условиях всё большее правдоподобие. Как косвенное подтверждение таких суждений было воспринято давление американской правой прессы на Черчилля и Идена с требованием в обмен на предложение немцами мира отдать им в жертву Россию. К тому же, в правительстве Черчилля занимали ряд ключевых постов многие видные «мюнхенцы», а это не могло не восприниматься в Кремле иначе как «сохранение запасного варианта» для договорённости с нацистской Германией.

Сталин остался непоколебимым в убеждении, что англичане затевают провокацию, а уверенность, что нападению Германии на СССР обязательно будет предшествовать ультиматум, действовала расслабляюще на его окружение, на разведку и мешала выработке адекватной оценки. Этому также способствовал и разгром разведки в годы репрессий, навязчивый страх перед возможной провокацией. Убеждённость Сталина в том, что Великобритания потворствует развязыванию войны, убеждённость, подкреплённая многочисленными подтверждениями Криппса, привела к тому, что Сталин поверил чуть ли не в сговор англичан с гитлеровской Германией.

Таким образом, внешняя политика советского руководства накануне Великой Отечественной войны является убедительным примером того, что СССР преследовал лишь цель обеспечить свою безопасность и максимально оттянуть во времени собственное вступление в войну. «Как ни яростно взирали друг на друга через границу оба правительства, – пишут английские историки второй мировой войны Дж. Батлер и Дж. Гуайер, – одно из них всё ещё рассчитывало избежать конфликта. В апреле и мае Россия не только перебрасывала войска, но и делала различные примирительные жесты, преимущественно в экономической области»²⁰⁹.

А вот мнение У. Черчилля по данному вопросу: «Нужно отдать справедливость Сталину, он всеми силами старался лояльно и верно сотрудничать с Гитлером, в то же время собирая все силы, какие только мог собрать на необъятных просторах Советской России... Сталин всё больше стал осознавать угрожающую ему опасность и всё больше старался выиграть время. Тем не менее, весьма знаменательно..., какими преимуществами он жертвовал и на какой риск шёл ради того, чтобы сохранить дружественные отношения с нацистской Германией. Ещё более удивительными были те просчёты и то неведение, которые он проявил относительно ожидавшей его судьбы»²¹⁰.

Более того, Черчилль открыто обвиняет сталинское руководство в полной политической слепоте и некомпетентности в вопросе о готовящемся Гитлером нападении на СССР: «История вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они... лениво

²⁰⁷ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 80.

²⁰⁸ Ibid. С. 80-81; см. также: Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 197; Некрич Р.М. 1941. 22 июня. С. 135.

²⁰⁹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 79.

²¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 551-552.

выжидали надвигавшегося на Россию страшного нападения или были неспособны понять, что их ждёт. До тех пор мы считали их расчётливыми эгоистами. В этот период они оказались, к тому же, простаками. Сила, масса, мужество и выносливость матушки-России ещё должны были быть брошены на весы. Но если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент второй мировой войны совершенно неадекватными»^{211 г}.

Как видим, данная точка зрения на политику Сталина накануне 22 июня 1941 г. очень сходна с приведённой нами выше позицией Ширера. Известный советский исследователь истории Великой Отечественной войны Александр Некрич пишет в связи с этим следующее: «Какие бы выводы ни делал Сталин, ничто не может оправдать его отказ принять элементарные предупредительные меры на случай, если нападение Германии всё же последовало бы. Практически это должно было выразиться в реализации плана прикрытия»²¹². Трудно не согласиться с такой постановкой вопроса.

«Научная методология» сторонников идеи о превентивной войне. Чтобы лучше понять всю бессмыслицу «теории превентивной войны» и методологическое убожество главного её проводника В. Суворова-Резуна, мы на небольшом примере проиллюстрируем суть его «метода исследования». Поистине «чудо исторической науки» – его книга «День „М“» да и другие «произведения». В этом контексте остановимся на некоторых общих постулатах «научной» конструкции г-на Резуна и на его «описании» англо-франко-советских переговоров лета 1939 г. в Москве. В принципе этот изменник-недоучка не заслуживает столь широкомасштабного опровержения его «теории», но т.к., по известным причинам, она получила широчайшее распространение в среде интересующихся историей, а также среди части малокомпетентных историков и студентов, следует раскрыть её несостоятельность, что, в принципе, уже сделано, но не полностью доведено до сознания широкой аудитории.

В «произведениях» В. Суворова торжествует воинствующая некомпетентность в сочетании с фальсификацией и грубым извращением действительности. В этом смысле Мельтюхов М.И. отмечает, что книги В. Суворова «написаны в жанре исторической публицистики и представляют собой некий „слоёный пирог“, когда правда мешается с полуправдой и ложью»²¹³. «Подход В. Суворова к источникам и литературе крайне непрофессионален и сомнителен...», – убеждён немецкий историк Б. Бонвеч. – Конечно, историк тоже может высказывать убеждения и предположения, но при условии подтверждения их источниками или при наличии убедительного доказательства приемлемости высказанных предположений. Он лишь не должен ни в коем случае приносить своё убеждение в интерпретацию источника и использовать это в качестве доказательства собственных высказываний, как это часто случается с В. Суворовым. Историк также не должен основывать своё мнение на источнике, подлинность которого остаётся под вопросом»²¹⁴.

Избранная автором «методология» доказывает, что он представления не имеет о законах исторического развития. Так, «по своему хотению и сатаны велению», он опускает с небес всемогущий святой дух и вселяет его в кремлевский кабинет тов. Сталина, приписывая тому управление в 1930-е годы всеми мировыми процессами. По утверждению г-на Резуна, и Гитлер, и Чемберлен, и другие государственные деятели Запада вольно или невольно оказались марионетками в руках «доброго следователя» тов. Сталина и его помощника, «злого» Молотова. В мире царила лишь злая воля Сталина: не было ни всемогущих монополий, ни даже государственных интересов великих держав. Уже это убеждает нас в исключительной «научной компетентности» автора!..

Прибывшие в августе 1939 г. в Москву британская и французская делегации были, оказывается, мошеннически обыграны «сталинскими шулерами». «Ни британское, ни французское правительства намерений Сталина не поняли», а вот господин Резун их выявил и тут же просветил и нас, неразумных. Да и что может быть проще, чем «заставить Францию и Британию объявить войну Германии»? Оказывается, это Сталин вынудил их объявить войну! «...Или, – продолжает наш мудрец, – спровоцировать Германию на такие действия, которые вынудят Францию и Британию объявить Германии войну». Бедняга дурачок А. Гитлер, его, оказывается, спровоцировал Сталин, а барашки Чемберлен и К⁰ клюнули... и «объявили».

²¹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 157.

^г Примечание научного редактора: Объективности ради, следует вспомнить, что сам Уинстон Черчилль осенью 1941 г. оказался в плену ложного видения ситуации на Дальнем Востоке. От тревожных донесений агентуры британской военно-морской разведки, настойчиво предупреждавшей о подготовке японского нападения на английские военно-морские базы, в адмиралтействе и правительстве, в высшем руководстве «Secret Intelligence Service» просто отмахивались, их не принимали всерьёз. Результатом стало быстрое потопление японской авиацией линкоров «Рипалс» и «Принс оф Уэльс», а вскоре и падение Сингапура. Английский разведчик Дж. Ратленд, добывший столь ценную информацию, вместо поощрения, 18 декабря 1941 г. был арестован и заключён в лагерь «для подозрительных лиц», дабы не допустить «выноса сора из избы».

²¹² Некрич Р.М. 1941. 22 июня. С. 136.

²¹³ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

²¹⁴ Бонвеч Б. Наступательная стратегия – наступление – нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года. // <http://gkaf.narod.ru/kirillov/ref-liter/bonvetch.html>.

Вот ещё один образчик импровизированного разговора Сталина с Гитлером, в котором Сталин выступает в роли наставника. Вот что сказал бы Сталин Гитлеру, если бы в Москву англичане и французы прислали делегации высокого ранга: «Смотри, что тут против тебя затевается, а ну подписывай со мной пакт, иначе...». А что иначе – не говорится, наверное предполагается, что читатель догадлив, и т.д. и т.п. Резуну кажется, что он положил «ключ от начала второй мировой войны на сталинский стол»²¹⁵. Вот на такой «научной» абракадабре и строится вся система «аргументов» «новатора исторической науки». «Вольное обращение с источниками стало его [Суворова] товарным знаком, – пишет Габриэль Городецкий. – Отягощать себя доказательствами – занятие для него совершенно чуждое... Книга Суворова написана в процветающем жанре заговорщицкой психологии»²¹⁶. Создаётся впечатление, что «в прошлой жизни» он прошёл «курс обучения» у таких «корифеев науки», как святой отец-инквизитор Томас Торквемада, или у основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы.

«Рассчитывая на западных читателей, Суворов построил свою аргументацию на грубых идеологических постулатах. Он стремился показать, что внешняя политика Советского Союза целиком определялась идеологией и следовала марксистским догмам, которые всегда имели целью мировую революцию. Суворов не принимал в расчет национальные интересы, которым следовало советское руководство накануне войны. На протяжении всей книги он размахивает жупелом коммунизма, как красной тряпкой перед быком; этим методом пользовались ещё историки периода „холодной войны“, пугая Запад тем, что „красные у нас под кроватью“... Концепция Суворова целиком построена на определении стратегических намерений Сталина и основана на выборочных и неубедительных свидетельствах»²¹⁷.

Мировая историография о «теории» «превентивной войны»²¹⁸. Доказывая что-либо, в научном мире принято приводить аргументы, а не мнения авторитетных учёных-специалистов по тому или иному вопросу. Но в данном случае мы сделаем исключение и отступим от этого правила, так как многие средства массовой информации на постсоветском пространстве усиленно распространяют (вольно или невольно) дезинформацию по рассматриваемому нами вопросу. Дело в том, что для массового читателя зачастую более авторитетным является мнение большинства специалистов, чем научный аргумент, поэтому мы хотим сообщить, что практически все серьёзные исследователи данного вопроса считают «теорию превентивной войны» Германии против СССР полностью абсурдной и лживой.

Так, например, с 31 января по 3 февраля 1995 года в Институте всеобщей истории РАН проходила международная конференция по теме «Начало войны и Советский Союз в 1939-1941 гг.». В ней участвовали учёные из Англии, Белоруссии, Германии, Израиля, Италии, Ирландии, Канады, Украины, Польши, России, США, Финляндии, Франции²¹⁹. В обсуждении темы превентивной войны приняли участие самые авторитетные специалисты по этому вопросу со всего мира. Точку зрения Резуна представлял доктор филологических наук профессор Б.В. Соколов. Профессор В. Мазер из Германии, написавший книгу, похожую на суворовскую, под малоубедительным предлогом уклонился от участия в конференции.

Об абсурдности утверждений, будто Красная Армия готовилась к операциям большого наступательного масштаба, говорил доктор военно-исторических наук, президент Академии военных наук РФ М.А. Гареев. Генерал Армии обороны Израиля д-р Ш. Навэ блестяще проанализировал модель развёртывания сил Красной Армии в канун войны в контексте советской военной доктрины того времени и убедительно доказал, что она, вне всяких сомнений, была по своей природе оборонительной. Д-р Ю. Фёрстер из Центра изучения военной истории Бундесвера ФРГ доказал агрессивную сущность гитлеровских планов по отношению к СССР, не спровоцированную никакой мобилизацией с советской стороны²²⁰. Полковник Армии США д-р Д. Гланц, редактор «The Journal of Slavic Military Studies», автор значительных работ о Красной Армии перед войной, и профессор д-р Б. Меннинг из колледжа командования Армии США и генерального штаба убедительно показали, что печальное состояние Красной Армии и её тыловой инфраструктуры в это время исключали возможность проведения значительных наступательных операций²²¹. Эти точки зрения нашли полную поддержку в последующей оживлённой дискуссии.

²¹⁵ См. Суворов В. День «М». С. 61-63.

²¹⁶ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

²¹⁷ Ibid.

²¹⁸ См.: Никифоров Ю.А. Военно-исторические исследования. Подготовка СССР упреждающего удара по Германии: границы дискуссии. // http://militera.lib.ru/research/nikiforov_ya/index.html.

²¹⁹ См.: ННИ, 1995, № 4. С. 88-104.

²²⁰ Всеобщая мобилизация была объявлена Указом Президиума Верховного Совета СССР 23 июня 1941 г. // Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // ННИ, 2006, № 5. С. 34.

²²¹ «Все существующие архивные источники опровергают это спорное утверждение. Как показывают последующие события, летом 1941 года Красная Армия была не в состоянии вести никакой войны – ни наступательной, ни, как показал ход реальных боев, оборонительной». // Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

Но особый интерес в этом смысле имеет позиция немецких историков. Её резюмировал Г. Юбершер²²²: «В июне 1941 г. началась не превентивная война, но реализация Гитлером его подлинных... намерений». Данный вывод подтверждается и другим известным специалистом Г.-А. Якобсеном: «В этой связи необходимо разрушить одну всё ещё распространённую легенду: германское нападение на Советский Союз в 1941 г. (как об этом свидетельствуют результаты изучения документальных источников) не являлось превентивной войной. Решение Гитлера осуществить его было порождено отнюдь не глубокой тревогой перед грозящим Германии предстоящим советским нападением, а явилось конечным выражением той его агрессивной политики, которая с 1938 г. становилась все более неприкрытой»²²³.

Итогом исследований Г. Вайнберга, Х. Тевор-Ропера, Э. Йеккеля, А. Куна, А. Хильгрубера, В. Ветте, Р.Д. Мюллера, Б. Бонвеча, В. Бенца, Б. Пиетров-Эннкер, Г. Хасса, Р. Шмидта, Р. Цительмана и многих других немецких историков о внешнеполитической программе, целях войны и стратегии Гитлера стал повсеместно признанный вывод о том, что намерение фюрера напасть на СССР не вытекало исключительно из военной ситуации 1941 г., но – было органическим следствием его «восточной программы», выработанной задолго до 1933 г. Агрессия «третьего рейха» была последовательным осуществлением определённых ещё в 1920-е гг. целей нацистской «восточной политики»²²⁴. С этим выводом полностью солидарны и такие известные немецкие историки, как И. Цукерторт и Д. Айххольц, доказавшие, что нападение нацистов на Советский Союз было задумано задолго до начала войны и пользовалось полной и бесспорной поддержкой правящего класса Германии, в первую очередь, её экономической элиты²²⁵.

С. Хаффнер отмечает, что «для Гитлера Россия была тем самым объектом, той единственной целью, которую он поставил перед обновлённым германским империализмом. Для гитлеровской Германии и для самого Гитлера Россия была врагом не потому, что она ему угрожала или даже мешала, а потому, что он поставил своей целью захватить её... Кроме как своим существованием СССР не давал Гитлеру никакого повода для развязывания войны»²²⁶. «В 1940 и 1941 годах, – продолжает автор, – у Гитлера не было причин бояться Советского Союза или жаловаться на него. Пакт о ненападении, заключённый в августе 1939 года, функционировал удовлетворительно. Несмотря на отдельные трения, Советский Союз придерживался в отношении Германии исключительно оборонительной тактики и был вполне лоялен. Отношение СССР к Англии было более чем холодным...

Желание путём доброжелательного нейтралитета по отношению к Германии не дать втянуть себя в войну полностью отвечало также интересам и позиции Советского Союза. СССР был ещё далёк от завершения своей индустриализации, и от войны с Германией он не мог ожидать ничего хорошего, напротив – лишь опасаться самого худшего»²²⁷. Анализируя данный вопрос, другой западногерманский историк Р.Д. Мюллер приходит к выводу, что «превентивная война» Гитлера против СССР является пропагандой и бредом²²⁸. А немецкие историки Ф.А. Круммахер и Г. Ланге придерживаются мнения, что летом 1941 г. Красная Армия не была готова даже к обороне, а не то что к наступлению, и Гитлер, и его военные не видели никакой опасности с её стороны²²⁹.

В работах Хильгрубера раскрыты политико-идеологические цели войны против Советского Союза. Учёный пришёл к выводу, что «при нападении Гитлера на СССР» не могло быть и речи о «превентивной войне» в обычном смысле этого термина, т.е. о «военных действиях, которые предпринимаются с целью предвидеть или упредить готовившуюся агрессию»²³⁰. В его книге «Стратегия Гитлера. Политика и военные действия 1940–1941 годов» отмечается: «Из совокупности нашего повествования со всей ясностью следует, что в случае с нападением Гитлера на Советский Союз о превентивной войне в традиционном смысле этого понятия, – то есть военных действиях, предпринимаемых для упреждения дей-

²²² Юбершер Г. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о «превентивной войне». // ННИ, 1999, № 6. С. 59.

²²³ <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

²²⁴ Юбершер Г. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о «превентивной войне». // ННИ, 1999. С. 59-60; Пиетров-Эннкер Бианка. Германия в июне 1941 г – жертва советской агрессии? // http://royallib.ru/read/pietrov-enker_bianka/germaniya_v_iyune_1941_g_gertva_sovetskoy_agressii.html#0; Мюллер Р.Д. «Разрезать пирог на удобные куски». Какие цели преследовал Гитлер, нападая на Советский Союз. // За рубежом, 1988, № 36 (1469); Ветте В. Легенда о «превентивной войне». Кто и зачем пытается её возродить. // За рубежом, 1988, № 36 (1469) и др.

²²⁵ Цукерторт И. Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 5; Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма. // ННИ, 2002, № 6.

²²⁶ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 31, 59.

²²⁷ Ibid. С. 52.

²²⁸ Мюллер Р.Д. «Разрезать пирог на удобные куски». Какие цели преследовал Гитлер, нападая на Советский Союз. // За рубежом, 1988, № 36 (1469).

²²⁹ Литвин Г.А., Волкодаев И.И. Планировал ли Сталин войну против Германии? (Из книги немецких историков Круммахера Ф.А. и Ланге Г. От Брест-Литовска до «Барбароссы»). // ВИЖ, 1991, № 6. С. 29, 32.

²³⁰ 209 ННИ, 1999, № 6. С. 59-60; За рубежом. 1988, № 36 (1469). С. 18.

ствий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое путём собственного наступления, – не может быть и речи. Более того, захват европейской части России в целях создания германской империи в континентальной Европе был ещё с середины 20-х годов „великой целью” Гитлера»²³¹. Немецкий историк ещё в 1982 году убедительно опроверг «ревизионистские» интерпретации, характеризуя их как «возврат к трактовкам, которые признаны устаревшими»²³².

В 1984 г. историк Г. Шрайбер, проанализировав многие периодические издания ФРГ за «юбилейные» 1951-й, 1961-й, 1965-й, 1971-й и 1981-й годы, пришёл к выводу, что тезис о «превентивной войне» Гитлера против СССР не находит места на страницах серьёзной печати и что «Барбаросса» рассматривается в ней однозначно как агрессивный акт со стороны нацистской Германии. Дискуссия ведётся лишь о мотивах, побудивших Гитлера принять решение о нападении на СССР²³³.

Сторонники противоположной точки зрения занимали в западногерманском научном мире маргинальные позиции, однако их публикации находили немалый отклик в праворадикальных, неонацистских кругах, о чём свидетельствуют значительные тиражи книг апологетического характера. Однако, резюмирует немецкий историк Бернд Бонвеч, приверженцы тезиса о «превентивной войне» не располагают доказательной базой, их доводы «хромают на обе ноги». А уже известный нам Г. Юбершер вполне обоснованно отмечает, что «можно только поражаться тому, в какой степени сторонники тезиса о „превентивной войне” игнорируют давно уже существующие результаты исследований о нацистской политике подготовки мировой войны»²³⁴.

Итоги изучения данного вопроса. Всё вышеизложенное позволяет сделать однозначный вывод: Советский Союз и его Вооружённые Силы не готовились к нападению; советское военно-политическое руководство не могло и думать о превентивной войне против Германии летом 1941 года. Признать эту очевидную истину вовсе не значит отрицать коварство Сталина или одобрять его террористический режим, в чём «наши» местные апологеты нацистских агрессоров, за отсутствием других серьёзных аргументов, охотно обвиняют противников гипотезы о «превентивной войне» Гитлера против СССР.

Но, одновременно с этим, никто и не скрывает, что усиленно шло осуществление мероприятий по мобилизационному развёртыванию армии и флота. С 1 сентября 1939 г. по 21 июня 1941 г. численность вооружённых сил возросла более чем в 2,8 раза. Ускоренными темпами продолжалось техническое переоснащение войск. Были уточнены планы прикрытия государственной границы. Строились укрепления и велась подготовка театров предстоящих военных действий. Пополнялись войска западных приграничных округов, в их состав включались новые соединения Красной Армии. В глубине государства формировались стратегические резервы. Одновременно развивалась материальная база обороны страны, создавались новые образцы вооружения и боевой техники. Промышленность увеличивала выпуск военной продукции.

Однако выполнить колоссальную работу по реорганизации Советских Вооружённых сил, укреплению границ и увеличению оборонного потенциала страны предполагалось к лету 1942 года²³⁵. К моменту нападения фашистской Германии эта работа оказалась незаконченной. Завершать её пришлось уже в ходе Великой Отечественной войны. В этом смысле маршал Жуков свидетельствовал: «Война застала страну в стадии реорганизации, перевооружения и переподготовки вооружённых сил, создания необходимых мобилизационных запасов и государственных резервов»²³⁶. Естественно, германский Генштаб и Гитлер внимательно следили за ходом реорганизации и перевооружения Красной Армии и не собирались ждать окончания этих работ.

3. Начало Великой Отечественной войны советского народа

Нападение Гитлера на СССР. Огромные силы вторжения были сконцентрированы у советских границ. В приграничных округах им противостояли 170 советских дивизий и две бригады, в составе которых находились около 2,9 млн человек, 37,5 тыс. орудий и миномётов, 1475 танков Т-34 и около 400 КВ, 1540 самолётов новых типов²³⁷. Правда, как мы уже говорили, на вооружении у советских войск было много танков и самолётов устаревших конструкций. На направлениях главных ударов превосходство немцев было многократным.

²³¹ За рубежом, 1988, № 36 (1469). С. 18.

²³² ННИ, 1999, № 6. С. 64.

²³³ См.: Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 282.

²³⁴ ННИ, 1999, № 6. С. 66.

²³⁵ Это подтверждают и свидетельства Г.К. Жукова. // См.: Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 209.

²³⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 256.

²³⁷ Анфилов В.А. Провал плана «Барбаросса». С. 18; Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях. // ВИЖ, 1991, № 2. С. 11; Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 20; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. М., 2001. // <http://russky.com/history/library/w/w05.htm>.

Таблица 4. Силы и средства, предназначенные для нападения на СССР²³⁸

Войска и вооружение	Германия	Её союзники	Всего
Личный состав (тыс.)	4600 ²³⁹	900	5500 ²⁴⁰
Орудия и минометы	Более 42000	5200	47200
Танки	Более 4000	260	Около 4300
Боевые самолеты	Около 4000	980	4980

Как уже отмечалось, для того, чтобы скрыть военные приготовления к антисоветской кампании, гитлеровцы разработали целую систему дезинформации. Советское руководство было хорошо информировано об этих приготовлениях, однако Сталин не верил им²⁴¹, т.к. не мог себе представить, что Гит-

²³⁸ См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. // <http://rus-sky.com/history/library/w/w05.htm>.

²³⁹ Непосредственно войск первой линии, участвовавших в сражении, было 3,3 млн чел., остальные представляли собой военно-морские, авиационные, вспомогательные, охранные, строительные, тыловые части, ПВО и войска резерва. В этом смысле у немцев не было двукратного преимущества над советскими войсками, однако с самого начала они обладали серьезнейшим качественным превосходством, что было фактически проигнорировано советским командованием.

Кроме того, в резерве у немцев было 2700 танков, 17800 орудий и минометов, 5100 самолетов. // Кривошеев Г.Ф. Война брони и моторов. // ВИЖ, 1991, № 4. С. 36.

А вот данные о соотношении сил, приводимые Мельтюховым: «Вермахт располагал 208 дивизиями... Основу „Восточной армии” Германии составляли, естественно, сухопутные войска... – всего свыше 155 расчетных дивизий, что составляло 73,5% их общего количества. Большая часть войск имела боевой опыт, полученный в предыдущих военных кампаниях. Так, из 155 дивизий в военных действиях в Европе в 1939–1941 гг. участвовали 127, а остальные 28 были частично укомплектованы личным составом, также имевшим боевой опыт. В любом случае это были наиболее боеспособные части вермахта. Здесь же, на Востоке, было развернуто 92,8% частей Резерва Главного Командования...

Основной ударной силой войск на Востоке были 11 моторизованных корпусов из 12 имевшихся в вермахте (91,7%). 10 из них были к 22 июня 1941 г. объединены в четыре танковые группы. Кроме того, в составе 11 дивизионов и 5 батарей штурмовых орудий насчитывалось 228 боевых машин, и 18 штурмовых орудий имелось на вооружении моторизованного полка „Великая Германия”, лейбштандарта СС „Адольф Гитлер” и 900-й моторизованной бригады (всего 246 штурмовых орудий). Для действий в Финляндии было выделено два танковых батальона (40-й и 211-й), в которых насчитывалось 106 танков, а в составе трех батальонов огнеметных танков (100-го, 101-го и 300-го) имелось до 116 боевых машин. Таким образом, в составе „Восточной армии” к 22 июня 1941 г. насчитывалось до 3865 танков и штурмовых орудий, а в резерве ОКХ в Германии находились 2 танковые дивизии (около 350 танков)...

Всего для нападения на Советский Союз германское командование выделило 4 050 тыс. чел. (3300 тыс. в сухопутных войсках и войсках СС, 650 тыс. – в ВВС и около 100 тыс. – в ВМФ). „Восточная армия” насчитывала 155 расчетных дивизий, 43 812 орудий и минометов, 4215 танков и штурмовых орудий и 3909 самолетов... Вместе с Германией к войне с СССР готовились ее союзники: Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния и Италия...

Группировка советских войск на Западе насчитывала 3088160 человек (2718 674 – в Красной Армии, 215878 – в ВМФ и 153 608 – в войсках НКВД), 57 041 орудие и миномет, 13924 танка (из них 11135 исправных) и 8974 самолета (из них 7593 исправных)». // militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

²⁴⁰ Из них численность румынских войск составляла 473,1 тыс. человек. // Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 12. P. 53.

²⁴¹ К такому выводу пришли и большинство немецких историков // См.: Литвин Г.А., Волкодаев И.И. Планировал ли Сталин войну против Германии? (Из книги немецких историков Круммахера Ф.А. и Ланге Г. От Брест-Литовска до «Барбароссы»). // ВИЖ, 1991, № 6. С. 26-27, 29.

Г.К. Жуков свидетельствовал, что почти всё сталинское окружение, за исключением Жданова, убеждало вожда в том, что Гитлер не собирается нападать. И среди самых активных сторонников этой идеи был Молотов В.М. Когда стало абсолютно ясно, что крупные немецкие силы сосредоточиваются у советских границ, Сталин обратился с личным письмом к Гитлеру, потребовав объяснений. В ответ Гитлер прислал Сталину письмо, тоже личное, объяснив, что это делается с целью защитить эти части от английских бомбардировок. «Насколько я понимаю, – говорил Жуков, – Сталин поверил этому письму». // Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 202, 204-205.

16 июня, когда нарком госбезопасности В.Н. Меркулов докладывал данные разведки Сталину и Молотову, Сталин на тексте донесения руководителя «Красной капеллы» офицера люфтваффе Х. Шульце-Большена написал: «Можете послать ваш источник из штаба Германской авиации к е... матери. Это не „источник”, а „дезинформатор”. И. Ст.». // Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. // ННИ, 1995, № 1. С. 59; Пещерский В. Неразгаданные тайны «Красной Капеллы». // ННИ, 1996, № 3. С. 175; Данилов В.Д. Забывчивость или обман. // Независимое военное обозрение, 2001, № 22; Медведев Р.А. И.В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны. // ННИ, 2002, № 2. С. 121.

21 июня 1941 г. было получено сообщение от советского посла в Германии В.Г. Деканозова, а также от военных атташе И.А. Суслопарова (в Виши) и В.И. Тупикова (в Берлине) об окончании переброски

лер решится атаковать СССР, будучи не готов к затяжной войне и в зимних условиях. Но советский диктатор ошибся: как мы уже отмечали, гитлеровская клика оказалась авантюристичной сверх всякой меры, исходя из переоценки политических, экономических и военных возможностей фашистского блока и недооценки силы СССР²⁴². Военные действия должны были протекать в форме блицкрига, когда наступление основных стратегических группировок предполагалось в виде непрерывного продвижения высокими темпами. Короткие паузы допускались лишь для перегруппировки войск, а возможность задержки наступления, по причине сопротивления Красной Армии, исключалась. Победа казалась гитлеровским главарям быстрой и легкой.

На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия и её сателлиты обрушили на СССР удар ужасающей силы²⁴³. Уже в сентябре был взят Киев, заблокирован Ленинград, и немецкие войска вышли на подступы к Москве. Красная Армия, неся огромные потери²⁴⁴, оказывала ожесточённейшее сопротивление, но была вынуждена оставить врагу около 1,5 млн кв. км советской территории²⁴⁵.

Вот как оценивает готовность Советской Армии к схватке с вермахтом М.И. Мельтюхов: «Красная Армия не была отмобилизована и не закончила процесс стратегического сосредоточения и разверты-

---

германских войск к советской границе и о том, что 22 июня Германия нападёт на Советский Союз. В тот же день Л.П. Берия направил И.В. Сталину записку следующего содержания: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня „дезой“ о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что нападение начнётся завтра... То же радировал и генерал-майор В. Тупиков – военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией... Начальник разведки, где ещё недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф.И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врёт, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твёрдо помним Ваше мудрое предназначение: в 1941 г. Гитлер на нас не нападёт». На донесении Суслопарова Сталин наложил резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». // Ивашутин П.И. Докладывала точно. // ВИЖ, 1990, № 5. С. 57; Киршин Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // ННИ, 1991, № 3. С. 16-17; Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. // ННИ, 1995, № 1. С. 59; Медведев Р.А. И.В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны. // ННИ, 2002, № 2. С. 121.

Любопытна в этом контексте не только реакция Сталина на получаемую информацию, но и Берии: «Секретных сотрудников... за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих посорить нас с Германией». // Ивашутин П.И. Докладывала точно. // ВИЖ, 1990, № 5. С. 57.

²⁴² Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 161-162.

²⁴³ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 90.

Об участии румынской армии в войне против СССР на её начальном этапе см.: Bărboi V. Eliberarea Basarabiei, a Bucovinei de Nord și a Ținutului Herța. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7; Chiriac M. Cercetarea trupelor la începutul Campaniei din Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7; Ionescu M.E. 22 iunie 1941. Războiul în care am intrat. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6; Ereşcenko M.D. Agonie la două capete. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6; Bodea Gh. Frontul de est. Zile de început. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 9; Ionescu E.M. Notițe de război. // Magazin Istoric, 2005, Nr. 12; Munteanu D. Pe frontul din Rusia. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 5.

²⁴⁴ По оценкам известного английского историка Алана Брука, основанным на данных немецкого командования, до конца сентября 1941 г. они составили 2,5 млн чел. А до весны 1942 г., когда завершилась Московская битва, советские потери возросли до ужасающей цифры – около 4 млн убитыми, ранеными и пленными, включая 600 тыс. окружённых под Брянском и Вязьмой красноармейцев в октябре 1941 г. // Окроков В. 100 дней Маршала Победы под Москвой. М., 1991. С. 24.

По последним данным ряда исследователей, в июне – сентябре потери наших войск убитыми, умершими от ран и болезней, погибшими по другим причинам составили 430578 человек, пропавшими без вести и попавшими в плен – 1699099 человек. В октябре – декабре 1941 г. соответственно 371613 и 636383 человека. // Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 250; Пыхалов И. 1941: миф о разбежавшейся Красной Армии. // Мельтюхов М., Осокин А., Пыхалов И. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. С. 136.

Российский исследователь О. Ржешевский приводит следующие цифры советских потерь: с июня по декабрь 1941 г. Советский Союз потерял 3,138 млн солдат и офицеров убитыми, пленными, ранеными. Г. Кривошеев пишет, что «в целом (с учётом восполнения) в течение 1941 г. вышло из строя 142,4% личного состава. // Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 2. С. 86; Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях. // ВИЖ, 1991, № 2. С. 14.

А израильский историк Арон Шнеер пишет, что «общие потери Красной Армии с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1942 г. составили 6328592 человека, в том числе безвозвратные – 3812988 человек... Общие потери Германии... к концу февраля 1942 г. составили всего 1005636 человек. Таким образом, соотношение потерь воюющих сторон за первый год войны составило 6:1». // Шнеер А. Плен. Т. 1. С. 107.

²⁴⁵ Журавлев В.Р. Первые дни войны в документах. // ВИЖ, 1989, № 5-9.

вания. Вследствие этого части первого эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение советских войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов групп армий германскому командованию удалось создать превосходство над войсками Красной Армии, которое было близко к подавляющему. Наиболее благоприятное соотношение сил сложилось для вермахта в полосе группы армий „Центр”, поскольку именно на этом направлении наносился главный удар всей Восточной кампании. На остальных направлениях даже в полосах армий прикрытия сказывалось советское превосходство в танках. Общее соотношение сил позволяло советскому командованию не допустить превосходства противника даже на направлениях его главных ударов. Но в действительности произошло обратное.

Так как советское военно-политическое руководство не ожидало германского нападения, Красная Армия, начав в мае 1941 г. стратегическое сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, которое должно было завершиться к 15 июля*, оказалась 22 июня 1941 г. застигнута врасплох и не имела ни наступательной, ни оборонительной группировки. Советские войска не были отоброилизованы, не имели развернутых тыловых структур и лишь завершали создание органов управления на ТВД. На фронте от Балтийского моря до Карпат из 77 дивизий войск прикрытия Красной Армии в первые часы войны отпор врагу могли дать лишь 38 не полностью отоброилизованных дивизий, из которых лишь некоторые успели занять оборудованные позиции на границе. Остальные войска находились либо в местах постоянной дислокации, либо в лагерях, либо на марше. Если же учесть, что противник сразу бросил в наступление 103 дивизии, то понятно, что организованное вступление в сражение и создание сплошного фронта советских войск было крайне затруднено. Упредив советские войска в стратегическом развёртывании, создав мощные оперативные группировки своих полностью готовых сил на избранных направлениях главного удара, германское командование создало благоприятные условия для захвата стратегической инициативы и успешного проведения первых наступательных операций»²⁴⁶. Трудно не согласиться с выводами автора²⁴⁷.

Причинами тяжёлых поражений советских войск²⁴⁸ в первые месяцы войны явились ошибки советского военно-политического руководства в подготовке к войне, что в принципе привело к неспособности Красной Армии к отпору германского вторжения. Также сказались и фактическая неготовность советских армий к оборонительным боям, нежелание Сталина накануне 22 июня принять меры для отпора агрессору из боязни спровоцировать его к нападению, и как следствие, в момент вторжения советские вооружённые силы были в два раза малочисленнее немецких. Слишком близкое к фронтовой зоне расположение советских войск, складов с вооружением и топливом в приграничных округах облегчило немцам задачу по их уничтожению. Отразились и последствия сталинского террора в армии²⁴⁹: а) острейшая нехватка высших и среднего звена командных кадров, б) боязнь командиров проявить инициативу и брать на себя ответственность[†], в) принятие ряда ошибочных решений советским военным командованием в тех условиях, или запаздывание с принятием и реализацией правильных решений.

---

* Эту дату автор, по всей видимости, «снял» с потолка. Он также пытается доказать, что Советский Союз готовил нападение на Германию до конца лета 1941 г.

²⁴⁶ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

²⁴⁷ В качестве дополнения можно привести и характеристику сложившейся ситуации, данную генерал-полковником Ю.А. Горьковым: «Германские войска к 22 июня 1941 года были полностью развернуты. В то же время у нашей западной границы развернулась всего одна стрелковая дивизия в ПрибВО и около полутора десятков стрелковых батальонов, а также 36-я кавалерийская дивизия ЗапОВО. Остальные войска первого стратегического, в том числе и оперативного эшелонов, находились в пунктах постоянной дислокации, на полигонах или в движении. Иными словами, на нашей территории к началу войны не были созданы ни наступательная, ни оборонительная группировки. По этому поводу даже наши противники говорили, что у русских накануне войны были группировки „на всякий случай”, что позволило громить их по частям». // militera.lib.ru/research/gorkov2/index.html.

²⁴⁸ См.: Мягков М.Ю. Грозное лето 1941 года. // ННИ, 2011, № 2. С. 146-147.

²⁴⁹ «Перед войной Сталин в ходе чисток выбил самых опытных и наделённых воображением офицеров, разстроив тем самым преемственность в советской военной теории, уничтожив накануне войны ее самые положительные аспекты и извратив ее военную стратегию», — отмечает известный американский историк Д. Гланц. // Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

[†] Примечание научного редактора: Генерал П. Батов, вспоминая о тяжёлом и неудачном для Красной Армии сражении за Крым в сентябре-ноябре 1941 года, описывая подвиг многих советских офицеров, проявивших мужество, воинское искусство и инициативность, останавливается на фигуре генерала Дашичева, командующего 9-м стрелковым корпусом: «Генерал Дашичев был в своё время большим военным специалистом. В 1929-1930 гг. он уже служил начальником штаба 2-го стрелкового корпуса в Москве. Его арестовали в тридцать седьмом и выпустили только в 1941 году. И сразу дали корпус. Но он уже во многом отстал, и руководить войсками в современном бою мешали ему недостаток инициативы и излишняя боязнь ответственности...». // Батов П.И. В походах и боях. М., 1966. С. 54.

В этом контексте, говоря о причинах поражения РККА в 1941 г., известный российский военный историк генерал Ю.А. Горьков отмечал: «Даже самая подготовленная и обученная армия может быть разгромлена, если она не будет приведена в полную боевую готовность, не займет намеченные районы обороны и если она не будет своевременно отмобилизована»²⁵⁰. Данный вывод один к одному подходит к ситуации, в которой оказались ВС СССР на момент 22 июня 1941 г. Именно по этим причинам советское командование бросало против немцев разрозненные формирования Красной Армии, что облегчало задачу вермахта по их избиению: «РККА встретила войну, как и польская армия, разорванной на три оперативно не связанных эшелона, которые немцы били по частям»²⁵¹.

О другой важнейшей причине тяжёлых поражений Советской армии на начальном этапе войны – сталинских репрессиях²⁵² – причине, во многом предопределившей то, о чём говорит генерал Горьков, пишет немецкий историк Пауль Карелл: «День за днём, неделя за неделей число репрессированных росло. Сталин уничтожил многих офицеров Генерального штаба, казнил опытных командиров и, главное, нарушил ту атмосферу дисциплины и организованности, которую так упорно создавал Тухачевский... Неудачи Красной Армии [в финской войне] укрепили убеждение Гитлера, что вторжение в Советский Союз будет лёгким военным походом и что он без особого риска сумеет овладеть сырьевыми ресурсами СССР... В этом смысле гибельное нападение на Советский Союз 22 июня 1941 года было запоздалым результатом казни Тухачевского. Преступные действия Сталина против наиболее талантливых советских генералов и офицеров поставили Советский Союз на грань поражения»²⁵³.

«Тяжёлым грузом висела над обществом, – пишет академик А.М. Самсонов, – маниакальная подозрительность, жестокость Сталина, преступность некоторых его решений. Накануне и в первые дни войны прокатилась очередная волна репрессий. Арестованы были заместитель наркома обороны генерал армии К.А. Мерецков, нарком вооружения Б.Л. Ванников, заместитель наркома обороны генерал-полковник А.Д. Локтионов, многие другие руководители. Готовился новый „процесс военных“. Их „показания“ выбивались зверскими допросами. Однако в сложившейся на фронтах обстановке Сталин понял, какой негативный эффект мог вызвать такой процесс. По его указанию К.А. Мерецков, Б.Л. Ванников и ряд других лиц^г были освобождены и возвращены к активной деятельности. Однако большинство арестованных остались в тюрьмах»²⁵⁴.

Именно по причине предвоенных сталинских репрессий, и это нельзя не отметить, на начальном этапе войны было явным профессиональное превосходство командования вермахта над высшими командными кадрами РККА. Через много лет после войны маршал Жуков²⁵⁵ в беседе с Константином Симоновым отмечал по этому поводу: «Надо будет, наконец, посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира... Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс»²⁵⁶.

²⁵⁰ Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне ВОВ. Новые архивные документы. // ННИ, 1997, № 5.

²⁵¹ Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. С. 11.

²⁵² О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы см.: ВИЖ, 1993, № 2, 3, 5; Уколов А.Т., Ивкин В.И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. // ВИЖ, 1993, № 1.

Из 932 лиц высшего командного состава в 1936-1941 годах было расстреляно 729 человек. // Рубцов Ю.В. О полководцах Великой Отечественной войны. // ННИ. 2010, № 3. С. 68.

²⁵³ Карелл П. Почему немцы не могли взять Москву? // От «Барбароссы» до «Терминала». С. 132.

^г Примечание научного редактора: Например, К.К. Рокоссовский, освобождённый из заключения в 1940 г.

²⁵⁴ Самсонов А.М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений – к великой победе. М., 1991. С. 48-49.

²⁵⁵ По нашему глубокому убеждению, Г.К. Жуков является самым выдающимся военным деятелем XX века и бесспорно крупнейшим советским (и русским) военачальником. Его смело можно поставить в один ряд с гениальными полководцами прошлых эпох, внесшими величайший вклад в развитие военного искусства – Александром Македонским, Ганнибалом, Гаем Юлием Цезарем, А.В. Суворовым, Наполеоном Бонапартом. Английский историк А. Дж. П. Тейлор в этом контексте писал, что «Жуков, вероятно, величайший генерал второй мировой войны». // militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

Его достоинства признавали и противники. Так, фельдмаршал Рундштедт отзывался о нём как «об очень хорошем полководце». А ведущий военный комментатор «третьего рейха» Дитмар, хорошо знакомый с мнениями и настроениями немецкого генералитета, заявил, что Жукова «считали выдающимся военачальником». // Лиддел Гарт Б. Что рассказали немцы генералы. // От Мюнхена до Токийского залива. С. 237.

Правда, об этом человеке можно услышать и совершенно обратное. Так, уже известный нам фальсификатор-баснописец Резун-Суворов, собрав всевозможные сплетни, представил Г.К. Жукова в виде унтер-Пришибеева, человека крайне ограниченного («ефрейтор в маршальских погонах»), жестокого и аморального. // Суворов В. Тень Победы. Донецк, 2002.

²⁵⁶ Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 189-190; об этом есть и много других свидетельств: см. Верт А. Россия в войне. С. 90.

Следует отметить, что не только высшее командование было в первые недели войны не на высоте, но и простые солдаты и офицеры не всегда воевали должным образом. Это подтверждается воспоминаниями многих советских участников тех событий, в частности, К.К. Рокоссовским и Г.К. Жуковым. Вот что говорил в беседе с Симоновым Георгий Константинович о тех трагичных днях: «А войска не только бывали неустойчивыми и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство. В общей форме это верно. В итоге это действительно так. Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу. Не секрет, что у нас рядом воевали дивизии, из которых одна дралась хорошо, стойко, а соседняя с ней – бежала, испытал на себе такой же самый удар противника. Были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости»²⁵⁷.

Читая мемуары другого прославленного маршала – К.К. Рокоссовского – об этих первых днях и неделях, также невольно приходишь к выводу, что многие части Красной Армии воевали плохо, было много глупости, трусости и подлости, и всё это приходилось искоренять самыми суровыми мерами²⁵⁸. Однако подавляющая часть советских бойцов, офицеров и генералов дрались самоотверженно, проявляя величайшее мужество, стойкость и непоколебимую веру в победу²⁵⁹. Вот что писал о первоначальных поражениях Красной Армии генерал З. Вестфаль: «Основная же масса русской армии, вдохновляемая комиссарами, сражалась до конца»²⁶⁰.

И всё же, несмотря на героизм советских воинов, «Красная Армия явно не являлась отлаженным военным инструментом, готовым выполнить любой приказ Главного командования, – пишет М. Мельтюхов, опираясь на данные военной контрразведки. – Неорганизованное вступление в бой, отсутствие разведки, связи и управления соединениями, частями и подразделениями, а также снабжения и взаимодействия войск на поле боя, всё это, по сути, превращало действующую армию в значительной степени в вооружённую толпу, не имеющую возможности оказать серьёзный отпор противнику... Не случайно, что к 20 июля 1941 г. оперативными заслонами и заградительными отрядами было задержано 103876 чел., большая часть которых была вновь отправлена на фронт. С 20 по 26 июля было задержано ещё 25355 чел., из которых 1189 – арестованы за шпионаж, трусость, дезертирство и дезорганизацию фронта, а 505 – расстреляны»²⁶¹. К 31 июля германские войска взяли в плен 814030 советских военнослужащих»²⁶².

Подводя итоги обсуждения боеспособности советских войск в начальном периоде войны, следует привести слова профессора В. Окорочкова: «Призванные в начале войны и накануне битвы под Москвой из запаса солдаты и офицеры и ополченцы не имели боевого опыта и необходимой военной подготовки, низка была и техническая оснащённость из-за недостатка оружия в тот момент. По оценкам западных историков, советские армии, принявшие на себя удар в начальной фазе битвы за Москву, по своему уровню были наиболее слабыми из всех советских армий, выходивших на поле боя в ходе всей войны»²⁶³. Как свидетельствовал сам Жуков, «мы вводили много дивизий, которые совершенно не были подготовлены, были плохо вооружены, приходили сегодня на фронт – завтра мы их толкали в бой. Конечно, и задача была соответствующая»²⁶⁴.

«Таким образом, – отмечает М.И. Мельтюхов, – явного качественного превосходства техники, как и ее количественного превосходства, у вермахта не было. Однако подготовка личного состава и эксплуатация этой техники в вермахте были более высокими, чем в Красной Армии. Явным преимуществом вермахта было то, что сосредоточенные для нападения на СССР войска находились в развернутом состоянии и полной боевой готовности, а Красная Армия ещё только начала сосредоточение и развёртывание войск на Западе. Германские войска имели достаточно высокий боевой дух и рассчитывали ещё на одну молниеносную войну. К лету 1941 г. вермахт был сильнейшей армией мира, что делало его очень серьезным противником. И если советским конструкторам удалось ещё до войны создать технику, которая стала базой для будущего качественного превосходства над германской, то Красной Армии ещё только предстояло научиться бить врага этой техникой, и учеба эта была долгая и трудная.

²⁵⁷ Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 190; Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 90.

Эти же мысли Георгий Константинович высказал и в беседе с писателем-фронтовиком В.А. Анфиловым. // См. Анфилов В.А. «...Разговор закончился угрозой Сталина». // ВИЖ, 1995, № 3. С. 42.

²⁵⁸ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 14, 17, 19, 42.

²⁵⁹ Ibid. С. 94; см. также: Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/stalingr_131/page-3-stalingr_131.html.

²⁶⁰ Роковые решения. С. 62.

²⁶¹ Подробнее об этих подразделениях см.: Мединский В. Штрафбаты и заградотряды. Мифы о приказе «Ни шагу назад». // Родина, 2011, № 6; Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939-1945. М., 2011.

²⁶² Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах военной контрразведки. // Мельтюхов М., Осокин А., Пыхалов И. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. С. 95-96.

Потери в технике составили: 21500 орудий и миномётов, 11783 танка, 4013 самолётов. Немцы потеряли к этому моменту 79 тыс. человек, 1061 орудие и миномёт, 350 танков, 826 самолётов. // Ibid. С. 97.

²⁶³ Окорочков В. 100 дней Маршала Победы под Москвой. С. 25.

²⁶⁴ Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 157.

Все это лишний раз показывает, что попытки отечественной историографии объяснить вслед за Сталиным поражения советских войск в начале войны то количественным, то качественным превосходством германской техники недостаточно обоснованы. Существенного качественного превосходства немецкой техники не было, а количественного немцы смогли добиться лишь в личном составе и на отдельных направлениях в артиллерии. Однако общее соотношение сил позволяло Красной Армии не допустить и этого перевеса. Поэтому на первое место выходит вопрос об использовании наличных сил Красной Армии, об умении ими правильно распорядиться. Именно этого умения и не хватило советскому военно-политическому руководству, что и привело к столь трагическому началу войны. Отсутствие у советского командования четко проработанной стратегии оборонительной войны и недостатки в боевой выучке войск стали главными причинами, предопределившими поражения Красной Армии в начале войны. Войска, не будучи развернутыми и укомплектованными, должны были с ходу вступать в сражение с превосходящими их в каждом отдельном бою силами противника, который действовал в целом более профессионально. К сожалению, героизм воинов Красной Армии не мог заменить четкую и продуманную систему обороны и руководства войсками»²⁶⁵. В принципе, данные выводы автора кажутся нам вполне обоснованными.

Кроме всего прочего, и система управления советскими войсками из-за распорядка дня Сталина и необходимости его личного участия даже в не терпящих отлагательства важных вопросах способствовала высоким потерям советских войск в первые дни после начала гитлеровской агрессии. Так, чтобы принять какое-либо решение на том или ином конкретном участке фронта, требовалось разрешение вышестоящего начальства – от командира полка-дивизии к командующему армией-фронтом, и далее в Генеральный штаб, на что уходило до десяти и более часов. Однако и начальник Генштаба или нарком обороны не всегда могли взять на себя ответственность, т.к. требовалось согласование со Сталиным, который, ложась поздно ночью, просыпался лишь перед обедом. Пока командиры получали разрешение Верховного, проходило около суток, и вся ситуация кардинально менялась, а это означало, что принятое решение полностью устаревало.

Здесь хотелось бы привести очень ёмкую характеристику, данную Дж. Кеннаном И.В. Сталину и полностью соответствующую его облику, в том числе и на начальном этапе войны: «Он был человеком невысокого роста, ни полным, ни худощавым (скорее уж второе). Великоватый китель, который носил Сталин, возможно, компенсировал недостаточную представительность его внешнего облика. Волевое лицо этого человека, несмотря на грубоватые черты, казалось даже привлекательным. Желтые глаза, усы, слегка топорщившиеся, оспинки на щеках придавали ему сходство со старым тигром, покрытым шрамами. Сталин был прост в обращении и выглядел спокойным и хладнокровным. Он не стремился к внешним эффектам, был немногословен, но слова его звучали веско и убедительно. Неподготовленный гость мог не догадаться, какая бездна расчетливости, властолюбия, жестокости и хитрости скрывалась за этим непритязательным внешним обликом.

Великое умение притворяться – часть его великого искусства управлять. В творческом смысле Сталин не был оригинален, зато он являлся превосходным учеником. Он был удивительно наблюдателен и (в той мере, в какой это соответствовало его целям) удивительно восприимчив. Дьявольское искусство тактика производило большое впечатление на собеседников. Пожалуй, наш век не знал более великого тактика, чем он. Его хорошо разыгранное хладнокровие и непритязательность были только ходом в его тактической игре, продуманной, как у настоящего шахматного гроссмейстера. Мои коллеги, встречавшиеся со Сталиным чаще меня, рассказывали, что видели, как его желтые глаза вспыхивали от гнева, когда кто-то из его несчастных подчиненных попадался ему под горячую руку, или слышали, как он высмеивал кого-то из подчиненных во время приемов, произнося свои злые, насмешливые тосты. Сам я не был свидетелем всего этого. Но к тому времени, когда я впервые лично увидел Сталина, я уже достаточно долго жил в России и знал о нем немало. Я не сомневался, что передо мной один из самых удивительных людей в мире, что он жесток, беспощаден, циничен, коварен, чрезвычайно опасен, и вместе с тем – один из подлинно великих людей своего века»²⁶⁶.

Мнение гитлеровцев, а также западных союзников о перспективах Восточной кампании. Уже через пару недель после начала войны гитлеровское руководство было убеждено, что важнейшая часть плана «Барбаросса» – разгром советских войск в приграничном сражении – достигнута²⁶⁷. В этом контексте Гальдер писал: «Задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней»²⁶⁸. По свидетельству Чиано, Риббентроп считал, что «сталинская Россия исчезнет с карты мира через восемь недель»²⁶⁹. 4 июля Гитлер заявил: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл»²⁷⁰.

²⁶⁵ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

²⁶⁶ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

²⁶⁷ Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 201-202.

²⁶⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 79.

²⁶⁹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 497.

²⁷⁰ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

Правда, среди высшего германского генералитета нашёлся один человек – бывший главнокомандующий рейхсвером граф Курт фон Гаммерштейн, – который выразил противоположное большинству мнение. Он довольно реалистично оценил перспективы начавшейся войны против СССР: «Из тех войск, которые двинулись на Россию, никто не вернётся...»²⁷¹.

Однако не только нацисты, но и многие военные и политики в США и Англии были уверены в быстрой победе Гитлера²⁷². Как свидетельствует, например, прекрасно знавший политические настроения внутри американской элиты Роберт Шервуд, «немедленной реакцией на это известие [т.е. на нападение Германии на СССР – С.Н.] было ликование. Теперь изоляционисты получили возможность всю пропагандировать первоначальную установку нацистской партии, а именно, что Гитлер – единственный оплот против большевизма»²⁷³.

Английский генерал Кеннеди писал, что в июне 1941 г. начальник имперского генерального штаба Джон Дилл говорил ему, что он «считает русских настолько отвратительными, что ему ненавистна идея какого-либо тесного сотрудничества с ними». Генерал Исмей также отмечал: «Следует признать, что перспектива стать союзниками с большевиками была крайне неприятной». А Криппс, прибыв в 1940 г. в Москву, убедился, какая крайняя степень ненависти в отношении Советского Союза присуща английским дипломатам. В связи с этим он писал в Лондон: «Всеобщая ненависть к русским, которая характеризует разговоры англичан, когда они собираются вместе, угнетает и раздражает меня. Большинство из них связано с белогвардейцами. Все традиции и предубеждения Форин Оффис и дипломатической службы неистово и неразумно антирусские...»²⁷⁴.

«Колосс на глиняных ногах, вся сила которого – в его массе», – так в духе геббельсовской пропаганды оценивал военный потенциал страны пребывания накануне гитлеровского вторжения военный атташе США в СССР полковник Дж. Микела²⁷⁵.

Правда, не надо думать, что и среди сторонников помощи СССР в его борьбе с нацизмом не было сомнений в способности Красной Армии выстоять под ударами вермахта. Так, в записке от 10 июля своему морскому министру У. Черчилль писал: «Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключённый Россией, являлся бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта»²⁷⁶.

Английские военные были ещё менее оптимистичны по поводу перспектив советского сопротивления²⁷⁷. Вот какую оценку они дали ситуации на советско-германском фронте: «Возможно, что первый этап, включая оккупацию Украины и Москвы, потребует, самое меньшее, три, а самое большее, шесть

²⁷¹ Мольтке К. За кулисами второй мировой войны. М., 1952. С. 189.

²⁷² См.: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 184; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 24; Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 498; Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 83, 104; Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 205–206; Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. М., 1982. С. 12; Кулиш В.М. История второго фронта. М., 1971. С. 70; Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 81.

²⁷³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 495.

²⁷⁴ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 228–229.

Следует отметить, что среди советских военных господствовали совершенно иные настроения. Так, Александр Верт приводит замечательное свидетельство этому факту: в марте 1941 г. «группа советских офицеров из окружения маршала С.К. Тимошенко пригласила на вечер английского военного атташе. Разговоры велись сдержанно и осторожно, пока атмосфера не потеплела, и дело кончилось тем, что некоторые советские командиры стали пить за „победу над общим врагом“». // Верт А. Россия в войне. С. 74.

²⁷⁵ Печатнов В.О. Каким СССР вышел из войны (В оценках американской разведки и дипломатии). // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 5. С. 5; см. также: Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-3-staligr_131.html.

²⁷⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 176.

В этой связи Г. Городецкий отмечает: «Черчилль думал прежде всего о выгодах, получаемых Великобританией в том случае, если бы русские сумели продержаться на полях сражений хотя бы до наступления зимы». // Городецкий Г. Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // ННИ, 1990, № 6. С. 73.

²⁷⁷ См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 93; Городецкий Г. Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // ННИ, 1990, № 6. С. 62, 66–67, 69, 71, 72, 76, 77; Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны 1941 – 1945 гг. М., 1985. С. 11, 13–14; Рыжиков В.А. Зигзаги дипломатии Лондона. С. 127; Ундасынов И.Н. Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965. С. 27; Верт А. Россия в войне. С. 95, 195; Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека. // ННИ, 1994, № 3. С. 176; Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 81.

Однако было бы неверно утверждать, что все англичане считали так: «Были в то время в Англии люди – правда, их было очень немного, – которые с самого начала верили, что Гитлер потерпит поражение. К ним относились, например, Бернард Шоу и историк Бернард Пэрс». // Верт А. Россия в войне. С. 81.

недель или более». Мнение американских военных по этому вопросу практически ничем не отличалось от английского²⁷⁸. Выражая его, военно-морской министр Ф. Нокс отметил, что Германии для победы понадобится всего лишь 6-8 недель²⁷⁹. А военный министр Г. Стимсон докладывал президенту: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России»²⁸⁰. Бывший посол в Москве У.К. Буллит предсказал, что немцы прорвут советскую оборону «как горячий нож масло» и войдут в Москву через три недели²⁸¹.

«Высшие военные власти США и Англии, – отмечал заместитель госсекретаря С. Уэллес, – не предполагали летом 1941 г., что Россия окажется способной сопротивляться нападению Германии сколько-нибудь продолжительное время»²⁸², а поэтому, свидетельствовал Эдвард Стеттиниус*, эти люди «считали очевидным, что любое оружие, которое мы пошлём, попадёт в руки Гитлеру. Единство советского народа и сила Красной Армии в те дни недооценивались не только в Берлине, но и в Вашингтоне»²⁸³. Конгрессмен Мартин Дайс 24 июня заявил в конгрессе, что через тридцать дней Гитлер захватит всю Россию²⁸⁴.

В начале июля Институт Гэллага провёл опрос на тему, кто одержит победу в войне. 47% опрошенных ответили – Германия, 22% – Россия, 8% считали, что создастся патовая ситуация, 23% респондентов не высказали своего мнения. В прессе было немало прогнозов. Например, автор статьи в «Американ Меркури» писал: «Мне кажется бесспорным одно: советское государство, каким оно было в течение четверти века, окончило своё существование. Оно либо будет завоёвано, либо распадётся на несколько частей, либо будет реорганизовано на новой, некоммунистической основе»²⁸⁵. Однако, по мере усиления советского сопротивления фашистским захватчикам, настроения американской общественности всё более и более разворачивались в пользу СССР²⁸⁶.

Правда, не следует считать, что советское руководство не было в курсе этих настроений. По дипломатическим и разведывательным каналам оно получало достоверную информацию. Так, уже 15 июля Сталину была доложена полученная от лондонской резидентуры информация, доказывающая неверие англичан в способность Советского Союза выстоять: «Хотя английское правительство полностью осознаёт степень угрожаемой Англии опасности в случае поражения СССР и намерено оказать помощь Советскому правительству в соответствии с декларацией Черчилля, тем не менее, все расчёты англичан базируются на неизбежности поражения Красной Армии в самом ближайшем будущем. В начале войны объединённый разведывательный комитет при военном кабинете, состоящий из представителей военной, морской, воздушной и политической разведок, пришёл к выводу, что Москва будет захвачена в три недели. Сейчас же они увеличивают этот срок до пяти с половиной недель, считая с первого дня кампании»²⁸⁷.

В принятой летом 1941 г. «Программе победы» дата 1 июля 1943 г. фиксировалась как момент завершения подготовки и начала решительного наступления вооружённых сил США против Германии. В этом документе американские стратеги предсказывали, что к середине 1942 г. Германия достигнет своих целей в войне против СССР, выйдет на линию Архангельск – Москва – Волга и добьётся «военного бессилия России». Затем, в течение года, она осуществит прорыв на Ближний Восток и проложит

²⁷⁸ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 28; Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время второй мировой войны. // ННИ, 2003, № 1. С. 84.

²⁷⁹ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 482; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 24; Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне. С. 65.

²⁸⁰ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 497, 495; см. также: Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 84; Безыменский Л. Конец одной легенды. М., 1986. С. 19; Цветков Г.Н. СССР и США: отношения, влияющие на судьбы мира. Киев. 1988. С. 85; Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 155; Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. С. 45.

Данная ситуация повторилась летом 1942 г., когда новый посланец ФДР, Уилки, отправился в Москву, напутствуемый предупреждением президента, что в СССР он сможет оказаться в момент последней судороги. // Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 137.

²⁸¹ Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время второй мировой войны. // ННИ, 2003, № 1. С. 84.

²⁸² Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 280; об этом же свидетельствует и Эллиот Рузвельт. // Рузвельт Э. Его глазами. С. 49-50.

* Заместитель госсекретаря, а в 1945 г. госсекретарь США.

²⁸³ Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне. С. 67; Ундасынов И.Н. Рузвельт, Черчилль и второй фронт. С. 28.

²⁸⁴ Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 179.

²⁸⁵ Петрова Н.К. Отношение американцев к СССР в начальный период Великой Отечественной войны. // США: экономика, политика, идеология (Далее: США: ЭПИ). 1995, № 4. С. 68.

²⁸⁶ Ibid. С. 68-72.

²⁸⁷ Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 81.

себе путь к Египту и Индии. На Западе она осуществит наступление на Гибралтар и Дакар. Поэтому союзные державы не могут позволить себе ждать с началом наступления позднее, чем до середины 1943 г. В противном случае, опираясь на свою гегемонию в Европе и её ресурсы, Германия станет неприступной. Лишь после победы советских войск под Москвой у американских военных плановиков впервые возникла надежда, что война на советско-германском фронте может продлиться за период завершения американской военной подготовки, и удар союзников на Западе будет сочетаться с ударами Красной Армии с Востока²⁸⁸.

Сопrotивление советских войск в первые недели войны: глазами друзей и врагов. Но, несмотря на все трудности, воля советского народа к борьбе не была сломлена, и это отмечал в своей телеграмме из Москвы от 1 августа 1941 г. президенту Рузвельту его личный посланник Г. Гопкинс²⁸⁹: «Я имел две продолжительные и удовлетворительные беседы со Сталиным, и я сообщу вам лично то, что он передает через меня. Однако уже теперь я хотел бы сказать вам, что я очень уверен в отношении этого фронта. Моральное состояние населения исключительно высокое. Здесь существует безграничная решимость победить»²⁹⁰.

Об отсутствии паники среди советских солдат пишет и английский историк Фуллер, и в подтверждение этому приводит выдержку из «Фелькишер беобахтер» от 29 июня: «Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падёт мёртвым в рукопашной схватке»²⁹¹. «Никогда, даже в самые мрачные часы Великой Отечественной войны, — писал немецкий историк Г. Гостони, — советские люди не теряли надежды разбить Гитлера»²⁹².

Неоднократно выражал своё восхищение «великолепным сопротивлением Красной Армии нацистским ордам» британский премьер У. Черчилль²⁹³. Госсекретарь К. Хэлл также выражал свою твёрдую уверенность «в способностях русских оказать сопротивление Германии»²⁹⁴. Среди немногих официальных лиц западных стран, веривших в силу Советского Союза, были английский посол Ст. Криппс и глава английской военной миссии в СССР генерал М. Макфарлан. Даже в самые сложные моменты на советско-германском фронте они заявляли: «Красную Армию не удастся сломить, какой бы отчаянный оборот ни принимали события иной раз»²⁹⁵.

Вскоре и фашистское руководство убедилось в том, что при оценке боеспособности Советского Союза был допущен серьёзный просчёт. В первую очередь это осознали гитлеровские солдаты и офицеры, а вслед за ними и генералы, вынужденные признать, что на советской земле вермахт столкнулся с противодействием, какого до этого он не встречал. Так, например, капитан 18-й танковой дивизии писал домой в Германию: «Несмотря на то, что мы продвигаемся на значительные расстояния..., нет того чувства, что мы вступили в побеждённую страну, которое мы испытывали во Франции. Вместо этого — сопротивление, постоянное сопротивление, каким бы безнадёжным оно ни было»²⁹⁶.

«Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением западных союзников и поляков при поражении, — свидетельствует генерал Блюментритт. — Даже в окружении русские продолжали упорные бои»²⁹⁷. Он же отмечал: «Во второй мировой войне мы впервые поняли, что такое Россия в действительности. Уже сражения июня 1941 года показали нам, что представляет собой новая, Советская Армия. Наши потери в боях достигали пятидесяти процентов личного состава... Там, где в истории войн встречаются русские, военные действия носят упорный и беспощадный характер и связаны с тяжёлыми потерями. Там, где русский займёт позицию и защищается, его трудно победить, и это стоит вам много крови»²⁹⁸.

Германский офицер рассказывал о русском танке, подбитом в ходе боя. Обгорелый, он стоял на гребне холма, тогда как германские части в течение десяти дней пытались двигаться вперед, но не находили нужного пути. «Никакие запасы не могли быть доставлены нам, так как подвозящие их солдаты

²⁸⁸ Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне. С. 72-73, 114; см. также Френкель М.Ю. Планы вторжения германской армии в Америку в 1940 – 1942 гг. // США: ЭПИ, 1993, № 12.

²⁸⁹ Об этом человеке см.: Мальков В.П. Гарри Гопкинс: страницы политической биографии. // ННИ, 1979, № 4.

²⁹⁰ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 482.

²⁹¹ Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война. С. 161.

²⁹² См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 216.

²⁹³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 175, 178, 180, 181, 203, 206, 293, 622, 627; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 1. М., 1986. С. 17, 20, 23, 27; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 68, 88, 91, 92, 273.

²⁹⁴ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 342.

²⁹⁵ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 157.

²⁹⁶ Кларк А. Крах «блицкрига». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 67.

²⁹⁷ Роковые решения. С. 84; см. также: Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/stalingr_131/page-3-stalingr_131.html.

²⁹⁸ Лиддел Гарт Б. Что рассказали немецкие генералы. // От Мюнхена до Токийского залива. С. 238-239.

встречали шквал артиллерийского огня. Мы изменили время доставки, но это не улучшило ситуацию. Снаряды часто падали и на наши позиции. В глубине ночи (русский) патруль пробился через лес и бросил ручные гранаты прямо в наши орудия. Мы спрашивали себя, какой дьявол сделал всё это возможным. Тайна открылась случайно... В один из дней армейский повар в поисках танковых приборов открыл люк русского танка. От зловония он едва не потерял сознание, но он увидел два стоящих на коленях скелета. Мы вытащили их. Один из них – капитан, потерявший глаз – находился рядом с разлагающимся трупом. Раненый, он посылал по радио сообщения своим войскам о наших перемещениях»²⁹⁹.

Г. Гудериан отмечал, что русские генералы и солдаты «не теряли присутствия духа даже в труднейшей обстановке 1941 года. Об их упорстве говорит история всех войн»³⁰⁰. Ф. Гальдер, выслушав доклад генерал-инспектора пехоты при ОКХ генерала О. Отта о боях в районе Гродно, записал в своём дневнике: «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бои по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо»³⁰¹. Фельдмаршал Рундштедт уже после войны сказал: «Я понял вскоре после нападения, что всё, что было написано о России, является глупостью»³⁰².

Другой бывший немецкий генерал Э. Бутлар также отмечал, что в «результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боёв немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника... были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих „молниеносных войнах“»³⁰³. Как следствие, в период с 22 июня до 30 июля 1941 г. было убито, ранено или попало в плен 318 тыс. чел., т.е. около 10% немецких вооружённых сил на Восточном фронте³⁰⁴.

Уже после войны немецкий фельдмаршал Клейст писал о Красной Армии образца лета 1941 г.: «Русские с самого начала проявили себя как первоклассные воины, и наши успехи объяснились просто лучшей боевой подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли вести военные действия без многого, что считается необходимым в армиях других государств. Их командование быстро извлекло уроки из своих поражений в начале войны и вскоре стало высокоэффективным.

...Советская боевая техника и оружие были отличного качества ещё в 1941 году, особенно танки. Артиллерия была превосходной, так же, как и большинство видов стрелкового оружия – винтовки были более современными, чем наши, и имели более высокую скорострельность. Русский танк Т-34 был самым лучшим танком в мире»³⁰⁵.

Уже в июле, пишут Дж. Батлер и Дж. Гуайер, «германское командование начало получать мрачные донесения о растущей или возрождающейся мощи русских. Стало ясно, что Красная Армия не была уничтожена западнее линии Днепр – Двина, – она лишь потеряла конечности, которые, подобно гидре, могла снова восстановить»³⁰⁶. «И хотя большая часть красноармейцев попадала в плен коллективно, – отмечает А. Шнеер, – в Красной Армии не было ни одного случая, чтобы командир отдал приказ о прекращении борьбы и сдаче в плен»³⁰⁷. Таким образом, «несмотря на потери и поражения первых недель Великой Отечественной войны, Красная Армия вовсе не была разгромлена. Вопреки ожиданиям германского руководства, да и большинства сторонних наблюдателей, оказалось, что действия советских вооружённых сил постепенно принимают всё более организованный и целенаправленный характер... В итоге Красной Армии в 1941 г. удалось совершить то, что до того не смог сделать ни один из противников Третьего рейха – удержать фронт и перевести войну в затяжную, выиграть которую Германия в тех условиях не могла»³⁰⁸.

«Корректировка» планов германского верховного командования на Восточном фронте. Вследствие ожесточённого сопротивления Красной Армии, в конце июля – начале августа 1941 г. немецкое наступление было приостановлено на всех направлениях. 30 июля Гитлер вынужден был отдать приказ войскам о прекращении наступления на Москву³⁰⁹. Уже 11 августа 1941 г. Гальдер записал в своём

²⁹⁹ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³⁰⁰ Гудериан Г. Опыт войны с Россией. // Итоги второй мировой войны. С. 133.

³⁰¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 60.

³⁰² militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³⁰³ Бутлар Э. Война в России. // Мировая война, С.163.

³⁰⁴ Германия во Второй мировой войне. С. 133.

³⁰⁵ Лиддел Гарт Б. Что рассказали немецкие генералы. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 236-237; Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. С. 122.

³⁰⁶ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 91.

³⁰⁷ Шнеер А. Плен. Т. 1. С. 155.

³⁰⁸ Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах военной контрразведки. // Мельтюхов М., Осокин А., Пыхалов И. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. С. 97.

³⁰⁹ Великая Отечественная война. С. 86.

дневнике: «Общая обстановка показывает всё очевиднее и яснее, что колосс-Россия... был нами недооценён. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских»³¹⁰. И это писал недавний «предсказатель» выигрыша войны против СССР за 14 дней. Как приказ фюрера, так и запись Гальдера очень примечательны – впервые с начала второй мировой войны нацистское руководство приняло решение, продиктованное волей противоборствующей стороны, впервые гитлеровская армия была вынуждена перейти к обороне на главном стратегическом направлении фронта.

После того, как было остановлено наступление группы армий «Центр», разногласия среди руководящего состава вермахта по вопросу о выработке нового решения о продолжении военных действий обострились³¹¹. В частности, Гудериан, и его поддерживал Гот, категорически настаивал на продолжении наступления на Москву, без отвлечения сил на другие, по его мнению, второстепенные, направления³¹². Однако при встрече с Гитлером в его ставке 24 августа 1941 г. весь пыл Гудериана куда-то полностью испарился, и он не только не возразил своему фюреру, но и с воодушевлением принялся исполнять решение вождя³¹³.

Когда поздно вечером совещание у Гитлера окончилось, Гудериан зашёл к Гальдеру и доложил об итогах. Начальник генерального штаба сухопутных войск «выразил удивление „столь внезапным поворотом мыслей“ командующего танковой группой.

– Моё вчерашнее мнение, – пояснил Гудериан, – проистекало из убеждения, что главнокомандование сухопутных войск санкционирует моё предложение. Теперь же, во время посещения фюрера, я убедился, что должен согласиться с проведением операций на юге. Мой долг состоит в том, чтобы невозможное сделать возможным и провести в жизнь эту идею.

– Но почему же Вы не бросили ему под ноги своё командование?

– А почему не сделали этого Вы?»³¹⁴.

Конец этим спорам положила директива Гитлера от 21 августа, в которой указывалось, что «главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере – окружение Ленинграда и соединение с финнами»³¹⁵.

Стремясь хотя бы частично обелить генералитет, Г.-А. Якобсен следующим образом комментирует данное решение: «21 августа 1941 г. оно было принято вопреки предложению ОКХ. Основной тон и характер этой директивы давали понять, что верховный главнокомандующий вермахта едва ли собирается прислушиваться к советам своего ближайшего военного окружения, если взгляды этого окружения не совпадают с его собственными»³¹⁶. «Фатальная ошибка» Гитлера, заявляет американский историк А. Тэрни, состояла в том, что он «остановил наступление на Москву... и направил силы германской армии на Украину». Ему вторит Т. Дюпуи: «Наиболее крупной ошибкой был отказ сосредоточить свои силы для удара на Москву летом 1941 года»³¹⁷.

В действительности же эта директива отразила тот факт, что германские войска были уже неспособны наступать одновременно на всём фронте. Было принято решение вести в начале осени активные боевые действия лишь на флангах советско-германского фронта для того, чтобы создать благоприятные условия для последующего наступления на Москву.

Правда, нацисты очень скоро поняли, что потерю времени, затраченного на Киевскую операцию, им не вернуть³¹⁸. При этом данная потеря была вынужденная и не зависящая от воли тех или иных полити-

³¹⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 264.

³¹¹ См.: Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 206-212.

³¹² Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 188-194; Гудериан Г. Опыт войны с Россией. // Итоги второй мировой войны. С. 119, 120; Гот Г. Танковые операции. С. 147-148.

³¹³ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 309-310.

³¹⁴ Ibid. С. 311.

³¹⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 234.

³¹⁶ <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

³¹⁷ См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 186.

³¹⁸ Немцы объявили, что под Киевом взяли в плен 665 тыс. пленных. // Типпельскирх К. Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны. // Итоги второй мировой войны. С. 78; Бутлар приводит цифру, превышающую 600 тыс. // Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 172.

Вот как, со ссылкой на официальное советское издание истории войны, комментирует этот факт А. Верт: «К началу Киевской операции на Юго-Западном фронте имелось 677085 человек. Из этого числа 150541 человек избежали окружения. Окружённые войска вели бои в течение большей части сентября и понесли очень тяжёлые потери, некоторым же из них удалось прорваться. При этом в плен попало не более одной трети первоначально окружённых войск. Число пленных составило, следовательно, около 175 тыс. человек». // Верт А. Россия в войне. С. 141.

ческих или военных руководителей. Пока советские войска удерживали Киев, пока существовал разрыв между группами армий «Центр» и «Юг», пока была угроза флангам центральной группировки на смоленско-московском направлении, немецкая армия не могла продолжать наступления ни на юге – на Донбасс и Крым, ни, тем более, на Москву.

И главная причина скорого поражения вермахта под Москвой состояла не в отвлечении Гитлером ударных танковых группировок в конце августа – начале сентября с московского на киевское направление, как утверждал Гудериан, а в героическом сопротивлении Красной Армии и в соотношении военно-экономических потенциалов Советского Союза и Германии, соотношении, которое было совсем не в пользу «тысячелетнего рейха». В этой связи следует подчеркнуть, что те, кто продолжает настаивать на «ошибке» Гитлера и ОКВ³¹⁹, осознанно или нет, но игнорируют то обстоятельство, что появившиеся в июле-августе 1941 года разногласия были не причиной, а исключительно следствием краха первоначального стратегического плана по разгрому СССР.

Считаем, на данном вопросе есть смысл остановиться несколько подробнее, приведя по нему различные мнения. И начнём их изложение с воспоминаний великого маршала – Г.К. Жукова. Более чем за месяц до того, как танковая группа Гудериана и поддерживающие её пехотные части совершили маневр против советской группировки, защищавшей Киев, он ясно предсказал этот ход событий и категорически настаивал перед И.В. Сталиным на необходимости отвести защищавшие Киев войска на восточный берег Днепра. «Обсудив общую обстановку... мы пришли к выводу, что противник, видимо, будет стремиться в ближайшее время разгромить наш Центральный фронт, чтобы выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту. Что касается наступления на Москву, то оно начнётся, по-видимому, только тогда, когда противник ликвидирует угрозу флангу своей центральной группировки со стороны нашего Центрального фронта и войск юго-западного направления»³²⁰. Но Сталин отверг предложение Жукова, что и привело к трагедии Юго-Западного фронта. Как видим, уже 29 июля 1941 г. Жуков понимал, что наступать дальше на Москву без перегруппировки сил и нанесения предварительного удара на Киев, группа армий «Центр» не могла.

Даже по прошествии десятилетий некоторые историки и бывшие генералы вермахта ставят под сомнение резонность «поворота на юг»³²¹. Так, летом 1966 г. бывший начальник оперативного управления ОКХ А. Хойзингер³²² со страниц журнала «Шпигель» заявил, что если бы в августе 1941 г. продолжилось наступление на Москву, то не только это сражение, но и вся война была бы выиграна³²³. Данную точку зрения полностью поддержал и бывший генерал вермахта фон Бутлар: «Решения Гитлера, явно противоречившие всяким требованиям старой немецкой оперативной школы, естественно, наталкивались на ожесточённое сопротивление со стороны многих военачальников действующей армии».

Касаясь «поворота на юг», он продолжает: «Мы полагаем, что каждый, кто интересуется вопросами оперативного искусства, должен тщательно изучить это решение, оказавшее решающее влияние на весь дальнейший ход войны с Россией. Время показало, что решение Гитлера было неправильным». И далее: «Это решение и его последствия вполне наглядно продемонстрировали то, что отступление от старых, проверенных на практике принципов оперативного руководства всегда связано с риском и никогда не приводит вооружённые силы той или иной страны к прочному успеху»³²⁴.

Ну да и Бог с ними, с этими битыми хойзингерами и бутларами, ведь любому трезвомыслящему военному аналитику ясно, что мировые войны одним сражением не только не выигрываются, но и не проигрываются. СССР и его армия встретили войну очень плохо подготовленные, да и ошибок советское командование наделало много в течение всего первого года войны. Но это не стало причиной поражения Советского Союза. Он нашёл в себе силы и в конечном итоге победил, так как не только воевал за правое дело, но и его первоначальный потенциал значительно превосходил потенциал всего фашистского блока вместе взятого. Бутлар прав, время и в самом деле «показало, что решение Гитлера было

Другие исследователи приводят цифру войск Юго-Западного фронта к началу Киевской оборонительной операции в 627 тыс. чел. // Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941 – 1945 гг. // ННИ, 1992, № 3. С. 222; Гареев М.А. Социально-политическое значение и цена победы. // Межд. жизнь, 1994, № 9. С. 102; о катастрофе Юго-Западного фронта см. также Мягков М.Ю. Грозное лето 1941 года. // ННИ, 2011, № 3. С. 143-148.

³¹⁹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 190-191.

³²⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 299.

³²¹ Подробнее об этом см.: Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 17.

³²² После провала антигитлеровского заговора от 20 июля 1944 г., во время тайных встреч с Гиммлером и Кальтенбруннером, он подробно информировал их о составе заговорщиков. // Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 85.

³²³ Der Spiegel, 1966, № 16.

³²⁴ Мировая война. 1939-1945 гг. М., 1960. С. 181, 170, 171; см. также Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 169-170, 172.

неправильным». Однако не в понимании Хойзингера, Гудериана, Бутлара и иже с ними³²⁵. Он ошибся ещё на этапе планирования антисоветской войны. 22 июня 1941 г. стало истинным днём самоубийства фюрера и краха его рейха. 30 апреля 1945 г. явилось лишь последней точкой на этом пути.

Известный российский историк В.И. Дашичев пишет в связи с этим: «Главное здесь заключается в том, что план „Барбаросса” был превыше сил вермахта, а поэтому оказался авантюристичным в своей основе»³²⁶. И не один Гитлер, как пытаются представить дело некоторые, несёт ответственность за провал «Барбароссы», а весь высший германский генералитет. Так, к примеру, на совещании командующих группами армий и армиями у Гальдера 14 декабря 1940 г., где подводились итоги игр по плану нападения на Советский Союз, был сделан единодушный вывод, что Красная Армия будет разбита в скоротечной кампании, которая займёт не более 8-10 недель»³²⁷.

Анализируя решение Гитлера о развороте в августе ударной группировки группы армий «Центр» на Киев, следует отметить, что немецкое командование было несвободным в выборе своих оперативно-стратегических решений. Они были не произвольными, а *вынужденными*. Если в данной обстановке группа армий «Центр» могла бы на каком-то участке достигнуть оперативно-тактического успеха, то он всё равно не привёл бы к стратегическим результатам из-за общей нехватки сил и кризисных ситуаций в группах армий «Север» и «Юг». В этом смысле вывод может быть один: и «правильное», и «неправильное» решения объективно не имели никаких шансов на успех в войне против СССР. В конечном итоге все эти «решения» были лишь частностями в войне, в которой Германия не могла победить.

«Все звенья германского руководства, — пишет Д. Проэктор, — были *едины* в ложных представлениях о Красной Армии, и *единая ошибочная основа* порождала столь же единые бесперспективные решения, ибо „южный” вариант был так же обречён, как и „московский”. Действительные силы Красной Армии превосходили ту их численность, которую определяла на 1 августа 1941 г. германская разведка: перед группой армий „Север” — в 1,9 раза; перед группой армий „Центр” — в 2,3 раза; перед группой армий „Юг” — в 2,9 раза. Особенно тяжёлые последствия для вермахта имел просчёт в определении численности резервов Красной Армии. Немецкое главное командование сухопутных сил на 1 августа не имело в резерве *ни одной дивизии*. Командование же Красной Армии только в составе Резервного фронта (который развёртывался позади Западного фронта) и в его ближайших округах располагало несколькими десятками соединений. Значительные силы оставались в более отдалённых округах, и ряд соединений находился в процессе формирования»³²⁸.

Вот как объясняют столь активно обсуждаемое решение фюрера о «повороте на юг» английские военные историки Дж. Батлер и Дж. Гуайер, сами не поддерживающие в полном объёме его целесообразность: «Хотя нежелание Гитлера направлять основные усилия на центральный участок фронта и определялось известными военными соображениями, оправдать это можно было только крайними экономическими нуждами самой Германии. Захват Ленинграда лишил бы советский флот его главной базы на севере и положил бы конец его действиям на Балтике, серьёзно мешавшим импорту железной руды из Швеции. Возобновление наступления на юге отдавало в руки немцев Украину — важный район производства зерна и продовольствия, а также железные и марганцевые рудники Кривого Рога и Никополя в излучине Днепра. И, наконец, самое важное: через южные районы России шёл прямой путь на Кавказ к нефтепромыслам Майкопа, Грозного и Баку... Нет никаких сомнений в том, что одной из главных причин, побуждавших его предпринять наступление на юге даже за счёт других участков фронта, был не-

³²⁵ И сам фон Бутлар отмечает, что «любое решение по дальнейшему ведению операций потребовало бы затраты новых значительных сил и средств. Эти силы и средства, как показали последующие годы войны, у немцев могли быть только в том случае, если бы своевременно были приняты меры к созданию людских и материальных резервов. Кризис, который переживало немецкое командование на Востоке, был вызван не столько неправильным оперативным решением, сколько общей некомпетентностью высшего руководства Германии, не сумевшего использовать все возможности, чтобы подготовить и направить на Восточный фронт достаточные силы для решения стоящих там перед немцами огромных задач». // Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 170-171.

Этим Э. Бутлар вполне признаёт, что не решение о «повороте на юг» стало причиной поражения в войне, а общая недостаточность ресурсов Германии в войне с СССР и неспособность высшего военнополитического руководства рейха понять это.

[†] Примечание научного редактора: Данное утверждение автора является лишь относительно верным, в том смысле, что мощности советской тяжёлой промышленности превосходили германские и, конечно же, сырьевая и ресурсная база СССР в разы превосходила то, чем располагала Германия до 1941 г. Однако, используя не только свои возможности, но и потенциал союзников-сателлитов и оккупированных стран, в 1941 г. фашистский рейх произвел больше, чем Советский Союз чугуна, стали, электроэнергии, добыл больше угля. Лишь по объёму добычи нефти СССР в три раза опередил Германию.

³²⁶ Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 18.

³²⁷ Ibid.

³²⁸ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 316.

достаток у Германии нефти. Создавалось положение, когда уже в ближайшем будущем это могло серьёзно отразиться на всех военных действиях... Поскольку русское сельское хозяйство было в основном крупномеханизированным, для соответствующего использования полей Украины требовались дополнительные поставки нефтепродуктов. Без этого одна из самых главных экономических целей кампании не была бы достигнута»³²⁹.

Захват ресурсов Украины и Кавказа рассматривался как необходимое условие дальнейшего продолжения войны. А состояние германской экономики к этому времени подходило к крайней точке: ежемесячная выработка Германией стали и железа в это время не превышала 800 тыс. тонн, а для вооружённых сил требовалось 1,65 млн тонн. Совещание у Кейтеля 17 августа по вопросам военной экономики отметило, что положение с горючим и резиной очень тяжёлое; месячное производство алюминия составляло не более 30 тыс. т, а потребность была почти в 40 тыс. т. Чтобы осуществить предложенную Герингом программу развития ВВС, требовалось увеличить производство алюминия в 4 раза³³⁰. Совершенно очевидно, что в таких условиях, с точки зрения нацистских планов, захват промышленных и сырьевых ресурсов Юга Советского Союза представлял собой задачу первостепенной важности. Именно она и диктовала направление движения гитлеровских армий.

Как бы предвидя будущие упрёки, 22 августа Гитлер направил своим оппонентам памятную записку, в которой писал, что уничтожение крупных советских сил, расположенных на южном фланге группировки Бока, совершенно необходимо как предпосылка для наступления на Москву. Только «после уничтожения русских войск, как и прежде угрожающих правому флангу группы армий „Центр“, наступление на Москву будет провести не труднее, а легче». Гитлер разъяснял генералам и экономическое значение захвата Украины для исхода войны³³¹. Т.о., вопрос не стоял – «Москва или Киев», как приписывают некоторые фюреру. Гитлер планировал взять Киев, чтобы следующим шагом взять Москву.

Точку зрения фюрера в этом вопросе разделяли многие военачальники: фельдмаршалы Кейтель (начальник штаба ОКВ), Рундштедт (командующий группой армий «Юг») и Клюге (подчинённый Бока и командующий 4-й армией), генералы Йодль (начальник штаба оперативного руководства), Вейхс (подчинённый Бока и командующий 2-й армией), его начальник штаба Блюментритт, начальник штаба группы армий «Юг» Зоденштерн.

1 сентября командование группы армий «Юг» направило Гитлеру доклад, в котором сигнализировало, что группа армий «Центр» будет иметь обеспеченный фланг для нанесения последнего, решающего удара только после уничтожения противника на Восточной Украине, и что «нанести удар на Московском направлении раньше, чем на Украине, нельзя»³³². А вот позднейшее мнение Блюментритта – «думать о цели, т.е. о Москве», можно было лишь после ликвидации киевской группировки, которую невозможно было миновать»³³³.

Западногерманские историки, ведущие специалисты по вопросам второй мировой войны, А. Филиппи и Ф. Хейм, признают, что «обстоятельства были сильнее», чем «планирующая воля» ОКВ. «Учитывая силы обеих групп армий, было невозможно двигаться вперёд, оставив на своём фланге между Днепром и Десной миллион русских солдат. Ход битвы дополнительно подтвердил правильность этого решения»³³⁴. Представляет интерес и мнение известного английского военного историка А. Кларка: «Помимо Гота и Гудериана было немало других генералов, ратующих за бросок танковых дивизий на Москву. Командующий группой армий „Центр“ фон Бок также разделял это намерение. Но с учётом того, что мы сейчас знаем о силе советских армий даже на тот момент и планировавшемся ими контрударе, нет никаких оснований считать, что такой бросок увенчался бы успехом. Это была бы гигантская авантюра, о которой с определённой можно сказать лишь одно – она приблизила бы конец войны»³³⁵.

А вот мнение одного из ведущих американских военных историков Д. Гланца: «Запусти Гитлер операцию „Тайфун“ в начале сентября, группе армий „Центр“ пришлось бы прорывать глубокую советскую оборону, занятую войсками, которые не растратили понапрасну свои силы в бесплодных атаках на немецкую оборону к востоку от Смоленска. Более того, группа армий „Центр“ начала бы наступление на Москву в то время, как более чем 600-тысячная советская группировка угрожала бы с юга постоянно растягивающемуся правому флангу немцев. Наконец, по самым оптимистическим расчетам, немцы могли бы достигнуть ворот Москвы лишь после середины октября, как раз к началу сезона дождей.

Ставка спасла Москву, задействовав десять резервных армий, которые приняли участие в ноябрьской обороне города, в декабрьских контрударах и в январском контрнаступлении 1942 года. Эти армии вступили бы в бой независимо от того, когда именно Гитлер начал бы операцию „Тайфун“. Хотя

³²⁹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 94-95.

³³⁰ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 318-319.

³³¹ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 62.

³³² Филиппи А. Припятская проблема. М., 1959. С. 128.

³³³ Роковые решения. С. 87.

³³⁴ Цит. по: Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 318.

³³⁵ Кларк А. Крах «блицкрига». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 76.

они в конечном итоге остановили и обратили вспять наступление вермахта у самой Москвы, даже без существенной помощи со стороны войск на немецких флангах, эти армии также имелись бы в наличии и могли сделать то же самое, атакуй немцы Москву на месяц раньше – но на этот раз им помогли бы более чем 600000 солдат Юго-Западного фронта, развернутых вдоль чрезмерно растянутого правого фланга группы армий „Центр”.

...Поворот Гудериана на юг и последующая задержка гитлеровского наступления для захвата Москвы не могут квалифицироваться как критический „поворотный пункт”. Фактически эта операция лишь увеличила шансы вермахта на победу над Красной Армией под Москвой, ликвидировав мощный Юго-Западный фронт Красной Армии как ключевого игрока в осеннем периоде кампании 1941 года. Именно она поставила Западный, Резервный и Брянский фронты в ситуацию, ведущую к их октябрьскому поражению»³³⁶.

«Имевший место впоследствии спор о решении Гитлера осуществить в сентябре 1941 года нападение сначала на Киев, а не на Москву, является бесполезным. Противоположное решение, даже если бы оно привело к взятию Москвы, не изменило бы ход войны... Русские были сильнее не только потому, что они превышали численностью, но прежде всего потому, что для них решался вопрос жизни и смерти, а для немцев – нет.

Для немцев речь шла о победе или поражении. Победа была проиграна с того момента, когда русские взяли себя в руки, т.е. уже в декабре 1941 года. Однако поражение от русских не означало для немцев, что их страна будет превращена в то, во что превратилась бы Россия в случае нанесения ей поражения Гитлером»³³⁷.

По мысли другого свидетеля, очень авторитетного немецкого военачальника, фельдмаршала Паулюса, «пока левый фланг группы армий „Юг” продолжал отставать, дальнейшее продвижение правого фланга группы армий „Центр” на Москву становилось опасным. Сложившаяся обстановка подсказывала, что путём временного поворота 2-й армии и 2-й танковой группы на юг возможно совместно с войсками группы армий „Юг” окружение русских сил, находящихся восточнее Днепра. По нашим данным, последние считались весьма значительными. Проведение этого мероприятия обещало... изменение соотношения сил в пользу немцев... и, как следствие отсюда, исключить опасность для правого фланга группы армий „Центр” и тем самым создать условия для продолжения наступления этой группы на Москву»³³⁸.

Летом 1970 г. Лев Безыменский в ходе ряда бесед с видными советскими военачальниками времён второй мировой войны поинтересовался их мнением о возможности взятия Москвы группой армий «Центр» в августе 1941 г. без отвлечения части её сил на киевское направление»³³⁹. По мнению Г.К. Жукова³⁴⁰, «взять Москву с ходу, как об этом помышляли немецкие генералы, их войска в августе не могли, а могли бы оказаться в более тяжёлом положении, чем оказались под Москвой в ноябре – декабре 1941 года! Ведь кроме ожесточённого сопротивления наших войск непосредственно на подступах к столице, группа армий „Центр” могла получить ещё и сильный контрудар со стороны наших войск Юго-Западного направления. Поэтому все попытки генералов и некоторых западных историков переложить вину за поражение под Москвой на Гитлера так же несостоятельны, как вся фашистская стратегия».

Следующим, высказавшим своё мнение о концепции Хойзингера, был К.К. Рокоссовский: «По-моему, это совершенно несерьёзная постановка вопроса. Как можно говорить о продолжении наступления на Москву в августе, когда, с одной стороны, тылы немецких войск были так растянуты, а, с другой стороны, на флангах ударной группировки была столь мощная советская группа войск?.. Я считаю, что у немецких войск в то время не было реальных возможностей непосредственно продолжать крупное наступление на Москву. Они должны были обязательно сделать паузу, которая и наступила в августе. Посмотрите на пример Ельнинского выступления. Здесь немцы проскочили очень далеко. Но они растянули свои коммуникации, и поэтому советским войскам, несмотря на исключительные сложности, удалось нанести здесь контрудар. Немцы были вынуждены отойти. Как же можно говорить о том, будто фон Бок мог в августе продолжать наступление на Москву? Нет, эта точка зрения несерьёзна».

Высказал своё мнение и В.Д. Соколовский, являвшийся осенью 1941 г. начальником штаба Западного фронта: «Война против нас была с самого начала авантюрой, и тут не решало одно сражение. Что же касается конкретной ситуации, сложившейся в августе 1941 года на Западном фронте, то позади Западного Ставка создала Резервный фронт. Немцы натолкнулись бы на него, причём он был бы ещё в полном составе, а не раздёрганным».

³³⁶ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943... // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

³³⁷ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи, С., 59.

³³⁸ Цит. по: Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 252.

³³⁹ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 315-317; Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 68-69.

³⁴⁰ Об этом же говорил Георгий Константинович и писателю К. Симонову. // См.: Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1989. С. 152; см. также: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 361.

Подводя итог данной дискуссии, можно смело утверждать, что идея Хойзингера, пытающегося свалить всю вину за поражение на *одного* Гитлера, основывается на ложных началах, таких же, как и весь замысел «Барбароссы». Такой же точки зрения придерживался выдающийся военный стратег Гейнц Гудериан, и объяснить это можно тем, что именно он и его танковая армия находились на острие наступления группы армий фон Бока, и в этих условиях Гудериан был охвачен азартом наступления, видя перед собой лишь «близкую» цель, которую ему «не дали» захватить. Ну а тот факт, что он и впоследствии продолжал придерживаться того же мнения, также имеет своё логическое объяснение. Потерпев поражение в декабре 1941 г., он пытался оправдаться и перед историей, и перед самим собой, что виновато в этом вышестоящее начальство во главе с Гитлером, но никак не он и его танки. Психологически такой подход вполне понятен.

Критически анализируя точку зрения Гудериана & К⁰, Д. Проэктор отмечает: «В основе подобного взгляда – ложная идея, будто ход войны зависел только от пожеланий нацистской стороны, в то время как другая сторона обречена лишь на пассивное подчинение воле агрессора. Но на ход событий всё решительнее влияла Красная Армия»³⁴¹. Данный вывод убедительно подтверждает и Г. Блюментритт: «Часто спрашивают: смогли ли бы немцы выиграть эту войну, если бы им удалось захватить Москву? Это чисто академический вопрос, и никто не может ответить на него с полной определённости. Я лично считаю, что, если бы даже мы овладели Москвой, всё равно война была бы далека от благополучного завершения. Россия настолько обширна, а русское правительство обладало такой решимостью, что война, принимая новые формы, продолжалась бы на бескрайних просторах страны»³⁴².

«Ретроспективное рассмотрение этой проблемы показывает: всё военное планирование „Восточного похода“ было настолько авантюристичным, что невольно возникают сомнения, руководствовалось ли вообще германское военно-политическое руководство здравым смыслом... Иными словами, у Германии просто не было сил для разгрома Красной Армии»³⁴³, – приходит к выводу М.И. Мельтюхов.

И последнее. В середине сентября ОКВ представило Гитлеру докладную записку о стратегическом положении Германии. В ней допускалось, что в 1941 г. советское сопротивление не будет сломлено и эту задачу придётся перенести на следующий год³⁴⁴. Этот документ служит ещё одним подтверждением первоначальной ошибочности стратегического планирования фашистской Германии при нападении на СССР, а не «допущенных Гитлером ошибок» при выполнении этих планов.

«Осенью 1941 г. главный вопрос „большой стратегии“: может ли Германия вообще выиграть войну против Советского Союза при данной исторической ситуации, при сложившейся расстановке мировых политических и военных сил, соотношении потенциалов воюющих сторон – был в общем и целом в широком плане предreshён: нет, не может. И на таком историческом фоне изменение направлений новых ударов агрессора в принципе не могло дать какого-либо иного ответа на главный вопрос „большой стратегии“, хотя и способно было создать дополнительные трудности оперативно-стратегического масштаба»³⁴⁵.

4. Московская битва³⁴⁶

Планы Гитлера по взятию Москвы. Начало немецкого наступления. 5 сентября Гитлер вызвал Геринга, Кейтеля, Браухича, Гальдера и Йодля и заявил им, что теперь наступил час Москвы. ОКХ без промедления взялся за разработку плана операции, получившей кодовое наименование «Тайфун»³⁴⁷. Всю ночь трудились над ним Гальдер, Паулюс и полковник Хойзингер, и уже в середине следующего дня Гитлер утвердил его³⁴⁸. Он «поражает своей отработанностью, основанной на самых высоких в то время достижениях германской военной мысли»³⁴⁹. Для захвата советской столицы были сосредоточены 75 дивизий, в которых насчитывалось 1,8 млн чел., 1700 танков, 14 тыс. орудий и миномётов, 1390 самолётов. Им противостояли 1,25 млн советских солдат, 7600 орудий и миномётов, 990 танков и 677 самолётов³⁵⁰. На флангах германской ударной группировки расположились танковые группы Гота и Гудериана, в центре – танковая группа Гёпнера, а по обе стороны от неё 9-я, 4-я и 2-я полевые армии.

³⁴¹ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 304.

³⁴² Роковые решения. С. 109.

³⁴³ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

³⁴⁴ Германия во Второй мировой войне. С. 134-135.

³⁴⁵ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 308.

³⁴⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 334-379; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга первая. М., 1990. С. 148-172; История военного искусства. С. 133-151.

³⁴⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 329-331; Самсонов А.М. Поражение вермахта под Москвой. М., 1981. С. 126.

³⁴⁸ Анфилов В.А. Крах стратегии «молниеносной войны». М., 1981. С. 23.

³⁴⁹ Окорочков В. 100 дней Маршала Победы под Москвой. С. 26.

³⁵⁰ История второй мировой войны. Т. 4. С. 92-93.

Подводя итог всем приготовлениям к «последнему» генеральному наступлению на Восточном фронте, Гитлер в обращении к войскам заявил: «За три с половиной месяца созданы наконец предпосылки для того, чтобы посредством мощного удара сокрушить противника ещё до наступления зимы. Вся подготовка, насколько это было в человеческих силах, закончена... Сегодня начинается последняя решающая битва этого года»³⁵¹. 18 сентября Гитлер издал приказ: «Капитуляцию Ленинграда и Москвы не принимать, даже если она будет предложена»³⁵².

Московская битва длилась с 30 сентября 1941 г.³⁵³ до весны 1942 г. Нацисты предвкушали скорую победу, и уже 4 октября на многолюдном митинге в берлинском Спортпаласе Гитлер заявил: «В эти часы на Восточном фронте происходят грандиозные события. Уже 48 часов ведётся новая операция гигантских масштабов. Она приведёт к окончательному уничтожению врага на Востоке. Я говорю об этом только сегодня, потому что могу совершенно определённо сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется»³⁵⁴. «Великобритания потеряла своего сильного союзника на континенте», – говорил Гитлер итальянскому министру иностранных дел 25 октября. «Я не думаю, что это посмертное пророчество, – писал он Муссолини 29 октября. – Когда я со всей трезвостью рассматриваю последние успехи, дуче, и взвешиваю силы двух сторон, принимая во внимание экономические трудности [Советского Союза], я лишь укрепляюсь более, чем когда-либо, в своём непоколебимом убеждении, что эта война выиграна»³⁵⁵.

С целью сломить дух советского народа, он решил стереть с лица земли его столицу – символ российской государственности – и уничтожить её жителей: «Город должен быть окружён так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребёнок – не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произведены необходимые приготовления, чтобы Москва и её окрестности с помощью огромных сооружений были затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа»³⁵⁶.

Следует знать, что и высший генералитет не возражал против такого решения. 12 октября 1941 г. последовало «Указание ОКХ о порядке захвата Москвы и обращении с её населением», в котором группе армий «Центр» приказывалось: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она предложена противником... Совершенно безответственно рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов... или кормить их население за счёт Германии»³⁵⁷.

Профессор Михаил Мягков по поводу общей численности группы армий «Центр» приводит цифру 1929406 чел. // Мягков М.Ю. Битва под Москвой: от обороны к контрнаступлению. // ННИ. 2010, № 3. С. 26.

³⁵¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 150.

³⁵² Директива начальника штаба военно-морских сил об уничтожении Ленинграда. 29 сентября 1941 г. // ВИЖ, 1994, № 3. С. 72; Указание ОКХ о порядке захвата Москвы и обращении с её населением. 12 октября 1941 г. // ВИЖ, 1994, № 3. С. 73; см. также: Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. Т. 2. М., 1991. С. 242.

21 сентября 1941 г. верховное командование вермахта подготовило секретную «докладную записку», текст которой опубликован Г. Юбершером. Цель блокады сводилась к тому, чтобы «стереть Ленинград с лица земли». Следовало «окружить Ленинград герметичным кольцом и ударить по городу силами артиллерии и авиации... Ослабленные жители из общего числа двух миллионов в обозримом будущем вымрут». После этого «Ленинград будет взорван и сравнен с землёй». // Борозняк А.И. Блокада Ленинграда и историография ФРГ. // ННИ, 2010, № 1. С. 128-129.

А 7 октября Йодль направил Браухичу следующее «соображение»: «По всем, кто покинет город в направлении наших линий, будет открыт огонь». Ibid. С. 129.

Эти мысли были поддержаны немецким генералитетом. // Ibid. С. 129-130.

Немцкий историк Ж. Ганценмюллер заключил: «Блокада Ленинграда не была осадой вызванной тактикой, вытекающей из военно-стратегических соображений. Это была составная часть курса на геноцид... Впервые в мировой истории осада укрепленного города осуществлялась не для его захвата», а для физической ликвидации его жителей. // Ibid. С. 131.

³⁵³ Правда, по поводу даты начала гитлеровского наступления на Москву в «научной литературе» существует большой «разброс мнений». Так, профессор Молдавского государственного университета А.М. Петренко по этому поводу пишет: «В середине сентября 1941 г. германские войска начали операцию "Тайфун"». Однако уже на следующей странице узнаём, что «немецкие войска начали осуществление военной операции „Тайфун“ в первой декаде сентября». Но и это ещё не всё. Уже в следующем абзаце нас информируют, что «наступление германских войск началось 30 сентября». Помилуй Бог, что же это!? Тест? Allah akbar! Читатель сам должен отгадать правильный ответ? Когда всё же был начат этот несчастный «Тайфун» – «в начале», «середине» или «конце» сентября?! // См. Всеобщая история. 1918-2001. Chişinău, Ştiinţa, 2001. С. 67, 68.

³⁵⁴ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 95.

³⁵⁵ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 323-324.

³⁵⁶ Указание ОКХ о порядке захвата Москвы и обращении с её населением. 12 октября 1941 г. // ВИЖ, 1994, № 3. С. 73; см. также: Анфилов В.А. Провал плана «Барбаросса». С. 47-48.

Однако не только русских «недочеловеков» следовало уничтожить, но и украинцев. Однажды Геринг сказал: «Лучше всего было бы перебить на Украине всех мужчин... а затем послать туда эсэсовских жеребцов». // Верт А. Россия в войне. С. 432.

³⁵⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 339; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т. 2. С. 255.

А вот что пишет по этому поводу Гальдер в своём дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое, в противном случае, потом мы будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет „народное бедствие“, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще»³⁵⁸.

Своими чудовищными фантазиями маньяк Гитлер делился и с иностранцами. В беседе с японским послом Осимой 14 июля он пояснил: «Когда Москва будет выведена из строя, вся Россия будет голодать. Если сегодня состоится землетрясение, уничтожившее Москву, то погибнет вся Россия»³⁵⁹.

Самым «замечательным» при этом является тот факт, что и в наши дни находятся некоторые «профессора», «защитники и проводники европейских демократических ценностей», пишущие и думающие так же. Так, например, сотрудник Молдавского государственного университета Анатолий Михайлович Петренко (весной 2009 года – «кандидат в президенты РМ») даёт вполне «научные» пояснения массовому истреблению молдавских и украинских евреев румынскими фашистами, разъясняя, что в ином случае их... следовало кормить. «Учёный муж» пишет, что «количество трудоспособных среди них было незначительным, большинство евреев были женщинами, детьми и беспомощными стариками» и по этой причине «представляли собой бремя для расшатанных войной местных бюджетов»³⁶⁰. Браво, г-н Петренко! Вот здесь Вы откровенны. Зачем кормить «всех этих», если пользы от них никакой! И в самом деле, от бремени следует избавляться... Тем более, что и «местные органы власти требовали немедленного решения данного вопроса»³⁶¹, а по причине каких-то там «жидов», как заявил И. Антонеску, и «крумынам нечем было питаться»³⁶². И приняли решение, как говорится, «по просьбам трудящихся». Ещё раз bravo, г-н Петренко! Да и учитель, по всей видимости, был у Вас хороший. Великий фюрер возрадовался бы в гробу, коль... не развеяли бы его прах по ветру.

Роль Г.К. Жукова в деле обороны Москвы. Но, к счастью, этим людоедским планам в отношении Москвы не суждено было сбыться. Правда, когда 10 октября Жуков принял командование Западным фронтом, положение советских войск на московском направлении было не просто критическим, а катастрофическим, т.к. именно к этому времени 6 армий были окружены под Вязьмой и Брянском³⁶³. «По Москве поползли слухи, что город обречён. Прокатилась волна паники, достигшая максимального размаха 16 октября... То был самый критический момент обороны Москвы. Город казался осуждённым на гибель... Правительство, к счастью, реагировало решительно и энергично... 19 октября... было введено осадное положение. Поддержание порядка и непосредственная защита города были доверены войскам НКВД... Нарушители... подлежали аресту и немедленному преданию суду военного трибунала. „Провокаторов“, сеющих смуту, „шпионов и прочих агентов врага“ предписывалось расстреливать на месте»³⁶⁴.

Без преувеличения можно сказать, что только назначение Жукова спасло Москву. В этой связи нельзя не отметить, что в последние полтора – два десятилетия распространяется миф о чрезмерной жестокости маршала, о его бесчеловечности. Однако никто и ни разу не привёл ни одного конкретного доказательства в пользу таких утверждений. Да, Жуков часто угрожал подчинённым в критические моменты расстрелом, но пусть хоть кто-либо приведёт хотя бы один пример, когда он исполнил своё обещание!..

И наоборот, многочисленны случаи, когда Георгий Константинович спасал людей от несправедливой расправы – случай с И.С. Коневым в октябре 1941 г. самый примечательный в этом смысле. Неразрывной чертой его полководческой деятельности была забота о людях, начиная от простых солдат и заканчивая генералами. А мыслительный процесс великого полководца очень чётко, по нашему мнению, раскрыл профессор В. Окроков: «Действуя как мыслитель-диалектик, Г.К. Жуков изучал и рассматривал факты и события во взаимосвязи и взаимозависимости, мысленно ставил себя на место командования противника, взвешивал возможности и наиболее выгодные его действия в сложившейся обстановке, учитывая состояние дорог, особенности местности, её рельеф, расположение населённых пунктов, их стратегическое и тактическое значение, изыскивал возможности для нашей обороны, естественно, учитывал численность, боевое состояние войск, как своих, так и войск противника, прогноз погоды, условия для боевой деятельности авиации, танков, всех родов войск, для их взаимодействия, без чего успех был невозможен. Аналитическая деятельность полководца в этом случае была сродни работе учёного, но протекала она не в тиши кабинетов или лабораторий, а на поле боя, при самом активном противодействии врага»³⁶⁵.

³⁵⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 101.

³⁵⁹ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 52.

³⁶⁰ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. 1940-1944. Chişinău, 1997. P. 168.

³⁶¹ Ibid. P. 169.

³⁶² НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 568. Л. 166.

³⁶³ Кольцо под Вязьмой сомкнулось 7, а под Брянском 9 октября. // Мягков М.Ю. Битва под Москвой: от обороны к контрнаступлению. // ННИ. 2010, № 3. С. 30.

³⁶⁴ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 41.

³⁶⁵ Окроков В. 100 дней Маршала Победы под Москвой. С. 41, 99, 130.

Всё это убедительно опровергает домыслы о жестокости Жукова и том, что все свои победы он одержал лишь числом и большой кровью³⁶⁶. Действительность же свидетельствует об обратном.

Заключительная фаза оборонительного сражения за Москву. Крах операции «Тайфун». Рвавшаяся к столице группа армий «Центр» в ожесточённых боях понесла колоссальные потери, была измотана, её коммуникации оказались чрезмерно растянутыми и, в конечном итоге, она утратила свою ударную мощь. До «1 ноября вермахт потерял 20 процентов своих задействованных сил (686000 чел.), до двух третей из полутора миллионов автомашин и 65 процентов своих танков»³⁶⁷. К концу осени 1941 г. этот факт становился понятным и высшему командованию вермахта: «Таких сухопутных войск, какими мы располагали к июню 1941 г., – констатировал Гальдер 23 ноября, – мы уже иметь не будем»³⁶⁸. Здесь же он фактически признал полный крах блицкрига: «Мы должны иметь в виду, что никому из противников не удастся окончательно уничтожить другого или решающим образом нанести ему поражение. Возможно, что война сместится из плоскости военных успехов в плоскость способности выстоять в моральном и экономическом отношении»³⁶⁹.

Всё более стали ощущаться и некоторые преимущества советской боевой техники. Столкнувшись с танками Катюкова и не сумев овладеть Тулой, Гудериан отмечал: «Это был первый случай, когда огромное превосходство Т-34 над нашими танками стало совершенно очевидным... До сих пор мы владели танковым превосходством. Отныне ситуация изменилась на противоположную». А немецкий сержант Имбоден писал в связи с этим: «Нет ничего более ужасающего, чем танковая битва против превосходящего тебя врага. Дело не в цифрах превосходства или потерь – мы привыкли к ним. Но превосходство в технике – это ужасно... Ты заводишь мотор, а он заводится слишком медленно. Русские танки настолько маневренны, что могут быстро взобраться на холм и пересечь часть болота быстрее, чем ты поворачиваешь танковую пушку. Сквозь шум и вибрацию ты слышишь удар снаряда о броню. Когда они попадают в один из наших танков, слышен долгий взрыв, рев взрывающегося горючего, рев настолько сильный, что, слава Богу, мы не можем слышать криков гибнущего экипажа»³⁷⁰.

Даже в условиях, когда главные силы фашистской Германии не испытывали активного военного воздействия со стороны западных держав, её стратегические резервы были израсходованы. Вермахт оказался неспособным продолжать наступление. Его людские потери были огромны – всего до начала декабря 1941 г. они составили 775 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести³⁷¹, а к 31 декабря – 831 тыс. солдат и офицеров³⁷². До конца февраля 1942 г. они превысили 1,1 млн человек³⁷³. Начальник штаба сухопутных войск генерал Гальдер в первый весенний день дал цифры потерь германских войск за восемь месяцев войны – 202357 убитых, 725642 раненых, 112617 пострадавших от обморожения. В плен были взяты 400 тысяч немецких военнослужащих. В день гибели две тысячи немцев³⁷⁴.

Уже 24 ноября в беседе с Гальдером командующий армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, обрисовав «общее военно-экономическое положение», сделал вывод, что «необходимо перемирие». 29 ноября министр по делам вооружений и боеприпасов Ф. Тодт заявил Гитлеру, что «в военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна» и необходимо политическое урегулирование. 30 ноября командующий группой армий «Центр» сделал вывод, что войска не располагают силами для наступления, которое «не имеет ни смысла, ни цели»³⁷⁵. Германский доклад впервые говорит о *панике*: «Во время русской кампании это случилось впервые, это свидетельствует о том, что боевые способности нашей пехоты подошли к концу, она более не может выполнять сложные задачи»³⁷⁶.

«Москва представляла собой не только крупнейший экономический и стратегический центр, поскольку была главным узлом коммуникаций всей европейской части России: огромно было её морально-политическое значение»³⁷⁷. И хотя советская действующая армия ещё не обладала превосходством

³⁶⁶ См.: Суворов В. Тень Победы.

³⁶⁷ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943... // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

³⁶⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 67.

Эту мысль подтверждает и заместитель Йодля Вальтер Варлимонт: «Группы армий „Центр” и „Север” одновременно сообщили, что их войска исчерпали все свои возможности». // Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 225-226.

³⁶⁹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 67.

³⁷⁰ См.: militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³⁷¹ История второй мировой войны. Т. 4. С. 284; Рейнгард К. Поворот под Москвой, С.279; Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 89, 98.

³⁷² Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 247; Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 101.

³⁷³ Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 188.

³⁷⁴ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³⁷⁵ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

³⁷⁶ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³⁷⁷ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 43.

над противником в численности войск и боевой технике, Верховное Главнокомандование сумело сохранить в своём резерве крупные силы. О непоколебимой воле отстоять Москву свидетельствовал традиционный военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 г. В этих условиях, 5-6 декабря 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление, и до весны 1942 г. немцы были отброшены от Москвы на сотни километров³⁷⁸.

Таблица 5. *Соотношение сил накануне советского контрнаступления под Москвой*³⁷⁹

Войска и вооружение	Сов. группировка	Гр. армий «Центр»	Соотношение сил
Численность войск	1.100.000	1.708.000	1:1,55
Орудия и минометы	7.652	13.500	1:1,76
Реактивн. артиллерия	415 установок [†]	-	-
Танки	774	1170	1:1,51
Самолеты	1000	615	1,62:1

Чтобы понять, насколько внезапным и сокрушительным для германского командования оказалось советское контрнаступление и насколько нереально оценивали в ставке фюрера обстановку, приведём такой факт. 29 ноября Гитлер принимает в своей резиденции «Вольфшанце» Чиано и заявляет ему: «Если рассматривать в целом, война уже выиграна... Цель Германии заключалась в том, чтобы сломить сопротивление русских в центре и на южном фланге фронта и затем нанести мощный удар по Москве. Эта операция развёртывается планомерно. Если в России продолжается сопротивление, то оно исходит не от людей, а от природы. Шесть недель хорошей погоды, и Россия будет ликвидирована Германией... Москва будет окружена. Не будет никакого штурма, просто все связи города с внешним миром будут прерваны... Потери, которые наши войска нанесли России, она компенсировать не сможет. У неё нет ни вооружения, ни обученных войск»³⁸⁰.

Германское командование в начале декабря 1941 года полагало, что Красная Армия выдохлась полностью, что у неё нет никаких резервов, что это структура с очень ненадежным основанием. 1 декабря в приложении к докладу Браухича о «Задачах на зимний период 1941/42 гг.» боевая мощь Красной Армии оценивалась в 200 пехотных дивизий, 35 кавалерийских дивизий и 40 танковых бригад, «хотя известно наличие резервных формирований в волжском районе и в Сибири». Общая численность – 265 наличных дивизий, 40 кавалерийских дивизий и 50 танковых бригад. В европейской России вермахту, по его оценке, противостояли 900 самолетов. «В настоящее время не существует резервов значительного масштаба». 2 декабря Гальдер сделал примечательную запись того же содержания: Россия достигла вершины своих возможностей, ей не на что более полагаться. Keine neuen Krafte mehr verfugbar – «Подкреплений у них более нет». Разведывательный отдел полковника Кинцеля подготовил обобщённую оценку силовых возможностей России, а также перспективы до мая 1942 года. Красная Армия сможет укрепить себя 35 танковыми бригадами и двадцатью механизированными частями – но лишь к весне 1942 года³⁸¹.

В этом контексте стоит напомнить читателю, что первый срок взятия Москвы был назначен «великим фюрером» ещё на 4 августа, затем был назван другой – 7 ноября, но и он миновал. В этих условиях Гитлеру было от чего потерять разум, ведь Москвы фашистам было не видать, как своих ушей. Вот как описывает это поражение один из участников московской битвы с германской стороны генерал Блюментритт: «Это было концом попытки Гитлера захватить Москву – его последним наступлением на этом центральном участке фронта. Никогда больше ни один немецкий солдат не увидит Кремля – только разве как пленный»³⁸².

³⁷⁸ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 119.

Взбешённый неудачей, Гитлер снял со своего поста Браухича и ещё 33 генерала. Гёпнера за самовольный отвод войск разжаловал и изгнал из вооружённых сил. Чтобы предотвратить панику и стихийное бегство своей армии, в декабре 1941 г. – начале 1942 г., на советско-германском фронте (большей частью в секторе группы армий «Центр»), военные трибуналы осудили 62 тыс. солдат и офицеров за дезертирство, самовольный отход с поля боя, неповиновение. // См.: Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 233, 245; Горьков Ю.А. Маршал Г.К. Жуков – член ставки, заместитель Верховного главнокомандующего. // ННИ, 1995, № 2. С. 22; см. также: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 361 и др.

³⁷⁹ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 160-161; Битва за Москву. М., 1985. С. 34; Мягков М.Ю. Битва под Москвой: от обороны к контрнаступлению. // ННИ. 2010, № 3. С. 49.

[†] Примечание научного редактора: Академик Самсонов приводит несколько иные цифры соотношения сил в начале декабря 1941 г. (См.: Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939 – 1945. Исторический очерк. М., 1975. С. 228-229). Есть также сведения, что в контрнаступлении под Москвой действовали 40 миномётных гвардейских дивизионов или около 700 боевых установок БМ-8 и БМ-13. // Вышли на фронт «катюши»: Воспоминания ветеранов гвардейских миномётных частей. М., 1982. С. 5, 22.

³⁸⁰ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 99.

³⁸¹ См.: militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³⁸² Лиддел Гарт Б. Что рассказали немецкие генералы. // От Мюнхена до Токийского залива. С. 231.

«Эффект внезапности сработал в полной мере, – пишет Анатолий Уткин. – Первым результатом был обрыв связей между Гёпнером, Клюге и Гудерианом. Вторым – оставление танкистами на флангах Клюге своих танков (речь идет о *сотнях* машин). Через две недели у Гудериана было только сорок машин, у Гёпнера – пятнадцать. Третий результат – ежедневные потери примерно в три тысячи солдат (не считая обмороженных). В целом наступление продолжалось без перерыва почти три месяца»³⁸³.

8 декабря Гитлер издал приказ о переходе германских вооружённых сил к обороне на всём советско-германском фронте³⁸⁴. Он не преминул назвать главной причиной этого «преждевременное наступление холодной зимы на Восточном фронте и возникновение в связи с этим затруднения в подвозе снабжения»³⁸⁵. Однако, отмечает М. Мельтюхов, «неудача „Восточного похода” была не просто поражением вермахта на одном из театров военных действий, а явилась полным и окончательным крахом германской стратегии ведения войны»³⁸⁶.

О причинах разгрома вермахта под Москвой. К сожалению, эти вымыслы гитлеровской клики нашли довольно широкое отражение и в западной литературе, в первую очередь, западногерманской³⁸⁷, включая некоторых очень серьёзных исследователей. Так, например, Г.-А. Якобсен пишет: «Наступление на Москву на несколько недель увязло в грязи и замедлилось. Между тем Советы получили ценную передышку для обороны Москвы; только в период морозов в середине ноября германским войскам удалось снова значительно продвинуться вперед... Наступила суровая русская зима, которая создала величайшие трудности для не подготовленных к таким погодным условиям немецких войск, а также парализовала движение рельсового и колесного транспорта по растянутым на 1500 км коммуникациям... [Советское] Верховное главнокомандование подтянуло из своих стратегических резервов (особенно из Сибири) сильные, превосходно оснащенные для ведения войны зимой соединения и бросило их в бой»³⁸⁸.

Американский историк А. Тэрни также считает найважнейшей причиной поражения гитлеровцев под Москвой «невзгоды погоды», но за ней следуют «нарушения системы снабжения» и «яростное сопротивление оборонявшихся русских». «Бездонная грязь на дорогах, – утверждает Л. Купер, – стала важнейшим препятствием для немецко-фашистских войск». В американской «Иллюстрированной истории второй мировой войны» под фотографией застрявшего в грязи немецкого мотоцикла сделана подпись: «Русская зима замедлила нацистское наступление, дожди превратили дороги в потоки грязи. Люди, лошади и машины застревают в ней, и германский блицкриг был остановлен». В. Эспозито и составители «Enciclopedia Americana» считают, что «если бы не установились зимние холода, немецкие армии сумели бы пробиться» к Москве³⁸⁹.

Англичанин Дж. Фуллер следующим образом оценил обстановку на советско-германском фронте в конце 1941 г.: «С точки зрения стратегии кампания провалилась: русские армии, хотя и серьёзно потре-

³⁸³ См.: militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³⁸⁴ Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 227. Здесь же Варлимонт пишет, что «со стратегической точки зрения новые инструкции представляли собой не что иное, как признание банкротства гитлеровского военного плана, составленного в июле 1940 года, не говоря уже об исследованиях и прожектах лета 1941-го». // Ibid. С. 227-228.

Гюнтер Блюментритт в связи с этим пишет: «Его фанатичный приказ, обязывающий войска стойко держаться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведёт к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и Великую армию Наполеона». // Роковые решения. С. 105.

Такого же мнения придерживается и Э. Бутлар: «Нельзя отрицать, что в критической обстановке конца 1941-го и начала 1942 года решение Гитлера продолжать борьбу любыми средствами, если его рассматривать как временную меру, преследующую одну цель – спасти положение, было единственно правильным... Решение Гитлера произвело на войска магическое действие: оно дало им новую энергию. Его приказ безоговорочно пресекать всякие попытки самовольного отхода войск неоднократно приводил к новым критическим положениям, однако, в конечном счёте, он позволил предотвратить катастрофу». // Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 181.

Кейтель также считал этот приказ абсолютно правильным: «Со всей убеждённости я должен констатировать: катастрофы удалось избежать только благодаря силе воли, настойчивости и беспощадной твёрдости Гитлера». // Кейтель В. Взгляд в прошлое. Накануне смертного приговора. // ННИ, 1991, № 3. С. 195.

³⁸⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 342; Великая Отечественная война. С. 116; Самсонов А.М. Поражение вермахта под Москвой. С. 19.

³⁸⁶ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

³⁸⁷ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 140; Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 200-201; см. также: Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-4-staligr_131.html.

³⁸⁸ <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

³⁸⁹ См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 187.

панные, не были уничтожены, Москва – не занята, дорога на Архангельск – не перерезана, не был взят Ленинград, а до кавказских источников нефти было всё ещё далеко». И далее следует совершенно ошибочный, по нашему мнению, вывод: «Тем не менее, русским был нанесён страшный удар, и, если бы не наступившая неожиданно ранняя зима, они, возможно, потеряли бы Москву. На 6 декабря шансы на победу или поражение были равны у той и другой стороны»³⁹⁰.

Как мы уже показали выше, и об этом ещё пойдёт речь в дальнейшем, такого рода оценки далеко не адекватны действительности. Да и утверждения по поводу «наступившей неожиданно ранней зимы» в декабре под Москвой, мягко говоря, не корректны. Если бы речь шла о Северной Африке или даже Греции, другое дело, там зима, конечно же, могла наступить лишь неожиданно и раз в тысячелетие... Однако ещё менее понятен другой вывод автора: «С полным основанием можно считать, что не сопротивление русских, как бы велико оно ни было, и не влияние погоды на действия германской авиации, а грязь, в которой застрял германский транспорт за линией фронта, спасла Москву»³⁹¹. Ему вторит и бывший гитлеровский генерал Э. Бутлар: «И совсем не русская армия, а сам бог погоды остановил стремительное наступление немецких танковых сил в тот момент, когда цель была уже совсем близка»³⁹².

Бесспорно, грязь сильно затруднила движение немецкого колёсного транспорта на коммуникациях группы армий Бока. Но, во-первых, распутица продолжалась не весь октябрь – вся первая его половина была совершенно сухой, а последняя неделя – морозной (средняя температура в конце месяца составила -2-3° С, что позволило сковать грязь и дало возможность беспрепятственному движению автотранспорта и танкам)³⁹³; во-вторых, в отличие от мороза, грязь оказывала идентичное воздействие и на советские войска, которые так же вязли в ней, как и немцы. Она препятствовала движению и на коммуникациях Красной Армии, затрудняла выход из окружения прорывавшихся из-под Вязьмы советских частей. Кстати сказать, распутица воздействовала абсолютно одинаково как на немецкую, так и на советскую авиацию, ведь последняя также в основном базировалась на полевых аэродромах. Таким образом, у Фуллера нет никаких «оснований» для подобного рода выводов.

Другой известный английский военный историк и теоретик Лиддел Гарт не менее далёк от истины, анализируя причины поражения вермахта под Москвой. Во-первых, он утверждает, что операция «Тайфун» началась с запозданием, тезис, который уже был нами рассмотрен выше. «Наступление, – пишет он, – возобновилось 2 октября 1941 г. в форме охватывающего маневра. В районе Вязьмы немцы окружили и захватили 600 тыс. русских»³⁹⁴. К этому времени, когда операция под Вязьмой закончилась, наступила зима, и немцы не смогли развить успех, так как дороги, ведущие к Москве, покрылись непролазной грязью»³⁹⁵. Несколько подробнее Лиддел Гарт развивает этот тезис в своей следующей работе, уже неоднократно цитированной нами: «На размытых грунтовых дорогах России колёсный транспорт останавливался, хотя танки и могли двигаться дальше. Если бы бронетанковые войска были обеспечены гусеничными транспортными средствами, они могли бы, несмотря на распутицу, достичь жизненно важных центров России к осени»³⁹⁶.

«Как ни странно, – отмечает в этой связи другой английский историк Дуглас Орджилл, – однако роль советского солдата в этой победе явно принижается: грязь, а затем мороз, твердят нам снова и снова, остановили немецкие танки. Главным противником была зима, которой помогли досадные просчёты Гитлера». Далее автор доказывает, что главными причинами поражения вермахта под Москвой явился героизм советских войск, искусство их командиров на фоне множества тактических ошибок германских генералов и, превосходящая немецкую, советская бронетанковая техника»³⁹⁷.

В целом, довольно объективно оценивает причины поражения немцев под Москвой и Г.-А. Якобсен: «Недооценка русских пространств, а особенно людских и материальных сил и резервов Советского Союза была одной из главных причин неудачи Гитлера. К тому же, большевистский режим оказался более способным к сопротивлению, чем предполагалось. Разумеется, этой германской неудаче содействовали и необычные климатические условия, а также упорное сопротивление вражеских войск... Однако здесь следует внести коррективу в широко распространенное заблуждение: военная победа в 1941 г.

³⁹⁰ Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война. С. 167.

³⁹¹ Ibid. С. 168; см. также: Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 412.

³⁹² Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 179.

³⁹³ Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов. Подлинная и мнимая история второй мировой войны. М., 1986. С. 198.

³⁹⁴ Э. Бутлар приводит цифру 663 тыс. пленных, 1242 танка и 5412 орудий. // Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 179.

В. Окорочков пишет, что к немцам попали 400 тыс. из них. Правда, в течение нескольких недель, окружённая группировка стягивала на себя 28 немецких дивизий, а затем часть войск вырвалась из окружения. // Окорочков В. 100 дней Маршала Победы под Москвой. С. 27-28.

³⁹⁵ Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. М., 1957, 345.

³⁹⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 163.

³⁹⁷ Орджилл Д. Самый лучший танк в мире. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 247, 248.

(захват Москвы) вряд ли привела бы к желанному повороту в ходе войны в пользу Германии! Было бы роковым заблуждением говорить здесь об „упущенной возможности”. Советы, как это достаточно показали и последующие операции, ещё далеко не исчерпали свои человеческие и материальные силы, хотя произошло это в немалой степени и благодаря американской помощи техникой и военными материалами»³⁹⁸. Правда, по поводу «американской помощи техникой и военными материалами» автор совершенно не прав, т.к. это случилось значительно позднее, о чём речь пойдёт в дальнейшем. Под Москвой же победа была одержана исключительно собственными ресурсами.

Начальник штаба 4-й немецкой армии, находящейся в 1941 г. на острие наступления на Москву, генерал Г. Блюментритт пишет в этой связи: «Россия явилась истинным испытанием для наших войск. Это была тяжёлая школа. Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать»³⁹⁹. Далее он продолжает: «Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя. Но следует сказать, что и немецкая армия продемонстрировала высокую моральную стойкость в преодолении всех бедствий и опасностей, обрушившихся на неё»⁴⁰⁰.

Описывая Московскую битву, Л. Гарт совершенно справедливо рассматривает в качестве одного из главных факторов поражения вермахта неправильную оценку фашистским командованием резервов Советской России⁴⁰¹, а также подчёркивает стойкость советских войск: «Чрезвычайно упорное сопротивление русских войск тормозило продвижение наступающих. Обычно немцы достигали успеха за счёт маневра, но не могли победить противника в самой схватке. Окружённые войска если иногда и вынуждены были сдаться в плен, то это, как правило, происходило лишь после длительного сопротивления. Обороняющиеся проявляли редкое упорство и пренебрежение к своему безнадёжному в стратегическом отношении положению, и это серьёзно тормозило выполнение планов наступающих»⁴⁰².

Следующей крупной ошибкой немецкого военного руководства был, по мнению английского историка, тот факт, что весь август оно «потеряло на споры, в каком направлении должно развиваться наступление»⁴⁰³. Во-первых, и об этом шла речь выше, август был «потерян» не «на споры», а на перегруппировку и пополнение сильно потрёпанных в боях войск. Во-вторых, и вопрос о том, «в каком направлении должно развиваться наступление» осенью 1941 года, мы также уже рассматривали. Так что, при всём нашем уважении к Лидделу Гарту, он в своих оценках явно грешит против истины.

Американский генерал Омар Брэдли так объясняет провал наступления на Москву группы армий «Центр»: «У ворот Москвы, когда германские армии, казалось, должны были восторжествовать, суровая русская зима неожиданно парализовала германскую военную машину... В тщательно разработанных планах войны в России не были должным образом учтены сильные холода на её просторах. Когда Красная Армия прекратила отступление и закопалась в землю, немцы неожиданно оказались в опасном положении на обледенелых пространствах России. К тому же, партизаны нападали на уязвимые коммуникации германской армии. В этих условиях немцы начали стратегическое отступление, чтобы продержаться до наступления весны»⁴⁰⁴.

Однако возникает вопрос: если «планы войны в России» были «тщательно разработаны» и, несмотря на это, «суровая русская зима неожиданно парализовала германскую военную машину», то в таком случае не всё «было должным образом учтено», а значит, «планы» не «были тщательно разработаны», недоброкачественные были планы... И, если «немцы неожиданно оказались в опасном положении на обледенелых пространствах России», эта «неожиданность» оказалась таковой только для немцев, т.к. советское командование уже несколько месяцев готовилось именно к такому развитию событий. Выходит, плохи были планы командования вермахта, и гитлеровские плановики оказались похуже советских... Может, и в этом тоже русские морозы виноваты? Вот как комментирует данную ситуацию академик Самсонов: «Это, конечно, затрудняло действия обеих сторон, но Красная Армия была подготовле-

³⁹⁸ <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

Сходно в этом вопросе и мнение другого известного немецкого историка Г.-Р. Юбершера, который «на первое место» среди причин поражения «без всяких сомнений» ставит «почти тотальную недооценку оборонной мощи СССР и боевых возможностей Красной Армии», а так же «антикоммунистическую слепоту» Гитлера и его генералов, «подмену ими трезвой оценки действительности собственными субъективными желаниями». Данные оценки разделяют многие историки ФРГ. // См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 204, 205.

³⁹⁹ Блюментритт Г. Московская битва. // Роковые решения. С. 72-73.

⁴⁰⁰ Ibid. С. 98.

⁴⁰¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 162.

⁴⁰² Ibid. С. 157.

⁴⁰³ Ibid. С. 162.

⁴⁰⁴ Брэдли О. Записки солдата. М., 1957. С. 208.

на к ней несравненно лучше, чем войска вермахта. Гитлеровские солдаты не имели даже зимнего обмундирования, что было одним из следствий авантюризма врага, его стратегии „молниеносной войны” против СССР»⁴⁰⁵.

Хотя, справедливости ради, следует отметить, что далеко не все современные западные историки утверждают, что поражение вермахта под Москвой было вызвано неблагоприятными погодными условиями, и подчёркивают, что главным фактором, остановившим нацистские полчища под Москвой, было отчаянное сопротивление Красной Армии, оказанное с первых дней после начала войны. Так, например, западногерманский военный историк Пауль Карелл пишет в связи с этим: «„Чудо под Москвой”, как называют поворот в войне у ворот советской столицы, объясняется простым фактом, который отнюдь не был „чудом” и который можно изложить в нескольких словах. У немцев было недостаточно солдат, недостаточно оружия, а у немецкого верховного командования – недостаточно предвидения... Адольф Гитлер и генералы генерального штаба недооценили своего противника, и особенно его резервы в живой силе, боеспособность и моральный дух советских войск... Советский Союз выстоял, прежде всего, мужеством и стойкостью русского солдата, его способностью выносить тяготы и непрерывные бои в условиях, которые прикончили бы любую западную армию. Но решающим фактором является то, что Советский Союз выиграл состязание с Германией в мобилизации людских ресурсов, как для армии, так и для военной промышленности... Ресурсы Германии оказались недостаточными. Германия вела войну, которая ей была не по силам»⁴⁰⁶.

Другой известный немецкий военный историк К. Рейнгард как бы продолжает мысли своего коллеги: «Недооценка возможностей русской армии и в то же время переоценка своих собственных сил, недостаточное внимание к особенностям климата и условиям местности на Восточном фронте, а также непродуманность в организации снабжения... – всё это, вместе взятое, сыграло отрицательную роль... Совершенно ясно, что немецкая армия на Восточном фронте была остановлена не морозами, а ещё до них, вследствие того катастрофического положения, в котором оказались её соединения, лишённые материального обеспечения и, что самое главное, встретившие неослабное сопротивление русских войск на участках фронта всех трёх групп армий»⁴⁰⁷.

«Контрудары русских дивизий, – продолжает автор, – вызвали на некоторых участках фронта 2-й танковой армии и 4-й армии настоящую панику среди солдат. Командование было вынуждено признать, что войска утратили свою обычную выдержку и уверенность в успехе»⁴⁰⁸. В качестве дополнительного подтверждения своего вывода К. Рейнгард приводит слова бывшего начальника оперативного отдела штаба 6-й танковой дивизии генерала Кильмансега в его исследовании о причинах провала немцев под Москвой: «Я тогда считал и считаю теперь, что разгром под Москвой нельзя объяснять только наступлением морозов. По моему мнению, мы были по-настоящему разбиты – в стратегическом и тактическом отношении»⁴⁰⁹.

Уже неоднократно цитированный нами американский историк У. Ширер пишет следующее по данному вопросу: «В кратком пересказе этих событий необходимо, однако, особо выделить один момент: какой бы суровой ни была русская зима и как бы ни были русские, естественно, лучше подготовлены к ней по сравнению с немцами, главным фактором в том, что произошло в эти дни, была не погода, а яростное сопротивление частей Красной Армии и несокрушимая воля советских войск к победе»⁴¹⁰. Эти мысли продолжил А. Кларк: «Самого по себе наступления зимы было недостаточно, чтобы ослабленная боями и меньшая по численности Красная Армия могла одержать победу над противником; инструментом для этой цели избрали группу переброшенных с Дальнего Востока закалённых кадровых дивизий»⁴¹¹.

Своеобразный итог этим рассуждениям подводит председатель Ассоциации исследований второй мировой войны (ранее – Американский комитет по истории второй мировой войны) Д. Детуайлер: «В ноябре, – пишет он, – немцы ещё некоторое время продвигались к Москве. Однако вскоре жестокие морозы, снег, а главное, героическое сопротивление Красной Армии окончательно остановили их победный марш»⁴¹². Давая отпор искажениям и фальсификациям событий ВОВ прошлых лет и, в особенности многочисленным псевдоисторическим писаниям постперестроечного периода, известный российский военный историк, ветеран войны, генерал армии М.А. Гареев логично подмечает: «Не может быть, чтобы гитлеровское командование и германские войска всё правильно делали, воевали отменно и вдруг потерпели поражение. А мы всё делали неправильно, бездарно воевали и вдруг каким-то чудом победили»⁴¹³.

⁴⁰⁵ Самсонов А.М. Поражение вермахта под Москвой. С. 252.

⁴⁰⁶ Карелл П. Почему немцы не могли взять Москву? // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 119-120, 122, 134.

⁴⁰⁷ Рейнгард К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 года. С. 140, 215.

⁴⁰⁸ Ibid. С. 204.

⁴⁰⁹ Ibid. С. 215.

⁴¹⁰ Ширер У.Л. План «Барбаросса». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 52.

⁴¹¹ Кларк А. Москва 1941 года. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 111.

⁴¹² Детуайлер Д. Эскалация второй мировой войны в 1941 г. // ННИ, 2000, № 2. С. 71.

⁴¹³ Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // ННИ, 2006, № 5. С. 29.

Конечно, географические факторы оказывают воздействие на развитие событий на войне, но не они определяют судьбу сражений. Они являются лишь естественным «фоном» происходящих битв и автоматически учитываются в ходе планирования военных действий. Поэтому серьёзным людям не следует перекладывать свои ошибки на матушку-природу. В этом смысле, «генерал мороз» создал немецкой армии серьёзные трудности. Но не он явился главной причиной её поражения, а героизм и мужество советских солдат, талант советских командиров и самоотверженность тружеников тыла⁴¹⁴. Тем более, что и без наступления холодов армия фюрера уже не могла наступать, и была на разных участках подмосковного фронта остановлена в конце ноября – начале декабря (средняя температура в это время составляла в Подмоскovie -5-3° С, а не 50° мороза, как вещал об этом Гитлер)⁴¹⁵.

Этому факту, т.е. истощению наступательных возможностей вермахта, есть множество подтверждений, некоторые из них мы уже приводили и далее продолжим приводить. Например, в письме Льву Безыменскому бывший генерал-майор фон Ленски писал: «Войска не были готовы к боям в зимних условиях. Так, штаб моей танковой бригады получил на 40 человек 16 пар перчаток и 4 теплых шинели. Однако решающим обстоятельством, определившим неудачу дальнейшего наступления, было постоянно возраставшее сопротивление советских войск. Оно усиливалось день ото дня, и настал момент, когда мы застряли на линии Клин – Звенигород... Как известно, наступление кончилось полным провалом»⁴¹⁶.

Интересны в этом контексте и мнения немецких солдат, застрявших в ноябре – декабре 1941 года под Москвой. Следует отметить, что «солдаты фюрера» в тех условиях испытывали гнетущее чувство обречённости в непокорённой и враждебной им стране. Об этом свидетельствуют письма и дневники убитых или захваченных в плен немецких солдат. Сегодня эти документы вызывают только жалость к писавшим их молодым людям, посланным Гитлером погибать на бескрайних русских просторах. Например, рядовой Баумер писал в ноябре 1941 г. домой: «Мы находимся в 100 км от Москвы, но это нам стоило огромных жертв... Будут ещё жестокие бои, и многие ещё погибнут. Русские оказывают очень сильное сопротивление. Если война продлится ещё полгода, мы пропали». А рядовой Рупп сообщал матери: «Бои идут жестокие и кровопролитные, т.к. русские яростно защищаются. Многие из нас никогда не увидят больше родины»⁴¹⁷.

Вот суждения из письма немецкого солдата от 19 ноября 1941 г.: «Почему русские сражаются до полного уничтожения? Почему у них так много мучеников за большевистскую идею, которая обладает громадной силой?.. На эти вопросы нет удовлетворительных ответов»⁴¹⁸. Ефрейтор Залфингер своё письмо к родителям заканчивал следующими словами безысходного отчаяния: «До Москвы осталось очень немного. И всё-таки мне кажется, что мы бесконечно далеки от неё. Мы уже свыше месяца топчемся на одном месте. Сколько за это время легло наших солдат! А если собрать трупы всех убитых немцев в этой войне и положить их плечом к плечу, то эта бесконечная лента протянется, может быть, до самого Берлина. Мы шагаем по немецким трупам и оставляем в снежных сугробах своих раненых. О них никто не думает. Раненый – это балласт. Сегодня мы шагаем по трупам тех, кто пал впереди; завтра мы станем трупами, и нас также раздавят орудия и гусеницы»⁴¹⁹.

Пленный немецкий ефрейтор Густав Вальтер говорил на допросе: «Трудно сказать, какой род советского оружия лучше, все виды оружия бьют сильно, и пехота наступает напористо. Особенно метко бьёт артиллерия. Я видел, как снаряды падали от цели на 20 метров, но не больше. Чаще всего они падают в цель. Почти невозможно бороться с тяжёлыми советскими танками. Большие потери мы несли от „катюши“. Сильно бьют 120-миллиметровые миномёты»⁴²⁰. А унтер-офицер Георг Буркель 14 декабря 1941 г. писал домой: «Относительно русских мы сильно просчитались. Те, которые с нами воюют, не уступают нам ни в одном роде оружия, а в некоторых превосходят нас»⁴²¹.

После всего сказанного становится вполне ясным одно – такая армия не способна не только наступать, но и эффективно защищаться. От разгрома зимой 1941-1942 гг. её спасло лишь одно – Красная Армия также исчерпала все резервы и также нуждалась в серьёзном пополнении. Однако в морально-психологическом плане советские бойцы уже явно превосходили немцев.

⁴¹⁴ Английский историк Э. Бивор признает, что «даже труд заключенных на военных заводах в России был гораздо производительнее, чем труд квалифицированных рабочих на аналогичных заводах Германии. Слушаев саботажа почти не было. Узники ГУЛАГа свято верили в победу над немецко-фашистскими захватчиками». // militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

⁴¹⁵ Так, в частности, Бутлар пишет: «Во второй половине ноября... внезапно начались сильные морозы, температура упала до 30 градусов ниже нуля». // Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 179.

⁴¹⁶ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 195.

⁴¹⁷ Самсонов А.М. Поражение вермахта под Москвой, 256.

⁴¹⁸ Айрапетов А.Г., Молотков С.Н. Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект). // ННИ, 2010, № 4. С. 36-37.

⁴¹⁹ Самсонов А.М. Поражение вермахта под Москвой, 256.

⁴²⁰ Разгром немцев под Москвой. Признания врага. М., 1943. С. 81-82.

⁴²¹ Ibid. С. 94.

Настроения немецких военных под Москвой очень ёмко отразил Алан Кларк: «В германскую армию начали всё чаще проникать настроения обеспокоенности и тревожные рассуждения: что русского всегда приходится убивать дважды; что русских никогда никто не побеждал; что никто, проливший здесь кровь, ещё не уходил из России живым. И каждый немец, на каком бы участке фронта он ни воевал, с тревожным чувством страха и восхищения обратил внимание на поведение раненых русских. „Они не плачут, они не стонут, они не ругаются. Несомненно, есть что-то загадочное, что-то непостижимое в их суровом, упорном молчании“... Тревожное чувство, что им приходится сражаться против противника почти сверхъестественной силы и стойкости, было широко распространено среди немецких солдат, особенно в пехоте, и его можно проследить в их письмах и дневниках»⁴²².

«Дорогая жена! – писал 6 декабря солдат 82-го пехотного полка Адольф Фортгеймер. – Здесь ад. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести. Холодно так, что стынет душа. Вечером нельзя выйти на улицу – убьют. Умоляю тебя – перестань писать мне о шёлке и о резиновых ботинках, которые я должен был привезти тебе из Москвы. Пойми – я погибаю...»⁴²³. Унтер-офицер 2-й роты 42-го немецкого отдельного противотанкового дивизиона Платцер писал в своём дневнике: «Спасайся, кто может! Разбитая, смешавшаяся армия отступает. Люди растеряны. Потери огромны. Так, видимо, отступал со своей армией Наполеон. Днём и ночью заседают полевые суды»⁴²⁴.

Психологию германских военнослужащих – участников сражений под Москвой очень ясно передаёт также и немецкий историк Г. Швайнбергер. Сообщив о «подлинном шоке», производимом «катюшами», «сибирскими дивизиями» и «казаками», о «белой смерти в условиях арктического холода», он заключает: «Зимняя битва за Москву 1941-1942 гг. была, пожалуй, самым потрясающим военным событием второй мировой войны... До сих пор неизменно побеждавшие германские войска потерпели первое ошеломляющее поражение. Кто пережил отступление от Москвы, тот никогда не забудет этих ужасных недель»⁴²⁵.

Читая и слыша по сегодняшний день рассуждения про остановивших вермахт «генералов Грязь и Мороз»⁴²⁶, хочется задать господам, поддерживающим данные «тезисы», следующие вопросы: «А что, советских солдат, сдерживающих доблестных вояк Гитлера, под Москвой совсем не оказалось? Жуков, Конев, Тимошенко, Рокоссовский, Василевский, Ватутин и многие, многие другие блестящие советские военачальники в то время зря хлеб ели и лаптем щи хлебали? Разве нацистские генштабисты, планируя войну, не знали о русских морозах? Не предполагали, что после лета наступает осень, а следом за ней зима? Почему же тогда они не захватили Москву ещё летом? Зачем следовало дожидаться вступления в сражение „генералов Грязь, Снег и Мороз“ и почему не взяли Москву уже 4 августа, как первоначально и планировали?». И таким вопросам нет конца.

К тому же, неблагоприятные климатические условия абсолютно беспристрастны и действуют одинаково на обе конфликтующие стороны. Если одна из них в этих условиях не предприняла соответствующих мер предосторожности, то виновата она сама и, в первую очередь, те, кто планировал ход военных действий, а не мороз, снег или грязь. Неготовность вермахта к войне в зимних условиях лишний раз подтверждает авантюрный характер всего плана «Барбаросса». Более того, когда началось советское контрнаступление, то суровая зима стала скорее союзником немецкой, а не Советской Армии.

Рокоссовский пишет по этому поводу: «Глубокий снежный покров и сильные морозы затрудняли нам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что немцам генералам, пожалуй, следует поблагодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения... Инженерные части и пехота еле успевали справляться с расчисткой готовых дорог, не говоря о сооружении новых. Стремясь ускорить наступление, мы широко использовали лыжные подразделения, но они, конечно, оказались слишком слабыми, чтобы задержать отходившего врага на такое время, которое позволило бы нашим главным силам подойти и уничтожить его»⁴²⁷. Ту же мысль высказывает и Лиддел Гарт, правда, по поводу советского контрнаступления зимой 1942-1943 гг. во время боёв под Ростовом, однако важна сама суть: «К счастью для немцев, заснеженные равнины ограничили темпы продвижения русских в сторону от железнодорожных узлов, в результате русские не смогли подтянуть достаточные силы для того, чтобы вовремя замкнуть кольцо окружения»⁴²⁸.

⁴²² Кларк А. Москва 1941 года. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 97.

О необыкновенной стойкости и мужестве советских солдат пишут и немецкие мемуаристы: см., например, Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 147, 201, 242, 243.

⁴²³ Разгром немцев под Москвой. Признания врага. С. 18.

⁴²⁴ Ibid. С. 29.

⁴²⁵ Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 152.

⁴²⁶ Так, один автор озаглавил параграф своей работы «Товарищ Мороз останавливает германские войска». // Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001. С. 118.

⁴²⁷ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 99, 102.

⁴²⁸ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 457.

В этой связи уже неоднократно цитированный нами Л. Безыменский пишет: «Те, кто (вслед за Гитлером) сваливает всё на „русский снег“, любят повторять легенду о том, что, мол, лишь после катастрофы под Москвой Гитлер и его палатины схватились за знаменитые мемуары графа Коленкура и стали задумываться о судьбе армий Наполеона. Для того, чтобы понять истинное отношение авторов плана „Барбаросса“ к печальному опыту французского императора, полезно взглянуть в дневник Иозефа Геббельса... 9 июля 1941 года он, вернувшись от Гитлера, записал: „Мы в колоссальной степени превосходим противника. Трудность для нас представляет только пространство. Однако повторение наполеоновского случая невозможно... – хотя, по иронии судьбы – мы выступили против большевизма в ту же ночь, в которую Наполеон пересёк русскую границу... Но мы выступили не только марширующей пехотой, а моторизованными танками. Нам будет несравненно легче преодолеть огромное пространство Востока”».

Итак, Гитлер и Геббельс прекрасно знали о судьбе Наполеона – и были слепо уверены, что дивизиям вермахта не придётся вести бои зимой. Сейчас досужие исследователи подсчитали: Наполеону с его пехотой и конницей пришлось потратить 85 боевых дней, пока он дошёл до Москвы... Моторизованные и танковые дивизии фельдмаршала фон Бока потратили 180 дней... и до Москвы не дошли»⁴²⁹.

После войны стало модно взваливать всю вину за поражение на Гитлера, полностью – де «лишённого полководческих талантов». Естественно, в нашу задачу не входит дать развёрнутое опровержение этой «теории», т.к. для этого пришлось бы разбирать все операции германской армии за всю вторую мировую войну. Однако любой серьёзный исследователь знает, что мировые войны планируются и ведутся не одним человеком. Кроме того, хорошо известно, и об этом мы частично уже говорили выше, что все военные операции вермахта тщательно планировались лучшими германскими военачальниками – штабистами и командирами соединений, которые, особенно до первых поражений в России, спорили и доказывали своему Верховному главнокомандующему Адольфу Гитлеру свою правоту.

Более того, существуют десятки, сотни доказательств блестящего военно-стратегического таланта Гитлера. Да, в оценках СССР и его вооружённых сил фюрер, мягко выражаясь, ошибся. Но не он один, а вместе с ним все те, кто после войны критиковал его, а до войны и в её ходе был рядом с ним. Они принимали решения вместе с ним и в полной мере разделяют ответственность за все поражения германских вооружённых сил. Нет, Гитлер не является единственным виновником поражения. Один он не мог задумать и подготовить операцию «Барбаросса», один он не мог её и проиграть⁴³⁰.

⁴²⁹ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна», 211-212.

⁴³⁰ Очень чётко опроверг такую постановку вопроса С.Л.А. Маршалл – главный историк Европейского театра военных действий министерства обороны США, координатор неоднократно цитированной нами коллективной работы «Роковые решения». Вот что в этой связи он отметил: «Мнение Гитлера было решающим в военном совете лишь потому, что большинство профессиональных военных поддерживали его и соглашались с его решениями. Наиболее рискованные решения Гитлер принимал отнюдь не против воли большинства немецких военных руководителей – многие из них разделяли его взгляды до конца. И даже те, кто иногда сомневался в интуитивной способности Гитлера правильно оценивать обстановку, всё же шли за ним, пока ещё оставалась какая-то надежда на успешный исход войны. Особенно характерно в этом отношении поведение Курта Цейтцлера, который был начальником генерального штаба во время Сталинградской битвы. Цейтцлер возмущался преступным пренебрежением Гитлера к судьбе 250 тыс. человек, составлявших немецкую армию под Сталинградом. Однако вымученный долгими годами солдатской службы, он не нашёл в себе мужества сказать: „Я не приму участия в этом преступлении!“ – и пытался лавировать, оставаясь на посту начальника генерального штаба. Может быть, он считал, что его отставка всё равно ничего не изменит... Роковой конец [гитлеризма] был неизбежен, так как ему было органически присуще стремление захватить больше, чем возможно... Было очевидно, что со временем нацистская Германия поплатится за своё безрассудство. Вопрос заключался лишь в том, где и когда». // Роковые решения. С. 31-32.

Небезынтересно и мнение Лиддел Гарта по этому вопросу: «Перед войной и тем более в период победного марша по странам Запада Гитлер казался людям гигантской фигурой, сочетавшей в себе стратегический дар Наполеона, хитрость Макиавелли и фанатическую одержимость Магомета. После первых же поражений в России он стал меньше ростом, его престиж потускнел, и к концу войны фюрера стали считать не задачливым дилетантом в военном искусстве, сумасбродные приказы и стратегическое невежество которого сослужили хорошую службу союзникам. Все крупные неудачи немецких вооружённых сил приписывались Гитлеру, а все победы – немецкому генералитету.

Это, конечно, неверно. Гитлер отнюдь не был бездарным стратегом. Просто в ходе кампании на русском фронте его недостатки стали более весомыми, чем способности, и перетянули чашу весов, а отрицательный баланс привёл к банкротству. Но не следует забывать, что Наполеон, профессиональный полководец, в не меньшей степени был ослеплён блеском своих побед и совершил те же роковые ошибки в той же стране». // Лиддел Гарт Б. Что рассказали немецкие генералы. // От Мюнхена до Токийского залива. С. 225-226.

Фактически к тому же сводится и мнение бывшего гитлеровского министра Шпеера: «Многочисленные высказывания немецких мемуаристов об ошибках, просчётах Гитлера, имевших решающее значение, вполне справедливы, но я убеждён, что это вовсе не означает, будто война могла быть выиграна». // Шпеер А. Я видел, как Гитлер совершал ошибку за ошибкой. // ВИЖ, 1996, № 4. С. 72.

Приводя все эти факты, мы вовсе не отрицаем, что после первых поражений германской армии 1941-1942 годов роль Гитлера постепенно становилась всё более отрицательной в планировании и осуществлении военных операций. В этом смысле в беседе с писателем Константином Симоновым Г.К. Жуков отметил: «Говоря о том, что немцы проиграли войну, мы сейчас часто повторяем, что дело не в ошибках Гитлера, дело в ошибках немецкого генерального штаба. Но надо добавить, что Гитлер своими ошибками помогал ошибаться немецкому генеральному штабу, что он часто мешал принимать генштабу более продуманные, более верные решения. И когда в 1941 г. после разгрома немцев под Москвой он снял Браухича, Бока, целый ряд других командующих и сам возглавил немецкие сухопутные силы, он несомненно оказал нам этим серьёзную услугу. После этого немецкий генеральный штаб и немецкие командующие группами армий оказались связанными в гораздо большей мере, чем раньше. Их инициатива оказалась скованной. Шедшие теперь от Гитлера как от главнокомандующего сухопутными войсками директивы стали непрекращаемыми в большей степени, чем это требовали интересы дела. Существовавший ранее в германской армии уровень самостоятельности в решении оперативных вопросов снизился, и увольнение Браухича, с которого всё это началось, было нам, конечно, на руку»⁴³¹.

Существует также и версия о численном (двадцатикратном!!!) превосходстве советских войск над вермахтом под Москвой⁴³², о безбрежных человеческих резервах Советского Союза, который бросал в бой всё новые и новые контингенты... В наши дни и эту версию никто в научном мире всерьёз не воспринимает. Ведь тот факт, что население Советского Союза в два с лишним раза превышало население Германии (190 млн против 85 млн), являлся прописной истиной. И если дело было лишь в «численном превосходстве» СССР, то и операцию «Барбаросса» начинать не следовало. Однако до первых поражений германской армии этот факт никого из гитлеровских генералов не беспокоил. Кроме того, сама доктрина «блицкрига» предназначалась для победы над более мощным противником. Тем паче, что за год до нападения на СССР вермахт одержал молниеносную победу над объединёнными силами Запада, превосходящими Германию по численности населения в полтора-два раза, а по экономическому потенциалу – в 2-3 раза.

Но даже и в случае с Советским Союзом, если тезис о численном превосходстве был верен, то, что помешало гитлеровским генералам выиграть войну в 1941 г., ведь на момент её начала вермахт обладал двойным численным перевесом над Красной Армией? Более того, в ноябре – декабре 1941 г. под фашистской оккупацией оказались обширные советские территории (площадью в 1,5 млн кв. км), на которых проживало более 2/5 населения страны и производилось около половины ВВП СССР. А в ноябре 1942 г., накануне советского контрнаступления под Сталинградом, вермахт оккупировал 1,8 млн кв. км советской территории, на которой до войны проживало 88 млн человек⁴³³ и производилось более половины ВВП. О каком советском численном преимуществе может идти речь в этих условиях? И это при том, что под Гитлером на тот момент была почти вся Западная и Центральная Европа, с её людским (290 млн человек) и экономическим потенциалом! Следует лишь напомнить, что и в декабре 1941 г. под Москвой, и в ноябре 1942 г. под Сталинградом советскими войсками были одержаны победы без наличия численного превосходства. Другими словами, те, кто «находит» разного рода «объективные» причины поражений вермахта на советско-германском фронте, напоминают известного танцора, которому всегда что-то мешает...

Главной причиной вынужденного перехода вермахта к обороне и его поражения под Москвой (да и во всех последующих сражениях) явились просчёты нацистского военно-политического руководства в отношении прочности Советского государства и его вооружённых сил. «У нас недооценили силы противника...», – с горечью признаёт Гудериан, – и за это приходится теперь расплачиваться»⁴³⁴. Серьёзно ошиблись гитлеровские военспецы и в деле планирования войны против СССР. Как мы уже отмечали, они проигнорировали главное – неравенство потенциалов двух стран, патриотический подъём советского народа и боевой дух его армии, что и явилось, в конечном итоге, основной причиной тотального разгрома гитлеровской Германии.

И в качестве своеобразного заключения мы посчитали необходимым привести слова А. Кларка: «Если, как утверждал Гитлер, „воля к победе“ – наиважнейший фактор, то немцы уже проиграли войну. Ибо что могли они противопоставить чаяниям русских? Жажду захвата земель и „рабов“, надуманную доктрину расового „превосходства“, набор путаных предубеждений против „большевизма“. Эти вещи не имели ценности по сравнению с глубоким патриотизмом русских, их верой в марксистское учение. Вермахт жил мечом. Если и когда меч затупится...»⁴³⁵.

⁴³¹ Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 190-191.

⁴³² Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 207.

⁴³³ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. М., 2001. // <http://rus-sky.com/history/library/w/w05.htm>.

⁴³⁴ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 251.

⁴³⁵ Кларк А. Москва 1941 года. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 106.

Всемирно-историческое значение поражения нацистов под Москвой. Разгром армии «расы господ» под древними кремлёвскими стенами развеял миф о её непобедимости и поставил крест над планами «молниеносной войны». Это означало, что Германия теряла шансы выиграть войну, т.к. она превратилась в затяжную, и перспективы рейха с его ограниченными ресурсами были очень печальны. Лидел Гарт писал по этому поводу: «Когда Москва стала недосыгаемой и наступила суровая русская зима, страх охватил немецкие войска, а вместе с ним усилилась угроза столь же страшной катастрофы, которая постигла армию Наполеона»⁴³⁶.

Планирующие органы английского комитета начальников штабов отмечали в декабре 1941 г., что «одним из наиболее крупных изменений международной обстановки со времени Атлантической встречи Рузвельта и Черчилля явилась неспособность Германии разгромить Красную Армию. Дальнейшее сопротивление СССР оценивалось как имеющее первостепенное значение для союзных держав в их борьбе за разгром Германии»⁴³⁷. В памятной записке для начальников штабов, относящейся к этому же времени, Черчилль высказал аналогичное убеждение: «Главными факторами в ходе войны в настоящее время являются поражения и потери Гитлера в России»⁴³⁸.

В конце 1941 г. фашистская армия повсеместно была остановлена, а затем на ряде стратегических направлений отброшена назад. План «молниеносной войны» был сорван, и гитлеровская стратегия «блицкрига» потерпела крах. Поражение на подступах к советской столице до основания потрясло гитлеровскую военную машину, подорвало военный престиж Германии в глазах мирового общественного мнения и среди её сателлитов, воодушевило весь борющийся против фашизма мир. Отмечая историческое значение советской победы, румынский историк Флорин Константиу уверен, что «Московская битва, предопределив крах блицкрига, была важнейшим сражением второй мировой войны. Тогда, в ходе войны, победа Красной Армии не была осознана в её полном объёме»⁴³⁹.

Московская победа навсегда развеяла даже гипотетическую возможность примирения гитлеровского рейха с Великобританией. Когда 15 сентября план «Тайфун» уже лежал на столе у Гитлера, тот внезапно заявил: «Англия – страна, которую мы уважаем и любим... Когда русских постигнет крах, то в Англии наступит депрессия. Черчилль уступит место Хору, и мы заключим мир. Возможно, очень скоро»⁴⁴⁰. Естественно, о какой-либо «любви» Гитлера к Британии не могло быть и речи, однако компромисс с английскими мюнхенцами на антисоветской и антиамериканской основе в случае успеха наступления на Москву, можно было допустить. Более того, не только Гитлер, но и некоторые кадровые немецкие дипломаты, например Вейцзекер, считали, что после «победного окончания» «Тайфуна» соглашение с Англией будет достигнуто. Взятие Москвы представлялось «хозяевам мира» волшебным ключиком к достижению далёких внешнеполитических целей.

Блистательные победы Советской Армии вызвали восхищение английского и американского народов. 16 декабря Рузвельт телеграфировал Сталину: «Я хочу ещё раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединённых Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации»⁴⁴¹. В тот же день, находясь в пути на свидание с президентом США, У. Черчилль писал советскому лидеру: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда ещё не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны»⁴⁴². 20 января 1942 г., выступая на Би-Би-Си и отмечая необходимость возрождения франко-советского союза, генерал Ш. де Голль заявил: «Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России... В то время как мощь Германии и её престиж поколеблены, солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим... Французский народ восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа. Ибо эти успехи приближают Францию к её желанной цели – к свободе и отмщению»⁴⁴³.

Генерал Д. Макартур^г говорил, что «надежды цивилизации ныне неразрывно связаны с действиями героической Красной Армии, её доблестными знамёнами... В своей жизни, – продолжал он, – я участвовал в ряде войн, другие наблюдал, детально изучал кампании выдающихся военачальников прошлого. Но нигде я не видел такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам до того времени победоносного противника, сопротивления, за которым последовало контрнаступление, отбрасываю-

⁴³⁶ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 231.

⁴³⁷ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 260.

⁴³⁸ Ibid. С. 246.

⁴³⁹ Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 411-412.

⁴⁴⁰ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 140.

⁴⁴¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 2. М., 1986. С. 10.

⁴⁴² Советско-английские отношения. Т. 1. С. 183.

⁴⁴³ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 657.

^г Примечание научного редактора: Дуглас Макартур – тогда командующий американскими войсками на Филиппинских островах, а с 11 марта 1942 г. – командующий «юго-западным районом Тихого океана».

щее противника назад, к его собственной территории. Размах и блеск этого усилия делают его величайшим военным достижением во всей истории»⁴⁴⁴. А начальник штаба американской армии Дж. Маршалл следующим образом охарактеризовал победу под Москвой: «Это было стратегическим поражением германских вооружённых сил... поворотным пунктом всей войны»⁴⁴⁵.

Высоко оценила великую победу под Москвой и западная печать. Находящийся в СССР английский журналист Ф. Джордан 8 января 1942 г. писал в этой связи в газете «Ньюс кроникл»: «Советский народ... много выстрадал, особенно беженцы, но я не встречал ещё в народе пораженчества или усталости от войны... За эти шесть месяцев я имел возможность наблюдать армию на фронте и в тылу и могу сказать, что даже в самые тяжёлые дни я не заметил ничего, кроме высокой веры в конечную победу, какой бы ценой за неё ни пришлось платить. Я никогда не видел армии, которая была бы снаряжена лучше, о которой заботились бы больше, чем о Красной Армии»⁴⁴⁶.

Очень объективную оценку событиям на советско-германском фронте дала 22 декабря 1941 г. английская «Таймс»: «Не будет преувеличением сказать, что успехи, достигнутые русскими армиями на всём протяжении их огромного фронта, являются крупной победой, тем более замечательной, что она достигнута армиями, которые в течение шести месяцев выдерживали натиск небывалого ожесточения самой могущественной военной машины из всех, когда-либо созданных „завоевателями мира“». Эта победа была достигнута благодаря искусству и выдержке русского верховного командования, стойческому героизму русского солдата и самоотверженности русского народа. Битва на Восточном фронте является стержнем всей войны. В конечном счёте, всё зависит от неё»⁴⁴⁷.

Не менее интересно и мнение ведущих немецких военачальников о событиях под Москвой. Так, Гудериан считал, что «наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьёзное поражение, которое... повело в ближайшие недели к роковым последствиям»⁴⁴⁸. Гальдер назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке». В послании Л. Безыменскому он писал: «События под Москвой показали, что у немцев истощены силы. С этого момента я уже не верил в возможность решительной немецкой победы»⁴⁴⁹. Блюментритт отмечал, что, явившись «поворотным пунктом» кампании в России, Московская битва «нанесла первый сильнейший удар Германии, как в политическом, так и в военном отношениях»⁴⁵⁰.

В письме к Л. Безыменскому бывший командир 47 танкового корпуса генерал-лейтенант Р. Бамлер заявил: «Я утверждаю, что отступление 1941-1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться»⁴⁵¹. А пленённый под Сталинградом полковник Луитпольд Штейдле уже после войны писал о результатах Московской битвы: «Несколько десятков самых боеспособных немецких дивизий было разбито. По обе стороны шоссе лежали убитые и замёрзшие. Это был пролог к Сталинграду; блицкриг окончательно провалился»⁴⁵².

Довольно ёмко охарактеризовал значение победы под Москвой маршал А.М. Василевский: «Финал великой битвы под советской столицей имел исключительное морально-политическое значение. Ведь Гитлер в своей агрессивной политике до того момента не знал неудач... Немецкая армия в глазах значительной части человечества была окружена ореолом непобедимости... Значение этих побед состояло в том, что советские войска вырвали стратегическую инициативу из рук противника, не позволив ему достичь ни одной из стратегических целей, предусмотренных „планом Барбаросса“... Победа под Москвой и зимнее наступление ещё выше подняли политико-моральное состояние Красной Армии... Эти первые и столь важные победы советских войск укрепили веру всех советских людей в [их] непобедимость...»

⁴⁴⁴ См.: Ржешевский О.А. История второго фронта: война и дипломатия. М., 1988. С. 20-21; Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов. С. 207; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. Новое прочтение. М., 1981. С. 346; Коротков Г.И. Переломные сражения Великой Отечественной войны в оценках зарубежных государственных и военных деятелей. // ННИ, 2005, № 2. С. 41-42.

⁴⁴⁵ См.: Коротков Г.И. Переломные сражения Великой Отечественной войны в оценках зарубежных государственных и военных деятелей. // ННИ, 2005, № 2. С. 41.

⁴⁴⁶ Цит. по: Анфилов В.А. Провал плана «Барбаросса». С. 60.

Довольно объективно рассматривают это событие и его значение английские историки Л. Купер, Дж. Джукс, А. Ситон, американцы А. Тэрни, Т. Дюпуи, П. Мартелл и др. // См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 183-184; <http://readr.ru/mihail-myagkov-vermaht-u-vorot-moskvi-1941-1942.html?page=4>.

⁴⁴⁷ Цит. по: Анфилов В.А. Крах стратегии «молниеносной войны». С. 57-58.

⁴⁴⁸ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 249.

⁴⁴⁹ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 267.

⁴⁵⁰ Роковые решения. С. 108, см. также С. 65 и 98.

⁴⁵¹ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 193.

⁴⁵² Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. М., 1975. С. 123.

Большое впечатление произвели наши успехи и за рубежом. В оккупированных фашистской Германией странах усилилось Движение Сопротивления... Московская победа показала всему миру, что Советская страна способна сокрушить агрессора. Это сыграло неоценимую роль в укреплении антигитлеровской коалиции...»⁴⁵³.

И, наконец, завершая главу о сражении под Москвой, приведём слова Г.К. Жукова: «Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву... Общие итоги великой битвы под Москвой были вдохновляющими для советской стороны и удручающими для противника. Немецкий генерал Вестфаль, описывая битву под Москвой, вынужден был признать, что „немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения“... Что верно, то верно. В битве под Москвой гитлеровцы потеряли более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Немецкие войска были отброшены от Москвы на запад на 150-300 км»⁴⁵⁴.

К концу апреля 1942 г. общие потери только сухопутных войск вермахта на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести превысили 1,5 млн чел. Это почти в пять раз превышало потери гитлеровцев за всё время войны с момента её начала и до нападения на Советский Союз. Для усиления своих группировок германскому командованию пришлось перебросить на Восток 60 новых дивизий и 21 бригаду⁴⁵⁵. «Германские соединения в первые месяцы похода на Россию сильно пострадали; это было видно и из доклада об их состоянии и боеспособности от 30 марта 1942 г., – отмечает Г.-А. Якобсен. – Согласно этому докладу, из 162 действовавших на Восточном фронте дивизий полностью пригодны для предстоящего наступления были только 8; 3 после кратковременного доукомплектования, а 47 ограниченно пригодны для наступления, причем основная масса могла использоваться в лучшем случае для оборонительных целей. На 16 танковых дивизий приходилось всего лишь 140 боеспособных танков, то есть меньше, чем их необходимо для оснащения одной-единственной танковой дивизии!»⁴⁵⁶

Правда, и безвозвратные потери Красной Армии в Московской битве были огромны: полтора миллиона человек (включая более 600 тыс. советских солдат и офицеров, окружённых под Вязьмой), что составило примерно 20% всех потерь за всю войну⁴⁵⁷.

5. Нападение Японии на США⁴⁵⁸

Японские планы в зоне Тихого океана. Соотношение сил сторон. Японский империализм ставил перед собой задачу осуществления широкой программы завоеваний в Азии и в Тихоокеанском бассейне. Это было возможно, только одержав победу в войне над США и Англией. На начальном этапе войны японское командование планировало провести ряд последовательных наступательных операций с целью разгрома английских и американских вооруженных сил в западной части Тихого океана, Юго-Восточной Азии и в районе Южных морей, захватить Филиппины, Малайзию, Индонезию, Бирму, Таиланд и др. Данный этап должен был продолжаться 4 – 5 месяцев. «Ставка решила как можно быстрее завершить военные действия по захвату территорий на юге, с тем, чтобы после этого обратить серьёзное внимание на события на севере»⁴⁵⁹.

В первую очередь, планировалась операция по уничтожению американского тихоокеанского флота, базировавшегося на Гавайских островах. План предусматривал нанесение мощного внезапного удара авианосной авиацией по американским кораблям на базе Пёрл-Харбор, с тем, чтобы уничтожить главные морские силы США и обеспечить условия для стремительного наступления по всем направлениям. Автором этого плана был страстный поклонник авианосцев адмирал Ямамото, называвший американский Тихоокеанский флот «кинжалом, приставленным к горлу Японии»⁴⁶⁰. У японцев был третий в мире по величине военно-морской флот и ультрасовременные военно-воздушные силы – 5300 самолётов новейшей конструкции, среди которых выделялись истребители «зёро»⁴⁶¹.

⁴⁵³ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 168-169.

⁴⁵⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 378, 377; цифры немецких потерь смотри также: Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 168.

⁴⁵⁵ История второй мировой войны. Т. 4. С. 483.

⁴⁵⁶ <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

⁴⁵⁷ Мойсеев М.А. Цена победы. // ВИЖ, 1990, № 3. С. 15.

⁴⁵⁸ Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. М., 1973. С. 190; История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 265-272; Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 189-198; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 442-457.

⁴⁵⁹ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 67.

⁴⁶⁰ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 204.

⁴⁶¹ Уткин А.И. Тихоокеанская ось. М., 1988. С. 28.

26 ноября ударное соединение японского флота вышло в море⁴⁶². 2 декабря оно получило подтверждение, что приказ о нанесении удара остаётся в силе, но даже и в тот момент действовало указание, что этот приказ отменяется, если флот будет обнаружен до 6 декабря или, если в Вашингтоне в последнюю минуту будет достигнуто соглашение. 4 декабря провели последнюю дозаправку в море и скорость хода увеличили с 13 до 25 узлов.

Вооружённые силы Соединённых Штатов, Великобритании и Голландии располагали большой мощью. Но их разбросанность на гигантских пространствах, низкая боеготовность войск и другие недостатки не позволили им в нужной мере подготовиться к отпору японской агрессии. Японские силы были компактными, хорошо обученными и, в противоположность союзникам, не испытывали затруднений при организации управления из-за различий в языках и отсутствия единого командования; главные военно-морские базы союзников – Пёрл-Харбор и Сингапур – разделяло пространство в 6 тыс. миль; с точки зрения состояния материальной части, японские ВМС были совершеннее, имея намного больше новых кораблей, более быстроходных и лучше вооружённых. По последнему компоненту только «Принс ов Уэльс» мог выдержать сравнение с лучшими японскими кораблями. Это превосходство относилось и к японским ВВС. Кроме того, союзное командование недооценило возможности противника провести наступление на всех стратегических направлениях одновременно. Всё это в значительной степени послужило причиной первоначальных неудач американских и английских вооружённых сил в войне на Тихом океане.

Нападение на Пёрл-Харбор. 7 декабря 1941 г., в воскресенье, японские вооружённые силы, вероломно и без объявления войны, атаковали США и Великобританию⁴⁶³. Лишь после этого посол Номура и Курусу[†] вручили от имени своего правительства госсекретарю Хэллу памятную записку, в конце которой говорилось: «Императорское правительство потеряло, в конце концов, надежду урегулировать дипломатические отношения между Японией и Америкой, установить и поддерживать мир на Тихом океане путём сотрудничества с правительством Соединённых Штатов... Дальнейшие переговоры не смогут привести к достижению соглашения»⁴⁶⁴. Фактически, это означало объявление войны после её действительного начала. Нападение на Гавайи буквально наэлектризовало США. Адмирал Хэлен заявил, что теперь на японском будут разговаривать только в аду⁴⁶⁵.

Таблица 6. Состав вооружённых сил США, Великобритании, Голландии и Японии на Тихом океане в начале декабря 1941 г.⁴⁶⁶

Войска, вооружение, боевая техника	США	Англия	Голландия	Итого	Япония
Дивизии	9	11	2	22	11
Численность сухопутных войск (тыс. чел.)	170	170	30	370	220-230
Корабли линейные	9	2	-	11	10
Авианосцы	3	-	-	3	10
Тяжёлые крейсера	13	1	-	14	18
Лёгкие крейсера	11	7	3	21	20
Эсминцы	80	13	7	100	112
Подводные лодки	56	-	13	69	65
Самолёты базовой и армейской авиации	600	500	200	1300	1700
Самолёты авианосной авиации	220	-	-	220	575

День нападения был назначен с учётом ряда факторов: в субботу вечером американцы всегда возвращали свой флот в Пёрл-Харбор, а личный состав кораблей частично уходил в увольнение, что увеличивало эффект внезапности нападения; прогноз предсказывал неблагоприятную погоду во второй половине декабря, поэтому атаку следовало осуществить до этого. Ударное соединение прошло дальнейшим круглым путём через Курильские острова, т.к. этот маршрут лежал в стороне от морских путей, и приблизилось к Гавайям с севера. С авианосцев, находившихся от Пёрл-Харбора на удалении около 300 миль, были подняты в воздух 360 самолётов. Из восьми американских линкоров четыре затонули, один был выброшен на берег, остальные – серьёзно повреждены. Были потоплены три крейсера, три эсминца и ряд малых кораблей. Людские потери составили 2403 убитыми. Было уничтожено 188 американских самолётов и 63 повреждено. Японские потери^{†2} составили 29 самолётов⁴⁶⁷.

⁴⁶² Яковлев Н.Н. Пёрл-Харбор, 7 декабря 1941 года. Быль и небыль. М., 1988. С. 60; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.) М., 1962. С. 523.

⁴⁶³ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 194-195.

[†] Примечание научного редактора: Курусу – бывший посол Японии в Берлине, уполномоченный японского правительства на переговорах с США.

⁴⁶⁴ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 57.

⁴⁶⁵ Уткин А.И. Тихоокеанская ось. С. 29.

⁴⁶⁶ История второй мировой войны. Т. 4. С. 258.

^{†2} Примечание научного редактора: Американцам также удалось потопить одну большую подводную лодку и пять «карликовых».

Японцы также извлекли выгоду, применив т.н. «налёт с использованием неравных отрезков маршрута». Приблизившись под покровом ночи, авианосцы выпустили самолёты на рассвете, когда они были ближе всего к цели. Затем авианосцы развернулись, стали отходить и приняли самолёты на борт в точке, которая находилась от цели дальше, чем точка, в которой их выпустили. Таким образом, японские самолёты пролетели один короткий и один длинный отрезки маршрута, в то время как преследовавшим их американским самолётам пришлось бы покрыть два длинных отрезка. Эту невыгодную для себя ситуацию американцы не предусмотрели⁴⁶⁸. За час японские милитаристы обеспечили себе контроль над всем Тихим океаном. 23 декабря ударное оперативное соединение японского флота возвратилось на свою базу.

Произошедшее дало Японии значительные преимущества. Тихоокеанский флот США надолго был выведен из строя и не мог оказывать японцам серьёзного сопротивления в юго-западной части Тихого океана. Одновременно, японское оперативное соединение, нанесшее удар по Пёрл-Харбору, могло быть использовано для поддержки операций в этом районе. В этих условиях японские милитаристы получили большой выигрыш во времени для расширения сферы экспансии.

Однако они далеко не достигли всех своих задач, т.к. не была уничтожена главная цель налёта – авианосцы^г. Также остались неповрежденными нефтехранилища и другие важные портовые сооружения, без которых американцам не удалось бы быстро восстановить силы, поскольку Пёрл-Харбор был единственной полностью оборудованной базой флота⁴⁶⁹. Произведённый японскими милитаристами вероломный налёт вызвал бурю негодования и сплотил общественное мнение вокруг президента ФДР.

Перспективы японцев на победу. После начала войны, в течение нескольких месяцев, Япония завоевала гигантские пространства со 150-миллионным населением и располагавшие огромными природными ресурсами, в первую очередь, нефтью: Филиппины, Малайю, Индонезию. После этого, казалось, неминуемая угроза нависла над Австралией, но японцы ударили в противоположном направлении – против Бирмы. Этим они стремились решить свою главную задачу на Азиатском материке – парализовать сопротивление Китая, перерезав его снабжение через Рангун.

Когда начинают войну, рассчитывают на победу. На что же рассчитывали японские милитаристы? Их стратегия преследовала двоякую цель: обеспечив себя необходимыми запасами нефти, победоносно завершить войну с Китаем и, создав концентрическое оборонительное кольцо от Алеутских островов до Бирмы, сделать невозможным прорыв США сквозь него. В этих условиях Америка должна будет смириться с образованием т.н. «великой восточно-азиатской сферы процветания». Этот план был очень схож с гитлеровским.

В Токио рассуждали следующим образом: победа Германии над СССР не за горами, а после ликвидации Восточного фронта вермахт обрушит всю свою мощь на Великобританию, которая наверняка будет завоёвана. В худшем для Японии и Германии случае, если англо-американским ВВС и ВМС удастся отстоять Британские острова, они сумеют лишь предохранить Англию и США от окончательного поражения, но никак не победить Германию в Европе и одновременно Японию на Дальнем Востоке. А без перспектив на победу, ангlosаксы запросят мира у стран «оси». В конце концов, Рузвельт не вечно будет президентом США, а Черчилль – премьером Великобритании. В 1944 г., при неблагоприятном, бесперспективном для Америки ходе войны, Рузвельта в четвёртый раз в президенты не выберут. А новому президенту легче будет пойти на мирные переговоры с Германией и Японией. Без США и Англия продолжать борьбу не сможет.

Как видим, рассуждения японских милитаристов были очень схожи с немецкими. И хотя самураи учитывали разные возможности, всё же ошиблись в исходных данных своих расчётов. Премьер Тодзио и адмирал Ямамото первоначально исходили из безусловной победы нацистов над СССР. Когда японские самолёты бомбили Пёрл-Харбор, они ещё не знали о начале разгрома вермахта под Москвой. Неизвестно, предприняли бы они эту самоубийственную операцию через несколько дней. В конечном счёте, судьба японских замыслов решалась на советско-германском фронте. Самураи явно недооценили своих основных противников, их волю к победе и потенциал сопротивления.

---

⁴⁶⁷ См.: Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 230-231.

Правда, в разных источниках цифры потерь несколько разнятся. См., например: История второй мировой войны. Т. 4. М., 1975. С. 388; Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 109; Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 212; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 29; История США. Т. 3. С. 342; Яковлев Н.Н. Пёрл-Харбор. С. 79, 87; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 549 и т.д.

⁴⁶⁸ Лидделл Гарт Б. Вторая мировая война. С. 207.

^г Примечание научного редактора: По счастливой случайности, буквально накануне нападения, американскую базу на Гавайских островах покинули базировавшиеся там авианосцы. По мнению наркома ВМФ СССР адмирала Н.Г. Кузнецова, «...если бы два авианосца, стоявшие в Пёрл-Харборе, не успели уйти и были бы тоже уничтожены, это, возможно, сказалось бы в дальнейшем ещё тяжелее, чем вывод из строя линкоров и крейсеров». // Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., 1971. С. 97.

⁴⁶⁹ Подробнее об этом см.: Яковлев Н.Н. Пёрл-Харбор. С. 237.

Исходя из этих расчётов, японское правительство решило, что настал благоприятный момент для агрессии. Но перспективы на победу Японии не могли быть прочными, так как промышленный потенциал Соединённых Штатов превосходил японский десятикратно, а по машиностроительным мощностям – пятидесятикратно⁴⁷⁰. Требовались лишь время для претворения экономического превосходства в военное. Первые успехи японцев были достигнуты почти исключительно за счет фактора внезапности. Но в затяжной войне Япония, как и её союзница Германия, не имела шансов на победу. «Наряду с Московской битвой, – пишет Фл. Константиу, – вступление США, с их гигантским экономическим потенциалом, в войну... существенно склонило баланс сил в пользу противников Оси»⁴⁷¹.

После вступления США в войну эту мысль, как всегда очень чётко, выразил У. Черчилль: «Судьба Гитлера была решена. Судьба Муссолини была решена. Что касается японцев, то они будут стёрты в порошок. Всё остальное зависело исключительно от правильного использования наших подавляющих сил. Силы Британской империи, Советского Союза, а теперь и Соединённых Штатов, неразрывно связанных между собой, на мой взгляд, превосходили противников вдвое или даже втрое... В том, как закончится война, сомневаться уже не приходилось»⁴⁷².

---

⁴⁷⁰ В январе 1940 г. военное министерство Японии создало специальную экспертную группу для оценки военных возможностей США. По её оценкам, США производили в 20 раз больше стали, добывали в несколько сот раз больше нефти, производили в пять раз больше самолётов и имели пятикратно большую рабочую силу. Мобилизованный военный потенциал Японии составлял лишь 10% от американского. // Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 123-124; см. также: Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 528-532.

⁴⁷¹ Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 412.

⁴⁷² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 277.

ГЛАВА 10. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ ОБ УЧАСТИИ РУМЫНИИ В ВОЙНЕ НА СТОРОНЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

1. Роль Румынии в антисоветской войне на её первом этапе (1941 – ноябрь 1942 г.)

Первые действия румынских войск на советско-германском фронте. Как известно, 22 июня 1941 г. диктаторский режим Иона Антонеску втянул страну и мирный румынский народ в преступную войну Гитлера против СССР. Однако практически с самого начала румынские войска преследовали серьёзные неудачи. Оправдываясь, диктатор обвинил в этом «еврейских комиссаров». Вот, например, какую ахинею «бравый маршал» нёс на заседании правительства 3 сентября 1941 г.: «И война в целом, и в особенности бои под Одессой, с избытком доказали, что Дьявол – это еврей. Он, и только он ведёт славян как стадо баранов и заставляет их умирать, расстреляв последние патроны. В этом причина наших колоссальных потерь. Не будь еврейских комиссаров, мы бы уже давно были в Одессе»¹. «Борьба, – продолжал он твердить тот же бред на заседании правительства 5 сентября, – очень напряжённая... Она ведётся нами и немцами с евреями, так как за спиной русского стоит еврейский комиссар, который с пистолетом и с пулемётом ведёт солдат в бой, не допуская их сдачи в плен, как бы того они ни желали, и принуждает их умирать на боевых позициях с оружием в руках»².

В соответствии с этой «логикой», всё советское сопротивление было следствием «работы» одних только евреев, целью которых являлась расовая месть румынам. Разве после этого найдётся хоть кто-нибудь, кто считает этого человека умственно полноценным?.. Рассматривая эти обвинения Антонеску против евреев, французский посол в Румынии Ж. Трюелль дипломатично назвал их «необоснованными и неуклюжими»³. Он отмечал, что «претензия, будто бы Одесса выстояла только благодаря евреям, является... смешной и не может быть воспринята всерьёз»⁴.

Румынской армии более чем за два месяца так и не удалось взять Одессу, и это при том, что она обладала шестикратным численным превосходством над защитниками города. В этом смысле негодование «кондуктора» можно понять, т.к. под удар был поставлен престиж новоиспечённого «маршала-победителя», свежего кавалера германского «Железного Креста»⁵ и румынского ордена «Михая Витязу». Но причины провалов наступления румынских войск на Одесский оборонительный район заключались отнюдь не только в деятельности «красных комиссаров-евреев», а в патриотизме, стойкости и мужестве защитников славного города, представителей разных национальностей, в первую очередь, русских и украинцев, но в том числе евреев и молдаван. Нежелание румынских солдат гибнуть за чуждые им цели, а также бездарность самого «гениального маршала» сыграли не последнюю роль в этом.

Да и сам «кондуктор» осознавал реальные причины неудач своего воинства, что подтверждает и его известный приказ от 4 сентября 1941 г., указывающий на низкую боеспособность соединений 4-й румынской армии, осаждавшей Одессу: «Многие командиры сообщают мне, что наша пехота не поднимается и не следует за командирами, как именно и случилось в 11-й дивизии... Считаю виновными командиров, если они не уничтожили на месте мерзавцев, позорящих свой народ, свои звания и свою фамилию.

Также считаю тяжело виновными всех командиров крупных и мелких подразделений, которые отсылают в тыл раненых в пальцы ног. За редким исключением, такие раненые – „самострелы“, а их нужно уничтожать на месте. Требую от всех моральной стойкости и энергии... Вы боитесь танков. Целые наши полки, как, например, 15-й пехотный, бежали по 4-5 километров назад только от появления 3-4 танков противника... Позор такой армии, которая вчетверо, впятеро превосходит противника по численности, превосходит его вооружением... и вместе с тем сдерживалась на одном месте небольшими... советскими частями»⁶.

Однако в результате быстрого продвижения группы армий «Юг» по территории Украины Одесса осталась далеко в тылу врага, который осенью уже вступил в Крым и рвался к Севастополю. В этих условиях 30 сентября 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение эвакуировать войска Одесского оборонительного района для усиления группировки, готовящейся к обороне Черноморской твердыни – главной базы советского Черноморского флота, города Севастополя. С 1 по 16 ок-

¹ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 290-291.

² Ibid. P. 298.

³ Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii. P. 177, 178.

⁴ Ibid. P. 177; Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. (București, 1-3 iulie 1991). Buc., 1991. P. 38.

⁵ За бесспорные «заслуги» в деле уничтожения евреев в сентябре 1941 г. А. Гитлер лично вручил И. Антонеску, ставшему 22 августа Маршалом Румынии, «Железный Крест». // См.: Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX (1918-1948). Buc., 1999. P. 406.

⁶ Карев А.Г. Одесса – город-герой. М., 1978. С. 112; Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинёв, 1981. С. 174-175.

тября Черноморский флот провёл с этой целью специальную операцию, в которой скрытно и практически без потерь была осуществлена эвакуация войск и вооружения⁷. 73-дневная оборона Одессы явилась одним из наиболее ярких примеров исключительной стойкости и массового героизма советских войск, единства армии и народа.

Трагедия Одессы в годы фашистской оккупации. Однако отступление Советской Армии из Одессы положило начало трехлетней оккупации города и страшной человеческой трагедии, в первую очередь, для его еврейского населения, против которого «освободителями» был развязан тотальный террор. 17 октября, после нескольких часов нерешительного ожидания, румынские «освободительные» войска вошли в «румынский» город Одессу. Убедившись в том, что регулярных советских войск в нём нет, захватчики осмелели и предались бесчинствам. Они поверили в то, что они, победители, имеют право творить, что хотят.

Об этих страшных первых часах и днях ужаса вспоминает в своих мемуарах академик Р. Удлер, находившийся в то время с семьёй в оккупированном городе и не успевший эвакуироваться в тыл: «Террор начался с первых же часов. Группами и в одиночку они врываются в квартиры якобы в поисках скрывающихся советских солдат, коммунистов и евреев. Удары прикладами и зверское избивание всех, независимо от возраста и пола, сопровождалось угрозами немедленной казни. В карманы и ранцы запихивалось спешно всё, что видели их алчные глаза. Особым спросом пользовались часы, браслеты, кольца, серьги, деньги. И тут же, будто кто-то их подгонял, они вторгались в соседние квартиры, где повторялись их мерзкие действия. Окрики возбуждённых жадностью и вседозволенностью румынских солдат и вопли насмерть перепуганных людей, совсем не понимавших румынскую речь, заполняли весь дом, всю улицу. Осатаневшие солдаты гнали за молодыми женщинами, насиловали их группами, часто на глазах у окаменевших от ужаса членов семьи.

Началась регистрация мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Одних загнали в лагерь для военнопленных. Евреи были заключены в тюрьмы. Затем заявили о регистрации специалистов. Евреев снова отправили в тюрьмы. Последовали требования, чтобы евреи носили на груди на уровне сердца и сзади шестиконечные желтые звёзды, было запрещено выходить в город после определённого часа и др.»⁸

22 октября 1941 года, на шестой день румынской оккупации Одессы, было взорвано здание, в котором разместилась румынская военная комендатура⁹. Это случилось в 17³⁵. Погибли 60 человек, среди них комендант города генерал Ионел Глогожану. Румыны обвинили в этом партизан-евреев. В действительности, здание НКВД, в котором разместилась румынская комендатура, было заминировано сапёрами перед отступлением Красной Армии¹⁰. Немедленно после этого, 23 октября, был издан приказ № 562 И. Антонеску о взятии в г. Одессе в качестве заложников «по одному члену из каждой еврейской семьи»¹¹. И, в принципе, у нацистов стало правилом взятие заложников. На Бухарестском процессе 1946 года председатель трибунала задал вопрос бывшему уполномоченному румынского фашистского правительства по «еврейскому вопросу» Раду Лекка, составлял ли он списки заложников-евреев, на что последний ответил, что «г-н генерал Пэлэнжяну по приказу правительства потребовал список заложников»¹². Т.о., преступная практика взятия заложников стала нормой румынских фашистов.

Взрыв здания румынской военной комендатуры послужил предлогом для начала разнузданного террора. Новым комендантом города и командиром 10-й пехотной дивизии, расквартированной в Одессе, стал генерал Константин Трестиоряну. В своём первом официальном донесении он извещал: «Я принял меры к тому, чтобы на площадях Одессы повесить евреев и коммунистов»¹³. Утром 23 октября по его приказу приступили к жесточайшему уничтожению невинных людей. На улицах и площадях Одессы спешно сооружались виселицы. Мужчин хватали на улицах, вытаскивали из квартир, их избивали и издевались над ними. Одних расстреливали на месте, других увозили в тюрьмы¹⁴.

После подрыва «террористами» (именно так нравится называть г-ну Петренко подпольщиков-антифашистов¹⁵) здания военной комендатуры «освободителей», «толерантный и умеренный» «кондуктор» (каким видит Антонеску вышеназванный «проевропейски» настроенный «профессор-демократ»¹⁶)

⁷ История Второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. С. 87-88.

⁸ Удлер Р. Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. Pittsburg – Chişinău, 2003. С. 20-21.

⁹ Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. Хроника событий. Могилев-Подольск, 1997. С. 30; Левит И. Пепел прошлого. С. 14; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. Одесса, 1998. С. 82, 86; Fătu M. Consens pentru salvarea națională (septembrie 1940 – august 1944). Buc., 1996. P. 148-149.

¹⁰ Удлер Р. Годы бедствий. С. 22.

¹¹ Procesul lui Ion Antonescu. P. 45.

¹² Ibid. P. 196.

¹³ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 86.

¹⁴ Ibid. С. 86; Удлер Р. Годы бедствий. С. 22.

¹⁵ Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. Chişinău, 1999. P. 49, 70; Petrencu A. Basarabia în al doilea război. 1940-1944. Chişinău, 1997. P. 98, 99.

¹⁶ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 395; Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 31.

немедленно назначил карательную «квоту»: 200 жителей за убитого румынского или немецкого офицера и 100 жителей за убитого румынского или немецкого солдата¹⁷. «Как следствие этого, из среды гражданского населения – и не только евреев, т.к. в Одессе не проживало столько евреев! – были ликвидированы через повешение, расстрел или были сожжены живьём от 30 тыс. до 72 тыс. человек: женщин, мужчин, стариков, юношей и детей»¹⁸.

4 ноября 1941 г. руководитель разведки немецкой армии в Румынии Рёдлер таким образом описывал события, произошедшие в Одессе после взрыва: «В ночь с 22 на 23 октября, в качестве наказания за взрыв, была осуществлена массовая казнь. Утром, 23 октября, вблизи порта, на площади, огороженной деревянным забором, было расстреляно 19000 евреев; в пятницу 40000 евреев были конвоированы в Дальник, где всех их расстреляли»¹⁹. Эти цифры превышают в десятки раз число жертв гитлеровских побоищ в Орадуре сюр Глен во Франции и Лидице в Чехословакии, которые вошли в историю как беспрецедентные преступления.

Чтобы читатель мог максимально достоверно представить себе всё происходившее, вновь дадим слово Рубину Удлеру, в описываемое время пятнадцатилетнему подростку: «По улице Карла Маркса со стороны вокзала от другой виселицы, на которой уже висели четыре трупа, под конвоем румынских солдат медленно двигалась колонна из 20-25 человек. Было видно, что над ними жестоко надругались. Одежда была изодрана, некоторые были босыми или в рваных носках, с непокрытой головой. Лица в синяках и крови... У виселицы обречённые и их палачи остановились. Часовой и конвоиры заговорили между собой и закурили. Потом что-то сказали первому обречённому. Тот подошёл к виселице, поставил табуретку, которую нёс в руке, влез на неё, надел сам себе на шею петлю и тихо ждал. Румыны что-то строго приказали следующему по цепочке. Он покорно подошёл и выбил ногой табуретку. Так же тихо несчастный повис. Румыны, переговариваясь, подождали несколько минут и потом велели второму сделать то же самое. И этот отрешённо, как бы речь шла не о его жизни, просунул голову в петлю. Он ничего не говорил, ничего не просил. Стоял и ждал. По команде третий толкнул его, и через несколько мгновений он висел недвижимый.

И вдруг один из обречённых, внезапно осознавший своё трагическое положение, подчиняясь инстинктивному стремлению к жизни, резко выступил из цепочки и бросился бежать. Он успел только перейти улицу. Его настигли пули конвоиров. К нему никто не подошёл. Он остался лежать в луже крови... В это кровавое утро за несколько часов без суда и следствия было казнено примерно 5600 человек. Население было парализовано, оглушено... [Были выпущены] на свободу все уголовники, ставшие пособниками оккупантов. Они понимали „новый порядок“ по-своему – как свободу грабить, сводить личные счёты, насиловать»²⁰.

На следующий день, 24 октября, всех задержанных накануне построили в колонны и под конвоем повели из города. Первая группа доставленных евреев состояла из 40-50 человек. Их привязали друг к другу канатами, загнали в противотанковый ров и под личным командованием подполковника Николае Деляну прицельно расстреляли.

Затем началось массовое уничтожение людей. Мужчин заперли в три сарая длиной 20-30 м и шириной 10-15 м, а в четвёртый такой же сарай втокнули женщин, детей и стариков. Всех их было более 5000 человек²¹. По команде упомянутого выше подполковника Н. Деляну и претора Одессы подполковника М. Никулеску, по прозвищу «Кока-палач»²², через пробитые в стенах сараев щели начался расстрел из пулемётов. Душераздирающие крики были громче пулемётных очередей. Потом, чтобы уничтожить случайно уцелевших и раненых и замести следы этой ужасной бойни, румыны принесли на чердаки солому, облили стены бензином и подожгли сарай. Многие евреи сгорели заживо. Не спасся ни один несчастный – выбегавших из пламени встречали пулями. Очевидцы рассказывали о том, как из огня чудом выбрался мальчик лет четырёх-пяти и стал ходить вокруг горящего пакгауза, спотыкаясь о трупы и не зная, куда идти под выстрелами. Всё кончилось тем, что жандармский офицер, подойдя к ребёнку, в упор застрелил его из пистолета²³.

¹⁷ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 332; Procesul lui Ion Antonescu. P. 45; Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины. С. 30; Левит И. Пепел прошлого. С. 14; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 82, 86; Удлер Р. Годы бедствий. С. 26.

¹⁸ Mezincescu E. Mareşalul Antonescu şi catastrofa României. P. 119.

¹⁹ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 333.

²⁰ Удлер Р. Годы бедствий. С. 22-23; см. также: Коган А. Красная пена. Бессарабский геноцид. Кишинёв, 2001. С. 45.

²¹ Procesul lui Ion Antonescu. P. 46, 368-370; Коган А. Красная пена. С. 45-46; Удлер Р. Годы бедствий. С. 24; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 87-88; Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины. С. 30.

²² Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 71.

²³ Procesul lui Ion Antonescu. P. 46-47; Коган А. Красная пена. С. 46.

25 октября в 17³⁵ один из сараев, в котором были мужчины, демонстративно взорвали, для устрашения населения Одессы. В огромные ямы длиной 100 м, шириной 5-6 м и глубиной 3 м румынские солдаты закопали примерно 28000 трупов. Всего в дни террора 23-25 октября 1941 г. погибло свыше 40000 евреев²⁴. Посол Франции Ж. Трюелль подтверждает уничтожение 25 тысяч одесских евреев, которые были заживо сожжены²⁵.

Об этих страшных событиях сохранилось много свидетельств. Так, о них рассказал Д.А. Стадник, русский, бывший военнопленный, оказавшийся в одной темнице с евреями: «Всех евреев построили во дворе и угнали в неизвестном направлении. Лишь позже я узнал, что их большими группами угоняли в бывшие артсклады, где сжигали живьем... Зверская трагедия произошла 20^{*} октября, а нас пригнали хоронить несчастных аж... 6 ноября. Но уже за целый километр был слышен удручающий трупный запах... В каждом из шести корпусов складов находилось до трёх тысяч человек. Корпуса были набиты битком, а когда через окна стали лить горючее, люди пытались выбраться через окна. Но в них стреляли из пулемётов: видно было, как окна изрешечены пулями. И румыны объяснили нам через переводчика, что там, кроме евреев, было процентов 10 других обречённых: моряки и партизаны. А про нас – участников захоронения – добавили, что мы будем тоже расстреляны»²⁶.

Дополнила эту жуткую картину М.И. Бобкова, русская: «19 октября 1941 г. в помещения пороховых складов, расположенных по Люстдорфскому шоссе возле моего дома, румыны начали сгонять арестованных мирных жителей... Когда румыны заполнили советскими людьми девять пустых складских помещений, тогда стали подкатывать к складам бочки с горючим. Я лично видела, как румыны насосами качали горючее из этих бочек и через шланги поливали склады, в которых находились согнанные ими жители города. Когда склады были облиты горючим, румынские солдаты их подожгли. Поднялся страшный крик. Женщины и дети, объятые пламенем, кричали: “Спасите нас, не убивайте, не сжигайте!” Подожженные румынами склады продолжали гореть несколько дней. Когда пожар прекратился, румыны к месту пожарища пригнали жителей города, которые выкопали большие рвы, длиной метров 100, шириной в 5-6 метров и глубиной около 3 метров каждый. Потом появились румынские солдаты, которые стаскивали обгоревшие трупы в эти вырытые ямы и закапывали»²⁷.

Признавая сам факт истребления румынской оккупационной администрацией по приказу Антонеску мирных граждан Одессы, некоторые авторы, во-первых, преуменьшают масштабы преступления, а во-вторых, объясняют их (практически оправдывая) «военной необходимостью», тем фактом, что истребляли «террористов». Так, А.М. Стоенеску пишет: «Вследствие этого террористического акта, руководитель румынского государства отдал приказ произвести репрессии. Они были осуществлены в соответствии с правилами ведения войны»²⁸. И далее, на многих страницах, автор «развивает» этот тезис. Он утверждает о «желании [со стороны румынских оккупационных властей] соблюдать международные конвенции»²⁹, не гнушается «вешать лапшу» о «легальной базе репрессий, содержащейся в международном праве». Другими словами, по мнению Стоенеску, военные преступления, совершённые румынскими нацистами в Одессе, были законны, справедливы и освящены правом того времени: «О тех событиях нельзя судить на основе сегодняшних законов, сегодняшних принципов и современной ментальности об основных правах человека, а лишь на основе тогдашнего законодательства»³⁰.

Если бы автор говорил о событиях античного мира или средневековья, мы бы, возможно, согласились с ним, – тогдашние нормы и правила были другими. Однако он забывает, что нормы международного права в 1941 г., согласно которым делается попытка обелить палачей, принципиально не отличались от настоящих. И если бы речь шла о совершённых ещё в древности преступлениях, то и тогда их нельзя оправдать ни в коем случае, даже если прошли тысячи лет и изменились мораль, ментальность и нормы права. Автор же не только не желает это понимать, но и утверждает – совсем как сами гитлеровцы, – что оказывающие сопротивление оккупантам партизаны нарушали этим «нормы международного права», поэтому их следовало уничтожить.

«Ни одно положение этой международной нормы, – убеждает читателя современный адвокат оккупационного режима, – не соблюдалось одесскими „партизанами“, как мы уже показали в предыдущих главах. Они действовали в гражданской униформе, взрывали и сжигали здания, не говоря уже о ношении оружия. Уничтожение румынских офицеров и других военных вписывалось в категорию террористических актов, а взрыв зданий интерпретировался как саботаж»³¹. Правда, господин Стоенеску не

²⁴ Удлер Р. Годы бедствий. С. 24, 26.

²⁵ Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii. P. 178.

^{*} Свидетель ошибается по поводу даты – как мы уже выше отмечали, это страшное событие произошло 25 октября 1941 г.

²⁶ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 75, 76-77.

²⁷ Ibid. С. 75-76.

²⁸ Stoienescu A.M. Armata, mareșalul și evreii. Buc., 1998. P. 348.

²⁹ Ibid. P. 353.

³⁰ Ibid. P. 380.

³¹ Ibid. P. 382.

поясняет, в чём состояла вина женщин и детей и зачем их следовало сжигать живьём. И, в соответствии с данной «логикой», ни одно национально-освободительное движение не является «законным», а «справедливыми» можно считать лишь оккупацию и действия оккупантов³².

Однако далеко не все румыны были фашистами. Скорее наоборот, большая часть народа была категорически против тех зверств, которые творили нацисты по приказу изувера Антонеску. К тому же, большинство людей и не подозревало о совершаемых румынскими властями преступлениях. Так, в ходе работы Бухарестского трибунала об одесской бойне свидетельствовал Алексе Някшу, являвшийся в октябре 1941 г. младшим лейтенантом румынской армии и отказавшийся выполнять преступные приказы об истреблении людей: «Некоторые женщины выбрасывали детей в окна. Вспоминаю такую сцену, когда ребёнок 4-5 лет, выброшенный в окно, бродил с поднятыми руками между трупами в течение 5-10 минут, и никто из румынских солдат не хотел стрелять в него... Подчёркиваю, что видел многих прятавшихся от выполнения приказа румынских солдат, и знаю, что долгое время они в своих комментариях осуждали эту операцию»³³.

16 декабря 1941 г. в ходе заседания правительства И. Антонеску задал вопрос губернатору «Транснистрии» Г. Алексяну: «Сколько жидов имеешь в Одессе?». «Почти сто тысяч», – был ответ. И тогда последовал ужасный приказ, равный смертному приговору этим людям: «Выведи жидов из Одессы. Я опасаясь катастрофы в случае русской высадки в Одессе или в непосредственной близости от неё»³⁴.

Таким образом, из-за реальной или мнимой боязни советского десанта румынские власти решили избавиться и от тех, кто мог поддержать такой десант: «В случае русского десанта в Одессе или в ближайшей местности из-за этих евреев может случиться катастрофа», – так напрямую было заявлено в телеграмме начальника Генерального штаба румынской армии генерала Тэтэряну, датированной 28 декабря 1941 г., в которой содержится прямая ссылка на инициативу самого И. Антонеску. «Г-н маршал Ион Антонеску сказал: "Держать их там – это преступление. Я не желаю позорить свою деятельность недостатком предвидения!"»³⁵.

Антонеску приказал, чтобы все «жиды были немедленно изгнаны из Одессы, т.к. ввиду сопротивления Севастополя и недостаточного количества сил, находящихся здесь, мы можем ожидать даже высадку в Одессе... и других внезапных сюрпризов»³⁶. Сам Тэтэряну, ссылаясь на сообщение, полученное из Совета министров Румынии, со своей стороны давал в телеграмме следующее указание: «Прошу немедленно связаться с губернаторством Транснистрии, довести до его сведения вышеуказанное и совместно приступить к немедленному исполнению приказа господина маршала»³⁷. Эти чудовищные документы определили судьбу десятков тысяч одесских евреев, хотя евреи уже изначально были обречены на гибель. Их жизнь в глазах Антонеску так мало стоила, что, когда Алексяну предложил переправить узников морем, «толерантный и современный» Антонеску категорически запретил это делать по причине риска потопления судна: «Мне плевать на жидов, меня волнует лишь судно»³⁸.

2 января 1942 г. Г. Алексяну издал приказ о полном выселении евреев из Одессы³⁹. С 12 января по 12 февраля 1942 г. из Одессы и её окрестностей было отправлено в лагеря Березовского уезда 30714 человек еврейской национальности⁴⁰, хотя из рапорта командования 2-го армейского корпуса в Президиум Совета министров вытекает, что «между 10 января и 28 февраля 1942 г. были выселены из Одессы 31873 еврея (мужчин, женщин и детей). Мужчины все старше 45 лет»⁴¹. Именно так «освободители» «освобождали» советских граждан от «большевистского ига». В борьбе с беззащитными стариками, женщинами и детьми они проявляли «чудеса смелости и героизма» во имя «România Mare».

Боеспособность румынской армии в конце 1941-го – 1942 году. Давно и не нами было замечено, что охочие до расправ с безоружным гражданским населением войки на поле брани нередко проявляют трусость и малодушие. О ненадёжности румынских войск на поле боя пишут многие немецкие участники войны⁴². «Немцы, – пишет Э. Бивор, – следящие за порядком в румынских частях, поражаются от-

³² Нельзя не напомнить, что, к сожалению, соучастниками ужасных преступлений выступили и некоторые наши земляки. Небезызвестный член «Сфатул Цэрий» Герман Пынтя был в 1941 г. назначен правящей фашистской кликой мэром Одессы и оставался на этом посту до 1944 г. // См.: Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С. 239; Colesnic Iurie. Sfatul Țării: Enciclopedie. Chișinău, 1998. P. 77, 231.

³³ Procesul lui Ion Antonescu. P. 370.

³⁴ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 365.

³⁵ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 124.

³⁶ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 364.

³⁷ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 125.

³⁸ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 364.

³⁹ Ibid. P. 368; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 127, 131.

⁴⁰ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

⁴¹ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 42 (1). Л. 56.

⁴² Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 463; Манштейн Э. Утерянные победы. С. 230, 237, 303, 404-406; Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 149-150.

ношениям между солдатами и офицерами. Это были отношения господ к рабов. Австрийский граф лейтенант Штольберг сообщал: „Помимо всего прочего, румынские офицеры совершенно безразличны к проблемам своих подчиненных”. Румынские полевые кухни готовили, как правило, три вида блюд: для офицеров, для младшего командного состава и для рядовых, которым почти ничего не доставалось. Между румынами и немцами часто вспыхивали ссоры»⁴³.

Подробнее поясним это на примере румынской 4-й горнострелковой дивизии, в 1941 г. ещё являвшейся бригадой⁴⁴. Известный германский полководец, генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн вспоминал: «26 сентября [1941 г., в Северной Таврии] ...противник перешёл... в наступление... В полосе 3-й румынской армии... сбил с позиции 4-ю горную бригаду и пробил во фронте армии брешь шириной в 15 км. Эта бригада потеряла почти всю свою артиллерию и, казалось, совсем утратила боеспособность... Не оставалось ничего иного, как приказать германскому горному корпусу... восстановить положение на фронте 3-й румынской армии».

Вспоминая о боях в Крыму, он отмечает: «Конкретно отзыв моих советников относительно подчинённой нам 3-й румынской армии сводится к следующему: после относительно больших потерь она совершенно не способна к ведению наступления, а к обороне будет способна только в том случае, если к ней приспособить немецкие „подпорки”».

После высадки в конце декабря 1941 г. советского десанта в районе Феодосии туда была отправлена румынская 4-я гсбр. Вместе с другими воинскими подразделениями, пишет Манштейн, «ей была поставлена задача „немедленно сбросить в море высадившийся у Феодосии десант противника”. Мы, правда, не питали иллюзий относительно духа румынских соединений. Но противник не мог ещё располагать у Феодосии крупными силами на суше. Мы имели основания надеяться, что румынам по меньшей мере удастся удержать противника в пределах небольшого плацдарма у Феодосии, пока не подойдут немецкие войска. Но этой надежде не суждено было сбыться. Наступление румынского горного корпуса на Феодосию не только не имело успеха, но, более того, румыны отступили перед немногими советскими танками, отойдя от рубежа восточнее города Старый Крым».

В боях у Феодосии и Судака 4-я гсбр. понесла тяжёлые потери. Немецкое командование в Крыму 31 декабря 1941 г. зафиксировало, что «моральное состояние румынских войск на пределе». И действительно, в 4-й гсбр. за два месяца зимы 1941-1942 гг. из каждого батальона сбежало примерно по 60 человек. 12 апреля 1942 г. 4-я гсбр. была развёрнута в 4-ю горнострелковую дивизию, при этом была значительно пополнена личным составом, техникой и вооружением. Во время первой фазы третьего штурма Севастополя летом 1942 г. 4-я гсд. простояла в резерве и начала «победно» наступать, неся большие потери, на сильно поредевшие, обескровленные и измотанные советские войска уже на заключительной стадии борьбы за черноморскую твердыню.

С середины июля до середины сентября 1942 г. 4-я гсд. участвует в крупномасштабной, хотя и безуспешной, операции против крымских партизан. Впервые же в антипартизанской борьбе она серьёзно «попрактиковалась» ещё в декабре 1941 г. И далее многие месяцы горные стрелки 4-й гсд. провели в тылу – карательные акции, охрана побережья, гарнизонная служба. Это, конечно, не фронтовые сражения с регулярными частями Красной Армии, в которых в это же время, к примеру сказать, их собратья из 2-й и 3-й горнострелковых дивизий буквально истекали кровью на Северном Кавказе, теряя в отдельных боях до половины личного состава[†].

⁴³ Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-16-staligr_131.html.

⁴⁴ См.: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 233, 237, 260, 261, 283, 303, 404-406; Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979. С. 160, 162, 208, 252, 277, 332, 354, 357, 360, 393, 397, 413, 429, 439, 473; Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С. 193, 195; Ибрагимбеи Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 120, 174, 256, 262, 266-267, 269; Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1983. С. 375, 464, 469, 473, 479; Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945. М., 1987. С. 198, 210-212, 219; Шиян И.С. На Малой земле. М., 1974. С. 128, 153; Подвиг Новороссийска. Краснодар, 1978. С. 108-109, 130, 146, 187, 229; Марфин А.П. Героический штурм. Краснодар, 1985. С. 17, 175.

[†] Примечание научного редактора: Только за два дня боёв – 25-26 сентября 1942 г. в районе северо-восточнее Новороссийска, как свидетельствует М.Х. Калашник, тогда полковой комиссар, «3-я румынская егерская горнострелковая дивизия была фактически полностью выведена из строя. Она потеряла убитыми, ранеными и попавшими в плен до восьми тысяч солдат и офицеров – более половины своего состава – и вскоре была снята с фронта». Этот же советский офицер сообщает, что даже тогда, когда фашистские части ещё наступали, переход на советскую сторону перебежчиков из румынских частей стал заметным явлением. // См.: Калашник М.Х. Испытание огнём. М., 1971. С. 49, 51, 53, 62-65, 67, 189.

Румынские войска, как известно, внесли «своеобразный вклад» в осуществление коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Советское окружение немецких отборной 6-й общевойсковой и части 4-й танковой армий в гигантском котле на Волге в ноябре 1942 г. во многом стало возможным благодаря быстрому прорыву Красной Армией вражеских фланговых позиций, занимаемых именно румынскими 3-й и 4-й армиями. Воевавший в составе 1-го гвардейского механизированного корпуса в описываемое время младший артиллерийский офицер А.С. Махнач вспоминает, что после прорыва обороны фашистов «Итальян-

С июля 1943 г. дивизия перебрасывается на Таманский полуостров и к сентябрю занимает позиции вблизи Новороссийска, как раз напротив легендарной Малой земли. Ввиду снижения боевого духа в войсках своего «самого верного союзника», гитлеровцы уже не доверяли румынским горным егерям отдельного участка фронта, и солдаты «великого маршала» расположились побатальонно в боевых порядках немецкой элитной 4-й гсд. вместе с отборными командами германской морской пехоты. Тем не менее, в ходе шестидневного штурма Новороссийска (10-16 сентября 1943 г.) Красной Армией «свежая» 4-я гсд. заодно с гитлеровскими «эдельвейсами» и «коммандос», была наголову разгромлена, и остатки её отступили к таманским портам.

Что касается румынской 7-й пехотной дивизии, то она дошла до р. Дон. В ходе советского контрнаступления под Сталинградом 20 ноября 1942 г. была сильно потрепана, но оказалась вне «Сталинградского котла». Во время продолжившейся в середине декабря 1942 г. наступательной операции Красной Армии, согласно воспоминаниям Э. Манштейна, «самовольно отступила» и в последующих боях была разгромлена.

2. Некоторые молдавские и румынские историки – об «освободительном» характере войны Румынии против СССР и о политике румынских властей на оккупированной территории

Нацистское вторжение в СССР квалифицируется некоторыми авторами как действие «румынской и немецкой армий по предотвращению большевистского нападения на Румынию и Германию»⁴⁵. Заявляется, что «германо-советская война положила конец... антинародной политике преступного государства по отношению к мирному населению похищенной провинции»⁴⁶. «Вступление Румынии в войну Германии против СССР привело к освобождению Бессарабии, севера Буковины, цинута Херца от советского оккупанта и его дьявольского государственного устройства». Более того, «местное население, как и значительная часть этнических групп, тепло и с уверенностью приветствовали возвращение румынской администрации, зная её как компетентную, неподкупную, которая проводила политику, опирающуюся на правду и справедливость»⁴⁷. Всё здесь хорошо, однако последнее заявление совсем уж уму непостижимо – где это Петренко нашёл такую румынскую администрацию: «компетентную, неподкупную» и «которая проводила политику, опирающуюся на правду и справедливость»? Во все времена она была самой непрофессиональной и продажной в Европе. «Ври, ври, да не завирайся!».

И другой известный историк пишет: «Румыния вступила в эту законную оборонительную войну для возвращения своих территорий, попавших под русское господство. Румыния вступила в эту войну для освобождения своих попавших в рабство братьев. Начатая 22 июня 1941 г. война имела законный национально-оборонительный характер, это была навязанная румынскому роду война. Румынский народ боролся за своё физическое выживание и защищал свою национальную независимость. Он боролся за то, чтобы его страна, очаг не были стёрты с карты независимых государств»⁴⁸. Это была «справедливая война за освобождение исторических территорий и против коммунистической опасности с Востока»⁴⁹. Данный историк договорился до того, что назвал «Восточную Кампанию» «Священной Войной»⁵⁰.

ские и румынские вояки начали сдаваться в плен целыми частями. Обычным явлением была такая картина: колонны румынских и итальянских войск с оружием в руках шли сдаваться в плен. Встретив советских воинов, они спрашивали: „Куда нужно идти в плен?“. Для сопровождения этих колонн в плен выделялись небольшие группы советских солдат и младших командиров». Махнач А.С. Дорогами войны. // Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны Национальной академии наук Беларуси. Минск, 2004. С. 254.

⁴⁵ Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 49.

⁴⁶ Ibid. P. 43.

⁴⁷ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 111, 175.

⁴⁸ Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. Iași, 1991. P. 148; см. также: Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 53; Duțu A., Retegan M. România în război. 1421 zile de înclăștare. Buc., 1992; Duțu A. Între Wehrmacht și Armata Roșie. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2. P. 47-48.

⁴⁹ Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. Buc., 1996. P. 239; см. также: Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 381, 405, 407; Basarabia și Transnistria (1812-1993). Chișinău, 1995. P. 362; Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10; Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iași, 1995. P. 216, 223, 242; Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului (1941). O decizie controversată. Buc., 1995. P. 76, 97; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. Buc., 1997. P. 402; Scurtu I. Iuliu Maniu. Activitatea politică. Buc., 1995. P. 103; Nistor I.S. Românii în al doilea război mondial. Clarificări în lumina adevărului istoric. Cluj-Napoca, 1996. P. 55; Otu P. „Ostași, vă ordon: treceți Prutul!” // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 16; Bărboi V. Eliberarea Basarabiei, a Bucovinei de Nord și a Ținutului Herța. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7; Duțu A.D. De la Nistru spre Volga și Caucaz. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 29; Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale. P. 159; Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română, 2001, Nr. 1-2. P. 29; Scurtu I. Situația internațională a României în anii celui de-al doilea război mondial. // Dosarele istoriei. 2001, Nr. 7; Duțu A.D. Eliberarea Basarabiei și a nordului Bucovinei. // Dosarele istoriei. 2001, Nr. 7; Duțu A.D. Aliații fără alianță, în război. // Dosarele istoriei. 2001, Nr. 7; Duțu A.D. Între Scilla brună și Charibda roșie (1941-1945). // Dosarele istoriei. 2002, Nr. 5. P. 38; Șuța I. Necesitate istorică, dorința a unei țări

Правда, «учёные» Buzatu & Petrenco совсем не оригинальны. Ещё в ноябре 1941 г. профессор Теодор Попеску следующим образом охарактеризовал совместную борьбу румынских и германских фашистов: «Считаем для себя священной привилегией и сильнейшим стимулятором быть на стороне правды и победы. Участие нашего рода в борьбе с коммунизмом является величайшим воинским подвигом, символом румынской веры и гигантским вкладом в великую книгу всемирной истории»⁵¹. О «вкладе» румынских фашистов в «книгу всемирной истории» мы ещё поговорим в дальнейшем, а сейчас вернёмся к реалиям.

В действительности тезис о войне «за освобождение исторических территорий» опровергают даже официальные документы румынского правительства. Так, на заседании Совета министров от 8 июля 1941 г. заместитель премьера и «профессор международного права» Михай Антонеску сказал буквально следующее: «Столько времени, сколько продолжаются военные действия, румынское государство не издало декрета об аннексии этих территорий, мы лишь занимаемся их обустройством. Мы находимся в состоянии военной оккупации, а не оккупации как способа захвата территории. Таким образом, здесь осуществляется суверенитет оккупанта, а не суверенного государства. До того момента, когда мы сделаем формальную декларацию об аннексии, а это нельзя сделать до завершения военных действий или хотя бы до того, когда станет ясно их близкое окончание, до того, с точки зрения чистого права, мы находимся в состоянии военной оккупации, и установленный здесь режим может руководствоваться лишь законами военного времени»⁵². Другими словами, даже высшее руководство фашистской Румынии понимало, что территория Бессарабии является, с точки зрения международного права, оккупированной территорией.

По-видимому, по мнению г-на Бузату, Антонеску втянул страну в войну на уничтожение на стороне Гитлера для того, чтобы защитить независимость Румынии? Вероятно, в Крыму, на Кавказе и под Сталинградом преследовалась цель защиты независимости Румынии и «возвращения румынских территорий, попавших под русское господство»... А уничтожив сотни тысяч евреев и других мирных и безоружных граждан, румынские нацисты вели «войну, имевшую законный национально-оборонительный характер»? Впрочем, и на этот вопрос у г-на Бузату имеется ответ: «Антонеску продолжил наступление в глубь Советской России рядом с немцами для спасения веры, порядка и цивилизации»⁵³. И массовое истребление женщин, детей, стариков стало называться «спасением веры, порядка и цивилизации»... Фактически, под лозунгом борьбы с коммунизмом указанными авторами предпринята попытка оправдать нацистский геноцид, развязанный Гитлером и с энтузиазмом поддержанный Антонеску.

В контексте дискуссий последних лет о характере войны Румынии против СССР существует один довольно интересный аспект. Речь идёт о «смене вех» некоторых молдавских и других историков, которые в своё время писали и доказывали одно, а в начале 90-х годов перешли на противоположные позиции. Одним из ярчайших тому примеров является научная и общественная деятельность доктора исторических наук, профессора А.К. Мошану, долгие годы занимавшего видное место в молдавской коммунистической историографии* и партийной номенклатуре**, а впоследствии занявшего резко антисоветскую позицию и, будучи избранным председателем парламента Республики Молдова, в 90-е гг. стал одним из ведущих прорумынских политиков и крайним антисоветчиком.

В 1984 г. в одном престижном советском историческом журнале он опубликовал рецензию на двулогию И.Э. Левита, посвящённую МССР в годы Великой Отечественной войны. Следует подчеркнуть, что это не простая рецензия, а выражение своеобразного идейного кредо, если хотите – *profession de foi*, в то время ещё товарища, Мошану. Так вот, этот ныне сторонник Петренко & Бузату на 4-х страницах текста не менее 12 раз использует синтагму «фашистская Румыния» и не менее 13 раз словосочетания типа «фашистский режим Антонеску», «фашистский режим Румынии», «фашистское государство», «военно-фашистский режим Антонеску», «фашистская клика Антонеску», «фашистский главарь» и т.д., и т.п. То есть, в то время товарищ, Мошану с неподдельным коммунистическим рвением и истинным советским патриотизмом клеймил то, что сегодня, успевший стать господином, Мошану с не меньшим, но уже румыно-патриотическим, остервенением, так же пламенно защищает. Заметим, что ни в советское время, ни сегодня никто не принуждал и не принуждает г-на Мошану & К⁰ утверждать то или

întregi. // Dosarele istoriei. 2006, Nr. 6. P. 48-49; Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 12.

⁵⁰ Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 54; см. также: Anton M. Războiul sfânt [в русском переводе «Священная война»]. // Dosarele istoriei. 2001, Nr. 7.

⁵¹ Vezi: Dosarele istoriei. 2007, Nr. 1. P. 51.

⁵² Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 264.

⁵³ Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. P. 153.

* Долгие годы заведовал кафедрой новой и новейшей истории в Молдавском госуниверситете, был деканом истфака и одним из ведущих советских специалистов по истории социалистического и марксистского движения в Румынии.

** Несколько лет был заместителем секретаря парткома Молдавского госуниверситета по идеологии, членом ЦК КПМ и даже был избран делегатом XXVIII съезда КПСС.

иное. Это их свободный выбор. Как минимум, если бы эти люди так не думали или думали по-иному, могли бы вообще об этом не писать.

В своей концептуальной статье Александр Константинович клеймит «участие режима Антонеску в агрессии против Советского Союза»⁵⁴, «оккупационную политику диктатуры Антонеску на временно захваченной советской территории»⁵⁵, осуждает «грубые фальсификации и искажения со стороны буржуазных историков, идеологов империализма», «пытающихся обелить внешнюю политику тогдашних румынских правителей, оправдать участие фашистской Румынии в войне против СССР ссылками на „русскую угрозу“, на необходимость защиты „национальных интересов“»⁵⁶.

В то же время автор категорически поддерживает «движение Сопrotивления в Румынии», «героическую борьбу советских людей против оккупантов»⁵⁷, что, по его мнению, «лишний раз свидетельствует о лживости утверждений относительно „освободительной“, „цивилизаторской“ миссии фашистской Румынии на территории СССР»⁵⁸. Рецензент также глубоко возмущён тем фактом, что «правители этой страны пытались „румынизировать“ и колонизировать советские территории между Прутом и Бугом методами насилия и террора, путём уничтожения и переселения части местного населения и превращения остальных жителей в даровую рабочую силу эксплуататоров». Более всего вызывает неприятие автора тот факт, что «эта политика предусматривала полную ликвидацию социалистической системы хозяйства и общественной собственности на орудия и средства производства»⁵⁹!

Всё это, хотя и косвенно, однако не менее убедительно доказывает «научную добросовестность» и «принципиальность» румынистов, а также «достоверность» их концепции. Да и уже известный нам Петренко – ученик и протеже Мошану – также успел сделать карьеру в советское время, пописать книжек о борьбе трудящихся под руководством коммунистов за светлое будущее⁶⁰ и уже в конце 80-х с гордостью написать в самой тогда проперестроечной (а сегодня прорумынской) газете, что является членом КПСС с 1981 года⁶¹.

Следует затронуть ещё один дискуссионный момент. Речь идёт об утверждениях некоторых румынских историков о том, что США и Великобритания будто бы поддержали Румынию в войне против СССР, однако «только до Днестра»⁶². Так, К. Хлихор пишет, что «в начале освободительного похода, предпринятого Румынией с целью освобождения захваченных летом 1940 г. территорий, как США, так и Англия, считали, что переход Днестра румынскими армиями поставит её в положение войны с ними. До Днестра, – заявил 18 июля 1941 г. Михая Антонеску* американский посол в Бухаресте Франклин Мотт Гюнтер, – румынская территория и война может считаться законной, а за ним это действие может иметь антианглийскую направленность. В августе 1942 г. американские аналитики пришли к выводу о необходимости принять русское требование касательно Бессарабии, но без Буковины»⁶³.

Трудно с ходу определить, чего в данной цитате больше: лжи или элементарного незнания. Во-первых, у Хлихора нет ссылок на архивы, а только на работы других румынских историков и на более раннюю свою. Но предположим, американский посол говорил на эту тему с румынским министром иностранных дел М. Антонеску. Где же тогда документальные свидетельства, подтверждающие его слова?

Но и это не всё, и здесь мы переходим ко второму моменту. Скорее всего г-н Антонеску (если информация о данном разговоре исходит от него) нагло врёт, а господа *хлихоры & К⁰* примитивно пересказывают его враньё, искажая истинное содержание состоявшегося разговора. Так вот, если современным румынским историкам неизвестна позиция США по бессарабскому вопросу, то «профессор международного права» Михай Антонеску не мог не знать, что США никогда не признавали аннексии Бессарабии Румынией и всегда считали её российской территорией⁶⁴. К тому же, данный деятель был главой внешнеполитического ведомства, поэтому даже без своего профессорства должен был знать об этом.

⁵⁴ См.: Лунгу В.Н., Мошану А.К. И.Э. Левит. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. (1.IX.1939 – 19. XI. 42). 1981; его же: Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19. XI. 42 – 23. VIII. 44). 1983. Кишинёв. Штиинца. // Вопросы истории, 1984, № 5. С. 125.

⁵⁵ Ibid. С. 126.

⁵⁶ Ibid. С. 125-126.

⁵⁷ Ibid. С. 126, 127.

⁵⁸ Ibid. С. 127.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Петренко А.М. Дезволтаря сочиал-економикэ ши политикэ а цэрилор сочиалисте ын аний 70–80. Курс де лекций пентру студений факултэций де историе. Кишинэу, Университатя де Стат «В.И. Ленин», 1989.

⁶¹ Literatura și Arta. 19 mai 1988.

⁶² Vezi: Hlihor C. 22 iunie 1941 sau 28 iunie 1940? // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 9-10. P. 1022-1026.

* Министр иностранных дел при Ионе Антонеску.

⁶³ Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10. P. 856.

⁶⁴ См.: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 189, 190, 191, 246, 247; Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale. P. 122; Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română, 1993, Nr. 9-10. P. 845, 846 и др.

Отсюда вытекает только один вывод: скорее всего такого разговора вообще не было, и это более поздняя выдумка румынских историков или мемуаристов.

Также маловероятно, чтобы американский посол Ф.М. Гюнтер не был знаком с позицией своей страны по бессарабскому вопросу. Кроме того, данная «информация» не подтверждается ни одним американским источником, не только официальным, но хотя бы неофициальным. И это не случайно, так как не мог Гюнтер высказывать тезис, противоречащий официальной позиции своего правительства.

Но предположим невозможное, допустим, такой разговор состоялся, и посол сказал министру то, о чём сообщает нам Хлихор. Даже в этом случае нет оснований утверждать, что США признавали право Румынии на захват Бессарабии. Абсолютно все существующие и дошедшие до нас официальные американские документы свидетельствуют только об одном – правительство США считало Бессарабию советской территорией. И если бы посол высказал противоположное мнение, он немедленно перестал бы быть послом, а превратился бы в частное лицо.

Столь же бредовым является и утверждение, что «в августе 1942 г. американские аналитики пришли к выводу о необходимости принять русское требование касательно Бессарабии, но без Буковины». Дело в том, что нет никаких документов, подтверждающих, что во время войны хоть на секунду изменилась позиция американского правительства в отношении Бессарабии. По Хлихору получается, что так и случилось. Однако это может быть лишь в поражённом примитивным национализмом мозгу румынистов. Опять вопрос – где документы?!

И третье – как вы думаете, уважаемые «учёные» (даже и без несуществующих на эту тему документов), если американцы считали Бессарабию советской даже в годы антисоветской интервенции и в течение 16 лет дипломатического непризнания, могли они «вдруг» изменить свою позицию, когда СССР стал их ближайшим и важнейшим союзником, и от него в решающей степени зависело дальнейшее существование США? Сразу после 22 июня в беседе замгоссекретаря С. Уэллеса с советским послом в Вашингтоне К. Уманским официально было заявлено, что «американское правительство считает СССР жертвой не спровоцированной, ничем не оправданной агрессии» и что отпор этой агрессии «соответствует историческим интересам Соединённых Штатов»⁶⁵. Такова была и позиция американских военных⁶⁶.

Что касается позиции английского правительства, достаточно хотя бы вспомнить слова У. Черчилля, высказанные в связи с нападением Гитлера на СССР: «Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги... Такова наша политика...»⁶⁷. Как же могли англичане в тех условиях поддерживать И. Антонеску, ближайшего союзника сумасшедшего фюрера? Перед тем, как нести бред, господа румынисты, вначале попробуйте думать, даже если вам и не хватает знаний.

В продолжение вышеизложенного, ещё один аспект проблемы – о будто бы отличных от Германии целях Румынии в войне, аспект, так старательно выводимый румынистами, и о том-де, что западные союзники не поняли этого. Так, тот же Хлихор пишет буквально следующее: «В Вашингтоне и Лондоне не поняли [выделено нами – С.Н.], что Румыния боролась вместе с Германией против Советского Союза, но их цели и интересы не совпадали»⁶⁸. Ниже наш автор открывает глаза «Вашингтону и Лондону» относительно реальных целей «борьбы Румынии рядом с Германией» – «для восстановления единства рода, а впоследствии она была вынуждена вести тяжёлую борьбу [против Германии] для того, чтобы сохраниться как государство»⁶⁹.

Уже через пару страниц мы «убедимся» в этом «несовпадении» между целями румынских и германских фашистов. Здесь же желаем лишь подчеркнуть следующее: румынским историкам-националистам кажется, что США и Великобритания должны были в ходе войны на первый план выдвинуть «цели и интересы» Румынии. Что это – «святая наивность»? Скорее всего, данное явление следует назвать иначе – примитивный румынизм. Что касается «восстановления единства рода», оно в 1941-1944 гг. реализовывалось посредством истребления кликой Антонеску сотен тысяч мирных граждан – евреев, молдаван, украинцев и др. Наверное *Hlihor & K⁰* «даже не подозревают» об этом... «Не знают» они и того, что союзники по антигитлеровской коалиции не преследовали целей в войне ликвидировать чью-то государственность, в том числе и румынскую. А фразы о том, будто после 23 августа 1944 г. Румыния продолжила борьбу, «чтобы сохраниться как государство», являются абсурдными, с научной точки зрения, и демагогическими, с политической. На деле огромную опасность существованию румынской государственности представляла гитлеровская Германия и проводимая кликой Антонеску антинациональная политика.

⁶⁵ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 45; смотри также: Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 348.

⁶⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 634, 635-636, 641.

⁶⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 170-172; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы. Т. 1. С. 513-514; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 91.

⁶⁸ Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roşie. Premise, etape, consecinţe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10. P. 857.

⁶⁹ Ibid.

Между прочим, высшее румынское руководство реально осознавало эту опасность, что подтверждается документально. Так, на заседании Совета министров от 17 марта 1942 г. М. Антонеску поучал своих подручных грабить всё на оккупированных территориях, «но без документов, для того, чтобы завтра русские не смогли достать эти документы и предъявить их нам за столом переговоров». А далее он заявил: «И не только русские. Даже если мы победим, наши союзники, чтобы поправить свои дела, заставят нас выплатить им военную контрибуцию»⁷⁰. Таким образом, уже весной 1942 г. окружение И. Антонеску не только не было уверено в победе Германии, но и осознавало, что Румыния является «союзником третьего сорта» («первым сортом» были японцы, «вторым» – итальянцы), которому в случае победы могли навязать военную контрибуцию как стране враждебной и побеждённой.

В этой связи уместно вспомнить установку, данную Гитлером руководству Третьего рейха в отношении румынского сателлита. О ней не мешало бы знать «национально озабоченным» апологетам «нерушимой дружбы» двух фюреров и союзнических отношений гитлеровской Германии и антонесковской Румынии. На совещании 16 июля 1941 г. в узком кругу своих приближённых Гитлер заявил: «В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и, соответственно этому, мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательности третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией»⁷¹.

О позиции ведущего молдавского историка румыно-унионистской ориентации. Анатолий Петренко, осуществив в одной из своих работ анализ советской историографии, резко критикует позицию известного молдавского историка И. Левита, обвинив его в фальсификации исторического прошлого и этим отрицая массовое уничтожение мирных советских граждан на оккупированных румынами территориях. Петренко пытается иронизировать на счёт Левита: «в Бессарабии будто бы установился ад: румынская администрация более ничего не делала, кроме как убивала, пытала и издевалась над бессарабским населением... Для доказательства своей правоты И. Левит говорит о строительстве гетто и концлагерей в Кишинёве, Дубоссарах и др.»⁷². Получается, что г-н Петренко отрицает феномен катастрофы на оккупированных территориях.

И ещё одна историографическая жемчужина «от Петренко». Обвинив исследователя Д. Дорона, он пишет: «Эти утверждения автора являются, по нашему мнению, неубедительными, необоснованными и без соответствующих ссылок. В книге много и других безосновательных утверждений, неточностей»⁷³. Чья бы корова мычала! Конечно, это предмет другого разговора, однако в книгах и учебниках Петренко содержатся десятки и сотни «безосновательных утверждений и неточностей». Укажем только на некоторые из этих кричащих несуразностей и только из одного его учебника для русских школ⁷⁴. Право, большинство из них слишком уж примитивно-безграмотны. Так, на 58-й странице этой книжечки можно прочесть, что «во второй половине 1930-х годов возникает ещё один очаг войны – на этот раз в Европе». Уважаемый г-н профессор, очаг второй мировой войны возник в Европе ещё в первой половине 1930-х гг., вскоре после прихода Гитлера к власти, и об этом должны знать не только школьники, но также и доктора-профессора, которые пишут для них «учебники».

Там же узнаём, что «в 1938 г. Гитлер потребовал от правительства Чехословакии возвращения Судетской территории». Во-первых, он «потребовал» не «возвращения», а её аннексии, т.к. даже Гитлер знал, что Судетская область (а не «территория») никогда не была в составе Германии; а во-вторых, и Вам, г-н Петренко, также следовало бы знать об этих вещах, ведь Вы же профессор новейшей всеобщей истории. Необходимо было бы знать и о том, что советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. не имел характера «союзнического договора»⁷⁵. Во всяком случае, читая внимательно документ, не найдём даже намёка на союз. Хотя Вам (но никому более) позволительно говорить, что угодно! На 63-й странице узнаём, что «во второй мировой войне произошёл коренной поворот». Господин Петренко, «повороты» совершали каруцы Антонеску, а в ходе войны произошёл «коренной перелом».

На странице 68 именитый историк (работа которого по новейшей истории⁷⁶, насчитывающая более 70 фактологических ошибок и множество концептуальных несуразностей, была признана «книгой 1995 года» в Румынии) открывает нам, неразумным, сенсационную новость: «Войска нацистской Германии... оккупировали... восточные области Российской Федерации». Т.е., – дальневосточные? Феноменаль-

⁷⁰ Procesul lui Ion Antonescu. P. 320.

⁷¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. М., 1958. С. 582.

⁷² Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 38.

Правда, в этом он далеко не одинок. Так, другой его коллега, на этот раз из Румынии, пишет: «По нашему мнению, исходя из сегодняшней степени изученности данной проблемы, нельзя утверждать о Холокосте евреев в Румынии». // Pop Gr. T. Holocaust al evreilor în România? // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 11. P. 14.

⁷³ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 49.

⁷⁴ Всеобщая история. 1918-2001. Учебник для IX класса. Știința, 2001.

⁷⁵ Ibid. P. 60.

⁷⁶ Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. Chișinău, 1995.

но! Выходит, что танки Гудериана наступали не только с Запада, но и из Маньчжурии... Интересно, автор хотя бы читает то, что пишет? Или он руководствуется принципом: «Цюкця не читатель, цюкця писатель»? На той же злополучной 68-й странице допущена ещё одна нелепость: «Победа способствовала созданию антигитлеровской коалиции». Г-н профессор, «спаситель отечества» и обожатель друга Гитлера Антонеску, даже Вам следовало бы знать, что к этому времени коалиция уже была создана, а победа лишь консолидировала её. На одной странице машинописного текста допускаете 4-5 ошибок! И так во всех Ваших «бестселлерах».

Этого столь «известного» профессора можно сравнить с самой матушкой-императрицей Екатериной Второй, которая в слове из трёх букв делала четыре ошибки: «ещё – исчо». Мы уж умалчиваем о том, что столь «маститый учёный», даже став профессором, не знает о «линии Керзона», о «ленд-лизе», не понимает историческую терминологию и ещё многое. Более того, даже исправленные, не без нашей бескорыстной помощи, ошибки он повторяет в следующих изданиях. Это совсем простые вещи, однако преодолеть их уважаемый профессор, по всей видимости, не в состоянии. Как же могут эти полуграмотные бедолаги, «белые снаружи и красные изнутри» (выражаясь словами великого Йорги), принять замечания тех, кого они подвергли оскорблениям и клевете в своих статьях?

Часто в исторических трудах посткоммунистического периода присутствует молчаливое одобрение лозунгов типа: «Да здравствуют наши союзники и великий вождь Германии Адольф Гитлер!»⁷⁷, «Да здравствует румынская и немецкая армии!», «Да здравствует король Михай и канцлер Гитлер!», «Долой жидов и коммунистов!»⁷⁸. В этих работах предпринята попытка обелить политику румынской администрации в оккупированных провинциях в 1941-1944 гг. и, в первую очередь, по отношению к нашим согражданам еврейской национальности (хотя тут же оговоримся, что насилию и убийствам были подвергнуты далеко не только евреи).

Партизаны, боровшиеся с фашизмом (и защищавшие «жидов»), квалифицируются не иначе как террористы⁷⁹, национальные меньшинства названы «пятой колонной»⁸⁰, утверждается, что «режим Антонеску являлся современной (читай: цивилизованной – С.Н.) диктатурой, толерантной по отношению к демократической оппозиции»⁸¹. Власовцев – этих русских нацистов и предателей – наш «объективный и нетенденциозный историк»⁸² называет не иначе, как «освободительной армией»⁸³, игнорируя тот факт, что они совершили тягчайшие преступления не только против своего народа, но и участвовали в карательных экспедициях против польского, чешского, французского и других народов. Более того, на советско-германском фронте эти изверги не воевали, т.к. гитлеровцы не доверяли им, а были использованы на Западном фронте в борьбе с англо-американцами. По всей видимости, этим «защищали европейскую демократию»? В странах Западной Европы после войны подобные Власову «герои» были осуждены и приговорены к различным срокам заключения, а многие – к высшей мере через повешение, как, например, Квислинг в Норвегии или Лаваль во Франции.

Политика румынских властей на оккупированных территориях. Для лучшего понимания вопроса напомним, что в административном отношении Молдова, а также ряд оккупированных областей Украины, находившихся в ведении Румынии, были разделены на три губернаторства: Бессарабия, Буковина и Транснистрия*. «Спешу сообщить Вам, – заявил 3 июля 1941 г. на заседании правительства М. Антонеску, – что г-н генерал Антонеску считает, что национальное очищение, которое следует про-

⁷⁷ Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 59.

⁷⁸ Ibid. P. 63; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 92.

⁷⁹ Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 49, 70; Petrencu A. Basarabia în al doilea război. P. 98, 99.

Правда, следует отдать должное этому автору – он не одинок в своих утверждениях. Так, румынский историк А.Д. Дуцу называет партизан «подрывными элементами, организовавшими и исполнившими многочисленные акты агрессии против румынских войск». А взрыв румынской комендатуры 22 октября 1941 г. в Одессе данный историк называет «террористическим покушением». // Duțu A.D. De la Nistru spre Volga și Caucaz. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 31, 32.

По мнению подобного рода «историков проевропейской ориентации» и «проевропейских кандидатов в президенты РМ» выходит, что не Гитлер и Антонеску являлись агрессорами и террористами, а те, кто оказывал им сопротивление.

⁸⁰ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 60.

⁸¹ Ibid. P. 395; Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 31.

⁸² Именно так именует себя сам г-н Петренко, правда, при этом не упоминает, что много лет возглавляемая им «Ассоциация историков Республики Молдова» ежегодно получала от румынского правительства десятки тысяч долларов, а сам «непримиримый борец с коррупцией» выступает за ликвидацию независимого молдавского государства и его присоединение к Румынии. Только в 2006 г. сумма этих субсидий на «объективные и нетенденциозные» исследования достигла почти 94 тыс. \$. // См.: Moldova Suverană, 2007, 15 martie.

⁸³ Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. P. 30-31.

* Территория Буго-Днестровского междуречья (Одесская область и юг Винницкой области), в 1941-1944 гг. находившаяся под румынской оккупацией и получившая это название – «Заднепровье».

вести в Бессарабии, вынуждает нас осуществить на время тотальную изоляцию Бессарабии и Буковины от остального Королевства... По этой причине юридический режим Бессарабии и Буковины будет совершенно отличным»⁸⁴.

Молдавская республика оказалась расчлененной на две части, искусственно изолированные друг от друга проведенной по Днестру границей, вдоль которой были выставлены румынские пограничники⁸⁵. 19 августа 1941 г., И. Антонеску издал Декрет №1, по которому территория между Днестром и Бугом перешла в подчинение румынской администрации во главе с Алексяну⁸⁶. Вот что пишет об этом палаче один из апологетов румынского фашизма О. Веренка: «Г. Алексяну был блестящим представителем всех достоинств нашего рода – необыкновенная работоспособность, выдающиеся организаторские и административные способности, человеческая доброта и благородство в отношении местного населения... Все административные и экономические меры, задуманные и осуществлённые за Днестром, доказывают полные человеческого сострадания мысли и свершения профессора Г. Алексяну по отношению к местному населению»⁸⁷. По всей видимости, тот факт, что на подведомственной ему территории было истреблено более 300 тыс. человек, никак не умаляет его «человеческой доброты и благородства»...

В отличие от Бессарабии и Северной Буковины, Транснистрия формально в состав румынского государства не входила. Однако в ходе войны против СССР её аннексия стала одной из главных целей политики правящей фашистской клики во главе с И. Антонеску. На Нюрнбергском процессе последний свидетельствовал, что «Гитлер... указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории, вплоть до Днепра»⁸⁸. Правда, в наши дни находится немало историков, пытающихся доказать обратное, будто бы «румынское государство не намеревалось аннексировать Транснистрию» и целью его было обеспечить «охрану порядка и безопасности на территории между Днестром и Днепром»⁸⁹, «что нельзя приписать Маршалу Антонеску эпитет „завоевателя“, поскольку отсутствовало действительное намерение присвоить Транснистрии статус „окончательного завоевания“ в конце войны. Документы... доказывают обратное, что обустройство и управление этой территорией имели в планах руководителя государства лишь временный характер»⁹⁰. «С политической точки зрения, – пишет О. Веренка, – никто никогда и не думал присоединять эту территорию к Румынии, Транснистрия оставалась лишь временно оккупированной территорией»⁹¹. Хотя, если «эта территория [так] и осталась лишь временно оккупированной», заслуга в этом принадлежит исключительно Красной Армии.

Вот мнение И. Антонеску, которое он недвусмысленно изрёк на заседании правительства 26 февраля 1942 г., когда ещё был убеждён в поражении СССР: «Не секрет, что я не склонен упустить из рук то, что приобрёл, Транснистрия станет румынской областью, мы её сделаем румынской, выгнав оттуда всех чужих... Мы должны создать (жизненное – С.Н.) пространство для румын, т.к. румыны не могут себя прокормить»⁹². Разве слова маршала не являются убедительным свидетельством того факта, что некоторые современные историки пытаются внушить нам определённые ложные послылы?

А во время судебного процесса над Ионом Антонеску общественный обвинитель задал вопрос обвиняемому, не «отдавал ли он приказа Алексяну подготовить эксплуатацию Транснистрии в течение двух миллионов лет?», – на что Антонеску ответил, что, «может быть, и отдал такой приказ»⁹³. И далеко не самым важным в ответе бывшего диктатора было непонимание им того, что «через 2 миллиона лет» не будут существовать нынешние государственные образования и даже человек как биологический вид за это время изменится настолько (с условием, что не найдутся вновь «любители» типа, Гитлера, Антонеску & К⁰, которые попытаются уничтожить его во имя своих сумасшедших «идей» о превосходстве или неполноценности одних человеческих рас в сравнении с другими), что Антонеску к тому времени окажется ближе к питекантропу, чем к нашим потомкам.

Простим маршалу элементарное незнание учения Дарвина. Гораздо важнее является другое – он ни на минуту не сомневался в необходимости «румынизировать» Транснистрию, а через определённое время нашлись бы «историки», которые «доказали» бы, что эта территория «является древнейшей ру-

⁸⁴ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 260.

⁸⁵ Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. Кишинев, 1970. С. 158; Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria. P. 367.

⁸⁶ См.: Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С. 171; Verenca O. Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944. Buc., 2000. P. 57; Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria. P. 368; Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 246.

⁸⁷ Verenca O. Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944. P. 165-166.

⁸⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 689.

⁸⁹ Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 246, 247.

⁹⁰ Ibid. P. 252.

⁹¹ Verenca O. Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944. P. 89.

⁹² НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 568. Л. 166.

⁹³ Procesul lui Ion Antonescu. Buc., 1995. P. 69.

мынской землёй» и даже жившие на ней неандертальцы уже знали об этом. По-видимому, «2 миллиона лет» означали «в планах руководителя государства лишь временный характер». Говаривал же в своё время кумир Гитлера прусский король Фридрих II, что «если вам нравится чья-нибудь провинция, берите её, всегда найдётся достаточное число историков и юристов, которые возьмётся доказать, что вы имели на неё исторические права».

По поводу захватнических планов «кондуктёра» в отношении буго-днестровского междуречья румынский историк Фл. Константиу писал, что И. Антонеску хотел заполучить «территорию между Днестром и Бугом – названную впоследствии Транснистрией – ещё до вступления Румынии в войну и до беседы с Гитлером 12 июня 1941 г. За день до этого Антонеску говорил румынскому послу в Берлине Раулю Босси, что знал от генерала Хансена о готовящейся германо-советской войне и, кроме возврата похищенных в июне 1940 г. СССР территорий, „движется как можно дальше на Восток“, о чём заявит и Гитлеру на следующий день: „...Буг должен стать нашей границей,.. для включения в состав страны румынской массы из бывшей молдавской советской республики и получения крупного одесского порта. И, очистив это пространство от жидов и русских, инициируем дипломатическое наступление за возврат утраченной Трансильвании“. Т.к. границы были подвинуты войной, Антонеску вспомнил и про обещания, данные Антантой И.К. Брэтиану по поводу всего Баната. Генерал... планировал получить в итоге и сербский Банат... Михай Антонеску, как всегда лишённый меры, возжелал, чтобы Румыния заполучила и Покутье!»⁹⁴. Из вышеизложенного вытекает, что «маршал» намеревался захватить не только Транснистрию, но и другие нерумынские земли.

Если говорить о побудительных мотивах и истинных целях румынской военщины, то вполне уместно процитировать октябрьский 1941 г. номер румынской газеты «Буковина», вся первая страница которой была посвящена боям за Одессу: «Храбрые солдаты короля идут с мудрым паролем маршала и правителя государства на устах: „Кто владеет Одессой, тот владеет Чёрным Морем“. Южный портовый город красотой может поспорить с Парижем, а значением с Нью-Йорком. Англичане спрашивают нас по радио: „Что вы ищете за Днестром и в Одессе, это же чужая земля!“ На это мы отвечаем словами нашего маршала: „Мы ищем то же самое, что искали англичане, захватывая африканские колонии. С той лишь разницей, что Англия – полудикарская страна, которую интересуют только жратва и рабы“»⁹⁵. Что бы сказали на это наши поборники европейских ценностей и, одновременно, поклонники Иона Антонеску?

Естественно, что для достижения целей «румынизации» Буго-Днестровского междуречья были назначены румынские чиновники, о которых историк А. Морарь пишет: «Это были высокообразованные люди, прекрасные организаторы, преданные делу нации, демократии и гражданскому праву»⁹⁶. Воистину, язык без костей! Однако, став профессором, человек должен отвечать за свои слова. Как всё-таки понимать определение «прекрасные организаторы»: в том смысле, что прекрасно выполнили свой долг, создавая концентрационные лагеря и гетто для сотен тысяч мирных граждан? По всей вероятности, для этого не требуется слишком большого образования – копируй лишь то, что до тебя сделали Сталин или Гитлер, и в этом весь труд... А что подразумевает автор под «преданностью делу нации»? Как все знают, фактически, это означало истребление людей другой этнической принадлежности. Не уверен, что следует продолжать мучить бедного профессора вопросами, что означает «преданные демократии и гражданскому праву», слова, сказанные о тех «патриотах», которые планировали и осуществляли геноцид. Лучше спросить «учёных мужей» – господ Мораря и Петренко, как понимать нам, грешным, слова их идола об Англии, как о «полудикарской стране»?

3. Истребление мирных граждан Молдовы и Украины

Политические решения по «этническому очищению румынского рода». Геноцид, вне зависимости от национальной принадлежности его жертв, осуществлялся в порядке политики «румынизации и колонизации». Как указывалось в одном из официальных отчётов Военно-гражданского кабинета для управления Бессарабией, Буковиной и Транснистрией (КББТ), «кардинальной задачей политики правительства является румынизация отвоёванных провинций»⁹⁷. На уже отмеченном заседании румынского правительства от 26 февраля 1942 г. «кондуктёр» подчёркивал, что «интересы страны и мой собственный состоят в том, чтобы все те, которые желают покинуть её, покинули, т.к. я желаю воссоздать чистый стол для румынского народа и вычистить густым гребнем всех чужаков из Румынской страны»⁹⁸.

⁹⁴ Constantiniu Fl. O istorie sinceră... P. 406; о встрече Гитлера с Антонеску и о информировании последнего о планах нападения на СССР см. также Duțu A. Locul nostru în război. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6. P. 25.

⁹⁵ Цит. по: Нам не забыть Вас, ребята! Комсомольско-молодёжное подполье в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 120.

⁹⁶ Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria. P. 368.

⁹⁷ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 566. Л. 54; Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. С. 158.

⁹⁸ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 566. Л. 51.

Насилие и издевательства, пытки и убийства мирных граждан были жестоки до бесчеловечности⁹⁹. Прибыв 17 июля 1941 г. в Бельцы, И. Антонеску распорядился малейшее сопротивление со стороны населения карать расстрелом, имена расстрелянных обнародовать, население Бессарабии подвергнуть проверке, а подозрительных и тех, кто высказывается против румынских властей, уничтожать¹⁰⁰. В тот же день он отдал указание «согнать» всех евреев в лагеря и отправить их на левобережье Днестра для использования на работах без оплаты¹⁰¹. В июле 1941 г. в Бельцах были убиты 1788 чел., а примерно 10-12 тыс. депортированы в Транснистрию, где и погибли¹⁰². Этим массовым убийствам нашлось и определение – «*purificare etnică*» («этническое очищение», «чистка»). «Кондуктор» объяснил сущность этой политики на заседании Совета по снабжению¹⁰³.

Ещё 8 июля 1941 г. на заседании румынского правительства ближайший к фашистскому диктатору человек заявил, что он, «профессор» Михай Антонеску, стоит за насильственную миграцию всех евреев: «Рискуя быть непонятым некоторыми традиционалистами, я выступаю за насильственную миграцию¹⁰⁴ всего еврейского элемента из Бессарабии и Буковины, элемента, который следует выбросить за границу». По его мнению, это был главный путь к решению еврейской проблемы. «Также я за насильственную миграцию украинского населения... Меня не волнует, войдём ли мы в историю как варвары... Если нужно, стреляйте из пулемёта»¹⁰⁵. Этому «беспредельщику» в тот момент казалось, что всё дозволено: «Не знаю, в какие ещё века румынский род получит возможность полной свободы действий, с возможностью осуществления этнического очищения... Не существует в нашей истории более благоприятного момента, более продолжительного, более свободного, для полного этнического раскрепощения, для национального пересмотра и для очищения нашего рода»¹⁰⁶.

Но, естественно, столь «учёный профессор» озвучивал не просто своё частное мнение. Это была линия Иона Антонеску, выражавшая стратегическое направление его внутренней и внешней политики. На заседании правительства 6 октября 1941 г. «кондуктор» отмечал, что «исключил жидов и медленно, медленно вытесню и остальных чужаков... Моей целью является политика очищения румынской расы, и я не думаю отступать ни перед каким препятствием на пути реализации этого исторического устремления нашего рода. Если не воспользуемся сложившейся сегодня международной и европейской ситуацией для очищения румынского рода, упустим последнюю возможность, предоставленную нам историей. И я не хочу её упускать, т.к., если упущу, буду проклят будущими поколениями. Могу вернуть в лоно Родины-Матери и Бессарабию, и Трансильванию, однако, если не очищу румынский род, то ничего не сделаю, т.к. не границы определяют силу рода, а расовая однородность и чистота. И именно этого я добиваюсь в первую очередь»¹⁰⁷.

⁹⁹ См: Обвинительное заключение по делу о зверствах и злодеяниях немецко-румынских захватчиков на территории Молдавской ССР. // Советская Молдавия, 7 декабря 1947 г.; НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 7, 16, 39; НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 10-11(об.), 12, 14, 43, 59, 67-69, 119-121, 150-150(об.), 162-162(об.), 169, 176-176(об.); НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 31. Л. 2; АОПОРМ. Ф. 51. Оп. 2. Д. 49. Л. 76, 128; АОПОРМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 718. Л. 13, 19, 22; *Procesul lui Ion Antonescu*. P. 38-39, 41, 42, 43, 44, 45-50, 67, 82, 189, 191, 322, 323, 365, 368-370, 372-390; Архив СИБ РМ. Д. 17349; Архив СИБ РМ. Д. 020940; Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг., 1997; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 19-26, 30-33, 71-89, 91-118, 212-281 и др.

¹⁰⁰ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 523. Л. 41; НАРМ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 445. Л. 14.

¹⁰¹ НАРМ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 445. Л. 15; Пилат И.Н. Из истории еврейства Молдовы. Кишинёв, 1990. С. 56; Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне. С. 172.

¹⁰² Память бессмертна. Кишинев, 2000. С. 165.

¹⁰³ *Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană*. Buc., 2002. P. 37.

¹⁰⁴ Надо иметь в виду, что румынские нацисты, хорошо знакомые с практикой своих германских собратьев по палаческому ремеслу, переняли у последних также и кокетничанье с терминологией. В документах гитлеровцев употребляется специальный эвфемистический жаргон. Довольно редко, например, встречалось слово «уничтожение» – сплошь и рядом речь идёт об «особом обращении». Вы не найдёте выражения «расстрелять всех» – зато натолкнётесь на учёное выражение «пацифицировать» (умиротворить). Различные инстанции Третьего рейха немало преуспели в поисках канцелярских терминов для сокрытия процесса уничтожения людей. Только в самых секретных документах употреблялись слова «ликвидировать» или «подвергнуть экзекуции». Докладывая о расстрелах, комендатуры рапортовали: «переселено» или «подверглось обращению, соответствующему директивам» столько-то лиц. Местная немецкая комендатура г. Тирасполя, уничтожив с 29 сентября по 3 октября 1941 года 682 человека, так доложила об этом: «682 гражданских лица оформлены». // См. Безыменский Л.А. Разгаданные загадки Третьего рейха. С. 260.

¹⁰⁵ См.: *Procesul Marii Trădări Naționale*. P. 35; *Procesul lui Ion Antonescu*. P. 42; *Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”*. P. 29; *Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii*. P. 141; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Т. 2. Кишинев, 1976. С. 35; Пилат И.Н. Из истории еврейства Молдовы. С. 56; Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне. С. 172; *Mezincescu E. Mareșalul Antonescu și catastrofa României*. P. 108.

¹⁰⁶ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. P. 266-267.

¹⁰⁷ *Ibid.* P. 326-327; см. также P. 328; *Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană*. P. 37.

Полностью поддерживала политику «маршала» и правящая клика Румынии. Так, в письме от 12 декабря 1942 г. на его имя, руководитель ведомства румынизации и колонизации Румынии писал, что «с точки зрения национальных интересов» необходимо, в первую очередь, удалить украинское население¹⁰⁸. «Человечный и добродетельный» губернатор Александру также имел свой план колонизации т.н. «Транснистрии», состоящий в «очищении» приднестровских сёл от «иногородцев» для приёма колонистов из числа фронтовиков¹⁰⁹. Михай Антонеску, как мы убедились выше, видел себя «спасителем румынского рода» за счёт истребления других народов.

Этот «гуманист» озвучивал следующие «спасительные» рецепты: «Сладостной, мягкотелой, философской человечности здесь нет места. Поэтому следует использовать сей благоприятный исторический момент и очистить румынскую землю и нашу нацию от всех бедствий, свалившихся на нас в течение веков. Даже и заблудшие или охваченные анархией румыны будут беспощадно уничтожены. Следует быть безжалостными к ним. Беру на себя всякую формальную ответственность... Утверждаю, что нет законов. Т.о., действовать следует без рамок, в условиях полной свободы»¹¹⁰. Как видим, и второй Антонеску был любителем «пострелять из пулемёта». Что же это, если не расовая ненависть?! И всё это не просто голые фразы, случайно брошенные какими-то частными, безответственными лицами, изолированными в пансионате для душевнобольных. Это стало основой политики румынского государства в период между 1941-1944 гг. и стоило сотен тысяч человеческих жизней.

Достижение этнической однородности посредством «перевода» за границу национальных меньшинств и заселения румын из соседних стран являлось основной заботой румынского правительства того времени. В этом смысле были предприняты «эффективные» меры и разработаны соответствующие материалы по данному вопросу. Самым значимым оказался проект Сабина Манулэ, генерального директора Центрального статистического института, составленный 15 октября 1941 г. в виде меморандума на имя маршала Иона Антонеску. В документе предлагалось депортировать все этнические меньшинства Румынии посредством договоров с соседними странами об обмене населением. Для евреев и ромов, которые не имели своих государств, предполагалась «односторонняя эвакуация», что означало их насильственное выселение из страны¹¹¹. Территорией, на которой румынское правительство могло реализовать всё это, было Буго-Днестровское междуречье. Политика депортации евреев и цыган в Транснистрию в 1941-1942 гг. явилась именно элементом «этнического очищения». Однако даже реализация подобных бесчеловечных проектов предварялась массовыми убийствами еврейского населения, начавшимися сразу же после оккупации края.

Приведём ещё несколько примеров того, как «освободители»... «освобождали». В настоящее время, начиная с Нюрнбергского трибунала, за такие «благородные дела», называемые «этническими чистками», судят как за военные преступления и за преступления против человечности¹¹². Так, например, 2 июля 1941 г. на совещании с будущими губернаторами Бессарабии, Буковины и Транснистрии, вице-председатель Совета министров Михай Антонеску заявил, что эти провинции «будут подвергнуты совершенно иному режиму, свободному от всех чужеродных проникновений,... т.к. то, что Вам следует знать – это тот факт, что первой фазой этой политики и реорганизации станет очищение этих провинций. Они должны быть и оставаться румынскими провинциями... здоровой биологии... посредством этнической реальности населения, проживающего в этих провинциях. Таким образом, первая фаза – это фаза всеобщего очищения»¹¹³.

А министр сельского хозяйства генерал И. Сикитиу заявил, что «нет другого средства избавиться от этих клопов, кроме как сжечь их дотла»¹¹⁴. И губернаторы не теряли зря время – в течение года «очистили» от сотен тысяч «мерзавцев» („lifte” – как называл И. Антонеску представителей национальных меньшинств¹¹⁵) и «клопов» территории, порученные их «заботам». А оставшуюся «бесхозной» собственность („proprietățile vacante”), ставшую «вакантной» после уничтожения «клопов», следовало «распределить» только «на основе национальных, этнических критериев», заявил 3 июля на заседании правительства М. Антонеску¹¹⁶.

Начало массового истребления мирных советских граждан на оккупированных территориях.

Буквально в первые дни войны деятельность оккупационных властей и коллаборационистов была направлена на подавление сопротивления населения захваченных областей методами насилия и террора.

¹⁰⁸ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1123. Л. 388.

¹⁰⁹ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 564. Л. 27.

¹¹⁰ Procesul lui Ion Antonescu. P. 387.

¹¹¹ См.: Achim V. The Romanian Population Exchange Project Elaborated by Sabin Manuilă in October 1941. // Annali dell'Istituto storico italo-germanico in Trento, XXVII, 2001. P. 593-617.

¹¹² См. Нюрнбергский процесс. Т. 4. М., 1959. С. 655-733; Т. 7. М., 1961. С. 307-541.

¹¹³ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 258-259.

¹¹⁴ Ibid. P. 265.

¹¹⁵ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 566. Л. 54.

¹¹⁶ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 260.

На заседании Совета министров от 29 июля 1941 г. адмирал Паис предложил: «Следует ввести виселицу. Она лучше видна и более впечатляющая, чем расстрел». На это вице-премьер М. Антонеску ответил: «Уверяю Вас, что уже думал над этим»¹¹⁷, – будто больше не о чём было и думать. «Это средство является традиционно румынским, и мы обязательно прибегнем к нему», – подчеркнул вице-премьер¹¹⁸. На этот раз не согласимся с мнением «профессора» ибо, совсем не уверены, что эти средства являются традиционно румынскими и что румынский народ постоянно прибегал к этой страшной мере. Эта «традиция» существовала разве что в воспалённых мозгах нацистских палачей, включая Антонеску & К⁰.

Массовые убийства еврейского населения начались в десятках и сотнях молдавских сёл и городов уже в первые дни после их оккупации румынской и немецкой армиями-«освободительницами»¹¹⁹. Как информировал французский консул в Галаце Габриэль Ришар посла Франции* в Бухаресте, сразу же после форсирования «освободителями» Прута «еврейское население некоторых бессарабских городов, в особенности Измаила, было немедленно истреблено с приходом румынских войск. Мне дали понять, что в настоящее время в Бессарабии осуществляется коренная чистка еврейского элемента»¹²⁰. В Кишинёве 19 июля 1941 г. во дворе сельхозинститута было расстреляно около 400 граждан, большинство – еврейской национальности¹²¹. В Кишинёве в первые дни оккупации людей убивали на улицах, женщин насиловали, детей кололи штыками. Сотни трупов выбрасывали на улицу на растерзание собакам¹²². Вспомним в этой связи слова диктатора: «Если евреи в Стране Румынии ещё живут, то живы исключительно благодаря Маршалу Антонеску!»¹²³. Верх цинизма и фарисейства!

В первые же дни после занятия Единец румынские солдаты расстреливали целые еврейские семьи как в домах, так и прямо на улицах города. Всего, по данным чрезвычайной комиссии, были убиты 1013 человек¹²⁴. В Бельцах, уже после освобождения, из одной могилы-захоронения было извлечено большое количество камней, имевших на стороне, соприкасающейся с останками убитых, черно-багровые пятна. Это указывает, что камнями добивали жертвы, ещё подававшие признаки жизни. По установленному комиссией следственным материалам, убитые были исключительно евреи¹²⁵.

На окраинах с. Климауцы Атакского района в пяти могилах были захоронены 540 человек, пригнанных из Бричанского и Единецкого районов. Все расстрелянные были беспартийными и по национальности евреями. По показаниям свидетелей, а также медицинской экспертизой было установлено, что расстрел сопровождался избиением и страшными пытками со стороны фашистских палачей, у трупов обнаружены переломы черепов, реберных и берцовых костей¹²⁶. Одновременно из г. Атаки и Атакского района были угнаны в неизвестном направлении 1263 человека¹²⁷.

В июне 1941 г. в селе Скуляны Унгенского района румынские солдаты забрасывали гранатами подвалы, в которых прятались еврейские семьи. Оставшихся в живых 400 евреев переправили за Прут и около румынского села Стынка расстреляли. Предварительно их подвергли страшным издевательствам: раздели донага, избили и заставили бегать босиком и ползать по колючкам. Мучители-«освободители» наблюдали и смеялись, видя как евреи, доведённые до полного изнеможения, обливаются кровью. В конечном итоге, перед расстрелом этих несчастных заставили вырыть себе могилу¹²⁸. В июле возле Скулян жандармы расстреляли ещё 12 евреев на берегу р. Прут и сбросили их трупы в реку. В этом «подвиге» «освободителям» помогали местные кузисты¹²⁹.

С первых же дней оккупации Леово сюда пришли и карательные органы румынской власти. Еврейское население выгоняли из домов и группами этапировали под усиленным конвоем пешком, будто бы

¹¹⁷ Procesul lui Ion Antonescu. P. 323.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Подробно об этом см.: Назария С. Холокост: страницы истории. С. 83-206.

* Вишистской Франции.

¹²⁰ Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. P. 305.

¹²¹ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 121; Магдер Т. Холокост. С. 28; Фингурт И. Обречённые. Кишинев, 1994. С. 9-10, 176, 177.

¹²² Дорон Д. Кишинёвское гетто – последний погром. Кишинев, 1993. С. 142-143.

¹²³ См. Antonescu Mareșalul României și războaiele de reintegrare. Mărturii și documente. Venezia, 1991. P. 446.

¹²⁴ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 13.

¹²⁵ Акт Комиссии гор. Бельцы по расследованию злодеяний, совершённых немецко-румынскими захватчиками. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 33, АОПОРМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 58.

¹²⁶ Акт Комиссии Атакского р-на по расследованию злодеяний, совершённых немецко-румынскими захватчиками, от 11 мая 1945 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 27.

¹²⁷ Акт Комиссии Атакского р-на по расследованию злодеяний, совершённых немецко-румынскими захватчиками. // АОПОРМ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 33.

¹²⁸ Архив СИБ РМ. Д. 2374. Л. 14, 26, 34, 53, 66, 85-85(об.), 88, 89, 91, 97, 100, 122, 123, 128, 133, 134, 143, 148, 255, 267, 288; Архив СИБ РМ. Д. 6224. Л. 203-204, 205-206, 206-207, 208-209, 211-212, 212-213, 271 (2).

¹²⁹ Архив СИБ РМ. Д. 2374. Л. 254(об.), 255, 287-288; Архив СИБ РМ. Д. 6224. Л. 38-40, 41-42, 44-45, 47-48, 51-52, 54-55, 57-58, 61-62, 65-66, 69-70, 84-85, 86-88, 90-92, 95-96, 100, 102-104, 108, 113-117, 119-121, 126-127, 131-133, 136-138, 141-142, 146-147, 158-159.

на Кишинёв. Так были изгнаны из Леово 360 семей, всего – 1558 человек¹³⁰. Что с ними стало, никто не знает. В селе Казанжик Леовского района румынскими властями были арестованы все 106 евреев – от мала до велика. Издевательства, глумления и расстрелы шли по хорошо апробированному и отработанному методу. Три мерзавца: лейтенант Г. Стэнкулеску, капитан В. Бэлэнеску и лейтенант И. Ионеску выбрали из числа арестованных 8 еврейских молодых девочек и двое суток насиловали. После этого всё еврейское население было направлено через город Леово в неизвестном направлении. Арестованных стариков Маркович – Якова 78 лет и Шатка 73 лет – ввиду старости не способных идти этапом, расстрелял в поле Ионеску Ион. Ни один человек, угнанный из села Казанжик, на своё прежнее место жительства не вернулся¹³¹.

В г. Резине каратели, при содействии своих пособников, согнали в конюшню около 600 человек, расстреляли 350, остальных сожгли в печи для обжига извести, а останки сбросили в Днестр. Красивых женщин перед убийством румыны насиловали¹³². Уже после освобождения края, на следствии, один из активных пособников нацистов, некий П.Е. Сергиенко, давая показания, свидетельствовал, что еврейское население г. Резины уничтожалось по приказу жандармского офицера Попеску. Первоначально, когда в город вступили румынские войска, евреев стали убивать прямо в их домах, на улице и на базаре. Попеску приказал собрать всех пока ещё живых советских граждан еврейской национальности за городом на бойне и там уничтожить¹³³.

Всего на бойню было согнано примерно 500 человек¹³⁴. Еврейское население собирали по городу три дня, а на четвёртый начались расстрелы¹³⁵. В грудных детей и подростков также стреляли. Сначала выстреливали в спину матери, у которой имелся на руках грудной ребёнок, она падала, и после этого убивали ребёнка¹³⁶. Около леса, на расстоянии менее километра от бойни, была вырыта яма 10х5х2 м, возле которой людей расстреливали, а затем закапывали¹³⁷. Раненых солдаты достреливали из винтовок¹³⁸. Вот, что говорилось в показаниях по этому поводу уже упомянутого П. Сергиенко: «Когда убитая женщина падала, а грудной ребёнок оставался лежать живым около груди матери, то его румынские солдаты прикалывали штыком, а в некоторых детей стреляли»¹³⁹.

Другую часть евреев, около 100 человек, сожгли живьём в известковой печи¹⁴⁰. Солдаты насиловали молодых девушек 16-20 лет, а затем сталкивали в печи. Перед убийством людей грабили, и лучшие вещи Попеску забирал себе¹⁴¹. Если пользоваться терминологией «историка-гуманиста» А. Петренко, можно считать и этого нациста «освободителем людей»,.. «освобождавшим» их от последнего, что у них ещё оставалось – от жизни.

Чудом спасаясь Мария Молодецкая вспоминает о первых днях оккупации с. Кодрень в июле 1941 года: «В село вошли немецко-румынские войска, и всех граждан из села Кодряны выгнали в Бричанский лес, куда прибыли румынские солдаты... и стали проводить арест советских активистов... Во время ареста над нами сильно издевались, подвергали разным зверским пыткам, наносили побои прикладами винтовок, подвешивали за шею на сучья деревьев. После зверских пыток вывели на окраину Бричанского леса, завязали руки, поставили в ряд и стали расстреливать из винтовок. Я в это время была ранена в левую руку и упала среди убитых, а когда остальные были расстреляны, нас оставили на окраине леса и ушли в неизвестном направлении. Через 6-7 часов после расстрела я освободила зубами себе руку, вылезла из-под трупов и скрылась»¹⁴².

Как рассказывает уроженка с. Згурица Сорокского уезда, ныне Дрокиевского района, Мина Хаимовна Дороховская, сразу после оккупации села «румынские варвары выгнали нас из дома, не разрешив ничего взять с собой. Всё имущество разграбили, а дом подожгли. Мне было 2,5 года, сестре 7, а брату 11 лет. Мама была на девятом месяце беременности. Вначале евреев согнали на еврейское кладбище, а оттуда погнали в с. Рубленица. Бабушке Ите было 67 лет, идти она не могла, и её расстреляли вместе с 26-летней дочерью Симой. Недалеко от хутора Коробчень расстреляли маминого брата Вэлва с женой и четырьмя сыновьями – 26-и, 23-х, 20-и и 15-и лет. Дороги были усыпаны трупами стариков и детей.

¹³⁰ Акт Комиссии Леовского р-на по расследованию злодеяний, совершённых немецко-румынскими оккупантами, от 7 декабря 1944 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 22.

¹³¹ Акт Комиссии Леовского р-на по расследованию злодеяний, совершённых немецко-румынскими оккупантами, от 5 декабря 1944 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 22.

¹³² Архив СИБ РМ. Д. 021119. Л. 31-32, 37 (об.); Пилат И.Н. Из истории еврейства Молдовы. С. 58.

¹³³ Архив СИБ РМ. Д. 021119. Л. 52(об.).

¹³⁴ Ibid. Л. 86, 167, 204.

¹³⁵ Ibid. Л. 53.

¹³⁶ Ibid. Л. 53(об.).

¹³⁷ Ibid. Л. 54.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Ibid. Л. 57.

¹⁴⁰ Ibid. Л. 55, 58(об.).

¹⁴¹ Ibid. Л. 59(об.).

¹⁴² Протокол допроса свидетеля Молодецкой Марии Зельмановны. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 27.

Из Рубленицы нас погнали в сторону Сорок, а затем в посёлок Вертюжаны, где за несколько месяцев из-за голода, болезней и расстрелов погибло более 20 тыс. человек. По дороге в Вертюжаны моя мама, прямо в колонне, родила мальчика Изю. Тут же румынский жандарм начал бить её нагайкой, чтобы она шла дальше. Какая-то женщина дала маме кусок мешковины, и она завернула малыша, который вскоре умер – мешковина отделилась вместе с кожей, которая гноилась от ран. После этих родов мама в возрасте 36 лет стала инвалидом. Вскоре я заболела, и мама была вынуждена снять с меня платице и отдать женщине в обмен на пол-литра воды, чтобы смачивать мне высохшие губы. По дороге тех, кто не мог идти, расстреливали»¹⁴³.

На документальной базе и на основе воспоминаний пострадавших в те ужасные месяцы 1941 г. мы раскрыли лишь некоторые эпизоды процесса «этнической пурификации» «румынского рода» на территории оккупированной Молдавской республики. Однако те же процессы происходили и в приграничных областях Украины, также «освобождённых» Антонеску. Ещё 6 октября, на заседании правительства, сей «освободитель» удовлетворённо отмечал, что «еврейский вопрос через несколько недель успешно решится в Бессарабии и решится и в Буковине. Таким образом, господин губернатор Буковины, Вам следует подготовиться для этой меры»¹⁴⁴. В этом смысле Антонеску держал слово. Но и буковинский губернатор Колотеску «даром хлеб не ел» – палач «подготовился для этой меры» во всеоружии.

По показаниям свидетелей, полковник Марчел Петала, военный претор 3-й армии, в начале августа 1941 г. отдал приказ о казни всех евреев в городе Четатя Албэ [Белгород-Днестровский]. По распоряжению первого субпрефекта уезда Аурела Бежана из разных местечек и сёл уезда в Четатя Албэ были пригнаны около 12000 евреев, которых затем убили. Особо свирепствовали капитан Александру Окишор, которого прозвали «Палач» («Călăul»), и майор Филип Беки, называвший себя «Иродом Вторым» из-за «пристрастия» к убийству грудных младенцев¹⁴⁵.

На Буковине массовые расстрелы производились с первого дня оккупации, как того и хотел Антонеску. 7 июля 1941 г. начались убийства евреев в с. Бояны (Черновицкая обл.), и был создан еврейский лагерь в Вашковцах (Черновицкая обл.). 8-9 июля продолжились убийства евреев в с. Бояны: в совокупности за три дня было убито 86 чел.¹⁴⁶ В г. Черновцы в течение 6 и 7 июля фашисты вывели к р. Прут около 2000 человек, заставили их рыть ямы, а затем поголовно уничтожили¹⁴⁷. 9-го числа в основном завершились убийства евреев в Черновцах, и всего за четыре дня было убито 2300 чел.

Не миновала данная участь и румынских евреев. Так, в Яссах, городе выдающихся румынских интеллектуалов и демократов – Михаила Садовяну, Михаила Рая, Петре Андрея, Раду Чернэтеску, Джордже Ивашку и многих других замечательных людей, было убито от 12 до 20 тыс. евреев¹⁴⁸. В ночь на 29 июня румыны и немцы стали грабить еврейские дома и магазины, сгонять еврейское население к квестуре полиции. Мужчин отделяли от женщин, матерей от детей, старых и больных от здоровых. Людей при отборе жестоко избивали толстыми палками с гвоздями на концах. Оставшихся в живых евреев погрузили в товарные вагоны, по 150-200 чел. «30 июня 1941 г., – пишет Е. Мезинческу, – в соответствии с распоряжением Иона Антонеску из Ясс начнут своё движение... знаменитые „поезда смерти“, которые должны были перевезти в Бэрэган тех, которые пережили погром»¹⁴⁹. «При неимоверной жаре люди в течение нескольких дней не получали ни капли воды. Естественную нужду справляли в вагонах. Одни сошли с ума или покончили жизнь самоубийством, другие умерли от побоев и ранений»¹⁵⁰.

В «поезде смерти», отправленном из Ясс в Кэлэраш, на юг Румынии, из 5000 евреев лишь 1011 доехали через семь дней до пункта назначения живыми¹⁵¹. Румынская полиция насчитала 1258 трупов, хотя сотни умерших были сброшены с поезда в дороге – в Мирчештах, Романе, Сэбэоанах и Инотештах¹⁵². «Поезд смерти», отправленный в сторону Поду Илоаней (в 15 километрах от Ясс), вёз 2700 евреев, из которых живыми сошли с него 700 человек. В официальном докладе румынские власти заявили о 1900 евреях, погруженных на поезд, из которых умерли «лишь» 1194¹⁵³. Всего, по данным румынских спецслужб, погибло 13266 евреев¹⁵⁴, а руководство румынской еврейской общины выявило 14850

¹⁴³ Текущий архив Ассоциации евреев Молдовы – бывших узников фашистских гетто и концлагерей.

¹⁴⁴ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. P. 326.

¹⁴⁵ Удлер Р. Годы бедствий. С. 306-307.

¹⁴⁶ Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. С. 10.

¹⁴⁷ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинёв, 1981. С. 158.

¹⁴⁸ *Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii*. P. 85-136; Дорон Д. Кишинёвское гетто – последний погром. С. 134; см. также Левит И. Э. Участие фашистской Германии в агрессии против СССР. С. 155; *Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană*. P. 99-103.

¹⁴⁹ *Mezincescu E. Mareșalul Antonescu și catastrofa României*. Buc., 1993. P. 106.

¹⁵⁰ Удлер Р. Годы бедствий. С. 77.

¹⁵¹ *Arhiva Ministerului de Interne al României, Inventar, 7 iulie 1941, dosar 108233, vol. 37*. P. 281.

¹⁵² *Raport telefonic, doc.6125, 1 iulie 1941, dosar 40010, vol. 89; Raport Trandaf, 1 iulie 1941, vol. 30*. P. 217 (copie la USHMM, RG 25004, rola 49).

¹⁵³ *Carp M. Cartea Neagră: Suferințele evreilor din România, 1940-1944*. Vol. 2. Buc., 1996, doc. 64. P. 141.

¹⁵⁴ *Raport al SSI Iași, 23 iulie 1943, Consiliul Securității Statului, Fond documentar, dosar 3041, 327; Troncotă C. Eugen Cristescu, asul serviciilor secrete românești. Memorii*. Buc., 1997. P. 119.

человек, истреблённых во время погрома¹⁵⁵. В августе 1941 г. командование румынских воинских частей в Яссах, занятое мобилизацией рабочей силы, доложило вышестоящему начальству, что не было обнаружено 13868 евреев¹⁵⁶.

Однако находятся такие комментаторы, которые отрицают спланированный характер данного массового убийства и отмечают, что «поезда смерти» объясняются «небрежностью и безразличием в отношении этих жизней, *но не сознательным намерением убить их таким образом*»¹⁵⁷. Получается, что тысячи людей погибли «по небрежности» и ни о каком «злом умысле» не может быть и речи. Произошло «недоразумение», «случайно» стоившее тысяч жизней ни в чём не повинных людей, да вот никто из проявивших «небрежность», чисто «случайно», так и не был никогда наказан.

И ещё следует сказать об одной принципиально важной вещи – о незаконности данной акции не только с точки зрения правового демократического государства, но и фашистского, каким Румыния стала с момента установления диктатуры Антонеску. Речь идёт о том, что не были соблюдены даже установ-ки Декрета-закона «О пресечении действий, ставящих под угрозу существование и интересы государства»¹⁵⁸. Статья 27 данного Декрета-закона предусматривала обязательность суда военным трибуналом за любое преступление, осуществлённое во время войны. Ясские евреи были уничтожены без какого-либо суда. А тот факт, что фашистский диктатор «легализовал» политику кровавых репрессий против евреев, подтверждается его личным телефонным приказом, отданным в ночь с 28 на 29 июня командиру ясского гарнизона полковнику Н. Лупу, и отправленной вечером 30 июня 1941 г. в Яссы телеграммой, в которой указывалось: «Г-н генерал Антонеску приказал всех ясских евреев-коммунистов и тех, у кото-рых были найдены красные знамёна и оружие, уничтожить этой же ночью. Доложить исполнение»¹⁵⁹.

И хотя еврейскому населению «Старого королевства» также пришлось в годы войны хлебнуть лиха, «трагедию евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии, – отмечает Рубин Удлер, – нельзя сравнить с трагедией евреев собственно румынских провинций. В течение нескольких месяцев, с 22 июня 1941 г. по февраль 1942 г., методично, день за днём в каждом селе и в каждом городе, без капли жалости хотя бы к грудным детям, беременным женщинам и немощным старикам, евреи беспощадно уничтожались или сгонялись на мучительную смерть в лагеря-гетто»¹⁶⁰. Как человек, испытавший всё это на себе, он утверждает, что жестокость румынских фашистов была не меньшей, чем немецких, а ответственность за гибель евреев Бессарабии, Буковины, Транснистрии лежит, в первую очередь, на Ионе Антонеску, главе государства¹⁶¹. И, несмотря ни на что, румынский историк М. Фэту приходит к выводу, что ан-тисемитизм режима Антонеску «в Румынии имел несомненно „человеческое лицо“, отпечатанное са-мим Ионом Антонеску»¹⁶². Мы согласны с Фэту по поводу образа режима Антонеску, однако с не-большой поправкой – лицо у него было «со звериным оскалом».

Всё оставшееся после массовых убийств еврейское население Бессарабии собиралось в специально созданные временные концентрационные лагеря. Всего в эти лагеря, по данным румынских властей, было согнано около 80 тыс. чел.¹⁶³ В основном женщины, старики и дети. Самые крупные гетто на-ходились в Вертуженах – 24 тыс. узников¹⁶⁴, в Секуренах – 21 тыс., в Единцах – 13 тыс. чел.¹⁶⁵ В этих лагерях люди подвергались невероятным издевательствам и лишениям, их морили голодом, убивали сотнями, тысячами.

23 июля в Кишинёве было создано еврейское гетто, куда согнали около 12 тыс. чел.¹⁶⁶ Приказы Войкулеску о переводе евреев в гетто были выполнены крайне неорганизованно и в нарушение всяких норм права. Вооружённые отряды врываются в жилища и выволакивали людей на улицу без какого-либо предупреждения. Многие были насильно обобраны во время переезда, а их дома полностью разграблены¹⁶⁷. 12 августа военный комендант города полковник Тудосе доложил губернатору, что «очистил город от евреев и вражеских остатков, придав ему румынский облик и, в особенности, христианский» и «организовал еврейское гетто таким образом, что ни в настоящем, ни в будущем со стороны этого элемента никакой опасности возникнуть не может»¹⁶⁸.

¹⁵⁵ Ancel J. Documents Concerning the Fate of Romanian Jewry During the Holocaust. New York, 1986. Vol. 6. P. 49.

¹⁵⁶ Raport al colonelului Ion Georgescu, șef al secției I a șefului de Stat Major, către Guvernul român, 8 noiembrie 1941. // Arhiva Statului, Președinția Consiliului de Miniștri, Colecția Cabinet, dosar 86/1941. P. 251.

¹⁵⁷ Stoescu A.M. Armata, mareșalul și evreii. P. 275.

¹⁵⁸ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 1. P. 106-113.

¹⁵⁹ Martiriul evreilor din România. P. 96; Exterminarea evreilor români și ucraineni... P. 105, 113.

¹⁶⁰ Удлер Р. Годы бедствий. С. 183.

¹⁶¹ Ibid. С. 198.

¹⁶² Fătu M. Consens pentru salvarea națională. P. 151.

¹⁶³ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 48.

¹⁶⁴ НАРМ. Ф. 696. Оп. 1. Д. 31. Л. 123.

¹⁶⁵ Левит И. Пепел прошлого. С. 2; Calvarul... Chișinău, 1998. P. 4.

¹⁶⁶ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 16; Акт Кишинёвской городской комиссии по установлению и расследова-нию злодеяний, учинённых немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, от 12 марта 1945 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21; Магдер Т. Холокост. С. 28; Фингурт И. Обречённые. С. 10.

¹⁶⁷ Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. P. 174.

¹⁶⁸ Ibid. P. 179.

Как было выявлено Кишинёвской городской комиссией по установлению и расследованию злодеяний, учинённых фашистами, «режим, созданный властями для евреев, содержащихся в гетто, был направлен к тому, чтобы, невзирая ни на что, уничтожить последних. Немецко-румынские солдаты и офицеры самым беззастенчивым образом грабили имущество евреев, насиловали женщин, девушек и даже подростков. Из-за отсутствия воды, невероятной скученности, голода свирепствовали эпидемии сыпного и брюшного тифа. Распространению последних способствовало и отсутствие самого необходимого медико-санитарного обслуживания среди содержащихся в лагере. Как результат такого бесчеловечного отношения со стороны немецко-румынских варваров к согнанным в лагерь жителям Кишинёва евреям, среди последних была большая смертность, доходившая до 25-30 человек ежедневно»¹⁶⁹. На Нюрнбергском процессе был представлен документ, составленный в августе 1941 г. в Берлине, в котором говорилось, что, «особое значение имеет решение еврейского вопроса в Кишинёве, в котором до начала войны было 60-80 тысяч евреев»¹⁷⁰. Полковник Тудосе обратился к узникам гетто со словами: «Жиданилор (жиды), мы сохраним вам жизнь, но с условием, что будете работать, где понадобится... С сегодняшнего дня вы – рабы Великой Румынии... Кто уклонится от работы, будет расстрелян»¹⁷¹.

Однако помимо всего этого, как отмечается в уже цитированном выше документе, «немецко-румынские захватчики, под предлогом отправки евреев на работы, уводили последних из лагеря группами в 300-500 человек и в предместьях города Кишинёва расстреливали. Массовые убийства в этом лагере начались с июля 1941 г. и продолжались до декабря 1941 г.»¹⁷² Так, 1 августа 1941 г. из Кишинёвского гетто были отобраны «для работы» 450 человек, в том числе 200 женщин. 411 из них были расстреляны возле Вистерничен¹⁷³. Спустя шесть дней на станции Гидигич было убито 525 евреев¹⁷⁴. Для информации отметим, что из проживавших перед войной в Кишинёве 70-80 тыс. евреев, во время погромов первых дней оккупации, в гетто и во время депортации в Транснистрию погибло около 53 тыс.¹⁷⁵ Кишинёвская городская комиссия по установлению и расследованию преступлений фашистских захватчиков обнаружила доказательства страшных злодеяний. В одном из её документов констатируется: «Часть... расстрелянных советских граждан закапывалась в землю в полуживом состоянии и со связанными руками, что подтверждается показаниями допрошенных очевидцев-свидетелей и заключением судебно-медицинской экспертизы»¹⁷⁶.

Комиссия по расследованию злодеяний фашистских захватчиков установила, что наиболее крупным местом кровавой расправы оккупантов над советскими гражданами было «Оргеевское шоссе в северной части Кишинёва, куда палачи выводили из собранных в лагере-гетто партиями от 300 до 500 человек и на 5-м километре, в стороне от шоссе, за конским заводом (в ложине-овраге) расстреливали из пулемётов. Трупы расстрелянных здесь граждан сбрасывались в 2 большие ямы, имевшие цилиндрическую форму, каждая в диаметре 7-8 метров, глубиной до 4-6 метров»¹⁷⁷. Сохранились многочисленные свидетельства очевидцев и узников о страшных зверствах, чинимых румынскими оккупационными властями в Кишинёвском гетто, но, к сожалению, на страницах данной работы не представляется возможным их воспроизвести.

Однако террор и репрессии были направлены не только против евреев и других нацменьшинств, но и против представителей «мажоритарной нации» – молдаван[†]. Так, заняв с. Старая Челаковка Фалештского р-на МССР, фашистские захватчики в тот же день расстреляли местных советских активистов:

¹⁶⁹ Акт Кишинёвской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний, учинённых немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, от 12 марта 1945 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21.

¹⁷⁰ Коган А. Красная пена. С. 13.

¹⁷¹ Фингурт И. Обречённые. С. 10.

¹⁷² Акт Кишинёвской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний, учинённых немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, от 12 марта 1945 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21.

¹⁷³ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 51-52.

¹⁷⁴ Ibid. Л. 52.

¹⁷⁵ Фингурт И. Обречённые. С. 13.

¹⁷⁶ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 16.

¹⁷⁷ Акт Кишинёвской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний, учинённых немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, от 12 марта 1945 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21.

[†] Примечание научного редактора: В первой половине июля 1941 г. Леовский р-н был оккупирован немецко-румынскими войсками. По распоряжению командира 4-го погранотряда Петру Мунтяна, в г. Леово было арестовано всё еврейское население и 55 человек, слабых и престарелых, были расстреляны. Расстрелом командовал лично Мунтян и в этом принимали участие 30 солдат. На второй день после расстрела евреев, по распоряжению указанного офицера, двое солдат – Онча И.К. и Петря Д.И. – арестовали комсомолку Сырбу Веру и её мать Сырбу Марию, молдаванок по национальности, и в присутствии самого Мунтяна расстреляли их в овраге, в 500 м за селом в его северной части. Никого из расстрелянных не разрешили захоронить. По приказанию капитана Болянеско Виктора были арестованы 210 евреев и 10 человек были расстреляны на месте. По распоряжению майора Маринеску В.Г. было арестовано и расстреляно 5 активистов Томайского с/совета – все молдаване. // Акт Комиссии Леовского р-на по расследованию злодеяний, совершённых немецко-румынскими оккупантами, от 7 декабря 1944 г. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 22.

П.И. Агния, Г.М. Вотрича, И.Г. Жаркутского, П.И. Талабуца и 15-летнюю А.С. Чобану. В с. Новая Че-лаковка был расстрелян фашистами 17-летний В.И. Бурдейный только за то, что его отец был председателем сельского Совета¹⁷⁸. Уже перед самым освобождением в Румынию из сёл Маловата, Маркоуцы и Оксентия Сусленского района, Оргеевского уезда насильно угнали более 190 человек¹⁷⁹. Жительница Кишинёва У.А. Фрунзе, сын которой был убит карателями, рассказывала: «В конце 1942 г. на моих глазах румынские солдаты недалеко от еврейского кладбища расстреляли русскую женщину, которая была беременна и ходила последние дни. Перед расстрелом её заставили раздеться»¹⁸⁰.

Депортация еврейского населения Бессарабии и Буковины в Транснистрию. Как мы успели убедиться, «национальный герой» Ион Антонеску «обязался превратить румынский род в однородную группу» и объявил 6 сентября 1941 г. на заседании правительства: «Среди нас десятки тысяч жидов, которых я намереваюсь изгнать в Россию»¹⁸¹. А на заседании Совета министров от 6 октября 1941 г. «кондуктор» подчеркнул, что «в отношении евреев принял окончательное решение выселить их из этих областей. Мероприятие осуществляется полным ходом. В Бессарабии пока ещё находятся примерно 40000 евреев, которые вскоре будут переведены за Днестр, а если обстоятельства позволят, то и за Урал»¹⁸².

11 октября 1941 г. он заявил по этому поводу на конференции с соборными со всей страны префектами, что «всё чуждое должно медленно и постепенно покинуть нас»¹⁸³. Однако к тому моменту означенный «уход» осуществлялся вовсе и отнюдь не «медленно и постепенно». Другими словами, это означало тотальную депортацию «самых чуждых румынскому роду элементов», а именно евреев, в Буго-Днестровское междуречье. «Всё, что представляет из себя омерзительный еврейский элемент, – заявил „руководитель государства“, – все еврейские коммунисты будут отправлены туда, откуда явились. Выдавлю их к Бугу, а оттуда их переправят дальше»¹⁸⁴. Так было положено начало самому одиозному преступлению в истории Земли Молдавской. С конца июля 1941 г. и до весны 1943 г. примерно 300000 евреев из тех, которые пережили первую волну убийств, были первоначально переправлены колоннами из Бессарабии и Буковины на левый берег Днестра, а затем передвигались с места на место вдоль и поперёк т.н. *Транснистрии*.

Как информировал своё правительство 10 ноября 1941 г. французский посол, «в то время, когда из „освобождённых“ провинций осуществлялась массовая депортация, на остальной территории страны также продолжались репрессии и преследования евреев... Не вызывает более никаких сомнений, что систематический план по уничтожению евреев был разработан заранее... Аресты, заключение в концентрационные лагеря учащаются, и существует опасение, что меры по депортации, предпринятые в Бессарабии и Буковине, вскоре распространятся на всю страну... Факты говорят о том, что приказы исходили сверху, от правительства. Однако, можем лишь удивляться словам Кондуктора, неоднократно заявлявшего, что он воюет „за торжество христианских принципов во всём мире“»¹⁸⁵. А американский посол в Бухаресте Ф.М. Гюнтер ещё в августе того же года в письме госсекретарю отмечал, что 1941 г. оказался катастрофическим для румынских евреев. Он также констатировал, что фактически «против этих жестокостей не прошло ни одной акции протеста или народного возмущения»¹⁸⁶. Более того, «когда дела не идут, периодически допускаются действия ужасающей жестокости», а реальной подоплёкой всех этих преступлений является жажда грабежа¹⁸⁷.

Депортация евреев из Бессарабии, Буковины и некоторых районов Украины была осуществлена осенью 1941 г.¹⁸⁸ Так, 4 октября черновицкие власти получили распоряжение, в котором указывалось: «В соответствии с приказом г-на маршала Антонеску, все буковинские евреи должны быть отправлены в течение 10 дней на восток от Днестра. Доложите об исполнении до 20 часов завтрашнего дня»¹⁸⁹. Зверствами румынской военщины был ошеломлён даже известный антисемит митрополит Буковины Тит Симедрия. В беседе с главным раввином Румынии А. Шафраном он заявил, что был «поражён всем, что ему довелось видеть: румынские солдаты вытаскивали больных евреев из домов, слышались отчаянные вопли детей, когда их доставляли на пересыльный пункт для депортации». Он обратился к маршалу Антонеску и другим членам правительства, и депортации из Черновцов были приостановлены¹⁹⁰.

¹⁷⁸ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 17. Л. 23 (об.).

¹⁷⁹ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 25. Л. 150-150 (об.).

¹⁸⁰ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 21. Л. 7.

¹⁸¹ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. P. 301.

¹⁸² *Ibid.* P. 326; *Procesul lui Ion Antonescu*. P. 322; *Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România*. P. 248.

¹⁸³ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. P. 328.

¹⁸⁴ *Ibid.* P. 329.

¹⁸⁵ *Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”*. P. 38, 40, 39; *Martiriul evreilor din România*. P. 178.

¹⁸⁶ *Măsurile brutale luate în România împotriva evreilor, înainte și după izbucnirea războiului cu Rusia*. // *Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”*. P. 32; *Martiriul evreilor din România. 1940-1944. Documente și mărturii*. Buc., 1991. P. 152.

¹⁸⁷ *Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”*. P. 33.

¹⁸⁸ Hitchins K. *România. 1866-1947*. P. 478; Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения... С. 27-34.

¹⁸⁹ *Procesul lui Ion Antonescu*. P. 387.

¹⁹⁰ Шафран А. Соппротивление нацистскому урагану. С. 30.

Вот как описывает трагедию этих людей посол Франции Ж. Трюелль: «В назначенный день еврейское население этих областей получило приказ от местных властей явиться на вокзал в течение 4-6 часов, имея при себе продукты питания на несколько дней. В некоторых городах максимально разрешённая сумма денег на одного человека составляла 2000 лей или около 200 франков. Не было допущено никаких исключений для людей преклонного возраста, больных или детей. Многих больных в момент отправления их единовверцы несли на себе; полностью отчаявшись, некоторые евреи кончали с собой»¹⁹¹.

В связи с «эвакуацией» евреев в Транснистрию был издан специальный приказ, в котором указывалось, что депортированные к Днестру должны быть направлены колоннами не более чем по 1600 человек¹⁹², но к реке должно дойти «намного меньше» людей. В связи с этим «по пути колонны заблаговременно должны быть выкопаны большие ямы для 100 человек, и все отстающие от колонны должны быть расстреляны». Только некие лейтенанты Рошка и Попович расстреляли в дороге по 500-600 человек каждый¹⁹³.

После издания оккупантами приказа покинуть свои дома, в июле-августе евреи обречённо двинулись к Днестру, эскортируемые румынскими жандармами. Отстававших расстреливали. Об этом вспоминает председатель Ассоциации бывших узников фашистских концлагерей Ш.А. Ройф: «В конце октября, пешим ходом, в сопровождении многочисленного конвоя нас отправили в Транснистрию. Было уже довольно холодно, и шёл непрекращающийся осенний дождь. Тех, кто не мог идти, в дороге расстреливали. Недалеко от Сорок в Косэуцком лесу была сделана первая остановка. На поляне были обнаружены огромные ямы, одна из которых ещё не была засыпана как незаполненная. Незадолго до нашего прибытия на этом месте проводились массовые расстрелы. Каратели решили заполнить яму за счёт нашего конвоя. Туда был загнан и я. Так как мы стояли на этих трупах в большом количестве, пулемётная очередь сразила не всех. Повезло таким образом и мне – я весь был залит чужой кровью, упал и палачи посчитали меня погибшим.

В настоящее время считается, что здесь было убито 6 тысяч человек. Думаю, что эта цифра существенно занижена. Вспоминая увиденные собственными глазами зверства, вновь содрогаюсь. Так, жандармы подвязали грудного ребёнка к ветке дерева и с расстояния прицельно стреляли в него. Рыдавшую мать также застрелили. Одной беременной женщине на моих глазах прострелили живот, а затем выстрелили ей в голову. Её ребёнок был убит, ещё не успев родиться и не получив имени. Припоминаю, что Днестр мы перешли по понтонному мосту ниже по течению от Ямполья. На холме расположилась походная кухня, и мы, сквозь строй избивавших нас кнутами жандармов, подходили за кипятком. Самые жуткие события для нас только начинались...»¹⁹⁴.

Французский посол информировал своё правительство о том, что эти несчастные «не получали никакой еды и, не имея денег, не могли что-либо купить. Некоторые офицеры принуждали молодых девушек к проституции за кусок хлеба»¹⁹⁵. Эти люди умирали тысячами первоначально в перевалочных лагерях – возле Маркулешт (6 тыс. человек), у Кременчуга (2 тыс.), в Вертюжанах (20 тыс. граждан) и в других, а впоследствии в лагерях и гетто Транснистрии¹⁹⁶. 7 ноября началась депортация в Транснистрию евреев из уезда Дорохой, откуда было вывезено 9 тыс. чел.¹⁹⁷ Большинство из них было впоследствии убито. Эта же судьба оказалась уготованной и для евреев Буго-Днестровского междуречья. Так, из 185 тыс. евреев, находившихся в Транснистрии на момент начала оккупации, лишь 15-20 тыс. дождалась своих освободителей¹⁹⁸.

О страшных мучениях на пути в ад этих гонимых и несчастных людей сохранились сотни свидетельств. Рассказать обо всём невозможно, однако и то немногое, что мы приведём ниже, раскрывает крайне удручающую картину непрерывного потока убийств и издевательств над невинными детьми, стариками, женщинами. Как свидетельствовала уже после войны очевидица тех страшных событий, жительница г. Рыбница Соловьёва, после захвата города румынами потянулись длинные, печальные дни и тревожные ночи. Город словно вымер, дома выглядели тёмными, с разбитыми впадинами окон, на опустевших улицах пух от разорванных перин и подушек, будто мартовский снег, лежал в кюветах мостовой и у деревянных заборов. На берегу Днестра, в огородных канавах, в узких переулках опустошённых кварталов, на центральных дорогах, соединяющих сёла с Рыбницей, всюду лежали тела еврей-

¹⁹¹ Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii. P. 176.

¹⁹² НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 69. Л. 19, 66.

¹⁹³ Ibid. Л. 58, 65; Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. P. 44-45; Calvarul... P. 8; Они защищали и освобождали Молдову. Пермь, 2001. С. 112, 118; Пилат И.Н. Из истории еврейства Молдовы. С. 65.

¹⁹⁴ Назария С. Холокост: страницы истории. С. 281.

¹⁹⁵ Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. P. 37; Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii. P. 176.

¹⁹⁶ Память бессмертна. С. 167; Мазур А. Страницы истории сорокских евреев. Chișinău, 1999. С. 84.

¹⁹⁷ Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины. С. 33.

¹⁹⁸ Рошковану Ю.Д. Евреи Бессарабии в лагерях Транснистрии. // Менора, 1994, № 9-10. С. 16; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 346.

ских женщин, детей, стариков. В воздухе носился запах разлагающихся трупов. «Когда в Рыбницу приехали румынские правители „оживлять” остановившуюся жизнь, партиями проходило по несколько человек еврейское население Бессарабии. Измученные, уставшие, голодные, некоторые не выдерживали, падали на мостовую и умирали под палками озверелых румынских солдат. Я помню девушку с прекрасным, белым, как мрамор, лицом и огромными чёрными, полными... муки глазами, с переломленным позвоночником умирающую безмолвно у дороги. У трупа убитой женщины маленький мальчик, испуганно тараща глазёнки, обеими ручонками держался за окровавленную обнажённую грудь матери»¹⁹⁹.

«Собственно говоря, все три года фашистской оккупации мы, евреи, были в дороге и рядом со смертью, — пишет в своих воспоминаниях Шапс Ройф. — Но почему-то именно дорога от Косэуц и до Буга получила название „путь смерти”. Колонна была многочисленной, и идя под страшным осенним дождём, многие теряли силы, падали в грязь, и тут же жандармы их расстреливали. Вдоль дороги, с двух сторон, на определённом расстоянии друг от друга, были заранее вырыты ямы, в которые сбрасывали собранные трупы. Мы видели в них тела расстрелянных людей из прошедшей перед нами колонны. Упала и моя мать, Рива Павловна, у которой давно порвалась обувь, и она шла босой по холодной грязи. Но мы, три сына — я, Зельман и Давид — подхватили её и, за плату из оставшихся 500 румынских лей, посадили на идущую рядом подводку.

Помню случай, когда один из вышедших из окрестных сёл навстречу колонне мужчина что-то дал жандарму, чтобы тот разрешил ему ограбить хорошо одетого еврея. Жандарм выстрелил этому несчастному в голову, и мародёр его забрал. Я слышал, что подобные случаи ещё были. Во всяком случае, в ямы сбрасывали уже раздетых. Для сбора трупов были мобилизованы молодые люди из прилегавших к дороге сёл. Трудно сказать, сколько тысяч людей, в первую очередь стариков, женщин и детей, румынские фашисты лишили жизни на этой дороге. Она, как и многие другие, была тем решетом, сквозь которое прошло меньшинство — лишь самые выносливые. Тысячи раз евреи подымали голову и громко зывали к небу: где Бог, в которого мы так верили?!

Будет грешно, если я не скажу о том, что большинство как молдавского, так и украинского населения, выходящего к дорогам, по которым нас гоняли, сочувствовало нам, бросало в колонну хлеб и другие продукты. Известны многие случаи спасения детей из колонн. Некоторые прятали и взрослых. К великому сожалению, имена большинства этих людей неизвестны, ибо такое великое добро делалось в тайне, т.к., в противном случае, спасателей карали смертью»²⁰⁰.

Л. Сушон вспоминает, что «уже летом нас погнали из Доманевки на 18 км в с. Семихатка. Конвоиры били нас палками по спине, повторяя своё невыносимое слово: „Maî repede!” («Быстрее!») и при этом ругаясь чисто по-русски — при женщинах и детях. А идти быстро было невозможно, как, впрочем, и вообще идти, потому что стояла невыносимая жара. Со всех лился пот от несения тяжестей, ещё оставшихся у людей, но воды нигде не было. Дети вокруг плакали, старики непрерывно стонали и громко молились или ругались на древнем языке. И самых немощных, отстававших от колонны, конвоиры расстреливали. Это невольно подгоняло остальных»²⁰¹. Однако нигде несчастным изгнанникам не было покоя, их гнали с места на место до полного изнеможения.

И. Мармерштейн рассказывает о дороге в «лагерь смерти» Акмечетку: «Село Акмечетка находится примерно в 12 км от Доманевки. Путь туда казался длинным и очень тяжёлым из-за жаркого дня и тёплого пыльного ветра в лицо. Воды нигде по пути не было, и все изнывали от тягостной жажды. К тому же полицаи вели себя, как никогда, нагло: били, кого хотели, стреляли из винтовок в воздух, кричали самые нецензурные слова, какие только бывают. Когда через некоторое время две женщины и один пожилой мужчина стали отставать, их отвели немного в сторону от дороги и пристрелили. А на одном привале они выстрелили в девушку, которая немного отошла в сторону и присела под кустом, и эта 15-летняя лишь успела крикнуть слабым голосом: „Мама...”. Дальше колонна пошла в оцепенении, и многие ещё долго оглядывались на оставшееся под кустом тело девочки...»²⁰².

Во время передвижения колонн за Днестр, по свидетельствам очевидцев, румыны, в отличие от немцев, которые просто расстреливали, устраивали своим жертвам «сюрпризы». Герш Вельтман вспоминает: «На одном из привалов, чтобы не садиться на землю, влажную после прошедшего дождя, двое мужчин направились к стогу сена за соломой для подстилки. Румынские солдаты без предупреждения открыли по ним огонь и очень радовались, когда попали в цель»²⁰³. «По дороге, якобы для отдыха, этапиремых заводили в каменоломни, и, пока часовые удерживали людей в глубине штолен, остальные солдаты торопливо заваливали камнями и замуровывали выходы. Окончив работу, конвой убегал, оставляя обречённых на медленную смерть. В других случаях применялась иная „военная хитрость”. Уznикам разрешалось сделать привал. Когда же те располагались на отдых, немедленно звучала команда

¹⁹⁹ АОПОРМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 718. Л. 13.

²⁰⁰ Назария С. Холокост: страницы истории. С. 282.

²⁰¹ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 221.

²⁰² Ibid. С. 223-224.

²⁰³ Последние свидетели. М., 2002. С. 55.

„Воздушная тревога!” В это время по ничего не подозревавшим людям открывался огонь, и всех их уничтожали. Разграбленные и изуродованные мертвые тела оставались на обочине»²⁰⁴. Лев Бакал рассказывает, что «перед переправой через реку Днестр, под Могилёв-Подольским, румыны обыскивали всех, перетряхивая все вещи, ощупывая каждый сантиметр одежды: искали золото, драгоценности... На что только ни шли мародёры: увидев во рту золотую коронку, тут же пристреливали человека»²⁰⁵. По рассказам свидетелей, на пути следования к месту расстрела каратели продавали одежду вместе с людьми, с условием, что одежду покупатель заберёт, а жертву сам уничтожит²⁰⁶.

Повествует Семён Яковлевич Попик, уроженец Черновца: «По всему городу происходили расстрелы обречённых людей. Стоняли к реке и там расстреливали и топили. Насиливали детей, так что соседская дочь, не выдержав страданий, через несколько дней умерла». Так было до ноября, пока не появился приказ: всем евреям с вещами отправляться поездом в Транснистрию. Они доехали до Маркулешт, а там производился массовый грабёж ценных вещей, и за невыполнение приказа о сдаче драгоценностей – расстрел... «К концу ноября, когда уже шёл дождь со снегом, нас выгнали из Маркулешт. Нас гнали по всей Молдавии, и мы ночевали в свинарниках, причём там набивали людей так, что если ночью кому-нибудь надо было выйти, то ходили по головам. По дороге мы встречали целые семьи, которые лежали в скирдах соломы без пищи, в холоде, мокрые. Просили, чтобы у них забрали маленьких детей, но никто не мог им помочь, и люди гибли. По дороге солдаты издевались над людьми как хотели, избивали их, забирали последнее, расстреливали. Многие не выдерживали этого и лишались рассудка... Проходя по мосту [через Днестр], я упал в воду, но схватился за дышло проезжавшей подводой. Отец остановил подводу и вытащил меня, а когда он поднял меня и перенёс на берег, румын начал его бить и заставил вновь вернуться на ту сторону». Затем эта несчастная семья попала в Бершадское гетто, где умерли отец, мать и сестра, а Семён Яковлевич «остался с обмороженными братьями»²⁰⁷.

Очень реалистично передал трагедию евреев города Бельцы писатель Г. Кэлинеску. Румыны и немцы загнали руководителей общины, а также мужчин, женщин и детей в подвалы, в огороженные колючей проволокой импровизированные лагеря. Их морили голодом, не давали воды, гнали под конвоем десятки километров, убивали отстающих, расстреливали и бросали трупы в ямы, выкопанные заранее вдоль шоссе. Подонки из числа местных жителей торговались с центурионами [начальниками колонн] за живого человека, которого тут же, сговорившись, убивали и раздевали догола. Насиливали девушек тринадцати-четырнадцати лет и молодых женщин. Румыны и немцы изощрялись в издевательствах над несчастными людьми²⁰⁸.

Уже 18 ноября 1941 г. губернатор Бессарабии доложил, что на подведомственной ему территории «еврейская проблема решена». И он был совершенно «прав», т.к., по его словам, «в Кишинёвском гетто остались лишь 118 евреев... и в скором времени и они будут переведены за Днестр»²⁰⁹. Идентичной была ситуация во всём крае. Так, например, 6 декабря 1941 г. начальник полиции г. Сорока Г. Петряну проинформировал Кишинёв в лице регионального директора полиции, что «с 29 ноября с.г... в течение последней недели не было переправлено в Транснистрию через переправу Косэуць-Сорока ни одного еврея»²¹⁰. Это означало только одно – все евреи, проживавшие до войны в Сороках или окрестных сёлах, были или истреблены, или ещё ранее угнаны в Транснистрию. Будто для подтверждения нашего вывода, в том же рапорте подчёркивалось, что «и в Мэркулештском лагере уже нет ни одного заключённого еврея»²¹¹. А в целом к маю 1942 г. в крае в живых было лишь 227 евреев!²¹²

Такую же политику проводил и губернатор Буковины генерал Колотеску со своим сподручным – подполковником С. Маринеску. 14 марта 1942 г. он докладывал в генеральный штаб румынской армии в Бухарест, что «в Транснистрию депортировано 75 тыс. евреев»²¹³. 7 сентября 1942 г. Губернаторство Буковины отправило по телефону сообщение в Совет министров, указав, что в течение 1941-1942 гг. за Днестр было эвакуировано 90284 еврея. Пока ещё оставались «в провинции Буковина... 19089 евреев»²¹⁴. Другой высокопоставленный функционер, примар города Траян Попович, сообщал о количестве высланных из Черновца с точностью до одного человека: «В октябре-ноябре был выслан 28391 еврей»²¹⁵. А возвратилось в город после освобождения всего 6 тысяч²¹⁶.

²⁰⁴ Коган А. Красная пена. С. 20-21.

²⁰⁵ Последние свидетели. С. 55.

²⁰⁶ Коган А. Красная пена. С. 44.

²⁰⁷ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 202-203.

²⁰⁸ Călinescu G. Scrinul negru. Buc., 1968. P. 485-503.

²⁰⁹ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 536.

²¹⁰ НАРМ. Ф. 696. Оп. 1. Д. 31. Л. 227.

²¹¹ Ibid.

²¹² Фингурт И. Обречённые. С. 14; Mezincescu E. Mareşalul Antonescu şi catastrofa României. P. 113.

²¹³ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 11. Р. 24.

²¹⁴ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 403.

* Человек честный и смелый, спасший в годы войны жизни около 20 тыс. евреев.

²¹⁵ Сушон Р. Транснистрия: евреи в аду. С. 58.

Создание румынскими оккупационными властями сети гетто и концлагерей в Буго-Днестровском междуречье. Массовое истребление евреев в 1941-1942 гг. Осенью 1941 г. левобережье Днестра покрылось густой сетью концлагерей и гетто²¹⁷, куда были выселены из Бессарабии, Буковины и некоторых районов Украины от 123 до 150 тыс. евреев, не считая десятков тысяч других евреев и цыган из Транснистрии²¹⁸. Как известно, многие были убиты по пути в этот ад. «Регион стал свидетелем самых страшных зверств Антонеску и его немецких союзников»²¹⁹. По другим данным, на левобережье Днестра было «эвакуировано» 118,5 тыс. евреев²²⁰. О трагедии Одессы мы уже писали выше.

15 января 1942 г. жандармский инспектор Транснистрии рапортовал, что из Бессарабии были выселены в Буго-Днестровское междуречье около 119 тыс. евреев²²¹. 12 марта 1942 г. Г. Алексяну доложил Совету министров, что «все депортированные в Транснистрию евреи интернированы в лагеря»²²². По подсчётам доктора исторических наук, профессора И. Левита, ныне проживающего в США, в этом регионе было 189 лагерей²²³.

На основе архивных материалов, воспоминаний оставшихся в живых бывших узников транснистрийских лагерей и имеющейся научной литературы мы попытались составить реалистическую картину произошедшей между Днестром и Бугом в 1941-1944 гг. трагедии. В первую очередь, следует отметить, что созданные на данной территории гетто и концлагеря не являлись просто местами изоляции евреев. В действительности они стали «фабриками» по умерщвлению людей посредством нескончаемого террора, голода, холода, болезней, изнурительного труда.

Необходимо иметь в виду, что евреев не просто отделили от остального населения, изолировали в лагерях и лишь после этого стали истреблять. Едва ступив на восточный берег Днестра, румынские и немецкие оккупанты немедленно приступали к уничтожению еврейского населения. Так, в одном из актов чрезвычайной комиссии о зверствах оккупантов в Тирасполе сказано: «При вступлении немецко-румынских оккупантов в г. Тирасполь еврейское население было согнано в здание летнего кинотеатра. Предварительно заморенных голодом людей выводили на берег Днестра и расправлялись [с ними]..., причём дети накалывались на штыки и сбрасывались в Днестр. По неполным данным, было уничтожено свыше 1500 человек»²²⁴.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что свирепствовали не только румыны. Так, немцы-колониисты из Одесской области были настоящими убийцами и истребили тысячи евреев: расстреливали, избивали до полусмерти, вешали, зарывали заживо, сжигали²²⁵. В сентябре 1941 г. только в Дубоссарах²²⁶, по разным данным, немецким карательным отрядом Келлера, состоящим из 25-28 эсэсовцев²²⁷, было расстреляно от 6 до 18 тыс. евреев²²⁸. Охраняли их румынские жандармы. К массовому расстрелу еврейского населения, во дворе табачной фабрики, карательный отряд немцев, при участии румынских жандармов и местных полицейских, приступил в 5 часов утра 12 сентября. К часу дня было расстреляно 2500 человек²²⁹. 18 сентября было расстреляно ещё 1,5 тыс., а на следующий день – 500 человек²³⁰.

Ещё страшнее было положение людей в глубине региона. Только в конце 1941 г. в Акмечетке было расстреляно 14 тыс. евреев, высланных из Одессы, Бессарабии и Буковины²³¹. Для евреев это был са-

²¹⁶ Ibid. С. 310; Procesul lui Ion Antonescu. P. 49-50.

²¹⁷ См.: Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. С. 169; Елин Д.Д. Партизаны Молдавии. Кишинев, 1974. С. 18; Москалёва (Векслер) А. М. Дубоссарская трагедия, сентябрь 1941 г. Дубоссары, 1999. С. 4.

²¹⁸ King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. Chișinău, 2002. P. 94; Москалёва А.М. Дубоссарская трагедия. С. 4; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 347.

²¹⁹ King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. P. 94.

²²⁰ Левит И. Пепел прошлого. С. 8; Calvarul... P. 8.

²²¹ Фингурт И. Обречённые. С. 15.

²²² НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 42 (2). Р. 303.

²²³ Левит И. Пепел прошлого. С. 3; Они защищали и освобождали Молдову. С. 117; см. также: Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 347.

²²⁴ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 31.

²²⁵ Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины. С. 44; Удлер Р. Годы бедствий. С. 90.

²²⁶ О Дубоссарской трагедии см.: Спецдонесение главному прокурору Красной Армии по делу о зверствах по уничтожению еврейского населения в Дубоссарском р-не МССР. // НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 29); АОПОРМ. Ф. 51. Оп. 11. Д. 1.

²²⁷ Архив СИБ РМ. Д. 23315 (1). Л. 107; Архив СИБ РМ. Д. 020933 (1). Л. 18 (об).

²²⁸ См. Архив СИБ РМ. Д. 020933 (1). Л. 21 (об.), 22 (об.), 23, 27 (об.), 61; Архив СИБ РМ. Д. 020933 (2). Л. 228-229, 371, 406; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Т. 2. С. 75-76; Москалёва А.М. Дубоссарская трагедия. С. 4; Calvarul... P. 9; Память бессмертна. С. 164; Они защищали и освобождали Молдову. С. 112.

²²⁹ Архив СИБ РМ. Д. 020933 (1). Л. 21, (об), 58; Архив СИБ РМ. Д. 020933 (2). Л. 309-311, 315-316.

²³⁰ Архив СИБ РМ. Д. 020933 (2). Л. 23, 406; см. также Архив СИБ РМ. Д. 23315 (1). Л. 107, 116. 136-148.

²³¹ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 225; Удлер Р. Годы бедствий. С. 127.

мый страшный лагерь – лагерь уничтожения, истребления голодом. Префект уезда Голта Исопеску часто приезжал сюда с «инспекциями». По его указу истощенным узникам, чтобы увеличить их предсмертные мучения, давали по одной картошке и чашечке кукурузной муки, которые поедались в сыром виде. Садист Исопеску делал снимки умирающих людей и посылал их в Бухарест в редакции антисemitских газет. Около 4900 евреев умерли здесь только от голодной смерти и болезней²³².

Об этом «лагере смерти» рассказал известный одесский историк Г.С. Шапиро: «В то время здесь было три полуразрушенных барака. Они были окружены глубокими канавами. Вода находилась далеко, на расстоянии двух километров. Вокруг – голая степь. Сюда, начиная с 10 мая 1942 г., стали пригонять евреев из Доманевского района. Бараки были разделены на маленькие узкие клетки, где раньше находились свиньи. Из барака не выпускали ни на шаг. Вшивость, болезни, голод. Дневной паёк – кружка отрубей»²³³. О том же вспоминает и бывший узник этого лагеря Л. Сушон: «О, эти клетки для свиней, о которых я тоже не в состоянии забыть! Кажется, до сих пор чувствуешь дух, отвратительную вонь, исходившую от них. То, что не улетучивалось после пребывания там животных, которые на одном и том же месте ели, пили и испражнялись. Неистребимый и невыносимый животный запах, от которого всегда тошнило»²³⁴. О том, в каких условиях жили эти люди в Богдановке, свидетельствует секретный рапорт палача Исопеску, отправленный 13 ноября 1941 г. Алексану: «До того, как прибыл транспорт с жидами из Вазовки, были высланы примерно 9000 жидов из Одессы, т.е. сегодня... имеют-ся 11000 жидов, расположенных в совхозных конюшнях, куда не вмещалось 7000 свиней»²³⁵. Люди жили не как свиньи, а в значительно худших условиях.

Каковы же были причины всех этих унижений? Зачем было перед физическим истреблением так оскорблять людей? Как нам представляется, подобные условия не были случайностью, они определялись последовательной политикой, направленной на полное унижение и «обесчеловечивание» заключённых. Тоталитарная власть никогда не ограничивается требованием внешнего послушания. Ей нужно намного больше: сломить дух, с корнем вырвать тот внутренний деятельный принцип, который не зависит от внешних обстоятельств, и в этом его сила. Отсюда – у многих наделённых хоть сколько-нибудь значительной властью людей (с болезненным комплексом самоутверждения за счёт унижения других) возникает стремление выискивать у своих подчинённых и тут же душить всякое сопротивление, все проявления духовной независимости, все признаки человеческого достоинства.

Просто расстрелять старых большевиков было мало – Сталину понадобились показательные суды. Он хотел публично продемонстрировать, что люди, отличавшиеся необычайной энергией и огромной силой духа, наконец, сломались, и теперь готовы открыто отречься от всего, за что боролись. То же происходило и в лагерях. Духовное уничтожение мыслилось как самоцель, причём совершенно обособленная от массовых убийств. Они метили в души. Для этого им понадобились и террор, и унижения, но начало было положено немилосердным наступлением на изначальные ценности пострадавших – на чувство чистоты и достоинства. «Фекальная атака, – подчёркивает Т. Пре, – призванная заронить презрение к самому себе, стала их основным средством»²³⁶. Однако существовало и более простое объяснение. Деморализация заключённых была возведена в принцип, чтобы таким образом воспрепятствовать любым проявлениям сочувствия и солидарности между узниками. Заключённый должен был чувствовать себя недочеловеком, созерцающим своё отражение в столь же грязном и вонючем соседе. В подобных условиях массовое убийство не выглядело преступлением и в глазах самих убийц, поскольку жертвы уже не были похожи на людей²³⁷.

Рассказывает Михаил Кирзнер: «Румыны закрыли евреев на скотном дворе с. Врадебка Николаевской области. Сюда приходили немцы и румыны, выстраивали инвалидов и стариков, якобы для переселения в дома престарелых, где, по их словам, им будет лучше и спокойнее... Когда очередь дошла до нас, мы знали, куда всех ведут. Нас погрузили на подводы, якобы на уборку ячменя. Не доезжая до лесного массива, нас заставили разгрузиться, приказали раздеться, выстроили у большой ямы и начали стрелять... Я очнулся среди мёртвых тел и понял, что меня прикрыл собой отец. Долго плакал, был в шоке, дрожа от страха, не знал, что мне делать. Я – без единой царапины, был забрызган чужой кровью»²³⁸.

В Доманевке в течение января и первой половины февраля была устроена настоящая бойня. По приказу префекта уезда Голта подполковника М. Исопеску в гетто Доманевки было уничтожено 18000 евреев²³⁹. Сначала их ограбили и раздели догола, а потом расстреляли группами по 300-400 человек с

²³² Удлер Р. Годы бедствий. С. 127-128.

²³³ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 224-225.

²³⁴ Ibid. С. 225.

²³⁵ Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. Р. 142.

²³⁶ Пре Т. Фекальное наступление // За гранью понимания. Богословы и философы о Холокосте. С. 246.

²³⁷ Ibid. С. 247.

²³⁸ Беккер М. Зажги свечу в День Победы... Кишинев, 2002. С. 92-93.

²³⁹ Procesul lui Ion Antonescu. Р. 384; Удлер Р. Годы бедствий. С. 91; И. Левит говорит о 14 тыс. убиенных в этом лагере: см. Левит И. Пепел прошлого. С. 9.

промежутками в 3-4 дня. Руководил расстрелом В. Мэнеску, претор Доманевского района. 15 февраля 1942 г. румынскими военными властями был издан приказ о прекращении массовых расстрелов. Но «фактически расстрелы и избиения до полусмерти продолжались. Мы были свидетелями этого... Рабский труд евреев вполне устраивал румынскую администрацию, которая управляла бывшими колхозами и совхозами. Особо ценились ремесленники и врачи»²⁴⁰.

За все эти преступления несёт ответственность и бывший губернатор Транснистрии Г. Алексяну, один из организаторов массовых убийств мирного населения. Однако, когда на суде общественный обвинитель обратился к нему с вопросом, какие меры были приняты против полковника Исопеску, который «истребил в Голте более 40000 советских граждан», Алексяну ответил: «Осуждаю сделанное Исопеску. Исопеску доложил мне, что немцы истребили находившихся там евреев»²⁴¹. В этом ответе вновь предпринимается попытка уйти от ответственности, переложить вину на других, в данном случае на немцев, и самому избежать наказания. Именно так и поступают в наши дни некоторые «престижные историки», когда пытаются сильно преуменьшить количество убитых евреев, а основную ответственность за геноцид «сбросить» на венгров и немцев²⁴².

Но, внимая Бузату, не будем забывать о сказанном М. Антонеску, который, «праведно» стремясь «очистить румынскую землю», взял за это на себя «ответственность», заявив, что «не существует законов», и призывая румынских нацистов «беспощадно истреблять врагов рода без жалости, без соблюдения каких-либо норм, в условиях полной свободы действий»²⁴³. В этом смысле румынские фашисты ничем не отличались от германских. Вспомним Геринга, заявившего: «Убивайте, убивайте и убивайте! За всё буду отвечать я!»^Г. И «добрые румыны» не подвели своего фюрера – убивали, убивали и убивали!

Однако и по прошествии более полувека со времени анализируемых событий находятся авторы и их спонсоры, пытающиеся убедить общественное мнение в том, что румынская администрация Транснистрии во главе с Алексяну была не просто примерной администрацией, но лучшей из всех когда-либо существовавших на этой земле. В качестве примера «хорошо документированной работы» служит монография Оливиана Веренка²⁴⁴. Вступительное слово к этой работе было написано Шербаном Алексяну, который считает, что «в кратчайшее время... в условиях войны, в Транснистрии, благодаря румынскому методу управления, был полностью восстановлен и вновь заработал весь человеческий, технический, промышленный, культурный потенциал, что вызвало восхищение и понимание даже у советских властей... Румыния знала как и сумела управлять Транснистрией, подав прекрасный пример замечательной компетентности, умения и человечности нашего народа»²⁴⁵. Насколько «счастливой» была жизнь жителей левобережья Днестра под румынской «компетентной, умелой и человечной» администрацией «профессора» Алексяну, с «восхищением» вспоминают те, кому посчастливилось выжить.

В «винницкий Освенцим» превратили палачи местечко Печера на Южном Буге, где погибли тысячи жителей городков Тульчин, Шпиков, Брацлав и депортированные евреи из Бессарабии и Буковины²⁴⁶. Как вспоминала Циля Шпорт, «в Печере есть общие могилы, где похоронены по 200-300 человек»²⁴⁷. Сюда в начале вражеской оккупации стали сгонять еврейское население, большинство из которого нашло здесь и свой неизбежный конец. И постепенно Печера стала огромной могилой для десятков тысяч несчастных из Буковины и Молдавии, особенно из прибрежных районов Днестра²⁴⁸. Об этом же говорит и Хана Грицевская: «В июле 1941 г. нас отправили в гетто Могилёв-Подольска, а оттуда отвезли в концлагерь села Печеры... Никто нас не кормил, от голода пухли ноги, многие умирали от голода... Фашисты избивали людей, издевались над ними»²⁴⁹. Если смотреть на карту этой «румынской» территории, то видно, что там подобных центров было несколько: Затишье, Ободовка, Ольгополь, Брацлав, Тульчин, Шпиков, Ладыжин.

Фашисты уничтожили в с. Доманевка – 14-18 тыс.²⁵⁰, в с. Акмечетка – 14000, в с. Мостовое – 32600 евреев, в с. Печера – 18000. В декабре 1941 – январе 1942 года румыны расстреляли более 20 тыс. евреев в сёлах Мареневка, Маренбург, Новосёловка, Владимировка и Молдавка²⁵¹. Полностью было

²⁴⁰ Удлер Р. Годы бедствий. С. 91-92.

²⁴¹ Procesul lui Ion Antonescu. P. 191-192.

²⁴² Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. P. 158-159; см. также: Stoenescu A.M. Armata, mareșalul și evreii. Buc., 1998; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 130.

²⁴³ Procesul lui Ion Antonescu. P. 387.

^Г Примечание научного редактора: См.: Крылья дьявола. Герман Геринг. // <http://rutv.ru/brand/show/id/4973>.

²⁴⁴ Verenca O. Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944. Buc., 2000.

²⁴⁵ Ibid. P. 11, 13.

²⁴⁶ Коган А. Красная пена. С. 23.

²⁴⁷ Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. Киев, 2000. С. 493.

²⁴⁸ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 241.

²⁴⁹ Живыми остались только мы. С. 113.

²⁵⁰ Procesul lui Ion Antonescu. P. 384; Удлер Р. Годы бедствий. С. 91.

²⁵¹ Удлер Р. Годы бедствий. С. 98.

уничтожено еврейское население в Рашкове, Шпикове, Ладыжине, Любашёвке, Ананьеве²⁵². Скорбный список полностью погибших местечек возглавляют Кодыма и Песчанка, расположенные на самом юге Восточной Подолии. Всех здешних евреев оккупанты угнали в село Доманевка в низовьях Южного Буга и уничтожили вместе с десятками тысяч евреев Одесщины и Бессарабии. В сентябре 1941 г. местными полициями были зверски умерщвлены все евреи Ладыжина. В Боровке каратели убили всех евреев местечка – более 900 человек. В Томашполе после «экзекуции» в братской могиле осталось более 200 евреев. В Жабокриче также ликвидировали всех²⁵³.

Однако самым ужасным местом Буго-Днестровского междуречья, где было истреблено больше всего мирных, ни в чём не повинных граждан, было с. Богдановка, где было расстреляно и сожжено 54 тыс. чел.²⁵⁴ Здесь побывал и Рубин Удлер, хотя ему и его семье чудом удалось спастись из этого ада. Вот как описывает он в своих мемуарах прибытие колонны одесских евреев в Богдановку после долгого и изнурительного перехода: «По бескрайнему полю, покрытому снегом, гулял резкий ветер, пронизывающий до костей. Идти было очень трудно, дороги почти не было видно... По обочинам дороги валялись трупы застреленных людей из предыдущих транспортов. Все были раздеты догола, опухшие и какого-то странного оранжевого цвета... Утром мы увидели жителей этого гетто. Зрелище было жуткое. Между полуразрушенными бараками брели, с трудом передвигая ноги, голодные, в лохмотьях, грязные тени людей. Их не кормили. Они выменивали за краюшку хлеба всё, что у них было. Их ветхая одежда была завшивлена. И эти обречённые души пытались узнать у нас о своих родных, с которыми их разлучили суровые обстоятельства. Они ещё на что-то надеялись, о чём-то мечтали»²⁵⁵.

В первых числах ноября 1941 г. в Богдановку под конвоем румынских жандармов начали прибывать группы мирных советских граждан, в том числе старики, женщины и дети, согнанные по приказу румынских оккупационных властей из Одесской области и Молдавской ССР. Невзирая на суровую зиму 1941-1942 гг., людей разместили в свинарниках и летних шалашах для свиней, а то и просто под открытым небом. Жизнь лагерников была ужасна. В свинарнике, где раньше помещалось около 200 свиней, находилось свыше 2000 человек. Они полностью были лишены пищи, воды и утоляли жажду снегом.

В начале декабря 1941 г. прибыл в село Богдановка румынский префект подполковник Модест Исопеску. Здесь он приказал местному населению доставить в лагерь печёный хлеб и лично, в сопровождении румынского офицера, продавал этот хлеб заключённым по цене 5 рублей золотом за 500 граммов. Собранные золотые монеты и ценности были им увезены²⁵⁶.

Массовое уничтожение евреев в гетто села Богдановка началось утром 21 декабря 1941 г. и продолжалось до 15 февраля 1942 г.²⁵⁷ Бойню организовали и провели румыны. В свинарники, конюшни и коровники было загнано около 5000 чел.²⁵⁸ Перед входами, у окон и на чердаках сложили снопы соломы, облили их керосином и подожгли. Горящие балки падали на ещё живых людей. Крики обречённых приводили в ужас тех, кого в это время жандармы-румыны и полицаи-украинцы гнали на расстрел в небольшой лес недалеко от лагеря, партиями по 300-400 человек. Обречённых заставляли раздеться догола, сложить всё ценное, стать на колени на краю тридцатиметрового глубокого оврага. Людей расстреливали в упор разрывными пулями. В таком ускоренном темпе бойня продолжалась 22 и 23 декабря. На празднование Рождества и на отдых убийцам был объявлен перерыв до 28 декабря. Массовое истребление евреев было продолжено 28 и 29 декабря.

Ежедневно 25-30 палачей, расположившись в нескольких метрах от группы в 15-20 человек, раздетых донага и поставленных на колени у края оврага лицом к обрыву, хладнокровно расстреливали свои жертвы. Убитые и раненые падали на дно оврага, где был сложен большой костёр из соломы, камыша и дров. Детей убийцы сбрасывали в пламя этого костра живыми. Особые группы заключённых должны были складывать падавшие в овраг тела на костёр. Трупы сжигали круглые сутки. Если легкораненым, пользуясь темнотой, удавалось выбраться из оврага, то их ловили и расстреливали. Немецкие офицеры присутствовали при этих убийствах и делали фотоснимки²⁵⁹.

Заключённым в лагере было приказано соорудить земляную плотину, назначение которой заключалось в необходимости задерживать потоки крови, которая струилась по склонам оврага в реку Буг. Чтобы замести следы этой ужасной акции, по приказу М. Исопеску в течение двух месяцев, января и

²⁵² Левит И. Пепел прошлого. С. 9.

²⁵³ Коган А. Красная пена. С. 23, 24.

²⁵⁴ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 105, 220; Удлер Р. Годы бедствий. С. 96.

²⁵⁵ Удлер Р. Годы бедствий. С. 88.

²⁵⁶ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 218-220.

²⁵⁷ Procesul lui Ion Antonescu. P. 382-385; Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины. С. 39-40; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 103-104; 218-220; Гунихин В.А. Богдановская трагедия. // Рассекретить, опубликовать... Одесса, 1989. С. 131.

²⁵⁸ Procesul lui Ion Antonescu. P. 383; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 104; Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. С. 446-447.

²⁵⁹ Удлер Р. Годы бедствий. С. 97; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 104-105, 219-220.

февраля 1942 г., беспрерывно сжигали расстрелянных людей. Всего сгорели трупы 43 тысяч человек. Для этой работы были отобраны 200 физически здоровых евреев. Сжигали методично: костры имели высоту 2 м и ширину 4-5 м. На слой соломы и дров укладывали ряд трупов, потом снова слой соломы и новый ряд трупов и т.д.²⁶⁰ Сжигание трупов не прекращалось ни днём, ни ночью. По ночам жители Богдановки видели из своих домов большое зарево в районе совхоза и слышали доносившийся до них запах горевшего человеческого тела. Зарево костров виднелось, а удушливый запах жженого человеческого мяса, гонимый ветром, доносился и до Виноградного Сада, за семь километров от Богдановки.

Во время суда подсудимый полковник Исопеску рассказал, что по его приказу в лагере Богдановка у заключённых были отобраны зимние вещи и что было истреблено 8-10 тыс. заключённых²⁶¹. Грабежом десятков тысяч евреев руководил претор Богдановского района Георге Бобей. Он запретил местному населению продавать продукты питания евреям, конфисковал эти продукты, а потом его люди обменивали их только на золото и драгоценности. Румынские власти заставили группу евреев искать золото в овраге, где были сожжены и засыпаны землёй трупы людей. Под охраной жандармов и местных полицаев несчастные раскапывали черепа и выдирали золотые коронки, мосты. Румыны завершали таким образом ограбление жертв недавней бойни. Их жадность не знала предела. Местные любители лёгкой наживы по ночам ходили к оврагу и копошились в поисках золота в пропитанной кровью и слезами земле. Дошло до того, что румыны, чтобы приостановить золотую лихорадку, выставили вооруженную охрану у оврага. Только они имели право эксплуатировать эту «жилу»²⁶².

Однако находятся и такие «учёные мужи», которые пытаются доказать, что в гетто евреи чувствовали себя хорошо и даже были счастливы. В этом смысле Ш. Александру пишет, что «с точки зрения политической, административной, гуманитарной или юридической, не было допущено ни одного нарушения в деятельности гражданской администрации Транснистрии... Румынская гражданская администрация Транснистрии не имела никакого касательства к депортации евреев... Транснистрия, разрушенная гневом войны и отступавшими советскими войсками, была принята румынами в руинах и полностью восстановлена. Более того, были построены жилые дома, церкви, шоссе и многое другое. Население было принято голодающим, а оставлено обеспеченным. Это лишний раз доказывает благородство румынского народа... Мы, румыны, имеем, благодаря профессору Александру, чем гордиться с этой точки зрения»²⁶³.

В Республике Молдова наиболее ярким составителем такого рода «учёных конструкций» является г-н А. Петренко. Цитируя некоторые документы фашистских властей, он выдаёт их содержимое за истину в последней инстанции. В гетто, пишет этот «известный учёный», «были созданы и рынок, и пекарня, хорошо обеспеченные продуктами. Всем имеющимся в гетто евреям были удовлетворены... Вообще евреи довольны своим положением и надеются, что Кондуктор Государства улучшит их положение, по примеру стран, захваченных немцами»²⁶⁴. Положение вещей представлено таким образом, будто в гетто не было голода, холода, болезней, издевательств, избиений, массовой насильственной смерти и других ужасов. Более того, узники, оказывается, ещё «надеялись на Кондуктора Государства». Удивительно, до какой степени наглости можно дойти в процессе грубейшей фальсификации истории! И это диссертация доктора хабилитат «исторических наук» господина Анатола Петренко... Наверное, это единственный в послевоенной истории Европы случай, когда за «произведение» нацистского характера присваивается учёная степень доктора хабилитат исторических наук... И, к сожалению, данная учёная степень присвоена Молдавским государственным университетом – флагманом молдавской науки и образования...

В продолжение, наш, безусловно, «объективный и непредвзятый» «исследователь» пишет, что в Кишинёвском гетто, «благодаря экономическим и санитарно-гигиеническим мероприятиям, положение евреев улучшилось, а их душевное состояние являлось удовлетворительным. В гетто есть овощной рынок, пекарня, больница и два ресторана»²⁶⁵. Правда, о положении в гетто Транснистрии Петренко и не упоминает, наверное, полагая, что всё там обстоит «распрекрасно». Однако отношение автора к данному вопросу абсолютно ясно. Когда читаешь всю эту писанину, возникает резонный вопрос: чего ещё этим «жидам» было нужно, если у них даже рестораны были?! «Учёный» сообщает нам, что «в гетто и лагерях евреи использовались на различных идилических работах. За выполненный труд органы, нанимавшие евреев, были обязаны платить им по 25 леев в день»²⁶⁶. В самом деле, просто «наглые жида» и только: работа была «идиллической», деньги за неё получали, чего им ещё не хватало?! Не так ли, господин Петренко?

²⁶⁰ Procesul lui Ion Antonescu. P. 383; Удлер Р. Годы бедствий. С. 98.

²⁶¹ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 107.

²⁶² Удлер Р. Годы бедствий. С. 126-127.

²⁶³ Verenca O. Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944. P. 14, 15, 17.

²⁶⁴ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 167.

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ Ibid.

«Тезисы» учёного Петренко имеют «надёжный базис» и основываются на «серьёзнейших» архивных документах. И мы воспроизведём на страницах нашей работы один из них. Это фрагмент из ноты Президиуму Совета министров о визите представителя Женевского Красного Креста г-на Колба, осуществлённом между 10 и 21 декабря 1943 г. в гетто Транснистрии. Из этого «документа», разработанного румыно-фашистскими властями, вытекает, что находившиеся в нацистских лагерях евреи были чуть ли не более счастливы, чем граждане Швейцарии, страны, из которой прибыл г-н Колб. Читая это творение, из констатаций, сделанных на месте событий, узнаём следующее: в «Тираспольском гетто» евреи заявили о том, что являются полностью удовлетворёнными, что обеспечены хорошо оплачиваемой работой, хорошо питаются, имеют хорошее, отапливаемое жильё. Они не выдвинули никаких претензий и ничего не потребовали, заявив, что полностью довольны своей нынешней жизнью и отношением к ним со стороны румынских властей».

В «одесских мастерских» евреи заявили, что зарабатывают достаточно для жизни. Не выдвинули ни единой жалобы... Мастерские... были в хорошем состоянии, хорошо проветренные, освещённые и отапливаемые». В Балтском гетто... «d) в прекрасной столовой из новой посуды бесплатно питаются 120 человек; f) Руководящий комитет заявил, что находится в отличных отношениях с местными органами власти...» В «Рыбницком гетто» члены комитета заявили, что имеют очень хорошие взаимоотношения со всеми румынскими властями и евреи очень довольны своим нынешним положением. Евреев хорошо кормят».

В «Черновицком гетто» хорошая санитарная обстановка. Отношения с румынскими властями прекрасные. Почта работает без перебоев. Евреи добывают свой хлеб насущный, трудясь в мастерских». В «Могилёвском гетто» евреи заявили, что довольны своей жизнью». В «Жмеринском гетто» поддерживают замечательные взаимоотношения с румынскими властями». А в «Черновцах» отношения между представителями губернаторства и руководителями еврейской общины хорошие»²⁶⁷. Когда читаешь всё это, возникает единственный вопрос: люди, составившие эту писульку, были слишком глупыми или чрезмерными фарисеями? Разве кто-то может этому верить? Однако предоставим возможность искать ответы на эти вопросы господам Г. Бузату и А. Петренко.

Мы же в это время ознакомим читателя с некоторыми материалами из официального рапорта, представленного румынскому правительству, о положении евреев, находящихся в гетто Транснистрии. В нём говорилось, что «большая часть евреев обитает в тесных и грязных домах украинцев, примерно по 15-35 человек в маленькой, непрветриваемой комнатке; спят на досках, без одеял, матрасов, простыней и укрываются собственной одеждой. В большинстве гетто отсутствуют туалеты, и в Могилёве фекалии распространены повсюду, нет бань и прачечных, за некоторыми исключениями... При каждом гетто их руководящие комитеты создали диспансер, куда интернируют заболевших по причине голода и нищеты. Но в них отсутствуют медикаменты, хирургические инструменты, и мы выяснили, что предназначение этих диспансеров состоит в изоляции больных от здоровых для предотвращения эпидемий... В Могилёвском лагере интернировано около 3000 больных детей... На досках, укрытые одеялами, дети, настоящие трупы, ждут пришествия смерти с минуты на минуту. Это что-то ужасное... 90% из интернированных одеты в лохмотья, производя удручающее впечатление»²⁶⁸. Этот документ является ещё одним дополнительным доказательством того факта, что концентрационные лагеря, расположенные на пространстве между Бугом и Днестром, представляли собой настоящий ад.

Изучив и проанализировав вышеизложенный фактологический материал, приходим к однозначному выводу о том, что румыно-фашистская администрация Антонеску преследовала цель полного уничтожения еврейского населения Румынии и оккупированных территорий. С этой целью планировалось переселение всех евреев королевства в Буго-Днестровский регион и их последовательное истребление. И хотя данное преступление не было доведено до конца, т.к. вермахт стал терпеть одно поражение за другим и румынская правящая клика поняла, что неизбежно приближается час расплаты, большинство еврейского населения Молдовы, прилегающих к ней областей Украины и часть румынских евреев были убиты или погибли от болезней, голода и холода в т.н. Транснистрии. Не случайно этот регион стали называть «адом для евреев»²⁶⁹. По данным представителя Швейцарского Красного Креста Колба, который, как мы уже отмечали, посетил в декабре 1943 г. лагерь и гетто Транснистрии, «депортированное еврейское население понесло значительные потери – 241 тыс. человек»²⁷⁰. Но это неполная цифра.

И, несмотря на это, румынские власти обвинили Колба в «необъективности»²⁷¹. Более того, было объявлено, что якобы евреи Транснистрии обратились «к румынскому государству с просьбой разрешить им переместиться в Румынскую Страну, предпочитая даже лагерную жизнь возможности остаться

²⁶⁷ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 50. Р. 141, 142, 144, 145.

²⁶⁸ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. Р. 543.

²⁶⁹ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду.

²⁷⁰ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 50. Л. 139-140, 159.

²⁷¹ *Ibid.* Л. 140.

ся в Транснистрии, которой грозит большевистская реокупация». Высшая степень фарисейства! В условиях, когда не только евреи, но евреи в особенности, ожидали миг освобождения, считая дни и часы до прихода Красной Армии, такого рода утверждения могут казаться правдоподобными разве что для мозгов господ Петренко, Бузату & К⁰.

В продолжении ноты Президиуму Совета министров о визите Колба в Транснистрию отмечалось, что «это желание есть не что иное, как полученное в результате контактов со своими депортированными единоверцами убеждение в том, что Румынское государство проводит терпимую политику в отношении обеспечения жизни даже депортированных евреев, которую местные транснистрийские евреи предпочитают»²⁷². Такая наглая фальсификация даже не требует комментариев в свете вышеизложенных материалов. По нашему мнению, такие вещи предназначены лишь для абсолютно наивных людей. Хотя, кто знает, может, названные выше господа в своих будущих научных трактатах, которые мы с нетерпением ожидаем, «творчески разовьют» тезисы о «гуманизме» «толерантного» Антонеску.

Мы не будем больше комментировать подобный бред, оставив это занятие господам Петренко & Бузату. Мы поступим иначе, приведя действительные мнения бывших узников транснистрийских лагерей, которые будто бы обращались с просьбой «разрешить им переместиться в Румынскую Страну». Узнаем, что «предпочитали местные транснистрийские евреи», предоставив слово именно им.

Вот что говорит Лев Сушон по поводу «желания» евреев «переселиться в Румынию»: «Нам, увы, оставалось только одно – ждать освобождения с приходом советских войск, как ни мало мы знали об их успехах в борьбе с вермахтом. В ожидании этой свободы и держались наши силы, душевные и физические»²⁷³. А вот слова Рубина Удлера о его и других бывших узников чувствах в момент их освобождения советскими солдатами: «На хутор продолжали прибывать военные... Как отличались эти люди от тех, которых прогнали, – убийц, душегубов, насильников! Как много значат идеология, мировоззрение, воспитание... Они защищали свою родину, свою землю, свою семью. Они никого не поработали, не измывались над иноверцами»²⁷⁴. Такие же мысли и чувства испытывала и Клара Кановская: «Когда на ферме появился первый солдат на коне, у всех на глазах были слёзы радости. Каждому хотелось дотронуться до его шинели, пожать ему руку. Странно слышать, как сегодня некоторые называют этих солдат оккупантами. Я же буду постоянно величать их самыми святыми словами: они – спасители от фашизма!»²⁷⁵.

А вот, что вспоминает Ройф Шапс Абрамович: «Величайшим и светлейшим мигом в нашей жизни, не имеющим себе равных, стал день освобождения гетто славной Красной Армией. Это случилось столь стремительно, что бегущие фашисты просто не успели с нами расправиться. На площади... остановились на отдых многие советские солдаты, уставшие от длинных военных дорог. Оставшиеся в живых заключённые от мала до велика смешались с освободителями, обнимали и целовали им ноги. Бойцы вынимали из мешков свои пайки и делились с нами»²⁷⁶.

«Что же давало нам силы пережить этот нечеловеческий образ жизни? – вопрошает Леонид Мотыкович, и он же отвечает: – Это была вера в неизбежное освобождение, в приход Красной Армии»²⁷⁷. И вновь – оценка академиком Удлером того счастливого для освобождённых момента: «Наступил долгожданный конец нашего беспросветного рабства. 896 дней и ночей страданий и унижений, гибель родных и близких, потеря веры в человечность, порядочность людей... Мы на себе лично ощутили всю мерзость фашизма, национализма и беспредельного антисемитизма»²⁷⁸. «Нас, – дополняет эту мысль Бронислава Грушко, – как и весь наш народ, спасли советские солдаты»²⁷⁹.

И последнее, что мы процитируем – это небольшой отрывок из воспоминаний уроженца Флорешт Михаила Исаковича Гордина: «Своим спасением мы обязаны Красной Армии, а также украинскому народу, который нас приютил и помог выжить, делясь последним. Спасибо им! В марте 1944 г. нас освободили и отца вновь призвали в Красную Армию. В декабре, в возрасте 34 лет, он погиб и похоронен в братской могиле в Латвии. Обидно, что многие антисемиты утверждают, что „евреи воевали в Ташкенте“. А ведь только в рядах Советской Армии воевало более полумиллиона солдат и офицеров еврейской национальности. И не меньше их было в армии союзников. Только наших родственников воевало десять человек. Из них пятеро погибли»²⁸⁰. Следует отметить, что вывод о том, что процентный показатель, характеризующий вооружённое сопротивление, у евреев был выше, чем у других народов, за редким исключением, справедлив. «Если иметь в виду, что евреям приходилось сталкиваться с куда

²⁷² Ibid. P. 140-141.

²⁷³ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 284.

²⁷⁴ Удлер Р. Годы бедствий. С. 166.

²⁷⁵ Живыми остались только мы. С. 179.

²⁷⁶ Назария С. Холокост: страницы истории. С. 285.

²⁷⁷ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 276.

²⁷⁸ Удлер Р. Годы бедствий. С. 165.

²⁷⁹ Живыми остались только мы. С. 118-119.

²⁸⁰ Текущий архив Ассоциации евреев Молдовы – бывших узников фашистских гетто и концлагерей.

большими трудностями и у них не было современной военной традиции, – это потрясающий факт. Безусловно, сыграла свою роль реальность нацистской угрозы для всей еврейской общности»²⁸¹.

В приграничных с Молдовой областях Украины – Черновицкой, Одесской и Винницкой – в период с сентября 1941-го по сентябрь 1942 г., по подсчётам А. Круглова, было истреблено более 126 тыс. человек²⁸². Однако эта цифра не учитывает примерно 100 тыс. евреев, умерщвлённых в декабре 1941 г. в лагерях смерти Богдановка, Доманевка, Акмечетка, Мостовое, Печера и др. В живых остались только те, которые были направлены в Буго-Днестровское междуречье среди последних – в конце весны – летом 1942 г. Те же, кто попал сюда в конце 1941 – начале 1942 г., были тотально уничтожены, и именно эти люди и составляли большинство узников Транснистрии. И хотя в конце зимы 1942 г. массовые организованные убийства прекратились (да и оставалось в живых к этому времени уж совсем мало евреев), однако «по инициативе» отдельных жандармов и полицейев они продолжались, чему власти не противились.

Для доказательства «гуманности» Антонеску и его клики, а также «правоты» их современных апологетов считаем необходимым воспроизвести в нашей книге и приводимую Рубином Яковлевичем Удлером историю о спасении Антоном Блэнуцэ полуторагодовалой девочки Лизы. Хотя её судьба, в конечном итоге, неизвестна и, по-видимому, жизнь ребёнка окончилась трагично. «В декабре 1941 г. в Богдановку пригнали очередной этап евреев из Одессы. В бараках, бывших свинарниках, не было больше места, и несчастные люди, измученные долгой дорогой, голодные и замёрзшие, полураздетые и больные, ютились скученно у безветренной стены свинарника. Стоял крепкий мороз, и было ясно, что многие не доживут до следующего утра.

Антон Блэнуцэ на санях возвращался домой. Из толпы вышла, с трудом передвигая ноги в глубоком снегу, молодая женщина и остановила его. Со слезами на глазах она протянула ему закутанного в одеяльце ребёнка и сказала умоляющим голосом: „Спасите её! Её зовут Лиза”. Она положила этот комочек у его ног и быстро повернула обратно. То ли она боялась за себя, что сердце не выдержит и она вернётся за родной доченькой, то ли остерегалась полицейев. Антон Блэнуцэ взял этот немой сверток на колени, прикрыл полами овчинного кожуха и погнал лошадей. Всю дорогу ребёнок молчал. Антон боялся касаться его. Приехав, он первым делом занёс его в хату, отдал в руки жене и сказал: „Бог нам на старости лет послал ребёнка. Спасибо ему!” И вышел распрячь лошадей.

В тёплой кухне они развернули одеяльце и увидели истощённую девочку, она всё ещё спала. Блэнуцэ поставили греть казанок с водой, вскипятили молоко. Малышка им сразу понравилась. Они нежно поглаживали золотистые кудри, прозрачно-белое личико, веки с длинными ресничками. В тепле девочка разомлела и проснулась, слабым голосом позвала „Мама! Мама!” Блэнуцэ прослезился и ответил, что мама скоро придёт. Они сняли с неё пальтишко и всё, что ещё на ней было, выкупали её. У печи, завернутую в чистое одеяло, её накормили тёплым молочком и мягким ломтиком домашнего хлеба. Лиза жадно всё съела. Её голубые глазки сразу же заблестели. Ребёнок заулыбался. Наверное, впервые после долгих месяцев мытарства.

Лиза с каждым днём поправлялась и хорошела. Она ласково шла на руки к Антону и его жене, повторяла за ними молдавские и украинские слова, выговаривая их по-своему, веселила своим щебетанием и играми. Лизе было примерно полтора года. В эти зимние дни работы было мало, и они проводили вместе всё время. Антон Блэнуцэ и его жена были счастливы. Ребёнок отодвинул на задний план тревоги и невзгоды оккупации...

Блэнуцэ говорили соседям, что они удочерили христианскую девочку-сиротку. Одни им верили, другие – нет. Начальник жандармского поста жестоко отомстил Антону Блэнуцэ. В список евреев, составленный жандармерией в декабре 1943 г., всё же была включена и Лиза, под фамилией Блэнуцэ»²⁸³. В 1996 г. Рубину Яковлевичу прислали копию списка узников гетто Доманевского р-на уезда Голта, составленного в 1943 г. В этом списке евреев из гетто Виноградного Сада числилась и Лиза Блэнуцэ, четырёх лет, родом из Одессы²⁸⁴. Вероятнее всего, она погибла...

И ещё пример «гуманизма» румынских властей в годы войны, о котором говорит наш «ведущий исследователь»: «Что касается отношения Бухареста к депортации евреев из Румынии, приводим в приложении несколько документов (Doc. Nr. 23, 24, 25), которые убедительно доказывают, что администрация Антонеску не подчинилась приказам из Берлина и приняла решение приостановить депортации вне зависимости от положения на Восточном фронте (в октябре 1942 г. это положение благоприятствовало державам Оси)»²⁸⁵. Г-н Петренко «забыл», что ещё 17 августа 1942 г. Президиум Совета министров разработал документ «О мерах, которые следует принять в связи с депортацией евреев в Транс-

²⁸¹ Бауэр И. Формы еврейского сопротивления во время Холокоста // За гранью понимания. Богословы и философы о Холокосте. С. 302.

²⁸² Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения Украины. С. 26-71.

²⁸³ Удлер Р. Годы бедствий. С. 141, 144.

²⁸⁴ Ibid. С. 140.

²⁸⁵ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 169.

нистрию»²⁸⁶. Более того, любая надежда на победу гитлеровской коалиции сразу же оживляла намерения Антонеску истребить всех румынских евреев. Уже в ноябре 1943 г., когда все реалистически мыслящие люди поняли, что фашизм проиграл войну, Антонеску продолжал грезить: «Если обстоятельства позволят мне выиграть войну, тогда, будьте уверены, посредством реформы я изгоню за пределы страны и из среды румынского элемента все меньшинства»²⁸⁷.

До последнего мгновения своего существования режим Антонеску оставался на ксенофобских и антисемитских позициях. Даже 26 января 1944 г., когда «положение держав Оси» было не настолько «благоприятным», как его представлял Петренко «в октябре 1942 г.», И. Антонеску на заседании Совета министров не одобрил репатриацию евреев, депортированных в Транснистрию²⁸⁸. А 14 апреля 1944 г. он распорядился, чтобы все вернувшиеся подпольно из Транснистрии евреи передавались немцам²⁸⁹. Вообще-то, «толерантный» «кондуктор» поступил очень «гуманно» – именно так, как пишет Петренко.

По каким причинам «были приостановлены депортации евреев из Румынии», мы рассмотрим ниже, однако одно совершенно ясно – «гуманизм» Антонеску не имеет к этому ни малейшего отношения. И ещё одна вещь давно ясна – Петренко представления не имеет об истории. В октябре 1942 г. положение «Оси» было почти катастрофическим: перенапряжение всех экономических и людских ресурсов, поражение за поражением в Северной Африке и на Тихом океане, полное «увязание» гитлеровских армий в руинах Сталинграда и в предгорьях Северного Кавказа, а также неспособность изменить такое положение вещей. Налицо были все признаки надвигающейся катастрофы. Об этом знает любой школьник, и странно, что «маститый» профессор, доктор наук, пишущий учебники для этих школьников, даже не подозревает об этих всем знакомых истинах. Во всяком случае, мы не желаем Петренко оказаться в столь же «благоприятной ситуации», в которой оказались «державы Оси в октябре 1942 г.»...

Выше мы привели немало примеров, раскрывающих истинное отношение нацистского диктатора к национальным меньшинствам, однако «самого учёного историка» Петренко опровергает даже Ион Антонеску. Ещё до вступления Румынии в войну он готовился очистить страну от «мерзавцев» („lifle”²⁹⁰). Так, 6 марта 1941 г. кондуктор заявил, что «многие жида, прибывшие в нашу страну после 1936 г., должны покинуть её. Все жида, покинувшие Германию, Австрию и Польшу, остановились у нас, в Румынской Стране, в этом Эдеме, и принялись мошенничать, делать свои дела, интриговать и распространять коммунизм. Вон их, без жалости – за границу! Вначале следует пожалеть румынский род»²⁹¹. Прошло всего лишь два дня, и генерал подтвердил свои намерения: «Мы безжалостны. Думаю только об интересах румынского рода, заставляющих нас не быть более столь милосердными, какими мы были по настоящее время и благодаря чему среди нас оказалось столько чужаков, которые причинили нам столько зла»²⁹². В чём-в чём, а в «гуманизме» Антонеску заподозрить нельзя. В дальнейшем мы приведём ещё множество аргументов, однако и сейчас уже ясно, что от депортации в Освенцим румынских евреев спасла лишь победа Красной Армии под Сталинградом.

Свиристествовали оккупанты до самого момента освобождения нашего края. Так, в 1944 г. в Кишинёве были созданы два лагеря для советских военнопленных, которым отказывали в самом элементарном, что требуется человеку. Например, им не оказывалась медицинская помощь, поэтому раненые и больные были обречены, умирая в нечеловеческих условиях. Незадолго до изгнания фашистов из Кишинёва в помещении пустовавшего склада на Прункуловской улице было заперто около 2 тыс. военнопленных, затем, облив бензином, здание подожгли, и все находящиеся там сгорели заживо²⁹³.

Сегодня абсолютно ясно, что ответственность за уничтожение людей несут как «руководитель» государства вместе со своими приближёнными, так и непосредственные исполнители этих преступлений. Это проистекает и из обвинительного заключения Бухарестского процесса над военным преступником Ионом Антонеску и его криминальным окружением: «Страна должна знать, понимать, что Исопеску, Калотеску, Маринеску, Гинерару и др. созданы по образу и подобию Антонеску и его министров, чью политику грабежа и истребления евреев они исполняли до последнего дня... Бухарестское правительство было не просто соучастником этих преступлений, но являлось их автором и главным ответственным за их реализацию»²⁹⁴.

Последствия фашистской оккупации края для еврейского населения. Таким образом, завершая тему, приходим к однозначному выводу о том, что за период оккупации Молдовы в 1941-1944 годах

²⁸⁶ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 427.

²⁸⁷ Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. P. 40.

²⁸⁸ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 541.

²⁸⁹ Ibid. P. 550.

²⁹⁰ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 566. Л. 54.

²⁹¹ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 205.

²⁹² Ibid. P. 207.

²⁹³ Обвинительное заключение по делу о зверствах и злодеяниях немецко-румынских захватчиков на территории Молдавской ССР. // Советская Молдавия, 1947 г., 7 декабря.

²⁹⁴ Procesul lui Ion Antonescu. P. 39.

немецко-румынские захватчики совершили чудовищные преступления. За эти и другие дела после войны были осуждены на смертную казнь сам Ион Антонеску, М. Антонеску, губернатор Буковины генерал Колотеску, начальник лагеря в Богдановке полковник Исопеску, его помощник Малинеску, палачи Одессы полковник Никулеску, ген. Тресторяну, ген. Мачич, Някшу и др.²⁹⁵, поэтому, в свете приведённых фактов, имевшее место в начале 1990-х гг. ходатайство некоторых националистических политиков об установке в Кишинёве памятника Иону Антонеску и о названии в его честь одной из центральных улиц города выглядит кощунством.

Наверное, существует настоятельная необходимость провести «денацификацию мозгов» определённой части «интеллектуалов» нашей республики, которая «больна национализмом». В Германии покаяться за преступления гитлеровцев, в России признали преступными деяния сталинского режима, в Румынии заклеили правление Антонеску как преступное, а в Молдове пока ещё немало «мыслителей», которые, объявляя себя демократами и гуманистами и пытаясь быть властителями дум, стремятся внушить общественности, в первую очередь, молодёжи, идею о «великомученике» и «национальном герое» Ионе Антонеску, являвшимся в действительности изувером, канибалом и фашистским палачом.

В этой связи известный румынский публицист и политик Э. Мезинческу пишет: «Цивилизация грабежа, высылки и организованных убийств, вот о чём мечтают те, которые выступают за реабилитацию Иона Антонеску и включение его в список народных героев и мучеников! ...Если определённые печатные издания и некоторые форумы, выступающие за реабилитацию и канонизацию Антонеску, в конечном итоге, добьются своего, их успех должен стать отправной точкой для комплексной реабилитации Гитлера и Гимmlера, ... для аннулирования вердикта Нюрнбергского трибунала... Для румынских парламентариев, разделяющих эти убеждения, подвернулся уникальный случай войти в Европарламент... с проектом в духе вышеизложенного, ... триумфальным шагом нацистских штурмовых батальонов и местных легионеров, обряжённых в одиозные зелёные рубахи грабежа, беспредела и организованных убийств»²⁹⁶.

И что удивляет более всего, так это тот факт, что многие подобного рода почитатели вождя румынских нацистов «сотрудничают» с фондом Сороса, получая от него финансовую поддержку на «научную работу» для дальнейшей многоплановой деятельности по возвеличиванию фигуры «великого кондуктёра» и «лучшего румына XX века», лично виновного в истреблении сотен тысяч людей одной с Дж. Соросом национальности.

Однако следует выяснить, сколько всё-таки за годы фашистской оккупации нашей республики «румынские и немецкие освободители»²⁹⁷ уничтожили молдавских граждан еврейского происхождения? Но уже только постановка подобного вопроса вызывает определённые моральные угрызения – в принципе, преступник остаётся преступником, вне зависимости от количества людей, им убитых. Жизнь каждого человека священна, и ни по каким законам, никому не разрешено её отнимать. Но если всё-таки попытаться подсчитать количество жертв геноцида, следует сразу отметить – сделать это абсолютно точно невозможно. Нацисты не составляли списков убитых ими людей, т.к. «недочеловеков» можно (и нужно) было убивать сколько угодно, не неся никакой ответственности. Также невозможно физически (да и по моральным соображениям) это выяснить и посредством эксгумации всех убитых. Поэтому любые подсчёты будут относительными. Как писал А. Коган, «подсчёты ненадёжны, в цифрах – разноречивы». По его мнению, «более всего достоверны числа от 350 до 450 тысяч погибших, без учёта украинцев, русских, молдаван»²⁹⁸. Попытаемся и мы, на основе имеющихся данных и с помощью дедукции, выяснить этот вопрос. Дополнительно оговоримся, точной цифры убитых и безвременно погибших от голода, холода и мучений нет.

Разные исследователи по-разному оценили количество румынских, молдавских и украинских евреев, истреблённых румынскими властями во время Холокоста. Дину К. Джуреску насчитал не менее 108710 румынских и молдавских евреев, погибших в Транснистрии, но в это число не были включены украинские евреи, а также убитые на месте в Бессарабии и Буковине. В соответствии с данными Дениса Делетанта, в Транснистрии погибли от 220000 до 300000 евреев, а Раду Иоанид придерживается мнения, что минимальная цифра потерь составляет 250000 человек. Мататиас Карп отмечает, что сгинуло 264900 евреев, но в эту цифру он не включил украинских евреев. Рауль Хильберг пришёл к выводу, что было убито 270000 находящихся под румынской юрисдикцией евреев, а Марк Розен подсчитал примерно 155000 румынских и молдавских евреев и 115000 украинских, нашедших свой конец в Транснистрии. Жан Анчел утверждает, что лишь в Транснистрии умерли 310000 евреев и ещё не менее

²⁹⁵ Procesul lui Ion Antonescu; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 84-85.

²⁹⁶ Mezincescu E. Mareşalul Antonescu şi catastrofa României. P. 116, 123.

²⁹⁷ См. Petrencu A. România şi Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 56, 57, 58, 60, 64, 84, 95; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 49, 87, 88, 92, 111, 159, 162, 175 etc.

²⁹⁸ Коган А. Красная пена. С. 53.

100000 были убиты в Бессарабии и Буковине во время летней кампании 1941 г.²⁹⁹ Изучив все эти данные, специальная Комиссия, организованная в Румынии для выяснения данного вопроса, пришла к выводу, что количество истреблённых во время Холокоста румынских, молдавских и украинских евреев, находившихся под румынской юрисдикцией, составило цифру от 280000 до 380000 человек³⁰⁰.

Согласно переписи от 29 декабря 1930 г., в Бессарабии проживало 207 тыс. евреев, в Буковине – 108 тысяч³⁰¹, и за десять лет их количество, разумеется, увеличилось за счёт естественного прироста. За год Советской власти количество евреев на этих территориях возросло за счёт репатриировавшихся из Старого королевства³⁰². Как пишет профессор Левит, «по официальным советским данным», их количество составило «149974 человека»³⁰³, включая, по всей видимости, и беженцев из Польши. Цифру в 150 тысяч репатриировавшихся из Румынии после 28 июня 1940 г. евреев приводит и газета «Одесские корни»³⁰⁴. Получается, что к 22 июня 1941 г. на отошедших от Румынии к СССР землях проживало не менее 350-360 тыс. евреев. Цифру – 350-400 тыс. – подтверждает даже А. Петренко³⁰⁵. По расчётам газеты «Одесские корни», накануне нападения Гитлера на СССР в Бессарабии и Северной Буковине проживало 480 тыс. граждан еврейской национальности³⁰⁶.

Число мобилизованных в Красную Армию или эвакуированных в советский тыл бессарабских евреев составило не более 40 тыс.³⁰⁷ В соответствии с информацией Фильдермана, в глубь СССР эвакуировалось 100000 евреев³⁰⁸. По нашему мнению, эта цифра увеличена в 2-2,5 раза, однако без приведения каких-либо доказательств. Далее сошлёмся вновь на исследование И. Левита: «По переписи 1926 г. только в Одессе проживало 153194, а в целом в Транснистрии – около 300000 евреев. Накануне войны, по самым скромным подсчётам, было 350 тыс. евреев, в том числе 180000 в Одессе... В Транснистрии при её оккупации войсками противника оставалось 185000 евреев, большая часть в Одессе»³⁰⁹. Из всего вышеизложенного следует, что еврейское население территорий, попавших после начала войны под румынскую оккупацию, составляло до 22 июня 1941 г. не менее 700 тыс. человек, из которых не менее 400 тыс. остались на оккупированных территориях и подверглись чудовищному геноциду.

По данным И. Фингурта, «за два месяца (июль-август) 1941 г. хозяйничанья немцев и румын на этих территориях были истреблены или умерли более 150 тыс. бессарабских и буковинских евреев»³¹⁰. Всего же, по весьма компетентным подсчётам И. Левита, в Транснистрии, Бессарабии и Буковине было уничтожено нацистами (не имеет значение национальная принадлежность палачей – немцы это или румыны) примерно 330-350 тыс. евреев³¹¹. С ним согласны и другие исследователи: «В 1940 году число бессарабских евреев достигло 400 тысяч, а после войны... осталось 65 тысяч»³¹². По другим данным, эта цифра (да простят нас невинно убиенные за такого рода «статистику») составляет 300 тыс. чел.³¹³ Мы в наших расчётах склоняемся к выводу об относительной правильности подсчётов Изяслава Левита, однако со следующей поправкой: это минимальные цифры потерь наших соотечественников еврейского происхождения. Данное исчисление косвенно подтверждается и приведёнными на Бухарестском процессе цифрами о депортации по приказу И. Антонеску румынских евреев, т.е., в первую очередь, бессарабских и буковинских: «В общей сложности с территории Румынской Страны был депортирован 315641 румынский гражданин, из этого числа 270641 был истреблен»³¹⁴. Во всяком случае, в январе 1944 г. в Буго-Днестровском междуречье оставалось ещё около 75 тыс. евреев³¹⁵.

²⁹⁹ Giurescu D.C. România în al doilea război mondial. Buc., 1999. P. 70-91; Deletant Denis. „Ghetto Experience in Goltă, Transnistria, 1942-1944”. // Holocaust and Genocide Studies 18, nr. 1 (2004): P. 2; Deletant D. Antonescu și Transnistria. // Magazin Istoric, 2005, Nr. 6, 7; Ioanid R. The Holocaust in Romania. P. 289; Hilberg. The Destruction of the European Jewry, vol. 3: P. 1220; Carp M. Cartea Neagră, vol.1: P. 19; Rozen M. The Holocaust under the Antonescu Government: Historical and Statistical Data about Jews in Romania, 1940-1944. Buc., 2004; Ancel J. Transnistria, 1941-1942: The Romanian Mass Murder Campaign. Vol. 1. Tel Aviv, 2003. P. 531.

³⁰⁰ Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România.

³⁰¹ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 73, 90.

³⁰² Фингурт И. Обречённые. С. 14.

³⁰³ Левит И. Пепел прошлого. С. 4.

³⁰⁴ Одесские корни. 2004 г., №38. С. 7.

³⁰⁵ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 62.

³⁰⁶ Одесские корни. 2004 г., №38. С. 7.

³⁰⁷ Фингурт И. Обречённые. С. 15.

³⁰⁸ Manuila S., Filderman W. Populația evreiască din România în timpul celui de-al doilea război mondial. Iași, 1994. P. 36.

³⁰⁹ Левит И. Пепел прошлого. С. 4, 5; см. также: Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 92.

³¹⁰ Фингурт И. Обречённые. С. 15.

³¹¹ Calvarul... P. 9-10; Они защищали и освобождали Молдову. С. 119.

³¹² Пилат И.Н. Из истории еврейства Молдовы. С. 69.

³¹³ Окс Вл. Трагедия еврейских местечек в Транснистрии. // Ткач Е. Антииудаизм, или Пещерный мир. Кишинев, 1998. С. 108.

³¹⁴ Procesul lui Ion Antonescu. P. 390.

³¹⁵ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 542.

Из найденной после войны рукописной записки уполномоченного правительства по «урегулированию еврейской проблемы» Раду Лекка вытекает, что цифра расстрелянных в Транснистрии евреев составила более 327 тыс. человек, а цыган – более 52 тыс.³¹⁶ Как мы уже отмечали, Транснистрию назвали «адам для евреев». В соответствии с отчётом уже упомянутого Колба, посетившего Транснистрию, «депортированное еврейское население претерпело значительные потери – 241 тыс. человек»³¹⁷. Но и эта огромная цифра не полная. По некоторым данным, только в Одессе было истреблено примерно 130 тыс. евреев³¹⁸. «Фашисты, – пишет в этой связи Р. Удлер, – добились своего: они очистили Одессу от евреев. Десятки тысяч невинных людей уничтожены или высланы в лагеря и гетто Транснистрии. Были опустошены квартиры, дворы, кварталы, микрорайоны. Город замер, погрузился в глубокий мрак. Культурная жизнь канула в прошлое. Крупные заводы и предприятия закрылись. Оборудование было вывезено в Румынию. Снабжение населения продуктами питания и другими товарами фактически прекратилось. Многие стали покидать город, возвращаясь в свои сёла и местечки, где легче было прокормить себя и детей. Население резко сократилось. Одесса, южная столица страны, поблекла, превратилась в провинциальный город окраинной территории обедневшей и разорённой королевской Румынии, управляемой фашистским правительством Антонеску»³¹⁹.

Однако румынские власти обвинили Колба в «необъективности»: «Его превосходительство игнорирует официальные данные МВД и совершенно неверно, на основе данных, представленных заинтересованными евреями, настаивает в своём рапорте на ошибках, которые не потрудился сопоставить с официальными данными... Благодаря данному приёму Румынское Государство выставлено в неблагоприятном свете...»³²⁰ Получается, что для того, чтобы выявить правду, следует опираться лишь на «объективность» палачей, а жертвы, будучи «заинтересованы», не могут проявить объективность и не способны говорить правду?! Но тем, что «Румынское Государство выставлено в неблагоприятном свете», оно обязано не каким-нибудь «приёмам», а расистской политике, проводимой его нацистскими правителями. Эту истину следует усвоить и современным румынистам, и нечего на зеркало пенять, коль рожа крива.

Выше мы уже рассмотрели враньё официальных румынских властей о «желании евреев остаться под властью Антонеску»³²¹. Однако и здесь, в заключение нашего исследования, изучая и анализируя вопрос о выявлении общей цифры истреблённых румынскими фашистами евреев, есть смысл дополнить этот «тезис» для более убедительного доказательства фарисейского характера нацистского режима Антонеску и, одновременно, полной лживости «научных» тезисов некоторых историков, пытающихся представить этот режим и его «кондуктора» в «розовых» тонах. Воспроизведём почти полностью пассаж из уже известной ноты Президиума Совета министров: «Русские евреи [просили г-на Колба] обратиться к Румынскому правительству за разрешением покинуть Транснистрию одновременно с их румынскими единоверцами и поселиться в Румынии. Они даже согласны находиться в концентрационном лагере в качестве заложников, лишь бы не попасть вновь под советское господство.

Вышеуказанный параграф... комплексно отражает положение евреев Транснистрии, которые предпочитают румынское управление советскому, а румыны показали себя добродушным народом, с высокими гуманитарными достоинствами, даже в тех случаях, когда принуждались обстоятельствами применять к виноватым наказания, являющиеся чуждыми их духу, а если даже и применяют их, то делают это с колоссальным благородством.

Колб полностью ошибается, хотя повсеместно сам лично убедился, какое огромное участие в отношении депортированных евреев проявляет Правительство. Эти евреи, кроме похвалы и выражений благодарности в наш адрес, других слов не говорили... Будучи под влиянием непроверенных статистических данных и добытых, к тому же, нечестным образом, г-н Колб принимает их за истинные посредством лживого приёма, добыв их или из журналов, или от бухарестских евреев, или собрав их на месте... [Он] считает ответственным за эти потери Румынское правительство, без учёта того, что еврейские массы были полностью большевизированы, что толкнуло их на совершение ужасающих преступлений против румынской армии, администрации и населения во время отступления, а впоследствии оставили свои очаги, усилив ряды большевиков, с которыми отступили»³²².

Считаем, что в данном случае комментарии излишни, тем более, что читатель сам имел возможность убедиться в «доброде», «гуманизме» и «великом благородстве» «Румынского правительства». А что ещё оставалось делать «благородному Румынскому правительству» с «большевизированными еврейскими массами», «совершившими ужасающие преступления против румынской армии, администра-

³¹⁶ Mezincescu E. Mareşalul Antonescu... P. 113; Удлер Р. Годы бедствий. С. 121, 145.

³¹⁷ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 50. Р. 139-140, 159.

³¹⁸ Procesul lui Ion Antonescu. P. 189-190.

³¹⁹ Удлер Р. Годы бедствий. С. 179-180.

³²⁰ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 50. Л. 140.

³²¹ Ibid. Л. 146.

³²² Ibid. Л. 146-147.

ции и населения», кроме как истребить их? Тем не менее, всё это было сделано с «добротой», «гуманизмом» и «великим благородством»... Мы были бы счастливы прочесть комментарии господ Бузату, Петренко, Варта & К⁰ на все эти благородные действия.

Однако вернёмся к вопросу об общем количестве уничтоженных фашистами на оккупированных территориях Молдовы и Украины, а также собственно Румынии. Как бы в подтверждение уже приведённых нами выше цифр, И. Левит пишет: «В одном из отчётов, подписанном заместителем министра внутренних дел Румынии корпусным генералом К. Василиу, отмечается, что в лагерях Транснистрии остались, по одним данным, 78000, по другим – 50741 еврей из числа депортированных из Бессарабии, Северной Буковины и ряда уездов Румынии. Это означает, что за 2 года лагерной жизни погибло 120-140 тыс. евреев. Из евреев – жителей Транснистрии в живых осталось около 15000 человек. Т.о., в Транснистрии в годы фашистского господства погибло более 300000 евреев. А всего, с учётом уничтоженных летом и осенью 1941 г. на территории Бессарабии и Буковины, число евреев – жертв нацистского геноцида составляло 330-350 тысяч человек»³²³. Полностью принимая подсчёты автора в том, что касается евреев, уничтоженных в Транснистрии, но опираясь на архивные материалы и данные других исследователей, мы думаем, что многоуважаемый учёный всё же ошибается при подсчёте уничтоженных фашистами евреев на территории Бессарабии и Буковины. В этом смысле более прав в своих расчётах И. Фингурт, и тогда общее количество убитых евреев на оккупированных румынами территориях значительно переваливает за 400 тыс. душ.

Основываясь на исследованиях д-ра Котика и Л. Куперштейна, известный специалист по данному вопросу Д. Дорон отмечает, что в Бессарабии было уничтожено от 80 до 90% всего еврейского населения этой области³²⁴. Во всей Румынии в 1930 г. проживало около 757 тыс. евреев³²⁵, а 20 мая 1942 г. их осталось всего 292 тыс.³²⁶, т.е. уменьшилось более чем на 450 тысяч! Но в это число входят и евреи (около 150 тыс.), уничтоженные хортистским режимом посредством их депортации в мае-июне 1944 г. в Освенцим³²⁷. Правда, если учесть, что к 1940 г. количество евреев в Румынии увеличилось за счёт их эмиграции из Германии, Австрии, Польши, Венгрии, о чём отмечал на заседании Совета министров сам король Карл^г и через несколько дней подтвердил министр иностранных дел И. Мическу, то число уничтоженных за годы Холокоста значительно больше. Так, в феврале 1938 г. судебная статистика Минюста Румынии отмечала, что в стране проживает 962 тыс. евреев³²⁸. Вполне можно допустить, что было истреблено около 650 тыс. человек еврейской национальности, а вместе с 50 тыс. убитых в Транснистрии цыган – 700 тыс. человек!

По данным бывших узников фашистских концлагерей Молдовы и Одессы, в 1940 г. на отошедших к СССР территориях Бессарабии, Северной Буковины и цинута Герца «оказалось 315 тыс. евреев. Но уже в течение следующего полугодия Румынию, по соглашению с Советским Союзом, в двух пунктах перехода официально покинули 220 тыс. евреев»³²⁹. Правда, по этому поводу имеются и другие интерпретации. Так, историк В. Стэвилэ, также приводя цифру в 220 тыс. репатриантов из Румынии, отмечает, что евреев среди них было всего немногим более 30000 человек³³⁰. О массовом бегстве евреев из Румынии заявил И. Антонеску на заседании правительства 22 октября 1940 г.: «Боюсь одного, что выезжающие в Бессарабию жида будут поселены в румынских сёлах, а крестьян переселят в отдалённые места. Опомнимся с переполненной жидами Бессарабией... Уезжают от нас жида в Бессарабию и занимают места румын, которые будут вынуждены переселиться в Сибирь. Таким образом, ожидаем Бессарабию. Через десять лет проснёмся с десятью миллионами жидов и без единого румына в Бессарабии»³³¹.

Как отмечается в уже цитированном выше совместном документе этих двух ассоциаций бывших узников фашистских концлагерей, к 22 июня 1941 г. на территории МССР и в прилегающих областях Украины проживало 834 тыс. евреев, из которых около 60 тыс. были депортированы или эвакуированы в глубь СССР. «Следовательно, под властью румынского триколора на территории Советского Союза оказалось 770 тыс. евреев*. К ним необходимо добавить более 50 тыс. румынских евреев, депортиро-

³²³ Левит И. Пепел прошлого. С. 9; см. также: Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 346, 347.

³²⁴ Дорон Д. Кишинёвское гетто – последний погром. С. 101.

³²⁵ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. P. XVIII, 70, 79.

³²⁶ *Ibid.* P. XVIII; Mezincescu E. *Mareşalul Antonescu şi catastrofa României*. P. 108.

³²⁷ Шафран А. Сопротивление нацистскому урагану. С. 72.

^г Примечание научного редактора: В советской и российской историографии румынского короля Карла II называют Каролом (Кароль II). С нашей точки зрения, это не верно, так как не соответствует передаче иностранных имён в русском языке. Ведь французский Шарль или английский Чарльз в русском варианте передаются как Карл. Почему же для румынского *Carol* должно быть сделано исключение?

³²⁸ Холокост в «Истории румын». // Коммунист, 2003, 5 декабря. С. 13.

³²⁹ *Ibid.* см. также Удлер Р. Годы бедствий. С. 50.

³³⁰ Stăvilă V. *De la Basarabia Românească la Basarabia sovietică*. P. 39-40.

³³¹ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. P. 158.

* Выше мы пришли к выводу, что вероятнее всего эта цифра составила 700 тыс. человек.

ванных из [королевства]... Мы получаем цифру – 820 тыс. евреев, оказавшихся под... пятой румынских жандармов»³³². С учётом около 80 тыс. спасшихся от террора и уничтожения³³³, на территориях Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии было уничтожено примерно 700 тыс. или более граждан еврейского происхождения. Не будем отрицать справедливости этих цифр, однако они не имеют достаточного документального подкрепления.

На этом фоне как минимум странной является позиция В. Филдермана, отмечавшего, что на территории Бессарабии, Северной Буковины и цинута Херца под румынскую оккупацию в 1941 г. попали лишь 126 тыс. евреев. 109 тыс. из них были депортированы в Транснистрию, из которых 54500 были уничтожены. Всего, по его «подсчётам», было истреблено около 104 тыс. бессарабских и буковинских евреев³³⁴. Подводя итоги уничтожения еврейского населения Румынии, авторы указанного выше исследования пишут: «Потери человеческих жизней евреев были подсчитаны по областям: 15000 в провинциях Старого Королевства, Южной Трансильвании и Южной Буковины, 103919 в Бессарабии, Буковине и цинуте Херца Дорохойского уезда и 90295 в Северной Трансильвании, включённой Гитлером в Венгрию. Всего еврейские потери на территории Румынии 1939 г. достигают 209214, что представляет собой 27% от общего количества евреев (вместо 53%, подсчитанных доктором Кулишером), из которых были уничтожены: 2% румынской администрацией, 13% в результате боевых действий германо-румынских войск на восточном фронте и 12% действиями венгерского правительства, патронируемого германскими властями. Общий вывод: ни в одной стране, находившейся под нацистским господством, не выжила столь большая часть еврейского населения»³³⁵.

Иначе как попытку освободить от моральной ответственности фашистскую клику во главе с И. Антонеску, такой подход интерпретировать невозможно. Данная «методология» – «из той же оперы», что и случай, когда председатель Бухарестского трибунала спросил М. Антонеску о его позиции в Совете министров в связи с погромами и массовым уничтожением еврейского населения, а последний ответил: «Принадлежу к университетской среде и самой конструкцией своего мышления никогда не имел никакого касательства ни с расистской доктриной, ни с доктриной фашистской; должен честно признать, что никогда не был антисемитом»³³⁶.

Большинство румынских историков пытается умалить масштабы совершённых нацистским режимом И. Антонеску преступлений. Так, З. Орня пишет: «Цифры погибших варьируют между 100000 и 120000, другие аналитики поднимают их до 150 тыс.»³³⁷ Флорин Константиу говорит о «примерно 200000 евреев, большей частью из Бессарабии, Буковины и Транснистрии, сгинувших вследствие действий румынских властей или румыно-германских войск»³³⁸. А президент Румынии Ион Илиеску заявил о 250 тыс. уничтоженных евреев и 12 тыс. ромов³³⁹. Кишинёвский историк В. Стэвилэ отмечает, что, при отступлении, «за советскими властями последовали примерно 300 тыс. человек, в основном русских и евреев. Примерно 60-80 тыс. евреев остались на месте, более 20 тыс. из них были уничтожены германо-румынскими армиями и местным населением, а оставшиеся – сконцентрированы в гетто и выселены за Днестр»³⁴⁰. Ниже, в сноске, автор подчёркивает, что «в октябре 1941 г. были переселены за Днестр 56000 евреев. Примерно половина из них сгинула»³⁴¹.

Анализирует вопрос о количестве уничтоженных румынскими фашистскими властями евреев и Рубин Удлер. По его данным, в Транснистрии было убито примерно четверть миллиона евреев³⁴². Правда, он отмечает, что установить точное количество евреев, истреблённых в Транснистрии, невозможно по разным причинам: никто не вёл строгого учёта, людей просто тотально уничтожали; этими убийствами занимались разные службы и убийцы разных стран и национальностей – румыны, немцы, местные полиция, бандиты или просто вырождаки из числа местного населения³⁴³.

По данным А. Шачана, румынами и немцами на указанных территориях было убито около 700 тыс. человек. По его подсчётам, до войны в Бессарабии проживало около 300 тыс. евреев, а в Буковине 110

³³² Холокост в «Истории румын». // Коммунист, 2003, 5 декабря. С. 13.

³³³ Холокост в «Истории румын». // Коммунист, 2003, 19 декабря. С. 9.

³³⁴ Manuilă S., Filderman W. Populația evreiască din România. P. 46.

³³⁵ Ibid. P. 56, 58; см. также: România în anii celui de-al doilea război mondial. Volumul I. P. 315; Nistor I.S. Românii în al doilea război mondial. P. 218; Viața și moartea lui Ion Antonescu. Buc., 1996. P. 88 и др.

³³⁶ Procesul lui Ion Antonescu. P. 103.

³³⁷ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. Buc., 1996. P. 391.

³³⁸ Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 394.

³³⁹ Alocuțiunea Președintelui României, domnul Ion Iliescu, la reuniunea consacrată comemorării Zilei Holocaustului în România – 12 octombrie 2004. // Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România.

³⁴⁰ Stăvilă V. De la Basarabia Românească la Basarabia sovietică. P. 46-47.

³⁴¹ Ibid. P. 47.

³⁴² Удлер Р. Годы бедствий. С. 186-200; 191, 193, 194.

³⁴³ Ibid. С. 192.

тыс. После освобождения Транснистрии из них в живых остались около 14 тыс. бессарабских и около 30 тыс. буковинских евреев. Из Старого Королевства было уничтожено примерно 20 тыс. евреев. Общее количество жертв, таким образом, составляет около 390 тыс. К этому числу А. Шачан прибавляет 310 тыс. местных евреев Транснистрии³⁴⁴. Данная цифра вполне реальна, т. к. до войны в Одесской области проживало 272 тыс. евреев, а в Винницкой около 142 тыс.³⁴⁵ Однако, как нам представляется, цифра в 700 тыс. несколько преувеличена. Во-первых, из Бессарабии успели эвакуироваться в глубокий тыл или были мобилизованы в Советскую Армию примерно 40 тыс. евреев. Определённое их количество, естественно, эвакуировалось и из Буковины, Транснистрии и Одессы. Вероятно, около 100 тыс. человек. Максимальное количество жертв нацистского геноцида на данных территориях составляет примерно 550-560 тыс. человек. К такому выводу приходит и сам Р. Удлер³⁴⁶.

После таких ужасающих «этнических чисток» численность еврейского населения нашей республики уменьшилась почти на порядок. Целые города и местечки, населённые до войны в большинстве своём евреями, обезлюдели. В этом смысле вполне типична судьба бричанских евреев. Так, бывший узник гетто Герш Вельтман вспоминает: «После освобождения Бричан от немецко-румынских фашистских захватчиков в наше местечко вернулся лишь каждый шестой живший здесь до войны еврей. Не подумайте только, что многие сменили своё местожительство, разъехались по городам и местечкам. Нет, бричанцы тогда ещё были патриотами своего славного местечка и не изменяли ему без особых на то причин. А причина была одна и, без преувеличения, уважительная: гибель от рук оккупантов»³⁴⁷. Идентичной была ситуация и в столице республики. За три года оккупации Кишинёва многие покинули город, спасая свои жизни³⁴⁸, ещё больше людей погибло или было истреблено, поэтому к моменту освобождения в городе осталась лишь шестая часть проживавшего до войны населения³⁴⁹.

Катастрофическими для нашего края были и экономические последствия геноцида евреев. Этот факт признали даже оккупационные румыно-фашистские власти. Так, во время одного из совещаний в генеральном штабе румынской армии И. Антонеску был проинформирован, «что вследствие эвакуации евреев из Бессарабии и Буковины торговля и малый бизнес были почти полностью дезорганизованы. Причинённое, таким образом, потрясение экономической жизни было прочувствовано населением, особенно в сельской местности»³⁵⁰.

Нацизм пришёл на нашу землю, чтобы продемонстрировать квинтэссенцию зла, став самым ужасным монстром, когда-либо выпущенным на свободу. «Достижением» фашистского государства явилось совершение убийства десятков миллионов в угоду фанатичному расизму, безусловным императивом которого было – уничтожение евреев. Национал-социалистское государство, во всех без исключения странах гитлеровской коалиции, с его способностью организовать массовое убийство на почве расистского антисемитизма, было и остаётся всеобщим предостережением, поскольку оно является страшной страницей в человеческой истории.

Поэтому мы несём ответственность за то, чтобы историческая правда была признана и дошла до каждого гражданина, чтобы сегодня и в будущем исключались возможность преступлений против человечности, преследования по расовым, этническим, политическим соображениям, вероятность возрождения фашистского движения в любой его форме, антисемитизма, экстремизма, где бы они ни проявлялись. Как сказал Карл Ясперс, «совершаемое людьми сегодня становится источником их будущих действий. Ничто, кроме отчётливейшего осознания случившегося кошмара, не поможет избежать его в будущем. Происшедшее – это предупреждение. Его забвение – это вина. Необходимо об этом всегда помнить. Существовала возможность, чтобы это произошло, и остаётся возможным, что это произойдёт когда-нибудь снова. Только через осознание можно этого избежать»³⁵¹.

4. Личность Иона Антонеску и характер его диктатуры. Интерпретации истребления гражданского населения в националистической исторической литературе

«Оклеветанный» «жидами и коммунистами» герой румынского рода. Иона Антонеску, столь милого сердцу господ Петренко & Бузату, некоторые авторы хотели бы представить «героем и мучеником нации»³⁵². Например, С. Дуйку считает его «незапятнанным патриотом»³⁵³, а Г. Бузату уве-

³⁴⁴ Ibid. С. 195.

³⁴⁵ Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. С. 7.

³⁴⁶ Удлер Р. Годы бедствий. С. 194.

³⁴⁷ Последние свидетели. С. 58.

³⁴⁸ НАРМ. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 9. Л. 54.

³⁴⁹ АОПОРМ. Ф. 51. Оп. 2. Д. 49. Л. 76, 128.

³⁵⁰ НАРМ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 456. Л. 173.

³⁵¹ Jaspers K. The origin and Goal of History. New Haven, Yale University Press, 1953. P. 149.

³⁵² См.: Lupan N. Măreșalul Ion Antonescu, soldat martir, Buc., 1991; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 239-332; Duicu S. Ion Antonescu și „Garda de Fier”. P. 87; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial;

рен, что «маршал Антонеску останется в истории Румынии героем, чьи многочисленные достижения являлись для румынского народа спасительными во многих случаях»³⁵⁴. Вероятно, под «многочисленными достижениями» Г. Бузату подразумевает катастрофу Румынии в годы Второй мировой войны: смерть примерно 600 тыс. румынских солдат на фронте, истребление около полумиллиона проживавших до 1940 г. на территории Румынии евреев³⁵⁵, унижительное экономическое и политическое положение, в котором оказалась страна после окончания войны. О преступлениях гитлеровцев и их румынских сателлитов на страницах вышеупомянутых работ – ни одного предложения. Не встретит читатель ни слова и в знак осуждения преступного союза Гитлера и Антонеску. Да и разве такие «мелочи» способны «запятнать» «патриота»?

Более того, всё отрицается: «Обвинение Иона Антонеску в антисемитизме не имеет под собой никаких аргументов», – пытается убедить нас один «правдолюбивый» историк³⁵⁶. Этот «патриот» доказывает, что массового истребления евреев на контролируемых румынами территориях вообще не было, а коль и было, то этим занимались только немцы. А если и умер кто-то из них в Буго-Днестровском междуречье, виновата война³⁵⁷. Депортированные в Транснистрию евреи «были таким образом спасены от агрессивных нападений... Данное несчастливое стечение обстоятельств, – продолжает И. Нистор, – способствовало тому, что это всеобщее, условное мнение, неверное, но общепринятое, утверждало в течение 50 лет, будто бы Антонеску депортировал евреев из Бессарабии и Буковины в Транснистрию с чётким намерением уничтожить их. Данная интерпретация полностью лишена фактологической основы и противоречит всему спектру существующих документов»³⁵⁸. По всей видимости, совсем бедным является «спектр» автора.

«В действительности, – утверждает О. Веренка, – наша страна, благодаря её руководителям, была единственной союзницей нацистской Германии, которая не передала евреев Гитлеру для осуществления „окончательного решения“... Никто не сумел представить ни одного доказательства, что в Румынии существовал приказ об убийстве евреев или передаче их нацистам для реализации „окончательного решения“... Более того, с санкции Антонеску, Румыния в годы войны явилась оазисом для спасения тысяч беженцев-евреев венгерских, немецких, чешских, французских, словацких и других, преследуемых германским зверем»³⁵⁹. В истинности этих тезисов пытается убедить читателя и Ларри Л. Уаттс. Он объявляет Антонеску «спасителем и защитником» евреев и фактически оправдывает случившееся в Транснистрии необходимостью обеспечить «безопасность фронта» и надобностью сохранить «доверие немцев». В ином случае, утверждает этот историк, Гитлер оккупировал бы Румынию и уничтожил бы всех евреев, как это случилось в Венгрии. Таким образом, по логике автора, отправив евреев в Транснистрию, Антонеску спас их³⁶⁰.

Во-первых, для обеспечения «безопасности фронта» нет необходимости истреблять людей: еврейские женщины, дети, старики, депортированные в Транснистрию, не являлись ни солдатами, ни диверсантами и не представляли никакой угрозы ни для армии, ни для коммуникаций. Кроме того, они были безоружными, находились в концентрационных лагерях и строго охранялись. Какую опасность представляли эти несчастные для фронта, находившегося восточнее на сотни километров? Что касается тезиса об опасности истребления этих людей немцами – он также полностью фальшив: в тех союзных Германии странах, в которых власти категорически отвергли требование Гитлера истребить евреев (Болгария, Финляндия, Италия до её оккупации нацистами и даже оккупированная Дания), последние остались в живых. Абсолютно безосновательно и сравнение с Венгрией. Вермахт оккупировал в марте 1944 г. Венгрию не потому, что Хорти отказался уничтожить евреев, а потому что до Гитлера дошли сведения, что венгры ведут переговоры с представителями западных держав о выходе из войны.

Читая подобные работы, выступающие за «ясность в свете исторической правды», создаётся впечатление, что именно их авторам «недостаёт» моральной и интеллектуальной «почвы». Они пытаются

Nistor I.S. *România în al doilea război mondial*. P. 189-240; Botoran C. 1940-1944. *Holocaustul evreilor din România?! // Revista de Istorie Militară*, Buc., vol. IV (10), nr. 20-22, 1991; Dobrinescu V.-Fl., Nicolăiescu Gh. *Plata și răsplată istoriei*. Ion Antonescu, militar și diplomat. 1914-1944. Iași, 1995; Verenca O. *Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944*. P. 14, 337 и др.

³⁵³ Duicu S. *Ion Antonescu și „Garda de Fier”*. Vol. 1. Târgu-Mureș, 1991. P. 87; Goma P. *Săptămâna Roșie*. P. 79.

³⁵⁴ Scurtu I., Buzatu Gh. *Istoria românilor în secolul XX*. P. 425.

³⁵⁵ О массовом истреблении румынскими властями еврейского населения смотри статью английского историка Дениса Делетанта. По его мнению, румынскими властями было убито примерно 300 тыс. евреев. // *Deletant D. Antonescu și Transnistria*. // *Magazin Istoric*, 2005, Nr. 6, 7.

³⁵⁶ Nistor I.S. *România în al doilea război mondial*. P. 217.

³⁵⁷ Ibid. P. 218, 219, 220, 223.

³⁵⁸ Ibid. P. 220.

³⁵⁹ Verenca O. *Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944*. P. 175, 187.

³⁶⁰ Watts L.L. *O Casandă a României*. Ion Antonescu și lupta pentru reformă. 1918–1941. Buc., 1993, 392-397, 408, 414-424.

убедить читателя, что Антонеску судили не за совершённые преступления, а за то, что «он *посмел* вести войну против СССР, а это ему не могли тогда простить»³⁶¹. О какой «компетентности» и «объективности» можно говорить, если автор «на полном серьёзе» утверждает, что «летом 1944 г. сопротивление румынской армии на линии Фокшаны – Нэмолоаса – Брэила настолько подрывало уверенность Сталина, что он уже стал подумывать о переносе сроков наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов в Молдове в случае сопротивления!»³⁶². Утверждать подобное могут лишь люди в бредовом состоянии.

Другой великий «борец с фальсификациями» «доказывает», что «Маршал и его главные сподвижники были обвинены в преступлениях, которых не совершали»³⁶³. Что же это, как не отрицание правды и не попытка откровенной реабилитации румынского нацизма? Хотя, в некоторых исключительных случаях, признаётся ответственность румын за уничтожение евреев. Так, историк Антон Морарь отмечает, что «части немецкой армии и легионерские части румынской армии причинили многочисленные страдания еврейскому населению Бессарабии»³⁶⁴. Так нам пытаются внушить, что главную вину за преступления, совершённые в Пруто-Днестровском междуречье, несут «части немецкой армии», а не румынской. В своей работе автор часто ссылается на архивы, и «странно», что он пришёл к таким выводам. И ещё один момент: «легионерских частей» в румынской армии не было. Эти «части» могли быть, и были в действительности, только регулярными частями румынской армии.

Такую же позицию, т.е. частичного признания уничтожения евреев администрацией Антонеску с целью отрицания главного – явления Холокоста на оккупированных румынами территориях – избрал и другой молдавский историк Ион Цуркану. Он пытается представить это явление как выдумку самих евреев. Вот как видятся ему те трагические события: «Современная историческая литература освещает участие Румынии в реализации „окончательного решения“». Случаи истребления евреев в Румынии нельзя отрицать, но они не доказывают, что это было приоритетом румынского государства, как утверждают некоторые авторы, в первую очередь, евреи. Чрезмерное старание на этом поприще заметно там, где сионистское дыхание не в состоянии сдержать себя. Так, П. Джонсон абсолютно безосновательно утверждает, что по отношению к евреям румынское правительство было даже более жестоко, чем Гитлер, что в Бессарабии были уничтожены 200 тыс. евреев, цифра явно фантастическая, так как в действительности относится к общему количеству евреев, проживавших в крае в 1940/41 г.; более того, после 22 июня 1941 г. их количество существенно сократилось в результате эвакуации во внутренние районы СССР. Этот автор утверждает, что в Транснистрии румыны убили почти 139 тыс. евреев...

Уже давно идет дискуссия по этому вопросу, в основном между евреями и неевреями. Для [некоторых] *shoah*, т.е. уничтожение евреев, является бóльшим злом по сравнению с истреблением других народов, т.о. некоторые наиболее экзальтированные еврейские авторы (как, например, Елие Визель) доходят до утверждения, что в случае евреев „холокост“ проникает сквозь историю”...

Почему произошла эта обманчивая подмена понятий? Очень чёткий ответ даёт профессор Питтсбургского университета (США) Р.П. Неуман: „По причине чрезмерной политизации холокоста американскими евреями“, которая не имеет ничего общего с прошлыми страданиями евреев, а стремится оправдать нынешнюю агрессивную политику Израиля. Экзальтация в боли или возмущении ни в коем случае не может служить проводником исторического исследования, т.к. подобный советник внушает еврейским авторам убеждение, что лишь евреи пережили холокост, а жертвы и страдания других народов... являются незначительными по сравнению с еврейскими»³⁶⁵.

Сущность диктатуры И. Антонеску. Вызывает споры вопрос о характере режима «кондукэтора», и о том, имело ли правительство Антонеску возможность принять самостоятельное решение о своём участии в войне, и что определило его участие в «еврейском вопросе»? Чтобы не казаться предвзятыми, в качестве аргумента приведём комментарий одного из апологетов фашистского диктатора, полковника Магереску³⁶⁶, признающего, что Гитлер «вначале резервировал Румынии роль рынка оружия и производителя военного сырья для Германии». Он (т.е. фюрер) «никогда не требовал у Антонеску [военной] поддержки», а «только ждал от Румынии того, чтобы она, в своих собственных интересах, сделала всё, чтобы облегчить эту борьбу». Но Антонеску решительно «отвергает эту пассивную роль», заявив: «Хочу участвовать в войне с первого её мгновения... Румыния никогда не простит генералу Антонеску, если он поставит румынскую армию по команде „вольно“, когда немецкие силы пойдут против русских»³⁶⁷. Он выразил своё желание, чтобы румынская армия самым активным образом участвовала в кампании с её первых дней.

³⁶¹ Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 426.

³⁶² Ibid. P. 427.

³⁶³ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 49.

³⁶⁴ Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria. P. 365-366.

* Автор пишет это слово с маленькой буквы.

³⁶⁵ Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale. P. 173-174.

³⁶⁶ Magherescu Gh. Adevărul despre Mareșalul Antonescu. În 3 volume. Buc., 1991.

³⁶⁷ Цит. по: Ткач Е. Антииудаизм, или Пещерный мир. С. 101; см. также: Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului. P. 63; Rotaru J., Burcin O., Zodian V. Mareșalul Ion Antonescu: am făcut „războiul sfânt” împotriva bolșevismului. Campania anului 1941. Oradea, 1994. P. 46.

В этом контексте мы уже подчеркивали, что практически все, или почти все румынские историки постчаушистского периода, оправдывают вступление Румынии в войну против Советского Союза на стороне Гитлера тем, что «это была война за освобождение румынских провинций Бессарабии и Северной Буковины». Мы понимаем их чувства, однако считаем, что в данном случае имеет место не трезвая оценка действительности, а именно «демонстрация патриотизма».

26 июня 1940 г. В. Молотов предъявил румынскому правительству ультимативную ноту, в которой требовалось очистить Бессарабию и Северную Буковину в течение 24 часов. Руководство Румынии капитулировало и уступило без борьбы. Но если оно считало Бессарабию румынской, – тогда её следовало защищать. Так что, июньские 1940 г. события окончательно рассеяли «исторические» и «моральные» «права» Румынии в отношении Бессарабии. Не следует также забывать, что 10 февраля 1947 г. в Париже были подписаны мирные договоры с бывшими европейскими союзниками гитлеровской Германии: Италией, Болгарией, Румынией³⁶⁸, Венгрией и Финляндией. Посредством этих договоров были узаконены территориальные изменения, произошедшие после второй мировой войны, включая и нынешнюю границу между Румынией и Республикой Молдова. И, если рассуждать трезво, без эмоций, в 1941 г. наша Республика никак не была «освобождена», тем более Гитлером и Антонеску. Естественно, сегодня сложно сказать, о чём думали бессарабцы в 1940 г., но если предположить невозможное, и в 1940 г. был бы проведён референдум, на котором население края, без давления, под международным контролем, свободно бы выразило своё мнение, – по итогам волеизъявления Бессарабия в составе Румынии не осталась бы. Так что оставьте нас, многоуважаемые соседи, с вашим «освобождением», т.к. ни Гитлер, ни Антонеску, уж кем-кем, но «освободителями» не являлись никогда...

И последний момент, который считаем необходимым подчеркнуть: если Республика Молдова, которую наши оппоненты окрестили колониальным наименованием «Бессарабия», является «румынской землёй, освобождённой в 1941 г.», тогда молдавская государственность и сегодня незаконна, т.к. в действительности представляет из себя составную часть другого государства, «плоть от плоти Румынии». Таким образом, исходя из данной порочной «логики», Республика Молдова – незаконное, искусственное порождение, не имеющее права на существование, которое необходимо «воссоединить с Родиной-матерью». Так, объективно, «теория» «освобождения Бессарабии» в 1941 г. нацистскими армиями является концепцией, преследующей цель ликвидировать независимость Молдовы и, «восстановив справедливость и историческую правду», превратить её в провинцию соседнего государства.

Но вернёмся непосредственно к нашей теме. Как мы уже отмечали ранее, некоторые историки полностью отрицают фашистский характер диктатуры Антонеску³⁶⁹. Так, «профессор» Г. Бузату задаётся риторическим вопросом: «Кто ещё сегодня, например, может утверждать, после появления многих монографий и томов с документами, что Маршал Антонеску будто был фашистом или „втянул” 22 июня 1941 г. Румынию в „преступную” войну против СССР?.. Наоборот, кто будет воспринимать всерьёз „аргументы” типа того, что Антонеску пошёл на союз с Гитлером из расистских побуждений или с целью распространения нацистского холокоста на национальную территорию?»³⁷⁰.

Господин экс-сенатор Румынии, так не думают только деятели с пещерными убеждениями, пришедшими из той эпохи, когда люди ели друг друга. Неужели и Ваши убеждения таковы?.. Ну, а если не доверяете нам, послушайте «великого вождя и учителя»: «Русский вопрос решим на международном уровне, когда решатся проблемы Центральной и Восточной Европы между Россией и остальными государствами Европы», – заявил Антонеску на заседании Совета министров 9 ноября 1940 г.³⁷¹

Ранее на страницах предыдущих работ мы привели бесчисленное количество примеров расизма И. Антонеску³⁷². Так, антисемитское законодательство, оформленное в годы диктатуры Антонеску его указами, а также королевскими декретами-законами, несёт в себе печать самого дикого расизма, направленного против еврейского народа. Антиеврейская политика, проводимая в годы войны румынской правящей кликой, не была каким-либо конъюнктурным делом или следствием давления со стороны «бесно-

³⁶⁸ Pokivailova T.A., Chiper I. Conferința de Pace de la Paris dezbate frontiera U.R.S.S. // Magazin Istoric, 2000, Nr.12.

³⁶⁹ См.: România în anii celui de-al doilea război mondial. Volumul I. P. 314; Paleologu Al. Antonescu nu era un dictator de tip fascist // Viața și moartea lui Ion Antonescu. P. 21; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 395; Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 31; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 394; Watts L.L. O Casandră a României. Ion Antonescu și lupta pentru reformă. P. 314-321; Vasilos V. Istoria românilor. Chișinău, 2003. P. 368; Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 422 etc.

³⁷⁰ Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 422.

³⁷¹ Procesul Marii Trădări Naționale. P. 14.

³⁷² См.: Nazaria S. Holocaust: file din istorie; Назария С. Холокост: страницы истории; Назария С. Ответственность Румынского фашистского государства за Холокост на оккупированных территориях Молдовы и Украины в 1941-1944 гг. // История Холокоста в Одесском регионе. Сборник статей и документов; см. Также: Benjamin L. Bazele doctrinare ale antisemitismului antonescian. // Dosarele istoriei. 2002, Nr. 6.

ватого фюрера», как пытаются это доказать некоторые молдавские историки³⁷³. Она отражала внутреннее содержание режима и полностью соответствовала идейному миропониманию самого Антонеску.

Маршал Антонеску не раз подчёркивал, что патриотическое воспитание предполагает привитие чувства ненависти к «врагу». В этом смысле, 8 апреля 1941 г. на заседании Совета министров он свидетельствовал: «Именно так я рос, с ненавистью к туркам, жидам и венграм. Это чувство ненависти к врагам отчизны должно быть доведено до последней крайности»³⁷⁴. В этом контексте можно смело констатировать, что господа Бузату Г., Петренко А., Варта И. & К^о являются очень старательными учениками «великого кондуктора»...

Имея в качестве идеала тоталитарное этнократическое государство, румынский фюрер воспринимал многонациональность как угрозу румынской нации. Поэтому он считал расселение евреев на румынских землях «вторжением с катастрофическими последствиями для румын», обвиняя евреев в «иудизации Румынии», в воспрепятствовании развитию румынского капитала, разрушении румынского среднего класса, эксплуатации румынского крестьянина и консервации его отсталости. Другими словами, как и Гитлер в Германии, Антонеску обвинял евреев во всех бедах Румынии. Он сатанизировал и демонизировал еврейский народ и использовал в его адрес выражения из словарей по паразитологии и зоологии, культивируя т.о. крайне фанатичную ксенофобию и ненависть.

Идеологическое содержание антисемитизма «а-ля Антонеску» опиралось и на стереотипное клише, созданное Гитлером в «Майн кампф», о «неполноценности еврейской расы», об опасности иудео-коммунизма и мировом господстве иудео-масонства. Оно было проникнуто самым тупым расизмом, привнесённым из арсенала германского нацизма и привитым на румынскую почву. Нескончаемые инсинуации «кондуктора» в адрес «демонической природы еврейства, главного врага румынского народа, пьющего его кровь», должны были оправдать будущие страшные преступления по уничтожению всех румынских евреев. А сам Антонеску должен был предстать перед историей не в качестве сумасшедшего маньяка-убийцы, а как «освободитель» румынского народа от иудейской «заразы».

Свою идейную и политическую близость к гитлеризму румынский фюрер подчёркивал неоднократно. Именно эта идейно-политическая общность и стала основой общей внешней политики и военного сотрудничества между Румынией и гитлеровской Германией, чего И. Антонеску никогда и не отрицал: «В условиях, когда существуют столько точек соприкосновения между легионерской Румынией и Германией и Италией, направляющих политику Оси, никого не может удивить наше военное сотрудничество»³⁷⁵. 18 сентября 1940 г. румынский «фюрер» заявил: «Мы оседлали Ось Рим – Берлин: следуем с честью один к одному в этом направлении; не оглядываемся ни направо, ни налево... Таким образом, нашей внешней точкой опоры является Ось, а внутренней – национал-легионерское государство»³⁷⁶. Как мы уже отмечали выше, 23 ноября 1940 г. лично И. Антонеску подписал соглашение, по которому Румыния присоединилась к Тройственному пакту³⁷⁷, что также характеризует его «положительно». Именно эта общность и стала причиной повсеместного уничтожения евреев в годы войны на оккупированных немцами и румынами территориях. В этом смысле в итоговом отчёте Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии отмечается: «Антонеску взял на вооружение принципы румынской фашистской идеологии вне зависимости от германского национал-социализма»³⁷⁸.

Однако всё это ни в малейшей степени не предполагает никакой общности между румынским народом, с одной стороны, и политикой, проводимой Гитлером и его преданным сателлитом Антонеску, с другой. Так, в информационной записке II отдела генерального штаба от 24 апреля 1941 г. сообщается, что «немцы довольны правлением генерала Антонеску, но недовольны тем, что 90% всех румын настроены антигермански». О том же в своих воспоминаниях говорит и один югославский дипломат: «Режим Антонеску втянул страну в систему Оси, однако подавляющее большинство румын имело антигерманские настроения» и жаждало «полного поражения» нацистского рейха и его сателлитов в мировой войне³⁷⁹.

В идеологии нацизма ксенофобия и антисемитизм воспринимались как основополагающие черты патриотизма, и в этом свете о евреях позволительно было говорить всё что угодно, даже самое паскудное, не требуя доказательств. Так, в понимании диктатора было само собой разумеющимся, что в то время как румынский промышленник замечательно сотрудничал с рабочими своего предприятия, еврей был нещадным эксплуататором, в то время как румынский коммерсант был честным и порядочным, ев-

³⁷³ Şişcanu I. Istoria românilor. Epoca contemporană. P. 83, 86.

³⁷⁴ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 1. P. XXXVI.

³⁷⁵ Procesul lui Ion Antonescu. P. 313.

³⁷⁶ Ibid. P. 15, 313; см. также: Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. I, 1991. P. 36, 75; Duicu S. Ion Antonescu și „Garda de Fier”. Vol. 1. P. 76.

³⁷⁷ Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 404.

³⁷⁸ Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. P. 114.

³⁷⁹ Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 409.

рей являлся беспринципным спекулянтом-кровососом, в то время как румынский студент в поте лица трудился, чтобы получить диплом, еврей достигал этого путём обмана. В приказе Антонеску от 4 июля 1941 г. отмечалось, что «еврейский род высасывал, разорял, спекулировал и сдерживал развитие румынского народа на протяжении столетий. Необходимость избавиться от этой напасти для румынизма не подлежит обсуждению...». «Еврей – это сатана», – считал «маршал»³⁸⁰.

Усвоение этой антисемитской идеологии членами правительства Антонеску привело к настоящему соревнованию между ними в её практическом осуществлении. Эффект этой психоидеологической обработки населения в духе сатанизации образа еврея, инициированной «кондуктором», не мог не способствовать и созданию определённого эмоционального состояния ненависти и жажды мести «жидам», которые, живя на румынской земле, «принесли столько несчастий» румынскому народу. Простой человек, в первую очередь, «человек с ружьём», находящийся в особом психологическом состоянии, порождённом войной, лишённый политической и исторической культуры, не мог знать, что это представление о еврейском населении не соответствует действительности, во многих случаях вполне усваивал ксенофобскую «концепцию» «великого кондуктора» о дьявольской природе еврея и действовал против последнего без малейшей жалости.

Аналогичные планы вынашивались «кондуктором» и в отношении граждан Молдовы другой этнической принадлежности. Например, 5 сентября 1941 г. на заседании Совета министров он делился «мыслями» со своим ближайшим окружением: «Приступаем к реализации грандиозной задачи по тотальному очищению [Бессарабии] и от евреев, и от всех тех, которые проникли на нашу землю: имею в виду украинцев, греков, гагаузов, евреев, которые все до единого постепенно должны быть эвакуированы»³⁸¹. «Таким образом, – продолжил он на второй день, – я продвигаюсь вперёд, в первую очередь, с целью решения славянского вопроса»³⁸². Эти и многие другие примеры убедительно доказывают расистские цели, преследуемые Антонеску в войне.

Вопрос «этнического очищения», о котором ранее говорилось неоднократно, поднимался «маршалом» в различных ситуациях³⁸³. Так, 26 февраля 1942 г. на заседании правительства Антонеску заявил, что «нужно избавиться и от других меньшинств – украинцев, поляков, болгар, гагаузов, всех этих мерзавцев (liftele), осевших на Севере и Юге Бессарабии»³⁸⁴. «Мы, – продолжил он на том же заседании правительства, – должны всеми имеющимися средствами осуществлять антирусскую пропаганду»³⁸⁵. Данную точку зрения разделяло и его ближайшее окружение. Вот что отмечал в беседе с Гитлером вице-премьер и министр иностранных дел, «профессор» Михай Антонеску: «Многочисленная и примитивная славянская раса представляет для Европы не политическую или духовную проблему, а сложнейшую биологическую задачу... Ей необходимо найти срочное и серьёзное решение»³⁸⁶.

Каким должно было быть это «решение» в случае победы гитлеровской коалиции в войне, известно всему миру – уничтожение или превращение в рабов для услужения «сверхчеловекам высшей расы» сотен миллионов людей. Странно не то, что «интеллектуалы-супермены» типа однофамильцев Антонеску придерживались расистских убеждений. Удивительно, что этого «не знают» «профессора-демократы» Петренко, Бузату & К⁰. Ведь эти люди управляют, или стремятся к управлению государством «по-европейски». В таком случае, т.е. в условиях устойчивого «незамечания» этими господами расистского характера режима Антонеску, остаётся констатировать лишь следующее: чем такие «профессора» встанут у кормила власти, уж лучше пусть им управляют «кухарки».

Однако ближайшими после евреев «в очереди» на уничтожение стали у «толерантного» Антонеску цыгане. В 1939 г. в Румынии проживало около 300 тыс. цыган³⁸⁷. По решению правительства Антонеску, цыгане были высланы из Румынии в Транснистрию якобы для её «колонизации». С этой целью им было дозволено взять с собой всё имущество. И уже 2 августа 1941 г. министерству внутренних дел было дано указание в срочном порядке приступить к выселению кочевых цыган за пределы страны, а также с территории Бессарабии и Буковины³⁸⁸. Спустя год Совету министров было доложено, что «эвакуация» цыган в Транснистрию идёт полным ходом под охраной жандармов³⁸⁹. Решение об «эвакуации» ромов за Днестр было принято в мае 1942 г. лично Антонеску. Уже 22 мая Президиум Совета министров передал министерству внутренних дел распоряжение маршала Антонеску о депортации некоторых категорий ромов в Транснистрию³⁹⁰.

³⁸⁰ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 263, 290.

³⁸¹ Ibid. P. 298; Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 1. P. 327.

³⁸² Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 302.

³⁸³ Ibid. P. 264-269.

³⁸⁴ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 566. Л. 54.

³⁸⁵ Ibid. Л. 167.

³⁸⁶ Buzatu Gh. Mareşalul Antonescu în faţa istoriei. Culegere de documente. Iaşi, 1990, doc. 55. P. 301-302.

³⁸⁷ Удлер Р. Годы бедствий. С. 144.

³⁸⁸ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 10. Л. 341.

³⁸⁹ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 20. Л. 210.

³⁹⁰ Documente privind deportarea Țiganilor în Transnistria. 2 vol. Buc., 2004. Doc. nr. 6.

И на фоне этих общеизвестных фактов, самый ярый апологет «кондуктора» в Республике Молдова А. Петренко пытается доказать, что «режим И. Антонеску не был фашистским, он не имел в своей основе единую фашистскую партию. Руководитель государства не был сторонником нацистской идеологии. 14 февраля 1941 г. наименование Румынии как „национал-легионерского государства” было отменено»³⁹¹. И далее Петренко, будто бы соревнуясь с самим собой, пишет: «Следует выделить верное утверждение..., что диктатура И. Антонеску не знала тех сумасшедших форм репрессий, которые существовали в Советском Союзе или в Третьем рейхе»³⁹².

В этой короткой тираде столько неправды, фальсификаций, доказательств незнания университетским профессором исторической и политологической терминологии и научных категорий, что сразу и не поймёшь, с чего начинать. Опять басня про четыре ошибки в слове из трёх букв. Во-первых, характер режима определяется не его названием, что следовало бы знать и некоторым профессорам Молдавского госуниверситета. Тот факт, что название «национал-легионерское государство было отменено», в сущности ничего не меняет. Л. Бенжамин в этом смысле пишет: «Документы... доказывают, что национализм и антисемитизм, проводимые маршалом и Хорией Сима – руководителем легионерского движения – не отличались концептуально, идеологически, а лишь в деталях повседневной политической практики. Между двумя руководителями существовал совершенный консенсус в том, что касается убеждения в необходимости устранения евреев из румынского общества. Они были согласны в том, что следует делать, разногласия касались лишь способов осуществления запланированных мероприятий. Маршал не допускал легионерской анархии, но не его антисемитского начала»³⁹³.

Отстранив легионеров, Антонеску избавился от конкурентов, и не более того. После этого политика государства ни в законодательном плане, ни в практическом не только не изменилась, но даже стала ещё более близкой к фашизму. Она опиралась на классические нацистские, расистские принципы «чистоты крови». Имело место единственное изменение – вся власть сконцентрировалась в одних руках. Устранение легионеров означало по сути, но не по форме, повторение в Румынии того, что случилось в 1934 г. в Германии в «ночь длинных ножей», когда, убрав Рема, Гитлер сконцентрировал в своих руках все рычаги управления государством^г.

Во-вторых, утверждение о том, что «руководитель государства не был сторонником нацистской идеологии», в корне фальшиво. Выше мы доказали, что его идеология была нацистской, антисемитской и расистской. Формальный аспект проблемы, т.е. тот факт, что Антонеску не был «подкован идеологически», не делал никогда публичных деклараций в этом смысле, не выступал на митингах, как Гитлер, Муссолини и другие, не меняет сути вещей. Самыми убедительными доказательствами в пользу нашего тезиса являются политическая практика по уничтожению евреев и планы «этнического очищения» Румынии от «мерзавцев» и «клопов» или, используя терминологию некоторых идеологов румынизма, «настоящих подонков», «загрязняющих Кишинёв»³⁹⁴.

³⁹¹ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 111, 176; см. также Watts L.L. O Casandră a României. Ion Antonescu și lupta pentru reformă. P. 314-321.

³⁹² Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 112.

³⁹³ Exterminarea evreilor români și ucrainenii în perioada antonesciană. P. 28-29.

^г Примечание научного редактора: После прихода к власти в Германии в начале 1933 года нацисты развернули крупномасштабные преследования своих политических противников. Свирепствовали многочисленные члены штурмовых отрядов (СА). В ряде местностей от невероятно жестоких расправ над коммунистами, социал-демократами, профсоюзными лидерами, левыми интеллигентами штурмовики переходили к разгрому крупных универсальных магазинов. И в дальнейшем лидеры СА пытались играть самостоятельную роль во внутривнутриполитической жизни страны, противопоставляя себя партии, армейской верхушке и СС, допускали «прямое непослушание» фюреру. Поэтому Гитлер пошёл на организацию «ночи длинных ножей» (30 июня 1934 г.), во время которой произошло физическое устранение руководителей штурмовиков, а также был убит главный соперник Гитлера за лидерство партии – Грегор Штрассер, организатор «Чёрного фронта».

³⁹⁴ Dragnev D., Varta I. Istoria românilor. Epoca modernă. Manual pentru clasa a XI-a de liceu. Chișinău, 2002. P. 117.

Данный «учебник» выделяется своей патологической ненавистью к России и всему русскому. Авторы пытаются убедить школьников в том, что внешняя политика России всегда имела исключительно экспансионистский и агрессивный характер и внушают им русофобские настроения (Р. 54, 55, 56, 59-61, 78, 79, 83, 124-127). Не на много лучше представлены на страницах данного «учебника» и другие соседние с современной Румынией страны и их народы: Венгрия, Болгария, Украина, Австрия, Греция и др.

На этом фоне, вышеуказанные авторы приводят «примеры привилегированного положения» национальных меньшинств, массово колонизировавших Бессарабию (Р. 117-118, 122, 151, 161-163). Особую неприязнь господ Варты и Драгнева вызывают евреи, «массово мигрировавшие из других стран в города» (Р. 151). «Среди арендаторов значительную часть составляли евреи..., контролировавшие крупные латифундии». Именно на них указано ученикам как на «эксплуататоров румынского крестьянства». Евреи, «жаждущие быстрого обогащения, жестоко обращались с крестьянами, навязывая им невыносимые условия» (Р. 152).

В соответствии с такими рецептами поступал и германский фюрер. В «Майн Кампф» он «раскрыл» немцам «истинных врагов германского народа». В этом смысле возникает естественный вопрос: в чём же

А утверждение, что в основе режима не находилась «единая фашистская партия», доказывает не то, что желал бы доказать Петренко, а вновь лишь его невежество. В случае Румынии функции нацистской партии, естественно, в отличной от Германии или Италии форме, выполнялись некоторыми военными и бюрократическими кругами. Главным было то, что нацистские директивы румынского «фюрера» строго исполнялись. Важно содержание, а не форма его конкретного воплощения. Имеет принципиальное значение и тот факт, что в Румынии был установлен бескомпромиссный этнократический тоталитарный режим, жёстко контролирующий общественную жизнь, в стране была введена строгая цензура и ликвидированы все демократические свободы. Малейшее несогласие с политикой властей немедленно пресекалось самыми дикими методами, включая смертную казнь, а некоторые письма отдельных интеллектуалов, отправленные Антонеску с выражением их несогласия по поводу тех или иных мер режима, никак не влияли на общий климат.

И тезис, «что диктатура И. Антонеску не знала тех сумасшедших форм репрессий, которые существовали в Советском Союзе или в Третьем рейхе», не означает, что она была в принципе чем-либо лучше сталинской или гитлеровской. Диктатура Антонеску была всего лишь иной формой абсолютного зла. И от этого она вовсе не стала менее «сумасшедшей». Антонеску убил меньше Гитлера и Сталина по различным причинам: во-первых, у него было меньше «материала» для убийств; технические и технологические возможности Румынии были несравнимы с возможностями Германии – просто-напросто «производительность» Антонеску объективно была намного ниже, чем у Гитлера. Другим спасительным для жертв фактором стал «низкий уровень дисциплины» румынских нацистов. Что ни говори, но «немецкая дисциплина и организованность» и в этом проявила своё превосходство над румынской «ленью». И последняя, по нашему мнению, причина состоит в том, что у Антонеску было меньше времени для того, чтобы «проявить себя во всей красе».

До конца 1941 г. он «не успел» по техническим причинам истребить всех евреев, а к этому времени гитлеровский блицкриг потерпел полный крах, и это заставило «маршала» приостановить уничтожение «жидов». Уже вскоре после начала советского контрнаступления под Москвой «маршал» понял, что победа вермахта очень проблематична, и на заседании Совета министров от 16 декабря 1941 г. заявил, что «может случиться компромиссный мир, и за переговорным столом или за кулисами переговоров будет сидеть жид... То, что я требую, так это оставлять как можно меньше следов для того, чтобы не дать возможности судить нас когда-нибудь»³⁹⁵.

разница между Гитлером и господами Драгневим с Вартой? Ясно лишь одно: будь Республика Молдова истинным правовым и демократическим государством, подобное было бы невозможно. Представить себе что-либо похожее в школьных учебниках таких стран как США, Германия, Австрия, Франция, Испания, Великобритания, Голландия и др. нельзя и в кошмарном сне. Случись такое, и авторов неминуемо ждало бы судебное преследование.

Мы привели эти примеры из учебника по новой истории лишь для того, чтобы немолдавский читатель мог понять, в каком духе происходит «воспитание» детей в молдавской школе и с какими настроениями наши школьники приступают к изучению новейшей истории и, в частности, истории второй мировой войны.

Примечание научного редактора: Следует подчеркнуть, что автор не первый задаётся подобным вопросом. Ещё в 2003 году представители ряда этнокультурных сообществ Молдовы направили в Совет Европы и руководителям некоторых государств открытое письмо, в котором проанализировали молдавские учебники с точки зрения межэтнических отношений. Тогда они пришли к выводу, что эти учебники написаны с позиций крайнего румынского национализма, направлены против молдавской государственности и проповедуют ненависть ко всем соседним с румынами (идентичность молдавского народа не признаётся авторами этих учебников) народам и совместно проживающим с ними национальным меньшинствам (болгарам, гагаузам, немцам, евреям, полякам, грекам, армянам, украинцам, русским, венграм и др.). Особенно ксенофобскими, сеющими крайнюю национальную нетерпимость и нацизм, были признаны учебники господ Демира Драгнева и Иона Варта. // См.: *Scrisoare deschisă către Consiliul Europei, către Președinții Albaniei, Armeniei, Bulgariei, Germaniei, Greciei, Poloniei, Republicii Moldova, României, Rusiei, Ucrainei, Ungariei, Serbiei, Turciei, către directorul Institutului Georg Eckert (Germania, Braunschweig) de la societățile etno-culturale din Republica Moldova despre starea educației istorice din Republica Moldova, exprimată prin prisma manualelor de Istorie a românilor*. // *Tineretul Moldovei*, 2003, 16 octombrie.

Практически одновременно с указанным письмом была опубликована и серьёзная статья группы историков, которые обстоятельно проанализировали учебник Д. Драгнева и И. Варты, оценив его как «нацистский» и проповедующий «неандертальскую ненависть». В заключение статьи делается следующий вывод: «Во всём учебнике нет ни одного доброго слова в адрес совместно проживающих национальных меньшинств или соседних народов. Это тотально ксенофобское, ультранационалистическое „произведение“, „излучающее“ ненависть ко всем соседним с румынами народам и по отношению к национальным меньшинствам». // *Vatav Gr., Platon V., Pestova Iu., Novac A. Despre Europa sau o lucrare antieuropeană, plină de ură neandertaliană*. // *Moldova suverană*, 2003, 14 octombrie.

³⁹⁵ *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 1. P. 326, 327; Vol. 2. P. 367.

Однако грянул Сталинград, и это окончательно заставило «кондуктора» подумать о возмездии. Он понял, что сохранение евреев может составить важнейший политический капитал на переговорах с англо-американцами³⁹⁶. Чтобы получить определённые шансы на собственное спасение, И. Антонеску приостановил тотальное истребление румынских евреев. Правда, к тому времени большинство бессарабских и буковинских евреев были уже мертвы. Это признаётся и некоторыми честными румынскими историками³⁹⁷. Данный вывод сделан и в официальном выступлении президента Иона Илиеску³⁹⁸.

Давление извне на внутри- и внешнеполитический курс румынских фашистов. В дискуссии по данному вопросу лучшим свидетелем в пользу тезиса о фашистском характере своей диктатуры и об отсутствии какого-либо принуждения к проводимой им политике является сам Антонеску³⁹⁹. В меморандуме, посланном Гитлеру 14 января 1941 г., генерал клялся нацистскому канцлеру и его «делу» в «преданности навек»: «Румыния шагает рядом с Германией не только по причине необходимости обеспечения своей общественной и военной безопасности, но потому, что полностью осознаёт своё органическое единство с Германией»⁴⁰⁰. И это не простая декларация о внешней политике. Это, в первую очередь, своеобразное признание в верности фашистской идее и политике стран «оси».

То же можно было услышать от «лучшего из румын» во время беседы обоих вождей 12 июня 1941 г. в Мюнхене: «Румынский народ готов шагать до последнего дыхания вместе с Осью, т.к. полностью доверяет чувству справедливости фюрера. Румынский народ связал свою судьбу с Германией, т.к. два народа взаимно дополняют друг друга экономически и политически и должны совместно преодолеть общую опасность»⁴⁰¹. Можно подумать, что кто-то поинтересовался мнением румынского народа!.. «О душевной близости» этих двух палачей (если только у них ещё была душа) неоднократно упоминает и Гитлер. Так, всего лишь через месяц после начала войны с Советским Союзом он пишет «кондуктору», что «констатировал полное совпадение наших общих убеждений»⁴⁰².

Таким образом, лично «Наци №1» устанавливает «полное совпадение [своих] убеждений» и взглядов с воззрениями И. Антонеску. Фюрер не раз отмечал: «Среди наших союзников Антонеску производит самое сильное впечатление. Это личность, которой Румыния никогда ранее не имела»⁴⁰³. Хотя и без этих словесных свидетельств любому демократически мыслящему человеку ясно, что в сущности Антонеску был таким же фашистом, как Гитлер. А из текста, продиктованного Антонеску после состоявшейся 12 февраля 1942 г. беседы с Риббентропом, узнаём: «Я объявил без того, чтобы спросить народ, что проводимая мной политика должна быть рядом с Осью»⁴⁰⁴. Правда, и без этого было абсолютно ясно, что клика Антонеску никогда и не думала спрашивать румынский народ, от чьего имени и «ради которого» управляла страной. В этом смысле Константин Кирицеску отмечает, что, «проигнорировав мнение лидеров старых партий и никоим образом не спросив общественное мнение, Антонеску сам решил судьбу страны»⁴⁰⁵.

В этом контексте, самым весомым аргументом в пользу тезиса о добровольном стремлении режима «кондуктора» к участию в войне на стороне Гитлера является его знаменитый приказ „Treceți Prutul!” («Переходите Прут!»)⁴⁰⁶. В заключительном слове на суде Ион Антонеску провозгласил своё т.н. «Политическое завещание». В нём говорится: «Я начал войну с Советским Союзом. Этого потребовала от меня честь румынского народа [сколько раз спрашивал Антонеску этот народ?] и задачи момента»⁴⁰⁷. К тому же хорошо известно, что Антонеску «до последнего» был предан Гитлеру и держался за него⁴⁰⁸.

³⁹⁶ Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. Istoria României. P. 463; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 394, 402, 415; Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 391.

³⁹⁷ Mezincescu E. Mareșalul Antonescu și catastrofa României. P. 113; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 394.

³⁹⁸ Alocuțiunea Președintelui României, domnul Ion Iliescu, la reuniunea consacrată comemorării Zilei Holocaustului în România – 12 octombrie 2004. // Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. Buc., 2005.

³⁹⁹ Procesul lui Ion Antonescu. Buc., 1995. P. 15; см. также: Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. I, 1991. P. 36, 75.

⁴⁰⁰ Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. 1. P. 76.

⁴⁰¹ Ibid. P. 93.

⁴⁰² Ibid. P. 115.

⁴⁰³ Chirnoagă P. Istoria politică și militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. P. 125.

⁴⁰⁴ Procesul lui Ion Antonescu. P. 16; Buzatu Gh. România și războiul mondial din 1939-1945. P. 18.

⁴⁰⁵ Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. Buc., 1996. P. 205.

⁴⁰⁶ См. Antonescu Mareșalul României și războaiele de reintegrare. P. 261; Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului. P. 163; Viața și moartea lui Ion Antonescu. P. 13.

⁴⁰⁷ Antonescu Mareșalul României și războaiele de reintegrare. P. 505.

⁴⁰⁸ См.: Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite (1940-1944). Vol. 1. Buc., 1991. P. 35, 36, 75, 76, 93, 115, 121, 161, 162, 169; Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite (1940-1944). Vol. 2. Buc., 1991. P. 10, 62, 166-204; Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 412.

Неоднократно заверял «кондукэтор» фюрера в своей преданности и выражал ему своё восхищение⁴⁰⁹, утверждал, что «пойдёт до конца в начатом на Востоке деле», добавляя при этом: «не выдвигаю никаких условий перед нашим военным сотрудничеством на этой новой территории»⁴¹⁰, «поставлю румынские силы на службу нашей общей цели»⁴¹¹, «рад способствовать румынскими войсками достижению победы восточнее Днестра и делу спасения цивилизации, справедливости и свободы народов»⁴¹².

Вот уж точно, «язык без костей», и можно даже утверждать, что Гитлер является «спасителем цивилизации, справедливости и свободы». Однако поверят в такого рода «научные истины» разве что Бузату, Петренко & К⁰. Тот факт, что Гитлер и Антонеску вели расистскую захватническую войну, является аксиомой, но интересно и откровение румынского «первого патриота»: «Маршал Антонеску, правительство и румынский народ прекрасно осознают, что без победоносной войны Адольфа Гитлера против славянства... румынская нация утратит не только понесённые ею с 1940 г. по настоящее время тяжёлые жертвы, но и саму национальную сущность»⁴¹³. Во время суда над «кондукэтором» ему был задан вопрос о возможности заключения перемирия на более раннем этапе. Нацистский маршал ответил, что такие предложения были, но он их отверг с порога со словами: «Не могу пойти на перемирие. Я солдат. Не могу повернуть оружие против тех, вместе с которыми воевал»⁴¹⁴.

«Тесное сотрудничество между румынами и немцами, а также “собственная инициатива” румын в этой области были доказаны и на процессе над Антонеску и его сообщниками, состоявшемся в Бухаресте после войны»⁴¹⁵. Верность такого вывода подтверждается и собственными показаниями бывшего «кондукэтора»: «Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз..., предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских войск и, наряду с этим, принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз... Так как предложение Гитлера... соответствовало моим... намерениям, я заявил о своём согласии... Министры были полностью согласны с моим и Гитлера решением о нападении на Советский Союз... Они, так же, как и я, были сторонниками союза с Гитлером и всячески помогали мне в укреплении нашей связи с Германией»⁴¹⁶.

«К этой одиозной и заранее обречённой аванюре Румыния присоединилась только благодаря воле и решению Иона Антонеску... со всеми катастрофическими последствиями для страны и румынского народа... Румыния взяла на себя обязательства в этой войне без принуждения великого фюрера... В целях ведения войны на Востоке ни фюрер, ни верховное командование вермахта не считали, что румынская армия способна внести существенный вклад в победу...»⁴¹⁷ Гитлеровская Германия нуждалась в румынских наземных и подземных богатствах, в свободном передвижении по территории страны и в нашей коммуникационной и телекоммуникационной сети... Рейх не предъявлял Румынии требований, которые бы перевешивали вышеуказанные»⁴¹⁸. Таким образом, факты свидетельствуют об отсутствии какого-либо насилия извне со стороны гитлеровского руководства по отношению к принимаемым кликой Антонеску внешне- и внутривластным решениям.

Отношение населения страны к политике «кондукэтора». И всё же, какова была реакция румынского народа на авантюру Антонеску от 22 июня 1941 г.? В современной румынской историографии господствует тезис, будто бы румыны встретили эту весть «с энтузиазмом и воодушевлением»⁴¹⁹. Не будем отрицать, первая реакция, возможно, таковой и была, в первую очередь, среди легионеров и части интеллигенции националистической ориентации. Именно так случалось много раз в истории многих народов. Лучшим примером этого служит начало первой мировой войны. Но уже через короткое время в обществе стали преобладать резкие антивоенные настроения.

⁴⁰⁹ Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite (1940-1944). Vol. 1. P. 35.

⁴¹⁰ Procesul lui Ion Antonescu. P. 22.

⁴¹¹ Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. 2. P. 10.

⁴¹² Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. 1. P. 121.

⁴¹³ Ibid. P. 169; см. также: P. 161, 162.

⁴¹⁴ Procesul lui Ion Antonescu. P. 71; Antonescu Mareșalul României și războaiele de reintegrare. P. 434.

⁴¹⁵ Дорон Д. Кишинёвское гетто – последний погром. С. 91.

⁴¹⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. Т. 2. М., 1958. С. 689, 690.

⁴¹⁷ 30 марта 1941 г. на совещании по вопросу о подготовке к войне против СССР Гитлер со свойственным ему пренебрежением к другим народам заявил: «От румын вообще ничего ожидать нельзя. Возможно, они окажутся в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать. Антонеску увеличил свою сухопутную армию, вместо того, чтобы уменьшить её и улучшить». // «Совершенно секретно! Только для командования». С. 180.

⁴¹⁸ Mezincescu E. Mareșalul Antonescu și catastrofa României. P. 7, 97, 57-58.

⁴¹⁹ См.: Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 405; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 409; Rotaru J. Etc. Mareșalul Ion Antonescu... P. 98 и др.

Точно та же ситуация, уже через несколько недель после начала войны, повторилась и с румынами в 1941 г. В этом смысле К. Кирицеску писал: «Воистину проявилась ограниченность горизонта политического мышления Антонеску. Он сделал выводы исключительно из ситуации момента, будучи неспособен охватить вопрос во всей его целостности, как во времени, так и в пространстве. Дальнейшее развитие событий докажет, насколько ненадёжными были его политические расчёты»⁴²⁰. Уже сражение за Одессу (август – первая половина октября 1941 г.) показало румынам, в какую авантюру втянула их клика «великого кондукэтора». А Сталинград довершил понимание того, что продолжение движения в русле гитлеровской политики стремительно ведёт Румынию к краю пропасти⁴²¹. Георге Барбул, человек из ближайшего окружения «маршала», свидетельствовал, что ещё до начала советского контрнаступления под Сталинградом Антонеску заявил, что Германия проиграла войну и Румынии следует не проиграть своей войны⁴²².

Для подтверждения вышесказанного представим опубликованный Г. Бузату и очень ценный, по нашему мнению, документ. Речь идёт о письме генерала Якобича, отправленном 19 августа 1944 г. на имя маршала. Воспроизведём его почти полностью: «Вот уже более двух лет, как мы предупреждали о пагубности для Румынии способа нашего участия в русско-германской войне и объявления войны Соединённым Штатам.

К нашему великому сожалению, события развивались именно так, как мы и предсказывали, и без того, чтобы Вы сделали хоть какой-нибудь логический вывод из всех этих событий. Вы отвергали любое предложение, любое мнение, взяв на себя всю ответственность за свои действия и доведя страну до края пропасти, с разбитой под Сталинградом и в Крыму армией..., с почти полностью уничтоженной промышленностью, с разрушенными Столицей и Нефтедобычей!

...Вы цепляетесь, как обречённый..., за Гитлера..., но Румынии нечего искать в этой коалиции смертников! ...Если бы Вы сегодня спросили страну, не получили бы и миллионной доли голосов, несмотря на всю подлость и состояние огрубления румынского гражданина, которым Вы, в своё время, воспользовались для незаконной узурпации власти...

Самым трагичным является то, что мы дошли до грани Ада!.. Ваше самоубийство никак не окупит совершённого Вами преступления... Не хватило вам и мужества выйти из тупика, в котором мы оказались, посредством *отделения от Германии*, что могло Вас серьёзно реабилитировать! ...То, что Вы делаете, является глубоко бесчестным, т.к. Вы злоупотребили доверием целого народа, доведя его до гибели... Только русские могут быть Вам благодарны, ведь Вы наилучшим образом подготовили то состояние душ, когда деморализация, возмущение, нищета сделали принятие коммунизма единственным спасением от спровоцированного Вами несчастья»⁴²³.

Правота выводов генерала Якобича подтвердилась уже через четыре дня, когда режим Антонеску был свергнут и абсолютно никто даже не попытался его защищать. Если бы было иначе, румыны воевали бы за Антонеску так же, как боролись немцы и советские солдаты – до последнего дыхания последнего воина. И если говорить о смелости и стойкости румынского солдата, то эти качества, бесспорно, проявились *после* 23 августа 1944 г., плечом к плечу с советским солдатом в их общей борьбе с нацизмом, а значит, против «дела Антонеску»!

Но вернёмся к настроениям населения сразу после 22 июня 1941 г., и сделаем это опять-таки с помощью К. Кирицеску: «Спровоцированная началом войны реакция общественности была скорее чувством сдержанности от ожидаемой опасности, чем взрывом энтузиазма. Когда говорят об „общественном мнении“, вполне справедливо подразумевается меньшая часть народа, образованная, культурная, относительно информированная, озабоченная общественными интересами и составляющая сердце и мозг нации. Народные массы, большей частью сельское население, погружённое в бедность и невежество, участвуют в политической жизни лишь пассивно и совсем незначительно и являются главными поставщиками пушечного мяса, посланного на поля сражений для самопожертвования. Они подвергаются болезням и лишениям, порождённым войной, которую приняли и вели благодаря своему легендарному духу покорности и дисциплинированности»⁴²⁴. Таким образом, румынский крестьянин не имел причин для проявления энтузиазма, понимая, что ему придётся проливать кровь далеко от своего дома и за совершенно чуждые ему интересы.

⁴²⁰ Kirişescu C.I. România în al doilea război mondial. P. 208.

⁴²¹ См.: История Румынии. 1918-1970. М., 1971. С. 346; Duţu A.D. De la Nistru spre Volga şi Caucaz. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 31-36; Budescu V. Jurnal de front. Pribeag la Cotul Donului. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 12; Troncotă C. Dezastrul de la Stalingrad. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7; Cosovanu L. Din încercuirea de la Stalingrad: generalul Tătăranu îi scrie lui Mihai Antonescu. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 4.

⁴²² Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 416; Vasile M. Bondăraş unelteşte, la Palat, deschiderea frontului prin „Poarta Iaşului”. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 8. P. 26.

⁴²³ Buzatu Gh. Din istoria secretă a celui de-al doilea război mondial. Volumul II. Buc., 1995. P. 279-280; Buzatu Gh. Generalul Iacobici împotriva mareşalului Antonescu. // Magazin Istoric, 1993, Nr. 7.

⁴²⁴ Kirişescu C.I. România în al doilea război mondial. P. 216.

Но, продолжает Константин Кирицеску, «с какими чувствами просвещенное общественное мнение восприняло объявление войны?.. В условиях установленного диктатурой Антонеску режима,.. по причине роспуска политических партий, ликвидации парламентского строя, жёсткой цензуры печати, полицейских ограничений, делающих невозможным свободное выражение общественного мнения, подавлялись любые попытки выражения мнения, если они не устраивали правительство, любые свободные дискуссии по вопросу о будущем страны. Поэтому просвещенное общественное мнение не могло принять участие в событиях, разве что посредством душевных терзаний и тревожных ожиданий тех решений, которые принимались кучкой людей, захвативших руководство. По этой причине объявление войны не смогло породить воодушевление, с которым ожидали и приняли решение о вступлении в войну за реинтеграцию в 1916 г., но было встречено со смешанными чувствами, среди которых преобладали сдержанность и страх. Новая война была делом одного человека. Её причины и цели были известны ему одному и его ближайшему окружению. Сдержанность и страх, овладевшие душами людей, исходили как от союзника, рядом с которым начинали борьбу, так и от противника, против которого подняли оружие»⁴²⁵.

И в заключение, для выяснения вопроса об отношении всех политических сил Румынии к факту вступления страны в войну, осталось рассмотреть позицию «исторических» партий. В румынской историографии господствует тезис о том, что Ю. Маниу и Д. Брэтиану поддержали акцию по «освобождению» Бессарабии и Северной Буковины, но выступили против продолжения румынской армией кампании восточнее Днестра⁴²⁶. Во время процесса над Ионом Антонеску & К⁰ общественный обвинитель задал М. Антонеску вопрос: «Имелась ли на момент вступления Румынии в войну поддержка со стороны политических партий или нет?». На что последовал ответ: «На момент вступления в войну имелась поддержка неформальная, и господа Юлиу Маниу и Дину Брэтиану знали об этом... Господин Маниу... не сказал мне, что это преступление против страны или международное преступление... Также и господин Дину Брэтиану знал обо всём...»⁴²⁷.

Выходит, что в отношении акции по «освобождению» Бессарабии и Северной Буковины между правительством и «демократической оппозицией» противоречий не существовало. Что касается продвижения румынских армий «восточнее Днестра», здесь не всё так ясно. Мы не уверены, что царанистский и либеральный лидеры Ю. Маниу и Д. Брэтиану не поддержали этого наступления. К такому выводу нас подвигает отрывок из письма Юлиу Маниу от 8 ноября 1941 г. маршалу Антонеску: «Национал-Царанистская партия, вместе со всей общественностью, одобряет военную акцию, предпринятую с целью вызволения Бессарабии и Буковины и освобождения элементов из-за Днестра... Национал-Царанистская партия с воодушевлением поддерживает достигнутые в этом отношении результаты». На процессе же Ю. Маниу заявил, что «поддержал и согласился с этой акцией,.. но только до Днестра»⁴²⁸. А вот из письма от 8 ноября становится ясно, что г-н Маниу был согласен «идти» не только до Днестра, но и куда дошёл Антонеску. Тем более, что было уже не 8 июля, а 8 ноября и румынские армии стояли восточнее Днепра. Это подтверждается из письма самого Маниу, приветствовавшего «освобождение элементов из-за Днестра».

Сущность диктатуры и политики Антонеску, вопрос об участии Румынии в войне в демократической румынской историографии и подтверждение её выводов самими нацистами. Вопрос о характере режима И. Антонеску и проблема участия фашистской Румынии в войне на стороне Германии тесно взаимосвязаны. Вот как оценивает диктатуру «кондуктёра» и её связь с Гитлером публицист Леонид Чемортан: «Режим Антонеску близок с политикой и практикой фашизма: абсолютная личная диктатура, крайний национализм (более всего напоминающий расизм и особенно проявляющийся в форме антисемитизма) как элемент правительственной политики, официальное приобщение к Оси и её формам борьбы с коммунизмом – всё это привело к преступлениям, относящимся к геноциду»⁴²⁹.

15 декабря 1990 г. главный раввин Румынии Мозес Розен отмечал: «Ясская бойня, массовое истребление евреев Бессарабии и на Украине, их депортация из Буковины и Дорохоя – вот злодеяния режима, высшим руководителем которого был Антонеску. Ясно, что реабилитация такого палача... означала бы чудовищное оскорбление сотен тысяч мучеников...»⁴³⁰. А раввин Ю. Фишер отмечал, что хотя главная вина за Катастрофу ложится на гитлеровскую Германию, режим Антонеску стал «соучастником самого

⁴²⁵ Ibid. P. 216-217.

⁴²⁶ См.: România în anii celui de-al doilea război mondial. Volumul I. P. 385; Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului. P. 99-102; Watts L.L. O Casandă a României. Ion Antonescu. P. 472; Constantiniu Fl. O istorie sinceră... P. 403; Scurtu I. Din viața politică a României. (1926-1947). Buc., 1983. P. 457; Scurtu I. Iuliu Maniu. P. 103; Rotaru J., Burcin O., Zodian V. Mareșalul Ion Antonescu: am făcut „războiul sfânt” împotriva bolșevismului. P. 104.

⁴²⁷ Procesul lui Ion Antonescu. P. 114-115.

⁴²⁸ Ibid. P. 310.

⁴²⁹ Ткач Е. Антииудаизм, или Пещерный мир. С. 98.

⁴³⁰ Ibid. C. 115.

отвратительного преступления в истории»⁴³¹. Посол США в Румынии Альфред Мозес в этом контексте отмечает, что «прославлять сегодня Антонеску означает признать, что нацистская Германия была права, а союзные против гитлеровцев державы ошибались»⁴³². Против реабилитации личности нацистского «кондукэтора» Румынии выступили и американские конгрессмены⁴³³.

Как нам представляется, самым авторитетным в этом плане аргументом является мнение Иона Илиеску. И совсем не в силу того, что он был президентом дружественной и родственной нам страны, а потому, что это честный и мужественный политик, истинный демократ, приверженный европейским ценностям и, одновременно, горячо любящий свой народ человек, настоящий патриот своей Родины. Вот его слова: «Нельзя забывать, что Антонеску пришёл к власти при поддержке легионеров, был союзником Гитлера, втянул страну в войну, обошедшуюся ей в 600 тыс. жизней. Лишены основания попытки представить его освободителем Буковины и Бессарабии»⁴³⁴.

Существует также мнение, что политика Антонеску в «еврейском вопросе» была навязана ему Гитлером⁴³⁵. Вспомним ещё раз слова кондукэтора: «Если евреи в Стране Румынии ещё живут, то живы исключительно благодаря Маршалу Антонеску!»⁴³⁶. В этом плане, уже упомянутый историк Левит пишет: «Несомненно, определённый нажим был... Но, как известно, нажим оказывала Германия и на других своих союзников,... тем не менее в этих странах евреи не подвергались геноциду. Даже Муссолини отверг требование германского фюрера отправить итальянских евреев на смерть. Если проследить эволюцию политики самого Антонеску в еврейском вопросе, можно заметить разные к ней подходы, продиктованные отнюдь не позицией Берлина, а собственными интересами. На мой взгляд, не стоит преувеличивать германский фактор»⁴³⁷.

Трудно не согласиться с мнением столь высокопрофессионального историка, тем более, что оно подтверждается многочисленными документами. Так, на заседании Совета министров от 16 декабря 1941 г. «маршал-мессия» отмечал: «Жидовский вопрос решается в Берлине. Немцы хотят отправить всех жидов из Европы в Россию и расселить их в определённых регионах. Но до выполнения задуманного ещё есть время. Что нам делать всё это время с ними? Будем ждать, что решат в Берлине? Подождём выгодное нам решение? Следует обезопасить их?». И здесь же румынский диктатор сам отвечает на свой вопрос – уничтожение всех евреев является единственным выходом⁴³⁸.

Вот что пишет в отношении пресловутого «давления» в «еврейском вопросе» со стороны немцев на Антонеску Лия Бенжамин: «Данная политика имела своё происхождение не в давлении Третьего рейха и не в соображениях военной стратегии. Она нашла своё обоснование в концепции расовой однородности и очищения, являвшейся основой политики нацистских стран и оправдывавшей политически и исторически геноцид против тех рас, которые были объявлены низшими»⁴³⁹. К данному выводу пришёл и румынский президент И. Илиеску, отметивший, что «жестокая трагедия Холокоста стала возможной благодаря соучастию верхов некоторых государственных институтов – секретных служб, армии, правоохранительных органов и др. ...Безусловно, нацистский режим Германии несёт главную ответственность за явление Холокоста в европейском масштабе. Однако режим Иона Антонеску является основным ответчиком за инициирование и организацию действий, направленных на подавление и истребление румынских и других евреев, оказавшихся под румынской властью»⁴⁴⁰.

Даже один из главных организаторов Холокоста, Й. Геббельс, уже 23 июня 1941 г., т.е. на второй день после начала войны, записал в своём дневнике: «В Молдавии евреи стреляют в немецких солдат. Но Антонеску проводит чистку. Он вообще ведёт себя на этой войне превосходно». В августе Геббельс фиксирует: «Фюрер сказал: что касается еврейского вопроса, то такой человек, как Антонеску, поступает гораздо решительнее, чем это делали мы до сих пор»⁴⁴¹. Это подтверждает и германский посол в Бухаресте фон Киллингер: «Предпринятые румынами меры на недавно оккупированных восточных

⁴³¹ Они защищали и освобождали Молдову. С. 121.

⁴³² *Viața și moartea lui Ion Antonescu*. P. 111.

⁴³³ *Ibid.* P. 176.

⁴³⁴ Ткач Е. Антииудаизм, или Пещерный мир. С. 114.

⁴³⁵ Petrencu A. *Basarabia în al doilea război mondial*. P. 163.

⁴³⁶ См. Antonescu Mareșalul României și războaiele de reintegrare. P. 446.

⁴³⁷ Они защищали и освобождали Молдову. С. 119.

⁴³⁸ *Procesul Marii Trădări Naționale*. Buc., 1946. P. 41; *Evreii din România între anii 1940-1944*. Vol. 2. P. 365; *Procesul lui Ion Antonescu*. P. 41.

⁴³⁹ *Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană*. P. 37.

⁴⁴⁰ *Alocuțiunea Președintelui României, domnul Ion Iliescu, la reuniunea consacrată comemorării Zilei Holocaustului în România – 12 octombrie 2004*. // *Raport final*. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România.

⁴⁴¹ *Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană*. P. 97; Ткач Е. Антииудаизм, или Пещерный мир. С. 114.

землях доказывают, что не может быть и речи о благоприятном к евреям отношении... Евреев подвергают на границах Румынии невиданным репрессиям»⁴⁴².

Именно за эти бесспорные «заслуги» в сентябре 1941 г. А. Гитлер лично вручил И. Антонеску, ставшему 22 августа Маршалом Румынии, «Железный Крест». Это было «знаком высокой оценки того, что за все 150 лет существования этой завидной награды, стал её первым иностранным владельцем»⁴⁴³. Бузату явно завидует Антонеску и сожалеет, что и ему не досталось наград из рук Гитлера!

Однако и через год после начала войны клика Антонеску находилась «в авангарде» борьбы за «решение еврейского вопроса». Это признавали и гитлеровцы, доказательством чему является статья от 8 августа 1942 г. в официозе германского представительства в Румынии «*Bukarester Tageblatt*»: «Если иметь в виду то короткое время, которое имелось в распоряжении Румынии маршала Антонеску для осуществления энергичных шагов в деле окончательного решения еврейской проблемы, следует констатировать, что удалось продвинуться очень серьёзно в данном вопросе, являющемся решающим для будущего Румынии и места Румынии в новой Европе. И в деле решения, и в отношении к еврейскому вопросу Румыния находится впереди государств юго-востока, а средства, которые она использовала, являются во многих отношениях достойными подражания»⁴⁴⁴. Даже германские нацисты отмечали, что истребление евреев румынскими властями носило «образцовый» характер, поэтому не может быть и речи о каком-то давлении со стороны немцев. Наоборот, даже немцам следовало «брать пример» с румын.

Попытки современных националистов оправдать Холокост. Признавая факт истребления еврейского населения, некоторые историки-апологеты «великого кондукэтора» в оправдание приводят официальную версию фашистского правительства Румынии того времени: евреи устроили после 28 июня 1940 г. радушный приём Красной Армии и проявили враждебность к уходившим из Бессарабии и Северной Буковины румынским войскам и администрации⁴⁴⁵. «В 1940 году евреи и украинцы нападали на румынскую администрацию и отступающие войска», убеждён Гр. Поп⁴⁴⁶. «Деморализованные и дезорганизованные части румынской армии, румынская администрация и чиновники, а также многочисленное население эвакуирующееся в Румынию были подвергнуты оккупантами и их сторонниками из числа представителей нацменьшинств края, в особенности евреями, тяжким унижениям, включая убийства. Это подтверждается многочисленными свидетельствами того времени, а также более поздними воспоминаниями»⁴⁴⁷. Даже некоторые румынские историки, в целом осуждающие преступления режима Антонеску, повторяют данную сплетню. Так, З. Орня пишет: «Некоторые недавно опубликованные документы подтверждают эту истину»⁴⁴⁸. Мы же спрашиваем себя и многоуважаемого историка – какие это документы, способные переубедить мировое общественное мнение, и где они опубликованы? Правда, есть и некоторые историки, критикующие ложь, будто бы евреи «издевались» над отступавшими в конце июня 1940 г. румынами⁴⁴⁹.

В нашей республике на самых «объективных и научных» позициях находится А. Петренко, считающий, что «военное руководство во главе с Антонеску имело свои мотивы для принятия отрицательного отношения к евреям Бессарабии»⁴⁵⁰. В соответствии с мнением этого «историка», геноцид сотен тысяч людей имеет в румынском языке название «принятие отрицательного отношения»! В связи с этим утверждением бывшего председателя Ассоциации историков РМ, а ныне лидера «самой проевропейской» партии, польский публицист Рафал Панковски писал: «Это „негативное отношение“ было не что иное, как безжалостное истребление еврейского населения румынскими фашистами»⁴⁵¹.

«Речь шла, – продолжает А. Петренко, приводя „неотразимые доводы“ – о а) румынофобском поведении и других антирумынских фактах многих иудео-коммунистических группировок во время советской оккупации Бессарабии; б) действиях многих из них во время большевистского господства в Бессарабии (июнь 1940 – июль 1941 гг.), когда они полностью ангажировались в дело советизации этой румынской провинции; в) поведении многих из них во время военных действий в июне – июле 1941 г., т.е. откровенном вооружённом сопротивлении, оказанном военным силам Держав Оси»⁴⁵². Как видим,

⁴⁴² Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. P. 41.

⁴⁴³ Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 406.

⁴⁴⁴ Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii. P. 201.

⁴⁴⁵ См.: Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 163; Buzatu Gh. Așa a început holocaustul împotriva poporului român. Buc., 1995. P. 15-40; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 211-230; Gheorghe I. Un dictator nefericit. P. 198; Stăvilă V. De la Basarabia Românească la Basarabia sovietică. P. 96-98; Stoenescu A.M. Armata, mareșalul și evreii. Buc., 1998. P. 79-113 etc.

⁴⁴⁶ Pop Gr. T. Holocaust al evreilor în România? // Dosarele istoriei. 1999, Nr. 11, P. 13.

⁴⁴⁷ Turcanu I. Istoria relațiilor internaționale, P. 156-157.

⁴⁴⁸ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 391; см. также: Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 375.

⁴⁴⁹ Pelin M. Legendă și adevăr. P. 46-47, 49-52, 99, 107-112.

⁴⁵⁰ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 163.

⁴⁵¹ Панковски Рафал. Молдова: Железная гвардия возвращается! // Независимая Молдова, 2004 г. 16 июля.

⁴⁵² Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 163.

Петренко механически воспроизводит всю нацистскую «систему аргументов» по оправданию массового уничтожения мирного населения. Будто бы женщины, дети и старики оказывали «откровенное вооружённое сопротивление военным силам Держав Оси»...

Однако и это ещё не всё. «Великий историк-демократ» пытается убедить нас в... «гуманизме» своего идола и в его «добром отношении» к евреям!! Он пишет: «Назло действительности [т.е. „румыно-фобскому поведению иудео-коммунистов“], 17 июля 1941 г., находясь в Бельцах, Ион Антонеску отдал некоторые указания своим подчинённым» оберегать евреев⁴⁵³. Выше мы уже говорили, что это были за указания: именно они положили начало истреблению мирного гражданского населения и, в первую очередь, еврейского⁴⁵⁴. Господин же Петренко всё видит в фальшиво-розовом свете. Довольно-таки настойчиво он продолжает: «Эти ценные указания, будучи застенографированы, были отредактированы и представлены Руководителю Государства на утверждение и на всеобщее исполнение. Так как этот документ подвергся многократной фальсификации посредством опускания очень важных пассажей, считаем своей обязанностью воспроизвести его целиком в данной главе»⁴⁵⁵. И что бы вы думали? Петренко не шутит и воспроизводит его. Но где же фальсификация? Или Петренко плохо видит, или не умеет читать, или видит одно, а понимает другое?! По нашему мнению, воспроизведя «этот многократно сфальсифицированный документ», он лишний раз подтверждает правоту тех вещей, которые пытаются опровергнуть.

Протицируем некоторые фрагменты из «сфальсифицированного документа», воспроизведённого в монографии нашего правдоискателя: «Малейшее сопротивление со стороны населения должно караться расстрелом. Имена расстрелянных публиковать... Население Бессарабии подвергнуть селекции, а подозрительных или тех, кто ведёт себя враждебно, истреблять... Всех евреев собрать в команды для бесплатной работы по оздоровлению и очищению разбомбленных объектов. Сельских евреев выталкивать не в сторону Старого Королевства, а в направлении Днестра. Ни один еврей не должен находиться в селах или городах, всех следует интернировать в лагеря. Евреев необходимо вечерами собирать и охранять. Не следует их убивать или унижать»⁴⁵⁶. И сразу же, для тех, у кого «высокий интеллектуальный уровень», следует пояснение Петренко о том, что приказ «вечерами собирать и охранять евреев» был издан для того, чтобы их «не убивали или не унижали», и для того, «чтобы избежать любых эксцессов со стороны немецких воинских подразделений, мстителей или деклассированных элементов, для того, чтобы умерить убийства заложников... Первоначально гетто были задуманы как средство изоляции евреев от остальных жителей Провинции, и как защита от произвола деклассированных элементов, войск СС и др.»⁴⁵⁷.

Получается, что всё это было сделано во благо самих евреев, а «эксцессы» могли иметь место только «со стороны немецких воинских подразделений» и «войск СС». Трудно понять, чего более в такого рода «пояснении»: фарисейства или «высокой степени интеллекта» господина университетского профессора?! Ясно, однако, другое, и это было продемонстрировано, – евреев «интернировали в лагеря» для бесплатной экономической эксплуатации, полного ограбления и, в конечном итоге, истребления. А «мстители» и «деклассированные элементы» провоцировались и направлялись во время еврейских погромов только властями. Ни один деклассированный тип не посмел бы так поступать, если бы не знал о поддержке (как минимум, в форме пресловутого «невмешательства») властей. Мы не верим, что ещё существуют настолько наивные люди, которые не понимают таких вещей.

Одним из наиболее авторитетных румынских историков одного и того же с Петренко направления является Георге Бузату, бывший сопредседатель румынского Сената, человек крайне правых, ультранационалистических убеждений. В некоторых своих работах он, цитируя документы, содержащие доклады румынских командиров вышестоящему начальству, также пытается доказать истинность версии о виновности «самих евреев» в их истреблении фашистскими румынскими властями во главе со «славным маршалом». Хотя любому непредвзятому исследователю абсолютно ясно, что такого рода «голое» цитирование является самым прямым путём к фальсификации действительности. Опираясь лишь на доклады людей, настроенных крайне националистически и антисемитски, да к тому же ещё и пытающихся скрыть собственную профессиональную несостоятельность и многочисленные факты воровства казённого имущества, имевшие место в обстановке полной неразберихи при отходе румынских войск в 1940 г., и выдавать такое за истину в последней инстанции может только крайне неопытный студент или человек, зашоренный ненавистью и лишённый профессионального достоинства. Обвинять г-на Бузату в неопытности никак нельзя. Однако известны его крайне националистические убеждения.

⁴⁵³ Ibid.

⁴⁵⁴ НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 523. Л. 41.

⁴⁵⁵ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 163.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 164-165.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 165, 166.

Так, «маститый» историк цитирует майора Г. Константинеску, который 28 июня 1940 г. в 17¹⁵ рапортовал вышестоящему начальству: «Сразу после получения приказа об эвакуации евреи предались антирумынским манифестациям, раздирая и оплёвывая триколор»⁴⁵⁸. О том же дне 28 июня 1940 г. профессор добавляет некоторые констатации из военного журнала 4-й армии: «Поступают сигналы о ряде беспорядков и манифестаций со стороны гражданского еврейского населения»⁴⁵⁹. Но возникает вопрос: разве только еврейского?

Далее г-н Бузату, – который, возможно, считает «свое поведение полностью оправданным», – отмечает, что «о совершенно неоправданном поведении населения еврейского происхождения в тех условиях поступает информация из различных источников. Так, например, Отчёт 2-й кавалерийской дивизии»: «Утром 29 июня 1940 г. мы получили информацию... о том, что единецкие евреи пытаются поднять восстание гражданского населения»⁴⁶⁰. Если г-н профессор наивно полагает данную «информацию» «достоверной», то возникает логичный вопрос: зачем евреям требовалось организовывать восстания для того, чтобы заставить румын уйти, если они и так уходили, а восстание способно было лишь задержать их и вызвать человеческие жертвы, в том числе и среди евреев?

И потом, какой-нибудь полуграмотный солдафон может не понимать, что восстания не совершаются путём голых призывов к народным массам, однако заслуженный историк и крупный политик должен знать, что подобного рода акции тщательно готовятся и могут быть победоносными только при условии их поддержки населением. А если г-н экс-председатель Сената не верит нам, пусть выйдет на центральную площадь Бухареста или пусть приезжает покричать на центральной площади Кишинёва, а то, на худой конец, пусть взойдет на порог какого-нибудь сумасшедшего дома и проорёт что есть мочи призыв к восстанию. Он убедится, что большинство людей его даже не услышат, а тот, кто на миг остановится, в лучшем случае просто посмеётся.

Однако, что касается 28 июня, есть ещё дополнительные «аргументы»: «Были приняты строгие меры в отношении поведения еврейского населения по поддержанию порядка в Бельцах»⁴⁶¹. Если верить Бузату, только евреи нарушали общественный порядок... И если бы господин профессор был хоть немного объективнее, он бы не отрицал, что именно евреи являются самыми законопослушными, исполнительными и дисциплинированными гражданами, а самыми недисциплинированными являются как раз наши и г-на Бузату соплеменники...

Тем не менее, продолжим перечисление бузатовских «аргументов» и воспроизведём фрагмент рапорта капитана А.М. Ифрима от 6 июля 1940 г.: «29 июня 1940 г., около 10³⁰, во время марша через Романешты, колонна была атакована жидами этого местечка, бросавшими в неё камнями и кричавшими „долой цыган“»⁴⁶². По всей видимости, капитан Ифрим, в присутствии г-на Бузату, проверил у этих людей паспорта и, плюс ко всему, проверил их ещё и на предмет обрезания. Получается, что председатели некоторых сенатов являются специалистами и в этом вопросе?.. Главный вывод «научного исследования» сенатора Бузату состоит в том, что именно против румынского народа был развязан Холокост⁴⁶³. На это можно ответить, лишь повторив общеизвестное: «Хвала Глупости, являющейся поистине безграничной»!!

У профессора имеется ещё немало «аргументов», являющихся в действительности обыкновенными сплетнями. Например, телеграмма от 30 июня 1940 г. руководителя военно-статистического бюро Паладе И. в генеральный штаб: «Еврейское население повсеместно проявляло враждебное и оскорбительное отношение, унижало чиновников, убило некоторых из них... Кишинёвские евреи ...забаррикадировали улицы, ведущие к вокзалу, для того, чтобы не позволить эвакуацию румынских чиновников; ...комиссары Паскал Николае, Матееску Константин, Северин и Стол были казнены евреями прямо на улице... Еврейское население и коммунисты организовались в вооружённые банды, принявшие зверствовать против семей тех, которые должны были вывезти хотя бы немного из своего имущества... На произвол террористов были покинуты семьи чиновников и военных»⁴⁶⁴. Если не считать, что всё это ложь и полная ахинея, грош цена военным, «покинувшим свои семьи» на произвол судьбы.

⁴⁵⁸ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 15; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 211.

⁴⁵⁹ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 15; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 212.

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 16; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 212.

⁴⁶² Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 24; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 218.

⁴⁶³ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 29; Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 439.

⁴⁶⁴ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 33, 36, 38; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 225, 227, 228.

Завершая цитирование «документов», известный историк удовлетворённо отмечает: «Мы уверены, что презентация документов способна содействовать восстановлению исторической истины»⁴⁶⁵. Мы же убеждены в обратном. Такого рода «цитирование», с односторонним и тенденциозным отражением позиции лишь некоторых ультранационалистически и антисемитски настроенных военных, которые уже через год совершили ужасающие преступления против человечества и человечности, истребив сотни тысяч безоружных мирных граждан, в большинстве своём женщин, детей и стариков (хотя, если быть точнее, начали уже в том же 1940 г.), заставляет предполагать – господин экс-«председатель Сената» примитивно лжёт, как капрал с гауптвахты, и, пытаясь оправдать фашистских преступников, вольно или невольно становится их косвенным соучастником. Что касается научной стороны проблемы, профессор самым грубым образом фальсифицирует историческую действительность, не потрудившись хотя бы проверить правдивость этих «свидетельств».

Действительно, не обошлось без инцидентов. Тем не менее, даже Антонеску не смог привести ни одного конкретного примера убийства бессарабскими или буковинскими евреями румынского военно-служащего, чиновника или (как нередко утверждают на своих страницах, пытаясь оправдать злодеяния румынских фашистов, многие молдавские правонационалистические газеты[†]) священника.

Но даже если принять за должное объяснение «национал-патриотов», разве за такую вину дозволено уничтожать сотни тысяч людей, большей частью женщин, детей и стариков? Осознавая правильность данной постановки вопроса, Бузату всё-таки отмечает, что он не пытается «целиком возложить ответственность за случившееся лишь на еврейское население между Прутом и Днестром». По доброте душевной, Бузату даёт евреям «фору»: они не «несут всей ответственности». Кто же тогда за это «отвечает»? Ответа у автора нет. Однако здесь же профессор приводит новые и «самые серьёзные аргументы» в пользу своего тезиса. На этот раз, в качестве «самого честного свидетеля всех времён и народов» пред нами предстаёт крупнейший палач из всех палачей румынского происхождения: «Ион Антонеску подчеркнул, что не все евреи из занятых советскими войсками исторических восточных провинций были втянуты в *это*, но нельзя было обнаружить „истинных многочисленных виновников“, которых остальные „покрывали“»⁴⁶⁶.

Что к этому можно добавить? Лишь то, что идол г-на Бузату был «великим гуманистом», признав, «что не все евреи ... были втянуты в *это*». Но так как «истинные виновники», «все виноватые» «не могли быть обнаружены», убили *всех*, включая и «невиноватых». А что было делать? Легальная процедура была слишком громоздкой... Хотя к тому времени уже и её не существовало. А поставив всех к стенке, вопрос решили быстро и без лишних хлопот. «Многие и покрыты все сразу». Не так ли, г-н Бузату?

В этом смысле логика румынского «фюрера» и экс-сенатора Румынии совпала с мышлением крестоносцев Симона де Монфора начала XIII века, которые во время штурма южно-французского города Безье, обороняемого еретиками-альбигойцами, обратились к папскому легату с вопросом, как отличить правоверных христиан от еретиков и следует ли щадить католиков, на что высокое духовное лицо ответило: «Убивайте всех, бог на том свете отберёт своих!»⁴⁶⁷. Но, г-н Бузату, Вы не только не являетесь папским легатом, но и не живёте в XIII веке. Или из тех времён происходите?.. А канибализм Антонеску из какого века?

Оправдывая массовое истребление евреев и представителей других меньшинств фашистским режимом Антонеску, Бузату пишет: «Хорошо известно предназначение меньшинств Бессарабии и Северной Буковины в год – 1940-1941 – советской оккупации: заявленный с первого мгновения коллаборационизм»⁴⁶⁸. «19 октября 1941 г., – продолжает профессор, – маршал Антонеску отмечал в одной резолюции, что события 1940 г. означали преступление против румынского народа, будучи „по сути еврейского происхождения“. Бесспорно, такое убеждение предопределило его дальнейшее поведение в решении еврейского вопроса»⁴⁶⁹. «Не вызывает никаких сомнений, что всё стало возможным в первую очередь благодаря тому, что все события были подготовлены, отрежиссированы и осуществлены миноритарным населением, проживавшим на территории между Прутом и Днестром»⁴⁷⁰, населением, которое

⁴⁶⁵ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 38; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 229.

[†] Примечание научного редактора: Так, некоторые кишинёвские румыно-«патриотические» газеты писали об убийстве в июне 1940 г. православных священников Иона Дражинского и Георгия Фотеску, которые в действительности появились вновь в своих приходах уже в 1941 г. и прожили ещё по несколько десятилетий после окончания войны. Если иметь в виду, что один из них умер в 98-летнем возрасте, неважными «убийцами» были столь ненавистные сердцам наших горе-патриотов «террористы иудео-коммунисты».

⁴⁶⁶ Ibid.

⁴⁶⁷ Хрестоматия по истории средних веков. Часть I. V-XV века. М., 1988. С. 212.

⁴⁶⁸ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 39-40; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 229-230.

⁴⁶⁹ Buzatu Gh. Aşa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 40; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 230.

⁴⁷⁰ Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 230.

Антонеску называл «мерзавцами» и «клопами», а «роевропейские» историки Д. Драгнев и И. Варта – «настоящими подонками»⁴⁷¹.

Браво, Бузату!!! Имеем совершенно откровенное оправдание Холокоста. Дело нацизма живо в Румынии до тех пор, пока есть такие «патриоты», как Г. Бузату. Приведённые выше, как и многие другие аргументы Бузату по реабилитации военного преступника И. Антонеску⁴⁷², один к одному совпадают с теми, которые приводят немецкие неонацисты для реабилитации Гитлера. Или, может быть, Бузату не Бузату, а Орбу? Таким образом, Румыния «идёт в Европу» под руководством политика, стоящего под нацистскими знамёнами И. Антонеску, самого верного союзника Гитлера!!

Аргументы, опровергающие нацистскую версию об «ответственности» самих евреев за Холокост. Вот что ответил бы на «объяснения» некоторых наших ультрапатриотов тогдашний посол Франции в Бухаресте Жак Трюелль: «Было установлено, что обвинения, предъявленные маршалом Антонеску в адрес евреев, являются полностью безосновательными; если и имели место многочисленные происшествия, в связи с эвакуацией из Бессарабии и Буковины в 1940 г., установлено, что евреи не были единственными их участниками...»⁴⁷³. Этой точки зрения придерживаются и многие честные румынские историки: «При первом же сопоставлении с действительностью того времени, версия... о случившемся летом 1940 г. в Единцах не выдерживает проверки на правдивость. Абсолютно лживо утверждение, что евреи оскорбляли румынского офицера»⁴⁷⁴.

И лишь Петренко пережёвывает одно и то же: «Документы доказывают, что „пятая колонна” допустила бесчисленные террористические акты, унижала военную и гражданскую румынскую администрацию, находившуюся в процессе эвакуации; грабила материальные ценности, финансы, оружие, военное снаряжение и другое имущество, принадлежащее Румынскому Государству»⁴⁷⁵. Профессору и в голову не приходит, что «грабила материальные ценности, финансы, оружие, военное снаряжение» самая «неподкупная и компетентная» «военная и гражданская румынская администрация», а оружие «исчезло» также по причине тотального беспорядка, царившего в те дни в румынской армии[†]. Однако нам хотелось бы, чтобы из всех «бесчисленных террористических актов, допущенных „пятой колонной”», господин профессор представил хотя бы один...

Правда «бессарбский историк» далеко не одинок и его точку зрения поддерживают и некоторые другие «румынские патриоты». Так Гр. Поп утверждает, что «в 1940 г. евреи и украинцы нападали на румынскую администрацию и войска»⁴⁷⁶.

М. Пелин следующим образом опровергает тезис о «непатриотичном» поведении евреев в июне 1940 г. Он пишет, что ранним утром 28 июня 1940 г. был передан приказ № 6100, который «установил порядок отступления гражданских лиц из оставляемых под русским давлением румынской армией и администрацией территорий. Он был следующим: в первую очередь будут допущены к эвакуации румыны из Старого Королевства, следующие – бессарабские и буковинские румыны, а евреи, украинцы и русские не допускаются к эвакуации»⁴⁷⁷. Отсюда вытекает, что после издания данного приказа «было абсолютно ненормальным... чтобы румынское государство предъявляло претензии на лояльность со стороны тех, которых оно в трудную минуту покинуло на произвол судьбы»⁴⁷⁸.

⁴⁷¹ Dragnev D., Varta I. Istoria românilor. P. 117.

⁴⁷² Buzatu Gh. Români în arhivele Kremlinului. P. 239-332.

* Игра слов – бузату по-румынски означает губастый; орбу – слепой.

⁴⁷³ Martiriul evreilor din România. Documente și mărturii. P. 177; Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. P. 38; Calvarul... P. 30; Левит И. Холокост в Бессарабии в кривом зеркале господина Петренко. С. 13.

⁴⁷⁴ Pelin M. Legendă și adevăr. P. 99.

⁴⁷⁵ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 67.

[†] Примечание научного редактора: Многие бессарабцы, служившие в дислоцированных в Пруто-Днестровской Молдове соединениях, вовсе не горели желанием сражаться за румынскую корону, как и отступать за Прут, а часть даже выражала радость предстоящей перемене власти. Поэтому они в массовом порядке оставляли оружие и расходились по родным местам. К примеру, из расположения 15-й румынской пехотной дивизии бежало более 3 тысяч солдат-бессарабцев. Пушки артиллерийского полка этой дивизии были брошены орудийными расчётами прямо в поле. 12-я румынская пехотная дивизия, укомплектованная в основном бессарабцами и располагавшаяся в районе Тигины (Бендеры) – Каушаны, после «стихийной демобилизации» перестала существовать как боевая единица. Один из ведущих дипломатов королевской Румынии А. Крециану вынужден был признать: «Глубокая и широко распространённая деморализация охватила наши войска в период их поспешного отступления». // Cretzianu A. The Lost Opportunity. London, 1957. P. 54.

⁴⁷⁶ Pop Gr. T. Holocaust al evreilor în România? // Dosarele istoriei. 1999, Nr. 11, P. 13; данный автор в принципе отрицает явление Холокоста на территориях, захваченных фашистской Румынией. // Ibid. P. 14.

⁴⁷⁷ Pelin M. Legendă și adevăr. P. 33.

⁴⁷⁸ Ibid. P. 34.

Между тем, в начале июля 1940 г. отошедшие за Прут румынские части расстреляли десятки собственно румынских евреев, в том числе детей⁴⁷⁹. Так было, например, 1 июля 1940 г. в случае дорохоевского погрома, в ходе которого были убиты 50 евреев⁴⁸⁰. А ведь эти люди не были причастны к предполагаемым событиям в Бессарабии и Северной Буковине. Чтобы не выглядеть необъективными, сошлёмся на официальные румынские документы, которые вовсе не симпатизируют евреям, но раскрывают массовое убийство, совершённое в Дорохое.

Так, прокурор-делегат Филарет Сахляну в секретном докладе информировал генерального прокурора Румынии: «В результате проведённого [им] расследования, а также из полученной информации из гарнизона и из актов гражданского регистра было выявлено, что 1 июля 1940 г. было расстреляно 52 еврея... Евреи хоронили на своём кладбище солдата-еврея. В какой-то момент раздался ружейный выстрел, за которым последовал залп... Огонь был открыт солдатами 3-го пограничного отряда и 8-го артиллерийского отряда, отступавшими из области Херца, которые, с целью отмщения, начали стрелять в евреев на еврейском кладбище. Наверное, существовала договорённость между солдатами, т.к. огонь был немедленно перенесён на окраину города, а солдаты, входя в еврейские дома, расстреливали всех, кто находился в них»⁴⁸¹.

В составленном 3 июля и подписанном четырьмя официальными лицами, включая военного прокурора И. Михаила Дука, акте об идентификации тел убиенных в Дорохое отмечается, что «всего было убито 50 чел., среди которых 11 женщин, 34 мужчины и 5 детей... После исследования тел было установлено, что смерть всех наступила в результате ружейных выстрелов в область головы, торса и живота, за исключением одного старика, которому сильнейшим ударом проломили череп»⁴⁸².

Такие расправы имели место в сёлах Шербець, Костанац, Гэурень, Комэнешть, Эхэрешть Сучавского уезда. Майор Карп, командир 3-го батальона 16-го пехотного полка, расстрелял 34 еврея. Три еврея были убиты в г. Сирець уезда Рэдэуць, их жёны избиты. А репатриировавшихся из Румынии в Советскую Молдавию евреев на переправах грабили и даже убивали. «Только у переправы в румынском городе Галаць, – пишет Левит, – по одним румынским данным, было убито 400, а по другим – 500-600 евреев»⁴⁸³. Однако ещё раз напомним – все евреи, ограбленные и убитые на территории Румынии в конце июня – начале июля 1940 г., не имели абсолютно никакого отношения к «проводам» румынских войск с территории Бессарабии и Северной Буковины.

Аналогичные зверства были повторены 21-23 января 1941 года, когда в одном только Бухаресте были убиты 120 евреев⁴⁸⁴, подожжены, разрушены и ограблены 25 молитвенных домов и синагог, 616 еврейских магазинов, 547 жилых домов⁴⁸⁵. Некоторые из лидеров бухарестской общины были заключены в здании Общинного совета, верующие были изгнаны из синагог. Палестинский центр Сионистской организации подвергся нападению, его директора убили, состоятельных евреев Бухареста арестовали по заранее подготовленному списку. Арестованных доставили в центральный штаб Железной гвардии. Некоторые из них затем вывезли в леса близ Бухареста и расстреляли. В городе убитых повесили на городской бойне на крюках для мяса с привязанными к шее табличками с надписью: «Кошерное мясо»⁴⁸⁶.

5 апреля 1941 г. на заседании кабинета министров И. Антонеску заявил: «Пущу в ход толпу, чтобы устроить им резню. Я запрусь в своей крепости, а после того, как она истребит их, вновь наведу порядок»⁴⁸⁷. По сравнению со столь героическим «кондуктором», даже бессарабский губернатор, впавший в «административную бездеятельность» и допустивший кишинёвский погром 1903 г.⁴⁸⁸, выглядит просто «щенком» на ниве антисемитизма.

За несколько дней до начала войны были проведены совещания с начальниками жандармских секций и легионов, которым предстояло по мере продвижения регулярных частей «наводить порядок» в Бессарабии и Северной Буковине. Им было сказано, что первейшей мерой является «очищение местности» от евреев, которых следует арестовывать «независимо от возраста и пола». Некоторые открыто говорили: «Еврей должен быть расстрелян», это является «патриотическим долгом» и осуществляется

⁴⁷⁹ King Ch. *Moldovenii, România, Rusia și politica culturală*. P. 93; Они защищали и освобождали Молдову. С. 119; Wexler T. *La Galați, pogromuri dejucate*. // *Magazin Istoric*, 2003, Nr. 2.

⁴⁸⁰ Pelin M. *Legendă și adevăr*. P. 114.

⁴⁸¹ Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. P. 10, 11.

⁴⁸² Ibid. P. 12-13.

⁴⁸³ Левит И. В наркотическом угаре юдофобии. С. 42.

⁴⁸⁴ Buzatu Gh. *Mareșalul Antonescu în fața istoriei. Culegere de documente*. Iași, 1990. Vol. 1. P. 221-244.

⁴⁸⁵ Левит И. *Пепел прошлого*. С. 12.

⁴⁸⁶ Шафран А. *Сопrotивление нацистскому урагану. 1940-1944. Мемуары*. Одесса, 2003. С. 16-17; *Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană*. P. 304; Kirițescu C.I. *România în al doilea război mondial*. P. 179.

⁴⁸⁷ *Procesul lui Ion Antonescu*. P. 41; *Calvarul...* P. 12; Mezincescu E. *Mareșalul Antonescu și catastrofa României*. P. 107.

⁴⁸⁸ См.: Кишиневский погром 1903 г. Кишинев, 1993.

«по мотивам расовой ненависти»⁴⁸⁹. Так, ещё до начала войны с СССР судьба евреев была предрешена. Уверовав в быструю победу Германии в войне, будучи ярким шовинистом и оголтелым антисемитом, считающим насилие главным средством в достижении политических целей, Ион Антонеску «с лёгкой душой» присоединился к гитлеровским планам «окончательного решения еврейского вопроса».

«Евреев убивали немцы, а „кондуктор” спасал их». В румынской и молдавской националистической историографии получил широкое распространение и тезис о том, что Антонеску является «спасителем» евреев Румынии, а евреев уничтожали не румыны, а немцы, венгры и другие⁴⁹⁰. Однако реальные факты говорят об обратном. Пока вермахт одерживал победы, «кондуктор» лично проверял выполнение своих приказов относительно истребления евреев.

Так, на заседании правительства 13 ноября 1941 г. с участием губернаторов Бессарабии, Буковины и Транснистрии, обратившись к Алексяну, он сказал: «Я распорядился расстреливать по 200 евреев за каждого убитого и по 100 за каждого раненого румынского солдата. Так поступили?». Г. Алексяну ответил: «Были и расстреляны, и повешены на улицах Одессы». Антонеску: «Поступайте так, ибо я отвечаю перед страной и историей, пусть американские евреи привлекут меня к ответственности»⁴⁹¹. 16 декабря 1941 г. Антонеску потребовал от Алексяну очистить Одессу от «жидов»: «Втолкни их в катакомбы, топи их в Чёрном море. Ничего не хочу знать. Пусть умрут... все»⁴⁹².

Вот как оценивает «гуманизм» румынских фашистов академик Р. Удлер, вполне вкисивший от «доброты» Антонеску и его банды: «Всю ответственность за содеянное преступление [речь идёт об уничтожении десятков тысяч людей в лагере Богдановка, однако, по сути, имеются в виду все жертвы румынских нацистов] несут только румыны. Какие-то капитаны или даже полковники, пусть трижды легионеры, не могли бы решиться на такое злодеяние без ведома и согласия губернатора Транснистрии Дж. Алексяну и руководителя государства маршала И. Антонеску. Теперь в Румынии [от себя дополним, и в Молдавии – С.Н.] находятся люди, которые пытаются реабилитировать мерзкого преступника Антонеску. Они... стараются доказать всему миру, что румыны в годы войны вели себя по отношению к евреям более гуманно, чем немцы, венгры или другие фашистские приспешники»⁴⁹³. Однако, по мнению молдавского академика, «жестокость румынских органов власти, возглавляемых правительством Антонеску, превзошла зверства и кровожадность хортистов, тисовцев, усташей и фашистов других европейских стран – Польши, Греции. Румынские фашисты не были гуманнее немецких»⁴⁹⁴.

Но, к счастью, времена менялись, фортуна отвернулась от недавних победителей и, после Сталинграда, пришлось лихорадочно искать пути к соглашению с западными союзниками, в том числе «смягчить» политику в отношении евреев⁴⁹⁵. В румынской историографии ещё со времён Н. Чаушеску господствует тезис, который сводится к идее о том, что «Румыния была единственной страной из сферы влияния нацистской Германии, где не было применено так называемое „окончательное решение”, принятое Гитлером для истребления населения Европы иудейского вероисповедания»⁴⁹⁶.

Вот как оценивает такой «гуманизм» Мозес Розен: «Массовое истребление румынских евреев продолжалось до Сталинграда. Когда же появились признаки того, что Гитлер проигрывает войну и близится час расплаты, преступникам понадобилось алиби, и широкомасштабные казни прекратились... Антонеску мог всех нас убить, но остановился на полпути»⁴⁹⁷. В этом контексте мы уже писали, что некоторые румынские историки справедливо отмечают, что «спасённые» евреи «были использованы в качестве политического капитала для переговоров с союзниками по Объединённым Нациям и даже для послевоенного времени»⁴⁹⁸.

Только когда поражение гитлеровской коалиции после Сталинграда и Курска стало абсолютно очевидным, а Красная Армия, нанося сокрушительные удары по вермахту, стремительно продвигалась на Запад, румынские правящие круги начали лихорадочно искать пути налаживания отношений с западными союзниками, и с этой целью была смягчена политика в отношении евреев. Прекратились массовые расстрелы и депортации еврейского населения из Румынии в Транснистрию. Оставшимся в живых

⁴⁸⁹ Левит И. Пепел прошлого. С. 12.

⁴⁹⁰ См.: Nistor I.S. România în al doilea război mondial. P. 217, 218, 219, 220, 223; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 49; Watts L.L. O Casandră a României. P. 392-397, 408, 414-424 и др.

⁴⁹¹ Calvarul... P. 13.

⁴⁹² Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 332; Procesul lui Ion Antonescu. P. 41.

⁴⁹³ Удлер Р. Годы бедствий. С. 97.

⁴⁹⁴ Ibid. С. 6.

⁴⁹⁵ Ibid. С. 145, 201; Mezincescu E. Mareşalul Antonescu şi catastrofa României. P. 114; Шафран А. Соппротивление нацистскому угарану. С. 59-60.

⁴⁹⁶ România în anii celui de-al doilea război mondial. Volumul I. P. 315; см. также Nistor I.S. România în al doilea război mondial. P. 218; Viaţa şi moartea lui Ion Antonescu. P. 88; Manuilă S., Filderman W. Populaţia evreiască din România. P. 56, 58.

⁴⁹⁷ Ткач Е. Антииудаизм, или Пещерный мир. С. 120.

⁴⁹⁸ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 391.

румынским евреям – узникам концлагерей было разрешено вернуться домой. Дети-сироты были также вывезены из Транснистрии. 20 апреля 1943 г. «кондуктор» заявил, что не может изгнать евреев из страны, т.к. возможно, война будет выиграна демократами, а это «означает иудеократию»⁴⁹⁹. Тогда же он дал разрешение вернуть обратно из Транснистрии в Румынию 5 тыс. сирот, якобы депортированных «по ошибке». Однако к марту 1944 г. был возвращён только 1841 из них⁵⁰⁰.

Интересна в этом контексте и позиция известной исследовательницы данной проблематики Лии Бен-жамин: «Маршал не прибег к политике „окончательного решения“, проводимой фашистской Германией, однако его многочисленные публичные заявления или выступления в ходе закрытых совещаний, резолюции на различных государственных документах свидетельствуют о его решимости изгнать еврейское население из Румынии (стремление осуществить „этническую пурификацию” или „деиудизацию румынского общества”, его очищение от этой „грязи”, от этих „плебел” и др.) путём его депортации в Транснистрию и выброса за Буг или на другие территории, в зависимости от итогов войны и способа решения этой проблемы фюрером в общеевропейском масштабе»⁵⁰¹. «Как следствие.., – продолжает автор, – ревизия антиеврейской политики Антонеску не преследовала целью спасение евреев, как зачастую утверждают националисты. Скорее, это была попытка некоторых известных деятелей из окружения Антонеску спасти свою жизнь благодаря псевдопротекции евреям. Это было время, когда евреев стали считать возможным политическим капиталом, способным стереть некоторые преступления прошлого»⁵⁰².

«Подчёркивание высокого процента выжившего еврейского населения Румынии для реабилитации Иона Антонеску.., – пишет Мезинческу, – кажется мне равнозначным предоставлению смягчающих или оправдательных обстоятельств некоему убийце, который, проникнув в дом мирных граждан, убивает *только* половину или *только* две трети членов семьи. Вместо того, чтобы осудить и посадить его за совершённые преступления и беззакония, суду следовало бы поздравить данного убийцу за проявленное чувство умеренности и – почему бы и нет? – человечности! Более того, следует компенсировать ему причинённые во время следствия и предварительного заключения неудобства и покорно извиниться перед ним»⁵⁰³.

В результате, – отмечает Т. Магдер, – стала весьма острой необходимость реагирования на любое проявление антисемитизма, скрытой формой которого являются и попытки оправдания нацистских палачей времён второй мировой войны со страниц некоторых печатных изданий, «научных трудов» и, что является наиболее опасным, школьных учебников⁵⁰⁴.

О «румынофобии» антифашистов. Приведённые выше неоспоримые факты спекулятивно расцениваются сторонниками румынского нацизма как проявление подлинной или мнимой «румынофобии». Никто, однако, не вправе отождествлять румынский фашизм с румынским народом. Недопустимо предъявлять обвинения румынскому народу за преступления, совершённые некоторыми его политиками или исполнителями их преступных приказов. Но и сокрытие зверств фашизма может обернуться их «переносом» на весь народ. Мы отвергаем параноидальное понятие «коллективной ответственности» – новые поколения стран, где вершился геноцид, не могут быть в ответе за преступления своих предшественников. Но в полной мере ответствен каждый, кто сегодня, зная о случившемся бедствии, оправдывает палачей. Кто проявляет солидарность с нацистскими преступниками, повторяет их мифы и пытается их оправдать – на нём также вся кровь, которую пролили Антонеску, Гитлер & К°.

В этом смысле Мозес Розен говорил следующее: «Уверен, мы бы ошиблись недопустимо, если бы оставили румынский народ [от себя добавим, и молдавский – С.Н.], его интеллигенцию, молодёжь подвергаться и в дальнейшем воздействию яда, называемого расизмом, ложью и клеветой и наряженного в форму фашистских и антисемитских теорий. Необходима правда и только правда... А станем говорить правду, – уверен, все люди доброй воли, по-настоящему любящие свою страну, поймут нас и помогут закрыть удручающую главу истории, встав на путь всеобщей гармонии и братства различных этносов и религий этой страны»⁵⁰⁵.

Более того, первой жертвой античеловечного и преступного режима «кондуктора» стал именно румынский народ. В обвинительном заключении Бухарестского процесса подчёркивается, что «Антонеску и его клика несут ответственность за всю пролитую кровь, разграбленное и разрушенное имущество румынского народа. Сегодня румынский народ терпит последствия преступной авантюры клики грабителей и разжигателей войны во главе с Антонеску. Правительство Антонеску является автором и зачи-

⁴⁹⁹ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 511.

⁵⁰⁰ Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. С. 60.

⁵⁰¹ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 1. P. XXII.

⁵⁰² Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. P. 40-41.

⁵⁰³ Mezincescu E. Mareșalul Antonescu și catastrofa României. P. 123.

⁵⁰⁴ Магдер Т. Холокост. С. 10.

⁵⁰⁵ Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. P. 9.

нате́лем всех бесчеловечных преступлений и грабежей, совершённых на оккупированных территориях румынскими воинскими частями»⁵⁰⁶.

Германский канцлер Вилли Брандт, побывав в Варшаве, опустился на колени перед памятником узникам гетто⁵⁰⁷. Польский президент Лех Валенса просил прощения за тех своих соотечественников, которые помогали нацистам истреблять евреев. То же самое сделал и венгерский премьер-министр⁵⁰⁸. В Румынии подобные покаяния были довольно-таки нерешительны. Бывший президент Э. КонстантINESКУ выразил «глубокое сожаление» о случившемся в те годы перед евреями самой Румынии. Пострадавших более всего евреев Бессарабии, Буковины, Приднестровья и прилегающих областей Украины Его Высокопревосходительство обошёл молчанием. Зато усилился хор негодующих национал-экстремистов, утверждавших, что в годы войны «ничего особенного не произошло». В ряде городов Румынии – Ораде, Араде, Крайове и других – диктатору были возведены памятники. В его честь были названы улицы[†].

В этом контексте в начале 2000-х годов Герш Вельтман отмечал, что «можно привести немало доказательств преступлений румын в истреблении евреев, но до сих пор румынское правительство не покалось перед еврейским народом, как это сделали руководители Германии»⁵⁰⁹. Бывший председатель румынского Сената и ведущий румынский историк «патриотической ориентации» Г. Бузату приводит в одной из работ слова своего кумира Иона Антонеску о том, что «цивилизация всегда должна побеждать варварство»⁵¹⁰. Таким образом, у Бузату есть прекрасный шанс совместить две вещи: показать свою цивилизованность и, одновременно, доказать свою «верность» словам маршала, осудив последнего как преступника, и от имени румынского государства покаяться за совершённые им преступления. Хотя, любовь зла, полюбишь и козла!

Однако 12 октября 2004 г. президент И. Илиеску официально признал вину румынского государства за Холокост, благодаря чему можно утверждать, что в значительной степени произошло моральное очищение румынского общества и было положено серьёзное начало его выздоровлению. Трудно не согласиться со словами президента Румынии о том, что «нельзя забывать или принижать трагедию нашего недавнего тёмного исторического прошлого, когда румынские евреи стали жертвами трагедии Холокоста»⁵¹¹.

---

⁵⁰⁶ Procesul lui Ion Antonescu. P. 37.

⁵⁰⁷ Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. P. 7.

⁵⁰⁸ Коган А. Красная пена. С. 78.

[†] Примечание научного редактора: Правда накануне вступления Румынии в НАТО и ЕС, под давлением западных структур памятники были демонтированы, а улицы переименованы.

⁵⁰⁹ Последние свидетели. С. 59.

⁵¹⁰ Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. P. 18.

⁵¹¹ Alocuțiunea Președintelui României, domnul Ion Iliescu, la reuniunea consacrată comemorării Zilei Holocaustului în România – 12 octombrie 2004. // Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România.

ГЛАВА 11. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Наш поход на Волгу предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности.

*Иоахим Видер*¹

1. Борьба воюющих коалиций весной – осенью 1942 г.

Положение на советско-германском фронте весной 1942 г. Планы немецкого командования. Мы уже отмечали, что территория СССР, оккупированная гитлеровцами в 1941 г., составляла 1,5 млн кв. км, на которой до войны проживало около 75 млн человек². Весной 1942 г. обе стороны готовились к активным действиям на Восточном фронте. Страны «оси» сосредоточили здесь 206 дивизий и 26 бригад, из которых 176 дивизий и 9 бригад были немецкими³. Германия и её союзники сосредоточили на советско-германском фронте 6,2 млн человек, 3230 танков и штурмовых орудий, около 3400 самолётов и 43 тыс. орудий и миномётов⁴. Чтобы восполнить потери на Восточном фронте, гитлеровское правительство призвало на военную службу всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, а также часть возрастной группы от 46 до 55 лет⁵. С 22 июня 1941 г. по 1 мая 1942 г. гитлеровские войска на Восточном фронте получили пополнение в 1 млн человек⁶.

В конце 1941 г. в немецко-фашистской армии находилось под ружьём 9,5 млн чел., а в 1942 г. – 10,2 млн⁷. Это стало возможным, т.к. к маю 1942 г. количество иностранных рабочих и военнопленных, занятых в промышленности Германии, достигло 4,2 млн человек⁸. «Техническая оснащённость и огневая мощь немецкой дивизии [по сравнению с 1941 г.] даже несколько повысилась, число танковых дивизий увеличилось с 19 до 25. Но с точки зрения качества и морального состояния немцы уже переживали упадок... Среди других факторов, отрицательно сказывавшихся на моральном состоянии немецких войск, следует отметить неспособность Германии создать новые виды боевой техники, которые можно было бы сопоставить с Т-34 и реактивным миномётом „Катюша”»⁹.

После поражения под Москвой в стане высшего немецкого военного командования проявились сильные разногласия¹⁰. Генерал Блюментрит вспоминал следующее: «Некоторые немецкие генералы заявили, что возобновление наступления в 1942 году невозможно и целесообразнее сосредоточить усилия на удержании захваченной территории. Начальник генерального штаба... Гальдер высказывал сильные сомнения относительно продолжения наступления. Командующий группой армий „Юг” генерал-фельдмаршал Рундштедт ещё более энергично возражал против наступления и даже настаивал на отводе немецких войск на исходные позиции в Польше. Этой же точки зрения придерживался генерал-фельдмаршал фон Лееб. Хотя другие генералы не высказывали столь радикальных взглядов, большинство их испытывало сильное беспокойство по поводу дальнейшего хода кампании. После того как фюрер сместил со своих постов Рундштедта и главнокомандующего сухопутными войсками генерала-фельдмаршала Браухича, сопротивление его требованиям возобновить наступление весной 1942 года ослабло... Гитлер надеялся добиться в 1942 году того, чего ему не удалось осуществить в 1941. Он не верил, что русские смогут увеличить боевую мощь своих вооружённых сил...»¹¹.

В конечном итоге возобладало мнение Гитлера. Лиддел Гарт по этому поводу писал следующее: «Гитлер не хотел переходить к обороне и закрепиться на достигнутых рубежах, как это советовали ему сделать некоторые генералы, или отойти в Польшу, как предлагали Рундштедт и Лееб. При всей стратегической целесообразности этих предложений они означали бы явное признание того, что Гитлер „откусил больше, чем мог проглотить”. Подгоняемый ненасытным аппетитом, преследуемый призраком потерянного престижа и инстинктивно чувствуя, что наступление является единственным выходом

¹ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 147.

² Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 2. С. 86.

³ История второй мировой войны. Т. 5. М., 1975. С. 25; Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. 1939-1942. Vol. 2. Buc., 1988. P. 26.

⁴ 50 лет Вооружённых Сил СССР. М., 1968. С. 313.

⁵ Великая победа на Волге. С. 17.

⁶ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 404.

⁷ Великая победа на Волге. С. 17.

⁸ Промышленность Германии в период войны 1939 – 1945 гг. М., 1956. С. 189.

⁹ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 160, 161.

¹⁰ Буглар Э. Война в России. // Мировая война. С. 186.

¹¹ Лиддел Гарт Б. Что рассказали немецкие генералы. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 231-232.

из создавшегося положения, Гитлер хотел провести такое наступление, которое при наличии ограниченных средств могло бы дать большие результаты»¹².

Гитлера поддерживала значительная часть генералитета. «Весной 1942 года, – писал Г. Гудериан, – перед немецким верховным командованием встал вопрос, в какой форме продолжать войну: наступать или обороняться. Переход к обороне был бы признанием собственного поражения в кампании 1941 года и лишил бы нас шансов на успешное продолжение и окончание войны на Востоке и на Западе. 1942 год был последним годом, в котором, не опасаясь немедленного вмешательства западных держав, основные силы немецкой армии могли быть использованы в наступлении на Восточном фронте»¹³. Гитлер получил безоговорочную поддержку и со стороны Кейтеля и Йодля.

Немецкое командование планировало нанесение главного удара на южном фланге в направлении Кавказа и средней Волги¹⁴, чтобы отрезать Советский Союз от нефтяных и продовольственных ресурсов и перерезать главную коммуникационную артерию между центральными и южными районами страны. Захватив Кавказ, фашисты надеялись втянуть в войну на своей стороне Турцию и продолжить наступление в сторону Индии и Ближнего Востока, ударив прямо в сердце Британской империи. Главари III рейха считали, что, лишив СССР кавказской нефти, добьются такого его ослабления, что будут взяты Ленинград и Москва и после этого советская сторона будет выведена из войны¹⁵. В таких условиях Англия и США капитулируют.

«Для Гитлера, – пишет Алан Кларк, – захват Сталинграда был лишь первой ступенью. Он намеревался затем повернуть свои армии на север вдоль Волги и перерезать коммуникации советских войск, оборонявших Москву, а также послать „разведгруппы“ ещё дальше на восток, к Уралу... Альтернатива состояла в захвате Сталинграда в качестве „опорного якоря“ для обеспечения устойчивости левого фланга немецких войск, в то время как основная масса бронетанковых сил повернёт на юг, чтобы захватить Кавказ и создать угрозу границам Ирана и Турции»¹⁶.

В этой связи бывший начальник генерального штаба сухопутных сил К. Цейтцлер свидетельствует: «Планируя летнее наступление 1942 года, Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ. Осуществление этих намерений, безусловно, имело бы огромное значение, если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена, и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы. Таков был ход мыслей Гитлера. Достигнув этих целей, он хотел через Кавказ или другим путём послать высокоподвижные соединения в Индию»¹⁷.

Однако захват района нижней Волги и Кавказа, при всём их крупном стратегическом значении, ещё не мог привести к поражению СССР, т.к. наиболее мощная группировка Красной Армии находилась в центральном промышленном районе. В этой связи гитлеровское командование планировало дальнейшее наступление вермахта против советских войск, защищавших центральный участок фронта. Так, Кейтель свидетельствовал, что после захвата Сталинграда и изоляции Москвы с юга, предполагалось осуществить поворот крупными силами на север. Правда, сроки проведения этой операции не были определены¹⁸. Учитывая реальное соотношение сил между сторонами, объективная оценка замыслов немецкого верховного командования может быть лишь одна – это была авантюра, основанная на переоценке собственных возможностей и новой недооценке способности Красной Армии к сопротивлению.

А эта способность в начале весенне-летней кампании 1942 года серьёзно возросла по сравнению с 1941-м. Весной 1942 г., оценивая возможности Советского Союза продолжать борьбу, разведка сухопутных сил США («Джи-2») в своей регулярной «Оценке советской боеспособности» не без удивления сообщает о стойкости тыла, «несмотря на ужасные и всё возрастающие лишения», объясняя это не только извечным стоицизмом русских, но и всенародным характером войны: «Русские сражаются за своё место в настоящем и будущем. Ныне, в отличие от первой мировой войны, все группы населения – будь то русские или корейцы, учителя или крестьяне, знают, что могут заслужить честь и отличие своей храбростью и боевыми успехами, что они больше не господа и быдло. Все группы отдадут борьбе свои силы, пот и кровь; никто не наживается на дутых поставках оружия или спекуляциях припрятанным продовольствием»¹⁹.

¹² Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. С. 347.

¹³ Итоги второй мировой войны. С. 126.

¹⁴ Роковые решения. С. 153; Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 248.

¹⁵ Дёрр Г. Поход на Сталинград. М., 1957. С. 17, 127-129.

¹⁶ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 158.

¹⁷ Роковые решения. С. 153.

¹⁸ ВИЖ, 1961, № 1. С. 41.

¹⁹ Печатнов В.О. Каким СССР вышел из войны (В оценках американской разведки и дипломатии). // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 5. С. 5.

Фашистским войскам противостояли советские армии, насчитывавшие 5,5 млн чел., более 43 тыс. орудий и миномётов, 1223 установки реактивной артиллерии, 4065 танков и 3164 самолёта²⁰. Как видим, соотношение сил было примерно равным. Однако советское командование не сумело правильно распорядиться имевшимися силами и средствами, и в ходе летней кампании 1942 г. РККА потерпела ряд серьёзных поражений (в Крыму, под Харьковом и Воронежем²¹), что позволило немцам вновь изменить соотношение сил в свою пользу и начать крупное наступление на южном участке фронта²².

Выбор юга для наступления обуславливался экономическими, военно-стратегическими соображениями, а также внешнеполитическими причинами. Войска противника на центральном фронте глубоко вклинились в советскую территорию и находились под угрозой фланговых ударов Красной Армии. Одновременно они занимали нависающее положение по отношению к южной группировке советских войск. К тому же, открытая местность юга России создавала наиболее благоприятные условия для использования бронетанковых соединений и авиации. Определённое значение имело и то, что на юге гитлеровцам легче было сосредоточить войска своих союзников – румын, итальянцев и венгров*.

Захват Кавказа преследовал и внешнеполитические цели. Приближение немецко-фашистских войск к Турции должно было ускорить решение её правителей о вступлении в войну на стороне «оси». С потерей Кавказа Советский Союз лишался связей с внешним миром через Иран. Захват черноморских баз обрекал на гибель советский Черноморский флот. Наконец, нацисты рассчитывали открыть себе путь на Ближний Восток.

Начало битвы на Волге. 17 июля 1942 г. началась великая Сталинградская битва²³. На одном лишь сталинградском направлении сражалось свыше 1 млн гитлеровцев, а под Эль-Аламейном – только 96 тыс. человек (в большинстве итальянцы) и 500-600 танков²⁴. Германия не отправила на помощь в Египет ни одного полка, перебрасывая все силы на южный участок советско-германского фронта, в первую очередь, на сталинградское направление. В сражение были также втянуты две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии. Если в июле на Сталинград вели наступление 30 дивизий, то в конце августа – 69, а через месяц – 81. На кавказском направлении в сентябре действовало 38 дивизий²⁵. Обладавшие значительным численным и качественным превосходством над советскими войсками фашисты серьёзно потеснили их на Восток. В этих условиях 28 июля появился знаменитый сталинский приказ «Ни шагу назад!»²⁶, имевший столь большое морально-политическое и дисциплинарное значение в деле поднятия боеспособности обороняющихся частей Красной Армии.

Продвинувшись на 150-400 км, немцы 23 августа вышли к Волге. «В тот же вечер люфтваффе получило приказ нанести нокаутирующий удар. По числу участвующих самолётов и весу сброшенных бомб воздушный налёт на Сталинград в ночь с 23 на 24 августа был самой массовой операцией люфтваффе после 22 июня 1941 г. ... Это был акт террора, предпринятый с целью убить как можно больше мирных жителей города, вывести из строя городские службы, вызвать панику, деморализовать защитников Сталинграда и устроить погребальный костёр на пути отступающих войск – по примеру Варшавы, Роттердама и Белграда»²⁷.

В связи с этим, как казалось, всепожирающим огненным смерчем офицер 267-го полка 94-й дивизии Вильгельм Гофман с удовлетворением писал в своём дневнике: «Весь город охвачен пожаром, по приказу фюрера люфтваффе предало его огню. Так им, этим русским, и надо, чтобы они прекратили сопро-

²⁰ 50 лет Вооружённых Сил СССР. С. 313.

²¹ Под Харьковом в окружение попали 300 тыс. советских войск. // Гареев М.А. О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне. По неопубликованным документам ГКО. // ННИ, 1994, № 1. С. 3.

²² История второй мировой войны. Т. 5. С. 122-131.

* Что впоследствии сыграло роковую роль для группировки Паулюса.

²³ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 148; Попов В.Н. Сталинградская битва: по новейшим исследованиям. // ННИ, 2007, № 2.

Об участии в боях за Сталинград и Кавказ румынских войск см.: Duțu A.D. De la Nistru spre Volga și Caucaz. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 34-36; Troncotă C. Dezastrul de la Stalingrad. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7; Budescu V. Jurnal de front. Pribeag la Cotul Donului. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 12; Cosovanu L. Din încercuirea de la Stalingrad: generalul Tătăranu îi scrie lui Mihai Antonescu. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 4.

²⁴ Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война. С. 307.

[†] Примечание научного редактора: Сам командующий германо-итальянскими войсками в Северной Африке Роммель свидетельствовал, что в его распоряжении имелось лишь 400 боевых машин (без слабеньких итальянских Л-3). А Типпельскирх сообщает о 500 танках (вместе с итальянскими). // Меллентин Ф. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. Спб., 2000. С. 77; Типпельскирх К. История второй мировой войны 1939-1945. Спб., М., 1998. С. 304.

²⁵ Абалихин Б.С. Утро победы. Волгоград, 1986. С. 9.

²⁶ Приказ Народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июня 1942 г. // ВИЖ, 1988, № 8.

²⁷ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 174-175.

тивление»²⁸. «Гитлер считал, – отмечает генерал Типпельскирх, – что в августе он нанёс русским сокрушительные удары... В ставке Гитлера можно было слышать о том, что победа над Советским Союзом для него стала второстепенным делом, которому он уже почти не уделяет внимания, и что сейчас его больше всего интересуют широкие планы захвата Среднего Востока»²⁹.

Однако вскоре всё изменилось. Величайшее сопротивление Советской Армии остановило гитлеровцев и сломало дух вермахта. Неслыханно велики были потери у немцев. 17 сентября командир 29-й механизированной дивизии докладывает Паулюсу: «Два механизированных полка дивизии почти полностью уничтожены: из 220 танков осталось 42»³⁰.

«В первые дни сентябрьского наступления, – пишет А. Кларк, – немцы имели почти трёхкратное превосходство в людях и артиллерии и шестикратное – в танках, а немецкая авиация господствовала в воздухе. Период с 13 по 23 сентября, когда 6-я армия была относительно свежей, а у русских оборонялись остатки частей, измотанных в предыдущих боях, был самым опасным для Сталинграда... Но даже в этих тяжёлых условиях мужество русских солдат, сражавшихся до последнего патрона, сыграло свою роль в срыве немецкого наступления»³¹.

Бывший посол Соединённых Штатов в Советском Союзе Джозеф Дэвис, выступая в конце сентября 1942 года в Вашингтоне, отмечал: «Самая решающая битва за всю историю цивилизации происходит сегодня. [Это] сражение, которое идёт в Сталинграде»³².

Эволюция морального состояния немецких войск отражена в дневниках военнослужащих. Так, уже упоминавшийся нами Вильгельм Гофман писал:

1 сентября. «Неужели русские действительно собираются сражаться на самом берегу Волги? Это же безумие».

8 сентября. «...Безрассудное упрямство».

11 сентября. «...Дикие звери».

16 сентября. «Варварство... это не люди, а черти».

Затем Гофман более месяца воздерживается от высказываний о характере противника, в это время записи в дневнике насыщены мрачными размышлениями о горестной судьбе товарищей по оружию и своей собственной.

27 октября. «Русские – это не люди, а какие-то железные существа. Они никогда не устают и не боятся огня».

28 октября. «Каждый солдат считает себя обречённым человеком»³³.

«Теперь в Сталинграде, – писал 13 ноября солдат Генрих Мальхус, – разгорелись бои, подобных которым не было за весь Восточный поход... Когда мы пришли в Сталинград, нас было 140 человек, а к 1 сентября, после двухнедельных боёв, осталось только 16. Все остальные ранены или убиты»³⁴. А ефрейтор Вальтер Опперман 18 ноября писал своему брату: «Сталинград – это ад на земле. Верден, красный Верден, с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удастся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно»³⁵.

«Мы попали в настоящий чёртов котёл, – писал ефрейтор Генрих Даувель, – здесь форменный ад. С каждым днём, с каждым часом наше положение становится всё хуже». «Сталинград стал нам поперёк горла, – вторит ефрейтор Отто Крепель. – В роте осталось лишь семь человек. Повсюду видны солдатские кладбища. Теперь только одно слово „Сталинград“ приводит нас в ужас»³⁶.

А вот выдержки из дневника другого немецкого солдата: 16 сентября. «Батальон несёт тяжёлые потери. В ротах осталось по 60 человек. В элеваторе сражаются не люди, а дьяволы, которых не берёт ни пуля, ни огонь». 18 сентября. «Бои идут в самом элеваторе... Если все здания в Сталинграде будут обороняться, как это, ни один из наших солдат не вернётся домой»³⁷.

«Мы сражались пятнадцать дней за один дом, используя миномёты, гранаты, пулемёты и штыки, – писал лейтенант 24-й танковой дивизии. – Уже на третий день в подвалах, на лестничных клетках и лестницах валялись трупы 54 убитых немцев. „Линия фронта“ проходит по коридору, разделяющему сгоревшие комнаты, по потолку между двумя этажами... Спросите любого солдата, что означает полчаса рукопашной схватки в таком бою. И представьте себе Сталинград. 80 дней и 80 ночей рукопашных боёв. Длина улицы измеряется теперь не метрами, а трупами»³⁸.

²⁸ Ibid. С. 175.

²⁹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 255.

³⁰ Каршай Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 207.

³¹ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 181.

³² Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5. С. 50.

³³ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 178-179; Каршай Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 207.

³⁴ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М., 1944. С. 14.

³⁵ Ibid. С. 12.

³⁶ Бланк А., Хавкин Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990. С. 77-78.

³⁷ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 182.

³⁸ Ibid. С. 188.

Непосредственный участник тех событий Иохим Видер в связи с этим отмечает: «После боёв на Волге и Дону люди обессилели окончательно. Главные силы нашей армии с середины августа по октябрь вели бои в развалинах Сталинграда... За два месяца непрерывных кровопролитных боёв нам так и не удалось выбить из города русских, стоявших насмерть на своих последних оборонительных рубежах по эту сторону Волги. В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30-40 солдат. Пополнение, прибывавшее на фронт, было совершенно недостаточным. В результате боевой состав многих частей сократился до одной трети, если не до четверти первоначального»³⁹.

Однако высшее военное командование вермахта, игнорируя действительность, категорически требовало продолжать наступление. Об этом свидетельствует и приказ Гитлера от 17 ноября, т.е. за два дня до начала советского контрнаступления. Получив его, Паулюс заявил: «Я убеждён, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых войсках»⁴⁰. Поистине, когда Господь хочет наказать людей, он лишает их разума!..⁴¹

Оборона Кавказа длилась между 25 июля и 31 декабря 1942 г. и завершилась полным истощением немецкой группы армий «А»⁴².

Военные действия в Африке⁴³. Весной-летом 1942 г. итало-немецкие войска продвигались из Ливии к Суэцу, стремясь установить контроль над Средиземным морем, разорвать английские коммуникации с Азией через Суэц и соединиться с прорвавшими советскую оборону на Кавказе немецко-фашистскими армиями. Англичане остановили армию Роммеля у *Эль-Аламейна*, в 90 километрах от Александрии, и после жестоких боев, истощив её, перешли в контрнаступление⁴⁴.

Оценивая позицию сэра Уинстона, американский генерал Вейдемейер писал в связи с этим: «Черчилль страшно преувеличивал значение победы союзников в Африке»⁴⁵. «Этим, – отмечает В.Г. Трухановский, – он преследовал три цели: во-первых, стремился противопоставить Эль-Аламейн советской победе под Сталинградом; во-вторых, хотел укрепить положение своего правительства на внутривнутриполитическом фронте...; в-третьих, демонстрировал перед всем миром крупный вклад Англии в борьбу против Германии и Италии»⁴⁶.

Первоначально американские военные возражали против высадки англо-американских войск в Северной Африке – операции «Джимнаст», – в качестве альтернативы вторжению в Северную Францию. Эйзенхауэр вспоминал о своей беседе с Черчиллем по этому вопросу: «Я подчеркнул, что со многих точек зрения операция „Джимнаст“ невыгодна, и поставил перед ним вопрос: приведёт ли эта операция к тому, что немцы выведут с русского фронта хотя бы одну дивизию или один самолёт?»⁴⁷.

Маршалл осудил этот план как «дорогостоящий и бесплодный». По поводу высадки в Северной Африке в ноябре 1942 г. он писал: «Эти действия не заставят Гитлера повернуться лицом на юг. Мы исходили из того, что он прочно увязнет в России»⁴⁸. Его поддержал адмирал Кинг, который заявил, что «невозможно выполнять обязательства военно-морских сил на других театрах и в то же время

³⁹ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 52-53.

⁴⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 433; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 343.

⁴¹ Правда, адъютант командующего Адам свидетельствует, что действительная (не показная) реакция Паулюса на этот приказ была противоположной. Он пишет, что «генерал пехоты Цейтцлер был лично у аппарата и по приказу Гитлера передал следующую директиву: „Красная Армия разбита, она уже не располагает сколько-нибудь значительными резервами и, следовательно, не в состоянии предпринимать серьёзные наступательные действия. Из этого основополагающего тезиса надо исходить каждый раз при оценке противника“. Паулюс был потрясён столь ошибочной оценкой. Оскорбило его и поручение, сделанное в такой грубой форме.

– Надо же им, в генеральном штабе, всё-таки понять, что здесь готовится, – вырвалось у него, – неужто в окружении Гитлера остались одни лишь „поддакиватели“, льстецы, одобряющие любой вздор?

И тем не менее, Паулюс подчинился... Солдатское послушание взяло верх над здравым рассудком». // Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 143.

⁴² См.: Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1973; Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе, 1988; Бабаев А.-М.Б. Крах гитлеровских планов захвата Кавказа. Махачкала, 1975; Завьялов А.С., Калядин Т.Е. Провал операции «Эдельвейс». М., 1962; Caucas 1943: „Dă-ne, Doamne, zile, ca să ne vedem teferi”. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 8.

⁴³ См.: Petrencu A. Istorie universală. P. 32-33; Constantiniu Fl. Romel: „vulpea deșertului”. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 386-388; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 476-481.

⁴⁴ Bălan E. Ervin Rommel – marele invins în Bătălia pentru Africa. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 3. P. 55-57.

⁴⁵ Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. С. 343.

⁴⁶ Ibid. С. 343.

⁴⁷ См.: Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр и советско-американские союзнические отношения в 1941 – 1945 гг. // США: ЭПИ, 1995, № 5. С. 18.

⁴⁸ Великая Отечественная война. (1941-1945 годы). М., 2010. С. 14

обеспечивать доставку грузов и эскортирование, если будет предпринята эта операция». Американские военачальники пришли также к единому мнению, что возражения англичан против высадки во Франции в 1942 г. ясно свидетельствуют о том, что они не пойдут на такой риск и в 1943 г.⁴⁹, и в этом случае США необходимо изменить стратегию, переключив свои главные усилия на войну на Тихом океане. Однако Рузвельт не поддержал своих военных и подчеркнул, что политически необходимо до конца года предпринять решительные действия именно против Германии⁵⁰.

По инициативе Черчилля операция была переименована в «Торч» («Факел»). Была достигнута договорённость назначить главнокомандующим войск для участия в будущих боях в Северной Африке, генерала Д. Эйзенхауэра, ставшего впоследствии одним из самых крупных военачальников второй мировой войны⁵¹. 8 ноября 1942 г. англо-американцы осуществили операцию по высадке в Северной Африке «Факел»⁵². До 12 мая 1943 г. итало-германские войска сопротивлялись, но в этот день капитулировали⁵³. Появились благоприятные условия для наступления на Италию с юга.

Сражение у острова Мидуэй⁵⁴. Японское командование поставило задачу захватить Австралию. Но перед этим было решено оккупировать остров Мидуэй, расположенный в центре Тихого океана и имевший огромное значение для обороны как Японии, так и Гавайев. В ходе этой операции японцы планировали разгромить американский тихоокеанский флот, используя для этого главные силы своего флота. Но американцам стали известны планы японского командования. 4-5 июня 1942 г. произошло решающее морское сражение, в котором главную роль сыграла авиация. У Мидуэя японский флот потерял половину своих авианосцев и 55% авианосной ударной силы. Погибла почти половина лётчиков-асов⁵⁵.

Поражение Японии во многом объясняется тем, что не удалось достигнуть фактора внезапности. Ошибочным было и планирование операции. Японское командование было слишком самоуверенным и недооценило способности и возможности американского флота. Как отмечал известный американский историк Г. Прандж, «сражение закончилось одной из наиболее решающих военно-морских побед после Трафальгарской битвы. Оно ознаменовало перелом в ходе войны на Тихом океане: когда дым сражения рассеялся, для Восходящего солнца Японии начался закат»⁵⁶.

Таблица 7. ВМС США и Японии на Тихом океане (1941-1943 гг.)

Типы кораблей	Декабрь 1941 г.		Август 1943 г.	
	США	Япония	США	Япония
Линейные	7	10	15	9
Авианосцы	3	10	19	10
Крейсеры	24	39	27	34
Подводные лодки	52	65	104	69

Соотношение сил к концу 1942 г. К концу третьего года войны фашистские государства достигли вершины территориальных захватов, оккупировав территорию в 12,8 млн кв. км с 500 млн населения (из них 1,8 млн км² советской земли, на которой до войны проживало около 80 млн человек). Но условия ведения войны для фашистского блока сильно изменились. Советские власти сумели в 1941 – 1942 гг. эвакуировать в тыл 26 млн человек и 2500 промышленных предприятий⁵⁷. Используя свои гигантские материальные и людские ресурсы, ведущие державы антигитлеровской коалиции ускорили темпы военного производства, увеличили численность вооруженных сил, снабдив их самым современным вооружением. В СССР, США и Великобритании в 1942 г. было выпущено боевых самолётов в 3,1 раза, артиллерии в 5 раз, танков в 9,7 раза больше, чем в Германии, Японии и Италии вместе взятых⁵⁸. Процесс изменения соотношения сил в пользу антигитлеровской коалиции продолжал ускоряться. Создавались условия, позволившие её вооруженным силам вырвать инициативу из рук агрессоров и изменить ход вооруженной борьбы в свою пользу.

⁴⁹ Брэдли, например, писал: «Отвлечение ресурсов союзников в Северную Африку исключило всякую возможность успешного вторжения через Ла-Манш в 1943 г.» // Брэдли О. Записки солдата. С. 213.

⁵⁰ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 298-299.

⁵¹ Ещё в начале 30-х годов Макартур характеризовал его следующим образом: «Это лучший офицер нашей армии. В следующую войну он должен быть среди высших руководителей». // Цит. по: Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр и советско-американские союзнические отношения в 1941 – 1945 гг. // США: ЭПИ, 1995, № 5. С. 15.

⁵² Говард М. Большая стратегия. С. 128-137; История США. Т. 3. С. 366-372.

⁵³ Bălan E. Ervin Rommel – marele învins în Bătălia pentru Africa. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 3. P. 57.

⁵⁴ Прандж Г. Чудо у острова Мидуэй. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 240-273; История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 272-276; История США. Т. 3. С. 364-365.

⁵⁵ Уткин А.И. США – Япония: вчера, сегодня, завтра. М., 1990. С. 105.

⁵⁶ Прандж Г. Чудо у острова Мидуэй. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада.

⁵⁷ Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // ННИ, 2006, № 5. С. 32.

⁵⁸ История второй мировой войны. Т. 6. С. 25.

Таблица 8. Соотношение вооружённых сил воюющих коалиций в ноябре 1942 г.⁵⁹

Силы и средства	Антифашистская коалиция	Фашистский блок	Соотношение
Личный состав (млн чел.)	23,7	14,5	1,6: 1
Орудия и миномёты (тыс.)	169,9	100,9	1,7: 1
Танки, САУ, штурмовые орудия (тыс.)	25,3	11,3	2,2: 1
Боевые самолёты (тыс.)	34,9	12,6	2,8:1

По размаху и результатам вооруженной борьбы, советско-германский фронт (6200 км – максимальная протяжённость за всю войну) перед началом нового этапа войны оставался главным. С обеих сторон в борьбе участвовало более 12 млн человек (более 700 расчётных дивизий), 130 тыс. орудий и миномётов⁶⁰. Именно здесь были измотаны ударные группировки противника. Из всех понесённых Германией во второй половине 1942 г. потерь – 96% составили потери на Восточном фронте. Летом и осенью, до 19 ноября, только на сталинградском направлении вермахт потерял 700 тыс. убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. орудий и миномётов, более 1 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 1,4 тыс. самолётов⁶¹.

К середине ноября на советско-германском фронте произошло изменение в соотношении сил в пользу Советской Армии: в её составе было 6,6 млн бойцов против 6,2 млн воевавших в немецкой армии и войсках её союзников, а также, соответственно, – 78 тыс. орудий и миномётов против 52 тыс. у немцев, 7350 танков против 5080 немецких, 4544 самолёта против 3500 у германских войск⁶². Однако «немцы, – пишет Алан Кларк, – видевшие, как их силы тают в пекле боёв неделя за неделей, отказывались верить, что русские не несут потери в таких же пропорциях»⁶³.

В результате перестройки советской промышленности увеличилось производство боевой техники и боеприпасов. Во втором полугодии 1942 г., по сравнению с первым, производство самолётов, тяжёлых и средних танков, артиллерийских орудий и автоматического оружия возросло более чем в 1,5 раза. Это позволило повысить ударную и огневую мощь войск, улучшить их техническое оснащение. С мая по ноябрь 1942 г. степень вооружённости действующей армии (количество единиц вооружения на 1000 человек) возросла по автоматическому оружию в 2,4 раза, по орудиям и миномётам в 1,5 раза, по танкам в 1,6 раза, по самолётам в 1,2 раза⁶⁴. К этому времени Красная Армия не только численно, но и по своим качественным параметрам стала превосходить гитлеровские войска. И это несмотря на то, что гитлеровская Германия также увеличила в 1942 г., по сравнению с 1941 г., производство боевой техники в полтора-два раза и то, что кроме 193,5 немецких дивизий, на советско-германском фронте воевало 18 финских дивизий, 26 румынских, 11,5 итальянских, 14 венгерских, 2 словацкие и 1 испанская⁶⁵.

Фактически, начало контрнаступления Красной Армии в районе Сталинграда оказалось для немцев неожиданным. По свидетельству только что назначенного на пост начальника генерального штаба сухопутных войск генерала К. Цейтцлера, накануне советского контрнаступления руководители вермахта «всё ещё не знали, на каком участке растянутого левого фланга русские нанесут удар – на румынском, находившемся близ Сталинграда, на более западном итальянском или, наконец, на венгерском, который протянулся ещё более на Запад»⁶⁶. Что касается второго удара, из района южнее Сталинграда, то он оказался для немецкого командования совершенно внезапным.

2. Разгром вермахта и его союзников на южном фланге советско-германского фронта

Начало советского контрнаступления под Сталинградом⁶⁷. 19 ноября 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление в районе Сталинграда и вскоре были окружены 22 дивизии 6-й полевой и

⁵⁹ Ibid. С. 14.

⁶⁰ Ibid. С. 19.

⁶¹ 50 лет Вооружённых Сил СССР. С. 323; История второй мировой войны. Т. 5. С. 193.

⁶² История второй мировой войны. Т. 6. С. 20.

Г.К. Жуков приводит (на начало ноября) следующие данные: 6,2 млн чел., 70 тыс. орудий и миномётов, 6600 танков и штурмовых орудий, 3500 боевых самолётов и 194 боевых корабля – у немцев и 6,1 млн чел., 72,5 тыс. орудий и миномётов, 6014 танков, 3088 боевых самолётов – у Красной Армии. «В стратегическом резерве Ставки к этому времени накопилось 25 дивизий, 13 танковых и механизированных корпусов, 7 отдельных стрелковых и танковых бригад. Таким образом, к завершению первого периода войны соотношение сил начало меняться в пользу Советского Союза». // Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 417-418.

⁶³ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 189.

⁶⁴ История второй мировой войны. Т. 6. С. 14-15.

⁶⁵ Ibid. С. 17, 19.

⁶⁶ Роковые решения. С. 165.

⁶⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 417-450; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга первая. С. 248-291; История военного искусства. С. 181-193.

4-й танковой армий общей численностью более чем 300 тыс. немецких и румынских солдат под командованием генерала Паулюса⁶⁸. В западной литературе Сталинград нередко сравнивают с Верденом. Уместны в этой связи рассуждения английского историка Б. Питта: «Во многом это сравнение справедливо, но есть чрезвычайно важная отличительная черта. Франция в 1916 году приняла вызов Фалькенхайна[†] и производила равноценный обмен – солдата на солдата..., пока обе стороны, обескровленные, не откатились назад, испытывая острое отвращение к этой бойне... Под Сталинградом же решающей зимой 1942/43 г. полководцы Красной Армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для всех и каждого...

Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленные таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, затянувшего петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград стал символом великой победы, завоёванной разумной ценой. Верден – это просто название сражения, которое поглотило миллионы человеческих жизней, оставив обе стороны обессиленными и обескровленными»⁶⁹.

Что касается общей цифры окружённой группировки, приведём расчёты Иохима Видера, участника событий и автора одного из самых серьёзных исследований о Сталинградском сражении. «В октябре 1942 года, примерно за месяц до начала русского наступления, на довольствии в 6-й армии – самой боеспособной и полнокровной в группе армий „Б“ – состояло 334 тысячи человек. До 19 ноября 1942 г. армия потеряла убитыми и ранеными около 17 тыс. человек. Потери, понесённые после русского прорыва до того момента, когда кольцо окружения сомкнулось, составили примерно 34 тысячи человек. Кроме того, около 39 тысяч человек, главным образом обозники и солдаты различных тыловых подразделений, попали в плен в районе Чира. Оказавшиеся в „котле“ основные силы армии увеличились за счёт двух армейских корпусов 4-й танковой армии, не входивших в приведённую выше цифру личного состава 6-й армии, а также за счёт крупных авиационных соединений и остатков двух разгромленных румынских дивизий... Таким образом, общая численность попавших в „котёл“ соединений составляла примерно 270-280 тысяч человек. У нас – в штабе VIII армейского корпуса – в первый период боёв в „котле“ тоже неоднократно определяли общую численность окружённой армии цифрой 300 тысяч»⁷⁰.

Эти события положили начало *коренному перелому* в ходе войны. «Сквозь туман и снег „тридцатьчетвёрки“ ворвались в оборонительные позиции ошеломлённых румынских солдат. Охваченные паникой румынские солдаты бросили свои окопы и укрытия и побежали»⁷¹. Цейтцлер признавал, что румынский фронт представлял собой печальную картину полного хаоса и беспорядка, донесения рисовали общую картину панического бегства при появлении русских танков в их глубоком тылу⁷².

Таблица 9. Соотношение сил в районе Сталинграда в ноябре 1942 г.⁷³

Силы и средства	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (млн чел.)	1,1	1	1,1 : 1
Орудия и миномёты (тыс.)	15,5	10,2	1,5 : 1
Танки, САУ, штурмовые орудия (тыс.)	1,463	0,675	2,2 : 1
Боевые самолёты (тыс.)	1,35	1,216	1,1 : 1

«Оба удара, – пишет генерал Меллентин, – были нанесены по румынским войскам... Я не буду говорить о той панике, которую вызвало среди них новое русское наступление»⁷⁴. Однако немецкий ме-

⁶⁸ Разные авторы приводят разные цифры: Дёrr Г. Поход на Сталинград. С. 65, 114; Видер И. Катастрофа на Волге. С. 29, 30, 45, 46, 54, 84, 195, 196, 197; Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 253; Гудериан Г. Опыт войны с Россией. // Итоги второй мировой войны. С. 129; Loghini L. Al doilea război mondial. P. 216; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 81.

А. Василевский свидетельствует, что первоначально советское командование считало, что в окружение попали 85-90 тыс. человек. // Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 253.

[†] Примечание научного редактора: Эрих фон Фалькенхайн – немецкий военный деятель, в 1914-1916 годах начальник генерального штаба Германии. По его инициативе было предпринято наступление на Верден с целью принудить Францию к скорейшему заключению мира.

⁶⁹ См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 192-193.

⁷⁰ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 195-196.

⁷¹ Крейг У. Катастрофа на Волге. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 208.

⁷² Роковые решения. С. 169.

⁷³ История второй мировой войны. Т. 6. С. 35; Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 291; Великая победа на Волге. С. 254.

⁷⁴ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 149; см. также: Цейтцлер К. Сталинградская битва. // Роковые решения. С. 169.

муарист приводит выдержку из воспоминаний об этих событиях офицера люфтваффе Ганса Руделя о бегстве румынских войск. Мы не стали бы это воспроизводить, если бы не утверждения некоторых националистически настроенных современных румынских и молдавских историков о «доблести» румынской армии на советско-германском фронте и их игнорирование тех зверств, которые совершили румынские фашисты на оккупированных советских территориях. Правда, профессионально добросовестные румынские историки, основываясь на документальных данных, признают крайне низкий уровень общей подготовки, оснащённости и боеготовности румынских войск⁷⁵. А российский историк, профессор А.И. Уткин писал о них: «Прикрывавшие фланги 6-й армии румыны были организованы по модели французской дивизии периода первой мировой войны и вооружены оружием, захваченным немцами у французов в 1940 году. Немногочисленные противотанковые пушки были безнадежно устаревшими. Только в октябре 1942 года румыны получили 75-мм орудия (по шесть на дивизию⁷⁶). Все немецкие наблюдатели отмечали, что румыны строят хорошие блиндажи офицерам, но плохие оборонительные сооружения для основной массы войск»⁷⁶.

Вот что свидетельствует Рудель о прорыве 19 ноября в излучине Дона: «На следующее утро после получения срочного сообщения наша авиаэскадра вылетела в направлении плацдарма в районе Клетская... Мы летели на небольшой высоте. Но что за войска движутся нам навстречу? Ведь до цели ещё полпути! Это толпа солдат в коричневой форме. Русские? Нет, румыны. Некоторые из них даже бросают свои винтовки, чтобы легче было бежать. Удручающее зрелище, но мы готовимся к худшему. Мы летим вдольдвигающейся на север колонны и выходим в район артиллерийских позиций наших союзников. Орудия брошены в полной исправности, около них лежат боеприпасы. Мы пролетели ещё некоторое расстояние, пока увидели передовые части русских»⁷⁷. Комментарии, как говорится, излишни⁷⁸.

Об этом пишет другой очевидец тех трагических дней, немецкий офицер Отто Рюле: «Румынские части, понеся большие потери в живой силе, обратились в паническое бегство. По мере продвижения советских войск отступающие румыны всё больше теснили немецкие части на запад... Бросая всё на своём пути, бегущие без оглядки войска увеличивали и без того огромную армию отступающих, создавая в целом картину, напоминающую отступление Наполеона». // Рюле О. Исцеление в Елабуге. Мемуары. М., 1969. С. 5-6.

На низкую боеспособность румынской армии накладывалась склонность румынских офицеров к использованию пудры для лица, румян, помады, мушек и корсетов. Румынские офицеры и младшие командиры никогда не шли впереди. Большую часть времени они проводили в тылу, в блиндажах с музыкой и алкоголем. // См.: Тимофеев А. Стоит над горою Алёша. Облик красноармейца, освободителя Балкан. // Родина. 2011, №1. С. 133 (со сс. на: Иванов. С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 434; Роменский А.П. Глазами и сердцем солдата. М., 1979. С. 108; Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 162-163); Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-21-staligr_131.html; Кустов М. Кто проиграл Сталинград? // <http://sovsekretno.ru/magazines/article/962>.

«Самым слабым местом немцев были их союзники, – пишет Э. Бивор. – Формально эти соединения считались полноценными боевыми частями, а фактически и итальянцы, и румыны, и венгры были деморализованы еще до прибытия на Сталинградский фронт». // Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-15-staligr_131.html.

⁷⁵ Duțu A. Locul nostru în război. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6. P. 23, 26; Otu P. „Ostași, vă ordon: treceți Prutul!” // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 19-20; Oșca A. Lipsa de pregătire se răzbună. // Magazin Istoric, 2000, Nr.6.

⁷⁶ Примечание научного редактора: В ходе обсуждения обстановки в связи с прорывом обороны румынских войск Красной Армией и окружения румынского корпуса в малой излучине Дона, 23 ноября 1942 г. начальник румынского генерального штаба генерал Штефля раздражённо высказал представителю германского командования генералу Гауффе, что «противотанковые пушки генерала Ласкара даже на расстоянии 5 м не оказывали никакого действия против тяжёлых танков противника».

Объективности ради, следует отметить, что ввиду очень высоких боевых качеств советских танков, немцы ещё в 1941 г. столкнулись с ситуацией, когда типовая германская 37-мм противотанковая пушка не пробивала броню среднего Т-34 почти с любых дистанций, и тем более была бессильна против тяжёлого КВ. В связи с этим, германские фронтовики прозвали свои противотанковые орудия «дверными молотками» и «хлопушками». «Вводимая на вооружение немецких войск в это время 50-мм противотанковая пушка была также недостаточно эффективным средством». Поэтому с осени 1941 г. «было срочно начато производство» «75-мм противотанковой пушки с увеличенной пробивной способностью». Новые тяжёлые противотанковые орудия «смогли поступить в войска весной 1942 г., и благодаря этому, – отмечает весьма информированный германский историк Б. Мюллер-Гиллебранд, – обстановка на фронте заметно разрядилась». Своего румынского союзника гитлеровцы, как выше сказано, хотя и в ограниченном количестве, но снабдили своими новейшими противотанковыми пушками за месяц до советского контрнаступления под Сталинградом. // См., в частности: Проэктор Д.М. Фашизм: путь к агрессии и гибели. М., 1985. С. 369-371; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945. Т. 3: Война на два фронта. М., 1976. С. 13-14, 74.

⁷⁶ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

⁷⁷ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 149-150.

⁷⁸ О низкой боеспособности и отсутствии стойкости у румынских войск свидетельствует и бывший командующий группой армий „Южная Украина” во время Ясско-Кишиневской операции генерал-полковник Ганс Фриснер. // Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966. С. 73, 74, 75.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что не все немецкие мемуаристы плохо отзывались о боеспособности румынских войск. Так, полковник В. Адам отмечает, что в наступательных боях на южном фронте румынские солдаты были храбры, выносливы⁷⁹. Генерал Ганс Дёрр пишет, что «в составе немецких соединений они храбро сражались и выполняли поставленные перед ними задачи... Вину за развал румынских позиций в большой излучине Дона и в Калмыцких степях несёт главное командование германской армии, которое в своём высокомерии, переходящем всякие границы, ставило перед союзниками невыполнимые для них задачи... В этих условиях нельзя было требовать от румынских дивизий таких же успешных действий, как и от имевших современное вооружение немецких дивизий... Несправедливое отношение к войскам этого союзника, в чём виновата Германия, вынуждает нас воздержаться от какой бы то ни было отрицательной оценки»⁸⁰.

Правда, состояние немецких войск на участках прорыва было не намного лучше. Первый адъютант штаба 6-й армии В. Адам так описывает эти события: «Части тыловых соединений при приближении танков с красной пятиконечной звездой бежали в дикой панике... 4-я танковая армия была рассечена, её штаб бежал на запад...

Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт; они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу... Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затаптывали, переезжали, давили.

В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли всё, что мешало спешному бегству, бросали оружие и снаряжение, неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза... К беглецам из 4-й танковой армии присоединились двигавшиеся с севера солдаты и офицеры 3-й румынской армии и тыловых служб 11-го армейского корпуса. Все они, охваченные паникой и ошалевшие, были похожи друг на друга»⁸¹. «На лицах солдат застыло выражение ужаса, словно за ними по пятам гнался сам сатана»⁸².

О том, что происходило в эти дни в стане врага, рассказывает и итальянский майор Д. Толлои: «18 декабря к югу от Богучара сомкнулось кольцо сил, действовавших с запада и с востока... Многие штабы начали сниматься с места, теряя всякую связь с войсками. Части, атакованные танками, пытались спастись бегством... Артиллерия и автомашины были брошены. Многие офицеры срывали с себя знаки различия, солдаты бросали пулемёты, винтовки, снаряжение. Всякая связь оказалась нарушенной»⁸³.

Ответственность немецкого верховного командования за поражение в районе Сталинграда. Как вспоминает бывший майор немецкой армии Гельмут Вельц, в окружённых войсках виновным за сталинградскую катастрофу считали не только Гитлера, но и Геринга⁸⁴. «В ставке фюрера, – пишет он, – состоялось большое совещание. На нём шла речь о дальнейшей судьбе окружённой под Сталинградом армии. Командующие групп армий и воздушных флотов Манштейн, Вейхс и Рихтгофен, а также генерал Цейтцлер высказались за немедленное отступление на запад и за сражение на прорыв изнутри.

⁷⁹ Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 68.

⁸⁰ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 63-64.

⁸¹ Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 172, 176.

⁸² Рюле О. Исцеление в Елабуге. С. 6.

⁸³ См.: Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. С. 117; История второй мировой войны. Т. 6. С. 70.

⁸⁴ Находящийся в это время в немилости у Гитлера, рейхсмаршал ухватился за возможность вернуть расположение вождя. Примчавшись в Растенбург, он заявил: «Мой фюрер, я уже объявил, что люфтваффе обеспечит снабжение 6-й армии по воздуху». И в самом деле, когда началась воздушная операция по снабжению окружённых немецких войск, на бумаге число самолёто-вылетов выглядело внушительно. Однако статистика скрывала тот факт, что, хотя самолёты поднимались в воздух со своих авиабаз и брали курс на Сталинград, их грузы не доходили до сидящих в «котле» солдат. Тяжёлые погодные условия вынуждали самолёты с полпути возвращаться назад, их перехватывали советские истребители, обстреливали подтянутые зенитные батареи. В результате усеянная обломками самолётов степь внизу под авиатрассой была похожа на авиационное кладбище. По свидетельству Манштейна, немецкая «авиация потеряла под Сталинградом 488 самолётов и около 1000 человек из состава их экипажей!».

Авиатранспорт едва смог покрыть 1/5 минимальной потребности в 700-900 т продовольствия и боеприпасов. Такой огромный груз могли перебросить 500 транспортных самолётов и то, если бы по ним никто не стрелял. Но командующий воздушным флотом Рихтгофен, даже после того как получил самолёты из Франции, Норвегии, Италии, имел лишь 298 машин. Всего за 70 дней снабжения по воздуху 6-я армия получала, в среднем, 94,16 т грузов в день, и было вывезено из района окружения 29 тыс. раненых (есть сведения о 40 тыс. эвакуированных). Видер пишет в этой связи: «Создавалось впечатление, что там наверху нас уже списали в расход, и единственной нашей задачей оставалось до конца выполнить „историческую миссию“, иными словами – погибнуть». // Крейг У. Катастрофа на Волге. // От «Барбароссы» до «Терминала». С. 211, 215-216; Манштейн Э. Утерянные победы. С. 374; Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 117, 118, 119; Видер И. Катастрофа на Волге. С. 51, 59, 84, 196; Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 205, 226; Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 455; Бланк А., Хавкин Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. С. 75-76; Рюле О. Исцеление в Елабуге. С. 95; Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 199.

И только один человек высказался за то, чтобы „выстоять”, бросив при этом сакраментальную фразу: „Обеспечение 6-й армии беру на себя”. Это был Геринг. Его слово оказалось решающим»⁸⁵. Нельзя игнорировать и тот факт, что всё остальное авиационное начальство с пессимизмом оценивало перспективы снабжения окружённой группировки по воздуху. Так, генерал Фибиг заявил: «Снабжать целую армию по воздуху? Не получится! Наши транспортные самолёты слишком заняты в Африке и на других фронтах. Я не советую чрезмерно полагаться на нас!»⁸⁶.

Другой немецкий мемуарист также полагает, что «6-я армия располагала достаточными силами, чтобы с успехом разорвать фронт окружения и разбить противника. Само собой разумеющейся предпосылкой для этого был отвод войск назад, следовательно, отказ от Сталинграда»⁸⁷. Просил разрешения на прорыв в западном направлении и Паулюс⁸⁸. Его поддержал и командующий группой армий «Б» генерал-полковник Вейхс⁸⁹. Однако 24 ноября фюрер издал приказ, в котором отмечал: «Личный состав армии может быть уверен, что я предприму всё, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить её из окружения»⁹⁰.

В своих воспоминаниях Цейтцлер рассказывает о попытках добиться от Гитлера приказа на отход 6-й армии из Сталинграда. Сразу после окружения этой армии у него состоялся разговор с фюрером: «Гитлер сказал:

– Я не уйду с Волги!

Я громко ответил:

– Мой фюрер, оставить 6-ю армию в Сталинграде – преступление. Это означает гибель или пленение четверти миллиона человек. Вызволить их из этого котла будет уже невозможно, а потерять такую огромную армию – значит сломать хребет всему восточному фронту». Гитлер ничего не ответил и лишь приказал вызвать к себе Кейтеля и Йодля. Когда они вошли, он сказал:

– Я должен принять очень важное решение. Прежде чем сделать это, я хочу услышать ваше мнение. Эвакуировать или не эвакуировать Сталинград?

...Вытянувшись, словно по команде смирно, Кейтель ответил:

– Мой фюрер, не оставляйте Волгу.

Йодль говорил тихо и объективно, взвешивая каждое слово.

– Мой фюрер, – начал он, – это действительно очень важное решение. Если мы отступим от Волги, мы потеряем большую часть территории, захваченной нами во время летнего наступления ценой огромных потерь. Но если мы не отведём 6-ю армию, её положение станет крайне тяжёлым. Операция по её деблокированию может пройти успешно, но может и провалиться. До тех пор, пока мы не увидим результатов этой операции, на мой взгляд, надо удерживать позиции на Волге.

– Ваша очередь, – обратился Гитлер ко мне... Встав по стойке смирно, я сказал:

– Мой фюрер, я не изменил своего мнения. Оставить армию там, где она находится сейчас, – преступление. Мы не сможем ни деблокировать, ни снабжать её. Она будет бессмысленно принесена в жертву.

Внешне Гитлер казался спокойным, но в душе у него, видимо, всё кипело. Он сказал мне:

– Обратите внимание, генерал, что я не одинок в своём мнении. Его разделяют эти два офицера, которые по должности выше вас, поэтому мое решение остаётся неизменным»⁹¹.

Естественно, возникает вопрос: чем объяснить такое упорство Гитлера, категорически запретившего прорыв и настаивавшего на обороне 6-й армией занимаемых позиций? Ведь, с военной точки зрения, было намного разумнее хотя бы попытаться вывести войска из котла. С нашей точки зрения, ясный ответ на этот вопрос даёт английский историк А. Кларк: «В Сталинграде на карту была поставлена не только воля русских к борьбе, но и оценка всеми другими странами мира военной мощи Германии. Отвод войск с поля боя был бы равнозначен признанию поражения, которое, хотя, возможно, и было бы приемлемым для бесстрастного военного ума, было немыслимым с точки зрения германской „мировой политики”»⁹².

Гельмут Вельц вспоминает: «Из ставки фюрера до нас доносятся слова: „Армия может быть убеждена в том, что я сделаю всё для того, чтобы соответствующим образом обеспечить её и своевременно деблокировать”. А Манштейн радирует: „Продержитесь, фюрер вас вызволит”»⁹³.

⁸⁵ Вельц Г. Солдаты, которых предали. М., 1965. С. 153-154.

⁸⁶ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 255.

⁸⁷ Дёпп Г. Поход на Сталинград. С. 75.

⁸⁸ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 434; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 344.

⁸⁹ Дёпп Г. Поход на Сталинград. С. 76.

⁹⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 435; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 344-345.

⁹¹ Роковые решения. С. 184-185.

⁹² Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 189.

⁹³ Вельц Г. Солдаты, которых предали. С. 169.

После войны среди военных и историков разгорелся спор: **была ли у окружённой группировки Паулюса возможность вырваться из котла**, и в какой степени приказ Гитлера оставаться на месте и ждать деблокирующего внешнего удара предопределил гибель 6-й армии. Вот мнение американского историка второй мировой войны Дэвида Гланца по этому вопросу: «Многие историки утверждают, что окруженных немцев можно было спасти, разреши Гитлер генералу Паулюсу, командующему 6-й армией, отступить от Сталинграда – или если бы Паулюс по собственной воле решил вырваться из окружения до того, как его армия оказалась уничтожена. Оба эти утверждения неверны»⁹⁴.

К примеру, Г. Дёрр отмечает, что на 22 декабря 1942 года «армия ещё была боеспособной и находилась всего на расстоянии 65 км от ближайшего участка немецкого фронта. При сложившейся в то время общей обстановке она могла бы спасти большую часть своего личного состава. Поскольку можно было ясно предвидеть, что эта возможность через несколько дней исчезнет и не возобновится, нарушение приказа Гитлера было бы оправданно»⁹⁵.

Такого же мнения придерживался и И. Видер: «Движимая мужеством отчаяния, людская масса – около двадцати дивизий, сосредоточивших свою мощь на участке прорыва, по-видимому, смогла бы большей частью спастись от уничтожения... Конечно, рассчитывать на успех без очень больших жертв ни в коем случае не приходилось, тем более, что наступление деблокирующей группировки, осуществляемое недостаточными силами, грозило захлебнуться. Армии наверняка пришлось бы бросить большую часть своего тяжёлого вооружения, технических и транспортных средств, а также раненых и больных»⁹⁶.

В этой связи академик А. Самсонов пишет: «Прежде всего, возникает естественный вопрос о том, достаточно ли было принятия решения об оставлении Сталинграда и прорыве 6-й армии изнутри, чтобы реально это осуществить? Враг был не только окружён, но и скован упорными боями на улицах Сталинграда и в его районе: прежде чем „прорваться“, ему надо было „оторваться“ от советских войск, что отнюдь не зависело от одного решения это сделать.

Советское Верховное Командование и командование сражавшихся под Сталинградом фронтов принимали действенные меры для пресечения такой попытки противника... Каким бы ни было решение Гитлера – оставаться войскам Паулюса в Сталинграде и ждать, пока их выручат немецкие войска или же совершать прорыв самим, – это ещё не определяло судьбу окружённой группировки противника. В то время соотношение сил на советско-германском фронте уже изменилось в пользу Союза ССР, и налицо были все реальные предпосылки для нанесения сокрушительного удара по зарвавшемуся врагу»⁹⁷.

Вот как оценивал уже после войны эту ситуацию фельдмаршал Манштейн: «Нужно прямо сказать, что Главное командование обязано было своевременно отдать приказ, который предоставил бы 6-й армии свободу действий с целью избежать угрожающего ей окружения. Для Главного командования, способного предвидеть развитие событий, должно было быть с самого начала ясно, что скопление всех немецких сил, участвовавших в наступлении в районе Сталинграда и самом Сталинграде, при неудовлетворительно защищённых флангах, таило в себе смертельную опасность их окружения, как только противник прорвал оборону примыкающих фронтов...

Не вникая в подробности хода первых дней советского наступления, следует сказать, что окружение 6-й армии могло быть предотвращено только в том случае, если бы она в эти первые же дни вражеского наступления попыталась вырваться из окружения через Дон на запад или восточнее реки на юго-запад. Главное командование обязано было отдать такой приказ. Конечно, и генерал Паулюс по собственной инициативе должен был бы принять решение уйти из Сталинграда. Но едва ли он был в состоянии принять его вовремя, как это было бы возможно для ОКХ, так как он не мог быть, подобно ОКХ, информирован об обстановке в соседних армиях. Когда 22 или 23 ноября он сделал предложение вырваться с армией на юго-запад, подходящий момент был, возможно, уже упущен»⁹⁸. Таким образом, даже Манштейн, которому, как известно, поручили деблокировать окружённую группировку, понимал, что шансов осуществить это не много.

Естественно, что для немецкого командования самым разумным в тех условиях было бы немедленное начало подготовки деблокирующего удара изнутри котла, а не пассивное ожидание освобождения извне. Однако, для такого наступления на Запад, окружённой группировке требовалось время, которого у Паулюса и не было. Советские войска значительно опережали по времени немцев – на несколько шагов. В тех условиях ситуацию диктовало советское командование, которое заранее предвидело возможность удара окружённой армии на Запад. Когда Паулюс направил к Калачу две танковые дивизии, они натолкнулись на мощные заслоны. Параллельно этому, переход в наступление двух советских фронтов разрушал всю тыловую систему группы армий «Б». У группировки Паулюса был шанс спастись, но лишь при условии заблаговременного и планомерного, задолго до 19 ноября, отхода в излучину Дона.

⁹⁴ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

⁹⁵ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 123.

⁹⁶ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 265.

⁹⁷ Самсонов А.М. Сталинградская битва. С. 421-422.

⁹⁸ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 358-359.

Попытка деблокировать окружённые немецкие войска. Многие бывшие гитлеровские генералы после войны вваливали на своего фюрера ответственность за недостаточную активность по деблокаде войск Паулюса. Но что было в действительности? Кольцо сомкнулось 23 ноября. Четыре дня спустя Манштейн⁹⁹ был назначен командующим вновь созданной группы армий «Дон» (оставшиеся не окружёнными части 4-й танковой армии и 3-й румынской армии, а также 4-я румынская армия) с задачей восстановить положение и деблокировать 6-ю армию, которая также перешла в его подчинение. Однако наступление, или, по его же образному выражению, «соревнование с противником не на жизнь, а на смерть», Манштейн начал лишь 12 декабря¹⁰⁰, вместо намечавшегося ранее 8 декабря¹⁰¹.

И это не случайно, так как «задержка» была навязана Манштейну советским стратегическим планом, согласно которому наступление началось не только на Волге, но и на Северном Кавказе, где советские войска стали теснить 1-ю танковую армию Клейста. В результате, последний смог отправить Манштейну лишь одну танковую дивизию. Другую танковую дивизию пришлось ждать из Франции. Кроме этого, советское командование не наблюдало пассивно за германскими приготовлениями. Во-первых, был усилен южный обвод окружённой группировки. Во-вторых, 16 декабря началось наступление в тыл 4-й танковой армии Гота, что лишило немецкое командование возможности подбрасывать Манштейну подкрепления в направлении его главного удара. Более того, чтобы самому не попасть в мешок, Манштейн был вынужден ослабить ударную группировку Гота и перебросить часть сил для отражения советского наступления с севера в тыл его войск.

По собственному признанию фельдмаршала, самое большее, на что можно было рассчитывать в тех условиях, так это на «создание коридора до 6-й армии, через который можно было бы пополнить запасы горючего и боеприпасов и тем самым восстановить её подвижность. Однако после этого армию необходимо было вывести из котла. Там, в открытой степи, она не могла держаться всю зиму»¹⁰². Так, 23 декабря немецкое наступление полностью захлебнулось¹⁰³. «Пришлось признать, что попытка освободить 6-ю армию извне не удалась»¹⁰⁴. И причиной этому были, в первую очередь, заранее предпринятые меры советской стороны, в результате чего к концу декабря внешний фронт отодвинулся от окружённой под Сталинградом группировки на 200-250 км¹⁰⁵.

Если для кого-то ещё недостаточно убедительно вышеизложенное, мы приведём (в качестве аргумента о невозможности быстрого начала Манштейном наступления по деблокаде окружённой армии) выдержку из оценки ситуации, доложенной сразу после окружения Паулюсу командиром 51-го армейского корпуса 6-й армии фон Зейдлицем. Он писал: «Войскам, предназначенным для прорыва кольца окружения извне, придётся занять исходное положение для наступления на слишком большом удалении от 6-й армии. Развёртывание же достаточных сил для нанесения стремительного удара через р. Дон при одновременном прикрытии своего северного фланга... потребует нескольких недель.

К этому следует добавить время, необходимое для проведения самой операции... Сосредоточение в районе Котельникова двух танковых дивизий, выделенных для деблокады, и подготовка их к наступлению займут по крайней мере десять дней. Трудно рассчитывать на быстрый успех в связи с тем, что по мере продвижения дивизий фланги будут растягиваться и необходимо будет выделять всё больше сил для их прикрытия... И вообще, под силу ли двум танковым дивизиям выполнение поставленной задачи?»¹⁰⁶.

Быстрая деблокада была в принципе невозможна. Как оказалось, деблокада вообще являлась неосуществимой по причине недостатка сил у немецкого командования, а также в силу резкого повышения боеспособности советских войск и роста мастерства командования Красной Армии. «Ряд обстоятельств – и, не в последнюю очередь, сила советских войск и обрётённая ими тем временем оперативная гибкость – заранее обрекали операцию на неудачу»¹⁰⁷. Правда, Зейдлиц всё же предлагал (в качестве

⁹⁹ Впоследствии Паулюс характеризовал его как военачальника, который «пользовался репутацией человека, обладающего высокой квалификацией и оперативным умом и умеющего отстаивать перед Гитлером своё мнение». // Из личного архива фельдмаршала Паулюса. // ВИЖ, 1960, № 2, С.95.

¹⁰⁰ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 387, 389; Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 268; Варлимон В. В ставке Гитлера. С. 310; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 220.

¹⁰¹ В составе «деблокирующей» группировки Гота было сосредоточено 124 тыс. солдат и офицеров, 650 танков, 825 орудий и миномётов, её поддерживало 500 самолётов. Им противостояли 115 тыс. советских воинов, 329 танков, 1133 орудия и миномёта, 220 самолётов. // История второй мировой войны. Т. 6. С. 64; Самсонов А.М. Сталинградская битва. С. 432, 444; Великая победа на Волге. С. 375.

¹⁰² Манштейн Э. Утерянные победы. С. 378; см. также: Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-25-staligr_131.html.

¹⁰³ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. первая. С. 275-277.

¹⁰⁴ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 99.

¹⁰⁵ История второй мировой войны. Т. 6. С. 61-73; Самсонов А.М. Сталинградская битва. С. 444-485, 493.

¹⁰⁶ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 437-438; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 347.

¹⁰⁷ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 187.

единственного, по его мнению, реального варианта спасения) посредством разрыва кольца окружения, немедленный переход армии к активным действиям¹⁰⁸.

Что касается возможности самодеблокировки 6-й армии без помощи извне, Манштейн был ещё более пессимистичен: «Весьма неблагоприятно было и то, что 6-я армия на первом этапе не могла рассчитывать на помощь немецких войск, даже если бы ей удалось прорвать вражеский фронт окружения в юго-западном направлении. За ней по пятам следовали бы армии противника, которые стояли в данное время перед её восточным, северным и западным фронтами Сталинграда. Западнее реки Дон противник мог перейти к параллельному преследованию в южном направлении, чтобы воспрепятствовать переправе через Дон. Было ясно, что рано или поздно армия, не поддержанная другими немецкими войсками, была бы вновь остановлена противником в степи, не имея достаточного количества боеприпасов, горючего и продовольствия! Возможно, отдельным частям, особенно танковым, удалось бы спастись. Но уничтожение 6-й армии было бы предопределено! Освободились бы скованные ею до сих пор силы противника. Это могло бы повести к уничтожению всего южного крыла Восточного фронта (включая находившуюся на Кавказе группу армий „А”»).

Далее он отмечает, с чем трудно не согласиться, что спасение окружённой группировки было ещё возможно до того, как она была окружена. «Теперь же был, видимо, упущен момент, когда армия без помощи извне смогла бы завоевать себе свободу, сохранив свою боеспособность»¹⁰⁹. Но достаточных свободных сил у немецкого командования для деблокирования группировки Паулюса, как уже отмечалось, в принципе не было.

О бессмысленности дальнейшего сопротивления окружённой группировки Паулюса после краха операции по её деблокированию. После провала наступления Манштейна, а затем потери последнего аэродрома внутри кольца, сопротивление окружённой группировки утратило всякое военно-стратегическое значение, но, несмотря на это, продолжилось до трагического конца. Манштейн впоследствии писал, что он «целиком поддержал решение Гитлера», отклонившего советское предложение о капитуляции войск Паулюса, «так как в тот момент оно было продиктовано необходимостью, как бы тяжело оно ни было с чисто человеческой точки зрения»¹¹⁰.

Совершенно иначе оценил это В. Адам, посчитавший, что перед фактом бессмысленной гибели дивизий Паулюс должен был, наконец, решиться на самостоятельные действия и капитулировать вовремя, сохранив этим жизнь более ста тысячам немецких солдат. Он признал малоубедительным аргумент, «будто бы истекающая кровью и голодающая 6-я армия отвлекала крупные силы противника с южного крыла немецкого фронта... Отклонение советского предложения о капитуляции от 8 января 1943 года является, с точки зрения исторической, военной и человеческой, огромной виной не только Верховного командования вермахта и командования группы армий „Дон”, но и командования 6-й армии, командиров её армейских корпусов и дивизий»¹¹¹.

В том же духе высказался и И. Видер: «Я частенько не мог отделаться от мысли, что все мы – живые и мёртвые – уже погребены здесь, в огромной братской могиле... Огромные человеческие жертвы, непоправимый ущерб, наносимый человеческому достоинству окружённых, не могли быть более оправданы никакими военно-стратегическими соображениями; в подобной обстановке они были безнравственны, аморальны»¹¹². Далее он пишет, что уже в середине января «русские... имели возможность постепенно высвобождать свои силы и реорганизовывать коммуникации... Попав в плен и следуя по этапу в тыл, мы сами смогли впоследствии убедиться в том, что основная масса частей противника давно покинула недавнее поле битвы – в этом районе оставались лишь его высшие штабы и тыловые службы...

¹⁰⁸ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 439-440; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 348.

¹⁰⁹ «Многие историки представляют дело так, будто все офицеры 6-й армии выступали за немедленную попытку вырваться из кольца. Это утверждение ложно. Командиры корпусов, дивизий и штабные офицеры действительно были полны решимости выбраться из „котла” во что бы то ни стало, но полковые и батальонные командиры вовсе к этому не стремились. Их войска, особенно те, которые успели окопаться, не желали покидать теплых землянок ради рискованного марша через снега. Солдаты не хотели трогаться с места еще и потому, что верили обещанию Гитлера массированным ударом извне прорвать кольцо окружения». // Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-23-staligr_131.html.

¹¹⁰ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 362.

¹¹¹ Ibid. С. 415.

¹¹² Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 276.

Адам утверждает, что реально немецкое верховное командование предало своих солдат. В основе послушания войск «лежало доверие к верховному командованию, они были готовы рисковать своей жизнью ради него, будучи при этом твёрдо убеждены, что оно со своей стороны оправдывает доверие тем, что его поступки и решения проникнуты чувством высокой ответственности. Доверие в ответ на ответственность, ответственность в ответ на доверие – такова была формула солдатского мышления и поведения... Но как же быть, если верховное руководство злоупотребляло нашим доверием, если оно... пренебрегло лежащей на нём ответственностью?» // Ibid. С. 227-228.

¹¹² Видер И. Катастрофа на Волге. С. 66, 90.

Русские, отлично знавшие о том, что Гитлер категорически запретил любую попытку прорыва, были полностью господами положения. Зная, что 6-я армия никуда от них не уйдёт, они не желали под конец рисковать чем бы то ни было, не торопились и явно щадили свои силы»¹¹³. Точка зрения Видера о том, что командование Красной Армии очень низко оценивало боеспособность обречённых немецких соединений в «котле», подтверждается и советскими источниками. Перед началом завершающей операции по уничтожению окружённой группировки Паулюса, Рокоссовский заехал в штаб Чуйкова, чтобы убедиться, что 62-я армия в состоянии отразить натиск противника, если последний предпримет отчаянную попытку прорваться через скованную льдом Волгу. На это командарм ответил, что немцы теперь «затравленные зайцы», а армия Паулюса уже не армия, а «окружённый лагерь военнопленных»¹¹⁴.

Того же мнения в вопросе о бессмысленности дальнейшего сопротивления окружённой группировки придерживался и генерал Дёrr: «24 января были налицо уже такие убедительные признаки страшных размеров надвигающейся катастрофы, что генерал-полковник Паулюс в соответствии с традициями армии имел право и был обязан поставить ответственность за жизнь более 200000 человек выше, ставшей уже беспредметной, боевой задачи»¹¹⁵. Свидетельством осознания и высшим военным руководством неизбежности полного краха являются также и слова Цейтцлера: «В атмосфере крайнего напряжения немецкий народ ясно осознавал, что надвигается страшная катастрофа»¹¹⁶.

Трагедия окружённых под Сталинградом немецких войск. Бессмысленные страдания по вине нацистской верхушки сотен тысяч немецких солдат и офицеров, окружённых под Сталинградом, описаны во многих источниках¹¹⁷, но наиболее реалистично это сумел сделать И. Видер. Мы просто, без комментариев, воспроизведём некоторые фрагменты из его книги, а также свидетельства других немецких солдат.

«То, что происходило на Волге, уже нельзя было отнести к категории неизбежных на войне тяжёлых, но оправданных жертв. Голгофа двухсоттысячной немецкой армии была гораздо страшнее всех неудач и поражений немецкой военной истории... прежде всего потому, что это была медленная смерть огромной массы обречённых, уже не способных к сопротивлению людей. Здесь обрекли на гибель часть немецкого народа... Неужели восстановление стратегического равновесия, к тому же, быть может, недолговременного, непрочного и обманчивого, могло оправдать все эти безмерные страдания и жертвы, эту затянувшуюся массовую агонию и полное презрение к человеческой жизни и достоинству... Посреди всеобщего страдания и смертей мы беспощадно смотрели, как на нас надвигалась катастрофа, неумолимая и неизбежная...

Раненые и умирающие тысячами лежали повсюду, стонущие, хнычущие, замерзающие, бредящие, молящиеся. Но большинство их покорно примирилось с выпавшими на их долю страданиями и впало в апатию. Они лежали вплотную друг к другу в подвалах разрушенных зданий, у вокзала, вокруг площади Павших борцов, в элеваторе, в подвалах театра, бывшей городской комендатуры, и в бесчисленных других подземных убежищах и норах среди гигантской груды руин, которая называлась Сталинградом. Изнурённые, они не могли больше сопротивляться даже лёгким заболеваниям, не говоря уже о сыпном тифе, дизентерии, желтухе и других болезнях, которые косили армию. Промёрзлая, как камень, земля не принимала бесчисленные трупы. Мертвецов попросту засыпали снегом или складывали штабелями где-либо по углам. Никто их больше не регистрировал, и никто более не интересовался их личными номерными жетонами. Ужасный конец постигал брошенных на произвол судьбы больных и неподвижных раненых, находившихся в развалинах... Повсюду царила тупая покорность неотвратимой судьбе. То был скорее безмолвный героизм примирения со своей участью, героизм страдания и терпения»¹¹⁸.

«Новый год. Даже не кормят досыта, — с ужасом записал в дневнике Франц Панаш. — Речь постоянно идёт о долге перед „фатерландом“, которому мы присягали. Будь проклята эта война и те, кто её развязал! Никто нам не поможет. Нам остаётся только подохнуть. Ураганный огонь русских. Такого огня я ещё не видел. Возможно, это конец. Если так — прощайте, мои дороги на родине... Каждая секунда может стать последней. Как долго ещё продлится эта мука? Я обвиняю руководство германского рейха... Лишённые всего, ввергнутые в несчастье, мы умираем...»¹¹⁹.

¹¹³ Ibid. С. 206-207.

¹¹⁴ Чуйков В.И. Начало пути. М., 1959. С. 286.

¹¹⁵ Дёrr Г. Поход на Сталинград. С. 123.

¹¹⁶ Роковые решения. С. 205.

¹¹⁷ См. например: Видер И. Катастрофа на Волге. С. 57-67, 76-85, 97-98, 100-103, 125-129; Еременко А.И. Сталинград. М., 1961. С. 427, 428, 429, 431; Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага; Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 245-249, 269-270, 310; Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. С. 189-193, 212-217, 220, 247; Рюле О. Исцеление в Елабуге. С. 59, 80, 83, 85, 94; Цейтцлер К. Сталинградская битва. // Роковые решения. С. 206.

О муках румынских солдат см.: Budescu V. Jurnal de front. Pribeag la Cotul Donului. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 12.

¹¹⁸ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 100, 103, 127, 128.

¹¹⁹ Бланк А., Хавкин Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. С. 78.

Обер-лейтенант 96-го пехотного полка 44-й пехотной дивизии Герхард Румпфинг 15 января писал в своём дневнике, что «фронт за последние дни рухнул. Всё брошено на произвол судьбы. Никто не знает, где находится его полк, его рота, каждый предоставлен самому себе»¹²⁰. Однако, несмотря на полную невозможность дальнейшего сопротивления, командование армии бессмысленно бросало ещё пока державшихся на ногах в бой, означавший бессмысленное истребление новых десятков тысяч немецких солдат, «чтобы продлить сопротивление до последнего патрона! Это были уже не солдаты, а жалкие человеческие развалины, которых снова гнали навстречу противнику для того, чтобы удержать „крепость Сталинград” и, без колебаний пожертвовав ими, ещё немного оттянуть окончательную катастрофу... Бесчеловечное и безжалостное жертвоприношение продолжалось»¹²¹.

«За эти дни, – с полным отчаянием написал в дневнике ефрейтор Роберт Ян, – наше положение ещё ухудшилось. В сущности говоря, мы все больны... Кожи у меня скоро совсем не будет видно, всюду гнойная сыпь; если в ближайшее время не наступит улучшения, я покончу с собой... В животе бурлит, вши кусают, ноги обморожены. Я духовно и физически конченный человек... Тысяча проклятий, это ад, хуже ничего быть не может...»¹²².

Немецких солдат, свидетельствует также и Видер, довели до крайней степени истощения. Он пишет, что в конце декабря командование сухопутных сил направило в «котёл» видного патологоанатома с поручением установить истинную причину скоропостижной смерти столь большого количества солдат. Вот как выглядели результаты его исследований после вскрытия многочисленных трупов: «Почти полное отсутствие жировой ткани; в кишечнике – студенистая жидкость; внутренние органы бледные, обескровленные; вместо костного мозга – стекловидная желеобразная масса, начисто утратившая нормальную – красную и жёлтую – окраску; печень застойная, сердце – сморщенное, потемневшее, правое предсердие и правый желудочек значительно расширены».

Протоколы этих вскрытий – перерождение сердца, характерное для людей преклонного возраста – приводит и другой патологоанатом: «Немецкие солдаты, молодые люди, ещё недавно полные сил, умирают теперь от полного истощения сил смертью дряхлых стариков»¹²³. Именно крайнее истощение немецких солдат, взятых в плен, и стало главной причиной гибели большинства из них в советских лагерях. Хотя ясно, что там им приходилось не сладко. «И все же, – пишет английский историк Э. Бивор, – гораздо сильнее страдали от голода русские военнопленные в концлагерях Вороново и Гумрак... После освобождения 3500 пленных выжило всего 20 человек»¹²⁴.

Капитуляция армии Паулюса. 31 января – 2 февраля 1943 г., после ожесточенного сопротивления, остатки окружённой группировки (91 тыс. человек, среди которых более 2500 офицеров и 24 генерала; более 147 тыс. погибших немецких солдат [и 47 тыс. советских] были подобраны и захоронены¹²⁵), во главе с произведённым накануне в фельдмаршалы Паулюсом, капитулировали¹²⁶.^г «Для вермахта, – отмечает Э. Бивор, – настала пора подсчитывать потери. Выяснилось, что утрачено пятьсот транспортных самолетов, погибла тысяча летчиков, все наземные службы уничтожены, а 9-я зенитная дивизия

¹²⁰ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. С. 61-62.

¹²¹ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 129.

¹²² Бланк А., Хавкин Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. С. 78.

¹²³ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 202-203; см. также: Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-25-staligr_131.html.

¹²⁴ Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/staligr_131/page-28-staligr_131.html.

¹²⁵ История второй мировой войны. Т. 6. С. 81; Еременко А.И. Сталинград. С. 439.

По последним данным немецких историков, в плен попали 137 тыс. немецких солдат и офицеров, в том числе 22 генерала. // Рубцов Ю.В. «Советский Багратион» маршал К.К. Рокоссовский (1896-1968). // ННИ, 2004, № 6. С. 159.

¹²⁶ Краткое описание пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с её командующим генералом-фельдмаршалом Паулюсом в г. Сталинграде частями 64-й армии Донского фронта 31 января 1943 года. // ВИЖ, 1959, № 2. С. 88-91; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 232-233.

Прочитав телеграмму о присвоении ему звания фельдмаршала, Паулюс хладнокровно произнёс: «Это, вероятно, должно означать приказ о самоубийстве. Однако такого удовольствия я ему не доставлю». // Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 476.

^г Примечание научного редактора: В пленении военачальника высшего полководческого ранга Германии активное участие принял молоденький сержант 38-й мотострелковой бригады, молдаванин, и поныне здравствующий (майор в отставке) Александр Семёнович Дука, первым проникший в подвал универмага, где размещался штаб 6-й армии. За свой сталинградский подвиг Дука был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Наш земляк был в числе 40 героев Великой Отечественной войны, приглашённых в Москву на празднование 60-летия Победы, обменялся личным рукопожатием с В.В. Путиным. // Розамирина Н. Как Дука взял в плен Паулюса. // Аргументы и факты: Молдова. 2007, январь, № 5 (549). С. 8. О взятии в плен Паулюса см. также: Верт А. Россия в войне. С. 386-388; Адам В. Катастрофа на Волге: Мемуары адъютанта Ф. Паулюса. Смоленск, 2001. С. 335-348, 350-351; Ласкин И.А. На пути к Перекопу. М., 1977. С. 316-333; Guțul N.F. Faptele eroice ale moldovenilor în eposăea Stalingradului. Chişinău, 2008. P. 163-165.

вообще стерта с лица земли. Точная цифра потерь немцев в личном составе до сих пор не определена. Известно лишь, что за время проведения операции „Уран” немцы потеряли шестьдесят тысяч солдат убитыми и около ста тридцати тысяч пленными. К этому следует добавить потери, которые немцы понесли в самом Сталинграде. Данные историков во многом разнятся, но большинство сходится во мнении, что Германия в Сталинградской битве потеряла около полумиллиона человек»¹²⁷.

Это означало катастрофу для фашистской Германии. Всего на Восточном фронте в ходе зимней кампании фашистские армии потеряли около 40% от общего количества войск – около 1,7 млн солдат и офицеров, 24 тыс. орудий, свыше 3,5 тыс. танков и 4300 самолётов. Немцев погнали на 600 – 700 км на Запад, и была освобождена территория площадью свыше 490 тыс. кв. км¹²⁸.

Не менее серьёзным было и поражение союзников Гитлера¹²⁹. Хорти определил потери венгерской армии в 146 тыс. убитыми и 30 тыс. ранеными¹³⁰. А потери Румынии под Сталинградом, по определению самого Антонеску, составили 300 тыс. человек, и были разгромлены 18 дивизий¹³¹. Как весьма обоснованно утверждалось в английском журнале „New Statesman and Nation”, разгром фашистских армий под Сталинградом и на Дону «потряс Румынию, может быть, сильнее, чем Германию»¹³². Антонеску сообщал Гитлеру после Сталинграда о состоянии румынской армии: «Из четырёх генералов трое погибли в штыковых боях, как и все командиры рот»¹³³. Румынский диктатор принуждён был констатировать, что после поражения 3-й и 4-й румынских армий под Сталинградом «государственные устои пошатнулись»¹³⁴.

Вот как оценивает эти события уже упомянутый нами выше молдавский историк А. Мошану: «Разгром всех 18 румынских дивизий, брошенных в бой на Дону и Волге, усилил брожение среди войск агрессора и гражданского населения Румынии, потряс её больше, чем любое другое государство фашистского блока. В Румынии и её армии сильно возросли антивоенные, антигерманские, антифашистские и пораженческие настроения. Произошло резкое полевание трудящихся масс. Они всё более убеждались в правоте политики Компартии Румынии, которая разоблачала антинародный характер войны»¹³⁵.

3 февраля германское верховное командование передало следующее сообщение: «Сражение за Сталинград закончилось. Верная своему долгу сражаться до последнего вздоха, 6-я армия под образцовым руководством фельдмаршала Паулюса была побеждена в неблагоприятно сложившихся условиях превосходящими силами противника»¹³⁶.

И хотя Гитлер полностью признал свою ответственность за сталинградскую катастрофу¹³⁷, это сообщение вовсе не отражало его подлинного отношения к случившемуся. В действительности сдача Паулюса в плен привела его в ярость. Он ожидал самоубийства командующего, ведь до этого ещё ни один немецкий фельдмаршал никогда не попадал в плен: «Самым неприятным для меня лично является то, что я произвёл его в фельдмаршалы. Я полагал, что он получил полное удовлетворение... И такой человек в последнюю минуту осквернил героические дела стольких людей! Он мог бы освободить себя от душевных страданий и уйти в вечность, став национальным героем, но он предпочёл отправиться в Москву»¹³⁸.

¹²⁷ Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/stalingr_131/page-32-stalingr_131.html.

¹²⁸ История второй мировой войны. Т. 7. С. 15; Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 215.

¹²⁹ Французский историк А. Мишель сообщает, что Италия потеряла в битве свои лучшие соединения и вооружения, Венгрия, по существу, больше не имела боеспособной армии, из 230-тысячного румынского войска, находившегося на советской территории в ноябре 1942 г., в январе 1943 осталось лишь 75 тыс. // См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 167.

¹³⁰ Израэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 273.

¹³¹ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 715.

К. Кириеску приводит следующие цифры румынских потерь: из 425 тыс. румынских военнослужащих 105 тысяч были убиты или пропали без вести, большинство из которых были пленены. Были спасены от истребления 320 тыс. человек. Некоторые части были полностью уничтожены; другие, дезорганизованные, нуждались в восстановлении в тылу. Только в центр департизации в Тигине (Бендерах) было эвакуировано 135 тыс. больных. // Kirîţescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 133-134.

¹³² New Statesman and Nation. 1944. April. P. 236.

¹³³ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 502.

¹³⁴ Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил на Балканах. М., 1989. С. 76.

¹³⁵ «В бункере Гитлера, – отмечает Э. Бивор, – маршалу Антонеску, самому преданному союзнику вермахта, пришлось выслушать гневную тираду фюрера, считавшего, что именно румынские части виноваты в катастрофе. К чести Антонеску, следует заметить, что он ответил Гитлеру тем же... Командование вермахта... обвиняло румын, что те, показав противнику спину, навлекли на них беду». // Бивор Э. Сталинград. М., 1999. // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/stalingr_131/page-22-stalingr_131.html.

¹²⁹ Вопросы истории. 1984, № 5. С. 127.

¹³⁶ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 176.

¹³⁷ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 429.

¹³⁸ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 177; более подробно об этом см.: Стенограмма совещания в ставке вермахта в «Вольфшанце» 1 февраля 1943 г. // «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 460-462; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 372-374.

А вот что пишет по этому поводу майор Вельц: «Паулюс решает сдаться в плен. В последний момент он жирной чертой перечёркивает расчёты Гитлера, хотя знает, что в данный момент тому больше всего нужен мёртвый фельдмаршал, нашедший свою смерть вместе со своими солдатами. Но Паулюс уже не хочет войти в учебники германской истории с маршальским жезлом в правой руке и с орденами на гордо выпяченной груди. Он не хочет, чтобы в Берлинском „Спортпаласте“ раздался клич: „Отомстим за Сталинград! Отомстим за павшего фельдмаршала!“», нет, он хочет разделить судьбу своих ещё оставшихся в живых солдат. Так понимает он теперь долг командующего армией!»¹³⁹.

И последнее в этом ряду – о главной причине гибели большинства взятых в плен под Сталинградом немецких солдат. Сошлёмся и на этот раз на мнение И. Видера, который писал, что, «уцелевшие солдаты 6-й армии, сдавшиеся в плен в конце января и начале февраля 1943 года, были в большинстве своём отмечены печатью смерти... Русское командование, по-видимому, не считало нужным заранее принимать меры по снабжению и медицинскому обслуживанию большого количества пленных именно потому, что его предложения о капитуляции отклонялись неоднократно и самым решительным образом, и что 6-я армия, судя по всему, и впрямь намеревалась сопротивляться „до последнего солдата и последнего патрона“. И всё же впоследствии, несмотря на трудности с транспортом..., несмотря на бедственное положение своего гражданского населения, одним словом, несмотря на многочисленные объективные причины, русское командование старалось по мере сил оказать помощь пленным и улучшить их положение. И в этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что многие советские медсёстры и женщины-врачи (в том числе и еврейки), движимые чувством истинного милосердия и принципами гуманизма, пожертвовали собой во имя спасения немцев, взятых в плен под Сталинградом: работая в лагерных госпиталях, они заражались сыпняком и умирали.

Не вступив своевременно в переговоры с русскими о капитуляции, командование 6-й армии поступило безответственно, усугубив последствия катастрофы. Оно обрекло тем самым на новые муки своих уцелевших солдат и по существу заранее лишило многих из них каких-либо шансов пережить первые – самые тяжёлые месяцы плена»¹⁴⁰.

Правда, Паулюс видел, какие мучения терпит его армия. В его записях есть такие строки: «Сознание всех этих ни с чем не сравнимых мук моих солдат и офицеров тяжёлым грузом давило на мои решения. В конфликте между долгом повиновения приказу... и долгом человечности по отношению к моим солдатам я считал, что должен отдать приоритет долгу повиновения... Я был солдатом и считал, что слугу своему народу именно тем, что повинуюсь приказу»¹⁴¹.

«Однако, – полемизирует с Паулюсом Видер, – подобные теоретические рассуждения ...показывают, в какой ужасающей степени командующий армией... оказался не в состоянии правильно оценить сложившуюся ситуацию и историческую значимость своих решений. И Паулюс спасовал не только в том отношении, что в силу своей аполитичности не смог подняться над событиями. Во второй половине января требовалось не столько совершить осознанную политическую акцию, сколько принять справедливое, с точки зрения человеческой нравственности, решение... Командующий армией был обязан самым тщательным образом продумать, ради чего и с какой целью с его санкции приносятся в жертву десятки тысяч людей. На другой чаше весов он был обязан взвесить ценность бросаемых на ветер человеческих жизней. От этой ответственности его не могли избавить ни слабое знание общей обстановки на фронтах, ни приказ высшего командования... Ему не хватило необходимой политической проницательности и способности прислушаться к голосу собственной совести в соответствии с грузом ответственности, который лежал на нём»¹⁴².

¹³⁹ Вельц Г. Солдаты, которых предали. С. 295-296.

¹⁴⁰ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 208-209; такого же мнения в этом вопросе придерживается и В. Адам. // См.: Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 338, 358, 368.

Адам свидетельствует о благородном поведении советского командования не только с рядовым составом пленённой 6-й армии, но и с её командованием. Так, после пленения Паулюса, Шмидта (начальника штаба армии – С.Н.) и его, Адама, генерал Шумилов пригласил их на обед:

- Мне было бы намного приятнее, если бы мы познакомились при других обстоятельствах, если бы я мог приветствовать вас здесь как гостей, а не как военнопленных.

Налили водку, всем из одной бутылки. Генерал попросил нас выпить с ним за победоносную Красную Армию. В ответ на это мы продолжали сидеть неподвижно. После того как переводчик тихо сказал ему несколько слов, Шумилов улыбнулся:

- Я не хотел вас обидеть. Выпьем за обоих отважных противников, которые боролись в Сталинграде!

Теперь Паулюс, Шмидт и я тоже подняли рюмки. // Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. С. 370-371.

О гуманном отношении к немецким военнопленным со стороны советского командования свидетельствует и О. Рюле. // Рюле О. Исцеление в Елабуге. С. 110.

¹⁴¹ Цит. по: Видер И. Катастрофа на Волге. С. 267-268.

¹⁴² Ibid. С. 268-270, 330.

Всемирно-историческое значение Сталинградской битвы. Эта победа имела огромное значение. Она развеяла надежды нацистов на победу. «Поражение немцев под Москвой означало, что операция „Барбаросса” провалилась, и Германия больше не может надеяться выиграть войну на первоначальных условиях Гитлера, — пишет американский историк Д. Гланц. — Победа Красной Армии в 1942 году под Сталинградом доказала, что Германия не может выиграть войну вообще ни на каких условиях... После Сталинграда Красная Армия начала свое неуклонное продвижение на запад, которое закончилось в апреле 1945 года у рейхстага»¹⁴³.

Начинается кризис фашистского блока¹⁴⁴. Военный потенциал Германии был настолько подорван, что уже был не в состоянии восстановиться. «Сталинград, — пишет Лиддел Гарт, — подействовал на умы немецких генералов и офицеров так же, как смертельный яд. Сталинград развенчал стратегию немецкого командования. И в моральном отношении катастрофа, которую потерпела немецкая армия под Сталинградом, имела такой эффект, от воздействия которого она уже не оправилась»¹⁴⁵. Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник К. Цейтцлер уже после войны отмечал, что «Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны»¹⁴⁶. Бывший начальник штаба 17-го армейского корпуса 6-й немецкой армии Г. Дёрр подтверждает этот вывод: «В 1942 г. Сталинград стал поворотным пунктом второй мировой войны. Для Германии битва под Сталинградом была тяжчайшим поражением в её истории, для России — её величайшей победой... Сталинград явился началом её превращения в одну из двух величайших мировых держав»¹⁴⁷.

Кроме того, многие немцы стали понимать всю степень несправедливости и горя, которую они принесли миру: «Катастрофа на Волге показала, что на всю Германию надвигается страшный мрак... Мы пришли к выводу, что надвигающаяся военная катастрофа явится также и катастрофой политической... Считалась ли та власть, которой мы служили как граждане и солдаты, с правом и законами нравственности? ...Враждебный человеческому духу культ силы... всё больше отрывал наш немецкий народ от мира возвышенных общеевропейских идеалов, заглушая в нём понимание истины, добра и справедливости... Не оказался ли вермахт инструментом нацистской политики насилия?.. Нам предстояла расплата за многие преступления, которых мы не желали...

Отчётливее, чем когда бы то ни было, — писал И. Видер, — я представил себе бездну горя и слёз, выпавших также и на долю других народов... которым немецкий солдат и немецкое оружие принесли бесконечные несчастья... Пожалуй, лишь немногие из нас думали о том, что страдания и смерть, порождённые нашим печальным военным ремеслом, однажды настигнут и нас самих... Мы сеяли горе и смерть, и сейчас они безжалостно повернулись против нас самих... Сталинградское побоище было расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером... Русские тоже, безусловно, принесли чудовищно высокие кровавые жертвы в этой жестокой сталинградской битве. Но они, защищая свою родину от чужеземных захватчиков, знали, за что отдавали свои жизни...

Смертельная схватка под Сталинградом не только завершилась тотальной победой достойного противника, преподнесшего немецким захватчикам современные „Канны”, но и нанесла уничтожающий удар по бредовым замыслам и захватническим устремлениям нацизма. Битва под Сталинградом пробудила в советском народе небывалую энергию и мобилизовала его могучие силы. Во всяком случае, сокрушительный разгром немецкой армии на Волге был не только следствием численного превосходства человеческих и материальных ресурсов противника, как это сегодня хотел бы представить кое-кто из тех, кто ничему не научился»¹⁴⁸.

Однозначно прав И. Видер, после Сталинграда поднялся боевой дух и уверенность в победе антифашистских народов, возрос авторитет СССР и его вооружённых сил, усилилось Движение Сопротивления на оккупированных территориях. Того же мнения и французские историки А. Мишель и М. Ронкайоло¹⁴⁹. Мошь Советской Армии продолжала расти. «С этого момента, — отмечает Алан Кларк, — инициатива перешла к Красной Армии, и, хотя немцы неоднократно будут пытаться изменить это положение, их усилия будут иметь не более чем тактическое значение. С ноября 1942 года и впредь немецкие вооружённые силы на Востоке будут, как правило, находиться в обороне.

¹⁴³ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

¹⁴⁴ Финский историк Л. Пунтила сообщает, что уже через два дня после капитуляции 6-й армии военно-политическое руководство страны приняло решение о начале подготовки к выходу Финляндии из войны. // Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 167.

¹⁴⁵ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 457-458.

¹⁴⁶ Роковые решения. С. 209.

¹⁴⁷ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 15.

¹⁴⁸ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 104, 107-108, 136-137, 218, 331-332.

¹⁴⁹ См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 168-169.

Разгром под Сталинградом потряс всю Германию, и это потрясение из гущи немецкого народа эхом докатилось до верховного командования германских вооружённых сил. Сознание неизбежного поражения, хотя до фактического проигрыша войны было ещё далеко, разрасталось, как гигантская тень»¹⁵⁰.

Бывший заместитель начальника генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант З. Вестфаль отмечает: «Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск... Уже тогда стали открыто выражать сомнения в способностях наших политических и военных руководителей»¹⁵¹. Генерал Э. Бутлар, оценивая последствия поражения немецких войск, заметил, что «Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию, она потеряла ту славу, которую она приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 года. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны и, в первую очередь, поколебать внешнеполитические позиции Германии»¹⁵².

Как справедливо отмечает английский историк Уильям Крейг, «Сталинград стал началом конца „третьего рейха“... Зимняя кампания в России обескровила вермахт. Почти 800 тысяч солдат и офицеров – примерно 80 дивизий – уже были погребены в русской земле. Большинство дивизий имело лишь 50 процентов штатного состава»¹⁵³. Поражение под Сталинградом потрясло и экономику Германии. По признанию начальника экономического отдела германского генштаба Т. Томиса, вооружением и снаряжением, потерянным в битве на Волге, «можно было обеспечить 45-50 дивизий». Невосполнимы были и людские потери. Взятые весной 1943 г. в плен немецкие генералы единодушно заявляли, что никакая тотальная мобилизация «не может заменить погибших под Сталинградом обученных и закалённых в боях солдат»¹⁵⁴.

В этом ряду нельзя не предоставить вновь слово И. Видеру: «Дело не ограничилось гибелью 300 тысяч человек... Катастрофа, постигшая Германию на Волге по вине Гитлера, позволила русским нанести целую серию сокрушительных ударов, в результате которых были уничтожены две румынские, одна итальянская и одна венгерская армии. Таким образом, за короткий период основная масса вооружённых сил союзников Германии на Восточном фронте была сметена с полей сражений в России... Наши потери [исчислялись] многими сотнями тысяч. Гигантский участок Восточного фронта протяжённостью в тысячу километров... рухнул, и разверзшаяся бездна поглотила более 60 немецких дивизий и целый воздушный флот.

Но катастрофические последствия Сталинграда – это не только огромные потери в живой силе и технике. Падение боевого духа на фронте, моральный ущерб, нанесённый тылу, возросшая боеспособность русских, прочно захвативших инициативу, окрепшая вера СССР в собственные силы, осложнение внутривойсковой обстановки в Германии и, наконец, резкое ослабление её внешнеполитических позиций – все эти последствия сталинградской катастрофы не заставили себя долго ждать»¹⁵⁵.

По мнению Р. Шервуда, «завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы – которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне – Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право»¹⁵⁶. Аналогичное мнение высказывает и немецкий историк Г. Гостони, полагающий, что так же как под Полтавой Россия заняла позицию великой европейской державы, под Сталинградом Советский Союз начал восхождение к положению сверхдержавы»¹⁵⁷. Даже И. Антонеску, характеризуя положение Германии, признал, что «после битвы под Сталинградом фашистское государство стало шататься»¹⁵⁸.

Ветеран второй мировой войны, английский офицер Ричард Сквайрс писал: «Из всех событий самым радостным была замечательная победа русских под Сталинградом. Армия русских, её железное упорство, её боевой дух и непреклонная воля уже давно вызывали восхищение и энтузиазм у наших солдат, но, узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения. Незадолго до того наши войска основательно побили Роммеля под Эль-Аламейном. Но эта победа была одержана в далёком Египте, вдали от тех районов, где сражались главные германские вооружённые силы. Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан»¹⁵⁹.

¹⁵⁰ Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 193.

¹⁵¹ Роковые решения. С. 210.

¹⁵² Мировая война. 1939-1945 годы. Сб. статей. С. 203.

¹⁵³ Крейг У. Катастрофа на Волге. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 196-197.

¹⁵⁴ Абалихин Б.С. Утро победы. С. 102.

¹⁵⁵ Видер И. Катастрофа на Волге. С. 198-199.

¹⁵⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 362.

¹⁵⁷ См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 168.

¹⁵⁸ Блейер Б. и др. Германия во второй мировой войне (1939 – 1945). М., 1971. С. 231.

¹⁵⁹ Сквайрс Р. Дорога войны. М., 1958. С. 13.

Страх стали испытывать и гитлеровские главари. «Геринг ясно представляет, – записал в своём дневнике в марте 1943 г. Геббельс, – что события на Восточном фронте в минувшую зиму серьёзно подорвали доверие к нам. Генералы делают всё возможное, чтобы обвинить в этих событиях фюрера. Они берут реванш за прошлогоднюю зиму, когда фюрер пытался взвалить вину на них»¹⁶⁰. 1 февраля 1943 г. в «Волчьем логове» – полевой ставке фюрера близ Растенбурга – в присутствии начальника генерального штаба генерал-полковника Цейтцлера и своего адъютанта Энгеля Гитлер заявил: «Я это ещё обдумаю. Но я могу сказать одно: возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе. (Цейтцлер: Да!)»¹⁶¹. А Йодлю он сказал: «Бог войны перешел на другую сторону»¹⁶².

3. Развитие событий на советско-германском фронте между двумя великими битвами: февраль – июнь 1943 г.

Сражения с переменным успехом на южном участке фронта. 22 февраля 1943 г., накануне 25-летнего юбилея Советской Армии, главнокомандующий американскими войсками на Тихоокеанском театре военных действий генерал Д. Макартур отмечал: «Красная Армия воплощает в себе то, что вызывает волнение, что движет всеми воинами: храбрость, готовность отдать свою жизнь за родину, стойкость в испытаниях, неугасимый огонь решимости... Это – основополагающие военные достоинства, которые составляют величие и порождают бессмертие»¹⁶³.

А вот как оценивает Лиддел Гарт значение советского наступления зимой 1943 г. и возросшее искусство советского командования: «Это был настоящий триумф... Постоянное изменение направления и темпов действий было характерно для русских на начальной стадии наступления. Легко представить, какое давление испытывали на себе немцы и как истощились их силы... Русские не раз применяли этот метод, демонстрируя своё возросшее оперативно-тактическое мастерство и умение использовать преимущества... Овладение каждым ключевым пунктом... всегда было следствием удара русских в другом районе, что делало невозможным для противника удерживать этот пункт или обесценивало его стратегическое значение... Действия командования Красной Армии можно сравнить с игрой пианиста, ударяющего по клавишам то в одной стороне клавиатуры, то в другой...

Цель удара в том или ином месте была минимально очевидной для противника... Подготовительные действия никогда не раскрывали той цели, по которой наносился удар. На заключительном же этапе эта цель вырисовывалась со всей очевидностью. Таким образом достигалась внезапность, ибо удар наносился в самом неожиданном направлении»¹⁶⁴.

Раннее снеготаяние, продолжает английский историк, снизило темпы продвижения русских. Вскоре они стали также испытывать трудности от нехватки транспорта и горючего. Кроме того, на направлении главного удара советских войск железные дороги шли перпендикулярно линии наступления, а в немецком тылу параллельно, что позволило немцам сосредоточить силы на угрожаемом участке. Кроме того, вступил в силу закон растянутости коммуникаций, когда удар наступающих резко ослабевает после долгого наступления по причине понесённых потерь, сильной усталости войск и отсутствия свежих резервов и необходимых военных материалов, а сопротивление обороняющихся резко усиливается в результате закрепления на заранее подготовленном рубеже и подхода свежих подкреплений. «Выиграли немцы и от сокращения линии фронта на 600 миль. Ввиду всех указанных выше обстоятельств русские вынуждены были остановить наступление. Немцы сумели вытеснить русских из Харькова и вновь захватили Белгород. Однако это был их последний успех»¹⁶⁵.

Всего к контрнаступлению привлекалось 7 танковых (более 800 танков), моторизованная и 3 пехотные дивизии, которые обеспечивались сильной авиационной группировкой (около 750 самолётов). Над войсками Юго-Западного и Воронежского фронтов неприятель достиг превосходства в людях и артиллерии в 1,2 раза, в танках и самолётах в 2,4 раза¹⁶⁶. Удар противника оказался для советского командования «крайне неожиданным»¹⁶⁷.

¹⁶⁰ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 157.

¹⁶¹ Стенограмма совещания в ставке вермахта в «Вольфшанце» 1 февраля 1943 г. // «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 458; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 370; см. также: Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 355.

¹⁶² militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

¹⁶³ См.: Коротков Г.И. Переломные сражения Великой Отечественной войны в оценках зарубежных государственных и военных деятелей. // ННИ, 2005, № 2. С. 43.

¹⁶⁴ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 459.

¹⁶⁵ Ibid. С. 460.

¹⁶⁶ ВИЖ, 1963, № 3. С. 22.

¹⁶⁷ Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. М., 1990. С. 6, 7.

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн – лучший стратегический ум вермахта. Вышеописанных результатов немецкие войска добились под руководством фельдмаршала Э. фон Манштейна. События зимы-весны 1943 г. ещё раз подтвердили его высочайший полководческий талант. «Контрудары Манштейна вкупе с умелыми действиями немцев на других участках фронта не только покончили с надеждами Красной Армии на победу в южной России, но и серьезно расстроили амбициозные планы стратегического наступления Красной Армии на северо-западном и западном направлениях, – пишет американский историк Д. Гланц. – Его успешные контрудары, оттянув значительные силы Красной Армии с других стратегических направлений, предотвратили развал всего германского Восточного фронта. Поэтому в смысле своего масштаба, эффекта и значимости контрудар Манштейна был равен широко-масштабному стратегическому наступлению»¹⁶⁸.

В этой связи, изрядно идеализирующий его Меллентин пишет: «Учитывая сложность проблем, стоящих перед Манштейном в декабре 1942 – феврале 1943 г., можно сказать, что вряд ли кому-нибудь из полководцев периода второй мировой войны удалось достигнуть такого успеха, каким являлся вывод немецких армий с Кавказа и последующий контрудар на Харьков... Победа была достигнута мастерским анализом и расчётом»¹⁶⁹.

Манштейн, вне сомнений, выдающийся военачальник, и мы подчёркиваем это ещё раз. Однако в данном случае автор явно переоценивает его «заслуги» в деле отступления вермахта с Кавказа. Естественно, положение немцев было не из лёгких, однако совсем не безвыходным. И при правильном руководстве войсками любой грамотный военачальник сделал бы то же самое. Кроме того, даже после капитуляции армии Паулюса, соотношение сил на южном участке советско-германского фронта было совсем не таким, чтобы позволить Красной Армии полностью заблокировать почти миллионную группировку германских войск. Что касается причин успеха немецкого контрудара, об этом уже было сказано выше. Конечно, проведён он был мастерски, и Манштейн максимально использовал все возможности для достижения успеха. И невозможно отрицать, что перед началом операции всё было «рассчитано и проанализировано».

Однако не от личных качеств немецких генералов, в конечном счёте, зависела судьба войны, а от складывающегося нового баланса сил и роста боеспособности Красной Армии. В этом контексте, другой выдающийся германский военачальник, генерал-полковник Гейнц Гудериан, оценивая сложившееся зимой-весной 1943 г. соотношение сил на советско-германском фронте, прямо писал: «Русские выиграли бы войну без помощи своих западных союзников... Никакая сила в мире не смогла бы сдержать их»¹⁷⁰. А известный американский журналист консервативного толка Маккормик писал после Сталинграда: «Советские войска не только доказали, что они являются величайшей современной армией, прекрасно руководимой и отлично оснащённой. Советские вооружённые силы превратили СССР в мировую державу, каковой никогда не была Российская империя»¹⁷¹.

И даже нацистские главы стали осознавать, что перспективы Германии в войне весьма плачевны. Так, 7 февраля 1943 года, на секретной конференции гауляйтеров Гитлер заявил: «То, что мы наблюдаем, является катастрофой неслыханных размеров. Русские прорвали фронт, румыны сдаются, венгров вообще не поднимаешь на борьбу. Если немецкий народ не сумеет преодолеть всего этого, тогда он не заслуживает нашей борьбы за его будущее»¹⁷². Но это не означало, что гитлеровское руководство отказывалось от своих первоначальных планов разгромить Советский Союз, и тем более не значило, что перед советскими вооружёнными силами уже не было достойного противника. Блестящие победы Красной Армии также не порождали в советском обществе шапкозакидательские настроения – их не было до самого конца войны.

Соотношение сил сторон накануне решающих событий лета 1943 г. По данным немецкого генерального штаба, за два года войны с Советским Союзом вермахт потерял убитыми, пропавшими без вести, больными и ранеными 4,126 млн чел. За это же время в вооружённые силы было призвано 3,896 млн человек¹⁷³. А вот качество этого контингента, как по физическому состоянию, так и по боевой выучке, было низким. Так, например, уже к концу 1943 г. 80% всех молодых офицеров прошли только трёхмесячную выучку¹⁷⁴. Именно о данном периоде бывший офицер генерального штаба Э. Миддельдорф писал: «Противотанковая оборона, без сомнения, является самой печальной главой в истории не-

¹⁶⁸ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

¹⁶⁹ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 183.

¹⁷⁰ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 275.

¹⁷¹ Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5. С. 53.

¹⁷² militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

¹⁷³ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 110; Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. Крушение планов немецко-фашистского командования летом и осенью 1943 г. М., 1973. С. 32-33.

¹⁷⁴ Блейер Б. и др. Германия во второй мировой войне. С. 258.

мецкой пехоты... С момента первого появления танка Т-34... не было создано приемлемого противотанкового средства пехоты»¹⁷⁵. Штатная численность личного состава дивизии уменьшилась с 16859 человек до 12708, правда, одновременно возросли её огневые возможности за счёт увеличения количества автоматического оружия, 120-мм миномётов, противотанковых и зенитных орудий¹⁷⁶.

Таблица 10. Численность вооружённых сил и количество боевой техники СССР, США, Англии, Германии, Японии, Италии к началу апреля 1943 г.¹⁷⁷

Государства	Вооружённые силы			
	личный состав (млн человек)	танки и САУ (тыс. штук)	боевые самолёты (тыс. штук)	боевые корабли
<i>Антигитлеровская коалиция</i>				
СССР	8,4	9,1	11,6	220
США	8,5	6,5	25,0	464
Англия	4,2	4,3	6,0	278
Всего	21,1	19,9	42,6	962
<i>Фашистский блок</i>				
Германия	9,2	5,6	6,1	488
Япония	3,1	3,5	6,5	209
Италия	3,5	0,2	1,9	127
Всего	15,8	9,3	14,5	824

И всё-таки, после тяжелейших потерь зимы 1942 – 1943 гг., к летней кампании 1943 г., в результате тотальной мобилизации всех сил, гитлеровскому руководству удалось восстановить положение на Восточном фронте. «Как наглядно продемонстрировали контрудары Манштейна, – пишет Д. Гланц, – даже тяжело раненый вермахт оставался смертельно опасным и эффективным противником»¹⁷⁸. С начала войны и до 1943 г. в армию было мобилизовано 11,2 млн чел. В первом квартале 1943 г. вооружённые силы (без войск СС) насчитывали 9,2 млн чел. (вместе с резервами – 10,3 млн чел.), из них 6,6 млн числилось в сухопутных силах, 1,96 млн – в ВВС, 640 тыс. – в ВМФ. Около 2/3 германских вооружённых сил находилось на Восточном фронте.

Для восполнения нехватки рабочей силы в немецкую промышленность было привлечено в качестве рабской силы 6,3 млн военнопленных и иностранных рабочих. В январе началась реализация расширенной программы выпуска танков, позволившая за год увеличить их число, по сравнению с 1942 г., в 2,5 раза, а производство штурмовых орудий – в 4 раза. В 1943 г. авиационная промышленность выпустила 22 тыс. самолётов по сравнению с 13 тыс. в 1942 г. Среднемесячный объём производства артиллерийско-стрелкового вооружения за год возрос почти в два раза. В мае 1943 г. общий индекс производства вооружения (январь – февраль 1942 г. – 100%) составил 232¹⁷⁹.

Таблица 11. Соотношение сил на Восточном фронте в начале апреля 1943 г.¹⁸⁰

Силы и средства	Советские войска	Фашистские войска	Соотношение
Личный состав (млн чел.)	5,83	5,133	1,1 : 1
Орудия и миномёты (тыс.)	82,3	48,9	1,7 : 1
Танки, САУ, штурмовые орудия	4976	3400	1,4 : 1
Боевые самолёты	5892	2955	2,0 : 1

Намерения гитлеровцев на лето 1943 г. были самыми решительными. К началу летней кампании на советско-германском фронте находились 196 немецких дивизий из 294, которыми располагал вермахт, и, кроме того, 32 дивизии и 8 бригад союзников. Одновременно появились первые серьёзные симптомы начала истощения человеческих ресурсов «третьего рейха». Так, по официальной немецкой статис-

¹⁷⁵ Миддельдорф Э. Тактика в русской кампании. М., 1958. С. 23.

¹⁷⁶ История второй мировой войны. Т. 7. С. 111.

¹⁷⁷ Ibid. С. 33.

¹⁷⁸ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

¹⁷⁹ См.: Файнгар И.М. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958. С. 280, 418; Промышленность Германии в период войны 1939 – 1945 гг. М., 1956. С. 73, 96, 262-263, 270; Заставенко Г. Военно-экономическая и политическая подготовка Германии к летнему наступлению 1943 года. // ВИЖ, 1967, № 3; История второй мировой войны. Т. 7. С. 30, 111, 112; Соловьев Б.Г. Битва на Курской дуге. М., 1975. С. 7; Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 33, 41.

¹⁸⁰ История второй мировой войны. Т. 7. С. 34.

тике, безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте за последний год составили около 1 млн человек, а пополнение за это время составило всего около 500 тыс.¹⁸¹ И хотя гитлеровскому командованию не удалось довести общую численность своих вооружённых сил на Востоке до уровня середины ноября 1942 г., Германия продолжала оставаться мощным противником, и силы, сосредоточенные ею и её союзниками-сателлитами для нового наступления, были огромны¹⁸².

4. Сражение на Курской дуге¹⁸³

Планы сторон на летнюю кампанию 1943 г. «Самая крупная битва 1943 г. произошла не в воздухе, не в Средиземноморье, а в Курске и вокруг него с 5 по 12 июля. Эта битва оказалась решающей в ходе всей войны»¹⁸⁴. «К лету 1943 года военные успехи вермахта, так же, как и судьба всего гитлеровского рейха, зависели от достижения решающей победы на Востоке»¹⁸⁵.

Советский план на лето 1943 г. предусматривал преднамеренную оборону на фронте, в первую очередь, в районе Курской дуги, с целью измотать противника и его танковые группировки, создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление и решительного поражения врага в районе Курска. Маршал Жуков говорил: «Переход наших войск в наступление... с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьём основную группировку противника»¹⁸⁶. Такой же точки зрения придерживался и Василевский¹⁸⁷.

Такие же настроения разделяли и многие германские военачальники¹⁸⁸. «Немцам всё больше хотелось заставить русских первыми начать наступательные действия, чтобы заманить их в ловушку, нанеся контрудары. Этому желанию не суждено было сбыться, но не из-за нетерпения Гитлера, а из-за того, что русские решили на этот раз применить такую же выжидательную тактику»¹⁸⁹. Споры и настроения в среде руководящего состава вермахта накануне летней кампании 1943 г.¹⁹⁰ рельефно отразил генерал Меллентин: «В этих условиях перед германским верховным командованием встала серьёзная дилемма: либо перейти на Востоке целиком к обороне, либо предпринять наступление с ограниченной целью и попытаться уменьшить наступательную мощь русских...

На карту было поставлено очень многое, поэтому не могли не появиться сомнения. Вначале идею наступления горячо поддержал фельдмаршал Манштейн...¹⁹¹ Однако Гитлер продолжал откладывать наступление, отчасти для сосредоточения более крупных сил, а отчасти и потому, что очень сомневался в возможности нашего успеха. В начале мая он созвал в Мюнхене совещание¹⁹², чтобы выслушать мнение командующих, на которых возлагалось проведение операции. Фельдмаршал фон Клюге... был полностью за наступление¹⁹³, Манштейн теперь уже колебался, а Модель предъявил аэрофотоснимки,

¹⁸¹ Ibid. С. 113; Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 517; Соловьев Б.Г. Битва на Курской дуге. С. 8.

¹⁸² См.: История второй мировой войны. Т. 7. С. 30-33.

¹⁸³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 451-506; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 5-31; История военного искусства. С. 193-215.

¹⁸⁴ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

¹⁸⁵ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

¹⁸⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 458, 463; о разных мнениях советских военачальников по поводу летней кампании см. там же. С. 468-470.

¹⁸⁷ Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 16-18; 24-25.

¹⁸⁸ 17 июня 1945 г., на допросе, генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель заявил, что «фюрер чувствовал неуверенность в необходимости операции и её успехе. Однако он поддался заверениям генерального штаба сухопутных войск... Командование группы армий „Центр“ (генерал-фельдмаршал Клюге) и руководство генерального штаба сухопутных войск (генерал Цейтцлер) особо настаивали на проведении Курской операции, насколько не сомневаясь в её успехе». О том же на следующий день свидетельствовал и генерал-полковник Альфред Йодль: «Фюрер колебался в вопросе проведения операции на курском направлении. В частности, он предлагал ещё один дополнительный удар в центре Курской дуги». // «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 651, 636.

¹⁸⁹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 464.

¹⁹⁰ См.: Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 211-212; Гудериан Г. Опыт войны с Россией. // Итоги второй мировой войны. С. 130; Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 179-182; Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 532-534; Кэйдин М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 306-312.

¹⁹¹ При условии, что начало операции должно быть проведено на возможно самом раннем этапе. // Манштейн Э. Утерянные победы. С. 525, 528.

¹⁹² Об этом см.: Кэйдин М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 310.

¹⁹³ Вот выдержка из телеграммы командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Клюге начальнику генерального штаба сухопутных войск с просьбой доложить о её содержании фюреру: «Вывод: поскольку столкновение с главными русскими силами неизбежно, лучшим решением будет осуществление

которые говорили о том, что русские... знали о предполагаемом наступлении и принимали соответствующие меры. Генерал-полковник Гудериан заявил, что наступление под Курском „бесмысленно”: тяжёлые танки неминуемо понесут большие потери... Но генерал Цейтцлер всё ещё верил в победу... На этом совещании Гитлер сделал важное и совершенно правильное замечание: „Неудачи не должно быть!”...Под нажимом Кейтеля и Цейтцлера [Гитлер], в конце концов, уступил и согласился на операцию грандиозного масштаба...

К середине июня фельдмаршал фон Манштейн и все без исключения его командиры соединений пришли к выводу, что осуществление операции „Цитадель” является безумием. Манштейн решительно настаивал на отказе от наступления, но его не пожелали слушать¹⁹⁴. Он предложил при переходе Красной Армии в наступление «пропустить» её до линии Мелитополь – Днепропетровск, „освободив” путь через Донбасс на Нижний Днепр, а тем временем подготовить в тылу крупные силы, ударить во фланг и разгромить советские войска, сделав, таким образом, шаг к «ничейному результату». Кроме того, операция таких размеров требовала гораздо больших сил, чем те, которыми располагала группа армий «Юг». Но Гитлер, как известно, категорически отклонял всякую возможность вступления Советской Армии в Донбасс. Взамен был предложен план «опережающего удара»¹⁹⁵.

Как пишет Алан Кларк, «Цейтцлер умело использовал патологическое предубеждение Гитлера против отвода войск, доказывая, что альтернативой этому является наступление... Немецкие генералы указывали, – и вполне обоснованно, – что им всегда удавалось добиться прорыва оборонительных позиций русских с первого удара; трудности начинались потом, когда ударная мощь танковых клиньев распылялась в безбрежных полях и степях России»¹⁹⁶.

Таблица 12. Соотношение сил на Восточном фронте в начале июля 1943 г.¹⁹⁷

Силы и средства	Советские войска	Фашистские войска	Соотношение
Личный состав (млн чел.)	6,6	5,325	1,2 : 1
Орудия и миномёты (тыс.)	105,0	54,3	1,9 : 1
Танки, САУ, штурмовые орудия	10199	5850	1,7 : 1
Боевые самолёты	10252	2980	3,4 : 1 ¹⁹⁸

В решающей степени планы германского верховного командования определялись экономическими соображениями. Так, 12 марта 1943 г. на совещании в «Вольфшанце»[†] Гитлер заявил, что «Донецкая

нашего наступления в соответствии с планом „Цитадель”». Данную точку зрения поддерживало и командование 4-й танковой армии во главе с генерал-полковником Готом, в задачу которой входило нанесение главного удара на южном фланге Курского выступа. // «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 509; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 415, 415-416.

¹⁹⁴ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 187, 188-189, 190; см. об этом же: Кларк А. Величайшая танковая битва в истории. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 262-265.

¹⁹⁵ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 522, 525.

¹⁹⁶ Кларк А. Величайшая танковая битва в истории. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 270.

¹⁹⁷ История второй мировой войны. Т. 7. С. 114; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 13, 14; Андроников Н.Г. Гитлеровский «факел» был погашен на «огненной» дуге. // ВИЖ, 1993, № 7. С. 4; Bălan E. Operațiunea Citadelă – marea înfrângere a Germaniei pe Frontul de Est. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 4. P. 25.

Г.К. Жуков приводит иные данные на начало лета 1943 г.: 6,4 млн чел., 99 тыс. орудий и миномётов, 9500 танков и САУ, 8300 боевых самолетов. // Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 467, 468.

В то время в среде немецкого командования господствовали радужные иллюзии по поводу реального соотношения сил. 5 июня Кейтель утверждал, что в 1943 г. потери мощности военной промышленности СССР составили: 50% производства боеприпасов, 40% танкостроения, 25% самолётостроения. Он в самой категоричной форме предсказывал дальнейшее падение производства военной продукции в Советском Союзе. 15 апреля, т.е. в день, когда Гитлер отдал приказ о проведении наступления на Курской дуге, генштаб сухопутных войск дал такую оценку боеспособности советских армий: «Боеспособность используемых на фронте соединений следует оценивать не очень высоко. Даже вновь пришедшие дивизии не укомплектованы полностью». Уже 1 июля Гитлер с тупой убежденностью заявил, что Советский Союз, ввиду понесённых громадных потерь и трудностей с продовольствием, «должен дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию». Исходя из этих расчётов и была спланирована операция «Цитадель». Лишь в ноябре 1943 г. Йодль в очень осторожной форме признал ошибки немецкого командования при оценке сил Советского Союза. Однако и он не поставил под сомнение верность решения о наступлении немецких войск под Курском. // «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 651; Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 60-61, 84-85, 89, 92.

¹⁹⁸ При меньших по объёму промышленных мощностях и суженной сырьевой базе СССР произвёл в годы войны почти в два раза больше боевой техники. // Великая Отечественная война. С. 570.

[†] Примечание научного редактора: Wolfschanze – «Волчье логово», условное наименование ставки Гитлера в Восточной Пруссии, расположенной в километре восточнее г. Ростенбург. Действовала с 23.06.1941 по 20.11.1944.

Werwolf – «Оборотень», условное наименование ставки Гитлера под Винницей.

область для нас – это самое главное... Для нас чрезвычайно важно ничего там не потерять». На совещании в марте 1943 г. в штабе группы армий «Юг» фюрер говорил, что невозможно отдать Донбасс даже временно. «Если бы мы потеряли этот район, то нам нельзя было бы обеспечить сырьём свою военную промышленность... Что касается никопольского марганца, то его значение для нас вообще невозможно выразить словами. Потеря Никополя... означала бы конец войны. Далее, как Никополь, так и Донбасс не могут обойтись без электростанции в Запорожье»¹⁹⁹.

Именно эти факторы играли решающую роль для Гитлера при дальнейшем планировании военных операций. Экономические требования, как и в прошлые годы, в немалой степени предопределили районы сосредоточения главных усилий вермахта. Большое значение имели и вопросы восстановления политического престижа империи на международной арене. Однако эти экономические и политические задачи решались в рамках стратегического расчёта на разгром главных сил Красной Армии и захват стратегической инициативы. Гитлеровцы надеялись, что «истощённый» Советский Союз должен будет вскоре «рухнуть».

В этой связи, уже после войны, Манштейн писал, правда, стремясь одновременно доказать непонимание Гитлером значения военно-стратегического фактора в достижении победы: «Безусловно, политические, а в настоящее время, прежде всего, военно-экономические вопросы играют существенную роль при определении стратегической цели войны. Но Гитлер не учитывал следующего обстоятельства: захват и особенно удержание территории должны иметь предпосылкой победу над вооружёнными силами противника. Пока этот военный фактор не достигнут, занятие ценных в военно-экономическом отношении районов, то есть достижение территориальной цели войны, остаётся сомнительным, а их длительное удержание – невозможным. Об этом наглядно свидетельствует война с Советским Союзом... Лишь победа открывает путь к достижению политических и экономических целей»²⁰⁰.

Однако «не прав» оказался не только Гитлер, но и Манштейн вместе со всем германским генералитетом. Они так и не поняли, что для того, чтобы не проиграть войну против Советского Союза, её не следовало начинать.

Таблица 13. *Соотношение сил на Курском направлении в начале июля 1943 г.*²⁰¹

Силы и средства	Советские войска*	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (млн чел.)	1,336	0,9**	1,4 : 1
Орудия и миномёты (тыс.)	19,1	около 10	1,9 : 1
Танки, САУ, штурмовые орудия	3444	около 2700	1,2 : 1
Боевые самолёты	2172	около 2050	1 : 1

* Без учёта войск Степного фронта, расположенного в тылу позиций Воронежского и Центрального фронтов и составлявшего стратегический резерв Ставки, – 1 млн человек.

** Всего 50 дивизий. Однако с 5 июля по 23 августа было дополнительно введено в сражение 56 дивизий²⁰².

Объясняя причины выбранной советским командованием тактики встретить немецкую армию в обороне, Лиддел Гарт приводит один интересный факт положительного взаимодействия союзников в годы войны. «Когда вновь назначенный глава английской военной миссии генерал-лейтенант Мартел в конце мая впервые побывал в Генеральном штабе, у него сложилось впечатление, что русские склоняются к мысли взять инициативу на себя. Он тогда заявил, что, по его мнению, этого делать не следует, пока обновлённые немецкие танковые группировки ещё не введены в бой.

Несколько дней спустя русские попросили Мартела рассказать о тактике действий англичан в Северной Африке. Мартел объяснил успех под Эль-Аламейном прежде всего тем, что англичане заставили немцев измотать свои танковые группировки в попытках преодолеть оборону. Когда эти танковые группировки потеряли свободу действий и были достаточно измотаны, англичане перешли в наступление. Мартел воспользовался случаем, чтобы рассказать русским ещё об одном уроке, который англичане извлекли из своего опыта: о важности не допустить расширения участка вклинения наступающих танковых группировок и использовать для укрепления флангов все имеющиеся резервы, не пытаясь сдерживать продвижение ударных группировок противника с фронта»²⁰³.

¹⁹⁹ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 516; Манштейн Э. Утерянные победы. С. 466, 470-471, 479, 518.

²⁰⁰ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 330.

²⁰¹ Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. С. 184, 185; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 14, 25; История второй мировой войны. Т. 7. С. 144; Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М., 1983. С. 11; Соловьев Б.Г. Битва на Курской дуге. С. 10, 14; Кэйдin М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 314, 315; Bălan E. Operațiunea Cîta-dela – marea înfrîngere a Germaniei pe Frontul de Est. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 4. P. 25.

²⁰² Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 14, 70.

²⁰³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 464-465.

Этот случай очень ценен и симптоматичен. Конечно, сегодня не столь важно, что заставило советское командование избрать именно эту тактику на начальном этапе великой битвы под Курском. Несравненно большее значение имеет тот факт, что союзники всей душой стремились помочь Красной Армии сломить хребет гитлеровскому вермахту (правда, сами при этом постоянно откладывали открытие второго фронта в Западной Европе) и делали для этого всё возможное, в том числе делясь своим бесценным опытом.

Немецко-фашистское командование планировало достижение целей войны в 1943 г. путем решительного наступления на центральном участке фронта двумя мощными рассекающими ударами с севера (группа армий «Центр» под командованием Клюге) и с юга (группа армий «Юг» под командованием Манштейна) в основание Курской дуги при помощи танковых клиньев²⁰⁴ (значительная часть немецких танков была нового типа – тяжелые танки «Тигр» и среднего класса «Пантера»²⁰⁵). Все, что можно было сделать для подготовки наступления, было сделано. Никогда раньше ни одна крупная операция, подчеркнул гитлеровский генерал Меллентин, «не была подготовлена лучше, чем эта... Боевой дух наступающих войск был исключительно высок. Они были готовы выдержать любые потери и выполнить все поставленные перед ними задачи... Этой операции суждено было стать величайшей танковой битвой в истории войн»²⁰⁶.

В своём приказе Гитлер настойчиво указывал на то, что для наступления на Курск «должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира»²⁰⁷. Командование вермахта стремилось прорвать советскую оборону и сомкнуть клещи восточнее Курска, окружив более чем миллионную группировку. После её уничтожения предполагалось взять Москву с юга²⁰⁸. Выступая 4 апреля в Харькове перед офицерами танкового корпуса СС, Гиммлер заявил: «Здесь, на Востоке, решается судьба... Здесь русские должны быть истреблены как люди и как военная сила и захлебнуться в собственной крови»²⁰⁹.

Этот план, закодированный как «Цитадель», был явно невыполним. Однако немецкое командование было уверено, что германские танковые клинья в течение двух суток прорвут главную полосу советской обороны и на четвёртый день наступления сомкнутся восточнее Курска²¹⁰. Оно, безусловно, считало, отмечает А. Кларк, что «это было по плечу войскам, которые в предыдущих кампаниях одним махом совершали бросок на сотни километров. Основная мощь и мобильность атакующих сил были более высокими, чем в 1941 – 1942 годах, концентрация войск более плотной, цели несравненно менее амбициозные. Разве дело не обстояло таким образом, что ни одна армия в мире не могла выдержать первый удар вермахта в крупной наступательной операции?»²¹¹. «Гитлер, – подтверждает данный вывод и Лиддел Гарт, – всё больше убеждал себя в том, что прорыв у Курска приведёт к перелому в ходе войны в пользу немцев и поможет решить многие проблемы. Гитлер легко убедил себя в том, что все неприятности объясняются русской зимой и что всегда можно рассчитывать на преимущества летом. В действительности же эти надежды Гитлера оказались иллюзорными»²¹².

Вот как видел фюрер военно-политические задачи предстоящей операции, поставленные в его приказе офицерскому составу войск, участвовавших в операции «Цитадель»: «Эта начинающаяся новая немецкая операция не только укрепит наш собственный народ, произведёт впечатление на остальной мир, но и прежде всего придаст самому немецкому солдату новую веру. Укрепит вера наших союзников в конечную победу, а нейтральные государства будут вынуждены соблюдать осторожность и сдержан-

²⁰⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 503; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 410-411; Типпельскирх К. Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны. // Итоги второй мировой войны. С. 83.

²⁰⁵ Всего в битве под Курском участвовало до 130 «тигров» и более 200 «пантер». // Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941 – 1945 годах: Союз и противоборство. // ННИ, 2004, № 2. С. 75.

В Курской битве впервые была применена новая советская 57-мм противотанковая пушка образца 1943 г., любовно названная бойцами «зверобоем». // Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 49.

²⁰⁶ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 191, 189.

²⁰⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 502.

²⁰⁸ Ibid. С. 501, 651; Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1967. С. 489; История второй мировой войны. Т. 7. С. 125, 126, 127; Соловьев Б.Г. Битва на Курской дуге. С. 8-9; Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 82.

²⁰⁹ Блейер Б. и др. Германия во второй мировой войне. С. 257; Соловьев Б.Г. «Кутузов» и «Румянцев» против «Цитадели». // ВИЖ, 1998, № 4. С. 4.

²¹⁰ Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 72.

²¹¹ Кларк А. Величайшая танковая битва в истории. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 270-271.

²¹² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 461-462.

ность. Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий»²¹³.

За сутки до начала гигантского сражения. В планировании операции «Цитадель» в полной мере отразилась концепция германского генерального штаба, недооценившего значение стратегических резервов и стремившегося к максимальному сосредоточению сил для первого удара. В стратегическом резерве у немецкого командования на Восточном фронте были весьма ограниченные силы: 1 пехотная, 1 охранная дивизии и две пехотные бригады. В ходе битвы это крайне осложнило действия гитлеровских войск. В резерве же советского командования было 8 общевойсковых, две танковые и одна воздушная армии. В их составе было около 20 тыс. орудий и миномётов, а также свыше 2 тыс. танков и САУ²¹⁴.

Отмечая значение предстоящей битвы, американский военный историк М. Кэйдin в своей книге «„Тигры“ горят» пишет: «Всё решалось под Курском. То, что случится там, должно было определить будущий ход событий. Географические масштабы наступления будут намного меньше, чем в других ключевых операциях вермахта в прошлом. Протяжённость фронта составит не более 150 миль. Но на фронте в этой предстоящей битве будет собрано больше танков и боевых машин, чем насчитывалось на всём Западном фронте после вторжения союзников в Европу. Под Курском решалась не только судьба России. Решался исход всей войны»²¹⁵.

«На карту было поставлено, — продолжает Кэйдin, — куда больше, чем просто город Курск или продвижение по местности на север, юг и восток, а именно то, что никогда не отразилось бы на схемах и картах, — беспощадная расправа над русскими, и в этом заключалась суть немецкого плана: разбить, перемолоть, рассеять, захватить в плен... Позднее, если операция „Цитадель“ пойдёт так, как рассчитывал Гитлер, последует большое новое наступление на Москву. Позднее он претворит в жизнь свой совершенно секретный план „Песец“, и германские вооружённые силы молниеносным ударом оккупируют Швецию. Позднее он перебросит свои войска туда, куда захочет, умело маневрируя ими на шахматной доске военной стратегии. Усилит войска в Италии, чтобы отразить вторжение союзников и сбросить их в море, ибо он знал, что время этого вторжения приближается. Направит мощные подкрепления на Атлантический вал — может быть, достаточные, чтобы сломить хребет силам вторжения из Англии»²¹⁶.

Советское командование было в деталях информировано о планах и подготовке немцев²¹⁷, и когда 5 июля 1943 г. началось их наступление, оно столкнулось с непреодолимой обороной. «Красная Армия, по сравнению с 1942 годом, окрепла качественно и выросла в численном отношении. Красная Армия действовала успешнее ещё и потому, что возрос поток вооружения, которое поступало с новых предприятий на Урале и от западных союзников России. Танки Красной Армии не уступали танкам других армий, а многие немецкие генералы и офицеры считали их даже самыми лучшими. Это были превосходные машины по своим ходовым качествам, надёжности и вооружению. Русская артиллерия также отличалась превосходными качествами. Широкое развитие получила реактивная артиллерия, которая обеспечивала высокую эффективность удара. Русская винтовка была современной, чем немецкая, и обладала более высокой скорострельностью... Значительно возросло и оперативно-тактическое мастерство Красной Армии»²¹⁸.

Вывод Лиддел Гарта фактически подтверждает и Меллентин: «Русское Верховное командование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий»²¹⁹. «Впервые за время войны организованная Ставкой оборонительная операция протекала именно так, как было запланировано»²²⁰, — пишет и Д. Гланц.

Однако немало и тех, кто пытается объяснить поражение вермахта под Курском одним лишь численным превосходством советских войск. Вот что ответил на это французский историк А. Мишель: «Такие объяснения имеют то преимущество, что оставляют в неприкосновенности миф о стратегическом превосходстве немецких генералов, о высокой боеспособности вермахта, который был разбит лишь в результате непреодолимых и враждебных обстоятельств, а не лучшими войсками... Конечно, не „татарские орды“ были способны с точностью часового механизма предпринимать последовательные и взаимозависимые наступления на участках, находящихся в сотнях километров друг от друга, и неотвратимым образом разбивать боевой порядок, разработанный и построенный гениальными умами ОКХ...

²¹³ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. С. 421.

²¹⁴ Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 73-74.

²¹⁵ Кэйдin М. Курская битва — величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 301.

²¹⁶ От «Барбароссы» до «Герминала». Взгляд с Запада. С. 264.

²¹⁷ Германское командование так до конца и не выяснило советских планов на лето 1943 г. // См.: ВИЖ, 1959, № 6. С. 91; Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 84-85, 90-91.

²¹⁸ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 463-464.

²¹⁹ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 198.

²²⁰ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

Немцы понесли поражение в силу того, что советская стратегическая мысль и тыловое обеспечение оказались более совершенными, чем у противника, ибо были разработаны удивительным поколением молодых советских маршалов в полном соответствии с особенностями войны в Советском Союзе»²²¹.

Победа под Курском была в значительной степени обусловлена возросшим оперативно-стратегическим искусством советского командования. В этом смысле особенно выделялись Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский. Их заслуга тем более велика, что им противостояли элитные, наиболее боеспособные немецкие дивизии, очень мужественно и умело сражавшиеся под общим командованием таких выдающихся военачальников, как фельдмаршалы Э. Манштейн, Г. Клюге, В. Модель*, и генерал-полковник Г. Гот. Более того, на узком участке была сосредоточена ужасающая сила. Как пишет бывший полковник германской армии В. Адам, «одна танковая дивизия приходилась на четыре километра фронта! Ещё никогда вермахт не сосредоточивал на ограниченном пространстве столько наступательной мощи»²²².

Начало битвы титанов. 5 июля вермахт перешёл в последнее стратегическое наступление. За неделю немецкие войска были побеждены, хотя «за счёт безжалостного оголения других участков Восточного фронта число танковых дивизий было доведено до 17... Немцы начали наступление при фактическом равенстве в танках с русскими (хотя ни один немецкий отчёт о Курской битве не признаёт этого) и определённом качественном преимуществе в тяжёлых и средних „тиграх“ и „пантерах“, но по числу орудий, весу залпа и управлению огнём артиллерия русских была несравнимо сильнее немецкой»²²³. На северном фланге дуги ударная немецкая группировка продвинулась на 12 км, однако далось это потерей 42 тыс. убитыми и ранеными и около 800 танков и самоходных орудий²²⁴.

«Немного продвинувшись в первый день, немцы практически оказались блокированы советскими дивизиями, расставленными Рокоссовским с большим тактическим мастерством»²²⁵. Американский исследователь М. Кэйдин пишет в связи с этим: «Разгорелась битва, в которой немцам было суждено захлебнуться в собственной крови... Потери, которые несли немцы, были достаточно велики, чтобы сломить хребет любой армии, и надо отдать должное, что немцы в этом бою – это признают сами русские – сражались с исключительной храбростью и упорством. Один из немецких полков за час потерял всех офицеров. От батальонов остались роты, но они продолжали атаку, пока их численность не была сведена до взводов»²²⁶.

На южном фланге²²⁷, в последний день фашистского наступления, под *Прохоровкой* – забытым Богом селом, которому суждено было войти в бессмертие – столкнулись ударные танковые группировки обеих сторон (советская 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова и германская 4-я танковая армия под командованием генерала Гота), и произошло крупнейшее танковое сражение второй мировой войны, в котором сошлись более 1500 единиц бронетехники. Большинство советских машин составили средние танки «Т-34», ядро германских – тяжёлые «Тигры», средние «Пантеры» и штурмовые орудия «Фердинанд» (или «Elephant/Слон»)»²²⁸. Прохоровское сражение было выиграно советскими войсками.

Английский историк М. Пэрриш писал: «Немцы имели почти 150 танков на милю фронта, однако советские войска, располагавшие несколько большим количеством танков, преимуществом в их скорости и элементом внезапности, сумели нанести поражение атакующим... Это было самое ожесточённое

²²¹ Цит. по: Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 27.

* Получил воинское звание генерал-фельдмаршала в 1944 г.

²²² Адам В. Трудное решение. С. 396.

²²³ Кларк А. Величайшая танковая битва в истории. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 271, 274.

Эту же мысль приводит и М. Кэйдин. // Кэйдин М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 314.

²²⁴ Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. С. 49.

В советской сводке говорится о 586 подбитых немецких танках только за первый день немецкого наступления – 5 июля. // См.: militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

²²⁵ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 91.

²²⁶ Кэйдин М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 331.

²²⁷ Против Воронежского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина наступала ударная группировка группы армий «Юг». По причине некоторых ошибок Верховного командования, а также слабой профессиональной подготовки командования корпусного звена войск Воронежского фронта здесь сложилось более сложное положение чем на северном участке битвы. // См.: Замулин В. Курский излом. Новое об известном. // Родина, 2011, № 6. С. 40-43.

²²⁸ Командующий 5-й гвардейской танковой армией пишет, что в сражении «только со стороны противника участвовало до 700-800 тяжёлых, средних и лёгких танков в сопровождении большого количества самоходной артиллерии». // Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960. С. 72.

М. Кэйдин приводит следующие данные: с советской стороны – 850 боевых машин, с немецкой – 750, в том числе более 100 «тигров». // Кэйдин М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 338.

ное сражение второй мировой войны... Так развеялись последние надежды немцев извлечь что-нибудь из Курской битвы»²²⁹. «В Курской битве участвовало с обеих сторон около 6 тыс. танков и 4 тыс. самолётов. Это была гигантская бойня на небольшой территории, страшнее которой ещё не было»²³⁰.

«12 июля 1943 года на узкой полоске земли между рекой Псел и железнодорожной насыпью, юго-западнее Прохоровки, погребальный звон колоколов оповестил о гибели немецких танковых сил»²³¹ — изумительное по своей точности определение. Не менее образно высказался в этой связи и Вальтер Герлиц, заявив, что в этой битве немецким бронетанковым войскам «была сломана шея»²³². Так же и другой исследователь, в годы войны офицер германской армии, Вернер Хаупт считает, что «Курск был гибелью танковых войск» Германии²³³.

«У Гитлера, — уверен Д. Гланц, — не было иного выбора, кроме как прекратить 14 июля операцию „Цитадель“. К этому времени атакующие войска вермахта были сильно ослаблены двумя неделями интенсивных боев, а сильно превосходящие войска Красной Армии уже крушили немецкую оборону под Орлом и на реках Северный Донец и Миус. Эти два наступления Красной Армии угрожали обрушить немецкие оборонительные порядки на флангах Курской дуги, в то же время они оттягивали на себя из-под Курска крупные немецкие силы. И, что еще хуже для немцев, в тот самый момент, когда танковые клинья Манштейна столкнулись с 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армиями Воронежского фронта на печально знаменитом поле боя под Прохоровкой, в битву готовились вступить еще неведомые немцам свежие 27-я и 53-я армии и 4-й гвардейский танковый и 1-й механизированный корпуса»²³⁴.

«С немецкой стороны потери в личном составе были не так уж велики, зато потери в танках были потрясающими»²³⁵. С 12 по 16 июля 1943 г. только «войсками 5-й гвардейской танковой армии во взаимодействии с общевойсковыми соединениями было уничтожено и подбито 459 танков противника»²³⁶. Исследователь Курской битвы Б. Соловьев отмечает, что «в ходе всей второй мировой войны не было такого примера, когда мощное, тщательно подготовленное наступление вермахта терпело столь сокрушительное поражение и в такие короткие сроки»²³⁷.

«Таким образом, немецкое наступление окончилось решительным поражением, — пишет Фуллер. — Потери танков были так велики, что оказалась подорванной вся гитлеровская оборонительная стратегия, ибо она была основана на использовании мощных подвижных сил. Отнюдь не будет преувеличением сказать, что поражение под Курском явилось для немцев такой же катастрофой, как и разгром под Сталинградом»²³⁸. Немецкий историк Вальтер Герлиц считает, что Сталинград был поворотным пунктом войны на Востоке в политико-психологическом плане, а поражение немцев под Курском и Белгородом — поворотным пунктом с чисто военной стороны»²³⁹.

Переход в наступление Красной Армии. Перейдя 12 июля в контрнаступление, советское командование ввело в бой Степной фронт (численностью около 1 млн солдат и офицеров). Это позволило гнать врага на Запад быстрыми темпами. Представляет интерес оценка событий тех дней, данная бывшим офицером штаба группы армий «Центр» Г. Гагенхольцем: «Сила и прежде всего пробивная мощь начавшегося 12 июля русского контрнаступления... оказались для нас страшной внезапностью... Впечатление

²²⁹ Цит. по: Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 119.

²³⁰ Верт А. Россия в войне. С. 493.

²³¹ Кэйдин М. Курская битва — величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 342.

²³² См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 179.

²³³ Ibid.

²³⁴ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

* 10 тыс. человек убитыми при попытке взлома советской обороны.

** Немецкие потери составили около 400 единиц бронетехники, из них 70 «тигров»; 5-я гвардейская танковая армия потеряла около 300 боевых машин.

²³⁵ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 198.

«Согласно советским данным, во всей огромной битве противник потерял 2952 танка, 844 орудия, 1392 самолета, — отмечал А.И. Уткин. — Советские войска были буквально поражены количеством захваченных трофеев: пять тысяч автомобилей, 1392 самолета, 844 орудия. Восемь дней длился этот титанический бой, и он указал на победителя. Немецкая танковая мощь — решающее оружие Германии в 1941-1943 годах — была обескровлена. В 3-й танковой дивизии осталось 30 танков, в 19-й танковой — 60 машин, в 19-й — 17 боевых машин. По немецким данным, на южном фланге Орловско-Курской дуги погибли десять танковых советских формирований. Поражены 1800 танков, уничтожена тысяча противотанковых орудий. За восемь дней боев танковая советская мощь уменьшилась вдвое. Но наш противник получил, по существу, незаживаемые раны». // militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

²³⁶ Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. С. 94.

²³⁷ Соловьев Б.Г. Битва на Курской дуге. С. 27; Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 116.

²³⁸ Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война. С. 365.

²³⁹ См. Верт А. Россия в войне. С. 495.

что, с провалом операции „Цитадель” и с русским контрнаступлением 12 июля 1943 г., наступил поворотный пункт германо-русской войны и окончательный оперативный перелом в пользу врага, для всех нас, переживших это в отделе руководства группы армий „Центр”, стало тогда абсолютно ясным»²⁴⁰.

В сентябре Красная Армия вышла к Днепру и во многих местах форсировала его с ходу. «После Курской битвы, а особенно во время последующего наступления Красной Армии к Днепру, Ставка подвергла оборону вермахта беспощадному давлению на всем протяжении фронта от Великих Лук до Черного моря... Ставка часто начинала отдельные операции последовательно, друг за другом – с целью заставить немцев обеспокоиться и помешать своевременно перебрасывать оперативные резервы с одного участка фронта на другой»²⁴¹.

За пятьдесят дней непрерывных боёв противник потерял более полумиллиона солдат и офицеров, около 1500 танков и свыше 3700 самолётов²⁴². А 6 ноября 1943 г. был освобожден Киев, и советское наступление продолжилось на правобережной Украине²⁴³. Фактически, после Курска Советская Армия так и не выпустила из рук ни на миг стратегическую инициативу. *Коренной перелом* в ходе войны завершился полной победой Красной Армии, и уже никто не сомневался, что с фашистской Германией будет покончено. Сталин отмечал, что «если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой»²⁴⁴. В этом смысле американский историк М. Кэйдin пишет, что «до разгрома под Курском... вермахт владел стратегической инициативой... в войне против Советского Союза... Курская битва всё это изменила... – придав войне новый характер... Поражение, которое русские нанесли отборным немецким армиям, было мрачным предзнаменованием будущего»²⁴⁵.

Исследователь Курской битвы Б. Соловьев вполне резонно спрашивает, «чем же объясняется такое стремительное развитие событий? Почему так долго и тщательно готовившееся мощное наступление вермахта... исчерпало свои возможности уже через неделю после своего начала?»²⁴⁶. И далее автор отмечает, что главное состоит в возросшем могуществе «Советского государства и его Вооружённых сил, превосходстве советского военного искусства над военным искусством фашистской Германии», недооценке германским командованием Советской Армии и переоценке своих сил. «Быстрое развитие кризиса немецкого наступления было обусловлено также и тем, что у немецкого командования не было крупных стратегических резервов», а маневр резервами «был в значительной степени затруднён наступлением советских войск на других участках советско-германского фронта... Большую роль в крушении наступательных планов вермахта сыграло и то, что немецкому командованию, несмотря на тщательную маскировку готовящегося наступления и дезинформацию, не удалось достигнуть внезапности»²⁴⁷.

О значении Курской битвы упомянутый выше американский историк писал в своей книге «Тигры горят»: «Разумеется, некоторые немецкие генералы признают подлинное значение Курской битвы как провалившейся попытки разбить советские армии и называют её разгромом, катастрофой... Большинство же... расскажут вам, что ни одна немецкая армия не была окружена русскими, и это верно... Главный итог Курской битвы состоит в следующем: когда отгремели последние выстрелы на Курской дуге, стратегическая инициатива в войне перешла к Красной Армии, и именно она потом диктовала, когда и как будет вестись эта война»²⁴⁸.

«Важная победа Красной Армии под Курском и последующее продвижение на запад вплоть до Днепра закрепили предшествующий триумф у Сталинграда и покончили с любыми немецкими иллюзиями относительно исхода войны... Если Сталинград предопределил, что Германия проиграет войну, то Курск доказал всему миру, что война закончится полным уничтожением третьего рейха. Осталось лишь решить вопрос: сколько на это понадобится времени и какова будет цена победы»²⁴⁹, – убеждён Дэвид Гланц.

²⁴⁰ Цит. по: Прозктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 544.

²⁴¹ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

²⁴² См.: Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. С. 54; Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов. С. 74; Bălan E. Operațiunea Citadela – marea înfrângere a Germaniei pe Frontul de Est. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 4. P. 26.

²⁴³ История второй мировой войны. Т. 7. С. 157-270.

²⁴⁴ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 114.

²⁴⁵ Кэйдin М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 299.

²⁴⁶ Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. С. 121.

²⁴⁷ Ibid. С. 122.

²⁴⁸ Кэйдin М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 305-306.

²⁴⁹ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

Другой американский автор Дж. Джукс отмечал, что «после Курска гитлеровские армии были обращены в непрерывное бегство, которое началось за 11 месяцев до высадки союзников во Франции и закончилось в мае 1945 г. среди развалин Берлина». По его признанию, Курская битва окончательно предопределила «исход второй мировой войны»²⁵⁰. Румынский историк К. Хлихор также отмечает, что «даже если Курская битва и не истощила последние немецкие резервы, она окончательно ослабила их накануне предстоящих сражений. Русские могли теперь атаковать в любом месте фронта»²⁵¹.

Генерал Меллентин назвал это крупнейшее сражение второй мировой войны «роковой Курской битвой – последним крупным наступлением немцев на Востоке... Для Германии это было начало конца... Операция „Цитадель“ закончилась полным провалом. Правда, потери русских были больше, чем немцев... 4-я танковая армия взяла в плен 32 тыс. человек, захватила и уничтожила свыше 2 тыс. танков и около 2 тыс. орудий. Но наши танковые дивизии, находившиеся в таком прекрасном состоянии в начале битвы, были теперь обескровлены, а русские, имея помощь англичан и американцев, могли быстро восполнить свои огромные потери. После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским»²⁵².

Немецкий историк Пауль Карелл, говоря об этой грандиозной битве, отмечает, что «последнее крупное немецкое наступление в России закончилось провалом... наступательная мощь была подорвана на длительное время. С этого момента и впредь создание стратегических резервов окажется более невозможным. Так же, как Ватерлоо решило судьбу Наполеона в 1815 году, положив конец его правлению и изменив лицо Европы, так и русская победа под Курском знаменовала собой поворотный пункт войны и непосредственно привела через два года к краху Гитлера и разгрому Германии и, таким образом, изменила облик всего мира. В этом смысле Курская битва была решающим сражением второй мировой войны...

Однако, как ни странно, операция „Цитадель“ – Курская битва – так никогда и не получила заслуженного признания со стороны немцев. Если спросить о Сталинграде, а затем Курске, то разница поразительна. Однако во всех отношениях именно Курская битва, а не Сталинград, была фатальным и решающим сражением войны на Восточном фронте. Красная Армия, пережив катастрофы 1941 – 1942 годов, преодолела кризис, захватила инициативу и теперь диктовала ход событий»²⁵³.

А вот оценка возросшего военного искусства советского командования в ходе продолжавшегося после Курска стремительного наступления Красной Армии, данная знаменитым английским военным теоретиком: «По характеру и темпам их ведения операции русских всё больше напоминали общее наступление, предпринятое Фошем в 1918 году. Удары наносились последовательно, на различных направлениях. Каждый раз, как только сопротивление возрастало, русские переходили к временной обороне. Каждый удар прокладывал путь следующему и был тесно увязан с ним по срокам... Немцы были лишены свободы действий, а их резервы постепенно таяли. Спустя четверть века русские повторили и усовершенствовали метод, применённый Фошем»²⁵⁴.

Битва на Курской дуге стала важнейшей вехой на пути победы Советского Союза над фашистской Германией. Победоносные танковые сражения Советской Армии по праву признаны величайшими во второй мировой войне. В сражение с обеих сторон было вовлечено более 4 млн человек, свыше 69 тыс. орудий и миномётов, более 13 тыс. танков и самоходных орудий и до 12 тыс. самолётов.

Со стороны вермахта в этой битве участвовало более 100 дивизий, или 43% общего количества дивизий на советско-германском фронте. Советские войска разгромили 30 дивизий, уничтожили 538 тыс. солдат и офицеров (а пополнения поступило всего 240 тыс.²⁵⁵), 3 тыс. орудий, 1500 танков и более 3700 самолётов. Гудериан признавал: «В результате провала наступления „Цитадель“ мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на Западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... и уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»²⁵⁶.

²⁵⁰ Цит. по: Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 100.

²⁵¹ Hlihor C. Istoria secolului XX // <http://www.scribd.com/doc/55539423/CHlihor-Istoria-Sec-XX>.

²⁵² Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 187, 190, 198-199.

²⁵³ От «Барбароссы» до «Герминала». Взгляд с Запада. С. 285; От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 305-306.

Следует однако отметить, что очень многие немецкие историки придают должное внимание Курскому сражению, его подготовке и результатам, считая, что это событие «явилось не только высшим пунктом Восточного похода, но также и решающей битвой второй мировой войны». // См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 174-175, 176.

²⁵⁴ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 466-467.

²⁵⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 685.

²⁵⁶ История второй мировой войны. Т. 7. С. 178-179; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 30.

Соотношение сил и развитие событий до конца 1943 г. Во время боёв под Курском ангlosаксы высадились на Сицилии²⁵⁷, и вскоре Италия вышла из войны²⁵⁸. Союзники начали наступление на север страны, оккупированной нацистами до Неаполя. Немцам приходилось держать в Италии около миллиона солдат²⁵⁹. Кроме того, отмечает К. Типпельскирх, к этому времени Германии «только в юго-восточной части Европы... приходилось держать... войска общей численностью 612 тыс. человек... В Норвегии находилось 380 тыс. человек»²⁶⁰. Также и в Западной Европе германское командование было вынуждено держать значительные силы. Судьба фашистской Германии была предreshена.

В середине августа минимальная потребность немецких вооружённых сил в личном составе на период 1 октября 1943 г. – 1 апреля 1944 г. для недопущения снижения боеготовности войск определялась в 973 тыс. чел., а возможности её удовлетворения были в два раза меньше²⁶¹. Восточный фронт по-прежнему приковывал к себе главное внимание командования вермахта. Несмотря на высадку англо-американских войск на Апеннины, германское верховное командование не смогло снять с советско-германского фронта какие-либо значительные силы и перебросить их в Италию. Так, например, в течение июля гитлеровцы не сняли с советско-германского фронта ни одной дивизии, наоборот, направили на Восточный фронт одну пехотную дивизию с Запада. В августе с южного фланга советско-германского фронта была переправлена в Италию одна танковая дивизия, но уже в сентябре – октябре командованию вермахта пришлось направить на Восточный фронт 12 пехотных, 3 танковые, 4 резервные дивизии и одну бригаду²⁶².

А иначе немцы поступить не могли, т.к. к концу Курской битвы против них действовали 400 советских стрелковых дивизий, 28 танковых и механизированных корпусов. В резерве Ставка Верховного Главнокомандования имела 20 стрелковых дивизий, 8 танковых и механизированных корпусов²⁶³. Советская Армия нанесла сокрушительное поражение вермахту, и это заставило правителей «третьего рейха» более реалистично оценивать обстановку на советско-германском фронте. Пришлось перейти к стратегической обороне. Нацисты надеялись, что позиционная борьба позволит им удержать в своих руках захваченные территории, истощить силы Красной Армии и выиграть время для сговора с профашистскими англо-американскими кругами на антисоветской основе²⁶⁴.

«У немцев, – пишет в этом контексте Типпельскирх, – была ещё смутная надежда и на то, что внутренне непрочный союз Запада с Востоком развалится, если немецкое сопротивление будет достаточно продолжительным. Такие расчёты, однако, не имели под собой почти никакой почвы, тем более, что германское правительство давно перестало быть для Запада сговорчивым партнёром»²⁶⁵.

Как показали дальнейшие события, переход вермахта к стратегической обороне на Восточном фронте не привёл к его стабилизации, не обеспечил перевода борьбы в позиционные формы, не стал началом для раскола антигитлеровской коалиции. Массовое изгнание фашистских захватчиков с советской территории развернулось осенью 1943 г. со всё возрастающей силой. И для этого была серьёзная военно-экономическая основа: в 1943 г. в СССР было выпущено 24,1 тыс. танков и САУ, 34,9 тыс. самолётов, а в Германии – 10,7 тыс. танков и 25,2 тыс. самолётов²⁶⁶. Более того, чем стремительнее Красная Армия наступала на Запад, тем серьёзнее расширялась советская промышленная, сырьевая и демографическая основа, а германская безостановочно сужалась. И крах гитлеризма был лишь делом времени.

²⁵⁷ Начавшиеся 10 июля 1943 г. англо-американские операции в Сицилии отнюдь не были вторым фронтом: здесь находилось всего 90 тыс. немцев и 315 тыс. итальянцев. Итальянцы не оказали никакого сопротивления. Так, при занятии острова Пантеллерия пострадал всего один английский солдат, да и то от укуса мула. Итальянский гарнизон острова Лампедуза сдался одному союзному лётчику, приземлившемуся из-за нехватки бензина. // Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 166.

Французский историк А. Мишель отмечает, что сами американцы и англичане понимали, что их «операции в Италии были лишь бледными эра-операциями». // См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 178.

²⁵⁸ Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. С. 216-226.

²⁵⁹ История второй мировой войны. Т. 7. С. 365-388.

²⁶⁰ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 345.

²⁶¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 670-671.

5 декабря 1943 г. фельдмаршал Кейтель заявил: «Людские ресурсы немецкого народа почти исчерпаны». // Цит. по: Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 437.

²⁶² История второй мировой войны. Т. 7. С. 188.

О нескончаемой переброске в конце 1943 – начале 1944 г. с Запада на Восточный фронт самых боеспособных войск и о том, что в ожидании вторжения англо-американцев на Западном фронте оставались почти небоеспособные части, свидетельствует заместитель начальника оперативного штаба ОКВ генерал В. Варлимонт. // См.: Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 291, 436, 440-442, 449, 450.

²⁶³ История второй мировой войны. Т. 7. С. 189-190.

²⁶⁴ Ibid. С. 191.

²⁶⁵ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 346.

²⁶⁶ Соловьев Б.Г. «Кутузов» и «Румянцев» против «Цитадели». // ВИЖ, 1998, № 4. С. 5.

ГЛАВА 12. ВОЕННЫЙ РАЗГРОМ И БЕЗОГОВОРЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ АГРЕССОРОВ

1. Год решающих побед на всех фронтах

Военные действия в первой половине 1944 г. В начале 1944 г. вермахт насчитывал 10,32 млн чел., в том числе сухопутные силы составляли 7,24 млн чел., из которых в действующих войсках находилось 4,34 млн. На 1 июля 1944 г. 982 тыс. из них пребывали в Италии и во Франции, а 2160 тыс. сражались на Восточном фронте. Кроме того, на советско-германском фронте воевало 706 тыс. солдат и офицеров армий – союзников Германии. Но подготовка личного состава продолжала ухудшаться¹.

Параллельно с этим, на вторую половину 1944 г. приходится пик немецкого военного производства. «Если взять уровень 1941 года за 100 процентов, то к июлю 1944 года военное производство поднимается до 322 процентов (при увеличении рабочей силы только на 30 процентов)... Никогда еще фирмы Германии не давали вермахту столько современной военной техники, никогда ещё армия, флот и люфтваффе не получали столько средств борьбы. В августе месячное производство танков достигло 869 единиц плюс 744 самоходных орудия. Этого количества новой техники было достаточно для оснащения десяти танковых дивизий. В сентябре немцы произвели 3031 истребитель (против 1248 в январе), из них 100 реактивных истребителей «Мессершмитт-262» и «Арадо-234». В сентябре 1944 года германская промышленность производила столько военной техники, что могла покрыть практически все потребности и на Восточном фронте, и на Западном. Этот взлёт военной промышленности был возможен лишь посредством массового применения рабского труда – труда военнопленных, заключённых концлагерей, оstarбайтеров, эксплуатации контролируемой Германией чужой территории»².

Но, несмотря на всю эту мощь, дни фашизма были сочтены. В 1944 г. продолжилось наступление советских армий по всему фронту, и была освобождена практически вся территория СССР³. «На советскую стратегию... начиная с этого времени, всё большее влияние будут оказывать уже не одни оперативные соображения. Между тем летняя кампания 1944 г. была спланирована ещё преимущественно на основе целесообразностей чисто военного свойства»⁴. «В том, что Германия окончательно проиграла войну, ни у кого не было сомнения. Вопрос этот был решён на полях сражений советско-германского фронта ещё в 1943 – начале 1944 года. Сейчас речь шла о том, как скоро и с какими военно-политическими результатами она будет завершена»⁵.

Катастрофическим для немцев стало советское наступление в Белоруссии, в ходе которого группа армий «Центр» была полностью разгромлена, и советские армии, продвинувшись на 600 км, вышли к Висле, разгромив 60 дивизий противника, пленив и уничтожив 680 тыс. его солдат и офицеров⁶. «Поражение, которое при своевременно принятых мерах можно было ещё как-то ослабить, превратилось в катастрофу, хотя и уступавшую по своему драматизму сталинградской, но превзошедшую её по масштабам и последствиям»⁷. Немецкий историк Януш Пекалкевич также считает, что разгром группы армий «Центр» «затмил собой Сталинград»⁸. «Германское командование совершило ошибку, продолжая ждать главного удара южнее, на Западную Украину или даже на Балканы. Советское командование со своей стороны сумело скрытно осуществить переброску войск. К своему несомненному перевесу в войсках и технике оно добавило ещё и элемент неожиданности»⁹.

¹ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 570; Сиполс В.Я., Челышев И.А. Крымская конференция. 1945 год. М., 1984. С. 7.

Г.К. Жуков приводит следующие данные: «Здесь нам противостояло 179 немецких дивизий и 5 бригад, а также 49 дивизий и 18 бригад сателлитов. В этих войсках было 4 миллиона человек, они имели 49 тыс. орудий и миномётов, 5250 танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолётов». В рядах действующей Красной Армии было около 6,4 миллиона солдат и офицеров, фронты имели 92,5 тысячи орудий и миномётов, 7,7 тысячи танков и САУ, 13,4 тысячи самолётов. // Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 552.

² militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 507-582; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 65-173; Schonherr K. Problema bilaterală a aprovizionării grupului de armate „Ucraina de Sud”, aprilie-august 1944. // Revista istorică. Academia Română, 1999, Nr. 3-4. P. 333-334, 335.

⁴ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 180.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 567.

⁶ См.: История военного искусства. С. 267-286; Колесников М.П. Освобождение Белоруссии. // ВИЖ, 1994, № 6; Petrencu A. Istorie universală. P. 41-42; Ștefănescu A.V. Reih-ul în cleștele Aliaților (iunie 1944 – mai 1945). // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 32-33.

⁷ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 443.

⁸ См.: Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 40.

⁹ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 180.

В мае 1944 г. В. Кейтель на совещании с командующими армиями Восточного фронта отмечал: «Исходя из данных о перегруппировке сил противника и общего военного и политического положения, надо считать, что русские, вероятно, свои главные силы сконцентрируют на южном участке фронта». 13 июня 1944 г. в «Бюллетене оценок положения противника на Восточном фронте» указывалось, что готовящиеся наступательные действия советских войск «против группы армий „Центр” имеет целью ввести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем»¹⁰.

Вот как расценил действия германского командования в тех условиях маршал Г.К. Жуков: «Если проследить историю войны [во] втором и третьем периодах, можно насчитать много в принципе повторяющихся ситуаций, в которых немцы вновь и вновь попадают в просак, в окружения, в котлы и, несмотря на повторяемость ситуаций, всё ещё не могут привыкнуть воевать в этой новой для них, непривычной обстановке поражений и отступлений.

Если взять, например, обстановку, сложившуюся перед нашим наступлением в Белоруссии летом 1944 года, то достаточно было посмотреть на карту, чтобы стало вполне очевидным, что мы должны были нанести удары именно с тех направлений, с которых мы их потом и нанесли, что мы в состоянии создать этот Белорусский котёл и что в итоге это может закончиться прорывом шириной 300 – 400 километров, который немцам нечем будет закрыть. Немцы могли это предвидеть.

Логика событий, элементарная военная грамотность подсказывали им необходимость вывести свои войска из будущего котла, сократить и уплотнить фронт, создать за своим фронтом оперативные резервы – словом, всё, что полагается в подобных случаях. Но немцы этого не сделали и в результате подверглись разгрому в Белорусской операции.

Но в дальнейшем, оказавшись в тяжелейшем положении, когда им нечем было заткнуть прорыв в 400 километров, надо отдать им должное: они нашли смелый и верный выход из положения*. Вместо того чтобы пытаться, растянувшись цепочкой, заткнуть всю эту огромную брешь, они начали с того, что сосредоточили удар в центре этого пустого пространства. Они приковали нас, заставили вязаться в бои и приостановили таким образом наше наступление. А тем временем в тылу стали создавать новую линию обороны и благодаря этому, неожиданному для нас и смелому удару, в значительной мере успели это сделать. Принятое ими после разгрома в Белорусском котле решение следует признать смелым и умным»¹¹.

В ходе операции «Багратион» 17 дивизий и 3 бригады противника были полностью разгромлены, 50 дивизий потеряли более половины состава, в том числе дивизии, переброшенные из Германии, Норвегии, Италии, Голландии. Было уничтожено около 2 тыс. самолётов. Попавший в плен командир 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Р. Бамблер 22 июля следующим образом оценил создавшееся положение: «Разгромлены 30 дивизий, иными словами, целиком группа армий „Центр”; вся 4-я армия, главные силы 9-й армии и 3-й танковой армии. В этой беспрецедентной битве взят в плен 21 генерал... Более 10 других генералов убито»¹². Генерал Бутлар писал, что «разгром группы армий „Центр” положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке»¹³. «В течение лета и осени 1944 г. немецкую армию постигло величайшее в её истории поражение, превзошедшее даже сталинградское... Лишь рассеянные остатки 30 дивизий избежали гибели и советского пленения», – писал генерал Вестфаль¹⁴.

А немецкий военный историк П. Карелл оценил это событие следующим образом: «Разгром группы армий „Центр” не был обособленным эпизодом войны или несчастным случаем, вызванным стечением неблагоприятных обстоятельств. В нём, как в зеркале, отразилась неспособность немецких войск справиться с новыми, резко возросшими требованиями, которые предъявила к ним война, упадок военного потенциала Германии и приближающийся крах „третьего рейха”»¹⁵. Советская победа в Белоруссии привела к ослаблению немецкого фронта в целом и к новым советским победам на других его участках.

«По политическим причинам... Сталин потребовал, чтобы возможно скорее был освобождён по крайней мере один какой-нибудь крупный безусловно польский город. Таким городом стал Люблин, отбитый у немцев 23 июля»¹⁶. Именно тут появился зародыш будущего просоветского польского правительства.

Операция «Оверлорд»¹⁷ и её историческое значение. Сложившаяся обстановка сильно облегчила задачу англо-американцам, которые 6 июня 1944 г. высадились в *Нормандии*, открыв этим второй

¹⁰ Великая Отечественная война. (1941-1945 годы). М., 2010. С. 150.

* Уже в ходе советского наступления командующим и группой армий „Центр” был назначен командующий группой армий „Северная Украина” генерал-фельдмаршал В. Модель.

¹¹ Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 191-192; см. также Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 571.

¹² См.: Ржешевский О.А. История второго фронта: война и дипломатия. С. 47.

¹³ Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 240.

¹⁴ Роковые решения. С. 257-258.

¹⁵ Карелл П. «Канны» на Березине. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 354-355.

¹⁶ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 181.

фронт. «Таким образом, после двух лет дискуссий, неразберихи, увёрток и проведения второстепенных операций вторжение через Ла-Манш стало основным стержнем стратегии союзников в войне в Европе»¹⁸. Известный английский историк и главный редактор «Дейли телеграф» Макс Хастингс пишет в связи с этим: «Сегодня невозможно не признать, что русские сделали решающий вклад в войну на Западе, разгромив лучшие силы немецкой армии, уничтожив около двух миллионов солдат, прежде чем союзный солдат 6 июня 1944 года ступил на берег Франции... Немецкая армия уже понесла огромные потери на Востоке и с каждым днём наступления русских армий безнадежно обескровливалась»¹⁹.

Этот вывод²⁰ подтверждается бывшим бессменным начальником оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-лейтенантом Б. Циммерманом: «Как и его предшественник на посту главнокомандующего войсками Западного фронта фельдмаршал фон Витцлебен, Рундштедт всегда был уверен, что война с англичанами и американцами во Франции может быть проиграна и, вероятно, уже проигрывается на Восточном фронте, ещё до высадки англосаксонских армий на континент. Огромный пожар, пылавший на другом конце Европы, уничтожал людей, орудия и танки, которые потребовались бы, чтобы отразить возможное вторжение. Это было очевидно и в 1941 г., а тем более в 1943 г.»²¹. Данную точку зрения поддерживают и другие исследователи: «Германия проиграла вторую мировую войну на полях России, а не в живых изгородях Нормандии», – уверен американский историк С. Патрик²².

«Расплатой за черчиллевский „макиавеллизм“ было дальнейшее успешное продвижение на Запад Красной Армии – утверждает Э. Дзелепи. – Эти успехи были столь значительны, что когда англо-американская сторона, наконец, открыла второй фронт в Нормандии, в июне 1944 года, то это было уже вовсе не для облегчения положения советских войск на Восточном фронте. Это было для того, чтобы самим также присутствовать в Европе при окончании войны... То, что высокопарно называли „крестовым походом в Европу“ – легенда о второй мировой войне. Когда „крестовый поход“ начался, Советская Армия уже „сломала хребет вермахту“. Это выражение принадлежит самому Черчиллю»²³.

Бывший начальник штаба гитлеровских войск на Западном фронте генерал С. Вестфаль свидетельствует: «Общеизвестно, что боеспособность немецких войск на Западе уже к моменту вторжения была значительно ниже, чем боеспособность наших дивизий на Востоке... Значительное количество находившихся во Франции так называемых стационарных дивизий было весьма скудно оснащено вооружением и автотранспортом и состояло в основном из солдат престарелого возраста»²⁴.

¹⁷ См.: Детуайлер Д.С. Высадка союзников в Нормандии в 1944 году: ретроспективный взгляд. // ННИ, 2004, № 4; Petrencu A. Istorie universală. P. 40; Michie A. Operația Overlord și războiul radarelor. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 7; Wiener A. 6 iunie 1944. Debarcarea. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 6; Yarrow M.D. Zece săptămâni lângă Eisenhower. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 7; Ștefănescu A.V. Ziua „Z”: Asaltul decisiv asupra „Fortăreței Europei”. // Dosarele istoriei. 2004, Nr. 6. P. 58-64.

¹⁸ Брэдли О. Записки солдата. С. 224.

¹⁹ Хастингс М. Операция «Оверлорд». С. 26, 41.

²⁰ Тот факт, что открытие второго фронта по вине западных союзников произошло с опозданием в два года, сильно влиял на отношение советской стороны к Западу. В связи с этим российский историк Роберт Иванов, ссылаясь на одного американского автора (Hyde H. Stalin: The History of a Dictator. London, 1971. P. 503, 507), приводит интересный эпизод беседы Сталина с известным югославским коммунистом Джиласом: «Может быть, Вы думаете, что раз мы союзники с англичанами, мы забыли, кто они такие и кто такой Черчилль. Для них нет ничего приятнее, как обмануть своих союзников. Во время первой мировой войны они постоянно обманывали русских и французов. Черчилль относится к тем людям, которые, стоит вам зазеваться, тут же залезут к вам в карман из-за копейки. Да, да, копейки! Ей-богу, из-за копейки полезут к вам в карман! А Рузвельт? Рузвельт не такой, он запускает руку только за крупными монетами». В течение беседы, вспоминал Джилас, принеслись две депешы. Одна из них была от Черчилля. Он сообщил, что высадка войск во Франции начнется на следующий день. Сталин стал высмеивать депешу: «Да, высадка состоится, если не будет тумана. До сих пор всегда что-нибудь мешало. Подозреваю, что и завтра что-нибудь случится. Что, если они встречаются с немцами!? Тогда высадки может и не быть, а останутся одни обещания!». «У Джиласа, – пишет американский автор, – создалось впечатление, что Сталин серьезно не сомневался относительно высадки войск союзников, а хотел высмеять её, особенно возможные поводы для оттяжек». // Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5. С. 56-57.

²¹ Роковые решения. С. 217; см. также: Циммерман Б. Война на Западе. // Мировая война. С. 63.

²² См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 146-147.

²³ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 34.

²⁴ Цит. по: Якушевский А. Операции Советской Армии в 1944 году в освещении буржуазной историографии. // ВИЖ, 1974, № 6. С. 77.

^г Примечание научного редактора: О невысокой боеспособности большей части немецких дивизий во Франции перед высадкой союзников в Нормандии свидетельствуют и многие другие источники. Генерал-майор вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд, служивший в штабе сухопутных сил, в своём послевоенном исследовании констатировал, что 23 из 54 находившихся на 1 июня 1944 г. на Западе дивизий являлись стационарными пехотными дивизиями, которые «обладали крайне ограниченной подвижностью», имели меньшее количество личного состава, моторизованной артиллерии и т.д., т.е. «не могли быть сняты со своих участков боевого предназначения для последующего их маневренного использования». Сам Гитлер признавал, что германские войска

Об этом же спустя годы напишет в память о своём выдающемся деде Дэвид Эйзенхауэр. «Наиболее важным упущением в освещении роли Эйзенхауэра во второй мировой войне была недооценка решающего значения на его мышление и действия германо-русской войны на Восточном фронте. Это упущение, – подчёркивает внук знаменитого полководца, – является ключевым. Ибо недооценить взаимозависимость Восточного и Западного фронтов – значит упустить из виду тот факт, что без надвигающегося русского фронта какая-либо высадка союзников в Европе была бы невозможна, как, впрочем, и то, что без обязательств советского сотрудничества в форме одновременного крупного наступления на Восточном фронте союзная высадка в Северо-Западной Франции не могла бы быть предпринята в то время, когда это произошло»²⁵.

Несмотря на искусство немецких полководцев (Э. Манштейн, Г. Гудериан, Э. Роммель и др.), уже до высадки союзников в Нормандии дни фашистской Германии были сочтены²⁶. Хотя следует отметить, что вермахт ещё представлял собой серьёзную силу. Более того, как отмечает Хастингс, «на протяжении всей второй мировой войны, где бы ни встречались английские и американские войска с немецкими при равных приблизительно силах, немцы одерживали верх. За ними сохранилась исторически сложившаяся репутация трудноодолимых солдат. А при Гитлере немецкая армия достигла своего зенита. Даже в 1944 году она оставляла далеко позади союзные войска по всем видам своего оснащения, за исключением артиллерии и транспорта»²⁷.

Операция вошла в историю под названием «Оверлорд». До начала вторжения в Нормандию она представлялась весьма опасным предприятием. В связи с этим Эйзенхауэр отмечал, что «неудача в операции „Оверлорд“ привела бы к последствиям почти роковым. Такая катастрофа могла означать полное перебазирование на другие театры военных действий всех американских сил, сосредоточенных в Соединённом Королевстве, и в то же время явилась бы таким тяжёлым ударом по моральному духу союзников и их решимости, что последствия даже не поддаются учёту. И наконец, такое поражение оказало бы очень серьёзное влияние на обстановку на Восточном фронте, и можно было не без оснований предположить, что если Россия будет считать своих союзников совершенно беспомощными и неспособными предпринять что-либо значительное в Европе, то она может пойти на сепаратный мир»²⁸.

В значительной степени генерал прав, в случае неудачи вторжения на континент, общее положение антигитлеровской коалиции усложнилось бы. И всё же предположение о том, что СССР «мог пойти на сепаратный мир», полностью безосновательно. Дни гитлеровской империи к этому времени были уже сочтены, и её мощь была катастрофически надломлена на советско-германском фронте, который до конца войны оставался главным. Массовая переброска дивизий из Западной Европы на этот фронт продолжилась: в 1944 г. их было переброшено 80, в 1945-м – 56²⁹.

Союзным войскам предстояло высадиться на побережье, которое противник занимал в течение четырёх лет. У немцев было достаточно времени, чтобы укрепить здесь свои позиции и прикрыть их заграждениями. На Западном фронте находилось 58 дивизий, в том числе 10 танковых, теоретически способных нанести стремительный контрудар. Но эти дивизии были неполного состава, недостаточно укомплектованы, плохо вооружены и рассредоточены на огромном пространстве. Вся немецкая авиация на Западе не превышала 500 боевых самолётов.

Возможности англосаксов создать превосходство в силах ограничивались тем, что им предстояло совершить переход морем, а также, как им казалось, недостаточным количеством десантных средств. Однако «Оверлорд» был столь тщательно разработан, что даже после его начала фашистское командование считало, что главный удар союзники нанесут в другом месте. Благодаря огромному преимуществу в экономических и людских ресурсах над агрессорами и отвлечению главных сил фашистской Германии на Восток, англо-американцы смогли создать подавляющее превосходство в силах на Западе, что в конечном итоге оказалось решающим для успеха десантной операции и наступления в глубь континента.

на Западе ни по вооружению, ни по снаряжению не были пригодны для ведения «маневренной войны», и их боеспособность «не могла измеряться по числу дивизий». // Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 3: Война на два фронта. С. 194, 197, 198-199, 279; Проэктор Д.М. Фашизм: путь к агрессии и гибели. С. 451; Кульков Е.Н. Операция «Вахта на Рейне». С. 51-52.

²⁵ Цит. по: Борисов А. Уроки второго фронта. С. 11-12.

Данную мысль подтверждает и генерал Меллентин. В качестве аргумента он приводит сведения о потерях германских войск: «С 1 июня по 31 августа 1944 года немецкие армии на Западе потеряли 293902 человека. За этот же самый период наши потери в России составили 916860 человек». // Меллентин В.Ф. Танковые сражения 1939-1945 гг. С. 236.

²⁶ 11 июня появилась карикатура Кукрыниксов, изображавшая Гитлера в виде гиены, голова которой была уже придавлена захлопнувшимся русским капканом, а англо-американский меч вонзался в её заднюю часть. // Верт А. Россия в войне. С. 620.

²⁷ Хастингс М. Операция «Оверлорд». С. 42.

²⁸ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. Военные мемуары. М., 1980. С. 272-273.

²⁹ ВИЖ, 1960, № 1. С. 24.

Союзная авиация насчитывала около 11 тыс. боевых машин и свыше 2300 транспортных самолётов. ВМС десанта имели 6 линкоров, 22 крейсера, 93 эсминца, 255 минных тральщиков, свыше 6000 транспортных и десантных судов. Общая численность экспедиционных сил составила 2876 тыс. человек³⁰. К моменту высадки англо-американских войск во Франции союзники превосходили противника в живой силе в 2,1 раза, по танкам – в 2,2 раза, по самолётам – в 23 раза. Непосредственно на участке Нормандской операции это соотношение было ещё более разительным: в личном составе 3:1, в танках 3:1, оружии и миномётах 2,2:1, самолётах 61,4:1, боевых кораблях 2,1:1³¹. Не следует сбрасывать со счетов и силы французского Сопротивления, активно поддерживавшие союзников в тылу фашистских войск.

Несмотря на столь существенное превосходство в силах и средствах, первоначально союзники продвигались очень медленно. Тем более, что это происходило на фоне стремительного наступления советских войск в Белоруссии. Данное обстоятельство очень зримо обрисовал Лиддел Гарт: «Совершив прорыв линии фронта непосредственно севернее Пинских болот, войска Рокоссовского продолжали развивать наступление со средней скоростью 32 км в сутки... Удары русских привели к общему краху системы германской обороны». Войска О. Брэдли за три недели боёв против куда менее грозного противника продвинулись, по подсчётам Лиддел Гарта, всего на 8-13 км³².

Главкомандующим союзными войсками был назначен американский генерал Дуайт Эйзенхауэр, а английскими силами командовал фельдмаршал Бернанд Лоу Монтгомери. Союзное наступление, поддержанное французскими партизанами, стремительно развернулось, и к концу сентября почти вся Франция была освобождена. «Фронт немцев во Франции стал быстро рушиться»³³. Воодушевлённый этим фактом, 18 августа 1944 г. Черчилль писал Рузвельту: «В результате славных и колоссальных побед, одерживаемых во Франции американскими и британскими войсками, положение в Европе сильно меняется, и вполне возможно, что наши армии добьются в Нормандии победы, значительно превосходящей по масштабам всё, что сделали в какой-либо отдельный момент русские»³⁴. И хотя, что касается последнего, Черчилль выдавал желаемое за действительное, бесспорным является тот факт, что, после вторжения союзных войск в Европу, немцы очутились во враждебной стране, которая вела против них войну на истребление.

Освобождение Франции. В этом контексте следует проанализировать значение действий французских партизан, которые боролись в фашистском тылу и парализовали гитлеровские коммуникации. Одна из стоящих перед ними задач заключалась в том, чтобы помешать немцам, рассеянным по всей Франции, перегруппироваться и быстро присоединиться к германским войскам, участвовавшим в битве в Нормандии. Естественно, речь не шла о том, что плохо вооружённые французские силы могли уничтожить целые дивизии, но они успешно вели партизанскую войну на коммуникациях вермахта. Во время проведения операции «Оверлорд» гитлеровцы были вынуждены держать в тылу 8 дивизий.

Внезапные нападения на немецкие армейские колонны, двигавшиеся к берегам Нормандии, были весьма многочисленны и представляли для союзников бесспорную ценность. По данным главнокомандующего союзными войсками в районе Средиземного моря генерала Вильсона, в движении Сопротивления на юге Франции участвовало 150 тыс. человек, что привело к сокращению эффективности действий гитлеровских войск в этом районе³⁵.

Известной своей свирепостью дивизии «Рейх» потребовалось более трёх недель, чтобы добраться до Нормандии из района Тулузы, т.е. в три раза больше, чем ей потребовалось бы для этого при нормальных условиях, и, в конце концов, она прибыла на линию фронта сильно потрёпанной³⁶. Бомбардировки союзной авиации, партизанская война и диверсии на германских коммуникациях охватили всю Францию. Из строя фактически были выведены все железные дороги между германской границей и Нормандией, что привело к колоссальным задержкам нацистских войск. Вскоре немцам пришлось практически отказаться от железнодорожного транспорта.

Действия партизан имели огромное моральное значение и для самой Франции. Для французов очень важно было чувствовать, что их Родина в значительной степени освобождается их собственными силами. Почти вся альпийская часть страны, значительная часть Бретани, весь Центральный массив и вся

³⁰ К 5 сентября 1944 г. союзники высадили во Франции 2086 тыс. человек и выгрузили 3446 тыс. тонн груза. // Краминов Д. Правда о втором фронте. Записки военного корреспондента. М., 1958. С. 137; см. также Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 87.

³¹ См.: Кулиш В.М. История второго фронта. М., 1971. С. 355; История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 4. С. 525; История второй мировой войны. Т. 9. С. 243; Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5. С. 53; Аничкин А.О. Память о Нормандии. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2004, № 8. С. 81.

³² Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. С. 412, 416-417.

³³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 511.

³⁴ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля. М., 1995. С. 635.

³⁵ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 288.

³⁶ Верт А. Франция. С. 166.

Юго-Западная Франция были освобождены Французскими внутренними силами (ФФИ). Благодаря применяемой ими тактике постоянного изматывания, только четверть германских войск, которым было приказано уйти из юго-восточной части Франции, добралась до Дижона. ФФИ захватили на юго-востоке 40 тыс. пленных.

Англо-американцы были остановлены только на границе рейха³⁷, что в значительной степени стало возможным благодаря действиям французских партизан. Лишь имея в своём тылу собственное население, немцы смогли обеспечить относительно нормальное функционирование коммуникаций. В этом смысле, отмечая значение оказанной наступающим союзным войскам помощи французских патриотов, генерал Д. Эйзенхауэр приравнял её к потенциалу пятнадцати дивизий и говорил, что они на два месяца ускорили победу³⁸.

Но и цена, уплаченная союзниками, была очень велика. М. Хастингс пишет о боях во Франции: «По тяжести испытаний, которым подверглись пехотинцы, эти бои из всех других сражений на Западе в ходе второй мировой войны были ближе всего по своему кровопролитному характеру сражениям на Восточном фронте... Многие английские и американские пехотные части в течение лета понесли потери, превышавшие 100 процентов штатного личного состава; такие же потери понесло и большинство немецких частей. Один американский пехотинец подсчитал, что к маю 1945 года через роту, в которой он служил, прошло 53 лейтенанта; очень немногие из них оставили роту вследствие перевода в другую часть или повышения. Когда 6-й Шотландский батальон вышел к Гамбургу в 1945 году, его командир увидел, что в среднем по пять солдат на каждую роту и всего шесть офицеров в батальоне – это всё, что осталось от тех, кто вместе с ним десантировался в Нормандии в июне 1944 года»³⁹.

Французские патриоты также заплатили очень дорого за освобождение своей Родины. Не считая 115 тыс. погибших в боях или пропавших без вести, 30 тыс. участников Сопrotивления были расстреляны или замучены, а из 112 тыс. из них, угнанных в Германию, вернулись лишь 35 тыс.⁴⁰ В условиях почти полного отсутствия помощи извне, а также со стороны имущих классов Франции, трудно себе представить, что Сопrotивление могло совершить более, чем совершило!

Шарль де Голль высоко оценил вклад СССР в дело освобождения Франции. 21 декабря, на заседании Временной Консультативной ассамблеи в Париже он говорил, что «русские усилия, нанеся непоправимый ущерб немецкой военной машине, послужили основным условием освобождения территории нашей метрополии»⁴¹.

События в Юго-Восточной Европе. После мощнейшего наступления четырёх Украинских фронтов зимой-весной 1944 г., с апреля по август на южном участке Восточного фронта установилось относительное затишье, хотя бои местного значения и происходили⁴². 20 августа советскими армиями была начата Ясско-Кишиневская операция⁴³, оказавшаяся совершенно неожиданной для германского командования и завершившаяся полным разгромом фашистских войск.

Бывший командующий немецкой группировкой на южном фланге советско-германского фронта генерал-полковник Ганс Фриснер свидетельствует в связи с этим: «Складывалось впечатление, что противник всецело поглощён операциями против групп армий „Центр“ и „Север“». В соответствии с этим передвижения войск противника, обнаруженные нашей авиацией перед фронтом группы армий, первоначально были истолкованы как переброска сил на север. Результаты деятельности нашей воздушной разведки вообще были весьма незначительными вплоть до последних дней перед началом наступления. Это объяснялось, вероятно, тем, что русские производили передвижение войск скрытно и только ночью. Так как русские умели хорошо маскировать подобные мероприятия, наша агентурная разведка смогла сообщить необходимые сведения также лишь с большим опозданием. Видимо, по этим причинам главное командование сухопутных войск и не реагировало так долго на угрозу крупного русского наступления на фронте моей группы армий»⁴⁴.

«Политические соображения на этот раз первенствовали над чисто военными: советский лидер не упускал из виду балканские планы Черчилля»⁴⁵. Понимая, что Германия окончательно проиграла войну и потянет за собой в могилу и Румынию, её правящие круги совместно с коммунистами 23 августа

³⁷ Ștefănescu A.V. Reih-ul în cleștele Aliaților (iunie 1944 – mai 1945). // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 31-32.

³⁸ Верт А. Франция. С. 168.

³⁹ Хастингс М. Операция «Оверлорд». С. 28.

⁴⁰ Верт А. Франция. С. 174-175.

⁴¹ Правда, 1968, 3 ноября.

⁴² См.: Ștefănescu A.V. 1944. Bătălia de la Târgu Frumos. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 10.

⁴³ История второй мировой войны. Т. 9. М., 1978. С. 97-133; История военного искусства. С. 287-299; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 378; Duțu A., Retegan M., Ștefan M. România în al doilea război mondial. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 8, P.42; Scafeș C. Luptele pentru apărarea Moldovei. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 51-52; Corneanu C. Un alt 23 august 1944. Cum s-a ajuns la „Stalingradul de pe Dunăre”. // Dosarele istoriei. 2004, Nr. 9. P. 37-38; Ștefănescu A.V. Reih-ul în cleștele Aliaților. // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 33-34.

⁴⁴ Фриснер Г. Проигранные сражения. С. 67.

⁴⁵ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 183.

свергли режим И. Антонеску и объявили войну гитлеровскому рейху⁴⁶. Говоря об утрате фашистским правительством влияния в стране, генерал Типпельскирх пишет: «Тоталитарный режим, державшийся в стране лишь благодаря победам немецких войск и вытекавшим отсюда территориальным приобретениям, потерял всякую популярность»⁴⁷.

Следует отметить, что ни И. Антонеску, ни его хозяева в Берлине абсолютно не чувствовали настроения румынского народа и правящей элиты накануне советского наступления. Они были уверены, что Румыния будет активно продолжать борьбу на стороне фашистской Германии. По этому поводу Фриснер отмечал в своих воспоминаниях: «Передавая командование группой армий „Южная Украина” в мои руки, Гитлер в порядке инструктажа сказал: „Относительно политического положения в Румынии можете быть совершенно спокойны. Маршал Антонеску искренне предан мне. И румынский народ, и румынская армия идут за ним сплоченно, как один человек”»⁴⁸. Кейтель оптимистично заявил Фриснеру, что Румыния «связана с нами не на жизнь, а на смерть». «А германский посланник Киллингер, – продолжает бывший командующий группой армий „Южная Украина”, – как выяснилось впоследствии, регулярно докладывал своему шефу, Риббентропу, одно и то же: „В Румынии всё спокойно. Король Михай – наилучший гарант прочности союза Румынии с Германией”»⁴⁹.

Всё это ещё раз подтверждает полное отсутствие в той ситуации чувства реальности у нацистских вождей Германии и Румынии. В результате проведённой операции, Красной Армией была полностью разгромлена немецко-румынская группировка, обороняющая южный участок советско-германского фронта. «Короче говоря, – свидетельствует Фриснер, – окружение 6-й немецкой армии можно было считать свершившимся фактом... 16 немецких дивизий были полностью потеряны. Эта была ничем не восполнимая потеря в нашем и без того тяжёлом положении»⁴⁹. А всего в 1944 г. на советско-германском фронте было уничтожено или взято в плен 126 дивизий и 25 бригад, разгромлены 361 дивизия и 27 бригад фашистской Германии и её сателлитов. Потери противника в том году составили 65% общего количества вражеских войск, уничтоженных, пленённых или разгромленных на советско-германском фронте в наступательных операциях Красной Армии в 1941 – 1945 гг.⁵⁰

С точки зрения национальных интересов Румынии, исходя из создавшегося геостратегического положения, её выход из войны на стороне Гитлера был реалистическим шагом, единственно правильным в тех условиях, сохранившим румынскую государственность, восстановившим её территориальную целостность за счёт возврата Трансильвании⁵¹ и обеспечившим её интересы. Одновременно это спасло Румынию от больших разрушений и жертв мирного населения. Этот акт спас жизнь многим тысячам советских и румынских солдат и открыл почти без сопротивления путь Советской Армии на Балканы и в Венгрию. Более того, до конца войны румынская армия воевала, и хорошо воевала, на стороне антигитлеровской коалиции. Свидетельством этому послужило и награждение короля Михая I орденом «Победа»⁵². Эти выводы в полной мере касаются и болгарской армии, которая 8-9 сентября 1944 года по-братски встретила советские войска и вскоре открыла военные действия против вермахта[†].

⁴⁶ См.: Duțu A., Retegan M., Ștefan M. România în al doilea război mondial. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 8, P.42; Din istoria necunoscută a unei lovituri de stat – actul de la 23 august 1944. // Magazin Istoric, 1994, Nr. 8; Lazăr T.D. În ceas de răscruce, românii l-au ales pe rege. // Magazin Istoric, 2007, Nr. 8.

⁴⁷ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 462.

[†] Примечание научного редактора: Игнорируя многие донесения сигуранцы о резко протестных настроениях населения, почти в таких же выражениях охарактеризовал внутривойсковое положение Румынии Ион Антонеску германскому фюреру при их личной встрече 5 августа 1944 года: «Несмотря на эту чрезвычайно критическую [военную – В.П.] обстановку, моральное состояние страны всё ещё хорошее. Страна в полном единстве идёт за мной. Ни один офицер или солдат никогда не изменит мне». Через 18 дней к восставшим, как известно, присоединился даже полк личной охраны «кондуктёра». // См.: Проэктор Д.М. Фашизм: путь к агрессии и гибели. С. 471-473.

⁴⁸ Фриснер Г. Проигранные сражения. С. 41, 63; см. также: Hillgruber A. Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938-1944). Buc., 1994. P. 252.

⁴⁹ Фриснер Г. Проигранные сражения. С. 77, 88.

Потери советских войск в Ясско-Кишинёвской операции составили 12,5 тыс. человек. Освобождая территорию Румынии, Красная Армия потеряла 47 тысяч убитыми, 171 тысячу ранеными, 2000 орудий и пулемётов, более 2200 танков, 528 самолетов. // Великая Отечественная война. (1941-1945 годы). М., 2010. С. 151; militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

⁵⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 4. С. 503.

⁵¹ Подробнее о решении Трансильванского вопроса см.: Pokivailova T.A. 1944. Transilvania pe masa comisiei Litvinov. // Magazin Istoric, 1998, Nr. 1; Șandru V. Conexiunea moscovită a problemei transilvănene. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 8, 9; Pokivailova T.A. Stalin rezolvă personal problemele României. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 9; Stîkalin A. 1945. Cum a rămas Maramureșul românesc? // Magazin Istoric, 2006, Nr. 9, 10.

⁵² Очень убедительно раскрывают суть событий от 23 августа 1944 г. в Румынии румынские историки Михаил Ионеску, Флорин Константиу, а также участник тех героических событий генерал П. Николеску-Мизил. На совершенно противоположных позициях стоит один из наиболее известных представителей националистического крыла румынской историографии Георге Бузату, утверждающий, что события 23 августа

Более того, 14 августа 1946 г. наши выводы были подтверждены и заместителем главы румынского правительства и министром иностранных дел Румынии Г. Тэтэреску на Парижской мирной конференции: «Румынский народ, более мудрый чем его тогдашние правители-тираны, повернул оружие против Германии и её сателлитов и, ценой огромного риска, разорвал цепи этого смертоносного сотрудничества. 23 августа 1944, в момент, когда, по словам славного главнокомандующего Красной Армии, генералиссимуса Сталина, „окончание войны было ещё не ясным”, румынский народ, под руководством своей истинной демократии, при полной поддержке своего молодого и смелого короля, перешёл на сторону своих естественных союзников и решительно включился в освободительную войну. Предприняв одно из величайших и сложных усилий в своей истории, он внёс — надеемся — ценный вклад в войну Объединённых Наций и в дело окончательной Победы»⁵³.

1944 г. были актом предательства, Румыния была оккупирована Советской Армией, лишилась части национальной территории, утратила свою свободу и была коммунизирована. // См.: Ionescu M.E. Un eveniment necesar, oportun și național. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8. P. 7, 9; Constantiniu Fl. Despre 23 august '44, după 60 de ani. // Dosarele istoriei. 2004, Nr. 8; Constantiniu Fl. „Nu în beneficiul Rusiei singure”. August 1944: criza diplomației antonesciene. // Dosarele istoriei. 2002, Nr. 6; Nicolescu-Mizil P. Un pas spre normalitate. // Dosarele istoriei. 2004, Nr. 9; Buzatu Gh. 23 august 1944: Metamorfozele unei lovituri de stat. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 1; Buzatu Gh., Miță C. Holocaustul brun sau roșu. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 7; Buzatu Gh. Fără ură și fără părtinire. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8; Buzatu Gh. Ion Antonescu n-a respins armistițiul, ci planul comploțiștilor. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 9, P.10-11.

Об этих событиях см. также: Marinescu Gh. H. 23 august 1944 – 9 mai 1945. Antiaeriana română la datorie. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 8; Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10; Danielopol D.G. România la finalul celui de-al doilea război mondial în Europa. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 1; România la final de război mondial în Europa: Documente inedite. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 2-6; Pandea A. Aliații Reih-ului pe Frontul de Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 10; Otu P. O campanie uitată? (23 august 1944 – 12 mai 1945). // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 54-58; Scurtu I. Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 10. P. 14, 16.

В румынской националистической историографии «а la Buzatu» распространён миф о недружественном и даже враждебном в отношении румынской армии и народа поведении советских войск на территории Румынии после 23 августа и даже после подписания перемирия. В частности, читателю усиленно вбивается в голову тезис о «неджентльменском» поведении советских военных, которые, мол, вели себя «как на оккупированной территории», о грабежах мирного населения солдатами Красной Армии и массовом пленении прекративших после 23 августа сопротивление румынских войск. Советской стороне также ставится в вину продолжение стремительного наступления в глубь страны. // См. например: Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10

Естественно, на войне случаются эксцессы, и они, конечно же, имели место и на территории Румынии. Однако это были исключения и, если солдаты попивали вино, зачастую постреливая по бочкам, это не есть самое худшее. По крайней мере, это не идёт ни в какое сравнение с массовыми преступлениями в отношении советских граждан, творимыми румынскими фашистами на оккупированных советских территориях. А то, что наступавшая на Запад и Юго-Запад Красная Армия брала в плен новых «союзников», так любому реалистически мыслящему человеку (профессиональному военному или историку, описывающему и анализирующему ход военных действий), имеющему хотя бы малейшее представление о войне, абсолютно ясно, что иначе просто быть не могло.

Во-первых, до подписания формального перемирия, румыны считались врагами. Во-вторых, оставлять в тылу наступающей армии любые вооруженные формирования, неконтролируемые командованием данной армии, в принципе недопустимо — их разоружают и интернируют. В-третьих, советское командование не могло испытывать большое доверие к ещё вчерашнему врагу, поэтому единственно правильным было пленение его вооружённых сил. В-четвёртых, если румыны не желали плена, не хотели «эксцессов» и т.д., им следовало заранее принять советское предложение о перемирии от 12 апреля 1944 г. И последнее: в любом случае, советское наступление не могло происходить иначе, как стремительно. Что же, Красной Армии следовало «сделать паузу» и дать немцам организованно отойти и создать укрепленную оборонительную линию на новом рубеже?!

Но, Господь с ними, с националистами, люди они закомплексованные, после 23 августа 1944 г. одновременно в войне против гитлеровской Германии воевало более 538 тыс. румынских солдат и офицеров, а всего через фронт до конца войны прошло более 1,1 млн румынских военных. Из них 170 тыс. погибли в борьбе с фашизмом. // См.: Dușu A. Între Wehrmacht și Armata Roșie. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2. P. 51.

Правда, в румынской исторической науке из работы в работу кочует ещё с чаушистских времён абсолютно бездоказательный тезис, что переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции сократил сроки войны минимум на 6 месяцев. А из этого делается и вывод о том, что данный факт объективно спас Германию от атомных бомбардировок. // Manafu A. F.D. Roosevelt pregătea bomba atomică pentru scurtarea războiului. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 10; см. также: Constantinescu Ș. Se duc nemții, vin sovieticii. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 5. P. 71-72 и др.

[†] Примечание научного редактора: 18 сентября болгарская армия перешла в оперативное подчинение 3-му Украинскому фронту.

⁵³ Tătărescu Gh. Mărturie pentru istorie. Buc., 1996. P. 402.

О хорошем отношении румынских солдат к СССР пишет и фельдмаршал Э. фон Манштейн, что, по его мнению, являлось серьёзным ограничением в использовании румынских войск на Восточном фронте: «Это большое уважение, которое испытывали румыны к русским». Кроме того, отмечает Манштейн, «мысль о необходимости продвигаться дальше, в глубь грозной России, не вызвала у многих румын особого энтузиазма»⁵⁴. Всё это, бесспорно, способствовало переходу румынской армии на сторону своих бывших врагов, искусственно навязанных ей Гитлером и Антонеску, и ускорению победы над фашистской Германией меньшими потерями. «Советский Союз, — отмечает К. Типпельскирх, — добился своей политической цели, заключающейся в том, чтобы раньше западных держав утвердиться на Балканском полуострове, где он мог теперь провести политические преобразования, а также открыл ворота для продвижения в районы Юго-Восточной Европы»⁵⁵.

Однако в вопросе о выборе момента перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции в румынской историографии существует и иное мнение. Выше мы даже приводили полностью абсурдное и бездоказательное утверждение Бузату о том, что «сопротивление румынской армии» «подрывало уверенность Сталина» и он даже «стал подумывать о переносе сроков наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов»⁵⁶.

Как бы в подтверждение этой версии, Иоан Кипер пишет, что «директива советского командования от 2 августа 1944 г. в отношении Яско-Кишинёвской операции не предусматривала преодоления линии Фокшаны-Нэмолоаса, а успехи операции 20-22 августа, пусть и значительные, не могли немедленно вывести Румынию из войны, путём нанесения ей военного поражения»⁵⁷. Естественно, что всё это не имеет ничего общего с действительностью. Румыния уже не могла продолжать войну против СССР на стороне гитлеровской Германии. Если бы не было 23 августа, страну ждала полная катастрофа. Даже в 1941 г. румынские войска не представляли из себя серьёзного противника для Красной Армии, а в 1944-м, и подавно. Господа Бузату и Кипер, как говорится, после драки кулаками машут — проиграли войну в действительности, теперь выигрывают её на страницах своих «исторических трудов».

В подтверждение наших слов приведём некоторые факты, связанные с подготовкой Яско-Кишинёвской операции. Так, 2 августа Ставка направила 2-му и 3-му Украинским фронтам уже упомянутую И. Кипером директиву. В ней определялись конкретные цели и задачи этих фронтов. Им предстояло прорвать оборону противника из районов северо-западнее Ясс и южнее Бендер и, развивая наступление по сходящимся к району Хушь, Васлуй, Фэлчуи направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина», не дав им отойти на Фокшаны и Бырлад. После этого, в соответствии с дальнейшими указаниями Ставки, им предстояло быстро продвигаться в глубь Румынии с целью её вывода из войны»⁵⁸.

Как видим, в планах советского командования нет даже намёка на возможность остановки на каком-либо рубеже в Восточной Румынии. Это очередная выдумка г-на Бузату & К⁰. Но могли ли выполнить советские армии поставленную перед ними задачу? Естественно, при том качественном и количественном соотношении сил между советской группировкой и войсками «оси», это не вызвало ни малейших сомнений. Так, в личном составе преимущество составляло 1,4:1, в танках и самоходках — 4,7:1, орудиях и миномётах — 2,1:1, в самолётах — 2,7:1⁵⁹.

Свои силы и средства фронты массировали на решающих направлениях, где было сосредоточено от 67 до 72% пехоты, 61% артиллерии, 85% бонетанковых сил и практически вся авиация. Благодаря этому на участках прорыва создавалось убийственное превосходство над противником: в людях — в 4-8 раз, в артиллерии — в 6-11 раз, в танках и САУ — в 6 раз⁶⁰. Это позволяло непрерывно наращивать мощь ударов и добиваться высоких темпов продвижения. Накануне наступления войска получили несколько боекомплектов и заправок всего необходимого⁶¹.

Наращивание натиска обеспечивалось также глубоким оперативным построением фронтов. В первом эшелоне 2-го Украинского фронта находилось пять общевойсковых армий (38 дивизий), в эшелоне развития успеха — танковая армия, два отдельных танковых и один кавалерийский корпус, а во втором эшелоне и резерве — одна общевойсковая армия и два отдельных стрелковых корпуса (13 дивизий). Артиллерийская плотность на участках прорыва составляла 240-280 стволов на километр фронта. Продолжительность артподготовки — от 1³⁰ до 1⁴⁵ часа. Поддержка атаки пехоты и танков планировалась оди-
нарным или двойным огнём в сочетании с последовательным сосредоточением огня.

⁵⁴ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 230.

⁵⁵ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 465.

⁵⁶ Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 427.

⁵⁷ Chiper I. Conjunctura semnării armistițiului de la Moscova. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10. P. 895.

⁵⁸ История второй мировой войны. Т. 9. С. 99, 100.

⁵⁹ Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во второй мировой войне. М., 1974. С. 145, 148.

⁶⁰ История второй мировой войны. Т. 9. С. 100.

⁶¹ Ibid. P. 102.

Танковым и механизированным войскам после ввода в прорыв предстояло стремительно продвигаться в указанных им направлениях, упредить подход резервов противника и завершить окружение его главных сил. После этого они должны были наступать в глубь Румынии и на восьмой-девятый день захватить Фокшанские ворота⁶². Это открывало перспективу не только вывода Румынии из войны, но и выхода советских армий к границам Болгарии, Югославии и на Венгерскую низменность – в тыл карпатской группировки противника. Таким образом, ни о какой остановке наступления на рубеже «Фокшаны – Нэмолоаса – Брэила» из-за «сопротивления румынской армии» не могло быть и речи[†]. А то, что это, мол, «подрывало уверенность Сталина», является фантазией баснописца Бузату.

Другой историк, одной с ним ориентации, также неоднократно ранее упоминаемый, Хлихор абсолютно категорично утверждает, что «день 23 августа не был самым удачным ни с политико-дипломатической, ни с военной точки зрения». На той же странице он пытается убедить читателя (правда, бездоказательно), что румынская армия была способна остановить советское наступление и заключить перемирие несколько позднее и на более выгодных для Румынии условиях: «Включившись в гонку за Берлин со своими союзниками, Советский Союз не был заинтересован в том, чтобы был остановлен в Карпатах. Арест маршала и его ближайшего сотрудника исключили возможность начала ведения переговоров в оптимальный момент, которым мы считаем именно остановку начатого 20 августа 1944 г. советского наступления»⁶³.

Читая всё это, невольно задаёшься вопросом, чего здесь больше – глупости, наивности или непрофессионализма? Во-первых, в августе 1944 года «гонка за Берлин» между СССР и англо-американцами ещё не начиналась, так как для этого и до этого предстояло решить ещё многие другие задачи. Во-вторых, утверждение, что «Советский Союз не был заинтересован в том, чтобы был остановлен в Карпатах» формально верное. Формально, так как это совершенно другое, по сравнению с берлинским, направление – на Вену. Кроме того, оно предполагает, что румыны были способны «остановить начатое 20 августа 1944 г. советское наступление», но это не так.

---

⁶² Ibid. P. 101.

[†] Примечание научного редактора: Измышления насчёт того, что румынские войска, в случае получения приказа свыше, смогли бы остановить наступающую Красную Армию на втором этапе Ясско-Кишинёвской операции на оборонительном рубеже Фокшаны – Нэмолоаса – Брэила, рассчитаны на несведущего читателя. Летом 1944 г. наиболее боеспособные румынские 22 дивизии (пехотные, кавалерийские, горнострелковая и танковая) и 5 бригад (горнострелковые, пехотная и моторизованная) занимали оборону на южном фланге советско-германского фронта перед 2-м и 3-м Украинскими фронтами. Они были сведены в 4-ю армию (14 дивизий и 4 бригады) и 3-ю армию (7 дивизий и 1 бригада), а одна дивизия находилась в резерве немецко-румынской группы армий «Южная Украина». В первый же день советского наступления в 4-й армии были полностью разгромлены до пяти дивизий, а в 3-й армии «полностью распались» 4-я гпд и 21-я пд. К исходу третьего дня операции в 4-й армии было разбито 11 дивизий, а 3-я армия в составе 4-х дивизий и 1 бригады была окружена и на следующий день (т.е. 23 августа) сдалась в плен. В общем итоге с поражением группы армий «Южная Украина» было разгромлено 20 из 22 фронтовых румынских дивизий. Уцелевшие две и остатки остальных беспорядочно отступали на Запад и Юго-Запад.

В тыловых районах Румынии находилось ещё 385 тыс. военнослужащих, а именно 7 дивизий, тыловые части и отдельные подразделения. Сравнительно боеспособные соединения имелись в составе 1-й армии, дислоцированной в западных районах страны (129661 солдат и офицер). Она охраняла румыно-венгерскую границу, с её перманентно напряжённой обстановкой. Даже если бы румынский генштаб решился на переброску её дивизий на восток, они не успели бы прибыть к месту назначения с учётом полного господства в воздухе советской авиации. Т.о., для занятия укреплений в 80-километровых «Фокшанских воротах» между Карпатами и Дунаем у румынского командования элементарно не имелось достаточных сил. К тому же отступающие румынские солдаты и офицеры были морально-психологически сломлены и всё чаще сдавались в плен.

Советское командование выделило для ликвидации окружённой немецкой группировки меньшую часть сил (34 дивизии), а основную мощь 2-го и 3-го Украинских фронтов (более 50 дивизий) нацелило на стремительное наступление в глубь Румынии. Главная ударная сила наступавших – 6-я танковая армия за сутки (27 августа) сломала сопротивление остатков немецких трёх дивизий и одной бригады в собственно укрепленном районе Фокшаны и устремилась на Плоешты и Бухарест. С ликвидацией окружённых германских дивизий 27-29 августа начали высвобождаться и остальные силы советских фронтов, и это новое соотношение сил тем более не оставляло никаких надежд румынским реакционерам – сторонникам продолжения войны на стороне гитлеровской Германии. // См.: Антосяк А.В. В боях за свободу Румынии. М., 1974. С. 64-65, 73, 78-79, 94-95, 96-97, 98, 101, 113, 114-115, 116, 118-119; Антосяк А.В. Ясско-Кишинёвская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии. // История СССР. 1986, июль-август, № 4. С. 44, 46-47, 50-51; Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. М., 1983. С. 338, 390, 398, 402; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 3: Война на два фронта. С. 183.

⁶³ Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roşie. Premise, etape, consecinţe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10. P. 860.

Оказание сопротивления Красной Армии вовсе не означало бы остановку наступления, а лишь возможную её задержку, хотя и это крайне маловероятно. Даже пленение 16 дивизий вермахта произошло не по причине выхода румын из войны, а потому, что немцы просто не успевали быстрее отходить перед стремительно наступавшими, полностью моторизованными и превосходящими их во всех отношениях советскими войсками. Имело бы место разрушение Румынии, десятки тысяч убитых и, в действительности, уничтожение в огромных масштабах или полное пленение румынской армии. С румынами произошло бы то же, что с поляками в сентябре 1939 г. Качественное и количественное превосходство Красной Армии над румыно-германскими войсками было настолько подавляющим, что, после прорыва обороны на Днестре и в районе Ясс, ничто не могло остановить советское наступление до того момента, пока, израсходовав все ресурсы, оно не истощилось бы само. Именно так всегда было (в 1943-1945 гг.), и это объективный закон войны, не зависящий от воли Бузату и Хлихора точно так же, как не зависят от них законы физики.

Однако ниже Хлихор опровергает сам себя, цитируя аргументы, высказанные 14 сентября 1944 г. Лукрецием Пэтрэшкану на заседании правительства. Он говорил, что для того, чтобы добиться более выгодных условий перемирия, «Румынии следовало принять апрельские предложения» СССР. «Самый благоприятный исторический момент... для вывода Румынии из войны», продолжал Пэтрэшкану, был в марте, когда «русские войска осуществили уманьский прорыв, но пока ещё не форсировали Буг, и тогда Румыния смогла бы обсуждать условия перемирия»⁶⁴.

Таким образом, г-н Хлихор, возможно, не осознавая этого, подтверждает наш вывод из вышеприведённой ссылки о том, что самым благоприятным моментом для выхода Румынии из войны был один из дней сразу после 12 апреля 1944 г., связанный с принятием советских условий перемирия. Тогда бы не было 23 августа, пленения румынских войск, а Красная Армия пересекла бы территорию Румынии без столкновений с её армией. Однако, повторимся, в реально сложившейся 23 августа ситуации, то, что произошло, было оптимальным как для Румынии, так и для остальных. И не следовало бы некоторым румынским историкам, если только они считают себя таковыми, изобретать велосипед и строить воздушные замки.

Уроженцы Молдовы на фронтах Великой Отечественной войны**. Среди миллионов советских людей, мобилизованных в армию, около 400 тысяч граждан Республики Молдова воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны. 85 тысяч из них были награждены орденами и медалями. Уже в первые недели войны 150 молдаван получили награды за героизм. Так, самых высоких наград были удостоены кишинёвец С. Львовский, тираспольчанин И. Кирица и тараклиец М. Андриенко. А уроженец Кишинева пилот А. Соколов на рассвете 22 июня сбил в советском небе первый самолет, потерянный немцами в войне против СССР[†].

В ходе боёв за Одессу пулеметчица Мария Мотынгэ уничтожила 300 военных противника, а снайпер Людмила Павличенко из Кишинева – более 200. Под Уманью смертью храбрых пал орехянин, командир 16-й танковой дивизии полковник М. Мындру. В боях под Москвой отличились генерал Н. Лебеденко, родившийся в селе Крихана Ноуэ Кахульского уезда, командир авиаполка Д. Кэлэраш, уроженец Отачь^{†2}, тираспольчане П. Щербинко и С. Полецкий. Во время обороны Ленинграда проявил себя героем командир истребителя молдаванин Петру Бонар, заставивший немецкого летчика приземлиться на советский аэродром. За мастерство в бою товарищи называли его «хозяином неба».

Во время обороны Севастополя отличились будущие супруги и доктора (хабилитат) исторических наук Афанасий и Лукерия Репида. Морской пехотинец А.В. Репида был тяжело ранен и долго считался погибшим. Однако буквально в последние минуты перед уходом из Черноморской твердыни, в бессознательном состоянии, его подобрали боевые товарищи-моряки и эвакуировали в Новороссийск. Лишь через несколько месяцев, после длительного лечения, он вернулся в действующую армию и воевал до победы. Лукерия Ефстафиевна закончила свой боевой путь во время освобождения Молдовы.

За мужество и отвагу, проявленные в боях под Сталинградом, уроженцы Молдовы М. Диордицэ, Л. Диордицэ, Я. Кутковецкий, З. Киروشэ и др. были награждены правительственными наградами. А будущий академик, ректор Молдавского университета и депутат парламента А.М. Лазарев, ставший в Сталинграде командиром артиллерийской батареи, был награждён орденом Отечественной войны II степени. Замечательный подвиг совершила в боях под Сталинградом дочь гагаузского народа, уроженка Чадыр-Лунги М. Славиогло, вынесшая с поля боя тяжело раненного Рубена Ибаррури – будущего героя Советского Союза и национального героя испанского народа.

* Один из лидеров Румынской компартии, вошедший после 23 августа 1944 г. в состав правительства.

⁶⁴ Ibid.

** Этот вопрос практически без изменений воспроизводится из учебника для 12 класса школ Республики Молдова: Назария С., Роман А., Спрынчанэ М., Раца С., Барбус Л., Дубровский А. История. Новейшее время. Учебник для XII класса. Chişinău, 2006. С. 153-156.

[†] Примечание научного редактора: В 1942 г. Соколов стал Героем Советского Союза.

^{†2} Примечание научного редактора: Д. Кэлэраш погиб в октябре 1942 г. в районе г. Сочи, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Ярким примером проявления дружбы народов в битве на Волге явился подвиг двух пулемётчиков – русского Михаила Начинкина и молдаванина Юрко Таракула. На перекрёстке двух улиц они несколько суток удерживали стратегически очень важный дом. Вначале десятки немецких солдат при поддержке пулемётов безуспешно пытались выбить оттуда его защитников. Но, понеся огромные потери, фашисты подвергли дом мощному артиллерийскому и миномётному огню. Однако, подойдя к его руинам, вновь были встречены пулемётным огнём. Тогда здание было подвергнуто мощной бомбардировке с воздуха и полностью разрушено. Но и после этого фашисты не смогли продвинуться в глубь советской обороны, т.к. из подвала по ним вели сокрушительный огонь защитники легендарного дома. Оба были смертельно ранены, но врага не пропустили. Когда подошла подмога, они уже были мертвы.

Неоднократно спасал своего друга-еврея от неминуемой гибели наш земляк, молдаванин по национальности, Сергей Григорьевич Герась. Под Минском, тяжело раненный, он попал в плен. Рядом с ним были его товарищи-земляки Демьян Жигуль и Семён Шпиц. Пленных евреев вытаскивали из колонны и тут же расстреливали. Когда прозвучала команда «евреи, шаг вперёд», Сергей Герась не дал Семёну выйти из рядов, представив его немцам «как румына». На территории Польши, в лагерях для военнопленных они прошли все круги ада, но верность друга защитила Шпица от неминуемой гибели. Был случай, когда Шпиц был вынужден раздеться донага для проверки его на предмет обрезания и, казалось, гибель неизбежна. Однако и тогда Сергей Григорьевич не растерялся и сумел убедить фашистов, что его друг татарин-мусульманин.

В боях под Курском мужественно сражался уроженец Слободзеи лётчик А. Грекул, будущий профессор, доктор хабилитат исторических наук. На Курской дуге стал Героем Советского Союза уроженец села Хыртоп Дубоссарского р-на Степан Колесниченко. К сентябрю 1943 г. он сбил 20 фашистских самолётов. Однако 2 сентября 1943 г. в небе над Украиной, в схватке с пятью немецкими истребителями, славный сын молдавского народа пал смертью храбрых. За подвиги во время форсирования Днестра стали героями Советского Союза уроженцы Молдавии русский М. Павлоцкий, молдаванин И. Ковал, украинец П. Шчербинко. Удостоен звания Героя Советского Союза уроженец села Бардар Хынчештского района Михаил Плугарёв. Он начинал войну рядовым, а закончил её гвардии капитаном.

Всему миру известен героический подвиг подпольной организации г. Краснодона «Молодая гвардия». В её рядах был и Борис Главан, уроженец села Царьград Дрокиевского района. Другой сын молдавского и украинского народов Иван Кудря, родившийся в Борисполе на Украине, был известным советским разведчиком-подпольщиком и погиб как герой в оккупированном нацистами Киеве. В ранге командира 82-й стрелковой дивизии принимал участие в штурме Берлина генерал-майор Михаил Дука[†].

Примером беспредельной храбрости и мужества во имя Родины навсегда останется подвиг Александра Матросова. Среди более чем 200 воинов, повторивших его подвиг, были казах Б. Насынбаев, эстонец И. Лаар, бурят К. Краснояр, узбек К. Суюнов, грузин В. Сахмарадзе, таджик Т. Эрджичинов, татарин Г. Гафиатуллин, еврей А. Левин, киргиз Ч. Тулебердиев, украинец Я. Богдан, белорус П. Куприянов, абхазец В. Пачулиа, мариец З. Прохоров. Такой же подвиг совершил 11 февраля 1945 г. при штурме села Луизенталь (Германия) славный сын молдавского народа Ион Солтыс. С исключительным мужеством сражались на территории Германии и уроженцы Молдовы Фёдор Жарчинский, Шабса Машка-уцан, Сергей Полецкий и Григорий Сорокин, удостоенные звания Героя Советского Союза. Всего 16 жителей Молдовы получили в годы войны эту высокую награду.

И всё же самый выдающийся подвиг в годы второй мировой войны совершил А.И. Маринеску (известный всему миру под фамилией Маринеско) – уроженец Кагула (живший здесь до 8-летнего возраста), по отцу молдаванин, а по матери украинец. 30 января 1945 года команда подводной лодки «С-13» во главе с капитан-лейтенантом Александром Маринеско отправила на дно германский суперлайнер водоизмещением более 25 тысяч тонн – «Вильгельм Густлов», на борту которого находилась ставка фюрера на море. Немцы называли его «морским раем». Получив сообщение о том, что лайнер потоплен, Гитлер впал в ярость. Командира конвоя по его приказу расстреляли. Как и после разгрома 300-тысячной армии под Сталинградом, в Германии был объявлен трехдневный траур. А Маринеску был назван личным врагом фюрера наряду со Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Александр Иванович Маринеско(у) признан лучшим подводником второй мировой войны^{†2}.

[†] Примечание научного редактора: Бывшая студентка Тираспольского педучилища П.Г. Дидык стала отважной разведчицей, неоднократно забрасывалась в глубокий тыл врага на Украину и в Польшу (прообраз героини художественного фильма «Марианна»).

Капитан А.Ф. Опря, родом из с. Маловата, в 1941-1943 годах сражался на Южном, Крымском и Сталинградском фронтах. 31 августа – 13 сентября 1944 г. конвоировал свергнутого фашистского диктатора Румынии И. Антонеску.

Батареи дивизиона гвардейского офицера-артиллериста В.Г. Стратулата (родившегося в с. Колбасна Рыбницкого района), участника Ясско-Кишинёвской операции, первыми открыли огонь по Берлину.

^{†2} Примечание научного редактора: Произошло это в последние месяцы войны, когда советские войска подошли к Данцигу – важнейшему порту гитлеровской Германии на Балтике. На верфях в этом городе было

Крах германского Восточного фронта. «Летняя кампания русских, – писал Черчилль, – была эпопеей блестящих успехов»⁶⁵. Американец Р. Ингерсолл писал о действиях Советской Армии в 1944 г.: «Русские... рассчитывали на много ходов вперёд, заставляли немцев непрерывно перемещать силы, чтобы отражать их наступление то на одном, то на другом участке огромной шахматной доски, протянувшейся от Балтики до устья Дуная. Немцы никогда не могли сравниться с русскими в понимании того, что происходило на этой доске»⁶⁶.

В результате великолепных военных побед Красной Армии, в сентябре 1944 г. фашистский блок покинули Финляндия и Болгария, и только хортистская Венгрия оставалась прикованной к гитлеровской военной колеснице. Однако и эта страна, как вспоминал Г. Фриснер, «оставила в Восточных Карпатах лишь несколько пограничных батальонов, в то время как основная масса её вооружённых сил располагалась во внутренних районах или же на венгерской южной границе. Было уже невозможно склонить венгерское руководство к посылке этих войск на Восточный фронт, где шли кровопролитные бои. Да если бы даже это и удалось сделать, их низкие боевые качества вряд ли дали бы положительный эффект»⁶⁷. Итак, военно-политическая изоляция нацистской Германии в Европе стала реальностью.

Уже после войны некоторые битые гитлеровские генералы объясняют поражения вермахта 1943-1945 гг. «численным и техническим превосходством» советских войск. В таком случае напрашивается вопрос, почему «численное и техническое превосходство» германской армии в 1941-1942 гг. так и не принесло ей победы? Верный ответ на это дают генералы Филиппи и Хейм: «Военное поражение было неизбежным следствием политического просчёта, в ходе которого перед вооружёнными силами были поставлены столь огромные задачи, что их нельзя было решить на поле боя наличными силами, сколь большими и мощными они ни были». Официальный историк бундесвера Ганс-Адольф Якобсен признаёт, что «не было шансов выиграть эту войну, если бы даже её вели без Гитлера»⁶⁸. Главная ошибка верховного командования вермахта, как мы уже отмечали, состояла в самом нападении на СССР. Поражение гитлеровской Германии было предопределено ещё 22 июня 1941 г.

Мнение некоторых историков и государственных деятелей о сути советской политики в Восточной Европе на последнем этапе войны и отношении США к СССР в послевоенное время. Как отмечает российский историк Валерий Юнгблуд, «задолго до окончания войны стало ясно, что одним из прямых и наиболее значительных следствий триумфа над фашизмом должно стать превращение СССР в один из определяющих факторов международной жизни. В отличие от предвоенной эпохи, когда СССР занимал обособленное положение в расколотом враждующими западными державами мире, теперь ему предстояло играть вполне равноправную, а в определённом смысле и ведущую роль»⁶⁹.

В сентябре 1944 г. в журнале «Лайф» была опубликована статья председателя американской торговой палаты Джонстона – очень авторитетного человека в мире бизнеса – о поездке в Советский Союз.

много недостроенных кораблей. Предвидя скорую потерю города, гитлеровцы решили эвакуировать экипажи и специалистов в г. Киль. 30 января в море вышел «Вильгельм Густлов» – девятипалубный лайнер. На нём размещалась ставка Гитлера на море, и он был символом морского могущества Германии. Вместе с командой на нем находилось до девяти тысяч гитлеровцев, в том числе около 4 тыс. подводников. Теплоход сопровождал мощный конвой во главе с линкором. Командир конвоя не сомневался, что его корабли отразят нападение самолетов и подводных лодок, будь они советскими или английскими.

Пройдя сквозь конвой, «С-13» атаковала противника, произведя четырехторпедный залп. Кренясь, лайнер пошел ко дну. По месту, где только что находилась советская подлодка, был открыт ураганный огонь. После того как немецкие корабли прекратили 3-дневный поиск, «С-13» всплыла и благополучно возвратилась в Кронштадт (хотя экипаж в момент всплытия находился на пороге гибели), потопив по пути еще один немецкий транспорт «Генерал фон Штойбен» с почти четырьмя тысячами солдат и офицеров. Так лодка уничтожила целую дивизию врага! При торпедировании одного «Вильгельма Густлова» только подводников погибло столько, что ими можно было бы укомплектовать 80 экипажей субмарин, предназначенных для морской блокады Англии. А готовить специалиста подводного плавания дольше и труднее, чем летчика.

Когда летом 1945 г. в Потсдаме собрались главнокомандующие флотами СССР, США и Великобритании на переговоры о разделе трофейного германского флота, англичане требовали себе «львиную долю», аргументируя свою позицию тем фактом, что они внесли решающий вклад в борьбу с германскими ВМС. Одним из аргументов, заставивших их согласиться разделить трофейные немецкие суда на три равные части, было напоминание наркома ВМФ СССР Н.Г. Кузнецова о героизме экипажа «С-13» и захвате Красной Армией Данцигской военно-морской базы со всеми находившимися там подлодками. // См.: Крон А. Капитан дальнего плавания. М., 1980; Воробьев В. Звёздный час Маринеско. // Они защищали и освобождали Молдову. С. 383-384; Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 5-7; Митяев А. Книга будущих адмиралов. М., 1979. С. 5-6.

⁶⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 377.

⁶⁶ Ингерсолл Р. Совершенно секретно. М., 1947. С. 418.

⁶⁷ Фриснер Г. Проигранные сражения. С. 48-49.

⁶⁸ Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 353.

⁶⁹ Юнгблуд В.Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: ЭПИ, 1998, № 6. С. 66.

Посетив Москву, Ленинград, Урал, Сибирь и азиатские республики, он пришёл к трём основным выводам: 1. После восстановления мира Россия и США будут располагать преобладающей долей военной и промышленной мощи мира. 2. Хотя общественно-политические системы двух стран полярно противоположны, между ними нет неразрешимых экономических или территориальных конфликтов. 3. Судьба мира в значительной степени зависит от взаимоотношений и сотрудничества между Россией и США. Джонстон с оптимизмом смотрел на будущее советско-американских отношений: «Если обе стороны будут вести честную и прямую игру, то завтра мы сможем работать вместе и вместе вершить дела»⁷⁰. Его мнение имело огромное значение для правильного восприятия миллионами американцев советского союзника.

Далеко не всех на Западе радовала подобная перспектива. Ещё в 1944 г. в очерке «Россия семь лет спустя» Кеннан писал в связи со стремительным продвижением советских армий в глубь Европы: «Указав, что заботы о безопасности всегда доминировали в психологии советских официальных властей, я отметил также, что они надеялись решить проблему безопасности собственного режима с помощью распространения революционных движений в других странах... Судя по успехам военных операций, Кремль располагает средствами для достижения своих целей, нравится это Западу или нет. Советские войска оккупируют почти все восточноевропейские регионы, когда война закончится.

В данных обстоятельствах, указывал я, не так уж важно, будут ли советские руководители насаждать коммунизм в странах, занятых советскими войсками. Для них важно получить власть как таковую, а форма этой власти может быть определена практическими соображениями. Для малых восточноевропейских стран, отмечал я в связи с этим, главной является не проблема коммунизма или капитализма сама по себе, а проблема выбора между реальной независимостью или прямой, или косвенной зависимостью от России»⁷¹.

В том, что касается тезиса Кеннана, будто восточноевропейские государства стояли перед выбором «независимость или зависимость», не можем согласиться я автором. Во-первых, на практике подобной дилеммы в конце войны не существовало, так как эти страны полностью подпали под советское влияние. Определённая дилемма могла возникнуть лишь гипотетически и в будущем, но никак не в формуле Кеннана: «независимость или зависимость». Дилемма могла и может существовать лишь в совершенно ином варианте: «зависимость от Востока или от Запада». Но даже и эта формула менее всего зависит от самих стран Восточной Европы, а в большей степени от другого фактора – внешнего, а именно – какая из великих держав обладает в тот или иной исторический момент большей мощью и располагает реальными рычагами для продвижения своих интересов в регионе. Малые государства могут обладать лишь относительной независимостью и лишь при соблюдении двух основных условий: они располагают очень эффективной экономической и политической системой и имеют реальную возможность балансировать между двумя или более центрами силы, сохраняя равноудалённость по отношению к каждому из них.

Крупный советолог из Йеля Д. Даллин так же, как и Кеннан, не разделял оптимизма по поводу послевоенного сотрудничества с Москвой, считая, что в ближайшие годы может возникнуть конфликт и что никакого противоядия против него не было. С точки зрения безопасности России, доказывал Даллин, её интересам в послевоенном мире более всего соответствовала политика, к тому же геополитически обоснованная, на укрепление оси Москва – Париж – Лондон – Вашингтон. На практике же сталинское руководство, в силу идеологической зашоренности, предпочтёт односторонние действия и займётся «политической мобилизацией европейского Востока» и созданием марионеточного пояса по линии Варшава – Берлин – Прага – Белград⁷².

«Даллин не был одинок в своих выводах, – отмечает В. Юнгблюд. – Нечто подобное приблизительно в то же время писал бывший посол США в СССР У. Буллит... Идеи Буллита также не получили признания ни в Белом доме, ни среди коллег-дипломатов. Речь, таким образом, идёт не об общепризнанной позиции, а об особом мнении, которое смогло получить распространение и даже стать доминирующим только после того, как холодная война стала фактом»⁷³.

Данную мысль, хотя и несколько под другим углом, поддерживает и Збигнев Бжезинский, отмечая, что «советские лидеры никогда не верили в возможность существования демократических и в то же время „дружественных“ СССР правительств, по причине чего предпочли установить в Центральной и Восточной Европе полностью зависимые от Москвы правительства»⁷⁴.

⁷⁰ См.: Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5. С. 62.

⁷¹ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

⁷² См.: Юнгблюд В.Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: ЭПИ, 1998, № 6. С. 71, 72.

⁷³ Ibid. С. 72-73.

⁷⁴ Цит. по: Popa C. Instaurarea regimurilor comuniste în Europa Centrală și de Sud-Est (1944-1947). Curente în istoriografia americană și rusă. // Revista istorică. Academia Română, 2000, Nr. 3-4. P. 287-288

Сразу после завершения работы Ялтинской конференции Дж. Кеннан писал своему другу и коллеге Ч. Болену: «Почему мы не можем прийти к достойному и определённом компромиссу... спокойно разделить Европу на сферы влияния, отстранить русских от нашей сферы и самим держаться подальше от их сферы? Это лучшее, что мы можем сделать для себя и для наших друзей в Европе»⁷⁵.

Уже после войны в своих воспоминаниях Кеннан ещё больше углубил эти идеи: «Прекращение войны в Европе означало вместе с тем и поворотный пункт в истории советской дипломатии. Положение Советского Союза существенно изменилось благодаря продвижению Советской Армии к центру Европы. Сбылась мечта Сталина о создании защитной зоны вдоль западных границ России... Полноценное сотрудничество с Россией, которого ожидает наш народ, вовсе не является существенным условием сохранения мира во всем мире, поскольку существует реальное соотношение сил и раздел сфер влияния...

Я был чуть ли не единственным человеком в высших эшелонах американской власти, который настаивал на признании де-факто разграничения сфер влияния, которое уже имелось в Европе. Это я делал по двум основным причинам. Во-первых, я был убежден, что нам незачем надеяться на возможность влиять на события в странах, уже вошедших в сферу гегемонии России, в которых доминировали коммунисты и народы которых были изолированы от Запада. В этом случае я не видел, почему мы должны облегчать задачи русским, действовавшим в этих регионах, и разделять с ними моральную ответственность. Нам, по моему убеждению, оставалось только заявить, что мы не имеем со всем этим ничего общего... Таким образом, я выступал за разграничение „сфер интересов” в Европе, поскольку не верил в возможность для нас эффективно влиять на события, происходившие в районах, контролируемых СССР. В возможность европейского сотрудничества как такового я не верил»⁷⁶.

Правда, в США в конце войны мнение Кеннана, по его же определению, поддерживалось далеко не всеми. Там не возражали против исторически оправданных и геополитически обоснованных территориальных притязаний СССР. Так, английский посол лорд Галифакс сообщал в Лондон из Вашингтона: «Тот факт, что Советы проявляют заинтересованность в Дарданеллах и Танжере, не вызвал здесь никаких особых подозрений... Возвращение России к дореволюционным направлениям и методам внешней политики в США считают процессом естественным и не подрывающим утвердившихся здесь настроений сдержанного оптимизма»⁷⁷.

В конце 1944 г. «Нью-Йорк таймс» писала в редакционной статье, что продолжающееся сотрудничество между Соединёнными Штатами и Советским Союзом имеет столь важное значение для всего мира, что остающимся различиям «нельзя разрешать вмешиваться в наши отношения». В этом же контексте комментатор Си-Би-Эс Дж. Херш заявил 11 декабря 1944 г., что разногласия внутри «Большой тройки» не должны вести к признанию того, что какая-либо из главных союзных держав имеет преимущественное право на добродетель⁷⁸.

А известный американский специалист-международник А. Джонсон писал в 1945 году: «Я принимаю факт российской гегемонии в Восточной Европе как историк. То, что произошло, – произошло, и то, что произойдёт, – произойдёт. Кто мы такие, чтобы бороться с неизбежным?». Задача же Запада, по его мнению, состояла в недопущении распространения коммунизма от Ла-Манша до Гибралтара⁷⁹. Данная позиция отличалась от той, которую озвучивал Кеннан, не тем, что одни допускали, а другие даже не рассматривали возможности создания «сфер влияния» в послевоенной Европе. Отличия состояли в другом – в том, что Кеннан не видел возможности плодотворного сотрудничества с СССР, а сторонники «курса Рузвельта – Гопкинса» были уверены, что оно не только возможно, но и крайне необходимо и полностью соответствует американским интересам.

Англичанин Дж. Робертс утверждает, что «если и существовала какая-либо определённая и устойчивая линия в советской внешней политике в годы войны, то это была линия на создание ряда дружественных режимов на западных границах СССР»⁸⁰. Касаясь событий 1944 – 1945 годов, он отмечает, что «устанавливаемая Москвой сфера влияния предназначалась исключительно для обеспечения безопасности Советского Союза, предполагалось, что она будет совместима с создаваемым после войны стабильным и мирным международным порядком»⁸¹. И далее автор поясняет, что «достижение безопасности в восточноевропейской буферной зоне связывалось с более радикальным политико-идеологическим проектом»⁸².

⁷⁵ Цит. по: Юнгблюд В.Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: ЭПИ, 1998, № 6. С. 76.

⁷⁶ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

⁷⁷ См.: Юнгблюд В.Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: ЭПИ, 1998, № 6. С. 67.

⁷⁸ См.: Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5. С. 58.

⁷⁹ Цит. по: Юнгблюд В.Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: ЭПИ, 1998, № 6. С. 67.

⁸⁰ Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчёт и импровизация. // ННИ, 2001, № 5. С. 75.

⁸¹ Ibid. С. 76.

⁸² Ibid. С. 90.

Более подробно данную мысль выразил итальянский историк Джузеппе Боффа: «При всех рассуждениях общего характера одна цель чётко выделялась Сталиным и ставилась им впереди всех других. Заключалась она в том,... чтобы заручиться гарантиями, что вся совокупность восточноевропейских стран отныне будет представлять собой уже не прежний антисоветский „санитарный кордон“, а пояс дружественных Советскому Союзу государств. Поскольку именно Красная Армия освобождала эти страны, расплачиваясь за их свободу дорогой ценой, любое другое решение представлялось Москве попыткой лишить СССР плодов выстраданной им победы. Правда, Советский Союз тем самым ...брал на вооружение концепции старорежимной Российской державы...

Сталинская политика не исчерпывалась, однако, этими установками... Уже само по себе желание заручиться дружбой стран, освобождённых Красной Армией, неизбежно влекло за собой глубокие политические преобразования, носившие во многих отношениях революционный характер. Это последнее обстоятельство оказывало своё влияние и за пределы восточноевропейского региона. Следует иметь в виду поэтому, что в то время, как первый аспект сталинской политики – её преемственность по отношению к прошлому – находил тогда известное понимание у западных партнёров, её второй аспект – порождаемый ею революционный эффект – вызывал у них, напротив, острую озабоченность...

Противниками сфер влияния в 1944 г. были прежде всего американцы, ибо идея раздела на „сферы“ была препятствием на пути осуществления их глобального проекта послевоенного устройства. Однако сферы влияния уже существовали, и от этого факта некуда было уйти. У Соединённых Штатов была Латинская Америка... У Англии было Содружество наций и империя... Созданные накануне Тегерана трёхсторонние органы – Контрольная комиссия по Италии и Европейская консультативная комиссия – на практике играли сугубо второстепенную роль. В Италии политическая обстановка развивалась под англо-американской опекой, и советская сторона была лишена возможности сколько-нибудь серьёзно влиять на её эволюцию... При подобных предпосылках у Советского Союза не оставалось иного способа реализовать в Восточной Европе свои политические цели, как создать, в свою очередь, собственную сферу влияния. Следует сказать, что когда Сталин в точности осознал, каково реальное положение дел, то он не только не оспаривал, но и соблюдал преобладание англо-американских интересов в Западной Европе»⁸³.

Видение европейских проблем западными союзниками СССР. В одном из документов госдепартамента второй половины 1944 г. отмечалось, что, «судя по имеющимся признакам, общее настроение народов Европы склоняется влево в пользу далеко идущих экономических и социальных реформ»⁸⁴. В другом специальном документе, подготовленном внешнеполитическим ведомством США, констатировалось, что «в результате войны в Европе произошли фундаментальные и революционные изменения в соотношении военной мощи государств... Необходимо отметить такое исключительное обстоятельство, как проявившийся за последнее время феноменальный рост находившейся ранее в скрытом состоянии военной и экономической мощи России; этот рост, по всей вероятности, окажется эпохальным по своему влиянию на будущие политико-военные международные отношения и вскоре достигнет максимальных размеров, соответствующих ресурсам России».

В то же время отмечалось, что относительная военная и экономическая мощь Великобритании ослабла. В госдепартаменте считали, что если бы США и Великобритания вместе вступили в войну против СССР, то они «не могли бы при существующих условиях нанести ему поражение... Иными словами, мы оказались бы втянутыми в войну, в которой не могли бы одержать победы»⁸⁵.

Вот как оценил положение в Восточной Европе конца 1944 г. У. Черчилль: «Политическое положение, во всяком случае в Восточной Европе, было далеко не столь удовлетворительным. В Греции действительно было установлено равновесие, хотя и ненадёжное, и казалось, что довольно скоро там можно будет сформировать свободное демократическое правительство на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования. Но Румыния и Болгария перешли во власть советской военной оккупации. Венгрия и Югославия стали полем сражений, а Польша, хотя и освобождённая от немцев, лишь сменила одного завоевателя на другого»⁸⁶.

«В течение ноября 1944 г. в трёх европейских странах – Бельгии, Италии и Греции, в которых основную часть союзных войск составляли английские войска, – возник политический кризис, – писал Р. Шервуд. – Представлялось, что Англия поддерживает наиболее консервативные элементы в этих странах против либеральных и левых элементов, оказывавших наиболее активное сопротивление немецким и итальянским фашистам»⁸⁷. Эта политика подверглась критике со стороны нового госсекретаря Эдварда Стеттиниуса, что вызвало у Черчилля ярость и возмущение⁸⁸.

⁸³ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 215-216.

⁸⁴ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 171.

⁸⁵ Сиполс В.Я., Чельшев И.А. Крымская конференция. С. 44.

⁸⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 503.

⁸⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 546-547.

⁸⁸ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 500.

Английское посольство в Риме открыто вмешивалось в правительственный кризис и заявило, что не одобрит ни одного состава итальянского правительства, в котором Сфорца* будет занимать видный пост. В связи с этим недовольство американских либеральных элементов ещё более усилилось. 5 декабря Стеттиниус опубликовал следующее заявление: «Наше правительство неизменно придерживалось той позиции, что вопрос о составе итальянского правительства является делом самих итальянцев». Он добавил, что «эта политика в ещё большей степени относится к образованию правительств на освобождённых территориях стран, принадлежащих к числу Объединённых Наций». Эта последняя фраза особенно не понравилась Черчиллю, поскольку она явно относилась к Бельгии и ещё больше к Греции⁸⁹.

Хотя Черчилль и признавал, что «как в самой Греции, так и в греческих кругах за границей царило резко отрицательное отношение к монархии»⁹⁰, английское правительство поддержало королевскую власть. Уже после отступления немцев из Греции, английские войска вступили на её территорию и развязали военные действия против греческих патриотов с целью недопущения прихода к власти в этой стране левых сил во главе с коммунистами⁹¹. «Положение в Греции было ужасным, — писал Шервуд. — На улицах Афин происходили серьёзные бои между английскими войсками и бойцами групп Сопротивления... Известно было только то, что английские войска, занимающиеся „освобождением“ Греции, убивают греческих патриотов, боровшихся в своё время против немцев»⁹². С непубличной критикой греческой политики Черчилля выступил и Гопкинс, а также глава канадского правительства Маккензи Кинг⁹³. Молчал лишь Сталин⁹⁴.

Однако британский премьер оправдывал эту политику «коммунистической опасностью»: «Коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм евангелием, которое она с собой несла». В Европе происходило «резкое усиление коммунистического влияния, которое предшествовало и следовало за продвижением мощных армий, управлявшихся из Кремля»⁹⁵. Данные опасения стали появляться и в США, о чём писал Р. Шервуд: «Сложившаяся в середине марта в Румынии обстановка свидетельствовала о том, что русские решили создать в странах Восточной Европы правительства, которые соответствовали бы их собственному толкованию слова „дружественные“... Однако Румыния была сателлитом нацистов, и в то время мало кого могла особо интересовать её судьба»⁹⁶.

Хотя неверно, что судьба Румынии никого не интересовала⁹⁷. Так, например, Черчиллю совершенно не нравилось, что под давлением СССР, действия которого «абсолютно противоречили всему духу демократии», в этой стране было приведено к власти просоветское правительство. Однако, пишет он, «если бы я оказал на [Сталина] слишком сильное давление, он мог бы сказать: „Я не вмешивался в вашу деятельность в Греции, почему же вы не предоставляете мне такую же свободу действий в Румынии?“ Это привело бы к сопоставлению наших и его целей. Ни одна сторона не могла бы убедить другую»⁹⁸. Англичане не могли воспротивиться действиям советской стороны в Румынии по той причине, что сами они в Греции действовали в ещё большем противоречии с «духом демократии».

Уже 12 мая 1945 г. в письме американскому президенту Черчилль говорит о «железном занавесе». Он пишет, что «глубоко обеспокоен положением в Европе... Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у Вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений... сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией... Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него... Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы»⁹⁹. О «железном занавесе» писал британский премьер Трумэн 4 июня, а решение американцев об отводе союзных войск в пределы своих оккупационных зон он назвал своим «погребальным звоном»¹⁰⁰.

Проблема признания новых правительств восточноевропейских стран была подвергнута обсуждению и на Потсдамской конференции. Американская делегация внесла на рассмотрение конференции

* Лидер Радикальной партии.

⁸⁹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 548-549.

⁹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 292.

⁹¹ Ibid. С. 486-488, 500-501.

⁹² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 551.

⁹³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 491-492.

⁹⁴ Черчилль писал Маккензи Кингу, что «Сталин до сих пор не выступил с каким-либо официальным заявлением по поводу наших действий». // Ibid. С. 492.

⁹⁵ Ibid. С. 440.

⁹⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 596.

⁹⁷ Radu B.M. Sir Winston Churchill: Polonia îmi e în suflet, dar pentru România și Bulgaria nu simt nimic. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 2.

⁹⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 552.

⁹⁹ Ibid. С. 632-633.

¹⁰⁰ Ibid. С. 647, 648.

документ, в котором предлагалось: «Три союзных правительства должны договориться о необходимости немедленной реорганизации существующих правительств Румынии и Болгарии»¹⁰¹.

Эти правительства (Венгрии, Румынии и Болгарии) были однозначно просоветскими, что, конечно, беспокоило Запад. Вовсе не их якобы недемократический характер волновал англичан и американцев, как официально заявлялось. Главным была их геополитическая ориентация на СССР. Доказательством тому служит неосторожно высказанная Трумэном в пылу полемики фраза: «Мы не можем восстановить дипломатических отношений с этими правительствами до тех пор, пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным»¹⁰². В последующих своих предложениях американская делегация сняла требование о реорганизации правительств Румынии и Болгарии, но США и Англия по-прежнему отказывались признавать эти правительства.

В конце концов было принято компромиссное решение – «О заключении мирных договоров и о допущении в Организацию Объединённых Наций». «Три Правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время... вопрос об установлении... дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами»¹⁰³. Вскоре после Потсдамской конференции Советское правительство заявило о своём решении восстановить дипломатические отношения с этими странами.

2. Последние сражения на Европейском континенте

«Дипломатические» маневры фашистов летом-осенью 1944 – зимой-весной 1945 гг. Несмотря на сокрушительные поражения на всех фронтах, нацистские заправилы ещё мечтали о заключении выгодного для Германии мира. Полностью утратив чувство реальности, впервые после «миссии Гесса», гитлеровцы официально сформулировали свои мирные предложения Западу. 26 июля, по указанию фюрера, Гиммлер выступил с заявлением о том, что Германия готова «довольствоваться» на Западе лишь расширением рейха за счёт включения в него Дании, Голландии, Норвегии и большей части Бельгии. Что касается Востока, то здесь «линия защиты рейха» должна была проходить, «по крайней мере, на 500 км к востоку от границы 1939 года». 3 августа рейхсфюрер повторил свои «предложения». Но на этот раз «оборонительная граница Европы» была отодвинута на Урал. Через несколько дней, в беседе с генералами Вестфалем и Кребсом¹⁰⁴, Гитлер заявил, что «не упустит возможности покончить с войной политическим решением»¹⁰⁵.

Но фашисты считали, что переговоры следует начинать лишь на фоне военных побед. «Наивно надеяться на успех переговоров в момент тяжёлых военных поражений, – говорил Гитлер генералу Мантейфелю. – Переговоры можно вести только с благоприятных военных позиций. Западные державы будут более склонны к миру по соглашению, если удастся нанести им военное поражение... Черчилль ненавидит большевизм почти так же, как я сам, и это военное поражение дало бы премьер-министру повод вступить с Германией в переговоры»¹⁰⁶. 3 ноября 1944 г. Йодль, вторя своему фюреру, заявил перед командирами соединений Западного фронта: «Планы союзников будут расстроены на длительный срок, и противнику придётся произвести принципиальный пересмотр своей политики»¹⁰⁷.

Эти игры были продолжены в начале 1945 г. Риббентропом. 17 января Гитлер продиктовал ему основные положения «мирных предложений» Западу. Этот документ вошёл в историю как «меморандум Риббентропа». Миф о «советской угрозе» стал в нём отправной точкой. Здесь утверждалось, что «ближайшая цель планов мирового господства московского империализма – это полное завоевание Европы», а единственный выход из данного положения – немедленное соглашение Англии с фашистской Германией, остающейся последним противовесом «советской угрозе»: «Национал-социализм является единственным фактором, который может помешать дальнейшему продвижению коммунизма и большевизма на Запад».

Гитлеровцы предлагали немедленно прекратить военные действия на Западном фронте, ибо каждый день войны здесь «наносит ущерб Германии, но в стратегическом плане ещё больше причиняет вреда Англии». Особенно примечательна постановка вопроса о будущих границах в Европе. Даже стоя на

¹⁰¹ Потсдамская конференция руководителей трёх союзных держав. С. 316-317.

¹⁰² Ibid. С. 181.

¹⁰³ Ibid. С. 474.

¹⁰⁴ 1 мая 1945 г. именно последний начальник Генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал-полковник Кребс явился на командный пункт генерала Василия Чуйкова с сообщением о смерти Гитлера и предложением к Советскому правительству о начале сепаратных мирных переговоров. // Чуйков В.И. Конец третьего рейха. Минск, 1975. С. 211-226; Дёрнберг С. Освобождение. Год 1945. Свидетельство очевидца. М., 1978. С. 60-66; militera.lib.ru/h/utkin3/index.html; Уткин А.И. Цена Победы. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 4. С. 26.

¹⁰⁵ Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 98.

¹⁰⁶ Ibid. С. 101, 103; Кульков Е.Н. Операция «Вахта на Рейне». М., 1986. С. 50.

¹⁰⁷ Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 105.

краю могилы, они намеревались удержать в составе рейха Эльзас-Лотарингию, Люксембург, Австрию, Судетскую область, значительную часть Польши. Взамен они выражали готовность вступить с западными державами в военно-политический антисоветский блок, с привлечением в него и японцев¹⁰⁸.

О том, какие большие надежды возлагала нацистская верхушка на успех своей затеи с «меморандумом Риббентропа», свидетельствует эпизод, разыгравшийся при обсуждении военной ситуации 30 января 1945 г., когда Гитлер категорически отверг предложение эвакуировать блокированные в «курляндском котле» войска, с целью усиления берлинского направления. Оказывается, пояснил фюрер, эти части могут быть в будущем использованы для совместного с англо-американцами наступления на... Ленинград!¹⁰⁹

Подобный бред, однако с противоположным знаком, гитлеровцы пытались проводить даже во второй половине марта 1945 г. Так, Риббентроп в беседе с японским послом выразил мысль о том, что Советский Союз вряд ли может рассчитывать на то, чтобы устоять перед объединёнными силами Англии и США на море и в воздухе, поэтому отметил, что Сталин благоприятно отнесётся к заключению мира с Германией и Японией для того, чтобы иметь возможность противостоять Великобритании и Соединённым Штатам. Он даже обдумывал поездку в Москву для прямых переговоров со Сталиным, что могло бы стать своеобразным повторением визита 1939 г.¹¹⁰

Контрудар гитлеровских войск в Арденнах¹¹¹. В этих условиях, абсолютно неожиданно для союзников, 16 декабря 1944 г. фашистское командование нанесло мощный контрудар силой двух танковых армий (около 1000 танков и самоходных орудий) на том же участке фронта, на котором в 1940 г. группа армий Рундштедта нанесла французам смертельный удар¹¹². Локальное превосходство гитлеровцев в живой силе было 2,4:1, в танках 1,4:1, в артиллерии – 4,8:1¹¹³.

Положение англо-американских войск оказалось довольно сложным, что заставило Рузвельта и Черчилля обратиться к Сталину с просьбой ускорить начало зимнего наступления советских войск¹¹⁴. В этой связи Эйзенхауэр писал, что «было бы необоснованно и неправильно утверждать, что войска союзников не испытывали напряжения и беспокойства в течение первой недели вражеского наступления в Арденнах. Но было бы столь же неправильно преувеличивать степень этого беспокойства и его воздействия на настроение в высших инстанциях союзного командования»¹¹⁵. В конечном итоге, общее превосходство в силах и средствах, военное искусство командования, героизм американских и английских солдат привели к краху последнего гитлеровского наступления на Западном фронте.

Брэдли полагал, что для арденнского наступления Рундштедт сосредоточил до 600 танков¹¹⁶, в задачу которых входило нанести удар по англо-американским войскам, с целью прорвать фронт и сбросить обороняющихся в море. После этого фюрер надеялся вывести Англию и США из войны и перебросить все имеющиеся силы на приостановление советского наступления на Германию и заключения, в конечном итоге, выгодного для Германии мира¹¹⁷. «Гитлер, – отмечает Г.-А. Якобсен, – на совещании в бункере фюрера заявлял своим сотрудникам 29 декабря 1944 г.: „Всемирную историю можно делать, только если действительно за мудрым разумом, живой совестью и вечной бдительностью стоят ещё фанатическое упорство и такая сила веры, которые превращают человека во внутренне убежденного борца... Во имя чего принесли мы все жертвы? Ведь так долго, как она уже продолжается, война не продлится. Это совершенно ясно. Это ни один человек не выдержит, ни мы, ни они. Вопрос только в том, кто выдержит дольше. Для нас на карте стоит все... Если бы мы сегодня сказали: "С нас хватит!" то мы перестали бы существовать, перестала бы существовать Германия". Такова была конечная „мудрость“ человека, который не желал прислушаться к голосу разума даже теперь, когда враги уже готовились к штурму самого рейха!»¹¹⁸.

¹⁰⁸ Ibid. С. 121-123; Розанов Г.Л. Крах фашистской дипломатии. М., 1985. С. 14-15; Рымков Е.П., Злобин Б.С. Дипломатическая активность нацистов в Стокгольме (1944 – 1945 гг.). // Межд. жизнь, 2002, № 2. С. 105-108.

¹⁰⁹ Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 125-126; Розанов Г.Л. Крах фашистской дипломатии. С. 18.

¹¹⁰ Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // ННИ, 2002, № 3. С. 131; см. также: Рымков Е.П., Злобин Б.С. Дипломатическая активность нацистов в Стокгольме (1944 – 1945 гг.) // Межд. жизнь, 2002, № 2. С. 108-109.

¹¹¹ См.: Брэдли О. Записки солдата. С. 484-525; Кульков Е.Н. Операция «Вахта на Рейне»; Кульков Е.Н. Кто Кого спасал в Арденнах? // ВИЖ, 1994, № 3; Petrencu A. Istorie universală. P. 45; Ștefănescu A.V. Reih-ul în cleștele Aliaților (iunie 1944 – mai 1945). // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 37-39.

¹¹² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 599; Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 530.

Такого удара никто не ждал, поэтому генерал Д. Эйзенхауэр справедливо предположил, что т.к. «в самих Арденнах нет сколько-нибудь важных объектов, видимо, немцы преследуют какую-то стратегическую цель». // Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 3.

¹¹³ Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 108.

¹¹⁴ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 276-277; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 249-250, 254.

¹¹⁵ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 404.

¹¹⁶ Брэдли О. Записки солдата. С. 492; по другим данным, которые мы приводили выше, это количество было больше – от 800 до 970 танков.

¹¹⁷ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 495, 497; Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 522.

¹¹⁸ <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

«Гитлер хотел поставить западные державы перед выбором: либо в последнюю минуту выступить вместе с ним против Советского Союза, либо остаться у разбитого корыта. Он верил, что они, скрипя зубами, выберут партнёрство с Германией как меньшее зло. Своим наступлением в Арденнах Гитлер хотел им показать, что он не может уже сдерживать русских, но *их* он может, и будет сдерживать, и даже может отбросить. Либо вы будете вместе со мною стоять на берегах Вислы, либо русские дойдут до Рейна и даже до Ла-Манша. Выбирайте!»¹¹⁹.

Естественно, эти расчёты совершенно не соответствовали реальному соотношению сил, и план был авантюристичным от начала и до конца. «Гитлер потерял всякое чувство реального»¹²⁰. Высшее нацистское руководство опять не учло не только военно-экономические ресурсы антигитлеровской коалиции, но и полностью проигнорировало волю и настроения свободных народов. Спорить с Гитлером к тому моменту уже никто из его окружения не смел, и доказывать обратное задуманному им – означало рисковать жизнью.

Как мы отметили выше, союзное командование не предполагало подобного поворота событий, и это поставило американские и английские войска в довольно трудное положение. В последней оценке обстановки, разосланной в день начала гитлеровского наступления в Арденнах, Монтгомери с уверенностью заявил: «В настоящее время противник ведёт оборонительные бои на всех фронтах; его положение таково, что он не в состоянии предпринять крупные наступательные операции»¹²¹. Брэдли придерживался такого же мнения¹²².

Немцы нанесли удар в Арденнах на поросшей лесом местности. «Считая Арденны неподходящим направлением для наступления, союзники почти игнорировали их как вероятное направление наступления противника, хотя именно здесь немцы предпочли начать свой блицкриг четыре года назад, который привёл к разгрому союзников в 1940 году и краху Запада. Странно, что союзное командование в 1944 году оказалось настолько слепым и не учло, что Гитлер может попытаться повторить свой удар и вновь добиться успеха в том же месте»¹²³.

В этих условиях английское и американское правительства испытали глубокую тревогу за дальнейшее развитие событий, что почувствовалось в послании Черчилля Сталину от 6 января 1945 г.¹²⁴ Общее положение британских и американских войск зимой 1944-1945 года, утверждает английский историк Дж. Эрман, характеризовалось не только тем, что на Западном фронте союзники зашли в тупик, но и тем, что под угрозой оказались все их оперативные планы в Европе¹²⁵.

Медлительность верховного командования после начала германского наступления в значительной степени объясняется запоздалым поступлением информации, т.к. переодетые немецкие диверсанты во главе с Отто Скорцени перерезали многие телефонные линии, идущие от фронта¹²⁶. «Однако это не может служить оправданием для верховного командования, недооценившего возможность немецкого контр-удара в Арденнах»¹²⁷. Американцы несли серьёзные потери – 80 тыс. чел., из них 19 тыс. убитыми.

В ночь на 1 января 1945 г., воспользовавшись тем, что Эйзенхауэр перебросил в район Арденн крупные силы с других участков фронта, немцы форсировали Рейн и нанесли неожиданный удар в Эльзасе, создав угрозу окружения войск союзников в районе Страсбурга. К тому же, 1 января 1000 самолётов люфтваффе нанесли удар по армиям и аэродромам союзников, уничтожив 260 самолётов¹²⁸. Положение оказалось столь серьёзным, что командующий 3-й армией США генерал Дж. Паттон, под впечатлением [от] больших потерь вверенных ему войск, записал в своём дневнике: «Мы ещё можем проиграть эту войну»¹²⁹. Но силы и средства вермахта были явно недостаточны для повторения «второго Дюнкерка», и вскоре наступление выдохлось. На помощь своим союзникам пришла Красная Армия, начав всеохватывающее наступление между Вислой и Одером. В этой связи 14 января 1945 г. Д. Эйзенхауэр сообщал в Вашингтон, что «весть о переходе русских в наступление встречена в войсках с энтузиазмом»¹³⁰.

Возникает вопрос: почему СССР поспешил перейти в наступление? На него очень убедительный ответ даёт академик А. Орлов. Во-первых, «надо было показать Западу, что СССР – верный союзник... Во-вторых, и это главное, надо было ускорить мощное наступление от Вислы к Одеру, чтобы прийти

¹¹⁹ Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. С. 87; Секистов В.А. Война и политика. С. 404.

¹²⁰ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 495.

¹²¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 599; Брэдли О. Записки солдата. С. 493.

¹²² Брэдли О. Записки солдата. С. 488, 492, 493.

¹²³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 599.

¹²⁴ Советско-английские отношения. Т. 2. С. 254.

¹²⁵ Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945. М., 1958. С. 53.

¹²⁶ Брэдли О. Записки солдата. С. 504.

¹²⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 602.

¹²⁸ Кульков Е.Н. Кто Кого спасал в Арденнах? // ВИЖ, 1994, № 3. С. 35; Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 4.

¹²⁹ Кульков Е.Н. Кто Кого спасал в Арденнах? // ВИЖ, 1994, № 3. С. 34.

¹³⁰ Сиполс В.Я., Челышев И.А. Крымская конференция. С. 11.

на Ялтинскую конференцию глав трёх держав – США, СССР и Великобритании... с крупным стратегическим успехом. Его Сталин намеревался превратить в Ялте в не менее крупный политический успех. И это советской делегации удалось»¹³¹.

18 января 1945 г. в своей речи в палате общин У. Черчилль подвёл итоги этого знаменитого сражения: «Битва в Арденнах, несомненно, была величайшим американским сражением в этой войне, и, по моему мнению, она останется в истории как великая американская победа... Генерал Омар Брэдли командовал американскими войсками, фельдмаршал Монтгомери – английскими. Все эти войска сражались отлично, и генерал Эйзенхауэр умело руководил действиями обоих командующих и предоставлял им все возможности полностью использовать свои силы и проявить полководческое искусство»¹³².

Висло-Одерская операция¹³³. Ещё до начала советского наступления, предвидя его последствия, командующий группой армий «Центр» генерал Рейнгардт заметил, что «к моменту последнего удара от нас останутся одни обломки»¹³⁴. Однако Германия располагала ещё немалыми силами. В вермахте к началу 1945 г. насчитывалось 9420 тыс. человек¹³⁵, из которых 5400 тыс. состояли в действующей армии (примерно столько же, сколько и в июне 1944 г.) и 2,5 млн – в резерве. На его вооружении состояло 110,1 тыс. орудий и миномётов, 13,2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 7 тыс. боевых самолётов. На советско-германском фронте, протяжённость которого с июня 1944 г. сократилась с 4400 км до 2200 км, с учётом венгерских формирований, гитлеровская Германия имела 3,7 млн человек, 56,2 тыс. орудий и миномётов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий и 4,1 тыс. самолётов.

Красная Армия (без резерва Ставки – 501 тыс. человек, 6883 орудия и миномёта, 520 танков и САУ, 464 боевых самолёта и без польских, болгарских, румынских, чехословацких и французских войск – 347 тыс. чел., 3979 орудий и миномётов, 181 танк и САУ, 427 боевых самолётов), действующая против немцев, насчитывала 6,7 млн человек, 107 тыс. орудий и миномётов, 12,1 тыс. танков и САУ, 14,7 тыс. боевых самолётов. Советские войска обладали общим превосходством в 1,8 раза в личном составе, в 1,9 – в орудиях и миномётах, в 1,5 раза – в танках, в 3,6 раза – в самолётах.

Анализ группировки немецко-фашистских войск на советско-германском фронте показывает, что свыше четверти всех дивизий вермахта находились в Северной Норвегии или были заблокированы в Курляндии. В то время как главные силы советских войск были сосредоточены на берлинском направлении, немецкое командование имело здесь всего лишь 23% всех дивизий и бригад, из них танковых и моторизованных около трети всего состава. В то же время (с учётом резервов) до трети германских дивизий действовали на южном участке фронта, причём, почти половина танковых и моторизованных находились в Венгрии, западнее Будапешта. Такое положение объяснялось не только политическим или экономическим значением, которое гитлеровское командование придавало тому или иному району, но и ошибками в определении вероятных направлений главных ударов советских войск, которые ожидалось на флангах Восточного фронта.

На Западном фронте англо-американские войска вышли на «линию Зигфрида». Эйзенхауэр имел в своём распоряжении 51 американскую дивизию, 13 английских, 3 канадские, одну польскую, 8 фран-

¹³¹ Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 5.

¹³² Брэдли О. Записки солдата. С. 524-525.

¹³³ См.: История второй мировой войны. Т. 10. М., 1979. С. 52-87; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 592-619; Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 254-262; История военного искусства. С. 300-315; Ștefănescu A.V. Reih-ul în cleștele Aliaților (iunie 1944 – mai 1945). // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 40.

¹³⁴ Кларк А. Падение Берлина. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 394.

¹³⁵ Украинский историк А. Маринченко пишет, что через ВС Германии за годы войны прошло 21,1 млн. чел. // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. С. 130.

В августе – сентябре 1944 г. призывной возраст был снижен с 17 лет и пяти месяцев до 16 лет. 25 сентября Гитлер подписал директиву о создании т.н. «фольксштурма», в который мобилизовывалось всё мужское население страны в возрасте от 16 до 60 лет. Всего в «фольксштурм» было мобилизовано свыше 4 млн человек. В воинские части были преобразованы и отряды трудовой повинности. Из молодых женщин стали формировать «женский вспомогательный корпус». К концу 1944 г. он насчитывал 300 тыс. человек. Трудовая повинность распространилась на мужчин с 16 и женщин с 17 лет. Продолжительность рабочей недели составила 60-92 часа. В январе 1945 г. гитлеровцы изъяли все сбережения населения в сберегательных кассах. В результате этих мер выпуск оружия военной индустрией фашистской Германии достиг во второй половине 1944 г. наивысшего уровня. Если в июле 1944 г. было выпущено 52 тыс. автоматов, то в декабре – 110 тыс.; танков и штурмовых орудий, соответственно, 781 и 1259; фаустпатронов 323 тыс. и 1,3 млн; самолётов-истребителей 2036 и 2352; ракет «Фау-1» – 1500 и 2600; «Фау-2» – 265 и 8618. 19 марта 1945 г. фюрер направил всем гауляйтерам и командующим группами армий приказ вести войну, не обращая внимания на положение гражданского населения. При этом он заявил в кругу приближённых: «Нет необходимости принимать во внимание сооружения, необходимые для населения... Напротив, лучше самим их уничтожить». // См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 574-575; Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 89-93; Шиманский А.Н. Берлинская операция. М., 1975. С. 7-8.

цузских, из них 21 бронетанковая и 15 отдельных бригад. Им противостояли 74 дивизии вермахта, из них 11 танковых и 4 моторизованные, и 3 бригады. На Западном и Итальянском фронтах США, Великобритания и Франция имели 5,7 млн чел., 50 тыс. орудий и миномётов, 16,1 тыс. танков и САУ, 16,7 тыс. боевых самолётов. Германские войска насчитывали 1,9 млн чел., 45 тыс. орудий и миномётов, 3,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 2,7 тыс. самолётов. Союзники превосходили противника по количеству личного состава в 3 раза, по орудиям и миномётам – в 1,1 раза, по танкам – в 4,6 раза, по боевым самолётам – в 6,2 раза¹³⁶. Союзники по антигитлеровской коалиции к началу 1945 г. имели все возможности для проведения наступательных операций с решительными целями.

12 января 1945 г. на центральном участке Восточного фронта началось грандиозное советское наступление, а уже в начале февраля части 1-го Белорусского фронта вышли к Одеру¹³⁷. В полосе наступления этого фронта на участках прорыва, составлявших лишь 13% её общей ширины, были сосредоточены 54% стрелковых дивизий, 53% артиллерии и миномётов, более 90% танков, САУ и основные силы авиации. В результате такой концентрации сил и средств удалось создать высокие оперативные плотности: до 250 орудий и миномётов и до 100 танков и САУ на 1 километр фронта прорыва, что позволило стремительно прорвать оборону противника и молниеносно развить наступление в глубину¹³⁸. «Русские сосредоточили для этого удара такое количество наступательных средств, что уже при первом натиске оказались разгромленными не только дивизии, оборонявшиеся в первом эшелоне, но и располагавшиеся на этом участке сравнительно крупные резервы. Через образовавшиеся в большом количестве бреши хлынули русские танковые соединения, которые быстро вышли на оперативный простор, [и] начали стремительно продвигаться на Запад»¹³⁹.

Х. Мантейфель писал: «Стремительное наступление Красной Армии свело на нет последствия передышки, достигнутой Арденнским наступлением, и сделало неизбежным быстрое окончание войны»¹⁴⁰. Английский историк Энтони Бивор в этой связи приводит следующий эпизод: «Германская оборона рухнула. Большинство солдат, запачканных грязью и трясущихся от страха, было взято в плен. Немецкий офицер-танкист, наблюдавший за всей этой картиной из тыла, описывал советскую артоподготовку как „огненный шторм” и добавлял, что у него создалось впечатление, будто „небо упало на землю”»¹⁴¹. За 23 дня наступления советские войска продвинулись на 500 км и оказались на подступах к Берлину. Гитлеровцам был нанесён невосполнимый урон: 35 вражеских дивизий были уничтожены, а 25 потеряли от 50 до 70% своего состава. Фашистское командование было вынуждено перебросить на берлинское направление более 30 дивизий¹⁴².

Но закон о чрезмерной растянутости коммуникаций стал, в конце концов, действовать в пользу противника, уменьшая давление русских на Одере и увеличивая сопротивление немцев¹⁴³. Как уже отмечалось, германское командование стянуло к Берлину значительные силы. «Кроме того, с выходом советских войск на Одер изменилась воздушная обстановка. Немецкая авиация (3300 самолётов), сосредоточенная в районе Берлина, резко увеличила активность, особенно по советским соединениям, находящимся на плацдармах за Одером. Опираясь на берлинский аэроузел, она могла действовать в любых метеоусловиях, тогда как наша 16-я армия была скована раскисшими от снарядов и дождей грунтовыми аэродромами. К тому же, эти аэродромы находились в 120–140 км от линии фронта»¹⁴⁴.

Одним из главных итогов советского наступления явилось вступление на широком фронте частей Красной Армии на территорию Восточной Германии, менее всего за годы войны прочувствовавшей её ужасы. Вот что пишет по этому поводу Алан Кларк: «Теперь война огненным валом прокатилась по этой тихой местности. Конечно, для гражданского населения этих районов приход советских войск был драматическим и вызывающим страх событием. Однако последствия вторжения советских армий в Германию никоим образом нельзя сравнивать с поведением нацистов в Польше в 1939 году или в Белоруссии и Прибалтике в 1941 году. Зверства частей и подразделений СС... были проявлением запланированной политики террора...

Допускавшиеся советскими солдатами эксцессы носили случайный, а не преднамеренный характер. Подобные проступки, чреватые нарушением военной дисциплины, периодически сурово карались советской военной полицией. Нельзя забывать, что советские солдаты перенесли в годы лишений и физической опасности, что они научились ненавидеть врага и многие из них имели глубокие личные мотивы для мщения немцам»¹⁴⁵.

¹³⁶ История второй мировой войны. Т. 10. С. 35, 37, 38, 39, 40–41, 42.

¹³⁷ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 471.

¹³⁸ Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 1. М., 1988. С. 373.

¹³⁹ Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 256.

¹⁴⁰ Роковые решения. С. 303.

¹⁴¹ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004 (militera.lib.ru/research/beevor2/02.html).

¹⁴² Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2, С. 5.

¹⁴³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 623.

¹⁴⁴ Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 7.

¹⁴⁵ Кларк А. Падение Берлина. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 399–400.

«Кризис, вызванный угрозой со стороны русских, заставил немцев принять роковое решение пожертвовать обороной Рейна ради обороны Одера с тем, чтобы задержать русских... Таким образом, наступавшим англо-американским войскам был облегчён не только выход к Рейну, но и его форсирование»¹⁴⁶. Эту же мысль высказал и Монтгомери: «Фактически огромные успехи наших русских союзников сделали победу достижимой для нас»¹⁴⁷. Эйзенхауэр писал о наступлении союзных войск в глубь Германии: «Не было никакого общего фронта, или рубежа сопротивления, или каких-либо скоординированных действий с целью воспрепятствовать продвижению наших войск. Однако в некоторых местах вражеские группы упорно оборонялись, и мы в течение всего дня то и дело оказывались свидетелями sporadических стычек... За первые три недели апреля союзники захватили более миллиона пленных»¹⁴⁸.

Уже после войны маршал В.И. Чуйков (в 1945 г. командовал 8-й гвардейской армией в составе 1-го Белорусского фронта) заявил о возможности взятия Берлина в феврале 1945 г., т.е. на два месяца раньше, чем это произошло¹⁴⁹. Однако трезвый анализ ситуации на фронте того времени приводит к выводу о нереалистичности данного тезиса¹⁵⁰, т.к. на северном и южном флангах наступающих советских войск скопились серьёзные немецкие силы. Они собирались нанести мощный удар в тыл армиям 1-го Белорусского фронта, и это могло окончиться поражением РККА. Поэтому перед взятием Берлина советское командование провело две операции (в Померании и Венгрии) по разгрому фланговых группировок противника¹⁵¹. Только после этого стало возможным проведение непосредственно Берлинской операции.

Таблица 14. Соотношение сил сторон в Берлинской операции¹⁵²

Силы и средства	Советские войска	Немецкие войска	Соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	2500	1000	2,5:1
Орудия и миномёты	41600	10400	4,0:1
Танки, САУ, штурмовые орудия	6250	1500	4,1:1
Боевые самолёты	7500	3300	2,3:1

Капитуляция фашистской Германии¹⁵³. Последней крупной операцией второй мировой войны в Европе стала Берлинская¹⁵⁴. Её целью было завершение войны и принуждение Германии капитулировать. «Гитлер всё больше оголял Западный фронт и направлял всё новые и новые резервы, чтобы удержать оборону на Одере... Большая часть боевой техники, поступающей с немецких заводов и из ремонтных мастерских, направлялась на Восток»¹⁵⁵. С целью вселить уверенность в своих подданных,

¹⁴⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 624.

¹⁴⁷ См.: Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 109.

¹⁴⁸ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 462, 472.

¹⁴⁹ Октябрь, 1964, № 4. С. 129; ННИ, 1965, № 2. С. 6-8.

Такая постановка вопроса В.И. Чуйковым как минимум непонятна, т.к. во время выхода советских войск к Одру, а именно 8 февраля 1945 г., сам Василий Иванович докладывал Г.К. Жукову: «Обеспечение армии боеприпасами в среднем 0,3 – 0,5 б/к. Ежедневный расход боеприпасов большой... Автотранспорт армии не в состоянии обеспечить плечо подвоза из района р. Висла... 43-я пушечная бригада двигаться не может. Трактора рассыпались. Ремонт производить невозможно, запасных частей нет». // Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 7.

Если в феврале 1945 г. положение его армии было столь сложным, как же В.И. Чуйков мог наступать на Берлин? По-видимому, за 20 лет он напутал что-то.

¹⁵⁰ Горьков Ю.А. Мог ли пасть Берлин в феврале 1945 года. // ВИЖ, 1990, № 5.

В этой связи английский историк Энтони Бивор пишет: «Чуйков утверждал, что быстрое продвижение к Берлину в начале февраля застало бы противника врасплох, и город был бы захвачен. Однако Жуков знал, что его войска сильно истощились и израсходовали большинство резервов. В случае немецкого контрудара с севера фронт мог попасть в очень тяжелую ситуацию». // Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/06.html>.

¹⁵¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 608-616; История второй мировой войны. Т. 10. С. 139-186.

¹⁵² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 623, 633-634; История второй мировой войны. Т. 10. С. 315; Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 12

¹⁵³ Ciobanu N. Bătălia Berlinului. // Dosarele istoriei. 2000, Nr. 7; Ciobanu N. Capitulare totală și necondiționată. // Dosarele istoriei. 2000, Nr. 7; Ștefănescu A.V. Reih-ul în cleștele Aliatilor (iunie 1944 – mai 1945). // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 43-45; Landemer H. Waffen-ss. Dezastrul pe Frontul de Est. // Magazin Istoric, 2007, Nr. 12.

¹⁵⁴ См.: История второй мировой войны. Т. 10. С. 314-347; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 620-656; Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 263-270; Ларионов В.В. Последние километры к Победе. // США: ЭПИ, 1995, № 4; Уткин А.И. Цена Победы. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 4; Ржешевский О.А. Последний штурм: Жуков или Конев. Документальный очерк. // <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05-01/sturm.htm>; История военного искусства. С. 315-331.

¹⁵⁵ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 629.

14 апреля фюрер выступил с воззванием: «Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким»¹⁵⁶.

16 апреля 1945 года советские войска под руководством Г.К. Жукова¹⁵⁷ перешли в наступление¹⁵⁸. Бывший офицер генерального штаба сухопутных сил Г. Болдт вспоминал: «Русские открыли ураганный огонь из многих тысяч орудий,.. такой огонь, что словами невозможно передать. Было так, как если бы подняли занавес перед последним действием последнего большого сражения в этом мире, когда начался этот артиллерийский огонь невообразимой мощи. Размещённые на километры в ширину и глубину стояли советские батареи буквально орудие к орудию. Это был ураганный огонь, продолжавшийся часами. Затем русские полки, дивизии и армии двинулись в атаку»¹⁵⁹.

Маршал Жуков также вспоминает эту потрясающую картину: «От выстрелов многих тысяч орудий, миномётов и наших легендарных „катюш” ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб... Гитлеровские войска были буквально потоплены в сплошном море огня и металла. Непроницаемая стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли её пробить»¹⁶⁰. Уже 20 апреля советские войска сомкнули кольцо окружения Берлина. На второй день начались бои в городе.

«У моста Мокерн знаменосец сержант Николай Масалов услышал детский крик, раздающийся с противоположного берега. Масалов передал знамя помощникам и спросил у своего командира разрешение спасти ребенка. Он попросил прикрыть его от пулемета, в немыслимой эскападе достиг места, где ребёнок призывно звал мать с соседнего балкона. Рота затаила дыхание. На счастье именно в это время началась артиллерийская канонада – словно артиллеристы услышали призыв Масалова, который через минуту появился с трехлетним ребенком на руках. Он передал девочку в санчасть, а сам снова взялся за древко знамени. Так что в Трептов-парке стоит не сусальный образ, не придуманная легенда, а простая иллюстрация к эпизоду великой войны»¹⁶¹.

Однако и с приближением конца Гитлера не покидали иллюзии. Он начал рассчитывать на какое-то чудо, которое принесёт спасение в самый последний момент, как это случилось с его кумиром Фридрихом Великим в результате смерти русской императрицы Елизаветы. В полночь 12 апреля фюрер получил сообщение о скоропостижной кончине президента Ф.Д. Рузвельта, и, казалось, это было то «чудо», которого он так ждал и которое приведёт к распаду англо-американо-советской коалиции¹⁶². В этой связи, начальник генерального штаба генерал Гудериан писал о Гитлере последнего периода войны: «Он был уверен, что только он один знает, что надо делать. Он запёрся в своём бункере... и требовал, чтобы записывалось каждое произнесённое им слово. Он всё больше и больше погружался в мир теорий, которые не имели основы в реальной жизни»¹⁶³.

Вот какие «сценарии» о судьбе антифашистской коалиции предвидел этот маньяк в конце войны: «Во всей мировой истории никогда не было коалиции со столь разнородными элементами, со столь диаметрально противоположными целями... Эти три государства уже сейчас ссорятся друг с другом, и большая победа на Западном фронте с треском разрушит их искусственный союз... Когда западные союзники поймут, что их планы завоевания Германии неосуществимы, они прислушаются к предложениям сепаратного мира и откажутся от своего нелепого требования „безоговорочной капитуляции”. Тогда я заключу с ними договор о перемирии... Россия, уже ослабленная потерями,.. также будет рада заключить сепаратный мир»¹⁶⁴. «Наступает момент, – вещал фюрер своим подчинённым, – когда противоречия между союзниками станут столь велики, что тогда, вопреки всему, наступит разрыв. Нужно только дожидаться такого момента»¹⁶⁵.

¹⁵⁶ Ларионов В.В. Последние километры к Победе. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 47.

¹⁵⁷ Дж. Боффа пишет: «Руководство операцией по овладению Берлином представляло для Жукова официальное признание его первенства среди выдающихся советских полководцев». // Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 234.

¹⁵⁸ Lohin L. Al doilea război mondial. P. 509.

В Берлинской операции принимали участие и две армии Войска Польского.

¹⁵⁹ Цит. по: Прозектор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 734-735.

¹⁶⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 639.

¹⁶¹ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html; Уткин А.И. Цена Победы. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 4. С. 23.

¹⁶² Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 541; Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 75.

¹⁶³ См.: Элстоб П. Последнее наступление Гитлера. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 363; Сиполс В.Я., Чельшев И.А. Крымская конференция. С. 9.

¹⁶⁴ См.: Элстоб П. Последнее наступление Гитлера. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 363-364; Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 105, 184; Высоцкий В.Н. Мероприятие «Терминал». М., 1975. С. 60; Кульков Е.Н. Операция «Вахта на Рейне». С. 52.

¹⁶⁵ См.: Высоцкий В.Н. Мероприятие «Терминал». С. 52; Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 67; Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 536.

Более того, гитлеровцы носились с идеей, что им удастся одержать над Советской Армией победу под Берлином. На Нюрнбергском процессе Кейтель показал, что в беседе с ним Гитлер совершенно серьёзно рассуждал о том, что с капитуляцией нечего торопиться и переговоры с противником на Западе следует начать «после какой-нибудь победы», например в Берлине¹⁶⁶. Недооценка фашистской верхоушкой мощи Советских Вооружённых Сил носила при этом совершенно патологический характер. «Я знаю совершенно точно, – говорил Гитлер на совещании 6 апреля 1945 г., – что Советы стоят на краю гибели... Они хотят овладеть Берлином, прежде чем окончательно исчерпают себя. Теперь речь идёт о том, кто в этой борьбе сохранит последние силы на несколько минут дольше». Ему вторил Геббельс: «В Берлине можно одержать победу мирового масштаба»¹⁶⁷.

Комендант Берлина генерал Вейдлинг в последние дни «третьей империи» следующим образом оценивал в своих записках подобного рода бредни: «Был ли фюрер фантазёром или же он был душевнобольным? Или же он был настолько разрушен морально и физически, что мог поддерживать себя только морфием или другими ядами и в таком состоянии приходил к своим сумасбродным идеям? Для каждого здравомыслящего человека всё более становилось ясно, что дальнейшая борьба будет делом бесполезным и безнадёжным»¹⁶⁸.

В качестве лучшего ответа на вышеуказанные гитлеровские «рассуждения» следует привести комментарий английского публициста П. Элстоба, участника войны: «Одним из слабых мест Гитлера было полное непонимание природы и психологии как англичан, так и американцев. Он не имел понятия (да и не поверил бы в это) о том, какие тёплые чувства по отношению к русской армии и русскому народу испытывали в то время в Англии и Соединённых Штатах... Конечно, между союзниками были различия, но они были единодушны в одном: абсолютной необходимости перенести войну в самый центр Германии и полностью уничтожить её военные силы и способность вновь вести войну»¹⁶⁹.

Эту же идею подтверждает и Главнокомандующий союзными войсками на Западном фронте генерал Д. Эйзенхауэр: «Первое прямое предложение о капитуляции, дошедшее до штаба верховного командования экспедиционных сил, поступило от Гимmlера, который связался со шведским графом Бернадотом, стремясь установить контакт с премьер-министром Черчиллем. 26 апреля я получил от премьер-министра длинное послание, в котором он излагал предложение Гимmlера о сдаче немцев на Западном фронте¹⁷⁰. Я рассматривал это предложение как последнюю отчаянную попытку внести раскол среди союзников и информировал об этом Черчилля, решительно настаивая на том, чтобы никакие предложения не принимались и не поддерживались, если в них не предусматривается капитуляция всех немецких войск на всех фронтах. Я считал, что любое предложение о том, чтобы союзники приняли от немецкого правительства капитуляцию только на их западном фронте, немедленно вызовет полное разногласие с русскими и создаст обстановку, в которой русские могли бы не без основания обвинить нас в вероломстве. Если немцы хотят сдаться в плен в составе армии, то это тактический и военный вопрос. То же самое, если они хотят капитулировать всеми силами на каком-то конкретном участке фронта. Немецкий командующий может так поступить, а командующий союзными войсками может принять их капитуляцию; но для правительства Германии есть только один путь – безоговорочная капитуляция перед всеми союзниками. Такая точка зрения совпадала с мнением премьер-министра, и они вместе с президентом тут же направили полную информацию генералиссимусу Сталину, приложив своё заявление об отклонении полученного предложения»¹⁷¹.

О невменяемости нацистского фюрера в последние месяцы войны есть много свидетельств. Так, например, Вальтер Варлимонт, находившийся рядом с вождём «третьего рейха» в момент покушения на него, пишет о его состоянии в период после этого следующее: «Совершенно очевидно, что сам Гитлер был уже явно больным человеком. Травмы, полученные им 20 июля, в действительности были незначительными, но этот шок, казалось, выплеснул наружу все его пороки, и физические, и психические. Он входил в картографический кабинет сгорбившись, шаркающей походкой. Остекленевшими глазами изображал что-то вроде приветствия только тем, кто стоял ближе всех. Ему выдвигали кресло, и он тяжело опускался в него, согнувшись почти пополам, голова уходила в плечи. Когда он показывал что-то на карте, рука его дрожала. По малейшему пустяку резко требовал найти „виновного“»¹⁷².

Один из офицеров ставки вермахта, имевший в последние недели ежедневный доступ к вождю, отмечал в своих записках: «Раньше я видел Гитлера мельком всего два раза: в 1937 г. на торжественных

¹⁶⁶ Новое время, 1965, № 12. С. 17-18.

¹⁶⁷ Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 194.

¹⁶⁸ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 618.

¹⁶⁹ Элстоб П. Последнее наступление Гитлера. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 364.

¹⁷⁰ О попытках Гимmlера капитулировать на Западе пишет в своих мемуарах и В. Шелленберг. // Шелленберг В. Мемуары. // ННИ, 1991, № 5. С. 191-196.

¹⁷¹ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 482.

¹⁷² Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 499.

празднествах у памятника погибшим солдатам и в 1939 г. во время парада... Тот Гитлер не имел ничего общего с человеком, которому я представился 25 марта 1945 г. и который подал мне ослабевшую дрожащую руку. Я увидел лишь эту развалину... Это был человек, знавший, что он проиграл игру, и не имевший больше силы скрыть это. Физически Гитлер являл собой страшную картину: он передвигался с трудом и неуклюже, выбрасывая верхнюю часть туловища вперёд, волоча ноги... С трудом он мог сохранять равновесие. Если его останавливали на этом коротком пути в 20-30 метров, он должен был садиться на одну из специально поставленных здесь вдоль обеих стен скамеек или держаться руками за своего собеседника.

Левая рука его не подчинялась, а правая постоянно дрожала... Глаза Гитлера были налиты кровью... С уголков его губ часто стекала слюна – жалкая и отвратительная картина...». Ему было свойственно «отсутствие гибкости мышления и упорство, с которым он придерживался однажды поставленной политической и стратегической цели. Он ни на шаг не отклонялся от пути, который сам себе наметил, даже тогда, когда уже все предпосылки к достижению цели переставали существовать. Он шёл по этому пути, как будто бы на глаза его были надеты шоры...

В каждом доброжелательном совете, в каждом возражении ему чудилась попытка сбить его с заранее намеченного пути. Он никому не доверял, кроме как самому себе. Никому не верил, кроме как самому себе, ни во что не верил, кроме как в свою собственную ложь»¹⁷³.

Когда до этого изувера доходило, что война всё же будет проиграна, он не смущался открыто говорить о своей ненависти к немцам, оказавшимся «недостойными его гения»¹⁷⁴: «Если немецкий народ оказался таким трусливым и слабым, то он не заслуживает ничего иного, как позорной гибели», изрёк Гитлер весной 1945 г. «Если война проиграна, то народ гибнет. Эту судьбу отворотить нельзя. Нет необходимости в том, чтобы обращать внимание на сохранение элементарных основ жизни народа. Наоборот, лучше эти основы уничтожить»¹⁷⁵. «Чем больше я узнаю людей, – изрёк этот человеконенавистник, – тем больше я люблю собак... Немецкий народ не понимает моей цели! Он слишком ничтожен, чтобы осознать и осуществить мои цели»¹⁷⁶.

Ещё в середине 1944 г., обращаясь к В. Шелленбергу, фюрер изрёк: «Запомните, Шелленберг, одно – в этой войне компромисса нет, есть только победа или гибель. Если немецкий народ спасует, он погибнет. Да, тогда он должен погибнуть, тогда он должен подохнуть, ведь лучшие сыны народа пали в борьбе, а оставшиеся должны уступить место биологически более сильным. Если немецкий народ не выстоит, конец будет для Германии ужасен. Но большего он не заслужил»¹⁷⁷.

К счастью, гитлеровские бредни не сбылись, да и не могли сбыться, и 30 апреля фюрер покончил с собой¹⁷⁸, а ещё 25 апреля, на Эльбе, в районе г. Торгау, встретились советские и американские войска¹⁷⁹. Германия была расчленена надвое. 2 мая капитулировал Берлинский гарнизон. «Около 5 утра 2 мая 1945 года стали формироваться колонны германских солдат. Они выходили из подвалов рейхстага, из укрытий и домов и строились в большом молчании. День начинался дождливый, с туманом и пронизывающим холодом. Генерал Вейдлинг и его штаб сдались ровно в 6 часов утра. В плен сдались 134 тысячи немецких солдат. Часть зданий горела, лихорадочное движение наблюдалось лишь в западных пригородах Берлина, где образовался поток бегущих на запад. По Унтер ден Линден[†], где 22 июня 1941 го-

¹⁷³ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 597-599.

¹⁷⁴ Мержанов М. Так это было. Последние дни фашистского Берлина. С. 48.

Полковник де Мезьер, видевший фюрера вечером 22 апреля, а ранее присутствовавший на ряде оперативных совещаний в рейхсканцелярии, был убежден, что «умственное помешательство Гитлера основывалось на гипертрофированном отождествлении самого себя со своей нацией». // Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/18.html>.

¹⁷⁵ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 601; Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 355.

¹⁷⁶ Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 143, 205.

¹⁷⁷ Шелленберг В. Мемуары. // ННИ, 1991, № 5. С. 177.

¹⁷⁸ Мальков В.Л. Берлин, «бункер фюрера», апрель-май 1945 года. Показания медсестры Эрны Флегель. // ННИ. 2010, № 3. С. 80.

¹⁷⁹ Конев И.С. Сорок пятый. М., 1969. С. 192; Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 466; Ларионов В.В. Последние километры к Победе. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 54.

[†] Примечание научного редактора: Унтер-ден-Линден (нем. Unter den Linden – «под липами») – один из главных и, вероятно, самый известный из бульваров Берлина, получивший своё название благодаря украшающим его липам. Улица ведёт от Парижской площади до Дворцового моста (нем. Schlossbrücke) через реку Шпрее. Западная часть улицы, идущая от Бранденбургских ворот и проходящая через парк Тиргартен, называется сейчас Улица 17 июня (нем. Straße des 17. Juni) – в память о народном восстании 17 июня 1953 г. Богатая история Пруссии отражается в зданиях, которые включают в себя: Бранденбургские ворота, Университет имени Гумбольдта, Дворец Кронпринцев, Дворец Принцесс, Посольство Российской Федерации (бывшее Советское посольство), Берлинская государственная опера, гостиница «Адлон», Берлинский кафедральный собор, Цейхгауз (Арсенал).

да эсэсовцы окружили советское посольство, курсировали советские танки. Над разбитой рейхсканцелярией висел советский флаг. Во дворе советские солдаты обнаружили бывший бункер Гитлера. Полковник СМЕРШа Клименко у дантиста идентифицировал труп Гитлера...

В этом последнем, воистину колоссальном сражении Красная Армия сокрушила 70 германских пехотных дивизий, 12 танковых и 11 моторизованных. В плен попали 480 тысяч немецких солдат и офицеров. Были захвачены полторы тысячи танков и самоходных орудий, 10 тысяч артиллерийских орудий, несчетное число самолетов. За три недели наступления три центральных фронта потеряли 304887 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести; 2156 танков и самоходок, 1220 орудий, 527 самолетов¹⁸⁰. 8 (9) мая был подписан *акт о безоговорочной капитуляции* нацистской Германии.

Могли ли западные союзники взять Берлин? Существует версия, что союзные войска якобы имели возможность раньше Красной Армии захватить Берлин. 22 апреля 1945 г. в газете «Вашингтон пост» появилась статья Дрю Пирсона, в которой отмечалось, что «американские передовые части в пятницу 13 апреля... вступили в Потсдам». Однако «на следующий день они отошли от предместья Берлина примерно на 50 миль в южном направлении, к реке Эльбе. Приказ об отступлении был отдан главным образом потому, что существовало соглашение с русскими, по которому они должны были занять Берлин»¹⁸¹.

Эту версию – о возможности взятия Берлина войсками западных союзников – поддерживал в Англии У. Черчилль¹⁸², а в Америке – генерал Макартур¹⁸³. Британский премьер отмечал, что «главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин»¹⁸⁴. Он «убеждал Эйзенхауэра обрушиться на Берлин и взять его раньше, чем это сделают русские»¹⁸⁵. «Генерал Эйзенхауэр ошибается, – писал он 31 марта 1945 г. генералу Исмею, – полагая, что Берлин в значительной мере утратил своё военное и политическое значение... Мысль о том, что не следует придавать значения Берлину и что нужно предоставить русским захватить его на более поздней стадии, мне кажется неправильной»¹⁸⁶.

Как впоследствии писал об этом сам Д. Эйзенхауэр, Черчилль требовал, чтобы он использовал все имевшиеся в его распоряжении силы и средства для того, чтобы войти в Берлин раньше русских, и был очень недоволен и разочарован тем, что этого не случилось. Он надеялся в будущем извлечь из этого серьезные преимущества¹⁸⁷. В письме от 31 марта 1945 г. главнокомандующему войсками Западного фронта британский лидер писал, что «если мы преднамеренно оставим им Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то ...[это может] усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они... Поэтому я бы в гораздо большей степени предпочёл придерживаться того плана, на основе которого мы форсировали Рейн, а именно, чтобы американская 9-я армия вместе с 21-й группой армий продвинулась к Эльбе и дальше до Берлина»¹⁸⁸. Эту же мысль он продолжил в письме тому же адресату от 2 апреля: «Я, однако, придаю ещё большее значение вступлению в Берлин... Я считаю чрезвычайно важным, чтобы мы встретились с русскими как можно дальше на Востоке»¹⁸⁹.

Недовольство Черчилля вызвало и письмо Эйзенхауэра Верховному главнокомандующему советских вооружённых сил, направленное для координации действий наступающих навстречу друг другу англо-американских и советских войск. В связи с этим Эйзенхауэр писал Маршаллу: «Послание, которое я направил Сталину, было чисто военным шагом, предпринятым в соответствии с моими полномочиями и указаниями Объединённого англо-американского штаба^г, полученными ранее. Откровенно

¹⁸⁰ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html; Уткин А.И. Цена Победы. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 4. С. 27.

¹⁸¹ См.: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 608.

¹⁸² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 574, 578, 579, 580, 598, 602.

¹⁸³ См.: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 67.

¹⁸⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 574.

¹⁸⁵ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

¹⁸⁶ Ibid. С. 578.

¹⁸⁷ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 452-453.

¹⁸⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 579.

¹⁸⁹ Ibid. С. 580.

А вот комментарий английского историка Э. Бивора: «Черчилль, Брук и фельдмаршал Монтгомери... хотели сосредоточить удар на одном избранном участке – в направлении Берлина. Такое желание имело прежде всего политическую подоплеку. Захват Берлина еще до того, как к нему подойдет Красная Армия, мог способствовать выравниванию, баланса сил в ведении дел со Сталиным. Британская сторона также рассчитывала на то, что быстрое падение германской столицы явится сильным психологическим ударом для немцев, подорвет их сопротивление и тем самым значительно сократит сроки войны». // Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/06.html>.

^г Примечание научного редактора: Высший орган коалиционного руководства ВС США и Великобритании во второй мировой войне. Учрежден в январе 1942 на англо-американской конференции глав правительств в Вашингтоне. Разрабатывал планы ведения коалиционной войны; распределял силы и средства по различным ТВД; контролировал и направлял деятельность главнокомандующих и штабов союзных экспедиционных сил на ТВД; утверждал их планы операций. Имел контакты с Генштабом ВС СССР.

говоря, мне даже в голову не пришло предварительно посоветоваться с Объединённым англо-американским штабом, так как я считал, что отвечаю за эффективность военных операций на этом театре военных действий, и было естественно спросить у руководителя русских войск относительно направления и времени их следующего крупного наступления и изложить ему в общих чертах свои намерения»¹⁹⁰.

Черчилля, в первую очередь, волновали вопросы политического престижа, недопущения взятия Красной Армией Берлина и послевоенного устройства Европы. В письме к Рузвельту от 1 апреля 1945 г., отмечая большое стратегическое значение столицы рейха и важность овладения ею, он добавил: «Существует, кроме того, другой аспект, который нам надлежит учесть. Русские армии, несомненно, займут всю Австрию и войдут в Вену. Если они также овладеют Берлином, не возникнет ли у них впечатления, что вклад, внесённый ими в нашу общую победу, – решающий, и не создастся ли у них в результате настроение, которое вызовет огромные серьёзные трудности в будущем»¹⁹¹.

Возражая сэру Уинстону, генерал Эйзенхауэр писал в своих мемуарах: «Естественной целью за пределами Рура являлся Берлин – символ остававшейся немецкой мощи. Его взятие было важно как психологически, так и политически. Но, на мой взгляд, он не являлся ни логичной, ни наиболее желанной целью для войск западных союзников.

Когда в последнюю неделю марта мы стояли на Рейне, до Берлина оставалось триста миль... Русские войска прочно закрепились на Одере... всего в тридцати милях от Берлина... Если бы мы задумали бросить достаточную группировку, чтобы форсировать Эльбу с единственной целью овладеть Берлином, то возникли бы следующие осложнения. Первое: по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдём туда. Второе: снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению войск от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем неразумным: оно было просто глупым решением»¹⁹². А Маршаллу Эйзенхауэр писал, «что сам Берлин более не представляет особой важности. Его полезность для немцев в значительной мере подорвана»¹⁹³.

Однако советское руководство всё же мучили сомнения насчёт планов западных союзников, поэтому Сталин попытался ввести их в заблуждение по поводу истинных намерений Верховного Главнокомандования насчёт Берлина. 1 апреля он направил Эйзенхауэру телеграмму следующего содержания: «Берлин потерял своё прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы... Начало главного удара советских войск, приблизительно – вторая половина мая»¹⁹⁴. «В конце концов, – отмечает Э. Бивор, – русские ввели в заблуждение Эйзенхауэра, скрыв свое намерение захватить Берлин первыми»¹⁹⁵. Каковы же были истинные планы советского командования, мы уже знаем.

В письме Трумэну от 30 апреля Черчилль, по сути, излагал ту же мысль, но на этот раз в отношении чешской столицы: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение Вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны. С другой стороны, если западные союзники не будут играть важную роль в освобождении Чехословакии, эту страну постигнет участь Югославии»¹⁹⁶. «Черчилль стал терять доверие к советскому лидеру, – пишет Энтони Бивор, – которое ранее базировалось на отказе Сталина вмешиваться в греческие дела. У него возникли подозрения, что и он сам и Рузвельт стали жертвами искусного обмана, основанного на создании атмосферы доверия... В любом случае Черчилль был теперь абсолютно уверен, что, пока сталинские намерения в отношении Центральной Европы еще полностью не проявили себя, западные союзники должны запастись как можно большим количеством козырных карт»¹⁹⁷.

Как пишет сам Черчилль, уже через неделю он вновь вернулся к этому вопросу и 7 мая написал Эйзенхауэру: «Я надеюсь, что ваш план не помешает вам продвинуться к Праге, если у вас будут необходимые для этого войска и если вы не встретитесь с русскими раньше. Я думаю, что вы не собирае-

¹⁹⁰ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 458.

¹⁹¹ Цитированно по: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 68; Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 9.

¹⁹² Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 449-450.

¹⁹³ Ibid. С. 455.

¹⁹⁴ Личная и совершенно секретная телеграмма маршала Сталина генералу Эйзенхауэру. 1 апреля 1945 г. // ННИ, 2000, № 3. С. 181.

¹⁹⁵ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/09.html>.

¹⁹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 598.

Сэр Уинстон имел в виду опасность коммунизации Чехословакии. А в Югославии, сразу после её освобождения, к власти пришли коммунисты Иосипа-Броз Тито.

¹⁹⁷ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/09.html>.

тесь сковывать себя, если у вас будут войска и территория окажется свободной»¹⁹⁸. Как видим, главное, что волновало Черчилля в последние недели войны, – это проблемы послевоенного устройства Европы и возросшая «русская угроза». Он горел желанием во что бы то ни стало опередить советские войска и занять как можно более обширные территории в Центральной Европе.

В этом контексте, уже известный нам историк Э. Дзелепи подчёркивал, что «этот удручающий текст знаменовал новое направление, которое Черчилль очень хотел придать войне. Герой „санитарного кордона” вновь оказался на переднем крае антикоммунизма»¹⁹⁹.

Спустя 20 лет, в 1965 г. американский генерал Дж. Гейвин писал, что в марте 1945 г. он получил приказ подготовить парашютный десант на Берлин и что одновременно готовилась к наступлению на германскую столицу бронетанковая дивизия американской армии²⁰⁰. А генерал Брэдли утверждал, что он не наступал на Берлин будто бы из жалости к 100 тыс. солдат, жизни которых эта операция должна была стоить²⁰¹. Кроме как выдумкой подобные высказывания назвать затруднительно, однако они свидетельствуют о реальном желании западных союзников в 1945 г. взять Берлин, если условия позволили бы это.

После войны в Америке звучали обвинения в адрес Рузвельта, будто бы в Ялте он согласился с тем, чтобы Берлин был взят русскими²⁰². Гопкинс категорически опровергает эту версию: «В Ялте не было заключено никакого соглашения о том, что русские должны вступить в Берлин первыми. Этот вопрос даже не обсуждался. Начальники штабов договорились с русскими начальниками штабов и Сталиным по поводу общей стратегии, которая заключалась в том, что обе наши армии должны продвигаться вперёд как можно быстрее.

Неверно также и утверждение, что генерал Брэдли остановился на реке Эльбе по просьбе русских, с тем, чтобы дать русским возможность прорваться в Берлин первыми. Одна из дивизий Брэдли действительно сильно продвинулась в направлении Потсдама, но она оторвалась от своего тыла, лишившись тем самым необходимого снабжения; а каждый, кому хоть что-нибудь известно об этом, понимает, что мы взяли бы Берлин, если бы могли это сделать. Это было бы большой победой для нашей армии, но ссылка Дрю Пирсона на то, что президент согласился, чтобы русские заняли Берлин, является сплошным вздором»²⁰³.

Косвенным подтверждением справедливости слов Гопкинса о том, что никакого соглашения по поводу взятия советскими войсками столицы рейха не было, и что американцы сами стремились её захватить, является и следующий факт. Ещё 19 ноября 1943 г., на борту линкора «Айова», по пути в Каир, президент Рузвельт указывал на неотложность оккупации англо-американцами возможно большей части Европы, вплоть до Берлина. «Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединённые Штаты»²⁰⁴. А, уже находясь на континенте, осенью 1944 г. Д. Эйзенхауэр писал фельдмаршалу Монтгомери: «Нет никаких сомнений, что мы направим всю свою энергию и все ресурсы на то, чтобы нанести молниеносный удар на Берлин»²⁰⁵.

Изучая подлинные документы, нельзя не прийти к выводу, что на совещании военачальников в Ялте считали, что советские и англо-американские армии должны одновременно оказывать максимальное давление на германские войска, чтобы немцы не имели возможности маневрировать и перебрасывать дивизии между Востоком и Западом. Но ни на Крымской конференции, ни в каком-либо другом месте никакие пределы продвижению англичан и американцев на Восток и Красной Армии на Запад не ставились²⁰⁶. В конце концов, читатель может в любой момент ознакомиться с подлинными документами, которые давно опубликованы на русском и английском языках, и сделать собственные выводы.

Подводя итоги данной дискуссии, известный российский историк Лев Безыменский приводит телеграмму Черчилля Идену от 19 апреля 1945 г., в которой есть такие строки: «По-видимому, в настоящий

¹⁹⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 599.

¹⁹⁹ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. М., 1975. С. 46.

²⁰⁰ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 68.

²⁰¹ Брэдли О. Записки солдата. С. 575, 577.

²⁰² Такого рода, высосанные из пальца утверждения можно встретить и в наши дни. // См. Ștefănescu A.V. Reih-ul în clestele Aliatilor (iunie 1944 – mai 1945). // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 5. P. 43.

²⁰³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 608-609.

²⁰⁴ Цит. по: Ржешевский О.А. История второго фронта: война и дипломатия. С. 38; Ржешевский О.А. Последний штурм: Жуков или Конев. Документальный очерк. // <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05-01/sturm.htm>.

²⁰⁵ Цит. по: Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2. С. 6.

²⁰⁶ Крымская конференция трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). М., 1979.

Все без исключения материалы Ялтинской конференции опубликованы и в США, и в СССР, и ни малейшего намёка на какое-либо «соглашение по Берлину» в них нет. Нет этого и в мемуарах ни одного из участников этой исторической конференции.

момент западные партнёры не могут прорваться к Берлину... Русские собрали под стенами города два с половиной миллиона человек, а у американцев там только передовые части»²⁰⁷. «Вот и всё, – приходит к выводу автор. – Формула, согласно которой западные войска „могли, но не хотели” взять Берлин, в действительности гласила: „хотели, но не могли”»²⁰⁸. Данный тезис подтверждается и посланием Эйзенхауэра Монтгомери от 15 сентября 1944 г.: «Ясно, что Берлин является нашей главной целью, объектом, для обороны которого противник, видимо, сосредоточит свои главные силы. Поэтому, мне кажется, нет никаких сомнений в том, что мы должны сконцентрировать всю нашу энергию и ресурсы на быстром осуществлении удара в направлении на Берлин»²⁰⁹. Нет никаких сомнений – если бы западные союзники смогли, они взяли бы Берлин.

Однако такое положение дел стало абсолютно ясным уже после окончания этих событий, а тогда, в апреле 1945 г., советское командование не было до конца уверено в том, что взятие столицы рейха не может быть осуществлено американцами[†]. Чтобы не допустить развития событий по такому сценарию, пришлось даже ускорить выход 5-й армии генерала Жадова к Эльбе до того, как был захвачен Берлин. Маршал Жуков в связи с этим вспоминал: «Я когда звонил Сталину, он говорил: „Как бы американцы и англичане не ворвались раньше нас в Берлин”. Я отвечал ему, что мы как раз в первую очередь ставим задачу – отсечь союзников от Берлина, а затем взять Берлин»²¹⁰.

В майские дни 1945 года весь мир воздавал должное подвигу советских воинов, водрузивших Знамя Победы над поверженной столицей нацистского рейха. Вот что писала в этой связи популярнейшая на тот момент французская газета «Комба»: «Итак, честь взятия Берлина будет принадлежать советскому оружию. Некоторые искренне приветствуют этот факт, другие, не желая в этом признаться, будут огорчены: они предпочли, чтобы подобная честь выпала на долю английской, американской или, наконец, французской армии... Взятием Берлина Советская Армия напоминает всем нам, чем мы ей обязаны. И это никогда не должны забывать»²¹¹.

²⁰⁷ Безыменский Л. Конец одной легенды. С. 28-29.

²⁰⁸ Ibid. С. 29.

²⁰⁹ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 459.

[†] Примечание научного редактора: О том, что перспектива овладения Берлином англо-американскими войсками вызывала большую озабоченность у Советского Верховного Главнокомандования, прежде всего у И.В. Сталина, и что Ставка решила приложить максимум усилий, дабы непременно опередить союзников во взятии столицы «третьего рейха», красноречиво свидетельствуют мемуары командующего 1-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева. Иван Степанович вспоминает, что на заседание Ставки 1 апреля были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г.К. Жуков и он сам. «Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

– Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что, по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко [начальнику Главного оперативного управления Генерального штаба – В.П.] и сказал ему:

– Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочёл вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу взять его раньше Советской Армии. Основная группировка создаётся под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. В телеграмме перечислялся целый ряд предварительных мероприятий, которые проводились союзным командованием: создание группировки, стягивание войск. Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идёт вовсю.

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

– Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

– Берлин будем брать мы и возьмём его раньше союзников...

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска [1-го Белорусского фронта – В.П.] готовы взять Берлин...

Выслушав нас, Сталин сказал:

– Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утверждёнными планами на руках. – Верховный Главнокомандующий предупредил, что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено».

И далее Конев заключает: «Вопрос Сталина, кто будет брать Берлин, телеграмма о том, что у союзников полным ходом идёт подготовка к Берлинской операции, подсказывали: сроки готовности к операции надо максимально приблизить». // Конев И.С. Сорок пятый. М., 1970. С. 87-89.

²¹⁰ Коммунист, 1988, № 14. С. 101.

²¹¹ Ларионов В.В. Последние километры к Победе. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 64.

3. Капитуляция милитаристской Японии²¹² и окончание войны

Положение Японии в начале 1945 г. После захвата Марианских островов летом 1944 г. было начато американское стратегическое авиационное наступление на Японию. 9 марта 1945 г. 279 самолётов Б-29, каждый из которых нёс на борту 6-8 т зажигательных бомб, нанесли опустошительный урон Токио. Пожары выжгли площадь около 40 кв. км, что составило четверть общей площади города, при этом было уничтожено свыше 267 тыс. домов. Потери среди гражданского населения составили 185 тыс. чел. В последующие 9 дней подобным же образом были разрушены города Осака, Кобе и Нагоя. К 19 марта эти налёты прекратились, потому что у американцев истощился запас зажигательных бомб. Но вскоре они возобновились, причём в увеличенных масштабах. Последствия этих бомбардировок оказались потрясающими. Резко пал моральный дух населения – из городов бежало 8,5 млн жителей. В результате, более чем на половину сократилось военное производство²¹³.

Ещё в феврале 1945 г. ряд старейших японских политиков во главе с Канозэ обратились к микадо, указав: «Дальнейшее продолжение войны сыграет только на руку коммунистам»²¹⁴. Как следствие, по инициативе императора Хирохито, были предприняты попытки, через посредство СССР, предложить условия мира западным союзникам²¹⁵. 20 июня он пригласил на заседание шестерых членов высшего совета по руководству войной и заявил им: «Вы должны рассмотреть вопрос о прекращении войны как можно скорее»²¹⁶. Трое высших госчиновников выступили за продолжение сопротивления до тех пор, пока Япония не добьётся некоторого смягчения условий²¹⁷.

26 июля руководители американского, британского и китайского правительств направили Японии ультиматум – Потсдамскую декларацию – с требованием безоговорочной капитуляции²¹⁸. Однако японский премьер-министр Судзуки отверг данный документ, заявив: «Мы игнорируем её. Мы будем неотступно идти вперёд и вести войну до конца»²¹⁹. Он это сделал, хотя большинство членов правительства склонялось к её принятию²²⁰. Правда, не следует недооценивать способность Японии к оказанию дальнейшего сопротивления. В августе 1945 г. её вооружённые силы насчитывали 7 млн чел., 10 тыс. самолётов, 500 боевых кораблей. США и их союзники располагали в Азиатско-Тихоокеанском регионе 1,8 млн чел.* и 5 тыс. самолётов²²¹.

²¹² См.: История второй мировой войны. Т. 11. М., 1980. С. 161-366; Василевский А.М. Разгром Квантунской Армии. Хабаровск, 1968; Василевский А.М. Дело всей жизни. Книга вторая. С. 238-272; Захаров М.В. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М., 1969; История военного искусства. С. 332-353; Плиев И.А. Конец Квантунской Армии. Орджоникидзе, 1969; Петров В.И. Разгром милитаристской Японии на Дальнем Востоке. М., 1985; Победа СССР в войне с милитаристской Японией, и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977; Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985; Гареев М.А. Сокрушительный удар советских войск. // ВИЖ, 1997, № 5; Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года. // ННИ, 2005, № 5; Соколов В.В. К истории капитуляции Японии. // ННИ, 2005, № 5; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 564-567.

²¹³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 642, 643.

²¹⁴ История войны на Тихом океане. Т. 4. М., 1958. С. 180.

²¹⁵ Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией. // ННИ, 1995, № 4. С. 16-21.

²¹⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 645.

²¹⁷ Правда, при этом, ещё 6 июня 1945 года, в выступлении замначальника генштаба на заседании Высшего Совета в открытую говорилось, что «необходимым условием ведения войны с США является поддержание мирных отношений с Советским Союзом». // Асмолов К. // Победа на Дальнем Востоке. // Великая обогнанная война-2. М., 2008. // http://militera.lib.ru/research/pyhalov_dukov/index.html.

²¹⁸ Потсдамская конференция руководителей трёх союзных держав. С. 30-31; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 666-668; Ștefănescu M. A fost necesară folosirea bombei atomice împotriva Japoniei? // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 8. P. 47.

²¹⁹ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 555.

²²⁰ Однако это не относится к командованию и офицерскому корпусу сухопутной армии. Военщина категорически выступала за продолжение сопротивления. К этому времени в японских сухопутных войсках насчитывалось 223 расчётные дивизии, из которых 53 пехотные и 2 танковые (2350 тыс. солдат и офицеров) предназначались для обороны метрополии. Авиация, прикрывающая острова, составляла 3300 самолётов. Войска союзников в бассейне Тихого океана насчитывали не более 550 тыс. солдат и офицеров и до 5000 самолётов, т.е. этих сил было явно недостаточно для сокрушения Японии. Всё это, естественно, учитывалось в Токио, когда отвергалась Потсдамская декларация. // Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964. С. 148-150, 156-159; см. также: Победа на Востоке. С. 71-72.

* Однако для штурма Японских островов на тот момент предназначались, как отмечалось выше, всего 550 тыс. военнослужащих.

²²¹ Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года. // ННИ, 2005, № 5. С. 3.

Начало атомной дипломатии США. В этих условиях президент Трумэн и его окружение были готовы применить против японцев атомную бомбу²²², а Сталин – вступить в войну с Японией. Правда, американцы стали рассматривать новое оружие в первую очередь не как средство скорейшего окончания войны²²³, а в качестве всё возрастающего элемента своей внешней политики, особенно в отношении Советского Союза²²⁴. К концу мая 1945 г. этот подход с позиции силы усвоили ответственные круги Вашингтона. 28 мая 1945 г. вновь вступивший в должность госсекретаря Бирнс заявил, что обладание атомной бомбой и её демонстрация сделает Россию более податливой в Восточной Европе: «Новое оружие даст нам возможность продиктовать при окончании войны свои условия Советскому Союзу»²²⁵. А в сочетании с необходимостью СССР в американской экономической помощи это неизбежно должно было дать положительные результаты.

Посол в Москве А. Гарриман также был уверен, что Советское правительство будет вынуждено уступить требованиям Америки, «ибо оно нуждается в нашей помощи, чтобы восстановить свою страну»²²⁶. В этом плане американский историк Г. Алпровиц пишет: «Стратегию, предложенную Гарриманом, можно суммировать в нескольких фразах. Действия Советского Союза в Восточной Европе должны были вызвать контрдействия со стороны США. Поскольку Америка обладала подавляющей экономической мощью, а Советский Союз стоял перед лицом огромных восстановительных работ, Соединённые Штаты находились в исключительно выгодной позиции с точки зрения торговли. Политика, которой придерживался Рузвельт, должна была быть пересмотрена. Твёрдый курс и немедленная символическая проба сил показали бы русским, что их дальнейшее господство над Восточной Европой „обойдётся им дорого“. А так как русские сильно нуждались в экономической помощи со стороны Америки, то подобная схватка, по всей вероятности, закончится успешно для Соединённых Штатов и заставит русских принять американские условия. Возможность же неудачи, а также разрыва отношений между двумя странами была крайне незначительной»²²⁷.

Военные действия Советского Союза на Дальнем Востоке. Дискуссии о заинтересованности в этом западных держав. 8 августа Советское правительство объявило о своем вступлении в войну против Японии²²⁸. Благо, предлогов для этого было предостаточно: за годы войны японские войска 779 раз нарушали сухопутную границу Советского Союза и более 400 раз – его воздушное пространство²²⁹. Це-

---

²²² Ещё 16 июля, сразу же после успешного испытания атомной бомбы, Трумэн созвал совещание, на котором присутствовали Бирнс, Стимсон, Леги, Маршалл, Кинг и Арнольд. Участники совещания единодушно высказались за применение атомной бомбы против Японии. // Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 339.

Подробнее см.: Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945. С. 262-283.

²²³ Руководитель «Манхэттенского проекта» генерал Лесли Гровс в своих воспоминаниях доказывает обратное: «Всем ответственным работникам Манхэттенского проекта стало ясно, что наша работа по созданию оружия... может спасти жизнь неисчислимому количеству американских солдат». Однако несколько далее он хладнокровно рассуждает о сбросе атомной бомбы над Нагасаки в непосредственной близости от лагеря американских военнопленных. // Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М. 1964. С. 223, 261.

В этом контексте имеет значение и вопрос о выборе целей для атомных ударов, так как он доказывает крайний цинизм людей, принимавших данные решения. Так, Гровс первоначально предложил четыре объекта для бомбардировки: Кокура, Хиросима, Ниигата и древнюю столицу Японии, один из величайших центров древнеяпонской архитектуры – Киото. «При назначении этих объектов Гровс руководствовался соображениями, весьма далёкими от гуманности. Когда возникли возражения против Киото, он привёл в доказательство своей правоты два аргумента: во-первых, город имел более чем миллионное население и, следовательно, можно ожидать хороший эффект взрыва; во-вторых, он занимает огромную площадь, на которой вполне укладывается предполагаемый диаметр зоны разрушения. Одним словом, его очень устраивала площадь города для оценки мощности бомбы. Гровс долго настаивал на выборе этого объекта для первой атомной бомбардировки. Но на этот раз даже поощрявшие его настойчивость политические деятели увидели, что генерал перегнул палку. Впоследствии объекты для атомных ударов были уточнены, и вместо Киото в список попал ныне получивший печальную известность город Нагасаки». // Ларионов В.В. «Во имя величия Америки». // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 79.

²²⁴ См., например, мнение А. Верта. // Верт А. Россия в войне. С. 759, 760.

²²⁵ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 101; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 73; Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968. С. 8; Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 448; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 294; Зловещая эстафета. М., 1982. С. 56; Белецкий В.Н. Потсдам 1945. История и современность. М., 1987. С. 180; Воронцов В.Б. Трагедия сорок пятого (Из истории первой атомной бомбы). М., 1986. С. 31, 35.

²²⁶ Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 15.

²²⁷ Ibid. С. 16.

²²⁸ Кутаков Л. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 461; Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 225; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 544.

Ещё 5 апреля 1945 г. Советское правительство денонсировало пакт о нейтралитете с Японией. // Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. // ННИ, 2011, № 1. С. 34.

²²⁹ Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года. // ННИ, 2005, № 5. С. 3.

ли, которых добивался СССР, были разгром японского милитаризма и распространение советского влияния на Дальнем Востоке. Также предусматривалось возвращение территорий, утраченных в результате русско-японской войны 1904-1905 гг. В Токио это событие было понято как лишаящее Японию малейших шансов на успех в войне.

Рано утром министр иностранных дел Того посетил премьер-министра Судзуки и заявил о необходимости закончить войну. Премьер согласился с ним. 9 августа в 10 часов 30 минут на заседании Высшего совета по руководству войной Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны»²³⁰.

Таблица 15. *Соотношение сил между советскими и японскими войсками в Маньчжурии в августе 1945 г.*

Силы и средства	Советские войска	Японские войска	Соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	1500	1200	1,25:1
Орудия и миномёты	26000	5400	4,8:1
Танки, САУ, штурмовые орудия	5500	1200	4,6:1
Боевые самолёты	3800	1800	2,1:1

После войны разгорелись острые дискуссии по вопросу о том, насколько вступление Советского Союза в войну было желательно для западных союзников, получивших к тому моменту атомное оружие, и насколько оно ускорило капитуляцию Японии²³¹. Данный вопрос противоречив не только по причине существования разных мнений²³², но и потому, что с появлением атомного оружия позиция США действительно претерпела существенную эволюцию, изучению которой посвящена монография американского историка Алпровица²³³.

Ещё в июле 1945 г. Черчилль²³⁴ по этому поводу говорил: «Совершенно ясно, что Соединённые Штаты в настоящее время не желают участия русских в войне против Японии»²³⁵. В противоположность этой точке зрения следует напомнить слова Трумэна, известного своей антисоветской позицией. Даже он писал, что «русские... спасли нам много жизней в войне против немцев... Мы очень хотели, чтобы русские вступили в войну против Японии». Далее, говоря о своей позиции в период Потсдамской конференции, он сообщал: «Во всяком случае, я был озабочен, чтобы русские вступили в войну против Японии по возможности скорее, спасая таким образом жизни неисчислимо большому числу американцев... Было много причин для моего приезда в Потсдам, – утверждал ниже Трумэн. – Но самой срочной я считал получение лично от Сталина подтверждения о вступлении России в войну против Японии. Решение этого вопроса больше всего беспокоило наших военных начальников... Черчилль

²³⁰ См.: Иноуэ К., Ононоги С., Судзуки С. История современной Японии. М., 1955. С. 263-264; Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. М., 1985. С. 93; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 343; Победа на Востоке. С. 59; Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. // ННИ, 2011, № 1. С. 36.

²³¹ Так, например, французский историк Ж. Лонай считает, что фактически решение о капитуляции было принято императором утром 9 августа сразу после объявления Советским Союзом войны Японии и за несколько часов до сброса американцами второй атомной бомбы на Нагасаки. Главную роль в этом, по его мнению, сыграло вступление СССР в войну. // Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. Vol. 2. P. 411.

Румынский историк М. Штефэнеску придерживается мнения, что бомба и вступление СССР в войну явились решающими факторами капитуляции Японии, но бомба, по его мнению, сыграла в этом более важную роль. // Ștefănescu M. A fost necesară folosirea bombei atomice împotriva Japoniei? // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 8. P. 48.

²³² Иногда эти противоречия свойственны одному и том же автору. Так, бывший посол США в СССР Ч. Болен в своих мемуарах утверждает, что решение о вступлении Советского Союза в войну с Японией было «абсолютно ненужным». Но одновременно он признаёт, что в то время оно оценивалось в Соединённых Штатах как «величайшее достижение... возможность избежать с помощью СССР огромных американских потерь в ходе завершающего наступления на Японию». // См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 223.

²³³ См.: Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968.

²³⁴ Правда, до появления атомной бомбы английский премьер неоднократно выражал своё страстное желание в пользу вступления СССР в войну против Японии. Так, например, 27 сентября 1944 г. он писал Сталину: «Я искренне желаю и, зная, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну... как только германская армия будет разбита и уничтожена... Я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трёхсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трёх великих держав, могут быть решающими». // Советско-английские отношения. Т. 2. С. 180.

Об этом же он писал 29 сентября и Рузвельту, считая вступление СССР в войну против Японии одной из основных общих задач Великобритании и США. // Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 442.

²³⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 664.

так же сильно, как я, желал присоединения России к войне с Японией. Он, как и наши военные руководители, чувствовал, что вступление России ускорит поражение Японии»²³⁶.

По поводу позиции военных руководителей США в этом вопросе Трумэн был совершенно прав. Так, например, комитет начальников штабов констатировал следующее: «Как можно более раннее вступление России, соразмерное с её способностью участвовать в наступательных операциях, необходимо для обеспечения максимальной поддержки наших тихоокеанских операций... Задача русских дальневосточных вооружённых сил должна состоять в ведении широкого наступления против Маньчжурии, чтобы связать японские вооружённые силы и ресурсы в Северном Китае». И далее: «Воздействие русского вторжения на японцев, не имеющих уже никаких шансов, может стать решающим фактором и заставит их пойти на капитуляцию».

Бывший глава американской военной миссии в Москве генерал Дин писал в своих мемуарах уже после войны: «Мы не были также уверены и в том, что, даже завладев японскими островами, сильная и почти полностью снабжённая всем необходимым Квантунская армия, соединившаяся с японскими силами в Китае, не будет продолжать борьбу, и не будет делать попыток создать новое японское государство. Победу нельзя было считать окончательной, пока существовала эта армия»²³⁷.

Командующий подводным флотом США на Тихом океане вице-адмирал Локвуд отмечал, что «большинство людей с нетерпением ждали вступления России в войну на Востоке». 13 марта 1945 г. генерал Макартур отмечал: «С военной точки зрения мы должны предпринять все усилия, чтобы вовлечь Россию в японскую войну до того, как мы дойдём до Японии, иначе нам придётся принять на себя всю тяжесть удара японских дивизий и понести соответствующие потери»²³⁸. Идентичным было и мнение Дж. Маршалла: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать»²³⁹. Данная точка зрения основывалась на той реальности, что хотя военно-морская мощь Японии к этому времени уже была окончательно сломлена американским флотом, её сухопутные силы оставались фактически нетронутыми.

Американские военные считали, что для разгрома Японии им потребовалась бы семимиллионная армия и 18 месяцев времени²⁴⁰. Они опасались, что, штурмуя Японские острова, армия США начнёт нести потери, сходные с теми, которые несла Советская Армия в годы тяжёлых сражений с вермахтом один на один. Среди военного командования США преобладало мнение, что «Японию нельзя победить до 1947-го или 1948 г.»²⁴¹. В памятной записке Стимсона Трумэну от 2 июля 1945 г. отмечалось, что «имеются основания полагать, что последующие за высадкой десанта операции по овладению Японией могут оказаться длительными и потребуют с нашей стороны больших затрат и упорной борьбы. Начав вторжение, нам придётся... завершать его даже ещё более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесём огромные потери и будем вынуждены оставить Японию, причём наши войска окажутся даже в более ослабленном состоянии, чем после войны с Германией»²⁴².

Известно также, что и Рузвельт, и Гопкинс категорично добивались вступления СССР в войну с Японией. «Было очевидно, – отмечает Р. Шервуд, – что вступление Советского Союза в войну против Японии в середине лета – до начала крупного вторжения – может спасти бесчисленное множество американских жизней и, возможно, даже сделает ненужным окончательное вторжение»²⁴³. Да и К. Эттли, сменивший на посту премьер-министра Великобритании У. Черчилля, приветствовал «это великое решение России... Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством со-

²³⁶ Truman H. Memoirs. Vol. 1. Year of Decision. N.Y., 1955. P. 229, 245, 387, 411.

Рассказывая о Потсдамской конференции лауреату Нобелевской премии физику Артуру Х. Комптону, президент Г. Трумэн особо подчёркивал тот факт, что американцы стремились заручиться поддержкой России. Доктор Комптон вспоминает: «Почти каждый раз он (Трумэн), встречаясь со Сталиным (в Потсдаме), спрашивал, скоро ли начнётся наступление русских армий в Маньчжурии... Как объяснил мне Трумэн, на этом основывалась тщательно продуманная американская стратегия». // См.: Лоуренс У.Л. Люди и атомы. Открытие, использование и будущее атомной энергии. М., 1967. С. 153.

²³⁷ См.: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 354-355; Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 122; Сиполс В.Я., Челышев И.А. Крымская конференция. С. 60; Нечаев И. В. По ступеням ядерного безумия. М., 1987. С. 26.

Об этой позиции американских военных свидетельствует и Э. Стеттиниус – бывший госсекретарь. // Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 362, 364-365.

²³⁸ См.: Зловещая эстафета. С. 75; Сосинский С. Акция «Аргонавт». С. 78; Иойрыш А.И., Морохов И.Д. Хиросима. С. 229.

²³⁹ Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. // ННИ, 2011, № 1. С. 34.

²⁴⁰ Уткин А.И. Тихоокеанская ось. С. 35.

²⁴¹ Элдридж Ф. Гнев в Бирме. М., 1947. С. 95.

²⁴² Эрман Дж. Большая стратегия. С. 271-272; Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией. // ННИ, 1995, № 4. С. 22.

²⁴³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 585.

лидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира»²⁴⁴.

Правда, для правильной расстановки акцентов следует отметить, что в этом вопросе внутри военных и политических кругов Запада в конце 1944 – начале 1945 гг. единства не было. К примеру, американский генерал Эмбик считал, что вступление СССР в войну будет иметь «первостепенное значение» для сковывания Квантунской армии на Азиатском континенте в случае, если США вторгнутся в Японию²⁴⁵. Генерал Макартур заявил 28 февраля 1945 г. Форрестолу^r, что США не смогут использовать свои силы на территории Японии, не получив заверения в том, что «японцы будут серьезно заняты русскими в Маньчжурии».

Другая часть американской правящей элиты отстаивала мнение, что США, обладая атомным оружием и военным превосходством на Тихом океане, не будут нуждаться в поддержке СССР против Японии. Эти круги оказывали нажим на Рузвельта, особенно после Ялты, побуждая его к отказу от политики сотрудничества с Советским Союзом²⁴⁶. Тот же Форрестол на заседании кабинета 1 мая 1945 г. поставил вопрос: «Насколько целесообразно нам добиваться Японии? Что мы собираемся противопоставить русскому влиянию – Китай или Японию?»²⁴⁷. И генерал Эйзенхауэр также «категорически выступал против вступления Красной Армии в эту войну», т.к. считал, что «имеющиеся сведения указывают на неизбежность скорого краха Японии»²⁴⁸.

Тот факт, что позиция США и Англии по вопросу о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке и после появления атомного оружия принципиально не изменилась, подтверждают многие официальные документы и материалы, увидевшие свет уже после капитуляции Германии²⁴⁹. Так, в частности, во время визита Гопкинса в конце мая в Москву и его бесед со Сталиным, по инициативе американской стороны, интенсивно обсуждался вопрос о начале войны Советского Союза против Японии²⁵⁰.

Уже на Потсдамской конференции, во время беседы американского и советского лидеров, Трумэн заявил, что США ожидают помощи от Советского Союза в войне с Японией. Когда Сталин подтвердил, что в середине августа СССР начнёт военные действия против Квантунской армии, американский президент выразил своё удовлетворение по этому поводу²⁵¹. Следует отметить, что в решающей степени позиция Трумэна определялась продолжающимся на него давлением со стороны военных, мнение которых ничуть не изменилось и после испытания атомного оружия.

«Даже на Потсдамской конференции, – вспоминает Стеттиниус, – после взрыва атомной бомбы в Лос-Аламосе 16 июля, военные продолжали настаивать, чтобы Советский Союз принял участие в войне на Дальнем Востоке. Как в Ялте, так и в Потсдаме у военных штабов особенное беспокойство вызывала дислоцированная в Маньчжурии японская армия. Описываемая как цвет японских сухопутных войск, эта самостоятельная группировка войск со своим собственным командованием и индустриальной базой, считалась способной продолжать войну даже после захвата островной Японии, если Россия не вступит в войну и не начнёт военных действий против этой армии. Считаясь с этим, военные советники президента упорно настаивали на вступлении русских в войну. Если японцам придётся повернуть часть своих сил, чтобы встретить наступающих с севера русских, наши потери значительно уменьшатся»²⁵².

Однако, в любом случае, приветствовали или нет американские политики и военные вступление СССР в войну, они предпочитали, чтобы Япония капитулировала до начала вторжения Красной Армии в Маньчжурию, для избежания проникновения советского влияния в Северный Китай. «Хотя была достигнута договорённость о том, что Советский Союз вступит в войну через три месяца после капитуляции Германии, – признался Бирнс, – президент и я надеялись, что Япония капитулирует до этого... Мы хотели покончить с войной с Японией до вступления в неё русских»²⁵³. Ту же мысль высказал и Стимсон: «Ранняя капитуляция Японии будет выгодной для Соединённых Штатов как потому, что будет достигнуто громадное сокращение издержек войны, а также в связи с тем, что даст нам лучшую возможность урегулировать дела в западной части Тихого океана до того, как слишком много наших

²⁴⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 365.

²⁴⁵ Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941-1942 гг. М., 1955. С. 545.

^r Примечание научного редактора: Джеймс Форрестол – военный министр США.

²⁴⁶ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 89-90; Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 355.

²⁴⁷ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 328.

²⁴⁸ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 499.

²⁴⁹ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 401, 404-407, 436, 439, 441, 478.

²⁵⁰ Ibid. С. 401, 404-407; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 617, 634-635.

²⁵¹ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 439.

²⁵² Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 365-366.

Данную точку зрения полностью подтверждает и А. Гарриман. // См.: Лоуренс У.Л. Люди и атомы. С. 152.

²⁵³ Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 114.

союзников примут в ней участие и внесут существенный вклад в разгром Японии»²⁵⁴. Алпровиц подводит итог этим высказываниям: «Следовательно, главная цель теперь носила не военный, а политический характер – можно ли закончить войну до 8 августа?»²⁵⁵.

Атомные бомбардировки Японии. Их целесообразность в военном отношении. 6-го и 9-го августа 1945 г. были сброшены американские атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки²⁵⁶. По поводу военной целесообразности данного решения, унесшего сотни тысяч жизней мирных граждан, по настоящий день продолжают споры²⁵⁷. И в те времена, и сегодня некоторые пытаются выдать это величайшее зло за добро. У. Черчилль, от своего имени и от имени Г. Трумэна, оправдывает эти бомбардировки необходимостью сокращения сроков окончания войны и уменьшения общего количества жертв: «Мы предвидели отчаянное сопротивление японцев, сражающихся насмерть с самоотверженностью самураев... Для того, чтобы подавить сопротивление японцев и завоевать их страну метр за метром, нужно было пожертвовать миллионом жизней американцев и половиной этого числа жизней англичан... Сейчас эта кошмарная перспектива исчезла... Японский народ... сможет усмотреть в появлении этого сверхъестественного оружия оправдание, которое спасёт его честь и освободит его от обязательства погибнуть до последнего солдата.

Кроме того, нам не нужны будут русские... Во всяком случае, не возникло даже и речи о том, следует ли применять атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну... казалась чудом избавления. Принципиальное согласие англичан использовать это оружие было дано 4 июля... Решение об использовании атомной бомбы для того, чтобы вынудить Японию капитулировать, никогда даже не ставилось под сомнение. Между нами было единодушное, автоматическое, безусловное согласие»²⁵⁸.

Однако позже Черчилль выразил сомнение в правильности решения о применении атомного оружия: «Было бы неправильно предполагать, что атомная бомба решила судьбу Японии. Поражение было предreshено ещё до того, как упала первая бомба, и оно было обеспечено подавляющей морской мощью. Одна эта мощь дала возможность захватить океанские базы, с которых можно было повести окончательное наступление, и вынудить японскую армию, находившуюся на территории собственно Японии, капитулировать, даже не нанеся удара»²⁵⁹.

Следует отметить, что и среди ближайших сотрудников Трумэна были противники применения атомного оружия против гражданского населения. Среди них – и адмирал Леги. «По моему мнению, – писал он, – применение этого варварского оружия против Хиросимы и Нагасаки не оказало нам материальной помощи в войне против Японии. Японцы были уже разбиты и готовы капитулировать в результате эффективной морской блокады и успешной воздушной бомбёжки с использованием обычного оружия... Я лично чувствовал, что, применяя это оружие первыми, мы заимствовали нравы, типичные для варваров эпохи мрачного средневековья. Меня не учили воевать подобным образом, и войну нельзя выиграть убийством женщин и детей»²⁶⁰.

В отчёте ВВС США о результатах стратегических бомбардировок подчёркивалось: «Представляется ясным, что даже без атомных бомбардировок превосходство в воздухе могло создать давление, достаточное для того, чтобы обеспечить безоговорочную капитуляцию и избежать необходимости вторжения». Главнокомандующий ВМС адмирал Кинг говорил, что одна только морская блокада «заставила бы японцев сдаться в результате истощения... если бы мы захотели ждать»²⁶¹. Такой же точки зрения

²⁵⁴ Ibid.; см. также С. 183.

²⁵⁵ Ibid. С. 115.

²⁵⁶ История войны на Тихом океане. Т. 4. Второй период войны. С. 202-203, 206; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 544, 545; Ștefănescu A.V. Infernul pe Pământ: Hiroshima și Nagasaki. // Dosarele istoriei. 2005, Nr. 8.

²⁵⁷ «Происходили дискуссии о том, как применить бомбу: следует ли нам устроить перед всем миром демонстрацию её разрушительной силы и затем просто предъявить Японии ультиматум или применить её без предупреждения». // Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. С. 225.

Известный американский учёный-атомщик Лэпп Ральф по поводу того, сколько ещё могли японцы продержаться без применения против них атомного оружия, пишет: «Ответы на эти вопросы нам сейчас известны из прекрасного отчёта „Борьба Японии за окончание войны“, составленного американским управлением по изучению результатов стратегических бомбардировок. В этом документе весьма убедительно доказано, что, когда на Японию была сброшена атомная бомба, она уже стояла на коленях». // Лэпп Р. Атомы и люди. М., 1959. С. 86.

В другой своей работе этот же автор подчёркивает: «Позже было проведено официальное расследование результатов стратегических бомбардировок Японии, результаты которого совпали с мнением командования военно-воздушных сил, считавшего, что Японию можно было победить, продолжая обычные воздушные налёты». // Лэпп Р. Новая сила. Об атомах и людях. М., 1954. С. 68.

²⁵⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 663-664.

²⁵⁹ Ibid. С. 669.

²⁶⁰ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 435.

²⁶¹ См.: Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 648.

придерживался и генерал Эйзенхауэр: «Я выразил надежду, что мы никогда не применим такое оружие против любого врага, так как мне было бы неприятно видеть Соединённые Штаты в роли инициатора использования в войне столь ужасного и разрушительного средства»²⁶².

В скором крушении Японии были убеждены и разведывательные службы американской армии и флота. Так, начальник военной разведки на тихоокеанском театре военных действий А. Мак-Кармак вспоминал: «Мы обладали настолько полным господством в воздухе над Японией, что нам буквально о каждом судне было известно... У японцев уже истощились запасы продовольствия, а резервы горючего оказались практически исчерпаны. Мы начали секретную операцию по минированию всех их заливов и гаваней, что неуклонно увеличивало их изоляцию от остального мира. Если бы мы довели эту операцию до её логического завершения, то разрушение японских городов с помощью зажигательных или других бомб было бы вовсе не нужным»²⁶³.

«Однако атомная бомбардировка оказала намного меньшее влияние на японское правительство, чем считали в то время на Западе», – писал Лиддел Гарт. Она не поколебала позиции тех членов «совета шести», которые выступали против безоговорочной капитуляции. Что касается японского народа, то он узнал о случившемся в Хиросиме и Нагасаки лишь после войны. «Объявление Россией войны Японии и незамедлительное продвижение русских войск в Маньчжурию, начавшееся на следующий же день, ускорили окончание войны почти в такой же мере, однако авторитет императора оказал в этом отношении ещё большее воздействие»²⁶⁴.

Лиддел Гарт очень убедительно доказывает ненужность с военной точки зрения применения атомного оружия против Японии с целью её принуждения капитулировать: «Для достижения этого результата не было действительной необходимости применять атомную бомбу. В условиях, когда было потоплено или выведено из строя девять десятых торгового флота Японии, нанесён невосполнимый ущерб её авиации и флоту, разрушена промышленность, а запасы продовольствия, необходимые для поддержания жизни японского народа, быстро таяли, крах Японии стал неминуем... Этот ужасный удар... лишь ускорил момент капитуляции. Капитуляция уже стала неизбежной, и не было никакой действительной необходимости применять такое оружие»²⁶⁵.

Решение японского правительства сложить оружие. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые другие историки. «Вступление Советского Союза в войну, – пишет профессор Хаттори, – последовавшее после того, как на Хиросиму была сброшена атомная бомба, укрепило решимость императора и руководителей верхушки в правительстве и в стране немедленно принять условия Потсдамской декларации как единственный путь к окончанию войны». На заседании кабинета 9 августа Хирохито ясно указал на безнадёжность положения и высказался за немедленное заключение мира. За принятие требований союзников, при условии, что будет сохранена верховная власть императора, высказался министр иностранных дел Того. Даже военный министр Анами, противник «безоговорочной капитуляции» и сторонник продолжения войны, заявил: «Конечно, если учитывать такие факторы, как наличие у противника атомной бомбы и вступление СССР в войну, нам трудно надеяться на победу».

После бурных дискуссий все сошлись на том, чтобы принять Потсдамскую декларацию, однако единого мнения относительно условий её принятия достигнуто не было. Проект решения по обсуждаемому вопросу, составленный Того, поддержало шесть человек; за проект военных, выдвигающий дополнительные условия (японские войска, находящиеся за границей, демобилизуются после их отвода в Японию, военные преступники подлежат юрисдикции японского правительства, не будет осуществлена оккупация страны), а в случае отказа союзников их принять – продолжать войну, высказались трое; пятеро воздержались. Император согласился с проектом министра иностранных дел.

10 августа было составлено заявление японского правительства, адресованное правительствам США, Великобритании, СССР и Китая, в котором отмечалось: «Императорское правительство решило принять эти условия, поскольку указанная декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы Его Величества как суверенного правителя»²⁶⁶.

14 августа микадо вновь решительно заявил, что решение о капитуляции – это единственный путь обеспечить сохранность государства и облегчить страдания народа: «Его Величество император издал императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской декларации». После этого было

²⁶² Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 501.

²⁶³ Цит. по: Юнг Р. Ярче тысячи солнц. М., 1960. С. 175.

²⁶⁴ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 647.

²⁶⁵ Ibid. С. 648, 649.

²⁶⁶ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 559-564.

Подробнее о противоречивых дискуссиях и борьбе внутри японских правящих кругов по вопросу о капитуляции см.: Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. М., 1971; История войны на Тихом океане. Т. 4. С. 211-213.

объявлено по радио о капитуляции Японии при условии, что будет уважаться верховная власть императора²⁶⁷. Трумэн принял это условие²⁶⁸.

В полдень 15 августа император объявил о капитуляции Японии и отдал приказ вооружённым силам о прекращении войны. Характерно, что он ни словом не обмолвился об атомных бомбардировках, но зато наступление советских войск охарактеризовал как основную причину окончания войны. «Советский Союз, – гласило обращение Хирохито, – вступил в войну, и, принимая во внимание положение дел в стране и за границей, мы полагаем, что продолжать борьбу – значит служить дальнейшему бедствию... Поэтому, несмотря на высокий боевой дух императорской армии и флота, мы намерены начать переговоры о мире... во имя спасения нашего государственного строя»²⁶⁹.

Однако Квантунская армия, командование которой находилось в руках наиболее оголтелых милитаристов во главе с Ямада, патологически ненавидящих СССР, несмотря на приказ о капитуляции, до конца августа продолжила отчаянное сопротивление Красной Армии. За 23 дня боёв японцы потеряли 677 тыс. убитыми, пленными и ранеными (из них 84 тыс. убитыми), в том числе 148 генералов, против 12 тыс. погибших советских солдат и офицеров²⁷⁰.

Акт безоговорочной капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 г. на борту линкора «Миссури». Так завершилась самая страшная война, продолжавшаяся 6 лет.

---

²⁶⁷ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 569-570, 574; его содержание см. в кн.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 5. М., 1947. С. 736-737.

В своём рескрипте от 17 августа «К солдатам и матросам» Хирохито, обойдя молчанием атомные бомбардировки японских городов, в качестве основной причины капитуляции назвал вступление в войну СССР: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи». // См.: Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. // ННИ, 2011, № 1. С. 36 (со ссылкой на: Vix H.P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000. P. 530).

Очень чётко эту мысль выразил и японский историк Н. Рэкиси: «Хотя США пытаются представить атомную бомбардировку японских городов как результат стремления ускорить окончание войны, в действительности эти бомбы, погубив огромное число мирных жителей, не привели Японию к принятию решения об окончании войны... Не жертвы среди мирных жителей в результате атомной бомбардировки, а боязнь революции после вступления в войну СССР обусловила скорейшее окончание войны». // Цит. по: Ржешевский О.А. Война и история. С. 225-226.

²⁶⁸ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 431.

²⁶⁹ Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. С. 318-319; История войны на Тихом океане. Т. 4. С. 219.

²⁷⁰ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 347; Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года. // ННИ, 2005, № 5. С. 9.

ЧАСТЬ III. ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-либо ещё. Три наших страны являются именно такими странами... Я чувствовал, что мы достигли такой солидарности и такого настоящего товарищества, каких никогда прежде не достигали в этом великом союзе¹.

У. Черчилль на Тегеранской конференции

ГЛАВА 13. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939-1941)

1. Англо-американские отношения, их суть и значение для победы над Гитлером

Объективная необходимость в англо-американском сотрудничестве. Как и в первой, во второй мировой войне позиция США определялась не столько непосредственными экономическими интересами, сколько стратегическими целями политического и, естественно, экономического характера. Президент Рузвельт как выразитель этих интересов не мог допустить победы фашистской Германии. Отсюда вытекала политика США, сводившаяся к оказанию всесторонней помощи противникам держав «оси». В феврале 1940 г. президент направил заместителя госсекретаря С. Уэллеса со специальной миссией в Европу². Он должен был выяснить, имеется ли ещё какая-нибудь возможность примирить Англию и Францию с Германией.

Представитель американского президента посетил Рим и беседовал с Муссолини и Чиано; Берлин, где встретился с Гитлером, Риббентропом, Гессом и Герингом; Париж, где имел встречу с Даладье, Эррио, Бонне; в Лондоне вёл переговоры с Чемберленом, Галифаксом, Черчиллем, Иденом, Эттли, Ллойд Джорджем и был принят королём. Миссия Уэллеса сулила мало надежд на успех. В Лондоне и Париже отказывались иметь дело с нацистами на их условиях, в Берлине заявили, что мир будет продиктован ими после полной победы Германии, и лишь Муссолини предложил посредничество, но на условиях, на которые английское и французское правительства никак не могли тогда согласиться³.

Тяжёлая картина открылась ему во Франции, куда он прибыл 7 марта. Его поразило подавленное настроение парижан. «Казалось, даже на зданиях, – писал он позднее в мемуарах, – лежала печать той же угрюмой апатии, которую можно было прочесть на лицах большинства прохожих, встречавшихся на малолюдных улицах. Всех охватило предчувствие ужасного бедствия». Не лучшими были и его впечатления от бесед с членами правительства. «Опыт моих встреч в Париже в мартовские дни 1940 года, – резюмировал он, – вызвал шокирующий эффект»⁴.

Впрочем, Уэллес обнаружил в Париже и противников компромисса с гитлеровской Германией. Такой позиции придерживался, например, председатель палаты депутатов Эдуард Эррио, считавший, что нельзя вступать в переговоры с противником, ведущим двойную игру. А семидесятисемилетний президент сената Жанненэ, встречавший уже третью войну с Германией, говорил с американским гостем в духе Клемансо: «Есть только один способ обращения с бешеной собакой – убить её или сковать стальной цепью, которую нельзя разбить»⁵.

Однако подавляющее большинство французских государственных деятелей по своим взглядам были близки к точке зрения Даладье. Примирительную позицию занимали вице-премьер Шотан, министр иностранных дел Бонне и многие другие. Даже министр финансов Поль Рейно, пользовавшийся репутацией самого твердого в отношении Германии члена правительства, был настроен пессимистически. Он пожаловался Уэллесу на то, что Франция приближается к тому моменту, когда все её ресурсы будут брошены на закупку вооружений в США. А затем, сообщив о своей недавней беседе с Черчиллем, требовавшим ведения войны до конца, сокрушенно заметил: «Этот человек выдающихся способностей потерял эластичность мышления»⁶.

¹ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 455; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 221.

² История США. Т. 3. С. 320-321; militera.lib.ru/h/utkin3/index.html; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 355.

³ См.: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 10; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 141-143; Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. М., 1962. С. 100-107; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 129-131.

⁴ См.: militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

В Лондоне Уэллес убедился, что в английских политических кругах существовала сильная группировка, возглавляемая У. Черчиллем и А. Иденом и выступавшая против соглашения с Германией. Но, как и в Париже, многие члены правительства придерживались иной точки зрения. Премьер-министр Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс, беседуя с Уэллесом, высказались за компромисс с Германией. Поисками путей к примирению с ней были заняты министр финансов Саймон, министр без портфеля Хэнки, советник премьер-министра Хорас Вильсон. Оказалось, что и Ллойд Джордж выступал за соглашение, он верил в возможность заключения «пакта четырех» – Англии, Франции, Германии и Италии⁷.

Шаг за шагом президент Рузвельт подталкивал страну ко всё более тесному сотрудничеству с воевавшими против фашистских держав странами. Уже 1 июня 1940 г. он приказал военному и военно-морскому министрам доложить ему, какое оружие они могли бы выделить для Англии и Франции. 3 июня были утверждены списки. Первый из них включал: полмиллиона винтовок калибра 7,6 мм, к которым имелось около 250 патронов на каждую; 900 полевых орудий с 1 млн снарядов; 80 тыс. пулемётов⁸. «Это драгоценное вооружение, – отмечал Черчилль, – было благополучно перевезено в течение июля через Атлантический океан; оно явилось не только материальным приобретением, но и важным фактором во всех расчётах относительно вторжения, которые делались как друзьями, так и врагами»⁹.

Внезапная катастрофа, постигшая союзные армии, произвела в Америке ошеломляющее впечатление. Крушение Французской республики, захват Бельгии и Голландии, занятие гитлеровцами атлантического побережья до испанской границы убедили американское правительство в опасности, угрожавшей США. В Вашингтоне не сомневались, что без помощи США Англия не выдержит, а её падение увеличит мощности судостроительных верфей, находящихся в распоряжении держав «оси», настолько, что по своей производительности они в три раза превысят судостроительные мощности США¹⁰. Без господства же на море, океан не преграда, а широкая дорога для вторжения Гитлера на Американский материк. Поэтому борьба за Англию – это борьба за Америку. Более того, в случае падения Великобритании, США окажутся перед угрозой одновременной войны на два океана, к чему они совершенно не готовы.

После капитуляции Франции правительство Рузвельта опасалось не только поражения Англии, но и её соглашения с победившей Германией. В обоих случаях США могли оказаться изолированными во враждебном окружении. В Вашингтоне считали, что следует оказывать всемерную помощь Великобритании для того, чтобы предотвратить её поражение, поддержать боевой дух Лондона, подкрепить престиж правительства Черчилля.

В мемуарах Корделла Хэлла читаем следующие строки по вопросу о начале американской помощи Англии: «С Францией было покончено, но мы были убеждены, что Англия под непреклонным руководством Черчилля намерена продолжать борьбу. Мы считали, что переговоров между Лондоном и Берлином не будет. Если бы у нас были какие-либо сомнения в решимости Англии продолжать сражаться, мы не сделали бы этих шагов, которые были предприняты для оказания ей материальной помощи»¹¹. Более того, после падения Парижа, Рузвельт пришёл к выводу о неизбежности вступления США в войну.

Однако американские военные (и некоторые политики и дипломаты) не разделяли мнения своего президента о неизбежности сопротивления Англии нацистам. Уже 17 июня 1940 г. на штабном совещании шеф управления военных планов генерал Дж. Стронг заявил, что за поражением Франции последует капитуляция Великобритании. Маршалл поддержал это мнение. Отсюда следовал и практический вывод о бессмысленности продолжать снабжение англичан военной техникой, которая вскоре понадобится для обороны самой Америки. Военный и морской министры воспротивились передаче англичанам оружия, оставшегося после первой мировой войны и составлявшего весь запас американской армии. При таком подходе США рисковали остаться без потенциального союзника в борьбе с фашизмом, и, чтобы сломить сопротивление противников своей политики, Рузвельт уволил обоих министров и назначил на их место Г. Стимсона и Ф. Нокса – сторонников неограниченной помощи Англии¹².

В этом решении просматривалась большая политика, вытекавшая из жизненных интересов США, а Рузвельт являлся наиболее дальновидным их выразителем. В сложившихся условиях помощь Англии была самым выгодным вложением капитала: помогая англичанам продолжать борьбу, Америка прик-

⁷ Ibid.

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 368.

⁹ Ibid. С. 369.

¹⁰ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 12.

¹¹ Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 369.

¹² Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне (Проблема парирования угрозы из Европы до перелома в войне). Киев, 1987. С. 28; Коваль В.С. США во Второй мировой войне: Некоторые проблемы внешней политики (1939 – 1941). Киев, 1976. С. 26.

рывалась от гитлеровского нашествия. Американские военные отмечали, что с успешно воюющей Англией «мы сможем победить повсюду... Если же она потерпит поражение, то... может быть мы и не потеряем всё, но зато не победим нигде». В случае же войны с Германией и Японией одновременно Соединённые Штаты должны сосредоточить основные силы против Германии¹³.

24 июня 1940 г. Маршалл докладывал президенту: «Если англичане покажут способность противостоять немцам и наша небольшая помощь позволит им продержаться до 1 января, тогда оказание её желательно с точки зрения нашей обороны»¹⁴. Однако в среде американской элиты всё же были опасения, что Англия не выдержит и капитулирует, а это приведёт к захвату английского флота немцами¹⁵. Так, например, ещё 5 июня 1940 г. американский посол в Париже Буллит сообщал президенту, что скоро французское и английское сопротивление прекратится, и что английская авиация и флот прибрегают-ся в качестве козырей для возможного торга с Гитлером¹⁶. И посол Кеннеди слал телеграммы из Лондона, в которых предрекал скорое падение Англии¹⁷.

Первая помощь США сражающейся Англии. Это не явилось неожиданностью для Рузвельта, т.к. он ещё 20 мая предложил Черчиллю обсудить вопрос об отправке британского флота в Канаду или Австралию в случае поражения Великобритании¹⁸. Речь шла об издании английским правительством официальной декларации о том, что флот в случае поражения Англии не перейдёт в германские руки, а будет перебазирован в Западное полушарие. Это предложение вызвало возмущение в британском кабинете. Черчилль заявил, что «американцы могут позволить себе подождать до разгрома Великобритании, а после этого ещё рассчитывать на содействие английского флота»¹⁹.

Британский премьер решительно отказался дать президенту гарантии того, что английский флот будет передан под контроль США, а тем более осуществить какую-либо подготовку к такой передаче. Он стремился вызвать тревогу в Соединённых Штатах за их собственную судьбу в случае поражения Англии и перехода британского флота в германские руки. Этим Черчилль пытался повысить заинтересованность США в продолжении сопротивления Великобритании²⁰.

Однако Рузвельт не разделял панических настроений многих своих советников и выражал уверенность, что Англия не будет оккупирована²¹. Это обусловило решение оказать помощь Великобритании всеми имеющимися средствами. Всю ответственность за это взял на себя президент. В Америке всё чаще звучала идея: «Нас и Гитлера разделяет английский флот!»²², а значит, его следует укрепить.

Осенью 1940 г. англичане получили от американцев 50 модернизированных эсминцев времён первой мировой войны, в обмен на военно-воздушные и военно-морские базы в Вест-Индии и на Ньюфаундленде, сданные США в аренду на 99 лет²³. По большому счёту, это был неравноценный обмен, однако в тех конкретных условиях это была спасительная для Великобритании сделка. Дело в том, что летом 1940 г. Англия имела всего 68 эсминцев против 433 в 1918 г.²⁴ Вот как оправдывает и подчёркивает её значение У. Черчилль: «Конечно, не могло быть никакого сравнения между внутренней ценностью этих устаревших и малоэффективных кораблей, с одной стороны, и громадной постоянной стратегической безопасностью, предоставляемой Соединённым Штатам в форме этих островных баз, – с другой. Однако угрожающее нам вторжение и значение фактора численности в проливах делали нашу потребность неотложной...

Была ещё одна более веская побудительная причина, нежели наша нужда в эсминцах или потребность американцев в базах. Передача Великобритании 50 американских военных кораблей была явно не нейтральным шагом со стороны Соединённых Штатов. С точки зрения всех исторических понятий, это могло служить для германского правительства оправданием для того, чтобы объявить войну США...

¹³ Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. С. 40.

При этом Соединённые Штаты не собирались воевать за сохранение Британской колониальной империи.

О многочисленных дискуссиях Рузвельта с Черчиллем по колониальному вопросу пишет сын ФДР Эллиот. // Рузвельт Э. Его глазами. С. 51-53, 169-170.

¹⁴ История второй мировой войны. Т. 3. С. 197.

¹⁵ Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 132.

¹⁶ Боратынский С. Дипломатия периода второй мировой войны. М., 1959. С. 55.

¹⁷ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 28.

¹⁸ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1959. С. 234.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. С. 132.

²¹ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 29.

²² Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 136.

²³ См.: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 17-18; Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. 1941 – 1945. М., 1983. С. 35; Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 145; Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 237; История США. Т. 3. С. 323.

²⁴ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 27.

Передача эсминцев Англии в августе 1940 года явилась событием, которое, безусловно, приблизило Соединённые Штаты к нам и к войне... Этот шаг свидетельствовал о переходе Соединённых Штатов из положения нейтральной к положению невоюющей стороны»²⁵.

Черчилль был бесспорно прав. Так, известие о передаче кораблей вызвало своего рода шок в Берлине. 4 сентября итальянский министр иностранных дел Чиано записал в дневнике, что в Германии оно было встречено с «величайшим волнением». Гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп сообщил своему итальянскому визави, что фюрер даже намеревался разорвать дипломатические отношения с Соединёнными Штатами²⁶.

Принятие закона о ленд-лизе. Однако финансовые активы Великобритании, составлявшие до войны 4,5 млрд \$, стремительно истощались и к концу 1940 г. иссякли полностью, включая и находившиеся в Америке авуары английских граждан, конфискованные и реализованные правительством Его Величества. Было очевидно, что Англия не могла больше существовать, не получая поставок от Соединённых Штатов. Одновременно, по закону «плати наличными и вези сам» она не могла получить никаких материалов, не располагая долларами. Запрет на займы воюющим странам можно было, в конце концов, преодолеть, добившись его отмены. Но это не решало проблемы, т.к. Англия оказалась бы неплатёжеспособным должником. На основе опыта первой мировой войны Рузвельт давно пришёл к выводу о невозможности возмещения крупных военных займов. Следовало найти принципиально новое решение.

В ответ на раздававшиеся в США из лагеря изоляционистов голоса о необходимости заставить Англию выложить все её иностранные капиталовложения в качестве платы за американские поставки, в Великобритании кое-кто стал заявлять о необходимости заключения мира с Германией, пока американцы не сняли с англичан «последнюю рубашку». Это побудило американское правительство внимательно отнестись к просьбам Черчилля о помощи²⁷.

В результате бесконечных обсуждений этой проблемы президент стал заявлять: «Мы должны найти способ предоставить англичанам нужные им материалы в аренду или даже займы». Отсюда и родилась, пишет Шервуд, та широкая концепция, которую Черчилль позднее охарактеризовал как «новую великую хартию... самое бескорыстное и великодушное финансовое мероприятие в истории, когда-либо осуществлённое какой-нибудь страной»²⁸.

В январе 1941 г. на узком совещании в Белом доме Рузвельт подчеркнул, что одна из важных целей его правительства заключается в том, чтобы «делать всё возможное для продолжения поставок Великобритании», причём «военно-морской флот США должен быть готов конвоировать суда, идущие через Атлантику в Англию»²⁹. «Мы должны стать великим арсеналом демократии»³⁰, – заявил он. Ответственным за бесперебойное поступление американской помощи Великобритании 3 января 1941 г. президент назначил своего друга Гарри Гопкинса, которого отправил в Англию³¹. В его задачу входило выяснить, действительно ли англичане нуждаются в том, о чём они просят, и достаточно ли они просят, чтобы выстоять. А министр финансов Моргантау говорил, что он пришёл к выводу, что у англичан «нет больше долларовых запасов. Я убеждён, что, если конгресс не сделает для них возможным и дальше приобретать товары в Америке, им придётся прекратить борьбу»³². Таким образом, нейтралитет США в войне был лишь иллюзией.

В начале 1941 г. в США развернулись прения по законопроекту о ленд-лизе, хотя было мало серьёзных споров по поводу основного принципа помощи Великобритании, Греции или Китаю. Наибольшие разногласия вызвало условие о том, что ленд-лиз мог быть распространён на «любую страну, оборону которой президент считает жизненно важной для обороны Соединённых Штатов». Таким образом, всё зависело от решения президента и означало, что помощь может быть оказана и Советскому Союзу после его вступления в войну. Именно этого изоляционисты и боялись больше всего³³. В письме к одному из сенаторов президент писал: «Пусть бог поможет мне понять, куда клонят те, кто затеял эту дискуссию в сенате. Зачем они оспаривают необходимость конвоев?»³⁴.

Однако громкие слова лидеров изоляционистов, как, к примеру, сенатора Ванденберга, не смогли воспрепятствовать принятию закона о ленд-лизе. Тем более, что, в конечном итоге, он сулил колоссальные прибыли тем, кто в принципе имел решающее влияние на конгресс. Сам Ванденберг, горевавший о конце изоляционизма, который вместе с сенатором Тафтом энергично возглавлял оппозицию

²⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 479.

²⁶ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 28.

²⁷ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 147.

²⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 381.

²⁹ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 134.

³⁰ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 109.

³¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 395.

³² Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. С. 176-177.

³³ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 40; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 151-152.

³⁴ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 134.

против пересмотра акта о нейтралитете, в отличие от Тафта голосовал за ленд-лиз³⁵. 8 марта 1941 г. законопроект был окончательно одобрен сенатом шестьдесятю голосами против тридцати одного³⁶. Это была историческая победа Рузвельта. После этого США фактически вступили в состояние войны с фашистской Германией.

Но в этом деле следует правильно расставлять акценты. Да, ленд-лиз был актом благородства и великодушия. Но далеко не только. В первую очередь, он являлся актом целесообразности, средством обеспечения собственной безопасности. Более того, когда приходится воевать, – то воевать чужими руками полностью или частично всегда выгодно и, тем более, всегда дешевле. Как говорил К. Хэлл, ленд-лиз появился как мероприятие, «крайне необходимое» после установления господства гитлеровской Германии на европейском побережье Атлантического океана. 11 сентября 1941 Рузвельт заявил в Конгрессе: «Мы оказываем эту помощь не как акт благотворительности, а как средство защиты Америки»³⁷.

А известный деятель консервативной партии Л.С. Эмери отмечал, что ленд-лиз явился «деловой операцией, по условиям которой Англия нанялась защищать Америку»³⁸. Помимо всего прочего, ленд-лиз стимулировал производство всех видов вооружений и содействовал развитию военного потенциала США в течение девяти месяцев до их официального вступления в войну³⁹. Единственным в то время ограничением, препятствующим оказанию серьёзной помощи странам, ведущим борьбу с Гитлером, было необходимое для мобилизации промышленности время. Но это были уже чисто технические трудности, главное было сделано. Сторонники неограниченной экономической помощи антифашистским государствам одержали серьёзную победу.

Суммируя мотивы правящих кругов США, которыми они руководствовались при принятии закона о ленд-лизе, профессор Т. Бейли писал: «Правительство предложило эту меру вовсе не потому, что Англия заслужила нашей помощи, а из чисто эгоистических побуждений. Мы дадим возможность Англии воевать (нашим оружием) до последнего английского солдата, а тем временем останемся нейтральными и будем процветать»⁴⁰.

А это означало, что, оказывая помощь Великобритании, правящие круги США стремились разгромить не только своего смертельного врага – гитлеровскую Германию, но и ослабить и подчинить своего союзника – Англию. В конце декабря 1940 г. председатель Совета Национальной промышленной конференции США В. Джордан, выступая в американской ассоциации банкиров, заявил, что в результате войны Англия «настолько обнищает и престиж её так пострадает, что она едва ли сможет восстановить или сохранить господствующее положение в мировой политике, которое она так долго занимала. В лучшем случае Англия станет младшим партнёром в системе нового англосаксонского империализма... Скипетр власти переходит к Соединённым Штатам»⁴¹.

Цель закона о Ленд-лизе, говорилось в журнале «Форин полиси рипорт» (Foreign Policy Report) от 15 апреля 1944 г., состояла в том, чтобы «обеспечить безопасность США путём усиления сопротивления других наций против агрессии стран оси», иначе США, «в отношении человеческих жизней понесли бы больше жертв»⁴². Подводя итоги по вопросу о полученных США дивидендах от сотрудничества с Великобританией в годы второй мировой войны, А.И. Уткин отмечает: «Прежде всего, Соединённые Штаты начали создавать под руководством английских учителей „глаза и уши“ империи, разветвленную разведывательную сеть...

Во-вторых, союз с Англией позволил США весьма быстро оснастить свою военную машину. Без английского участия это был бы более длительный, более дорогостоящий и менее эффективный процесс. Англию и её базы посетили многие тысячи американцев, воспринявшие многовековой опыт имперской державы, страны, которая уже два года вела современную войну. Рождение, скажем, мощных „летающих крепостей“ – бомбардировщиков Б-26^г было бы невозможно без консультаций английских

³⁵ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 20.

³⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 440-441; История США. Т. 3. С. 333; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 421; Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6. С. 5.

³⁷ Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6. С. 5.

³⁸ Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. С. 179-180.

³⁹ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 19-20; Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 112-113.

⁴⁰ Цит. по: История второй мировой войны. Т. 3. С. 198-199.

⁴¹ Цитир. по: Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 148-149; см. также: Layne Cr. Răsea iluziilor: marea strategie americană din 1940 până în prezent. P. 106.

⁴² Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6. С. 13.

^г Примечание научного редактора: А.И. Уткиным допущена неточность. Американский тяжёлый бомбардировщик, предназначенный для доставки бомб на дальние расстояния, «В-17» – настоящий гигант среди СА-молётов второй мировой войны, получил в Великобритании название «Flying Fortress» («Летающая крепость»), в разных модификациях принимал участие в воздушной войне против Германии и Японии с 1941-го по 1945 г. «В-26» – это американский средний ударный бомбардировщик, ценная боевая машина тактиче-

авиационных экспертов. Американцы благодаря англичанам получили главные военные секреты мировой войны, такие, как радиолокация и использование ядерной энергии...

В-третьих, готовность к сотрудничеству находящихся под смертельной угрозой англичан позволила начать „освоение” территорий, контролирующих значительную часть мирового океана, подходы к важнейшим в стратегическом отношении зонам... Так критическое состояние Британской империи было вольно или невольно использовано ФДР для превращения США в первую державу Запада»⁴³.

Президент назначил Гопкинса своим «советником и помощником» по ленд-лизу, но никогда не давал ему официального титула администратора. Лидер меньшинства в палате представителей Джон Тэйбер метал громы и молнии по поводу назначения Гопкинса и назвал это «тяжелейшим ударом, нанесённым президентом по национальной обороне». Однако, несмотря на все эти стенания, Конгресс первоначально назначил на ленд-лиз 7 миллиардов долларов, а ко времени капитуляции Японии ассигнования превысили сумму в 60 миллиардов⁴⁴.

С осуществлением закона о ленд-лизе были связаны поставки не только вооружения, но и торговых судов, автомобилей, продовольствия, топлива, промышленного оборудования, оказание бесчисленных видов услуг и, что ещё важнее, значительная доля повседневной дипломатической деятельности. Именно в это время Гопкинса стали называть «личным министерством иностранных дел Рузвельта»⁴⁵.

Англо-американские отношения после 22 июня 1941 г. Во время своей поездки в Англию летом 1941 г. Г. Гопкинс высказал английскому руководству мнение американских военных о первоочередных задачах борьбы с фашизмом: «Британская империя приносит слишком много жертв ради попыток удерживать на Среднем Востоке позиции, которые невозможно оборонять... Битва за Атлантику есть конечное решающее сражение войны, и всё должно быть направлено на то, чтобы его выиграть... Сейчас есть серьёзные сомнения насчёт того, разумно ли вам идти дальше в этом районе [т.е. в восточном Средиземноморье – С.Н.]»⁴⁶. Данную точку зрения поддержал и генерал Чэни, заявивший, что с точки зрения американских военных кругов очерёдность задач должна быть следующей:

1. Оборона Соединённого Королевства и морских путей через Атлантический океан.
2. Защита Сингапура и морских путей в Австралию и Новую Зеландию.
3. Защита океанских торговых путей вообще.
4. Защита Среднего Востока⁴⁷.

Данная постановка вопроса свидетельствовала не только, а может быть даже не столько, в пользу заботы американцев об обороне Великобритании, сколько об их стремлении вытеснить англичан и занять самым стратегически и экономически важнейший район планеты – регион Ближнего Востока. Правящие круги США использовали условия войны и союза с Англией для наступления на её важные мировые позиции, главным образом, в районах британского имперского влияния. Понимая всё это, Черчилль заявил, что, несмотря на все возражения заокеанских друзей, англичане будут продолжать политику укрепления Среднего Востока. Премьер-министр заявил, что за последние 8 месяцев почти половина продукции военной промышленности Великобритании отправлялась на этот театр военных действий⁴⁸. Американцы, писал в этом же контексте Антони Иден, «знают Европу очень плохо, и было бы несчастьем для судеб мира, если бы непросвещённые взгляды Соединённых Штатов определяли будущее Европейского континента. Наша дипломатия должна справиться с этой задачей»⁴⁹. У каждого из союзников были свои интересы, и они не во всём совпадали.

2. Советско-германские отношения в период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.

Отношения СССР и Германии в 1939 – 1940 гг. После начала второй мировой войны в отношениях между СССР и Германией установился период разнообразного сотрудничества⁵⁰. Вот как оценивает его итальянский историк Дж. Боффа: «Антифашистская пропаганда в Москве внезапно прекратилась. Гитлеровская агрессия уже не находила осуждения, разве что самое расплывчатое, общее... Само понятие „страна-агрессор” было отодвинуто на задний план как более не подходящее к употреблению. Ни-

---

кого назначения, но сложная в управлении для неопытных пилотов и из-за большого количества лётчиков, разбившихся на ней, прозванная «Убийца» или «Вдоводел». // Самолёты Второй Мировой: Свыше 300 боевых самолётов всех стран мира. Пер. с англ. М., 2001. С. 54, 55, 56, 220, 335; Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1973. С. 408-409, 413-414.

⁴³ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 272.

⁴⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 444-445.

⁴⁵ Ibid. С. 446-447.

⁴⁶ Ibid. С. 508.

⁴⁷ Ibid. С. 509.

⁴⁸ Ibid. С. 510.

⁴⁹ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 26.

⁵⁰ Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова – Риббентропа. // ННИ, 1993, № 4; Волков В.К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 года. // Вопросы истории, 1997, № 2.

каких сожалений не было выражено в связи с ликвидацией Польши как государства, этого „уродливого детища Версальского договора”. Молотов дошёл даже до того, что назвал „преступной” такую войну, которая бы провозглашала своей целью „уничтожение гитлеризма”. „Ответственность” за развязывание войны и в ещё большей степени за её затягивание Сталин возложил на Францию и Англию, которые „грубо отвергли... мирные предложения Германии”. За границей всё это серьёзным образом сказалося на антифашистах – друзьях СССР»⁵¹.

На этом фоне некоторыми кругами в Великобритании эти отношения интерпретировались как союзнические. Советское правительство, со своей стороны, всячески стремилось укрепить в британских правящих кругах мнение о том, что СССР ни в коей мере не считает себя союзником Германии. 21 февраля 1940 г. нарком В.М. Молотов направил И.М. Майскому указание – следующим образом разъяснить заместителю министра иностранных дел Р. Батлеру политику СССР в отношении Германии: «1) Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией; 2) хозяйственный договор с Германией есть всего лишь договор о товарообороте... 3) как был СССР нейтральным, так он и останется нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие»⁵².

В 1939-м и 1940 гг. СССР и Германия заключили два крупных торговых соглашения. Советский Союз взял на себя обязательство поставлять Германии продовольствие и сырьё, в том числе зерно, нефть, некоторые металлы, и выступать в качестве её агента по закупке каучука в Юго-Восточной Азии. Германия, в свою очередь, обязалась поставлять СССР готовые промышленные изделия. Но поскольку они должны были полностью или частично производиться из советского сырья, германские поставки по соглашению начинались позже и растягивались на более продолжительный срок, чем советские поставки. «Россия выполняла соглашение самым пунктуальным образом, тогда как Германия оказалась куда менее скрупулёзным партнёром. Она приняла заказы, зная, что они наверняка будут противоречить её собственной программе производства вооружений и что, когда придёт время, она не станет их выполнять^Г. Разрыв в сроках поставок обеих сторон дал Германии время для маневрирования, которое она полностью использовала»⁵³.

---

⁵¹ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 9.

⁵² Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941 – 1945 годах: Союз и противоборство. // ННИ, 2004, № 2. С. 69; см. также Золоторев В.А. Непримиримые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2. С. 123-124.

^Г Примечание научного редактора: Немецкий историк Б. Мюллер-Гиллебранд в своей монографии пишет: «Советский Союз согласился поставлять продовольствие и сырьё, а Германия – машины, корабельное оснащение, оружие и лицензии на производство важной в военном отношении продукции». Руководство «третьего рейха», заключив торговые соглашения с СССР, в ходе их реализации всеми правдами и неправдами постаралось свести к минимуму (в идеале к нулю) пользу этих договорённостей, чтобы не допустить укрепления оборонного потенциала своего будущего военного противника. При этом, однако, оно допустило и некоторые промахи. В январе 1940 г. Гитлер дал указание задерживать поставки оборудования, имевшего оборонное значение, с тем, чтобы по возможности оттянуть их отправку до 1941 г. и, в конце концов, хотя бы некоторые из них оставить невыполненными. В августе 1940 г. фюрер распорядился, чтобы график поставок, связанных с вооружением, аккуратно соблюдался лишь до весны 1941 г. Весной же 41-го, выполняя директиву Гитлера, нацистские чиновники организуют форменный саботаж в выполнении германских обязательств. Например, в мае в Советский Союз должны были прибыть большие партии оборудования и вооружения для Военно-Морского Флота. Однако немецкие фирмы, проинструктированные «сверху», после приёмки выполненных военно-морских заказов советской комиссией, начали тянуть с отправкой до июня, чтобы затем вообще сорвать доставку в СССР машинных установок, систем, механизмов и вооружения.

Поэтому, когда упомянутый Мюллер-Гиллебранд пишет, что «в счёт ответных поставок были переданы находившиеся на оснащении тяжёлый крейсер „Лютцов”, корабельное вооружение, образцы тяжёлой артиллерийской техники и танков, также важные лицензии», он грешит против истины. «Лютцов» в составе ВМФ СССР был переименован в «Петропавловск». В этой связи Н.Г. Кузнецов вспоминает: «Крейсер „Петропавловск”, купленный незадолго до войны в Германии, ещё не был полностью вооружён. Затягивая поставки вооружения и оборудования, германские власти стремились оставить крейсер небоеспособным. К началу войны на корабль были доставлены полностью лишь две двухорудийные башни и комплект боеприпасов к ним. Все зенитные пушки застряли в Германии. Состояние механизмов позволяло использовать артиллерию – две башни, но выйти в море корабль не мог. Укомплектованный специалистами крейсер с помощью буксиров вывели с завода к причалам Ленинградского торгового порта. Зенитное вооружение установили советское.

В первой половине сентября башенные орудия „Петропавловска” с дистанции в тридцать два километра впервые открыли огонь по врагу. Сделанные в Германии пушки стреляли по частям вермахта. И чем ближе подходили гитлеровцы к Ленинграду, тем яростнее бил по ним из орудий главного калибра недостроенный „Петропавловск”. Однако 17 сентября, получив тяжёлые повреждения, он вышел из строя. И лишь в январе 1944 г., при проведении операции по окончательному деблокированию Ленинграда, дальнобойные орудия главного калибра восстановленного «Петропавловска» вновь открыли ураганный огонь по врагу.

В этих условиях советская сторона заявила, что приостановит поставки впредь до погашения Германией своей задолженности. Однако в начале 1941 г. неожиданно произошёл новый поворот. В январе было подписано третье торговое соглашение, и советские поставки начали расти. «Эти действия России находились, на первый взгляд, в непонятном противоречии с её непреклонностью в дипломатических вопросах. Но нет сомнений, что политика в обеих сферах – экономической и внешнеполитической – была единой. Советские руководители стремились убедить Гитлера в том, что любому его дальнейшему проникновению будет дан отпор всеми имеющимися у них силами и средствами, но что, с другой стороны, любые экономические выгоды он получит легче путём переговоров, чем силой. Но этот расчёт уже не был правильным. Гитлер больше не хотел урегулирования; обещания уступок с его стороны были неопределёнными, и все его политические шаги встречали оппозицию»⁵⁴.

Визит В.М. Молотова в Берлин и его оценки. 13 октября 1940 г. Риббентроп направил Сталину письмо, в котором приглашал Молотова нанести визит в Берлин⁵⁵. Советское правительство приняло данное приглашение. Целью поездки советского наркома являлось: «а) разузнать действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3-х (Германии, Италии, Японии); б) подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии»⁵⁶. 12 ноября 1940 г. в Берлин прибыл Молотов для обсуждения широкого круга вопросов⁵⁷, включая предложение

Ровно за год до войны в Советский Союз прибыли закупленные советской экономической делегацией пять истребителей «Мессершмитт-109», два бомбардировщика «Юнкерс-88», два бомбардировщика «Дорнье-215», новейший истребитель «Хейнкель-100», представлявшие почти все основные типы боевых самолётов гитлеровской Германии. Нацисты неспроста ознакомили советских специалистов с образцами своей современной авиационной техники и позволили закупить их. По справедливому мнению одного из ведущих советских авиаинженеров А.С. Яковлева (с января 1940 г. замнаркома авиапромышленности), они «были так уверены в своём военном и техническом превосходстве, что, раскрывая секреты своей авиации, думали только о том, как бы нас ещё сильнее поразить, потрясти наше воображение и запугать».

Германская разведка оказалась в неведении, что у СССР уже тогда имелись новые истребители – «Як-1», «МиГ-3», «ЛаГГ-3», штурмовик «Ил-2», пикирующий бомбардировщик «Пе-2» и др., которые начали запускать в серийное производство. Эти новейшие советские военные самолёты не только не уступали германским машинам, но даже превосходили их по боевым качествам. После обсуждения итогов третьей поездки советских авиаспециалистов в Германию и состояния современного немецкого авиационного вооружения, проходившего в Кремле в самом конце ноября 1940 г., И.В. Сталин резюмировал: «Организуйте изучение нашими людьми немецких самолётов. Сравните их с новыми нашими. Научитесь их бить».

Так что фанфаронство гитлеровцев сыграло с ними злую шутку. Когда же «блицкриг» против Советского Союза начал трещать по швам, среди прочих, «козла отпущения» нашли в заместителе министра геринговской авиации – генерал-полковнике Удете, выдавшем-де перед войной Советам все секреты «люфтваффе». Удет не выдержал травли и застрелился. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах. Т. 2. М., 1958. С. 530, 555; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. Т. 2. С. 64-75; Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. С. 248, 249; Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне 1941-1945: Опыт оперативно-стратегического применения. М. 1980. С. 31-32; Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 279-280; Яковлев А.С. Цель жизни. С. 174-175, 180, 182-191, 200, 210, 211-215, 218-225, 231-234, 402-407, 432-433.

⁵³ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 75.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Лавров В.С. Дипломатические зигзаги Германии накануне нападения на СССР. О поездке В.М. Молотова в Берлин и полёте Р. Гесса в Англию. // Межд. жизнь, 1993, №9. С. 135.

⁵⁶ Директива И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // ННИ, 1995, № 4. С. 77; Лавров В.С. Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова осенью 1940 года в Берлин и полётом Р. Гесса в мае 1941 года в Англию. // ННИ, 2005, № 1. С. 7.

⁵⁷ Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с министром иностранных дел Германии Риббентропом в Берлине 12 ноября 1940 г.; Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с министром иностранных дел Германии Риббентропом в Берлине 13 ноября 1940 г.; Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсканцлером Гитлером. Берлин, 12 ноября 1940 г.; Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсканцлером Гитлером. Берлин, 13 ноября 1940 г.; Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсмаршалом Герингом в Берлине 13 ноября 1940 г.; Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с заместителем Гитлера Гессом в Берлине 13 ноября 1940 г. // ННИ, 1993, № 5; см. также: Горлов С.А. Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 года. // ВИЖ, 1992, № 6-7; Безыменский Л.А. Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В свете новых документов. // ННИ, 1995, № 6; Лавров В.С. Дипломатические зигзаги Германии накануне нападения на СССР. О поездке В.М. Молотова в Берлин и полёте Р. Гесса в Англию. // Межд. жизнь, 1993, №9. С. 136-140; Сиполс В.Я. Ещё раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // ННИ, 1996, № 3; Lache Ş. Noiembrie 1940: U.R.S.S. la poartele pactului tripartit. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 1; Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. 1939-1995. Ediția a II-a. P. 17-18, 276-282; Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 170-172; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 367-371.

Германии о присоединении СССР к странам «оси»⁵⁸. В тот же день Гитлер отдал совершенно секретную директиву о дальнейшей подготовке Германией войны против СССР⁵⁹.

Во время первой встречи Молотова с Риббентропом⁶⁰ последний попытался заверить советского министра, что с Англией покончено: «В силу исключительной мощи своих позиций державы оси думают не о том, как им выиграть войну, а о том, как скорее окончить войну, которая уже выиграна»⁶¹. После завтрака советский посланник был принят фюрером, который развил далее вопрос о полном поражении Англии⁶².

Гитлер предложил СССР присоединиться к Тройственному пакту и принять участие в разделе английской колониальной империи⁶³: «После завоевания Англии, – заявил он, – Британская империя... будет разделена... Все страны, заинтересованные в этом обанкротившемся поместье, должны будут прекратить все споры между собой и заняться исключительно разделом Британской империи»⁶⁴. «Как и ожидалось, – подвёл итог Черчилль, – Советское правительство отклонило германский проект»⁶⁵.

Кремлёвское руководство более всего было озабочено укреплением безопасности собственной страны и в этой связи проявляло обеспокоенность германскими приготовлениями у западных границ⁶⁶. Как вспоминает член советской делегации Валентин Бережков, когда Гитлер окончил свою часовую речь, «Молотов, не вдаваясь в обсуждение предложений Гитлера, заметил, что следовало бы обсудить более конкретные практические вопросы. В частности, не разъяснит ли рейхсканцлер, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с Советским правительством? ...Советское правительство также интересуется вопросом о том, для каких целей направлены германские войска в Финляндию? Почему и этот серьёзный шаг предпринят без консультации с Москвой?»⁶⁷.

Эти вопросы действовали на Гитлера, как холодный душ. Ему не удалось скрыть растерянности. Фюрер объявил, что военная миссия направлена в Румынию по просьбе Антонеску для обучения румынских войск. Что касается Финляндии, то там германские части вообще не собираются задерживаться – они лишь переправляются через территорию этой страны в Норвегию. Затем он снова стал развивать свой план раздела мира. Когда Гитлер вновь заговорил о выходе Советского Союза к Индийскому океану, Молотов перебил его, заметив, что «он не видит смысла обсуждать подобного рода комбинации. Советское правительство заинтересовано в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к границам Советского Союза»⁶⁸. В конечном итоге советские требования сводились к выводу германских войск из Румынии, Болгарии и Финляндии⁶⁹. Естественно, всё это говорило о непримиримости интересов СССР и гитлеровской Германии.

Откровенную оценку переговорам в Берлине дал сам Гитлер. В середине ноября фюрер признал провал переговоров с Россией. «Переговоры показали, – разъяснил он своим генералам, – куда метят русские. Молотов проговорился. Это не было бы даже браком по расчёту. Впустить русских... означало бы конец Центральной Европе»⁷⁰. В письме к дуче 20 ноября 1940 г. он сообщал, что вопреки его усилиям направить «русские амбиции на восток», в сторону Индийского океана, Молотов проявляет растущий интерес к Балканам, что неприемлемо ни для Германии, ни для Италии⁷¹. Позднее, беседуя с турецким послом в Берлине, фюрер признал, какие цели он преследовал в ходе переговоров с СССР: «Германия приложила все усилия к тому, чтобы втянуть Россию в великую комбинацию против Англии»⁷². Переводчик Гитлера П. Шмидт вспоминал впоследствии: «После переговоров Гитлера с Чем-

⁵⁸ Предложение г. Риббентропа от 13 ноября сего года о пакте четырёх держав, переданное Молотову В.М. в Берлине. // ННИ, 1993, № 5. С. 94; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 94-100.

⁵⁹ Варлимонт В. В ставке Гитлера. С. 151.

⁶⁰ См.: Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с министром иностранных дел Германии Риббентропом в Берлине 12 ноября 1940 г.; Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с министром иностранных дел Германии Риббентропом в Берлине 13 ноября 1940 г. // ННИ, 1993, № 5.

⁶¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 553.

⁶² Канун и начало войны. Документы и материалы. С. 203; см. также: Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсканцлером Гитлером. Берлин, 12 ноября 1940 г.; Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсканцлером Гитлером. Берлин, 13 ноября 1940 г. // ННИ, 1993, № 5.

⁶³ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 21-34.

⁶⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 556.

⁶⁵ Ibid. С. 560.

⁶⁶ Орлов А.С. СССР – Германия: военно-политические отношения накануне агрессии. // ВИЖ, 1991, № 10.

⁶⁷ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 22.

⁶⁸ Ibid. С. 23.

⁶⁹ Ibid. С. 27.

⁷⁰ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

⁷¹ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 75.

⁷² Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 96.

берленом в ходе судетского кризиса я не наблюдал таких острых разногласий, как во время переговоров Гитлера с Молотовым»⁷³.

Касаясь оценки берлинских переговоров, английский посол в Москве Стаффорд Криппс доносил своему правительству: «Результаты встречи были отрицательными..., русские хотели сохранить свободу действий и не реагировали на усилия Гитлера, направленные на достижение сотрудничества»⁷⁴.

Информируя советского посла в Лондоне о содержании переговоров, 17 ноября 1940 г. нарком иностранных дел писал: «Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантии безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтре в нашу пользу, причём предлагают нам помочь в этом деле. Мы не дали на это согласия... Немцы и японцы, как видно, очень хотели толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считали советы со стороны Германии неуместными»⁷⁵.

Что же означали в действительности германские предложения? Вайцзеккер назвал их двусторонним зондажем⁷⁶. Ведь на самом деле Гитлер реально готовился к нападению на СССР. Их суть состояла в том, чтобы притупить бдительность советского руководства и отвлечь его от подготовки к отпору германской агрессии. Именно к этому выводу пришёл Черчилль. Он писал в своих мемуарах: «С этой целью Гитлер прибег к двум различным способам отвлечения внимания, каждый из которых имел свои преимущества. Первый представлял собой тщательно разработанные переговоры об общей политике, основанной на разделе Британской империи на Востоке, а второй заключался в установлении господства в Румынии, Болгарии и Греции, а также попутно в Венгрии посредством отправки туда большого количества войск. Это давало важные военные преимущества и в то же время маскировало или давало объяснение сосредоточению германских армий на южном фланге фронта, который создавался против России»⁷⁷.

По окончании переговоров было опубликовано совместное коммюнике, в котором говорилось, что «обмен мнениями протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию». «Однако, – подчёркивает Лиддел Гарт, – „взаимное доверие“ как раз полностью отсутствовало, и дипломатические выражения никогда ещё не были столь бессодержательными»⁷⁸. «Приглашая Молотова в Берлин, – отмечает Габриэль Городецкий, – Гитлер явно ставил перед собой цель связать Россию с Тройственным пактом и оторвать её от Англии... В целом переговоры продемонстрировали глубокое подозрение и взаимное недоверие участников... Берлинская встреча подтвердила скептическое отношение Гитлера к континентальному блоку. Приняв в начале декабря твердое решение осуществить план “Барбаросса”, он более не отступал от него. Хотя Молотов умел глубоко оценивать ситуацию, он не мог, разумеется, знать, что его визит фактически похоронил “сердечный союз”»⁷⁹.

«Было желательно выяснить намерения России в отношении Болгарии и Турции. Это обстоятельство, помимо желания Германии успокоить Россию в данный момент, по-видимому, относится к числу основных причин, побудивших немцев пригласить советского министра иностранных дел в Берлин. По мнению немцев, задача переговоров с ним, вероятно, состояла в том, чтобы убедиться, не удастся ли Германии использовать Россию в своих интересах до того, как она будет окончательно разгромлена. Они хотели установить, не удастся ли Россию заставить самой себе вырыть могилу. Но переговоры эти, разумеется, не дали никаких реальных результатов»⁸⁰. «Переговоры окончились на этой зловещей и неубедительной ноте. Молотов уехал в Москву, чтобы информировать своё правительство, а в Берлине с удвоенной энергией продолжались приготовления к Восточной кампании. Между прочим, они не прекращались ни на минуту и во время переговоров»⁸¹.

Г.-А. Якобсен в связи с этим писал: «Разумеется, только переговоры с Молотовым в ноябре 1940 г. в Берлине окончательно избавили Гитлера от последних сомнений в том, что принятое им решение – правильный и единственный выход. Эти переговоры показали, что единство между обоими жаждущими экспансии партнерами в вопросе о разделе „сфер интересов“ в мировом масштабе теперь, а также и в будущем, едва ли возможно»⁸².

Подводя итоги переговоров Молотова с нацистскими лидерами, академик Г.Н. Севостьянов пишет: «Смысл проекта Риббентропа сводился к тому, чтобы добиться присоединения Советского Союза к Тройственному пакту, включить его в германо-итало-японскую коалицию и втянуть в войну против Великобритании. Одновременно дипломатия Берлина рассчитывала изолировать Советский Союз от

⁷³ Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 75.

⁷⁴ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 102.

⁷⁵ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 418.

⁷⁶ Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. С. 247.

⁷⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 558-559.

⁷⁸ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 144.

⁷⁹ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).

⁸⁰ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 493.

⁸¹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 69.

⁸² <http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>.

Восточной Европы, нейтрализовать его влияние на Балканах и, по возможности, направить военно-политическую активность СССР в Восточную Азию и на Средний Восток, надеясь на столкновение интересов СССР и Британской империи. Для Советского правительства эта цель была очевидна, но оно не собиралось уступать своих позиций в Европе.... Переговоры... выявили скрытое политическое и дипломатическое соперничество двух государств... По существу, ни один из обсуждаемых вопросов не был решён или урегулирован»⁸³. Румынский исследователь К. Кирицеску очень точно подметил в этой связи: «Нет никаких сомнений в том, что берлинская встреча явилась рубежом, после которого политический пакт от 23 августа 1939 г. перестал существовать»⁸⁴.

Интересен один эпизод, имевший место в ходе диалога Молотова с Риббентропом, рассказанный Сталиным Черчиллю во время визита последнего в Москву в августе 1942 года, когда раздались звуки воздушной тревоги, Риббентроп повёл Молотова по длинным лестницам в глубокое бомбоубежище. Нацистский министр закрыл дверь и сказал советскому посланнику: «Ну, вот мы и одни здесь. Почему бы нам сейчас не заняться дележом?». Молотов спросил: «А что скажет Англия?». «С Англией покончено, – ответил Риббентроп. – Она больше не является великой державой». «А в таком случае, – сказал Молотов, – зачем мы сидим в этом бомбоубежище и чьи бомбы падают?»⁸⁵.

Накануне 22 июня. Советское правительство продолжало поддерживать дипломатический контакт с германским правительством и зондировать его намерения. Ещё 26 ноября 1940 г. германскому послу в Москве Шуленбургу было сообщено, что для продолжения переговоров, начатых в Берлине, германская сторона должна обеспечить выполнение ряда условий: немецкие войска должны немедленно покинуть Финляндию; в ближайшие месяцы должна быть обеспечена безопасность Советского Союза путём заключения им пакта о взаимопомощи с Болгарией. Шуленбург обещал немедленно передать советское заявление своему правительству, но ответа из Берлина не поступило⁸⁶.

В половине десятого вечера 21 июня В. Молотов пригласил к себе германского посла и от имени Советского правительства сообщил ему о многочисленных нарушениях границы германскими самолётами. Нарком тщетно пытался обсудить с Шуленбургом состояние советско-германских отношений и выяснить претензии Германии к СССР⁸⁷. Одновременно Москва потребовала от своих представителей в Берлине срочно встретиться с Риббентропом и поставить перед ним те же вопросы. Однако на все звонки на Вильгельмштрассе* получали один ответ – Риббентроп находится на совещании у фюрера, и связаться с ним не представляется возможным⁸⁸.

Лишь в 3 часа ночи (5 часов по московскому времени) 22 июня в посольстве раздался звонок, и было сообщено, что Риббентроп ждёт советских представителей в своём кабинете. По воспоминаниям Бережкова, нацистский министр был пьян. Он объявил о начале войны и заявил, что с немецкой стороны нападение на СССР является превентивной, оборонительной мерой. Прежде чем уйти, советский посол сказал: «Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы ещё пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы ещё за это жестоко поплатитесь...»

Мы повернулись и направились к выходу. И тут произошло неожиданное. Риббентроп, семеня, поспешил за нами. Он стал скороговоркой, шёпотком уверять, будто лично он был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием...

– Передайте в Москву, что я был против нападения, – услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор»⁸⁹.

3. Разрешение бессарабского вопроса в пользу СССР. Распад «Великой Румынии»⁹⁰

Отношения между двумя странами в первый год после начала второй мировой войны. Начало войны в Европе, успехи Германии в Польше и бездеятельность Англии и Франции усилили стремление Румынии дистанцироваться от западных демократий, и 8 сентября она объявила о своём нейтралитете. Вступление РККА в Польшу привело к тому, что Бухарест, вопреки действующему польско-румынскому договору, заявил 18 сентября о своём нейтралитете в происходящих событиях⁹¹ и активизировал поиски союзника против Москвы среди великих держав. Для этого румынское руководство постоянно на-

⁸³ Севостьянов Г.Н. Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // ННИ, 1993, № 5. С. 66-67.

⁸⁴ Kirişescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 172.

⁸⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 558; см. также Бережков В.М. Страницы... С. 32.

⁸⁶ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 33.

⁸⁷ См.: Соколов В.В. Германский посол в Москве в 1934-1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом. // ННИ. 2010, № 2. С. 166.

* Улица, на которой было расположено германское Министерство иностранных дел.

⁸⁸ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 47-48; История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 428-429.

⁸⁹ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 54.

⁹⁰ См.: Kirişescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 116-157.

⁹¹ Ibid. С. 336, 337, 338.

поминало всем заинтересованным сторонам, что на Днестре оно защищает от большевизма не только себя, но и всю европейскую цивилизацию. Но поскольку и Англия с Францией, и Германия с Италией заняли уклончивую позицию, румынская элита продолжила свою политику балансирования⁹².

«3 ноября Румыния вновь пыталась выяснить у Англии и Франции, распространяются ли их гарантии на Бессарабию, шантажируя их возможностью сближения с Германией. 14 декабря Англия заявила, что гарантии распространяются на Бессарабию в том случае, если Румынии немедленно поможет Турция и если Италия не будет препятствовать этой помощи... Франция присоединилась к такому ответу... Вместе с тем 15 декабря Румыния просила Англию сохранить ее ответ в тайне, поскольку его разглашение могло бы толкнуть СССР на насильственное решение Бессарабского вопроса. Попытки Румынии получить гарантированную поддержку против СССР со стороны соседей также не принесли результатов. Союзники по балканской Антанте не были заинтересованы втягиваться в советско-румынский конфликт. Венгрия и Болгария стремились реализовать собственные территориальные претензии к Румынии. Италия рассчитывала продолжить сближение с Венгрией и ограничилась общими обещаниями. В ответ на постоянные запросы румынского руководства относительно возможности советской агрессии, Германия, добивавшаяся стабилизации цен на нефть, 8 февраля 1940 г. ответила, что положение Румынии её не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии.

29 марта 1940 г. В.М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР заявил, что „у нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем”. Это заявление вызвало в Румынии определенное беспокойство. Уже 30 марта румынский премьер-министр Г. Тэтэреску уведомил Германию о необходимости дальнейшего перевооружения румынской армии и просил повлиять на Москву, чтобы она не претендовала на Бессарабию. На это был получен ответ, что отношения с Румынией будут зависеть от выполнения ею своих экономических обязательств перед Германией»⁹³.

С началом второй мировой войны происходит определённая эволюция и советско-румынских отношений. Румынские и прорумынские историки истолковывают её как целенаправленную политику СССР против Румынии. Так, к примеру, И. Шишкану приходит к выводу, что «после подписания советско-германского пакта и секретного дополнительного протокола, отношение СССР к Румынии эволюционировало в сторону рассчитанной и постоянно усиливающейся враждебности. 5 декабря 1939 г. заместитель наркома иностранных дел В.П. Потёмкин в беседе с французским послом в Москве Наджиаром отметил, что Одесса, с потерей *hinterlanda*[†] Бессарабия, превратилась в „мертвый порт”»⁹⁴.

В этих условиях, к середине 1940 г. усиливается прогерманская ориентация внешней политики румынских правящих кругов. В мае с Германией был заключён «нефтяной пакт», в результате чего вермахт получил серьёзнейшую сырьевую базу. Тогда же Коронный совет принял решение предложить Германии дружбу и добиваться политического союза с ней⁹⁵. В начале того же месяца Карл II через своего эмиссара обратился в Берлин с просьбой «помочь возвести оборонительную стену на востоке», на советско-румынской демаркационной линии. 22 мая министр иностранных дел Гафенку обратился с той же просьбой к германскому послу в Бухаресте, однако последний посоветовал ему урегулировать румыно-советские отношения мирными средствами⁹⁶.

М.И. Мельтюхов пишет в связи с этим: «Война в Западной Европе потребовала от Румынии пересмотра внешней политики в пользу большего сближения с единственно возможным в то время противником СССР – Германией. Уже 28 мая 1940 г. между Румынией и Германией был подписан новый торговый договор, согласно которому предполагалось увеличить поставки нефти Берлину на 30% в обмен на обеспечение румынской армии современным вооружением. Румынское руководство стало настойчиво предлагать Германии сотрудничество в любой области по её желанию. На новые румынские запросы о действиях Германии в случае „агрессии советской России” 1 июня 1940 г. последовал ответ, что проблема Бессарабии Германию не интересует – это дело самой Румынии»⁹⁷.

Решение бессарабского вопроса в пользу СССР. Естественно, в сложившейся международной ситуации, когда в результате гитлеровского наступления на Запад Франция и Англия надолго выходили из игры и в то же время основные силы вермахта были пока скованы на западе Европы, Советский Со-

⁹² Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000 (militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html).

⁹³ Ibid.; см. также: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 322; Chiper I. Obiective, mijloace și metode ale diplomației române în anul 1941. // Revista istorică. Academia Română, 1991, Nr. 3-4. P. 122; Calafeteanu C. România, 1940: urmările unei nedreptăți. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 6. P. 16-17.

[†] Примечание научного редактора: Hinterland – район, экономически тяготеющий к порту.

⁹⁴ Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. 1940. Chișinău, 2007. P. 57.

⁹⁵ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 322-323; Краткая история Румынии. М., 1989. С. 363.

⁹⁶ Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. Iași, 1991. P. 84.

⁹⁷ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; см. также: Constantiniu Fl. Dictatul de la Moscova (26-28 iunie 1940) și relațiile sovieto-gemane. // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 1-2.

юз посчитал весьма разумным использовать данное положение с целью мирного разрешения Бессарабского вопроса. «Конкретные советские военные приготовления к решению Бессарабского вопроса, – отмечает М.И. Мельтюхов, – начались 9 июня 1940 г., когда Военные советы КОВО и ОдВО получили директивы наркома обороны ОУ/583 и ОУ/584, согласно которым им была поставлена задача привести войска в состояние боевой готовности по штатам мирного времени без подъема приписного состава, сосредоточить их на границе с Румынией и подготовить операцию по возвращению Бессарабии. Для руководства операцией на базе управления КОВО было создано управление Южного фронта (командующий – генерал армии Г.К. Жуков)... 13 июня с 13.20 до 14.30 часов в Кремле состоялось совещание высшего военно-политического руководства, на котором... речь шла о подготовке операции против Румынии... Для выполнения правительственного задания было разработано два варианта операции. Первоначально оперативный план предусматривал ситуацию, когда Румыния не пойдет на мирное урегулирование территориального вопроса и потребуются ведение полномасштабных военных действий»⁹⁸.

Одновременно, против расположенной у советских границ румынской группировки в составе 36-38 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, 5 горнострелковых и одной моторизованной бригад, поддержанных 658 боевыми самолётами, командование Красной Армии сконцентрировало 5-ю, 9-ю и 12-ю общевойсковые армии, имеющие в своём составе 32 стрелковые, 2 мотострелковые и 6 кавалерийских дивизий, 11 танковых и 3 воздушно-десантные бригады, 30 артиллерийских полков и 4 артиллерийских дивизиона – всего 637 тыс. чел., около 9,5 тыс. артиллерийских орудий и миномётов, около 2,5 тыс. танков, 359 бронетранспортёров^г и более 28 тыс. автомобилей. Группировка ВВС Южного фронта объединяла 21 истребительный, 12 среднебомбардировочных, 4 дальнебомбардировочных, 4 легкобомбардировочных, 4 тяжёлобомбардировочных авиаполка и к 24 июня насчитывала 2 160 самолетов⁹⁹. Советская сторона не скрывала свои приготовления на левобережье Днестра, о чём румынам было хорошо известно¹⁰⁰.

Параллельно с вышеизложенным, Советское правительство предприняло и дипломатические усилия по окончательному разрешению территориального спора с Румынией. 23 июня оно предупредило германское правительство о своих намерениях в отношении Бессарабии и Буковины¹⁰¹. Как видно из информации Шуленбурга в Берлин, Молотов заявил ему, что «решение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств... Советское правительство ещё старается разрешить вопрос мирным путём, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение»¹⁰². Однако «для фюрера, – утверждает Фл. Константиniu, – стало неприятным сюрпризом, что 23 июня 1940 г. В.М. Молотов проинформировал германского посла в Москве графа фон Шуленбурга о том, что Советский Союз потребует от Румынии уступить Бессарабию и Буковину»¹⁰³. В конечном итоге, немцы согласились с вхождением в состав СССР кроме Бессарабии и северной части Буковины¹⁰⁴.

Подробно данная ситуация описана в уже неоднократно цитированной работе М.И. Мельтюхова: «Военная подготовка решения Бессарабского вопроса сопровождалась соответствующей дипломатической деятельностью Москвы. 21 июня 1940 г. советский полпред в Бухаресте в беседе с румынским министром иностранных дел, в ответ на реплику последнего о путях улучшения советско-румынских отношений, заметил, что в первую очередь следует урегулировать нерешенные политические вопросы, в частности, вопрос о Бессарабии. Однако румынская сторона не стала развивать эту тему... 20 июня итальянский посол в Москве А. Россо заявил Молотову о стремлении итальянского правительства развивать отношения с СССР в духе договора о дружбе, ненападении и нейтралитете 1933 г. и помочь урегулированию спорных вопросов на Балканах мирным путем. В ответ Молотов заявил, что СССР стоит за урегулирование Бессарабского вопроса „мирным путем, если, конечно, он не будет затягиваться без конца”. Эта беседа стала первым намеком для германского посольства в Москве на возможные действия СССР в отношении Румынии.

В беседе с Молотовым 23 июня Шуленбург подтвердил, что, по мнению Германии, „соглашение о консультации”, согласно пакту о ненападении, „распространяется и на Балканы”. Выяснив, что Герма-

⁹⁸ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

^г Примечание научного редактора: Бронетранспортёров тогда в РККА не было, были бронемашины и броневые автомобили.

⁹⁹ Ibid.; Şişcanu I. Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. P. 68, 71-72.

¹⁰⁰ Şişcanu I. Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. P. 73-74.

¹⁰¹ Ibid. P. 79; детально смотри документы: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 323-324, 343-346.

¹⁰² Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 323, 343.

¹⁰³ Constantiniu Fl. Locul Bucovinei în geneza Planului „Barbarossa”. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 12. P. 48-49.

¹⁰⁴ Şişcanu I. Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. P. 79-85; Pactul Molotov – Ribbentrop şi consecinţele lui pentru Basarabia. Culegere de documente. Chişinău, 1991. P. 8-11; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 344-348, 357, 359, 360.

ния подтверждает прошлогоднее соглашение о Бессарабии, Молотов сообщил Шуленбургу решение советского правительства по Бессарабскому вопросу. „Советский Союз хотел бы разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила” на советское заявление от 29 марта 1940 г. Теперь советское правительство „хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя”. Шуленбург указал на важность для Германии экономических поставок из Румынии и просил советское правительство не предпринимать никаких решительных шагов, пока не будет обозначена позиция Германии. Молотов ещё раз подчеркнул срочность вопроса и заявил, что советское правительство ожидает поддержки со стороны Германии. Со своей стороны СССР обеспечит охрану экономических интересов Германии в Румынии.

23 июня вечером Молотов уведомил Шуленбурга, что „советское правительство будет ожидать ответа германского правительства до 25 июня включительно”. 24 июня Риббентроп составил для Гитлера меморандум, в котором указал, что, в соответствии с секретным протоколом от 23 августа 1939 г., Германия декларировала свою политическую незаинтересованность в Бессарабии, относительно экономической заинтересованности Германии на Юго-Востоке Европы советское правительство было должным образом уведомлено. В тот же день Риббентропу были переданы соображения статс-секретаря германского МИДа Э. фон Вайцеккера, который предложил приложить усилия для мирного урегулирования вопроса в смысле удовлетворения претензий СССР... Румынии же необходимо указать, что Германия поддержит советские требования...

26 июня в беседе с советским полпредом в Риме министр иностранных дел Италии Г. Чиано, сославшись на сведения о намерениях СССР „разрешить военным путем вопрос о Бессарабии”, информировал Москву, что Италия „целиком признает права СССР на Бессарабию”, но заинтересована в мирном решении этого вопроса. При этом итальянская сторона выразила готовность вместе с Германией „посоветовать Румынии принять советские предложения”. 27 июня Москва дала согласие на это итальянское предложение.

В 21.00 25 июня Шуленбург сообщил Молотову следующий ответ Берлина: „1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией. 2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении Бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию. 3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии. 4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни”. Германия высказала заинтересованность в недопущении „превращения Румынии в театр военных действий”. Молотов выразил признательность германскому правительству за его понимание и поддержку советских требований и заявил, что СССР также желает мирного решения вопроса; пожелания Германии относительно проживающих там немцев будут учтены, так же, как и экономические интересы рейха. По вопросу о Буковине Молотов заявил, что она „является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность решению этого вопроса одновременно с бессарабским”, но, как отметил Шуленбург, вполне возможно некоторое изменение советских требований.

26 июня Молотов вновь беседовал с Шуленбургом и заявил, что советские требования „ограничиваются северной частью Буковины с городом Черновицы”, и добавил, что советское правительство ожидает поддержки Германией этих требований. Когда Шуленбург заметил, что вопрос решился бы легче, если бы СССР возвратил Румынии золотой запас румынского Национального банка, вывезенный в Москву в 1916 г., Молотов ответил, что об этом не может быть и речи, так как Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию. Относительно дальнейших действий Молотов сообщил, что он передаст требования СССР румынскому посланнику в Москве в ближайшие дни и ожидает от Германии поддержки в удовлетворении этих требований, если Румыния не хочет войны¹⁰⁵.

В тот же день в 10 часов вечера министр иностранных дел СССР В.М. Молотов предъявил румынскому правительству ноту, в которой потребовал уступить Бессарабию («населённую главным образом украинцами» – это грубая фактологическая ошибка, так как основное население края составляли мол-

¹⁰⁵ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; детально смотри документы: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 323-325, 343-348; см. также: Constantiniu Fl. Dictatul de la Moscova (26-28 iunie 1940) și relațiile sovieto-gemane. // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 1-2.

даване) и Северную Буковину в течение 24 часов¹⁰⁶. В ответе Молотову посланник Дэвидеску пытался оспорить советские аргументы, однако это не произвело на наркома никакого впечатления¹⁰⁷. Уже 28 июня эти территории вошли в состав Советского Союза. Накануне Карл II обратился за помощью к Германии, но не получил её¹⁰⁸, т.к. Гитлер был ещё не готов к войне против СССР, а в соответствии с пактом Молотова – Риббентропа немцы уже заверили советское правительство в «отсутствии интереса» в отношении Бессарабии¹⁰⁹. Румынские власти обратились и к своим турецким, греческим и югославским союзникам, однако и с их стороны не получили никаких гарантий помощи в случае военного столкновения с СССР¹¹⁰.

«26 июня в 22.00, – отмечает Мельтюхов, – Молотов вручил румынскому посланнику Г. Дэвидеску ноту советского правительства... Получив советскую ноту, румынское правительство обратилось за поддержкой к Италии, Германии и союзникам по Балканской Антанте. Кроме того, от Рима и Берлина требовалось оказать сдерживающее влияние на Венгрию и Болгарию. С утра 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, а в 10.30 Риббентроп передал в Бухарест инструкцию своему послу, в которой предлагал заявить министру иностранных дел Румынии: „Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства”. Схожие ответы были получены от Италии и стран Балканской Антанты. Обсуждая варианты действий в данной ситуации, в Бухаресте решили попытаться затянуть время, вступив в переговоры с СССР»¹¹¹.

В этой связи известный германский историк А. Хиллгрубер констатирует, что «политически в бессарабском вопросе Румыния оказалась в полной изоляции»¹¹². А румын И. Константин делает вывод, что «и Берлин, и Рим дали „зелёный свет” Московскому правительству для аннексии Бессарабии и разрушения таким образом территориальной целостности Румынии»¹¹³.

Интересна трактовка событий, принадлежащая известному израильскому историку Г. Городецкому: «Получив ультиматум, король Кароль, буквально в бешенстве, вызвал германского посла во дворец. Однако бесконечные интриги короля лишили его всякого уважения в глазах всех великих держав. Риббентроп прямо обвинил его в натравливании одной воюющей стороны на другую, когда он сначала получил английские гарантии, а потом искал поддержки у Германии, после того как её превосходство стало очевидным. К своему ужасу, король обнаружил, что итальянцы тоже сочувствовали претензиям русских. В конце концов он попытался заручиться поддержкой англичан, мрачными красками рисуя советскую угрозу Проливам. Он призывал Черчилля действовать, „как лорд Солсбери и мистер Дизраэли, когда Бессарабия перешла в другие руки в 1878 г.” Но в Лондоне к подобным намекам отнеслись как к „желанию румын в настоящий момент напугать нас до дрожи замыслами русских”»¹¹⁴.

¹⁰⁶ См.: Basarabia. 1940. Chişinău, 1991. P. 32; Şişcanu I. Raptul Basarabiei. 1940. Chişinău, 1993. P. 29; Şişcanu I. Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. P. 85-111; Poştarencu D. O istorie a Basarabiei în date şi documente (1812-1940). Chişinău, 1998. P. 190; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 106.

«Советский Союз, – говорилось в ноте, – никогда не мирился с фактом отторжения Бессарабии, о чём правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрее решения полученных в наследство от прошлого нерешённых вопросов.., Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своём громадном большинстве связано с Советской Украиной... Такой акт был тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить, – правда, лишь в незначительной степени, – средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесён Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии». // Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 324, 348-349.

¹⁰⁷ Ibid. С. 354-356; Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940. Iaşi, 1991. P. 215-216.

¹⁰⁸ Buzatu Gh. România cu şi fără Antonescu. P. 85-86; Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. P. 154; Şişcanu I. Basarabia în contextul relaţiilor sovieto-române. P. 98; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 108; Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 358-359.

¹⁰⁹ Diplomaţia cotropitorilor. Culegere de documente. P. 135-140, 151-152.

¹¹⁰ Смотри: Cretzianu A. Ocazia pierdută. Iaşi, 1998. P. 235-236.

¹¹¹ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; детально смотри документы: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 324-326, 348-356, 357-361; смотри также: Constantiniu Fl. Dictatul de la Moscova (26-28 iunie 1940) şi relaţiile sovieto-gemane. // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 1-2; Calafeteanu C. România, 1940: urmările unei nedreptăţi. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 6. P. 18.

¹¹² Hillgruber A. Hitler, regele Carol şi mareşalul Antonescu. P. 97.

¹¹³ Constantin I. România, Marile puteri şi problema Basarabiei. P. 69.

¹¹⁴ Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001 (militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html).

Британский премьер Уинстон Черчилль в беседе с советским послом Иваном Майским иронически вопрошал: «Что это означает: возврат к империализму царских времён?.. Но если Ваши действия продиктованы не старым царём, а новым советским империализмом, – что с того, у меня нет возражений... Должно быть в Берлине не очень довольны Вашей экскурсией в Румынию?»¹¹⁵. Черчилль же, однозначно, был совершенно доволен данной «экскурсией».

Дело, однако, состояло в том, что англичане были, в первую очередь, озабочены обеспечением собственной безопасности и «румынские проблемы» волновали их меньше всего. С этой целью важнейшей задачей являлось налаживание нормальных связей с Советским Союзом, как потенциальным союзником в борьбе с гитлеровской Германией. После поражения Франции в Москву прибыл новый английский посол Стаффорд Криппс¹, сторонник теснейшего взаимодействия Великобритании и СССР¹¹⁶.

Во время своей первой беседы с новым послом, 14 июня 1940 г. В.М. Молотов отметил, что СССР имеет особые интересы в Румынии. В Лондоне правильно поняли чего хочет Москва, поэтому в ночь с 24 на 25 июня Криппсу был выслан текст послания премьер-министра. «Криппс, – указывает официальный британский историограф второй мировой войны Л. Вудвард, – был проинструктирован уклоняться от дискуссий о Бессарабии. Если необходимо, он мог сказать, что наше отношение в значительной мере будет зависеть от турецкой позиции»¹². Если будут упомянуты балтийские государства, сэр Криппс должен будет высказать убеждение, что недавние действия Советского правительства были вызваны „величиной и размахом” немецкой военной опасности, сегодня угрожающей России, что и действия Советского правительства можно считать мероприятиями по самозащите»¹¹⁷.

В этом контексте, украинский исследователь Владимир Макачук отмечает, что «с Великобританией, „гарантом” румынских границ, торг [СССР] за Бессарабию начался скорее, чем с Германией, и проходил куда легче». А уже 22 октября 1940 г. английское правительство направило советскому руководству Меморандум, в котором отмечалось, что «британское правительство признаёт де-факто суверенитет СССР в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии»¹¹⁸.

А вот как комментируют англосаксонскую позицию румынские историки В.Ф. Добринеску и И. Константин: «Английская реакция на аннексию Бессарабии, Северной Буковины и района Герца выразила безразличие и пассивность... В то драматическое для румынского народа время Англия нашла „оправданными” советские и болгарские претензии на важнейшие части румынской территории и желала румыно-венгерского столкновения, которое де-факто вывело бы СССР к Карпатам и спровоцировало бы советско-германский конфликт... Реакция американских властей в отношении трагических событий, свалившихся на Румынию в конце июня 1940 года, выразилась в „молчаливом согласии”, что не могло не повлиять и на общественное мнение этой страны»¹¹⁹.

И. Константин осведомляет читателя, что «вся английская пресса, – информировал Бухарест В.В. Циля¹³, – „приветствует успех русской дипломатии в отношении вступления в Румынию”. Эти издания

¹¹⁵ ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 409.

¹ Примечание научного редактора: Криппс (Cripps) Ричард Стаффорд (24.4.1889, Лондон, – 21.4.1952, Цюрих), британский государственный деятель, рыцарь (1930). В 1931 избран по списку Лейбористской партии членом палаты общин, а в 1932 назначен Р. Макдональдом генерал-солистером (высшим чиновником Министерства юстиции). Увлёкшись марксизмом, Криппс в 1930-х гг. стал одним из лидеров левого крыла Лейбористской партии; в 1934-35 член Исполкома. В 1936 основал левый журнал «Трибуна». В предвоенные годы был сторонником противодействия Германии и укрепления коллективной безопасности (в т.ч. с привлечением СССР). Выступал за единый фронт всех левых организаций, включая Компартию, за что в январе 1939 вместе с Э. Бевином был исключен из Лейбористской партии (восстановлен в марте 1945). С приходом к власти коалиционного правительства У. Черчилля, в мае 1940 Криппс был назначен послом в СССР (оставался в Москве до января 1942). В апреле 1941 г. он переслал Сталину (по поручению У. Черчилля) предупреждение о возможности нападения Германии на СССР. От имени Великобритании подписал в июле 1941 Соглашение с СССР о совместных действиях в войне против нацистской Германии. Ст. Криппс энергично добивался открытия второго фронта. В 1942 назначен лордом-хранителем печати, а в октября 1942 министром авиационной промышленности (оставался в правительстве до падения кабинета Черчилля). Одновременно в 1942 недолго был лидером палаты общин. В лейбористском кабинете К. Эттли занимал посты президента Торгового совета (министра торговли, 1945-1947), экономики (1947), а в 1947 был назначен канцлером казначейства (министром финансов). В октябре 1950 по состоянию здоровья оставил работу в правительстве и палате общин.

¹¹⁶ Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1981. С. 180.

¹² Примечание научного редактора: Фактически это означало полную поддержку советской позиции. Дело в том, что Турция ни при каких обстоятельствах не стала бы поддерживать Румынию в случае войны с СССР.

¹¹⁷ Цит. по: Макачук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. М., 2010. С. 223 (со ссылкой на: Woodward L. British Foreign Policy in the World War. Vol. 1. London, 1970. P. 466).

¹¹⁸ Ibid. С. 223, 224-225.

¹¹⁹ Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 177, 178, 179.

¹³ Примечание научного редактора: В то время – посол Румынии в Великобритании.

пришли к выводу, что данная акция „не имеет антианглийской направленности, а, напротив, будет иметь катастрофические последствия для Германии и Италии, если возрастет русское влияние на Балканах”. Такие газеты, как „New Chronicle” и „Daily Herald”, считали претензии Советского Союза к Румынии „справедливыми”»¹²⁰.

Коронный совет Румынии в этих условиях первоначально решил проигнорировать советы «оси» уступить Бессарабию и предложил Москве двусторонние переговоры. Молотов ответил на это румынскому послу, что такой ответ является неудовлетворительным. Тогда Дэвидеску разъяснил, что ответ его правительства следует рассматривать как утвердительный. Советский министр вручил румынскому правительству вторую ноту, в которой потребовал в течение четырех дней, начиная с 14⁰⁰ 28 июня 1940 г., очистить Бессарабию и Северную Буковину от румынской армии и администрации¹²¹.

В деталях события описываются в уже известной работе российского историка Мельтюхова: «В 23⁰⁰ 27 июня в Москве был получен ответ Бухареста, в котором румынское правительство заявляло, „что оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле к дружественному обсуждению, с общего согласия, всех предложений, исходящих от Советского правительства”. Румыния просила „указать место и дату” будущих переговоров, делегаты на которые с румынской стороны будут назначены после ответа из Москвы... Однако все попытки румынского дипломата договориться о будущих переговорах были безуспешны, поскольку, как заявил Молотов, „сейчас речь идет о вопросах политических, а не технических”. Советская сторона предложила немедленно подписать соглашение о том, что 28 июня „советские войска должны занять определенные пункты” и за 3-4 дня всю остальную территорию. Соответственно Румыния должна гарантировать сохранность предприятий, железных дорог, аэродромов, телеграфа и телефона, государственного и частного имущества, а позднее „советско-румынская комиссия сможет договориться о деталях реализации намеченных мероприятий”.

Дэвидеску отказался подписывать соглашение, сославшись на отсутствие у него необходимых полномочий. Тогда несколько позднее ему была передана новая советская нота, в которой отмечалась неопределенность ответа румынского правительства, „ибо в нём не сказано прямо, что оно принимает предложения Советского правительства о немедленной передаче Советскому Союзу Бессарабии и северной части Буковины”... В Бухаресте продолжали обсуждение сложившейся обстановки, не исключая и возможности военного сопротивления СССР. Однако поздно вечером 27 июня, реально оценив военные возможности Румынии и опасаясь социальных потрясений в случае войны с СССР, Коронный совет 27 голосами против 11 решил согласиться на уступку требуемых СССР территорий. Как позднее заявил в парламенте Тэтэреску, „мы решили отступить из Бессарабии и Верхней Буковины, чтобы спасти сегодня румынское государство и уберечь от опасности будущее румынской нации”»¹²².

Описывая свою беседу до этого заседания с дипломатическим инспектором рейха Киллингером, Карл отмечал в своём дневнике: «СССР оказал такую услугу рейху, что не может быть и речи о повороте против Советов по нашему желанию. Всё же он согласился телеграфировать в Берлин то, что я сказал. Фактически, хотя я сблизился с Германией, она без зазрения совести продала нас во имя своих интересов»¹²³. Как видим, сказание про «предательство Румынии великими державами» – это что-то постоянное в румынской ментальности. Сплошное сетование и плач до небес... По этой логике, кроме как блюсти интересы Румынии, которая сама не в состоянии делать это эффективно, великим державам более и заняться нечем.

Как мы уже отмечали, 28 июня в 1³⁰ по московскому времени, Молотов вручил Дэвидеску конкретные предложения Советского правительства, предусматривавшие эвакуацию румынской армии и администрации из Бессарабии и Северной Буковины в течение 4-х суток и занятие этой территории советскими войсками¹²⁴. В 11 часов того же дня посол сообщил наркому, что его правительство принимает эти предложения, но просит продлить срок эвакуации с 4-х до 8-ми дней, а также вернуться к рассмотрению вопроса о границе в районе г. Херца¹²⁵. Ответив сначала отказом, на следующий день Молотов согласился лишь на продление сроков эвакуации на сутки – до 3 июля¹²⁶.

Российский историк Т.А. Покивайлова отмечает, что «в ноте Советского правительства от 26 июня 1940 г. ...не был использован богатый арсенал аргументов о незаконности захвата Бессарабии в 1918 г., который использовался советской дипломатией в двадцатые годы для обоснования своей позиции». Она также считает «совершенно нереальным выдвинутый срок для эвакуации румынских войск. Именно поэтому» второй Съезд народных депутатов СССР указал, «что Сталин „в великодержавной

¹²⁰ Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 98.

¹²¹ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 359-371; Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 108; Şişcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. P. 101-112.

¹²² militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; смотри также: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 359, 360, 361-368.

¹²³ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 360.

¹²⁴ Ibid. С. 368.

¹²⁵ Ibid. С. 326-327, 370.

¹²⁶ Ibid. С. 327, 371-372.

манере осуществил возвращение в состав Союза Бессарабии”, что, между прочими акциями того времени, „деформировало советскую политику и государственную мораль”. Подчёркиваем, что речь здесь идёт о способе, о военно-дипломатическом оформлении свершившегося, а не о его сути»¹²⁷.

«Аргументация советской ноты от 26 июня 1940 г. в адрес королевского правительства Румынии о возвращении Бессарабии, – продолжает Т. Покивайлова, – страдает серьёзными недостатками и в политическом, и в научно-историческом плане и не идёт ни в какое сравнение с выработанным в 1921 г. подходом советской дипломатии по этому вопросу. Более того, нота Молотова грешит искажениями действительности: в ней говорится о Бессарабии как о территории, „населённой главным образом украинцами”, что никак не отражает истинного национального состава края... Стремление подчеркнуть военную силу в тот момент лишь усиливало ультимативный тон ноты и совершенно скрывало правовой характер предъявленных требований возвращения Бессарабии»¹²⁸.

«29 июня войска первых эшелонов вышли на реку Прут, где заняли переправы и установили порядок осмотра отходящих румынских частей с целью изъятия захваченного имущества местного населения... К исходу 1 июля новая граница была полностью занята войсками, а с 14⁰⁰ 3 июля граница была закрыта, и не успевшие переправиться румынские военнослужащие были разоружены и задержаны. Тем самым войска Южного фронта выполнили поставленную перед ними задачу и обеспечили нашему Правительству возможность мирным путем освободить Бессарабию и Буковину и своими действиями быстро закрепили их за СССР»¹²⁹.

Г. Городецкий, оценивая эти события, отмечает, что мотивы поведения советского руководства определялись, в первую очередь, государственными интересами СССР и «были лишены всякого идеологического мотива». Включение Бессарабии и Северной Буковины в состав Советского Союза объяснялось стремлением «обезопасить себя на Балканах и побережье Черного моря», а также необходимостью установить контроль над железнодорожными путями «между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов... Королю Каролу было настоятельно рекомендовано уступить Бессарабию без сопротивления»¹³⁰.

При отходе румынских войск с территории Бессарабии и Северной Буковины имели случаи нарушения условий эвакуации. 29 июня заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов сделал Дэвидеску представление по этому поводу. 30 июня ему вновь было указано, что «румынские войска при уходе грабят население, уводят лошадей, реквизируют скот и повозки». 13 июля румынскому послу заявили о случаях похем, чинимых румынскими властями уроженцам Бессарабии и Северной Буковины, пытавшимся вернуться в родные места. 15 июля советский полпред А.И. Лаврентьев сделал министру иностранных дел Румынии М. Маноилеску аналогичное заявление¹³¹. О том же говорил Молотов на прощальной аудиенции Дэвидеску¹³². «На советско-румынской границе происходили постоянные инциденты и провокации, – отмечает Т. Покивайлова со ссылкой на Архив внешней политики РФ, – ответственность за которые каждая из сторон пыталась снять с себя и переложить на другую сторону»¹³³.

И ещё один момент. Как бы ни оценивать произошедшее, для молдавского народа включение Бессарабии в состав СССР явилось положительным событием, освободившим его от 22-летнего чужеземного господства и создавшим условия для восстановления его государственности. 2 августа 1940 г. была образована Молдавская ССР, правопреемницей которой является современная Республика Молдова.

В румынской историографии события июня 1940 года интерпретируются исключительно отрицательно, особенно спешка, с которой советская сторона потребовала очистить Пруто-Днестровское междуречье. Так, например, Ш. КонстантINESКУ делает вывод, что советские ноты от 26 и 28 июня 1940 г. являются «самым драматическим событием, ударившим по Румынии с момента Великого Объединения 1918 года, настоящим сейсмическим потрясением»¹³⁴. «Эвакуация с уступленных территорий происходила в тяжелейших, зачастую драматических условиях по причине нехватки времени, – считает К. КирИЕСКУ... – Тот факт, что приказы об эвакуации были переданы румынской стороной лишь в последний момент и распоряжения правительства сводились к идее избегать любых конфликтов с теми, которые должны были сменить нас, породил состояние хаоса, паники и страха»¹³⁵.

¹²⁷ Ibid. С. 327.

¹²⁸ Ibid. С. 327-328.

¹²⁹ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.

¹³⁰ Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001 (militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html).

¹³¹ Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 329.

¹³² Ibid. С. 374.

¹³³ Ibid. С. 329.

¹³⁴ Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 12. P. 52.

¹³⁵ Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 123; см. также: Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 56.

Возможно, что это и в самом деле произошло слишком быстро. Однако, учитывая всю историю советско-румынских отношений, начиная с 1917 года, Москва не видела ни одного повода, чтобы доверять румынской олигархической элите. В первую очередь, советские руководители не забыли о нарушении румынской стороной соглашения «Раковский – Авереску» от 5-9 марта 1918 г.¹³⁶. И они не хотели упустить благоприятный момент для решения бессарабского вопроса в пользу СССР.

Политическое руководство Румынии капитулировало и уступило без борьбы эти провинции, которые считало «исторически румынскими»¹³⁷. Советскому Союзу отдали без малейшего, пусть символического, сопротивления более 50 тыс. км² с населением около 4 млн человек. «Присоединение» Бессарабии к Румынии в 1918 г. было абсолютно незаконным. Но если румынское государство считало её своей, – «плотью от плоти страны», – тогда следовало защищать её любой ценой и любыми жертвами, как защищает мать своих детей.

Как мы уже отмечали выше, тот факт, что этого не случилось, вольно или невольно доказывает, что Бессарабия была «нелюбимым ребёнком» Румынии, чужой дочерью «Родины-матери» и, фактически, в течение 22 лет – колонией, из которой только безвозвратно выкачивали. То, что не защищаешь, более тебе не принадлежит. Так что, если до того момента Румыния ещё имела какие-то «исторические» и «моральные» претензии в отношении Бессарабии, пусть и непризнанные всем мировым сообществом, события июня 1940 г. рассеяли их окончательно. Правда, наш народ не спросили не только в 1918 г., но и в 1940-м! Естественно, сегодня сложно сказать, о чём думали бессарабцы в 1940 г., но, повторимся, если предположить невозможное, что в 1940 г. был бы проведён референдум, на котором население Бессарабии, без давления, под международным контролем, свободно бы выразило своё мнение – по итогам волеизъявления однозначно в составе Румынии не осталось бы.

Однако в румынской и околорумынской историографии господствуют иные оценки данного события. Например, молдавский историк Ион Шишкану пишет следующее: «Таким образом, силовой аргумент, неблагоприятная для Румынии международная обстановка и поддержка советских претензий на румынские территории со стороны Германии заставили *немедленно решить* вопрос об эвакуации из Бессарабии и Северной Буковины... После долгих споров было решено не отвергать советский ультиматум, так как в условиях отсутствия помощи извне, длительное сопротивление лишь собственными силами является невозможным...

Положение Румынии было совершенно ясным: уступить или воевать. В тех условиях война означала уничтожение всей румынской армии и нереальность организации обороны от вероятных атак с других направлений... „Начальник Генерального штаба генерал Тенеску... придерживался мнения, что следует принять ультиматум, чтобы завтра не пришлось уступить ещё больше”. В конце дискуссии премьер Г. Тэзереску раскрыл невозможность оказания сопротивления советской армии и доказал, что вследствие подобного сопротивления будет полностью разбита румынская армия, стремительно оккупирована вся страна и разрушено Румынское государство. Он пришёл к выводу о невозможности отступления армии... и сделал следующее заявление: „...решено эвакуировать Бессарабию и Верхнюю Буковину, с тем чтобы спасти жизнь Румынскому государству и обеспечить будущее румынизма”...

Румыния не могла рассчитывать... на военную помощь Франции и Англии, ...Румыния не располагала... линиями снабжения, коммуникации и отступления... Таким образом, в сложившихся в 1940 г. исторических обстоятельствах, не будет преувеличением утверждение, что возникла угроза самому существованию государства, и это в то время, когда уже столько государств было уничтожено»¹³⁸.

В принципе, данную точку зрения поддерживает и один из наиболее серьёзных румынских историков Флорин Константиу, который считает, что «то положение полной политической и военной изоляции, в котором оказалась Румыния, не оставляло Бухарестскому правительству иного выбора – для избежания войны, которая из-за неблагоприятного соотношения сил могла окончиться для Румынии только катастрофой – кроме как уступить затребованные Советским Союзом территории»¹³⁹. Ещё более категоричен Ш. Константинеску, утверждающий, что «в этом случае [имеется в виду оказание сопротивления – С.Н.], в результате поражения, Румыния была бы разделена между СССР, Венгрией, Болгарией и Германией»¹⁴⁰. Естественно, что господа Шишкану & К⁰ имеют полное право выражать любое мнение. Тем более, что бумага всё стерпит, а любая подлость может быть оправдана и одобрена некоторыми историками. Именно такие позиции занимают многие румынские историки, возможно, их даже большинство.

¹³⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 210-211; Boldur A. La Bessarabie et les Relations Russo-Pomaines. Paris, 1927. P. 384-385.

¹³⁷ Diplomația cotropitorilor. Culegere de documente. P. 150; Basarabia. 1940. P. 51-52, 53-55.

¹³⁸ Şişcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. P. 96, 102, 104-105, 108-109, 111, 112.

¹³⁹ Constantiniu Fl. Dictatul de la Moscova (26-28 iunie 1940) și relațiile sovieto-gemane. // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 1-2. P. 17.

¹⁴⁰ Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 12. P. 52.

Английский исследователь Д. Делетант полагает, что главным аргументом против оказания сопротивления Советскому Союзу было опасение одновременной синхронизированной атаки со стороны Венгрии и Болгарии¹⁴¹. «Скорее всего, – полемируют с ним российские историки Исламов и Покивайлова, – этот вывод является преувеличением, ибо решающим аргументом, по-видимому, была всё же боевая мощь советских дивизий, отмобилизованных и готовых немедленно форсировать Днестр. Единственная и последняя надежда румын рухнула, как только пришло сообщение о реакции Берлина на просьбу о содействии»¹⁴².

Правда, мы совсем не отрицаем существования в то время территориальных претензий к Румынии со стороны Венгрии и Болгарии. Так, 28 июня во время экономических переговоров с германским эмиссаром Клодиусом, венгерский министр иностранных дел Чаки выдвинул претензии на Трансильванию и заявил, что Венгрия готова применить силу для их удовлетворения. Опасаясь разрушения плоештских нефтепромыслов, немцы высказались против развязывания хортистами войны с Румынией. Однако при этом гитлеровцы пообещали М. Хорти «полную поддержку» при разрешении территориального спора с Румынией «в более подходящее время»¹⁴³. Перед румынами же они выставляли свои «заслуги» в «удержании» венгров.

Выше мы уже отмечали, что в румынской националистической историографии о XX веке (о специалистах из области античной, средневековой и новой истории мы ничего сказать не можем, т.к. недостаточно знакомы с соответствующей научной литературой) тенденция к реалистическому освещению и анализу действительности присутствует лишь очень относительно, однако господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций. Другими словами, главной задачей многих румынских историков-контемпоранистов (естественно, встречаются и исключения*) является не выяснение исторической истины, а внедрение ультранационалистической концепции румынизма (данная констатация относится, в первую очередь, к историографии бессарабского вопроса). Даже с точки зрения профессионально-технической, доминирует линия на игнорирование фактов, не вписывающихся в идею «румынского патриотизма», и, одновременно, сильно преувеличен фактологический аспект, подтверждающий румыно-националистические мифы.

«В контексте написания румынской истории „объективность“ понимается как „соответствие румынским национальным интересам“, а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей»¹⁴⁴. Наверное г-н Мёрс не сильно ошибался, когда писал, что «его выводы разочаруют» слишком многих румынских историков и молдавских историков румыно-унионистской ориентации. И, к сожалению, данный вывод действителен для румынской исторической науки всего новейшего времени, конечно, с некоторыми исключениями (во всяком случае, он верен в отношении работ, прямо или косвенно анализирующих бессарабский вопрос), хотя за последние 90 лет в Румынии сменились несколько режимов и даже общественно-экономических формаций.

¹⁴¹ Deletant D. The Molotov-Ribbentrop and its Consequences for Basarabia: some Considerations on the Human Rights implications. // Revue Roumaine d'histoire. Buc., 1991. T. 30. № 3-4. P. 223.

¹⁴² Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940-1946 годы. М., 2008. С. 91.

¹⁴³ См.: Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 195-198.

* К примеру, «Исторический журнал Румынской академии наук» („Revista istorică. Academia Română“) представляет подобного рода счастливое исключение. Подавляющее большинство публикуемых в нём статей очень добротны, с профессиональной точки зрения, основаны на архивных и других документах, на работах ведущих специалистов в исследуемых областях, а «дух патриотизма», если и присутствует в отдельных материалах, то сведён к минимуму. В общем, на страницах данного научного журнала первенство отдано исторической истине, а не «патриотизму» в понимании фирмы *Бузату & К⁰*.

Однако по исследуемому нами *бессарабскому вопросу* и в данном научном издании преобладает тезис «Бессарабия – румынская земля», и всё, что ни делало румынское правительство в 1920-30-е гг. для сохранения нашего края в составе «Великой Румынии», было «верным» и, главное, «справедливым», т.к. «и исторически, и этнически» «Бессарабия всегда была румынской», а её население в 1918 г. «добровольно», чуть ли не слёзно моля, вошло в состав румынского королевства.

Ещё раз повторимся, в румынской историографии очень много высокопрофессиональных и честных исследований, в том числе раскрывающих участие государства в первой мировой войне, различные стороны социально-экономического, политического, культурного развития страны в межвоенный период, положение национальных меньшинств в это время, роль Румынии во второй мировой войне и, в частности, по вопросу об ответственности фашистской клики Антонеску за массовое истребление евреев на оккупированных территориях Молдавии и Украины, и т.д., и т.п. Но, и это мы констатируем с горечью, нам не встретилась ни одна работа ни одного румынского автора по бессарабскому вопросу, в которой бы события раскрывались и анализировались реалистично и беспристрастно. Более того, по степени правдивости, мемуары румынских политиков 1918-1940 годов на порядок выше всех, без исключения, работ профессиональных историков, особенно после падения диктатуры Чаушеску. Будем надеяться, что время и внешние историографические влияния изменят данное положение вещей.

¹⁴⁴ Meurs W.P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 409.

В румынской историографии предпринимаются также попытки доказать, что 28 июня 1940 г. является прямым следствием пакта Молотова – Риббентропа. Де-юре – это не так, ведь подписанные документы не содержали ничего по поводу раздела территорий¹⁴⁵. Де-факто – да, т.к. в них идёт речь об интересе сторон в отношении некоторых территорий. Но опять-таки, вхождение Бессарабии в состав СССР не являлось прямым результатом (возможно, косвенным) советско-германского соглашения. 28 июня стало возможным благодаря коренному изменению международной конъюнктуры. Но даже, если предположить, что указанный договор имел по отношению к Бессарабии реальное (или юридическое) значение, 22 июня 1941 г. оно утратило силу в результате нападения фашистской Германии и её союзника Румынии на СССР. Таким образом, «22 июня» аннулировало любые последствия «23 августа». Но обо всём этом пойдёт речь далее.

Комплексное мнение румынских историков по 1940 г. было в своё время выражено К. Кирицеску: «Возможно, всё-таки следовало оказать сопротивление? Но в тех условиях оно безальтернативно означало бы разрушение страны без возможности её восстановления на длительный период... Легко описывать драматические ситуации эффектными фразами. На Коронном совете Йорга выступил против уступок, заявив: „Страна, без борьбы уступающая часть территории, рискует самым своим существованием“. Государственный муж должен рассуждать трезво, взвешивая все обстоятельства... Мудрость подсказывает нам, что не было ничего лучшего, как уступить, в надежде, что время, столь полное сюрпризами и непредвиденными обстоятельствами, создаст новую, благоприятную нам конъюнктуру»¹⁴⁶.

В действительности, сопротивление ни в коем случае не означало бы «разрушение страны». Этим словосочетанием оправдывается неэффективность, трусость и глупость румынской правящей олигархии. В той ситуации, бесспорно драматической для Румынии, позиция Йорги была не только более честной, но, по нашему мнению, ещё и с точки зрения государственных интересов Румынии, более реалистичной, в особенности с позиций будущего. И не следует путать подлость и предательство с государственной мудростью. Но и время не на стороне подлецов, а с людьми конкурентоспособными, умеющими эффективно защищать национально-государственные интересы.

Выше мы уже высказали своё отношение к политике тогдашних румынских властей, отметив её трусливый и лицемерный характер. Странно, что в румынской историографии господствует оправдательное отношение к подобному курсу. В таком случае, следуя логике современных апологетов данной политики, Румыния имеет право на существование в качестве независимого государства лишь в случае одобрения этого со стороны ведущей и сильнейшей на тот или иной момент державы или блока государств. Правда, далеко не все румынские историки разделяют это мнение. Так, например, К.И. Стан отмечает, что эвакуация из Бессарабии и Северной Буковины «являлась, по нашему мнению, политической ошибкой. Был создан опасный прецедент»¹⁴⁷.

Поскольку до сегодняшнего времени появляются спекуляции насчёт позиции румынского руководства в июньские дни 1940 г., сошлёмся на суждение весьма осведомлённого деятеля официального Бухареста той поры. 28 августа 1940 г. премьер-министр Румынии И. Джигурту писал германскому министру иностранных дел И. Риббентропу: «Бессарабия объединилась с Румынией в конце первой мировой войны... Мы не боролись за это объединение, и, между прочим, это объединение не было одной из целей, которые мы преследовали в великой войне. Поэтому... понятно, почему наш народ согласился с уступкой (Бессарабии – С.Н.) без всякой борьбы»¹⁴⁸.

В этом контексте возникает ещё один логический вывод: в 1940 г., но также и в 1944-м, уступив Бессарабию Советскому Союзу, румынские власти ни в какой форме – предъявления протеста советской стороне, адресованного международной общественности заявления, официального обращения к государствам мира и международным организациям или любой другой акции – не выразили возмущение в связи с тем, что уступка осуществляется под давлением грубой силы, что она незаконна, т.к. Бессарабия есть «румынская земля». Другими словами, румынская сторона не предприняла никакой акции юридического характера, которая объявляла бы передачу Бессарабии незаконным актом как с точки зрения международного права, так и с позиций румынского национального законодательства. Наоборот, приняв без подобного рода декларации советское предложение, румынское правительство де-факто и де-юре признавало, что передаёт СССР не принадлежащую Румынии советскую территорию.

Соответственно, плач об «аннексии», «ультиматуме», «насилованном навязывании» и т.д. и т.п. возник позднее, а в наши дни имеет идеологически-пропагандистский характер с целью «патриотического воспитания» собственного населения и дебилизации посредством образовательной системы моло-

¹⁴⁵ Смотри: Год кризиса, док. № 602, 603.

¹⁴⁶ Kirişescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 121-122.

¹⁴⁷ Stan C.I. Rusia şi România la conferinţa de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română, 2001, Nr. 1-2. P. 29.

¹⁴⁸ Колкер Б.М. Из истории румыно-советских отношений в конце 1940 года. // Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинёв, 1969. С. 112.

дѣжи Республики Молдова. Естественно, эти действия имеют чётко определённую геополитическую направленность: передел ментальности населения Молдовы для её ликвидации руками будущих поколений самих молдаван.

Правда, современные румынские историки не согласны с И. Джигурту. Например, Ш. Константинеску утверждает, что «включение Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР является открытым и грубым выражением применения силы в международных отношениях. Действие Советского Союза в июне 1940 года в отношении Румынии ясно доказывает, что Москва являлась агрессором, а наша страна оказалась подвергнутой агрессии»¹⁴⁹. И для того, чтобы аргументировать свой тезис, автор ссылается на Конвенцию от 3 июля 1933 года, определявшую в качестве агрессора государство, которое «вторглось своими вооружёнными силами... на территорию другого государства»¹⁵⁰.

На всё это можно ответить лишь тем, что уважаемый автор и другие наши румынские коллеги вновь интерпретируют события не с позиций историзма и исторической объективности, а с платформы румынского «патриотизма». Национализм покрыл изморозью глаза многих румынских историков. Для них не подлежит сомнению, что «Бессарабия – румынская земля», даже при том, что 97,8% её населения не признавали этого в 1918-1940 годах и не признают сегодня. Вообще-то, не только румынская историческая наука, но и политическая элита Румынии, с завидной настойчивостью игнорируют данную действительность. Чего только стоит заявление президента Т. Бэеску, будто бы в Республике Молдова проживают 4,5 млн румын?! А что значит для националистов воля 97,8% молдаван, не считающих себя румынами?! Мы не можем обижаться на г-на Бэеску, так как он является простым мотористом, ставшим, по воле Всевышнего, главой государства. Возможно, его исторические познания не превышают интеллектуального уровня его молдавского визави, с которым они обменялись высшими государственными наградами. Но почему эти вещи игнорируются «докторами» и «учёными профессорами»?

Однако продолжим анализ «аргументов» историка Ш. Константинеску. Во-первых, подписывая указанную конвенцию, советская сторона подчеркнула, что ни в коем случае не признаёт включение Бессарабии в состав Румынии. Таким образом, с точки зрения международного права, тезис об «агрессии против Румынии» является беспочвенным. Данный вывод почти повсеместно признаётся международной исторической наукой. Как мы уже видели, де-факто и де-юре он был признан и румынскими властями летом 1940 г. и, как ещё увидим, в том числе и правительством Антонеску после 22 июня 1941 г. Нечего и говорить, что это было признано в 1944 г. при подписании перемирия¹⁵¹, а также на Парижской мирной конференции в 1946-1947 гг.¹⁵²

Таким образом, в 1940 г. Советы не только ни на кого не нападали, но, с точки зрения международного права, агрессор и оккупант в лице королевской Румынии добровольно, мирным путём, не оказывая ни малейшего сопротивления, возвратил захваченную и аннексированную им ещё в 1918 г. территорию Бессарабии. И без лишних слёз и воплей, уважаемые «исследователи»... Но вообще, вся румынская историография бессарабского вопроса является сплошным националистическим стенанием.

И в конце своего жалостного стона г-н Константинеску заявляет, что «исходя из способа развития событий, можно утверждать, что в конце июня 1940 г. между Румынией и СССР было установлено состояние войны»¹⁵³. О том же заявляет и другой его коллега К. Хлихор: «Фактически Румыния была вовлечена в мировой конфликт против своей воли 28 июня 1940 года»¹⁵⁴. «Считаем, – продолжает свою мысль тот же автор, – что 22 июня 1941 года является лишь тем моментом, когда на основе международных юридических норм Румыния смогла ответить на предыдущую агрессию»¹⁵⁵. Более подходящего слова, чем «бред» для характеристики подобных утверждений подобрать сложно. В румынской историографии также присутствует убеждение, что «и после аннексии Бессарабии и Северной Буковины советское правительство продолжило по отношению к Румынии политику сплошных угроз»¹⁵⁶.

¹⁴⁹ Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // *Historia. Revistă de istorie*, 2006, Nr. 12. P. 52.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. М., 1946. С. 205-212; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Документы и материалы. Т. 2. М., 1984. С. 501-506; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 152-157.

¹⁵² Мирный договор с Румынией. М., 1947. С. 5.

Правда, не все в Румынии признают законность её решений. // См.: Dobrinescu V.-Fl., Tompea D. România la cele două Conferințe de Pace de la Paris (1919-1920, 1946-1947). Un studiu comparativ. Focșani, 1996. P. 106; Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iași, 1995. P. 343.

¹⁵³ Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // *Historia. Revistă de istorie*, 2006, Nr. 12. P. 52.

¹⁵⁴ Hlihor C. 22 iunie 1941 sau 28 iunie 1940? // *Revista istorică. Academia Română*, 1992, Nr. 9-10. P. 1022.

¹⁵⁵ Ibid. P. 1026.

¹⁵⁶ Calafeteanu C. România, 1940: urmările unei nedreptăți. // *Historia. Revistă de istorie*, 2008, Nr. 6. P. 18.

Историк К. Калафетяну считает, что «советский ультиматум конца июня 1940 года явился откровенным сигналом софийскому и будапештскому правительствам для усиления их ревизионистской анти-румынской деятельности»¹⁵⁷. Ему вторят и другие: «Советские ультиматумы поощрили Венгрию и Болгарию официально предъявить свои территориальные претензии Румынии»¹⁵⁸.

А И. Кипер приходит к выводу, что после 28 июня «сближение или сотрудничество с Советским Союзом были не просто абсурдными, но и поистине опасными для существования румынского национального государства... Советский Союз и в дальнейшем проводил антирумынскую политику»¹⁵⁹. В действительности вина за то, что последовало, лежит на политике всех предыдущих румынских правительств, политике, которая настроила против Румынии почти всех её соседей. Жаль, что румынская историческая наука до настоящего времени всё ещё не пришла к пониманию этого факта. Не извлекать уроков из трагического прошлого своей страны означает ставить под угрозу её будущее.

Что касается оценки бессарабских событий 1940 г., уже известный молдавский историк-румынист, а в недавнем «славном» прошлом ортодоксальный марксист, господин-товарищ А.К. Мошану убедительно опровергает «утверждения... о том, что переход королевской Румынии на сторону фашистской Германии был результатом советской ноты от 26 июня 1940 г.», называя их «лишёнными всякого основания. В ноте, как известно, Советское правительство потребовало немедленного мирного урегулирования вопроса о Бессарабии и Северной Буковине, захваченных буржуазно-помещичьей Румынией в 1918 году»¹⁶⁰. Заметьте, в 1984 г. обо всём этом профессору Мошану было «известно», а сегодня «нет»!

В подтверждение своего тезиса, направленного против «западных фальсификаторов», он утверждает, что «с конца мая 1940 г. режим королевской диктатуры принимает решение перейти на сторону фашистской Германии. А 20 июня 1940 г. Тэтэреску вручил германскому послу в Бухаресте меморандум, в котором содержалось предложение заключить военный союз. Кароль II, инициатор этого союза, поспешил завершить процесс фашизации страны, начатый ранее: фашистская идеология была провозглашена духовной основой государства»¹⁶¹.

А вот как рецензент оправдывает вхождение Бессарабии в состав СССР геополитическими соображениями, а также необходимостью крепить его безопасность: «Превращение королевской Румынии в фашистское государство, стремившееся заключить союз с гитлеровской Германией, направленный против Советского Союза, представляло серьёзную опасность для нашей страны*. Было ясно, что Румыния становится предмостным укреплением рейха, готовившегося к войне против СССР. В этих условиях Советская страна не могла мириться с дальнейшим порабощением Бессарабии и Северной Буковины и с перспективой появления гитлеровских войск на берегу Днестра, вблизи жизненно важных промышленных районов Советской Украины. Всё это и обусловило появление упомянутой ноты»¹⁶².

Закат «Великой Румынии». Проследим развитие событий лета 1940 года. «Поражение Франции привело к нарушению сложившейся системы влияния великих держав и обострило борьбу за Балканы. Первым новую ситуацию использовал СССР, добившись разрешения Бессарабского вопроса. Венгрия и Болгария решили, что настало время осуществить их собственные территориальные претензии к Румынии. Опасаясь своих соседей, румынское руководство приняло решение ускорить сближение с Германией, что должно было помочь избежать новых территориальных уступок. 1 июля Румыния отказа-

¹⁵⁷ Ibid. P. 20; см. также: P. 22.

¹⁵⁸ Catalan S.M., Constantiniu Fl. Frontiere în mișcare: modificări politico-teritoriale în Europa răsăriteană (1938-1947). // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 7-8. P. 696; см. также: Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 61, 162-166; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 91.

Определённая логика в этих утверждениях имеется. Так, в беседе с Шуленбургом Молотов отметил: «Советскому правительству кажется, что основания у Венгрии и Болгарии для претензий к Румынии есть, но советское правительство не может за них решить вопрос, являются ли их претензии срочными, или они могут быть отложены». // ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 376.

Советский полпред в Бухаресте также писал: «Факт возвращения нам Бессарабии разрушил тезис о целостности Румынии и открыл Венгрии возможность для предъявления своих требований». // Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 92.

4 июля, в беседе с венгерским послом в Москве Криштоффи, Молотов заявил: «Советское правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания». // ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 415-416.

¹⁵⁹ Chipier I. Obiective, mijloace și metode ale diplomației române în anul 1941. // Revista istorică. Academia Română, 1991, Nr. 3-4. P. 123.

¹⁶⁰ Вопросы истории, 1984, № 5. С. 126.

¹⁶¹ Ibid.

* Заметьте, тогда Александр Константинович был истинным советским патриотом. Правда, через несколько лет он разменял так горячо им любимую Советскую Родину на другую, не менее любимую, но разве это существенно?..

¹⁶² Ibid. С. 127.

лась от англо-французских гарантий 1939 г. и на следующий день просила Германию о расширении сотрудничества и посылке в страну военной миссии. Однако в Берлине не спешили отвечать на румынские предложения, поскольку перед Германией стояла задача подчинить своему влиянию все Балканы, а для этого следовало использовать противоречия стран региона. В июле 1940 г. Германия отказалась от румынского предложения о гарантии границ Румынии и от роли арбитра в урегулировании территориальных вопросов, потребовав от неё договориться с соседями, учтя их требования. Таковую же позицию заняла и Италия. В этих условиях в августе 1940 г. Румыния была вынуждена пойти на прямые переговоры с Венгрией и Болгарией.

В июле 1940 г. Германия, Италия и СССР, стремившиеся усилить свое влияние в регионе, и Англия, пытавшаяся сохранить его, поддержали территориальные претензии Болгарии к Румынии. 19-21 августа состоялись румыно-болгарские переговоры в городе Крайове, в результате которых 7 сентября было подписано соглашение о передаче Болгарии территории Южной Добруджи площадью 5672 кв. км с населением 386231 человек. 21 сентября соглашение было ратифицировано, и болгарские войска вступили в Южную Добруджу, а к 2 октября вся процедура была завершена. Со своей стороны, Венгрия ещё 28 июня уведомила Берлин, что в создавшейся ситуации она не исключает возможности решения вопроса о Трансильвании военной силой. В то же время она готова увеличить свои сельскохозяйственные поставки в Германию и предоставить ей право пользования венгерскими железными дорогами. 29 июня венгерские войска начали сосредоточение у румынской границы. Одновременно Венгрия пыталась выяснить позицию других великих держав.

В июле-августе 1940 г. Москва неоднократно заявляла, что считает свои отношения с Венгрией нормальными и не имеет к ней никаких претензий. В то же время „советское правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания”, и СССР будет придерживаться этой позиции „в случае созыва международной конференции, на которой эвентуально будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии”. Попытки Венгрии получить обещания более конкретной помощи не увенчались успехом. Англия и США также поддержали венгерские претензии. За этой позицией Москвы, Лондона и Вашингтона без труда угадывалось стремление использовать венгеро-румынский конфликт для того, чтобы поссорить возможных союзников Германии и создать ей экономические трудности.

Со своей стороны, Германия и Италия, отметив справедливость венгерских претензий, в начале июля 1940 г. посоветовали Венгрии воздержаться от применения силы и попытаться решить вопрос дипломатическим путем. Начавшиеся по инициативе Румынии 7 августа контакты с Венгрией переросли 16 августа в прямые переговоры в городе Турну-Северине. Однако кардинальное расхождение позиций сторон и отсутствие даже намека на взаимные уступки привели к тому, что 24 августа переговоры окончательно провалились, и в Будапеште решили с утра 28 августа начать войну с Румынией. 27 августа Венгрия уведомила Германию, что срыв переговоров заставляет её рассмотреть возможность военного решения вопроса. Естественно, в Берлине не собирались допускать венгеро-румынского конфликта и с удовлетворением восприняли высказанное 27 августа согласие Румынии на международный арбитраж. 29 августа в Вене делегации Венгрии и Румынии были уведомлены о необходимости сохранения мира и готовности Германии и Италии решить спорный вопрос. На следующий день было оформлено решение Второго Венского арбитража, согласно которому Венгрии передавалась территория Северной Трансильвании площадью в 43492 кв. км с населением в 2667 тыс. человек, а Румыния получила гарантию своих новых границ. Такое решение Трансильванского вопроса в наибольшей степени устраивало Германию, которая, пообещав сторонам возможность его пересмотра, получила дополнительный рычаг воздействия на обе стороны»¹⁶³.

«Поразительно, – отмечают Т. Исламов и Т. Покивайлова, – что ущемлённой и обиженной считала себя не только Румыния, лишившаяся солидного куска территории с жизненно важными для её народного хозяйства источниками минерального сырья, но и Венгрия, получившая эти территории. К ней отошли главным образом аграрные районы, а высокоразвитые индустриальные зоны Южной Трансильвании и Баната Гитлер оставил в Румынии, дабы сохранить венгерскую зависимость от германской промышленности. В чистом выигрыше от всего этого оказалась одна нацистская Германия, сумевшая довольно ловко и прочно привязать к себе обе страны»¹⁶⁴.

Подводя итог германской линии поведения в венгеро-румынском споре, И. Риббентроп подчёркивал: «Главная наша идея на данном этапе должна состоять в том, чтобы держать как Венгрию, так и Румынию под постоянной угрозой шаха для их использования в германских интересах в зависимости от дальнейшего развития ситуации»¹⁶⁵. Таким образом, под давлением Германии – в результате Второго Венского арбитража – и вновь без какого-либо сопротивления, правящая клика Румынии уступила

¹⁶³ militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html; см. также: Dascălu N. Italia și Dictatul de la Viena din 30 august 1940. // Revista istorică. Academia Română, 1991, Nr. 3-4.

¹⁶⁴ Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 112.

¹⁶⁵ Hillgruber A. Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. P. 62.

Венгрии Северо-Западную Трансильванию, половина населения которой являлась румынами. В те же дни Кадрилатер – как мы видели, также без малейшего сопротивления – был отдан Болгарии¹⁶⁶. В результате этих территориальных уступок румынское государство уменьшилось почти на 98 тыс. кв. км (из 295000) с населением более 6 миллионов человек¹⁶⁷.

Распад «Великой Румынии» явился прямым следствием близорукой и нереалистичной внешней политики румынской олигархической элиты в межвоенный период. Её территориальные аппетиты не соответствовали её возможностям найти, с одной стороны, разумный компромисс с соседями и, в первую очередь, с Советским Союзом, а, с другой, управлять приобретёнными территориями на основе принципов справедливости и эффективности. Данный вывод подтверждается не только территориальными претензиями соседей, но и тотальными антирумынскими настроениями населения утраченных в 1940 г. территорий.

4. Миссия Гесса¹⁶⁸

Поздно вечером 10 мая 1941 г. над Северной Англией, неподалёку от Глазго, появился двухмоторный немецкий истребитель «Мессершмитт-110». Летчик выбросился на парашюте, самолёт разбился. Им оказался заместитель Гитлера по партии, «наци № 3» Рудольф Гесс.

Накануне нападения на Советский Союз, чтобы исключить вероятность войны на два фронта, нацистское руководство попыталось весной и летом 1941 г. нейтрализовать Англию посредством сговора с профашистским крылом её политической элиты. «Можно предполагать, – пишут немецкие историки Ф. Круммахер и Г. Ланге, – что в истории с полётом Гесса речь шла о последней попытке Гитлера, основанной на расовых, идеологических, внешнеполитических аксиомах и сходных с ними взглядах в Англии, завершить вынужденную (по его мнению) войну против Великобритании, в которой он не видит смысла, для того, чтобы получить возможность и по политической конъюнктуре начать великую захватническую войну на Востоке, которую он считает не только выгодной для себя, но и соответствующей действительным интересам Великобритании»¹⁶⁹.

Но, как мы уже убедились, фашистские заправилы были уверены – любое соглашение с англичанами будет крайне недолговечно: разгром СССР решит судьбу и Англии, и её империи. Состояние войны с Англией и стремление до последнего момента маскировать подготовку агрессии против СССР мнимыми планами вторжения на острова – всё это заставляло нацистское руководство осуществлять эту политико-дипломатическую операцию в глубочайшей тайне, даже за спиной официального дипломатического аппарата рейха. В советской историографии одно время господствовало мнение, что по разработанному Гитлером и Гессом плану, последний должен был встретиться с руководителями английского правительства и предложить Англии широкую программу «мирного урегулирования». В случае провала этого плана, для сокрытия его истинных целей, было договорено, что Гитлер объявит Гесса сумасшедшим. Правда, как мы видели выше, данная гипотеза не до конца подтверждается документально.

База для переговоров, как полагал Гесс, была достаточная. «Переговоры, – докладывал он Гитлеру, – будут трудными. Чтобы убедить английских лидеров, важно, чтобы я лично прибыл в Англию. Я достигну нового Мюнхена, но этого нельзя добиться на расстоянии. Я сделаю всё возможное, чтобы моя поездка была успешной. Разрешите мне действовать»¹⁷⁰. Одновременно с дипломатическими приготовлениями, в ночь с 9 на 10 мая, люфтваффе в составе 1000 бомбардировщиков нанесли сокрушительный удар по английским городам. Фюрер остался верен себе – переговоры с англичанами он должен вести «с позиции силы». Прежде чем сесть с ними за дипломатический стол, он стремился показать, что у него есть и другие «возможности» воздействовать на Великобританию.

Однако уже после войны, в своих беседах с американским комендантом тюрьмы в Шпандау Юджином К. Бёрдом, Гесс отрицал тот факт, что Гитлер был в курсе его планов отправиться в Англию для переговоров о мире: «Гитлер не стремился сокрушить Великобританию. Он хотел прекратить войну, но не знал о том, что ради этого я рвался полететь в Англию. Я взял это на свою ответственность. Тот по-

¹⁶⁶ См.: Meurs W.P. van. *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă*. P. 109.

¹⁶⁷ Kirişescu C.I. *România în al doilea război mondial*. Vol. 1. P. 157.

¹⁶⁸ О полёте Гесса и связанных с ним возможных последствиях смотри: Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 190-198; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 60-81; Бачо Я. Что происходило за кулисами... С. 154-172; Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. С. 141-148; Petreşcu A. *Istorie universală*. P. 20; Лавров В.С. Дипломатические зигзаги Германии накануне нападения на СССР. О поездке В.М. Молотова в Берлин и полёте Р. Гесса в Англию. // *Межд. жизнь*, 1994, № 1; Лавров В.С. Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова осенью 1940 года в Берлин и полётом Р. Гесса в мае 1941 года в Англию. // *ННИ*, 2005, № 1. С. 19-25.

¹⁶⁹ Литвин Г.А., Волкодаев И.И. Планировал ли Сталин войну против Германии? (Из книги немецких историков Круммахера Ф.А. и Ланге Г. *От Брест-Литовска до «Барбароссы»*). // *ВИЖ*, 1991, № 6. С. 29.

¹⁷⁰ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 73.

лёт – моя собственная идея. Вопреки тому, что кое-кто говорит, у меня не было никаких корыстных соображений. Я ведь как-никак рисковал жизнью. И, – помолчав немного, – Гесс прибавил:

- Я не собирался ничего говорить Гитлеру на сей счёт. Если бы он хоть что-нибудь узнал, он приказал бы тотчас меня арестовать. У меня было письмо к принцу Гамильтону... Я ещё раз заявляю, Гитлер не знал, что я собираюсь лететь в Великобританию. Я, однако, был уверен, то, что мне предстояло сказать в Англии, встретило бы одобрение фюрера»¹⁷¹.

На начальной стадии ведение переговоров с Гессом поручили опытному дипломату Айвору Киркпатрику. Первая беседа состоялась 13 мая, а затем была продолжена 14 и 15 мая¹⁷². Чувствовалось, что Гесс облечён доверием Гитлера. Он пытался доказать, что Англия уже проиграла войну и дальнейшее сопротивление грозит ей страшными бедствиями. Поэтому лучше принять «великодушное предложение» Гитлера и заключить с Германией мир на условиях признания её гегемонии на европейском континенте и возврата её колоний. Великобритании, взамен, сохраняют колониальную империю¹⁷³.

Примечательно, в смысле полного непонимания действительности, замечание Гесса о том, что уход в отставку Черчилля отнюдь не является необходимой предпосылкой англо-германского соглашения и что гитлеровцы готовы заключить его и с ним. Но, пока не будет достигнута договорённость, немцы будут продолжать морскую и воздушную войну против Англии. Осенью 1941 г., когда обстановка на советско-германском фронте осложнилась и кое у кого в Лондоне вновь усилились иллюзии о «непобедимости» вермахта, переговоры с Гессом возобновились. Их поручили вести ближайшему другу Черчилля, министру авиационной промышленности лорду Бивербруку¹⁷⁴. В ходе переговоров Гесс заявил: «Англия ошибается, если полагает, что война между Германией и Россией приведёт к такому их взаимному ослаблению, что исчезнет существующая опасность для Европы и Британской империи»¹⁷⁵.

«Доводы» Гесса были не так уж беспочвенны, как может показаться на первый взгляд, ведь в английской элите всё ещё существовали довольно влиятельные люди, готовые пойти на соглашение с Гитлером на антисоветской основе. Это понимали и американские лидеры. Вот что пишет по этому поводу Р. Шервуд: «И Рузвельт, и Гопкинс прекрасно знали, что, несмотря на огромную популярность Черчилля и его влияние на чувства английского народа, тенденция к умиротворению, существовавшая во времена Болдуина и Чемберлена, всё ещё жива у незначительного, но потенциально могущественного меньшинства. Рудольф Гесс, всё ещё продолжавший взывать к „разуму“, вполне мог бы найти сочувствующих слушателей, в особенности в палате лордов»¹⁷⁶.

Во время Московской конференции 1941 г. Бивербрук рассказывал Сталину о том, что Гесс прибыл, полагая, что с помощью небольшой группы английских аристократов может быть создано античерчиллевское правительство для заключения мира с Германией. Затем Германия с английской помощью могла бы напасть на Россию¹⁷⁷. К счастью, финал миссии Гесса известен. Поскольку его полёт стал достоянием общественности, в Англии была выдвинута версия, что нацистский бонза стал жертвой английской контрразведки. В рейхе же он был объявлен сумасшедшим и «одержимым навязчивой идеей», а оставленное им письмо «ввиду его бессвязности свидетельствует о наличии признаков умственного расстройства»¹⁷⁸. Интересно, что версия о «сумасшествии» была подсказана Гитлеру не кем иным, как самим Гессом.

5. Взаимоотношения Советского Союза и Японии на начальном этапе войны

Вскоре после подписания 15 сентября 1939 г. соглашения между СССР и Японией о ликвидации конфликта на Дальнем Востоке, японское правительство заявило о желании улучшить отношения с Советским Союзом. В начале июля 1940 г. через своего посла в Москве оно предложило начать переговоры о заключении советско-японского пакта о нейтралитете, на что Советское правительство дало согласие¹⁷⁹.

23 марта 1941 г. министр иностранных дел Японии Мацуока прибыл в Москву и заявил, что хотел бы начать переговоры об улучшении советско-японских отношений. Затем он отправился в Берлин¹⁸⁰, но 7 апреля возвратился, и переговоры начались¹⁸¹. В Токио решили, что в его интересах пойти на зак-

¹⁷¹ Подковинский М. В окружении Гитлера. М., 1981. С. 114, 117.

¹⁷² Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. С. 318.

¹⁷³ Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. С. 188-190.

¹⁷⁴ Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». С. 142.

¹⁷⁵ Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 78.

¹⁷⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 587.

¹⁷⁷ Ibid., С. 610.

¹⁷⁸ Ibid.; Розанов Г.Л. План «Барбаросса». С. 78-79.

¹⁷⁹ Канун и начало войны. Документы и материалы. С. 215.

¹⁸⁰ См.: Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // ННИ, 1990, № 1. С. 29-30; Израэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 155-165; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 346; История войны на Тихом океане. Т. 3. Первый период войны. М. 1958. С.212.

¹⁸¹ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 41.

лючение пакта с СССР. 13 апреля пакт между Советским Союзом и Японской империей о нейтралитете был подписан, а также декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монголии и Маньчжоу-Го¹⁸².

Однако, несмотря на это, 24 июня, т.е. сразу после нападения Гитлера на СССР, японская военщина приняла «Программу национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», которая была утверждена императором. И тут же начались форсированные военные приготовления против Советского Союза. Общая численность Квантунской армии в результате принятых мер удвоилась и составила около 700 тыс. чел.¹⁸³ 23 июня 1941 г. Мацуока уклонился от прямого ответа на вопрос советского посла о позиции Японии в отношении советско-германской войны, но тут же подчеркнул, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы»¹⁸⁴. Фактически это означало аннулирование советско-японского пакта о нейтралитете.

2 июля на секретном заседании высшего органа Японии председатель тайного совета Хара от имени императора объявил: «Я желаю, чтобы мы напали на Советский Союз... Я с нетерпением жду возможности для удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство атаковать Советский Союз как можно скорее. Он должен быть уничтожен»¹⁸⁵. Но мнение Мацуоки и Хары¹⁸⁶ не разделял премьер Канозэ. В конечном итоге, «решение северной проблемы» ставилось в зависимость от изменения обстановки: «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооружённой силе, решит северную проблему и обеспечит стабильность положения на севере». Что же касается южного направления агрессии, то на конференции было решено, что «для достижения указанных целей империя не остановится перед войной с Англией и Соединёнными Штатами»¹⁸⁷.

Определялись направления ударов японской военщины и назначались их сроки: сначала на 29 августа 1941 г., потом на весну 1942 г., на ноябрь 1942 г., наконец, до официального советского сообщения о падении Сталинграда¹⁸⁸. Однако победы Красной Армии перечеркнули эти замыслы. «Военные действия на севере, – пишет профессор Т. Хаттори, – необходимо было начать не позднее первой декады сентября и закончить до наступления холодов... Решение о начале военных действий зависело от того, как сложится обстановка на германо-советском фронте...»

В связи с тем, что германо-советская война принимала затяжной характер, Ставка всё больше уделяла внимание районам Южных морей. 9 августа она отказалась от плана разрешения северной проблемы в 1941 году, независимо от того, как будет развиваться обстановка на германо-советском фронте, и взяла курс на продвижение в южном направлении». Было решено «ускорить военные приготовления против Англии и США с целью завершить их к концу ноября»¹⁸⁹.

6. Америко-японские отношения и подготовка милитаристской Японии к новой агрессии в зоне Тихого океана

Противоречия Соединённых Штатов и Японской империи. После того как в 1940 г. Гитлер захватил Францию и Нидерланды, японцы, воспользовавшись беспомощностью французов, угрозами заставили их принять «покровительственную» оккупацию Индокитая. В ответ президент Рузвельт 24 июля 1941 г. потребовал вывода японских войск из Индокитая и для подкрепления своего требования отдал 26 июля распоряжение о замораживании всех японских активов в Соединённых Штатах и установлении эмбарго на поставки нефти в Японию. Аналогичные меры предприняли англичане и голландцы¹⁹⁰.

Гитлеровское нападение на СССР поставило японских милитаристов перед выбором между двумя направлениями агрессии – на юг или на север. Решение было принято после ожесточённой борьбы

¹⁸² См.: Правда, 1941, 14 апреля; Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // ННИ, 1990, № 1. С. 31-33; Кошкин А.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и его последствия. // ННИ, 1994, № 4-5. С. 72; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 372-374.

¹⁸³ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 44, 45.

¹⁸⁴ Кутаков Л. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 305.

¹⁸⁵ Кошкин А.А. Роль СССР в разгроме милитаристской Японии. // США: ЭПИ, 1985, № 8. С. 57-58.

¹⁸⁶ См.: Кошкин А.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и его последствия. // ННИ, 1994, № 4-5. С. 73; Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. // ННИ, 2011, № 1. С. 32.

¹⁸⁷ История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 379-380.

¹⁸⁸ Цветков Г.Н. СССР и США. С. 126-127.

¹⁸⁹ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 46.

¹⁹⁰ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 26; Уткин А.И. США – Япония: вчера, сегодня, завтра. С. 94; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 159; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 240; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 435, 436.

мнений 25 июня – 1 июля на почти непрерывных заседаниях руководителей правительства и вооружённых сил. Министр иностранных дел Мацуока, уверенный в быстрой победе Германии, требовал немедленного вторжения в пределы Советского Союза. Это предложение не встретило поддержки.

Военный министр Тодзио, памятуя о советской Дальневосточной армии, настаивал на выжидании момента, когда вермахт добьётся решающего успеха, чтобы вступить в войну против СССР и разделить с нацистами добычу с наименьшими потерями. Нападение на Советский Союз следует отложить до того момента, когда он, «как спелая хурма готов будет пасть на землю», говорил Тодзио. Иначе, и прежде всего под углом зрения японо-американских отношений, оценивал ситуацию премьер Канозэ. Тот факт, что Германия начала войну, даже не уведомив предварительно Японию, по его мнению, позволял более свободно толковать и японские обязательства по тройственному пакту¹⁹¹.

После того как североамериканский капитал около столетия боролся за влияние в Китае, за его огромные людские и материальные ресурсы, ни одно американское правительство не могло дать своё согласие на монопольное японское господство в Поднебесной. Такого рода согласие могло рассматриваться лишь как капитуляция перед Японией без войны. У. Черчилль вполне убедительно объясняет принятые администрацией Рузвельта меры против Японии тем фактом, что японская агрессия угрожала жизненным интересам и безопасности США: «Американские руководители понимали, что это могло бы привести к огромным японским завоеваниям и что в случае сочетания этих завоеваний с победой Германии над Россией и последующим вторжением в Великобританию Америка останется одна перед лицом объединённых подавляющих сил торжествующих агрессоров. Потерпели бы крах не только стоявшие на карте великие моральные принципы, но создалась бы угроза для самого существования Соединённых Штатов и их народа»¹⁹².

Однако, как отмечает Лиддел Гарт, от японского правительства «нельзя было ожидать, что оно пойдёт на такие унижительные условия и согласится на такое унижение, поэтому с последней недели июля имелись все основания в любой момент ожидать начала войны на Тихом океане»¹⁹³. Такой вывод вполне объясним, т.к. Япония импортировала 88% потребляемой ею нефти, а запасов у неё было лишь на три года в условиях мирной жизни. Обследование, проведённое военным министерством, показало, что этих запасов явно недостаточно для завершения войны в Китае, для завоевания которого требовались три года. Ежегодные потребности страны в нефти составляли 5,7 млн тонн, а собственная добыча – не более 10% от этого количества (0,5 млн т¹⁹⁴). На этом фоне следует отметить, что в Голландской Индии ежегодно добывалось около 8 млн тонн нефти, что примерно в 20 раз превышало добычу этого продукта в Японии¹⁹⁵. Это толкало японцев к войне, в первую очередь, для захвата индонезийских нефтепромыслов.

Воздействие американской экономической блокады с каждым месяцем усиливалось. Нехватка горючего уже поставила на прикол большую часть японского моторного рыболовного флота. Через полтора года в таком положении могла оказаться и военная машина Японии. «Если Соединённые Штаты будут продолжать свою экономическую войну против Японии, меру не менее сильную, чем война оружием, то они окажутся в состоянии достичь целей войны против Японии, не сделав ни единого выстрела», – писал 3 октября в Токио японский посол Номура в Вашингтоне¹⁹⁶.

Завоевание Голландской Восточной Индии и Малайи позволило бы Японии завладеть также 4/5 мирового производства каучука и 2/3 мирового производства олова¹⁹⁷. Это нанесло бы непоправимый ущерб США и Великобритании. Т.о., Япония оказалась перед выбором: или отказ от своих агрессивных замыслов, или война с США и Англией. С другой стороны, вопреки выводу Лиддел Гарта, учитывая колоссальную разницу между объединённым англо-американским, с одной стороны, и японским, с другой, потенциалами, трудно было предположить, что разумные люди в японском руководстве решатся напасть на США. Политически нападение Японии на Пёрл-Харбор расценивалось в Вашингтоне и Лондоне как акт самоубийства.

«Казалось невозможным, – писал в этой связи Черчилль, – чтобы Япония решилась на войну с Англией и Соединёнными Штатами, а впоследствии, вероятно, и с Россией, так как эта война могла сулить ей только гибель. Разумному человеку невозможно было себе представить, чтобы Япония пошла на объявление войны. Я был уверен, что подобный безрассудный шаг с её стороны погубил бы жизнь целого поколения японского народа... Однако безумие – это такое заболевание, которое в войне даёт преимущество внезапности»¹⁹⁸.

¹⁹¹ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 212; История второй мировой войны. Т. 4. С. 244.

¹⁹² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 274.

¹⁹³ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 192.

¹⁹⁴ Кириленко Г.В. Нефть во второй мировой войне. // ВИЖ, 1987, № 12. С. 33.

¹⁹⁵ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 38.

¹⁹⁶ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 303.

¹⁹⁷ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 200.

¹⁹⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 274-275.

Решение японских милитаристов о нападении на США и Великобританию. За месяц до начала тихоокеанской войны американский посол в Токио Д. Грю в донесении Хэллу предупреждал, что экономическими санкциями нельзя будет вынудить Японию к политическим уступкам, что «японцы способны пойти на риск национального хакари», броситься в «самоубийственную войну с Соединёнными Штатами... В то время как американское здравомыслие выступает против таких действий, японское здравомыслие не может быть оценено американскими нормами логики»¹⁹⁹. Как видим, понимающие японскую самурайскую психологию американские дипломаты, в принципе, допускали нападение Японии на США.

2 июля 1941 г. японские милитаристы приняли, наконец, решение о направлении своей агрессии. В тот день в Токио состоялось императорское совещание – высшее собрание правящей клики, в котором участвовали министры, руководители вооружённых сил, бывшие премьеры, главные советники двора и сам император Хирохито. После напряжённых дебатов императорское совещание, шестое за 27 лет, избрало южное направление. Сторонники немедленной войны против СССР, возглавляемые Мацуокой, потерпели поражение²⁰⁰.

6 августа японское правительство обратилось к американскому с просьбой отменить эмбарго, но встретило отказ. В этих условиях, 6 сентября было принято важное решение – «Основные положения национальной политики империи», в котором отмечалось, что, «если к началу октября в ходе переговоров не появятся перспективы удовлетворения наших требований, империя должна взять решительный курс на войну против США, Англии и Голландии». В этом документе также подчёркивалось, что «минимальные требования, удовлетворения которых империя должна добиваться на переговорах» с США и Великобританией, состояли в том, чтобы эти страны «не вмешивались в распоряжения империи в отношении» войны с Китаем²⁰¹. Но параллельно с этим не прекращались усилия по форсированию подготовки к войне с западными державами. Для США принятие этих условий означало бы признание японской гегемонии над Восточной и Юго-Восточной Азией.

25 сентября представители главного командования предложили Каноз решить вопрос о войне или мире не позднее 15 октября. Чтобы закончить военные приготовления к концу месяца, поясняли они, нужно, по крайней мере, за две недели до этого принять решение о начале войны. Захваченный врасплох Каноз стал уточнять – настаивают ли они на своей просьбе. «Да, настоятельно просим, – ответил военный министр Тодзио. – Но, собственно, здесь дело не в просьбе, мы высказали лишь то, о чём было решено ещё 6 сентября»²⁰².

На совещании командования армии, 6 октября была принята резолюция о том, что благоприятных перспектив японо-американских переговоров не существует, поэтому война неизбежна. На следующий день военный министр Тодзио посетил премьера и, сообщив ему содержание резолюции, предупредил: «Армия категорически возражает против требований Америки о полной эвакуации размещённых за границей войск»²⁰³. Такова была воля военщины.

В тот же день состоялось совещание высшего военного руководства, определившее дальнейший курс Японии. Начальник генерального штаба армии Сугияма высказался за прекращение переговоров и начало войны. 10 октября военный министр вновь посетил главу правительства и поставил его в известность о точке зрения ставки, требуя принять окончательное решение²⁰⁴.

17 октября генерал Тодзио (в кругах военщины его называли «генерал Бритва») сменил Каноз на посту премьера²⁰⁵, и к власти в Токио, по выражению Р. Шервуда, «пришли как формально, так и по существу экстремистски настроенные милитаристы»²⁰⁶. Это был кабинет войны. 29 октября на совместном заседании нового кабинета и Ставки был сделан вывод, что перспектив на быстрое завершение японо-американских переговоров в соответствии с японскими условиями нет. Поэтому уже 1 ноября Тодзио предложил продолжать переговоры лишь до 0 часов 1 декабря. А 5 ноября, на совещании у императора, высшее военно-политическое руководство пришло к выводу, что «империя с целью обеспе-

¹⁹⁹ См.: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 35.

²⁰⁰ Что произошло в Пёрл-Харборе. Документы о нападении Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года. М., 1961. С. 271-276; Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 214; История войны на Тихом океане. Т. 2. Японо-китайская война. М. 1957. С. 217-218; История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 379-380; Исраз-лян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 232; Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 179-180.

²⁰¹ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 47; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 469-471; Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 166.

²⁰² История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 234.

²⁰³ Ibid. С. 235-236.

²⁰⁴ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 304-305.

²⁰⁵ Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 185; История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 240, 241.

²⁰⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 648.

чения своего существования и самообороны, а также с целью построения нового порядка в Великой Восточной Азии принимает решение начать войну против Америки, Англии и Голландии»²⁰⁷. 25 же ноября было принято принципиальное решение о военном нападении на Соединённые Штаты. Одним из важнейших факторов, ускоривших его, явилась информация о том, что с апреля по сентябрь запасы нефти сократились на 25%. Начало военных действий предполагалось отменить, если бы удалось достичь соглашения с Соединёнными Штатами до 24 часов 30 ноября²⁰⁸.

1 декабря в императорском дворце состоялось совещание в присутствии микадо и всех членов кабинета. В результате обсуждения императором было принято решение начать войну против Соединённых Штатов, Великобритании и Голландии. С согласия Хирохито, Ставка немедленно издала приказ, в котором нападение было назначено на 8 декабря по японскому времени (на Гавайях в это время должно было быть 7 декабря)²⁰⁹. Как отмечал историк Виктор Коваль, «проклятие, тяготевшее над Японией, в том и заключалось, что избавиться от душившего её военно-феодалного спрута она могла только ценой тотального военного разгрома. И вот теперь японский империализм делал последние шаги навстречу новой, самой гигантской в своей истории военной авантюре»²¹⁰.

20 ноября японцы вручили правительству Соединённых Штатов ноту, и за этим 22 ноября последовало секретное послание (перехваченное и рассекреченное американцами) министра иностранных дел Того послу Номура, в котором указывалось, что вручённая США нота является японским «ультиматумом», «последним предупреждением» и «последним усилием предупредить наступление некоторых событий». В нём устанавливался крайний срок – 29 ноября, после которого «события будут развиваться автоматически» и изменить нельзя будет ничего. Американский ответ на ноту от 20 ноября был вручён Хэллом японцам 26 ноября²¹¹.

Дискуссии вокруг позиции Ф.Д. Рузвельта накануне японского нападения. Этот документ был охарактеризован изоляционистами, стремящимися переложить вину за развязывание войны на администрацию Рузвельта, как «ультиматум». Хотел ли в самом деле президент войны? Вот что писал по этому поводу известный американский дипломат и историк международных отношений Дж. Кеннан: «Если бы ФДР был полон решимости избежать войны с японцами любым способом, он осуществлял бы американскую внешнюю политику совсем иначе, вовсе не так, как она проводилась в то время. Он не сделал бы, например, японскую политику в Китае пунктом таких противоречий – японцы так или иначе готовились здесь отступить, и американское воздействие было малоэффективно. Он не пытался бы удушить японский военно-морской флот недостатком нефти. И он постарался бы занять твёрдую и реалистическую позицию в отношении японцев»²¹². В японской истории войны также отмечается, что «нота Хэлла означала, что США взяли курс на войну с Японией... Руководители американского правительства уже считали войну с Японией неизбежной, и сейчас для них лишь стоял вопрос о времени начала этой войны»²¹³. Следует подчеркнуть, что и сегодня некоторые историки прямо или косвенно придерживаются данной точки зрения²¹⁴.

«В связи с этим, – пишет Шервуд, – следует отметить, что японский отряд особого назначения отплыл в Пёрл-Харбор 25 ноября – за день до того, как проект Хэлла был вручён в Вашингтоне, и за четыре дня до окончательного „срока“, установленного в телеграмме Того»²¹⁵.

А вот мнение Лиддел Гарта по этому вопросу: «Да, действительно, президент Рузвельт в течение длительного времени надеялся найти способ подключения потенциала Америки к войне против Гитлера, однако утверждения американских историков-ревизионистов, будто Рузвельт планировал или замышлял катастрофу в Пёрл-Харборе именно с этой целью, и те жалкие свидетельства, на которых подобные утверждения основываются, не выдерживают критики. Их опровергают многочисленные факты самоуспокоенности и просчётов в штабах армии и флота»²¹⁶.

²⁰⁷ Хаттори Т. Япония в войне 1941-1945. С. 52-53.

²⁰⁸ Ibid. С. 53.

²⁰⁹ Ibid. С. 57; Что произошло в Пёрл-Харборе. Документы о нападении Японии на Пёрл-Харбор. С. 284; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 272; Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 189; Уткин А.И. США – Япония: вчера, сегодня, завтра. С. 95; Израэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 247; Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 188; История второй мировой войны. Т. 4. С. 253; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 536-539.

²¹⁰ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 233.

²¹¹ Что произошло в Пёрл-Харборе. Документы о нападении Японии на Пёрл-Харбор. С. 335-336, 341-346; Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. С. 274; см. также Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 518-519; История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 255-256.

²¹² Цит. по: Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 192-193.

²¹³ История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 257.

²¹⁴ Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. 1939-1942. Vol. 1. Buc., 1988. P. 380; Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. P. 26.

²¹⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 652-653.

²¹⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 211.

Очень убедительно опровергает версию о сознательном провоцировании Рузвельтом японского нападения на тихоокеанский флот США российский исследователь В.И. Лан: «Конечно, если Рузвельт считал войну на Тихом океане неизбежной, он в силу его отношений с конгрессом желал, чтобы нападающей стороной была Япония. Но для этого не требовалось жертвовать тихоокеанским флотом. Для Рузвельта было бы лучше и приятнее, если бы американцы встретили нападение на Гавайи во всеоружии... Даже в резко антирузвельтовском отчёте меньшинства комиссии конгресса нет определённых доказательств, подтверждающих, что Рузвельт и его ближайшие высокопоставленные сотрудники знали о готовившемся нападении на Пёрл-Харбор... Если бы американцы ожидали такое нападение, то они, вероятно, попытались бы уничтожить японские авианосцы у Гавайев... Без авианосцев японский флот сразу лишился бы наступательной силы в тихоокеанских просторах»²¹⁷.

Развязка японо-американского дипломатического спора. 27 ноября Рузвельт и Хэлл приняли в Белом доме посла Намура и специального представителя японского правительства на переговорах Курусу. Рузвельт заявил японским дипломатам, что не в интересах их страны следовать за Гитлером. Но если Япония всё же решит идти по этому пути, то он абсолютно уверен, что, в конечном счёте, её постигнет полное поражение.

Уже после нападения на Пёрл-Харбор японские представители в Вашингтоне явились на очередную встречу с госсекретарём и, как ни в чём не бывало, вручили ему ответ на последние американские предложения. Просмотрев японский ответ, Хэлл, осведомлённый о японской агрессии, сказал: «За все пятьдесят лет моей государственной службы я никогда не видел документа, полного такой отвратительной лжи и извращений». И указал японским дипломатам на дверь²¹⁸.

---

²¹⁷ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 33, 35.

²¹⁸ История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 262; Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 60; Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 393; Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 191.

ГЛАВА 14. РАСШИРЕНИЕ, КРИЗИС И РАСПАД ФАШИСТСКОГО БЛОКА

1. Взаимоотношения фашистских держав в досталинградский период

Завершение процесса образования агрессивного блока. В сентябре 1940 г. в Токио проходила завершающая стадия германо-японских переговоров, где при обсуждении проекта тройственного пакта германская делегация фактически представляла Италию. Переговоры завершились подписанием 27 сентября в Берлине германо-японо-итальянского пакта, окончательно оформившего создание фашистского блока¹. Его целью было установление мирового господства этих стран². Риббентроп отмечал, что «эта палка будет иметь два конца – против России и против Америки»³.

Германское руководство намеревалось присоединить Венгрию и Румынию к своему блоку с помощью политики «разделяй и властвуй». В этом смысле Риббентроп разъяснял: «Основная цель нашей политики по отношению к Венгрии и Румынии состояла в том, чтобы держать обе стороны в состоянии постоянного напряжения, подогревая их аппетиты, с тем, чтобы решать все вопросы в интересах Германии в зависимости от развития событий»⁴. Как отмечено в дневнике Гальдера, Гитлер колебался «между двумя возможностями: идти вместе с Венгрией, или дать Румынии гарантии против Венгрии»⁵. В любом случае Германия была заинтересована не допустить военного конфликта между этими странами, чтобы не помешать вовлечению их обоих в общий антисоветский блок. Она решила выступить в качестве «арбитра» в территориальном споре между ними.

20 ноября 1940 г. правительство Венгрии первым из стран Юго-Восточной Европы официально присоединилось к «пакту трёх держав»⁶. В декабре в Берлин выехала специальная группа венгерского министерства обороны во главе с министром Бартом. Совместно с Кейтелем он разработал план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии⁷. Венгрия должна была предоставить в распоряжение Германии 15 дивизий, а также содействовать продвижению германских войск в районах, прилегающих к венгеро-югославской и венгеро-советской границам. За участие в войне против Югославии и СССР венгерским хортистам было обещано старое княжество Галич и предгорье Карпат до Днестра⁸.

Ещё до этого события Германия усилила нажим и на Румынию. Как мы уже отмечали выше, после победы германских войск над Францией и советского ультиматума по Бессарабии, правящие круги Румынии, считая победу Гитлера в войне решённой, открыто переориентировали внешнюю и внутреннюю политику страны на Германию. 1 июля 1940 г. румынское правительство заявило об отказе от англо-французских гарантий и о выходе из Лиги Наций⁹.

28 августа 1940 г. было объявлено, что фюрер в ответ на высказанные в своё время просьбы Румынии и Венгрии решил выступить «арбитром» в споре между ними. На следующий день Риббентроп и Чиано отправились в Вену, куда были приглашены и румынский, и венгерский министры иностранных дел. 30 августа после чисто формальных переговоров было принято решение о передаче Румынией Венгрии Северо-Западной Трансильвании – примерно 2/3 того, что она первоначально требовала¹⁰. Одновременно Румынии были обещаны гарантии неприкосновенности остающейся у неё территории.

Обе страны безоговорочно приняли решение фюрера, подкреплённое объединённой военной мощью Германии и Италии и вошедшее в историю как Второй Венский арбитраж¹¹. Нельзя не согласиться с Н.И. Лебедевым, считающим, что «Венским диктатом гитлеровская Германия преследовала цель углубить противоречия между Венгрией и Румынией, привязать их правителей к себе и иметь возможность шантажировать их»¹². Но Гитлеру по собственным политическим и военно-стратегическим со-

¹ Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 159; Сиполс В.Я. Ещё раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // ННИ, 1996, № 3. С. 147.

² Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 724.

³ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 40; Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 84; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 104.

⁴ История второй мировой войны. Т. 3. С. 248.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 114-115.

⁶ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 219-221; Пушкаш А. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 144; Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. С. 192; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 120; Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 87.

⁷ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 389; Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 667-668.

⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 390.

⁹ Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. С. 192-193.

¹⁰ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. С. 208-210; Пушкаш А. Венгрия в годы второй мировой войны. С. 111-112; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 58-59, 61.

¹¹ Vişoiănu C. Geneza arbitrajului de la Viena. // Magazin Istoric, 1994, Nr. 5; Panaitescu E. 30 august 1940: „Un suferim în trei prin inimă”. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 9.

¹² Лебедев Н.И. Падение диктатуры Антонеску. М., 1966. С. 4; см. также Лебедев Н.И. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961. С. 85; Traşcă O. Transilvania sub „arbitraj” german. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 7.

ображениям было выгоднее передать Трансильванию Венгрии ещё и потому, что он считал, что в условиях советско-германской войны венгры смогут лучше румын обеспечить оборону Карпат. Южная часть Добруджи – Квадрилатер – была уступлена Болгарии¹³.

В результате трёх крупных территориальных уступок режим короля Карла II пал, и власть в Румынии перешла к «пронацистской клике генерала Антонеску... Румыния была формально низведена до положения германского сателлита»¹⁴. Как уже было отмечено, в Румынии была установлена военно-фашистская диктатура и было провозглашено «националистическое, христианское и тоталитарное государство»¹⁵. В стране был установлен режим фашистской диктатуры¹⁶. Необходимо отметить, что бухарестский «дуумвират», генерал Антонеску и Хория Сима (вождь легионерского движения), внушал полное доверие Берлину¹⁷.

Константин Кирицеску, очень известная в межвоенной Румынии личность, который, в свою очередь, был хорошо знаком с интеллектуальной элитой страны, отмечает, что «так же, как Италия была фашистским государством, а Германия национал-социалистским, этот титул» «объявлял Румынию легионерским государством» и «предлагал определённую программу и стремление её реализовать. Легионерский гимн „Святая легионерская молодость” становится официальным гимном страны, также как „Хорст Вессель” в гитлеровской Германии и „Джиовинецца” в Италии Муссолини. Легионерская идеология становится правительственной программой. Внутри страны – антисемитизм...»¹⁸.

Мало что изменилось в этом смысле и после устранения легионеров от руководства страной¹⁹. В сущности, характер политики режима сохранился до августа 1944 г. Известная румынская исследовательница Л. Бенжамин отмечает, что «маршал Антонеску управлял в соответствии с этой политической программой не только в легионерский период своего режима..., но и после подавления легионерского мятежа и устранения движения из правительства. Своим содержанием стенограммы заседаний Совета министров подтверждают антисемитский и расистский характер режима Антонеску, для которого еврейский вопрос стал центральным политическим вопросом; государство Антонеску утвердилось в качестве националистического этнократического государства „румынской крови”, которое стремилось стать гомогенным с „расовой” точки зрения. Документы абсолютно ясно подтверждают мысль о том, что игнорирование антисемитской сущности режима означает затушёвывание его истинной сути и выведение его за пределы своих основных характеристик»²⁰. Различия между Ионом Антонеску и лидером легионеров Хорией Сима не являлись принципиальными, а касались лишь методов достижения целей.

Одним из первых шагов режима Антонеску было возобновление просьбы, с которой ранее обращался к Гитлеру Карл II, о направлении в Румынию немецкой военной миссии вместе с одной-двумя танковыми или моторизованными дивизиями. Данная просьба была вскоре удовлетворена²¹. В директиве об отправке военной миссии, в частности, говорилось, что её целью является «подготовка к совместным действиям германских и румынских вооружённых сил с территории Румынии, в случае, если мы будем втянуты в войну с Советской Россией»²².

Вот как оценивают данные события английские военные историки Дж. Батлер и Дж. Гуайер: «Положения этой директивы наглядно показывают действительный смысл Венского арбитража. Этот эпизод окончательно доказал, что советско-германский пакт как инструмент долговременной политики ничего не значит и не может предупредить какой-либо конфликт, в котором приходят в столкновение подлинные интересы Германии и России. На протяжении всего этого кризиса Германия и Россия действовали как противники, открыто укрепляя свои позиции друг против друга»²³.

Сразу же после своего прихода к власти правительство Антонеску опубликовало ряд деклараций: о полном разрыве с политикой прошлого, о присоединении «навечно» к «оси»²⁴. Вскоре в Румынию под видом «военной миссии» были направлены германские оккупационные войска²⁵. 20 сентября Кейтель

¹³ Zbucnea Gh. Tratatul de la Craiova parte a dictatului de la Viena. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 9.

¹⁴ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 65.

¹⁵ Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 1. P. 58, 61.

¹⁶ Scurtu I. Din viața politică a României. P. 438.

¹⁷ Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului. P. 47.

¹⁸ Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 163.

¹⁹ О сути режима Антонеску очень убедительно пишет румынский историк С. Александреску. // Alexandrescu S. Puterea inutilă. Ion Antonescu. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 4.

²⁰ Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. P. 28, 41.

²¹ Otu P. „Ostași, vă ordon: treceți Prutul!” // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 18; Oșca A. Misiunea militară germană în România. Tratatative și reacții. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 5; Matei E. Octombrie 1940. Sosirea misiunii militare germane în România. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 4, 5; Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 169.

²² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 66; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 109.

²³ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 66.

²⁴ Procesul lui Ion Antonescu. P. 15, 16; Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. 1. P. 36, 75, 76, 93; Buzatu Gh. România și războiul mondial din 1939-1945. P. 18.

²⁵ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 59.

следующим образом охарактеризовал задачи этой «военной миссии»: 1) Охрана нефтяных районов; 2) Обучение румынских войск; 3). Подготовка румынских войск к войне с СССР²⁶.

Вслед за этим в Румынию стали скрытно перебрасывать германские сухопутные войска, а также танковые и авиационные соединения. Все важнейшие стратегические пункты страны были заняты немцами²⁷. 23 ноября 1940 г. в Берлине правительство Антонеску подписало договор о присоединении к «тройственному пакту». При этом оно заявило, что «движение легионеров в Румынии и национал-социализм-фашизм органически и естественно связаны между собой»²⁸. Как следствие этого, свидетельствовал на Нюрнбергском процессе Антонеску, в июне 1941 г. во время его встречи с Гитлером в Мюнхене, на которой «кроме нас присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера – Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз»²⁹. Германские соединения в Румынии насчитывали уже более 500 тыс. человек³⁰.

1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту, и немедленно после этого в страну были введены немецкие войска³¹. 24 марта к пакту фашистских государств присоединилась Югославия, но спустя три дня её правительство было свергнуто патриотически настроенными военными во главе с генералом Симовичем. СССР подписал с новым правительством договор о дружбе. «До сих пор неясно, – пишут Батлер Дж. и Гуайер Дж., – что побудило советских руководителей на этот шаг. Очевидно, они одобряли переворот Симовича как, пусть и небольшое, препятствие Гитлеру в осуществлении его планов на Балканах»³².

Отношение гитлеровцев к своим союзникам. Планируя операцию «Барбаросса», гитлеровское командование явно с недоверием относилось к своим союзникам-сателлитам и ставило им второстепенные, обеспечивающего характера задачи³³. 17 марта 1941 г. на совещании с Гальдером и Хойзингером Гитлер заявил о боеспособности финских войск: «От них можно ли ожидать, что они атакуют Ханко и лишат русских возможности отхода оттуда в район Прибалтики»³⁴. Финляндия получила видимость самостоятельности, и маршалу Маннергейму предоставлялось право руководить военными действиями в южной части Финляндии³⁵. Более жалкая роль была уготована румынской армии. «На Румынию рассчитывать нельзя, – сказал Гитлер, – румынские соединения не имеют наступательной силы»³⁶. «До начала наступления, – говорил он по этому вопросу 14 июня, – Антонеску будет формально возглавлять высшее командование в Румынии. Ему должен быть придан в качестве „рабочего штаба“ штаб 11-й армии, который и будет осуществлять фактическое руководство»³⁷.

Историк В. Баум пишет, что во время войны фюрер несколько раз называл участие в ней Италии «большим несчастьем» для Германии³⁸. О Венгрии он заявлял, что она «ненадёжна»³⁹. «Нецелесообразно строить план операции, – сказал Гитлер Гальдеру 17 марта 1941 г., – с учётом сил, на которые мы не

²⁶ Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. С. 195.

²⁷ Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971. С. 141-142.

²⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 264; Kirişescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. P. 166-170; История Румынии. М., 1950. С. 535; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 110, 112, 113; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил на Балканах. М., 1989. С. 35; Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale de la Pacea Westfalică (1648) până în contemporaneitate (1947). P. 313; Лебедев Н.И. Румыния в годы второй мировой войны. С. 86; Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 404; Scurtu I. Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 10. P. 13; Calafeteanu C. În căutarea Miciei Înțelegeri. // Historia. Revistă de istorie, 2007, Nr. 2. P. 26.

²⁹ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 383.

³⁰ История второй мировой войны. Т. 3. С. 250.

³¹ Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. С. 206; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 132; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил на Балканах. С. 40.

³² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 72.

³³ Pandeia A. Aliații Reih-ului pe Frontul de Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 6-7.

«Ни один немецкий генерал никогда не верил в преданность союзных армий, – отмечает английский историк Э. Бивор. – Офицеры вермахта с презрением относились к союзникам и понимали, что вряд ли могут рассчитывать на серьезную помощь с их стороны. Германский генералитет полностью разделял мнение фельдмаршала фон Рундштедта, который так сказал об этой „армии Лиги наций”: „Румынские офицеры и нижние чины не выдерживают никакой критики; итальянцы просто ужасны, а венгры только и мечтают, как бы поскорее убраться домой”». // http://bookz.ru/authors/entoni-bivor/stalinger_131/page-8-stalinger_131.html.

³⁴ ВИЖ, 1959, № 2. С. 79.

³⁵ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 384.

³⁶ ВИЖ, 1959, № 2. С. 79.

³⁷ Ibid. С. 86.

³⁸ Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. С. 210.

³⁹ ВИЖ, 1959, № 2. С. 79.

можем с уверенностью рассчитывать»⁴⁰. Однако с целью надавить на Венгрию, в мае Риббентроп направил премьеру этой страны Бардоши письмо, в котором напоминалось об обязательствах Венгрии и содержалась угроза, что «в случае их невыполнения Трансильвания вновь будет передана Румынии, несмотря на венский „арбитраж“»⁴¹.

Вот как оценивают взаимоотношения лидеров этих двух стран российские историки Исламов и Покивайлова: «Отчуждённость, подозрительность, антипатия – эти чувства были взаимными сверху донизу. Гитлер презирал мадьяр как нацию и недолюбливал адмирала Хорти. В свою очередь, венгерский дворянин Хорти относился к германскому фюреру как к плохо воспитанному выскочке с дурными манерами»⁴².

Взаимоотношения европейских стран фашистского блока после 22 июня 1941 г. Совместно с Германией войну СССР 22 июня объявили Италия и Румыния, а через несколько дней – Финляндия и Венгрия. В состоянии войны с Советским Союзом оказались и марионеточные словацкое и хорватское государства, полностью зависимые от Гитлера. Испания, Япония, Болгария и петэновская Франция, заявившие о своём нейтралитете, на самом деле тесно сотрудничали с Германией в военной, политической и экономической областях. Испания, например, отправила против СССР т.н. добровольческую «голубую дивизию».

Несмотря на отсутствие каких-либо малейших поводов к советско-итальянскому конфликту, Муссолини сразу же принял решение объявить войну Советскому Союзу. Вскоре на советско-германский фронт был направлен «итальянский экспедиционный корпус в России». В дальнейшем на протяжении более года, пока Муссолини окончательно не разуверился в возможности победы над СССР, он неоднократно выдвигал предложения об увеличении контингента итальянских войск на Восточном фронте⁴³.

Отрицательно сказывалось на итало-германских отношениях то, что немцы не выполняли свои экономические обязательства перед Италией, а также издевательское отношение гитлеровских властей к итальянским рабочим, направленным на работы в Германию. А в октябре 1941 г., во время официального банкета, германский министр просвещения, хвативший лишнего, сболтнул своему итальянскому коллеге, что как только Гитлер покончит с Россией, он разделается и с Муссолини. В начале войны в Германии имела довольно широкое хождение злая шутка по отношению к итальянскому союзнику: «Через два месяца мы выиграем войну против России, через четыре – против Англии и в течение двух дней – против Италии». Муссолини не мог скрыть раздражения, когда ему сообщили о том, что во время его визита на Восточный фронт один из немецких солдат, увидев дуче, заметил: «Вот едет наш гауляйтер для Италии». Неудивительно поэтому, что первые поражения нацистов на Восточном фронте были встречены в Риме со злорадством. «Муссолини удовлетворён развитием событий в России, – записал в своём дневнике 20 декабря 1941 г. Чиано, – сейчас он не скрывает, что счастлив в связи с неудачами германских войск»⁴⁴.

Злорадство дуче объяснялось не просто завистью к германским успехам, но в ещё большей степени опасением, что фашистская Италия, в конце концов, превратится в придаток гитлеровского рейха^г. Он

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ История второй мировой войны. Т. 3. С. 251.

⁴² Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 31.

⁴³ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 48.

⁴⁴ Ibid. С. 50; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 189, 190, 191.

^г Примечание научного редактора: Отношения нацистской Германии и фашистской Италии даже в их «медовый месяц», т.е. накануне и в начальный период второй мировой войны, несмотря на буффонаду речей и заявлений двух диктаторов о нерушимости и мощи «Стаального пакта» (в интерпретации Муссолини «Пакта крови»), «борьбе бок о бок», были полны духа нездорового соперничества, недоверия и подозрительности. «События последних дней, – записал в своём дневнике весной 1939 г. министр иностранных дел итальянского правительства граф Чиано, – изменили моё мнение о фюрере и Германии; он коварен и вероломен, и никакую политику нельзя проводить с ним совместно». После бесед с Гитлером и Риббентропом в Зальцбурге в августе 1939 г., явно встревоженный молодой зять Муссолини отметил: «Наша судьба их не интересует. Они знают, что исход войны будет решён ими, а не нами... Завтра наступит очередь Венгрии, а затем и наша».

При нападении гитлеровской Германии на Польшу дуче – «человек, лишённый нервов» – откровенно струхнул и открыто своего союзника не поддержал. Это вызвало возмущённую констатацию фюрера: «Итальянцы ведут себя точно так, как в 1914 году!». Тогда Италия, состоявшая в Тройственном союзе, тем не менее, ухитрилась сначала увернуться от вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, а в следующем году даже объявила войну своим бывшим союзникам.

Давало знать о себе и активное прививание в «третьем рейхе» идеологии «народа господ», расового превосходства арийцев», которое способствовало формированию высокомерно-пренебрежительного отношения немцев к итальянцам (как и к другим «неарийцам»). Во время пребывания в октябре 1939 г. советской торговой делегации во главе с И.Ф. Теосоном в Германии немецкие чиновники и офицеры, общаясь с членами делегации, с видимым удовольствием цитировали слова Гитлера:

– Итальянцы стоят нам двадцать дивизий: в том случае, если они наши союзники, – для того чтобы их защищать; двадцать дивизий: в том случае, если они будут врагами, – для того чтобы их разбить.

Гитлеровцам весьма нравился такой «тонкий» анекдот:

– Танки итальянцев отличаются от немецких тем, что имеют три скорости назад и одну вперёд.

Абсолютное большинство итальянской бронетехники составляли трёхтонные танкетки, плохо защищавшие даже от стрелкового оружия, самими итальянцами прозванные «спичечными коробками». Но в анекдоте не об этом идёт речь, а содержится издёвка над итальянскими военнослужащими.

«Вступление Италии в войну» против Франции, как пишет в своих мемуарах главный представитель немецкой разведки на Апеннинском полуострове Э. Дольман, «...было воспринято в Германии с ироническими улыбками и насмешками». Когда же в октябре 1940 г. дуче поставил фюрера перед фактом нападения на Грецию и итальянские войска потерпели позорное поражение, то первоначально раздражённый Гитлер сгоряча заявил в своём ближайшем военном окружении, что у него исчезла «даже малейшая охота к тесному военному сотрудничеству с Италией».

Во время совместной с Гитлером «экскурсии» на Восточный фронт в августе 1941 г., прошедшей, в частности, через Брестскую крепость, Муссолини убедился, что «блицкриг» начинает «буксовать». И это скорее обрадовало ближайшего союзника фюрера в Европе, нежели огорчило. Дуче сформулировал свой вывод из увиденного: «Тяжёлая война для Германии отвлечёт большую часть её сил и восстановит при заключении мира то равновесие между Италией и Германией, которое сейчас нарушено».

Подняла настроение у Муссолини вынужденная приостановка наступления вермахта на Москву осенью 1941 года. Чиано пишет об этом: «Сейчас Муссолини хочет: или чтобы война кончилась компромиссом, который спасёт европейское равновесие, или чтобы она длилась так долго, чтобы мы могли с оружием в руках возродить потерянный престиж. Это его вечная иллюзия...». Позиция итальянского диктатора вполне объяснима. В октябре 1941 г. дуче стало известно, что в Германии выпущена очередная пластинка с записью речей Гитлера. Её содержание Муссолини резюмировал следующим образом: «Европа будет под господством Германии. Побеждённые страны станут колониями, а присоединившиеся – федеральными провинциями. Италия будет главной из них. Приходится соглашаться с этим, ибо всякая попытка реакции поведёт к тому, что из положения федеральной провинции мы попадём в разряд колоний...».

Даже характер и тон общения на таких представительных дипломатических акциях, как встречи министров иностранных дел обоих государств говорили опытному наблюдателю, что отношения союзников далеки от паритета. Советник итальянского посольства в Берлине полковник М. Ланца так описывает одну из официальных встреч Риббентропа и Чиано в 1941 году: «Церемония была очень пышной. Риббентроп произнёс длинную речь, которая должна была быть гимном европейскому сотрудничеству, но которая скорее напоминала приказ деспота своим вассалам. Чиано был в ярости. „Я хотел ответить ему в том же тоне!“ – кричал он. Неясно, почему он этого не сделал».

Когда в январе 1944 г. бывший министр фашистского режима в Италии граф Чиано оказался в Веронской тюрьме и его ждал неминуемый расстрел за участие в свержении Муссолини, терять ему было нечего и он в своей предсмертной записке высказался предельно откровенно:

«Во время итальянского нейтралитета и когда Италия вступила в войну, политика Берлина по отношению к нам была сплошной цепью вранья, интриг и обмана. С нами всегда обращались не как с партнёрами, а как со слугами. Все действия предпринимались за нашей спиной, обо всех решениях, даже самых важных, нам сообщали, когда дело было уже сделано. Только подлая трусость Муссолини позволяла без возражения переносить это и делать вид, что всё остаётся незамеченным».

В 1941 г. Муссолини отправил на войну с Советским Союзом экспедиционный корпус из трёх дивизий, общей численностью в 62 тыс. офицеров и рядовых. В 1942 г. на Восточном фронте воевала целая итальянская армия в составе 10 дивизий и 4 бригад чернорубашечников. В её рядах было 227 тыс. военнослужащих. Отсутствие духа боевого товарищества во взаимоотношениях союзников отмечалось как итальянцами, так и немцами, а также и их военным противником – красноармейцами. Германцы держались с чувством «природного превосходства», относились к итальянцам пренебрежительно и высокомерно. «Макаронники хуже румын, – говорили гитлеровцы, – а кукурузники хуже макаронников». Неудивительно, что между немецкими и итальянскими военнослужащими развивались настроения неприязни, а позднее и враждебности.

Ещё по пути в Советский Союз первые впечатления итальянцев от «братьев по оружию» были, мягко говоря, далеко не радужные. «Во время проезда через Германию, – зафиксировал в своём дневнике лейтенант Франчини, – меня поразила одна вещь: товарищества по оружию, о котором пишет так много наша печать, как будто совсем не существует. Вернее, оно проявляется только в обмене пайками между итальянскими и немецкими солдатами. Немцы ценят у итальянцев только макароны и рагу. В остальном они смотрят на нас свысока и всячески нас унижают. Альпийским стрелкам это не нравится. Время от времени вспыхивают кулачные бои. Мы видим, что с нами обращаются как со слугами».

Другое свидетельство капрала из дивизии «Челере», попавшего в марте 1942 г. в советский плен.: «Наши газеты пишут о дружбе между немецкими и итальянскими солдатами. Между нами нет согласия, а тем более дружбы. Немцы резки и грубы. Кроме того, очень велика разница в нашем положении. Немцы нас оскорбляют на каждом шагу. Я видел драку в Днепропетровске, возникшую из-за того, что немцы не хотели пускать итальянских солдат в кино. В ней участвовало более пятидесяти человек с каждой стороны».

А вот показания, данные в советском плену германскими солдатами из дивизий, воевавших «плечом к плечу» с итальянским корпусом. Солдат 97-й пехотной дивизии говорил: «Старая немецкая пословица гласит: сохрани нас Бог от друзей наших, а с врагами мы как-нибудь сами справимся. Первая половина поговорки относится к нашим союзникам. Мы смеёмся при виде итальянцев. Как солдаты они никуда не годятся,

сказал, что для Италии существует «надежда на две вещи: что война будет длительной и изнурительной для Германии и что она может закончиться компромиссом, который спасёт нашу независимость»⁴⁵.

Для ведения коалиционной войны была необходима координация действий фашистских государств. С этой целью имели место ряд встреч Гитлера с главарями союзных государств, для чего последние приезжали в Берлин или в ставку фюрера. Несколько раз и Гитлер выезжал к Муссолини в Италию или же на Бреннерский перевал. Он встречался также на фронте с Антонеску и однажды вылетел в Хельсинки для свидания с Маннергеймом⁴⁶. Беседы на уровне генеральных штабов вёл обычно Кейтель.

Соучастие клики Антонеску в нападении на Советский Союз явилось логическим завершением политики самого широкого экономического⁴⁷, дипломатического и военного сотрудничества с гитлеровской Германией⁴⁸. Формальной причиной нападения на СССР явилось стремление к «освобождению румынских провинций Бессарабии и Северной Буковины»⁴⁹. Тесным военным сотрудничеством с Германией Антонеску также стремился завоевать благорасположение Гитлера в споре с Венгрией о вопросе возврата Северо-Западной Трансильвании. Румынский диктатор в своём пресмыкательстве перед Гитлером пытался опередить Хорти и этим доказать свою ценность и незаменимость в глазах фюрера. Гитлер пообещал Антонеску не только эти земли, но и советские территории до Днепра⁵⁰. Всего вместе с гитлеровскими войсками на Советский Союз напали 12 румынских дивизий⁵¹. Однако «освободительная миссия» румынской армии вскоре завершилась катастрофой. Уже в боях под Одессой румыны потеряли 40 тыс. убитыми и 100 тыс. ранеными, что фактически привело к утрате их боеспособности⁵².

скорее это пушечное мясо. Нам запрещено вступать с ними в близкие отношения. В начале войны мы ещё держались вместе, но теперь этого уже нет. С помощью этих союзников мы войны не выиграем, а проиграть её мы и сами сумеем». Рядовой 111-й пехотной дивизии объяснил: «С этими союзниками одни мучения. Только напакостят, а мы должны поправлять их дела. И в самом деле, зачем им драться, — у них для этого никаких причин».

В этой ситуации очень даже понятно, почему командир 29-го немецкого корпуса генерал Обстфельдер издал специальный приказ «О поведении при встрече с итальянскими частями», в котором есть такие строчки: «Несдержанность и зазнайство по отношению к нашим итальянским друзьям недопустимы. Надо делать всем офицерам, унтер-офицерам и солдатам указания о необходимости поддерживать дружеский тон. Необоснованные требования и претензии следует отклонять без всякой резкости. Применение кличек, а также дерзкое и вызывающее поведение строго воспрещается».

В отчёте штаба 63-й советской армии, составленном в августе 1942 г., сообщалось, что между войсками союзников «нет не только единства, а наоборот, господствующая рознь и ненависть к немцам постоянно усиливаются, принимая подчас характер серьёзных эксцессов». Разумеется, это способствовало ослаблению боеспособности итальянских дивизий, что учитывало советское командование, выбирая направления для нанесения главных ударов. «После разгрома румынской армии, — говорилось в отчёте Юго-Западного фронта в декабре 1942 г., — слабым звеном противника была 8-я итальянская армия. По этой армии командование фронта и наметило нанести главный удар». // Овсяный И. 1939: Последние недели мира. Как была развязана империалистами вторая мировая война. М., 1981. С. 91, 145-149, 215-217, 228-230; Проэктор Д.М. Фашизм: путь к агрессии и гибели. С. 239-240, 248; История фашизма в Западной Европе. С. 122; Яковлев А.С. Цель жизни. С. 174, 185, 187; Филатов Г.С. Восточный поход Муссолини. М., 1968. С. 9-10, 21, 26, 30-33, 47, 49-50, 61-62, 73, 77, 83-84; Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 201, 225-227, 230, 252-253, 254.

⁴⁵ Исразлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 191; Серова О.В. Италия и антигитлеровская коалиция (1943 — 1945). М., 1973. С. 29.

⁴⁶ Барышников Н.И. Тайные визиты А. Гитлера в Финляндию и К.Г. Маннергейма в Германию в июне 1942 года. // ННИ, 2007, № 3.

⁴⁷ Был установлен полный немецкий контроль над румынской экономикой. С января 1939 г. по июль 1944 г. Румыния поставила Германии 11,632 млн тонн нефти и нефтепродуктов, т.е. 1/3 от потреблённой рейхом нефти в годы второй мировой войны. Однако после Сталинграда отношения между двумя странами охладели. // Buzatu Gh. Hitler — dependent de petrolul românesc. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 4. P. 36, 35, 39.

⁴⁸ См.: Antonescu — Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. I.

⁴⁹ Как мы уже выше подчёркивали, данную трактовку считают истинной практически все националистически настроенные историки Румынии (да и многие демократически мыслящие румынские историки) и Молдовы, подчёркивая «освободительный» характер похода румынской армии в войне против СССР. // См.: Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. Chișinău, 1999. P. 56, 57, 58, 60, 64, 84, 95; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. Chișinău, 1997. P. 49, 87, 88, 92, 111, 159, 162, 175 etc.; Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. P. 148; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. Buc., 1996. P. 239; Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 381, 405, 407; Duțu A., Retegan M. România în război. 1421 zile de înclătăre. Buc., 1992; Moraru A. Istoria Românilor. P. 362; Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 216, 223, 242; Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului. P. 76, 97; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 402; Scurtu I. Iuliu Maniu. Activitatea politică. Buc., 1995. P. 103; Nistor I.S. Românii în al doilea război mondial. Clarificări în lumina adevărului istoric. Cluj-Napoca, 1996. P. 55 и др.

⁵⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 503-504, 689, 699, 701.

⁵¹ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 387.

⁵² Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 388.

Выше мы говорили об опасении итальянских фашистов за судьбу Италии⁵³ в случае победы Германии в войне. Но такие же опасения были и у клики Антонеску за будущее Румынии при успешном для немцев завершении войны. Как мы уже писали, на заседании Совета министров от 17 марта 1942 г. Михай Антонеску выразил опасение, что, даже в случае победы, немцы могут заставить румын «выплатить им военную контрибуцию»⁵⁴. Выходит, уже весной 1942 г. окружение И. Антонеску не только не было уверено в успехе Германии, но и осознавало, что Румыния является «союзником третьего сорта» («первым сортом» были японцы, «вторым» – итальянцы и финны), которому в случае победы могли навязать военную контрибуцию как стране враждебной и побеждённой.

В этой связи уместно вспомнить установку, данную Гитлером руководству Третьего рейха в отношении румынского сателлита. О ней не мешало бы знать апологетам «нерушимой дружбы» двух фюреров и союзнических отношений гитлеровской Германии и антонесковской Румынии. На совещании 16 июля 1941 г. в узком кругу своих приближённых Гитлер заявил: «В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией»⁵⁵.

Другими словами, эти «компетентные и неподкупные» «администраторы», как утверждает не менее «компетентный» «историк» Петренко, «проводящие политику, основанную на правде и справедливости»⁵⁶, придерживались лишь одной морали: «Забирать как можно больше, но без документов», в точности как у «беспредельщиков» или, в лучшем случае, у «воров в законе». Совершенно ясно, что какое-либо взаимное доверие у членов фашистской коалиции, «проводящих политику, основанную на правде и справедливости», начисто отсутствовало.

Хотя, в отличие от Румынии, у Венгрии не было каких-либо территориальных споров с СССР, фашистская клика этой страны втянула её в антисоветскую войну. Этим правительство Хорти стремилось не только закрепить за собой полученные от Гитлера в 1938-1941 гг. земли, но и заслужить санкцию от Берлина на новые территориальные захваты. При этом оно пыталось выторговать у немцев самую высокую плату за участие в агрессии против СССР, ожидая в первые дни войны выгодных предложений из Берлина. Однако гитлеровцы, уверенные в «молниеносной победе» на Востоке, не спешили с запросами в Будапешт. В этих условиях, боясь опоздать к разделу пирога, а также из опасений утратить германскую поддержку в территориальном споре с Румынией, венгерское правительство решило вступить в войну против СССР и без соответствующего официального обращения со стороны гитлеровской Германии⁵⁷. Ещё в конце мая 1941 г. на заседании Совета министров Венгрии, по докладам премьер-министра Бардоши и министра обороны Барта, было в принципе принято решение об объявлении войны СССР⁵⁸, позднее утверждённое коронным советом⁵⁸.

Мотивы этого решения отразил венгерский посланник в Берлине Стояи, который писал: «Румыния и Словакия могут настолько оказаться объектом интереса и симпатии с германской стороны, что мы потеряем преимущество, которым до сих пор располагали по сравнению с ними в Центральной Европе как друг Германии, или, по крайней мере, частично лишимся этого преимущества»⁵⁹. И эти опасения были не напрасны, т.к. Гитлер обещал поддержку в трансильванском вопросе то Венгрии, то Румынии⁶⁰. В этих условиях 27 июня более 80 тыс. венгерских войск перешли советскую границу⁶¹.

Вот что пишут о взаимоотношениях Венгрии с её германскими и румынскими «союзниками» Т. Исламов и Т. Покивайлова: «На протяжении всей войны Венгрия упорно уклонялась от выполнения всё возрастающих и всё более настоячивых требований немцев об отправке на Восточный фронт новых крупных соединений венгерской армии. Боеспособные части в достаточном количестве нужны были

⁵³ О кризисном состоянии румыно-итальянских отношений смотри: Calafeteanu I. O vizită care n-a mai avut loc. // Magazin Istoric, 2008, Nr. 2.

⁵⁴ Procesul lui Ion Antonescu. P. 320.

⁵⁵ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 582.

⁵⁶ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 175.

⁵⁷ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 52.

⁵⁸ Примечание научного редактора: Для воздействия на настроения венгерского населения силами абвера (службы военной разведки и контрразведки вермахта) и хортистской военщины, при помощи словацких реакционеров, в конце июня 1941 г. была проведена провокационная операция. Ранним утром, поднявшиеся с одного из аэродромов в Южной Словакии, немецкие бомбардировщики без опознавательных знаков сбросили смертоносный груз на ещё спящие венгерские города и сёла. Виновником варварской бомбёжки был объявлен Советский Союз, а абверовцы организовали предъявление «неопровержимых доказательств». Искомый предлог для вступления хортистской Венгрии в войну с СССР был создан.

⁵⁹ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 392.

⁶⁰ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы. С. 271.

⁶¹ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 507-508.

⁶¹ Pandeia A. Aliații Reih-ului pe Frontul de Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7. P. 8.

самому Хорти для успешного завершения национальной задачи номер один – овладения всей Трансильванией. К предстоящей неизбежной схватке за Трансильванию оба германских „союзника” готовились с упоением и страстью, несравнимой с полным отсутствием таковых у румынских и венгерских солдат на советско-германском фронте»⁶².

Однако уже после Московской битвы гитлеровцы оказали на Хорти сильнейший нажим, с целью заставить Венгрию увеличить свой вклад в дело «крестового похода против большевизма». В результате на советско-германский фронт была отправлена вторая венгерская армия, насчитывавшая 180 тыс. военнослужащих, а также десятки тысяч человек из состава трудовых рот⁶³.

Следует отметить, что не только венгры и румыны, но и остальные гитлеровские сателлиты выслушивались перед фюрером, стремясь заручиться его поддержкой в будущей перекройке границ в Центральной и Юго-Восточной Европе. В результате создалась благоприятная почва для румыно-словацко-хорватского сближения на антивенгерской основе⁶⁴. Отношения между участниками фашистского блока стали быстро накаляться после нападения на Советский Союз.

После вступления Финляндии в войну против СССР 25 июня, Маннергейм в своём приказе от 7 июля 1941 г. прямо заявил, что задачей войны является отторжение от Советского Союза Восточной Карелии и создание «Великой Финляндии». А президент Рюти в беседе с германским посланником следующим образом очертил территориальные претензии правящей верхушки: весь Кольский полуостров, включая Мурманск, далее по берегу Белого моря граница должна проходить до г. Онеги, отсюда – до южного побережья Онежского озера, затем по р. Свирь, к южному побережью Ладожского озера и р. Неве до её впадения в Финский залив. Ленинград Рюти «уступал» немцам⁶⁵. Финское правительство предлагало Гитлеру создать германские колонии восточнее границ «Великой Финляндии», с тем, чтобы у неё не было больше общих границ с Советским Союзом⁶⁶.

Болгарское правительство не объявило войны Советскому Союзу, однако открыто присоединилось к фашистскому блоку и поддерживало Германию. В марте 1942 г. в ставку фюрера прибыл царь Борис и подтвердил свою верность Германии. Отношения же Болгарии с остальными участниками фашистского блока были довольно напряжёнными. В первую очередь это касалось Румынии. В конце 1942 г. дело чуть было не дошло до разрыва дипломатических отношений между двумя странами⁶⁷. Тогда же, из-за противоречий на демаркационной линии, разделявшей болгарские и итальянские оккупационные войска в Югославии, между ними чуть было не вспыхнул вооружённый конфликт⁶⁸.

Политика Японии после нападения Германии на СССР. Уже 22 июня японский министр иностранных дел Мацуока заявил микадо, что «теперь, когда германо-советская война началась, Япония также должна выступить совместно с Германией и напасть на Россию»⁶⁹, а советского посла К. Сметанина 2 июля он заверил, что Япония намерена «сохранять дружеские отношения с СССР» и что «пакт о нейтралитете остаётся в силе»⁷⁰. В начале июля 1941 г., после многочисленных совещаний ведущих политических и военных деятелей, в Токио был принят документ, определявший военно-стратегическую концепцию правителей Японии в связи с началом советско-германской войны. В нём подчёркивалось, что Страна восходящего солнца сохранит свой нейтралитет в разразившемся конфликте, секретно завершая в то же время подготовку к нападению на СССР, и, как уже отмечалось, если германская армия добьётся благоприятного для Японской империи результата, последняя двинет свои войска на север⁷¹.

Гитлеровцы, со своей стороны, несмотря на уверенность в своей «молниеносной победе», проявили настойчивость в попытках втянуть Японию в войну против Советского Союза. 30 июня японское правительство получило официальную просьбу руководства нацистской Германии вступить в войну с СССР⁷². По мере усиления противодействия Красной Армии вермахту, Берлин всё настойчивее требовал от Токио начать военные действия против Советского Союза⁷³. В этом контексте, 10 июля 1941 г. Риббентроп указывал германскому послу в Токио Отту: «Я прошу Вас продолжать прилагать усилия к

⁶² Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 31.

⁶³ Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 211; История второй мировой войны. Т. 5. С. 100.

⁶⁴ См.: Anghel Fl. O alternativă de colaborare în interiorul Axei: spre o nouă Mică Înțelegere, 1941-1944. // Revista istorică. Academia Română, 1996, Nr. 3-4; Calafeteanu C. În căutarea Micii Înțelegeri. // Historia. Revistă de istorie, 2007, Nr. 2.

⁶⁵ Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985. С. 44.

⁶⁶ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 429.

⁶⁷ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 120-121.

⁶⁸ Ibid. С. 121.

⁶⁹ Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 178; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 218.

⁷⁰ Кутаков Л. История советско-японских дипломатических отношений. С. 306-307.

⁷¹ История войны на Тихом океане. Т. 3. С. 380; см. также Севостьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969. С. 11; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 420.

⁷² История второй мировой войны. Т. 4. М., 1975. С. 184.

⁷³ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 738-739.

тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на транссибирской железной дороге до наступления зимы»⁷⁴.

Гитлеровской Германии в случае «идеального» варианта развития агрессии пришлось бы встретиться с интересами японского империализма. Теоретически считалось, что встреча между дивизиями вермахта и японскими самураями должна была произойти где-то в районе Новосибирска. Урал Гитлер планировал оставить себе. И хотя к концу 1941 г. стало абсолютно очевидно, что ни об Урале, ни о Сибири не может быть и речи, агрессоры предприняли попытку официального раздела сфер влияния. В конце декабря 1941 г. японский посол в Берлине генерал Осима передал Риббентропу проект специального соглашения о разделе сфер влияния между Германией и Японией⁷⁵.

Разграничительной линией между японскими и германскими интересами должен был стать 70-й градус восточной долготы – от севера Сибири через Среднюю Азию до Индийского океана⁷⁶. В самом бассейне Индийского океана операции могли производиться и по обе стороны разграничительной линии. Япония должна была захватить англо-американские базы и территории в Восточной Азии и господствовать в западной части Тихого океана. Что касается Германии и Италии, им предназначалось захватить территории в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, Средиземноморье.

25 ноября 1941 г. в Берлине в торжественной обстановке был возобновлён «антикоминтерновский пакт». В церемонии его подписания приняли участие представители Германии, Италии, Японии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Маньчжоу-Го и других фашистских сателлитов⁷⁷. А после нападения Японии на США, 11 декабря Германия и Италия, 12 декабря Румыния, а 13-го – Венгрия и Болгария объявили войну Соединённым Штатам⁷⁸. В соответствующем заявлении гитлеровского правительства Америка обвинялась в нарушении нейтралитета. Дж. Кеннан так описывает этот эпизод: «Возбуждённый Риббентроп вслух прочел Моррису и его спутникам ноту об объявлении войны и прокричал: „Ваш президент хотел войны, и он получил войну!“ – затем повернулся и вышел из помещения»⁷⁹.

В этот же день между Германией, Италией и Японией был подписан новый трёхсторонний договор, дополнивший тройственный пакт 1940 г. В нём указывалось, что его участники будут вести совместную войну против США и Англии до победного конца, не заключат сепаратного мира и после достижения победы будут сотрудничать в деле «установления справедливого нового порядка»⁸⁰. Вскоре после этого, 18 января 1942 г., в Берлине было заключено военное соглашение, которое должно было «обеспечить действенное сотрудничество трёх держав в целях возможно скорого уничтожения военной силы противника»⁸¹. В соответствии с ним были разграничены и сферы военных операций.

«Подведомственной» зоной Японии становились «водные пространства к востоку от 70-го градуса восточной долготы до Западного побережья Американского континента, а также континент и острова – Австралия, Голландская Восточная Индия и Новая Зеландия – расположенные в этих водах», плюс доля Евразийского континента восточнее 70-го градуса восточной долготы. Другая половина мира, естественно, «причиталась» Германии и Италии. Предполагалось, что если США и Англия уведут все свои ВМС в Атлантику, Япония пошлёт туда часть своего флота. В случае же концентрации американцев и англичан на Тихом Океане немцы и итальянцы обязывались прийти на помощь японцам⁸². Так

⁷⁴ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 58; Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. С. 293-294.

⁷⁵ Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». С. 259-260.

⁷⁶ Детуайлер Д. Эскалация второй мировой войны в 1941 г. // ННИ, 2000, № 2. С. 73.

⁷⁷ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 60.

⁷⁸ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. С. 273; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 554; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 335; Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 190; Duğu A., Retegan M., Ştefan M. România în al doilea război mondial. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 7. P. 16.

Хотя с этого момента де юре и де факто Америка находилась с этими странами в состоянии войны, 8 июня Конгресс США объявил войну Румынии, Венгрии и Болгарии (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 556). И было это сделано в угоду СССР, в связи с визитом В. Молотова в Вашингтон, чтобы продемонстрировать советской стороне верность американского руководства союзническому долгу.

Украинский исследователь В. Макарчук отмечает в связи с этим, что хотя данное действие и было юридическим нонсенсом, однако оно вызвало у Молотова удовлетворение. По-сути, отмечает он, объявление войны Румынии априори означало признание Бессарабии и Северной Буковины за Советским Союзом – территории побеждённых врагов не могут быть увеличены за счёт победителя. Впервые [за годы войны – С.Н.] Вашингтон, де факто, демонстрировал своё намерение признать южный участок советской довоенной границы. // См.: Макарчук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 302.

⁷⁹ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

⁸⁰ Израэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 253.

⁸¹ Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. С. 191-192; Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 61.

⁸² Уткин А.И. Тихоокеанская ось. С. 29; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане. С. 554.

было завершено политико-правовое оформление блока фашистских государств, которые и не скрывали своей цели на установление мирового господства.

Поражение вермахта под Москвой стало причиной интенсификации попыток нацистов втянуть Японию в войну с Советским Союзом. В марте 1942 г., в беседе с Осимой, Риббентроп доказывал, что СССР полностью истощён и настал благоприятный для японцев момент атаковать советские дальневосточные границы, что «способствовало бы быстрому и окончательному уничтожению России, учитывая её всё ухудшающееся положение». 15 мая в телеграмме в Токио он писал: «Без сомнения удобный случай захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятен, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте»⁸³.

Однако к лету 1942 г. выяснилось, что вермахт неспособен добиться решающего перевеса над Красной Армией, и это окончательно убедило японцев, что война приобрела затяжной характер. Кроме того, Япония сама не сумела развить первоначальные успехи в войне на Тихом океане, и в этих условиях начинать войну против СССР было для неё самоубийством. Данную точку зрения выразил в ноябре 1942 г. в беседе с советским послом в Токио Я. Маликом бывший японский посол в Москве Татекава: «В силе и крепости Советского Союза и в стойкости духа советского народа просчиталась не только Германия, но и Япония. Ожидаемого краха Советского Союза не получилось»⁸⁴. Более того, японцы знали, что дальневосточная группировка советских войск не только не слабее Квантунской армии, но и превосходит её по мощи. Да и память о Халхин-Голе была ещё свежа. Всё это оказывало сдерживающее влияние на японские правящие круги.

В марте 1943 г. Берлин получил окончательный отказ японцев на призывы фюрера выступить против СССР. Взамен этого японцы предложили «мирное посредничество между Германией и Россией», что стало предметом непродолжительной беседы Риббентропа с послом в Берлине Осима 19 мая 1943 г. Однако Гитлер с возмущением отверг посредничество такого рода⁸⁵.

2. Дипломатия гитлеровской Германии и её сателлитов после тяжёлых поражений на всех фронтах

Начало кризиса фашистского блока⁸⁶. В начале 1942 г. германское посольство в Риме с беспокойством сообщало в Берлин о том, что в различных итальянских кругах довольно откровенно и безбоязненно высказывают критику и недовольство германским руководством войной. Так, например, итальянский посланник в Дании Канинни открыто выражал пораженческие настроения и неверие в победу Германии. По требованию немцев он был отозван из Копенгагена⁸⁷.

Необходимость усиления военных приготовлений на советско-германском фронте стала главной темой переговоров Гитлера с Антонеску в феврале 1942 г. Фюрер объяснил неудачи на Восточном фронте сильными морозами, но заверил своего визави, что 1942 год станет годом «окончательного уничтожения русского могущества». Он нарисовал столь радужную перспективу летней кампании, что Антонеску вновь подтвердил свою полную уверенность в германской победе и заявил, что «Румыния со всеми своими военными и экономическими возможностями находится в распоряжении Германской империи»⁸⁸. Однако, после начала советского контрнаступления под Сталинградом, между фашистскими лидерами Германии и Румынии появились серьёзные разногласия. Антонеску говорил: «Германия проиграла свою войну. Нужно не допустить, чтобы и мы её проиграли»⁸⁹. А гитлеровцы считали, что одной из главных причин их поражения под Сталинградом явилась низкая боеготовность союзных войск, в первую очередь, румынских⁹⁰.

29-30 апреля 1942 г. в Зальцбурге состоялась встреча двух фашистских диктаторов. Гитлер убеждал Муссолини, что в ближайшее время война закончится поражением СССР, т.к. германские войска захватят его нефтяные месторождения на юге. После этого капитулирует Англия. США же, по мнению

⁸³ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 121.

⁸⁴ Ibid. С. 123.

⁸⁵ Абалихин Б.С. Утро победы. С. 103; Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 501.

⁸⁶ Renato Bova Scoppa. Mussolini nu se lasă convins. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 2.

⁸⁷ Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 192.

⁸⁸ Ibid. С. 114-115; более подробно о сотрудничестве двух фашистских диктаторов см.: Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite. Vol. 1. P. 35, 36, 75, 76, 93, 115, 121, 161, 162, 169; Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite (1940-1944). Vol. 2. P. 10, 62, 166-204; Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. P. 412.

⁸⁹ Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român, p. 416; Vasile M. Bondăraș uneltește, la Palat, deschiderea frontului prin „Poarta Iașului”. // Istoria. Revistă de istorie. 2004, Nr. 8, P. 26; Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 503.

⁹⁰ См.: Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 233, 237, 260, 261, 283, 303, 404-406; Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 149-150; Фриснер Г. Проигранные сражения. С. 73, 74, 75; Рюле О. Исцеление в Елабуге. С. 5-6; Цейтцлер К. Сталинградская битва. // Роковые решения. С. 169; Kirîțescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 2. P. 143-145 и др.

фюрера, не представляли серьёзной опасности. Были также рассмотрены вопросы совместного ведения войны в районе Средиземного моря. Но разглагольствования Гитлера не произвели на итальянцев особого эффекта⁹¹.

Примерно в этом же направлении эволюционируют и настроения финских руководителей. В июне 1942 г. состоялись две встречи Гитлера с Маннергеймом⁹², в результате которых в Хельсинки стали более чётко осознавать бесперспективность дальнейшего продолжения войны. Анализируя их итоги, близкий к финскому главнокомандующему К. Лехмус, заявил маршалу: «После этой поездки и услышанных мною докладов в ставке Гитлера об обстановке, я больше не верю в то, что Германия выйдет победительницей или достигнет ничейного результата [в войне] с Советским Союзом, восточный же поход, по-видимому, закончился фиаско для Гитлера». Маннергейм прореагировал на это следующими словами: «Действительно, чрезвычайно интересно было услышать, что и Вы пришли в данном случае к такому же самому окончательному выводу»⁹³.

А поражение гитлеровских армий под Сталинградом стало причиной ещё большего углубления кризиса фашистского блока. Муссолини видел спасение в заключении сепаратного мира с СССР и переключении всех усилий на борьбу с западными союзниками⁹⁴. «Я советовал Гитлеру достичь соглашения с Россией, — писал он в своих мемуарах, — а позднее пойти на это любой ценой, возвратив всё, что он захватил, включая Украину... Существует лишь одна последняя надежда — заключить мир с Россией и переключить весь наш потенциал на Средиземное море»⁹⁵.

Гитлер отнёсся к этому предложению отрицательно. Во-первых, он не хотел возвращать захваченные территории, ссылаясь, в частности, на необходимость сохранения источников сырья. «Что касается Запада, — отметил Гитлер, — то Германия даже при условии политического урегулирования с Россией не смогла бы проявить там активность, так как до тех пор, пока существует русская армия, Германия не смогла бы никогда перебросить свои дивизии с Востока»⁹⁶. Отвергнув предложение дуче, фюрер настаивал на обратном — на концентрации всех военных усилий на советско-германском фронте.

7-10 апреля 1943 г. состоялась очередная встреча фюрера и дуче в Зальцбурге. Она также оказалась безрезультатной. Италия не получила от своего партнёра по оси ни танков, ни самолётов. О причине такого отказа откровенно заявил на этих переговорах генерал Кессельринг: «Если бы мы не имели катастрофы под Сталинградом, большая часть заявок могла бы быть удовлетворена, но германский генеральный штаб вместо этого оказался вынужденным бросить все свои резервы для того, чтобы остановить советский паровой каток»⁹⁷.

Как известно, серьёзные потери понесли на Среднем Дону и венгерские войска. Для форсирования дальнейшего участия Румынии и Венгрии в антисоветской войне, весной 1943 г. Гитлер встречался с Антонеску и Хорти. Однако пережитое его сателлитами потрясение уже не позволяло им выполнять в полном объёме требования фюрера. Более того, все они стали зондировать почву относительно возможности заключения сепаратного мира с западными державами⁹⁸.

Так, например, Румыния предлагала англо-американцам безоговорочную капитуляцию до подхода Красной Армии к её границам⁹⁹. Вот как оценивает эти попытки «клики Антонеску и лидеров „истори-

⁹¹ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 111-112.

⁹² См.: Барышников Н.И. Тайные визиты А. Гитлера в Финляндию и К.Г. Маннергейма в Германию в июне 1942 года. // ННИ, 2007, № 3.

⁹³ Ibid. С. 208.

⁹⁴ Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 264-266; История второй мировой войны. Т. 5. С. 101.

Об аналогичных действиях румынской олигархии сообщают некоторые историки: «Михай Антонеску, с явного одобрения главы правительства, предпринял ряд мер по сближению с западными державами... Накануне встречи с Муссолини весной 1943 г. он отправил фашистскому диктатору меморандум, в котором предлагал создание *Миротворческого латинского блока*, в составе Италии, Франции, Испании, Португалии, Румынии, и преследующего главной целью выход из войны». // Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 2. P. 141.

⁹⁵ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 163-164.

⁹⁶ Ibid. С. 161; см. также: Серова О.В. Италия и антигитлеровская коалиция. С. 32-33.

⁹⁷ Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 270-272.

⁹⁸ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. С. 291-294, 295, 298-299; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 276-294, 329-333, 337.

Первые попытки выхода из войны, путём налаживания контактов с англо-американцами, венгры предприняли ещё в 1942 г. // Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 31.

⁹⁹ См.: Preda-Mătășaru A. Tratat de relații internaționale moderne și contemporane (1648 – 1947). Buc., 2001. P. 292-293; Buzatu Gh. România și războiul mondial din 1939-1945. Iași, 1995. P. 139-140; Лебедев Н.И. Румыния в годы второй мировой войны. С. 176-183; Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale de la Pacea Westfalică (1648) până în contemporaneitate (1947). P. 328; Duțu A., Retegan M., Ștefan M. România în al doilea război mondial. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 7. P. 20-21, Nr. 8. P. 37; Pokivailova T.A. Noiembrie 1943. La Madrid inițiativa a aparținut americanilor. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 10; Pokivailova T.A. Septembrie-decembrie 1943. contacte româno-britanice pe masa lui Stalin. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 10; Pokivailova T.A. Stalin rezolvă personal problemele României. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 9; Ionescu M.E. Un eveniment necesar, oportun și național. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8. P. 7; Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 504-505; Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. Vol. 2. P. 234-238; История второй мировой войны. Т. 8. М., 1977.

ческих” партий накануне краха их агрессивной политики» молдавский историк А. Мошану: «Чтобы спасти прогнивший режим и удержать хотя бы часть советской территории – Бессарабию и Северную Буковину, правители фашистской Румынии основную ставку в достижении этих целей делали на реакционные силы США и Англии, пытаясь сговориться с ними на антисоветской основе. Эта линия после Сталинграда полностью совпадала с политикой, которая проводилась руководством румынских „оппозиционных” буржуазных партий»¹⁰⁰. Как видно из вышеизложенного, у г-на Мошану нет сомнений по поводу того, что «Бессарабия и Северная Буковина» являлись «частью советской территории».

Переговоры на эту тему завязались также и между венграми и англичанами летом 1943 г. в Стамбуле¹⁰¹. На сговор с западными державами рассчитывали и некоторые круги в Софии¹⁰². Однако все эти попытки были обречены на провал, т.к. англичане и американцы никак не могли пожертвовать единством великого союза с СССР, и, в конечном итоге, они всегда переадресовывали любителей сепаратных соглашений в сторону Москвы. Кроме того, все восточно-европейские сателлиты Гитлера находились на пути движения на запад Советской Армии, и их освобождение западными союзниками было просто физически невозможно. По этим причинам все попытки выйти из войны, предпринимавшиеся правителями фашистского блока в 1943 г., не дали ожидаемых ими результатов.

Начало распада фашистской коалиции в Европе. Первой страной, покинувшей фашистский альянс, стала ближайшая союзница Германии Италия. После высадки англо-американцев на Сицилии, этот день стал стремительно приближаться. Для предотвращения подобного поворота событий, 19 июля в Вероне состоялась встреча Гитлера и Муссолини¹⁰³. Большую часть своего длиннейшего выступления фюрер посвятил критике итальянского партнёра, который почти всё время подавленно молчал. Конференция в Вероне закончилась безрезультатно, и вскоре после неё, 25 июля, Муссолини был свергнут и арестован. Главой правительства Италии стал маршал Бадольо, и начался зондаж об условиях выхода страны из войны.

3 сентября 1943 г. были подписаны «краткие» условия капитуляции Италии. После этого Бадольо, король и их приближённые бежали из Рима на юг, в район расположения англо-американских войск, т.к. началось германское вторжение на Апеннины¹⁰⁴. Разоружив основные силы итальянской армии, немецкие войска оккупировали Северную и Центральную Италию и значительную часть юга страны, включая Неаполь[†]. Сам Муссолини 12 сентября был выкраден немцами и доставлен в Мюнхен.

C. 455; Scurtu I. Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 10. P. 14; Mareș N. „Acțiunea continentală”. // Magazin Istoric, 2011, Nr. 8. P. 12, 15.

Интересно мнение К. Кирицеску о настроениях на тот момент правящей румынской клики, свидетельствующих о полном отсутствии у неё чувства реального. «Антонеску убеждён, что война будет развиваться следующим образом: на первом этапе англо-американцы помогут русским отбить германский натиск и вытеснить немцев к воротам собственно Европы, но не позволят им проникнуть слишком глубоко в её сердце. На втором этапе англо-американцы вновь дадут немцам продвинуться в Россию для её разгрома. С победоносной Германией над Россией, но с истощённым военным потенциалом, будет заключён компромиссный мир. Он ни за что не допускал, что Запад позволит разгром Германии и её изъятие из европейского концерта, для того чтобы позволить восторжествовать „азиатскому варварству”». // Kirîțescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 2. P. 140.

¹⁰⁰ Вопросы истории, 1984, № 5. С. 128.

¹⁰¹ Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. С. 506-508; История второй мировой войны. Т. 7. М., 1976. С. 341.

¹⁰² Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. Vol. 2. P. 245; История второй мировой войны. Т. 7. С. 341; История второй мировой войны. Т. 8. М., 1977. С. 456.

¹⁰³ Серова О.В. Италия и антигитлеровская коалиция. С. 72-73.

¹⁰⁴ Ibid. С. 101-106.

[†] Примечание научного редактора: В ходе советского зимнего наступления с 11 декабря 1942 г. по 31 января 1943 г., согласно данным итальянского генерального штаба, 8-я армия потеряла 60% офицерского и 49% рядового состава. Практически в ней не осталось боеспособных соединений. Остатки разбитых дивизий, хаотично и пешим порядком, поскольку гитлеровцы отказали им в предоставлении транспорта и продовольствия, выдвинулись на Левобережную Украину и в Белоруссию для реорганизации. Весной 1943 г. часть остатков экспедиционной армии была поездами вывезена в Италию, а часть «итальянских легионеров» «застряла» на оккупированных советских территориях. После официального выхода Италии из войны гитлеровцы с 11 сентября 1943 г. приступили к насильственному разоружению итальянской армии с жестоким подавлением малейшего сопротивления бывших «соратников». Немцы захватили в плен и отправили в концентрационные лагеря в Германии и Польше около 600 тыс. итальянских солдат и офицеров. При этом происходили массовые расстрелы уже сложивших оружие людей, так гитлеровцы мстили своим вчерашним союзникам. Например, на Балканах было расстреляно 6300 итальянских военнослужащих. На средиземноморских островах Кефалиния и Кос нацисты расстреляли 4500 итальянских солдат и офицеров, не жалели и раненых в госпиталях. Во Львове от находившихся там итальянских подразделений гитлеровцы потребовали принятия присяги на верность нацистской Германии. Большинство солдат и офицеров отказалось. Несогласных разоружили, арестовали и расстреляли более 2000 человек. // См., в частности: Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. С. 231-238, 240-244, 262-264, 274-275, 348-358, 367, 383; <http://vif2ne.ru/nvk/forum/arhive/1425/1425099.htm>.

«Ось Рим – Берлин» приказала долго жить. 29 сентября на острове Мальта Эйзенхауэр и Бадольо подписали «развёрнутые» условия капитуляции Италии. И уже 13 октября 1943 г. итальянское правительство объявило войну Германии¹⁰⁵. Выход Италии из войны и её переход на сторону антигитлеровской коалиции имел огромное международное значение. Во-первых, это означало начало краха фашистского блока и нанесло колоссальный удар по морально-политическому престижу Германии. А также послужило сигналом восточно-европейским сателлитам Гитлера к началу перехода на сторону его врагов. И серьёзно облегчило положение на других фронтах, т.к. вынудило Гитлера перебросить в Италию и на Балканы несколько десятков немецких дивизий для сдерживания союзников и Движения Сопротивления поработённых народов.

По мере дальнейшего ухудшения военно-стратегического положения фашистского блока среди оставшихся союзников Германии усиливаются настроения в пользу выхода из войны. Так, в середине февраля 1944 г. в Стокгольм прибыл представитель Финляндии Ю. Паасикиви и при посредстве шведского промышленника М. Валенберга встретился с советским послом А. Коллонтай. Он заявил, что уполномочен выяснить условия Советского правительства относительно прекращения Финляндией военных действий и её выхода из войны¹⁰⁶.

26 марта в Москве ему были переданы эти условия: разрыв отношений с Германией и интернирование или изгнание немецких войск и кораблей; восстановление советско-финского договора 1940 г.; немедленное освобождение советских и союзных военнопленных; демобилизация 50% финской армии; возмещение убытков Советскому Союзу в размере 600 млн долл.; возвращение СССР Петсамо и прилегающей области. Вопрос об оккупации Финляндии не ставился¹⁰⁷. Паасикиви поддержал эти условия, однако финский кабинет отверг их, и 12 апреля они были отвергнуты и финским парламентом¹⁰⁸.

«Ион Антонеску допускал выход Румынии из оси, но при условии, что англо-американские войска вступят на территорию Румынии раньше Красной Армии, чтобы не оказаться в её руках. Румынский военный атташе в Анкаре полковник Т. Теодореску 30 сентября 1943 г. от имени маршала Антонеску сообщил генералу Арнольду, что в случае вступления англо-американских войск в Румынию ранее советских, румынское государство предоставит им» свои ресурсы¹⁰⁹. 14 октября 1943 г. посол А. Кларк Керр информировал Молотова о встрече в Анкаре¹¹⁰.

31 января 1944 г. И. Антонеску через нейтралов передал американцам, что когда англо-американские войска выйдут к Дунаю, румынская армия будет отбивать атаки Красной Армии. Естественно, что предложения сепаратного мира были отвергнуты западными союзниками. Но вступать в переговоры с СССР клика Антонеску категорически не желала. «Стоит отметить, что всю эту секретную информацию Деканозов (заместитель Молотова – С.Н.) получил от британского поверенного в делах в Москве Дж. Бальфура. „Коварный” англичанин не стал делать тайны из того, что правительство Румынии „рассчитывает на сотрудничество с англо-американскими силами”», как только они появятся у румынских границ¹¹¹. Правда, в конце марта 1944 г. советские войска уже вступили на территорию Румынии.

В этих условиях, от имени либеральной оппозиции, возглавляемой Маниу и Брэтиану, в Каир отправилась для переговоров с англо-американцами делегация во главе с бывшим премьером Штирбеем, имевшим обширные связи в Англии. В середине марта начались переговоры группы Штирбея и представителей СССР, США и Великобритании¹¹². 12 апреля посланник СССР в Каире вручил Штирбею шесть условий перемирия, предварительно согласованных с правительствами Англии и США: разрыв с Гитлером и включение в антифашистскую войну; восстановление советско-румынской границы 1940 г.; возмещение убытков, причинённых Румынией Советскому Союзу; возвращение военнопленных и интернированных; обеспечение войскам союзников свободы передвижения по территории Румынии; согласие Советского правительства на аннулирование решений Венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в освобождении Трансильвании¹¹³.

¹⁰⁵ Серова О.В. Италия и антигитлеровская коалиция. С. 108.

¹⁰⁶ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 261-262.

¹⁰⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 112-113.

¹⁰⁸ История второй мировой войны. Т. 8. С. 452.

¹⁰⁹ Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roşie. Premise, etape, consecinţe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10. P. 857-858; см. также: Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii... P. 266-268, 278.

¹¹⁰ Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 132.

¹¹¹ Ibid. С. 188.

¹¹² См.: Duţu A., Retegan M., Ştefan M. România în al doilea război mondial. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 8. P. 38, 39; Calafeteanu I. Dosarul misiunii Ştirbey. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 3, 4; Meurs W. P. van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chişinău, 1996. P. 114-115; Vasile M. Bondăraş unelteşte, la Palat, deschiderea frontului prin „Poarta Iaşului”. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 8. P. 26; Kiriţescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 2. P. 150; Hillgruber A. Hitler, regele Carol şi mareşalul Antonescu. P. 234-238.

¹¹³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 174-175; см. также: Preda-Mătăşaru A. Tratat de relaţii internaţionale moderne şi contemporane (1648 – 1947). P. 294-295; Scurtu I. Urmările

Зондируя возможности заключения сепаратного мира, правительство Антонеску в то же время продолжало сотрудничество с гитлеровской Германией. Так, 26-27 февраля и 23-24 марта румынский фюрер встречался с Гитлером и обсуждал вопросы дальнейшего ведения войны¹¹⁴. 15 мая правительство Румынии официально отвергло вышеуказанные условия перемирия, но контакты с союзниками по антигитлеровской коалиции не были прерваны¹¹⁵.

В течение всего 1943 г. венгерское правительство предпринимало неоднократные попытки наладить контакт с западными державами на предмет капитуляции перед ними к моменту подхода Советской Армии к границам Венгрии¹¹⁶. Эта информация, дошедшая до нацистов, а также стремление Венгрии уменьшить свой вклад в войну, серьёзно встревожили Берлин, и фюрер решил оккупировать Венгрию и сменить её правительство. 18 марта Хорти был вызван в Зальцбург для переговоров с Гитлером, где и согласился со всеми условиями последнего. 19-21 марта страна была занята немецкими войсками, и уже через два дня было создано новое правительство¹¹⁷.

Развал гитлеровской коалиции и международная изоляция Германии. Летнее советское наступление на южном участке фронта и события в Румынии от 23 августа 1944 г. вызвали панику среди гитлеровцев. Командующий группой армий «Южная Украина» Фриснер в день вооружённого восстания связался с Гитлером и доложил о свержении диктатуры Антонеску. Это привело фюрера в ярость: он приказал немедленно разогнать новое румынское правительство и поставить во главе страны своих ставленников. Но поезд ушёл. В результате этих действий правительство Румынии заявило, что Германия оказалась в состоянии войны с Румынией¹¹⁸. 25 августа новое правительство передало СССР своё согласие немедленно подписать перемирие и вступить в сражение с немцами. 12 сентября в Москве перемирие было подписано¹¹⁹.

25 августа т.г. финский посланник в Стокгольме передал Коллонтай просьбу, «чтобы Москва приняла финскую правительственную делегацию, чтобы договориться о перемирии или заключении мира, или о том и другом, между Финляндией и Советским Союзом»¹²⁰. В ответе, предварительно информировав о нём Лондон и Вашингтон, Советское правительство заявило, что согласно встретиться с финской делегацией лишь в случае принятия финнами «следующего предварительного условия:

---

actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri. // *Historia. Revistă de istorie*, 2004, Nr. 10. P. 13; Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 2. P. 191-195.

¹¹⁴ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 267, 268; подробнее см.: Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite (1940-1944). Vol. II.

¹¹⁵ Preda-Mătășaru A. Tratat de relații internaționale moderne și contemporane (1648 – 1947). P. 295-296.

¹¹⁶ Пушкаш А. Венгрия в годы второй мировой войны. С. 347, 349, 352, 359, 362-365, 372.

¹¹⁷ Ibid. С. 375-387; Исраэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 341-342.

Правда, в том же 1943 г. также имели место попытки наладить контакты и с советскими дипломатами. // Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 136-137, 138.

¹¹⁸ См.: Варлимон В. В ставке Гитлера. С. 509; Preda-Mătășaru A. Tratat de relații internaționale moderne și contemporane (1648 – 1947). P. 300; Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale de la Pacea Westfalică (1648) până în contemporaneitate (1947). P. 333; Duțu A., Retegan M., Ștefan M. România în al doilea război mondial. // *Magazin Istoric*, 1991, Nr. 8. P. 42; Marinescu Gh. H. 23 august 1944 – 9 mai 1945. Antiaeriana română la datorie. // *Magazin Istoric*, 1991, Nr. 8. P. 48; Schonherr K. 23 august 1944. Ultima zi de alianță – prima zi de război. // *Magazin Istoric*, 1997, Nr. 8. P. 13; Jurca N. Atacul fără rost asupra Bucureștilor. De ce nu a ocupat Hitler România? // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 4. P. 13; Jurca N. Serata de adio s-a contramandat. Prințul Albrecht von Hohenzollern despre 23 august. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 8; Ciobanu N. București: Luptele cu nemții, la Școala Superioară de Război. // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 8; Gherghina N.I. Capitala României sub bombe germane (23-26 august 1944). // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 8; Ștefan M. Falsul pe post de document istoric. // *Magazin Istoric*, 2004, Nr. 8; Scurtu I. Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri. // *Historia. Revistă de istorie*, 2004, Nr. 10. P. 14; Constantinescu Ș. Se duc nemții, vin sovieticii. // *Historia. Revistă de istorie*, 2005, Nr. 5. P. 70.

¹¹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 174, 205-212; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 501-506; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 152-157; Lache Ș. Armistițiul. Culise diplomatice. // *Magazin Istoric*, 1991, Nr. 9-11; Preda-Mătășaru A. Tratat de relații internaționale moderne și contemporane (1648 – 1947). P. 302-308; Popișteanu C. Moscova: 11-12 septembrie 1944. O minută românească. // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 9, 10; Duțu A. Comandamentul sovietic își impune voința. // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 11; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил на Балканах. С. 110-111; Chiper I. Conjunctura semnării armistițiului de la Moscova. // *Revista istorică. Academia Română*, 1994, Nr. 9-10. P. 891, 897; Dobrinescu V.-Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 285-287; Vasile M. Bondăraș uneltește, la Palat, deschiderea frontului prin „Poarta Iașului”. // *Historia. Revistă de istorie*, 2004, Nr. 8. P. 30; Scurtu I. Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri. // *Historia. Revistă de istorie*, 2004, Nr. 10. P. 17; Constantinescu Ș. Se duc nemții, vin sovieticii. // *Historia. Revistă de istorie*, 2005, Nr. 5. P. 71-72.

¹²⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 177.

Подробно см.: Куликов А.И. В сентябре 1944 года. Советско-финляндские переговоры о перемирии (по протокольным записям). // ННИ. 2010, № 2.

Финское правительство должно публично заявить, что оно разрывает отношения с Германией, что оно предъявляет Германии требование о выводе Германией войск из Финляндии... не позже 15 сентября с.г. и что если Германия не выведет своих войск в указанный срок из Финляндии, то немецкие войска будут разоружены и переданы союзникам в качестве военнопленных»¹²¹. В ночь на 4 сентября финны заявили, что они принимают советские условия и прекращают военные действия¹²². 14-19 сентября в Москве проходили переговоры между представителями СССР и Англии, действовавшими от имени Объединённых Наций, с одной стороны, и финской делегацией – с другой. Они завершились подписанием соглашения о перемирии с Финляндией¹²³. «Как можно видеть, и для Румынии, и для Финляндии были установлены довольно мягкие условия: ни в одном из двух случаев не выдвигалось требование безоговорочной капитуляции»¹²⁴.

5 сентября 1944 г. Советский Союз объявил войну Болгарии, указав, что последняя фактически ведёт войну против СССР ещё с 1941 г.¹²⁵ 8 сентября Красная Армия перешла Дунай и начала освобождение Болгарии. В ночь с 8 на 9 сентября в этой стране произошло вооружённое восстание и было образовано просоветское правительство Отечественного фронта, которое объявило войну Германии. 26-28 октября в Москве проходили переговоры между представителями СССР, США и Великобритании, с одной стороны, и болгарской правительственной делегацией, с другой. Они завершились подписанием соглашения о перемирии¹²⁶.

Стремительное приближение Красной Армии к венгерским границам делало бесперспективным дальнейшее сотрудничество с Германией. В сентябре, в узком кругу, Хорти заявил, что в создавшейся обстановке он решил просить перемирия у западных держав, но продолжать войну против СССР. Однако выход советских войск к границе Венгрии вынудил Хорти отправить в Москву в начале октября делегацию для заключения перемирия. Советское правительство сразу же информировало об этом Лондон и Вашингтон и предложило предъявить венграм следующие предварительные условия: Венгрия в течение 10 дней должна эвакуировать свои войска и чиновников с оккупированных ею территорий в пределы собственных границ, существовавших на 31 декабря 1937 г.; Венгрия обязана разорвать все отношения с Германией и немедленно объявить ей войну, причём Советское правительство готово помочь Венгрии своими войсками. Выработку условий перемирия предлагалось поручить представителям трёх великих держав¹²⁷.

Однако Хорти и его клика слишком долго не решались действовать, в результате чего, узнав об их намерениях, 15-16 октября немцы арестовали их и сформировали правительство во главе с откровенным гитлеровским наймитом Салаши, провозгласившим себя «фюрером нации»¹²⁸. В декабре 1944 г. в освобождённом советскими войсками Дебрецене из представителей антифашистских партий было создано временное Национальное собрание, образовавшее 22 декабря временное национальное правительство, которое объявило войну Германии¹²⁹. А 20 января 1945 г. это правительство подписало соглашение о перемирии¹³⁰.

Таким образом, в 1944 г. в результате побед армий антигитлеровской коалиции окончательно распался фашистский блок. Германия лишилась всех своих союзников в Европе, а Румыния, Болгария и Венгрия объявили ей войну, присоединившись тем самым к союзу свободных народов.

¹²¹ Советско-английские отношения. Т. 2. С. 143-144.

¹²² Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во второй мировой войне. С. 97; Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 279; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во второй мировой войне. С. 240.

¹²³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 215-229; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 159-170; Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во второй мировой войне. С. 101; Мягков М.Ю. Советское наступление в Карелии летом 1944 года и перемирие с Финляндией. // ННИ, 2008, № 6. С. 145.

¹²⁴ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 185.

¹²⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 199; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил в Европе во второй мировой войне. М., 1985. С. 98-99; Наков А. Интернациональная миссия советских войск в Болгарии. М., 1973. С. 64-77.

¹²⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 284-292; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 246-248, 506-511; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 218-222; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил на Балканах. С. 151.

¹²⁷ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 229-230; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 183-184.

¹²⁸ Пушкаш А. Венгрия в годы второй мировой войны. С.449-455.

¹²⁹ Ibid. С. 477-478.

¹³⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 76-85; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 289, 511-518; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 257-264.

ГЛАВА 15. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИФАШИСТСКИХ ГОСУДАРСТВ В 1941-1945 ГОДАХ

1. Образование антигитлеровской коалиции¹

Состояние отношений СССР с западными союзниками накануне войны. В период, непосредственно предшествовавший началу Великой Отечественной войны Советского Союза, его отношения с Великобританией и Соединёнными Штатами были весьма натянутыми и, казалось, что их улучшение невозможно. Резкому росту антисоветских настроений в США способствовало подписание советско-германского договора от 23 августа 1939 г., включение в состав СССР ряда территорий на его западных границах в 1939-1940 гг. и особенно советско-финская война. Опрос, проводившийся Институтом Гэл-лапа в декабре 1939 г., показал, что из 89% высказывавших своё мнение о советско-финской войне американцев, 99% были на стороне Финляндии. По мнению журнала «Тайм», в конце 1939 г. Сталин «совместно с Гитлером был самым ненавидимым человеком в мире»².

Но Англия, в отличие от Советского Союза и США, вела войну, и У. Черчилль сделал первый шаг на пути сближения с СССР. 6 октября 1939 г. он пригласил к себе советского посла И.М. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» – сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушён раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм».

Далее он разъяснил позицию британского правительства в создавшейся обстановке: «1. Основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2. СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в советскую, а не в германскую государственную систему; 3. Необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Чёрное море; 4. Британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании»³.

22 октября 1940 года, от имени Черчиля Криппс предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое бы сблизило политику двух стран и предусматривало *de facto* «власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находились под советским главенством»⁴. Советская сторона воздержалась от принятия данного предложения.

Говоря об отношениях с Советским Союзом в период 1940-1941 гг., Черчилль⁵ писал: «Мы вели терпеливую политику, которая заключалась в том, чтобы попытаться восстановить с Россией отношения, основанные на доверии; мы полагались на ход событий и коренные противоречия между Россией и Германией». В своём письме Сталину от 25 июня 1940 г. он писал: «Мы в большей степени, чем другие страны, способны сопротивляться гегемонии Германии...»⁶. 21 января 1941 г. замгоссекретаря Уэллес в беседе с советским послом Уманским сделал следующее заявление: «Если бы СССР пришлось сопротивляться агрессору, то США оказали бы ему помощь»⁷.

В октябре 1940 г. новый посол С. Криппс предложил Советскому правительству заключить соглашение, по которому советское государство заняло бы позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Великобритании. Лондон признавал де-факто территориальные приобретения СССР и вдобавок оказал бы экономическое содействие советским оборонным мероприятиям. Москва отклонила эти предложения, не желая обострять отношения с Германией⁸. Тем более, как мы уже знаем, советское руководство было уверено, что главной целью англичан являлось вовлечение Советского Союза в войну с Гитлером.

¹ Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 191-238; Мальков В.Л. Жизнь и смерть Великого альянса. (По поводу книги В.О. Печатнова). // ННИ, 2007, № 2.

² Петрова Н.К. Отношение американцев к СССР в начальный период Великой Отечественной войны. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 65.

³ Золоторев В.А. Непримиимые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2. С. 123.

⁴ См.: Ржешевский О.А. Перед великим испытанием. // ННИ. 2010, № 3. С. 14.

⁵ По свидетельству Вальтера Шелленберга, для Гитлера У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт были «подрочными жидов». // Шелленберг В. Мемуары. // ННИ, 1991, № 5. С. 176.

⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 365, 366.

⁷ Золоторев В.А. Непримиимые союзники. Размышления о книге... // ННИ, 2005, № 2. С. 124.

⁸ Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1981. С. 180.

Выше мы уже упоминали о предупреждении Черчилля о готовящемся гитлеровском нападении на СССР, доведённом Советскому правительству через английского посла Стаффорда Криппса и вызвавшим недоверие Сталина. 18 апреля 1941 г., при встрече с заместителем наркома иностранных дел Вышинским, Криппс вручил памятную записку, в которой излагались соображения о возможных акциях английского правительства на ближайшее будущее. В ней говорилось, что выбор Лондоном той или иной альтернативы зависит от позиции Советского Союза. Авторы записки совершенно справедливо напоминали, что на Западе имеются влиятельные силы, готовые на сговор с Гитлером: «Определённым кругам в Великобритании могла бы улыбнуться идея о заключении сделки на предмет окончания войны на той основе, при которой в Западной Европе было бы воссоздано прежнее положение. Гемании, однако, не чинилось бы препятствий в расширении её жизненного пространства в восточном направлении. Такого рода идея могла бы найти последователей и в Соединённых Штатах Америки»⁹. Словом, Москве прозрачно предлагалось заключение союза с правительством Черчилля против гитлеровской Германии.

Далее в британском документе говорилось: «Казалось бы, что развитие событий в Восточной Европе могло происходить по одному из двух вариантов: Гитлер мог удовлетворить свои потребности двояким образом – либо путём соглашения с Советским Союзом, либо, если он не сможет заручиться заключением и выполнением такого соглашения, путём применения силы, чтобы попытаться захватить то, в чём он нуждается... При втором варианте у нас был бы обоюдный интерес... и в этом случае правительство Великобритании, исходя из своих собственных интересов, стремилось бы по мере сил помешать Гитлеру в достижении его целей... Мы приложили бы поэтому все старания, чтобы оказать содействие Советскому Союзу в его борьбе»¹⁰.

Позиция Англии и США после нападения Гитлера на СССР. После агрессии Германии против Советского Союза, Англия и США незамедлительно объявили, что окажут России помощь в её борьбе с фашизмом. При этом они руководствовались, в первую очередь, своими собственными интересами, хорошо понимая, откуда исходит подлинная угроза. Уже неоднократно цитируемые английские историки Дж. Батлер и Дж. Гуайер следующим образом оценили значение советско-германского фронта для Великобритании: «Он сковывал около 200 дивизий и свыше 2 тыс. самолётов противника, которые в противном случае могли быть использованы для захвата наших позиций на Среднем Востоке, для вторжения в Марокко через Испанию или для вторжения на Британские острова»¹¹.

Как вспоминает сам Черчилль, утром 22 июня 1941 г., когда ему сообщили о вторжении Гитлера в Россию, у него ни на миг «не было ни тени сомнения, в чём заключается наш долг и наша политика». После обеда, прогуливаясь со своим секретарём Колвиллом, он заявил: «У меня лишь одна цель – уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по меньшей мере, благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин»¹². Английский историк Э. Хьюз отмечает: «Решение Гитлера напасть на Россию было для Черчилля даром богов. Это было самое лучшее известие, которое Черчилль получил на протяжении долгого времени»¹³.

В тот же день У. Черчилль выступил по радио: «Сегодня в четыре часа утра Гитлер напал и вторгся в Россию... Я должен сделать заявление... о том, какова будет наша политика. У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима... Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним..., пока, с божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем...»

Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединённым Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара... Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни»¹⁴.

Полностью солидаризировался с Черчиллем и Иден. Выступая 24 июня с речью в палате общин, он заявил: «Политические системы Великобритании и России противоположны друг другу; наши жизненные уклады значительно отличаются. Однако всё это не может ни на минуту заслонить собой реальные

⁹ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 87.

¹⁰ Ibid. С. 87-88.

¹¹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 446.

¹² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 169-170.

¹³ Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. С. 325.

¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 170-172; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы. Т. 1. С. 513-514; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 91.

политические вопросы, перед которыми мы сегодня стоим. Германия совершила по отношению к России акт обдуманной и преднамеренной агрессии... Русские борются за свою родную землю. Они борются против человека, который добивается мирового господства. Эта борьба является и нашей единственной задачей»¹⁵.

Лорд Бивербрук встретил сообщение о нападении Гитлера на СССР с огромным ликованием, осознавая, что Англия спасена. «Я страшно обрадовался, когда Советский Союз вступил в войну против Германии, – вспоминал он в беседе с советским историком и дипломатом Виктором Израэляном. – Как только я услышал эту новость 22 июня, я велел у себя дома проиграть на всю громкость граммофонную пластинку с музыкой „Интернационала“»¹⁶.

В американском правительстве также были сторонники решительных действий, вплоть до объявления войны гитлеровской Германии: военный министр Г. Стимсон, морской министр Ф. Нокс, министр финансов Г. Моргантау, министр внутренних дел Г. Икес, министр юстиции Р. Джексон, а также высшее военное командование в лице начальника Генерального штаба генерала Дж. Маршалла и командующего флотом адмирала Г. Старка. Многие считали, что, поскольку рано или поздно придётся вступить в войну, лучше выбрать для этого наиболее благоприятный момент¹⁷.

В меморандуме, подготовленном для Рузвельта, указывалось, что «за двадцать семь лет с тех пор, как Россия стала коммунистической, Советы никогда не угрожали серьёзно нашим национальным интересам и нашему укладу жизни. Однако за два года безумного похода Гитлера, предпринятого им с целью порабощения всего мира, возникла серьёзная угроза самому нашему существованию как свободного народа... Потенциальные квислинги в нашей собственной стране... обещали, что, умиротворив нацистов, мы обретём мир и спокойствие... Мы не за коммунизм, но мы против всего, за что выступает Гитлер. Он и его безбожные нацисты – главная угроза миру, справедливости и безопасности. Путь к нашей безопасности – разгром Гитлера»¹⁸.

Государственный секретарь Корделл Хэлл обратился в эти дни к президенту Рузвельту со следующим посланием: «Мы должны предоставить России всю возможную помощь. Мы неоднократно заявляли, что предоставим всю помощь, на которую способны, любой стране, которая оказывает сопротивление странам „оси“. Не может быть ни малейшего сомнения, что Россия входит в число таких стран»¹⁹. 8 августа 1941 г. в беседе с генералом Голиковым и послом Уманским, с дрожью в голосе, он заявил: «Мы просим и молимся о победе Советского Союза над Гитлером». И добавил, что он «всегда был против гитлеризма»²⁰. А бывший посол США в СССР Джозеф Дэвис писал Гопкинсу, что «следовало бы сообщить непосредственно Сталину, что наша политика направлена целиком на разгром Гитлера и что наша историческая политика дружелюбия в отношении России не предана забвению»²¹.

Аверелл Гарриман вспоминал впоследствии: «Для меня новость о гитлеровском повороте на Восток пришла как самое приятное облегчение, хотя мы ещё не были в состоянии войны»²². Такой же точки зрения придерживались и другие англосаксонские военные и политические деятели. Так, друг президента Рузвельта, адмирал У. Леги «высказал уверенность, что вторжение в Россию не может привести ни к какому иному результату, кроме как поражению Германии... Для меня этот шаг Гитлера явился неожиданностью – я не считал его настолько сумасшедшим, чтобы он мог пойти на это. Таково было моё личное мнение. Когда Гитлер напал на Россию, я знал, что начался его закат»²³.

Уже осенью 1942 г. генерал Бэрнс подготовил для Г. Гопкинса, ближайшего сподвижника президента Рузвельта, аналитическую записку, которая отразила взгляды как самого Гопкинса, так и объективную заинтересованность США в теснейшем сотрудничестве с СССР. Её суть сводилась к следующему: «Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счёте, она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире...»

Если признать, что помощь России необходима для разгрома как Германии, так и Японии, то в равной степени верно будет и то, что поражение России... может помешать нам разгромить Германию или Японию... Если союзники победят, Россия будет одной из трёх самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание. Из вышеизложенного

¹⁵ Цит. по: Кулиш В.М. Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе. М., 1965. С. 62.

¹⁶ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 11.

¹⁷ Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 198; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 308, 309-310.

¹⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 498-499.

¹⁹ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 341; см. также: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 131; Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 57-58; Кулиш В.М. История второго фронта. С. 43-44.

²⁰ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 57.

²¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 501.

²² Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 11.

²³ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 402; см. также С. 404.

представляется очевидным, что отношения с Советским Союзом имеют более важное для нас значение, чем отношения с любой другой страной, за исключением только Соединённого Королевства»²⁴.

В этом же духе ещё 26 июня 1941 г. писала и «Нью-Йорк Таймс»: «Не должно быть сомнения относительно того, что быстрая и полная победа Гитлера в России была бы величайшей катастрофой для Англии и Америки. Она дала бы возможность противостоять британской блокаде, обеспечить на годы нефть и продовольствие, создать в России вассальный режим, завладеть Индией и нефтеносными районами Ближнего Востока, заключить союз с Японией для захвата Китая и создания угрозы Соединённым Штатам со стороны обоих океанов»²⁵.

Утром 23 июня, действуя по указанию президента, заместитель госсекретаря С. Уэллес огласил официальное заявление, в котором нападение Германии на Советский Союз квалифицировалось как вероломное и подчёркивалось, что борьба с Гитлером способствует обороне и безопасности США. Он указал, что «сегодня именно гитлеровские армии представляют главную угрозу для Америки»²⁶.

Несомненно, такая позиция наиболее реалистически мыслящих представителей американской политической элиты определялась тем фактом, что объективно Германия и Япония являлись не только главными конкурентами США, но представляли непосредственную угрозу самому их существованию. В этих условиях, 24 июня, Рузвельт сделал заявление о намерении оказать помощь Советскому Союзу в его борьбе против фашистской Германии²⁷. Следует, однако, подчеркнуть, что такая позиция полностью соответствовала и убеждениям самого президента. Подтверждая эту мысль, Стеттиниус писал, что «если бы Советский Союз не сумел одолеть Гитлера на своём фронте, немцы были бы в состоянии завоевать Великобританию. Они смогли бы также захватить Африку, а после этого создать плацдарм в Латинской Америке. Эта угроза постоянно присутствовала в уме президента Рузвельта»²⁸.

В этот же день было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось, что «по мнению правительства США, ... всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы ни носили, будет способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будет служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой американскому материку»²⁹.

В письме к адмиралу Леги, послу в Виши, президент писал 26 июня: «Вот и наступило это русское отвлечение [армий Гитлера]. Если это будет больше, чем просто отвлечение, это будет означать освобождение Европы от нацистского господства – и в то же время я не думаю, что нам следует опасаться по поводу какой-либо возможности русского господства»³⁰.

Военно-морской министр Нокс в речи на конференции губернаторов штатов в Бостоне в конце июня высказался за то, чтобы воспользоваться войной Германии против СССР и нанести ей сокрушительный удар³¹. В Москве хотели большей ясности, поэтому 26 июня состоялась встреча К. Уманского с Уэллесом, который заявил, что «американское правительство считает СССР жертвой не спровоцированной, ничем не оправданной агрессии» и что отпор этой агрессии «соответствует историческим интересам Соединённых Штатов». Уэллес подчеркнул, что американское правительство «готово оказать этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и их наиболее неотложными нуждами»³².

Уже с первых дней фашистской агрессии против Советского Союза многие представители американской общественности ставили вопрос о распространении закона о ленд-лизе и на него, и уже 30 июня правительство Рузвельта приняло советскую заявку на поставки из США в СССР боевой техники и оборудования для военных заводов на 1,8 млрд долл. Для оплаты этих поставок предусматривался американский кредит сроком на пять лет³³.

Отношение французских патриотов к борьбе советского народа. Практически сразу же после нападения Гитлера на СССР в поддержку борьбы советских людей выступил и генерал Ш. де Голль, с самого начала веривший в их победу: «Поскольку русские ведут войну против немцев, мы безоговорочно вместе с ними. Не русские подавляют Францию, не они оккупируют Париж, Реймс, Бордо,

²⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 282-285.

²⁵ Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6. С. 6-7.

²⁶ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 48; Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. С. 229; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 174; Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 153.

²⁷ Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. С. 18; История США. Т. 3. С. 335; Соколов В.В. В войну мы были вместе. // Межд. жизнь, 2005, № 9. С. 89.

²⁸ Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 359.

²⁹ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 27.

³⁰ Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 167.

³¹ Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 67.

³² Советско-американские отношения. Т. 1. С. 45-46.

³³ Петрова Н.К. Отношение американцев к СССР в начальный период Великой Отечественной войны. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 66

Страсбург... Немецкие самолёты и танки, немецкие солдаты, которых уничтожают и будут уничтожать русские, впредь уже не смогут помешать нам освободить Францию». Одновременно, представители Свободной Франции посетили советского посла в Лондоне Майского и заявили, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии» и выразили пожелание «установить военное сотрудничество с Москвой»³⁴.

Позиция антисоветских кругов по отношению к советско-германской войне. Как уже отмечалось, на Западе, в частности, в Англии и Соединённых Штатах, многие считали, что США выгодно продолжение войны между СССР и Германией до бесконечности, хотя не все эти люди желали победы Гитлера³⁵. Наиболее известным выразителем такой точки зрения явился сенатор Гарри Трумэн, уже 23 июня заявивший: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше»³⁶. Правда, Трумэн добавил, что он ни при каких обстоятельствах не желает победы Германии³⁷.

Американский посол в Японии Джозеф Грю в конце июня 1941 г. также подчеркнул интерес западных держав к взаимному ослаблению гитлеровской Германии и СССР³⁸. Как отмечает российская исследовательница данного вопроса Нина Петрова, эта точка зрения была широко распространена в США. Сенатор от Канзаса А. Кеппер заявил уже 23 июня, что для него «союз со Сталиным лишь чуть-чуть менее отвратителен, чем союз с Гитлером... Пока эти два диктатора пожирают друг друга, Соединённые Штаты должны укреплять свою национальную оборону с тем, чтобы быть готовыми во всеоружии встретить любые случайности»³⁹.

25 июня газета деловых кругов «Уолл-стрит джорнел» писала: «Американский народ знает, что принципиальная разница между мистером Гитлером и мистером Сталиным определяется только величиной их усов. Союз с любым из них будет оплачен престижем страны». А другая газета – «Питтсбург пресс» – отмечала: «Это будет... морально справедливо, если Шикельгрубер и Джугашвили сгорят в пожаре, который они разожгли»⁴⁰.

Высказывал опасения и Дж. Кеннан: «То, что Советский Союз предстал в качестве новой жертвы нацистской агрессии, не могло не вызвать не критических симпатий по отношению к нему в американском обществе. Однако при этом нам не следовало забывать: в настоящее время задачи России чисто оборонительные, но в случае победы ситуация может измениться. И не будем ли мы впоследствии сожалеть о том, что содействовали советской политике в Восточной Европе?»⁴¹.

Конгрессмен от штата Индиана Р. Грант 1 июля 1941 г. в письме на имя президента резко критически оценил его заявление на пресс-конференции о готовности оказать «всю возможную помощь России»: «Любая помощь Советскому Союзу... будет означать на практике оправдание правительством США безжалостного акта репрессий, который был совершён Россией против польского народа в сентябре 1939 г.». Грант также подверг бескомпромиссной критике советскую политику в отношении Финляндии и Прибалтийских республик⁴².

А английский министр авиационной промышленности Мур-Барбазон 14 июля заявил, что если Россия и Германия взаимно уничтожат друг друга, то Великобритания станет господствующим государством в Европе⁴³. Даже сын Черчилля Рандольф считал, что «идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мёртвым рядом»⁴⁴. Однако следует особо подчеркнуть, что данная точка зрения совершенно не отражала мнение английского

³⁴ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 252-253.

³⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 184.

³⁶ См.: Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 23; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 41; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 177; Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 26; Цветков Г.Н. СССР и США. С. 85; Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 153; Великая победа на Волге. М., 1965. С. 13; Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. С. 16; Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 187; Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. С. 45; Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. Душанбе, 1987. С. 28; История США. Т. 3. С. 335; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 306.

³⁷ Петрова Н.К. Отношение американцев к СССР в начальный период Великой Отечественной войны. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 67.

³⁸ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1941-1945 гг. М. 1969. С. 24.

³⁹ Цит. по: Петрова Н.К. Отношение американцев к СССР в начальный период Великой Отечественной войны. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 67.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

⁴² Петрова Н.К. Отношение американцев к СССР в начальный период Великой Отечественной войны. // США: ЭПИ, 1995, № 4. С. 66.

⁴³ Кулиш В.М. История второго фронта. С. 50; Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 62; Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. С. 15.

⁴⁴ Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 130.

и американского народов⁴⁵. Доказательством тому служили проведённые после начала войны опросы общественного мнения, показавшие, что 3/4 американцев были на стороне СССР, и только 4% желали победы гитлеровской Германии⁴⁶.

Однако, как мы уже ранее отмечали, большинство политиков в США были уверены в быстрой победе Гитлера, а очень многие желали её⁴⁷. Сэмнер Уэллес характеризовал эту позицию следующим образом: «Многие финансовые круги США были твёрдо убеждены в том, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией лишь соответствует их собственным интересам. Россия, по их мнению, должна была неминуемо потерпеть поражение, и это повлекло бы за собой крах большевизма»⁴⁸.

Ещё в самом начале войны, 25 июня 1941 г., лидер республиканцев в сенате Роберт Тафт в своём выступлении по радио доказывал, что победа Советской России хуже, чем победа фашистской Германии, что «победа коммунизма чревата несравненно большими опасностями для США, чем победа фашизма»⁴⁹. Уже 23 июня комитет «Америка прежде всего» в специально выпущенном бюллетене писал: «Вступление в войну Советской России полностью снимает вопрос о вступлении в войну США... США должны быть в стороне от советско-германской войны, ибо если победит Германия, то Россия станет фашистской, а если победит Россия, то Германия станет коммунистической. Оба варианта не подходят для США. Ради этого мы не должны тратить наше оружие, наши самолёты, терять наших людей. Помощь России – безумная выдумка иностранных агентов в США»⁵⁰. Сенатор Кларк сообщил: «Речь идёт всего-навсего о грызне собак... нам нужно заниматься своими делами». У. Буллит предложил американцам рассматривать конфликт как битву между «Сатаной и Люцифером». «Бог мой! – восклицал с трибуны сената Х. Джонсон, – неужели мы падём так низко, что будем выбирать между двумя разбойниками?»⁵¹ Бывший президент Г. Гувер даже договорился до отрицания необходимости помощи кому бы то ни было, включая Великобританию и Китай⁵².

В письме в НКВД СССР от 14 августа 1942 г. советник советского посольства в Вашингтоне А. Громыко отразил эти настроения: «Подавляющее большинство из генералитета армии США питали надежду и сейчас её ещё не оставили на истощение и гитлеровской Германии, и Советского Союза. Эти надежды совпадают с надеждами руководящих промышленных кругов, высказывавшихся об этом в начале войны открыто. Они не хотят победы Гитлера. Но ещё больше не хотят победы Советского Союза. И вот эти люди сейчас стоят во главе американской армии и её подготовки. Эти люди представляют собой военное окружение американского правительства и его главы Рузвельта, на которое они не могут не оказывать влияния... Сейчас трудно, безусловно, найти людей, которые бы открыто выражали описанную выше точку зрения в отношении советско-германской войны... Но скрыто она доминирует в военных верхах...

Вторая группа генералитета США, вероятно немногочисленная, но очень влиятельная, всё ещё лелеет надежду на сговор с Гитлером... Ещё хуже настроения среди командного состава флота США.... Многие предпочитают победу Гитлера победе Советского Союза. Разумеется, для открытого высказывания подобных взглядов время неподходящее»⁵³.

Визит Гарри Гопкинса в СССР⁵⁴. Как мы уже отмечали, в конце июля 1941 г. в Москву прибыл личный представитель президента Рузвельта Гарри Гопкинс с целью изучить возможности оказания Советскому Союзу скорейшей американской помощи. Он провёл несколько встреч со Сталиным и Молотовым и заявил, что «президент считает Гитлера врагом человечества, и поэтому он желает помочь Советскому Союзу в борьбе против Германии»⁵⁵, и что он уверен в победе СССР⁵⁶. В ходе первой беседы Гопкинс сказал Сталину, что вопрос о помощи Советскому Союзу делится на две части: что Соединённые Штаты могут послать немедленно и каковы будут нужды России с точки зрения длительной войны. Сталин отметил, что Советскому Союзу нужны приблизительно 20 тысяч зенитных орудий, бомбардировщики, крупнокалиберные пулемёты, винтовки. Во вторую категорию, в которую

⁴⁵ Constantiniu Fl. De la Carta Atlanticului la „Brâu de securitate” al URSS. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 3-4. P. 190.

⁴⁶ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 46; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 307.

⁴⁷ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 26.

⁴⁸ Безыменский Л. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С. 101.

⁴⁹ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 40; Цветков Г.Н. СССР и США. С. 85; Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 177; Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. С. 45; История США. Т. 3. С. 335.

⁵⁰ Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. С. 212-213.

⁵¹ Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 306.

⁵² Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. С. 192.

⁵³ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 225-227.

⁵⁴ Constantiniu Fl. De la Carta Atlanticului la „Brâu de securitate” al URSS. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 3-4. P. 190; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 377-378.

⁵⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 525; Бережков В.М. Рождение коалиции. М., 1975. С. 18-24.

⁵⁶ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 80.

входили материалы, необходимые для длительной войны, он включил высокооктановый авиационный бензин, алюминий для производства самолётов и другие материалы⁵⁷. В этом месте разговора, писал Гопкинс в отчёте президенту Рузвельту, Сталин внезапно заметил: «Дайте нам зенитные орудия и алюминий, и мы сможем воевать три-четыре года»⁵⁸.

Позже Гопкинс писал о Сталине: «Ни разу он не повторился. Он говорил так же, как стреляли его войска, – метко и прямо. Он приветствовал меня несколькими быстрыми русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твёрдо, любезно... Не было ни одного лишнего слова, жеста или ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете... Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Как я ни устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, как будто они были обдуманы им много лет назад»⁵⁹.

Во время беседы с Молотовым главным образом обсуждалось положение на Дальнем Востоке и возрастающая угроза со стороны Японии. Интересно отметить, что Молотов высказал ту же точку зрения, что и Черчилль, а именно, что Соединённым Штатам следует занять жёсткую позицию в отношении Японии, чтобы помешать дальнейшему распространению войны в Азии⁶⁰.

Говоря о значении встреч Гопкинса со Сталиным, Шервуд отмечал, что посланник президента «получил гораздо больше сведений о силе и перспективах России, чем представлялось до сих пор какому-либо другому постороннему человеку. Сталин, несомненно, серьёзно отнёсся к просьбе Рузвельта и оказал Гопкинсу полное доверие. Гопкинс, со своей стороны, покинул Кремль с глубоким убеждением, что Сталин говорит дело. Визит этот действительно был поворотным пунктом в отношениях Великобритании и США с Советским Союзом во время войны. В дальнейшем все англо-американские расчёты уже не основывались на вероятности скорого крушения России. После этого весь подход к делу изменился»⁶¹.

Атлантическая хартия. В субботу, 9 августа 1941 г., на огромном линкоре «Принс ов Уэльс» английский премьер прибыл к месту свидания с американским президентом на Ньюфаундленд. На его борту 12 августа У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт, встреча которых была уже давно предreshённым делом, подписали «Атлантическую хартию», которая определила основы будущего англо-американского сотрудничества. Этот документ также заложил принципы деятельности Объединённых Наций⁶². Два лидера обсудили международное положение, в том числе отношения с СССР. Черчилль энергично настаивал на том, чтобы в Москве было создано совещание по проблеме о военной помощи Советскому Союзу, вопрос, по которому не было споров после визита Гопкинса в Москву. С английской стороны на эту конференцию был назначен Бивербрук, а с американской – Аверелл Гарриман.

В окончательном докладе своему правительству Черчилль заявил, что, несмотря на то, что Атлантическая конференция не приняла некоторых желательных решений, в частности, решения пригрозить бронированным кулаком Японии, самое главное было в том, что он установил «тёплые и глубоко личные отношения с нашим великим другом»⁶³.

Весьма интересна оценка взаимоотношений двух выдающихся западных лидеров, данная Робертом Шервудом: «Было бы преувеличением утверждать, что на этой конференции или когда-либо в дальнейшем Рузвельт и Черчилль стали приятелями. Между ними установилась непринуждённая интимность, шутливая неофициальность, были изгнаны чопорность и лицемерие. Возникла откровенность в разговорах... Однако ни один из них никогда не забывал ни на минуту, кем он был и кого представлял или кем был и кого представлял другой. Фактически их отношения поддерживались до конца на самом высоком профессиональном уровне. Это были два человека, занимавшиеся одним и тем же делом – военно-политическим руководством всего мира... Они оценивали друг друга намётанным глазом профессионалов, испытывая известное восхищение друг другом... Рузвельт и Черчилль, несомненно, могли раздражать друг друга, но история их великого общения содержит минимум свидетельств сварливости или, вообще говоря, чего-либо, кроме самого любезного внимания»⁶⁴.

Решение иранской проблемы. Одним из первых реальных совместных действий создающейся антигитлеровской коалиции была совместная советско-английская оккупация Ирана 25 августа 1941 г.⁶⁵

⁵⁷ Ibid. С.80-82; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 526-528.

⁵⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 527.

⁵⁹ Ibid. С. 547.

⁶⁰ Ibid. С. 531-534; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 86-87.

⁶¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 547.

⁶² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 200-201; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 131-132; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 102.

⁶³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 571.

⁶⁴ Ibid. С. 574-575.

⁶⁵ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 19; Басов А.В., Гутенмахер Г.И. Персидский коридор. // ВИЖ, 1991, № 1. С. 26-28; Золоторев В.А. Непримиримые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2. С. 125; Юнгблюд В.Т., Чукалов А.В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада: ЭПИ, 2010, № 4.

Это случилось по причине того, отмечает К. Хэлл, что «имелись данные о подрывной деятельности нацистов в этой стране и их влиянии на некоторых руководителей иранского правительства. Союзники не могли допустить дальнейшего развития этой опасной ситуации ввиду стратегического положения Ирана на Среднем Востоке к югу от России»⁶⁶.

Дело в том, что участие Финляндии в войне, захват Норвегии и Шпицбергена серьёзно осложняли возможность использования северных коммуникаций для военных поставок в СССР. Поэтому Иран с его незамерзающим Персидским заливом и пересекающей всю страну с юга на север железнодорожной магистралью мог стать важным дополнительным путём для снабжения Советского Союза оружием и продовольствием. В.М. Бережков справедливо отмечает, что «проблема Ирана оказалась, пожалуй, первым важным вопросом международного характера, по которому участники антигитлеровской коалиции смогли договориться»⁶⁷.

После ввода советских и английских войск обстановка в Иране изменилась. Удалось сорвать гитлеровские планы в отношении Ирана и вообще Ближнего и Среднего Востока, обеспечить транспортный путь из Англии и США через Персидский залив и Трансиранскую дорогу. 30 января 1942 г. был подписан договор между СССР, Великобританией и Ираном, в котором подчёркивалось, что союзные державы «совместно и раздельно обязуются уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана» и что их войска будут выведены после окончания войны с Германией⁶⁸.

Взгляды на войну американских политиков и военных. США также предпринимали некоторые шаги, направленные непосредственно против Германии и её союзников. Так, 12 сентября 1941 г., президент Рузвельт выступил с предупреждением, что немецкие и итальянские корабли, заходящие в американские воды, делают это на свой страх и риск. Он назвал немецкие подводные лодки «гремучими змеями Атлантики»⁶⁹. Претворение этого решения в жизнь, несомненно, приближало Соединённые Штаты к состоянию необъявленной войны со странами «оси». В одном из своих выступлений в октябре президент говорил, что «дальнейшее продвижение Гитлера и гитлеризма может быть остановлено – и оно будет остановлено... Мы обязаны сами принять участие в уничтожении гитлеризма»⁷⁰. Это был неприкрытый вызов Гитлеру.

Американские военные также склонялись к тому, что их страна должна как можно скорее вступить в войну, даже если Германия первой и не объявит войну США. В этой связи, в конце сентября, по просьбе Хэлла, адмирал Старк представил Рузвельту меморандум, в котором делался вывод: «Соединённым Штатам следует вступить в войну против Германии как можно скорее, даже если придётся пойти на военные действия с Японией»⁷¹. Одним из важнейших документов, представленных президенту и отразивших позицию командования ВС США в период до Пёрл-Харбора, был «Мнение Объединённого комитета относительно общей производственной программы Соединённых Штатов». Он датирован 11 сентября 1941 г. и подписан начальниками штабов – генералом Маршаллом и адмиралом Старком.

В его втором разделе, озаглавленном «Основная военная политика», говорилось: «Германия и все оккупированные Германией страны, чьи вооружённые силы сотрудничают с Германией; Япония и Маньчжоу-Го; Италия, вишистская Франция и, возможно, Испания и Португалия, причисляются к потенциальным противникам. К числу дружественных стран, или потенциальных союзников в войне, относятся Британское содружество наций, Голландская Индия, Китай, Россия, Свободная Франция...

Если Германии удастся покорить всю Европу, она может... восстановить свою экономику и увеличить свои вооружённые силы, с тем, чтобы, в конечном счёте... одержать военную победу над Соединёнными Штатами... Объединённый комитет полагает, что Германия и её европейские сателлиты не могут быть разгромлены европейскими державами, сражающимися теперь против неё. Поэтому для разгрома наших европейских противников необходимо вступление Соединённых Штатов в войну»⁷². Очень важный и реалистичный вывод, вскоре подтвердившийся реальным развитием событий.

И далее подчёркивается: «Объединённый комитет убеждён, что первой основной целью Соединённых Штатов и их союзников должен явиться полный военный разгром Германии»⁷³. В отношении методов достижения поставленных целей в документе говорится о необходимости «материально поддерживать нынешние военные операции против Германии и в то же время держать Японию в узде в ожидании дальнейшего развития событий»⁷⁴. К сожалению, американские военные аналитики не предугадали подготавливаемого японскими милитаристами сценария дальнейшего развития событий, и никто в США

⁶⁶ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 347.

⁶⁷ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 102.

⁶⁸ Ibid. С. 106.

⁶⁹ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 405.

⁷⁰ Цветков Г.Н. СССР и США. С. 91.

⁷¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 596.

⁷² Ibid. С. 634, 635-636.

⁷³ Ibid. С. 641.

⁷⁴ Ibid. С. 642.

не предполагал, что против их тихоокеанского флота готовится вероломное нападение. В этой связи Р. Шервуд пишет: «Нигде, ни в одном из официальных докладов военной разведки, ни в каких-либо других материалах, полученных в Белом Доме в течение нескольких недель, предшествовавших 7 декабря, я не обнаружил ни одного упоминания о возможности того, что первым объектом нападения могут явиться Гавайские острова»⁷⁵.

Но в документе особо подчёркивалась важность для защиты западного полушария обороны Великобритании⁷⁶. Что касается оценки значения советско-германского фронта, то в меморандуме отмечается: «Поддержание действующего фронта в России до сих пор даёт наиболее верную возможность добиться успеха наступления против Германии на суше, поскольку одна лишь Россия обладает соответствующими людскими резервами, находящимися достаточно близко от центра германской военной мощи. Для России наибольшее значение имеют сухопутные и авиационные силы... Если советские войска будут отброшены даже за Уральские горы и если они будут продолжать там организованное сопротивление, всегда будет существовать надежда на окончательное и полное поражение Германии при помощи операций на суше. Надлежащее вооружение русских сил... явится одной из наиболее важных мер, какие могут быть приняты союзными державами»⁷⁷.

Из этого следует исключительное значение для самой Америки, которое военно-политическое руководство США придавало продолжению успешного сопротивления Красной Армии гитлеровскому натиску. Таким образом, в этом документе была намечена политика, которой Соединённые Штаты должны были придерживаться до окончания мировой войны, хотя на тот момент юридически страна продолжала оставаться «нейтральной».

Далеко не все в США приветствовали политику правительства по оказанию открытой активной помощи Советскому Союзу в его борьбе с Гитлером, поэтому до 7 ноября 1941 г. Рузвельт не мог включить СССР в число стран – получателей помощи по ленд-лизу⁷⁸. Но героическое сопротивление Красной Армии и остановка ею вермахта под стенами Москвы постепенно изменили настроения американцев в пользу идеи, что «русские вполне заслужили нашу помощь и сумеют как следует использовать» её⁷⁹. Этим изменениям в значительной степени способствовала и миссия личного представителя президента Рузвельта Майрона Тэйлора в Рим в августе 1941 г. Он изложил точку зрения президента в Ватикане, где встретил весьма благожелательный приём. Данная миссия отразилась на позиции католического духовенства в Соединённых Штатах, и вопрос об отправке в Советский Союз на основе ленд-лиза материалов на сумму свыше 11 миллиардов долларов не вызвал серьёзных споров⁸⁰.

Отношение западных держав к Финляндии, Румынии, Венгрии. «Мы пытались помочь России также иным способом: побудив выйти из войны два небольших государства, которые атаковали её с флангов, – Финляндию на севере и Румынию на юге»⁸¹. Об этом же свидетельствует и Уинстон Черчилль: «Начиная с августа, и американское правительство, и мы сами в суровых выражениях предостерегали финнов насчёт возможных последствий такого положения... Теперь, когда Россия вела с Германией войну не на жизнь, а на смерть, союзники явно не могли допустить, чтобы Финляндия, действуя как сателлит Германии, перерезала главные северные линии коммуникаций России с Западом... Но я отнюдь не был уверен в том, что объявление войны будет правильным выходом из положения»⁸².

«Через несколько дней финский министр торговли и промышленности выступил в Хельсинки с заявлением, что финны вскоре смогут прекратить военные действия, они остановятся на линии обороны, которой они вскорости надеются достигнуть, и не будут участвовать в наступлении на Ленинград. Я был уверен, что это было вызвано нашим представлением финскому правительству»⁸³. «25 и 28 октября 1941 года я направил официальные ноты правительству Финляндии, составленные в самых энергичных выражениях, на грани разрыва отношений. Я заявил, что финские военные операции оказывают исключительно ценную помощь нацистской мировой агрессии и, не способствуя будущей безопасности Финляндии, составляют, таким образом, прямую угрозу нашей собственной безопасности»⁸⁴.

23 ноября Сталин писал Черчиллю по поводу дальнейшей английской политики в отношении Финляндии, Румынии и Венгрии: «Что касается Финляндии, то СССР, по крайней мере, на первое время, ничего другого и не предлагал, как прекращение военных действий и фактический выход Финляндии из войны. Если же Финляндия не сделает и этого в указанный Вами короткий срок, то я считаю

⁷⁵ Ibid. С. 657-658.

⁷⁶ Ibid. С. 644.

⁷⁷ Ibid. С. 645-646.

⁷⁸ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 25; Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека. // ННИ, 1994, № 3. С. 178; История США. Т. 3. С. 338.

⁷⁹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 619.

⁸⁰ Ibid. С. 620.

⁸¹ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 348.

⁸² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 240.

⁸³ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 349.

⁸⁴ Ibid. С. 350.

объявление Великобританией состояния войны с Финляндией целесообразным и необходимым. В противном случае может создаться впечатление, что в вопросе о войне против Гитлера и его наиболее рьяных соучастников у нас нет единства, и соучастники агрессии Гитлера могут безнаказанно творить своё гнусное дело. Насчёт Венгрии и Румынии, по-видимому, можно подождать»⁸⁵.

Ввиду настойчивой позиции Советского Союза, британцы вручили финнам, румынам и венграм ультиматумы, ограниченные определённым сроком. Маннергейму Черчилль отправил даже личное послание по этому поводу. Так как ответы союзников Гитлера оказались неудовлетворительными, английское правительство начало готовиться к объявлению войны⁸⁶, что и стало фактом в декабре 1941 г.⁸⁷ Перед этим, в беседе с советским послом Майским, Черчилль заявил: «Ну что ж, если Сталин этого хочет, мы объявим войну Финляндии, Румынии и Венгрии»⁸⁸. Так, с Румынией Англия оказалась в состоянии войны 5 декабря 1941 г.⁸⁹

Очень тесно складывались и **отношения между СССР и Свободной Францией**. 26 сентября 1941 г. Шарль де Голль был признан советской стороной «главой всех свободных французов», и через некоторое время Богомолов был аккредитован в качестве представителя советского правительства при Национальном комитете⁹⁰. С французской стороны для связи по военным вопросам в Москву был направлен генерал Пети, к которому советские военные проявили большую благосклонность и который вскоре был принят Сталиным⁹¹.

Французские патриоты прилагали конкретные усилия для помощи Восточному фронту. Их корветы и грузовые суда принимали участие в союзнических конвоях, доставлявших грузы в Мурманск. Советскому Союзу была также предложена помощь французских войск, однако вскоре они были приданы английской армии для борьбы с Роммелем. И всё же де Голль «послал в Россию отряд истребительной авиации „Нормандия“, который затем был преобразован в полк „Нормандия-Неман“. Полк доблестно сражался в России и был единственной воинской частью западных союзников, действовавшей на Восточном фронте»⁹².

Во время визита Молотова в Лондон, 24 мая, де Голль имел с ним беседу. В ходе переговоров стороны пришли к соглашению относительно помощи, которую советское правительство и Национальный комитет обязывались оказать друг другу в ближайшем будущем. Свободная Франция должна была толкать американских и английских союзников к скорейшему открытию второго фронта в Европе. Со своей стороны советское правительство соглашалось поддержать в Вашингтоне и Лондоне стремления Свободной Франции. «Моё правительство, – заявил Молотов де Голлю, – является союзником правительств Лондона и Вашингтона. В интересах ведения войны мы должны тесно сотрудничать с ними. Но с Францией Россия хочет иметь самостоятельный союз независимо от этого»⁹³. Такой подход отражал объективные государственные интересы Советского Союза и Франции, осознающих, что в значительной степени обеспечение их безопасности и достижение их международных позиций зависит от тесного сотрудничества двух стран.

Московская конференция 1941 г. СССР, США и Великобритании. С 28 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве состоялась конференция трёх союзных держав по вопросу об организации западной помощи СССР в его борьбе с гитлеровской Германией⁹⁴. В ходе переговоров Сталин высказал Бивербруку своё убеждение, что нынешний военный союз и соглашение о незаключении сепаратного мира должны быть преобразованы в договор, в союз не только на время войны, но и послевоенный период. Бивербрук согласился с этим, а Гарриман предпринял попытку прервать продолжавшееся обсуждение европейских дел, чтобы узнать мнение Сталина о Дальнем Востоке. Последний высказал мнение, что Японию можно отколоть от её союза с Германией⁹⁵.

Сделав обзор военного положения, Сталин добавил, что немцы будут добиваться превосходства в танках. Поэтому, из необходимой Советскому Союзу боевой техники, в первую очередь, нужны танки, во вторую – противотанковые орудия, затем средние бомбардировщики, зенитные орудия, истребители, разведывательные самолёты и колючая проволока⁹⁶.

⁸⁵ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 178; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 45.

⁸⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 246-247.

⁸⁷ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 518.

⁸⁸ Ibid. С. 183; смотри также: Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 434.

⁸⁹ Duțu A., Retegan M., Ștefan M. România în al doilea război mondial. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 7. P. 16; Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale de la Pacea Westfalică (1648) până în contemporaneitate (1947). P. 320.

⁹⁰ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 16-17.

⁹¹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 254.

⁹² Ibid. С. 255.

⁹³ Ibid. С. 257.

⁹⁴ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 112-131; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 132-149; Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964. С. 362-371.

⁹⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 610-611; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 119; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 138-139.

⁹⁶ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 107.

1 октября Гарриман, Бивербрук и Молотов поставили свои подписи под первым «конфиденциальным протоколом» между США, Великобританией и СССР, содержащим 70 основных видов поставок – от танков, самолётов и эсминцев до солдатских сапог⁹⁷. К этому времени Бивербрук стал яростным сторонником второго фронта на Западе, считая, что, пока Гитлер держит свои основные силы на Востоке, его следует атаковать на Западе: «Немцы не станут ждать, пока мы подготовимся. А с нашей стороны ждать сейчас безумие. Мы должны нанести удар, пока ещё не поздно»⁹⁸.

Интересно в этой связи его письмо Гопкинсу, отправленное вскоре после московской встречи: «После моего возвращения из России, примерно в середине октября 1941 года, я поставил вопрос об открытии второго фронта с целью помочь России. Я считаю, что наши военные лидеры демонстрируют своё постоянное нежелание предпринять наступательные действия... Они постоянно указывают на трудности, но не вносят никаких предложений о том, как эти трудности преодолеть. Бессмысленно утверждать, что мы ничего не можем сделать для России...

Соппротивление России предоставило нам новые возможности. По-видимому, оно оголило Западную Европу от германских войск... Соппротивление России создало близкую к взрывной ситуацию в каждой оккупированной немцами стране, сделав западноевропейское побережье уязвимым для атаки британских войск... Начальники штабов... полностью игнорируют открывающиеся ныне возможности.

Они при этом забывают, что вторжение немцев в Россию принесло нам новые опасности наряду с новыми возможностями. Ведь если мы не поможем России сейчас, может случиться, что она не выдержит натиска, и Гитлер, свободный от всякой угрозы с Востока, сконцентрирует все свои силы против нас на Западе»⁹⁹. Из-за серьёзных разногласий по вопросам ведения войны, в 1942 г. Бивербрук был вынужден уйти в отставку¹⁰⁰.

Рузвельт одобрил протокол Московской конференции и распорядился предоставить из средств, ассигнованных на ленд-лиз, беспроцентный заём в 1 млрд долл. на оплату американских поставок в СССР. Погашение этого займа должно было начаться спустя 5 лет после окончания войны и продолжалось в течение десяти лет. Президент выразил надежду, что Советское правительство облегчит закупку Америкой в СССР тех видов сырья и товаров, которые имелись в Советском Союзе и в которых Соединённые Штаты очень нуждались¹⁰¹.

Визит А. Идена в Москву¹⁰². 16-18 декабря 1941 г. состоялся ряд встреч министра иностранных дел Великобритании А. Идена с советским руководством, в ходе которых были обсуждены вопросы совместного ведения войны и послевоенного устройства в Европе¹⁰³. Сталин подробно изложил свои взгляды на послевоенные границы в Европе. Он предложил восстановление Австрии в качестве самостоятельного государства, отделение Рейнской области от Пруссии в качестве отдельного государства или протектората, и, возможно, создание независимого баварского государства. Восточная Пруссия должна была перейти к Польше, а Судетская область возвращена Чехословакии. Также следовало восстановить все оккупированные нацистами страны. Узнав об этих предложениях, Черчилль телеграфировал Идену: «Одним из важнейших вопросов, которые придётся решить, будет отделение Пруссии от Южной Германии и фактическое определение Пруссии как таковой»¹⁰⁴.

Что касается особых интересов Советского Союза, то Сталин пожелал восстановить положение на его западной границе, существовавшее в 1941 г.¹⁰⁵ Прибалтика и Бессарабия, таким образом, должны были оставаться в составе СССР. Линия Керзона должна была быть положена в основу будущей советско-польской границы. Позиция Идена была благожелательна советским требованиям¹⁰⁶, но он несколько раз объяснял Сталину и Молотову, что не в его компетенции признать западную советскую

⁹⁷ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 121-126; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 140-146.

⁹⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 613.

⁹⁹ Цит. по: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 109-110.

¹⁰⁰ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 93.

¹⁰¹ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 134, 135.

¹⁰² Constantiniu Fl. De la Carta Atlanticului la „Brâu de securitate” al URSS. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 3-4. P. 191-194; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 381-383.

¹⁰³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 286-287; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 184-197; Бережков В.М. Рождение коалиции. С. 82-91; Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 2,3; Volokitina T.A. „Sovietizarea Europei de Răsărit”. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 3.

¹⁰⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 288.

¹⁰⁵ Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 3. С. 100-104, 107-108, 115-116, 118.

¹⁰⁶ За признание советских границ А. Иден высказался и в своём меморандуме английскому правительству от 28 января 1942 г. по итогам визита в СССР. Категорически «за» был и Ст. Криппс. // См.: Царёв О.И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941-1945 гг.). // ННИ, 1998, № 1. С. 95; Печатнов В.О. переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем осенью 1941 года (по новым документам российских и британских архивов). // ННИ, 2011, № 4. С. 103.

границу по линии 1941 г. Более того, без консультаций с Британскими доминионами и США, заявил он, английское правительство не может самостоятельно принять решение в пользу СССР¹⁰⁷.

«Англичане и американцы отказались подписать соглашение, гарантирующее СССР предвоенные границы, хотя права России на балтийские государства и восточную часть Польши были (цитирую знаменитого английского историка А.-Дж.-П. Тейлора) „более обоснованными по сравнению с правом Соединенных Штатов на Нью-Мексико. Фактически англичане и американцы применяли к русским нормы, которых они не применяли к себе”»¹⁰⁸.

Как вспоминает Валентин Бережков, в ходе беседы английского министра с советским вождем «речь зашла о дальнейшем развитии событий на советско-германском фронте. Иден высказал мысль, что борьба с немцами будет трудной и длительной.

– Ведь сейчас, – добавил он, – Гитлер всё ещё стоит под Москвой и до Берлина далеко...

– Ничего, – спокойно возразил Сталин, – русские уже были два раза в Берлине, будут и в третий раз»¹⁰⁹.

Сталин коснулся и положения на Дальнем Востоке, высказав мнение, что, несмотря на свои первоначальные успехи, в конечном счёте, Япония должна будет потерпеть крах в течение ближайших шести месяцев. После этого он спросил Идена: если его ожидания в отношении Японии оправдаются и если советские войска продолжают успешно теснить немцев, не думает ли английский министр, что этим создадутся благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе, например на Балканах? Иден согласился с такой постановкой вопроса и ответил, что один из мотивов, заставляющих Британское правительство вести боевые действия в Ливии, сводится к тому, чтобы подготовить возможности для наступательных операций в Европе.

Советский лидер напомнил также английскому представителю и о своём предложении о присылке британских войск на Восточный фронт¹¹⁰. Если и оно в данный момент неосуществимо, то есть ещё одно, третье, предложение: проведение совместной англо-советской операции на севере, в районе Петсамо и в Северной Норвегии. Иден ответил, что для посылки подкреплений на советский южный фронт Англия в тот момент не обладала достаточными силами, однако идея северной операции представляется ему желательной и осуществимой. Затем беседа коснулась вопроса об отправке британских войск в СССР на более позднем этапе, но до окончания ливийской кампании это будет невозможно. К тому же, подчеркнул Иден, в случае реализации данного проекта, это неизбежно отразится на возможности доставки в СССР необходимого военного снаряжения, а это совсем не рационально. Сталин в ответ на это заметил, что он отнюдь не склонен настаивать на присылке английских войск в СССР, если Британское правительство считает это невозможным.

По причине серьёзных разногласий между сторонами по вопросу о послевоенных границах СССР союзный договор в Москве подписать не удалось, но в последний день переговоров, по их итогам, было принято совместное коммюнике¹¹¹. Главным итогом визита английского министра в Москву явился тот факт, что удалось установить непосредственный контакт между правительствами двух стран и выяснить их точки зрения по важнейшим международным вопросам. Перед отъездом из Москвы Иден телеграфировал Черчиллю: «Наша работа завершилась на дружественной ноте... Мы преодолели по меньшей мере некоторые из прежних подозрений. Сталин, я убеждён, искренне стремится к военному соглашению, но не подпишет его до тех пор, пока мы не признаем его границ»¹¹². Как показало дальнейшее развитие событий, в последнем английский министр ошибался¹¹³.

¹⁰⁷ Когда необходимо было уклониться от принятия решения, английское правительство зачастую ссылалось на необходимость консультаций с доминионами. Иден в своих мемуарах вспоминает, как во время Тегеранской конференции Г. Гопкинс дразнил Черчилля его английской конституционной практикой: «Мы несколько лучше знаем англичан, маршал Сталин, чем Вы, – заметил Гопкинс. – Хотите узнать, как действует их конституция?». «Хотелось бы», – ответил Сталин. «Это зависит, – продолжил Гопкинс, – преимущественно от результатов, которые они хотят получить. Если англичане хотят быстро согласиться, они это сразу же и делают. Если, однако, они в чём-либо не очень уверены или хотят затянуть дело, они вам скажут, что должны проконсультироваться с доминионами и что, покуда они не получают от всех ответа, они не могут дать вам определённый ответ». // Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 283.

¹⁰⁸ militera.lib.ru/h/utkin3/index.html.

¹⁰⁹ Бережков В.М. Рождение коалиции. С. 92-93.

¹¹⁰ Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 3. С. 106.

¹¹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 192-193.

¹¹² Золоторев В.А. Непримиримые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2. С. 126.

¹¹³ Уже после войны в своих мемуарах А. Иден писал: «Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. Цель русских была уже твёрдо определена. Она лишь незначительно изменилась в последние три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы безопасности России». // Ibid. С. 129.

Советско-английские отношения в первой половине 1942 г. В меморандуме своему правительству от 28 января 1942 г. по итогам визита в СССР А. Иден отмечал, что, «если поражение германских армий состоится главным образом благодаря действию советских войск и до того, как полностью развернётся военная мощь Великобритании и США, то позиция России на Европейском континенте будет неприступной. Русский престиж будет настолько велик, что облегчит установление в ряде стран коммунистических правительств, и, естественно, Советский Союз соблазнится вести работу в этом направлении»¹¹⁴. В этом документе просматривается озабоченность английского руководства за послевоенную ситуацию, в которой СССР займёт ведущие позиции на европейском континенте. Правда, Иден допускал и другой вариант, с его точки зрения, менее вероятный – истощение СССР и его зависимость от Англии и США.

И хотя англо-советское сотрудничество крепло, следует подчеркнуть, что в послевоенные планы Черчилля совсем не входило продолжение равноправного сотрудничества с Советским Союзом. Уже тогда он предвидел ситуацию, когда в результате войны с Германией СССР ослабнет настолько, что станет возможным навязывание ему воли западных союзников. В письме Идену от 8 января 1942 г., в довольно циничной форме, английский премьер писал следующее: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил, и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединённые Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи»¹¹⁵. По всей видимости, именно в этих соображениях следует искать, в первую очередь, причины затягивания западными союзниками вопроса об открытии второго фронта в Европе.

Однако уже в феврале 1942 г. английское правительство стало склоняться к признанию западной границы СССР. Английский историк Мартин Фолли в этой связи отмечает, что «Иден, вернувшись из Москвы, в отличие от Черчилля, считал возможным пойти на уступки Москве в вопросе о признании послевоенных границ СССР. По мнению Идена, это смягчило бы подозрения русских, удержало Советы в войне против Германии до окончательной победы и позволило сохранить с ними послевоенный альянс. Черчилль, выступавший вначале против таких уступок, к весне 1942 г. также пришёл к выводу об их целесообразности, поскольку положение на фронтах войны делало пока невозможной реальную военную поддержку Красной Армии со стороны западных союзников»¹¹⁶. Сказывалось как влияние победы советских войск под Москвой, так и нежелание обострять отношения с союзником, не получавшим реальной поддержки со стороны англосаксов. В беседе со своим заместителем А. Кадоганом 24 февраля 1942 г. Иден говорил, что настала пора «отбросить к чертям все принципы» и признать советские границы. Поэтому англичане вновь запросили мнение Вашингтона по этому поводу и просили американского согласия на подписание договора с СССР, предусматривающего признание, с оговорками, советской западной границы. Ответом было энергичное «нет»¹¹⁷.

12 марта Рузвельт заявил советскому послу, что, «по существу, у него нет никаких расхождений» с Советским правительством по вопросу о границах и что он не предвидит никаких затруднений в связи с желательными Советскому Союзу границами после войны, однако сейчас считает «постановку вопроса преждевременной»¹¹⁸. Американский нажим вновь привёл к ужесточению английской позиции в вопросе о советских западных границах.

Видение послевоенного устройства мира У. Черчиллем. Сэр Уинстон видел послевоенную Европу, состоящую примерно из 12 штатов или конфедераций, образующих Европейский региональный совет. Он считал необходимым воссоздание сильной Франции, служащей в качестве баланса между Великобританией и СССР. Также необходимым было, по его мнению, и постоянное присутствие США на европейском континенте. Для Юго-Восточной Европы он выдвинул идею создания дунайской федерации, с центром в Вене. Ей следовало «в некоторой степени заполнить брешь, образовавшуюся в результате исчезновения Австро-Венгерской империи. К этой группе могла бы присоединиться Бавария. Затем должна быть создана балканская федерация... Каждая из дюжины или около этого европей-

¹¹⁴ Царёв О.И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941-1945 гг.). // ННИ, 1998, № 1. С. 94.

¹¹⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 311.

В этом смысле и позиция Идена мало отличалась от черчиллевской. В своём дневнике он записал: «Кажется неизбежным, что, если Гитлер будет опрокинут, русские войска окончат войну, оказавшись гораздо дальше в глубине Европы, чем при её начале в 1941 году». // См.: Бережков В.М. Рождение коалиции. С. 92.

¹¹⁶ Цит. по: Мягков М.Ю. И.В. Сталин и У. Черчилль в годы войны. По материалам семинара в Лондоне. // ННИ, 2002, № 4. С. 93.

¹¹⁷ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 91-92.

¹¹⁸ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 155.

ских стран должна назначить представителя в Европейский региональный совет, создавая, таким образом, нечто вроде Соединённых Штатов Европы»¹¹⁹.

Такие же региональные советы Черчилль предлагал создать для Британского Содружества наций, для американских государств и для Тихого океана. В последнем, по его мнению, должен был быть представлен и Советский Союз. Эти региональные советы должны находиться в подчинении Верховного всемирного совета. Черчиллевская идея о создании федераций малых европейских стран не была поддержана ни США, ни СССР¹²⁰.

Декларация Объединённых Наций. Во время визита Черчилля за океан, совместно с Рузвельтом была разработана и 1 января 1942 г. подписана 26 государствами Декларация Объединённых Наций о совместном ведении войны до победы против стран – членов тройственного пакта¹²¹. Главной целью коалиции было военное поражение фашистского блока и, в первую очередь, Германии. В этом смысле, в американском документе, представленном на конференции, отмечалось, что «независимо от вступления Японии в войну, мы продолжаем считать Германию всё ещё главным противником, и её разгром явится ключом к победе. За победой над Германией должно последовать падение Италии и поражение Японии»¹²².

В этом смысле, подчёркивая американские приоритеты, Р. Шервуд писал, что «принцип „Германия прежде всего” базировался на чисто военных соображениях; считалось – и, как свидетельствуют результаты, по-видимому, совершенно правильно, – что Германия обладает значительно большими потенциальными возможностями в промышленном отношении и в области науки, чем Япония, и, если ей будет дано время за годы бездействия союзников в Европе развить свои возможности, разгром её окажется более трудным, а быть может, и совершенно невозможным делом»¹²³.

Визит Молотова в Англию и США¹²⁴. Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов прилетел в Лондон 20 мая 1942 г., и уже на следующее утро начались официальные переговоры, продолжавшиеся до 25 мая¹²⁵. В самом начале первой встречи с Черчиллем и Иденом Молотов изложил цель своего приезда: решение вопросов о договорах и о втором фронте. Черчилль вновь заявил, что по первому вопросу его стране следует идти в ногу с США, и сослался на трудности с признанием этих договоров в парламентских кругах Англии. Молотов пояснил, что минимальным для СССР является восстановление того, что было нарушено Гитлером, плюс определённые гарантии безопасности, прежде всего на его западной границе. Иден предложил заменить территориальное соглашение общим и открытым договором о союзе сроком на 20 лет, не содержащим никакого упоминания о границах. Таково было и мнение президента Рузвельта. Солидарная англо-американская позиция произвела впечатление на советскую сторону, и, после консультаций со Сталиным, Молотов согласился вести переговоры на основе проекта Идена¹²⁶.

Далее советский наркоминдел обратился к Черчиллю с вопросом, как рассматривает английское правительство перспективу отвлечения в 1942 г. по меньшей мере 40 германских дивизий из СССР, где в данный момент перевес в вооружённых силах принадлежит, по всей видимости, немцам. Премьер пояснил, что Британское и Американское правительства в принципе решили в кратчайшие сроки создать второй фронт в Европе, но уклонился от уточнения сроков этого и сослался на большие технические трудности, связанные с реализацией данного проекта.

¹¹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 649; см. также беседу премьер-министра с советским послом 5 декабря 1941 г. // Советско-английские отношения. Т. 1. С. 182.

¹²⁰ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 390, 391.

¹²¹ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 199; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 146-147; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 126.

¹²² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 16; см. также: Брэдли О. Записки солдата. С. 206.

¹²³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 16-17.

¹²⁴ Constantiniu Fl. De la Carta Atlanticului la „Brăul de securitate” al URSS. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 3-4. P. 196-200.

¹²⁵ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 221-236; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 459-462; Ржевский О.А. Визит В.М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И.В. Сталиным. // ННИ, 1997, № 6 – 1998, № 1; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 239-270.

¹²⁶ Молотов и Майский отправили в Москву обстоятельную телеграмму с анализом британского проекта, которая заканчивалась следующим выводом: «Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается». Однако Сталин им ответил: «Молотову. Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаём, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас руки остаются свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой... Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку». // Золоторев В.А. Непримиримые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2. С. 126.

Он также заявил, что в 1942 г. будет невозможно отвлечь с Восточного фронта крупные контингенты германских сухопутных войск по причине недостатка сил для этого у западных союзников. Кроме того, пояснил Черчилль, перед англичанами уже находятся 44 дивизии стран «оси»: 11 – в Ливии, 8 – в Норвегии и 25 – в Западной Европе. Что касается люфтваффе, то уже в тот момент союзники сковывали до трети бомбардировочной авиации Германии и около половины её истребителей. Это, по его мнению, постоянно вынуждает немцев отвлекать часть своих ВВС с Востока. В качестве резюме он сказал, что Англия и США будут продолжать делать всё возможное, чтобы помочь советскому народу в его борьбе и, что между взглядами обоих правительств в вопросе о втором фронте нет различий.

Молотов, выразив уверенность в конечной победе СССР над фашистской Германией, спросил, какое будет положение и позиция английского правительства в случае, если Советская Армия не выдержит гитлеровского напора в 1942 году. Черчилль ответил, что если русские будут побеждены или советская военная мощь серьёзно сократится в результате германского натиска, Гитлер, по всей вероятности, перебросит как можно больше войск и авиации на Запад, с целью вторжения в Великобританию. Он может также прорваться с Кавказа в Иран, что подвергнет англичан величайшим опасностям, и они отнюдь не уверены, что у них достаточно сил для отражения такого наступления. Поэтому их судьба связана с сопротивлением Красной Армии. Тем не менее, если, вопреки ожиданиям, она будет побеждена, Англия продолжит борьбу дальше. В конечном счёте, мощь Великобритании и Соединённых Штатов одержит верх. Но какой трагедией для человечества явилось бы такое затягивание войны! Черчилль также сказал, что на русскую победу возлагаются очень серьёзные надежды, и англичане делают всё возможное, чтобы внести в неё свой вклад.

«Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» был подписан 26 мая 1942 г. без всяких территориальных статей. Он имел целью оказание взаимной военной помощи друг другу в войне против Германии и её союзников и содержал обязательство сторон не заключать с любым германским правительством или любым союзным Германии правительством сепаратного мира. Данный договор о союзе был рассчитан на 20 лет.¹²⁷

Стороны были полностью удовлетворены достигнутыми результатами. В этом контексте Черчилль писал Рузвельту: «На этой и на прошлой неделе мы с Молотовым очень хорошо поработали. Договор был подписан вчера... в атмосфере большой сердечности с обеих сторон»¹²⁸. Таково было и мнение Сталина¹²⁹, а также и Рузвельта, что подтверждает, в частности, письмо Гопкинса американскому послу в Лондоне Дж. Вайнанту вскоре после визита Молотова в Вашингтон: «Мы попросту не можем организовать мир вдвоём с англичанами, не привлекая русских в качестве равноправных партнёров»¹³⁰. Нет сомнений, что эти слова выражали и мысли президента.

Данный вывод подтверждается и Аверелом Гарриманом, который писал о будущих советско-американских отношениях, какими их себе представлял Рузвельт: «Прежде всего, он надеялся, что близость между нами, порождённая войной, могла и должна была стать основой послевоенного сотрудничества. Он полагал, что ужасные разрушения огромных районов России потребуют больших усилий по восстановлению, и был готов предоставить щедрую американскую помощь. Он видел, что Россия была осаждена и изолирована западными державами перед войной как в Лиге Наций, так и вне её. Рузвельт считал, что это не должно повториться. Он был преисполнен решимости путём установления тесных личных отношений со Сталиным в годы войны вселить уверенность в кремлёвских лидерах, что Россия, ныне признанная крупнейшая держава, могла доверять Западу»¹³¹.

Образование коалиции и её юридическое оформление прошло несколько этапов и завершилось 26 мая – 11 июня 1942 г.¹³² Её ядро составили СССР, США и Великобритания. Это был военно-политический союз государств и народов, боровшихся с фашизмом. В конце войны в антигитлеровской коалиции участвовало более 50 государств.

¹²⁷ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 237-240.

¹²⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 464.

¹²⁹ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 243.

¹³⁰ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 282.

¹³¹ Цит. по: Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 120-121.

¹³² См.: Договор между СССР и Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. // Советско-английские отношения. Т. 1. С. 237-240; Соглашение между Правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. // Советско-американские отношения. Т. 1. С. 198-202.

2. Помощь западных союзников СССР в рамках программы ленд-лиз

Американские поставки в 1941 – 1942 гг. Разумеется, в условиях того времени, при учёте огромных расстояний, а также военных действий в Атлантике, в Северном море и на европейском континенте, налаживание поставок было не простым делом. Однако, несмотря на всё перечисленное, советская сторона придерживалась мнения, что «подготовка к этому заняла слишком уж длительное время, главным образом потому, что правящие круги западных держав всё ещё продолжали колебаться. Они присматривались к тому, как будут развиваться события на советско-германском фронте. Они не верили ещё полностью в способность советского народа противостоять гитлеровской агрессии»¹³³.

В этих условиях визит Гарри Гопкинса в Москву и его трезвый анализ обстановки сыграли положительную роль. Он способствовал, в конечном счёте, благоприятному развитию событий в процессе формирования антигитлеровской коалиции.

Военные поставки западных держав в исключительно трудное для Советского Союза время лета – осени 1941 г. были совершенно незначительны. США в июле – сентябре продали Советскому Союзу лишь 59 истребителей устаревших типов и 500 грузовиков¹³⁴, на сумму в 41 млн долларов, которая была уплачена наличными¹³⁵. К 21 ноября 1941 г. октябрьские поставки грузов из США в СССР были выполнены по грузовикам – на 37%, по самолётам – на 30, по танкам – на 43, по «виллисам» – на 27%. До конца 1941 г. в СССР были направлены из Соединённых Штатов материалы стоимостью в 545 тыс. долл. при общей запланированной сумме американских поставок в этом году в 741 млн долл. Это означало, что Советский Союз получал менее 0,1% всей американской помощи¹³⁶. В середине января 1942 г. американскому представителю по ленд-лизу в Москве генералу Феймонвиллю было заявлено, что вместо 705 обещанных танков СССР получил только 16, а вместо 600 самолётов – 85¹³⁷. Бывший президент США Гувер отмечал в этом контексте, что Советская Армия «остановила немцев даже до того, как ленд-лиз дошёл до неё»¹³⁸.

В соответствии с соглашением Советское правительство несло ответственность за погрузку поставок на свои собственные суда в английских или американских портах и доставку их в Россию. Однако СССР не имел достаточно судов для того огромного количества материалов, которые союзники готовы были посылать, и английские и американские суда вскоре составили три четверти всего тоннажа, участвовавшего в этом деле¹³⁹. К концу марта 1942 г. подготовленные объёмы американских и английских материалов уже намного превосходили возможности в смысле морского транспорта, который союзники могли выделить. Поэтому возникали большие скопления судов и материалов, а из Вашингтона и Москвы шли неотложные требования, чтобы англичане предприняли новые усилия.

Так, 6 мая Сталин телеграфировал Черчиллю свою просьбу об ускорении отправки скопившихся в Исландии 90 пароходов с важными для СССР военными грузами: «Я отдаю себе отчёт в действительных трудностях этого дела и знаю о жертвах, которые понесла в этом деле Англия. Тем не менее, я считаю возможным обратиться к Вам с просьбой сделать всё возможное для обеспечения доставки этих грузов в СССР в течение мая месяца»¹⁴⁰. В том же духе писал Черчиллю и Рузвельт: «По поводу поставок в Россию. Я боюсь не только политических последствий в России, но ещё больше того, что наши поставки не дойдут до них быстро. Мы приложили такие колоссальные усилия, чтобы наладить отправку наших материалов, что задержка их иначе, как по самым уважительным причинам, представляется мне серьёзной ошибкой»¹⁴¹.

И следует отметить, что для такого рода выводов была реальная основа, так как в 1941-1942 гг. поставки СССР северным путём были значительно ниже запланированного уровня. Что касается обязательства Великобритании по московскому протоколу, то за октябрь, ноябрь и декабрь 1941 г. из 800 самолётов, которые она должна была поставить за эти месяцы в Советский Союз, фактически было поставлено 669, танков – 487 вместо 1000, танкеток – 330 вместо 600. Ещё хуже обстояло дело с выполнением протокола Соединёнными Штатами. Они обязались поставить с октября 1941 г. по 30 июня

¹³³ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 99.

¹³⁴ Цветков Г.Н. СССР и США. С. 90.

¹³⁵ Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. Душанбе, 1987. С. 27; Петров П.С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу. // ВИЖ, 1990, № 6. С. 37.

¹³⁶ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 64; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 321-322; Петров П.С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу. // ВИЖ, 1990, № 6. С. 36-37.

¹³⁷ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 85; см. также Петров П.С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу. // ВИЖ, 1990, № 6. С. 37.

¹³⁸ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 39.

¹³⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 416.

¹⁴⁰ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 220-221.

¹⁴¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 418.

1942 г. 900 бомбардировщиков, 900 истребителей, 1125 средних и столько же лёгких танков¹⁴², 85 тыс. грузовиков. Фактически Красная Армия получила из-за океана за это время только 267 бомбардировщиков (29,7%), 278 истребителей (30,6%), 363 средних танка (32,3%), 420 лёгких танков (37,3%), 16502 грузовика (19,4%)¹⁴³. В 1942 г. объём поставок в СССР из Западного полушария составил, по данным госдепартамента, лишь 2453097 т (при общем объёме поставок в 17499861 т за период с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г.)¹⁴⁴. Всё это, естественно, сильно затрудняло советскому командованию планирование военных операций. К весне 1942 г. в СССР прибыло 12 конвоев. Из 103 судов, входивших в их состав, погибло лишь одно¹⁴⁵.

Значение помощи США и Англии Советскому Союзу для победы над гитлеровской Германией. Основной поток американских поставок по ленд-лизу советскому государству относится к 1943–1944 гг.¹⁴⁶, т.е. к тому времени, когда силами советского народа уже был достигнут коренной перелом в ходе второй мировой войны. Этот факт признаёт, например, известный историк, бывший помощник госсекретаря США Р. Гартгоф: «Большая часть западной техники действительно поступила после решающих поворотных пунктов в войне, которыми были сражения под Сталинградом и Курском в конце 1942 г. и в середине 1943 г.»¹⁴⁷

Данный вывод подтверждается и в докладе американского посольства в Москве уже после окончания войны. Так, в нём отмечается, что на фоне колоссальных трудностей и лишений особенно впечатляюще выглядели «великие достижения советского производства», продемонстрированные в годы войны. «Они показывают, чего может добиться даже та страна, половина экономических ресурсов которой была захвачена врагом, если абсолютно все ресурсы мобилизуются для военного производства. Хотя американская и британская помощь была важным, а по отдельным статьям и решающим фактором на Восточном фронте, факт остаётся фактом – подавляющая часть военной техники и оборудования, полученных Красной Армией, была произведена самими русскими из своего сырья и материалов. Вместе с вкладом союзников этого было достаточно для разгрома основных сил германской армии. С учётом всех сопутствующих обстоятельств это было не что иное, как чудо, которое сотворило, в основном, советское государство, сумевшее организовать огромное производство»¹⁴⁸.

Советский Союз получил за весь период войны около 24% помощи, предоставленной Соединёнными Штатами в порядке ленд-лиза всем странам, и примерно 15% помощи, оказанной по ленд-лизу Англией. По данным министерства торговли США, из 49 млрд долл. всей американской помощи по ленд-лизу СССР получил на 11 млрд долл. (включая расходы на транспортировку), а Британская империя – на 31 млрд долл.¹⁴⁹ Черчилль свидетельствует, что «40 конвоев, отправленных в Россию, везли груз из одной только Англии на огромную сумму – 428 миллионов фунтов стерлингов, включая 5 тысяч танков и свыше 7 тысяч самолётов»¹⁵⁰.

---

¹⁴² Вот что пишет английский историк Алан Кларк о поставляемых СССР танках: «В первые месяцы 1942 года некоторое количество американских и английских танков прибыло в Советский Союз морем в Мурманск, а также через Иран. Но русские – по вполне понятным причинам – сочли большинство из них непригодными для боевых действий. (Единственный танк, который можно было бы использовать на Восточном фронте – „Шерман“, начал сходить с поточных линий тогда, когда по советским стандартам он уже устарел. Первые партии этого танка были поставлены осенью 1942 года, а к этому времени Т-34, которому „Шерман“ явно уступал, уже строился серийно около двух лет).

Небольшое число английских пехотных танков типа „Матильда“ и „Черчилль“, благодаря их толстой лобовой броне, нашли применение в качестве танков сопровождения пехоты в отдельных бригадах. Но в целом американские и английские танки, по-видимому, направлялись на второстепенные фронты, вроде карело-финского, и на Дальний Восток, и сыграли не более чем косвенную роль в решающих сражениях на советско-германском фронте». // Кларк А. Путь к Сталинграду. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 162–163.

¹⁴³ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 138; Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 83.

¹⁴⁴ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 95.

¹⁴⁵ Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека. // ННИ, 1994, № 3. С. 179.

¹⁴⁶ На эту тему серьёзную исследовательскую работу осуществил известный молдавский историк Н.Л. Тудоряну. // См.: Тудоряну Н.Л. Американский красный крест в годы Великой Отечественной войны. По архивным материалам. // ННИ, 2000, № 2. С. 36–48; Тудоряну Н.Л. Отношения США и России в начале XX века. // ННИ, 1998, № 2. С. 42–65; Тудоряну Н.Л. Помощь населения Канады Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. По русским архивным материалам. // Отечественная история, 2000, № 1. С. 64–74; Тудоряну Н.Л. Русские на Гавайях. Кишинев, 2000.

¹⁴⁷ См.: Секистов В.А. Война и политика. Политические цели войны и характер военных действий в Западной Европе и бассейне Средиземного моря. 1939 – 1945. М., 1989. С. 214.

¹⁴⁸ Печатнов В.О. Каким СССР вышел из войны (В оценках американской разведки и дипломатии). // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 5. С. 10.

¹⁴⁹ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 98; Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6. С. 13.

В вопросе о величине помощи США воюющим против агрессоров странам, данные сильно разнятся.

¹⁵⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 621.

Особо важное значение имели англо-американские поставки для обеспечения советских войск авто-транспортом, горючим, смазочными материалами, а советской промышленности – некоторыми стратегическими металлами, без которых было невозможно создание танковой брони и постройка боевых самолётов. «Говоря о нашей подготовленности к войне с точки зрения хозяйства, экономики, – отмечал маршал Жуков, – нельзя замалчивать и такой фактор, как последующая помощь со стороны союзников. Прежде всего, конечно, со стороны американцев... При анализе всех сторон войны это нельзя сбрасывать со счетов. Мы были бы в тяжёлом положении без американских порохов, мы не смогли бы выпустить такое количество боеприпасов, которое нам было необходимо. Без американских „Студебекеров“ нам не на чём было бы таскать нашу артиллерию. Да они в значительной мере вообще обеспечивали наш фронтной транспорт. Выпуск специальных стальных, необходимых для самых разных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок»¹⁵¹.

Правда, основную часть боевой техники СССР производил на своих собственных заводах: 490 тыс. артиллерийских орудий, 137 тыс. самолётов, 102 тыс. танков. Союзники предоставили 9,6 тыс. пушек, 18,7 тыс. самолётов и 10,8 тыс. танков, что составило 2, 12, и 10% от произведённых в СССР¹⁵². Российские исследователи А. Орлов и В. Кожанов, на основе новых архивных материалов, приводят несколько иные цифры. Всего в годы войны в СССР было поставлено около 17 млн тонн грузов – 22195 самолётов, 12980 танков, 13 тыс. зенитных и противотанковых орудий, 427 тыс. автомобилей, 560 кораблей и судов, 11156 железнодорожных вагонов, 1981 паровоз, 4,3 млн тонн продовольствия, 842 тыс. тонн химического сырья, медикаменты, 2,6 млн тонн нефтепродуктов (в основном высокооктанового авиационного бензина) и др. Это составило 18% самолётов, 12% танков, 70% всех автомобилей Красной Армии, более 90% паровозов и вагонов. Многие материалы и технические средства (некоторые средства связи), полученные из-за океана, составили 100% из использованных советскими вооружёнными силами и советской промышленностью в годы войны¹⁵³. Без них было бы невозможно увеличить выпуск советской техники, не говоря уже о моральном значении этой помощи и о сближении народов СССР, США и Великобритании!

За годы войны англо-американские и советские корабли и самолёты, действовавшие в Арктике, потопили 27 немецких подводных лодок, 2 линкора, 3 эсминца. Но были и потери. Из 1530 транспортов, находившихся в составе 78 конвоев (42 – в СССР, 36 – из СССР), было потоплено на переходе 85, а 41 по различным причинам возвратился с маршрута на свою базу¹⁵⁴. Кульминационным моментом усилий союзников в деле поставок Советскому Союзу по ленд-лизу был трагический эпизод с конвоем «RQ-17». Из 34 судов, вышедших из Исландии, 23 были потоплены, а их команды погибли¹⁵⁵. Из 200 тыс. тонн грузов в Архангельск прибыли лишь 70 тыс.¹⁵⁶ Это был один из самых печальных морских эпизодов за всю войну. После этого регулярные поставки советскому союзнику по северному маршруту были на несколько месяцев прерваны¹⁵⁷. Естественно, это вызвало резко отрицательную реакцию Сталина¹⁵⁸. Однако в Советском Союзе всегда высоко оценивали американскую помощь. Так, 9 июня 1943 г. «Правда» писала: «Советский народ не только знает, но и высоко ценит помощь, получаемую от великой заокеанской республики»¹⁵⁹.

Л. Безыменский¹⁶⁰ писал о значении помощи по ленд-лизу западных союзников СССР в годы войны: «Советские люди не забыли и не забывают о той материальной помощи, которую союзники оказали на-

¹⁵¹ Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 2. С. 208.

¹⁵² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 6. М., 1965. С.48; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 39; Рыжиков В.А. Зигзаги дипломатии Лондона. С. 137; Лебедев И.П. Записки участника авиационного ленд-лиза в 1941 – 1945 гг. // ННИ, 2000, № 5. С. 130.

¹⁵³ Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека. // ННИ, 1994, № 3. С. 186, 187-188, 190; см. также: Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 132; Петров П.С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу. // ВИЖ, 1990, № 6. С. 39; Соколов В.В. В войну мы были вместе. // Межд. жизнь, 2005, № 9. С. 94-95; Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6. С. 13, 14.

¹⁵⁴ Северные конвои. 1941-1945. М., 1993. С. 15.

¹⁵⁵ Примечание научного редактора: Этот трагический эпизод войны очень реалистично раскрыт в документальном романе Валентина Пикуля «Реквием по „RQ-17“».

¹⁵⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 424; Руге Ф. Война на море 1939-1945. М., 1957. С. 275; Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 450; Самсонов А.М. Сталинградская битва. С. 39.

¹⁵⁷ Об альтернативных маршрутах поставок через Иран и Аляску см.: Басов А.В., Гутенмахер Г.И. Персидский коридор. // ВИЖ, 1991, № 1. С. 28-33; Френкель М.Ю. Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941 – 1945 гг. // США: ЭПИ, 1993, № 5; Секретный маршрут. Из воспоминаний Томаса Уотсона. // США: ЭПИ, 1996, № 5.

¹⁵⁸ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 258.

¹⁵⁹ Верт А. Россия в войне. С. 484.

¹⁶⁰ Примечание научного редактора: Российский историк Лев Александрович Безыменский. В августе 1941 г. был мобилизован и направлен рядовым в запасной инженерный полк. С мая 1942 г. служил на Юго-Западном фронте офицером радиодивизиона особого назначения. В декабре 1942 года назначен военным переводчиком в разведотделе штаба Донского фронта. В качестве переводчика Безыменский принимал участие в допросах фельдмаршала Паулюса и других пленных немецких генералов. 1 мая 1945 года переводил для маршала Жукова письмо Геббельса и Бормана, в котором они сообщали о смерти Гитлера.

шей стране в тяжёлом единоборстве. Не будем спорить о её объёме... Мы в любом случае благодарны за этот символ совместных действий. Каждый из нас с добрым чувством вспоминает о мощных „Студебекерах” и вездесущих „Виллисах”, но как не хватало их в самые трудные месяцы и годы войны! Открытие – хотя и запоздалое – второго фронта было существенным вкладом в общую борьбу»¹⁵⁹.

Не менее значимо и мнение участника данного проекта с американской стороны Дж. Хазарда, который написал в редакцию Военно-исторического журнала следующие слова: «Вряд ли кто-нибудь в США возьмётся утверждать, что поставки оборудования и продовольствия по ленд-лизу являлись основным фактором, обеспечившим победу советского народа и Красной Армии в этой войне. Тем не менее, у американцев, занимающихся вопросами ленд-лиза, сохранилось чувство большого удовлетворения от сознания того, что поставляемые грузы помогали заполнить бреши в снабжении советского народа и его Вооружённых Сил»¹⁶⁰.

3. Союзнические взаимоотношения в период до первой встречи «большой тройки»

Англо-американское сотрудничество и отношение США к СССР. В мае 1943 г., после освобождения Северной Африки от фашистских войск, Черчилль в третий раз отправился в Вашингтон. Там, совместно с президентом Рузвельтом, были обсуждены планы дальнейшего ведения войны западными союзниками. На средиземноморском фронте была поставлена задача вывода Италии из войны. Это бы с неизбежностью ослабило позиции Германии. В частности, немцам следовало заменить 25 итальянских дивизий, дислоцированных на Балканах, что могло облегчить положение советских войск на Восточном фронте. Следующим результатом было бы выведение из войны итальянского флота, что высвободило бы значительную часть английских линейных кораблей и авианосцев для действий на других театрах. Расчёт делался также и на изменение в результате этого позиции Турции, а именно – на возможное объявление ею войны Германии¹⁶¹.

На конференции в Квебеке в августе 1943 г.¹⁶² Гопкинс представил документ, озаглавленный «Позиция России» и содержащий оценку высшими военными кругами США послевоенного положения Советского Союза в Европе. В нём отмечалось, что после крушения нацистской Германии, СССР станет доминирующей державой в Европе. Учитывая его решающую роль в победе над фашизмом и то, что после войны на европейском континенте не окажется противостоящей ему адекватной силы, авторы документа рекомендовали правительству США сохранять и развивать самые дружественные отношения с СССР.

18 сентября 1943 г. комитет начальников штабов армии США утвердил инструкции генералу Дину, главе военной миссии при делегации США, отправлявшейся на переговоры в Москву: «Советская военная машина будет господствовать на востоке от Рейна и Адриатического моря, и Советский Союз сможет осуществить любые желаемые ему территориальные изменения в Центральной Европе и на Балканах». Дину ставилось в обязанность донести до Хэлла идею о «неразрывной связи между политическими предложениями и военными возможностями»¹⁶³.

Другим фактором, по мнению составителей, определяющим необходимость самых тесных отношений Америки с Советским Союзом, являлась заинтересованность США в участии СССР в войне на Тихом океане сразу после разгрома Гитлера¹⁶⁴. В известной степени, представленный Гопкинсом документ повлиял на позицию Рузвельта на конференции глав правительств трёх великих держав в Тегеране.

Московская конференция. Между 19 и 30 октября 1943 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на которой обсуждались вопросы координации политики этих стран в отношении Германии и в послевоенной Европе¹⁶⁵. На данной конференции американская делегация была несколько пассивнее своих английских и советских коллег. Частично это объяснялось некоторым изоляционизмом госсекретаря Хэлла, который предоставлял Идену возможность урегулирования важнейших проблем с советской стороной. Данная конференция была последней, на которой не американцы, а англичане играли главную роль от имени Запада в переговорах с СССР.

¹⁵⁹ Безыменский Л. Тайный фронт против второго фронта. С. 235-236.

¹⁶⁰ Хазард Дж. Н. «...На защиту американских интересов». // ВИЖ, 1990, № 6. С. 40

¹⁶¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 645.

¹⁶² История США. Т. 3. С. 393-396.

¹⁶³ Макаручук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 283.

¹⁶⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 431-432.

¹⁶⁵ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.). М., 1978; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 477-494; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 396-425; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 153-168; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 313-340; Petrencu A. Istorie universală. P. 38; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 389-391.

Это была встреча, в ходе которой все участники стремились к укреплению взаимного доверия. В связи с этим, ещё перед началом её работы, Хэлл «сказал Идену, что было бы хорошо по возможности убедительнее показать русским, что и американская, и английская делегации готовы по отдельности обсуждать с ними любые вопросы. Мне представлялось важным сделать всё, чтобы избежать возникновения у русских подозрения, что американская и английская делегации советуются друг с другом, не посвящая русских в содержание своих бесед. Иден согласился»¹⁶⁶.

Черчилль писал, что «во время конференции было много признаков, указывавших на то, что Советское правительство искренне желает прочной дружбы с Англией и Соединёнными Штатами. Оно пошло нам на уступки в ряде вопросов, как важных, так и незначительных, относительно которых, как мы опасались, могут возникнуть трудности... Три министра иностранных дел совещались регулярно каждый день и достигли согласия по самому широкому кругу вопросов... У нас были все основания быть довольными этими результатами»¹⁶⁷.

Иден поддержал американское предложение о расчленении Германии и изложил английскую позицию: «Мы хотели бы разделения Германии на отдельные государства, в частности, мы хотели бы отделения Пруссии от остальной части Германии»¹⁶⁸. Правда, сам Хэлл всегда выступал против расчленения Германии¹⁶⁹. Важно отметить также, что впервые все три великих члена антигитлеровской коалиции поддержали идею безоговорочной капитуляции Германии и её союзников¹⁷⁰ и высказались за наказание фашистских военных преступников.

По поводу последнего Хэлл писал: «Русские... хотели свершения сурового и быстрого правосудия над немецкими официальными лицами, ответственными за массовые убийства советских граждан. Иден доказывал необходимость соблюдения всех юридических формальностей. Когда наступила моя очередь высказать свою точку зрения, я заявил: „Будь моя воля, я бы взял Гитлера, Муссолини и Тодзио и их главных подручных и предал их военно-полевому суду. А на рассвете следующего дня произошло бы историческое событие“. Когда перевели мои слова, Молотов и вся советская делегация шумно выразили своё одобрение, и на какую-то минуту спокойное течение заседания было нарушено... Я прямо заявлял, что все поджигатели войны – немецкие, японские и итальянские – должны быть повешены»¹⁷¹.

В целях согласования своей политики по важнейшим вопросам послевоенного устройства мира, и в первую очередь по вопросам, связанным с выходом из фашистской коалиции отдельных её членов, была создана Европейская консультативная комиссия (ЕКК)¹⁷². Покидая Москву, Хэлл отмечал, что он «чувствовал глубокую убеждённость в том, что мы достигли в Москве огромных результатов»¹⁷³. Он сказал, что ещё никогда не участвовал в международной конференции, «все участники которой проявили бы большую решимость идти вперёд в духе взаимного понимания и доверия»¹⁷⁴. На пресс-конференции в американском посольстве К. Хэлл отметил: «Я не знаю двух других государств, у которых было бы меньше антагонистических интересов и больше общих интересов, чем у США и России»¹⁷⁵. Выступая 18 ноября 1943 г. на совместном заседании сената и палаты представителей конгресса США, госсекретарь отметил, что Московская конференция явилась «важным шагом как к сокращению сроков войны, так и к устройству будущего»¹⁷⁶. Но решение самых серьёзных вопросов американо-англо-советского сотрудничества могло быть найдено только в ходе встречи руководителей всех трёх великих держав.

Каирская конференция. С 22 по 26 ноября 1943 г. в Каире проходила конференция руководителей США, Великобритании и Китая по вопросу о дальнейшем ведении войны против Японии¹⁷⁷. Во время переговоров на этой конференции неоднократно касались и проблем войны с Германией, а Черчилль каждый раз пытался доказать необходимость ведения этих операций в Юго-Восточной Европе вместо давно обещанного открытия второго фронта в Северной Франции.

Как вспоминает адмирал У. Леги, «24 ноября Черчилль произнёс длинную, но не убедительную речь об операциях в Эгейском море и против острова Родос. Американские начальники штабов полностью отвергли эту идею ещё несколькими неделями ранее, но премьер-министра нелегко было обескуражить... 25 ноября... английские коллеги выдвинули встревожившее нас предложение отсрочить вторжение через Ла-Манш, чтобы нарастить усилия в Эгейском море и в Турции. С

¹⁶⁶ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 379.

¹⁶⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 164, 167.

¹⁶⁸ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 181.

¹⁶⁹ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 384.

¹⁷⁰ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 347.

¹⁷¹ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 385.

¹⁷² Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 348.

¹⁷³ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 397.

¹⁷⁴ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. С. 38.

¹⁷⁵ См.: Верт А. Россия в войне. С. 545.

¹⁷⁶ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 398.

¹⁷⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 183-192; Рузвельт Э. Его глазами. С. 147-173; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 346-349.

присущим им бульдожьим упорством англичане не хотели отказываться от желания сохранить господствующее влияние в восточной части Средиземного моря. Американские начальники штабов, следуя полученным от президента указаниям, не согласились на отвлечение каких-либо полезных сил от операции „Оверлорд”. И на этот раз никакого решения достигнуто не было»¹⁷⁸.

В опубликованном 1 декабря 1943 г. официальном заявлении об итогах Каирской конференции говорилось, что её участники решили вести войну до безоговорочной капитуляции Японии, что она должна быть лишена всех когда-либо оккупированных ею островов в Тихом океане и изгнана со всех оккупированных территорий. В нём отмечалось, что Маньчжурия, Формоза (Тайвань) и Пескадорские острова должны быть возвращены Китаю, а Корея должна стать независимой¹⁷⁹.

Вокруг требования о «безоговорочной капитуляции» противниками ФДР было высказано мнение, будто оно продлило войну, усилив сопротивление фашистских государств. По данному вопросу У. Черчилль писал Г. Гопкинсу: «Ошибочно утверждать, что оно удлинило войну. Переговоры с Гитлером были невозможны. Это был маньяк, обладавший всей полнотой власти, чтобы довести игру до конца, что он и сделал; то же сделали и мы»¹⁸⁰.

4. Тегеранская конференция и её историческое значение¹⁸¹

Приезд «большой тройки» в иранскую столицу. Конференция руководителей правительств СССР, США и Великобритании проходила в Тегеране между 28 ноября и 1 декабря 1943 г.¹⁸² Её целью было изучение проблем координации усилий союзников в борьбе против Германии и её сателлитов, послевоенное сотрудничество и обеспечение прочного мира. В составе делегаций были министры иностранных дел и военные советники. Вместо госсекретаря США Хэлла в Тегеранской конференции принял участие Гарри Гопкинс. Конференция не имела заранее согласованной повестки дня, каждая из делегаций сохраняла за собой право затрагивать любые интересующие её вопросы. Участники излагали свои точки зрения не только на совместных пленарных заседаниях, но и во время двусторонних встреч, а также бесед на протокольных мероприятиях.

Ещё перед прилётом Рузвельта, Молотов передал через Гарримана приглашение американскому президенту поселиться в здании советского посольства (расположенного в одном квартале с английским), чтобы избежать поездок по улицам и предотвратить этим возможность террористических актов против представителей «большой тройки». Поддержанное и Черчиллем, в конечном итоге, данное предложение было принято¹⁸³. Позднее Рузвельт рассказывал в узком кругу, что этим шагом он хотел продемонстрировать своё «абсолютное доверие» к русским и стремление установить с ними дружеские отношения.

Вскоре после переезда президента на новую квартиру, Сталин пришёл его приветствовать, и между ними завязалась дружественная беседа¹⁸⁴. Её участники не стремились к поиску взаимоприемлемых решений, а лишь кратко и лаконично излагали свои мысли, обнаружив, что многие их оценки совпадают. Во время собеседования Сталин достал папиросу и закурил, что вызвало удивление Рузвельта, знавшего о ставшей знаменитой привычке советского лидера раскуривать трубку. Сталин пояснил, что врачи настоятельно порекомендовали ему курить меньше.

Обсуждение военных вопросов на конференции. Перед началом второго пленарного заседания Черчилль от имени короля Георга VI вручил главе советской делегации «меч Сталинграда»¹⁸⁵. Главным обсуждаемым вопросом на конференции стал вопрос об открытии второго фронта. Было принято решение о его открытии на севере Франции в мае 1944 г.: «...операция „Оверлорд” будет предпринята в течение мая 1944 г. ...Советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт»¹⁸⁶.

¹⁷⁸ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 413-414.

¹⁷⁹ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 102.

¹⁸⁰ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 357.

¹⁸¹ См.: Рузвельт Э. Его глазами. С. 174-199; Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 – сентябрь 1944. М., 1958. С. 194-204; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 349-370; Petrencu A. Istorie universală. P. 38-40; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 391-392.

¹⁸² Правда, некоторые молдавские историки сделали потрясающее открытие. Оказывается, Тегеранская конференция проходила между 28 ноября 1943 г. и 12 января 1944 г. Удивляться этому особо не следует, ибо несколько ранее тот же автор приписал Индонезию к датским владениям. // Turcanu I. Istoria relațiilor internaționale. P. 165, 162.

¹⁸³ Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С., 422; Рузвельт Э. Его глазами. С. 176.

¹⁸⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 193-194; Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 416; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 231, 234-238.

¹⁸⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 205; Рузвельт Э. Его глазами. С. 184.

¹⁸⁶ Тегеранская конференция трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 173; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 507; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 459.

Во время обсуждения этого вопроса произошёл интересный эпизод, замеченный и ставший понятным только трём участникам совещания – Сталину, Рузвельту и переводчику Бережкову: «Пока шёл перевод на английский язык, Сталин вынул из кармана кителя кривую трубку, раскрыл коробку „Герцеговины флор“, взял несколько папирос, неторопливо разломал их, высыпал табак в трубку, закурил, прищурился, оглядел всех присутствовавших. Когда его взгляд встретился с Рузвельтом, тот улыбнулся и лукаво подмигнул, давая понять, что вспомнил обещание Сталина насчёт трубки. А может быть, этот жест Рузвельта имел более глубокий смысл: он хотел выразить сочувствие тому, как Сталин парировал ещё не высказанное вслух намерение Черчилля поставить под сомнение целесообразность высадки союзников во Франции»¹⁸⁷.

Советская делегация, идя навстречу пожеланиям союзных правительств, заявила, что СССР вступит в войну против Японии, когда германская армия будет окончательно разгромлена¹⁸⁸. «Обещание Сталина вступить в войну против Японии тотчас после свержения Гитлера и разгрома его армий, – писал Черчилль, – имело величайшее значение»¹⁸⁹.

Проблемы послевоенного мироустройства. На конференции обсуждались вопросы послевоенного устройства мира и безопасности народов¹⁹⁰. Рузвельт изложил Сталину свой план создания организации, основным ядром которой явятся Объединённые Нации, для сохранения всеобщего мира. Он выдвинул идею «четырёх полицейских» – США, СССР, Великобритании и Китая, которые должны были располагать полномочиями немедленно принимать меры против угрозы миру или в случае возникновения чрезвычайного положения. В случае агрессии одного государства против другого «четыре полицейских» послали бы ультиматум угрожающей нации, и если предварительные требования не были бы немедленно удовлетворены, они подвергли бы эту державу бомбардировке, а в случае необходимости и вторглись бы на её территорию¹⁹¹.

При обсуждении этого вопроса на пленарном заседании 30 ноября Черчилль сказал, что «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий». Сталин заметил, что «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это». Черчилль полностью с ним согласился и добавил, что «нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-либо ещё. Три наших страны являются именно такими странами»¹⁹².

Изучая итоги этих дискуссий вокруг предложения Рузвельта о «четырёх полицейских», приходим к однозначному выводу, что к этому моменту Соединённые Штаты не только на время войны отказались от изоляционизма, но и, в принципе, восприняли идею глобальных интересов своей страны как основу внешней политики. Один из ведущих специалистов в области изучения рузвельтовской дипломатии, американский историк Уоррен Кимболл, рассуждая о послевоенных планах президента, отмечает, что ради благих целей Рузвельт готов был прибегнуть к мерам принуждения посредством силы. «Попробую, – разъясняет он, – сказать то же самое другими словами: его концепция четырёх полицейских для послевоенного мира была планом мирного сосуществования, хотя предполагалось, что стражи порядка должны быть хорошо вооружены. Конечной целью оставалось движение к гомогенному миру даже при том, что достигнуть этой цели до конца всем, всё равно бы не удалось»¹⁹³.

В этой связи ФДР говорил известному американскому журналисту Артуру Свитцеру: «Вы должны объединить усилия англичан, американцев, китайцев и русских... Дальше, вы должны разоружить, полностью разоружить все остальные страны. Изъятию подлежат все до единого пушки, самолёты, танки, корабли и все производственные мощности, производящие пушки, самолёты, танки и корабли. Вы должны изъять абсолютно всё у Германии и Италии и всё без остатка у Японии... Всё это будет означать огромное сокращение вооружений повсюду. Только четыре полицейских будут вооружены, но они сократят свои вооружённые силы. Они же сохраняют и промышленный потенциал для производства оружия»¹⁹⁴.

Анализируя эти рузвельтовские концепции, А.И. Уткин пишет: «Потерпели крах аргументы изоляционистов, что события за двумя океанами никогда не затронут жизненные интересы и безопасность США. Вместо прежнего стереотипа, вышел новый, сформированный на основе „глобалистского“ кон-

¹⁸⁷ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 244.

¹⁸⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 472; Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 425.

¹⁸⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 232.

¹⁹⁰ Lixandru N. Cum s-au născut Națiunile Unite. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7. P. 27.

¹⁹¹ Тегеранская конференция трёх союзных держав. С. 115, 116-117; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 447, 448, 450.

¹⁹² Советско-американские отношения. Т. 1. С. 455.

¹⁹³ См.: Мальков В.Л. Ф. Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире. Беседы в Белом доме 29 мая 1942 года. // ННИ, 2005, № 2. С. 81.

¹⁹⁴ Ibid. С. 85.

сенсуса сил... Это была своего рода революция в американской дипломатии»¹⁹⁵. Как бы в продолжение этой мысли, другой российский исследователь В.Л. Мальков отмечает: «Не только победить в войне, но и выиграть мир – в этом ключе строил свои размышления Рузвельт, планируя и осуществляя целую серию шагов, предваряющих принятие основополагающих документов и союзнических соглашений о создании гарантированной (на десятилетия вперёд) системы международной безопасности... Рузвельт вновь и вновь возвращался к генеральной идее нового мироустройства после войны, включая вопросы о безопасности в Европе и Азии, коллективной обороны против агрессора, деколонизации, территориального урегулирования и др.»¹⁹⁶.

Германский вопрос. Выдвигались различные планы в отношении Германии: от создания 5 государств и установления международного контроля над Руром и Сааром (Рузвельт), до её раздела на три государства и образования «Дунайской Федерации» с включением в неё южногерманских провинций и придунайских стран Европы (Черчилль)¹⁹⁷. По предложению Сталина вопрос был передан на изучение в Европейскую консультативную комиссию¹⁹⁸. В принципе, было согласовано решение о передаче Кёнигсберга Советскому Союзу¹⁹⁹.

Как пишет Черчилль, во время обеда у Сталина произошёл интересный обмен мнениями между союзниками по вопросу о судьбе германского Генерального штаба. Сталин предложил его ликвидировать, расстрелять примерно 50 тыс. его специалистов, и тогда военная мощь Германии будет уничтожена на корню. Черчилль возразил, заявив: «Я предпочёл бы, чтобы меня тут же вывели в этот сад и самого расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь своей страны подобным позором».

Здесь вмешался президент*, внесший «компромиссное» предложение: «Надо расстрелять не 50 тысяч, а только 49 тысяч человек». «Этим он, несомненно, – вспоминает Черчилль, – рассчитывал свести всё к шутке. Иден тоже делал мне знаки и жесты, чтобы успокоить меня и показать, что это шутка. Однако в этот момент Эллиот Рузвельт поднялся со своего места в конце стола и произнёс речь, в которой выразил свое полное согласие с планом маршала Сталина и свою полную уверенность в том, что американская армия поддержит его. Здесь я не выдержал, встал из-за стола и ушёл в соседнюю комнату, где царил полумрак. Я не пробыл там и минуты, как почувствовал, что кто-то хлопнул меня сзади руками по плечам. Это были Сталин и Молотов; оба они широко улыбались и с живостью заявили, что они просто шутили... Я согласился вернуться к столу, и остальная часть вечера прошла очень приятно»²⁰⁰.

Польский вопрос. Главы трёх правительств рассмотрели вопрос о Польше. «Сталин сказал, что границы Польши должны простираться до Одера и что русские помогут полякам установить их границу так далеко на западе, но он ничего определённого не сказал о восточных границах Польши»²⁰¹. Рузвельт на это заметил, что он «согласен с маршалом Сталиным в том, что мы должны восстановить польское государство, и лично я не имею возражений, чтобы границы Польши были передвинуты с востока на запад – вплоть до Одера»²⁰². Черчилль также «считал, что Польша может продвинуться на запад... Если Польша наступит при этом кое-где на ногу Германии, то ничего не поделаешь, но сильная Польша необходима. Польша является инструментом, необходимым для европейского оркестра». Иден «сказал, что то, что Польша потеряет на востоке, она может получить на западе»²⁰³.

«Правительство его величества, – заявил британский премьер, – а я выступаю только от его имени, хотело бы получить возможность заявить полякам, что этот план – хороший и даже самый лучший из всех, на который они могут рассчитывать... Чего мы хотим, так это сильной и независимой Польши, дружественной к России». Он продолжил, что «германские земли гораздо ценнее Пинских болот. Это развитые в промышленном отношении районы... Мы хотели бы иметь возможность сказать полякам, что русские правы». Черчилль добавил, что скажет «полякам... что если бы не Красная Армия, они были бы полностью уничтожены... Им дано прекрасное место для существования – территория протяжённостью более 300 миль в любой конец». Обращаясь к Сталину, Черчилль добавил, что между союзни-

¹⁹⁵ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990 (<http://fb2.booksgid.com/content/99/anatoliy-utkin-diplomatiya-franklina-ruzvelta/38.html>).

¹⁹⁶ Мальков В.Л. Ф. Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире. Беседы в Белом доме 29 мая 1942 года. // ННИ, 2005, № 2. С. 79, 80.

¹⁹⁷ Тегеранская конференция трёх союзных держав. С. 165-166; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 203, 229, 230; Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 369; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 290-291.

¹⁹⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 492-493.

¹⁹⁹ Ibid. С. 488, 492-493; Тегеранская конференция трёх союзных держав. С. 167; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 454, 455; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 231.

* ФДР всё это время абсолютно откровенно заливался смехом, от чего Черчилль злился ещё больше.

²⁰⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 211-212; об этом эпизоде см. также: Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 418; Рузвельт Э. Его глазами. С. 190-192.

²⁰¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 475.

²⁰² Советско-американские отношения. Т. 1. С. 457.

²⁰³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 204.

ками нет принципиальных разногласий по данному вопросу²⁰⁴. Так была достигнута предварительная договорённость о том, что польские послевоенные границы должны пройти по «линии Керзона» на востоке и по реке Одер на западе.

Неформальная сторона работы конференции. Третий обед, 30 ноября, давал Черчилль по случаю своего 69-го дня рождения. «Это был памятный день в моей жизни, – писал он. – Справа от меня сидел президент Соединённых Штатов, слева – хозяин России. Вместе мы фактически контролировали все флоты и три четверти всей авиации в мире и управляли армиями примерно в 20 миллионов человек... Когда наступило время, я предложил тост за здоровье наших знаменитых гостей, а президент предложил тост за моё здоровье и пожелал мне много лет здравствовать. После него выступил Сталин в таком же духе...

Гопкинс сказал, что он „очень долго изучал английскую конституцию, которая не зафиксирована на бумаге, и деятельность военного кабинета, полномочия и состав которого нигде конкретно не определены”. В результате этого изучения, сказал он, „я убедился, что статьи британской конституции и полномочия военного кабинета означают именно то, что Уинстон Черчилль хочет, чтобы они означали в каждый данный момент”. Это вызвало общий смех... Я чувствовал, что мы достигли такой солидарности и такого настоящего товарищества, каких никогда прежде не достигали в этом великом союзе»²⁰⁵.

Значение Тегеранской встречи «большой тройки». Тегеранская конференция имела огромное значение для продолжения дальнейшей борьбы и организации послевоенного мира. Она продемонстрировала единство великих антифашистских держав и их непреклонную волю полностью разгромить нацизм. Как говорится в «Декларации трёх держав», «никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим...»²⁰⁶ «Решение об открытии второго фронта затмило все другие результаты, достигнутые на Тегеранской конференции, – писал адмирал Леги, – но эта встреча „большой тройки” имела важное значение для других крупных проблем, которые обсуждались, как правило, в благожелательном духе, даже если по некоторым из них и не удалось достичь согласия»²⁰⁷.

«Читая эти нарочито сухие и осторожные отчёты, – пишет Р. Шервуд о заседаниях этой выдающейся конференции, – нельзя не почувствовать, что здесь заседали титаны, определившие будущее всей планеты. Это действительно была Большая тройка. Черчилль употребил всё своё ораторское искусство, блестящие обороты речи, мастером которых он был; Сталин с полным безразличием ко всем уловкам и увёрткам своего опытного противника рубил с плеча, в то время как Рузвельт сидел посередине как общепризнанный посредник, арбитр и окончательный авторитет. Его выступления в переговорах были не особенно частыми и иногда явно не относящимися к делу, но, как это было видно и в Тегеране, и в Ялте, последнее слово принадлежало всегда только ему»²⁰⁸.

В целом американское руководство вполне объективно оценивало изменения в международной обстановке и реалистично смотрело на перспективы сотрудничества с СССР²⁰⁹. В этой связи Хэлл отмечал: «Президент Рузвельт и я одинаково смотрели на Россию. Мы оба понимали, что дорога наших взаимоотношений не будет усыпана розами, но мы также считали, что сможем сработать с Россией. Насколько я помню, между нами не было разногласий по поводу главного вопроса – что мы можем и должны ладить с Советским правительством»²¹⁰. По существу, и позиция А. Идена не отличалась от американской в данном вопросе. Так, уже после высадки союзных войск в Нормандии, он размышлял по поводу письма английского представителя при Временном правительстве Франции Д. Куппера, датированного 25 июля 1944 г.: «Западный блок был бы бедствием, если был бы направлен против России и был бы приемлем, если бы создавался Великобританией и Россией для защиты Европы от новой германской агрессии»²¹¹.

²⁰⁴ Ibid. С. 225, 226.

²⁰⁵ Ibid. С. 218-220, 221.

²⁰⁶ Тегеранская конференция трёх союзных держав. С. 175; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 508-509; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 460.

²⁰⁷ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 421.

²⁰⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 485.

²⁰⁹ Российский исследователь Валерий Юнгблюд пишет в связи с этим: «Когда Сталин в Тегеране заговорил с Рузвельтом и Черчиллем без большевистского пафоса на языке практически мыслящего политика, его собеседники испытали облегчение. „Я прекрасно взаимодействовал со Сталиным”, – скажет Рузвельт по возвращении в Вашингтон. Куда более подозрительный Трумэн почти дословно повторил эти слова в Потсдаме». // Юнгблюд В.Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: ЭПИ, 1998, № 6. С. 76.

²¹⁰ Цит. по: Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 171.

²¹¹ Цит. по: Царёв О.И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941-1945 гг.). // ННИ, 1998, № 1. С. 97-99.

5. Между Тегераном и Ялтой

Обсуждение вопроса о создании всемирной организации по поддержанию мира. В соответствии с решением Московской конференции об учреждении международной организации по поддержанию мира, с 21 августа по 28 сентября 1944 г. происходили переговоры между представителями СССР, США и Великобритании в *Думбартон-Оксе* – усадьбе, расположенной в предместье Вашингтона. Здесь были выработаны принципы деятельности, структура, полномочия будущей ООН. Участники не пришли к единому мнению лишь по вопросу о процедуре голосования в Совете Безопасности²¹².

Октябрьская, 1944 г., поездка У. Черчилля в Москву²¹³. Великолепные советские победы сильно волновали некоторые круги Запада, в частности, Черчилля. «На этом последнем этапе войны премьер-министр, возможно, был встревожен стремительным продвижением русских, особенно в направлении Юго-Восточной Европы, – писал Шервуд. – В результате прорыва линии Витебск – Могилёв Красная Армия оказалась в Польше, Литве и у самой границы Восточной Пруссии. Русские войска уже вступили в Румынию, достигли восточной оконечности Чехословакии, и казалось, что нет такой силы, которая могла остановить их дальнейшее продвижение к Дунаю и через Болгарию и Югославию к границам Греции и Турции»²¹⁴.

В этих условиях, в октябре 1944 г. в Москву прибыл британский премьер У. Черчилль, который обсудил со Сталиным различные вопросы продолжения войны. Одновременно, в неформальной обстановке, Юго-Восточная Европа, по мнению некоторых исследователей, была условно поделена на зоны влияния между СССР и Великобританией. Мобильность Черчилля послужила поводом следующей шутке Сталина во время одного из приёмов, состоявшихся в период московской встречи с премьер-министром. Когда кто-то сравнил «большую тройку» со святой троицей, он сказал: «Если это так, то тогда Черчилль должен быть святым духом. Он летает слишком много»²¹⁵.

Вот что пишет сам У. Черчилль о переговорах со Сталиным в Москве в октябре 1944 г.: «Создалась деловая атмосфера, и я заявил: „Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы... Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90% в Румынии, на то, чтобы мы занимали преобладающее положение на 90% в Греции и пополам в Югославии?“ Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал... Я передал список Сталину... Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать...

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: „Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжём эту бумажку“. „Нет, оставьте её себе, – сказал Сталин“»²¹⁶.

Англо-советские переговоры оказались весьма полезными. Однако, как описал происходившее сам Черчилль, никакого соглашения, тем более формального, по вопросу о «разделе Балкан» не было²¹⁷. За несколько дней были решены многие вопросы, связанные с заключением перемирия со многими бывшими гитлеровскими сателлитами, согласованы военные планы, откровенно высказаны точки зрения по многим международным проблемам.

²¹² См. Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 298-309.

²¹³ Ржешевский О.А. Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // ННИ, 2003, № 5, 6; Loghin L. Mari conferințe internaționale. P. 394-403; Petrencu A. Istorie universală. P. 43; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 396; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 518-521.

²¹⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 508.

²¹⁵ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 316.

²¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 448-449; см. также: Ржешевский О.А. Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // ННИ, 2003, № 5. С. 111-112; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 479; Киссинджер Г. Дипломатия. С. 371; Constantiniu Fl. Acordul de procentaj, nouă ani mai târziu. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 1; Constantiniu Fl. Acordul de procentaj și Ialta. (O lămurire pentru dl. Gabriel Andreescu). // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 9. P. 2.

²¹⁷ Присутствовавший на переговорах американский посол А. Гарриман впоследствии писал об этом: «Я не понимаю сейчас и вряд ли понимал тогда, что именно хотел достичь Черчилль путём этих процентов. Мне известно, что он хотел получить свободу рук в Греции с помощью Соединённых Штатов и стремился заполучить долю влияния на формирование нового югославского правительства». // См.: Бережков В.М. Путь к Потсдаму. М., 1979. С. 110.

А российские историки Т. Исламов и Т. Покивайлова отмечают в этой связи, что «при решении государственной важности внешнеполитических вопросов ни этнический, ни исторический факторы во внимание не принимались, а господствовал лишь политический прагматизм в чистейшем виде». // Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 13.

6. Сотрудничество с французскими патриотами в антифашистской войне

Начало Движения Сопротивления во Франции. «Политические партии (кроме коммунистической и до некоторой степени социалистической) долго не подавали признаков жизни во времена Сопротивления... Можно сказать, что в общем всё правое крыло и центр твёрдо шли за Виши, и Сопротивление в той степени, в какой его вообще поддерживали какие-либо партии, получало поддержку главным образом со стороны левых элементов, хотя и не исключительно от них. Если правые элементы принимали участие в Сопротивлении, то большей частью независимо от каких-либо партий, в силу той или иной старой националистической традиции...

Что касается „классических правых“, то все парламентские правые партии поддерживали Петэна. Они были напуганы законами, принятыми при правительстве Народного фронта в 1936-1937 годах, и режим Виши казался им настолько близким к идеалу, насколько можно было себе представить... Крупная буржуазия была в основном индифферентна, если не просто враждебна Сопротивлению с сопро-вождавшими его разговорами о революции и „новом курсе“. В некотором смысле Сопротивление от-вечало традициям 1792 года и Коммуны; но „версальцы“ сидели тихо, выжидали и собирали силы»²¹⁸.

Сопротивление во Франции было на первых порах слабым и раздробленным²¹⁹. Значительная его часть не желала признавать де Голля своим лидером. Генерал видел в Сопротивлении прежде всего фактор военного и международного значения и считал Лондонский комитет, в первую очередь, орга-ном верховной власти, служащим для доказательства «присутствия Франции» на стороне союзников. С другой стороны, Сопротивление внутри Франции считало свою борьбу не только национально-освобо-дительной, но и социальной. В течение долгого времени де Голль, бывший сам правым и окружённый правыми, избегал давать какие-либо обязательства относительно «восстановления республики» и глав-ной своей задачей ставил «национальное освобождение».

Но постепенно была установлена связь со всеми участниками Сопротивления внутри страны. Шарль де Голль объявил, что во Франции будут восстановлены «прежние свободы» и что Франция «готовится к революции»²²⁰. В результате сближения позиций всех патриотических сил уже летом 1942 г. в дегол-левский Национальный комитет в качестве комиссара по внутренним делам вошёл известный социа-лист Андре Филипп. Затем от своей партии в этот комитет вошёл коммунист Фернан Гренье, и были ус-тановлены связи с видным коммунистическим лидером внутреннего сопротивления Эммануэлем д'Ас-тье де ла Вижери и другими левыми участниками Сопротивления²²¹. Это была прелюдия к созданию последующего Алжирского комитета, в котором были представлены все силы Сопротивления, включая коммунистов²²². Говоря о роли последних в Движении Сопротивления, де Голль отмечал: «Эта партия, не считаясь с жертвами, принимает участие в Движении Сопротивления, напоминает о бедах, пережи-ваемых Францией, и о народном горе, стараясь слить национальное восстание и социальную револю-цию в единую освободительную силу, и претендует на ореол спасителя общества»²²³.

«Соперничество, подозрения и недомолвки, возникавшие всюду, сплелись в такой клубок, который почти невозможно было распутать. Замечательная заслуга таких людей, как Жан Мулен, и некоторых других состоит в том, что им, в конце концов, удалось не только до некоторой степени объединить Движение Сопротивления, но и добиться достаточного „взаимного признания“ между Движением Сопротивления и свободными французами за границей, что было выгодно тем и другим в политичес-ком и международном отношении»²²⁴.

²¹⁸ Верт А. Франция. С. 153, 154, 171.

²¹⁹ О его начальном этапе см.: Черкасов П.П. Возникновение Сопротивления во Франции и ФКП (22 июня 1940 г. – 22 июня 1941 г.) // ННИ, 1990, № 4.

²²⁰ Молчанов Н. Генерал де Голль. С. 185.

²²¹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 301; Голль Ш. Военные мемуары. Единство. 1942-1944 годы. М., 1960. С. 51.

Подробнее о истории Движения Сопротивления, о роли коммунистов в нём, и о их сотрудничестве с гол-листами см.: Астье Э. Боги и люди. 1943 – 1944. М., 1962; Гренье Ф. Герои Шатобриана. М., 1962; Гренье Ф. Вот как это было. М., 1960; Тийон Ш. Французские партизаны и франтиреры в борьбе против немецко-фа-шистских оккупантов. М., 1963; Торез М. Избранные произведения. М., 1959; Дюкло Ж. Мемуары. М., 1985; Колосков И.А., Цырульников Н.Г. Народ Франции в борьбе против фашизма. Из истории освободительного движения во Франции в 1939 – 1944 гг. М., 1960; Ибрашев Ж.У. Политическая концепция де Голля. Алма-Ата, 1976; Годунов Н.И. Борьба французского народа против гитлеровских оккупантов и их сообщников (1940-1944). М., 1953; Смирнов В.П. Франция во время второй мировой войны. М., 1961; Смирнов В.П. Дви-жение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974; Киссельгоф И.С. История Фран-ции в годы второй мировой войны. М., 1975 и др.

²²² Верт А. Франция. С. 145; Молчанов Н. Генерал де Голль. С. 183-186, 206.

²²³ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 8.

* Жан Мулен, признанный лидер внутреннего Сопротивления, национальный герой французского народа, бывший префект, арестованный и подвергнутый пыткам гестаповцами, принявший мученическую смерть, но никого не выдавший.

²²⁴ Верт А. Франция. С. 157.

Некоторые оценки Движения Сопротивления в послевоенной историографии. Кое-кто из битых немецких генералов, в попытке обелить германскую антигуманную политику на оккупированных территориях и клеветая на Движение Сопротивления, писали: «Эта политика (т.е. движение народов за свободу, поддержанное союзниками – С.Н.) придала войне новые формы, всё более отдалявшиеся от норм существующего международного права и именно поэтому вынуждавшие немцев принять жёсткие контрмеры»²²⁵. Таким образом, всё ставится с ног на голову – не фашисты творили страшные преступления, а поднявшиеся на борьбу против поработителей и насильников народы нарушили «нормы существующего международного права»! Верх цинизма!

Однако находятся и сегодня подобные, «объективные и непредвзятые»* личности, оправдывающие преступления фашистов, называя борцов антифашистского Сопротивления террористами и нарушителями норм международного права и правил ведения войны. Выше мы уже отмечали, что Петренко в своих «исторических трудах» молчаливо одобряет фашистские лозунги²²⁶, партизан квалифицирует не иначе как террористами²²⁷, национальные меньшинства – «пятой колонной»²²⁸, а «режим Антонеску, являлся современной диктатурой, толерантной по отношению к демократической оппозиции»²²⁹.

Другой «честный историк», а на деле апологет румынского фашизма, О. Веренка пишет о нацистских палачах, в частности, о губернаторе Транснистрии изверге Александру как о «блестящем представителе» «румынского рода», восхваляя его «необыкновенную работоспособность, выдающиеся организаторские и административные способности, человеческую доброту и благородство в отношении местного населения». Он восхваляет его политику на оккупированных территориях и «отношение к местному населению»²³⁰. В «человечности и благородстве» этого сатрапа читатель успел «убедиться», узнав, что на подмандатных ему территориях были бесчеловечно истреблены сотни тысяч мирных граждан.

Делаются попытки оправдать истребление десятков тысяч мирных жителей Одессы. Так, А.М. Стоенеску утверждает, что «приказ произвести репрессии» был отдан палачом И. Антонеску «в соответствии с правилами ведения войны»²³¹ и «международными конвенциями»²³², поэтому массовые преступления против гражданского населения были совершены румынскими «освободителями» города в соответствии с нормами международного права²³³ и были направлены против «террористов» и «саботажников»²³⁴. Мы также писали о том, что Г. Бузату, один из ведущих румынских историков националистического направления, полностью снимает с оккупационных фашистских властей во главе с «национальным героем и мучеником» И. Антонеску ответственность за совершённые против беззащитного мирного населения массовые преступления и пытается доказать, что их действия имели «освободительный» характер, а основную ответственность за геноцид пытается переложить на венгров и немцев. Более того, маститый историк пытается убедить читателей в том, что Холокост был развязан евреями и коммунистами против румынского народа²³⁵.

Отношения Сражающейся Франции[†] с англосаксонскими странами. Выше мы уже говорили о постепенном международном признании Свободной Франции, начиная с 1940 г. Естественно, на этом пути было много трудностей. В этой связи Шарль де Голль пишет, что «в то время как, шаг за шагом и не без труда, мы добивались дипломатического сближения между Вашингтоном и Свободной Францией, с Москвой нам удалось завязать союзнические отношения сразу»²³⁶. Руководитель свободных французов так объясняет выгоды советско-французского сближения с позиций самих французов: «Участие России создавало возможности для победы. К тому же, её присутствие в лагере союзников означало, с точки зрения Сражающейся Франции, некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам, и я имел в виду воспользоваться этим обстоятельством»²³⁷.

²²⁵ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 346.

* Именно так именует себя г-н Петренко А.М. во вступлении многих своих работ.

²²⁶ Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 59, 63; Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 92.

²²⁷ Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 49, 70; Petrencu A. Basarabia în al doilea război. P. 98, 99.

²²⁸ Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. P. 60.

²²⁹ Ibid. P. 395; Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. P. 31.

²³⁰ Verenca O. Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944. P. 165-166.

²³¹ Stoienescu A.M. Armata, mareșalul și evreii. P. 348.

²³² Ibid. P. 353.

²³³ Ibid. P. 380.

²³⁴ Ibid. P. 382.

²³⁵ См.: Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. P. 148, 153, 158-159; Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. P. 211, 212, 229, 239-332; Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX. P. 381, 405, 407, 422, 425, 439; Buzatu Gh. Așa a început holocaustul împotriva poporului român. P. 15, 24, 29, 38 и др.

[†] Примечание научного редактора: Наименование Свободной Франции с весны 1942 года.

²³⁶ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 251.

²³⁷ Ibid. С. 252.

28 сентября 1942 г. Москва заявила, что Советский Союз признаёт Сражающуюся Францию как «совокупность французских граждан и территорий», а Национальный комитет – «руководящим органом Сражающейся Франции и единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий»²³⁸.

Однако, как признавал де Голль, «несмотря на усилия, направленные Свободной Францией в деле установления связей с Вашингтоном и Москвой, центром её деятельности по-прежнему оставался Лондон». Хотя при этом он всегда знал, что Черчилль «в глубине души не мог решиться на то, чтобы Свободная Франция стала самостоятельной»²³⁹. Де Голль объяснял такое положение вещей стремлением английского премьера сохранить приоритетность для Великобритании её отношений с США. «Черчилль раз и навсегда решил придерживаться такой линии поведения, которая диктовалась жизненно важной необходимостью союза с Америкой. Поэтому он остерегался занимать по отношению к Свободной Франции позицию, которая шла вразрез с позицией Белого дома. И поскольку Рузвельт относился к генералу де Голлю недоверчиво, Черчилль со своей стороны был вынужден проявлять сдержанность»²⁴⁰.

В качестве примера, подтверждающего вышеизложенное, генерал приводит эпизод одной из своих бесед с британским премьером в июне 1942 г. Де Голль выразил Черчиллю упрек по поводу некоторых недопустимых методов, применяемых англичанами в отношении французов. Черчилль отклонил это, энергично вскочил и заявил: «Я друг Франции! Я всегда хотел и сейчас желаю, чтобы Франция была великой страной». Ш. де Голль согласился с ним и высказал мысль о том, что Черчиллю следует и в дальнейшем «делать ставку на Францию. Эта французская карта называется ныне де Голль, и смотрите, не проиграйте её теперь». Затем они заговорили о Рузвельте. «Ничего не форсируйте! – сказал Черчилль. – Смотрите, как я: то склоняюсь, то снова выпрямляюсь». «Вам это можно, – заметил де Голль. – Ведь вы опираетесь на крепкое государство, сплочённую нацию, единую империю, сильные армии. А я! Что у меня есть? И всё же, вы это знаете, я обязан заботиться об интересах и будущем Франции. Это слишком тяжёлое бремя, и я слишком беден, чтобы позволить себе сгибаться»²⁴¹.

Ещё более критичным в годы войны было отношение де Голля к политике Соединённых Штатов и президента Рузвельта²⁴². Мы без комментариев воспроизведём фрагмент из его мемуаров: «Соединённые Штаты, восхищаясь своим собственным богатством... горя желанием помочь сырым и угнетённым в любом уголке земного шара, – поддались склонности к вмешательству, под внешней оболочкой которого скрывалось инстинктивное желание господствовать... Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира... Таким образом, то обстоятельство, что в самый разгар борьбы Франция могла воспрянуть... в качестве суверенной и независимой нации, противоречило его намерениям. Политически он отнюдь не испытывал ко мне склонности»²⁴³.

Почти один к одному вышеизложенную идею де Голля поддержал и представитель Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в Москве Гарро: «Американцы опасаются, что французский народ займёт крайне левую и независимую позицию после освобождения и Америка лишится базы для проведения во Франции и в её колониях политики, обеспечивающей американские интересы»²⁴⁴. Правда, здесь следует учитывать ещё один момент: дело в том, что после крушения Франции, вслед за заботой о продолжении английского сопротивления, американцев волновала дальнейшая судьба Французской Северо-Западной Африки. Ни один пункт на карте мира не приковывал к себе так сильно взоры американских военных и политических деятелей, как Дакар. В значительной степени именно этим и объясняется заигрывание США с Виши, из-за боязни установления германского контроля над западным побережьем Африки.

Англо-американцы и свободные французы в Алжире. Именно Дакар являлся тем трамплином, откуда Гитлер, как считали в Вашингтоне, мог бы легко захватить острова в Атлантике, а затем совершить нападение на Южную Америку и поставить под угрозу коммуникации через Панамский канал²⁴⁵. В определённой степени это объясняет тот факт, почему в конце 1942 г. американцы нанесли свой главный удар в Северной Африке.

²³⁸ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 48.

²³⁹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 257, 259.

²⁴⁰ Ibid. С. 260; см. также Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 648. Кн. 3. С. 101.

²⁴¹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 270-271.

²⁴² См.: Борисов Ю.В. Де Голль и США: 40 – 60-е годы XX века. // ННИ, 2008, № 1.

²⁴³ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 96.

²⁴⁴ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. М., 1959, 272.

²⁴⁵ Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне. С. 52-53; Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 11.

Уже начиная с 1940 г., в Германии разрабатываются планы вторжения в Америку. 11 июля адмирал Э. Редер представил Гитлеру доклад об особом значении Дакара для операций в Атлантике, и уже 16 июля фюрер распорядился подготовить операцию «Феликс» по захвату Западной Африки, Азорских и Канарских остро-

В то же время подход к решению французских проблем в Лондоне был, в целом, более гибким и осторожным, нежели в Вашингтоне. В значительной мере это объяснялось тем, что Англия, являясь европейской державой, исторически была связана с Францией и континентом. Роль и место Франции в английской внешней политике были всегда значительно больше, чем в американской. В английских схемах послевоенных блоков Франция составляла один из главных элементов²⁴⁶. Так, например, глава Форин Оффис в меморандуме от 12 июня 1943 г. доказывал, что договор Англии с СССР, обеспечивающий задачи «сдерживания» Германии на Востоке Европы, должен быть сбалансирован соглашением с сильной Францией на Западе. Англии, писал Иден, в европейских делах придётся, возможно, сотрудничать с Францией более тесно, чем даже с Соединёнными Штатами. И хотя английская политика в отношении Франции будет согласовываться с Вашингтоном, «существуют границы, дальше которых мы не должны допустить, чтобы наша политика определялась их политикой»²⁴⁷.

Но в условиях всё более усиливающегося американского доминирования в рамках западного альянса, Шарль де Голль не был предложен союзниками в качестве руководителя всех воюющих против фашистов в Северной Африке французам. Формальным оправданием данного шага считалось его неповиновение в 1940 г. Петэну и дальнейшее участие в мерах, предпринятых Черчиллем против Дакара, Сирии и Мадагаскара. Присутствовало опасение, что это вызовет негативную реакцию французских офицеров, готовых перейти на сторону союзников. Этот довод признал Рузвельт, питавший глубокое недоверие к де Голлю, и которому не нравилось его высокомерие²⁴⁸. По этому поводу сам де Голль писал: «В этих условиях нам трудно было договориться с Вашингтоном. К тому же, и личное отношение Рузвельта осложняло дело... Я мог по многим признакам догадаться, что он относится ко мне весьма сдержанно»²⁴⁹. Поэтому американцы выдвинули кандидатуру бежавшего из немецкого плена ген. Жиро²⁵⁰.

Однако, самой влиятельной фигурой для французских военных в Северной Африке был перешедший на сторону американцев адмирал Дарлан, являвшийся с февраля 1941 г. по апрель 1942 г. главой вишистского правительства и активно сотрудничавший с немцами²⁵¹. В этих условиях 13 ноября было достигнуто соглашение, по которому Дарлан назначался верховным комиссаром и командующим ВМС, а Жиро – командующим сухопутными и военно-воздушными силами²⁵². 23 ноября, принимая у себя двух видных голлистов А. Филипа и Тиксье, Рузвельт, раздосадованный их упреками, крикнул: «Конечно, я договорился с Дарланом, раз Дарлан дал мне Алжир! Завтра я вступлю в переговоры с Лавалем[†], если Лаваль даст мне Париж!»²⁵³. Рузвельта полностью поддержал и Сталин. В письме, послан-

---

нов, как базы для нападения на США. Её началом должен был стать захват Гибралтара. Однако 8 декабря Франко заявил, что Испания отказывается от операции, поэтому 12 декабря она была перенесена на период после «Барбароссы». // Френкель М.Ю. Планы вторжения германской армии в Америку в 1940-1942 гг. // США: ЭПИ, 1993, № 12. С. 73, 74, 75.

Осознавая, что из Северо-Западной Африки немцы способны достигнуть Латинской Америки, американские генералы даже планировали высадку своих войск на северо-западе Чёрного континента уже к концу 1941 г. 21 декабря 1941 г. Ф. Рузвельт утвердил эти планы. // Ibid. С. 77, 78.

²⁴⁶ См. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 649.

²⁴⁷ Цит. по: Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 39.

²⁴⁸ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 306.

²⁴⁹ Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. С. 238.

²⁵⁰ Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны. 1939 – 1945: Из истории взаимоотношений. М., 1974. С. 181-182, 193; Смирнов В.П. Де Голль и Жиро. // ННИ, 1982, № 1-2.

Правда, по свидетельству Эллиота Рузвельта, президент считал его неспособным человеком: «Он нуль как администратор и будет нулём как вождь!» // Рузвельт Э. Его глазами. С. 103.

²⁵¹ Символом французского коллаборационизма традиционно считается Пьер Лаваль, однако Дарлан сотрудничал с немцами намного теснее, чем Лаваль и Петэн. Как-то один высокопоставленный нацистский деятель заметил по этому поводу: «Когда мы просим у Лавалья цыплёнка, то получаем яйцо; когда же мы просим яйцо у Дарлана, то получаем цыплёнка». Известный английский журналист и знаток Франции Александр Верт отмечает, что именно в период, когда Дарлан был главой вишистского правительства, проводилась самая прогерманская политика за весь период оккупации страны. «Перейдя в ноябре 1942 года на сторону американцев, – продолжает Верт, – Дарлан руководствовался классовым чувством, а также англофобией и русофобией. К этому времени развитие военных событий обернулось против Германии, и он полагал, что лишь с помощью американцев можно не только добиться сохранения режима Виши, но и расстроить планы англичан и покровительствуемого ими де Голля, а также Соппротивления, которое казалось Дарлану чудовищем, порождённым дьявольским союзом голлизма и коммунизма». Верт также считает, что переход Дарлана к американцам связан и «с неблагодарностью и презрительным отношением к нему немцев... Он поступил так не потому, что был принципиальным противником немцев. Наоборот, всё сходится на том, что он был необычайно польщён тем, что его принял Гитлер». // Верт А. Франция. С. 99-100, 107.

²⁵² Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. С. 317; Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны. С. 194-195.

[†] Примечание научного редактора: Пьер Лаваль в то время являлся главой вишистского правительства.

²⁵³ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 60.

ном Черчиллю через несколько недель после этих событий, он писал: «Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и чёрта с его бабушкой»²⁵⁴.

Но сделка с Дарланом, которого пресса представляла как активного пронациста, вызвала возмущение общественности в Англии и Америке²⁵⁵. Суть этих протестов можно свести к следующему: «Если мы заключаем соглашение с Дарланом на французской территории, то, вероятно, мы заключим соглашение и с Герингом в Германии или Мацуокой в Японии»²⁵⁶. Естественно, данная сделка спровоцировала протестную реакцию и со стороны голлистов²⁵⁷. К счастью для всех, за исключением самого Дарлана, он был убит молодым фанатиком роялистом²⁵⁸. Это помогло союзникам разрешить щекотливую политическую проблему и, в конечном итоге, расчистило путь де Голлю. «Убийство Дарлана, – писал У. Черчилль, – каким бы преступным оно ни было, избавило союзников [от необходимости] сотрудничать с ним и в то же время сохранило все преимущества, которые он сумел создать в решающие часы высадки союзников»²⁵⁹. Верховным комиссаром вместо Дарлана становится Жиро.

27 ноября 1942 г. немцы попытались захватить французский флот, базировавшийся в Тулоне, и, чтобы не допустить этого, французские моряки затопили его²⁶⁰. Это, конечно, вызвало у союзников чувство облегчения, т.к. исчезла опасность использования французских кораблей против них.

Назначенный вместо Дарлана, генерал Жиро, как ставленник США, не пользовался поддержкой борющихся с фашизмом французских патриотов. Между ним и Ш. де Голлем развернулась острая борьба за руководство французскими силами, ведущими войну с Германией, и за будущий статус Франции. Жиро выступал за полное подчинение этих сил американцам, а де Голль – за их абсолютную независимость²⁶¹. Де Голль видел Францию не просто освобождённой от нацистской оккупации, он не допускал ни малейшей её зависимости от любой другой страны и после Освобождения. Он стремился воссоздать её как великую державу с мировой ответственностью.

Суть противостояния де Голля с Жиро и англо-американскими покровителями последнего была рельефно отражена в мемуарах генерала. «Нам снова предлагалось образовать в Алжире лишь „совет заморских территорий“, где заседали бы Жиро, де Голль... Упомянутый совет не должен был обладать никакой политической дееспособностью. Ему отводилась роль административно-координирующего центра, а никак не национального руководства... В отсутствие реальной французской власти основные вопросы решались бы по усмотрению военачальника, находящегося в подчинении у иностранного генерала. Эта странная система должна была существовать вплоть до конца войны... Короче, если судить по подписанному генералом Жиро меморандуму, всё происходило так, будто Франции как государства не существует, во всяком случае, до победы над врагом. Именно таким был тезис Рузвельта»²⁶².

Однако в течение первой половины 1943 г. противоречия между голлистами и их оппонентами были в принципе преодолены, и среди французов возобладала точка зрения де Голля. 3 июня в Алжире собралась «семёрка» – четверо голлистов и три ведущих сторонника Жиро, включая его самого, – и был учреждён Французский комитет национального освобождения (ФКНО) во главе с двумя сопредседателями: де Голлем и Жиро. Было объявлено, что «Комитет является центральной французской властью... Он руководит военными усилиями французов во всех их формах и повсюду... Он осуществляет французский суверенитет»²⁶³.

Но при этом, отмечает де Голль, «союзники испытывали неполное удовлетворение. Установление в Северной Африке центральной французской власти, взявшей на себя функции правительства, провозгласившей французский суверенитет..., находилось в вопиющем противоречии с позицией, занятой Рузвельтом и его министрами»²⁶⁴. А с 31 июля во главе ФКНО, выполнявшего роль правительства, фактически единолично становится Шарль де Голль. Роль Жиро в большей степени становилась формальной. А в октябре это положение вещей было узаконено²⁶⁵.

²⁵⁴ Советско-английские отношения. Т. 2. С. 318; Переписка Председателя Совета Министров. Т. 1. С. 95.

²⁵⁵ Верт А. Франция. С. 108; Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны. С. 196; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 361.

²⁵⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 294.

²⁵⁷ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 78-82; Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны. С. 198-200.

²⁵⁸ Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны. С. 212-213.

²⁵⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 584; см. также Верт А. Франция. С. 108.

²⁶⁰ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 61-62.

²⁶¹ Ibid. С. 93, 95, 96, 101, 103, 115, 116, 119-120, 121; Смирнов В.П. Де Голль и Жиро. // ННИ, 1982, № 1-2.

²⁶² Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 116.

²⁶³ Ibid. С. 127.

²⁶⁴ Ibid. С. 129.

²⁶⁵ Ibid. С. 156-157, 173.

Признание союзниками по антигитлеровской коалиции Ш. де Голля в качестве лидера Франции. Официальное признание Комитета Соединёнными Штатами, Великобританией и Советским Союзом произошло 26 августа 1943 г. Правда, пишет в своих воспоминаниях генерал де Голль, формулы признания, избранные тремя великими державами, глубоко отличались друг от друга. Вашингтон счёл нужным ограничиться самым сдержанным заявлением: «Комитет признаётся как орган, управляющий теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть». Лондон прибег к тем же выражениям, но добавил: «В глазах Великобритании Комитет является органом, способным обеспечить руководство французскими усилиями в войне». Москва, отмечает генерал, проявила настоящую широту. Для Советской России Комитет был представителем «государственных интересов Французской республики». Он являлся единственным «руководителем всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании». Пример «великих» был быстро подхвачен другими странами²⁶⁶.

В заключение данного вопроса, на примере франко-американских отношений, считаем необходимым вкратце рассмотреть вопрос о соотношении личного и государственного в политике. Конечно, личные отношения в политике занимают далеко не последнее место, но, определённо, не они играют главенствующую роль в отношениях между государственными деятелями разных стран. Это первенство, бесспорно, принадлежит государственным интересам, и здесь, в немалой степени, в отношениях между политическими лидерами имеет значение и их понимание этих интересов. И в этом смысле де Голль совершенно прав в своей характеристике причин «холодности» Рузвельта к нему.

Дело в том, что правящие круги США преследовали в отношении Франции не одни лишь освободительные цели. В не меньшей степени их волновало ослабление международных позиций французского государства, стремление установить своё влияние во французской колониальной империи и создать ряд военно-стратегических баз на территории французской сферы интересов. Стремление подчинить своему контролю европейскую политику Франции, её военно-морской флот и колониальную империю лежало в основе американской поддержки режима Виши, а затем адмирала Дарлана. Отсюда же вытекало и отрицательное отношение американского лидера к руководителю Сражающейся Франции генералу де Голлю, выступавшему активным поборником интересов Франции как великой мировой державы.

Более того, Рузвельт видел Францию после Освобождения управляемой военной администрацией союзников. В письме Черчиллю он писал: «Я склонен думать, что когда мы вступим во Францию, нам следует рассматривать это как военную оккупацию, проводимую английскими и американскими генералами... Верховная власть, общенациональное управление должно быть сосредоточено в руках английского или американского главнокомандующего, я думаю, что такое положение должно сохраниться в течение шести месяцев или даже года после вторжения во Францию»²⁶⁷. В письме Хэллу он подчёркивает ту же мысль: «Я всё более склоняюсь к мысли, что оккупация Франции должна быть чисто военной»²⁶⁸.

Во время войны американские правящие круги были против возрождения сильной Франции. Рузвельт в своих ранних наметках послевоенного устройства вообще исключал Францию из числа «большой четвёрки» великих держав, к которой относил лишь США, СССР, Англию и Китай. Так, об этом, например, он говорил 29 мая 1942 г. в беседе с Молотовым²⁶⁹. Более того, он ставил Францию в ряд «стран-агрессоров и соучастников агрессоров»²⁷⁰. Он рассматривал Францию как страну, которая лишь «в дальнейшем» сможет примкнуть к четырём державам²⁷¹. На Тегеранской конференции президент говорил Сталину о том, что Черчилль думает, что Франция полностью возродится и скоро станет великой державой. Но он, Рузвельт, не разделяет этого мнения. Он думает, что «пройдёт много лет, прежде чем это случится. Если французы думают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придётся много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой»²⁷².

В июле 1943 г. Иден сослался на американское нежелание иметь дело с сильной центральной властью во Французской империи: «По крайней мере, некоторая часть правящих кругов Вашингтона не верит в будущее Франции и просто не хочет, чтобы Франция вновь возродилась как великая имперская держава»²⁷³. Вспоминая о своих встречах с Черчиллем в начале 1944 г., де Голль писал: «Послушать Черчилля, так сразу стало бы ясно (если кто раньше этого не знал), что президент Соединённых Штатов и английский премьер-министр считают Францию своей вотчиной, где они могут распоряжаться как им угодно, а генералом де Голлем они недовольны главным образом из-за того, что он не хочет с этим мириться»²⁷⁴.

²⁶⁶ Ibid. С. 161.

²⁶⁷ Цит. по: Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 332.

²⁶⁸ Ibid. С. 379.

²⁶⁹ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 176-178.

²⁷⁰ Ibid. С. 176.

²⁷¹ Ibid. С. 177.

²⁷² Ibid. С. 445.

²⁷³ Цит. по: Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 37-38.

²⁷⁴ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 252.

Визит французского премьера в Москву. В контексте вышеизложенного де Голль* подчёркивал, что величие Франции может быть восстановлено и сохранено лишь при условии её тесного союза с СССР. Эти две страны, по мнению французского лидера, были обречены самим своим расположением к сотрудничеству. 2 декабря 1944 г. французская правительственная делегация во главе с руководителем Временного правительства прибыла в Москву. Во время переговоров он говорил, что «французы хотели бы обратить внимание на то, что союзные обязательства вступали в действие, когда это нужно, немедленно, а Англия – это такой союзник, с которым трудно иметь дело, который всегда и везде опаздывает. Англия имеет везде свои интересы и имеет трения с Францией и с Россией, трения, которые могут когда-нибудь осложнить положение и затруднить принятие Англией необходимых решений. Это факт. Между вами и нами нет нигде расхождений, и у нас одинаковые интересы по отношению к Германии. И Франция, и Россия находятся на европейской почве. Они заинтересованы в быстрое действующих и надёжных средствах безопасности»²⁷⁵.

В этой связи французская делегация сразу же поддержала позицию СССР в деле установления польско-германской границы²⁷⁶. В итоге франко-советских переговоров, 10 декабря был подписан договор о союзе и взаимной помощи между двумя странами на 20 лет²⁷⁷.

Визит оказался очень продуктивным, однако из-за нежелания французов признавать ПКНО он мог закончиться и ничем. Но когда французы согласились на обмен представителями между Люблином и Парижем, все барьеры на пути заключения полномасштабного франко-советского договора были сняты. В четыре часа утра де Голль прибыл в Кремль, и Договор о союзе и взаимной помощи был торжественно подписан. Ш. де Голль хотел пригласить Сталина во Францию, однако последний ответил: «Как это сделать? Ведь я уже стар. Скоро я умру»²⁷⁸.

Во Франции все политические силы одобрили заключение этого договора. Н. Молчанов приводит слова крупнейшего французского специалиста по внешней политике А. Гроссера, следующим образом охарактеризовавшего политику де Голля в конце 1944 г.: «Три основные причины привели к возобновлению союза с Москвой. В первую очередь, страх перед Германией... Затем здесь сказалось стремление утвердить свою независимость по отношению к англо-американцам. Наконец, соображения внутренней политики... Невозможно не видеть, что договор с Москвой был средством сохранить единство Франции для её восстановления»²⁷⁹.

Этот договор положил начало процессу возврата Франции статуса великой державы. Вскоре она получила зону оккупации в Германии, стала постоянным членом СБ ООН и наравне с СССР, США и Великобританией принимала безоговорочную капитуляцию Германии. Когда в зал, где состоялась эта историческая церемония, ввели представителей германской армии, фельдмаршал Кейтель, увидев за столом победителей французского генерала Делаттра, воскликнул: «Как? И французы тоже?»²⁸⁰.

7. Крымская конференция²⁸¹

Международное положение накануне Ялтинской встречи лидеров трёх великих держав. В начале 1945 г. весь периметр германских границ был блокирован союзниками. Как на Западе, так и на Востоке они обладали подавляющим превосходством над вооружёнными силами Германии, что делало поражение Гитлера абсолютно неизбежным и скорым. Однако не всех на Западе это радовало. Сокрушительные удары, которые Красная Армия наносила гитлеровскому вермахту, стремительно продвигаясь на Запад и освобождая страны Восточной Европы, сильно всполошили те круги, которые усматривали в укреплении роли СССР угрозу своему влиянию. Они считали, что настало время занять по отношению к Москве «жёсткую позицию».

Именно в таком духе составил свои рекомендации Рузвельту будущий идеолог «холодной войны» Дж. Кеннан накануне Ялтинской конференции: «Я вполне осознаю реальность этой войны, а также тот факт, что мы слишком слабы, чтобы выиграть её без сотрудничества России... Но наряду с этим я не вижу необходимости связывать нас с политической программой, столь враждебной интересам атланти-

* Сразу после освобождения Парижа в конце августа 1944 г. было образовано Временное правительство Франции во главе с Шарлем де Голлем.

²⁷⁵ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 197.

²⁷⁶ Ibid. С. 162.

²⁷⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы. М., 1959; Советско-французские отношения. Т. 2.

²⁷⁸ Молчанов Н. Генерал де Голль. С. 261-262.

²⁷⁹ Ibid. С. 262.

²⁸⁰ Ibid. С. 263.

²⁸¹ См.: Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945. С. 103-117; Рузвельт Э. Его глазами. С. 230-242; Petrencu A. Istorie universală. P. 46-48; Loghin L. Al doilea război mondial. P. 480-481; Loghin L. Mari conferințe internaționale. P. 404-403; Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 528-548.

ческого сообщества в целом, столь опасной для всего, что мы хотим сохранить в Европе». Далее Кеннан выдвигал следующую программу: 1. Планы учреждения ООН следует «похоронить как можно скорее», поскольку единственным практическим результатом её создания будет обязательство США защищать «раздутую и нездоровую русскую сферу влияния»... 3. Соединённым Штатам придётся «списать» Восточную и Юго-Восточную Европу, если они не будут обладать волей «идти до конца» и сопротивляться всеми физическими и дипломатическими ресурсами установлению русского влияния в этом районе. 4. США должны принять как свершившийся факт полный раздел Германии и начать консультации с англичанами и французами о создании западноевропейской федерации, включающей западные районы Германии²⁸².

И в продолжение этого он писал уже после войны в своих мемуарах: «Наше правительство, как и английское, стремилось склонить русских вступить в переговоры о создании [ООН]. На мой взгляд, такая политика была лишена истинной мудрости и даже, по-моему, достойна сожаления, поскольку усиливала впечатление, будто это нам нужны были сотрудничество и дружба советской стороны, будто мы почему-то не можем решать послевоенные проблемы без демонстрации нашему общественному мнению сотрудничества Большой тройки (Сталина, Рузвельта и Черчилля). Это могло только усилить позиции русских на переговорах и повысить уровень их требований. Но мои размышления не имели в ту пору особой ценности в глазах моих руководителей в Вашингтоне»²⁸³.

Реально это была программа раскола мира на два враждебных лагеря. Президент Рузвельт и его ближайшее окружение проигнорировали предложения Кеннана, продолжив курс на сотрудничество с СССР. Однако прошло всего лишь несколько месяцев, и данная программа оказалась востребованной. Правда, не следует думать, что линия Рузвельта в отношении СССР определялась лишь личными соображениями президента. Этот человек был великим реалистом, прекрасно понимавшим действительно складывающееся соотношение сил в послевоенном мире. И его поддерживали многие влиятельные круги Америки, в первую очередь, военные. Так, начальники штабов писали своему главнокомандующему:

«После разгрома Японии Соединённые Штаты и Советский Союз будут военными державами первой величины. Это является неизбежным следствием их географического положения и размеров территории, а также широких возможностей по обеспечению своих армий. Хотя Соединённые Штаты и смогут направить свои вооружённые силы в различные заморские районы, относительная сила и географическое положение этих двух держав несомненно помешают военному разгрому одной из этих держав другой, даже если эта держава и будет в союзе с Британской Империей»²⁸⁴.

Таблица 16. Соотношение сил на Восточном фронте накануне советского наступления 12 января 1945 г.

Силы и средства	Красная Армия	вермахт	соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	6000	3100	1,9:1
Орудия и миномёты	91400	28500	3,25:1
Танки	11000	4000	2,75:1
Боевые самолёты	14500	2000	7,25:1

Таблица 17. Соотношение сил на Западном фронте к началу февраля 1945 г.

Силы и средства	Союзные войска	вермахт	соотношение
Личный состав (тыс. чел.)	4859	1820	2,7:1
Орудия и миномёты	37000	30000	1,2:1
Танки	11300	2000	5,7:1
Боевые самолёты	11700	1000	11,7:1

Открытие конференции. В этих условиях, между 4 и 11 февраля 1945 г., в Крыму проходила конференция руководителей США, Англии и СССР – «большой тройки» – Рузвельта, Черчилля и Сталина. Президент и премьер-министр прибыли в Ялту в субботу 3 февраля^г. Прямо на аэродроме, вспоминал Стеттиниус, «русские установили три большие палатки, где стояли столы со стаканами горячего сладкого чая с лимоном, бутылками водки, коньяка, шампанского, тарелками с икрой, копчёной осетриной и семгой, сыром, варёными яйцами, чёрным и белым хлебом. Мы надолго запомнили оказанный нам русскими в то раннее утро на аэродроме тёплый приём»²⁸⁵.

²⁸² См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 503-504; Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 135-136.

²⁸³ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

²⁸⁴ Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 562; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 384-385.

^г Примечание научного редактора: 3 февраля 1945 года президентский самолет «Священная корова» приземлился на полевой аэродром города Саки, расположенный недалеко от Евпатории.

²⁸⁵ Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 361.

«Советская штаб-квартира в Ялте, – вспоминал Черчилль, – была расположена в Юсуповском дворце. Из этого центра Сталин, Молотов и их генералы управляли Россией и руководили своим колоссальным фронтом, на котором происходили в это время самые ожесточённые бои. Президенту Рузвельту был предоставлен ещё более роскошный, Ливадийский дворец, находящийся поблизости, и именно здесь, чтобы избавить его от физических неудобств, происходили все пленарные заседания. Это были единственные неразрушенные здания в Ялте. Мне и ведущим членам английской делегации была предоставлена большая вилла, примерно на расстоянии пяти миль отсюда, построенная в начале XIX столетия английским архитектором для русского графа Воронцова, бывшего некогда послом императора при английском дворе...

Наши хозяева сделали всё возможное, чтобы создать нам комфорт, и любезно принимали к сведению любое, даже случайное замечание. Однажды Портал пришёл в восторг, увидев большой стеклянный аквариум, в котором росли растения, но заметил, что там нет ни одной рыбки. Два дня спустя сюда была доставлена целая партия золотых рыбок. В другой раз кто-то случайно сказал, что в коктейле нет лимонных корочек. На следующий день в холле выросло лимонное дерево, отягощённое плодами»²⁸⁶.

От Ялты до Севастополя был проложен телеграфный кабель, соединённый с судном американских ВМС «Кэтоктин», поддерживавшим прямую связь с Вашингтоном (провести корабль в Ялту не решились из-за опасности столкновения с блуждающими немецкими минами). Сталин со своей группой прибыл в воскресенье рано утром, и в тот же день, в 4 часа посетил Рузвельта. Президент сообщил ему, что генеральное наступление союзных войск на Западном фронте начнётся в середине марта. Сталин остался доволен этими новостями и выразил надежду, что союзники вскоре захватят Рур и Саар.

Рузвельт спросил Сталина, как у него шли дела с генералом де Голлем, посетившим Москву в декабре 1944 г. Сталин ответил, что он считает де Голля человеком неглубоким и не способным трезво оценить вклад Франции в дело победы. Президент сообщил, что между ним и англичанами были разногласия по вопросу общей политики в отношении Франции, а также по вопросу распределения зон оккупации в Германии. Сталин спросил, считает ли президент, что Франция должна получить зону оккупации, и если да, то на каком основании. Рузвельт дал несколько уклончивый ответ, поэтому Сталин предложил обсудить этот вопрос в Ялте. Он дал понять, что не особенно одобряет эту идею»²⁸⁷.

Первое пленарное заседание состоялось вечером в 16⁰⁰ 4 февраля. Один из очевидцев совещания «большой тройки», кинооператор Кричевский, следующим образом описывает прелюдию заседаний: «Ровно без пяти минут четыре сперва показывалась огромная сигара, а уже за ней Уинстон Черчилль, сопровождаемый адъютантом и дочерью Сарой...». Затем в зал заседаний медленно входил Сталин. «Последними раскрывались створки дверей из апартаментов президента США, и выезжало кресло-качалка, подталкиваемое лакеем-негром. Улыбающийся Рузвельт пожимал руки Сталину и Черчиллю, и они скрывались в зале заседаний»²⁸⁸.

Рассмотрение германского вопроса. Кроме чисто военных вопросов, таких, как вступление СССР в войну против Японии через 2-3 месяца после капитуляции Германии²⁸⁹, на конференции рассматривались вопросы послевоенного устройства мира и германский вопрос²⁹⁰. Было решено, что для обеспечения невозможности начала новой войны с немецкой земли, Германия будет разделена на четыре зоны оккупации между СССР, США, Англией и Францией. Эти государства должны были осуществить демилитаризацию, денацификацию и демократизацию Германии. Только после этого им следовало вывести свои войска с её территории, передав власть общегерманскому правительству, избранному демократически и всенародно.

В решениях конференции отмечалось, что непреклонной целью трёх держав «является уничтожение германского империализма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии угрожать миру всего мира». Предусматривалось разоружить и распустить все германские вооружённые силы, уничтожить всё германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль немецкую военную промышленность. Союзники провозгласили намерение «стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения». «Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут вырваны с корнем, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»²⁹¹.

²⁸⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 511-512.

²⁸⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 567-568.

²⁸⁸ Литературная газета, 1968, 24 января.

²⁸⁹ Крымская конференция трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 273; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 299; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 283; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 537; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 525-528.

²⁹⁰ Крымская конференция трёх союзных держав. С.45-59, 64, 72, 75, 87, 101, 121, 122, 133, 146-148, 150, 160, 171, 186, 206, 211, 213, 227-228, 235, 248, 257, 258, 268, 276, 277, 282; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 291, 294-296, 305-306; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 278-280, 295-297.

²⁹¹ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 225.

В ходе обсуждения германской проблемы ставился и вопрос о расчленении Германии²⁹². «Сталин спрашивал, – вспоминает Черчилль, – как нужно будет расчленить Германию... Я сказал, что мы все договорились о том, что Германия должна быть расчленена, но практическое осуществление её раздела – слишком сложное дело, чтобы о нём можно было договориться за пять или шесть дней... Рузвельт предложил попросить наших министров иностранных дел разработать за сутки план изучения этого вопроса, а через месяц представить конкретный план расчленения. На этом вопрос был на время остановлен»²⁹³.

Подвергся обсуждению на конференции и **репарационный вопрос**²⁹⁴, хотя окончательного решения по нему принято не было. Решили учредить в Москве репарационную комиссию. Что касается определения общей суммы репараций, советская и американская делегации согласились о следующем: «Московская Комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского Правительства о том, что общая сумма репараций... должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идёт Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения данного вопроса Московской Комиссией по репарациям не могут быть названы никакие цифры репараций²⁹⁵. «Таким образом, – отмечает Шервуд, – решение о репарациях было отложено»²⁹⁶.

Однако в ходе конференции Сталин настойчиво добивался принятия советских предложений. Дискутируя с Черчиллем, он поставил вопрос довольно категорично: «Может быть, конференция желает, чтобы русские совсем не получили репараций?»²⁹⁷. Стеттиниус впоследствии писал: «Сталин говорил по вопросу о репарациях с Германией в большом возбуждении, что было в резком контрасте с его обычной сдержанностью. Он несколько раз вставал, становился позади своего стула и говорил оттуда, жестами подчёркивая главное. Ужасные разрушения, причинённые в России немцами, по-видимому, его глубоко тронули. Хотя он не ораторствовал и даже не повысил голоса, он говорил с особой силой»²⁹⁸.

Советские представители доказывали, что Германия в состоянии выплатить указанную сумму репараций, так как в предвоенные годы она тратила до 6 млрд долл. в год на вооружения. Даже британский премьер признал: «Да, это очень важное соображение!»²⁹⁹.

Польский вопрос на Ялтинской конференции³⁰⁰. В принципе, был решен и польский вопрос, «обсуждавшийся не менее чем на семи или восьми пленарных заседаниях Ялтинской конференции... Я неоднократно заявлял... о своей решимости поддержать притязания СССР на «линию Керзона» в толковании Советского правительства, – отмечал Черчилль. – Это означало присоединение Львова к СССР. Я всегда считал, что это требование России основывается не на силе, а на праве»³⁰¹.

Сталин отметил, что польский вопрос – это вопрос безопасности СССР. «На протяжении всей истории Польша служила коридором, через который проходили враги России для нападения на неё... Россия хочет видеть Польшу сильной и могущественной, с тем, чтобы она сама своими силами могла запереть этот коридор... Это вопрос жизни и смерти для Советского государства»³⁰². «Для Красной Армии, – добавил он, – жизненно важно иметь безопасный тыл, и как человек военный [он] поддержит только такое правительство, которое сможет гарантировать эту безопасность»³⁰³. На основе просоветского варшавского правительства следовало создать национальное правительство из представителей польских антифашистских сил внутри и вне страны. Восточной границей Польши признавалась «линия Керзона», а западной – Одер и Нейсе³⁰⁴.

Правда, по вопросу о западной польской границе разгорелся острый спор, по какой Нейсе – Восточной или Западной – она пройдёт. Черчилль настаивал на Восточной Нейсе, утверждая, что жизненного пространства для немецкого народа будет крайне недостаточно, а поляки окажутся просто неспособны освоить всю новую территорию: «Было бы очень прискорбно, если бы мы обкормили польского гуся немецкой пищей, и он умер бы от несварения желудка». Британского премьера поддержал президент

²⁹² Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7. P. 19.

²⁹³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 514, 515.

²⁹⁴ Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7. P. 19.

²⁹⁵ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 278-279; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 296; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 279; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 510-511.

²⁹⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 579.

²⁹⁷ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 215.

²⁹⁸ Цит. по: Сиполс В.Я., Челышев И.А. Крымская конференция. С. 36.

²⁹⁹ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 81.

³⁰⁰ Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7, 19-20.

³⁰¹ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 523, 524; см. также: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 520-524.

³⁰² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 525.

³⁰³ Ibid. С. 527.

³⁰⁴ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 97, 98, 100, 101, 116, 125-126, 130, 150, 152, 158-159, 161, 180, 212, 213, 219, 220, 230, 251, 270, 280; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 296-297, 309-310; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 270-272, 280-281, 299-300.

Рузвельт. Сталин заметил, что в этих районах нет немцев, т.к. они все убежали. Кроме того, немцам хватит места в Германии, ведь шесть или семь миллионов из них убиты, и ещё более миллиона немцев будут до конца войны убиты³⁰⁵.

Он также попытался убедить своих партнёров в чрезвычайно высокой степени популярности варшавского правительства среди польского народа. Позиция англо-американцев в вопросе о будущем польском правительстве состояла в том, что «после реорганизации люблинское правительство будет обязано как можно скорее провести свободные выборы, и мы затем признаем любое правительство, которое будет создано в результате выборов»³⁰⁶.

Принятые в Крыму решения по Польше были, конечно же, в значительной степени компромиссны. Но в ещё большей мере они представляли собой дипломатическую победу СССР и объективно отвечали интересам польского народа³⁰⁷. С точки зрения безопасности, Польша получала идеальные границы, а в обмен на отсталые в экономическом отношении сельскохозяйственные восточные районы, ей предоставляли развитые промышленные области на западе и прекрасные порты на балтийском побережье.

Историческое значение Крымской конференции состоит в том, что она определила программу строительства послевоенного мира и опрокинула расчеты немецко-фашистского руководства на развал антигитлеровской коалиции. Рузвельт выразил уверенность, что эта конференция проложила путь к такому миру, о котором он «мечтал и говорил и который планировал»³⁰⁸. Он был убеждён и неоднократно повторял, что прочный и длительный мир может быть построен только в сотрудничестве с СССР.

Это же подтверждает и Гопкинс. Говоря о Ялтинской конференции, он заявил: «В глубине души мы действительно верили, что это был канун того дня, о наступлении которого мы мечтали и говорили в течение многих лет. Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словом „мы“ я разумею *всех* нас, всё цивилизованное человечество. Русские показали, что они могут поступать разумно и проникательно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не оставалось никакого сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и работать мирно так долго, как это только можно себе представить»³⁰⁹. Шервуд пишет, что «настроение американских делегатов, в том числе Рузвельта и Гопкинса, когда они покидали Ялту, было исключительно приподнятым. Они были уверены, что их английские коллеги согласны с ними в том, что эта конференция была самой многообещающей из всех»³¹⁰.

Дискуссии вокруг итогов Крымской конференции «большой тройки». Но вместе с тем, как считают многие историки, фактический раздел Европы «на сферы влияния»³¹¹ между СССР и западными

³⁰⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 529, 530, 532.

³⁰⁶ Ibid. С. 532, 533.

³⁰⁷ «Следовало понять, что, расширяя территорию Польши на Запад на две сотни миль за счет Германии, союзники тем самым соглашались на создание польского государства, которое могло быть только советским протекторатом», – писал Дж. Кеннан. // <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

³⁰⁸ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 112.

³⁰⁹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 599.

³¹⁰ Ibid. С. 588.

³¹¹ Румынский исследователь Фл. Константиniu считает идею о разделе Европы на сферы влияния на Ялтинской конференции мифом. // См. Constantiniu Fl. Acordul de procentaj și Ialta. (O lămurire pentru dl. Gabriel Andreescu). // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 9. P. 2.

Другой румынский историк Д. Замфиреску замечает по этому поводу: «Прочтение документов заставляет нас с обыкновенной интеллектуальной порядочностью утверждать, что в Ялте не происходило никакого раздела мира или даже Европы». Автор приписывает распространение мифа о разделе мира в Ялте частично французской доктрине и в ещё большей степени – официальной советской, а впоследствии, российской. // Zamfirescu D. Ialta și debutul exilului românesc. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 11. P. 37.

Если в сущности можно согласиться с Замфиреску, то его утверждение по поводу советской/российской доктрины элементарно не соответствует действительности, так как в СССР/России и официальные власти, и большинство исследователей именно то и делали, что опровергали тезис о «разделе мира». Указанный автор, в подтверждение своего тезиса, приводит мнения ряда французских специалистов, мнения, которые мы воспроизводим. Так, французский историк Жан Елейнштейн пишет следующее: «Ялта не лежит в основе раздела мира. Она узаконила лишь то, что сила оружия и перипетии войны в действительности уже установили». // Ibid. P. 39.

Другой французский историк Ж.-К. Ромер показал, что формально никто из членов «Большой тройки» не желал раздела мира «на сферы влияния после войны. Но каждый действовал противоположным образом». // См.: Лосик А.В., Шерба А.Н. Война. Народ. Победа. Взгляд учёных на историю Великой Отечественной войны. // ННИ. 2010, № 2. С. 76.

Елен Карпер д'Энссос раскрывает следующие логические аргументы: «Учитывая ход военных действий и ялтинский политический диалог, разве можно всерьёз утверждать, что Запад сдал восток Европы СССР?» «Ялта, – продолжает автор, – лишь подтверждает конкретную ситуацию, а именно: присутствие советских войск в восточной половине Европы». Её идеи поддержаны Пьером де Сенаркленом: «Раздел Европы и мира

союзниками заложил основу послевоенного раскола континента: Западная Европа была сателлизирована США, а в восточноевропейских странах — установлены тоталитарные просоветские режимы. По этой причине, после войны политические противники Рузвельта и некоторые «ревизионистские» историки обвинили его в «секретном сговоре» со Сталиным и «капитуляции» перед ним³¹². Прежде всего, напомним, что Ялтинские соглашения не были секретными, за исключением обязательства Советского Союза о вступлении в войну против Японии³¹³.

Вот что в связи с этим пишет А. Дж. П. Тейлор: «Впоследствии Ялтинская конференция характеризовалась отрицательно. Сталин якобы обманул западные державы. Но вернее было бы сказать, что они сами себя обманули. Они воображали, что Советская Россия разгромит Германию для них, а затем отступит в пределы собственных границ — на худой конец тех, какие существовали в 1941, а не в 1939 г. Но у СССР были другие намерения. Когда рухнула власть немцев в Восточной Европе, в образовавшийся вакуум двинулась советская власть — это было неизбежным следствием победы. В политическом отношении русские во многом вели себя в Восточной Европе так же, как американцы и англичане на западе: сами заключали перемирие со странами-сателлитами, как поступили в Италии англичане и американцы. Они отстраняли от власти антикоммунистов, но англичане и американцы такие же меры принимали в Италии и Франции против коммунистов»³¹⁴.

Об этих обвинениях пишет и Шервуд: «Всё больше укреплялось мнение, что Рузвельт пошёл на различные „уступки“ русским в Ялте, и наиболее умеренные критики приписывают это тому, что он был уже смертельно болен. Подробные протоколы конференции... не подтверждают этого мнения. Рузвельт полностью сохранил все свои умственные силы»³¹⁵. Бывший в то время государственным секретарём Эдвард Стеттиниус после войны также отмечал, что «вопреки этим утверждениям, достигнутые в Ялте соглашения свидетельствуют о том, что Советский Союз сделал больше уступок Соединённым Штатам и Великобритании, чем эти державы — Советскому Союзу»³¹⁶. Биограф Рузвельта Дж. Бернс пишет, что «русские не запрашивали в Ялте такого, чего их собственная мощь в Азии не позволила бы им получить собственными усилиями»³¹⁷. Французский историк Пьер де Сенарклен отмечает в этом плане: «Черчилль и Рузвельт в ходе конференции не уступили ничего существенного, и Ялтинские соглашения были заключены в целом вполне в соответствии с целями Запада»³¹⁸.

не вытекает из решений Ялтинской конференции, а из несоблюдения достигнутых на ней договорённостей... Он является следствием идеологических и политических антагонизмов». // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr. 11. P. 39.

³¹² См.: Сосинский С. Акция «Аргонавт». М., 1970. С. 3-24; подробно анализирует различные точки зрения по данному вопросу румынский историк К. Попа. // См.: Popa C. *Instaurarea regimurilor comuniste în Europa Centrală și de Sud-Est (1944-1947). Curente în istoriografia americană și rusă*. // *Revista istorică. Academia Română*, 2000, Nr. 3-4.

Киссинджер пишет: «Ялта стала символом позора с точки зрения формирования облика послевоенного мира». // Киссинджер Г. *Дипломатия*. С. 369.

А англичанин Э. Бивор считает, что Запад сдал Восточную Европу Сталину. Он уверен, что «политические деятели Соединённых Штатов вообще не хотели никоим образом провоцировать Сталина... Политика умиротворения Сталина брала начало с руководства США и была воспринята на низовом уровне... Американцы считали, что дружеские отношения способны влиять на курс национальной политики... Стремление американцев завоевать доверие Сталина делало их неспособными задаться следующим вопросом: насколько они сами могут доверять советскому лидеру?». // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/06.html>.

Американские же историки Е. Снелл, Ф. Погью, Д. Флеминг и др. считают подобного рода утверждения полностью абсурдными и ничем не подтвержденными. // См.: Ржешевский О.А. *Война и история*. С. 152-153.

³¹³ Уже хорошо известный своей компетентностью историк И. Цуркану отмечает в этой связи: «Единственный вопрос, по которому Союзники пришли [на Ялтинской конференции] к общему знаменателю, было то, что СССР присоединится к антияпонскому фронту через три месяца после капитуляции Германии». Нашему автору совершенно невдомёк, что в Ялте между союзниками было достигнуто полное единство почти по всем обсуждаемым вопросам. Однако далее он спешит опровергнуть даже самого себя: «Участие советов в наступлении против Японии означало бы значительные территориальные претензии последних на Дальнем Востоке, что подтверждают и дискуссии на Ялтинской конференции, а этого американцы не могли допустить». К сожалению, г-н Цуркану не раскрывает нам своих источников. Возможно, он тайно подслушивал под столом переговоров... // *Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale*. P. 167, 171; см. также Miron L. *Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta*. // *Historia. Revistă de istorie*, 2005, Nr. 7. P. 20.

³¹⁴ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

³¹⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 570.

Так, английский историк Э. Бивор утверждает, что «Рузвельт же был слишком истощен, чтобы вмешиваться в дискуссию между Черчиллем и Сталиным». И далее совсем уж из области фантастики: «Главный советник американского президента Гарри Гопкинс отмечал, что Рузвельт едва ли воспринимал хотя бы половину сказанного на конференции». // <http://militera.lib.ru/research/beevor2/06.html>.

³¹⁶ Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 358; см. также: Верт А. *Россия в войне*. С. 708.

³¹⁷ Цит. по: Уткин А.И. *Дипломатия Франклина Рузвельта*. С. 504.

³¹⁸ Цит. по: Zamfirescu D. *Ialta și debutul exilului românesc*. // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr. 11. P. 39-40.

С нашей точки зрения, Рузвельт вёл несравненно более реалистичную политику, чем его преемники. В своём послании конгрессу 6 января 1945 г. он отметил, что по мере приближения победы в войне «мы неизбежно больше осознаём разногласия между победителями». Вместе с тем, как здравомыслящий политик он признавал, что сотрудничество с СССР соответствует интересам США и поэтому следует не обострять с ним разногласия, а идти на взаимные компромиссы: «США и Советский Союз, – говорил президент, – разделяет идеологическая бездна, но объединяет мост государственных интересов»³¹⁹. В Ялте президент очень умело и гибко, но одновременно энергично отстаивал интересы своей страны.

Также, в принципе, был решен и **вопрос об образовании ООН** (Организации Объединённых Наций) и её функционировании (в частности, о способе голосования в Совете Безопасности)³²⁰. Союзники пришли к единому мнению, что санкции против страны-нарушителя «могут быть применены лишь в случае единогласия постоянных членов Совета, и если один из этих членов Совета сам причастен к конфликту, тогда он может принять участие и в обсуждении, и в голосовании... Никакие санкции не могут быть применены, если между постоянными членами Совета Безопасности не будет единогласия... Было бы глупо ставить в международной организации те или иные вопросы, если они могут нарушить единство великих держав»³²¹. Таким образом, важнейшим достижением победителей во второй мировой войне считалось сохранение их единства и в послевоенном мире.

Однако после войны право вето постоянных членов Совета Безопасности подверглось в США сильным атакам. Так, в частности, Кеннан впоследствии писал, что «международная организация интересовала Сталина как возможный инструмент сохранения гегемонии США, Англии и СССР, которая основывалась бы на политической гармонии между этими державами. Но эта гармония, в свою очередь, должна была бы основываться на признании двумя другими державами советских сфер влияния в Восточной и Центральной Европе»³²². Утверждали, что Рузвельт действовал в Крыму в угоду СССР, игнорируя интересы США³²³. В действительности ещё задолго до Ялты американцы отстаивали это право при решении вопроса о санкциях. Стеттиниус свидетельствовал, что военные США категорически возражали против присоединения к международной организации, предусматривающей возможность использования вооружённых сил страны без сохранения за Соединёнными Штатами права вето³²⁴.

Хэлл утверждает, что право вето сильно поддерживали перед Ялтинской конференцией американцы и англичане: «Мы были не менее решительными, чем русские, в приверженности к этому принципу»³²⁵. «Принцип вето, – пишет Шервуд, – был предусмотрен правительством Соединённых Штатов и английским правительством... ещё до конференции в Думбартон-Оксе. Во время этой последней конференции и в течение последовавших пяти месяцев до конференции в Ялте существовало полное согласие о том, что в вопросах, которые будут затрагивать всеобщий мир, вето может быть применено каждой из ...пяти великих держав. Разногласия с русскими... касались не принципа вето, а вопроса о том, следует ли ту или иную данную державу лишать права вето при разборе спора, участником которой она являлась... Фактически англичане были горячими сторонниками права вето как средства предотвращения всякого посягательства на их имперские интересы»³²⁶. Даже Дж. Ф. Даллес в период Крымской конференции активно одобрял этот принцип, хотя позже, во время своего руководства госдепартаментом, и выступал против него. Наконец, право вето одобрили члены конгресса США³²⁷.

Возникли споры и по вопросу о предоставлении Украине, Белоруссии и Литве членства в ООН. Рузвельт первоначально возражал против этого, но Черчилль, руководствуясь интересами Британской империи, решительно выступил за приём Украины и Белоруссии в эту организацию. Рузвельт предложил «перестраховочную статью», которой можно было бы воспользоваться в случае, если в Конгрессе выступят против предоставления СССР двух дополнительных голосов в Ассамблее ООН. Она заключалась в том, что Советский Союз поддержит требование о предоставлении двух дополнительных голосов Соединённым Штатам, если таковое будет выдвинуто. Сталин согласился с этим без всяких возражений³²⁸.

В послевоенное время подверглось ожесточённой критике в США и **ялтинское решение по Дальнему Востоку**. Однако при этом «забывается», что Каирская конференция, происходившая на 15 меся-

³¹⁹ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 105, 112.

³²⁰ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 88-96, 104-107, 108, 169-170, 201, 225, 226, 234, 247, 267, 275; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 291-292, 307, 311; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 275-276, 297, 301; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 516-518; Lixandru N. Cum s-au născut Națiunile Unite. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7. P. 28.

³²¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 517-518.

³²² <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

³²³ Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7. P. 20.

³²⁴ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 109-110.

³²⁵ Ibid. С. 110.

³²⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 571, 572.

³²⁷ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 110.

³²⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 574-575.

цев ранее и без участия Советского Союза, приняла решение о лишении Японии всех захваченных ею когда-либо территорий. Данное решение было принято независимо от того, будет ли участвовать СССР в войне на Дальнем Востоке или нет. Кроме того, по свидетельству некоторых членов американской делегации, стало известно «о сильном давлении, которое оказывали американские военные руководители на президента Рузвельта, добиваясь вступления России в войну на Дальнем Востоке»³²⁹. В этой связи Стимсон отмечал: «Уступки... в целом сводятся к тому, чего Россия в состоянии добиться сама, опираясь на свою военную мощь, независимо от действий США, за исключением обращения к войне»³³⁰.

По свидетельству Шервуда, Сталин вначале упорно не соглашался на участие Франции в контроле над Германией, и на многих заседаниях Рузвельт был склонен соглашаться с ним. Однако Черчилль, Иден и Гопкинс «дрались как тигры за Францию»³³¹. В результате Сталин снял своё возражение против предоставления Франции зоны оккупации при условии, что она будет выделена из состава американской и английской зон³³². Руководители трёх держав также пришли к единому мнению о необходимости участия Франции в Контрольной комиссии по Германии³³³.

Таким образом, подводя **итоги работы Ялтинской конференции**, следует отметить, что то основное, чем она характеризовалась, был курс на поиск взаимоприемлемых компромиссов, на продолжение сотрудничества между тремя великими союзниками. «Весь дух заседания, – писал в своём отчёте Стеттиниус, – был пронизан стремлением к сотрудничеству»³³⁴. Естественно, каждый её участник стремился в максимальной степени к достижению своих целей, но лишь с учётом позиции партнёров. Именно это и позволило столь эффективно решать ключевые вопросы, стоящие тогда перед человечеством. Крымская конференция – это стремление к взаимоприемлемым решениям, к укреплению сложившегося за годы войны сотрудничества. Она осталась в истории как одна из важнейших дипломатических конференций XX века, как антипод конфронтации³³⁵. Французский историк Филипп Моро Дефорж подчёркивает: «Вопреки специфически французскому мифу о том, будто бы в Ялте делили мир, данное собрание вне сомнений является последним событием, пронизанным духом Великого Союза»³³⁶.

Следует подчеркнуть, что до самого последнего момента Рузвельт придерживался данной линии. Так, 11 апреля, т.е. за день до смерти, президент собственноручно написал Черчиллю послание, в котором отмечал, что проблемы во взаимоотношениях с Советским Союзом обычно удавалось урегулировать и что их не следовало преувеличивать³³⁷. Он отмечал, что «никогда в истории не было ещё случая, чтобы главные союзники были столь едины не только в целях войны, но и во взглядах на мир»³³⁸. Размышляя о советско-американском сотрудничестве, министр финансов Моргантау поделился с президентом: «Есть два типа людей. Одни, подобно Идену, верят в то, что мы должны сотрудничать с русскими и что мы должны доверять России ради мира на земле. Позицию других иллюстрирует замечание мистера Черчилля, который сказал: „Что мы собираемся иметь между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?“» Рузвельт отозвался так: «Очень хорошо обрисованы позиции. Я принадлежу к той школе, что и Иден»³³⁹.

Дж. Тейлор отмечал в связи с этим, что «не потому нарушилось объединённое сотрудничество, что были заключены Ялтинские соглашения, а потому, что англичане и американцы от них отреклись»³⁴⁰.

8. Между Ялтой и Потсдамом

Смерть Франклина Делано Рузвельта и начало президентства Г. Трумэна. 12 апреля 1945 г. поступило печальное известие о смерти выдающегося сына американского народа Ф.Д. Рузвельта³⁴¹. Новым президентом становится Гарри Трумэн, человек, в значительной степени, случайно оказавшийся на вершине властной пирамиды. «Ограниченность, – писал один его биограф, – слово, характеризующее Гарри Трумэна. Он имеет ограниченное представление о стоящих проблемах, ограниченное воображение и особенно ограниченное чувство личной инициативы». 17 мая 1948 г. нью-йоркский жур-

³²⁹ Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 362.

³³⁰ Цит. по: Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 100.

³³¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 576.

³³² Крымская конференция трёх союзных держав. С. 52, 53, 64, 70–75, 110, 114–115, 117, 118, 127, 220, 224–225, 233, 240, 243, 249, 254–255, 266, 277–278; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 295; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 278.

³³³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 577.

³³⁴ Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 369.

³³⁵ Рузвельт Э. Его глазами. С. 237.

³³⁶ Цит. по: Zamfirescu D. Ialta și debutul exilului românesc. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 11. P. 39.

³³⁷ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 218.

³³⁸ Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 387.

³³⁹ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 431.

³⁴⁰ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

³⁴¹ Loghin L. Al doilea război mondial. P. 506.

нал «New Republic», всесторонне характеризуя президента США, писал: «Гарри Трумэн не обладает ни одним качеством, необходимым президенту. Стоящие перед ним задачи совершенно недоступны его узкому кругозору и ограниченным способностям, что известно каждому работавшему с ним»³⁴².

Все, знавшие Трумэна, удивлялись: как он стал президентом? Он сам удивлялся. Когда он узнал о смерти Рузвельта, он заявил: «У меня такое чувство, как будто луна, звёзды и планеты свалились на меня». Желая сделать ему комплимент, говорили: «Трумэн не дурак». Но при этом не утверждали, что он умный. Его выдавали за «среднего человека среднего ума, среднего американца среднего американского города»³⁴³. Известный политический обозреватель Уолтер Липман писал после смерти Рузвельта, что великие дела, связанные с деятельностью таких великих руководителей, после их смерти были преданы забвению сменившими их политическими пигмеями. Он выразил тревогу, что мир будет заключать не великий лидер, а политический карлик, занявший его место, что может иметь непоправимые последствия³⁴⁴.

Однако при всех этих оценках следует помнить, что Трумэн не был простачком, лишённым силы воли и сообразительности. Он превосходно знал партийно-политический механизм, прекрасно понимал, как создаётся общественное мнение, как обеспечивается победа на выборах. Он был осторожным человеком, строго оберегающим свою репутацию и умеющим не наживать себе противников среди тех, кто влияет на массу избирателей и представляет реальную политическую силу.

Взгляды нового президента в отношении Советского Союза. Вступив в должность президента, Трумэн сразу же заявил: «Русские скоро будут поставлены на место, и тогда США возьмут на себя руководство развитием мира по пути, по которому его следует вести»³⁴⁵. 20 апреля состоялась беседа Гарримана с новым президентом, в ходе которой американский посол в Москве пытался настроить его на более «твёрдый» курс по отношению к СССР. Правда, он не отрицал, что советское руководство проводит по отношению к западным союзникам политику сотрудничества, но одновременно осудил политическое развитие в Восточной Европе. В духе рекомендаций Кеннана он высказал мнение, что, поскольку «русские нуждаются в американской помощи для послевоенного восстановления», они не захотят порывать с США, поэтому Вашингтон может смело занять «жёсткие» позиции по всем важнейшим вопросам.

Трумэну это понравилось, и он заявил: «Я не боюсь русских. Я буду с ними твёрдым, но справедливым. Во всяком случае, русские нуждаются в нас больше, чем мы в них». Правда, при этом, Гарриман заявил о возможности «достичь рабочих взаимоотношений с русскими», что «обе стороны должны будут сделать уступки в процессе взаимного торга». Трумэн согласился, что было бы нереалистично рассчитывать на стопроцентное советское согласие с американскими предложениями и он рассчитывает на 85%. Но уточнил, «что без русских не будет никакой всемирной организации»³⁴⁶. И добавил, что «если русские не хотят присоединиться к нам, то пусть проваливаются к чёрту»³⁴⁷.

В этом контексте следует рассмотреть выводы экспертов американских спецслужб о способности СССР восстановиться после окончания войны. Это необходимо для понимания того, насколько обоснованы были расчёты нового американского руководства во главе с Трумэном об эффективности силового давления на Кремль. Так вот, в целом задачи «пятилетки восстановления» представлялись аналитикам УСС (предтеча ЦРУ) вполне посильными: к 1949-1950 гг. СССР может выйти на пиковый уровень довоенного производства, а уровень потребления довести до отметки 1937-1938 гг. Иными словами, делался вывод, что «по объёму производства война обойдётся Советскому Союзу в девять лет». Предоставление крупных иностранных кредитов, по мнению экспертов УСС, могло сократить сроки послевоенного восстановления не более чем на полгода³⁴⁸. Таким образом, расчёты на эффективность силового давления США на СССР по причине его «экономической слабости», с целью получения политических и геостратегических дивидендов, были в корне ошибочны.

В связи с этим, профессор МГИМО(У) МИД РФ Владимир Печатнов делает вывод, что «прогноз УСС радикально расходился с преобладавшим в Вашингтоне мнением о том, что советская экономика, подорванная войной, не сможет быстро восстановиться без западной помощи. Тем самым расчёты УСС подрывали позиции как либералов, считавших необходимой щедрую помощь Советскому Союзу, так и консерваторов, стремившихся использовать её как рычаг политического давления. Однако эти выводы специалистов не были приняты во внимание Госдепартаментом»³⁴⁹.

³⁴² Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 196, 197.

³⁴³ Ibid.

³⁴⁴ Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Антигитлеровская коалиция победила, но согласие дало трещину. // Межд. жизнь, 1994, № 11. С. 115.

³⁴⁵ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 583.

³⁴⁶ Ibid. С. 552-553; Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 233; Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана. // ННИ, 2002, № 4. С. 126.

³⁴⁷ Вильямс В.Э. Трагедия американской дипломатии. М. 1960. С. 164.

³⁴⁸ Печатнов В.О. Каким СССР вышел из войны (В оценках американской разведки и дипломатии). // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 5. С. 11.

³⁴⁹ Ibid. С. 11-12.

23 апреля президент созвал специальное совещание в Белом доме по вопросу о политике США в отношении Советского Союза и запросил мнение собравшихся о перспективах двусторонних связей в свете расхождений между двумя странами по ряду международных вопросов, в частности, по польскому. Военный министр Стимсон заявил, что он сожалеет о расхождении и считает, что не следует идти на разрыв. Он сказал, что «русские вполне честно выполняли свои военные обязательства» и «что ему неприятно, что расхождения по польскому вопросу явились причиной бреши, образовавшейся в отношениях между двумя странами». Форрестол, поддержанный Гарриманом, высказался за ужесточение линии в отношении СССР, а Леги выступил в поддержку Стимсона. В заключение совещания Трумэн заявил о своей решимости занять «твёрдую позицию» в отношении СССР и намекнул на то, что готов пойти на отказ от ялтинских соглашений³⁵⁰.

Когда Молотов вечером того же дня вошёл в кабинет президента в Белом доме, Трумэн, по словам Гарримана, сразу же «взял быка за рога». Стремясь к решению польского вопроса в понимании США, он попытался шантажировать советского министра прекращением помощи по ленд-лизу³⁵¹. Описав эту сцену, Гарриман заключает: «Честно говоря, я был несколько шокирован тем, что президент столь сильно атаковал Молотова. Я полагаю, с Молотовым никогда никто таким тоном не говорил, во всяком случае, никто из иностранцев... Я сожалел, что Трумэн так жёстко подошёл к делу. Его поведение давало Молотову основание сообщить Сталину, что от политики Рузвельта отходят... Я думаю, что это была ошибка, хотя и не столь уж решающая»³⁵².

24 апреля, получив информацию о переговорах в Белом доме, Сталин направил Трумэну послание, в котором выражалась готовность к сотрудничеству с США в вопросе о составе польского правительства на основе решений Ялтинской конференции, но отвергался американский подход, как односторонний. «Я готов выполнить Вашу просьбу и сделать всё возможное, чтобы достигнуть согласованного решения, – писал он. – Но Вы требуете от меня слишком многого. Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны»³⁵³.

Становилось всё яснее, что в Вашингтоне и Лондоне постепенно берут курс на конфронтацию с СССР, а при определённых условиях, и на войну³⁵⁴. Встречавшийся в мае с Черчиллем личный пред-

---

³⁵⁰ См.: Исразлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 377; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 554-555; Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 194-197; Печатнов В.О. Московское посольство Аврелла Гарримана. // ННИ, 2002, № 4. С. 127-128; Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 234-235; Сиполс В.Я., Чельшев И.А. Крымская конференция. С. 12; Воронцов В.Б. Трагедия сорок пятого (Из истории первой атомной бомбы). М., 1969. С. 28; Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 21.

³⁵¹ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 235; см. также: Высоцкий В.Н. Мероприятие «Терминал». С. 82.

В этой связи известный американский историк либерального направления Г. Алпровиц пишет: «Действительно, ограничение помощи по ленд-лизу логически вытекало из той точки зрения, что американская дипломатия только выиграет, если Советский Союз окажется в большей экономической зависимости от Соединённых Штатов. Это дало бы на руки США более мощное средство экономического давления и, как однажды заявил Дин, „заставило бы русских руководителей пойти на сближение с Америкой“... С самого начала президент хорошо понимал, сколь велики насущные нужды разорённой войной советской экономики, и стремился, используя её слабости, с помощью экономических ресурсов Америки добиться определённых дипломатических выгод». На тех же позициях были практически все члены администрации. Так, Стимсон говорил, что мощь Америки поставит русских на место: «Они не смогут обойтись без нашей помощи и нашей индустрии». // Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 31, 89, 33.

³⁵² См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 555-556; Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 198.

Алпровиц следующим образом оценивает позицию Трумэна: «Важно понять, что, несмотря на кажущееся несоответствие, беседа Трумэна с Молотовым 23 апреля с позиции пробы сил полностью отвечала главной задаче – достижению сотрудничества с Советским Союзом. В действительности это было лишь средство для достижения цели. Вначале Трумэн считал, что символическая демонстрация сил заставит русских пойти на сотрудничество не только в Восточной Европе, но и, так сказать, в общем плане их отношений с Соединёнными Штатами... Удерживая американские войска в советской оккупационной зоне Германии, он ожидал не решительных действий с советской стороны, а хотел воспользоваться преимуществом для разумной сделки, которая обеспечила бы политические интересы, преследуемые Соединёнными Штатами в Австрии». // Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 81.

³⁵³ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. М. 1976. С. 234-236.

³⁵⁴ Данную эволюцию отношения США к СССР американский историк Г. Алпровиц разъяснил следующим образом: «Во время войны перед теми, кто выступал за проведение жёсткой линии по отношению к русским, стояли три основных препятствия. Первое из них – глубочайшая убеждённость Рузвельта в возможности сотрудничества – ликвидировалось с его смертью. Трумэн же относился к русским с гораздо меньшей симпатией... Вторым препятствием на пути проведения твёрдой политики было опасение, что такая политика разрушит американо-советское сотрудничество и приведёт к подписанию сепаратного мира между Германией и Советским Союзом. Этого препятствия не стало после разгрома фашистской Германии. Однако было ещё третье соображение, мешающее проведению жёсткого курса, – опасение, что подобное отношение

ставитель президента США Дж. Дэвис докладывал Трумэну, что целью английского премьера является «использовать присутствие американских войск и их выдвинутые вперёд позиции как средство заставить Советы пойти на уступки... Он готов пойти на огромный риск, который содержится в этой азартной игре. Позиция Черчилля создаёт реальную угрозу миру не только в будущем, но и сейчас»³⁵⁵.

В беседе с советским послом в Лондоне Гусевым 18 мая Черчилль говорил раздражённо по поводу того, что советская сторона не допускает свободно британских представителей в восточноевропейские столицы, занятые Красной Армией: «Одно из двух... или мы договоримся о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый союз будет противостоять советскому миру»³⁵⁶. Правда, советско-американские отношения несколько улучшились в результате майского, 1945 года, визита Гопкинса в Москву и его бесед со Сталиным³⁵⁷. Но ненадолго. «Холодная война» становилась неотвратимой. По словам Г. Morgenthau, некоторые политики США считали, что «Германия нужна против России и коммунизма»³⁵⁸. Заместитель государственного секретаря Дж. Грю* утверждал, что «будущая война с Россией так же неизбежна, как сама реальность»³⁵⁹. Однако генштабы Англии и США пришли к выводу, что они «не смогут нанести поражение России» и в этом деле «шансы на успех равны нулю»³⁶⁰.

К близким по сути выводам пришли и эксперты американских спецслужб. Они пытались найти «золотую середину» во внешнеполитическом курсе США и совместить интересы трёх великих держав-победительниц в послевоенном мире. Ещё в 1944 г. в одном из своих докладов директор советского отдела УСС Дж. Робинсон доказывал необходимость «выработать действенный компромисс между расширяющейся динамичной державой (СССР), развивающейся, но в основном удовлетворённой [своим положением] державой (США) и державой, клонящейся к упадку (Великобританией)», но при этом отмечал, что сделать это «будет нелегко». Основная ответственность за это, по его мнению, лежала на более искушённых и прагматичных западных союзниках. Если они проявят подлинную государственную мудрость, терпимость и великодушие, «путь компромиссов и сотрудничества получит предпочтительные шансы»³⁶¹.

Российский историк В.О. Печатнов пришёл к выводу, что «авторы этих докладов исходили из того, что характер и методы советской экспансии ещё не определились, а намерения СССР являются эластичными и зависят от политики самого Запада. Поэтому, при условии ответственного поведения последнего и встречной сдержанности Советского Союза, сложные проблемы послевоенного урегулирования могут быть решены, хотя „трения между союзниками будут возрастать“»³⁶². К сожалению, данная точка зрения оказалась «не ко двору» при новой вашингтонской администрации.

Тем более, что такой подход разделяли далеко не все в разведывательном сообществе США. Так, например, отбывая из Москвы, военный атташе Микела писал, «что Третий Интернационал не умер и по-прежнему будет использоваться Советами. Как бы это ни называли – мировой революцией или советским „империализмом“, суть остаётся одна – Советы полны решимости взять Европу под свой контроль, если это будет им по силам»³⁶³.

«Да и в самом УСС были свои скептики... Не прошло и трёх месяцев после выхода упомянутых докладов..., как УСС по заказу армейских планировщиков подготовило новый доклад под названием „Проблемы и цели политики Соединённых Штатов“, выдержанный в заметно более жёстких тонах как по своим оценкам, так и по рекомендациям (автором этого анонимного доклада скорее всего является Донован*). Советский Союз изображался в нём уже почти сложившимся „евразийским гегемоном“, способным в силу сохраняющихся у него „экспансионистских устремлений“ „стать для США самой зловещей угрозой из всех известных до сих пор“. Хотя авторы ещё оставляли под вопросом советские

к России ослабит советскую помощь в войне против Японии. Ко времени смерти Рузвельта этот аргумент всё ещё не потерял своего значения во влиятельных политических кругах». // Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 23.

Далее автор доказывает, что появление атомного оружия изменило политику Вашингтона по отношению к СССР в сторону ужесточения – политику, вошедшую в историю под названием «атомной дипломатии». // Ibid. С. 91.

³⁵⁵ См.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. С. 368.

³⁵⁶ Советско-английские отношения. Т. 2. С. 386-388.

³⁵⁷ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 397-403, 404-411; Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 203-212; Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана. // ННИ, 2002, № 4. С. 130-132.

³⁵⁸ Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 260.

* До войны, как мы уже отмечали, посол в Токио.

³⁵⁹ Высоцкий В.Н. Мероприятие «Терминал». С. 82; Ржешевский О.А. Война и история. С. 155.

³⁶⁰ Высоцкий В.Н. Мероприятие «Терминал». С. 82.

³⁶¹ Печатнов В.О. Каким СССР вышел из войны (В оценках американской разведки и дипломатии). // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 5. С. 19.

³⁶² Ibid. С. 20.

³⁶³ Ibid.

* Руководитель УСС.

намерения, США, утверждали они, „никак не могут ждать, пока русская политика обнаружит себя полностью”, с принятием мер по предотвращению этой, пусть даже пока потенциальной, угрозы, ибо „подавляющим императивом ситуации является будущий военный потенциал России и та огромная угроза, которую она будет представлять для Соединённых Штатов, если преуспеет в объединении ресурсов Европы и Азии под своим контролем”.

В докладе признавалось, что СССР истощён войной, значительно уступает США по своему экономическому потенциалу и „в течение следующих 10-15 лет будет избегать ещё одной крупной войны”. Но этот период предлагалось использовать как передышку для создания противовесов „советской экспансии” в Европе и Азии. В Европе это должен быть „западноевропейско-средиземноморско-американский блок” с опорой на Великобританию, „сильную Францию” и западные зоны Германии (если не получится создать единую нейтральную демократическую Германию в качестве „прокладки” между двумя блоками)»³⁶⁴.

Эволюция некоторых внешнеполитических концепций после окончания войны в Европе. В мае 1945 г. Черчилль приказал «военному кабинету составить план возможного наступления против Сталина, которое должно было привести к уничтожению России», «принудить её подчиниться воле Соединённых Штатов и Британской империи»³⁶⁵. Военные действия должны были начаться уже 1 июля объединёнными силами США, Англии, Британских доминионов, Польского экспедиционного корпуса и 10 дивизий вермахта с последующим наращиванием немецкого контингента, возможно, до 40 боевых единиц³⁶⁶. Однако, ознакомившись с требованием премьера, 24 мая начальник Генерального штаба Алан Брук записал в своём дневнике: «Сегодня вечером я внимательно ознакомился с докладом, касающимся возможности войны с Россией в случае будущих осложнений в отношениях между нашими странами. Нам было поручено изучить данный вопрос. Очевидно, что предположение является фантастическим, и наши шансы на успех равны нулю. Сейчас Россия практически всесильна в Европе»³⁶⁷. Вывод английских военных был однозначным и категоричным: одержать военную победу над СССР — невозможно³⁶⁸.

Но, несмотря на это, планирование антисоветской войны было начато. В меморандуме штаба военного планирования при Комитете начальников штабов Великобритании «Безопасность Британской империи», представленном Комитету начальников штабов 29 июня 1945 г.³⁶⁹, СССР официально назывался главным противником. В этом документе отмечалось, что он «имеет целью определить стратегические цели нашей внешней политики и наметить базу, на основе которой должны строиться наши перспективные планы обороны империи». В нём намечался ряд военно-политических мероприятий: установление особых отношений с США, создание военных блоков и сети баз по всему миру³⁷⁰. Как отмечал российский историк О. Царёв, «документ подготовлен с позиций реальной политики и лишён какой-либо идеологии. В силу особой секретности, он абсолютно откровенен и лишён пропагандистского прикрытия в виде рассуждений о правах человека, тоталитаризме и демократии. Вместе с тем предлагаемые решения были уже непосильны для послевоенной Великобритании. Меморандум был доложен Сталину 6 ноября 1945 г.»³⁷¹.

³⁶⁴ Ibid. С. 21.

³⁶⁵ См.: Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // ННИ, 1999, № 3. С. 98; Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // ННИ, 2002, № 3. С. 126; Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941 – 1945 годах: Союз и противоборство. // ННИ, 2004, № 2. С. 79; Фалин В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

³⁶⁶ Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // ННИ, 1999, № 3. С. 100; Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // ННИ, 2002, № 3. С. 135; Фалин В.М. К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.

³⁶⁷ Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // ННИ, 2002, № 3. С. 126.

³⁶⁸ Ibid. С. 135-138; см. также: Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941 – 1945 годах: Союз и противоборство. // ННИ, 2004, № 2. С. 80; Золоторев В.А. Непримиримые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2. С. 130-131.

Эти выводы сводились к следующему: «Согласно нашему заключению:

а) предпринимая войну с русскими, мы должны быть готовы к тотальной войне, длительной и дорогостоящей в одно и то же время;

б) численный перевес русских на суше делает крайне сомнительным возможность достижения ограниченного и быстрого [военного] успеха, даже если сообразно политическим взглядам, это будет соответствовать достижению наших политических целей». // Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // ННИ, 1999, № 3. С. 104.

³⁶⁹ Царёв О.И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941-1945 гг.). // ННИ, 1998, № 1. С. 99-104; Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР. // ННИ, 1999, № 3. С. 99-104.

³⁷⁰ Царёв О.И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации. // ННИ, 1998, №1. С. 99-100.

Для сравнения следует отметить, что СССР определил США в качестве главного противника лишь в 1950 г.

³⁷¹ Ibid. С. 99.

9. Берлинская конференция и её всемирно-историческое значение

Накануне новой встречи «большой тройки». Потсдамская конференция проходила между 17 июля и 2 августа 1945 г.³⁷² В ней приняли участие делегации СССР (руководимая И. Сталиным), США (под руководством Г. Трумэна) и Великобритании (вначале во главе с У. Черчиллем, затем с К. Эттли). Ещё 11 мая, т.е. всего «через три дня после капитуляции Германии», Черчилль телеграфировал Трумэну и предложил ему созвать новое заседание «большой тройки» за пределами советской зоны оккупации. Он предлагал президенту приехать «в первые дни июля, а затем мы вместе поедem на встречу с Дядей Джо... Трумэн сразу ответил, что он предпочёл бы, чтобы встречу предложил Сталин, и выразил надежду, что наши послы убедят его выступить с таким предложением. Далее Трумэн указывал, что он и я должны отправиться на эту встречу по отдельности, во избежание каких-либо подозрений в „сговоре“. Он выразил надежду, что по окончании конференции сможет посетить Англию, если это позволят его обязанности в Америке»³⁷³.

Ч. Болен, присутствовавший на всех конференциях «большой тройки» в качестве переводчика, отмечал, что «Потсдам отличался от двух предыдущих конференций военного времени – отличался по атмосфере, по стилю и по существу... Хотя внешне все были дружелюбны, с каждой стороны была сдержанность, которая символизировала существовавшее недоверие... В дополнение к новому президенту в американской группе были и другие перемены на важных дипломатических постах... Начиная от президента и ниже, американская делегация шла ощупью... Личная цель Трумэна была проста. Он хотел доказать Сталину, что вполне самостоятелен, что он подлинный лидер и крепко держит в руках правительство Соединённых Штатов.

Черчилль, этот старый боевой конь, повернулся почти на 180 градусов в своём отношении к Советскому Союзу. Как и другие британские лидеры до него, он не хотел, чтобы какая-то другая держава господствовала в Европе... Так велик был страх Черчилля в связи с усилением Советского Союза, что он готов был покинуть конференцию, если Советы не согласятся передвинуть в восточном направлении границу между Польшей и Германией»³⁷⁴.

Данная точка зрения подтверждается и свидетельствами близкого к президенту Р. Мэрфи: «Хотя Трумэн публично и обещал выполнять с честью все обязательства Ф. Рузвельта, он никогда не чувствовал себя ответственным за его великий план..., заключающийся в следовании повсюду совместно с русскими»³⁷⁵. Трумэн не хотел, чтобы конференция начала свою работу, прежде чем у него появится серьёзный «козырь» в кармане – атомная бомба. Поэтому он и добился её открытия в момент проведения первого атомного испытания³⁷⁶.

Германский вопрос на конференции. Главный вопрос, рассмотренный в Потсдаме, был германский, и обсуждался он на основе документа, представленного США. Были обсуждены меры, предполагающие денацификацию, демилитаризацию и демократизацию Германии. Предусматривался роспуск всех гитлеровских вооружённых сил, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями и штабами, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища³⁷⁷. «Германский нацизм и милитаризм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всём мире»³⁷⁸.

Для осуществления согласованной политики в отношении Германии был подписан специальный документ – «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»³⁷⁹. Эти принципы предусматривали: полное разоружение Германии и ликвидацию её военной промышленности, т.е. *демилитаризацию*; уничтожение нацистской партии и подконтрольных ей организаций, роспуск всех нацистских учреждений, ликвидацию фашистского законодательства, запрещение пропаганды нацистских и расистских идей, т.е. *денацификацию*; восстановление демократических прав и свобод граждан, свободу деятельности всех демократических антифашистских партий, т.е. *демократизацию*.

³⁷² Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1980. (Далее: Потсдамская конференция руководителей трёх союзных держав); Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 466-523; Petrencu A. Istorie universală. P. 52-58; Нольфо Э.Д. История международных отношений. Т. 1. С. 551-558.

³⁷³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 631-632.

³⁷⁴ Цит. по: Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 228-229.

³⁷⁵ Ibid. С. 229.

³⁷⁶ Нечаев И. В. По ступеням ядерного безумия. М, 1987. С. 16, 17.

³⁷⁷ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 445, 464; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 420.

³⁷⁸ Потсдамская конференция руководителей трёх союзных держав. С. 484.

³⁷⁹ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 445-449, 463-468; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 420-424.

В период оккупации Германия должна была оставаться единым экономическим целым³⁸⁰. Одновременно было принято решение о том, что «германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений»³⁸¹. Для решения общенациональных вопросов учреждался Союзный Контрольный Совет³⁸². Германии были навязаны репарации³⁸³. Германский флот следовало разделить на три равные части между СССР, Англией и США³⁸⁴. Было решено передать Кенигсберг и восточную часть Восточной Пруссии СССР³⁸⁵. Военных преступников следовало судить международным трибуналом³⁸⁶.

Для заключения мира с бывшими союзниками Германии был создан Совет министров иностранных дел пяти стран (США, Великобритании, СССР, Франции, Китая).

Окончательное решение польского вопроса. Много времени заняло решение польского вопроса, в первую очередь проблемы польско-германской границы³⁸⁷. В частности, Черчилль вновь воспротивился советским предложениям по этому вопросу³⁸⁸. В конечном счете, после ухода Черчилля с конференции, польская граница была установлена на севере по линии балтийского побережья, по Одеру и Западной Нейсе – на западе.

Правда, лидер британских тори в своих мемуарах пишет, что ни он, «ни Иден не согласились бы, чтобы граница проходила бы по Западной Нейсе»³⁸⁹. В этом контексте Иден писал: «Нам не следует делать люблинским полякам тех же уступок, которые мы были готовы сделать г-ну Миколайчику в целях достижения решения польской проблемы»³⁹⁰.

Итоги работы конференции. Перед началом работы конференции американцы осуществили испытание первой атомной бомбы³⁹¹ и, чтобы добиться максимальных уступок от СССР, на конференции сделали попытку косвенного давления на него, используя этот «аргумент». США проявили одновременно и большой интерес к тому, чтобы Советский Союз вступил в войну против Японии. Сталин подтвердил позицию СССР по этому вопросу³⁹².

Как вспоминает участник Потсдамской конференции Валентин Бережков, «во время неофициальных встреч не обошлось и без курьёзов. На одном из обедов, устроенных главой Советского правительства, перед гостями выступали два прекрасных пианиста и виртуозные скрипачки. Трумэн, который стремился во всём быть первым, решил посоревноваться и в этой области. По его указанию из Парижа был срочно вызван служивший там в войсках США известный американский пианист Юджин Лист... Уязвлённый всем этим, Черчилль похвастался адмиралу Леги: „По части музыки я их обставлю”. Он тут же дал в Лондон распоряжение, чтобы к обеду, на который он пригласил советского и американского лидеров, в Бабельсберг прибыл в полном составе оркестр королевских военно-воздушных сил»³⁹³.

Успешное завершение Потсдамской конференции явилось убедительным доказательством того, что три великие державы могли бы сотрудничать и в мирное время³⁹⁴. Именно в Потсдаме были заложены основы послевоенного мира. В отличие от двух предыдущих встреч «большой тройки», где многие вопросы ставились и решались изначально, Потсдамская конференция уже располагала многими важными конкретными соглашениями, достигнутыми между союзниками как в отношении дальнейшего ведения войны, так и по вопросам послевоенного мироустройства. Поэтому участникам данной встречи в ряде случаев оставалось лишь подтвердить или конкретизировать уже имевшиеся принципиальные решения.

³⁸⁰ Потсдамская конференция руководителей трёх союзных держав. С. 465; Советско-американские отношения. Т. 2. С. 445, 463-464; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 423.

³⁸¹ Потсдамская конференция руководителей трёх союзных держав. С. 465.

³⁸² Советско-американские отношения. Т. 2. С. 448, 466; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 420.

³⁸³ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 449-451, 468-469; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 424-425.

³⁸⁴ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 451-453, 469; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 426.

³⁸⁵ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 453, 470; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 426.

³⁸⁶ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 453-454, 470; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 426-427.

³⁸⁷ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 454-455, 471-472; Советско-английские отношения. Т. 2. С. 427-428.

³⁸⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 676-681.

³⁸⁹ Ibid. С. 685.

³⁹⁰ Цит. по: Сиполс В.Я., Челышев И.А. Крымская конференция. С. 49.

³⁹¹ Из докладной записки генерала Гровса военному министру США. // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 81-82.

³⁹² Советско-американские отношения. Т. 2. С. 439.

³⁹³ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 596-597; Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 246.

³⁹⁴ Правда, покидая Европу, Трумэн заявил в своём кругу, что он «твёрдо решил никогда больше не принимать участия лично в другой подобной встрече». // См.: Бережков В.М. Значение потсдамских решений. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5. С. 12 (со ссылкой на: Byrnes J. All in One Lifetime. N.Y., 1958. P. 412).

ГЛАВА 16. ВОПРОС ОБ ОТКРЫТИИ ВТОРОГО ФРОНТА

1. Проблема начала крупномасштабных военных действий против Гитлера в Западной Европе в 1941-1942 гг.

Начало дискуссии о втором фронте. После нацистского нападения на СССР англичане и американцы обязались предоставить русским разнообразную помощь. На Восточный фронт, с риском быть потопленными немецкими военными судами или авиацией, отправлялись морские караваны с провизией и вооружением. Но самой эффективной помощью могло стать лишь начало военных действий против нацистской Германии в Западной Европе. Как бы умозрительно отвечая на настойчивые требования советской стороны об открытии второго фронта, Черчилль отмечал, что «русские никогда ни в малейшей степени не понимали характера десантной операции... Даже американцы в это время в значительной мере не сознавали этих трудностей. В месте высадки необходимо было обеспечить не только господство на море, но и господство в воздухе. Надо было также учитывать ещё и третий жизненно важный фактор... [–] наличие огромной армады специально сконструированных десантных судов... [Но она] не могла быть создана ранее 1944 года»¹. Мы ещё вернёмся к этим аргументам, убедимся в степени их достоверности и увидим, что кроме вышеизложенных причин затягивания открытия второго фронта были и другие.

Убедить в своей правоте советскую сторону английскому премьеру не представлялось возможным. У. Черчилль даже вспоминает случай, что Сталин как-то заявил ему, «что если англичане боятся, он готов послать три-четыре русских армейских корпуса, которые справятся с этим делом. Из-за недостатка судов и других материальных факторов», он, Черчилль, «был лишён возможности, поймать [Сталина] на слове»². Находясь в тяжелейшем положении, Советское правительство пыталось убедить Запад в необходимости начала военных действий против Германии в ближайшем будущем, хотя, справедливости ради, следует подчеркнуть, что оно не ставило на тот момент вопрос о конкретных сроках открытия второго фронта. В значительной степени это объяснялось, как уже не раз было сказано, и его информированностью о неверии англичан в способность СССР выстоять перед лицом фашистской агрессии³.

19 июля 1941 г., когда кризис на Восточном фронте достиг апогея, английский премьер получил личное послание советского лидера, отправленное за день до этого. В нём, в частности, говорилось: «Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию... Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер ещё не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»⁴.

В своём послании Черчиллю от 3 сентября 1941 г. Сталин вновь писал: «Относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на Восточный фронт свежих 30-34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов... Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет...

Всё это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой... Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30-40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с.г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков... Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом...»⁵. А. Иден назвал этот документ «криком о помощи»⁶.

В тот же день, т.е. 3 сентября, британский посол Стаффорд Криппс доносил своему правительству из Москвы: «Очевидно, что если мы сейчас же, в последний возможный момент, не сделаем какого-то сверхчеловеческого усилия, русский фронт потеряет для нас всякое значение не только на ближайшее время, но, может быть, и навсегда. Мы весьма неудачно считали, что война, ведущаяся здесь, не имеет к нам никакого отношения. Я ещё раз подчёркиваю, как жизненно важно для нас приложить максимум усилий для оказания помощи на этом фронте, коль скоро мы хотим, чтобы он был эффективным»⁷.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 174.

² Ibid.

³ Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 81.

⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 19.

⁵ Ibid. С. 28-29; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 112.

⁶ ННИ, 2011, № 4. С. 89.

⁷ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 163-164.

Аналогичную позицию занимал и Д. Ллойд Джордж. 23.08.1941 разведка направила Сталину полученные из Лондона его оценки ситуации: «Оттягивая на себя почти всю германскую армию, СССР, так же, как Россия в прошлую войну, опять спасает Англию. Англия по существу ничего не делает для помощи СССР. Она должна была бы послать в СССР как можно больше своих истребителей и переключить на СССР американские поставки... Англичане ничего не делают для образования сухопутного западного фронта на континенте... Украина будет потеряна, после чего немцы осенью через Турцию предпримут наступление на Кавказ для захвата нефтепромыслов. Исход всей войны сейчас зависит от СССР»⁸.

На целесообразность высадки в Северо-Восточной Франции указывали и американские военные специалисты. И первоначально речь шла не о крупномасштабном наступлении, как это произошло в 1944 г., а лишь об образовании плацдарма, способного отвлечь на себя некоторую часть германских войск. Но английский премьер, на первом этапе после нацистского нападения на Советский Союз, в своем письме от 21 июля, ограничивался лишь предложением Сталину военно-морской помощи и помощи авиацией в борьбе против вермахта на северном крыле фронта, а также предлагал увеличить поставки вооружений и стратегического сырья⁹.

В ответном письме Сталину от 6 сентября Черчилль доказывал, что «в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с Восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции... Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче, – как бы похвальны ни были её мотивы – может быть полезна только Гитлеру»¹⁰. В телеграмме Стаффорду Криппсу он дополнительно подчеркнул, что «у немцев больше дивизий на Западе, чем у нас в Великобритании»¹¹. Однако предупреждение Сталина о возможных последствиях ослабления советского сопротивления, в случае затягивания в ближайшем будущем с открытием второго фронта, всё-таки подействовало на англичан. В послании к Рузвельту от 5 сентября британский премьер не исключил возможность того, что русские, «возможно, думают о сепаратном мире»¹². Следует признать, что чисто теоретически у Черчилля были определённые основания для такого предположения, хотя реально советская сторона не допускала даже мысли о сепаратном мире¹³.

13 сентября, в ответном послании своему визави, глава Советского правительства предложил альтернативный вариант реальной военной помощи СССР со стороны Великобритании: «Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению Английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25-30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР... Это была бы большая помощь»¹⁴. Однако эта помощь так и не пришла, хотя и была многократно обещана.

Причины, побудившие Черчилля изменить своё первоначальное решение о помощи советско-германскому фронту посылкой английских сухопутных сил или хотя бы авиации на южный участок этого фронта, были просты – английское правительство опасалось дальнейшего продвижения вермахта на юг СССР, на Кавказ, что могло угрожать британским интересам на Ближнем и Среднем Востоке. Однако поражение немцев в ноябре-декабре на южном фланге и под Москвой развеяло эти опасения, и английское правительство решило не посылать в СССР свои военные силы.

Вот как выразили суть этой политики ведущие английские историки второй мировой войны: «В то время предполагалось (подробности оставались для русских неизвестными) послать туда две дивизии, 18-ю и 50-ю, а также восемь-десять эскадрилий ВВС Великобритании. Но с тех пор многое измени-

---

О позиции Стаффорда Криппса см. также: Печатнов В.О. переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем осенью 1941 года (по новым документам российских и британских архивов). // ННИ, 2011, № 4. С. 89, 99.

А советскому послу Майскому британский премьер «с полуусмешкой» ответил, что «в течение ближайших 6-7 недель вам может помочь только Бог, в которого вы не верите». // Ibid.

⁸ Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 81-82.

⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 179, 180, 210; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 88-91, 117; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 20-22, 31.

¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 209; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 116; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 29-30.

¹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 211.

¹² Ibid.

¹³ Правда, существуют косвенные свидетельства того, что Сталин всё-таки допускал возможность заключения сепаратного мира с Гитлером. Г.К. Жуков рассказал писателю-фронтовику В.А. Анфилову, что прибыв в начале октября 1941 г. из Ленинграда к Сталину, застал в его кабинете Берию, которому, не обращая внимания на вошедшего Жукова, «хозяин» сказал, чтобы он на всякий случай через свою агентуру провёл зондаж о возможных условиях заключения мира с Германией. // См. Анфилов В.А. «...Разговор закончился угрозой Сталина». // ВИЖ, 1995, № 3. С. 44.

¹⁴ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 118; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 32.

лось. Контрнаступление войск Тимошенко севернее Ростова уменьшило опасность захвата немцами Кавказа, а успехи русских на Ленинградском фронте и под Москвой подтвердили, что Красная Армия сумела справиться с отчаянным положением»¹⁵.

Уже после войны Черчилль писал, что он «всячески старался путём частого дружественного обмена личными телеграммами создать такие же дружественные отношения, какие сложились у меня с президентом Рузвельтом. За время длительной переписки с Москвой меня не раз осаживали и только изредка удостаивали добрым словом... Советское правительство полагало, что русские оказывают нам огромную услугу, сражаясь в своей собственной стране за свою собственную жизнь. И чем дольше они сражались, тем в большем долгу они нас считали». Черчилль так же постоянно, хотя и вполне справедливо, подчёркивает мысль, что в значительной степени советская сторона сама несёт ответственность за отсутствие столь желанного ею Второго фронта – когда Францию уничтожали, сталинское руководство хладнокровно взирало на эту трагедию¹⁶.

Возможности вторжения союзников в Западную Европу в 1942 г. и причины оттягивания этого события. Нельзя не отметить, что осенью 1941 г. число дивизий Британской империи достигло 99. Что касается имевшихся в Англии сил, то в письме к Рузвельту от 20 октября Черчилль писал: «Размеры этих вооружённых сил значительно превосходят наши планы, которые мы составили в начале войны. Это стало возможным благодаря тому, что после потери Дюнкерка мы не предпринимали серьёзных военных действий и что вооружение и резервы не расходовались, а накапливались в больших количествах»¹⁷. На островах были дислоцированы 2 тыс. танков и сто эскадрилий истребительной авиации¹⁸. Немцы же на момент 22 июня 1941 г. располагали на Западе всего 38 дивизиями, которые, по словам Мюллера-Гиллебранда, «как правило, не представляли собою полноценных соединений»¹⁹.

Кроме того, уже в сентябре 1941 г. началась практика замены разбитых на советско-германском фронте частей снятыми с Запада наиболее боеспособными войсками. После перехода Красной Армии в контрнаступление под Москвой, в изданной Гитлером 8 декабря директиве № 39 о переходе к обороне отмечалось, что мобилизация военнообязанных 1922 года рождения недостаточна для восполнения потерь на Восточном фронте, поэтому следовало усилить этот фронт за счёт ослабления немецких войск во Франции. «В вопросе обмена сил между Восточным и Западным фронтами следует руководствоваться следующим. Находящиеся на Западном фронте полностью боеспособные дивизии..., а также танковые дивизии необходимо обменять на особенно измотанные на Востоке дивизии. При этом следует иметь в виду, что в течение зимы во Франции будет допущено временное ослабление находящихся там сил»²⁰.

С ноября 1941 г. по февраль 1942 г. число немецких дивизий во Франции, Бельгии и Голландии сократилось с 37 до 27²¹. Необходимо учитывать и тот факт, что немецко-фашистские войска в Западной Европе осуществляли две функции – несли оккупационную службу и готовились к отражению предполагаемого вторжения противника с моря. В первом случае их необходимо было рассредоточить на всей оккупированной территории, а во втором, напротив, сконцентрировать в наиболее угрожаемых районах. В условиях недостатка сил способность отразить вторжение, конечно, ослаблялась этими противоречивыми потребностями, ни одним из которых гитлеровское командование пренебречь не могло.

Морское побережье от устья Шельды до испанской границы (1850 км) охранялось лишь 19 дивизиями, что составляло, в среднем, 100 км на одну дивизию²². Следует также учитывать, что за английской армией стояла американская, численностью в 1,6 млн человек и поддерживаемая почти 200 эскадрильями тактической авиации²³. Если англичане смогли в течение семи дней под жестокой немецкой бомбёжкой эвакуировать из Дюнкерка 338 тыс. человек, то почему объединённый англо-американский флот под мощным прикрытием с воздуха не мог высадить 30 – 40 дивизий первой очереди десанта в любом месте европейского побережья от Голландии до Бискайского залива? Немецкие ВВС в силу своих возможностей не смогли бы воспрепятствовать этой операции.

Что касается материальных средств, в том числе транспортных и танкодесантных судов, то в достаточном количестве их можно было накопить к концу 1942 – началу 1943 гг. По мнению генерала Маршалла, административный гений американских бизнесменов вполне позволял успешно разрешить эту проблему²⁴. Уже в 1940 г. в Англии было налажено производство танкодесантных плоскодонных барж,

¹⁵ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 243.

¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 181, 212, 219.

¹⁷ Цит. по: Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 78.

¹⁸ Ibid. С. 79.

¹⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945 гг. Т. 2. М., 1958. С. 148, 152.

²⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. С. 345-346.

²¹ Кулиш В.М. Раскрытая тайна С. 149; Кулиш В.М. История второго фронта. С. 115.

²² Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 84.

²³ Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. С. 68.

²⁴ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 472.

способных перевозить тяжёлую технику через Ла-Манш. Конечно, они не годились для длительных морских переходов. Поэтому, когда было принято решение высадиться в Северной Африке, они были сняты с производства.

Отметим также, что к началу 1942 г. вооружённые силы США насчитывали свыше 2100 тыс. чел., а в сухопутных силах Англии было около 3,3 млн чел., в ВВС – 750 тыс. и во флоте – 500 тыс. Только за 1941 г. Англия произвела более 20 тыс. боевых самолётов и свыше 15 тыс. танков, а США за вторую половину 1941 г., соответственно, 23 тыс. боевых самолётов и 12 тыс. танков²⁵. Таким образом, проблема, в принципе, заключалась не в недостатке материальных средств²⁶, а в политическом решении. Наш вывод подтверждается многими доказательствами, в том числе и мнением знающего все тонкости англо-американской политики А. Гарримана: высадка в Африке «показала, что западные союзники могли развернуть подобное наступление на побережье Нормандии или Бретани. Им не хватило желания нанести удар на Западе»²⁷.

Вот что писал в НКВД советский посол в Вашингтоне М. Литвинов ещё 20 января 1942 г. в связи с «невозможностью» открытия второго фронта из-за «нехватки» транспортных средств: «Если... имеются средства для переброски американских войск на Ближний Восток, на Север Ирландии и в Мурманск, как Рузвельт предлагал, то почему бы не использовать эти средства для более серьёзной цели? Если Америка ещё не готова принять участие в военных операциях, то американские войска могли бы быть отправлены для защиты Великобритании, с тем чтобы английские войска переправились через Канал на континент... Если не могут помогать военными материалами, пусть помогают людьми, тем более, что американская армия неплохо оснащена, а англичане тоже, вероятно, успели оснастить свою армию»²⁸.

Поскольку было принято решение о высадке в Африке, то и все приготовления были направлены на его реализацию. А это предопределило практическую невозможность открытия второго фронта и в 1943 г. Фельдмаршал Монтгомери писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Когда североафриканский проект („Факел“) был одобрен, все понимали, что это означает не только отказ от всяких операций в Западной Европе в 1942 году, но и утрату возможности подготовить в Англии военные силы для атаки через Ла-Манш в 1943 году»²⁹.

Самым убедительным доказательством верности высказанного нами мнения о политических причинах откладывания высадки союзников в Северной Франции является принятый 16 декабря 1941 г. английский план дальнейшего ведения войны³⁰. В заключении его первой части чётко говорилось, что «война на Западе в 1942 году будет включать в качестве основных наступательных операций оккупацию Великобританией и Соединёнными Штатами всех французских владений в Северной и Западной Африке и установление их контроля над этими территориями, а также установление контроля Великобритании над всем североафриканским побережьем от Туниса до Египта»³¹.

Как видно из этого документа, у англичан и в мыслях не было предпринимать какие-либо подготовительные усилия для скорейшего открытия второго фронта в Европе: «Маловероятно, чтобы в 1942 году стало возможно какое-либо крупное наступление на Германию, кроме наступления на русском фронте... В 1943 г. может оказаться расчищенным путь для возвращения на континент либо через Средиземное море, либо из Турции на Балканы, либо путём одновременной высадки в нескольких оккупированных странах Северо-Западной Европы»³². Правда, на следующий, 1943 г., предусматривались операции по освобождению стран Западной и Южной Европы и окончание войны в конце 1943 г. или в 1944 г.³³

В уже упомянутой выше памятной записке для начальников штабов, относящейся к этому же времени, Черчилль с циничной откровенностью выразил суть своей позиции в отношении открытия второго фронта: «Ни Великобритания, ни Соединённые Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях [т.е. в борьбе против вермахта на европейском континенте – С.Н.], за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки снабжения, которые мы обещали. Только так мы сможем сохранить своё влияние на Сталина и только так мы сможем вплести усилия русских в общую ткань войны»³⁴. «Чем большие потери нанесут немцы красным, – говорил сэръ Уинстон, – тем лучше будет для Англии»³⁵.

²⁵ Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. С. 39.

²⁶ О данном «недостатке» пишет, в частности М. Мэтлофф. // Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 76-84.

²⁷ Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941-1946. N.Y., 1975. P. 175.

²⁸ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 149-150.

²⁹ Цит. по: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 147.

³⁰ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 246-256, 262-264.

³¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 297.

³² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 264, 508; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс... Т. 2. С. 31.

³³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 300-301.

³⁴ Цит. по: Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 246.

³⁵ Цит. по: Сквайрс Р. Дороги войны. М., 1952. С. 15-16.

Эллиот Рузвельт писал, что Британская империя стремится к тому, «чтобы нацисты и русские уничтожали друг друга, пока Англия будет накапливать силы»³⁶. Британского премьера более всего волновала возможность затянуть на длительный срок советско-германскую войну и к её концу максимально ослабить СССР. Чем дольше будет продолжаться война, тем сильнее будет зависимость Советского Союза от западных союзников. Однако, объективно, в любом случае, «действия англичан и американцев ослабляли Гитлера и отводили от СССР японскую угрозу»³⁷. Поэтому даже такая цинично-эгоистическая политика англосаксов в отношении Советского Союза в решающей степени облегчала его положение, исключая наихудший вариант – войну на два фронта, одновременно с Германией и Японией.

Правда, некоторые профессиональные британские военные, вопреки позиции политического руководства своей страны, считали открытие второго фронта не только необходимым, но также и возможным. Так, 10 марта 1942 г. комитет начальников штабов рассмотрел доклад своего планирующего органа по вопросу о наступательных операциях. В этом докладе отмечалось, что, помимо поставок предметов снабжения, прямой помощи Советскому Союзу Великобритания не оказывает, хотя её «действия на Среднем Востоке и авиационное наступление на Западе в известной степени вынуждают Германию отвлекать силы, которые в противном случае она могла бы использовать на советско-германском фронте. Этого недостаточно... Нашим величайшим вкладом в дело разгрома Германии было бы создание серьёзного отвлекающего фактора на Западе, способного сорвать планы немецкого командования и вынудить его перебросить часть сил с советско-германского фронта на Запад. Нехватка транспортных судов исключает осуществление такого плана где-либо, за исключением района Ла-Манша»³⁸.

Выходит, английские планирующие органы считали открытие второго фронта в Европе в 1942 г. вполне реальным, и «нехватка транспортных средств», на что постоянно ссылался Черчилль, была не более чем отговоркой. Как пишут Батлер и Гуайер, «по чисто военным соображениям, планирующие органы считали свой довод о создании такого отвлекающего фактора неопровержимым»³⁹.

Ещё 11 февраля комитет по планированию сообщил, что к осени, благодаря нарастающим успехам русских, можно ожидать ослабления сил и спада морального духа немецких войск на Западе и что весной 1943 г., а может быть и ранее, англичанам удастся захватить и удержать плацдарм на континенте. Операция может принять форму срочной высадки перед лицом ослабевающего сопротивления противника в 1942 г. или планомерной высадки более крупных сил в 1943 г.⁴⁰ «Планирующие органы полагали, – отмечают Батлер и Гуайер, – что если нам удастся отвлекать силы немцев с советско-германского фронта, то даже потеря десанта будет оправдана успехом на Востоке.

Необходимость неотложной помощи Советской России как аргумент в пользу осуществления высадки десанта на побережье Ла-Манша в условиях, когда силы Германии ещё не сломлены, фигурировала в наших планах впервые. Прежде при разработке подобных планов исходили из предположения, что осуществить их можно будет только тогда, когда Германия будет ослаблена иными средствами. Теперь, наоборот, начали звучать нотки самопожертвования. При более детальном рассмотрении предложений планирующих органов выяснилось, что практические трудности высадки десанта на обороняемое противником побережье настолько велики, что никакая крупная десантная операция в 1942 году не окажется мыслимой, если, конечно, Германия не будет поставлена на грань поражения другими средствами»⁴¹.

Именно такой точки зрения придерживались высшие английские военные руководители. «Если бы в Европе было возможно наступление крупных сухопутных сил, – заявил советник премьер-министра Джон Дилл своему шефу, – то, конечно, это был бы наилучший способ помочь русским и нашему общему делу. Однако тот факт, что немецкая военная машина ещё цела и что мы испытываем нехватку морского транспорта вообще и десантно-высадочных судов в частности, со всей очевидностью говорит о невозможности проведения сколько-нибудь полезной десантной операции»⁴². В докладе трёх командующих видов вооружённых сил, рассмотренном 28 марта, был сделан вывод, что высадка во Франции в 1942 году вряд ли будет успешной при имеющихся в распоряжении союзников силах и средствах, если моральный дух немцев не будет сломлен»⁴³.

8 мая комитет начальников штабов пришёл к выводу, что «ввиду большой зависимости успеха операции от метеорологических условий, трудностей снабжения войск и переброски подкреплений, а также нехватки специальных десантных средств, проведение операции „Следжхаммер“^г при имеющихся

³⁶ Рузвельт Э. Его глазами. С. 50.

³⁷ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 144.

³⁸ См.: Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 433.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. С. 434.

⁴¹ Ibid. С. 435.

⁴² Ibid. С. 436.

⁴³ Ibid. С. 437.

^г Примечание научного редактора: Кодовое наименование операции, предусматривающей ограниченную по масштабам высадку союзников в Северной Франции в 1942 г.

ресурсах с военной точки зрения нецелесообразно»⁴⁴. По свидетельству Брэдли, «англичане хотели воспользоваться вторжением только для нанесения завершающего удара лишь тогда, когда немцы будут находиться на грани истощения»⁴⁵.

Позиция американцев в вопросе о начале военных действий против Германии. Следует отметить, что позиция США в вопросе об открытии второго фронта была намного конструктивнее, чем у английского руководства. Американские военные раскритиковали британский план, «так как он предусматривал лишь действия вдоль периметра обороны, а не массированный удар на главном направлении, что считалось у американских военных кругов основой всякой солидной стратегии»⁴⁶. Так, в послании Черчиллю от 3 апреля 1942 г., Рузвельт писал: «Ваш народ и мой требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше снаряжения, чем Вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, *крупная цель* будет достигнута»⁴⁷. Правда, некоторые английские историки видят основную причину оптимизма американцев по поводу открытия второго фронта в 1942 г. в их «неосведомлённости в вопросах техники проведения морских десантных операций», что «привело американских руководителей к недооценке трудности высадки десанта на обороняемое побережье»⁴⁸.

После вступления Соединённых Штатов в войну возросла их заинтересованность в том, чтобы сковать основные силы гитлеровской армии на советско-германском фронте. Данную заинтересованность выразил в своём донесении в госдепартамент поверенный в делах США в СССР Терстон: Россия играет в войне «главную роль, являясь единственной державой, которая действительно борется с Германией и, по-видимому, в состоянии осуществить физический разгром гитлеровских армий»⁴⁹. Советский Союз «ведёт в Европе по существу всю борьбу за союзников, – писал помощник государственного секретаря Б. Лонг. – ...Самой важной задачей является удержать Россию в борьбе»⁵⁰.

Как бы подводя своеобразный итог американской позиции по вопросу о втором фронте, английские исследователи Дж. Батлер и Дж. Гуайер писали: «Ко времени Вашингтонской конференции в военном министерстве США уже вполне сформировалось мнение, что войну в Европе можно выиграть лишь лобовым ударом по немецкой армии, то есть прямым нападением на позиции немцев в Северо-Западной Европе, как бы дорого это ни обошлось»⁵¹. И тут же добавляют, что «в условиях того времени позиция американцев была понятна, но её вряд ли можно было назвать удачной»⁵².

И далее они поясняют свою позицию: «В 1942 году на Западном фронте Германия сохраняла подавляющее превосходство на суше. Учитывая обстановку на советско-германском фронте, немцы могли использовать отличную сеть своих коммуникаций в направлении восток – запад для поддержания необходимого превосходства над любыми силами союзников, которые могли быть высажены на побережье Ла-Манша»⁵³. Здесь авторы абсолютно не учитывают того факта, что снятие частей вермахта с Восточного фронта немедленно усилило бы давление Красной Армии на немцев и они не смогли бы эффективно воспрепятствовать высадке союзников на севере Франции.

Американцы, выступавшие в 1942 г. за немедленное открытие второго фронта, руководствовались различными соображениями. Одни опасались, что гитлеровские армии сломят сопротивление советских войск. Другие настаивали на том, чтобы занять Центральную Европу и Балканы до того, как туда

---

⁴⁴ Ibid. С. 473.

Следует отметить, и об этом ещё пойдёт речь, что далеко не все в Англии придерживались данной точки зрения. В этом смысле показателен следующий эпизод, о котором рассказал адмирал Харламов, в годы войны возглавлявший советскую военную миссию в Лондоне. На одном дипломатическом приёме он беседовал с А. Иденом о необходимости быстрого открытия второго фронта, и в это время к ним подошёл Ллойд Джордж и решительно поддержал советского представителя. «Сейчас это трудно осуществить, – возразил Иден экс-премьеру. – У нас не хватает транспортных средств. И, к тому ж, паромы тихоходны». «Ну конечно, – съязвил Ллойд Джордж, – в первую мировую войну Ла-Манш был, конечно, более узким, а паромы значительно быстрее. Может, это позволило нам перебросить во Францию миллион солдат?» Не успел Ллойд Джордж отойти, как Иден счёл необходимым сгладить слова бывшего премьера: «Не обращайтесь на него внимания. Он уже стар, и ему трудно ориентироваться в современной обстановке». «Помоему, – не удержался Харламов, – Ллойд Джордж прекрасно знает ширину Ла-Манша». Иден сделал вид, что не слышал этого замечания. // Харламов Н.М. Трудная миссия. М., 1983. С. 47.

⁴⁵ Брэдли О. Записки солдата. С. 215.

⁴⁶ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 266.

⁴⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 448; об этом же 6 мая 1942 г. президент писал и генералу Макартуру. // См.: Constantiniu Fl. De la Carta Atlanticului la „Brăul de securitate” al URSS. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 3-4. P. 191.

⁴⁸ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 471.

⁴⁹ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 86.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 266-267.

⁵² Ibid. С. 267.

⁵³ Ibid. С. 429.

вступят советские войска. Но как бы то ни было, в США влиятельное меньшинство, к которому примыкал и сам Рузвельт, выступало за незамедлительное открытие второго фронта во Франции. Поражение Германии, говорил президент, означает поражение Японии, тогда как поражение Японии не означает поражения Германии. Ещё 13 февраля 1942 г. в беседе с М. Литвиновым президент согласился с мыслью, что прежде, чем разгромить Японию, необходимо разбить Германию⁵⁴. Данную мысль президент пытался внушить и англичанам⁵⁵.

Эти намерения нашли отражение в меморандуме начальника оперативного управления американского военного министерства генерал-майора Дуайта Эйзенхауэра от 28 февраля: «Мы должны совместно с англичанами безотлагательно составить план операций в Северо-Западной Европе. Этот план необходимо разработать немедленно и во всех деталях; он должен быть достаточно обширным, чтобы позволить нам, начиная с середины мая, вовлекать в боевые действия всё более крупные силы немецкой авиации, а к концу лета – всё более крупные силы её сухопутных войск»⁵⁶.

В своих мемуарах он так обосновывал необходимость скорейшего открытия второго фронта в Европе: «Европейские державы оси были единственным из двух наших противников, на кого могли одновременно наступать все три мощных союзника – Россия, Великобритания и Соединённые Штаты. Из числа этих союзников только Соединённые Штаты имели возможность выбора наступления в первую очередь против того или иного противника. Но если бы мы решили сначала всеми силами выступить против Японии, то союзники разделились бы, причём два из них оказались бы перед риском поражения или, в лучшем случае, вели бы нерешительные бои против стран оси. Между тем Америка, ведя войну в одиночестве против Японии, всё равно после победы на Тихом океане оказалась бы перед необходимостью начать совместно с надломленными или жестоко обескровленными союзниками боевые действия против империи Гитлера. Далее, исключительно важное значение играло то обстоятельство, что тогда было неизвестно, как долго Россия может выстоять под ударами вермахта. Никакие действия против Японии, очевидно, не помогли бы России продолжать войну. Единственный способ помочь этой стране, помимо доставки ей военных грузов кораблями, состоял в том, чтобы вступить в войну в Европе самым эффективным путём. И наконец, поражение европейских держав оси высвободило бы английские войска для использования против Японии»⁵⁷.

Генерал Д. Эйзенхауэр, защищая разработанный им план, выдвигал следующие аргументы: «Так как безопасность коммуникаций в Англии необходимо обеспечивать в любом случае, операции в Западной Европе не потребуют дальнейшего распыления оборонительных воздушных и морских сил; используя кратчайший морской путь, США могли бы обеспечивать большую армию и наименьшим тоннажем; своевременное сосредоточение авиации и наземных войск в Великобритании явилось бы достаточной угрозой для Германии и помешало бы ей использовать все свои силы против СССР; наступление через Ла-Манш давало возможность самым коротким наземным путём приблизиться к промышленным центрам Германии; в Англии уже имелись аэродромы, с которых авиация союзников могла проводить операции с целью завоевания господства в воздухе, необходимого для успешной высадки десанта; можно использовать значительную часть английских войск, не ослабляя обороны страны»⁵⁸.

Комментируя обсуждение вопросов на Вашингтонской конференции, 22 января 1942 г. он писал: «Нам необходимо высадиться и воевать в Европе, нам нужно прекратить разбрасывание своих ресурсов по всему свету и, что ещё хуже, терять время»⁵⁹. А генерал Арнольд заявил Рузвельту и Черчиллю, что единственный способ выиграть войну – ударить по наиболее уязвимому для Германии месту, там, где сосредоточена её мощь, «организовав высадку через Ла-Манш из Англии, используя кратчайшую и самую прямую дорогу на Берлин»⁶⁰.

6 марта 1942 г. объединённая комиссия стратегического планирования в составе представителей армии и флота признала, что только с Британских островов можно было применить американские и английские войска против Германии и развернуть наступление с целью разгрома немецких вооружённых сил. Как показали расчёты комиссии, чтобы принудить немцев к «переброске значительной части войск с русского фронта», требовались сухопутные войска численностью примерно 600 тыс. человек, поддержанные авиацией, имеющей в своём составе до 6 тыс. самолётов⁶¹.

⁵⁴ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 152.

⁵⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 236.

⁵⁶ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 439.

⁵⁷ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 55.

⁵⁸ См.: Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. С. 211-212; см. также Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 118-120.

⁵⁹ См.: Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр и советско-американские союзнические отношения в 1941 – 1945 гг. // США: ЭПИ, 1995, № 5. С. 17.

⁶⁰ См.: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 74.

⁶¹ Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. С. 207.

25 марта Эйзенхауэр в новом меморандуме, одобренном Маршаллом и Рузвельтом, заявил, что «ближайшими важными задачами... являются: обеспечение безопасности Англии, сохранение России в качестве активного союзника в войне и оборона Среднего Востока. Все остальные задачи должны считаться весьма желательными, но не обязательными... Главной целью нашего большого наступления должна быть Германия, которую надо атаковать на западе Европы».

Этот вывод обосновывался следующими соображениями: а) операции в Западной Европе не требуют дальнейшего распыления сил; б) с помощью наименьшего тоннажа США могли бы снабжать наибольшую армию; в) уже одно сосредоточение войск в Великобритании составляло бы угрозу для Германии и помешало бы ей использовать все силы на Восточном фронте; г) Великобритания обладала развитой сетью аэродромов, с которых авиация союзников могла вести действия с целью завоевания господства в воздухе, необходимого для успешной высадки морского десанта; д) для вторжения можно было в максимальной степени использовать английские вооружённые силы, не ослабляя при этом обороны страны; е) нанесение удара через Ла-Манш давало возможность кратчайшим путём выйти к важнейшим промышленным центрам Германии; ж) наконец, осуществление этого плана было бы попыткой нападения на Германию в тот момент, когда её силы были скованы на других фронтах⁶².

Англо-американские переговоры по вопросу о втором фронте. Однако американские инициативы об открытии второго фронта в 1942 г. натолкнулись на упорное сопротивление в Англии. 8 апреля Гопкинс и генерал Маршалл прибыли в Лондон и привезли меморандум, составленный американским комитетом начальников штабов и одобренный президентом⁶³. В нём отмечалось, что именно Западной Европе отдаётся предпочтение «в качестве театра для организации крупного наступления Соединённых Штатов и Великобритании. Только там могут быть полностью развёрнуты их объединённые ресурсы на суше и на море и оказана максимальная поддержка России. Решение начать наступление должно быть принято немедленно»⁶⁴.

Предполагалось, что силы вторжения должны будут состоять из 48 дивизий, включая 9 бронетанковых, при поддержке 5800 самолётов. В документе отмечалось, что вторжение может начаться не ранее 1 апреля 1943 г. Раньше это могло случиться лишь «в качестве чрезвычайной меры, либо а) с целью использовать неожиданный крах Германии, либо б) „в порядке жертвы“, чтобы предотвратить неизбежное крушение русского сопротивления»⁶⁵. Планирование вторжения на европейский континент в 1942 г. определялось крайней заинтересованностью правительства и военных кругов США в сохранении советско-германского фронта, без которого победа над фашистской Германией не мыслилась.

И хотя в ответном послании Рузвельту британский премьер выразил своё согласие с предложенным планом, на деле это было не так, и вскоре все в этом убедились. Впоследствии Исмей писал, что англичане фактически обманули американцев⁶⁶. Одновременно Черчилль отмечал, что «германская кампания против России поглотит крупные ресурсы и, следовательно, сократит рискованность наших операций»⁶⁷. В его расчёты не входило ввязываться в опасную, а возможно, и довольно напряжённую борьбу в Европе в 1942 г., когда Германия ещё далеко не истощила свои ресурсы, а её вооружённые силы сохраняли высокую боеспособность.

⁶² Ibid. С. 211-212.

Вот что пишет в своих воспоминаниях о позиции Маршалла в вопросе об открытии второго фронта, позиции, выражавшей отношение подавляющего большинства американских военных, выдающийся военачальник Омар Н. Брэдли: «Уже в сентябре 1941 г. он заявил английским начальникам штабов, что войну нельзя выиграть одним выжиданием. Германию нельзя разбить никакими окольными путями, кроме как наступательными действиями. Чтобы подавить наступательную мощь Германии, говорил Маршалл, необходимо схватиться с германской армией и уничтожить её в открытом бою... Для того, чтобы Россия могла устоять против Германии как наш союзник, мы должны оказать ей немедленную помощь. Под этой помощью понималось отвлечение германских войск с русского фронта, что могло быть достигнуто только открытием второго фронта... В связи с приближением союзных армий к германской границе с Запада, Гитлер неизбежно ослабил бы свои войска на Восточном фронте. Никакой другой образ действий союзников не мог дать таких решающих результатов». // Брэдли О. Записки солдата. С. 207, 208, 209.

⁶³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 121, 124.

⁶⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 448; см. также Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 180; Ștefănescu A.V. Ziua „Z”: Asaltul decisiv asupra „Fortăreței Europa”. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 6. P. 56.

«Генерал Маршалл... не хотел отвлекать силы на авантюру в Средиземном море, которая в стратегическом отношении носила чисто оборонительный характер. Освобождение Северной Африки привело бы к сохранению Средиземного моря в руках союзников, однако победа на этом театре не дала бы решающих результатов. Если бы союзники израсходовали свои силы на второстепенных театрах, тогда у них не осталось бы войск для осуществления вторжения через Ла-Манш крупными силами... Но на пути осуществления этого плана встал Черчилль». // Брэдли О. Записки солдата. С. 209, 212.

⁶⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 449; Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 441.

⁶⁶ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. С. 301.

⁶⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 451.

Высадиться на континенте главными силами, о чём уже говорилось выше, намечалось лишь в 1943 г., да и то лишь для завершения разгрома уже обескровленной к тому времени гитлеровской державы и установления в Европе господства Великобритании. Лондон «рассчитывал, что материальное превосходство, которым уже располагали союзники, станет ощутимым в 1943-м и подавляющим в 1944 году. А кроме того, зачем излишне рисковать и, быть может, идти на новый Дюнкерк, в то время как на русском фронте с каждым днём всё больше и больше изматываются силы врага?»⁶⁸.

Поэтому при тех обстоятельствах основные усилия английских правящих кругов были направлены на сохранение их колониальной империи. По вполне обоснованному определению де Голля, «политика Лондона в данных условиях была нацелена на Средиземноморье, где Англия защищала свои завоеванные позиции... Вот почему Великобритания старалась направить англо-американское наступление в сторону этого театра»⁶⁹. Де Голль также отмечал, что англичане опасались, как бы вместо немцев на Балканах не оказались русские⁷⁰.

И вскоре Черчилль предложил другую операцию в качестве «альтернативы» «Оверлорду». Это «был десант во Французской Северо-Западной Африке», операция «Джимнаст», вскоре, как уже отмечалось, переименованная в «Торч». Правда, у него «был второй альтернативный план... Это был „Юпитер“ – план освобождения Северной Норвегии. Это было бы прямой помощью России... Я лично стоял за „Торч“, и, если бы я мог полностью поступить по-своему, я испытал бы также план „Юпитер“ в 1942 году»⁷¹.

Английский комитет начальников штабов также составил официальный ответ на предложения американцев и 14 апреля обсудил его текст с Маршаллом. Что касается действий англичан, то предполагалось исходить из обстановки, складывающейся на советско-германском фронте. Если бы она сложилась неблагоприятно, то они должны были бы предпринять «экстренные меры, чтобы отвлечь силы немецко-фашистской армии с Восточного фронта. Это могло произойти в любое время после июня, и мы приветствовали бы скорейшее прибытие в Великобританию новых частей американской авиации... Последующее прибытие американских сухопутных войск позволило бы нам усилить свои экспедиционные войска на континенте... Поскольку ухудшение погоды обычно наступает во второй половине сентября, нам нужно было начать операцию не позднее августа, чтобы обеспечить захват крупного порта к третьей неделе сентября». Алан Брук заверил Маршалла, что английские военные согласны с необходимостью проведения операции в Европе в 1943 г., но следует помнить, что если обстановка и вынудит англичан провести высадку на континент в 1942 г., то она будет небольшой по масштабу⁷². Как он отметил в своём дневнике, «мы приняли предложение американцев о возможном проведении наступательных действий в Европе в 1942 году и о безусловном – в 1943 году»⁷³.

Если английские руководители пытались сохранить империю, то, в расчётах американских стратегов, и Британская империя, и сама Англия были только фигурами в мировой игре, в конце которой маячила мировая гегемония США, как результат достижения ими полного военного преобладания над всеми странами. Но для этого тогда, в 1942 г., прежде всего, требовалось, чтобы Советский Союз продолжал сражаться, связывать Германию, даря Америке время для создания всеокрушающей военной мощи. Ключевое, решающее значение для них имела способность Советского Союза продолжать борьбу против Германии. В июне 1942 г. в беседе с министром финансов Г. Моргантау Рузвельт заявил: «В целом ответ на вопрос: выиграем мы войну или проиграем – зависит от русских. Если русские смогут продержаться это лето и будут сковывать в боях три с половиной миллиона немцев, то мы определённо сможем одержать победу»⁷⁴. А ещё 11 марта он говорил своему министру, что «ничего не может быть хуже, чем катастрофа русских... Я скорее потерял бы Новую Зеландию, Австралию или что-нибудь ещё, чем согласился бы с поражением русских»⁷⁵.

Эта же мысль, об исключительном значении для Америки советско-германского фронта, подчёркивается и в документе Объединённого комитета начальников штабов армии США, подготовленном задолго до открытия второго фронта: «Где бы союзники ни открыли второй фронт на континенте, он всё равно сохранит своё безоговорочно второстепенное значение по отношению к советско-германскому фронту. В любом случае русские по-прежнему будут нести главное бремя войны. Без России немислима победа в войне со странами „оси“ в Европе»⁷⁶.

⁶⁸ Голль Ш. Военные мемуары. Единство. С. 11-12.

⁶⁹ Ibid. С. 12.

⁷⁰ Ibid. С. 300-301.

⁷¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 454-455.

⁷² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С., 441-442.

⁷³ Ibid. С. 443.

⁷⁴ История второй мировой войны. Т. 5. С. 67.

⁷⁵ См.: Борисов А. Уроки второго фронта. С. 40.

⁷⁶ Мальков В.П. Гарри Гопкинс: страницы политической биографии. // ННИ, 1979, № 4. С. 132.

30 мая 1942 г. на совещании в Белом доме начальник штаба американской армии генерал Маршалл утверждал, что США имеют всё для успешного развёртывания военных действий в Европе: подготовленные контингенты войск, бронетанковые дивизии и военное снаряжение⁷⁷. Трудность вызывает морской транспорт, но и эта трудность, по мысли Маршалла, преодолима. На этом же совещании президент Рузвельт поручил информировать Советское правительство, что США предполагают создать второй фронт в 1942 г.⁷⁸

Переговоры В.М. Молотова с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем весной-летом 1942 г. Этот важнейший вопрос стал главным предметом переговоров и во время визита Молотова в мае – июне 1942 г. в Вашингтон⁷⁹. В ходе имевших место бесед Рузвельт в который раз подчеркнул, что Гитлер является главным общим врагом и что основные силы союзников должны быть направлены против фашистской Германии, для того, чтобы в первую очередь покончить с ней, а затем с Японией⁸⁰. Он много раз повторял, что второй фронт в Европе должен быть открыт в 1942 г.⁸¹

Молотов описал положение на советско-германском фронте и заявил, что Гитлер, используя ресурсы всей Европы, возможно, добьётся в ходе предстоящего летнего наступления против Красной Армии серьёзных успехов и тогда СССР может не выдержать удара. С такой возможностью следует считаться, предупредил советский нарком, и тогда советский фронт в 1943 г. перестанет быть главным, решающим фронтом. Силы Советского Союза будут подорваны, а силы Гитлера сильно возрастут за счёт захвата огромных советских территорий, включая нефтеносные районы Баку, и в результате трудности союзников колоссально увеличатся. В этих условиях, в 1943 г. обстановка сложится более тяжёлая, чем в 1942 г., и борьба против Гитлера будет более сложной, затяжной и потребует больших жертв.

Таким образом, продолжил Молотов, вопрос о втором фронте – это вопрос, который надо решать не только с точки зрения соотношения сил в настоящее время. Его отсрочка чревата риском для СССР и большой опасностью для США и Англии. Поэтому надо взвесить трудности борьбы с Гитлером в 1942 и в 1943 гг., считаясь с тем, что в 1943 г. эти трудности значительно возрастут. «Если бы союзные Соединённые Штаты и Великобритания, – подытожил Молотов, – смогли бы при описанном выше положении оттянуть с нашего фронта и сковать хотя бы 40 германских дивизий, то соотношение сил резко изменилось бы в нашу пользу. Мы были бы уверены, что в этом случае Гитлер будет разбит в 1942 г. или, по крайней мере, будет предпрешён его крах в 1943 г.»⁸².

Президент согласился с Молотовым⁸³ и заявил, обращаясь к Маршаллу и Кингу: «Мы будем в 1943 г. гораздо сильнее. Но может случиться, что Гитлер в 1943 г. будет ещё более силён, чем мы, и поэтому откладывание вопроса о втором фронте до 1943 г. может не дать ожидаемых преимуществ; это ясно выразил Молотов. Мы хотим открыть второй фронт в 1942 г.». Рузвельт спросил Маршалла, может ли Молотов передать Сталину, что американское правительство готовится к созданию второго фронта в 1942 г.? Маршалл как убеждённый сторонник второго фронта ответил, что американские военные де-

---

⁷⁷ См. План операций в Западной Европе, предложенный генералом Маршаллом. // Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 512-518.

⁷⁸ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 42.

⁷⁹ Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. С. 69-92; Запись совещания военных представителей Англии, США и СССР о создании второго фронта в Европе в 1942 г. // ВИЖ, 1994, № 3.

⁸⁰ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 178; Киссинджер Г. Дипломатия. С. 362.

Ещё 28 сентября 1940 г., на второй день после подписания тройственного пакта, в Белом доме состоялось совещание под председательством президента, на котором было принято решение признать главным врагом США Германию и в случае войны на два фронта отдать приоритет Европейскому театру военных действий. В письме Сталину от 5 октября 1942 г. Рузвельт отмечал, «что наилучшая стратегия, которой следует придерживаться Объединённым Нациям, состоит в том, чтобы, прежде всего, объединиться для обеспечения возможности поражения Гитлера и что это является наилучшим и наиболее верным путём обеспечения поражения Японии». // Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 29; Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне. С. 37; Коваль В.С. США во Второй мировой войне. С. 42; Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 32-33.

Этого же мнения придерживались и американские военные. // См. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 76.

⁸¹ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 178-179, 181-186, 191; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 232; Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне. С. 269.

⁸² Советско-американские отношения. Т. 1. С. 182-183.

⁸³ В тот же день президент направил Черчиллю послание с сообщением о своих переговорах с народным комиссаром иностранных дел СССР. Он писал, что нарком «ясно выразил своё беспокойство по поводу ближайших четырёх-пяти месяцев» и что, по его, президента, мнению, «это беспокойство искренне и не является попыткой подтолкнуть нас». Рузвельт писал, что он больше, чем кто-либо, хочет, чтобы вторжение началось в 1942 г., и что его особым желанием является, чтобы народный комиссар «вернулся из своей поездки с какими-то реальными результатами и сделал Сталину благоприятный отчёт». // Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. С. 81.

лают всё возможное для решения поставленной цели именно в 1942 г. США имеют хорошо обученные и отлично вооружённые войска, прекрасные танковые дивизии, но проблема состоит в существующих трудностях с их переброской за океан, а затем через Канал. Разрешение данной проблемы усложняется тем, что имеющийся тоннаж используется для снабжения СССР⁸⁴.

1 июня Рузвельт повторил эту мысль. Он заявил, что в интересах открытия второго фронта придётся сократить американские поставки в Советский Союз, т.к. подготовка и обслуживание военных операций в Западной Европе потребуют очень многих транспортных средств. Он сообщил наркомом иностранных дел Молотову, что в течение 12 месяцев, начиная с 1 июля 1942 г., в Америке будет заготовлено для СССР 8 млн т продукции, но реально отправить в советские порты удастся лишь 2 млн тонн⁸⁵.

В телеграмме в НКВД от 5 июня советский посол в США М. Литвинов сообщил, что, когда Рузвельт сделал своё предложение о сокращении тоннажа, посол заметил Гопкинсу, что «не получится ли так, что снабжение будет сокращено ради второго фронта, а второго фронта не окажется». Гопкинс признал это замечание важным и предложил повторить его президенту. В ответ Рузвельт заявил, что, «поскольку это будет зависеть от Америки и от той помощи, которая от неё требуется для десантных операций, второй фронт будет создан в 1942 году, но он не может обязываться за англичан»⁸⁶.

В этом контексте следует отметить, что опасения советской стороны оправдались – поставки по ленд-лизу были сразу сокращены, а фронт в Западной Европе не был открыт в течение ещё двух лет⁸⁷. Правда, переговоры тогда завершились успешно, и США обязались открыть второй фронт в 1942 г.⁸⁸ «Это, – пишет А.И. Уткин, – было серьёзное обещание, данное в самой серьёзной обстановке... Рузвельт мог принять более деятельное участие в освобождении западноевропейских и восточноевропейских народов. Президент не сделал этого в 1942 году, порождая для себя проблемы 1945 года... Рузвельт должен был понимать, что измена слову в критическое время отражается на доверии к партнёру сейчас и в дальнейшем. Действия в роковой момент бросали тень на будущее. Нет сомнений, что летом 1942 года президент Рузвельт много думал об исторической перспективе»⁸⁹.

Уже в первый день переговоров, 29 мая, президент Соединённых Штатов заявил, что с целью воспрепятствования возникновению войны в будущем необходимо создать международную полицейскую силу, состоящую из 3-4 держав: США, Англии, СССР и Китая⁹⁰. После консультаций со своим правительством и лично со Сталиным, 1 июня Молотов сообщил Рузвельту, что Советское правительство полностью разделяет его мысль об организации объединённой полицейской силы, по крайней мере, в составе США, СССР и Англии и, если возможно, Китая⁹¹. Таким образом, уже в середине 1942 г. закладывались концептуальные основы Совета Безопасности будущей ООН.

Вопрос о втором фронте рассматривался, как мы уже говорили выше, и во время визита Молотова в Лондон в мае – июне 1942 г.⁹² Вернувшись в Великобританию после путешествия за океан, Молотов вновь приступил к обсуждению с англичанами плана открытия второго фронта в Европе в 1942 г. Т.к. в Вашингтоне по этому вопросу было достигнуто конкретное соглашение, Лондон уже не мог оставаться в стороне, и 12 июня было опубликовано коммюнике о посещении Англии наркомом иностранных дел СССР. В нём говорилось: «Во время переговоров В.М. Молотова с премьер-министром Великобритании г-ном У. Черчиллем между обеими странами была достигнута полная договорённость в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году... Обе стороны были рады отметить единство взглядов по всем указанным вопросам»⁹³.

⁸⁴ Подробнее об этих дискуссиях смотри: Советско-американские отношения. Т. 1. С. 184-185.

⁸⁵ Ibid. С. 191.

⁸⁶ Ibid. С. 486.

⁸⁷ Российский исследователь В. Золоторёв отмечает, что именно расчётом на открытие второго фронта можно объяснить решение советского правительства, изложенное в телеграмме Сталина Литвинову 6 июля 1942 г. уже после отлёта Молотова из США: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Советского правительства о сокращении нашей заявки на тоннаж... и добавлением, что Советское правительство идёт на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году». Поставки по ленд-лизу, столь необходимые в условиях, когда положение на советско-германском фронте ухудшалось с каждым днём, сократились на 40%. // Золоторев В.А. Непримиримые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2. С. 127.

⁸⁸ В советско-американском коммюнике о посещении Вашингтона народным комиссаром иностранных дел СССР от 11 июня 1942 г. отмечалось, что «при переговорах... была достигнута полная договорённость в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году... Обе стороны с удовлетворением констатировали единство взглядов во всех этих вопросах». // Советско-американские отношения. Т. 1. С. 203.

⁸⁹ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 238, 248, 250.

⁹⁰ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 176, 177.

⁹¹ Ibid. С. 189.

⁹² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 459-462; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 221-236.

⁹³ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 249-250.

«Памятная записка» Черчилля и её интерпретации. По этому вопросу и тогда, во время войны, и после было много споров. Советское руководство видело в этом документе торжественное обязательство англичан открыть до конца 1942 г. военные действия в Западной Европе, а Британское правительство рассматривало этот документ лишь как вероятную возможность сделать это при особо благоприятных обстоятельствах. Правда, выступая в конце июля 1942 г. в английском парламенте, премьер заявил, что «было бы безумием предполагать, что Россия или США собираются выиграть войну за нас. Наступает сезон вторжения. Все вооружённые силы предупреждены о том, чтобы быть наготове к 1 сентября и сохранять впредь величайшую бдительность»⁹⁴.

Однако Черчилль также утверждал, что фраза о «создании второго фронта в Европе в 1942 году» имела смысл лишь как средство введения противника в заблуждение. Но одновременно он отмечал, что «считал чрезвычайно важным, чтобы при этой попытке ввести в заблуждение врага, мы не ввели в заблуждение нашего союзника. Поэтому в то время, как составлялось коммюнике, я лично вручил Молотову в зале заседаний кабинета в присутствии ряда моих коллег памятную записку, из которой ясно следовало, что хотя мы делаем всё от нас зависящее для разработки планов, мы не связываем себя обязательством действовать, и мы не можем дать никакого обещания»⁹⁵.

Вот фрагмент этого документа (пункт 5 из т.н. «памятной записки»), выразивший его квинтэссенцию: «Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года... Однако ясно, что если бы мы ради того, чтобы предпринять действия, любой ценой пустились бы на некоторую операцию, которая окончилась бы катастрофой и дала бы противнику возможность торжествовать по поводу нашего провала, то это не принесло бы пользы ни делу русских, ни делу союзников в целом. Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок. Мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но если указанная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы»⁹⁶.

Когда в дальнейшем Советское правительство выступало с упреками, пишет Черчилль в своих мемуарах, и когда Сталин лично ставил перед ним этот вопрос, англичане всегда вынимали эту памятную записку и указывали на слова: «Мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе»⁹⁷. Правда, считать мнение Черчилля об абсолютной невозможности открытия второго фронта в конце 1942 – весной 1943 г. верным, было бы ошибкой. Более того, т.н. «памятная записка» никак не могла служить оправданием бездействию. Если учесть согласие Вашингтона на открытие второго фронта в 1942 г., а также то обстоятельство, что британский премьер на переговорах с Молотовым придавал позиции США в этом вопросе решающее значение, и, наконец, согласие английского правительства на опубликование тройственного коммюнике с предложенной советской делегацией формулировкой о втором фронте, то оговорка англичан приобретала подчинённое значение.

Более того, в самой записке были слова: «мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года» и «мы не поколеблемся осуществить свои планы». Поэтому оговорка Черчилля не могла рассматриваться как освобождавшая английское правительство от обязательства открыть второй фронт в 1942 г., а вся памятная записка в целом может быть понята лишь как подтверждение обязательства, сформулированного в коммюнике. Соглашение по вопросу о втором фронте явилось результатом длительных англо-американских, англо-советских и советско-американских переговоров, в ходе которых ни советское, ни американское правительства не делали никаких оговорок, а английское, сделав, присоединилось к согласованному коммюнике. В контексте этой тройственной договорённости весь мир рассматривал вопрос об открытии второго фронта в 1942 г. решённым окончательно.

А «аргументы» Черчилля об отсутствии технических средств для обеспечения высадки мы уже рассмотрели выше и убедились в их несостоятельности. Что касается возможности открытия второго фронта в 1942 г. с ограниченными целями – сковать 30-40 дивизий вермахта, – такая возможность существовала и была стратегически целесообразной. Более того, к осени 1942 г. Гитлер фактически перевёл весь свой крупнотоннажный флот из французских портов в норвежские фиорды⁹⁸, что также облегчало высадку союзников на французское побережье.

Соотношение сил на фронтах в конце 1942 г. Проблема вторжения во Францию. Однако самым серьёзным аргументом, опровергающим тезис о невозможности высадки на севере Франции в 1942 г., является распределение сухопутных сил вермахта весной-осенью 1942 г. по различным театрам военных действий. По состоянию на 1 мая 1942 г. из 232 дивизий, 10 бригад и 6 воздушных флотов, имевшихся у Германии, Красной Армии противостояли 178 дивизий и 8 бригад, или около 80% всех немецко-фашистских сухопутных сил и 4 воздушных флота. При этом за пять предшествующих месяцев гитлеровские войска на советско-германском фронте увеличились на 35 дивизий. С марта по ноябрь

⁹⁴ Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 151-152.

⁹⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 466.

⁹⁶ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 248.

⁹⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 466.

⁹⁸ Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 150-151.

1942 г. сюда были переброшены 80 дивизий противника. «Для отдыха и доукомплектования обескровленных и зачастую совершенно разбитых дивизий ОКВ обычно практиковал переброску их с Восточного фронта на Западный. Получив пополнение и новое вооружение и снаряжение, они возвращались в Россию... Так, в начале 1943 г. по приказу ОКВ 20 лучших батальонов со всем своим вооружением были отправлены на Восточный фронт»⁹⁹. К концу летней кампании против Красной Армии действовало наибольшее за всё время войны количество вражеских войск – 258 дивизий и 16 бригад, в том числе 66 дивизий и 13 бригад союзников фашистской Германии¹⁰⁰.

Соответственно, в Западной Европе за это время численность немецких войск не могла не сократиться. Если 7 мая здесь находилось 36 дивизий, то 28 мая – уже 33, а к 16 июня – только 29, причём количество боеспособных дивизий сократилось ещё более: пехотных – на 10 единиц, танковых – на 1¹⁰¹. «Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий на Западе всю боеспособную живую силу и боевую технику, – свидетельствует начальник оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-лейтенант Б. Циммерман. – Вследствие этого тактические и организационные мероприятия на Западе сводились к затыканию дыр. Командиры, войска и боевая техника, откровенно говоря, стали второразрядными. С 1943 г. основу немецких войск Западного фронта составляли старики, оснащённые устаревшим вооружением»¹⁰². Всё это убедительно раскрывает невозможность усиления фашистских сил в Западной Европе без их решительной победы на Восточном фронте. Следовательно, отказ от вторжения в Европу определялся, как мы уже говорили, чисто политическими и геостратегическими соображениями англичан, а отчасти и американцев.

Решение отложить вторжение на более поздний срок. Причины позиции английского правительства в отношении открытия второго фронта определялись старой стратегической концепцией британского империализма – вести войны чужой кровью. Исходя из этой концепции, английские правящие круги полагали, что поскольку Советский Союз продолжал вести гигантские сражения с гитлеровскими ордами, то время работало на них. Однако на этот раз они допустили стратегический просчёт: хотя и ценой гигантской крови, СССР вышел из войны военно-политическим и морально-идеологическим гигантом, непосредственно контролирующим половину Европы, значительную часть Азии и эффективно влияющим на мировое развитие. И если бы не близорукая политика Черчилля & К⁰, разгром фашистской Германии и её союзников наступил бы значительно раньше и при ином геополитическом раскладе¹⁰³.

13 февраля 1943 г. посол Майский писал по этому поводу в НКВД о «сложной реакции британских господствующих классов на наши военные успехи. В их груди живут сразу две души. С одной стороны, очень хорошо, что русские так крепко бьют немцев, – нам, англичанам, легче будет. Сэкономим потери и разрушения. Ещё раз используем наш извечный метод – воевать чужими руками. Но, с другой стороны, нам, англичанам, страшно, а не слишком ли в результате усилятся большевики? Не слишком ли возрастёт авторитет СССР и Красной Армии? Не слишком ли повысятся шансы „коммунизма” в Европе? Эти два противоречивых чувства находят теперь отражение в двух основных группировках британского господствующего класса, которые для краткости могут быть окрещены как „черчиллевская” и „чемберленовская”. Первая пока даёт крен в сторону удовлетворения нашими победами, вторая уже сейчас даёт крен в сторону испуга перед нашими успехами... Но сейчас Красная Армия ещё только на подступах к Ростову и Харькову. Каково будет ощущение „черчиллевской” группы, когда Красная Армия будет на подступах к Берлину, трудно сказать»¹⁰⁴.

И вскоре высказанное положение подтвердилось конкретными действиями английского правительства. В июле 1942 г. Черчилль предпринял усилия, чтобы «добиться от Соединённых Штатов решения, которое – хорошо ли, плохо ли – имело решающее значение в течение следующих двух лет войны. Это был отказ от всех планов вторжения через Ла-Манш в 1942 году и [означал] оккупацию Французской Северной Африки в течение осени или зимы крупными англо-американскими экспедиционными силами»¹⁰⁵. 8 июля он отправил Рузвельту письмо, в котором пытался убедить его в своей правоте и назвал операцию в Северной Африке «подлинным вторым фронтом 1942 года»¹⁰⁶. А вскоре и сам отправился за океан с той же целью.

⁹⁹ Циммерман Б. Франция, 1944 год. // Роковые решения. С. 219.

¹⁰⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 398, 399, 488.

¹⁰¹ Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 214-215; Кулиш В.М. История второго фронта. С. 163.

¹⁰² Роковые решения. С. 219.

¹⁰³ Валентин Фалин считает, что в случае открытия второго фронта в 1942 г. Германия потерпела бы поражение уже в 1943 г. // Falin V. „Al Doilea Război Mondial s-ar fi putut încheia în 1943”. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 5. P. 22, 26.

¹⁰⁴ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 339.

Выше мы уже показали, как реагировал Черчилль в конце войны на победы Красной Армии.

¹⁰⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 494.

¹⁰⁶ Ibid. С. 495-496.

Однако в Америке предложение Черчилля было встречено далеко не с восторгом. Стимсон, Маршалл и Эйзенхауэр выступили против предложений Черчилля. Они говорили, что его планы означают распыление, рассредоточение сил союзников, вместо того чтобы сосредоточить эти силы там, где они могут быть лучшим образом использованы для более верного и более быстрого поражения Германии, для чего, утверждал Стимсон, необходимо создать фронт во Франции. Отвлечение сил в Африку, по мнению военного министра США, исключает открытие второго фронта не только в 1942 г., но и в 1943 г.* С точки зрения общей стратегии союзников во второй мировой войне, война в Африке представляла не наступательную, а оборонительную операцию. Маршалл также считал, что принятие плана «Джим-наст» губительно скажется не только на планах высадки в Европе в 1942 г., но в 1943 г.¹⁰⁷ В своих протестах против африканской операции он угрожал даже отставкой¹⁰⁸.

Комментируя разногласия американских и английских военных по вопросу об открытии второго фронта в 1942 г., Дж. Батлер и Дж. Гуайер называют английскую позицию более дальновидной: «Американские руководители оценивали предложения англичан как отвлечение сил союзников; английские же руководители считали, что в конечном итоге произойдёт распыление сил Германии, которое повлечёт за собой ослабление её сил в том районе, где должен быть нанесён решающий удар»¹⁰⁹. Другой известный английский историк М. Хастингс пишет, что «руководители американского комитета начальников штабов» считали, что операции в районе Средиземноморья «рассчитаны главным образом на обеспечение имперских и дипломатических интересов Великобритании»¹¹⁰.

Таким образом, никто из членов верховного военного командования США не поддержал идею вторжения в Северную Африку. Когда военным стало ясно, что в 1942 г. высадка в Европе не состоится, они предложили сосредоточить все усилия на борьбе против Японии. Но президент Рузвельт не мог позволить фактического ухода США из Европы и в тех условиях поддержал позицию англичан. Маршаллу и Кингу пришлось покориться и приступить совместно с английскими военными к разработке общей операции¹¹¹. Впоследствии Брук писал, что после поездки Черчилля в Вашингтон «у всех появилась растущая тревога за то, что второй фронт не будет открыт ни в 1942, ни в 1943 году»¹¹².

Необходимо отметить, что результаты переговоров Черчилля и Рузвельта уже 12 июля были доложены советской разведкой Сталину. В этом сообщении говорилось, что они договорились проводить основные операции против стран «оси» в Северной Африке. «Пока тут положение не будет решено в пользу англичан и американцев, об открытии второго фронта не может быть речи». А 23 июля была получена новая информация от лондонской резидентуры о том, что ни один из английских официальных деятелей не высказывает надежд на открытие второго фронта в 1942 году. Даже те, кто ранее высказывался в пользу этого, начали сомневаться в возможности его осуществления. Те же, кто и раньше высказывался против второго фронта, заявляют теперь, что вопрос уже решён, и в 1942 г. второй фронт открыт не будет¹¹³.

Полемизируя с американскими историками, возлагавшими вину за срыв второго фронта в 1942 – 1943 гг. на Великобританию, английский исследователь М. Говард пытается доказать, что ответственность за это лежит на обеих сторонах. Он аргументированно показывает, что, выдвигая планы открытия второго фронта в 1942 – 1943 гг., американцы на деле поддерживали английскую политику в этом вопросе: «Американские ресурсы, предназначенные ранее для осуществления плана „Болеро“^г, были направлены на Тихий океан, Средиземное море и даже Средний Восток, и поэтому предложение о вторжении в Европу в 1943 г. являлось нереальным»¹¹⁴.

На первый взгляд, изменение позиции Рузвельта может показаться нелогичным и противоречивым – убеждённый сторонник открытия второго фронта в Европе уже в 1942 г. вдруг, без сопротивления, поддержал противоположную точку зрения. Однако и он руководствовался, в первую очередь, эгоистическими интересами США и желанием получить максимум выгод от победы над гитлеровской Германией, пусть и в ущерб СССР, усиление которого после войны было вовсе не желательным.

Более того, российский исследователь О. Ржешевский обнаружил в Национальном архиве Соединённых Штатов протокол заседания ОКНШ США и Великобритании от 20 августа 1943 г., в ходе которого рассматривались перспективы политики двух стран в отношении СССР. Заседание проходило с

* Вспомним, что идентичной точки зрения придерживался и будущий фельдмаршал Б.Л. Монтгомери.

¹⁰⁷ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 480; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 215, 217.

¹⁰⁸ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 48.

¹⁰⁹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 430.

¹¹⁰ Хастингс М. Операция «Оверлорд». С. 37.

¹¹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 496, 498, 501.

¹¹² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 481.

¹¹³ Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 84.

^г Примечание научного редактора: Операция по переброске американских войск на Британские острова для осуществления вторжения в Северную Францию.

¹¹⁴ Говард М. Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943. М., 1980. С. 161.

участием Э. Кинга, У. Леги, Д. Маршалла, Г. Арнольда (с американской стороны), А. Брука, Д. Паунда, Ч. Портала (с английской). При обсуждении вопроса «Военные соображения в отношениях с Россией» обсуждался тезис о том, «не помогут ли немцы» вступлению англо-американских войск на территорию Германии, «чтобы дать отпор русским»¹¹⁵ и «остановить этих потомков Чингиз-хана»¹¹⁶. Естественно, что в тех условиях реализация подобной политики была невозможна по многим причинам, однако факт остаётся фактом: хотя бы теоретически, но мюнхенская идея сотрудничества с гитлеровцами на анти-советской основе была жива.

Воевать всерьёз в Белом доме не торопились и по-прежнему намеревались делать это малой, желательно чужой кровью. В близком кругу президент не раз признавался, что он «предпочитает тратить деньги налогоплательщиков, нежели их жизни»¹¹⁷. Стоит в этой связи привести выдержку из книги сына президента – Эллиота Рузвельта – «Его глазами». В ней воспроизводятся ключевые слова, в смысле понимания роли США в войне, слова, характеризующие позицию американского лидера: «Ты представь себе, – говорил Ф.Д. Рузвельт своему сыну, – что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки – это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент... Я думаю, что момент будет выбран правильно»¹¹⁸.

22 июля 1942 г. состоялась беседа президента Ф.Д. Рузвельта с советским послом М.М. Литвиновым, после которой в Москву было доложено: «Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять, лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы, до тех пор, пока они через год или два, добившись значительного превосходства в силах, не смогут начать наступательные операции. Советский Союз должен быть, по их расчётам, ослаблен настолько, чтобы он не мог говорить слишком громко при заключении мира»¹¹⁹.

Есть ещё одно объяснение эволюции позиции Рузвельта. Столкнувшись в вопросе об открытии второго фронта в Западной Европе с сильной оппозицией в конгрессе и в среде политической и экономической элиты, а также со всё возрастающим сопротивлением английских влиятельных кругов во главе с Черчиллем, и не желая дальнейшими спорами вокруг данной проблемы усложнять внутривластическое положение в США в связи с приближающимися очередными выборами в конгресс, он начал постепенно уступать Черчиллю.

---

¹¹⁵ Ржешевский О.А. История второго фронта: война и дипломатия. С. 41; Ржешевский О.А. Война и история. С. 40-41

Но это не единственный случай подобного рода. Ещё в годы войны стали известны попытки некоторых кругов в США, в частности, представленных секретной службой Донована – Даллеса, сговориться с гитлеровцами на антисоветской основе. // См., например: Безыменский Л. Тайный фронт против второго фронта.

Однако известен ещё более вопиющий факт союзнической нелояльности, имевший место в последние дни существования «третьего рейха». Уже после войны фельдмаршал Монтгомери признался, что Черчилль приказал ему сохранить наиболее боеспособные германские части, особенно технические, а также собирать и беречь наготове немецкое оружие, чтобы вооружить эти части для возможной войны против Советского Союза. «Я действительно получил эту телеграмму Черчилля. Я подчинился приказу, как солдат». Шум, поднявшийся после этого признания Монтгомери, заставил Черчилля подтвердить, что такой приказ был отдан и что он был одобрен новым президентом США Трумэном. Выступая 23 ноября 1954 г. в Вудворде перед избирателями, он откровенно признал: «Ещё до окончания войны и в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, я направил телеграмму лорду Монтгомери, приказывая ему тщательно собирать германское оружие и хранить его таким образом, чтобы его легко было бы снова раздать немецким солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось». В этой связи нельзя также умолчать о массовой сдаче в плен западным союзникам основной массы германских войск: с 9 по 17 мая 1945 г. советским войскам сдались 1, 391 млн немецких солдат и офицеров; перед англо-американцами немцы фактически прекратили организованное сопротивление уже в апреле. Только с 3 по 6 мая им сдались в плен до 3 млн военнопленных вермахта, а всего – около 7 млн.

После смерти Рузвельта некоторые высокопоставленные политические и военные деятели США открыто или тайно говорили и писали о подготовке войны против СССР. 18 мая заместитель госсекретаря Дж. Грю заявил в узком кругу: «Будущая война с Россией очевидна... США должны исходить из этого, формируя свою „межвоенную“ дипломатию... Война может разразиться в ближайшие годы. Поэтому нам следует поддерживать в готовности свои вооружённые силы». Генерал Арнольд писал ещё более откровенно: «Нашим очередным врагом будет Россия... и США должны расположить свои базы по всему миру, чтобы с них можно было атаковать любой объект России». // См.: Краминов Д. Правда о втором фронте. С. 232; Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 239, 240; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 583; Белецкий В.Н. Потсдам 1945. История и современность. М., 1987. С. 88; Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 161; Мержанов М. Так это было. Последние дни фашистского Берлина. М., 1975. С. 61-62.

¹¹⁶ Falin V. „Al Doilea Război Mondial s-ar fi putut încheia în 1943”. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 5. P. 26.

¹¹⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 52..

¹¹⁸ Рузвельт Э. Его глазами. С. 68-69.

¹¹⁹ Межд. жизнь, 1974, № 4. С. 114.

Постоянное откладывание решения данного вопроса вызывало сильнейшее возмущение советской стороны. 23 июля 1942 г. Сталин раздраженно писал Черчиллю: «Что касается... вопроса об организации второго фронта в Европе, то боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьёзный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 г.»¹²⁰ И такая позиция кремлёвского диктатора была небезосновательной — как мы уже отмечали, в течение 1942 г. на советско-германский фронт были дополнительно переброшены огромные силы. Накануне сталинградского контрнаступления противник, как и весной 1942 г., сосредоточил здесь 6,2 млн солдат и офицеров¹²¹.

Первый визит У. Черчилля в Москву. В этих условиях президент Рузвельт предложил Черчиллю сообщить Сталину об истинных планах союзников на 1942 г., а именно, о готовящейся операции по высадке в Северной Африке и откладывании вторжения в Европу на 1943 г.: «Я думаю, что ему нужно сообщить в первую очередь и совершенно конкретно, что именно мы решили по поводу курса действий в 1942 году... Я уверен, что если не считать нашей главной операции, то мероприятием, которое больше всего устроило бы его, является непосредственная поддержка авиации на южном фланге его фронта»¹²². Вняв совету, Черчилль не стал отвечать Сталину в резкой форме, а отправился в Москву для встречи с советским лидером.

Когда в первые годы существования Советской власти У. Черчилль выступал организатором антибольшевистского похода, ему и в дурном сне не могло привидеться, что самому, в качестве англо-американского эмиссара, придётся лететь в Москву — столицу коммунистической державы, союзницы Великобритании. К тому же, ему предстояло играть незавидную роль политика, которому приходится оправдываться и маневрировать в связи с невыполнением торжественно данных обязательств по открытию второго фронта.

Вечером 12 августа 1942 г. британский премьер в сопровождении А. Гарримана прилетел в Москву, и в тот же день у них состоялась продолжительная встреча со Сталиным. Всего саммит продолжался в течение пяти дней¹²³. Черчилль, естественно, начал с вопроса о втором фронте. Он объяснил, что союзники не будут проводить ограниченную высадку в 1942 г., однако весной 1943 г. осуществят крупномасштабное вторжение. Для этой цели весной 1943 г. на территории Великобритании будет сконцентрировано 27 американских дивизий (1 миллион солдат), к которым английское правительство добавит ещё 21 дивизию. Почти половину этих войск составят бронетанковые войска.

Невозможность высадки в 1942 г. Черчилль традиционно объяснил недостатком сил и транспортных десантных средств. Однако его аргументы не подействовали на Сталина, который, становясь «всё мрачнее и мрачнее», заявил, «что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему англичане так боятся немцев? Он не может этого понять». На это британский лидер спросил Сталина, «задавался ли он когда-нибудь вопросом, почему Гитлер не вторгся в Англию в 1940 г., когда его мощь была наивысшей, а англичане имели только 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков... Гитлер испугался этой операции»^{*}.

Сталин ответил, что «здесь не может быть аналогии. Высадка Гитлера в Англии встретила бы сопротивление народа, тогда как в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан». Время от времени Сталин возвращался к проблеме о высадке западных союзников в Европе в 1942 г., и когда он обвинил англичан в том, что они не выполнили своё обещание о вторжении, Черчилль ответил: «Я отвергаю это заявление. Каждое обещание было выполнено». И сослался на памятную записку, которую передал Молотову.

Сэр Уинстон заявил, что «хочет добиться дружбы со своими русскими союзниками», что «готов пожертвовать 100 тыс. британских солдат при высадке на побережье Франции, если бы это смогло помочь России». Он хочет, чтобы «Сталин верил в преданность, искренность и решимость Англии драться». В конце концов, советский лидер заявил, что если англичане не могут высадиться, он не настаивает и не требует этого. Однако он не может согласиться с аргументами англичан.

¹²⁰ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 258-259.

¹²¹ История второй мировой войны. Т. 5. С. 121; История второй мировой войны. Т. 6. С. 20.

¹²² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 430.

¹²³ Ibid. С. 511-527; Бережков В.М. Рождение коалиции. С. 136-145; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 265-283; Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. С. 120-133; Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. С. 36.

^{*} Черчилль умалчивает о том, что для высадки вермахта в Англии требовалось иметь превосходство в воздухе и на море. А так как немцы в 1940 г. такого превосходства не добились, потерпев поражение в ходе «битвы за Англию» в поединке с английскими ВВС, они не решились начать операцию «Морской лев». Но англо-американцы таким превосходством в 1942 г. обладали, обладали они, в принципе, как об этом уже шла речь выше, и необходимыми десантными средствами. Но, как мы также отмечали, политические задачи, стоявшие перед союзниками в 1942 г., предопределили их вторжение не во Францию, а в Северную Африку. Т.о., аргументы Черчилля были вовсе не убедительными, и Сталин это понимал.

Когда союзники перешли к вопросу о бомбардировках Германии, это вызвало всеобщее удовлетворение. После этого Черчилль заявил, что хочет вернуться к вопросу о втором фронте в 1942 г., ради чего, собственно, и приехал. Он сказал, что второй фронт в Европе – это не единственный второй фронт и точно разъяснил план операции «Торч», для которой должны будут использоваться 250 тыс. войск в составе 7 американских и 5 английских дивизий. «Когда я закончил свой рассказ, – вспоминает Черчилль, – Сталин проявил живейший интерес... Это явилось поворотным моментом в нашем разговоре...

В тот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции „Торч”. Он перечислил четыре основных довода в её пользу. Во-первых, это нанесёт Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвёртых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он всё это оценил молниеносно. Я упомянул пятую причину, а именно, сокращение морского пути через Средиземное море. Сталину хотелось знать, можем ли мы пройти через Гибралтарский пролив. Я сказал, что всё будет в порядке». Советский лидер отметил, что хотя эта операция не связана прямо с Россией, но косвенно её значение очень велико потому, что её успех – это удар по «оси». Разговор об операции «Торч» Сталин закончил словами: «Да поможет Бог её осуществлению!». Черчилль свидетельствует, что переговоры шли в атмосфере доброжелательства.

Затем британский премьер коснулся вопроса о возможности использования англо-американской авиации на южном фланге советских армий. Хотя, до завершения разгрома Роммеля в Египте, о переброске этих сил в Россию не могло быть и речи. Когда Черчилль задал Сталину вопрос, намерен ли он защищать кавказскую горную цепь, и каким количеством дивизий, то его повели к макету хребта и объяснили, что для этого имеются 25 дивизий, которые продержатся в течение двух месяцев до зимы, когда снег сделает горные перевалы непроходимыми, и немцы потерпят сокрушительное поражение.

Сталин вручил Черчиллю меморандум, в котором изложил позицию советского правительства по вопросу о втором фронте. В нём говорилось: «Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчёте на создание второго фронта в Европе в 1942 году. Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от [этого] наносит [огромный ущерб СССР]. Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 г., несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, т.к. почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 г. такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 г. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 г. возможно и следует создать второй фронт в Европе»¹²⁴.

В ходе переговоров советская сторона затронула также и вопрос о северных конвоях и их задержках. Сталин сказал: «Что касается материальной помощи, которую нам оказали Англия и США, и будут оказывать, то мы благодарны за эту помощь и ценим её». Но в этой связи он добавил следующее: «Составлялось столько планов, назначались эскорты для конвоев, а затем снова отменялись». Он заявил, что «не жалуется, но хотел бы, чтобы было отправлено то, что обещано. Например, предполагалось отправить в СССР 4400 тыс. тонн поставок, но потом это отменили». Его «недовольство вызвано не тем, что нам мало дают, а тем, что дают не то, что обещано. Но если даны обещания, они должны быть выполнены».

Черчилль следующим образом ответил на обвинения Сталина в т.н. «памятной записке»: «Самым лучшим видом второго фронта в 1942 году, единственно значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является „Факел”. Если эта операция сможет быть осуществлена в октябре, она окажет больше помощи России, чем всякий иной план... Ни Великобритания, ни Соединённые Штаты не нарушили никакого обещания. Я обращаю внимание на пункт 5 моего меморандума, вручённого г-ну Молотову 10 июня 1942 года...

Мы не можем согласиться с тем, что переговоры с г-ном Молотовым о втором фронте, поскольку они были ограничены как устными, так и письменными оговорками, дали бы какое-либо основание для изменения стратегических планов русского верховного командования¹²⁵. Мы вновь подтверждаем нашу решимость оказывать нашим русским союзникам помощь всеми возможными средствами»¹²⁶.

¹²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 72-73.

¹²⁵ Конечно, в этом Черчилль прав. Советское командование не планировало свои операции на 1942 г. исключительно из расчёта, что англо-американцы вторгнутся в Европу до конца текущего года. Однако это вторжение было самым желанным в СССР. // См. например: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 380-416; Василевский А.М. Дело всей жизни. Т. 1. С. 199-223.

¹²⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 73-75.

В отчёте военному кабинету Черчилль писал о результатах его переговоров в Кремле: «Моё обдуманное мнение таково, что в душе... Сталин знает, что мы правы и что шесть дивизий в операции [по высадке на севере Франции] не принесли бы ему пользы в этом году. Более того, я убеждён, что его уверенное и быстрое военное суждение делает его сильным сторонником операции „Торч“... Во всяком случае, я уверен, что лучше было объясниться так, а не как-либо иначе. Никогда за всё время не было выказано ни малейшего намёка на то, что они не будут продолжать сражаться, и я лично думаю, что Сталин вполне уверен в том, что он победит. Я делаю большую скидку, учитывая напряжение, которое они испытывают. Наконец, я думаю, что они хотят полной огласки нашего визита»¹²⁷.

В письме президенту Рузвельту об итогах своих московских переговоров он писал: «Когда я прощался со Сталиным, он сказал, что существующие разногласия касаются только методов. Я сказал, что мы постараемся устранить даже и эти разногласия своими делами... Я считаю, что я должен сделать скидку на действительно прискорбное разочарование, которое они испытывают здесь в связи с тем, что мы ничего не можем сделать, чтобы помочь им в их колоссальной борьбе. В конце концов, они проглотили эту горькую пилюлю. Теперь мы должны обратить всё своё внимание на ускорение операции „Торч“ и на разгром Роммеля»¹²⁸.

Анализируя значение московской встречи британского и советского лидеров в августе 1942 г., английский историк М. Фолли отмечал, что «визит Черчилля убедил Сталина, что он теперь признан государственным деятелем мирового масштаба. Подтвердив, что будет продолжать борьбу на своём фронте, он уверился в том, что союзники также не выйдут из войны и будут с ним до конца. Это стало одним из главных результатов встречи, повлиявшим на весь последующий ход войны и взаимоотношения между лидерами большой тройки»¹²⁹.

По итогам визита было принято совместное англо-советское коммюнике¹³⁰. 13 ноября по данному вопросу у Сталина состоялась беседа с корреспондентом американского агентства Ассошиэйтед Пресс Кэссиди, в которой он выразил надежду, что кампания в Африке создаст предпосылки для организации второго фронта в Европе, поближе к жизненным центрам Германии, что будет иметь решающее значение в деле организации победы над гитлеровской тиранией¹³¹. По этому поводу Аверелл Гарриман писал: «Смысл сказанного Сталиным был прост: Северная Африка показала, что западные союзники вполне могли развернуть подобное наступление на побережье Нормандии или Бретани. Им не хватало лишь желания нанести удар на Западе»¹³².

И вновь о возможности вторжения в 1942 г. В этом контексте, есть смысл привести дополнительные аргументы в пользу уже поставленного нами ранее принципиального вопроса: была ли реальная возможность у союзников осуществить в 1942 г. вторжение в Западную Европу или всё-таки нет? Конечно, это было чрезвычайно сложным и рискованным мероприятием, и чем на более поздний срок оно откладывалось, тем большими силами и средствами оно могло быть осуществлено, а силы немцев всё более уменьшались, истощаясь на советско-германском фронте. В этом расчёты западных союзников были абсолютно верны, но такой сценарий не мог устроить СССР.

Попытаемся ответить на поставленный вопрос. В 1942 г., согласно докладу президента Рузвельта конгрессу, численность вооружённых сил США составляла 7 млн чел., а на Британских островах располагались ещё 3 млн английских войск. К концу 1942 г. в американской и английской армиях числилось уже примерно столько человек, сколько в вермахте. Англия и Америка обладали уже к этому времени более мощной авиацией, чем Германия, а о ВМС и говорить не приходится¹³³. Естественно, в этих условиях нельзя забывать о тихоокеанской войне. Однако она отвлекала относительно немного людей и средств.

Другой и, возможно, самый важный в этом плане момент – к концу 1942 г. к советско-германскому фронту было приковано 4/5 сухопутных сил и около 2/3 ВВС Германии¹³⁴. На Западе, в ожидании второго фронта, Гитлер мог оставить не более 40 второстепенных дивизий, разбросанных вдоль всего побережья, расположенных среди враждебного населения, с нетерпением ждавшего англо-американского вторжения. Следовательно, немцы были не в состоянии оказать эффективное сопротивление вторжению союзных войск в Нормандию осенью 1942 г.

¹²⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 519.

¹²⁸ Ibid. С. 523.

¹²⁹ См.: Мягков М.Ю. И.В. Сталин и У. Черчилль в годы войны. По материалам семинара в Лондоне. // ННИ, 2002, № 4. С. 94.

¹³⁰ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 283.

¹³¹ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 107.

¹³² Цит. по: Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 108; смотри также: Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр и советско-американские союзнические отношения... // США: ЭПИ, 1995, № 5. С. 19.

¹³³ См.: История второй мировой войны. Т. 5. С. 22-23.

¹³⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 398.

Для остановки наступления с Запада на Германию, Гитлер был бы вынужден снять с Восточного фронта 30-40 дивизий. В результате советские войска получили бы такой перевес, который дал бы им возможность устроить немцам ещё более катастрофический разгром, чем под Сталинградом. Зажатые в клещи немецкие войска были бы вынуждены в крайне невыгодных для себя условиях отражать мощнейшие удары с двух сторон и делить свои резервы между двумя фронтами. Всё это ускорило бы их крах на год или даже на два.

Единственным «узким местом» в общей подготовке англо-американских войск для ведения войны в Западной Европе являлся морской транспорт. Но, и мы это уже отмечали, в этом вопросе положение было далеко не безвыходным. Во-первых, в случае нанесения союзниками в 1942 г. главного удара не в Северной Африке, а в Западной Европе, их могучие промышленные мощности работали бы на обеспечение десантной операции с Британских островов на континент. Как известно, ничего этого в течение 1942 г. не происходило.

Во-вторых, армия вторжения и необходимые ей средства могли быть заблаговременно сосредоточены в Англии. Обладая господством на море и в воздухе, союзники могли за две недели, партиями, перебросить через Ла-Манш полмиллиона войск. Первая партия, предназначенная для штурма береговых укреплений Ла-Манша, должна была состоять, как указывал Маршалл, из 200 тыс. чел. Остальные партии могли насчитывать по 100 тыс. человек каждая. Для этого был достаточен морской транспорт в 1-2 млн т, который США и Англия могли выделить без особого напряжения. Не следует забывать, что за один лишь 1942 г. только в США было построено транспортных кораблей общим водоизмещением в 5 млн т., а в 1943 г. – уже 19,2 млн т.¹³⁵

Когда Д. Нельсон – председатель Совета военной промышленности США – будучи в отпуске в Англии, услышал о «кризисе» с десантными судами, он воскликнул: «Что за чепуха! Да я дам их вам сколько угодно...»¹³⁶. В докладе комиссии сената по вопросам военной мобилизации отмечается тот факт, что в 1943 г. США располагали количеством судов, достаточным для переброски превосходящих сил в целях сокрушающего наступления на Германию¹³⁷. После этого объединённый комитет по планированию стратегических операций вынужден был признать, что имеется полная возможность «обеспечить проведение запланированных морских и наземных операций». На Квебекской конференции данным комитетом был представлен доклад, в котором отмечалось, что «операции, запланированные на весь 1943 г. и вплоть до лета 1944 г., обеспечены достаточным количеством десантных кораблей, судов и средств»¹³⁸.

Весной 1943 г. союзники имели в районе Средиземноморья около 40 дивизий¹³⁹. За исключением трёх французских дивизий, все остальные были доставлены туда морским путём. Если англо-американцы имели около 40 дивизий в Африке, почему они не могли иметь их в Англии? Сказанного достаточно, чтобы убедиться, что морской транспорт не вызывал неодолимых препятствий для создания второго фронта в Западной Европе в 1942 г. Кроме того, обладая подавляющим превосходством в воздухе, войска можно было перебрасывать и снабжать воздушным путём.

И ещё один момент – «география» операций союзников до 1944 г. в контексте тезиса о «нехватке» судов десанта: их хватало в Северной Африке, хватало для высадки на Сицилии, хватало на операции в Тихом океане. В Северной Африке в 1942 г. в первом эшелоне было высажено 110 тыс. человек, а в Нормандии в 1944 г. – 130 тыс. К тому же, в операции «Торч» участвовало более 500 океанских судов, не меньше чем в Ла-Манше¹⁴⁰. А так как это происходило далеко от английских берегов, то требовало гораздо больших усилий.

Интересно, что в десантной операции «Оверлорд» была использована далеко не вся военно-морская мощь союзников – американцы имели 25 линкоров, а использовали 3; 75 крейсеров, а использовали 3; 40 эсминцев из 391. Великобритания послала в Ла-Манш 4 из 14 линкоров, 21 крейсер из 63, 116 эсминцев из 257¹⁴¹. У. Дан пишет: «В 1942 г. англичане построили 521 танкодесантный корабль, а американцы – 470... 6 июня таких кораблей потребовалось всего 835, т.е. меньше, чем имелось в апреле 1943 г.». Он добавляет, что к концу 1943 г. США построили 19482 десантных средства всех типов, а в «день Д» потребовалось почти в 8 раз меньше – 2493. И операция «Оверлорд» подтвердила, что переброска большинства сил в Ла-Манш не потребовалась: из 9950 малых десантных катеров США в ней участвовали 1382¹⁴².

¹³⁵ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 45; Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. С. 50, 61.

¹³⁶ Ингерсолл Р. Совершенно секретно. М., 1947. С. 71.

¹³⁷ Секистов В.А. Война и политика. С. 300.

¹³⁸ Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 – сентябрь 1944. С. 65, 68.

¹³⁹ Об этом 9 июня 1943 г. сообщил У. Черчилль советскому послу И. Майскому. // Советско-английские отношения. Т. 1. С. 390.

¹⁴⁰ Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. С. 62.

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Ibid.

Данный вывод поддерживает и английский историк Дж. Григ в книге «1943-й: несостоявшаяся победа». Он пишет, что сторонники версии о «недостатке десантных судов» «игнорируют один особенно неудобный для них факт, а именно: армада, направлявшаяся в июле к берегам Сицилии, была больше, чем та, которая направлялась к берегам Нормандии летом 1944 г. Если бы было твёрдое решение о вторжении на северо-западе Европы в 1943 г., десантные средства для операции нашлись бы в избытке»¹⁴³.

В контексте вышеизложенного представляет интерес и заявление Гитлера, сделанное Чиано о том, что высадка союзных войск в Африке в целом облегчила стратегическое положение Германии и Италии, опасавшихся открытия второго фронта в Западной Европе: «Теперь нет необходимости держать большое количество войск на огромном фронте, в отношении которого не было известно, в каком месте произойдёт нападение». Сообщив итальянскому министру, что в связи с возможностью высадки союзников в Европе немецкое командование сосредоточило во Франции 52 танковые и пехотные дивизии, фюрер заявил: «В настоящий момент, когда стало ясно, что угрозы больше не существует, можно будет рассредоточить эти сконцентрированные войска»¹⁴⁴.

2. Необходимость второго фронта после начала коренного перелома в ходе войны

Отношения между союзниками в конце 1942 г. – первой половине 1943 г. Естественно, что затягивание вопроса с открытием второго фронта серьёзно осложняло отношения СССР с его западными союзниками. Так, 22 октября 1942 г. А. Иден пригласил советского посла, чтобы по поручению военного кабинета «серьёзно поговорить» с ним о состоянии англо-советских отношений. Майский напомнил министру, что он ещё по возвращении Черчилля из Москвы говорил, что отказ Англии и США создать второй фронт в 1942 г. неизбежно вызовет «чувство глубокого разочарования в советских кругах со всеми вытекающими отсюда последствиями». «Но ход событий, – продолжал посол, – оказался ещё хуже, чем можно было тогда предположить. В настоящее время нет не только второго фронта, но даже до января приостановлены конвои. Советский Союз фактически лишён почти всякого снабжения». Бомбардировки Германии ведутся слабо, хотя Черчилль обещал это Сталину во время своего визита¹⁴⁵.

Иден высказал сожаление по поводу возникших в советско-английских отношениях трудностей и спросил, что «можно было сделать для их преодоления с учётом того, что второй фронт в Европе сейчас невозможен». Посол ответил, что в данный момент необходимо, прежде всего, усилить снабжение СССР. Английское правительство должно найти для этого необходимые пути и средства. Иден обещал обсудить этот вопрос с компетентными инстанциями¹⁴⁶.

С 14 января 1943 г. в течение десяти дней между Рузвельтом и Черчиллем и военными руководителями их стран состоялось **совещание в Марокко**, в г. **Касабланке**, на котором обсуждались планы военных действий в 1943 г. против Германии¹⁴⁷. И хотя Маршалл продолжал настаивать на вторжении во Францию¹⁴⁸, при поддержке Рузвельта было принято решение ограничиться военными операциями в районе Средиземноморья¹⁴⁹. Комитет по планированию Объединённого штаба пришёл к выводу, что «Красная Армия сегодня является единственной силой, способной нанести поражение германской армии или сдержать её натиск. Англия и США не могут бросить вызов главным силам стран оси на континенте»¹⁵⁰. В этой связи А.И. Уткин пишет: «Нам видится, что происшедшее не только „победа английской дипломатии“. Это было бы слишком простым объяснением, в котором не содержится ответ на вопрос, почему данная победа стала возможной. В Касабланке Рузвельт, выслушав английские соображения, сознательно пришёл к выводу, что бои на Восточном фронте и овладение контрольными позициями в Средиземном море – хороший путь к послевоенному доминированию... Просто Рузвельт определил более удобный путь к вершине мировой иерархии и пошёл по нему. А то, что другие платили за эти удобства, его на данном этапе не касалось...»

В целом Касабланка, если критически оценивать её результаты, свидетельствовала о том, что у англосаксов было во многом общее понимание того, что следует беречь силы до решающих событий, закрыв глаза на то, во что подобная тактика обходится другим союзникам»¹⁵¹. Иными словами, западные союзники предоставили СССР право выиграть войну, *сами же готовились выиграть мир*.

¹⁴³ Цит. по: Секистов В.А. Война и... С. 303; см. также: Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов. С. 113.

¹⁴⁴ Цит. по: Израэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. С. 196; см. также Проэктор Д.М. Агрессия и... С. 113.

¹⁴⁵ Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. С. 141.

¹⁴⁶ Ibid. С. 141-142.

¹⁴⁷ См.: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 128, 134; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 283-296; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 98-99; Говард М. Большая стратегия. С. 172-206; История США. Т. 3. С. 379-384.

¹⁴⁸ Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 47.

¹⁴⁹ Говард М. Большая стратегия. С. 138-139.

¹⁵⁰ Ibid. С. 142.

¹⁵¹ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 303, 308.

Значимость операций англо-американских войск была определена в следующем порядке: первое место отводилось борьбе за Атлантику, второе – поставкам СССР, третье – вторжению в Италию и лишь четвёртое – операции по форсированию Ла-Манша. В Касабланке было принято историческое решение о борьбе союзников до безоговорочной капитуляции держав «оси»¹⁵², явившейся своеобразной «компенсацией» англо-американцев своему восточному союзнику за их затягивание второго фронта¹⁵³. «Это был серьёзный дипломатический шаг со стороны Рузвельта. И, нет сомнения, сделанный частично для того, чтобы в Москве не создавалось впечатления, будто в Касабланке происходит сепаратный сговор, который при определённом развитии событий может дать и сепаратный мир с Германией на Западе. Но ещё более важно, как нам представляется, то, что этим своим шагом Рузвельт окончательно взламывает существующие международные отношения. Отныне уже трудно было представить некое сохранение прежней системы на основе компромисса с Германией в Европе и Японией в Азии. Требование безоговорочной капитуляции предполагало уничтожение (а не просто ослабление) мощи этих стран, создание в центре Европы и в Азии политического вакуума, который США надеялись заполнить»¹⁵⁴.

Воленс-ноленс, но советской стороне приходилось считаться с тем, что Англия и США остаются на прежних позициях. В этом смысле, резюмируя итоги своей беседы с Черчиллем от 7 декабря 1942 г., посол И. Майский сообщал в НКВД: «Американцы и англичане перекидываются вторым фронтом в Западной Европе, как мячом: когда Рузвельт настаивал на втором фронте в 1942 году, то возражал Черчилль, а теперь, когда Черчилль высказывается за второй фронт в 1943 году, возражает Рузвельт. По существу же у обоих доминирует одна и та же идея „лёгкой войны“ для себя»¹⁵⁵. В другой своей информации посольство СССР в Англии поясняло: «Конкретно это означает, что разбить Германию на суше в основном должен СССР... Под этим углом зрения выгодно, чтобы СССР пришёл к финишу возможно более ослабленным и истощённым»¹⁵⁶.

Как-то, беседуя с сыном Эллиотом в середине 1943 г. о целях войны и о послевоенном мире, ФДР откровенно заметил: «Беда в том, что в действительности мы вовсе не идём к единой цели, если говорить не о показной стороне... Война – дело сугубо политическое. Если страна не находится в слишком уж отчаянном положении, она старается вести войну таким образом, чтобы в конечном счёте извлечь из неё наибольшие политические выгоды, а не так, чтобы окончить её возможно скорее... Соединённые Штаты должны будут взять на себя руководство... Мы сумеем играть такую роль, – продолжал он, – потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть всё, что нам нужно... Америка – единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всём мире»¹⁵⁷.

В лагере западных союзников Г. Гопкинс был среди того меньшинства¹⁵⁸, которое продолжало добиваться вторжения в Северную Францию. «Что касается Гопкинса, – пишет Р. Шервуд, – то он опять был разочарован и удручён дальнейшей отсрочкой операции „Раундап“*; он, как и Маршалл, был всегда твёрдо убеждён, что не может быть никакой действительно равноценной замены открытию фронта во Франции»¹⁵⁹. Ему было от чего печалиться, ведь принятая в Касабланке стратегическая линия вела к затягиванию сроков войны, практически снимала с повестки дня высадку англо-американских войск в Западной Европе в 1943 г.

¹⁵² См.: Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 69; Рузвельт Э. Его глазами. С. 126; Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. Vol. 2. P. 45; Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939-1945). P. 290; Лебедева Н., Филитов А. Формула прекращения войны в политике «большой тройки». // Межд. жизнь, 1996, № 4. С. 84.

¹⁵³ Очень убедительно раскрывает суть этой политики Г. Киссинджер. // См.: Киссинджер Г. Дипломатия. С. 364; см. также Рузвельт Э. Его глазами. С. 126.

¹⁵⁴ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 309.

¹⁵⁵ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 321.

¹⁵⁶ Межд. жизнь, 1974, № 6. С. 121.

¹⁵⁷ Рузвельт Э. Его глазами. С. 137-138.

В контексте этих слов, выражающих суть политики администрации Ф.Д. Рузвельта, кажутся по меньшей мере наивными – если не лицемерными – утверждения следующего характера: «Политика Рузвельта представляла собой возвышенную мешанину из традиционных представлений об американской исключительности и вильсоновского идеализма, проникшего в американскую душу, которая наградам и наказаниям предпочитала цели универсального характера». // Киссинджер Г. Дипломатия. С. 356.

¹⁵⁸ Имеется в виду меньшинство среди правящей элиты, однако подавляющее большинство простых англичан и американцев выступало за немедленное открытие второго фронта на Севере Франции. В то время, о котором идёт речь, американский журнал «Тайм» поместил карикатуру, пользовавшуюся большой популярностью в США и Великобритании. Её сюжет был прост и выразителен. Заспанный Черчилль в четыре часа утра снимает телефонную трубку и слышит знакомый голос: «Уинстон? Это я, Джо (Сталин). Я у Кале. Теперь вы можете переходить Ла-Манш. Теперь безопасно». // См.: Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 144; Борисов А. Уроки второго фронта. С. 82.

* Первоначальное название «Оверлорда».

¹⁵⁹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 327.

Правда, в этих решениях есть и косвенная вина Сталина. Прими он приглашение и явись на конференцию, скорее всего, были бы приняты несколько иные решения. Возможно, он и не смог бы решающим образом повлиять на стратегический курс западных союзников, но, скорее всего, его личное участие в конференции в Касабланке дало бы лучшие результаты. Гарриман пишет в своих мемуарах: «Отказ Сталина принять участие во встрече по существу избавил Рузвельта и Черчилля от необходимости отклонить выдвигаемые лично Сталиным требования»¹⁶⁰.

И самым отрицательным во всей этой истории является то, что союзники просто дезинформировали и вводили в заблуждение Советское правительство. Так, в совместном послании президента США и премьер-министра Великобритании председателю Совнаркома от 26 января 1943 г. говорилось: «Мы совещались с нашими военными советниками и приняли решения об операциях, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооружёнными силами в течение первых девяти месяцев 1943 г. Мы хотим немедленно сообщить Вам о наших намерениях. Мы полагаем, что эти операции, вместе с Вашим мощным наступлением, могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году»¹⁶¹. А в послании Сталину от 9 февраля Черчилль известил Советское правительство об англо-американских планах «форсирования канала» в августе-сентябре 1943 г. 11 марта 1943 г. он вновь писал своему советскому визави: «В том случае, если противник достаточно ослабеет, мы готовимся ударить раньше августа, и с этой целью еженедельно вносятся соответствующие изменения в планы»¹⁶².

«Поверили ли в Москве словам Черчилля? – задаётся вопросом историк А. Борисов. – Скажем так: их приняли с изрядной долей сомнения. Не осталось незамеченным, что президент США – человек осторожный и осмотрительный – предпочёл уклониться, стоило завести речь о конкретных обязательствах. Бросалось в глаза и другое: в беседах с советскими дипломатами американцы стали усиленно винить англичан за затяжку с открытием второго фронта, тем самым как бы заранее готовя себе алиби. Во время беседы с советским послом в феврале 1943 г. адмирал Леги заверял его, что он всегда стоял и стоит горой за высадку во Франции, но делу, якобы, мешали англичане. Посол, сообщая в Москву... уж не выполнял ли Леги указание президента ввести в заблуждение союзника?»¹⁶³ Открывшиеся в последние годы для исследователей новые документы полностью подтверждают мнение советского историка. Дело в том, что уже 24 апреля советская разведка доложила в Москву, что обещание Черчилля неправдиво и никакого вторжения в Европу в 1943 г. англо-американцы предпринимать не собираются¹⁶⁴.

Крайнее напряжение в отношениях между СССР и его западными союзниками. Ещё в мае 1943 г. Черчилль в беседе с Эйзенхауэром говорил, что «необходимо иметь план и быть готовыми форсировать канал в любое время, если немцы окажутся перед крахом». 26 ноября 1942 г., после окружения 6-й армии у Сталинграда, Рузвельт в письме к Черчиллю писал: «Я сейчас думаю над тем, что мы должны создать так быстро, как это только возможно, растущую боевую силу в Великобритании для спешного использования в случае крушения Германии»¹⁶⁵.

Однако в начале июня 1943 г. правительства Англии и США официально уведомили своего советского союзника, что и в 1943 г. не будет англо-американского вторжения в Западную Европу и что высадка в Нормандии произойдёт лишь весной 1944 г.¹⁶⁶ Это повторное нарушение принятого Лондоном и Вашингтоном обязательства не могло не вызвать самой резкой реакции в Москве. Сталин писал Рузвельту и Черчиллю: «Как видно из Вашего сообщения, эти решения находятся в противоречии с теми решениями, которые были приняты Вами и г-ном Черчиллем в начале этого года, о сроках открытия второго фронта в Западной Европе.

Вы, конечно, помните, что в Вашем совместно с г-ном Черчиллем послании от 26 января сего года сообщалось о принятом тогда решении отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и заставить Германию встать на колени в 1943 году...

Теперь, в мае 1943 г., Вами вместе с г-ном Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года. Это Ваше решение создаёт исключительные трудности для Советского Союза... Нужно ли говорить о том, какое тяжёлое и отрицательное впечатление в Советском Союзе – в народе и в армии – произведёт это новое откладывание второго фронта... Что касается Советского Правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению»¹⁶⁷.

¹⁶⁰ Цит. по: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 136.

¹⁶¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 102; Переписка Председателя Совета Министров. Т. 2. С. 48; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 274; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 329.

¹⁶² Переписка Председателя Совета Министров. Т. 1. С. 120; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 355.

¹⁶³ Борисов А. Уроки второго фронта. С. 73.

¹⁶⁴ Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 86.

¹⁶⁵ См.: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 51.

¹⁶⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 66-68; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 327-329; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 391.

¹⁶⁷ Переписка Председателя Совета Министров. Т. 1. С. 155-156; Переписка Председателя... Т. 2. С. 69-70; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 330-331; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 393-394.

А.И. Уткин пишет, что «ответ Сталина приближал коалицию к точке разрыва»¹⁶⁸. Советскому Союзу предстояло ещё не менее года практически в одиночку противостоять фашистскому блоку в Европе, тогда как его западные союзники ограничивались ведением второстепенных операций. Всё это с неизбежностью наталкивало советское руководство на мысль, что главной целью США и Великобритании является обескровливание главных участников вооруженного конфликта – СССР и Германии, с тем, чтобы в подходящий момент Америка и Англия могли добиться выгодных для себя условий мирного урегулирования.

Говоря о сути такого подхода со стороны западных союзников, Э. Дзелепи писал: «Оборотной стороной союза с Советским Союзом была перспектива выхода последнего из войны слишком могущественным... И чем большим был бы советский вклад в общую победу, тем большей была бы эта опасность... Надо было оставить русских более или менее одних сражаться против немцев, с тем чтобы Советский Союз вышел из войны в достаточной мере ослабленным и вследствие этого неспособным играть сколько-нибудь серьёзную политическую роль в послевоенный период... Черчилль желал, чтобы Советский Союз истёк кровью на войне и к моменту победы настолько ослабел, что не в состоянии был бы играть первостепенную роль в Европе и во всём мире... Он хотел оставить русских одних сражаться против немцев. В этом случае и те, и другие вышли бы из войны истощёнными, каким бы ни был её исход»¹⁶⁹.

После этого Советское правительство отозвало своих послов из Вашингтона и Лондона. «Вашингтон охватило в это время сильное смятение, – отмечал в своих мемуарах тогдашний посол США в СССР У. Стэндли, – некоторые чиновники рассматривали отзыв Литвинова и Майского как ясный намёк на ухудшение отношений с Советским Союзом, а некоторые даже предрекали, что русские пойдут на заключение сепаратного мира»¹⁷⁰. Когда 16 июля Рузвельт напомнил Сталину о достигнутой между ними договорённости в отношении проведения личной встречи, думая, по-видимому, что острый момент миновал, ответом ему было длительное молчание. Лишь 8 августа советский лидер сообщил в Вашингтон, что не сможет выполнить своего обещания¹⁷¹.

Дальнейшее откладывание второго фронта в Европе становится нестерпимым. Споры вокруг проблемы второго фронта вновь обострились после капитуляции немецко-итальянской группировки в Тунисе и начала подготовки союзников к вторжению в Италию. Маршалл справедливо утверждал, что эта операция отложит открытие второго фронта во Франции по меньшей мере на год, что форсирование Ла-Манша гораздо важнее для оказания эффективной помощи Советскому Союзу, для общего дела союзников, чем занятие Сицилии и Сардинии, что высадка во Франции отвлечёт не только сухопутные, но и большие воздушные силы с Восточного фронта¹⁷². Черчилль же продолжал доказывать, что превращение Средиземного моря в зону свободного плавания представляет задачу первостепенной важности¹⁷³. На Вашингтонской конференции в мае 1943 г. он пытался обосновать преимущества т.н. балканского варианта второго фронта¹⁷⁴ и решительно выступал против форсирования Ла-Манша в

В этом контексте сложно согласиться с выводом Г. Киссинджера о том, что «Сталин настаивал на втором фронте в 1942-м и 1943 годах по той же самой причине, по какой Черчилль настаивал на его отсрочке: потому что это оттянуло бы силы союзников от политически спорных районов». Как минимум, американский аналитик не до конца искренен. // Киссинджер Г. Дипломатия. С. 363.

¹⁶⁸ Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 312.

¹⁶⁹ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 40-41, 33, 41.

¹⁷⁰ Цит. по: Борисов А. Уроки второго фронта. С. 80-81.

¹⁷¹ Советско-американские отношения. Т. 1. С. 350, 359.

¹⁷² Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 50.

¹⁷³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 326.

¹⁷⁴ Как вспоминает бывший советский военный корреспондент Даниил Краминов, прикомандированный в годы войны к англо-американскому командованию, данная идея Черчилля была крайне непопулярна среди военнослужащих армий западных союзников. Вот что он пишет об одном из таких эпизодов войны, когда обсуждался вопрос о выборе англо-американцами направления удара по немцам на европейском континенте: «Французский полковник критиковал намерение союзного командования открыть второй фронт в Италии. В прошлой мировой войне он был офицером связи при штабе итальянского главнокомандующего генерала Кадорна. За два года он исколесил Италию вдоль и поперёк и поэтому решительно утверждал:

– Более неудачного театра наступательных военных действий, чем Италия, нельзя найти во всём мире, за исключением, может быть, Сахары и Гималаев.

Потом, словно внезапно вспомнив что-то, полковник восклицал:

– Впрочем, прошу прощения. Имеется ещё худший военный театр. Это – Балканы. Да, да, Балканы в этом отношении хуже Италии. Но самое пикантное – это то, что наши генералы намерены из Италии переправиться на Балканы...

– Не вините генералов, сэр, – говорил майор со своей обычной усмешкой. – Помните, что... генералы ныне не вольны выбирать театры военных действий. Теперь каждое наступление не только военное, но и политическое событие. Направление наступления выбирается не генералами, а политиками».

1943 г. Как вспоминает адмирал У. Леги, «не было сделано и намёка на то, что он благосклонно относится к такой перспективе в 1944 году, пока Германия не будет разбита в результате русской кампании и возрастающих бомбардировок союзников»¹⁷⁵.

Маршалл своего не добился, т.к. президент не занял определённой твёрдой позиции. Правда, впервые была названа дата 1 мая 1944 г., как день начала вторжения во Францию через Ла-Манш¹⁷⁶. После отъезда Черчилля из Вашингтона Бивербрук ещё месяц оставался в США. В конце июня он вручил Гопкинсу записку, озаглавленную «Настоящее и будущее». Суть его аргументов состояла в необходимости скорейшего открытия второго фронта в Европе: «Можем ли мы позволить себе ещё тратить время на подготовку? – писал Бивербрук. – Немцы имеют самую сильную армию на Востоке. Прошлой зимой русские понесли большие потери... Имеется также опасность, что Япония может нанести удар в спину. Нельзя сказать, что Москва, Баку или Ленинград находятся вне опасности. И ещё меньше оснований утверждать, что мы и американцы можем в течение какого-либо определённого отрезка времени выиграть войну без помощи русских.

...Можем ли мы себе позволить новую отсрочку? Предположим даже, что Германия оставит Россию в покое. Станет ли она слабее, получив „год передышки“ для организации обороны? Можно ли одними бомбардировками добиться изменения положения? Мы сейчас располагаем оружием и людьми, а немцы чувствуют себя неуверенно, их планы серьёзно нарушены.

...Вопрос о том, где открыть второй фронт, имеет исключительно важное значение. Для того, чтобы эта операция представляла собой нечто большее, чем диверсия, необходимо выбрать такое место, где успех немедленно создал бы смертельную угрозу для противника...

Вторжение в Италию... может оказаться тяжёлым психологическим ударом для противника, но оно не гарантирует решающих результатов... Вторжение в Северную Норвегию... означало [бы] установление связи с русскими, но серьёзная угроза противнику в Европе всё равно не была бы создана. Высадка в Южной Греции? Проходы, ведущие на север к Балканам и к Дунайской долине, можно удерживать небольшими силами.

Когда любая из этих целей будет достигнута, то всё равно война ещё не будет выиграна, поскольку главным объектом должна служить сердцевина оккупированной немцами Европы.

Однако высадка в следующих двух местах может дать немедленные результаты. Высадка в восточной части Балкан через Дарданеллы, с согласия или даже с помощью Турции, обнажила бы всю Дунайскую равнину и создала бы угрозу для всех германских сил в Южной России. Высадка в Северной Франции дала бы возможность развить наступление прямо на Париж, на Рур и Рейн. Если бы один из этих планов оказался успешным, то противник был бы поставлен в крайне затруднительное положение, до того как он успеет организовать или усовершенствовать свою оборону... Существует реальная опасность, что мы будем тянуть и тянуть до тех пор, пока не будет пришита последняя пуговица на гетре последнего солдата»¹⁷⁷.

Видный американский политик У. Уилки, соперник Рузвельта на президентских выборах 1940 г., также заявил в сентябре 1942 г.: «Я лично убеждён сейчас, что мы можем помочь русским, установив вместе с Великобританией действительный второй фронт в Европе в кратчайшие сроки»¹⁷⁸. А бывший посол в СССР Криппс, занявший к этому времени пост лорда – хранителя печати, заявил: «Русские армии, несущие огромные жертвы и удерживающие сегодня большое количество немецких армий... прямо охраняют нас от опасности нападения и вторжения в Англию. Поэтому... никакая цена не может быть высокой, чтобы поддержать замечательные усилия русских»¹⁷⁹. Даже ярый ненавистник СССР сенатор Г. Трумэн считал, что «с выходом России из войны никакая сила не сможет удержать Германию и Японию... Мы должны поэтому открыть второй фронт, чтобы сохранить первый фронт»¹⁸⁰.

Далее полковник продолжил доказывать, что высадка в Италии не может обещать ничего серьёзного: «Союзники завязнут там, и эта операция не сможет оказать существенного влияния на военное положение в Европе. Механизированные англо-американские армии могут маневрировать только по дорогам. Дорог же в Италии мало, и защищать их, при гористом характере страны, противнику очень легко.

– Почему же союзники лезут туда?

– Кажется мне, – ответил полковник после некоторого раздумья, – что они хотят не столько помочь русским, сколько помешать им добраться до Балкан...» // Краминов Д. Правда о втором фронте. Записки военного корреспондента. М., 1958. С. 18, 19.

¹⁷⁵ См.: Ибрагилья В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 150.

¹⁷⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 408.

¹⁷⁷ Ibid. С. 412-415; см. также Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5. С. 82-83.

¹⁷⁸ Цит. по: Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 217; о визите У. Уилки в СССР см. также: Бережков В.М. Рождение коалиции. С. 153-158.

Подробно о визите осенью 1942 г. лидера Республиканской партии США Уэнделла Уилки в Советский Союз см.: Печатнов В.О. Визит У. Уилки в СССР. // США. Канада: экономика, политика, культура, 1999, № 7.

¹⁷⁹ Цит. по: Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 225.

¹⁸⁰ См.: Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. С. 28.

Выступая в парламенте после Сталинградской победы, лорд Страболджи заявил: «Из русского наступления можно вывести одно заключение: русские имеют несомненное военное превосходство над немцами и их пособниками... Предпримем ли мы наше великое вторжение на континент к июлю? Ходят опасные слухи о том, что мы должны полностью очистить Африку, прежде чем мы сможем открыть второй фронт в Европе. Африканский фронт никогда не был важным, никогда не был больше, чем второстепенным фронтом... Не нанеся удара в прошлую зиму, мы упустили благоприятную возможность быстро закончить войну. Немецкая армия была тогда на волоске от краха. Теперь мы имеем большие возможности... Страна не простит чрезмерной боязливости, которая может привести к тому, что мы упустим момент во второй раз»¹⁸¹.

Однако течение мировой истории, в том числе вопрос о сроках и месте открытия второго фронта, определяла Красная Армия. В результате её блистательных побед 1943 г., изменивших ход второй мировой войны, правительства Англии и США уже не могли затягивать его положительное решение. Поэтому в августе 1943 г. на конференции в Квебеке, где обсуждался вопрос об открытии второго фронта весной 1944 г., Рузвельт, возражая Черчиллю, выступавшему за вторжение англо-американских армий на Балканы, настоял, чтобы этот фронт был создан во Франции¹⁸². Хэлл в своих мемуарах свидетельствует, что У. Черчилль решительно высказался против форсирования Ла-Манша и за высадку на Балканах для того, чтобы воспрепятствовать «советскому вторжению в этот район, которое нанесло бы ущерб английским и американским интересам»¹⁸³. Однако после Сталинградской битвы никто более в США не сомневался, что Германия терпит поражение. Поэтому затягивание открытия второго фронта сменилось ускоренной подготовкой к вторжению в Северную Францию.

Немецкие ожидания второго фронта. В этом смысле следует отметить, что обстановка для высадки была в 1943 г. столь благоприятной, что сами гитлеровцы с большим страхом со дня на день ожидали вторжения. Фельдмаршал Рундштедт рассказывал после войны: «Я ожидал вторжения в 1943 году..., ибо понимал, что [англо-американцы] сразу же воспользуются тем обстоятельством, что германские войска на западе оказались растянутыми на очень широком фронте». Геббельс в марте 1943 г. после продолжительной беседы с Герингом о военной ситуации записал в своём дневнике: «Он также обеспокоен тем, в какой степени нам пришлось оголить Западный фронт для того, чтобы стабилизировать Восточный. Страшно подумать, что может случиться, если англичане и американцы внезапно предпримут попытку вторжения»¹⁸⁴.

Эту ситуацию комментирует Б. Циммерман: «Осенью [1943 г.] Рундштедт представил в ОКВ подробный отчёт, [в котором] говорилось, что на Западном театре военных действий большинство немецких солдат слишком стары. Зачастую на службе находились офицеры с искусственными конечностями. Один батальон был сформирован из людей, страдавших болезнями уха. Позднее целая 70-я дивизия была укомплектована солдатами, имевшими желудочные заболевания и нуждавшимися в специальной диете... Ощущался острый недостаток в тяжёлых видах вооружения, особенно в танках, а следовавшие одно за другим поражения на Восточном фронте безнадежно задерживали поступление пополнений... Мало того, на Западе не было и стратегических резервов... Из-за тяжёлых потерь в России немецкое командование не имело на Западе достаточного количества подвижных соединений для ведения маневренной войны, поэтому пришлось принять план Гитлера о переходе к жёсткой позиционной обороне»¹⁸⁵.

Соотношение сил на Западном фронте к середине 1943 г. и проблема второго фронта. Англо-американцы тянули с открытием второго фронта до июня 1944 г. И здесь, в который раз, невольно возникает вопрос: с чисто военной точки зрения, это был самый подходящий момент и столь длительное оттягивание данного события облегчило высадку союзников в Нормандии? На этот вопрос американский историк Уолтер Скотт Дан младший в книге «Второй фронт тогда, в 1943 году», вышедшей в 1980 г. в издательстве Алабамского университета¹⁸⁶, отвечает отрицательно и убедительно доказывает, что в 1943 г. для вторжения существовали более благоприятные условия, т.к. в 1943 г. на Западном фронте союзники имели большее превосходство в живой силе, чем в 1944 г. Так, в 1944 г. соотношение сил было примерно 38:35, а в мае 1943 г. – 60:6 (в сентябре 1943 г. – 60:9). Он пишет: «После разгрома немцев под Курском русские наступали на юге и к концу сентября форсировали Днепр. В России не было лишних дивизий, которыми можно было бы усилить Запад в случае вторжения»¹⁸⁷. Наоборот, как уже отмечалось, в это время германские дивизии продолжали перебрасываться с Запада на Восток.

¹⁸¹ См.: Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. С. 133.

¹⁸² Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 50; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 46-48.

¹⁸³ См.: Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 190-191; данный тезис поддерживают и историки, которых никак нельзя обвинить в просоветских симпатиях. // См. например: Chipier I. De la disparéarea lui Churchill la nemulțumirea lui Stalin. // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 4. P. 4.

¹⁸⁴ См.: Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 143; Рыжиков В.А. Зигзаги дипломатии Лондона. С. 130; Кулиш В.М. История второго фронта. С. 228.

¹⁸⁵ Роковые решения. С. 220-221, 226.

¹⁸⁶ Её анализ см.: Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. С. 57-66.

¹⁸⁷ Ibid. С. 60.

В этой связи и другой американский историк Д. Григг констатирует: «В 1943 г. у союзников не было недостатка в обученных и готовых к боям войсках. Поскольку основная масса германской армии была задействована на Восточном фронте, британские и американские войска имели гарантированное численное превосходство над любыми сосредоточенными против них германскими силами»¹⁸⁸.

«Балканский вариант» Черчилля. Однако, даже на Тегеранской конференции, где, как мы уже отмечали, было принято это историческое решение, Черчилль предлагал открыть второй фронт на Балканах, чтобы закрыть путь СССР в Европу¹⁸⁹. Он также настаивал на вступлении Турции в войну против Германии¹⁹⁰. Подоплёка такой позиции Англии с предельной ясностью раскрыта в документе Форин Оффиса, в котором отмечается, что «вступление Турции в войну явилось бы наилучшим, если не единственным, средством удержать русских от установления контроля над Балканами... Если турки сохранят нейтралитет, британские силы не смогут, по-видимому, попасть на Балканы до того, как оттуда уйдут немцы, или до того, как там утвердятся русские»¹⁹¹.

«Черчилль предпринял последнюю и, можно сказать, отчаянную попытку доказать, что Родос и Турция являются стратегическими пунктами»¹⁹². Против этого выступили русские и американцы¹⁹³, т.к. в этом случае силы Германии не могли быть разделены на две части, что послужило бы причиной затягивания войны: «Русские и американцы, казалось, – писал адмирал Леги, – почти достигли согласия по основным принципам стратегии, которую предстояло провести в жизнь»¹⁹⁴. Политическая подоплёка стратегии Черчилля была очевидна. «Всякий раз, – рассказывал впоследствии президент Рузвельт своему сыну Эллиоту, – когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего на самом деле он хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию»¹⁹⁵. Это же отмечал и Эйзенхауэр: «Я не мог избавиться от чувства, что его взгляды определялись... его обеспокоенностью как политического лидера будущей судьбой Балкан»¹⁹⁶.

Кроме того, американские руководители ясно осознавали, что открытие второго фронта на Балканах привело бы к освобождению англо-американскими войсками лишь Юго-Восточной Европы. В этом случае почти вся Европа, включая Германию и даже Францию, была бы освобождена Красной Армией, а это означало установление на этих территориях режима и образа жизни советского образца. «В этой связи, – пишет Шервуд, – можно задать вопрос: если бы силы англо-американцев были бы сосредоточены в Южной и Юго-Восточной Европе, что, в конечном счёте, могло бы помешать русским проникнуть в Рур, Саар и даже в Нормандию?»¹⁹⁷.

Данную позицию американского правительства высказал и президент: «Я уверен в одном, – говорил Рузвельт своему сыну. – Если путь к скорейшей победе ценой минимальных потерь со стороны американцев лежит на Западе, и только на Западе... то больше не о чём и говорить... Я думаю, я надеюсь, Черчилль понял, что наше мнение именно таково и что оно не изменится»¹⁹⁸. Однако, по свидетельству Эйзенхауэра, британский премьер не отказался от «балканского варианта» даже после высадки союзников в Нормандии¹⁹⁹.

Говоря о результатах черчиллевской стратегии на затягивание открытия второго фронта, Дзелепи отмечает, что «в действительности она оказалась драматическим *бумерангом*. Черчилль должен был с ужасом констатировать непредвиденное явление: за два года, в течение которых он срывал открытие второго фронта, мощь Красной Армии возросла и окрепла в борьбе... Война, по существу, подходила к концу. Подавляющая часть работы по уничтожению вермахта была уже выполнена Красной Армией»²⁰⁰.

Кроме того, и военно-стратегические соображения диктовали необходимость открытия второго фронта именно в Западной Европе, т.к. только это позволяло взять в клещи фашистскую Германию и открывало кратчайший путь к её жизненно важным центрам. Расстояние из Северо-Восточной Франции до Берлина составляет 700 км, в то время как из Италии союзным войскам было необходимо прод-

¹⁸⁸ См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 145.

¹⁸⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 200-202, 208; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 245-248, 263-267.

Правда, сам Черчилль в своих мемуарах отрицает это, называя подобные утверждения «чепухой». // Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 193.

¹⁹⁰ Ibid. С. 208; Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 423.

¹⁹¹ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 223.

¹⁹² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 484.

¹⁹³ Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 426.

¹⁹⁴ Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 417; см. также: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 278.

¹⁹⁵ Рузвельт Э. Его глазами. С. 186-187.

¹⁹⁶ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 241, 331.

¹⁹⁷ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 218.

¹⁹⁸ Рузвельт Э. Его глазами. С. 187-188.

¹⁹⁹ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 329.

²⁰⁰ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 42-43.

винуться на 1200 км, а из Балкан – на 1700. Наступление на Балканах и в Италии проходило бы вдалеке от важнейших политических, экономических и военно-стратегических центров рейха. Кроме того, географические и топографические условия в Западной Европе были гораздо более благоприятными для союзников, чем в Италии и на Балканах. Равнинная местность и густая сеть дорог позволяли маневрировать большими массами войск и, в первую очередь, бронетанковыми силами, в то время как гористый и пересечённый реками и лесами южно-европейский рельеф колоссально затруднял это и, наоборот, позволял немцам легко обороняться относительно небольшими силами. Наконец, чисто технически снабжать войска через Ла-Манш, на расстояние от 35 до 70 км от Британских островов до континента, это один вариант, а за несколько тысяч километров от той же Англии до Балкан – совершенно другое дело.

С этими соображениями был полностью согласен и генерал Д. Эйзенхауэр²⁰¹. «Кроме того, – писал он, – надо было иметь в виду и тот факт, что мы... не смогли бы сосредоточить в районе Средиземного моря всю мощь Великобритании и Соединённых Штатов. Это можно было бы сделать только в такой операции, в которой Англия использовалась бы в качестве плацдарма. Оставшуюся часть английских сухопутных войск, а главное – воздушные и военно-морские силы, выделенные для обороны самой Англии, можно было бы использовать в наступательной операции, если бы она осуществлялась через Ла-Манш непосредственно на Европейский континент...

Другим очень важным соображением в пользу превращения Англии в основной исходный район для наступления против Германии являлось то, что трансатлантический путь из Нью-Йорка до Британских островов был самым коротким. Это позволило бы осуществлять самый быстрый оборот судов и использовать огромные английские порты... Выбор Англии в качестве плацдарма привёл бы к сохранению судов и по другой причине. С немецкими подводными лодками... бороться можно было только с помощью сильных эскортных... Мы должны были сохранять открытой жизненно важную для Великобритании линию коммуникаций...

Если при рассмотрении других возможных вариантов учитывать необходимость сосредоточения огромных масс войск, обеспечения кратчайшего доступа к территории собственно Германии, отсутствие при этом непреодолимых естественных препятствий к быстрому наращиванию сил, то использование Англии в качестве плацдарма для вторжения в Северо-Западную Европу было бы наилучшим выбором»²⁰².

Решение Тегеранской конференции о вторжении в Западную Европу. В ходе дискуссии в Тегеране Сталин заявил, «что, по его мнению, нецелесообразно распылять силы в различных операциях через восточную часть Средиземного моря... Опыт Красной Армии показал, продолжал он, что лучше начинать наступление с двух противоположных направлений, вынуждая противника перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой. Поэтому он высказался за одновременные операции в Северной и Южной Франции и против „распыления“ сил в Восточной части Средиземного моря. Он совершенно ясно и неоднократно выразил своё убеждение в том, что Турция ни в коем случае не согласится вступить в войну». Рузвельт также высказал мнение, что Турция в войну не вступит²⁰³.

Когда на конференции было принято твёрдое решение об осуществлении в мае 1944 г. вторжения в Европу, «Сталин выразил большое удовлетворение принятым решением и обещал, что Красная Армия предпримет наступательные операции одновременно с операцией „Оверлорд“ и это будет свидетельствовать о том значении, какое русские придадут открывающемуся наконец второму фронту»²⁰⁴. Единственное замечание, которое он сделал, было в форме вопроса: «Когда же будет назначен главнокомандующий?»²⁰⁵.

Постановка вопроса о втором фронте в конце 1943 г. К этому времени, благодаря успехам советских войск, в значительной степени изменилась и суть проблемы второго фронта. До победы под Курском в задачу англо-американских войск входило оттянуть с советско-германского фронта на Запад около 40 немецких дивизий с целью создания условий для коренного перелома в ходе войны. После неё второй фронт мог способствовать уже лишь закреплению достигнутых побед и окончательному разгрому гитлеровской Германии. Дальнейшее откладывание его открытия более не соответствовало интересам правящих кругов США и Англии.

²⁰¹ Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. С. 77.

²⁰² Ibid. С. 77-78.

²⁰³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 473-474.

²⁰⁴ Ibid. С. 487; см. также: Тегеранская конференция трёх союзных держав. С. 173; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 506; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 454; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 217; Советник двух президентов. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 421; Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». С. 430.

²⁰⁵ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс.... Т. 2. С. 487; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 209.

Они, по существу, высказывали мысль, что в результате побед Красной Армии мог наступить такой момент, когда распад германского сопротивления будет «развиваться с потрясающей быстротой»²⁰⁶. «Так зародилась драма Черчилля, – писал Дзелепи. – Двойственность его политики оборачивалась теперь весьма угрожающей стороной. Разбить Гитлера хорошо, но Советский Союз выиграл бы больше всех от победы, поскольку главный вклад в её достижение вносил он. Иначе говоря, англо-американская сторона выиграла бы войну, но проиграла бы мир. Поэтому отныне главными проблемами становятся послевоенные. Как будет выглядеть Европа – а также весь мир, – когда Советский Союз выйдет из войны, сохранив всё своё могущество? Это было кошмаром для Черчилля и, несомненно, также для правящих классов на Западе»²⁰⁷.

Известный историк А. Тейлор писал в связи с этим: «Становилось похоже, что война кончится тем, что англичане и американцы будут контролировать Средиземное море, а Советская Россия – господствовать на континенте»²⁰⁸. Ту же мысль высказал после войны и знаменитый американский журналист У. Липпман: «В 1942 – 1943 гг. я был убеждён в правильности черчиллевской стратегии. Тогда казалось невозможным вступление Советской Армии в Европу. Но как только стало очевидным, что Германия будет оккупирована, я изменил своё мнение и понял, что Стимсон и Маршалл были правы как с политической, так и с военной точки зрения, стремясь ввести крупные англо-американские войска в Западную Германию... Это был отказ от Балкан и долины Дуная для того, чтобы выиграть Францию, Бельгию, Нидерланды и Западную Германию»²⁰⁹.

Генерал Маршалл предупредил своего главнокомандующего, что в Европе «может возникнуть хаос», если западные союзники «не успеют» за Красной Армией. В меморандуме от 27 августа 1943 г. американские военные специалисты призывали президента «неизмеримо увеличить собственную мощь в Западной Европе, первыми вступить в Берлин»²¹⁰. Да и сам президент Рузвельт осознавал это. Ещё в Каире в одной из бесед с сыном Эллиотом он сказал: «Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится»²¹¹. Так считал и А. Гарриман: «Советский Союз мог выиграть войну и без помощи союзников»²¹².

Подобная перспектива не устраивала англо-американцев. Так, например, Эйзенхауэр отлично понимал складывающуюся в Европе ситуацию. Ещё в мае 1943 г. он говорил А. Бруку, настаивавшему на продолжении применения главных усилий союзников в районе Средиземноморья: «Как Вы намерены вести войну дальше с учётом только что изложенного Вами плана, если окажетесь перед фактом, что вся Центральная и Западная Европа будет занята русскими?»²¹³. Для США, как в равной степени и для Англии, было немисливо допустить, чтобы СССР оказался в конце войны единственным освободителем Европы.

Однако существовала и другая опасность в деле затягивания открытия второго фронта. Это неизбежно привело бы к увеличению продолжительности войны в Европе, что, по мнению российского исследователя А. Борисова, могло бы вызвать использование атомного оружия против Германии. А если бы немцы успели получить первыми это оружие, то его применение стало бы неизбежным: «Окажись в руках маньяка атомная бомба, он, не колеблясь, пустил бы её в ход против тех, кто не спешил с открытием второго фронта»²¹⁴.

Уже одним-двумя годами после войны Черчилль следующим образом оправдывал свою позицию по вопросу об открытии второго фронта в Европе: «Мои позднейшие размышления по этому поводу и полные сведения, которыми мы располагаем в настоящее время, убедили меня в том, что эта затяжка в выполнении наших планов обернулась в нашу пользу. Отсрочка посылки экспедиционных войск на год спасла нас от предприятия, которое в тот момент, в лучшем случае, было бы чрезвычайно рискованным, а весьма возможно, привело бы к катастрофе мирового значения. Теперь я уверен, что даже если бы операция „Торч“ закончилась в 1942 году так, как я надеялся, или если бы мы даже не пытались её осуществить, попытка форсировать Ла-Манш в 1943 году повлекла бы за собой серьёзнейшее поражение с огромными потерями, что имело бы не поддающиеся определению последствия для исхода войны. Я стал сознавать это всё яснее в течение 1943 года и поэтому примирился с неизбежностью отсрочки операции „Оверлорд“, несмотря на то, что полностью понимал раздражение и гнев советского союзника»²¹⁵. Какова была реальная действительность 1943 года, мы уже говорили выше.

²⁰⁶ Кулиш В.М. Раскрытая тайна. С. 399.

²⁰⁷ Дзелепи Э. Секрет Черчилля. С. 32-33.

²⁰⁸ См.: Секистов В.А. Война и политика. С. 364.

²⁰⁹ Цит. по: Кулиш В.М. История второго фронта. С. 29.

²¹⁰ См.: Цветков Г.Н. СССР и США. С. 105.

²¹¹ Рузвельт Э. Его глазами. С. 161.

²¹² См.: Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр... // США: ЭПИ, 1995, № 5. С. 20.

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Борисов А. Уроки второго фронта. С. 49-53.

²¹⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 302.

Военно-стратегическое и политическое значение вторжения в Нормандию. 10 июня 1944 г. Гарриман был принят в Кремле главой Советского правительства. Посол предусмотрительно захватил с собой карту, на которой показал район высадки союзников в Нормандии. Сталин был, по словам Гарримана, в отличном настроении: «Это был совсем другой Сталин, не скупившийся на похвалу достижениям союзных армий во Франции». Он высоко оценил крупные масштабы операции по переброске целых армий на континент: «История войн никогда не знала столь грандиозной операции. Даже сам Наполеон не отважился её предпринять. Гитлер её планировал, но был слишком глуп, чтобы на неё отважиться»²¹⁶. «Это – несомненно блестящий успех наших союзников... История отметит это дело как достижение высшего порядка, – подчеркнул 13 июня советский Верховный Главнокомандующий в интервью газете „Правда“»²¹⁷.

---

²¹⁶ Борисов А. Уроки второго фронта, или Могла ли Европа разделить судьбу Хиросимы и Нагасаки. М., 1989. С. 8-9; см. также Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 210.

²¹⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 37.

ГЛАВА 17. ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА В РАМКАХ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ И ЕГО ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

1. Польский вопрос в 1941-1943 гг.

Советско-польские отношения после 22 июня 1941 г. 5 июля 1941 г. в Лондоне, при посредничестве Англии, начались переговоры между двумя правительствами. Польшу представлял премьер её эмигрантского правительства, СССР – посол Майский. В качестве целей поляки ставили себе признание недействительности раздела Польши в 1939 г. и освобождение захваченных в 1939 г. Красной Армией польских военнопленных. Советская сторона считала, что вопрос о границе не подлежит обсуждению, а что касается проблемы военнопленных, выразила готовность пойти на соглашение. Рассмотрение первого вопроса англичане предлагали отложить до лучших времён.

30 июля соглашение было достигнуто: дипломатические отношения между двумя странами восстанавливались, и на советской территории воссоздавалась польская армия¹. Было также подписано совместное заявление о том, что советско-германские договоры от 1939 г. относительно территориальных изменений в Польше «утратили свою силу»².

Однако польское правительство не отказалось от тезиса «двух врагов», рассматривающего и Германию, и Советский Союз как враждебные Польше государства³. В этом смысле Гопкинс говорил о Сикорском и о планах эмигрантского Лондонского правительства: «Сикорский приносит Польше больше зла, чем добра. Польша лелеет честолюбивые мечты на послевоенное будущее... Поляки говорят, что Россия будет после войны настолько слаба, а Германия сокрушена, что Польша станет самым могу-

---

¹ См.: Сталин, Берия и судьба Армии Андерса в 1941-1942 гг. (Из рассекреченных архивов). // ННИ, 1993, № 2; Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша Т. 14 (3–1). М., 1994 (militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html); <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>; Прибылов В.И. Почему ушла армия Андерса. // ВИЖ, 1990, № 3; Constantin I. Polonia la sfârșitul celui de-al doilea război mondial. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 5. P. 47;.

В июне 1942 г. В. Андерс потребовал от В. Сикорского разрешения на эвакуацию всей армии. После переговоров с В. Молотовым в Лондоне В. Сикорский 12 июня направил В. Андерсу телеграмму, в которой, обосновывая свое решение высшими политическими целями, предлагал армии остаться в СССР и воевать вместе с Красной Армией. Инструкция польского премьера В. Андерсом выполнена не была... 31 августа 1943 г. командующий польской армией В. Андерс подтвердил собственной подписью, что «польское правительство вопреки соглашению между СССР и Польшей не считает возможным использовать на советско-германском фронте польские войска, сформированные в СССР». К 1 сентября 1942 г. эвакуация польских частей была закончена. Всего из СССР выехало около 80 тыс. военнослужащих и более 37 тыс. членов их семей. 12 тысяч польских военнослужащих, в том числе моряки, летчики, танкисты, были направлены в Англию. Большая часть польской армии – 69 917 человек – последовала в Иран. Несколько офицеров во главе с полковником Берлингом отказались выехать в Иран и остались в СССР. // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html; см. также: Сталин и Польша. 1943-1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов. // ННИ, 2008, № 3. С. 106.

Правда и для англичан поляки не являлись «лёгкими» партнёрами и своей позицией в отношении СССР доставляли им много проблем. В этом смысле, в ответ на позицию лондонских поляков по вопросу о восточной границе Польши, уже после Крымской конференции, 21 февраля 1945 г., Черчилль заявил Андерсу: «У нас теперь достаточно войск, и в Вашей помощи мы не нуждаемся. Вы можете свои дивизии забрать. Обойдёмся без них». // Макаруч В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 352-353.

² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 182-183; Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 15.

³ Как отмечает современный польский историк Славомир Дембский «сотрудничество двух соседей, враждебно настроенных к возрождённой Польше, с самого начала представляло угрозу для её существования». В этом смысле 7 марта 1934 г. Ю. Пилсудский заявил в узком кругу: «В своей истории времён Екатерины и Фридриха Прусского Польша на своей собственной шкуре испытала, что произойдёт, когда два могущественных соседа договариваются между собой. Тогда Польша была разорвана в клочья. Такая опасность для Польши существует всегда. После мировой войны она уменьшилась, потому что Германия была разбита Антантой, а Россию побил Комендант^г. И эти государства были ослаблены. Но они заключили между собой Рапальский договор, который, правда, не был направлен исключительно против Польши, а против всего мира, но был опасен для Польши». // Дембский С. Происхождение второй мировой войны. // Белые пятна – черные пятна. С. 171.

В 1942 г., уже будучи в Иране, руководитель польской армии, сформированной в СССР, генерал Андерс предельно откровенно заявил в своём кругу: «Русские хотели послать нас на фронт, чтобы немцы нас перебили. Мы и англичане не допустили этого. Мы прибыли сюда не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы подготовиться к борьбе за границы будущей Польши. Эта борьба предстоит после разгрома немцев, и в ней нам помогут англичане». // Иванов Ю.В. О Варшавском восстании. // Межд. жизнь. 2004, № 9, С. 151.

^г Примечание научного редактора: Так его сторонники называли Юзефа Пилсудского.

пещественным государством в этой части света... Польша захочет, чтобы были восстановлены её прежние, довоенные границы»⁴.

В том же контексте, 31 января 1942 г., обговаривая с В. Сикорским вопросы будущей советско-польской границы, У. Черчилль заявил, что «коммунизм не очень пугает Великобританию. Если те или иные страны со временем изберут для себя этот режим, Лондон не будет выступать против»⁵. В целом на протяжении 1941 – 1942 гг. советско-польские отношения оставались довольно сложными.

Разрыв дипломатических отношений между Польшей и СССР. В апреле 1943 г. произошёл разрыв между Советским правительством и находившимся в Лондоне польским правительством в изгнании. Будучи приглашённым на завтрак на Даунинг-стрит, 10, Сикорский рассказал Черчиллю об убийстве Советским правительством 15 тыс. польских военнопленных, находившихся с 1939 по 1940 гг. в советских лагерях и погребённых в огромных могилах в смоленских лесах, главным образом вокруг Катыни⁶. Черчилль ему ответил: «Если они мертвы, вы ничего не сможете сделать, чтобы их воскресить»⁷.

⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 378.

⁵ Макаруч В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 274.

⁶ Об этом преступлении сталинского режима см.: Абаринов В. Катынский лабиринт. М., 1991; Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991; Ежовский Л. Катынь 1940. Рига, 1990; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 111-140; Otu P., Duțu Al. Masacrul din pădurea Katîn. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 4; Manea M. Masacrul de la Katyn. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 11; Constantin I. Masacrul de la Katyn. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 3; Maxim M. Katyn – 1940. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 5; Constantin I. Posteritatea Katyn-ului. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 10.

По настоящее время среди историков нет единого мнения о причинах, побудивших сталинское руководство издать приказ о расстреле польских офицеров. Однако не вызывает сомнений, что такого рода приказы имеют не только античеловечный характер, но и свидетельствуют об определённых психических отклонениях тех, кто способен такое приказывать. Среди многих причин, толкнувших Сталина и Берия на уничтожение польских пленных, имеет право на существование и мнение, что это случилось и из чувства мести за гибель десятков тысяч советских военнопленных в польских лагерях в 1919-1920 гг.

То, что такое было, не вызывает сомнений. Так, 9 сентября 1921 г. Г.В. Чичерин заявил, что «в течение двух лет из 130 тыс. русских пленных в Польшу умерло 60 тыс.». // ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 319.

Российский историк И. Михутина на основе тщательных подсчётов пришла к выводу, что это минимальная цифра погибших в польском плену советских граждан. Всего же в плен было взято от 133000 до 165500 советских военнослужащих и гражданских лиц. А историки Геннадий и Виктория Матвеевы пишут о 32 тысячах погибших. // Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польшу в 1919 – 1921 гг.? // ННИ, 1995, № 3. С. 64-66; Иванов Ю.В. Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей. // ВИЖ, 1993, № 12. С. 22, 24; Матвеев Г.Ф. Ещё раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919 – 1920 годах. // ННИ, 2006, № 3. С. 49; Матвеев Г., Матвеева В. «Комиссаров живыми наши не брали вообще». Красноармейцы в польском плену. // Родина. 2011, № 2. С. 113.

Масса красноармейцев, в первую очередь комиссары, евреи и китайцы, при взятии в плен расстреливалась на месте без суда и следствия. Так, по приказу командующего 5-й армией генерала В. Сикорского (будущего премьера в годы войны), 24 августа 1920 г. было расстреляно 199 советских военных в отместку за то, что накануне прорывавшиеся в Восточную Пруссию красные казаки изрубили около 100 польских солдат, пытавшихся их задержать. // Родина. 2011, № 2. С. 115.

Однако в польской истории имеются и примеры, когда «инородцев» уничтожали «по инициативе снизу». К примеру, Бромбергское «Кровавое воскресенье», когда поляки жестоко расправились со своими соседями-немцами. Все это произошло 3 сентября 1939 г. Число жертв среди немецкого населения этого города по разным данным исчисляется от 103 до 5 тысяч человек. И это были не военные, как в Катыни, а простые немцы, в том числе женщины и дети. // [http://ru.wikipedia.org/wiki/Кровавое_воскресенье_\(1939\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Кровавое_воскресенье_(1939)); ; <http://www.polskifilm.ru/bydgoshhskoe-krovavoe-voskresene.html>; <http://www.suslem.eu/Politikaru.html>.

Еще один пример селективного отношения к историческим событиям – освещение историками и журналистами массового убийства поляками евреев в Едбавне. Этот город был расположен в той части Польши, куда 17 сентября 1939 г. вошли советские войска. Ситуация обострилась, после нападения Германии на Советский Союз. Сначала поляки убивали евреев в Едбавне и его окрестностях по одиночке – били палками, забивали камнями, отрубали головы, оскверняли трупы. Общее количество жертв составило не менее 1600 человек. // <http://www.rusbeseda.ru/index.php?topic=5523.0;wap2>; <http://lib.rus.ec/b/246897/read>; http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/jevrejskij_pogrom_v_jedbavne__polskij_sled_2009-08-28.htm.

В Катыни жертвами стали преимущественно военнопленные и приказ о их уничтожении был отдан сверху, это не была инициатива рядовых красноармейцев.

Вообще консервативные круги в Польшу делают немало усилий для того, чтобы представить Польшу в глазах мирового общественного мнения как страну «героев и жертв». События в Быдгоще и Едбавне плохо вписываются в эту искусственно создаваемую конструкцию.

В Катыни жертвами стали преимущественно военнопленные и приказ о их уничтожении был отдан сверху, это не была инициатива рядовых красноармейцев.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 634.

13 апреля германская радиостанция открыто обвинила Советское правительство в убийстве 14500 поляков, находившихся в трёх лагерях, и предложила провести международное расследование на месте, чтобы выяснить их судьбу. 17 апреля польский кабинет в Лондоне опубликовал коммюнике, в котором говорилось, что он обратился в Международный Красный Крест в Швейцарии с просьбой послать делегацию в Катынь для расследования. Т.к. без согласия Советского правительства такое международное расследование было невозможно, немцы сами провели расследование, и комиссия экспертов, созданная из представителей стран, находившихся под влиянием Германии, составила подробный доклад, в котором утверждалось, что массовые убийства произошли весной 1940 г., когда этот район находился под советским контролем.

Затем, после освобождения Смоленской области Красной Армией, советской стороной было проведено новое расследование, в котором вся ответственность за истребление 15 тыс. поляков была возложена на немцев. И лишь в апреле 1990 г., после проведения Советским правительством повторного исследования, президент М. Горбачев передал его результаты президенту В. Ярузельскому. В этих документах признавалась вина СССР за истребление польских офицеров сталинскими палачами и выражено соболезнование польскому народу.

Конечно, в 1943 г., когда стало известно о катынской трагедии, Черчилль не мог стать на сторону поляков, даже если бы и захотел это сделать. Он не мог рисковать расколом антигитлеровской коалиции. Поэтому он считал, что «поляки поступили неразумно, распространив или приняв участие в распространении такого сообщения». Он заявил, что союзники «должны разбить Гитлера и сейчас не время для ссор и обвинений». Однако он не смог предотвратить разрыв между советским и польским правительствами⁸.

В сложном положении находился и Рузвельт. Так, перед отъездом на Тегеранскую конференцию его посетил гость из Великобритании, который отметил растущее чувство тревоги в польских эмигрантских кругах в связи с приближением Красной Армии к границам Польши. «Я знаю об этом, – раздражённо говорил Рузвельт. – У меня болит голова от этих людей. Польский посол был у меня недавно по этому вопросу. Я сказал ему, не думает ли он, что они просто остановятся, чтобы угодить вам или нам? Не хочет ли он, чтобы мы и Великобритания объявили войну Иосифу Сталину, если они пересекут их бывшую границу? Даже если бы мы захотели сделать это, Россия сможет выставить армию в два раза больше нашей общей численности, и мы тогда совсем не имели бы голоса в этом деле. Более того... я не уверен, что справедливый плебисцит, если таковой вообще существует в природе, не покажет, что эти восточные провинции не предпочтут вернуться к России. Да, я действительно думаю, что эта граница 1941 г. столь же справедлива, как и любая другая»⁹.

Следует отметить, что в Вашингтоне хорошо знали цену польским эмигрантским деятелям. В одном из документов, подготовленном американскими спецслужбами и получившем полное одобрение советников президента, говорилось, что лондонское правительство является «кликкой реакционеров и неисправимых русофобов, преследующих цель поднять Польшу* против русской политики Рузвельта»¹⁰.

28 апреля 1943 г., спустя несколько дней после разрыва советско-польских дипломатических отношений, председатель Союза польских патриотов в СССР В. Василевская обратилась к Сталину с письмом, в котором была изложена просьба разрешить формирование в СССР польской воинской части. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 8 мая 1943 г. на территории СССР началось формирование польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко под командованием полковника З. Берлинга. 12–13 октября 1943 г. под Ленино (Могилевская обл.) дивизия провела свой первый бой. Понесла значительные потери, 14 октября она была выведена с фронта. В июле 1944 г. созданная в СССР 1-я польская армия начала боевые действия на территории Польши, войдя в оперативное подчинение командующего войсками 1-го Белорусского фронта¹¹.

Видение лондонскими поляками перспектив антифашистской борьбы и отношения с СССР. Разрыв дипломатических отношений с СССР позволил главнокомандующему Армии Крайовой (АК – военные формирования, подчинявшиеся эмигрантскому правительству) генералу Ровецкому** вернуть-

⁸ Ibid. С. 635-636.

⁹ Цит. по: Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 172; см. также: Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 391.

В этой связи, польский историк Г. Страухольд пишет следующее: «По-моему мнению, было бы невозможным вернуть границу, установленную польско-советским мирным договором в Риге (1921) иным путём, чем распад антигитлеровской коалиции и победа Запада над СССР в результате последующей третьей мировой войны. Этот сценарий оказался нереалистичным. Все иные пути... были бесперспективными». // Страухольд Гжегош. Где польская земля? Метаморфозы польских границ в XX веке. // Родина, № 12, 2011. С. 123.

* Имеются в виду американцы польского происхождения.

¹⁰ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 178.

¹¹ militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

** Вскоре он был арестован гестапо, и на этом посту его заменил Бур-Комаровский.

ся на позицию, предусматривавшую вооружённое сопротивление Красной Армии. В его телеграмме Сикорскому от 19 июня 1943 г. отмечалось, что «с чисто военной точки зрения, необходимо, скорее всего готовиться к худшей для себя возможности, а именно, видеть в России скорее всего нашего врага, а не союзника. Единственно целесообразной и обоснованной по отношению к России является наша активно оборонительная, то есть – принципиально враждебная позиция». Единственной возможностью изменить данное отношение, по мнению Ровецкого, является признание Советским правительством польских границ 1939 г. и его разрыв с создававшимися на территории СССР польскими воинскими формированиями.

Лучшим из возможных вариантов решения всех проблем Ровецкий считал «поражение СССР в войне с фашистской Германией либо развал его внутренними диверсиями. Только разбитая или серьёзно ослабленная Россия, находящаяся под угрозой внутреннего раскола, может стать относительно приемлемым партнёром для наших с ней соглашений»¹².

Эмигрантские лондонские круги рассчитывали на освобождение Польши западными союзниками и недопущение благодаря этому Советской Армии на территорию страны. Однако после Сталинграда и, в особенности, после Курска стало очевидным, что Польша будет освобождена именно советскими войсками. А Тегеранская конференция и формально узаконила это, приняв решение о вторжении англо-американцев в Нормандию и о мощном наступлении Красной Армии на Восточном фронте, с целью поддержать операцию западных союзников. В конце сентября 1943 г. в Вашингтоне от имени Объединённого комитета начальников штабов адмирал У. Леги официально заявил польскому представителю в ОКНШ полковнику Миткевичу, что «советские войска будут первым союзником, который вступит на территорию Польши»¹³.

В изменившихся условиях командование АК издало приказ, что в случае вступления в Польшу англо-американских войск Армия Крайова начнёт вооружённое восстание по сигналу эмигрантского правительства и с согласия западных союзников. При условии вступления на территорию Польши Красной Армии без соответствующего соглашения между польским и советским правительствами, АК начнёт широкую диверсионную операцию под кодовым наименованием «Буря»¹⁴. Однако ни один из вариантов не предусматривал, что восстание будет поднято в поддержку действий Советской Армии. Более того, Комаровский заявил: «Мы не можем довести до восстания, когда немцы, битые на Западе и Юге, ещё держат Восточный фронт и прикрывают нас с этой стороны. Поэтому ослабление Германии в данном особенном случае не будет отвечать нашим интересам... Мы должны быть готовы оказать сопротивление советским войскам».

Возможность этого не исключал и премьер Миколайчик, заявивший 28 августа 1943 г. на совещании у Рузвельта, что если Красная Армия враждебно отнесётся к представителям эмигрантского правительства и АК, то им придётся прибегнуть к «самообороне», а правительству – «огласить состояние войны с Россией». 1 октября глава правительства заявил, что «в случае предоставления союзниками вооружения для АК и переброски по воздуху хотя бы небольших воинских контингентов, при отходе германской армии к польской границе АК смогла бы оказать сопротивление советскому вторжению, а присутствие частей союзников послужило бы политическим барьером, сдерживающим вторжение».

Ещё большим отсутствием реализма страдал представитель эмигрантского правительства в стране Ян Станислав Янковский. 10 января 1944 г. он писал Миколайчику, что «главным велением польской политической мысли» является создание «условий для польской победы в вероятном будущем конфликте с Германией и Россией». В меморандуме говорилось о территориальных приращениях за счёт Германии – Ополе, Гданьск, Восточная Пруссия, и за счёт России: если СССР в конце войны будет достаточно силён, то «военной целью Польши на востоке должно стать удержание границы 1921 года, при включении в её состав Литвы». Если бы Советский Союз оказался заметно ослабленным, то целью Польши становилось отторжение ещё и Латвии, Эстонии, Белоруссии и Украины¹⁵.

Как мы уже отмечали, на Тегеранской конференции три великие державы, в принципе, пришли к общему знаменателю в вопросе о советско-польской границе. Что касается лондонского эмигрантского правительства, то оно не признавало «линию Керзона» и требовало в состав будущей Польши Львов и

¹² Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944 год: политические аспекты. М., 1989. С. 28-29; Письмо генерала Ровецкого Верховному Главнокомандующему польскими вооружёнными силами генералу В. Сикорскому по поводу польско-советских отношений. // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

¹³ Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944 год: политические аспекты. С. 30.

¹⁴ Ibid. С. 32.

¹⁵ Ibid. С. 33-34.

Смотри также донесение командующего Армии Крайовой Верховному Главнокомандующему об отношении к советским властям. 19 апреля 1944 г.: «Занятие Советами всей Польши мы здесь оцениваем как реальность, с которой требуется конкретно считаться. И, как следствие, нужно считаться с необходимостью открытого столкновения Польши с Советами и в этом столкновении демонстрации с нашей стороны максимального выражения независимой позиции Польши». // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

Вильно*, о чём премьер Миколайчик заявил Черчиллю 20 января 1944 г. Возражало эмигрантское правительство и против передачи Кёнигсберга Советскому Союзу¹⁶. Эти домогательства свидетельствовали не только о невозможности нормализации отношений между двумя правительствами, но и о том, что польское правительство в Лондоне абсолютно не осознавало сложившуюся в мире реальность. Более того, эти люди ратовали за затягивание войны с целью максимального ослабления СССР и недопущения его армии на территорию Польши. Так, в одном из документов эмигрантского правительства говорилось буквально следующее: «Зимнее наступление в начале текущего 1944 г. грозило, что Сталин закончит войну без военной помощи англо-американских войск... Положение спасла немецкая армия, которая остановила советское наступление»¹⁷.

2. Польские события 1944 года¹⁸

Приближение Красной Армии к польским границам. Планы эмигрантского правительства. В условиях неумолимого советского наступления на Запад печатный орган главнокомандования АК в передовой статье «На что мы рассчитываем?» отмечал: «1. Прежде всего на собственные вооружённые силы... 2. На то, что англосаксонско-советский конфликт неизбежен... Мы на это рассчитываем. Мы на это делаем ставку»¹⁹. В этом смысле между позицией польских националистов и гитлеровцами не существовало какой-либо принципиальной разницы.

Создавшийся тупик был обсуждён на заседании британского военного кабинета 25 января 1944 г. Премьер реалистически отмечал, что польский вопрос необходимо урегулировать как можно скорее, так как по мере продвижения советских войск позиции лондонских поляков ослабевают. «Нам не следует игнорировать того факта, что перспективы восстановления свободной Польши связаны только с жертвами и победами русских»²⁰. Черчилль понимал, что если вопрос вовремя не будет решён, в Польше будет образовано просоветское правительство.

Доказательством крайнего обострения польско-советских отношений стала и непрекращающаяся и непримиримая критика СССР на страницах подконтрольной эмигрантскому правительству польской печати, и даже призывы польского правительства к вооружённой борьбе с советскими войсками. Один из образцов такого рода издания, вручённого 2 февраля 1944 г. персонально Сталиным послу США в СССР Гарриману для ознакомления американского правительства, последний назвал «отвратительным»²¹.

Он писал в своём меморандуме в Вашингтон 24 марта: «По-моему, нет сомнений в том, что политика [польского] правительства определяется группой офицеров, которые убеждены, что война с Советской Россией – неизбежна... Сталин убеждён в том, что нельзя надеяться на дружественные отношения с Польшей, если у власти будет правящая группировка из Лондона, поэтому он и не желает, чтобы Красная Армия восстанавливала их власть. Я полагаю, что в основном он прав»²². По существу и мнение А. Идена совпадало с американским в данном вопросе. Так, в уже упомянутых нами размышлениях по поводу письма Д. Куппера, он отмечал: «Именно трения между Россией и Польшей явились причиной неудачи в попытке привлечь Россию на нашу сторону в 1939 г. Польша при хороших отношениях с СССР сможет быть сильной, независимой и процветающей страной, Польша при плохих отношениях с СССР может стать угрозой для международного мира и для Англии»²³.

В июне-июле 1944 г., наголову разбив группу армий «Центр», Красная Армия вступила на территорию Польши. В связи с началом освобождения своей страны, в первом освобождённом крупном городе Хельме, 22 июля 1944 г. Крайовой Радой Народовой* был образован Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО) – исполнительный орган управления освобождёнными польскими землями²⁴. В

* В июле – августе 1944 г. во время наступления советских войск на Вильнюс и Львов произошли ожесточённые бои между ними и отрядами АК, приведшие к многочисленным жертвам с обеих сторон. Однако чаще происходило наоборот – солдаты и многие офицеры АК при контакте с РККА переходили на её сторону и вливались в состав 1-й армии Войска Польского, а руководство АК переходило на нелегальное положение.

¹⁶ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 242.

¹⁷ Назаревич Р. Варшавское восстание. С. 35.

¹⁸ См.: Сталин и Польша. 1943-1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов. // ННИ, 2008, № 3.

¹⁹ Назаревич Р. Варшавское восстание. С. 37-38.

²⁰ Сиполс В.Я., Чельшев И.А. Крымская конференция. С. 19; см. также Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 401-402.

²¹ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 21-22.

²² См.: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 239, 240.

²³ Царёв О.И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941-1945 гг.). // ННИ, 1998, № 1. С. 99.

* Польский национальный совет, созданный в конце 1943 г. левыми антифашистскими силами.

²⁴ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. М., 1974. С. 141-146; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил в Европе во второй мировой войне. М., 1985. С. 95, 97;

своём заявлении он признал «линию Керзона» в качестве будущей польско-советской границы. 26 июля Советское правительство учредило своё представительство при ПКНО, который обосновался в Люблине²⁵. В декабре 1944 г. этому примеру последовало и Французское правительство²⁶.

Всё это сильно встревожило лондонское эмигрантское правительство, которое понимало, что в случае полного освобождения Польши Красной Армией, именно просоветский прокоммунистический ПКНО составит основу будущего польского правительства. Для того, чтобы этого не случилось, лондонские поляки решили опередить Советскую Армию (в тайне, как от СССР, так и от западных союзников), организовав в Варшаве антифашистское восстание с целью установить свою власть хотя бы в столице, если это невозможно сделать во всей стране²⁷. Когда же Красная Армия вступит в Варшаву, встретят её там органы польской государственной власти, образованные лондонским правительством. Это должно было символизировать и реально обеспечить власть эмигрантского правительства над всей Польшей.

В этой связи необходимо отметить, что западные союзники не поддержали плана восстания в Польше, не согласованного с СССР. Решения начальников штабов США и Великобритании, принятые 7 июля 1944 г., не оставляли в этом сомнений. Из них следовало, что:

- командование союзников не имеет возможности для доставки по воздуху оружия в количествах, достаточных для обеспечения восстания в Польше. Это возможно только морем в увязке с советскими операциями;

- определить срок восстания в Польше могут только польские власти по согласованию с наиболее заинтересованным союзником – СССР;

- диверсионные акции, нарушающие немецкие коммуникации в Польше, полезны прежде всего СССР, и именно с ним их необходимо согласовать²⁸.

Эту же мысль высказал в конце июля лондонским полякам и генерал Исмей: «Союзники не могут предпринимать такого рода действия, если они не скоординированы с наступлением русских... Начальники штабов подчёркивают, что польская Армия Крайова находится в зоне, где невозможно её взаимодействие с англо-американскими армиями»²⁹.

Даже командующий АК генерал Бур-Комаровский 31 июля 1944 г., т.е. за день до начала восстания в польской столице, заявил (в изложении Ю. Рокицкого*) перед руководством Армии Крайовой, что «после поражения на линии Буга в районе Бреста германские войска в большом беспорядке отошли в направлении Варшавы. Германское командование, однако, овладело положением, навело порядок в подразделениях и получило свежие подкрепления в виде трёх танковых дивизий. Главные силы Советской Армии находятся на востоке от Седлец. Только узкой полоской люблинского шоссе советские разведывательные отряды доходят до Варшавы... Собственных боезапасов хватит на 3-4 дня». «При теперешней противоповстанческой готовности немецких сил в Польше... восстание не имеет шансов на успех»³⁰.

В этих условиях главнокомандующий польскими силами, подчиняющимся эмигрантскому правительству, генерал Соснковский рекомендовал командующему АК отказаться от восстания. Ещё 28 июля он отправил из Италии в Лондон телеграмму для передачи в Польшу: «Что касается страны, то в ситуации, создавшейся в результате развития событий... любая мысль о вооружённом восстании является неоправданным действием, лишённым политического смысла и могущим вызвать трагические ненужные жертвы»³¹. Эта часть телеграммы перед её перенаправлением в Польшу была в Лондоне вычеркнута.

Лебедева Н., Филитов А. Формула прекращения войны в политике «большой тройки». // Межд. жизнь, 1996, № 4. С. 93; Constantin I. Polonia la sfârșitul celui de-al doilea război mondial. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 5. P. 48.

²⁵ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. С. 155, 157-159; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 148; Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость (1941 – 1945 гг.). М., 1978. С. 51.

27 июля 1944 г. было подписано соглашение между Советским правительством и ПКНО, по которому советско-польская граница проходила по «линии Керзона», а северные и западные рубежи Польши устанавливались по балтийскому побережью, включая западную часть Восточной Пруссии и Данциг, и по реке Одер. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 156-157.

²⁶ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 551; Молчанов Н. Генерал де Голль. С. 261.

²⁷ Данный вывод подтверждают и некоторые историки, далёкие от малейшей симпатии к политике Советского Союза. // Constantin I. Polonia la sfârșitul celui de-al doilea război mondial. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 5. P. 48.

²⁸ Назаревич Р. Варшавское восстание. С. 40-41.

²⁹ Ibid. С. 81.

* Один из руководителей Варшавского восстания. Издал свои воспоминания в 1949 г. в Западной Германии.

³⁰ Ibid. С. 70; Иванов Ю.В., Косенко И.Н. Кто кого предал. Варшавское восстание 1944 года: свидетельства очевидцы. // ВИЖ, 1993, № 3. С. 17-18.

³¹ Иванов Ю.В., Косенко И.Н. Кто кого предал. Варшавское восстание 1944 года: свидетельства очевидцы. // ВИЖ, 1993, № 3. С. 17; Назаревич Р. Варшавское восстание. С. 75.

Таким образом, эмигрантские военно-политические санационные* круги полностью проигнорировали сложившиеся реалии, хотя знали, что в конце июля соотношение сил на варшавском участке советско-германского фронта изменилось в пользу немцев. Отношение к этому вопросу определяли политические, а не военные соображения. Решено было предпринять что-нибудь экстраординарное, дабы заставить Запад изменить свою позицию. Общее руководство восстания было поручено генералу Бур-Комаровскому. В своих послевоенных мемуарах он прямо признаёт, что, начиная восстание, он и его окружение рассчитывали захватить город, по меньшей мере, за двенадцать часов до прихода русских войск. «За этот срок, — пишет он, — административные органы сумеют собраться, организовать и в роли хозяина встретить входящие советские войска»³².

Эти люди вообще не желали освобождения Польши, если оно будет осуществлено советскими войсками³³. Бур-Комаровский, излагая эти взгляды, заявил, что нельзя считать Советский Союз военным союзником и лучше, «если русские армии будут вдали от нас... Отсюда следует, — продолжал он, — логичный вывод, что мы не можем поднимать восстание против немцев до тех пор, пока они сдерживают русский фронт, а тем самым и русских вдали от нас. Кроме того, мы должны быть подготовлены к тому, чтобы оказать вооружённое сопротивление русским войскам, выступающим на территорию Польши»³⁴.

Варшавское восстание³⁵ и его оценки. Вооружённая борьба была начата частями Армии Крайовой, и была немедленно поддержана варшавянами и отрядами Армии Людовой*. В случае её неудачи всегда можно было свалить всю вину за это на СССР, обвинив его в нежелании оказать помощь восставшим. Именно из свидетельств перешедших линию фронта поляков советское командование впервые подробно узнало о характере восстания и положении в Варшаве³⁶. Руководителей восстания совершенно не интересовал вопрос о его своевременности с позиций общих военных операций против вермахта³⁷. В данной ситуации восстание было полной авантюрой, а его организаторы — политическими прес-

---

* Сторонники бывшего польского лидера Ю. Пилсудского, составлявшие на тот момент большинство эмигрантского польского правительства.

³² Монин М.Е. Содружество, рождённое в боях. М., 1971. С. 90.

³³ Маршал Жуков в этой связи вспоминал: «По заданию Верховного К Бур-Комаровскому были посланы два парашютиста-офицера для связи и согласования действий, но Бур-Комаровский не пожелал их принять. Чтобы оказать помощь восставшим варшавянам, по заданию командования 1-го Белорусского фронта советские и польские войска переправились через Вислу и захватили в Варшаве набережную. Однако со стороны Бур-Комаровского вновь не было предпринято никаких попыток установить с нами взаимодействие. // Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 583.

³⁴ Цит. по: Сиполс В.Я., Чельшев И.А. Крымская конференция. С. 18-19.

В этом контексте очень примечателен приказ Главного командования АК, изданный 12 сентября 1944 г. (Sic!! К этому моменту Варшава истекла кровью): «В случае оставления немцами Варшавы:

— ...части в полной боевой готовности остаются в своих районах...

— баррикад и укреплений, замыкающих занятые районы, не разбирать до момента окончательного выяснения польско-советских отношений... Баррикады и укрепления во внешнем обводе занятых районов должны быть полностью укомплектованы».

В политическом обосновании этих директив даются следующие разъяснения: «В настоящее время возможность какого-либо сотрудничества АК с ПКНО, вплоть до момента выработки польским правительством иного к ним отношения, исключена». Приказы вновь напоминают о негативном отношении к просоветской армии Берлинга и требуют «уклониться от допуска в районы, занятые АК, не только властей, не только войск ПКНО, но даже сапёров, даже технической помощи...» // Залуский Зб. Сорок четвёртый. События, наблюдения, размышления. М., 1978. С. 170-171.

³⁵ См.: Репников А.В. Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб. Варшава-Москва, 2007. // ННИ, 2008, № 1.

* Армия Людова (АЛ) — польские воинские части на оккупированной территории, руководимые просоветскими политическими силами.

³⁶ militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

³⁷ В этом смысле смотри выдержку из доклада генерал-лейтенанта К.Ф. Телегина Главному политическому управлению Красной Армии о целях руководителей восстания в Варшаве (по прямому проводу). 6 октября 1944 г.: «Наш офицер „Олег“ за 10 дней своего пребывания в Варшаве из бесед с руководящими работниками АК и АЛ, по личным своим наблюдениям, знакомству с документами рассказывает следующее: восстание планировалось и готовилось долгое время. Из Англии доставлялись запасы боеприпасов и вооружения, которые располагались в тайных складах, руководящая роль принадлежала организации АК, а остальные организации, в том числе и демократические, не были в курсе подготовки восстания. Целью восстания был захват города до занятия его частями Красной Армии. После захвата Варшавы сюда должно было немедленно прибыть польское правительство во главе с Миколайчиком... Имеется и еще ряд других показаний, подтверждающих, что лондонцы боялись, как бы Красная Армия и Войско Польское не вошли первыми в Варшаву и не оставили их не у дел». // Ibid.

тупниками. С военной точки зрения, восстание было совершенно не подготовлено и не имело ни малейших шансов на успех³⁸.

Вот что в связи с этим пишет немецкий генерал Типпельскирх: «Когда армии Рокоссовского, казалось, неудержимо продвигались к польской столице, польское подпольное движение сочло, что час восстания пробил. Не обошлось, конечно, и без подстрекательства со стороны англичан»³⁹. Последнее утверждение, мягко говоря, не соответствует действительности. Англичане ничего не знали о готовящемся эмигрантским правительством восстании⁴⁰ и не только ничего не сделали для его подготовки, но и, как уже отмечалось выше, были против его начала, без координации действий восставших с наступавшими советскими войсками. Более того, начавшиеся события явились для британских властей и спецслужб полной неожиданностью.

О них заранее не знало не только командование Армии Людовой, но даже и большая часть подпольных организаций, подчинявшихся организаторам данной акции. В результате к моменту начала восстания в нём приняло участие лишь 40% сил (38 тыс. человек), находившихся в Варшаве в распоряжении командования АК. Повстанцы были плохо вооружены, у них было мало боеприпасов – на 2-3 дня боёв: 1000 винтовок, 300 автоматов, 67 пулемётов, 1700 пистолетов⁴¹.

Как профессиональный военный, Типпельскирх со знанием дела подчёркивает, что «восстание вспыхнуло 1 августа, когда сила русского удара уже иссякла и русские отказались овладеть польской столицей с ходу. Вследствие этого польские повстанцы оказались предоставленными сами себе»⁴². Ему фактически вторит английский историк А. Дж. П. Тейлор: «1 августа польская армия подняла восстание. Русские мало ей помогли, да почти наверняка и не могли это сделать... Казалось, что Сталин цинично оставил жителей Варшавы на произвол судьбы и позволил совершать над ними массовые убийства. Но это не так. Независимо от того, произошло бы восстание или нет, русским все равно пришлось бы перед Варшавой остановиться. И снабжение по воздуху с Запада ничего бы не изменило. Но Сталин, без сомнения, не жалел о случившемся, восстание было скорее антирусским, чем антинемецким. Русские разбили немцев, и поляки, относившиеся к русским враждебно, пытались этим воспользоваться. Это была игра человеческими жизнями; игра не удалась. Но даже если бы восстание победило, не изменилось бы ничего. Русские могли подчинить себе польское Соппротивление, точно так же как англичане и американцы ликвидировали Соппротивление в Италии, как сделали бы во Франции, если бы де Голль слишком отстаивал свою независимость»⁴³.

Причины приостановки наступления на Варшаву были с пониманием встречены и союзниками. На запрос премьер-министра от 8 августа Британский генштаб ответил: «Они [немцы] окружили и уничтожили русские танковые части, которые наступали на город»⁴⁴. Правда, уже после войны Черчилль писал, что после начала восстания «советское радио хранило молчание, а русская авиация прекратила действовать»⁴⁵.

---

³⁸ В этой связи руководитель варшавских отрядов АЛ во время восстания Зенон Клишко писал: «Командование Армии Крайовой навязало Варшаве восстание, в течение нескольких часов поставило столицу перед свершившимся фактом, ни с кем не советуясь по этому вопросу и стремясь осуществить планы небольшой клики... Если бы его маневр удался, польская реакция заполучила бы козырь, который Миколайчик использовал бы в ходе московских переговоров. Но такие принципы политической игры являлись принципами политических банкротов, которые, ничего не имея за душой, распоряжаются жизнью сотен тысяч людей...»

Планы командования Армии Крайовой не предусматривали возможность длительной и затяжной борьбы в городе. Варшавское восстание, по их мнению, должно было стать кратковременной политической демонстрацией, поддержанной вооружённой борьбой. Вот поэтому-то не было подготовленным, не имело военного плана, разработанного как в целом, так и в деталях, продуманной военной концепции. Не было оружия, снаряжения и подготовленных к уличным боям отрядов. Армия Крайова не сделала ни одной попытки установить связь с командованием Красной Армии, чтобы согласовать срок начала восстания и определить тактическое сотрудничество. Эта „самостоятельность“ командования Армии Крайовой лишила восстание значительной материальной базы, закрыла перед ним всякую военную перспективу, разоружила материально и политически... С самого начала варшавское восстание не имело единого руководства, да и не могло иметь. Отдельные районы вели борьбу изолированно... Положение Варшавы становилось более тяжёлым, а командующий отрядами АК не предпринял ни единой попытки установить связь с Красной Армией, не сделал этого даже после того, когда Прага была освобождена от немцев». // Клишко З. Варшавское восстание. Статьи, речи, воспоминания, документы. М., 1969. С. 62-63, 64, 67.

³⁹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 452.

⁴⁰ Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. Vol. 2. P. 230.

⁴¹ См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 461; Семиряга М.И. Антифашистские народные восстания. М., 1965. С. 74; Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во второй мировой войне. М., 1974. С. 98; Назаревич Р. Варшавское восстание. С. 91.

⁴² Типпельскирх К. История второй мировой войны. С. 452.

⁴³ militera.lib.ru/h/taylor/index.html.

⁴⁴ Безыменский Л. Почему Уинстон Черчилль ответил отказом. // Новое время, 1988, № 35. С. 40.

⁴⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 399.

По нашему мнению очень объективно оценивает линию поведения советского руководства и польского эмигрантского в отношении восставших варшавян профессор Валентина Парсаданова: «В 1944-1945 гг. определяющими для советского руководства были геополитические соображения. Помощь восстанию, направленному против этих соображений, не соответствовала государственно-политическим интересам Москвы. При научном подходе к проблеме ответственности политиков за принимаемые решения мы должны констатировать, что ответственность за гибель 200 тыс. варшавян несут в первую очередь те польские политики, которые задумали и призвали поляков к восстанию, не согласовав своего решения с советским командованием»⁴⁶.

Касаясь вопроса о согласовании планов восставших с планами советского командования на декабрьских переговорах 1944 г. в Москве, советские представители рассказывали французам о том, что «если бы советское командование спросило, сможет ли оно оказать военную помощь восстанию, то оно заранее сказало бы, что оно к этому не готово». Красная Армия в то время прошла 600 км с боями от Минска до Варшавы, и к тому времени, когда она подошла к Варшаве, её артиллерия и снаряды отстали на 400 км⁴⁷. В связи с этим, в одном из сентябрьских писем Черчиллю Сталин писал: «Несомненно, что если бы перед восстанием в Варшаве запросили советское командование о целесообразности устройства восстания в Варшаве в начале августа, то советское командование отговорило бы от такой затеи, ибо советские войска, прошедшие с боями свыше 500 километров и достаточно уставшие, не были тогда готовы, чтобы взять штурмом Варшаву, имея при этом в виду, что немцы к тому времени уже успели перебросить с запада свои танковые резервы в район Варшавы.

...Не может быть сомнения, что если бы Британское Правительство приняло меры к тому, чтобы советское командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот. Почему Британское Правительство не сочло нужным предупредить об этом Советское Правительство?»⁴⁸.

По причине отсутствия горючего в отдельные дни танковые корпуса не могли вести боевых действий. Из-за перебазирования на новые аэродромы, снизила свою активность авиация. Все эти причины вызвали резкое снижение темпов наступления⁴⁹. Одновременно командование вермахта перебросило на направление ударов советских войск значительные резервы, в результате чего сопротивление немцев резко возросло⁵⁰.

«Неоднократно поднимался вопрос, – писал впоследствии Г. Гудериан, – почему русские, зная о начале восстания в Варшаве, не предприняли что-либо, чтобы поддержать его извне, мало того – остановили своё наступление на Висле... У нас, немцев, сложилось впечатление, что русское наступление

Данный тезис имеет распространение и сегодня: см. Constantin I. Polonia la sfârșitul celui de-al doilea război mondial. // *Dosarele istoriei*, 2005, Nr. 5. P. 48; Системная история международных отношений. Т. 1. С. 396.

⁴⁶ Парсаданова В.С. Военное время. 1941 – 1945. // *Белые пятна – черные пятна*. С. 351.

⁴⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Документы и материалы. Т. 2. С. 181.

⁴⁸ militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

⁴⁹ Армии 1-го и 2-го Белорусского фронтов за первые 12 дней наступления – с 23 июня по 4 июля – продвинулись на 200 км, делая по 16,6 км в день. В течение следующих 12 дней – с 5 по 16 июля – они прошли 185 км, в среднем по 15,3 км в день. На протяжении следующих 15 дней – с 17 по 31 июля – было преодолено около 100 км, в среднем по 6,5 км в день. За весь август продвижение составило 90 километров. Как видно, темп ослабевал, наступление выдыхалось. Ежедневно доставлять от перевалочных железнодорожных станций 15 тыс. тонн необходимых для наступления грузов удавалось только на расстояние 250 км. Уже 5 июля войска находились в 300 км от перевалочных железнодорожных станций, а 16 – 17 июля это расстояние возросло до 400 – 500 км. Боевой состав сражающихся частей к концу наступления катастрофически сократился: количество лиц на довольствии составило 50% от штатного, число активных штыков в пехоте – 25%, количество исправных, готовых к бою машин в танковых частях – до 30% штатного расписания. Лишь оружийных и миномётных стволов было в изобилии, однако боеприпасов не хватало. 27 июля в армиях первого эшелона не хватало горючего даже для артиллерийских тягачей и танков. Танкисты закапывали танки в песок для использования в качестве неподвижных огневых точек. 29 июля 6-я воздушная армия, насчитывавшая 1400 самолётов, вследствие нехватки горючего совершила всего 95 самолёто-вылетов, а 30 июля, используя неприкосновенный запас – 232 самолёто-вылета. // Залуский 36. С. 133-135; см. также: Доклад Военного совета 2-го Белорусского фронта начальнику тыла Красной Армии о тяжелом положении со снабжением войск горючим. 18 июля 1944 г.; Донесение командующего войсками 1-го Белорусского фронта заместителю начальника Генерального штаба Красной Армии о трудностях снабжения войск горючим. 31 июля 1944 г.; Донесение представителя Генерального штаба Красной Армии заместителю Верховного Главнокомандующего о трудностях по переправе войск 69-й армии на левый берег Вислы. 6 августа 1944 г.; Донесение командующего 47-й армией командующему войсками 1-го Белорусского фронта о причинах затяжного характера боев и слабых темпов наступления войск армии в августе 1944 г. в районе Праги. Август 1944 г. // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

⁵⁰ Так, например, перед фронтом 2-й танковой армии, имевшей в своём составе 32 тыс. солдат и офицеров, 468 орудий и миномётов, 425 танков и САУ, командование вермахта сосредоточило 51,5 тыс. человек, 1158 орудий и миномётов, 600 танков и штурмовых орудий. // Назаревич Р. Варшавское восстание. С. 89.

остановила наша оборона, а не намерение русских саботировать польское восстание... Варшавское восстание, с точки зрения неприятеля, началось преждевременно»⁵¹. Редактор американского журнала «Russian Military Review» Д.М. Глантц довольно категорично утверждает: «Если оставить в стороне политические соображения и мотивы, объективное изучение боевых действий в районе Варшавы показывает, что вплоть до начала сентября германское сопротивление было в состоянии воспрепятствовать любой советской попытке оказать помощь варшавянам (даже если таковая имела в виду)»⁵².

А вот видение данного эпизода войны польского историка, директора Института политических наук ПАН, профессора Войцеха Матерского: «Задержав у ворот Варшавы наступление 1-го Белорусского фронта, Сталин, без сомнения[†], руководствовался политическими соображениями, ставя их выше военных, оперативных, а также моральных. Он позволил немцам подавить восстание, что предотвратило создание на освобождённых польских землях конкурентного по отношению к Люблину (ПКНО) центра польской административной власти. Чужими руками он избавил себя от очень серьёзной проблемы»⁵⁴.

После 40-дневного наступления войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов исчерпали свои наступательные возможности и не смогли активно поддерживать восставших⁵⁵. Данный тезис убедительно подтверждается и новыми архивными документами⁵⁶, а также огромными потерями войск 1-го Белорусского фронта, пробивавшихся к Варшаве в августе – октябре 1944 г.: 235 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести (только в августе они составили около 115 тыс. чел., из них 23483 убитыми), а также 11 тыс. человек составили потери Войска Польского⁵⁷. Одна только 2-я танковая армия и только с 20 июля по 5 августа потеряла около 500 танков и САУ⁵⁸.

Эту же мысль подтверждает и Гарриман в своём докладе в Вашингтон: «Я думаю, что если бы Сталин чувствовал, что у него достаточно сил для преодоления немецкой обороны, то он пошёл бы на форсирование Вислы, не задумываясь о том, какой эффект это произвело бы на лондонское польское правительство. В данном случае военные соображения превалировали... Немцы подтянули к Варшаве три дополнительные дивизии. Красная Армия за последнее время совершила настолько быстрый рывок, что

⁵¹ Цит. по: Залуский Зб. Сорок четвёртый. С. 136-137; Верт А. Россия в войне. С. 645.

Такого же мнения придерживается по существу и Бутлар. // Бутлар Э. Война в России. // Мировая война. С. 243.

⁵² Глантц Д.М. Забытые страницы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). // Вопросы истории, 1995, № 5-6. С. 6.

[†] Примечание научного редактора: Вообще-то исследователю всегда должны быть присущи определённые сомнения, тем более, что в данном случае, при принятии Сталиным соответствующего решения, главными были именно военные «соображения».

⁵⁴ Матерский В. Военное время. 1941 – 1945. // Белые пятна – черные пятна. С. 385.

⁵⁵ В этой связи известный английский журналист Александр Верт воспроизводит свою беседу с маршалом Константином Рокоссовским, состоявшуюся в Люблине 26 августа:

«– Я не могу входить в детали. Скажу Вам только следующее. После нескольких недель тяжёлых боёв в Белоруссии и в Восточной Польше мы, в конечном счёте, подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В тот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии, и мы были отеснены назад.

– Как далеко назад?

– Не могу точно сказать, но, скажем, километров на сто... Теперь мы наступаем, но медленно.

– Было ли варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

– Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на свой собственный страх и риск, не проконсультировавшись с нами... Будем рассуждать серьёзно. Вооружённое восстание в таком месте, как Варшава, могло бы оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии. Правильный выбор времени являлся здесь делом огромной важности... Нас теснили, и мы даже при самых благоприятных обстоятельствах не смогли бы овладеть Варшавой раньше середины августа. Но обстоятельства не сложились удачно, они были неблагоприятны для нас. На войне такие вещи случаются. Нечто подобное произошло в марте 1943 г. под Харьковом и прошлой зимой под Житомиром... Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши; но и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики». // Верт А. Россия в войне. С. 640-641; см. также С. 642-643.

⁵⁶ Варшавское восстание 1944 г. Документы из рассекреченных архивов. // ННИ, 1993, № 3.

⁵⁷ См.: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. С. 59-60; Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. М., 1982. С. 202; Рубцов Ю.В. «Советский Багратион» маршал К.К. Рокоссовский (1896-1968). // ННИ, 2004, № 6. С. 165; militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

Тот факт, что советские войска оказались не в состоянии прийти на помощь восставшей Варшаве, подтверждается и следующими аргументами. Осенью 1944 г. вспыхнуло Словацкое национальное восстание, и акции восставших строго координировались с действиями советского командования. Более того, в руководящих органах восстания были широко представлены и просоветские элементы, включая коммунистов. И, несмотря на всё вышеизложенное, Красная Армия, неся огромные потери, не смогла преодолеть сопротивление вермахта на карпатских перевалах, поэтому восстание потерпело поражение. // См.: История второй мировой войны. Т. 9. С. 154-162; Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969; см. также: Гречко А.А. Через Карпаты. М., 1972; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1973. С. 332-334.

⁵⁸ Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во второй мировой войне. С. 99.

оказалась оторванной от нормального обеспечения. В этот момент в её распоряжении не было ни необходимых понтонов, ни средств для наведения мостов»⁵⁹. Верно, военные соображения превалировали, однако были и политические расчёты. Сталину совсем не была нужна военно-политическая победа лондонского эмигрантского правительства.

В этом смысле трудно не согласиться с одним из ведущих российских экспертов по польским делам Ю.В. Ивановым: «Отношение Москвы к Варшавскому восстанию с самого начала было резко отрицательным. В Кремле прекрасно понимали всю политическую интригу восстания, его направленность на захват власти, срыв predetermined реального развитием обстановки утверждения в Варшаве правительства польских левых сил. Следует особо отметить, что такой ход событий был естественной реакцией на неоднократно демонстрируемую враждебность польского правительства к своему восточному соседу»⁶⁰.

Как нам кажется, довольно непредвзято оценил советскую политику в этом вопросе итальянский историк Дж. Боффа. Он пишет: «Руководствуясь скорее политическими, нежели военными соображениями, [Сталин] наложил жёсткий запрет на оказание помощи восставшим путём сбрасывания им грузов с самолётов. Однако в свете всех известных до сих пор документов необоснованным выглядит обвинение СССР в том, что его войска прекратили наступление, когда вот-вот должны были достичь польской столицы, специально для того, чтобы дать гитлеровцам возможность подавить восстание. Если уж быть точным, то Красная Армия не столько остановилась, сколько была отброшена назад контрударом немцев на подступах к Варшаве»⁶¹.

Американцы обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить их авиации, сбрасывающей с воздуха военное снаряжение восставшим полякам⁶², приземляться на советских аэродромах⁶³. Ночью 16 августа Вышинский пригласил посла США и заявил ему, что Советское правительство не возражает против того, чтобы американцы и англичане сбрасывали оружие полякам, но оно «решительно возражает против того, чтобы американские и английские самолёты после того, как они сбросили оружие в районе Варшавы, приземлялись на советской территории, поскольку Советское правительство не желает связывать себя ни прямо, ни косвенно с авантюрой в Варшаве»⁶⁴.

В тот же день Черчилль получил телеграмму от Сталина, в которой последний писал: «После беседы с г. Миколойчиком я распорядился, чтобы командование Красной Армии интенсивно сбрасывало вооружение в район Варшавы... В дальнейшем, ознакомившись с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если поляки поддерживали с последним контакт.

При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию»⁶⁵. Фактически Сталин открыто отмежевывался от организаторов восстания. Правда, что-либо реальное сделать для восставших он в тех условиях не мог⁶⁶.

⁵⁹ Цит. по: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 246; Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 180; Иванов Ю.В. О Варшавском восстании. // Межд. жизнь, 2004, № 9. С. 145.

Этого же мнения придерживается и французский историк Ж. Лонай: Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. Vol. 2. P. 229.

Г.К. Жуков в этой связи свидетельствует, подтверждая мнение А. Гарримана, что даже когда наступление полностью истощилось, И.В. Сталин в самой жёсткой форме настаивал перед ним и К.К. Рокоссовским на его продолжении. // Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 584-585.

⁶⁰ Иванов Ю.В. О Варшавском восстании. // Межд. жизнь, 2004, № 9. С. 143.

⁶¹ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 196.

⁶² К сожалению, так как грузы сбрасывались ночами и с огромной высоты, большая их часть попадала к немцам, что подтверждается и германскими источниками. Так, в частности, в донесении разведывательного отдела штаба 9-й армии вермахта в штаб группы армий «Центр» от 14 августа 1944 г. о действиях партизан и положении в Варшаве отмечается: «Между 00³⁰ и 2³⁰ производилось десантирование грузов, из них 38 упаковок, главным образом, с противотанковыми гранатометами (аналогичными „панцершрек“) были захвачены». // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

⁶³ См.: Письмо посла США в СССР наркому иностранных дел о предоставлении возможности приземления американских самолетов на советских авиабазах в ходе операций по оказанию помощи повстанцам в Варшаве. 14 августа 1944 г.; Письмо посла Великобритании в СССР наркому иностранных дел по вопросу снабжения восставших в Варшаве с изложением содержания телеграммы министра иностранных дел Великобритании. 15 августа 1944 г.; Письмо посла Великобритании в СССР наркому иностранных дел СССР с приложением послания правительства Великобритании по вопросу о Варшаве. 5 сентября 1944 г. // Ibid.

⁶⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 402; см. также: Письмо наркома иностранных дел СССР послу Великобритании в СССР по вопросу оказания помощи Варшаве. 16 августа 1944 г. // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

⁶⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 295.

⁶⁶ В этой связи в своих мемуарах А. Гарриман со слов Миколойчика пересказывает беседу последнего (в компании с Грабовским и Ромером) со Сталиным, состоявшуюся 3 августа 1944 г. Миколойчик заявил советским представителям, что город может быть освобождён в любой момент.

После этого Рузвельт и Черчилль отправили Сталину совместное письмо с просьбой помочь восставшим польским патриотам и получили следующий ответ: «...Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет известна... С военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем советские войска... делают всё возможное, чтобы... перейти в новое широкое наступление под Варшавой... Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам»⁶⁷.

И хотя со сталинской оценкой действий организаторов восстания можно согласиться, но позицию Советского правительства в данном вопросе принять в полном объёме трудно, т.к. позволить союзной авиации садиться на советских аэродромах следовало в любом случае. Как писал Черчилль Сталину, «независимо от того, что было правильно и что неправильно в организации Варшавского восстания, само население Варшавы нельзя считать ответственным за принятое решение»⁶⁸. Другими словами, наряду с чисто военными трудностями оказания помощи восставшим, не меньшее значение в этом деле имели для Сталина и политические соображения. Однако «10 сентября, после шести недель мучений, испытанных поляками, Кремль, очевидно, изменил свою тактику... Снаряды советских орудий начали падать на восточные окрестности Варшавы, и советские самолёты вновь появились над городом... [15 сентября] русские заняли пригород Прагу, но дальше не пошли. Они хотели, чтобы некоммунистические поляки были полностью уничтожены... Призывы генерала Бура к советскому командующему генералу Рокоссовскому остались без ответа»⁶⁹.

Такого рода утверждения, мягко говоря, не совсем соответствуют действительности, т.к. в это время кровопролитные бои с целью оказания помощи восставшим вели не только советские войска, но, как уже отмечалось выше, и части 1-й армии Войска Польского. Более того, именно командование Армии Крайовой отказалось от совместных действий с Красной Армией. Когда представитель советского командования прибыл в штаб повстанцев для координации совместных действий, комендант Варшавского округа АК уклонился от обсуждения данного вопроса⁷⁰. Об этом, как мы уже отмечали, свидетельст-

---

– Дай Бог, чтобы было так, – ответил Сталин. Помолчав, он добавил. – Без артиллерии, без танков, без авиации... У них даже недостаточно стрелкового оружия. Я слышал, что польское правительство инструктировало эти соединения и поручило им изгнать немцев из Варшавы. Я не понимаю, как они смогут это сделать. У них для этого недостаточно сил...

Миколайчик спросил, помогут ли русские восставшим путём снабжения их оружием?

– Вам надо достичь взаимопонимания с Комитетом национального освобождения, – сказал Сталин. // Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 82.

⁶⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 296-297. Т. 2. С. 163, 164-165; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 195; см. также: Ответное послание Советского правительства на послание Британского правительства от 5 сентября. // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

⁶⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 406.

⁶⁹ Ibid. С. 406-407.

⁷⁰ В этом смысле разведчик штаба 1-го Белорусского фронта «Олег» докладывал своему командованию: «21 сентября с. г. я приземлился в центральном районе гор. Варшава, на ул. Гожа... 22 сентября я был направлен к командованию центрального повстанческого участка – в штаб генерала Монтер... Первым вопросом со стороны Монтера, после того как я представился как офицер Красной Армии, прибывший для установления связи, был: „Имеете ли полномочия для разрешения политических вопросов?“. После моего отрицательного ответа Монтер разочарованно сказал: „Вы прибыли не как политический представитель? Жаль. Тогда нам мало о чем разговаривать“... Беседа проходила в сдержанных тонах. Было заметно недоброжелательное и подозрительное отношение ко мне как к представителю Красной Армии... Руководство АК по указаниям лондонского правительства проводило открытую антисоветскую пропаганду среди повстанцев и населения. Выдвигался лозунг „Создания «второго чуда на Висле»“, которое не должно было пустить русских в Варшаву. Пропаганда АК утверждала, что Красная Армия будет проводить массированный вывоз поляков из Польши и заселение польских районов русскими...»

С началом действий советской авиации, сбрасывавшей грузы и прикрывавшей Варшаву, обстрела советской артиллерией немецких огневых позиций в городе антисоветская пропаганда АК стала терять почву среди широких масс населения и повстанцев. Население начало изменять свое отношение к Красной Армии, это ещё более усилилось после того, как информационный бюллетень известил население о прибытии офицеров связи Красной Армии. Если в первое время польская армия Берлинга под влиянием агитации АК рассматривалась как «продажные элементы из Сибири», то после взятия Праги население начало склоняться на сторону демократических элементов, агитировавших за Красную Армию и люблинское правительство». // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

Вышеизложенное дополняет и выдержка из доклада представителя Генерального штаба Красной Армии при 1-й армии Войска Польского о показаниях офицеров Армии Людовой и Армии Крайовой, участвовавших в Варшавском восстании. 3 октября 1944 г.: «АК выдвинул лозунг „Немец разбит, остался более силь-

вовал и маршал Жуков⁷¹. Его слова подтверждаются и Ю. Рокицким, утверждавшим, что вина за поражение Варшавского восстания «в большей части падает на подстрекателей восстания, за действия которых заплатил весь народ»⁷².

Была оказана восставшим и серьёзная помощь с воздуха. С 13 сентября по 1 октября 1944 г. был произведён 4821 самолёто-вылет, в том числе 1361 – на бомбардировку и штурмовку войск противника в Варшаве по заявкам повстанцев и 2435 – на сбрасывание грузов. Советские лётчики очистили небо над Варшавой от гитлеровской авиации. Восставшим сбросили 156 миномётов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов, винтовок и карабинов, 3,3 млн патронов, 515 кг медикаментов, более 100 тонн продовольствия, телефонные аппараты, кабель и другое имущество⁷³. Но по причине нежелания руководства АК сотрудничать с СССР и всё большего изменения соотношения сил в городе в пользу немецких войск, судьба восстания оказалась трагичной. В контексте вышеприведённых аргументов утверждения некоторых историков⁷⁴ о нежелании Сталина помочь восставшей Варшаве выглядят неубедительно.

Понимая, что положение повстанцев стало совершенно безнадёжным, командование Красной Армии предложило руководителям восстания единственно разумный выход: прорваться к Висле под прикрытием советской авиации и артиллерии. Однако руководство запретило своим войскам идти навстречу советским частям. Только отдельным подразделениям, отказавшимся выполнить этот самоубийственный приказ, удалось вырваться из Варшавы⁷⁵. О реальном отношении руководителей восстания к сотрудничеству с советской стороной свидетельствует следующий документ – листовка-обращение

ный враг – большевики». Бюллетени генерала Бура, не считаясь с действительностью, продолжали утверждать, что эффективно помогает повстанцам только англо-американская авиация, расценивая действия польской и советской авиации, как слабые и не имеющие особого значения. Упорно велась пропаганда против польских войск. Офицеров запугивали тем, что Берлинг якобы будет их расстреливать или же пошлет их в концлагерь (из показаний поручика «Зенон»).

Однако личный состав действующих подразделений прошел значительную эволюцию. В свете последних событий офицерам и солдатам АК стало ясно, что восстание генерала Бура имело исключительно политический, демонстративный характер... Находясь в тяжелом положении, руководство АК, прогрессивные элементы АК считали необходимым пробиться на восток. Противодействуя таким настроениям, реакционная верхушка АК, в частности майор „Роман”, поручик „Скочиляс” и подпоручик „Стары”, на совещании в ночь с 29.09 на 30.09.44 выразили сомнения в возможности эвакуации на восток и указали другую перспективу – капитуляцию». // Ibid.

⁷¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 583.

⁷² См.: Иванов Ю.В., Косенко И.Н. Кто кого предал. Варшавское восстание 1944 года: свидетельствуют очевидцы. // ВИЖ, 1993, № 3. С. 17.

⁷³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 255.

В этом смысле особый интерес представляют документы командования Армии Крайовой.

Телеграмма командующего Армией Крайовой маршалу Рокоссовскому с благодарностью за доставку с самолетов грузов и прикрытие с воздуха повстанцев в Варшаве. 15 сентября 1944 г.: «Прошу передать маршалу Рокоссовскому следующую телеграмму:

„Маршалу Рокоссовскому. Благодарим за прикрытие с воздуха, сбросы оружия, боеприпасов и продовольствия. Просим продолжать сбросы. Нам очень нужен боезапас к крупнокалиберным пулеметам, а также 9-мм патроны.

Сегодня высылаем на Прагу офицеров связи. Генерал Бур».

Из донесения командующего Армией Крайовой в штаб Верховного Главнокомандования об обстановке в Варшаве. 23 сентября 1944 г.: «...Прошлой ночью принимали дальнейшие советские сбросы с боезапасом и продовольствием. Происходит советско-немецкая артиллерийская дуэль с превосходством советского огня».

Из донесения командующего Армией Крайовой штабу Верховного Главнокомандования об обстановке в Варшаве. 26 сентября 1944 г.: «...В ночь на 26 сентября приняли советские сбросы с самолетов».

Из донесения командира подокруга Жешув командующему округом Краков. 7 ноября 1944 г. (т.е. советские военные поставки отрядам АК продолжались и после поражения Варшавского восстания): «...Часть сбросов союзных самолетов падала в 30 км восточнее Варшавы. После прибытия курьеров АК из Варшавы 28 советских самолетов 13.09 сбросили продовольствие, 180 тысяч шт. боеприпасов, 1200 гранат и несколько сотен автоматов». // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

Советскую помощь повстанцам подтверждают и немецкие источники:

Из журнала боевых действий группы армий «Центр». 20 сентября 1944 г.: «На участке 9-й армии в Варшаве силами 46-го танкового корпуса противник (части польской стрелковой дивизии), которому удалось 19.09 переправиться через Вислу, был отброшен. На участке 4-го тк СС противник предпринял атаку против танковой дивизии СС „Мертвая голова” в районе Товасков; на участках прорыва были проведены контратаки».

Из приложения к боевому приказу № 39 командира 19-й танковой дивизии вермахта о штурме района Варшавы Жолибож. 26 сентября 1944 г.: «Повстанцы вооружены стрелковым оружием, в т. ч. противотанковыми ружьями, минометами и противотанковыми пушками калибра 45-мм. В течение последних 14 дней по ночам они обеспечивались по воздуху Советами вооружением, боеприпасами и продовольствием». // Ibid.

⁷⁴ Strzebosz T. „Insurecția băieților și fetelor” din Varșovia. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 11. P. 51.

⁷⁵ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 463.

Бур-Комаровского к своим сторонникам: «Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь. Наша окраина, Вильно и Люблин, вызывают к мести. Большевистский враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Час польского восстания ещё не пробил. Приказы советских приспешников аннулирую. Коменданта Армии Крайовой обязал подавить всякие попытки поддержки Советов. Немцы удирают. К борьбе с Советами! Да здравствует свободная Польша! Бур – Главный Комендант вооруженных сил в стране»⁷⁶.

2 октября Бур-Комаровский подписал акт о капитуляции⁷⁷. Известно, что абсолютное большинство солдат Армии Людовой не сдалось в плен, а покинуло Варшаву вместе с населением. Некоторые добрались до партизанских отрядов на территории Польши. Подготовленной 2-й дивизией 1-й армии Войска Польского операцией по эвакуации предусматривалось переправить за Вислу всю двухтысячную группировку Армии Крайовой на Жолибоже, но ее командир отказался от этого, когда получил приказ генерала Комаровского сдать в плен немцам. Большинство солдат Армии Крайовой сдалось в плен⁷⁸. В связи с этим маршал Жуков писал: «Я установил, что нашими войсками было сделано всё, что было в их силах, чтобы помочь восставшим, хотя... восстание ни в какой степени не было согласовано с советским командованием»⁷⁹.

3. Восстановление независимой Польши и её международное признание

Стремление некоторых кругов ужесточить линию Запада в отношении СССР. Из-за неспособности Советского правительства оказать реальную помощь Варшавскому восстанию и нежелания вообще сотрудничать с Лондонским эмигрантским правительством, в США раздавались голоса с требованием пригрозить СССР прекращением помощи по ленд-лизу. После войны на Западе, а с крахом соцлагеря и на Востоке, по-прежнему находится немало желающих критиковать Рузвельта за то, что он не поступил именно так (особенно в Ялте) и «отдал Польшу и всю Восточную Европу Сталину»⁸⁰.

⁷⁶ См.: Донесение представителя Генерального штаба Красной Армии в 1-й армии Войска Польского заместителю Верховного Главнокомандующего о содержании документа главнокомандующего Армией Крайовой, призывавшего к борьбе с Советами. 19 сентября 1944 г. // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

⁷⁷ История второй мировой войны. Т. 9. С. 73.

См. также выдержку из доклада генерал-лейтенанта К.Ф. Телегина Главному политическому управлению Красной Армии о подготовке к капитуляции повстанцев в Варшаве (по прямому проводу). 3 октября 1944 г.: «Таким образом, совершенно бесспорно, что вопрос о капитуляции был решен руководством АК 27–28 сентября, и поэтому телеграмма Бура, и запрос по ней Миколайчика о наших мерах спасения повстанцев был, безусловно, политическим трюком. Все данные говорят за то, что руководство АК уже вошло в полный контакт, и, оттягивая время, лишь выторговывало себе некоторые льготы». // militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html.

⁷⁸ Ibid.

См. также выдержку из доклада представителя Генерального штаба Красной Армии при 1-й армии Войска Польского о показаниях офицеров Армии Людовой и Армии Крайовой, участвовавших в Варшавском восстании. 3 октября 1944 г.: «29.09.44 руководство АЛ намеревалось выслать связных к командованию 1-й армии польского войска, о чем был поставлен в известность подполковник „Живицель“, однако командование АК отклонило все предложения АЛ, направленные на установление связи этим путем... 30.09.44 в 18⁰⁰ на КП подполковника „Живицель“ явился полковник Вахновский. Позднее подполковник „Живицель“ заявил офицерам АЛ и АК, что Вахновский привез приказ Главного командования Бура о капитуляции. На вопрос поручика „Зенон“, каким образом полковник Вахновский попал на КП, подполковник „Живицель“ сначала ответил: „Он приехал“, а на вторичный вопрос поручика „Зенон“, каким образом Вахновский мог приехать, если все дороги отрезаны, подполковник „Живицель“ ответил: „Он пробрался каналами“. Это не могло соответствовать действительности, ибо все выходы из каналов находились в руках немцев. Отсюда явное подозрение, что полковник Вахновский подослан немцами. (Из показаний майора „Шанявского“, капитана „Александра“ и поручика „Зенон“)...

Выводы: 1. Капитуляция была преднамеренной и спровоцированной командованием АК против воли и желания массы солдат и части офицеров АК.

2. Руководству АК были известны все возможности, созданные 1-й армией Польского Войска для эвакуации повстанцев и населения на восточный берег р. Висла. Повинуясь приказу своего центра, „Вахновскому“, представителю генерала Бура, командование АК участка Жолибож предпочло капитуляцию, нежели выход на соединение с частями 1-й польской армии.

3. Командование АК участка Жолибож, опасаясь соединения повстанцев с частями 1-й польской армии, еще до 30.09.44 саботировало все мероприятия групп АЛ, направленные на подготовку соединения с регулярными частями Польского Войска». // Ibid.

⁷⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 584.

⁸⁰ См. например: Киссинджер Г. Дипломатия. С. 369; Strzebosz T. „Insurecția băieților și fetelor” din Varșovia. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 11. P. 49; Dobrinescu V.-Fl., Tompea D. România la cele două Conferințe de Pace de

Очень рельефно выразил эти настроения Джордж Кеннан: «Прежде чем Миколайчик уехал из Москвы, началось трагическое Варшавское восстание. Оно более всего должно было продемонстрировать правительствам западных стран, чему следовало противостоять в политике Сталина, касающейся Польши. Мало того что Красная армия на другом берегу реки (Вислы) пассивно наблюдала, как немцы убивают героев восстания, также Сталин и Молотов не дали нашему послу Гарриману разрешения использовать американскую авиационную базу на Украине для облегчения снабжения осажденных поляков оружием и другими нужными вещами. Более того, было выдвинуто требование, чтобы мы совершенно отказались от подобных баз.

Никто из нас в Москве не сомневался в истинной природе позиции советских руководителей. Это был прямой вызов западным державам, означавший, что советские руководители собираются изолировать Польшу от внешнего мира, а также, что их ничуть не заботит судьба польских борцов, не принимающих коммунистической власти, которые, с советской точки зрения, ничуть не лучше немцев. Это значило, что советским лидерам нет никакого дела до мнения американцев о польской проблеме и что они не намерены и впредь считаться с их мнением. Я полагал, что именно тогда Запад должен был поставить советских руководителей перед выбором: либо изменить свою политику и согласиться на сотрудничество в обеспечении реальной независимости стран Восточной Европы, либо лишиться поддержки и помощи западных союзников до конца войны»⁸¹.

Данные утверждения полностью абсурдны, безосновательны, а в случае осуществления попытки шантажа советского руководства могли привести лишь к серьёзным осложнениям во взаимоотношениях союзников, к затягиванию сроков войны и колоссальному увеличению человеческих потерь до конца войны. К тому же, как мог Рузвельт «не отдавать Восточной Европы Сталину», если её «раздел» сложился в результате естественно образовавшегося в конце войны соотношения сил? Ответ на это лишь один – не дожидаясь разгрома гитлеровских орд, начать войну против СССР. Такое могло прийти в голову лишь психически больным, и именно об этом бредили в своём бункере Гитлер и его окружение в последние недели существования «тысячелетнего рейха».

Отвечая на подобного рода критику, бывший госсекретарь Э. Стеттиниус писал: «Нелишне в заключение задать вопрос: что получил на конференции в Ялте Советский Союз в Восточной Европе, чего он уже не имел в результате блестящих побед Красной Армии? Что приобрёл Советский Союз в Ялте, чего он не мог бы приобрести без всяких соглашений?»⁸².

Вот что отмечал в своих воспоминаниях по поводу такого рода «рассуждений» и Корделл Хэлл: «Мы с президентом даже на мгновение не воспринимали подобные предложения всерьёз. Россия, Великобритания и Соединённые Штаты находились в одной лодке, которая должна была остаться на плаву либо утонуть в зависимости от их способности вести объединённую борьбу против общего врага. Наши поставки по ленд-лизу помогали России сковывать и уничтожать вооружённые силы противника на Восточном фронте, с которыми нам в противном случае пришлось бы сражаться на Западном фронте... А если мы всё же прекратим военные поставки и позволим Москве действовать по собственному усмотрению, сможем ли мы тогда вообще надеяться на достижение общего послевоенного соглашения с Советским правительством?»⁸³.

Дискуссии по польским делам в конце 1944 г. Как бы там ни было, «поражение Варшавского восстания ознаменовало политический крах АК и всего политического лагеря лондонской эмиграции»⁸⁴. Однако обсуждение польского вопроса получило своё продолжение и во время октябрьского, 1944 г., визита Черчилля в Москву⁸⁵, где британский премьер ещё раз подтвердил своё полное согласие с

---

la Paris. P. 191; Șandru V. Destinul postbelic al României între Stalin și Churchill. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 7; Chipere I. De la disperarea lui Churchill la nemulțumirea lui Stalin. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 4. P. 5; Vlad C. Franklin Roosevelt cade în capcana lui Stalin. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 12. P. 66; Nițu A. România intră în orbita Kremlinului. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 8. P. 45, 47; Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7. P. 18, 20, 21.

Данную точку зрения очень убедительно опровергает румынский историк А. Штефэнеску: «В действительности попадание Восточной Европы в советскую сферу влияния явилось логическим следствием... того, каким образом протекала вторая мировая война». // Ștefănescu A. Diferența între a dori și a putea. Europa de Est va fi roșie. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8. P. 14; см. также Constantiniu Fl. Acordul de procentaj și Ialta. (O lămurire pentru dl. Gabriel Andreescu). // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 9. P. 1-3; Zamfirescu D. Ialta și debutul exilului românesc. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 11. P. 37.

⁸¹ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

⁸² Стеттиниус Э. «Аргонавт». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 374.

⁸³ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 377.

⁸⁴ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 196.

⁸⁵ Подробнее об этом смотри: «Отчёт министра иностранных дел польского эмигрантского правительства Т. Ромера о переговорах в Москве по польскому вопросу», «Отчёт министра иностранных дел польского эмигрантского правительства Т. Ромера о беседе премьер-министра С. Миколайчика с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем о восточной границе Польши и урегулировании польско-советских отноше-

«линией Керзона» в качестве польско-советской границы⁸⁶. Туда же для переговоров были приглашены как лондонские, так и люблинские поляки⁸⁷. Миколайчик заявил, что в вопросе о «линии Керзона» он не согласен ни с англичанами, ни с русскими⁸⁸. Данная позиция свидетельствовала о полной политической близорукости возглавляемого им правительства и могла привести лишь к его полной девальвации. Это прекрасно понимал Черчилль, активно пытавшийся переубедить по данному вопросу лондонских деятелей.

Он заявил, что «т.к. русские армии достигли Польши, британское правительство считает, что линия Керзона является единственной линией границы между Польшей и Советским Союзом на востоке». Он, Черчилль, «говорил об этом польским деятелям ещё в прошлом году». Он, «конечно, понимал при этом, что поляки получают другие территории на западе — части Силезии и Восточной Пруссии». Он, Черчилль, считает, что «эти территории на западе и в Пруссии полностью компенсируют поляков. Поляки получают длинную линию морского побережья, хороший порт Данциг и Силезию. Это будет великолепная Польша»⁸⁹. Суть его позиции в тех условиях заключалась в том, чтобы уступкой в вопросе о границах добиться того, чтобы лондонское эмигрантское правительство смогло завладеть ключевыми позициями в самой Польше.

Сталин подчеркнул, что «если поляки хотят иметь отношения с Советским Союзом, то без признания линии Керзона они этих отношений не установят»⁹⁰. Он, а также Молотов подтвердили слова Черчилля о польской западной границе и о землях на Балтийском побережье⁹¹.

В то время как Миколайчик и его коллеги продолжали упорствовать, Черчилль стал выходить из терпения и заявил, что прекратит отстаивать интересы лондонских поляков: «Я брошу вас со всеми вашими заботами. У вас нет чувства ответственности... У вас в голове только жалкие эгоистические интересы... Я вынужден буду обратиться к другим полякам, и это люблинское правительство, может быть, будет работать очень хорошо. Оно станет правительством».

Когда эти угрозы не подействовали, сэр Уинстон, потеряв остатки самообладания, заявил, что не желает больше иметь никаких дел с представителями лондонского эмигрантского правительства, и в заключение назвал их сумасшедшими. «Никогда в моей жизни я не встречал таких людей! Если вы собираетесь завоевать Россию, мы оставляем вам это дело. Я чувствую, что нахожусь в сумасшедшем доме. Я не знаю, будет ли британское правительство продолжать признавать вас». Ничего не дала и беседа на следующий день. Разгневанный Черчилль крикнул: «Всё кончено между нами!» — и покинул зал, разъярённо хлопнув дверью⁹². Все эти беседы и реальная действительность всё-таки несколько отрезвили Миколайчика, и он был вынужден слегка изменить свою позицию.

Уже возвращаясь домой, с борта самолёта Черчилль телеграммой проинформировал Рузвельта о результатах московских переговоров. В ходе дискуссий Сталина с Миколайчиком было достигнуто соглашение о формировании нового правительства во главе с самим Миколайчиком, а также о том, что советско-польская граница пройдёт по линии Керзона, и город Львов будет советским⁹³. Польский премьер встретился и с представителями люблинского комитета, с которыми была достигнута некоторая степень согласия. Миколайчик уехал в Лондон, полагая продолжить переговоры. Однако там он был смещён за соглашение с просоветскими силами в Польше⁹⁴. Так, переговоры между лондонскими и люблинскими поляками зашли в тупик.

В беседе с американскими репортёрами А. Гарриман заявил: «Я не знаю, что думают поляки в самой Польше, но мы достаточно хорошо знаем, что думает польское правительство в Лондоне. В нём

ний», «Заявление польского эмигрантского правительства по вопросу о результатах польско-советских переговоров в Москве». // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 271-276, 282-285, 286; Ржешевский О.А. Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // ННИ, 2003, № 5, 6.

⁸⁶ Ржешевский О.А. Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // ННИ, 2003, № 5. С. 109, № 6. С. 126, 129.

⁸⁷ 13 октября состоялись две сепаратные встречи советских и английских руководителей (Сталина, Молотова, Черчилля, Идена и др., а также посла США А. Гарримана) вначале с руководителями Лондонского эмигрантского правительства (Миколайчиком, Ромером и др.), а затем с лидерами Люблинского комитета (Берутом, Осубка-Моравским и др.). // Ржешевский О.А. Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // ННИ, 2003, № 6. С. 123-129, 129-133.

⁸⁸ Ibid. С. 127.

⁸⁹ Ibid. С. 126.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid. С. 128.

⁹² См.: Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 321-322.

⁹³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 459-460.

⁹⁴ Ibid. С. 526; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 522; Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 219.

преобладает группа аристократов, которые уповают на американцев и англичан и ожидают от них восстановления их позиций и землевладений, а также такой феодальной системы, которая сложилась в период после первой мировой войны. Тогда в основном господствовали отношения подозрительности к Советскому Союзу. Они думают, что единственное будущее для Польши лежит в том, чтобы Великобритания и Соединённые Штаты вступили в войну с русскими для защиты именно такой Польши. Я не думаю, что мы заинтересованы в возвращении такого рода порядков»⁹⁵.

31 декабря 1944 г. Крайова Рада Народова приняла решение о преобразовании ПКНО во временное правительство Польской республики, а 4 января 1945 г. было сообщено о том, что СССР признал его⁹⁶. Правительства Англии и США продолжали поддерживать лондонское правительство Арцишевского⁹⁷, не признававшего «линии Керзона» в качестве польско-советской границы и отрицавшего даже возможность компромисса с люблинским правительством.

Окончательное решение польского вопроса. Как мы уже отмечали, польский вопрос был, в принципе, решен на Крымской конференции: «Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть... реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»⁹⁸. Однако её решения не были признаны Лондонским эмигрантским правительством, что ещё более затруднило переговорный процесс между самими поляками. Даже Миколайчик не признавал ялтинские решения по Польше, поэтому британский премьер обязался приложить максимум усилий для того, чтобы изменить его позицию⁹⁹.

В результате этих действий, 16 апреля 1945 г., в письме премьер-министру Миколайчик заявил о своём признании «крымских решений в отношении будущего Польши» и согласился пойти на переговоры с просоветскими поляками по вопросу о «создании Правительства Национального Единства»¹⁰⁰. 22 апреля Черчилль направил Сталину официальное заявление Миколайчика по этому вопросу, в котором он полностью признавал справедливость советской позиции в польском вопросе¹⁰¹. Это открывало благоприятную перспективу для окончательного урегулирования данного вопроса.

И всё же до полного урегулирования было ещё далеко. Так, 1 и 18 апреля Сталин получил совместные послания президента и премьер-министра, где излагалась позиция западных союзников по польскому вопросу¹⁰², которую советский премьер воспринял (с нашей точки зрения, не совсем обоснованно) очень болезненно, и единственный раз укорил Запад за проводимую им политику в странах, освобождённых англо-американскими армиями: «Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство... Я не знаю, создано ли в Греции действительно представительное Правительство и действительно ли является демократическим Правительство в Бельгии. Советский Союз не спрашивал, когда там создавались эти правительства. Советское Правительство и не претендовало на то, чтобы вмешиваться в эти дела, так как оно понимает всё значение Бельгии и Греции для безопасности Великобритании».

Непонятно, почему не хотят учитывать интересы Советского Союза с точки зрения его безопасности при обсуждении вопроса о Польше. Надо признать необычными условия, когда два Правительства – Соединённые Штаты и Великобритания – заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован, и ставят представителей СССР в невыносимое положение, пытаясь диктовать ему свои требования. Должен констатировать, что подобная обстановка не может благоприятствовать согласованному решению вопроса о Польше»¹⁰³.

Не менее выразительны и карандашные замечания Молотова к записке Вышинского: «Польша – большое дело! Но как организованы правительства в Бельгии, Франции, Греции и т.д., мы не знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств. Мы не вмешивались, т.к. это зона действий англо-американских войск»¹⁰⁴. В свете вышеизложенного российский историк В. Печатнов отмечает, «что в Кремле искренне считали вмешательство Англии и США в

⁹⁵ Цит. по: Бережков В.М. Путь к Потсдаму. С. 77.

⁹⁶ Советско-английские отношения. Т. 2. С. 252.

⁹⁷ Ibid. С. 253; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 339-340.

⁹⁸ Крымская конференция трёх союзных держав. С. 251.

⁹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 562-564.

¹⁰⁰ Ibid. С. 587.

¹⁰¹ Ibid. С. 587-588.

¹⁰² Советско-английские отношения. Т. 2. С. 317-319, 337-338; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 357-359, 374-376; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 229-231.

¹⁰³ Советско-английские отношения. Т. 2. С. 350-351; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 382; Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 2. С. 234.

¹⁰⁴ Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана. // ННИ, 2002, № 4. С. 119.

польские дела нарушением неписаного правила союзнических отношений и видели в своих ялтинских уступках по Польше чуть ли не одолжение союзникам»¹⁰⁵.

Во время майского, 1945 г. визита в Москву Гопкинс заметил Сталину, что «правительство и народ Соединённых Штатов обеспокоены потому, что предварительные шаги по воссозданию Польши предприняты, по-видимому, односторонне Советским Союзом совместно с нынешним варшавским правительством и что фактически Соединённые Штаты полностью отстранены»¹⁰⁶.

Сталин ответил, что «это происходит потому, что Советское правительство хочет дружественного правительства в Польше, а англичане, собственно, консерваторы, стремятся к созданию санитарного кордона». На это Гопкинс ответил, что «наоборот, Соединённые Штаты хотят, чтобы вокруг Советского Союза были дружественные ему государства». Сталин в свою очередь ответил, «что если это верно, то мы договоримся»¹⁰⁷. Он вновь повторил мысль – многократно высказанную до этого Рузвельту и Черчиллю – о том, что «на протяжении последних двадцати пяти лет немцы дважды вторгались в Россию через Польшу». Он подчеркнул, что «Германия смогла это сделать потому, что Польша рассматривалась как часть „санитарного кордона“, созданного вокруг Советского Союза, и что в прошлом политики европейских стран заботились о том, чтобы в Польше были враждебные России правительства.

При этих обстоятельствах Польша была или слишком слабой для того, чтобы оказать сопротивление Германии, или же пропускала немцев... Он сказал, что слабость Польши и её враждебность... позволяли немцам делать то, что им хотелось... Поэтому Россия жизненно заинтересована в том, чтобы Польша была сильной и дружественной»¹⁰⁸.

Сталин признал односторонний характер советских действий в Польше, но объяснил это и необходимостью обеспечения советского тыла. Именно поэтому советская сторона решительно поддержала люблинский комитет. Затем Сталин перешёл к своему предложению о разрешении польской проблемы. Он сказал, что в тогдашнем польском правительстве имелось 18 или 20 министерских постов и что 4 или 5 из них могут быть отданы представителям других польских групп из списка, представленного Великобританией и Соединёнными Штатами. Гопкинс ответил, что потребуется некоторое время для обсуждения данного предложения¹⁰⁹. На следующем заседании он заметил, что «если говорить о правительстве Соединённых Штатов, то оно не заинтересовано в том, чтобы кто-либо из лиц, связанных с нынешним польским правительством в Лондоне, был включён в состав нового временного правительства Польши, и он лично не думает, что у англичан имеются какие-то планы на этот счёт»¹¹⁰.

Гопкинс оказался прав. Дело в том, что в тех условиях чуть ли не единственное средство давления, оставшееся у западных правительств, заключалось в том, что они и дальше могли не признавать Варшавское правительство. Однако при этом они окончательно утратили бы возможность влиять на развитие событий в Польше, что, естественно, их совсем не устраивало. Поэтому Черчилль «убедил Миклолайчика поехать в Москву, и в результате всего этого было создано новое польское временное правительство. По предложению Трумэна оно было признано 5 июля как Англией, так и Соединёнными Штатами»¹¹¹. Таким образом, «польский вопрос» приближался к своему окончательному решению, что, как мы знаем, случилось в Потсдаме, с признанием линии Одер – Западная Нейсе в качестве польско-германской границы.

Однако и сегодня далеко не все оценивают положительно данные решения. Так польский историк В. Бонусяк писал в 1992 г. в работе «Иосиф Сталин (биография)», что «союзники сознательно нарушили принятые ими обязательства, содержащиеся как в Атлантической Хартии, так и в Декларации Объединённых Наций... Большая тройка..., планируя и реализовывая новый раздел мира, беспокоилась об интересах своих государств, трактуя остальные как предметы на шахматной доске»¹¹².

В связи с такой постановкой вопроса, львовский исследователь В. Макарчук отмечает: «Автор как бы игнорирует тот факт, что окончательная восточная граница Польши установлена де-юре не Великими державами, а соответствующим польско-советским договором 16 августа 1945 г. Не принимается во внимание воля местного украинского, белорусского, литовского населения и право наций на самоопределение. Польский учёный „забывает“ и тот факт, что именно Советский Союз под руководством Сталина выступал за то, чтобы как можно дальше отодвинуть на запад польские границы с Германией»¹¹³.

¹⁰⁵ Ibid. С. 120.

¹⁰⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 629.

¹⁰⁷ Советско-американские отношения. Т. 2. С. 400.

¹⁰⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 630.

¹⁰⁹ Ibid. С. 631-633.

¹¹⁰ Ibid. С. 641-642.

¹¹¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 640.

¹¹² Цитировано по: Макарчук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. С. 62.

¹¹³ Ibid. С. 62-63.

С точкой зрения Бонусяка не согласен и другой, на этот раз польский, историк П. Эберхард, который хотя и сожалеет о том, что безвозвратные территориальные потери Польского государства составили 76 тыс. кв. км., но при этом признаёт, что «Польша приобрела широкий выход к морю. Утратила области бедные, экономически слабые и неразвитые. Вместо этого приобрела территорию с богатой инфраструктурой, хорошо освоенную в хозяйственном отношении и урбанизированную»¹¹⁴. Другими словами географически, экономически и с точки зрения этнической однородности населения Польша приобрела значительно больше, чем утратила.

В этом смысле, незадолго до смерти в 1993 г., министр иностранных дел польского эмигрантского правительства Э. Рачинский говорил: «Мы всю свою жизненную энергию и политическую деятельность направили на оборону польских восточных территорий. И сейчас, умирая, я очень рад, что нам это не удалось. Наблюдая ту страшную резню, которая творится в Югославии, представьте себе, что могло бы твориться на Волыни и Восточной Украине»¹¹⁵.

---

¹¹⁴ Ibid. С. 63.

¹¹⁵ Ibid. С. 64-65.

ГЛАВА 18. ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первые предложения о статусе послевоенной Германии. Во время вашингтонской встречи 1941-1942 гг. Рузвельт и Черчилль обменялись мнениями по германской проблеме. Черчилль поставил на обсуждение вопрос о расчленении Германии. С учётом этих соображений в государственном департаменте были составлены планы послевоенного разделения Германии на три, пять или семь отдельных государств и проанализированы возникающие в этой связи политические, экономические и демографические последствия¹. Следует отметить, что довольно распространено мнение, будто бы СССР никогда не предлагал и даже не поддерживал идею расчленения Германии. Однако эти утверждения советской историографии не верны и преследовали цель уже после войны представить в глазах немецкой, советской и международной общественности СССР в лучшем, по сравнению с западными державами, свете.

Примеры в пользу данного вывода уже приводились на страницах данной работы. Так, уже 21 ноября 1941 г. НКВД направил послу в Лондоне телеграмму следующего содержания: «Что касается точки зрения самого т. Сталина по поводу Австрии, Рейнской области и пр., то Сталин думает, что Австрия должна быть отделена от Германии в виде самостоятельного государства, а сама Германия должна быть разбита на ряд более или менее самостоятельных государств, чтобы создать тем самым гарантию для спокойствия европейских государств в будущем»². Во время визита А. Идена в Москву в декабре 1941 г. И. Сталин предложил отделить от Германии Рейнскую область, а возможно, и Баварию³. В проекте дополнительного протокола к советско-английскому договору, в пункте 17 (в) отмечается: «Разделение Германии на ряд самостоятельных государств, причём Пруссия превращается в самостоятельное государство с отделением от неё территории Восточной Пруссии»⁴.

Дальнейшее развитие взглядов союзников по германскому вопросу. Во время январской 1943 г. встречи с Рузвельтом Черчилль предложил отделить Пруссию от остальной Германии⁵. В ходе мартовской 1943 г. поездки Идена в США в ходе бесед с Рузвельтом они «единодушно заявили, что при любых обстоятельствах Германию следует разделить на несколько государств, одним из которых при всех условиях должна быть Пруссия. Нельзя допустить, чтобы пруссаки господствовали над всей Германией»⁶. Данную позицию Рузвельта по германскому вопросу подтверждает также и бывший госсекретарь Хэлл в своих воспоминаниях⁷. Эту идею поддерживал также и де Голль⁸.

11 января 1944 г. заместитель наркома иностранных дел И.М. Майский направил В.М. Молотову записку о будущем устройстве мира. В разделе, касающемся Германии, он писал, что следует раздробить её на ряд независимых государств, осуществить её военное, индустриальное и идеологическое разоружение, взыскать с неё репарации, наказать военных преступников. 9 марта Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД во главе с М.М. Литвиновым представила обширную записку «Обращение с Германией». В главе «О государственном переустройстве Германии» делался вывод о том, что «действительное, эффективное препятствие возрождению германского военного потенциала может быть создано только расчленением Германии, т.е. разделением её на отдельные, совершенно независимые государства». 15 января 1945 г. Литвинов вновь повторил своё предложение о расчленении Германии⁹.

Одним из вопросов, по которому, как казалось, будет трудно достичь согласия союзников, был вопрос о зонах оккупации Германии после её капитуляции. Возникли противоречия между американцами и англичанами, в частности о том, какую часть Западной Германии будет оккупировать каждая из сторон. Не ясно было, как вытекало из меморандума Форин Оффиса, также и то, «будут ли русские, имея огромную армию, во много раз превосходящую англо-американские войска в Европе, довольствоваться оккупацией одной трети Германии. Испытывая эти сомнения, английский представитель У. Стрэнг предложил включить в восточную зону оккупации 40% территории, 36% населения и 33% промышленного производства довоенной Германии. 18 февраля 1944 г., к его немалому удивлению, с советской стороны последовало согласие. Указанное предложение устраивало Советское правительство»¹⁰.

¹ Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 75.

² Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1941 – 1943 гг. // ННИ, 1995, № 1. С. 93.

³ Ibid. С. 94-95; Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 2. С. 92.

⁴ Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 2. С. 100.

⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 649.

⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 380-381.

⁷ Государственный секретарь США вспоминает. // Вторая мировая война в воспоминаниях. С. 375-376.

⁸ Молчанов Н. Генерал де Голль. С. 264.

⁹ Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944 – 1945 гг. // ННИ, 1995, № 4. С. 115-116.

¹⁰ Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. С. 185-186.

12 июня представитель США в ЕКК присоединился к советско-английской договорённости, а 14 ноября было решено, что северо-западную часть Германии займут английские войска. Также, 25 августа, были расставлены все точки над «i» в вопросе о контрольном механизме для Германии. Было предложено создать Контрольный совет из главнокомандующих вооружёнными силами трёх держав, все решения в котором следовало принимать на основе единогласия¹¹.

«План Моргентау». Американские проекты были рассчитаны на установление экономической и политической зависимости Германии от США. Один из проектов, подготовленный в министерстве финансов США, которое возглавлял Генри Моргентау, предусматривал расчленение Германии, её деиндустриализацию и ликвидацию её государственной самостоятельности¹². Данный вопрос тесно связывался и с проблемой устранения конкуренции для Великобритании в лице промышленно развитого Рура, а также с более длительным послевоенным экономическим восстановлением СССР, поскольку Германия после ликвидации её тяжёлой промышленности не смогла бы выплачивать репарации.

На второй Квебекской конференции (11-16 сентября 1944 г.) Черчилль сначала отверг предложения Моргентау по германскому вопросу, но уже на второй день предложил свой вариант, весьма близкий к «Плану Моргентау». Столь крутая перемена позиции объясняется тем, что Черчилль надеялся на осуществление в будущем и другой части предложений Моргентау – о предоставлении Англии займа в 6,5 млрд долл. и помощи по ленд-лизу в период после разгрома Германии.

В конце 1944 г. произошли некоторые изменения в отношении западных лидеров к обречённой на полный разгром Германии. Вместе с изменением отношения к терпевшей поражение за поражением Германии, в Лондоне и Вашингтоне начало меняться и отношение к победоносному Советскому Союзу. Как мы уже указывали выше, пока в конце 1943 г. окончание войны было ещё не близко, в Вашингтоне мирились с перспективой преобладания СССР в Европе. Но к концу войны такая перспектива стала сильно раздражать руководящие круги Америки и Англии.

15 сентября 1944 г. Рузвельт и Черчилль подписали в Квебеке документ, составленный Черчиллем в духе предложений Моргентау¹³. Однако весь этот план повис в воздухе, и вскоре сам Рузвельт от него отказался. Во-первых, он не получил поддержки демократической общественности. Другой причиной этого шага явилась оппозиция со стороны госдепартамента и военного министерства. Стимсон писал Рузвельту, что принятие «Плана Моргентау» «будет таким же преступлением, какое немцы собирались совершить по отношению к своим жертвам. Это будет преступлением против самой цивилизации». Хэлл заявил, что «у Советского Союза по этому вопросу могут быть другие соображения», он упрекал президента в том, что тот пренебрёг обычными каналами государственного департамента при решении столь важной проблемы¹⁴.

Реакция Лондона, несмотря на то, что под документом стояла подпись Черчилля, также не была положительной. Форин Оффис и минфин в своих комментариях отметили, что «План Моргентау», в конечном счёте, нанесёт ущерб английскому экспорту: Германия, лишённая промышленности, будет не в состоянии оплачивать английские товары¹⁵. Учитывая отрицательную позицию многих столь влиятельных структур, в конце сентября Рузвельт решил, что «план был ошибкой»¹⁶.

Однако, едва ли правильным будет искать объяснение провала «Плана Моргентау» лишь в экономических и моральных причинах. Здесь вполне уместна параллель с окончанием первой мировой войны, когда западные державы не стали слишком ослаблять Германию, в надежде на превращение её в надёжный антисоветский барьер. И в конце второй мировой войны ситуация повторилась. Влиятельные силы в правящих кругах англосаксонских стран всё более стали ориентироваться на сохранение германской мощи после окончания войны. Эти люди стремились, подчинив своему влиянию ослабленную войной Германию, использовать в будущем её восстановленный военно-промышленный потенциал в антисоветских целях.

Сам британский премьер-министр не был чужд взглядам правящей группировки, которая помышляла восстановить Германию в качестве противовеса Советскому Союзу. О такой группе упоминали американские деятели, тесно связанные с английской политикой, – Моргентау и посол в Лондоне Вайнант. Ещё до второй конференции в Квебеке Вайнант информировал своих руководителей о том, что в официальных английских кругах наметились различные точки зрения по германскому вопросу. Одна из них, по словам посла, выражена в стремлении создать в лице Германии «буфер против России»¹⁷.

¹¹ Ibid. С. 186-187.

¹² См.: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 100; Сосинский С. Акция «Аргонавт». С. 30-32; Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 435.

¹³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 417; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс... Т. 2. С. 521.

¹⁴ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 313

¹⁵ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 28-29.

¹⁶ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 313.

¹⁷ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 30.

Правда, на московской встрече 1944 г. Черчилль и Сталин всё ещё оставались на единой позиции о необходимости расчленения Германии¹⁸. Но уже через некоторое время начальник штаба английской армии А. Брук записал в своём дневнике: «Расчленим ли Германию или постепенно превратить её в союзника, чтобы через двадцать лет дать отпор угрозе со стороны русских, существующей уже сейчас? Я предлагал второе и был уверен, что отныне мы должны смотреть на Германию совсем с другой точки зрения. Господствующая держава в Европе уже не Германия, а Россия... Поэтому сохраните Германию, постепенно восстанавливайте её и включите в западноевропейский союз»¹⁹.

Чувствуя изменение платформы западных партнёров, и советская сторона заняла более осторожную позицию. Хотя в составе Лондонской комиссии по расчленению Германии советская сторона в лице посла Гусева поддерживала идею расчленения Германии, но свои предложения была готова вносить только после того, как западные державы сами предложат это²⁰.

Германский вопрос в конце войны. На последнем этапе войны госдепартамент разработал ряд меморандумов по вопросу об отношениях СССР с коммунистическими партиями европейских стран. В одном из них отмечалось, что после войны некоторые западноевропейские компартии могут путём голосования получить значительное число, или даже большинство, голосов и принять участие в правительствах, или же самим сформировать их. Такой сценарий, подчёркивалось в меморандуме, не в интересах США.

В другом документе, составленном в отделе восточноевропейских стран государственного департамента, говорилось: «Во всяком случае, для нас важно признать факт развития революции в Европе и приспособить к этому процессу свою политику. Эта политика лучше всего может быть осуществлена путём предоставления помощи и поощрения любых или подлинно либеральных правительств или групп... Предоставляя значительную экономическую помощь, мы, возможно, сможем не только помочь такого рода режимам, но также предотвратим состояние полного хаоса, который мог бы быть на руку лишь врагам либеральных демократических групп»²¹.

В этом смысле вполне можно полагать, что составители вышеупомянутых меморандумов подготавливали почву для будущего «плана Маршалла», который правящие круги США использовали для установления гегемонии Америки на европейском континенте и в послевоенном мире в целом.

Следует отметить, что менялась и советская позиция в вопросе о расчленении Германии. Так, 24 марта 1945 г. Молотов телеграфировал Гусеву советскую позицию для передачи её англичанам и американцам: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить её в случае, если другие средства окажутся недостаточными»²². 26 марта Гусев направил Идену письмо с предложением Советского правительства, и 3 апреля Иден сообщил, что советское понимание решения Крымской конференции совпадает «с толкованием правительства Его Величества в Великобритании». 4 апреля Комиссия по расчленению Германии собралась в последний раз²³.

Германская проблема обсуждалась Гопкинсом со Сталиным и во время их майской, 1945 г. встречи в Москве. Гопкинс напомнил Сталину его речь, в которой тот заявил, что «он против расчленения Германии. Это, по-видимому, противоречит позиции, которую он [Сталин] занимал в Тегеране и Ялте». Сталин объяснил свою позицию тем, что его предложение было отвергнуто в Ялте, поэтому «он понял, что как Великобритания, так и Соединённые Штаты возражают против расчленения Германии». Гопкинс ответил ему, что данный вопрос пока не решён и остаётся открытым, и заявил, что напрасно Сталин «считает, что Соединённые Штаты возражают против расчленения». Подводя итог дискуссии, Сталин сказал, что «вопрос о расчленении является таким вопросом, который три союзника должны разрешить между собой, и что он пока не определяет своей позиции»²⁴. Что касается германской промышленности, то Сталин подчеркнул, что немцам следует помочь «восстановить их лёгкую промышленность. Он указал далее, что Германии должно быть разрешено восстановить ту тяжёлую промышленность, которая необходима для восстановления её транспортной системы, электростанций, водоснабжения и канализации»²⁵.

¹⁸ Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944 – 1945 гг. // ННИ, 1995, № 4. С. 120.

¹⁹ Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны. С. 332-333.

²⁰ Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях... 1944 – 1945 гг. // ННИ, 1995, № 4. С. 124.

²¹ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 165-166.

²² Советско-английские отношения. Т. 2. С. 314.

²³ Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944 – 1945 гг. // ННИ, 1995, № 4. С. 125.

²⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 636-637.

²⁵ Ibid. С. 638.

Правда, в вопросе о расчленении Сталин фактически поставил точку ещё 9 мая в обращении к советскому народу, заявив, что «Советский Союз... не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»²⁶. Однако у западных политиков и дипломатов складывалось другое мнение. Всё больше стали они смотреть на дальнейшую судьбу Германии сквозь призму послевоенной конфронтации с СССР. Очень ясно выразил данные настроения Дж. Кеннан: «Больше всего тревог у меня, как всегда, вызывал вопрос о Германии. Насколько я знал, даже теперь, после окончания войны, поведение и взгляды американских военных властей были в большой мере отягощены, как я это называю, антибританскими и просоветскими предрассудками, которые, по моим наблюдениям, появились во время войны у части наших военных руководителей...

У меня сохранился один набросок без указания даты, но составленный, очевидно, летом 1945 года, где содержались следующие положения: «Идея управления Германией совместно с русскими есть химера, как и идея, будто в случае ухода нашего и русских сама по себе возникнет мирная, стабильная и дружественная Германия. Нам остается только дать нашей части Германии, за которую мы отвечаем вместе с англичанами, такую степень независимости, безопасности и процветания, чтобы Восток не мог ей угрожать. Это – грандиозная задача для американцев, но этого нам не избежать.

Пусть это назовут расчленением (Германии). Но расчленение уже стало фактом благодаря границе по Одру – Нейсе. Сейчас не важно, будет ли советская зона воссоединена с Германией. Лучше расчлененная Германия, в которой Запад сможет противостоять силам тоталитаризма, чем единая Германия, которая снова воссоздаст эти силы в регионе Северного моря... Выполняя уже взятые нами на себя обязанности в Контрольной комиссии, мы не должны питать ложных надежд на возможность трехстороннего контроля... Русские – наши основные конкуренты в Германии. Нам не следует идти на компромиссы в Контрольной комиссии в делах, для нас действительно важных»²⁷. Вскоре позиция Кеннана стала доминировать в политике Вашингтона в германском вопросе.

---

²⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 45.

²⁷ <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

ГЛАВА 19. АТОМНАЯ ГОНКА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Атомная проблема в начале второй мировой войны. Весной 1939 года в Соединённые Штаты стали поступать сообщения о начале атомных исследований в Германии. В то время в Америке находились крупные учёные-физики, бежавшие сюда из Германии от преследований фашистов. Они сумели оценить всю важность известия о попытках гитлеровцев использовать атом для военных целей. 2 августа 1939 г. (и повторно 7 марта 1940 г.) Альберт Эйнштейн (по совету Л. Сцилларда) обратился к президенту Рузвельту с призывом поддержать и ускорить экспериментальные работы по делению урана¹.

И его опасения были не безосновательны. Получив нацисты первыми атомное оружие, Гитлер ни на мгновение не засомневался бы в необходимости его применения. В этом смысле показателен один реальный случай. В сентябре 1939 г. Гитлер пригласил к себе А. Шпеера для просмотра последних выпусков кинохроники. После кадров, показывавших разрушение немецкой авиацией Варшавы, был продемонстрирован мультфильм. Над Британией летит самолёт с опознавательными знаками «Люфтваффе» и сбрасывает некую «чудо-бомбу». Весь остров, разорванный в клочья, взлетает к небесам. По словам Шпеера, Гитлер в испуге вскочил с кресла и закричал: «Так с ними и будет!»².

После начала войны и захвата фашистами западноевропейских стран, в их руки попали французские научные разработки в этой области и, что самое главное, несколько тонн тяжёлой воды – необходимого для создания атомного оружия сырья. Это резко ускорило процесс создания германской атомной бомбы. Следует отметить, что до начала 1943 г. немцы опережали своих главных конкурентов³ и их отделил всего лишь год от получения смертоносного оружия. Но, к счастью, именно в это время Германии были нанесены тяжелейшие военные поражения, и её поставили перед выбором: либо продолжать атомные исследования, либо направить все средства на ведение вооружённой борьбы. Продолжать и одно, и другое у Гитлера не было возможности, и он выбрал второе, практически полностью прервав атомные разработки.

Начало исследований по созданию атомного оружия в США и англо-американское сотрудничество в данной области. Осенью 1941 г. Ф. Рузвельт назначил комитет в составе вице-президента Г. Уоллеса, военного министра Г. Стимсона, начальника штаба армии генерала Дж. Маршалла, профессоров В. Буша и Дж. Коната для разработки рекомендаций по вопросам, касающимся развития атомной энергии в США⁴.

В отличие от Германии, благодаря своему огромному экономическому потенциалу, Соединённые Штаты смогли выделить достаточно средств как для ведения войны, так и для работ по созданию атомного оружия. Следует иметь в виду, что первые атомные бомбы стали результатом совместных усилий США и Англии. Процесс создания новой бомбы можно разделить на два этапа: 1939-1942 гг. – организация научных исследований и 1943-1945 гг. – создание основ атомной промышленности.

Вначале каждая страна самостоятельно вела атомные исследования, затем основные английские работы были перенесены в Америку. В этом контексте следует отметить, что не только военные, но и политические мотивы предопределили английские правительственные шаги в сторону объединения усилий с американцами в вопросе об атомном оружии. Министр авиационного производства Мур-Брабазон обращал внимание на послевоенные перспективы атомных проектов: после создания бомбы Америка и Англия будут осуществлять контроль и управлять миром. Советский Союз как великая держава сбрасывался со счетов⁵.

К осени 1941 г. Великобритания значительно опережала США в атомных исследованиях⁶. Однако необходимость отражения опасности гитлеровского нашествия стимулировала в англичанах стремление любым путём получить американскую поддержку. Это вызвало готовность английского правительства оплатить эту помощь важными научными секретами. 11 октября 1941 г. Рузвельт предложил Черчиллю «координировать или даже проводить совместно любые возросшие усилия» в области атомных исследований⁷. Черчилль только через два месяца дал ответ на предложение Рузвельта о кооперировании. Ответ был положительный, и многие английские учёные вскоре выехали за океан.

¹ См.: Лоуренс У.Л. Люди и атомы. С. 72-73; Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 78-79; Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 16; Иойрыш А.И., Морохов И.Д. Хиросима. М., 1979. С. 27; Ларионов В.В. Во имя величия Америки. // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 76; Ștefănescu A.V. Cursă atomică. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8. P. 31-32.

Правда, после войны Эйнштейн сожалел об этом. // Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 79.

² Зловещая эстафета. С. 6.

³ См.: Popescu V.-L. Întârziere fatală: programul atomic german. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8.

⁴ Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 103; Зловещая эстафета. С. 50; Ларионов В.В. Во имя величия Америки. // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 77.

⁵ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 162.

⁶ Кларк Р. Рождение бомбы. М., 1962. С. 142; см. также Лоуренс У.Л. Люди и атомы. Открытие, использование и будущее атомной энергии. М., 1967. С. 74.

⁷ Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М., 1985 С. 13; Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. С. 373-376.

Вопрос о подготовке ядерного оружия обсуждался 20 июня 1942 г. во время вашингтонских переговоров лидеров двух держав. Английский премьер инициировал дискуссию о необходимости объединить всю информацию, продолжить работу «на равных началах» и поровну разделить её плоды. Было принято решение о слиянии атомных проектов обеих стран⁸. В пользу такого шага англичан говорил ряд факторов: уязвимость Великобритании с воздуха и связанный с этим риск концентрации всех усилий на Британских островах; нехватка у Англии научных сил и материальных ресурсов; усиление к лету 1942 г. зависимости Англии от США и их военной помощи.

И всё же принцип равноправного партнёрства в атомных делах был неприемлем для Вашингтона. Ответственные за создание нового оружия ориентировались на то, чтобы Америка лидировала в этой области, делясь только самым минимальным опытом с Великобританией. Обмен информацией, по их мнению, мог обеспечить британскому союзнику послевоенные преимущества. Степень засекреченности атомного проекта была столь высока, что даже госдепартамент узнал о нём только на Крымской конференции.

В сентябре 1942 г. в США возникла строго засекреченная гигантская научная организация по атомным исследованиям, названная «Манхэттенским проектом». Возглавил её генерал Лесли Гровс. Организация располагала целой сетью секретных лабораторий. В конце 1942 года Гровс сблизился с известным в Америке физиком Оппенгеймером, человеком незаурядных способностей и таланта, который и подсказал хозяину «манхэттенского» предприятия место для строительства атомной лаборатории в Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико). «Манхэттенский проект» имел свою полицию, контрразведку, систему связи, склады, посёлки, заводы, лаборатории, свой колоссальный бюджет⁹.

Однако, как мы уже отмечали, обмен информацией между западными союзниками всё более ограничивался, контакты между учёными всё жёстче регламентировались. К концу 1942 г. система «изоляции» достигла такого совершенства, что практически прекратился всякий обмен информацией. 28 декабря президент утвердил лишь вариант ограниченного обмена информацией с Англией и Канадой¹⁰. И действительно, в январе – апреле 1943 г. не было никакого англо-американского обмена информацией.

С весны 1943 года американские учёные под руководством Оппенгеймера начали работы в новой лаборатории. К тому времени итальянский физик Энрико Ферми далеко продвинулся в своих исследованиях военного применения атомной энергии. К услугам атомщиков были и труды великого ученого Альберта Эйнштейна, заложившие основы атомной физики. Гениальный ученый всей душой ненавидел прусский милитаризм и, как отмечалось выше, принял участие в создании атомной бомбы только потому, что не был уверен, что такое оружие гитлеровцы не создадут первыми¹¹.

Озабоченный американской «сверхсекретностью», У. Черчилль не раз пытался изменить ситуацию. 16 февраля 1943 г. он телеграфировал Гопкинсу с целью выяснить положение дел с атомным проектом, однако ответа так и не получил¹². В своей очередной телеграмме (от 1 апреля) Гопкинсу английский премьер намекнул, что Англии, возможно, придётся разорвать ядерный альянс с США и продолжать работу самостоятельно¹³.

Прибыв в мае 1943 г. в Вашингтон, Черчилль апеллировал по данному вопросу к самому президенту. Рузвельт согласился восстановить обмен информацией, однако никаких конкретных соглашений по этому поводу подписано не было¹⁴. Отсутствие точных обязательств соответствовало стремлению США закрепить достигнутый к этому времени перевес над Англией. Сотрудничество между западными союзниками не было восстановлено. В конечном счёте, всё упиралось в вопрос о том, быть или не быть Великобритании самостоятельной ядерной державой. Английские исследователи Дж. Батлер и Дж. Гуайер отмечали по этому поводу, что «Черчилль был совершенно убеждён, что вся работа будет осуществляться на условиях полного равенства сторон, но этого не случилось: американские власти под различными предлогами противились сотрудничеству с британскими органами, и только в августе 1943 г. были приняты приемлемые для нас условия»¹⁵.

Американцы осознавали, что заявления Черчилля о том, что ещё в ходе войны Англия развернёт самостоятельные работы над бомбой, были блефом. В Лондоне не знали ни того, какой должна быть английская политика в случае срыва сотрудничества с Вашингтоном, ни того, стоит ли вообще угрожать

⁸ Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. С. 166-167.

⁹ Зловещая эстафета. С. 51.

¹⁰ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 170.

¹¹ После войны он говорил: «Если бы я знал, что немцам не удастся создать атомную бомбу, я бы и пальцем не пошевелил». // Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 79; Ларионов В.В. «Во имя величия Америки». // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 78.

¹² Кларк Р. Рождение бомбы. С. 157; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 367.

¹³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 368.

¹⁴ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 173.

¹⁵ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. С. 478.

американцам самостоятельной деятельностью. Английское правительство понимало, что Великобритании не под силу создать собственную атомную бомбу до окончания войны. В этом плане, чтобы спасти распадавшийся атомный блок Запада и укрепить в нём позиции Англии, Черчилль стал играть на «советской угрозе». Он заявил, что если США и Великобритания не будут сотрудничать между собой в атомной области, то СССР или Германия смогут выиграть гонку вооружений в этой области и прибегнуть к международному шантажу¹⁶.

Англо-американское соглашение о сотрудничестве в области создания атомного оружия было подписано Рузвельтом и Черчиллем в Квебеке 19 августа 1943 г. Стороны обязывались: не использовать атомную бомбу друг против друга; не использовать её против любой третьей стороны без взаимного согласия; не передавать третьей стороне без взаимного согласия какую-либо информацию о бомбе; распределять между собой любые послевоенные преимущества промышленного или коммерческого характера «на условиях, которые президент Соединённых Штатов изложит премьер-министру Великобритании»; в целях достижения «полного и эффективного сотрудничества» обеих сторон создать в Вашингтоне Объединённый политический комитет из трёх представителей США, двух представителей от Англии и одного – от Канады¹⁷.

Квебекское соглашение означало временный компромисс между сторонами с целью более быстрого создания атомной бомбы. Англии оно обеспечивало возобновление – пусть и в ограниченной форме – обмена информацией с США, гарантировалось право вето на использование американской бомбы. К концу 1943 г. основная группа английских физиков была переведена в Лос-Аламос. Благодаря участию в «Манхэттенском проекте», Великобритания накопила большой производственный опыт, необходимый для создания ядерного оружия в послевоенный период¹⁸.

Согласие американского правительства на уступки младшему партнёру было обусловлено необходимостью привлечь английских учёных к более быстрому достижению результата. И они в значительной степени ускорили американские работы¹⁹. Кроме того, контроль над поставками урана из Бельгийского Конго Соединённые Штаты могли установить только в сотрудничестве с Англией. Не последнюю роль сыграли и соображения тактики: в Вашингтоне решили сделать Черчиллю некоторые уступки в области атомных дел, с тем, чтобы вынудить его к согласию на американского командующего «Оверлордом»²⁰.

Следует отметить, что Квебекское соглашение было не просто заключено за спиной основного союзника западных стран, но и имело антисоветскую основу, т.к. после войны планировалось использовать наличие нового сверхмощного оружия в качестве аргумента на переговорах с СССР. По словам Гровса, ещё в 1942 г. он «не питал никаких иллюзий относительно того, что Россия является врагом и что проект строится на этой основе»²¹. Да и пункт о том, чтобы не передавать третьей стороне без взаимного согласия какую-либо информацию о бомбе, имел в виду Советский Союз.

Однако необходимо сказать и другое: расчёт англичан на равноправное сотрудничество с США и на послевоенную англо-американскую ядерную гегемонию в мире был построен на песке. Целью Вашингтона являлась полная монополия на атомную бомбу, и в этом отношении правящая элита США не делала исключений ни для кого. В 1954 г. Гровс признавал: «Я не несу ответственности за наше тесное сотрудничество с англичанами. Я старался делать всё, чтобы затруднить его»²². Президент Рузвельт не направил Квебекское соглашение конгрессу, и тем самым оно не получило силу договора, что не дало англичанам возможности использовать его после войны для получения собственного атомного оружия.

Создание первой атомной бомбы. Следует особо подчеркнуть, что форсирование работ по созданию ядерного оружия не было оправдано с военной точки зрения на заключительном этапе войны. Ещё до высадки союзников в Нормандии Лондон и Вашингтон стали получать секретные данные об отсутствии у гитлеровцев возможностей по созданию атомной бомбы²³. Как мы уже отмечали выше, германский атомный проект так и не вышел из стадии предварительного планирования и не получил необходимой экономической поддержки²⁴.

¹⁶ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 175.

¹⁷ Ibid. С. 177; см. также: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 100; Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. С. 16; История США. Т. 3. С. 396.

¹⁸ Мадзоевский С. Квебекское соглашение. Англо-американские противоречия в области атомного вооружения. // Международная жизнь, 1958, № 5. С. 83-87.

¹⁹ Ральф Лэпп. Новая сила. Об атомах и людях. М., 1954. С. 47.

²⁰ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 179.

²¹ Ibid. С. 180.

²² Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. С. 15; Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 106.

²³ Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 150-151.

²⁴ Семенищев Ю.П. Фашистская Германия и атомная бомба. // ННИ, 1968, № 3. С. 67.

Работы по созданию атомного оружия велись ускоренными темпами, и 16 июля 1945 г. на пустынном плато штата Нью-Мексико впервые в истории было произведено испытание атомного оружия, закончившееся успешно. От оглушительного взрыва содрогнулась земля. Окрестные жители увидели необычную картину – вспышка ярче солнца, потонувшая в раскатах грома. В радиусе одной мили всё было разрушено. По пустыне Аламогордо пронёсся вихрь раскалённого воздуха. Оппенгеймер сказал по этому поводу: «Мы сделали работу за дьявола»²⁵.

Дискуссии по вопросу о контроле над применением нового оружия. К этому времени внутри правящей элиты США и Англии определились две точки зрения в связи с ядерным оружием. Одна из них сводилась к тому, что использованию атомной бомбы должны предшествовать консультации между главными участниками антигитлеровской коалиции по вопросу о будущем международном контроле.

Это мнение формировалось под влиянием учёных-атомщиков, особенно таких, как великий датский физик Нильс Бор. Ещё в разгар войны он задумывался над возможными результатами изобретения нового оружия. Он выступал против монополии Соединённых Штатов и Великобритании на обладание атомным оружием. В 1944 г. Бор пытался апеллировать к Рузвельту и Черчиллю с целью уговорить их поделиться секретами производства бомбы с Советским Союзом ещё до её применения и избежать гонки ядерных вооружений²⁶.

Более или менее чётко эти же опасения высказывали по обе стороны океана и некоторые лица, ответственные за атомные проекты. Так, американский физик, профессор В. Буш, исходил из следующих мотивов: преимущества Америки и Англии в области атомных работ являются временными; другие державы вскоре также обретут опыт производства бомбы; лишь двустороннее сотрудничество США с Великобританией в этой области чревато серьёзными осложнениями в их отношениях с СССР; обмен информацией только с Лондоном сделает невозможным заключение соглашения с Советским Союзом о международном контроле над атомной энергией. Сходную позицию занимал и другой видный учёный и руководитель американского атомного проекта Дж. Конэт, а также лауреат Нобелевской премии Джеймс Франк и великий Лео Сциллард²⁷.

В определённом смысле поддерживал данную точку зрения и военный министр Стимсон. В меморандуме, представленном им 25 апреля 1945 г. Трумэну, в котором подчёркивался факт американского преобладания в атомных делах, одновременно признавалось, что США не смогут сохранять бесконечно долго позиции превосходства в этой области²⁸. Но президент был иного мнения. Недаром незадолго перед испытанием он угрожал: «Если атомная бомба, как я полагаю, взорвётся, у меня будет дубинка против этих русских парней»²⁹.

Трумэна полностью поддерживал Черчилль: «Стимсон! – воскликнул он. – Что такое порох? Чепуха! Электричество? Бессмыслица! Атомная бомба – вот второе пришествие Христа!». После этого разговора Стимсон говорил одному из своих подчинённых: «Он назвал его вторым пришествием Христа на Землю, но на этот раз это был разгневанный Христос»³⁰.

Руководители английского проекта лорд Черуэлл и Дж. Андерсон с начала 1944 г. убеждали премьер-министра в необходимости рассмотреть вопрос о международном контроле. Любые проекты международной организации, игнорирующие фактор атомного оружия, доказывали они, обречены на провал. Однако мнение этих видных представителей политических и военно-научных кругов отражало позицию меньшинства. Ни в Вашингтоне, ни в Лондоне оно не находило поддержки на высшем уровне³¹.

Первый эпизод «атомной дипломатии». Как мы уже отмечали, правящие круги Америки спешили использовать это временное преимущество, чтобы ещё до окончания мировой войны добиться решающего перевеса на международной арене и выгодных для них условий мирного урегулирования. Так, на-

²⁵ Зловещая эстафета. С. 8; Ларионов В.В. «Во имя величия Америки». // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 78; Onişoru Gh. Relații internaționale. București, 2007. P. 193.

²⁶ См.: Кларк Р. Рождение бомбы. С. 153, 160-161; Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 148-161; Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. С. 27; Трухановский В.Г. Британская политика в области ядерных вооружений. М., 1987. С. 25; Рузе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. М., 1965. С. 63, 64-67; Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 466-467; Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт. С. 388.

²⁷ См.: Зловещая эстафета. С. 57; Трухановский В.Г. Британская политика в области ядерных вооружений. С. 25; Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. С. 27; Воронцов В.Б. Трагедия сорок пятого. С. 36; Иойрыш А.И., Морохов И.Д. Хиросима. С. 145-146, 146-152; Юнг Р. Ярче тысячи солнц. С. 159-160; Ларионов В.В. «Во имя величия Америки». // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 78; Ștefănescu M. A fost necesară folosirea bombei atomice împotriva Japoniei? // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8. P. 48.

²⁸ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 188.

²⁹ См.: Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. С. 234; Бэрчетт У. Вновь Хиросима. М., 1987. С. 76; Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 133; Белецкий В.Н. Потсдам 1945. С. 181; Воронцов В.Б. Трагедия сорок пятого. С. 52; Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией. // ННИ, 1995, № 4. С. 22.

³⁰ Зловещая эстафета. С. 61-62.

³¹ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 184.

пример, военный министр Стимсон выразил уверенность, что «бомба будет иметь решающее значение для определения дальнейших отношений США с другими странами»³². Данный вывод имеет и много других подтверждений, одно из которых содержится в воспоминаниях Г.К. Жукова о Потсдамской конференции. Вот что он пишет: «Глава американской делегации президент США Г. Трумэн, очевидно, с целью политического шантажа, однажды пытался произвести на И.В. Сталина психологическую атаку. Не помню точно, какого числа, после заседания глав правительств Г. Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав её атомным оружием.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот, ничем не выдав своих чувств, сделал вид, будто ничего особенного не нашёл в словах Г. Трумэна. Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы считали впоследствии, что, вероятно, И.В. Сталин действительно не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моём присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал: „Цену себе набивают“. И.В. Сталин рассмеялся: „Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы“. Я понял, что речь шла об атомной бомбе»³³.

Изложенный Жуковым эпизод подтверждается и воспоминаниями Черчилля: «24 июля, после окончания пленарного заседания... я увидел, как президент подошёл к Сталину, и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Я стоял ярдах в пяти от них и внимательно наблюдал эту важнейшую беседу. Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведёт на Сталина... Я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чём ему рассказывали... На его лице сохранилось весёлое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои машины, я подошёл к Трумэну. „Ну, как сошло?“ – спросил я. „Он не задал мне ни одного вопроса“, – ответил президент. Таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлён о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия... Советской делегации больше ничего не сообщали об этом событии, и она о нём не упоминала»³⁴.

Последствия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. 6 августа 1945 года американская авиация сбросила атомную бомбу на Хиросиму³⁵. Это произошло в 8 часов 15 минут утра по японскому времени. Большинство жителей в миле от эпицентра взрыва были мгновенно превращены в пепел. Оставшиеся в живых, но получившие смертельную дозу радиации, умирали мучительной смертью. Их черные, обуглившиеся тела виднелись повсюду: среди обломков разрушенных зданий, в остановившемся транспорте и прямо на улицах. В городе, где было много деревянных домов, вспыхнули пожары. Через сутки Хиросима превратилась в мертвую пустыню. 9 августа американцы сбросили вторую атомную бомбу на Нагасаки. Результат этого злодеяния – 500 тысяч человек убитыми и ранеными, а тысячи жителей и среди них дети, умерли после войны от последствий атомной бомбардировки³⁶.

«Гровс в своей книге пытался оправдаться перед историей тем, что люди, принимавшие решение о применении атомной бомбы, не знали об образовании большого количества радиоактивных продуктов деления, сопровождающих ядерный взрыв. На самом деле это далеко не так. Учёные, работавшие под руководством Гровса, имели полное представление о радиоактивности и буквально умоляли генерала разрешить вместе с бомбой сбросить брошюры, указывающие на эту опасность. Но военные власти, стремясь отвлечь внимание от радиоактивного заражения, воспротивились этому. Гровс заявил в конгрессе США, что в его представлении смерть от радиации даже „весьма приятная смерть“»³⁷. Верх цинизма...

Как писал американский историк Г. Алпровиц, атомная бомба «не только влияла на дипломатию, но и во многом предопределила переход Трумэна к жёсткой политике, целью которой было вынудить советское согласие на американские планы для Восточной и Центральной Европы»³⁸. В случае отказа

³² Зловещая эстафета. С. 55.

³³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 712-713.

³⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 683.

Вот комментарий исследователя У.Л. Лоуренса по данной проблеме: «Как вспоминает Трумэн, „Сталин не проявил особого интереса. Он только сказал, что рад это услышать и надеется, что мы сумеем как следует использовать его против японцев“. Как мы узнали спустя пять лет, Сталин знал всё о бомбе даже раньше Трумэна». // Лоуренс У.Л. Люди и атомы. С. 154.

³⁵ Ștefănescu A.V. Infernul pe Pământ: Hiroshima și Nagasaki. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8.

³⁶ См.: Ларионов В.В. «Во имя величия Америки». // США: ЭПИ, 1995, № 8. С. 80.

³⁷ Ibid.

³⁸ Цит. по: Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 188-189.

СССР идти на уступки Западу, с ним следовало говорить самым жёстким образом. Как писал впоследствии фельдмаршал А. Брук, Черчилль «уже видел себя способным уничтожить все русские промышленные центры, все города»³⁹. «Взрывы атомных бомб в Японии, – писал английский профессор М. Блэккетт, – были не последним актом второй мировой войны, а первым актом холодной дипломатической войны против России»⁴⁰. Этим была положена т.н. «атомная дипломатия», когда посредством атомного шантажа США пытались добиться серьёзных политических уступок на мировой арене.

Однако многие американцы были возмущены этим варварским актом. Отражая это возмущение, вашингтонская газета «Хьюмэн инвентс» писала: «Нельзя отрицать того, что мы совершили величайшее зверство в войне. Мы не можем в настоящее время без лицемерия обвинять нацистские власти в Бухенвальде в смертельных экспериментах над военнопленными в концентрационных лагерях. Жители Нагасаки были нашими подопытными свинками»⁴¹. Джордж Кеннан также писал в связи с проблемой ядерного оружия: «Я не видел возможности, чтобы такого рода оружие могло сыграть положительную роль в наших взаимоотношениях с СССР»⁴².

А политический обозреватель Хэнсон Болдуин писал: «Правильно или неправильно, но нас стали рассматривать как наследников завоевателя Чингисхана и всех тех из прошлого, кто оправдывал применение чрезмерных жестокостей в войне. США включили себя в список тех, кто ввёл новое ужасное оружие массового уничтожения людей, и в этом отношении американцы последовали за немцами, использовавшими отравляющий газ, и японцами с их биологическими веществами»⁴³.

В Хиросиме в Парке Мира стоит необычный памятник. Он поставлен в память о юной жертве атомного взрыва. Памятник напоминает атомную бомбу; на её вершине с поднятыми вверх руками девочка поддерживает журавлика. Почему так? В Японии бытует поверье, что журавли живут тысячу лет – это символ долголетия. Девочка Садако Сасаки, 12 лет, страдающая от лучевой болезни, мечтала сложить тысячу бумажных журавликов, но не успела, умерла, сложив лишь 644.

О позиции Г. Алпровица, считавшего, что применение атомной бомбы означало начало «холодной войны», см. также: // Ștefănescu M. A fost necesară folosirea bombei atomice împotriva Japoniei? // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8. P. 46.

Правда, румынский историк Штефэнеску, цитирующий Алпровица, придерживается другого мнения, считая, что был чисто военный резон использовать атомное оружие против Японии. Другой историк из Румынии Молдован С.Б. категорически осуждает атомные бомбардировки японских городов. // Moldovan S.B. Genocidul uitat. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8. P. 51.

Также и историк Реми Коффер (Rémi Kauffer) считает, что Хиросима и Нагасаки явились американскими предупреждениями Сталину. // См. Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8. P. 50.

³⁹ См.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. С. 380; Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. С. 22; Трухановский В.Г. Британская политика в области ядерных вооружений. С. 21; Рыжиков В.А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М., 1987. С. 97.

⁴⁰ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 340; История войны на Тихом океане. Т. 4. С. 205.

Были ли атомные бомбардировки японских городов последним актом второй мировой войны, или же первым актом холодной войны против СССР – историки спорят, и будут спорить. «В действительности – и в этом состоит политическая суть дела – бомбардировка Хиросимы представляла собой одновременно и то, и другое». // Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 244-245.

⁴¹ Зловещая эстафета. С. 76.

⁴² <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>.

⁴³ Зловещая эстафета. С. 76-77.

ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во вторую мировую войну было втянуто 1,7 млрд человек, т.е. 3/4 населения планеты. Общее число мобилизованных в армию составило 110 млн. Война унесла жизни более 55 млн человек и причинила колоссальные разрушения.

Победа над фашизмом стала возможной благодаря объединению усилий Объединённых Наций и Движения Сопротивления народов. Главную роль в одержанной победе сыграли СССР, США и Англия, но большая заслуга в этом принадлежит Советскому Союзу¹. Он потерял около 26,6 млн человек, а его материальные потери составили 2,6 трлн руб. (485 млрд. долл.)². В этой связи Черчилль писал: «Сила Советского правительства, стойкость русского народа, русская зима были теми факторами, которые, в конечном счёте, сокрушили гитлеровские армии...»

Не желаю хотя бы в малейшей степени оспаривать вывод, который подтвердит история, а именно, что сопротивление русских сломало хребет германских армий и роковым образом подорвало жизненную энергию германской нации... Мы были рады иметь во время войны эту могущественную нацию на нашей стороне, и все мы считали, что даже если советским армиям придётся отойти к Уральским горам, Россия всё ещё будет представлять огромную, а если она будет стойко продолжать войну, то в конечном счёте и решающую силу»³.

И здесь же, Черчилль, тотально противореча себе, утверждает, что «более года после вступления России в войну она нам казалась обузой, а не подспорьем»⁴. Выше мы уже неоднократно опровергали подобного рода утверждения, однако в данном случае воспроизведём лишь факты, подчёркнутые Дж. Батлером: воздушное наступление на Англию «прекратилось в мае 1941 г. из-за того, что основные силы немецкой авиации необходимо было бросить на Россию»⁴. Бывший госсекретарь Стеттиниус писал в 1949 г.: «Это человеческая слабость – забывать так скоро обстоятельства прошлых событий. Американский народ должен помнить, что он был на грани несчастья в 1942 г. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы были бы в состоянии завоевать Великобританию. Они могли бы также овладеть Африкой и создать таким образом плацдарм в Латинской Америке»⁵. Ему вторит Б.Л. Монтгомери. 3 октября 1945 г., выступая в Королевском институте объединённой службы, он отметил: «Мы должны помнить, что русские приняли на себя наибольшую тяжесть действий противника на суше»⁶.

Да и тот же Черчилль не раз утверждал, «что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своём фронте несравненно большую часть сил противника»⁷. На Восточном фронте было задействовано в течение 4 лет от 65 до 80% вооружённых сил фашистской Германии и её союзников. Красная Армия уничтожила более 2/3 всех вооружённых сил Германии. А в период, о котором говорил Черчилль, 70% сил вермахта действовало против СССР и только 3% – против Великобритании. «Красная Армия вела на германском Восточном фронте почти непрерывные бои с более чем 80 процентами всей боевой мощи вермахта»⁸, отмечает американец Дэвид Гланц. Вряд ли можно квалифицировать это как обузу.

Людские потери западных стран были относительно невысоки, но материальные – астрономические. Англия лишилась 1/4 своего национального богатства, её потери составили 25 млрд фунтов стерлингов. Потери Франции составили 1 трлн 605 млрд 815 млн франков, что равнялось 40% её национального богатства или 5 национальным доходам 1938 г.

Согласно данным американской статистики, все государства, участвовавшие во второй мировой войне, кроме Китая, израсходовали на неё 1116 млрд долл., из них 330 млрд приходится на долю США⁹. Экономическая помощь, предоставленная западными союзниками СССР в 1941-1945 гг., сыграла огромную роль в достижении победы, но её нельзя оценить как решающую. Дело в том, что за годы войны промышленность СССР произвела 134 тыс. самолётов, около 103 тыс. танков и САУ, свыше 825

¹ См. Печатнов В.О. Каким СССР вышел из войны (В оценках американской разведки и дипломатии). // США. Канада: экономика, политика, культура. 2005, № 5.

² Яковлев Н.Н. СССР – США: мотивы сотрудничества и конфликта. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5. С. 10; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. М., 2001. // <http://rus-sky.com/history/library/w/w05.htm>.

³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 184, 185.

⁴ Ibid. С. 185.

⁵ Батлер Дж. Большая стратегия. С. 367.

⁶ Цитировано по: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 112.

⁷ Великая Отечественная война. (1941-1945 годы). М., 2010. С. 149.

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. С. 180.

⁹ Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008. // <http://lib.rus.ec/b/185354/read>.

⁹ Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. С. 74.

тыс. артиллерийских орудий и миномётов¹⁰. В мае 1945 г. находившийся в Москве Гопкинс заявил Сталину: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она достигнута героизмом и кровью русской армии»¹¹. Правда, на Тегеранской конференции Сталин заявил, что «без американского производства война была бы проиграна»¹².

Для достижения победы, кроме материального обеспечения, очень высоко значение и морального духа народа и его армии. Когда 22 июня наша страна была атакована обнаглевшим врагом, и фашисты повели себя столь развязно, это вызвало не просто колоссальный прилив патриотизма в великом народе, но и его гигантское возмущение: «Да кто вы такие, как вы посмели!?!». Война поистине стала СВЯЩЕННОЙ, и большинство людей были готовы отдать последнее и самое дорогое за спасение своей ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ. Война объединила людей всех национальностей, возрастов и классов. Пусть на четыре года, но она объединила власть и народ, объединила во имя ЖЕРТВЫ и ПОБЕДЫ.

Вот что пишет по этому поводу о Советской Армии германский генерал Меллентин: «Русский Солдат любит свою „матушку Россию“, и поэтому он держится за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и её органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей не доставало в первую мировую войну – железную дисциплину»¹³.

На советско-германском фронте были уничтожены 508 немецких расчётных дивизий и не менее 100 дивизий их сателлитов (72% всех потерь гитлеровской Германии и 60% общих потерь её союзников). Западные союзники разгромили 179 расчётных дивизий Германии и её союзников. Но это не полная картина, так как в конце войны немецкие войска без сопротивления сдавались на Западном фронте. Если учесть количество убитых и раненых гитлеровцев, то 85% из них были убиты и 88% ранены на Восточном фронте¹⁴. На Восточном фронте фашистские войска понесли и 75% общих потерь боевой техники¹⁵. Фашистская Германия с июня 1941 г. по май 1945 г. вновь сформировала 399 дивизий и 98

¹⁰ Устинов Д.Ф. Избранные речи и статьи. М., 1979. С. 364.

¹¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. С. 626.

¹² Ibid. С. 490.

¹³ Меллентин В.Ф. Танковые сражения. С. 243.

¹⁴ См.: Волков Ф.Д. Тайное становится явным. С. 355; Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». С. 345; Гуркин В.В., Круглов А.И. Э. фон Манштейн: «Ошибка, в которую впал Гитлер». // ВИЖ, 1995, № 3. С. 54; Гареев М.А. Социально-политическое значение и цена победы. // Межд. жизнь, 1994, № 9. С. 98; Гареев М.А. Об уроках и опыте Великой Отечественной войны. // ННИ, 2010, № 5. С. 23; Ломов Н.А. Великая победа и её историческое значение. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5.

¹⁵ История второй мировой войны. Т. 12. С. 35.

В этом контексте следует привести данные о потерях сторон на советско-германском фронте. Так, было убито и умерло от ран на этапах эвакуации и в госпиталях – 6329600 бойцов Красной Армии, пропало без вести, попало в плен – 4559000 чел., а небоевые потери (в результате происшествий, несчастных случаев, от болезней и др.) составили 555500 военнослужащих. Итого – **11440100** человек. Невосполнимые потери ВС СССР (убитыми, умершими от ран и болезней, пропавшими без вести, не вернувшимися из плена и относящимися к небоевым потерям) в Великую Отечественную войну, с учётом войны с Японией, составили 8668400 генералов, офицеров и солдат. Из санитарных потерь в это число включены 1102800 чел. Из 27 млн советских людей, погибших в годы войны, около 8,7 млн составили погибшие на фронте и в плену.

Немцев погибло в боях на всех фронтах и умерло в госпиталях 3810000 чел. (из них 213 тыс. – небоевые потери), попало в плен – 3357000 генералов, офицеров и солдат, пропало без вести – 1216000 военнослужащих. Советская Армия захватила в плен 3777300 военнослужащих противника, в том числе немцев – 2389500, австрийцев – 156800. Безвозвратные потери Германии на советско-германском фронте составили 6919700 человек и её союзников – 1725800. Итого – **8645500** человек. Т.о., соотношение потерь на советско-германском фронте составило, примерно, 1,323:1, и то в основном за счёт истребления нескольких миллионов советских военнопленных в нацистских концлагерях. // См.: Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях. // ВИЖ, 1991, № 2. С. 12-16; Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941 – 1945 гг. // ННИ, 1992, № 3. С. 220-221, 223-224; см. также: Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора. // ВИЖ, 1996, № 3. С. 29, 35; Гуркин В.В., Гуров О.Г. Цена агрессии. Безвозвратные людские потери фашистской Германии. // ВИЖ, 1989, № 9, 38-39; Елисеев В.Т., Михалев С.Н. Так сколько же людей мы потеряли в войне. // ВИЖ, 1992, № 6-7; Гареев М.А. Социально-политическое значение и цена победы. // Межд. жизнь, 1994, № 9. С. 99-102; Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // ННИ, 2006, № 5. С. 29.

Большая часть безвозвратных советских потерь приходится на первый период войны – с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г.: шесть с половиной миллионов человек, из которых примерно половина пленными. Кроме того, на стороне немцев воевали примерно 200 тыс. советских граждан: предателей власовцев, украинских националистов, прибалтов, мусульман и других коллаборационистов. Они также несли большие по-

бригад. В ходе войны было восстановлено 154 дивизии и 26 бригад. Из совокупного количества всех 767 дивизий и 131 бригады вермахта на советско-германском фронте действовало 560 дивизий и 85 бригад, т.е. 72% всего суммарного количества соединений фашистской Германии¹⁶.

тери, но их немецкая статистика не учитывала. Практически все они отнесены за счёт военных или гражданских потерь Советского Союза. // Гареев М.А. О мифах старых и новых. // ВИЖ, 1991, № 4. С. 49; Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях. // ВИЖ, 1991, № 2. С. 14.

Подробно о сотрудничестве советских граждан с оккупантами см.: Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

Известный израильский историк Арон Шнеер пришёл к выводу, что из 5,8 млн советских военнослужащих оказавшихся в плену, 3,3 млн – погибли. Он также приводит по годам численность взятых в плен советских военнослужащих: 1941 г. – 3,355 млн; 1942 г. – 1,653 млн; 1943 г. – 565 тыс.; 1944 г. – 147 тыс.; 1945 г. – 34 тыс. // Шнеер А. Плен. Т. 1. С. 94, 95.

Чем ближе был конец войны, тем меньше были советские потери, что свидетельствовало о росте боевого мастерства и военного искусства советских солдат, офицеров и генералов. Так, в ходе освободительной кампании восточноевропейских стран безвозвратные потери Красной Армии составили 1099465 чел., включая 967594 убитыми. И наоборот, потери вермахта резко возросли после краха стратегии «молниеносной войны».

Как видим, приводимые различными авторами данные о потерях незначительно разнятся, и по сути их подсчёты совпадают.

Таблица 18. Потери Советских Вооружённых Сил в странах Европы и Азии по видам потерь¹

Убито и умерло от ран	956769
Пропало без вести и попало в плен	94584
Небоевые (погибло в катастрофах, умерло от болезней)	48112
Итого	1099465

¹ Кривошеев Г.Ф. Цена освободительной миссии. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 51.

Таблица 19. Потери Советских Вооружённых Сил на территориях других государств²

Страна	Безвозвратные потери в целом	Убито, умерло от ран и болезней
Польша	600212	541029
Чехословакия	139918	122392
Венгрия	140004	121625
Германия	101961	92316
Румыния	68993	59499
Австрия	26006	23128
Югославия	7995	6307
Норвегия	3436	2887
Болгария	977	154
Китай	9272	6729
Северная Корея	691	528
Всего	1099465	967594

² Данные о людских потерях Советских Вооружённых Сил показаны на территориях других государств в послевоенных границах. // Кривошеев Г.Ф. Цена освободительной миссии. // ВИЖ, 1991, № 3. С. 50.

Таблица 20. Безвозвратные людские потери вооружённых сил фашистской Германии (без учёта потерь за счёт граждан других стран, служивших в вермахте) на советско-германском фронте с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года³

Период	Убито, умерло от ран, пропало без вести, а также небоевые потери (тыс. чел.)	Пленено (тыс. чел.)	Всего (тыс. чел.)
22.VI.1941 – 31.I.1945	1998	1907,7	3905,7
1.II.1945 – 9.V.1945	1606,8	1668,6	3275,4
Итого	3604,8	3576,3	7181,1

³ Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора. // ВИЖ, 1996, № 3. С. 34.

М.А. Гареев опровергает миф о массовом предательстве советских граждан и о их добровольном сотрудничестве с врагом, включая более 1 миллиона из них, воевавших на стороне гитлеровской Германии. Так, например, он пишет, что в т.н. «казачьих» частях служили не только бывшие военнослужащие Советской Армии, но и бывшие белоэмигранты, представители других стран Восточной Европы, а для большей надёжности в каждый батальон включалось «немецкое ядро» по 50 – 60 человек». // Гареев М.А. О мифах старых и новых. // ВИЖ, 1991, № 4. С. 50; более подробно об этом см.: Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009; Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина. М., 2010.

¹⁶ Гуркин В.В., Круглов А.И. Э. фон Манштейн: «Ошибка, в которую впал Гитлер». // ВИЖ, 1995, № 3. С. 49.

В этой связи уже известный нам историк М. Кэйдin пишет: «Независимо от того, что происходило на других театрах военных действий, взор Гитлера был прочно прикован к Восточному фронту. Здесь решался исход войны. Если бы удалось переломить становой хребет русским, рейх смог бы легко использовать свою военную мощь, чтобы справиться с любыми другими возможными чрезвычайными ситуациями. Замыслы Гитлера были достаточно ясны. Необходимо было добиться военной победы в России. Этот триумф позволил бы успешно решить все экономические, политические и пропагандистские проблемы»¹⁷.

Алан Кларк в своей книге «„Барбаросса“. Русско-германский конфликт 1941-1945 гг.» пишет: «Дело выглядит таким образом, что русские могли самостоятельно, без какой бы то помощи со стороны западных держав, выиграть эту войну или, по меньшей мере, заставить немцев повернуть вспять. Та поддержка, которую они получили от нашего участия в войне, – отвлечение нескольких дивизий противника, поставки значительного количества снаряжения, – носила побочный, а не решающий характер. Иными словами, эта помощь сказалась на продолжительности, но не на исходе борьбы. Конечно, высадка союзнических войск в Нормандии существенно сковала немецкие резервы. Однако угроза „второго фронта“, тем более его реальное создание стали фактором в войне лишь после того, как критический период схватки на Востоке уже миновал»¹⁸.

Есть ещё один немаловажный аспект данной проблемы – о значении англо-американских стратегических бомбардировок в подрыве военно-промышленного потенциала Германии и, в конечном итоге, её разгроме. Бесспорно, они сыграли в этом определённую роль. Так, специальной комиссией экспертов было подсчитано, что в 1943 году германская экономика потеряла от бомбардировок 9% продукции, а в 1944-ом – 17%¹⁹. Однако в продолжение этому английский историк А. Тейлор указывает, что «в 1942 году англичане сбросили 47 тыс. тонн бомб; немцы произвели 36804 единицы оружия (тяжёлых орудий, танков и самолётов). В 1943 году англичане и американцы сбросили 207600 тонн бомб; немцы произвели 71693 единицы оружия. В 1944 году англичане и американцы сбросили 915000 тонн бомб; немцы произвели 105258 единицы оружия»²⁰. «Сокращение военного производства в Германии, которое началось со второй половины 1944 г., явилось прежде всего результатом наступления Советской Армии, лишившего рейх важнейших сырьевых баз», уверен Олег Ржешевский²¹.

Таблица 21. Безвозвратные людские потери вооружённых сил союзных Германии стран на советско-германском фронте с 22 июня 1941 до фактического выхода их из войны с СССР⁴

Безвозвратные потери	Венгрия	Италия	Румыния	Финляндия	Словакия	Всего
Убито, умерло от ран и болезней, пропало без вести, а также небоевые потери	295300	43910	245388	82000	1565	668163
Попало в плен	513766	48957	229682**	2377	5200	799982
Умерло в плену	54755	27683	54612	403	300	137753
Вернулось на родину	459011	21274	175070	1974	4900	662229
Всего	809066*	92867	475070*	84377	6765	1468145

⁴ Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора. // ВИЖ, 1996, № 3. С. 35.

* В число безвозвратных потерь Венгрии и Румынии включены лица, призывавшиеся в венгерскую армию из Северной Трансильвании, Южной Словакии и с Закарпатской Украины, а в румынскую армию – из Молдавии, т.е. с территорий, в настоящее время не входящих в границы этих государств.

** В том числе 27800 румын и 14515 молдаван, освобождённых из плена по решению советского командования непосредственно на фронтах.

Таблица 22. Безвозвратные людские потери вооружённых сил Германии и армий её союзников на советско-германском фронте с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года⁵

Безвозвратные потери	ВС Германии (тыс. чел.)	Армии её союзников (тыс. чел.)	Всего (тыс. чел.)
Убито, умерло от ран, пропало без вести, небоевые потери	3604,8	668,2	4273,0
Попало в плен	3576,3	800	4376,3
Умерло в плену	442,1	137,8	579,6
Вернулось из плена	2910,4	662,2	3572,6
Всего:	7181,1	1468	8649,3

⁵ Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора. // ВИЖ, 1996, № 3. С. 35.

¹⁷ Кэйдin М. Курская битва – величайшее сухопутное сражение в истории. // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 301.

¹⁸ Кларк А. Крах «блицкрига». // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. С. 55.

¹⁹ См.: Ржешевский О.А. Война и история. С. 178.

²⁰ Ibid. С. 179; <http://waplib.net/read/155211/page/443/>; http://m.tululu.ru/bread_17337_829.xhtml.

²¹ Ржешевский О.А. Война и история. С. 179.

Но вне зависимости от вклада каждого участника Антигитлеровской коалиции, победа над фашизмом является общим делом, и единство миролюбивых народов стало главной её причиной. В результате поражения агрессоров были уничтожены самые черные силы мировой реакции, и народы мира, в том числе **ВЕЛИКИЙ НЕМЕЦКИЙ НАРОД**, сохранили свою свободу. В этой связи знаменательны слова бывшего президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера: «С каждым днём становилось всё яснее то, что мы сегодня должны высказать все вместе: 8 мая было днём освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистского деспотизма»²².

Тем более странно слышать сегодня утверждения о новой оккупации Восточной Европы Советской Армией, когда любому честному человеку понятно, что и Германия, а не только оккупированные нацистами страны, получила Освобождение в результате победы СССР и его союзников. И совсем непонятно, когда люди, претендующие на цивилизованность и принадлежность к мировому культурному сообществу, награждают высшими государственными знаками отличия коллаборационистов-бендеровцев, проводят марши бывших эсэсовцев и сносят памятники воинам-освободителям...

После войны начался крах мировой колониальной системы, усилилось общедемократическое движение в странах Запада. Но главным социальным итогом войны явилось установление казарменно-социалистической системы в группе стран, в которых проживало около 1/3 населения планеты. В Восточной Европе она просуществовала более 40 лет. Были осуществлены также ряд прогрессивных политических и социально-экономических реформ во всех западноевропейских странах, участвовавших в войне, а также в Японии.

Изменилось соотношение сил в мире, который раскололся на два лагеря – социалистический и капиталистический. Их противоборство предопределило судьбу человечества на долгие годы. После окончания войны в Вашингтоне преобладало мнение о неизбежности военного столкновения с СССР. Как уже отмечалось выше, выразитель этих идей, заместитель госсекретаря Джозеф. К. Грю, был твёрдо убеждён, что «война с Советской Россией – дело абсолютно точное, настолько точное, насколько в этом мире вообще что-либо может быть точным»²³. К счастью, он ошибся...

Соотношение сил изменилось и внутри капиталистического мира: бывшие агрессивные государства – Германия, Япония и Италия – на время утратили свою экономическую, политическую и военную роль и были выведены из числа великих мировых держав. Франция также вышла из войны, лишившись своего прежнего статуса. Она не участвовала, как ранее с решающим голосом, в принятии решений европейского и мирового значения. Резко возросла роль США в делах западного мира, и они стали его гегемоном. Единственным их противовесом остался лишь Советский Союз. «Это была война, которая при всех её жертвах превратила СССР в величайшую державу Старого Света»²⁴. Послевоенный мир на многие десятилетия становился двухполюсным.

---

²² Цитир. по: Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // ННИ, 2006, № 5. С. 31.

²³ Алпровиц Г. Атомная дипломатия. С. 19-20.

²⁴ Верт А. Россия в войне. С. 760.

СПИСОК АББРЕВИАТУР

АК – Армия Крайова.
АЛ – Армия Людова.
АОПОРМ – Архив общественно-политических организаций Республики Молдова.
ВВС – Военно-воздушные силы.
ВИЖ – Военно-исторический журнал.
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВМС – Военно-морские силы.
ВМФ – Военно-морской флот.
ВПК – Военно-промышленный комплекс.
ВОВ – Великая Отечественная война.
ВС – Вооружённые силы.
ГРУ РККА – Главное разведывательное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии.
ГУПП – Главное управление политической пропаганды.
ДВР – Дальневосточная Республика.
КПК – Коммунистическая партия Китая.
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
МГИМО(У) – Московский государственный институт международных отношений (университет).
МИД – Министерство иностранных дел.
НАРМ – Национальный архив Республики Молдова.
НАТО – Организация Североатлантического договора.
НКВД – Народный комиссариат по иностранным делам.
ННИ – Новая и новейшая история.
НОАК – Народно-освободительная армия Китая.
НСДРП – Национал-социалистская рабочая партия Германии.
ОКВ – Руководство верховного главнокомандования вермахта (Генеральный штаб вермахта).
ОКНШ – Объединённый комитет начальников штабов.
ОКР – Объединённый комитет по разведке (США).
ОКХ – Генеральный штаб сухопутных войск (вермахта).
ООН – Организация Объединённых Наций.
ПВО – Противовоздушная оборона.
ПКНО – Польский Комитет Национального Освобождения.
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия.
РСХА – Главное управление имперской безопасности (фашистской Германии).
СА – «штурмовые отряды», вооружённые отряды нацистской партии.
СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединённых Наций.
СИБ РМ – Служба информации и безопасности Республики Молдова.
СМЕРШ – советская военная контрразведка (смерть шпионам).
СНК – Совет Народных Комиссаров.
СС – охранные отряды. Первоначально «элита» СА, составлявшая личную гвардию Адольфа Гитлера. Но после прихода нацистов к власти были созданы целые эсэсовские дивизии, а в конце войны и армии, в которые набирались лучшие солдаты и офицеры, фанатично преданные нацизму и его фюреру. Эти формирования были лучше подготовлены, вооружены и направлялись на самые ответственные участки фронта.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
США – Соединённые Штаты Америки.
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза.
ТВД – Театр военных действий.
УСС – Управление стратегических служб США.
ФФИ – Французские внутренние силы.
ФДР – Франклин Делано Рузвельт.
ФКНО – Французский Комитет Национального Освобождения.
ЦИК – Центральный исполнительный комитет.
ЦРУ – Центральное разведывательное управление США.
ЧСР – Чехословацкая Республика.
ЮВЕ – Юго-Восточная Европа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивы

НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 211, 629, 794, 798, 799, 807, 860, 861, 868, 869, 1245; Ф. 112. Оп. 1. Д. 445, 456; Ф. 120. Оп. 1. Д. 658 (1); Ф. 339. Оп. 1. Д. 2321, 2322, 2382; Ф. 677. Оп. 1. Д. 15, 29; Ф. 679. Оп. 1. Д. 290, 761; Ф. 680. Оп. 1. Д. 3433; 3639, 3640 (1), 3683 (1), 3683 (3); Ф. 693. Оп. 4. Д. 705; Ф. 694. Оп. 2. Д. 290. Оп. 3. Д. 197, 84 (2), 88 (1), 88 (2), 142; Оп. 5. Д. 26; Ф. 696. Оп. 1. Д. 31; Ф. 706. Оп. 1. Д. 9, 10, 11, 12, 20, 23, 25, 26, 37, 42, 42 (1, 2), 50, 69, 126, 126 (I, II, III), 523, 564, 566, 568, 1008, 1123; Ф. 727. Оп. 1. Д. 6; Оп. 2. Д. 3, 6, 8, 12, 21, 22, 55, 57, 73, 100; Ф. 742. Оп. 1. Д. 51; Ф. 792. Оп. 1. Д. 18; Ф. 812. Оп. 1. Д. 13; Ф. 919. Оп. 2. Д. 2; 951. Оп. 1. Д. 17; Ф. 1026. Оп. 2. Д. 9, 13, 15, 16, 17, 21, 22, 25, 27, 29, 30, 31, 33.

АОНОРМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 718; Ф. 7. Оп. 1. Д. 58; Ф. 51. Оп. 2. Д. 49, 141; Оп. 4. Д. 60; Оп. 11. Д. 1; Ф. 64. Оп. 1. Д. 33.

Текущий архив Ассоциации евреев Молдовы – бывших узников фашистских гетто и концлагерей.

Центральный государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 96. Д. 83, л. 19-21.

АРХИВ СИБ РМ. Д. 2910, 2374, 4832, 4452, 3566, 5095, 6224, 01252, 14496, 17349, 19957, 23315 (1), 31417, 020379, 020845, 020933 (1, 2), 020940, 020995, 022061, 022372 (1, 2), 021119.

Документы и материалы

13-21 octombrie 1940. Mihail Manoilescu: convorbiri cu Mussolini, Ciano, Badoglio și Papa Pius XII. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 1.

Ancel J. Documents Concerning the Fate of Romanian Jewry During the Holocaust. New York, 1986.

Anghelescu Gh. F. Două documente de arhivă din istoria contemporană a României: ultimele întrevederi la nivel înalt româno-germane din 5-6 august 1944. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 3-4.

Antonescu – Hitler: corespondență și întâlniri inedite (1940-1944). Volumele 1, 2. Buc., 1991.

Antonescu Mareșalul României și războaiele de reintegrare. Mărturii și documente. Venezia, 1991.

Caucaz 1943: „Dă-ne, Doamne, zile, ca să ne vedem teferi”. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 8.

Ciucu M.-D. Destăinuiiri sub anchetă. // Magazin Istoric, 1998, Nr. 1, 4.

Diplomația cotorpitorilor. Culegere de documente. Chișinău, 1992.

Documente privind deportarea Țiganilor în Transnistria. Culegere întocmită de Viorel Achim. 2 vol., București, 2004.

Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 1. Legislația antievreiască. Buc., 1993.

Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 2. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniștri. Buc., 1996.

Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 3, în două părți. 1940-1942: Perioada unei mari restriști. Buc., 1997.

Evreii din România între anii 1940-1944. Vol. 4. 1943-1944: Bilanțul tragediei – renașterea speranței. Buc., 1998.

Expoziția „50 de ani de la martiriul evreilor din România”. (Buc., 1-3 iulie 1991). Buc., 1991.

Gafencu Gr. Misiune la Moscova. Culegere de documente. Buc., 1995.

Martiriul evreilor din România. 1940-1944. Documente și mărturii. Buc., 1991.

Pactul Molotov – Ribbentrop și consecințele lui pentru Basarabia. Culegere de documente. Chișinău, 1991.

Procesul lui Ion Antonescu. Buc., 1995.

Procesul Marii Trădări Naționale. Buc., 1946.

Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. Buc., 2005.

Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1-2. București, 1999, 2003.

România la final de război mondial în Europa: Documente inedite. // Magazin Istoric. 1995, Nr. 2-6.

Scurtu I. Antonescu anchetat la Moscova: „Eu, ca fostul conducător al statului, duc răspunderea”. // Magazin Istoric. 1997, Nr. 8.

Tezaurul României la Moscova. Documente (1916-1917) selectate, adnotate și comentate. București, 1993.

Tratatul privitor la Unirea Basarabiei cu România, semnat la 28 octombrie 1920 de către Marea Britanie, Franța, Italia, Japonia. // Scurtu I. Istoria României. Între 1918-1940. București, 1986.

Tudor A., Pavelescu Ș. Mareșalul Ion Antonescu: alte interogatorii. // Magazin Istoric. 1997, Nr. 10.

Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917-1918. Documente. Chișinău, 1995.

Văratec V. Preliminarii la raptul Basarabiei și nordului Bucovinei. 1938-1940. București, 2000.

Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко К.Е. от тов. Ворошилова К.Е. // ВИЖ, 1992, № 1.

Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1971.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1980.

Беседа председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с германским послом Шуленбургом. Берлин, 13 ноября 1940 г. // Новая и новейшая история (далее: ННИ), 1993, № 5.

Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. Документы и материалы. Кишинев, 1967.

Борьба трудящихся Буковины за социальные wyzwolenia та воз’здания з Українською РСР. Сб. док. Черновці, 1958.

Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957.

Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

Борьба трудящихся украинских Придунайских земель за социальное и национальное освобождение (1918-1940). Сборник документов и материалов. Одесса, 1967.

Варшавское восстание 1944 г. Документы из рассекреченных архивов. // ННИ, 1993, № 3.

Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962.

Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 2. М., 1944.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946.

Военные разведчики докладывали... Из архивов ГРУ РККА. // ВИЖ, 1992, № 2, 3.

Восточный пакт и планы Германии. Из архивов третьего рейха. // ВИЖ, 1991, № 4.

Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1990.

Готовил ли СССР превентивный удар? // ВИЖ, 1992, № 1, 4-5.

- Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В двух томах. М., 1973.
- Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945. Исторические очерки, документы и материалы. В 4-х томах. Том 1. Подготовка ко Второй мировой войне. М., 2005.
- Девятая конференция РКП (б). Протоколы. М., 1972.
- Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.
- Директива И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // НИИ, 1995, № 4.
- Директива начальника штаба военно-морских сил об уничтожении Ленинграда. 29 сентября 1941 г. // ВИЖ, 1994, № 3.
- Доклад Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // ВИЖ, 1993, № 7.
- Документы внешней политики СССР. Т. 1 – 22. М., 1957 – 1992.
- Документы внешней политики СССР. Т. 23. 1940 – 22 июня 1941. Кн. 1 и 2. М., 1995, 1998.
- Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 – 1939. В 2-х томах. М., 1981.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. М., 1974.
- Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. М., 1978.
- Документы Министерства иностранных дел Германии. В трёх томах. М., 1946.
- Документы по истории мюнхенского сговора. М., 1979.
- Дурбневский В.Н. Организация Объединённых Наций. Сборник документов, относящихся к её созданию и деятельности. М., 1956.
- Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. Киев, 2000.
- Журавлев В.Р. Первые дни войны в документах. // ВИЖ, 1989, № 5-9.
- За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.
- Заключительная речь народного комиссара обороны Союза ССР, Героя и Маршала Советского Союза, С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г. // ВИЖ, 1992, № 1.
- Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с заместителем Гитлера Гессом в Берлине 13 ноября 1940 г. // НИИ, 1993, № 5.
- Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с министром иностранных дел Германии Риббентропом в Берлине 12 ноября 1940 г. // НИИ, 1993, № 5.
- Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с министром иностранных дел Германии Риббентропом в Берлине 13 ноября 1940 г. // НИИ, 1993, № 5.
- Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсканцлером Гитлером. Берлин, 12 ноября 1940 г. // НИИ, 1993, № 5.
- Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсканцлером Гитлером. Берлин, 13 ноября 1940 г. // НИИ, 1993, № 5.
- Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова В.М. с рейхсмаршалом Герингом в Берлине 13 ноября 1940 г. // НИИ, 1993, № 5.
- Запись совещания военных представителей Англии, США и СССР о создании второго фронта в Европе в 1942 г. // ВИЖ, 1994, № 3.
- «Зелёная папка» Геринга. // ВИЖ, 1991, № 4, 5.
- Из докладной записки генерала Гровса военному министру США. // США: экономика, политика, идеология (Далее: США: ЭПИ). 1995, № 8.
- Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. Т. 1. М., 1960.
- Инструкция специальному штабу «Ф». // ВИЖ, 1987, № 12.
- Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991.
- Когда план «Барбаросса» потерпел крах, абвер попытался развязать гражданскую войну в СССР. // ВИЖ, 1994, № 9.
- Кожурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы). // ВИЖ, 1991, № 2.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2 – 3. М., 1970.
- Краткая запись выступления тов. Сталина на выпуске слушателей академий Красной Армии в Кремле 5 мая 1941 года. // НИИ, 1998, № 4.
- Краткое описание пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с её командующим генералом-фельдмаршалом Паулюсом в г. Сталинграде частями 64-й армии Донского фронта 31 января 1943 года. // ВИЖ, 1959, № 2.
- Крымская конференция трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4 – 11 февраля 1945 г.). М., 1979.
- Кто кого предал. Варшавское восстание 1944 года: свидетельствуют очевидцы. Протокол допроса разведчика штаба фронта «Олега», вышедшего в ночь с 1 на 2 октября 1944 года из центрального района города Варшавы. // ВИЖ, 1993, № 4.
- Лебедев В.А. Адольф Гитлер по прозвищу «Волк». Собственноручные показания начальника личной охраны Гитлера группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Раттенхубера Ганса от 28 ноября 1945 года. // ВИЖ, 1993, № 1.
- Лето 1941. Украина. Документы и материалы. Хроника событий. Киев, 1991.
- Личная и совершенно секретная телеграмма маршала Сталина генералу Эйзенхауэру. 1 апреля 1945 г. // НИИ, 2000, № 3.
- Международные отношения и внешняя политика СССР (сборник документов). М., 1957.
- Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Т. 2. Кишинев, 1976.
- Моральный крах вермахта. // ВИЖ, 1995, № 3.
- Москве кричали о войне. // ВИЖ, 1994, № 6.
- Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.). М., 1978.
- Мягков М.Ю. Сикорский и проблемы коалиционной стратегии союзников, 1941 – 1942. Документы американских архивов. // НИИ, 2002, № 6.
- Народный комиссар обороны Союза ССР, 18 сентября 1940 г., № 103202/06. ЦК ВКП (б), тов. Сталину, тов. Молотову. Особо важно. Совершенно секретно. Только лично. // ВИЖ, 1992, № 1.
- «Наступит эра абсолютной германской гегемонии». Из дневника Й. Геббельса. // ВИЖ, 1994, № 6.
- Новые документы внешней политики СССР. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. // НИИ, 1999, № 4.
- Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР. 1940-1941 гг. // НИИ, 1997, № 4.

Новые документы по истории Мюнхена. М., 1958.

Нота МИД Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года. // ВИЖ, 1991, № 6.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в трёх томах. М., 1965.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах. М., 1954 – 1957.

О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. // ВИЖ, 1993, № 2, 3, 5.

Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1 и 2. М., 1995.

Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996.

Пакт Молотова – Риббентропа и его последствия для Бессарабии. Кишинев, 1991.

Парсаданова В.С. Новые архивные источники по истории советско-польских отношений. 1939 – 1941 гг. // ННИ, 2003, № 3.

Первые дни войны в документах. // ВИЖ, 1989, № 5.

«Передел мира по-новому. Кто опоздает, ничего не получит». Из дневника Й. Геббельса». // ВИЖ, 1994, № 8.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945. М., 1986.

План действий войск Западного Особого военного округа. // ВИЖ, 1996, № 3.

План действий Ленинградского военного округа. // ВИЖ, 1996, № 6.

План действий Одесского военного округа. // ВИЖ, 1996, № 5.

План обороны КОВО. // ВИЖ, 1996, № 4.

План прикрытия территории Прибалтийского Особого военного округа. // ВИЖ, 1996, № 2.

План стратегического развёртывания советских Вооружённых Сил. // ВИЖ, 1992, № 2.

Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы. М., 1960.

Последние свидетели. М., 2002.

Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992.

Предложение г. Риббентропа от 13 ноября сего¹ года о пакте четырёх держав, переданное Молотову В.М. в Берлине. // ННИ, 1993, № 5.

Приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июня 1942 г. («Ни шагу назад!»). // ВИЖ, 1988, № 8.

Разгром немцев под Москвой. Признания врага. М., 1943.

Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М., 1944.

«Расстрелян будет всякий, кто проявляет бездействие». Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза. 16 июля 1941 г. // ВИЖ, 1994, № 3.

Ржешевский О.А. Взять Берлин! Новые документы. // ННИ, 1995, № 4.

Ржешевский О.А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. // ННИ, 1994, № 2,3.

Ржешевский О.А. Визит В.М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом и переписка с И.В. Сталиным. // ННИ, 1997, № 6 – 1998, № 1.

Ржешевский О.А. Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // ННИ, 2003, № 5, 6.

Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. Т. 14 (3–1). М., 1994 (книга на сайте: militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/index.html).

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля. М., 1995.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке гитлеровской агрессии против СССР. Март–июнь 1941. Документы из Центрального архива ФСР России. М., 1997.

«Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. М., 1967.

Советское строительство в левобережных районах Молдавии. 1921–1924. Сборник документов и материалов. Кишинёв, 1977.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. М., 1984.

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. М., 1983.

Советско-румынские отношения 1917 – 1941. Документы и материалы в двух томах. М., 2000.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. М., 1983.

Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918 – 1939. М., 1968.

Соглашение между Францией и Англией относительно действий в южной России. // Межд. жизнь, 1997, № 10.

Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками. // ВИЖ, 1992, № 2.

СССР – Германия. 1939 – 1941. В двух томах. Нью-Йорк, 1989.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971.

«Сталин испытывает страх перед вермахтом». Из дневника Й. Геббельса. // ВИЖ, 1995, № 4.

Сталин и Польша. 1943–1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов. // ННИ, 2008, № 3.

Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1970.

Тегеранская конференция трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1978.

«Теперь главный враг – Россия» (по данным военной разведки). // ВИЖ, 1995, № 3.

Указание ОКХ о порядке захвата Москвы и обращении с её населением. 12 октября 1941 г. // ВИЖ, 1994, № 3.

Устав Организации Объединённых Наций. // <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm#chapt7>.

Хрестоматия по истории средних веков. Часть 1. V–XV века. М., 1988.

Что произошло в Пёрл-Харборе. Документы о нападении Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года. Перевод с английского. М., 1961.

¹ 1940 г.

- Antonescu M.A. Doi ani de guvernare. 6 septembrie 1940 – 6 septembrie 1942. București, 1942.
- Antonescu M. Trădarea Basarabiei. // Magazin Istoric. 1994, Nr. 7.
- Argetoianu C. Memorii. Vol. 5. București, 1995.
- Averescu A. Notițe zilnice din război(u) (1916-1918). București, Cultura națională, 1935.
- Averescu A. Notițe zilnice din război. Vol II. 1916-1918 (Războiul nostru). București, 1992.
- Bogos D. La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917-1918. Chișinău, 1924.
- Bogos D. La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917-1918. Chișinău, 1998.
- Budescu V. Jurnal de front. Pribeag la Cotul Donului. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 12.
- Bossy R. Amintiri din viața diplomatică (1918-1940). Vol. 1-2. București, 1993.
- Carp M. La 23 august ne-am făcut datoria. // Magazin Istoric. 2005, Nr. 8.
- Cazacu P. A XV-a aniversare a unirii Basarabiei. Iași, 1933.
- Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. 1812-1918. Chișinău, 1992.
- Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. 1812-1918. Iași, 1920.
- Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru. Iași, 1929.
- Cazacu P. Zece ani de la unire. București, 1928.
- Chirițescu C. Preludiile diplomatice ale războiului de întregire. București, 1940.
- Chirca I. Războiul din Crimeea. // Magazin Istoric, 2010, Nr. 4.
- Ciobanu Șt. Basarabia. Chișinău, 1993.
- Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. București, 1926.
- Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917-1918. București, 1929.
- Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917-1918. Chișinău, 1993.
- Cosovanu L. Din încercuirea de la Stalingrad: generalul Tătăranu îi scrie lui Mihai Antonescu. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 4.
- Coste B. Problema basarabeiană și relațiile româno-ruse. Statutul Basarabiei românești. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 8.
- Cretzeanu A. Evoluția relațiilor anglo-române din 1919 până azi. // Historia. Revistă de istorie. 2003, Nr. 12.
- Cretzianu A. Ocazia pierdută. Iași, 1998.
- Cretzeanu A. The Lost opportunity. London, 1957.
- Crihan A. Chișinău, 27 martie 1918. Pe calea arătată de istorie. // Magazin Istoric. 1994, Nr. 3.
- Diamandi C.I. Cum s-a negociat harta României Mari. // Magazin Istoric. 1996, Nr. 3-5.
- Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 1-4. München, 1981-1982.
- Duca I.G. Memorii. Vol. 3-4. Războiul (1916-1919). Partea 1-2. București, 1994.
- Duca I.G. Portrete și amintiri. București, 1990.
- Gafencu Gr. Preliminaires de la Guerre a l'Est. De l'accord de Moscou (21 Aug. 1939) aux hostilités en Russie (22 June 1941). Genève, 1944.
- Gafencu Gr. „Nu ne putem bizui pe nimeni”. // Magazin Istoric. 1998, Nr. 5.
- Gafencu Gr. Politica externă a României. București, 1939.
- Gafencu Gr. Ultimele zile ale Europei. O călătorie diplomatică întreprinsă în anul 1939. București, 1992.
- Gârbea T. Bomba de sfântul Ilie. Ieșirea din alianța cu Germania sau sinuciderea. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 7.
- Gârbea T. Dincolo de promisiuni, teamă și nesiguranță. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 4.
- Gârbea T. Semne rele sub măslin. Antonescu avea încrederea lui Hitler. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 10.
- Gârbea T. Ultimul raport. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 8.
- Gherghel A. Amintiri despre 23 august 1944. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 8.
- Ghibu O. Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917-1918). Amintiri. Chișinău, 1992.
- Francois-Poncet A. Doi dictatori văzuți de un diplomat: Hitler și Mussolini în 1938. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 1.
- Halippa P., Moraru A. Testament pentru urmași. Chișinău, 1991.
- Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941-1946. N.Y., 1975.
- Hitler A. Mein Kampf. Buc., 1994.
- Ionescu E.M. Notițe de război. // Magazin Istoric, 2005, Nr. 12.
- Ionițiu M. 23 august 1944. Amintiri și felecțiuni. // Revista istorică. Academia Română, 1991, Nr. 9-10.
- Kissinger H. Diplomacy. New York, 1994.
- Kissinger H. Diplomația. Buc., 1998.
- Marghiloman A. Note politice. Vol. 1-3. București, 1993, 1994, 1995.
- Marghiloman A. Note politice. Vol. 3-4. București, 1927.
- Marin A. Sevastopol. Note de pe front. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 6.
- Mățu C. Mărturii ale atașărilor militari. // Revista istorică. Academia Română, 2004, Nr. 5-6.
- Mihai I al României. 50 de ani de mistificări. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8.
- Mihai I. „Actul pe care l-am condus nu a fost o capitulare fără condiții. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 9.
- Oșcă Al. Protagoniștii actului de la 23 august 1944. Destăinuiri contemporane. // Revista istorică. Academia Română, 2004, Nr. 5-6.
- Paul-Boncour J. Alături de Titulescu. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 5.
- Răpeanu V. 1 august 1943 la Ploiești. Mărturiile unui supraviețuitor. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 8.
- Sudoplatov P.A. Cel mai secret nume din NKVD. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 1-3.
- Tătărescu Gh. Evacuarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. Craiova, 1940.
- Tătărescu Gh. Internaționala a III-a și Basarabia. Buc., 1925.
- Tătărescu Gh. Mărturii pentru istorie. Buc., 1996.
- Titulescu N. Basarabia pământ românesc. Buc., 1992.
- Titulescu N. Documente confidențiale. Buc., 1992.
- Titulescu N. Politica externă a României. Buc., 1994.
- Trohanu G. Relatările unui martor ocular: ziua de 23 august 1944 la SSI. // Historia. Revistă de istorie, 2007, Nr. 4.
- Truman H. Memoirs. Vol. 1. Year of Decision. N.Y., 1955.
- Vaida Voievod Al. Memorii. Vol. 2. Cluj-Napoca, 1995.
- Адам В. Катастрофа на Волге: Мемуары адъютанта Ф. Паулюса. Перевод с немецкого. Смоленск, 2001.
- Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. Перевод с немецкого. М., 1967, М., 1972.
- Архив полковника Хауза. Т. 4. Перевод с английского. М., 1944.

- Астье Э. Боги и люди. 1943 – 1944. М., 1962.
- Аудизио В. Именем итальянского народа. Перевод с итальянского. М., 1982.
- Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М., 1977.
- Батов П.И. В походах и боях. М., 1966.
- Бережков В.М. Значение потсдамских решений. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5.
- Бережков В.М. Путь к Потсдаму. М., 1979.
- Бережков В.М. Рождение коалиции. М., 1975.
- Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1987.
- Бережков В.М. Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М., 1971.
- Болдин И.В. Страница жизни. М., 1961.
- Брандт В. Воспоминания. Перевод с немецкого. М., 1991.
- Брэдли О. Записки солдата. Перевод с английского. М., 1957.
- Вайнерт Э. Помни Сталинград! Из дневника. // Годы великой битвы. М., 1958.
- Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. 1939 – 1945. Перевод с английского. М., 2005.
- Василевский А.М. В те суровые годы. // ВИЖ, 1978, № 2.
- Василевский А.М. Дело всей жизни. В двух книгах. М., 1990.
- Василевский А.М. Накануне 22 июня 1941 г. // ННИ, 1992, № 6.
- Василевский А.М. Разгром Квантунской Армии. Хабаровск, 1968.
- Вельц Г. Солдаты, которых предали. Перевод с немецкого. М., 1965.
- Вестфаль З., Крейпе В., Блюментритт Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К., Циммерман Б., Мантейфель Х. Роковые решения. Перевод с английского. М., 1958.
- Видеман Ф. Гитлер глазами его адъютанта. // ННИ, 1998, № 5; 1999, № 1.
- Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. Перевод с немецкого. М., 1965.
- Винцер Б. Солдат трёх армий. Перевод с немецкого. М., 1973.
- Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963.
- Ворошилов К.Е. Доклад Наркома обороны СССР 9 мая 1940 г. // ВИЖ, 1991, № 3, С. 5-8.
- Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны Национальной академии наук Беларуси. Минск, 2004.
- Вторая мировая война в воспоминаниях. М., 1990.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. Перевод с немецкого. М., 1968.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. Перевод с немецкого. М., 1969.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. В двух книгах. Перевод с немецкого. М., 1971.
- Геббельс Й. «...Русские дерутся отчаянно и имеют хорошее командование». // ВИЖ, 1997, № 4.
- Геббельс Й. «Как германцы, мы никогда не поймём славян». // ВИЖ, 1994, № 5.
- Голль Ш. Военные мемуары. Единство. 1942-1944 годы. Перевод с французского. М., 1960.
- Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. 1940-1942 годы. Перевод с французского. М., 1957.
- Голль Ш. Мемуары надежд. Обновление. 1958-1962 гг. Институты французского государства. // ННИ, 1993, № 5; 1994, № 4-5.
- Гот Г. Танковые операции. Перевод с немецкого. М., 1961.
- Гренье Ф. Вот как это было. Перевод с французского. М., 1960.
- Гренье Ф. Герои Шатобриана. Перевод с французского. М., 1962.
- Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1973.
- Гречко А.А. Через Карпаты. М., 1972.
- Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. Перевод с английского. М. 1964.
- Громыко А.А. Памятное. М., 1988.
- Гудериан Г. Воспоминания солдата. Перевод с немецкого. М., 1954.
- Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. Перевод со словацкого. М., 1969.
- Дениц К. Немецкие подводные лодки во второй мировой войне. Сокращённый перевод с немецкого. М., 1964.
- Дёрнберг С. Освобождение. Год 1945. Свидетельство очевидца. М., 1978.
- Дёрр Г. Поход на Сталинград. Перевод с немецкого. М., 1957.
- Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001 (http://militera.lib.ru/research/dirksen_h/index.html).
- Дневник посла Додда. 1933 – 1938. Перевод с английского. М., 1961.
- Дневники Йозефа Геббельса. 1940-1941. // ННИ, 1994, № 6 – 1995, № 1.
- Дуэ Д. Господство в воздухе. М., 1935.
- Дюкло Ж. Мемуары. М., 1985.
- Еременко А.И. В начале войны. М., 1964.
- Еременко А.И. Сталинград. М., 1961.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1974.
- Захаров М.В. Генштаб в предвоенные годы. М., 1989.
- Захаров М.В. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М., 1969.
- Иванов. С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990.
- Из дневников Йозефа Геббельса. 1945. // ННИ, 1992, № 5.
- Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918-1920 гг.) Сборник воспоминаний участников гражданской войны. Кишинёв, 1964.
- Из личного архива фельдмаршала Паулюса. // ВИЖ, 1960, № 2.
- Итоги второй мировой войны. Сборник статей (авторы: Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г., Рендулич Л. и др.). Перевод с нем. М., 1957, (<http://militera.lib.ru/h/ergos/index.html>).
- Кавальеро А. Записки о войне. Дневник начальника итальянского генерального штаба. Перевод с итальянского. М., 1968.
- Калашник М.Х. Испытание огнём. М., 1971.
- Кариус О. «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М., 2004.
- Кейтель В. Взгляд в прошлое. Накануне смертного приговора. // ННИ, 1991, № 2-3.
- Кеннан Дж.Ф. Америка и русское будущее. // ННИ, 2001, № 3.
- Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002 (<http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/index.html>).

- Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
- Конев И.С. Сорок пятый. М., 1969.
- Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., 1971.
- Кузнецов Н.Г. «Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими...» // ВИЖ, 1992, № 1.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17, 35, 36, 37, 41, 42, 43, 45, 50.
- Литвинов М.М. Внешняя политика СССР. М., 1937.
- Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Перевод с английского. Т. 5 – 6. М., 1938.
- Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Перевод с английского. Т. 1. М. 1957.
- Лонго Л. Народ Италии в борьбе. Перевод с итальянского. М., 1951.
- Лонго Л. Уроки антифашистского Сопротивления. Перевод с итальянского. М., 1980.
- Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., 1963.
- Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М 1987.
- Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999 (<http://militera.lib.ru/memo/other/mannerheim/index.html>).
- Манштейн Э. Утерянные победы. Перевод с немецкого. Смоленск, 1999.
- Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1989.
- Маршал Жуков: полководец и человек. В двух томах. М., 1988.
- Меллентин В.Ф. Танковые сражения 1939-1945 гг. Перевод с немецкого. М., 1957.
- Меллентин Ф. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. Спб., 2000.
- Мерецков К.М. На службе народу. М., 1968.
- Мидельдорф Э. Тактика в русской кампании. Перевод с немецкого. М., 1958.
- Мировая война. 1939-1945 годы. Сборник статей (авторы: Бутлар Э., Рундштедт Г., Циммерман Б. Вестфаль З., и др.). Перевод с немецкого. М., 1957.
- Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979.
- Мюллер В. Я нашёл подлинную Родину. Записки немецкого генерала. Перевод с немецкого. М., 1964.
- Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. Перевод с английского. М., 1945.
- Пайетта Д.К. Красный мальчик идёт на войну. Перевод с итальянского. М., 1988.
- Петров В.И. Разгром милитаристской Японии на Дальнем Востоке. М., 1985.
- Плиев И.А. В боях за освобождение Румынии, Венгрии, Чехословакии. Орджоникидзе, 1971.
- Плиев И.А. Конец Квантунской армии. Орджоникидзе, 1969.
- Риджуэй М. Солдат. М., 1958.
- Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968.
- Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1972.
- Роменский А.П. Глазами и сердцем солдата. М., 1979.
- Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960.
- Руте Ф. Война на море 1939-1945. М., 1957.
- Рузвельт Э. Его глазами. Перевод с английского. М., 1947.
- Рюле О. Исцеление в Елабуге. Мемуары. Перевод с немецкого. М., 1969.
- Свобода Л. От Бузулука до Праги. М., 1984.
- Секретный маршрут. Из воспоминаний Томаса Уотсона. // США: ЭПИ, 1996, № 5.
- Сквайрс Р. Дороги войны. М., 1952.
- Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.
- Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1938.
- Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941. М., 2001.
- Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х томах. М., 1991-1992.
- Тардые А. Мир. Перевод с французского. М., 1943.
- Тийон Ш. Французские партизаны и франтиреры в борьбе против немецко-фашистских оккупантов. М., 1963.
- Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956.
- Типпельскирх К. История второй мировой войны 1939-1945. Спб., М., 1998.
- Торез М. Избранные произведения. М., 1959.
- Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990.
- Тухачевский М. Избранные произведения. Т. 2. М., 1964.
- Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе, 1988.
- Устинов Д.Ф. Избранные речи и статьи. М., 1979.
- Филиппи А. Припятская проблема. Перевод с немецкого. М., 1959.
- Фош Ф. Воспоминания (война 1914-1918 гг.). Перевод с французского. М., 1939.
- Фриснер Г. Проигранные сражения. Перевод с немецкого. М., 1966.
- Фрунзе М. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957.
- Харламов Н.М. Трудная миссия. М., 1983.
- Черчилль У. Вторая мировая война. В шести томах. Перевод с английского. М., 1991.
- Черчилль У. Мировой кризис. Перевод с английского. М., 2004.
- Чичерин Г.В. Статьи и речи по международной политике. М., 1961.
- Чуйков В.И. Капитуляция гитлеровской Германии. // ННИ, 1965, № 2.
- Чуйков В.И. Конец третьего рейха. Минск, 1975.
- Чуйков В.И. Начало пути. М., 1959.
- Шафран А. Сопротивление нацистскому урагану. 1940-1944. Мемуары. Одесса, 2003.
- Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.
- Шелленберг В. Мемуары. // ННИ, 1991, № 5.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Перевод с английского. М., 1958.
- Шпеер А. А. Гитлер: «Кампания против России – детские игрушки». // ВИЖ, 1996, № 3.
- Шпеер А. Я видел, как Гитлер совершал ошибку за ошибкой. // ВИЖ, 1996, № 4.
- Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. Перевод с немецкого. М., 1975.
- Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В двух книгах. М., 1973.
- Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. Военные мемуары. Перевод с английского. М., 1980.
- Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914 – 1936. Перевод с французского. М., 1958.
- Эррио Э. Эпизоды. 1940 – 1944. Перевод с французского. М., 1961.
- Язов Д.Т. Впереди была война. // ВИЖ, 1991, № 5.

Справочные издания

- Beniuc V., Rusnac Gh. Diplomația și conceptele ei de bază. Chișinău, 1999.
БСЭ. Т. 4, М. 1971.
БСЭ. Т. 14, М. 1973.
ВЭС. М., 1984.
Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.
Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

Научные статьи и монографии

- 23 august 1944. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8.
Achim V. Deportarea Țiganilor în Transnistria. // Dosarele istoriei, 2002, Nr. 6.
Achim V. Nazismul și genocidul Țiganilor. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 11.
Adaugi M., Danu E., Popovschi V. Mișcarea națională din Basarabia. Cronica evenimentelor din anii 1917-1918. Chișinău, 1998.
Agrigoroaiei I., Palade Gh. Basarabia în cadrul României întregite. 1918-1940. Chișinău, 1993.
Alexandrescu I. România în planurile Armatei Roșii. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7.
Alexandrescu S. Puterea inutilă. Ion Antonescu. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 4.
Ancel J. Transnistria, 1941-1942: The Romanian Mass Murder Campaign. Vol. 1. Tel Aviv, 2003.
Anghel Fl. Construcții geopolitice: Unirea Basarabiei în varianta de „cordon sanitaire”. // Revista istorică. Academia Română, 2011, Nr. 1-2.
Anghel Fl. Despre o problemă aproape necunoscută: frontiera româno-polonă în perioada interbelică, 1918-1939. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 3-4.
Anghel Fl. O alternativă de colaborare în interiorul Axei: spre o nouă Mică Înțelegere, 1941-1944. // Revista istorică. Academia Română, 1996, Nr. 3-4.
Anghel Fl. Politica externă sovietică interbelică în viziunea istoriografiei anglo-saxone. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 5-6.
Anghel Fl. Polonia și criza cehoslovacă în documente diplomatice românești (septembrie-octombrie 1938). // Revista istorică. Academia Română, 2007, Nr. 5-6.
Anghel Fl. Un model strategic româno-polon: canalul Marea Baltică – Marea Neagră în perioada interbelică. // Revista istorică. Academia Română, 1996, Nr. 7-8.
Anton M. Fețele morții: de la euthanasie la camerele de gaze. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 11.
Anton M. Războiul sfânt. // Dosarele istoriei, 2001, Nr. 7.
Armata română 1941-1945. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 5.
Atanasiu T. Glorie și dramă. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 8.
Avram V. 10 iunie 1944. Când peste ei s-a prăbușit cerul. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 6.
Avram V. Acțiuni ale aviației sovietice deasupra României. // Magazin Istoric, 2011, Nr. 6.
Babes A., Benjamin L., Ciuciu A., Rotman L. etc. Demnitate în vremuri de restriște. Buc., 2008.
Banu Fl. „Stejar, extremă, urgență” – un general, trei versiuni. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8.
Banu Fl. „Un glas din mulțime”, raza de speranță a generalului Antonescu. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 7.
Bădescu E., Voicu I. 1924: la Viena – negocieri româno-sovietice privind Basarabia. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 6.
Bălan E. Ervin Rommel – marele învins în Bătălia pentru Africa. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 3.
Bălan E. Operațiunea Citadela – marea înfrângere a Germaniei pe Frontul de Est. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 4.
Bălăceanu-Stolnici C. 1 septembrie 1939 – războiul așa a început... // Magazin Istoric, 1999, Nr. 8.
Bărboi V. Eliberarea Basarabiei, a Bucovinei de Nord și a Ținutului Herța. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7.
Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P. Istoria României. Buc., 1998.
Beniuc V. Instituționalizarea puterii politice totalitare în Moldova postbelică. Chișinău, 1998.
Beniuc V., Cujbă D. Semnificația conceptului de relații internaționale. // Analele științifice ale Universității de Stat din Moldova. Seria „Științe socio-umaniste”. Vol. 3. Chișinău, 2000.
Benjamin L. Bazele doctrinare ale antisemitismului antonescian. // Dosarele istoriei, 2002, Nr. 6.
Benjamin L. Politica antievrească a regimului Antonescu. // Holocaust. Studii și cercetări. 2011, vol. III, Nr. 1 (4).
Benjamin L., Florian A., Ciuciu A. Cum a fost posibil? Evreii din România în perioada Holocaustului. Buc., 2007.
Bergmann R. Idealul feminin al lui Hitler. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 9, 10, 11.
Bernadac Ch. Hitler și holocaustul Țiganilor. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 6.
Bernadac Ch. Holocaustul romilor – noaptea infernului. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 7.
Bernadac Ch. Holocaustul romilor. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 9, 10.
Bârzu E. Sub covorul de bombe. // Magazin Istoric, 2010, Nr. 12.
Blaga M.N. Secretul lui Churchill. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 9.
Bobeică A. Sfatul Țării – stindard al renașterii naționale. Chișinău, 1993.
Bodea Gh. Frontul de est. Zile de început. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 9.
Bois P. Titulescu – un destin nemeritat. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 8.
Bold Em., Ciupercă I. Ascensiunea nazismului. 1919-1936. Cum a fost posibil? Iași, 1995.
Boldur A. Basarabia în relațiile româno-ruse. Buc., 1927.
Boldur A. Imperialismul rusesc în Balcani. Chișinău, 1937.
Boldur A. Istoria Basarabiei. București, 1992.
Boldur A. La Bessarabie et les Relations Russo-Roumaines. Paris, 1927.
Botoran C. 1940-1944. Holocaustul evreilor din România?! // Revista de Istorie Militară, Buc., vol. 4 (10), nr. 20-22, 1991.
Brătianu Gh. I. Acțiunea politică și militară a României în 1919 în lumina corespondenței diplomatice a lui I.I.C. Brătianu. Buc., 1939.
Brătianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naționale și istorice. București, 1995.
Brătianu Gh. I. Origins et formation de l'Unité Roumaine. Bucarest, 1943.
Brăseakin S.K., Sătnic M.K. Triumful adevărului istoric. Anii 1918 și 1940 în destinul poporului moldovenesc. Chișinău, 1970.
Brediceanu C. Despre Banat la Conferința de pace de la Paris. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 12.

- Buga V. 1938: Cehoslovacia și „cordonul românesc”. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 1.
- Bulei I. Ruinele războiului și edificiile tratatului. Pacea de la Versailles reinterpretată. // Magazin Istoric, 2010, Nr. 3-4.
- Bulei I. Un Tratat extrem de costisitor. // Magazin Istoric, 2010, Nr. 2.
- Bull H. Societatea anarhică. Un studiu asupra ordinii în politica mondială. Chișinău, Știința, 1998.
- Burian A. Geopolitica lumii contemporane. Chișinău, Tipografia centrală, 2003.
- Buzatu Gh. 23 august 1944: Metamorfozele unei lovituri de stat. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 1.
- Buzatu Gh. 23 august 1944: Noi probe epistolare. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 8.
- Buzatu Gh. Așa a început holocaustul împotriva poporului român. Buc., 1995.
- Buzatu Gh. „Dacă mor, este pentru Bucovina și Basarabia. De ar fi să reîncep, aș face la fel!”. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 12.
- Buzatu Gh. Despre război, altfel... // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2.
- Buzatu Gh. Din istoria secretă a celui de-al doilea război mondial. Vol. 1. Buc., 1988.
- Buzatu Gh. Din istoria secretă a celui de-al doilea război mondial. Vol. 2. Buc., 1995.
- Buzatu Gh. Erorile istoriei ori istoria ororilor? // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 6.
- Buzatu Gh. Fără ură și fără părtinire. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8.
- Buzatu Gh. Generalul Iacobici împotriva mareșalului Antonescu. // Magazin Istoric, 1993, Nr. 7.
- Buzatu Gh. Hitler – dependent de petrolul românesc. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 4.
- Buzatu Gh. Ion Antonescu n-a respins armistițiul, ci planul complotiștilor. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 9.
- Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu în fața istoriei. Culegere de documente. Iași, 1990.
- Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7.
- Buzatu Gh. Mareșalul Antonescu și războiul din Est. // Dosarele istoriei, 2001, Nr. 7.
- Buzatu Gh. O carte care n-a avut zile. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 8.
- Buzatu Gh. O farsă stalinistă: „procesul” Antonescu. // Magazin Istoric, 1993, Nr. 8.
- Buzatu Gh. Pactul Hitler- Stalin și România. // Dosarele istoriei, 2001, Nr. 7.
- Buzatu Gh. Pământul nostru: Basarabia și nordul Bucovinei. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 10.
- Buzatu Gh. România cu și fără Antonescu. Iași, 1991.
- Buzatu Gh. România între dictat și tratat. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 6.
- Buzatu Gh. România și războiul mondial din 1939-1945. Iași, 1995.
- Buzatu Gh. Românii în arhivele Kremlinului. Buc., 1996.
- Buzatu Gh., Cîrstea M. Diplomatul Tilea stărnește Europa împotriva lui Hitler. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 2.
- Buzatu Gh., Dumitrescu H. Nicolae Iorga și Ion Antonescu: Istoria războaielor României. 1916-1919 și 1941-1944. // Historia. Revistă de istorie, 2007, Nr. 5.
- Buzatu Gh., Miță C. Holocaustul brun sau roșu. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 7.
- Calafeteanu C. În căutarea Micii Înțelegeri. // Historia. Revistă de istorie, 2007, Nr. 2.
- Calafeteanu C. România și Balcanii. Momente, 1941. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 2.
- Calafeteanu C. România, 1940: urmările unei nedreptăți. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 6.
- Calafeteanu I. Dosarul misiunii Știrbey. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 3, 4.
- Calafeteanu I. O vizită care n-a mai avut loc. // Magazin Istoric, 2008, Nr. 2.
- Calafeteanu I. România și „criza cehoslovacă”. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 4.
- Calafeteanu I. România, 1944-1947: de la armistițiu la pece. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 5.
- Calafeteanu I. Trianon cel mai științific Congres de pace. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 6.
- Calvarul... Chișinău, 1998.
- Catalan S.M., Constantiniu Fl. Frontiere în mișcare: modificări politico-teritoriale în Europa răsăriteană (1938-1947). // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 7-8.
- Carp M. Cartea Neagră: Suferințele evreilor din România, 1940-1944. Vol. 2. Buc., 1996.
- Călinescu G. Scrinul negru. Buc., 1968.
- Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920). București, 1993.
- Chiper I. Conjunctura semnării armistițiului de la Moscova. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10.
- Chiper I. De la disperarea lui Churchill la nemulțumirea lui Stalin. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 4.
- Chiper I. Lupta lui Hitler, războiul lui Hitler. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2.
- Chiper I. Obiective, mijloace și metode ale diplomației române în anul 1941. // Revista istorică. Academia Română, 1991, Nr. 3-4.
- Chirea M. Cornel Dumitrescu salvează de la Holocaust 3600 de evrei. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 4.
- Chiriac M. Cercetarea trupelor la începutul Campaniei din Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7.
- Chirnoagă P. Istoria politică și militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. 22 iunie 1941 – 23 august 1944. Iași, 1998.
- Ciachir N. Istoria relațiilor internaționale de la Pacea Westfalică (1648) până în contemporaneitate (1947). Buc. 1998.
- Ciobanu N. Bătălia Berlinului. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 7.
- Ciobanu N. București: Luptele cu nemții, la Școala Superioară de Război. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 8.
- Ciobanu N. Capitulare totală și necondiționată. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 7.
- Cojocaru Gh. Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918-1923). București, 1997.
- Cojocaru Gh. Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998.
- Cojocaru Gh. Tratatul de Uniune Sovietică. Chișinău, 2005.
- Colesnic Iu. Sfatul Țării: Enciclopedie. Chișinău, 1998.
- Conferința științifică internațională „65 de ani ai verdictului Tribunalului de la Nürnberg: învățăminte pentru Europa contemporană” / «65 лет Нюрнбергскому вердикту: уроки для современной Европы» (Chișinău, 19 decembrie 2011). Chișinău, 2012.
- Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multisekulare moldo-ruso-ucrainene” / «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012.
- Constantin I. Basarabia sub ocupație sovietică de la Stalin la Gorbaciov. București, 1994.
- Constantin I. Masacrul de la Katyn. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 3.
- Constantin I. Polonia la sfârșitul celui de-al doilea război mondial. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 5.
- Constantin I. Relațiile româno-polone în perioada interbelică. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 3.
- Constantin I. Posteritatea Katyn-ului. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 10.
- Constantin I. România, marile puteri și problema Basarabiei. Buc., 1995.
- Constantinescu Ș. Eliberarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 12.

- Constantinescu Ș. Se duc nemții, vin sovieticii. // *Historia. Revistă de istorie*, 2005, Nr. 5.
- Constantiniu Fl. 22 iunie 1941 și semnificația sa reală. // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr. 6.
- Constantiniu Fl. Acordul de procentaj și lalta. (O lămurire pentru dl. Gabriel Andreescu). // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 9.
- Constantiniu Fl. Acordul de procentaj, nouă ani mai târziu. // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 1.
- Constantiniu Fl. Au fost contrariate interesele Moscovei de actul de la 23 august 1944? // *Revista istorică. Academia Română*, 2004, Nr. 5-6.
- Constantiniu Fl. De la Carta Atlanticului la „Brăul de securitate” al URSS. // *Revista istorică. Academia Română*, 1997, Nr. 3-4.
- Constantiniu Fl. De la războiul fierbinte la războiul rece. Buc., 1998.
- Constantiniu Fl. Despre 23 august '44, după 60 de ani. // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 8.
- Constantiniu Fl. Dictatul de la Moscova (26-28 iunie 1940) și relațiile sovieto-germane. // *Revista istorică. Academia Română*, 1992, Nr. 1-2.
- Constantiniu Fl. Din nou despre ultima întrevvedere Hitler-Antonescu. // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 9.
- Constantiniu Fl. În ajunul căderii: diplomația regimului Antonescu în august 1944. // *Revista istorică. Academia Română*, 1994, Nr. 9-10.
- Constantiniu Fl. Hitler, Stalin și România. România și geneza operațiunii „Barbarossa”. Buc., 2002.
- Constantiniu Fl. Intenționa Stalin să înceapă războiul? // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 5.
- Constantiniu Fl. Între Hitler și Stalin. România și pactul Molotov-Ribbentrop. Buc., 1991.
- Constantiniu Fl. Locul Bucovinei în geneza Planului „Barbarossa”. // *Historia. Revistă de istorie*, 2006, Nr. 12.
- Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. Buc., 1997.
- Constantiniu Fl. „Nu în beneficiul Rusiei singure”. August 1944: criza diplomației antonesciene. // *Dosarele istoriei*, 2002, Nr. 6.
- Constantiniu Fl. Romel: „vulpea deșertului”. // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 2.
- Constantiniu Fl., Duțu A., Retegan M. România în război, 1941–1945. Un destin în istorie. Buc., 1995.
- Constantiniu Fl., Schipor I. Trecerea Nistrului (1941). O decizie controversată. Buc., 1995.
- Constantiniu Fl. Intenționa Stalin să înceapă războiul? // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 5.
- Cooc B. Sindromul Munchen. // *Magazin Istoric*, 2009, Nr. 2.
- Copanschi I. a. M. Diplomația sovietică în lupta pentru soluționarea echitabilă a problemei basarabene. 1918-1940. Chișinău, 1985.
- Corneanu C. Un alt 23 august 1944. Cum s-a ajuns la „Stalingradul de pe Dunăre”. // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 9.
- Danielopol D.G. România la finalul celui de-al doilea război mondial în Europa. // *Magazin Istoric*, 1995, Nr. 1.
- Dascălu N. Italia și Dictatul de la Viena din 30 august 1940. // *Revista istorică. Academia Română*, 1991, Nr. 3-4.
- Davies A. Renault: o uzină prin război. // *Magazin Istoric*, 2002, Nr. 3.
- Deletant D. Antonescu și Transnistria. // *Magazin Istoric*, 2005, Nr. 6, 7.
- Deletant D. The Molotov-Ribbentrop and its Consequences for Basarabia: some Considerations on the Human Rights implications. // *Revue Roumaine d'histoire*. Buc., 1991. T. 30. № 3-4.
- Diaconu C.S. Opinie publică și acțiune politică. // *Dosarele istoriei*, 2000, Nr. 6.
- Diaconu C.S. Roșii și Albii. // *Dosarele istoriei*, 2000, Nr. 3.
- Din istoria necunoscută a unei lovituri de stat – actul de la 23 august 1944. // *Magazin Istoric*, 1994, Nr. 8.
- Dobrinescu V. Fl. 1917-1939: Basarabia în raporturile româno-sovietice. // *Dosarele istoriei*, 2000, Nr. 6.
- Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940. Iași, 1991.
- Dobrinescu V. Fl. Relații româno-engleze (1914-1933). Iași, 1986.
- Dobrinescu V. Fl. România și sistemul tratatelor de pace de la Paris (1919-1923). Iași, 1993.
- Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iași, 1995.
- Dobrinescu V.-Fl., Tompea D. România la cele două Conferințe de Pace de la Paris (1919-1920, 1946-1947). Un studiu comparativ. Focșani, 1996.
- Dobrinescu V.-Fl., Nicolăiescu Gh. Plata și răsplata istoriei. Ion Antonescu, militar și diplomat. 1914-1944. Iași, 1995.
- Dolghin Fl. 13 scrisori anonime către misiunea sovietică la Stockholm. // *Magazin Istoric*, 1997, Nr. 8.
- Dolghin Fl. 1922-1933. Spada fascistă s-a călit în U.R.S.S.? // *Magazin Istoric*, 1994, Nr. 4.
- Dolghin Fl. Comploturile împotriva lui Hitler. // *Magazin Istoric*, 1995, Nr. 4.
- Dolghin Fl. De ce a tăcut Stalin la 22 iunie 1941? // *Magazin Istoric*, 1997, Nr. 6.
- Dolghin Fl. Kremlinul și-a luat mâna de pe Richard Sorge. // *Magazin Istoric*, 1995, Nr. 1.
- Dolghin Fl. O iubire mai puțin celebră. Adolf Hitler – Winifred Wagner. // *Magazin Istoric*, 1995, Nr. 10.
- Dolghin Fl. Planul sovietic de atac: mai 1941. // *Magazin Istoric*, 1999, Nr. 1.
- Dolghin Fl. Politică și cifre. Câți militari a pierdut U.R.S.S. în război? // *Magazin Istoric*, 1999, Nr. 5.
- Dolghin Fl. Primele zile de război. // *Magazin Istoric*, 1999, Nr. 9.
- Dolghin Fl. Spionul unu și jumătate. Richard Sorge. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 2.
- Dolghin Fl. Stalin, principalul redactor al pactului germano-sovietic. // *Magazin Istoric*, 1998, Nr. 8.
- Dolghin Fl. Uvertură diplomatică eșuată la opera războiului. Ultimele zile de pace... // *Magazin Istoric*, 1999, Nr. 8.
- Dragnev D., Varta I. Istoria românilor. Epoca modernă. Chișinău, 2002.
- Dragomir C.T. Charles de Gaulle: suferințele, destrămarea și renașterea Europei. // *Magazin Istoric*, 1995, Nr. 11.
- Duicu S. Ion Antonescu și „Garda de Fier”. Vol. 1. Târgu-Mureș, 1991.
- Duțu A. 4-19 iulie. Țiganca – drama de pe Prut. // *Magazin Istoric*, 2003, Nr. 2.
- Duțu A. Comandamentul sovietic își impune voința. // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 11.
- Duțu A. Concepția militară românească privind apărarea țării în fața ofensivei sovietice (martie-august 1944). // *Revista istorică. Academia Română*, 1994, Nr. 9-10.
- Duțu A. Locul nostru în război. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 6.
- Duțu A., Constantiniu Fl. Ofensiva aeriană anglo-americană asupra României, 1944: surse inedite. // *Revista istorică. Academia Română*, 1992, Nr. 9-10.
- Duțu A., Retegan M. România în război. 1421 zile de încleștare. Buc., 1992.
- Duțu A., Retegan M., Ștefan M. România în al doilea război mondial. // *Magazin Istoric*, 1991, Nr. 6-9.
- Duțu A.D. Aliat sau inamic? // *Dosarele istoriei*, 2002, Nr. 9.
- Duțu A.D. Alianții fără alianță, în război. // *Dosarele istoriei*, 2001, Nr. 7.
- Duțu A.D. Armata română – pe butuci. // *Dosarele istoriei*, 2002, Nr. 9.
- Duțu A.D. „Basarabia nu poate trăi singură”. // *Dosarele istoriei*, 2000, Nr. 10.
- Duțu A.D. De la Nistru spre Volga și Caucaz. // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 7.
- Duțu A.D. Eliberarea Basarabiei și a nordului Bucovinei. // *Dosarele istoriei*, 2001, Nr. 7.

- Duțu A.D. Între Scilla brună și Charibda roșie (1941-1945). // Dosarele istoriei, 2002, Nr. 5.
- Duțu A.D. Între Wehrmacht și Armata Roșie. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 2.
- Duțu A.D. Tragedie, umilință, speranță. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 6.
- Duțu M. Nicolae Titulescu – un diplomat care s-a jucat cu milioanele țării. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 6.
- Duțu T. Tratatul diplomatic român-ruso-ucrainean privind frontiera de răsărit a României. // Revista istorică. Academia Română, 2001, Nr. 1-2.
- Ehrendardt Gh.-J. Ținta: Yamamoto. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 9.
- Epure N. Atitudinea Micii Înțelegeri față de agresiunea Italiei împotriva Etiopiei. // Revista istorică. Academia Română, 2003, Nr. 1-2.
- Ereșcenko M.D. Agonie la două capete. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6.
- Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. Buc., 2002.
- Falin V. „Al Doilea Război Mondial s-ar fi putut încheia în 1943”. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 5.
- Florescu M. Întâlnirile cu batalioanele vlassoviste. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 10.
- Francesco G. Generalul Sănătescu și Badoglio. // Magazin Istoric, 1999, Nr. 8.
- Fejto F. Histoire des démocraties populaires. Vol. 1. Paris, 1969.
- Fisher L. Men and Politics. Europe the two World Wars. New York, 1966.
- Fisher L. Russias Road from Peace to War. 1917-1941. New York, 1969.
- Funderburk D.B. Politica Marii Britanii față de România (1918-1940). Buc., 1983.
- Fătu M. Consens pentru salvarea națională (septembrie 1940 – august 1944). Buc., 1996.
- Georgescu V. Istoria românilor. De la origini până în zilele noastre. Buc., 1992.
- Gheorghe I. Un dictator nefericit. Buc., 1996.
- Gherghina N.I. Capitala României sub bombele germane (23-26 august 1944). // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 8.
- Giurescu D.C. 1940. Cine poartă răspunderea? // Magazin Istoric, 1998, Nr. 7.
- Giurescu D.C. Evreii din România (1939-1944). // Magazin Istoric, 1997, Nr. 10.
- Giurescu D.C. România în al doilea război mondial. Buc., 1999.
- Gogun A. 1941. URSS ca agresor. Receptarea tezei în Europa de Est. // Magazin Istoric, 2011, Nr. 6.
- Gogun A. Sub o nouă copertă. // Magazin Istoric, 2008, Nr. 1.
- Goma P. Săptămâna Roșie (28 iunie – 3 iulie 1940) sau Basarabia și evreii. Chișinău, 2003.
- Goșu A. Recunoașterea internațională a unirii Basarabiei cu România. Ioan Pelivan la Conferința de pace de la Paris (1919-1920). // Revista istorică. Academia Română, 1993, Nr. 9-10.
- Grecu A. De la ideea războiului preventiv la tratatul de neagresiune. Aspecte ale relațiilor polono-germane la începutul anilor ‘30. // Revista istorică. Academia Română, 1997, Nr. 7-8.
- Grecu A. Pace sau război în relațiile româno-sovietice? // Revista istorică. Academia Română, 1993, Nr. 9-10.
- Groza A. URSS – instigatorul celui de-al doilea război mondial. Chișinău, 1995.
- Guțul N.F. Faptele eroice ale moldovenilor în epopeea Stalingradului. Chișinău, 2008.
- Hagiac R. Din infernul de la Chersones. // Magazin Istoric, 1998, Nr. 4.
- Hakman S. Bucovina și Basarabia la intersecția intereselor etnonaționale și geopolitice în perioada Primei Conflagrații Mondiale și a reglementării postbelice (1916-1920). // Itinerarii culturale. Suceava-Hotin. Cluj-Napoca, 2009.
- Hakman S. Problema Basarabiei și a Bucovinei în relațiile sovieto-române la începutul celui de-al doilea război mondial (1939-1940). // Itinerarii culturale. Suceava-Hotin. Cluj-Napoca, 2009.
- Hakman S. Relațiile sovieto-române în perioada interbelică și problema formării unui sistem de securitate europeană (1920-1938). // Itinerarii culturale. Suceava-Hotin. Cluj-Napoca, 2009.
- Hillgruber A. Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. relațiile germano-române (1938-1944). Buc., 1994.
- Hitchins K. România. 1866-1947. Buc., 1998.
- Hîncu D. 22 iunie 1941 – războiul germano-sovietic. O altă ipoteză. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 6.
- Hîncu D. Terorism la Marsilia. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 10.
- Hlihor C. 22 iunie 1941 sau 28 iunie 1940? // Revista istorică. Academia Română, 1992, Nr. 9-10.
- Hlihor C. Ocuparea României de către Armata Roșie. Premise, etape, consecințe. // Revista istorică. Academia Română, 1994, Nr. 9-10.
- Holocaust: Tinerii întreabă, supraviețuitorii răspund. Buc., 2008.
- Hrenciuc D. 6 septembrie 1939: Consiliul de Coroană de la Cotroceni și neutralitatea regatului României Mari. // Revista istorică. Academia Română, 2010, Nr. 5-6.
- Hrenciuc D. Considerații asupra evoluției relațiilor româno-polone în perioada interbelică. // Revista istorică. Academia Română, 2004, Nr. 5-6.
- Hrenciuc D. Les frontières de l’Europe centrale peandant la periode de l’entre-deux-guerres (1919-1939). Identités et vulnérabilités. // Revista istorică. Academia Română, 2007, Nr. 5-6.
- Hrisu M. Demiterea lui Nicolae Titulescu. // Historia. Revistă de istorie, 2008, Nr. 4.
- Hrisu M. Pledoarea pentru Titulescu. // Historia. Revistă de istorie, 2007, Nr. 3.
- Hruška J. Undeva, între Germania și Cehoslovacia. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 11.
- Hudiță J. Anul 1940. Tragica vară a prăbușirii. // Magazin Istoric, 1998, Nr. 1, 4, 5.
- Hudiță J. Dejun la Ion Antonescu. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6.
- Ionescu M.E. 22 iunie 1941. Războiul în care am intrat. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6.
- Ionescu M.E. Ce a fost al doilea război mondial? // Magazin Istoric, 2005, Nr. 5.
- Ionescu M.E. Un eveniment necesar, oportun și național. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8.
- Ionescu V. Corespondența de război. Roosevelt – Churchill – Stalin. // Magazin Istoric, 2005, Nr. 5, 6.
- Iordache A. Ion I.C. Brătianu la Conferința de pace de la Paris. // Revista istorică. Academia Română, 1993, Nr. 9-10.
- Iorga N. Basarabia noastră. Chișinău, 1993.
- Iorga N. Istoria românilor. Vol. 10. București, 1939.
- Iorga N. Memorii. Vol. 1, 6. București, 1939.
- Iorga N. Neamul românesc în Basarabia. Vol. 2. București, 1997.
- Islamov T.M., Pokivailova T.A. Axa Moscova-Budapesta în vara lui 1940. Din arhivele Federației Ruse. // Magazin Istoric, 2010, Nr. 12 – 2011, Nr. 1.
- Jaspers K. The origin and Goal of History. New Haven, Yale University Press, 1953.
- Jurca N. Atacul fără rost asupra Bucureștilor. De ce nu a ocupat Hitler România? // Magazin Istoric, 2001, Nr. 4.
- Jurca N. O inițiativă românească de pace necunoscută la începutul celui de al doilea război mondial. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 9.
- Jurca N. Serata de adio s-a contramandat. Prințul Albrecht von Hohenzollern despre 23 august. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 8.

- King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. Chișinău, 2002.
- Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. Vol. 2. București, 1927.
- Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. 1916-1919. Vol. 2. București, 1989.
- Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1-2. București, 1996.
- Koslinski N. Aprilie – mai 1944. Ultimele nopți la Khersones. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 7, 8.
- Lache Ș. Armistițiul. Culise diplomatice. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 9-11.
- Lache Ș. Noiembrie 1940: U.R.S.S. la porțile pactului tripartit. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 1.
- Landemer H. Waffen-ss. Dezastrul pe Frontul de Est. // Magazin Istoric, 2007, Nr. 12.
- Launay J. Mari decizii ale celui de-al doilea război mondial. 1939-1942. Vol. 1, 2. Buc., 1988.
- Lazăr T.D. În ceas de răscruce, românii l-au ales pe rege. // Magazin Istoric, 2007, Nr. 8.
- Lepedatu I.I. În august 1944, Maniu recomandă: „Ascultați radio București”. // Magazin Istoric, 2005, Nr. 2.
- Levizeanu I. Cultură și naționalism în România Mare. 1918-1940. București, 1998.
- Liveanu V. 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. București, 1960.
- Liveanu V. Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului de la Buftea (5 martie 1918). // Studii și materiale de istorie contemporană. V. 1. București, 1956.
- Liveanu V. Evenimente imediat premergătoare armistițiului de la Focșani. 1917. // Studii și referate privind istoria României. Partea 2. București, 1954.
- Lixandru N. Cum s-au născut Națiunile Unite. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7.
- Loghin L. Al doilea război mondial. Acțiuni militare, politice și diplomatice. Cronologie. Buc., 1984.
- Loghin L. Mari conferințe internaționale (1939 – 1945). Buc., 1989.
- Lucinschi P. Moldova și moldovenii. De ce țara noastră este mereu la sărăcie? (Încercare de răspuns la întrebare). Chișinău, 2007.
- Lupan N. Mareșalul Ion Antonescu, soldat martir, Buc., 1991.
- Lynch M. Stalin și Hrușciov. Buc., 1994.
- Layne Cr. Pacea iluziilor: marea strategie americană din 1940 până în prezent. Iași, 2011.
- Magherescu Gh. Adevărul despre Mareșalul Antonescu. În 3 volume. Buc., 1991.
- Manafu A. F.D. Roosevelt pregătea bomba atomică pentru scurtarea războiului. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 10.
- Manea M. Masacrul de la Katyn. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 11.
- Manuilă S., Filderman W. Populația evreiască din România în timpul celui de-al doilea război mondial. Iași, 1994.
- Mareș N. „Acțiunea continentală”. // Magazin Istoric, 2011, Nr. 8.
- Marinescu Gh. H. 23 august 1944 – 9 mai 1945. Antiaeriana română la datorie. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 8.
- Matei E. Octombrie 1940. Sosirea misiunii militare germane în România. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 4, 5.
- Mavrodin T. Ion Antonescu: „Cine a înnebunit? Eu sau toți ceilalți?”. // Magazin Istoric, 1998, Nr. 7.
- Maxim M. Katyn – 1940. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 5.
- Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău, 1996.
- Mezincescu E. Mareșalul Antonescu și catastrofa României. Buc., 1993.
- Michie A. Operația Overlord și războiul radarelor. // Magazin Istoric, 1991, Nr. 7.
- Miloiu S. Antonescu-Mannerheim, doi soldați aduși în prim plan de revoluția rusă. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7.
- Milza P., Berstein S. Istoria secolului XX. Buc., 1998.
- Miron L. Cum l-a trădat Stalin pe Roosevelt tocmai până la Ialta. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 7.
- Mironov A.-M. 1934. Deschiderea delegații la București și Moscova. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 5.
- Misieviți T. Campania din est. Imagini ne retușate. Ce-am căutat acolo? // Magazin Istoric, 2004, Nr. 6-9.
- Moisuc V. De la un război la altul. // Dosarele istoriei, 2002, Nr. 3.
- Moisuc V. Diplomația României și problema apărării suveranității și independenței naționale în perioada martie 1938 – mai 1940. Buc., 1971.
- Moisuc V. Premisele izolării politice a României. 1919-1940. Buc., 1991.
- Moldovan S.B. Genocidul uitat. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8.
- Morar-Vulcu C. Trianonul și discursul politic actual. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 6.
- Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812-1993). Chișinău, 1995.
- Moraru A., Negrei I. Anul 1918. Ora astrală a neamului românesc. Chișinău, 1998.
- Munteanu D. Pe frontul din Rusia. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 5.
- Mureșan C. Imperiul Britanic. Scurtă istorie. Buc., 1967.
- Mușat M. Drama României Mari. Buc., 1992.
- Müller Fl. Politica germană în bazinul pontic în perioada 1939-1940. // Revista istorică. Academia Română, 1996, Nr. 7-8.
- Nanu F.C. Politica externă a României. 1918-1933. Iași, 1993.
- Nicolescu-Mizil P. Un pas spre normalitate. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 9.
- Nistor I.S. Românii în al doilea război mondial. Clarificări în lumina adevărului istoric. Cluj-Napoca, 1996.
- Nițu A. România intră în orbita Kremlinului. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 8.
- Onișoru Gh. Relații internaționale. București, 2007.
- Oprea C. Diplomația Vaticanului între concordate și denunțarea regimurilor totalitare. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 8.
- Oprea I. Nicolae Titulescu. Buc., 1966.
- Oprea I. O etapă rodnică din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice. 1928 – 1936. București, 1967.
- Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900-1947. Vol. 1-2. Buc., 1998, 2003.
- Otu P. Divizia a doua de munte în Caucaz. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 10.
- Otu P. Divizia „Tudor Vladimirescu”. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 5.
- Otu P. O campanie uitată? (23 august 1944 – 12 mai 1945). // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 5.
- Otu P. „Ostași, vă ordon: treceți Prutul!” // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7.
- Otu P., Duțu Al. Masacrul din pădurea Katîn. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 4.
- Otu P., Șovan O.L. Drama generalului Serghievici. // Magazin Istoric, 2009, Nr. 2.
- Oșca A. Lipsa de pregătire se răzbună. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 6.
- Oșca A. Misiunea militară germană în România. Tratatative și reacții. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 5.
- Palii V. La granița dintre pacea care a fost și războiul care va fi. // Magazin Istoric, 2007, Nr. 9.
- Panaite O. Prăbușirea marelui Titulescu. // Historia. Revistă de istorie, 2006, Nr. 5.
- Panaite L. Stalin trage sabia. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 12.
- Panaite L. 30 august 1940: „Un cuțit îmi trece prin inimă”. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 9.
- Pandea A. Alianța Reih-ului pe Frontul de Est. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7.
- Pandea A. Mannerheim – asul din mîneca Finlandei. // Historia. Revistă de istorie, 2004, Nr. 5.

- Paraschiv D. 65 de ani de la anularea Diktat-ului. // *Historia. Revistă de istorie*, 2006, Nr. 11.
- Paraschiv D. Mihai Antonescu, sacrificat la grămadă de un tribunal nelegal. // *Historia. Revistă de istorie*, 2004, Nr. 6.
- Pasat V. Calvarul. Documentarul deportărilor de pe teritoriul R.S.S. Moldovenești. M., 2006.
- Pasat V. RSS Moldovenească în epoca stalinistă. Chișinău, 2011.
- Pădureac L. Relațiile româno-sovietice (1917 – 1934). Chișinău, 2003.
- Păiușan C. Criza rachetelor cubaneze. // *Historia. Revistă de istorie*, 2006, Nr. 6.
- Păiușan-Nuică C. Istoria relațiilor internaționale și a diplomației (1945-2008). București, 2008.
- Pelin M. Legendă și adevăr. Buc., 1994.
- Petculescu C. Mișcarea legionară. Mit și realitate. Buc., 1997.
- Petreanu E. 1921. Vaticanul recunoaște unirea Basarabiei cu România. // *Magazin Istoric*, 1994, Nr. 3.
- Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. 1940-1944. Chișinău, 1997.
- Petrencu A. Istorie universală. Epoca contemporană. 1939-1995. Ediția a II-a. Chișinău, 1995.
- Petrencu A. Polonezii în anii celui de-al doilea război mondial. Culegere de documente. Chișinău, 2004.
- Petrencu A. România și Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial. Chișinău, 1999.
- Pokivailova T.A. 1944. Transilvania pe masa comisiei Litvinov. // *Magazin Istoric*, 1998, Nr. 1.
- Pokivailova T.A. Mai 1944. România la schimb cu Grecia. // *Magazin Istoric*, 2008, Nr. 7.
- Pokivailova T.A. Noiembrie 1943. La Madrid inițiativa a aparținut americanilor. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 10.
- Pokivailova T.A. Septembrie-decembrie 1943. contacte româno-britanice pe masa lui Stalin. // *Magazin Istoric*, 2002, Nr. 10.
- Pokivailova T.A. Stalin rezolvă personal problemele României. // *Magazin Istoric*, 2003, Nr. 9.
- Pokivailova T.A., Chiper I. Conferința de Pace de la Paris dezbată frontiera U.R.S.S. // *Magazin Istoric*, 2000, Nr. 12.
- Pop Gr. T. Holocaustul al evreilor în România? // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 11.
- Popa C. Instaurarea regimurilor comuniste în Europa Centrală și de Sud-Est (1944-1947). Curente în istoriografia americană și rusă. // *Revista istorică. Academia Română*, 2000, Nr. 3-4.
- Popescu V.-L. Întârziere fatală: programul atomic german. // *Dosarele istoriei*, 2005, Nr. 8.
- Popișteanu C. 23 august 1944: Mărturii inedite din procesul Lucrețiu Pătrășcanu. // *Magazin Istoric*, 1991, Nr. 8.
- Popișteanu C. Moscova: 11-12 septembrie 1944. O minută românească. // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 9, 10.
- Popovschi V. Republica Democratică Moldovenească. 1917-1918 (Formarea, organizarea internă, simbolurile oficiale). Chișinău, 2002.
- Popovschi V. Sfatul Țării apără integritatea Basarabiei, limba română și pe deputați. // *Magazin Istoric*, 2011, Nr. 3.
- Poștarencu D. O istorie a Basarabiei în date și documente (1812-1940). Chișinău, 1998.
- Potra T. Nicolae Titulescu în 1938. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 3.
- Preda D. 1927-1928. Nicolae Titulescu primul ministriat la afacerile externe. // *Magazin Istoric*, 2002, Nr. 3.
- Preda D. Mica Antantă. Experiență în construirea noii Europe. // *Magazin Istoric*, 2011, Nr. 4.
- Preda D. O alianță cu interese asimetrice. Relațiile româno-polone. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 1, 2.
- Preda D., Varatic V. Vals diplomatic în jurul Basarabiei: Relațiile româno-sovietice. 1934-1940. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 8, 9.
- Preda E. Churchill, Roosevelt și Balcanii. // *Magazin Istoric*, 1992, Nr. 4.
- Preda-Mătășaru A. Tratat de relații internaționale moderne și contemporane (1648 – 1947). Buc., 2001.
- Radu B.M. Sir Winston Churchill: Polonia îmi e în suflet, dar pentru România și Bulgaria nu simt nimic. // *Historia. Revistă de istorie*, 2003, Nr. 2.
- Rădulescu S. 1932. Împreună cu Nicolae Titulescu. // *Magazin Istoric*, 1994, Nr. 7, 8.
- Renato Bova Scoppa. Mussolini nu se lasă convins. // *Dosarele istoriei*, 2004, Nr. 2.
- România în anii celui de-al doilea război mondial. Vol. 1. Buc., Editura militară, 1989.
- România în cel de-al doilea război mondial. Iași, 1996.
- Rotari L. Ghilotina bolșevică. Arestări și deportări din Basarabia și Bucovina (1940-1949). // *Historia. Revistă de istorie*, 2007, Nr. 12.
- Rotaru J., Burcin O., Zodian V. Mareșalul Ion Antonescu: am făcut „războiul sfânt” împotriva bolșevismului. Campania anului 1941. Oradea, 1994.
- Rozen M. The Holocaust under the Antonescu Government: Historical and Statistical Data about Jews in Romania, 1940-1944. Buc., 2004.
- Rusnac M. 1941: sovieticii pregătesc atacarea României. // *Magazin Istoric*, 2011, Nr. 6.
- Rusu N. Armistițiul din 11 noiembrie 1918. // *Historia. Revistă de istorie*, 2006, Nr. 10.
- Sandache Ș. Războiul din Etiopia. // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 2.
- Scafeș C. Luptele pentru apărarea Moldovei. // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 7.
- Schonherr K. 23 august 1944. Ultima zi de alianță – prima zi de război. // *Magazin Istoric*, 1997, Nr. 8.
- Schonherr K. Problema bilaterală a aprovizionării grupului de armate „Ucraina de Sud”, aprilie-august 1944. // *Revista istorică. Academia Română*, 1999, Nr. 3-4.
- Schonherr K. Wehrmachtul în marș demonstrativ pe străzile Bucureștilor. // *Magazin Istoric*, 1996, Nr. 1.
- Scurtu I. Iuliu Maniu. Activitatea politică. Buc., 1995.
- Scurtu I. Nicolae Titulescu: activitatea diplomatică. // *Dosarele istoriei*, 2002, Nr. 3.
- Scurtu I. Războiul, momentul adevărului. // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 7.
- Scurtu I. Situația internațională a României în anii celui de-al doilea război mondial. // *Dosarele istoriei*, 2001, Nr. 7.
- Scurtu I. Urmările actului pripit de la 23 august: România este păcălită de sovietici și se află în stare de război cu Marile Puteri. // *Historia. Revistă de istorie*, 2004, Nr. 10.
- Scurtu I., Buzatu Gh. Istoria românilor în secolul XX (1918-1948). Buc., 1999.
- Siniavskaia E.S. România în cele două războaie mondiale. Cum o văd rușii. // *Magazin Istoric*, 2008, Nr. 4, 5.
- Solnîșkov Iu. 1941: Jukov îndeamnă pe Stalin la un atac preventiv. // *Magazin Istoric*, 1995, Nr. 6.
- Spătan I. Nicolae Titulescu și Uniunea Statelor Europene. // *Historia. Revistă de istorie*, 2006, Nr. 10.
- Spănu A.-A. Basarabia. Iunie 1940. Lacrimi și ură. // *Magazin Istoric*, 2001, Nr. 9.
- Stan C.I. 1940. Drama românilor din Basarabia și Bucovina de Nord. Buzău, 2005.
- Stan C.I. Rusia și România la conferința de pace de la Paris (1919-1920). // *Revista istorică. Academia Română*, 2001, Nr. 1-2.
- Stan Fl. Aspecte privind situația evreilor din Constanța (1940-1944). // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr. 2.
- Stan Fl. Biserica Ortodoxă Română și evreii în timpul celui de-al doilea război mondial. // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr. 2.
- Stan Fl. Constanța, poartă deschisă evreilor spre „țara promisă”. // *Dosarele istoriei*, 2006, Nr. 2.
- Stanciu T. Războiul din Manciuria. // *Dosarele istoriei*, 1999, Nr. 2.
- Statî V. Istoria Moldovei. Chișinău, 2002.
- Stăkalin A. 1945. Cum a rămas Maramureșul românesc? // *Magazin Istoric*, 2006, Nr. 10.

- Stănescu-Stanciu T. 9 Mai 1945. Germania plătește. // Magazin Istoric, 2005, Nr. 5.
- Stăvilă V. De la Basarabia Românească la Basarabia sovietică. 1939–1945. Chișinău, 2000.
- Ștepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. Chișinău, 2005.
- Stikalin A. 1945. Cum a rămas Maramureșul românesc? // Magazin Istoric, 2006, Nr. 9, 10.
- Stoenescu A.M. Armata, mareșalul și evreii. Buc., 1998.
- Stokesbury J.L. Scurtă istorie a celui de-al doilea război mondial. Buc., 1993.
- Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și „Unirea”. Chișinău-Iași, 2003.
- Strzebosz T. „Insurecția băieților și fetelor” din Varșovia. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 11.
- Șandru V. Conexiunea moscovită a problemei transilvănene. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 8, 9.
- Șandru V. Destinul postbelic al României între Stalin și Churchill. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 7.
- Șandru V. Hitler și Franco față în față. // Magazin Istoric, 1994, Nr. 8, 9.
- Șandru V. Septembrie 1940. Relațiile România – U.R.S.S. îl preocupă pe Antonescu. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 12.
- Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. 1940. Chișinău, 2007.
- Șișcanu I. Raptul Basarabiei. 1940. Chișinău, 1993.
- Șișcanu I. Traseul frontierei pe Dunăre – obiectivul tratatelor româno-sovietice de la Moscova, 1940. // Revista istorică. Academia Română, 1995, Nr. 5-6.
- Șișcanu I. Uniunea Sovietică – România. 1940 (tratative în cadrul comisiilor mixte). Chișinău, 1992.
- Ștefan M. Din Moscova, Grigore Gafencu raportează. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 5-9.
- Ștefan M. Falsul pe post de document istoric. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8.
- Ștefănescu A. Diferența între a dori și a putea. Europa de Est va fi roșie. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 8.
- Ștefănescu A.V. 1944. Bătălia de la Târgu Frumos. // Magazin Istoric, 2006, Nr. 10.
- Ștefănescu A.V. Cursă atomică. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8.
- Ștefănescu A.V. Infernul pe Pământ: Hiroshima și Nagasaki. // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8.
- Ștefănescu A.V. „Primejdia roșie” (1919-1921): Războiul polono-sovietic. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 3.
- Ștefănescu A.V. Reih-ul în cleștele Aliților (iunie 1944 – mai 1945). // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 5.
- Ștefănescu A.V. Ultimele zile de pace. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 9.
- Ștefănescu A.V. Ziua „Z”: Asaltul decisiv asupra „Fortăreței Europa”. // Dosarele istoriei, 2004, Nr. 6.
- Ștefănescu M. A fost necesară folosirea bombei atomice împotriva Japoniei? // Dosarele istoriei, 2005, Nr. 8.
- Șuța I. Necesitate istorică, dorința a unei țări întregi. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 6.
- Țăcu O. Problema Basarabiei și relațiile sovieto-române în perioada interbelică (1919 – 1939). Chișinău, 2004.
- Tejchman M. Relațiile cehoslovaco-romane după marele război. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 1.
- Predarea Holocaustului în secolul XXI. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 9.
- Thobie J. Mustafa Kemal Atatürk, părintele Turciei moderne. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 12.
- Trască O. Impactul problemei Transilvaniei asupra colaborării militare româno-germane, 1941–1944. // <http://www.history-cluj.ro/Istorie/anuare/2001/OTTO-Impactul%20Transilvaniei>.
- Trască O. Transilvania sub „arbitraj” german. // Dosarele istoriei, 2000, Nr. 7.
- Troncotă C. „Deși suntem țigani, vrem să plecăm liberi”. Antonescu îi deportează pe țigani în Transnistria. // Magazin Istoric, 1997, Nr. 3.
- Troncotă C. Dezastrul de la Stalingrad. // Dosarele istoriei, 1999, Nr. 7.
- Troncotă C. Octombrie 1941. Primarul Odesei povestește. // Magazin Istoric, 1995, Nr. 3.
- Troncotă C. Războiul sovieto-finlandez. // Magazin Istoric, 2000, Nr. 3.
- Troncotă C. Eugen Cristescu, asul serviciilor secrete românești. Memorii. Buc., 1997.
- Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale. Chișinău, 2005.
- Țurcanu I. Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. Chișinău, 1998.
- Vasile V. „Lăsați-ne liberi, să mergem să mâncăm carne de român”. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 3.
- Vasilos V. Istoria românilor. Chișinău, 2003.
- Verenca O. Administrația civilă română în Transnistria 1941-1944. Buc., 2000.
- Viața și moartea lui Ion Antonescu. Buc., 1996.
- Videnie N. O lecție de educație. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 6.
- Vișoianu C. Geneza arbitrajului de la Viena. // Magazin Istoric, 1994, Nr. 5.
- Vișoianu C. Relațiile sovieto-române în 1939 și 1940. // Magazin Istoric, 1993, Nr. 10.
- Vișoiu R. Viața absurdă a ultimului împărat, Pu Yi. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 4.
- Vlad C. Franklin Roosevelt cade în capcana lui Stalin. // Historia. Revistă de istorie, 2003, Nr. 12.
- Vlășceanu M. Rommel străpunge frontul francez. // Historia. Revistă de istorie, 2005, Nr. 12.
- Volokitina T.V. Miza – Balcani, eventual Mediterana. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 12.
- Volokitina T.V. „Sovietizarea Europei de Răsărit”. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 3, 4.
- Watts L.L. O Casandă a României. Ion Antonescu și lupta pentru reformă. 1918–1941. Buc., 1993.
- Wexler T. Cardinali între dreptți ai popoarelor. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 8.
- Wexler T. Enigmele scrisorii Mareșalului Antonescu către dr. Filderman. // Magazin Istoric, 1998, Nr. 6.
- Wexler T. La Galați, pogromuri dejucate. // Magazin Istoric, 2003, Nr. 2.
- Wexler T. Prietenul adevărat... Generalul Dragalina salvează mii de evrei din Cernăuți. // Magazin Istoric, 2001, Nr. 3.
- Wiener A. 6 iunie 1944. Debarcarea. // Magazin Istoric, 1992, Nr. 6.
- Wight M. Politica de putere. Chișinău, ARC, 1998.
- Xeni C. Nicolae Titulescu. // Magazin Istoric, 2002, Nr. 3, 4.
- Yarrow M.D. Zece săptămâni lângă Eisenhower. // Magazin Istoric, 1996, Nr. 7.
- Zamfirescu D. Ialta și debutul exilului românesc. // Dosarele istoriei, 2006, Nr. 11.
- Zamfirescu D. Stalin decide: Uniunea Sovietică se aliază cu Germania nazistă. // Magazin Istoric, 2008, Nr. 8.
- Zbucea Gh. Tratatul de la Craiova parte a dictatului de la Viena. // Magazin Istoric, 2004, Nr. 9.
- 1939 год. Уроки истории. М., 1990.
- 35 лет победы над милитаристской Японией. М., 1980.
- 50 лет Вооружённых Сил СССР. М., 1968.
- 70 лет дипломатических отношений между Россией и США. // Межд. жизнь, 2003, № 11.
- Абалихин Б.С. Утро победы. Волгоград, 1986.
- Абаринов В.К. Катынский лабиринт. М., 1991.
- Агрессивная политика держав фашистского блока и происхождение второй мировой войны. М., 1989.
- Азаров И.И. Начало войны в Севастополе. // ВИЖ, 1962, № 6.
- Азарьев С.И. О некоторых противоречиях в выступлениях академика А.М. Самсонова. // ВИЖ, 1989, № 8.

- Айрапетов А.Г., Молотков С.Н. Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект). // ННИ, 2010, № 4.
- Айхгольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма. // ННИ, 2002, № 6.
- Акулов А.А. Колд-Бей, Аляска, 1945 год. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2002, № 6.
- Александров А.С. Гитлеровская Германия: 1939 год. // ВИЖ, 1989, № 1.
- Аллен Дж. Атомный империализм. Перевод с английского. М., 1952.
- Алпрованц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. Перевод с английского. М., 1968.
- Аманн Р. Пакт между Гитлером и Сталиным. Оценка интерпретаций советской внешней политики, включая новые вопросы и новые исследования. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/A/Ahmann/Articles/pakt.htm>.
- Амброз С. Эйзенхауэр: солдат и президент. // США: ЭПИ, 1994, № 12.
- Анатомия войны. Перевод с нем. М., 1971.
- Андроников Н.Г. Гитлеровский «факел» был погашен на «огненной» дуге. // ВИЖ, 1993, № 7, 8.
- Андроников Н.Г. Первый рубеж решающих побед. К 50-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. // ВИЖ, 1992, № 1.
- Аничкин А.О. Память о Нормандии. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2004, № 8.
- Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С. «Сфатул Цэрий» – антинародный орган. Кишинев, 1986.
- Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Завтур А.А., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е. Победа Советской власти в Молдавии. М., 1978.
- Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б. Предательская роль «Сфатул Цэрий». Кишинев, 1969.
- Антосяк А.В. В боях за свободу Румынии. М., 1974.
- Антосяк А.В. Яско-Кишинёвская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии. // История СССР. 1986, июль-август, № 4.
- Антюхина-Московченко В.И. СССР и Франция. Советско-французские отношения в 1917 – 1967 гг. М., 1967.
- Ануреев И.И., Герасимов А.Г. Освобождение народов Европы. М., 1985.
- Ануфриев А.С. Гитлеровская Германия: 1940 год. // ВИЖ, 1989, № 2.
- Ануфриев А.С. Гитлеровская Германия: 1941 год. // ВИЖ, 1989, № 3.
- Ануфриев А.С. Гитлеровская Германия: 1942 год. // ВИЖ, 1989, № 4.
- Анфилов В.А. «...Разговор закончился угрозой Сталина». // ВИЖ, 1995, № 3.
- Анфилов В.А. Крах стратегии «молниеносной войны». М., 1981.
- Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М., 1989.
- Анфилов В.А. Н.С. Хрущев: «Сам я не слышал, но мне говорили...» // ВИЖ, 1994, № 4.
- Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. М., 1989.
- Анфилов В.А. Новая версия и реальность. // Независимая газета, 1999, 7 апреля.
- Анфилов В.А. Провал «блицкрига». М., 1974.
- Анфилов В.А. Провал плана «Барбаросса». М., 1986.
- Арад И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945). Днепропетровск-Москва, 2007.
- Афтенюк С.Я. В братской семье народов СССР. Кишинев, 1957.
- Афтенюк С.Я. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971.
- Афтенюк С.Я. Победа Советской власти в Молдавии и её защита от интервентов в январе-феврале 1918 года. // Коммунист Молдавии. 1968, №11.
- Афтенюк С.Я., Дану Е.Н., Есауленко А.С., Иткис М.Б., Калинин М.А., Ройтман Н.Д. За власть Советов. Хроника революционных событий в Молдавии (март 1917 – январь 1918 гг.). Кишинев, 1969.
- Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. Кишинев, 1970.
- Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964.
- Афтенюк С.Я., Морарь А.Г. Действительность и измышления фальсификаторов. Кишинев, 1984.
- Афтенюк С.Я., Морарь А.Г. Критика антикоммунистических извращений истории Советской Молдавии. Кишинев, 1974.
- Ахромеев С.В. Вопреки исторической правде. // ВИЖ, 1991, № 4.
- Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. М., 1974.
- Бабаев А.-М.Б. Крах гитлеровских планов захвата Кавказа. Махачкала, 1975.
- Бантя Е., Николае К., Захария Г. Румыния в антигитлеровской войне (август 1944 – май 1945). Бухарест, 1970.
- Барышников Н.И. Советская финляндская война 1939-1940 гг. // ННИ, 1989, № 4.
- Барышников Н.И. Тайные визиты А. Гитлера в Финляндию и К.Г. Маннергейма в Германию в июне 1942 года. // ННИ, 2007, № 3.
- Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985.
- Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945. М. 1987.
- Басов А.В. Флот в Великой Отечественной войне 1941-1945: Опыт оперативно-стратегического применения. М. 1980.
- Басов А.В., Гутенмахер Г.И. Персидский коридор. // ВИЖ, 1991, № 1.
- Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. Перевод с английского. М., 1959.
- Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942 гг. Перевод с английского. М., 1967.
- Батталья Р. История итальянского Движения Сопротивления (8 сентября 1943 г. – 25 апреля 1945 г.) Перевод с итальянского. М., 1954.
- Бахман К. Кем был Гитлер в действительности. Перевод с нем. М., 1981.
- Бачо Я. Что происходило за кулисами... Сокращённый перевод с венгерского. М., 1965.
- Безыменский Л. Августовское предложение Гитлера Лондону (Протокол беседы Гитлера с Буркхардтом 11 августа 1939 г. в Берхтесгадене). // Межд. жизнь, 1989, № 9.
- Безыменский Л. Был ли Гитлер политическим экстремистом? // Новое время, 1999, № 7.
- Безыменский Л. «Второй Мюнхен» – замысел и результаты (из архива Форин Оффиса). // ННИ, 1989, № 4-5.
- Безыменский Л. Конец одной легенды. М., 1986.
- Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., 1972.
- Безыменский Л. Почему Уинстон Черчилль ответил отказом. // Новое время, 1988, № 35.
- Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. 1933-1941. М., 1984.
- Безыменский Л. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987.

- Безыменский Л.А. Альтернативы 1939 г. // Новое время, 1989, № 23, 24.
- Безыменский Л.А. Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. В свете новых документов. // ННИ, 1995, № 6.
- Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1964.
- Безыменский Л.А. Новые документы о последних днях и смерти Гитлера. // ННИ, 2001, № 3.
- Безыменский Л.А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // ННИ, 2000, № 3.
- Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы. // ННИ, 1998, № 3.
- Безыменский Л.А. Укрошение «Тайфуна». М., 1987.
- Беккер М. Зажги свечу в День Победы... Кишинев, 2002.
- Белецкий В.Н. Встреча в Потсдаме. М., 1980.
- Белецкий В.Н. Потсдам 1945. История и современность. М., 1987.
- Белли В., Пензин К. Боевые действия в Атлантике и на Средиземном море. 1939-1945 гг. М., 1967.
- Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. 1929-1939. М., 1976.
- Беляев В.И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны. // ВИЖ, 1988, № 5.
- Бережков М. Просчет Сталина. // Международная жизнь (далее: Межд. жизнь), 1989, № 8.
- Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1999.
- Бивор Э. Падение Берлина. 1945. Пер. с англ. М., 2004.
- Бивор Э. Сталинград. Пер. с англ. М., 1999.
- Битва за Москву. М., 1985.
- Бланк А., Хавкин Б. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.
- Блейер Б. и др. Германия во второй мировой войне (1939 – 1945). Перевод с английского. М., 1971.
- Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г. // Отечественная история, 1995, № 5.
- Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы. По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1940 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г. // ВИЖ, 1993, № 6-8.
- Бонвеч Б. Наступательная стратегия – наступление – нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года. // <http://gkaf.narod.ru/kirillov/ref-liter/bonvetch.html>.
- Боратынский С. Дипломатия периода второй мировой войны. Перевод с польского. М., 1959.
- Борисов А. Уроки второго фронта, или Могла ли Европа разделить судьбу Хиросимы и Нагасаки. М., 1989.
- Борисов А.Ю. Дороги на Эльбу. Из истории советско-американских отношений в годы Великой Отечественной войны. М., 1981.
- Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны. 1941 – 1945. М., 1983.
- Борисов Ю.В. Де Голль и США: 40 – 60-е годы XX века. // ННИ, 2008, № 1.
- Борисов Ю.В. Звёздный час наркома Литвинова (о новой книге академика Г.Н. Севостьянова). // ННИ, 2007, № 7.
- Борисов Ю.В. Новейшая история Франции (1917-1964). М., 1966.
- Борозняк А.И. Блокада Ленинграда и историография ФРГ. // ННИ, 2010, № 1.
- Боффа Дж. История Советского Союза. В двух томах. Перевод с итальянского. М., 1990.
- Брукс Л. За кулисами японской капитуляции. Сокращённый перевод с английского. М., 1971.
- Бузукашвили М.И. Крах «Зимней грозы». М., 1984.
- Буле Винсен. Образ румынской администрации и настроения населения Бессарабии, отражённые во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918-1920 годов. // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multiseculare moldo-ruso-ucrainene” (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012. С. 139-141.
- Буле Винсен. Французские дипломаты и бессарабский вопрос во время диктатуры короля Кароля II (1938-1940). // Conferința științifică internațională „Identitatea civică și integrarea europeană – factori ai consolidării statalității moldovenești” (Chișinău, 5-6 octombrie 2011). Chișinău, 2011. С. 103-105.
- Буллок А. Гитлер и Сталин. В 2-х томах. Перевод с английского. Смоленск. 1994.
- Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. Свердловск, 1991.
- Бэрчетт У. Вновь Хиросима. Перевод с английского. М., 1987.
- Васильев И. О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне. М., 1951.
- Великая обогнанная война-2. М., 2008. // http://militera.lib.ru/research/pyhalov_dukov/index.html.
- Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977.
- Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945 гг. Краткая история. М., 1970.
- Великая Отечественная война. (1941-1945 годы). М., 2010.
- Великая победа на Волге. М., 1965.
- Венков И.Н. Агония. // ВИЖ, 1992, № 6-7.
- Верт А. Россия в войне 1941-1945. Перевод с английского. М., 1967.
- Верт А. Франция. 1940-1955 годы. Перевод с английского. М., 1959.
- Ветте В. Легенда о «превентивной войне». Кто и зачем пытается её возродить. // За рубежом, 1988, № 36 (1469), (перепечатка из «Цайт», Гамбург).
- Виднянский С.В. Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 году и её включение в состав Румынского королевства. // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multiseculare moldo-ruso-ucrainene” / «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012.
- Викторов А.В. Стратегические переброски войск США. // ВИЖ, 1988, № 5.
- Вильямс В.Э. Трагедия американской дипломатии. Перевод с английского. М. 1960.
- Виноградов А.Н. Прыжок в пропасть. // ВИЖ, 1998, № 6.
- Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
- Витте В. Война на уничтожение: вермахт и Холокост. // ННИ, 1999, № 3.
- Вишлѐв О.В. Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. // ННИ, 1999, № 1.
- Вишлѐв О.В. Почему же медлил Сталин в 1941 г.? Из германских архивов. // ННИ, 1992, № 2.
- Вишлѐв О.В. Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы. // ННИ, 1998, № 4.
- Вобликов Д. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860-1960. М., 1961.
- Военно-экономические и дипломатические аспекты истории второй мировой войны. Сборник научных трудов. Краснодар, 1990.
- Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. М., 2010.
- Волков В.К. Операция «Тевтонский меч». М., 1966.
- Волков В.К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 года. // Вопросы истории, 1997, № 2.
- Волков Ф.Д. Взлѐт и падение Сталина. М., 1992.
- Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. М., 1985.

- Волков Ф.Д. Их вклад в победу. М., 1984.
- Волков Ф.Д. Тайное становится явным: Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы второй мировой войны. М., 1989.
- Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.
- Волкогонов Д.А. Драма решений 1939 года. // ННИ, 1989, № 4.
- Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн. 2, ч. I. М., 1989.
- Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917-1940. М., 1965.
- Воронина И.А. Первые публикации Народного комиссариата по иностранным делам (1917 – 1918 гг.) // Межд. жизнь, 2003, № 2.
- Воронцов В.Б. Трагедия сорок пятого (Из истории первой атомной бомбы). М., 1986.
- Воюшин В.А., Горлов С.А. Фашистская агрессия: о чём сообщали дипломаты. // ВИЖ, 1991, № 6.
- Всемирная история. В 13-ти томах. М., 1955 – 1983.
- Вторая мировая война: Два взгляда. Якобсен Ганс-Адольф. 1939-1945. Вторая мировая война. Хроника и документы. М., 1995 (<http://militera.lib.ru/h/jacobsen/index.html>).
- Высоцкий В.Н. Мероприятие «Терминал». М., 1975.
- Вышли на фронт «катюши»: Воспоминания ветеранов гвардейских миномётных частей. М., 1982.
- Гаек И. Мюнхен. М., 1960.
- Газин В.П. Локарно и проблема “мирной ревизии” Версальского договора в 1925-1927 гг. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск. 1989.
- Гакман С.М. Присоединение Бессарабии и северной части Буковины к СССР в 1940 году: мирное решение вопроса или военная операция?. // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multiseculare moldo-ruso-ucrainene” / «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012.
- Гальпери М. Советские партизаны в итальянском Движении Сопротивления. Перевод с итальянского. М., 1970.
- Ганин А. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...». Почему побеждала Красная армия? // Родина. 2011, № 2.
- Гареев М.А. Ещё раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. // ННИ, 1994, № 2.
- Гареев М.А. Маньчжурская стратегическая наступательная операция 1945 года. // ННИ, 2005, № 5.
- Гареев М.А. О военной науке и военном искусстве в Великой Отечественной войне. // ННИ, 1995, № 2.
- Гареев М.А. О мифах старых и новых. // ВИЖ, 1991, № 4.
- Гареев М.А. О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне. По неопубликованным документам ГКО. // ННИ, 1994, № 1.
- Гареев М.А. Об изучении истории Великой Отечественной войны. // ННИ, 1992, № 1.
- Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // ННИ, 2006, № 5.
- Гареев М.А. Об уроках и опыте Великой Отечественной войны. // ННИ, 2010, № 5.
- Гареев М.А. Сокрушительный удар советских войск. // ВИЖ, 1997, № 5.
- Гареев М.А. Социально-политическое значение и цена победы. // Межд. жизнь, 1994, № 9.
- Гейн М. Японский дневник. М., 1951.
- Германия во Второй мировой войне (1939-1945). М., 1971.
- Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3.
- Гилсенсен В.М. Фатальная ошибка. Роль немецкой разведки в принятии Гитлером решения о нападении на СССР. // ВИЖ, 1998, № 4.
- Гинзбург Л. Потусторонние встречи. М., 1990.
- Гланц Д.М. Забытые страницы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). // Вопросы истории, 1995, № 5-6.
- Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. М., 2007.
- Гланц Д. Советское военное чудо 1941-1943: Возрождение Красной Армии. М., 2008.
- Глушков Е. Репарационная политика Антанты и позиция правящих кругов Германии. // Из истории буржуазной дипломатии и международных противоречий в первой половине XX в. Томск. 1986.
- Говард М. Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943. Перевод с английского. М., 1980.
- Годунов Н.И. Борьба французского народа против гитлеровских оккупантов и их сообщников (1940-1944). М., 1953.
- Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. Науковий часопис, №1 (3) 2008.
- Голубев С.М. За кулисами операции «Оверлорд». // ННИ, 1999, № 5.
- Гольдшмидт Б. Атомная проблема. Политические и технические аспекты. М., 1964.
- Гончаров А.А. Шёл отряд по берегу... Одесса, 1963
- Горев Я. Я знал Зорге. М., 1964.
- Горелик Я.М. Конец гитлеровской Германии. // ВИЖ, 1989, № 9.
- Горлов С.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы. // ВИЖ, 1991, № 9.
- Горлов С.А. Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 года. // ВИЖ, 1992, № 6-7.
- Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова – Риббентропа. // ННИ, 1993, № 4.
- Горлов С.А., Ермаченков С.В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе. // ВИЖ, 1993, № 6-8.
- Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001 (книга на сайте: militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html).
- Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995 (книга на сайте: «Миф Ледокола»).
- Городецкий Г. Черчилль и Советский Союз после 22 июня 1941 г. // ННИ, 1990, № 6.
- Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // ННИ, 1993, № 3.
- Горьков Ю.А. Кремль, Ставка, Генштаб. Тверь, 1995 (книга на сайте: militera.lib.ru/research/gorkov2/index.html).
- Горьков Ю.А. Маршал Г.К. Жуков – член ставки, заместитель Верховного главнокомандующего. // ННИ, 1995, № 2.
- Горьков Ю.А. Мог ли пасть Берлин в феврале 1945 года. // ВИЖ, 1990, № 5.
- Горьков Ю.А., Сёмин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне ВОВ. Новые архивные документы. // ННИ, 1997, № 5.
- Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995.
- Гоудсмит С. Миссия «АЛСОС». М., 1963.
- Гребельский З.В. Нападать на Германию СССР не собирався. // ВИЖ, 1994, № 9.
- Григорьянц Т.Ю. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939 – 1945 гг.) М., 1979.
- Гросул В.Я. Когда началась Вторая мировая война. // ННИ. 2010, № 3.
- Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941 – 1945 гг. // ННИ, 1992, № 3.
- Гуркин В.В., Гуров О.Г. Цена агрессии. Безвозвратные людские потери фашистской Германии. // ВИЖ, 1989, № 9.

- Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора. // ВИЖ, 1996, № 3.
- Гуркин В.В., Круглов А.И. Э. фон Манштейн: «Ошибка, в которую впал Гитлер». // ВИЖ, 1995, № 3.
- Дадзани Г.Л. Советско-польская война 1919-1920 гг. // ВИЖ, 1990, № 5.
- Дайнес В.О. И.С. Яжборовская, В.С. Парсаданова. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. // ННИ, 2006, № 4.
- Дамс Х.Г. Франсиско Франко. Солдат и глава государства. // <http://militera.lib.ru/bio/dahms/05.html>.
- Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность. // Отечественная история, 1995, № 3.
- Дашичев В. Мехеленский инцидент и немецкий план разгрома Франции. // ВИЖ, 1959, № 3.
- Дашичев В. Почему немецкие танки остановились перед Дюнкерком. // ВИЖ, 1962, № 6.
- Дашичев В.И. Стратегическое планирование агрессии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 3.
- Детуайлер Д. Эскалация второй мировой войны в 1941 г. // ННИ, 2000, № 2.
- Детуайлер Д.С. Высадка союзников в Нормандии в 1944 году: ретроспективный взгляд. // ННИ, 2004, № 4.
- Дзелепи Э. Секрет Черчилля. М., 1975.
- Дивайн Д. Девять дней Дюнкерка. М., 1965.
- Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // ННИ, 2002, № 3.
- Длужневская С. Варшавский дневник. М., 1967.
- Долглейш Д. Как мы планировали второй фронт. Внутренняя история второго фронта. М., 1946.
- Донгаров А.Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // ВИЖ, 1990, № 3.
- Дорон Д. Кишинёвское гетто – последний погром. Кишинев, 1993.
- Дубинский А.М. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966.
- Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937 – 1945. М., 1980.
- Дудорова О.А. Неизвестные страницы «зимней войны». // ВИЖ, 1991, № 9.
- Дьёни Габор. Венгрия, СССР и территориальные потери «Великой Румынии» в 1940 г.: уроки истории. // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multiseculare moldo-ruso-ucrainene” (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012. С. 156-160.
- Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992.
- Европа в международных отношениях. 1917-1939. М., 1979.
- Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. М., 1985.
- Ежевский Л. Катынь 1940. Рига, 1990.
- Елисеев В.Т., Михалев С.Н. Так сколько же людей мы потеряли в войне. // ВИЖ, 1992, № 6-7.
- Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. М., 1966.
- Ерин М.Е. Германский империализм в борьбе за пересмотр репарационных обязательств (План Юнга и Гагская конференция 1929/1930 гг.). // Дипломатические отношения западноевропейских стран между двумя мировыми войнами. Ярославль, 1976.
- Есауленко А.С. Победа социалистической революции в Молдавии – торжество пролетарского интернационализма. Кишинёв, 1983.
- Есауленко А.С. Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917-1918). Кишинёв, 1977.
- Есауленко А.С., Ройтман Н.Д. В.И. Ленин и победа Великого Октября в Молдавии. Кишинёв, 1985.
- Есауленко А.С., Ройтман Н.Д. Победа Советской власти в Молдавии. Кишинёв, 1978.
- Есауленко А.С., Ройтман Н.Д. Под знаменем Великого Октября (к 70-летию установления Советской власти в Молдавии). Кишинёв, 1987.
- Ефимов Г., Дубинский А. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917-1945. М., 1973.
- Жариков А.Д. «Благодаря товарищу Мехлису справляемся». // ВИЖ, 1994, № 4.
- Жилин П.А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1965.
- Жилин П.А. Подготовка фашистской Германией войны против СССР. М., 1975.
- За гранью понимания. Богословы и философы о Холокосте. Киев, 2003.
- За освобождение Чехословакии. М., 1965.
- Забывтый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. Москва, 2010.
- Завьялов А.С., Калядин Т.Е. Провал операции «Эдельвейс». М., 1962.
- Залуский Зб. Сорок четвёртый. События, наблюдения, размышления. Перевод с польского. М., 1978.
- Замулин В. Курский излом. Новое об известном. // Родина, 2011, № 6.
- Заставенко Г. Военно-экономическая и политическая подготовка Германии к летнему наступлению 1943 года. // ВИЖ, 1967, № 3.
- Захаров В.А., Худолеев Б.Г. Секрет папки «Н». // ВИЖ, 1989, № 2.
- Захарова Г.В. Политика Японии в Маньчжурии 1932 – 1945. М., 1990.
- Згорняк М. Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом второй мировой войны. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/Z/Zgorniak/polsh.html>.
- Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. М., 1982.
- Зимарин О.А. Миф «Ледокола». // ВИЖ, 1995, № 4.
- Зинченко Ф.М. Герои штурма рейхстага. М., 1983.
- Зинин Г. США после второй мировой войны. М., 1977.
- Зловещая эстафета. М., 1982.
- Золоторев В.А. История Великой Отечественной войны в документах. // ННИ, 2011, № 3.
- Золоторев В.А. Непримиимые союзники. Размышления о книге «Сталин и Черчилль». // ННИ, 2005, № 2.
- Золоторев В.А., Лавров С.Б. Второй фронт: сорок лет спустя. Душанбе, 1987.
- Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье. // Межд. жизнь, 1989, № 9.
- Зубаков В.Е. Победный финал. М., 1985.
- Зуев Ф.Г. Польский народ в борьбе против фашизма. М., 1967.
- Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977.
- Ибрашев Ж.У. Политическая концепция де Голля. Алма-Ата, 1976.
- Иванов И.В. Направленность румынских публикаций по истории. // ВИЖ, 1990, № 12.
- Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр и советско-американские союзнические отношения в 1941 – 1945 гг. // США: ЭПИ, 1995, № 5, 6.
- Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983.
- Иванов Р.Ф. Союзники. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2000, № 5.

- Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Антигитлеровская коалиция победила, но согласие дало трещину. // Межд. жизнь, 1994, № 11.
- Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Кто выступал в США за открытие второго фронта. // Межд. жизнь, 1994, № 10.
- Иванов Ю.В. Задолго до Катини. Красноармейцы в аду польских концлагерей. // ВИЖ, 1993, № 12.
- Иванов Ю.В. 10 ответов на 10 польских вопросов. // Межд. жизнь, 2005, № 9.
- Иванов Ю.В. О Варшавском восстании. // Межд. жизнь, 2004, № 9.
- Иванов Ю.В. Освободительный поход или агрессия? Действия частей Красной Армии в сентябре 1939 года и современная польская историография. // ВИЖ, 1994, № 9.
- Иванов Ю.В., Косенко И.Н. Кто кого предал. Варшавское восстание 1944 года: свидетельствуют очевидцы. // ВИЖ, 1993, № 3.
- Иванян Э.А. От Дж. Вашингтона до Дж. Буша: Белый дом и пресса. М., 1991.
- Ивашов Л.Г. «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». // ВИЖ, 1993, № 4.
- Ивашов Л.Г. В последние предвоенные. // ВИЖ, 1989, № 11.
- Ивашутин П.И. Докладывала точно. // ВИЖ, 1990, № 5.
- Ивашутин П.И. Стратегия и тактика вероломства. // ВИЖ, 1991, № 6.
- Ингерсолл Р. Совершенно секретно. М., 1947.
- Индукеева Н.С. Политика США в вопросе о германских репарациях в 1920-1921 гг. // Вопросы истории международных отношений. Томск. 1973.
- Индукеева Н.С. Политика США по вопросу о германских репарациях на Парижской мирной конференции (1919 г.). // Вопросы истории международных отношений. Томск. 1972.
- Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С. История современной Японии. М., 1955.
- Иойрыш А.И., Морохов И.Д. Хиросима. М., 1979.
- Исаев А.В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2005.
- Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М., 2006.
- Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940-1946 годы. М., 2008.
- Израэлян В.Л. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967.
- Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны 1941 – 1945 гг. М., 1985.
- Израэлян В.Л. У истоков Организации Объединённых Наций. Глазами ветерана. // Межд. жизнь, 2005, № 7-8.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. В 6-ти томах. М., 1965.
- История внешней политики СССР. 1917-1985. В 2-х томах. М., 1986.
- История внешней политики СССР. В 2-х томах. М., 1976.
- История военного искусства. М., 1984.
- История войны на Тихом океане. Т. 1 – 4. Перевод с японского. М., 1957 – 1958.
- История второй мировой войны. В 12-ти томах. М., 1973-1982.
- История дипломатии. Т. 3. М. 1965.
- История Европы. Т.1. М., 1988.
- История Италии Т.3. М., 1971.
- История КПСС. Т. 3. Кн. I. М., 1967.
- История КПСС. Т. 4. М., 1971.
- История международных отношений и внешней политики СССР. 1917-1987. В 3-х томах. М., 1987.
- История международных отношений и внешней политики СССР. 1968-1978. М., 1979.
- История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М., 1967.
- История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М., 1986.
- История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968.
- История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945-2000. М., 2001.
- История России. Т. 2. М., 2000.
- История Румынии. 1918-1970. М., 1971.
- История Румынии. М., 1950.
- История США. Т. 3. М., 1985.
- История США. Т. 4. М., 1987.
- История фашизма в Западной Европе. М., 1978.
- К вопросу о людских ресурсах и численности вооружённых сил Германии во второй мировой войне. // ВИЖ, 1959, № 4.
- К вопросу о подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза. // ВИЖ, 1959, № 2.
- Каплин Л.А. Прыжок в «волчье логово». Краснодар, 1984.
- Карев А.Г. Одесса – город-герой. М., 1978.
- Каршаи Элек. От логова в Берхтесгадене до бункера в Берлине. Сокр. Перевод с венгерского. М., 1968.
- Катинская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991.
- Кашлев Ю. Чичерин, Генуя, Рапалло: как это видится сегодня. // Межд. жизнь, 1998, № 3.
- Кегель Г. В бурях нашего века. М., 1987.
- Кеттенаккер Л. Безоговорочная капитуляция как основа англосаксонского планирования на послевоенный период. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/K/Kettenacker/Articles/kapit.htm>.
- Кимболл У.Ф. (США). «Мой дорогой господин Сталин». Полная переписка между Франклином Делано Рузвельтом и Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Нью-Хэйвен-Лондон, 2005. // ННИ, 2007, № 5.
- Кимхе Дж. Несостоявшаяся битва. Перевод с английского. М., 1971.
- Кириленко Г.В. Нефть во второй мировой войне. // ВИЖ, 1987, № 12.
- Кирий Ю.Я., Романичев Н.М. Накануне 22 июня 1941 г. (по материалам военных архивов). // ННИ, 1991, № 3.
- Кирий Ю.М. Начальный период Великой Отечественной войны. // ВИЖ, 1988, № 6.
- Киселев В.Н. Висла – Арденны, 1944 – 1945. // ВИЖ, 1993, № 6.
- Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны. // ВИЖ, 1992, № 2.
- Киссельгоф И.С. История Франции в годы второй мировой войны. М., 1975.
- Кларк Р. Рождение бомбы. М., 1962.
- Клишко З. Варшавское восстание. Статьи, речи, воспоминания, документы. М., 1969.
- Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.
- Коваль В. С. Политика и стратегия США во второй мировой войне. Киев, 1987.

- Коваль В.С. «Барбаросса»: Истоки и история величайшего преступления империализма. Киев, 1989.
- Коваль В.С. Политика и стратегия США во Второй мировой войне (Проблема парирования угрозы из Европы до перелома в войне). Киев, 1987.
- Коваль В.С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1960.
- Коваль В.С. США во Второй мировой войне: Некоторые проблемы внешней политики (1939 – 1941). Киев, 1976.
- Коган А. Красная пена. Бессарабский геноцид. Кишинёв, 2001.
- Колесников М., Колесникова М. Друзья и соратники Зорге. М., 1966.
- Колесников М.П. Освобождение Белоруссии. // ВИЖ, 1994, № 6.
- Колкер Б.М. Из истории румыно-советских отношений в конце 1940 года. // Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинёв, 1969.
- Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941). М., 1971.
- Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина. М., 2010.
- Колосков И.А., Цырульников Н.Г. Народ Франции в борьбе против фашизма. Из истории освободительного движения во Франции в 1939 – 1944 гг. М., 1960.
- Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М., 1983.
- Комолова Н.П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии (1943 – 1947 гг.). М., 1972.
- Комолова Н.П. Новейшая история Италии. М., 1970.
- Кондрашов В. «Достоверные сведения о противнике». Система военной разведки РККА и ВМФ СССР в предвоенные годы. // Родина, 2011, № 10.
- Кондрашов В. «Собирайте факты». Как военная разведка освещала подготовку Германии к нападению на Советский Союз. // Родина, 2011, № 6.
- Копанский Я.М., Левит И.Э. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией (июнь 1934 г.). // Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинёв, 1969.
- Копченко Н.И. Внешнеполитическая концепция Сталина. // Межд. жизнь, 2005, № 9.
- Коровин Е.А. Устав Объединённых наций. М., 1946.
- Короленков А.В. М. Гильберт. Как руководил Черчилль во время войны. // ННИ, 2007, № 4.
- Корольков Ю. Человек, для которого не было тайн. М., 1966.
- Коротков Г.И. Переломные сражения Великой Отечественной войны в оценках зарубежных государственных и военных деятелей. // ННИ, 2005, № 2.
- Корхмязян Р.С. Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны. Ереван, 1977.
- Кох Л. Лис пустыни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель. Ростов на Дону, 1999.
- Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией. // ННИ, 1995, № 4.
- Кошкин А.А. Вступление СССР в войну с Японией в 1945 году. Политический аспект. // ННИ, 2011, № 1.
- Кошкин А.А. Роль СССР в разгроме милитаристской Японии. // США: ЭПИ, 1985, № 8.
- Кошкин А.А. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. и его последствия. // ННИ, 1994, № 4-5.
- Крал В. План зет. Перевод с чешского. М., 1978.
- Краминов Д. Правда о втором фронте. Записки военного корреспондента. М., 1958.
- Красильников А.Н. СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917 – 1967 гг. М., 1967.
- Кривошеев Г.Ф. В первых сражениях. // ВИЖ, 1991, № 2.
- Кривошеев Г.Ф. Война брони и моторов. // ВИЖ, 1991, № 4.
- Кривошеев Г.Ф. Накануне. // ВИЖ, 1991, № 6.
- Кривошеев Г.Ф. Цена освободительной миссии. // ВИЖ, 1991, № 3.
- Крикунов В.П. Куда делись танки. // ВИЖ, 1988, № 6.
- Крикунов В.П. Фронтовики ответили так. // ВИЖ, 1989, № 5.
- Крон А. Капитан дальнего плавания. М., 1980.
- Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. Хроника событий. Могилев-Подольск, 1997.
- Круглов А. Хроника Холокоста в Украине. 1941-1944 гг. Днепрпетровск-Запорожье, 2004.
- Крылов С.А. История создания Организации Объединённых Наций. М., 1960.
- Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. М., 1962.
- Кузнецов Б.К. Эйштейн. М., 1963.
- Кузнецов Б.Н. Из того ли фонда. // ВИЖ, 1992, № 6-7.
- Кузнецов И.И. Генералы 1940 года. // ВИЖ, 1988, № 10.
- Кузнецов Л.М. Стопроцентный американец. Исторический портрет генерала Макартура. М., 1990.
- Куликов А.И. В сентябре 1944 года. Советско-финляндские переговоры о перемирии (по протокольным записям). // ННИ. 2010, № 2.
- Кулиш В.М. Второй фронт. Операции в Западной Европе в 1944 – 1945 гг. М., 1960.
- Кулиш В.М. История второго фронта. М., 1971.
- Кулиш В.М. Раскрытая тайна. Предыстория второго фронта в Европе. М., 1965.
- Кульков Е.Н. Кто Кого спасал в Арденнах? // ВИЖ, 1994, № 3.
- Кульков Е.Н. Операция «Вахта на Рейне». М., 1986.
- Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1988.
- Кундуба И.Д. Советско-польские отношения (1939 – 1945 гг.). Киев, 1963.
- Купша И., Матей Г. и др. Вклад Румынии в разгром фашистской Германии (23 августа 1944 – 9 мая 1945). Перевод с румынского. М., 1959.
- Курников В. Германия – сосед и партнёр России. // Межд. жизнь, 1992, № 11-12.
- Кустов М. Кто проиграл Сталинград? // <http://sovsekretno.ru/magazines/article/962>.
- Кутаков Л. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.
- Куц Е.Р. Борьба СССР за демократическое решение польского вопроса. 1941 – 1945. Киев, 1984.
- Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1941 – 1943 гг. // ННИ, 1995, № 1.
- Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании. 1944 – 1945 гг. // ННИ, 1995, № 4.
- Кынин Г.П. Секретная телеграмма И.В. Сталина Д. Эйзенхауэру накануне битвы за Берлин. // ННИ, 2000, № 3.
- Лавров В.С. Дипломатические зигзаги Германии накануне нападения на СССР. (О поездке В.М. Молотова в Берлин и полёте Р. Гесса в Англию. // Межд. жизнь, 1993, №9; 1994, № 1.
- Лавров В.С. Что скрывалось за приглашением В.М. Молотова осенью 1940 года в Берлин и полётом Р. Гесса в мае 1941 года в Англию. // ННИ, 2005, № 1.

- Лавров Л.П. История одной капитуляции. М., 1964.
- Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974.
- Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
- Лан В.И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976.
- Ларионов В.В. «Во имя величия Америки». // США: ЭПИ, 1995, № 8.
- Ларионов В.В. Последние километры к Победе. // США: ЭПИ, 1995, № 4; США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5.
- Ларионов В.В. Сокрушительное поражение фашизма в Европе. // США: ЭПИ, 1995, № 5.
- Ласкин И.А. На пути к Перекопу. М., 1977.
- Лебан А. Запад выступал в роли Госплана. // Межд. жизнь, 2000, № 11.
- Лебедев И.П. Записки участника авиационного ленд-лиза в 1941 – 1945 гг. // ННИ, 2000, № 5.
- Лебедев Н.И. История Румынии. 1918–1970. М., 1971.
- Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. М., 1983.
- Лебедев Н.И. Падение диктатуры Антонеску. М., 1966.
- Лебедев Н.И. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961.
- Левит И. В наркотическом угаре юдофобии. Кишинэу, 2004.
- Левит И. Пепел прошлого стучит в наши сердца. Холокост. Кишинёв, 1997.
- Левит И. Холокост в Бессарабии в кривом зеркале господина Петренку. Кишинёв, 1999.
- Левит И.Э. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19. XI. 42 – 23. VIII. 44). Кишинёв, 1983.
- Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинёв, 2000.
- Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинёв, 1981.
- Леонидов А. Судьба, которая готовилась Англии. // Межд. жизнь, 1960, № 4.
- Леонов Н.С. Ответ господам Бжезинскому и Тэлботу. // <http://sm.aport.ru/scripts/template.dll?r=8>.
- Лещинский Л.М. Операция «Морской лев». М., 1963.
- Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976.
- Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. М., 1957.
- Лисовский Ю.П. Италия от фашизма к демократии. Трудные пути послевоенной перестройки. М., 1990.
- Литвин Г.А., Волкодаев И.И. Планировал ли Сталин войну против Германии? (Из книги немецких историков Круммахера Ф.А. и Ланге Г. От Брест-Литовска до «Барбароссы»). // ВИЖ, 1991, № 6.
- Лобанова В. Капкан для царя Бориса. // Родина. 2011, № 11.
- Ломов Н.А. Великая победа и её историческое значение. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5.
- Лосик А.В., Шерба А.Н. Война. Народ. Победа. Взгляд учёных на историю Великой Отечественной войны. // ННИ. 2010, № 2.
- Лота В. «Альта» и «Арьин». // Родина. 2011, № 10.
- Лоуренс У.Л. Люди и атомы. Открытие, использование и будущее атомной энергии. М., 1967.
- Лунгу В.Н., Мошану А.К. И.Э. Левит. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. (1.IX.1939 – 19. XI. 42). 1981; его же Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19. XI. 42 – 23. VIII. 44). 1983. Кишинёв. Штинца. // Вопросы истории, 1984, №5.
- Лэпп Ральф. Атомы и люди. М., 1959.
- Лэпп Ральф. Новая сила. Об атомах и людях. М., 1954.
- Лэпп Ральф. Убийство и свехубийство. М., 1964.
- Магдер Т. Холокост. Chişinău, 2003.
- Мадзоевский С. Квебекское соглашение. Англо-американские противоречия в области атомного вооружения. // Межд. жизнь, 1958, № 5.
- Мазур А. Страницы истории сорокских евреев. Chişinău, 1999.
- Майоров А.М. На пороге войны. // ВИЖ, 1989, № 5.
- Майский И.М. Кто помогал Гитлеру. М., 1962.
- Макаренко Я.И. Последние строки с той, Великой. // ВИЖ, 1990, № 5.
- Макарчук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. М., 2010.
- Макарчук В.С., Рудый Н.Я. Восточные границы межвоенной Румынии (1918-1940 гг.): аспекты международного права. // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multisekulare moldo-ruso-ucraiene” / «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Chişinău, 1-5 aprilie 2012). Chişinău, 2012.
- Макдональд Ч.Б. Тяжелое испытание. Перевод с английского. М., 1979.
- Маковский В.Б. Прикрытие госграницы накануне войны. // ВИЖ, 1993, № 5.
- Макси К. Упущенные возможности Гитлера. М.-СПб., 2001 (книга на сайте: militera.lib.ru/research/macksey/index.html).
- Малай В.В. Начало гражданской войны в Испании в 1936 году и проблема невмешательства. По материалам Архива внешней политики РФ. // ННИ, 2006, № 6.
- Мальков В. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.
- Мальков В.Л. Берлин, «бункер фюрера», апрель-май 1945 года. Показания медсестры Эрны Флегель. // ННИ. 2010, № 3.
- Мальков В.Л. В Версале 80 лет назад. // Межд. жизнь, 1999, № 8.
- Мальков В.Л. Вудро Вильсон и его «принцип национальностей»: взгляд из современности. // ННИ, 2010, № 6.
- Мальков В.Л. Гарри Гопкинс: страницы политической биографии. // ННИ, 1979, № 4.
- Мальков В.Л. Жизнь и смерть Великого альянса. (По поводу книги В.О. Печатнова). // ННИ, 2007, № 2.
- Мальков В.Л. Советско-американские отношения 1934 – 1939 годов. // ННИ, 2005, № 6.
- Мальков В.Л. Ф. Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире. Беседы в Белом доме 29 мая 1942 года. // ННИ, 2005, № 2.
- Мальцев Д.А. Мюнхенский сговор и его не присутствующие участники. // Материалы международной научной конференции «Интерпретации различных аспектов второй мировой и Великой Отечественной войны в современной восточно-европейской историографии». Кишинёв, 21-22 мая 2010. Кишинёв, 2010. С. 4-21.
- Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // ННИ, 1991, № 1.
- Мартин Д. Братство бизнеса. Пер. с английского. М., 1951.
- Мартыненко Б.А. Канада во второй мировой войне. Формирование «североатлантического треугольника». 1939 – 1941. Киев, 1986.
- Марушкин Б. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937-1939 гг.). М., 1957.

- Марфин А.П. Героический штурм. Краснодар, 1985.
- Марфина В.В. Словакия в войне против СССР. 1941-1945 годы. // ННИ, 2011, № 4.
- Марфина В.В. Чехословацко-французские отношения в 1940-1945 годах. Новые документы чешских архивов. // ННИ, 2007, № 1.
- Матвеев Г., Матвеева В. «Комиссаров живыми наши не брали вообще». Красноармейцы в польском плену. // Родина. 2011, № 2.
- Матвеев Г.Ф. Ещё раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919 – 1920 годах. // ННИ, 2006, № 3.
- Материалы международной научной конференции «Интерпретации различных аспектов второй мировой и Великой Отечественной войны в современной восточно-европейской историографии». Кишинёв, 21-22 мая 2010. Кишинёв, 2010.
- Мацкевич С. Политика Бека. М., 2010.
- Медведев Р.А. Дипломатические и военные просчёты Сталина в 1939 – 1941 гг. // ННИ, 1989, № 4.
- Медведев Р.А. И.В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны. // ННИ, 2002, № 2.
- Мединский В. Штрафбаты и заграничные отряды. Мифы о приказе «Ни шагу назад». // Родина, 2011, № 6.
- Международный кризис 1939 – 1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006.
- Мейснер Ханс Отто. Кто Вы, доктор Зорге? М., 1966.
- Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Причины и следствия. М., 1965.
- Мельников Д. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981.
- Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер один. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
- Мельников Ю.М. США и Гитлеровская Германия. 1933-1939 гг. М., 1959.
- Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917-1940. М., 2010.
- Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая-июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны. // Отечественная история, 1995, № 2.
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2000 (книга на сайте: militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html).
- Мельтюхов М., Осокин А., Пыхалов И. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы. М., 2008.
- Меньшиков В., Гаевский В. Ставка – жизнь. М., 1969.
- Мержанов М. Так это было. Последние дни фашистского Берлина. М., 1975.
- Мерцалов А.Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989.
- Мерцалов А.Н. Западно-германская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978.
- Мерцалов А.Н. Западно-германские историки и мемуаристы о второй мировой войне. М., 1967.
- Мерцалов А.Н. Иной Жуков. М., 1994.
- Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Между двумя крайностями, или Кто соорудил «Ледокол»? // ВИЖ, 1994, № 5.
- Микульский К. Концерт Крупна. М., 1959.
- Мирный договор с Румынией. М., 1947.
- Митчем С., Мюллер Дж. Командиры Третьего рейха. Смоленск, 1995 (книга на сайте: http://militera.lib.ru/bio/mitcham_mueller/index.html).
- Митяев А. Книга будущих адмиралов. М., 1979.
- Михайленко А.В., Михайленко В.И. Новые итальянские дипломатические документы о военно-политическом кризисе накануне второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 4.
- Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919 – 1921 гг.? // ННИ, 1995, № 3.
- Мойсеев М.А. Цена победы. // Военно-исторический журнал. 1990, № 3.
- Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1973.
- Мольте К. За кулисами второй мировой войны. Перевод с датского. М., 1952.
- Монин М.Е. Содружество, рождённое в боях. М., 1971.
- Морозов С.В. В «мюнхенские дни» пилсудчики насторожили всю Европу и даже третий рейх. // Межд. жизнь, 2005, № 11, 2006, № 6.
- Мортон Л. Решение использовать атомную бомбу (1945 год). // Важнейшие решения. М., 1964.
- Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. М., 1972.
- Мурзаев Н.И. Операция «Багратион». М., 1984.
- Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун». М., 1972.
- Мэй Эрнст Р. Странная победа. М., 2009.
- Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964.
- Мэтлофф М., Снэлл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941-1942 гг. М., 1955.
- Мюллер Р.Д. «Разрезать пирог на удобные куски». Какие цели преследовал Гитлер, нападая на Советский Союз. // За рубежом, 1988, № 36 (1469), (перепечатка из «Цайт», Гамбург).
- Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945 гг. В трёх томах. М., 1956 – 1958.
- Мюнхен – преддверие войны. М., 1988.
- Мягков М.Ю. Битва под Москвой: от обороны к контрнаступлению. // ННИ. 2010, № 3.
- Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941 – 1945 годах: Союз и противоборство. // ННИ, 2004, № 2.
- Мягков М.Ю. Грозное лето 1941 года. // ННИ, 2011, № 2-3.
- Мягков М.Ю. И.В. Сталин и У. Черчилль в годы войны. По материалам семинара в Лондоне. // ННИ, 2002, № 4.
- Мягков М.Ю. Советское наступление в Карелии летом 1944 года и перемирие с Финляндией. // ННИ, 2008, № 6.
- Мясников В.С. СССР и Китай во второй мировой войне. // ННИ, 2005, № 4.
- Наджафов Д.Г. Нейтралитет США. М., 1990.
- Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944 год: политические аспекты. Перевод с польского. М., 1989.
- Накануне. М., 1991.
- Наков А. Интернациональная миссия советских войск в Болгарии. М., 1973.
- Нам не забыть Вас, ребята! Комсомольско-молодёжное подполье в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.
- Наринский М.М. Режим Виши в советских источниках и историографии // ННИ, 1991, № 6.
- Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. // <http://lib.rus.ec/b/246897/read>.
- Наумов А. В Женеве всё рушится. Лига Наций, СССР и кризис Версальской системы. // Родина, 2011, № 6.
- Наумов А.О. Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы. // ННИ, 2006, № 6.
- Наумов А.О. «Рейнский блеф» Гитлера. Ремилитаризация рейнской области в 1936. // ННИ, 2011, № 2.
- Начало войны и Советский Союз в 1939-1941 гг. Международная научная конференция в Институте всеобщей истории РАН. // ННИ, 1995, № 4.
- Невежин В.А. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны. // Отечественная история, 1995, № 2.

- Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв» 1939 – 1941 гг. М., 1997.
- Некрич А.М. Война, которую называли «странной». М., 1961.
- Некрич Р.М. 1941. 22 июня. М., 1965.
- Некрич Р.М. Внешняя политика Англии (1939 – 1941 гг.). М., 1963.
- Нечаев И. В. По ступеням ядерного безумия. М., 1987.
- Никитенко Е.Г. Освобождение Молдавии. // ВИЖ, 1994, № 7.
- Никифоров Ю.А. Военно-исторические исследования. // http://militera.lib.ru/research/nikiforov_ya/index.html.
- Никонова С.В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1956.
- Нидхарт Г. «Странная война» которая привела к «блицкригу». Выжидательная позиция Великобритании во время кризиса международной системы накануне и в начале второй мировой войны. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/N/Niedhart/Articles/Nidhart.html>.
- Нольфо Э.Д. История международных отношений (1918-1999 гг.). В двух томах. Перевод с итальянского. М., 2003.
- Новейшая история стран Европы и Америки. XX век. Часть 2 (1945-2000). М., 2001.
- Новиков Г.Н. Де Голль, голлисты и голлизм. // ННИ, 1990, № 3.
- Норден А. Так делаются войны. М., 1972.
- О прошлом во имя будущего. Вторая мировая война: причины, уроки, итоги. М., 1985.
- Оверманс О. Человеческие жертвы второй мировой войны в Германии. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/O/overmans/overmans.htm>.
- Овинников Р.С. За кулисами политики «невмешательства». М., 1959.
- Овсянин П. Конец режима Муссолини. М., 1965.
- Овсяный И. 1939: Последние недели мира. Как была развязана империалистами вторая мировая война. М., 1981.
- Овчинников В.В. Ветка сакуры; Корни дуба; Горячий пепел. М., 1988.
- Овсяный И. 1939: последние недели мира. М., 1981.
- Окороков В. 100 дней Маршала Победы под Москвой. М., 1991.
- Они защищали и освобождали Молдову. Пермь, «Звезда», 2001.
- Орлов А., Новоселов Б. Факты против мифов. Подлинная и мнимая история второй мировой войны. М., 1986.
- Орлов А.С. За кулисами второго фронта. (Военные тайны XX века). М., 2001.
- Орлов А.С. Крушение «третьего рейха». // ННИ, 2005, № 2.
- Орлов А.С. Секретное оружие третьего рейха. М., 1975.
- Орлов А.С. Союз ради общей победы (создание антигитлеровской коалиции). М., 1990.
- Орлов А.С. СССР – Германия: военно-политические отношения накануне агрессии. // ВИЖ, 1991, № 10.
- Орлов А.С., Кожанов В.П. Ленд-лиз: взгляд через полвека. // ННИ, 1994, № 3.
- Оружие и конфликты XXI века. // Межд. жизнь, 2001, № 9-10.
- Оружие победы. М., 1987.
- Освободительная борьба против фашизма. 1939 – 1945 гг. М., 1983.
- Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил в Европе во второй мировой войне. М., 1985.
- Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во второй мировой войне. М., 1974.
- Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил на Балканах. М., 1989.
- Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967.
- От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988.
- От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М., 1992.
- Ответы Г. Городецкого на вопросы журнала «ННИ». // ННИ, 1995, № 3.
- Открывая новые страницы. М., 1989.
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917-2002 гг. М., 2002.
- Очерки истории обороны Одессы (август-октябрь 1941 г.). Одесса, 2011.
- Павлов А.Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны. // ННИ, 1995, № 1.
- Павляк С. Политика США по отношению к Китаю (1941 – 1945). Перевод с польского. М., 1976.
- Пайета Д.К. Красный мальчик идёт на войну. Перевод с итальянского. М., 1988.
- Панкрашова М. Англо-франко-советские переговоры 1939 года. // Межд. жизнь, 1989, № 8.
- Панкрашова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну. М., 1970.
- Парамонов В., Трушин Ю. Карусель смерти. М., 1968.
- Парвизпур Б.Х. Советско-иранские отношения в годы второй мировой войны (1939 – 1945). Тбилиси, 1978.
- Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. М., 1982.
- Пасат В. Трудные страницы истории Молдовы (1940-1950). М., 1996.
- Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии. // ВИЖ, 1988, № 4.
- Перечнев Ю.Г. Уроки «блицкрига». М., 1985.
- Петренко А. Всеобщая история. 1918-2001. Chişinău, Ştiinţa, 2001.
- Петро Н. Наследие политики сдерживания (Российско-американские отношения накануне XXI века). // МЭиМО. 1997, № 11.
- Петров Б. К наступлению готовы... // Родина, 2011, № 6.
- Петров Б.Н. Как делили Украину Гитлер и Муссолини. // ВИЖ, 1993, № 8.
- Петров В. Дипломатия Даунинг-стрита. М., 1964.
- Петров П.С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу. // ВИЖ, 1990, № 6.
- Петрова Н.К. Отношение американцев к СССР в начальный период Великой Отечественной войны. // США: ЭПИ, 1995, № 4.
- Печатнов В.О. Визит У. Уилки в СССР. // США. Канада: экономика, политика, культура, 1999, № 7.
- Печатнов В.О. Каким СССР вышел из войны (В оценках американской разведки и дипломатии). // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 5; США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5.
- Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана. // ННИ, 2002, № 4.
- Печатнов В.О. Переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем осенью 1941 года (по новым документам российских и британских архивов). // ННИ, 2011, № 4.
- Пещерский В. Неразгаданные тайны «Красной Капеллы». // ННИ, 1996, № 3.
- Пиетров-Энкер Б. Германия в июне 1941 г - жертва советской агрессии? О разногласиях по поводу тезиса о превентивной войне // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/P/Pietrow/Articles/bianka.htm>;
http://royallib.ru/read/pietrov-enker_bianka/germaniya_v_iyune_1941_g_gertva_sovetskoy_agressii.html#0;
<http://lib.mn/blog/bianka-pietrov-enker/31997.html>.

- Пилат И.Н. Из истории еврейства Молдовы. Кишинёв, 1990.
- Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985.
- Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977.
- Победы Третьего рейха: Альтернативная история Второй мировой войны. М., 2004. // <http://militera.lib.ru/research/dritten/index.html>.
- Пограничные войска СССР. 1918-1928. Сборник документов и материалов. М., 1973.
- Погю С.Ф. Верховное командование. М., 1959.
- Подвиг Новороссийска. Краснодар, 1978.
- Подковинский М. В окружении Гитлера. М., 1981.
- Поздеева Л.В. Англичане о победе 1945 г. и роли СССР. // ННИ, 1996, № 5.
- Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1941-1945 гг. М. 1969.
- Поздеева Л.В. Канада в годы второй мировой войны. М., 1986.
- Поздеева Л.В. М.Ю. Мягков. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941-1945. М., 2006. // ННИ, 2006, № 4.
- Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1965.
- Полторак А.И. От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1961.
- Попов В.И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929-1939 гг.). М., 1965.
- Попов В.Н. Сталинградская битва: по новейшим исследованиям. // ННИ, 2007, № 2.
- Попович К.Ф. Память времени. Записки военного разведчика. М., 2005.
- Постников В.В. США и дауэсизация Германии (1924-1929 гг.). М., 1957.
- Прибылов В.И. Был ли выбор? // ВИЖ, 1990, № 2.
- Прибылов В.И. Почему ушла армия Андерса. // ВИЖ, 1990, № 3.
- Провал операции «Цитадель». М., 1967.
- Прокопенко А.С. Доклад у фюрера 5.12.40. // ВИЖ, 1991, № 2.
- Промышленность Германии в период войны 1939 – 1945 гг. М., 1956.
- Пронько В.А. Война. Победа. Итоги. // ВИЖ, 1997, № 3.
- Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648-2000). М., 2001.
- Прозектор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1972.
- Прозектор Д.М. Фашизм: путь к агрессии и гибели. М., 1985.
- Пстыго И.И. Устарела ли теория Дуэ? // ВИЖ, 1993, № 9.
- Пушкаш А. Венгрия в годы второй мировой войны. Пер. с венгерского. М., 1966.
- Пыхалов И. Великая обогнанная война. // http://www.fictionbook.ru/ru/author/piyhalov_igor/velikaya_obolganannaya_voyina.
- Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. Перевод с английского. М., 1989.
- Радзинский Э. Загадки жизни и смерти. М., 2004.
- Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. М., 1985.
- Рассел Э. Проклятие свастики. Перевод с английского. М., 1954.
- Ратиани Г.М. Конец Третьей республики во Франции. М., 1964.
- Рейнгард К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 года. Перевод с нем. М., 1980.
- Репников А.В. Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб. Варшава-Москва, 2007. // ННИ, 2008, № 1.
- Ржевская Е. Берлин, май 1945. М., 1975.
- Ржевский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. М., 1984.
- Ржевский О.А. История второго фронта: война и дипломатия. М., 1988.
- Ржевский О.А. Москва, Спиридоновка, 17. // ВИЖ, 1989, № 7.
- Ржевский О.А. Перед великим испытанием. // ННИ. 2010, № 3.
- Ржевский О.А. Последний штурм: Жуков или Конев. Документальный очерк. // <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05-01/sturm.htm>.
- Ржевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // ННИ, 1999, № 3.
- Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Перевод с английского. М., 1987.
- Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчёт и импровизация. // ННИ, 2001, № 5.
- Розамирина Н. Как Дука взял в плен Паулюса. // Аргументы и факты: Молдова. 2007, январь, № 5 (549).
- Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». М., 1990.
- Розанов Г.Л. Крах фашистской дипломатии. М., 1985.
- Розанов Г.Л. План «Барбаросса». Замыслы и финал. М., 1970.
- Розанов Г.Л. Последние дни Гитлера. М., 1962.
- Розанов Г.Л. Сталин – Гитлер. М., 1991.
- Розанов Г.Л. Так была развязана вторая мировая война. М., 1989.
- Романичев Н.М. «Красная Армия всех сильнее»? // ВИЖ, 1991, № 12.
- Романов В.В. Вудро Вильсон и его концепция мироустройства. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 2.
- Роскилл С. Флот и война. В трех томах. Перевод с английского. М., 1967, 1970, 1974.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование. Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.
- Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. Перевод с английского. М., 1959.
- Рошквану Ю.Д. Евреи Бессарабии в лагерях Транснистрии. // Менора, 1994, № 9-10.
- Рощин А. Так начиналась ООН. // Межд. жизнь, 1992, № 7.
- Рубцов Ю.В. Кредит на Мировую войну Гитлер взял у Америки. // <http://www.warandpeace.ru/analysis/view/47919/>.
- Рубцов Ю.В. О полководцах Великой Отечественной войны. // ННИ. 2010, № 3.
- Рубцов Ю.В. «Советский Багратион» маршал К.К. Рокоссовский (1896-1968). // ННИ, 2004, № 6.
- Рубцов Ю.В. С Украиной породнённый армейской судьбой: генерал армии Н.Ф. Ватутин (1901-1944). // ННИ, 2005, № 2.
- Рузе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. Перевод с английского. М., 1965.
- Рыжиков В.А. Зигзаги дипломатии Лондона. М., 1973.
- Рыжиков В.А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М., 1987.

- Савушкин Р.А. Зарождение и развитие советской военной доктрины. // ВИЖ, 1988, № 2.
- Самолёты Второй Мировой: Свыше 300 боевых самолётов всех стран мира. Пер. с англ. М., 2001.
- Самотейкин Е.М. Расплатанный нейтралитет. Как и почему Норвегия стала жертвой фашистской агрессии. М., 1971.
- Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939 – 1945. Очерк важнейших событий. М., 1985.
- Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939 – 1945. Исторический очерк. М., 1982.
- Самсонов А.М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений – к великой победе. М., 1991.
- Самсонов А.М. Поражение вермахта под Москвой. М., 1981.
- Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1968.
- Сапожников Б. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937-1941). М., 1970.
- Северные конвои. 1941-1945. М., 1993.
- Севостьянов Г.Н. Вторая Квебекская конференция. 1944 г. // ННИ, 1997, № 1.
- Севостьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969.
- Севостьянов Г.Н. Квебекская конференция. 1943 г. // ННИ, 1996, № 2.
- Севостьянов Г.Н. Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 г. Новые материалы. // ННИ, 1994, № 3.
- Севостьянов Г.Н. Москва, Вашингтон и итало-эфиопская война. По новым документам. // ННИ, 1999, № 3, 4.
- Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.) М., 1962.
- Севостьянов Г.Н. Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // ННИ, 1993, № 5.
- Севостьянов Г.Н. Послы вручают верительные грамоты. Установление советско-американских дипломатических отношений в свете новых документов. // ННИ, 1993, № 6.
- Севостьянов Г.Н. Правда о Зимней войне 1939-1940 гг. // ННИ, 1999, № 1.
- Севостьянов Г.Н. Судьба соглашения Рузвельт – Литвинов о долгах и кредитах. 1934-1935. Новые документы. // ННИ, 1995, № 2.
- Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны. 1939 – 1945: Из истории взаимоотношений. М., 1974.
- Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 – июнь 1941. М., 1981.
- Секистов В.А. Война и политика. Политические цели войны и характер военных действий в Западной Европе и бассейне Средиземного моря. 1939 – 1945. М., 1989.
- Семищев Ю.П. Фашистская Германия и атомная бомба. // ННИ, 1968, № 3.
- Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии. // ВИЖ, 1989, № 4.
- Семиряга М.И. Антифашистские народные восстания. М., 1965.
- Семиряга М.И. Освободительная миссия Советских Вооружённых Сил во Второй мировой войне. М., 1970.
- Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939 – 1941. М., 1992.
- Соев В.Б. Берлинская операция. М., 1985.
- Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки, 1933 – 1945. М., 1991.
- Серова О.В. Италия и антигитлеровская коалиция (1943 – 1945). М., 1973.
- Симонов К. Уроки истории и долг писателя. // Наука и жизнь, 1987, № 6.
- Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К. Жукова. // ВИЖ, 1987, № 6, 7, 9, 10, 12.
- Синицын С.Я. Эфиопская увертюра фашизма. 1935 год. // Межд. жизнь, 2005, № 3-4.
- Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза (1936-1939 гг.) М., 1987.
- Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989.
- Сиполс В.Я. Ещё раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // ННИ, 1996, № 3.
- Сиполс В.Я. За несколько месяцев до 23 августа 1939 года. // Межд. жизнь, 1989, № 5.
- Сиполс В.Я. На пути к великой победе. Советская дипломатия в 1941 – 1945 гг. М., 1985.
- Сиполс В.Я., Чельшев И.А. Крымская конференция. 1945 год. М., 1984.
- Системная история международных отношений. Том первый. События 1918 – 1945 годов. М., 2006.
- Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в Стране Советов. Киев. 1971.
- Сквайрс Р. Дороги войны. М., 1952.
- Смирнов В.П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974.
- Смирнов В.П. Де Голль и Жиро. // ННИ, 1982, № 1-2.
- Смирнов В.П. Новейшая история Франции (1918-1975). М., 1979.
- Смирнов В.П. «Странная война» и поражение Франции (сентябрь 1939 г. – июнь 1940 г.). М., 1963.
- Смирнов В.П. Франция во время второй мировой войны. М., 1961.
- Смирнов В.П. «Человек бурь» (де Голль как личность). // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000, №6.
- Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1980.
- Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936 – 1941). М., 1969.
- Смит А. «Секретная армия» Уинстона Черчилля. // За рубежом, 1978, № 49.
- Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость (1941 – 1945 гг.). М., 1978.
- Соколов А.М. Победный 1945-й. М., 1990.
- Соколов В.В. В войну мы были вместе. // Межд. жизнь, 2005, № 9.
- Соколов В.В. В преддверии Великой отечественной... // Межд. жизнь, 2005, № 3-4.
- Соколов В.В. Великобритания на пути ко второй мировой войне. // ННИ, 2009, № 5.
- Соколов В.В. Германский посол в Москве в 1934-1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом. // ННИ. 2010, № 2.
- Соколов В.В. К истории капитуляции Японии. // ННИ, 2005, № 5.
- Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны. // ННИ, 2010, № 6.
- Соколов В.В. Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. // ННИ, 2000, № 1.
- Соколов В.В. Становление советско-японских отношений в 20-е годы XX века. // ННИ, 2008, № 5.
- Соколов В.В., Фетисов И.В. Быль и небыль о тайных советско-германских контактах в Стокгольме в период войны. // Межд. жизнь, 1992, № 1.
- Солнышков Ю.С. По поводу статьи генерал-полковника Ю.А. Горькова. // ННИ, 1994, № 1.
- Соловьев Б.Г. «Кутузов» и «Румянцев» против «Цитадели». // ВИЖ, 1998, № 4.
- Соловьев Б.Г. Битва на Курской дуге. М., 1975.
- Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. Крушение планов немецко-фашистского командования летом и осенью 1943 г. М., 1973.
- Соловьев О. Ноябрь 1917 г. Как Англия и Франция делили Россию. // Межд. жизнь, 1997, № 10.
- Сосинский С. Акция «Аргонавт». М., 1970.

- Сталин, Берия и судьба Армии Андерса в 1941-1942 гг. (Из рассекреченных архивов). // ННИ, 1993, № 2.
- Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль. Политические портреты. Минск, 1991.
- Станевич М. Сентябрьская катастрофа. Перевод с польского. М., 1953.
- Станков Н.Н. Трудный путь в Локарно: дипломатия Э. Бенеша в 1925 году. // ННИ, 2007, № 2.
- Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980.
- Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.
- Стегний П.В., Соколов В.В. И.М. Майский: свидетельство очевидца. К 60-летию начала Второй мировой войны. // Межд. жизнь, 1999, № 8.
- Степанов А.С. Перед Мюнхеном. // ВИЖ, 1992, № 4-5.
- Степанов Р.А. Нельзя играть цифрами. // ВИЖ, 1989, № 6.
- Страухольд Гжегош. Где польская земля? Метаморфозы польских границ в XX веке. // Родина, № 12, 2011.
- Стыкалин А.С. Трансильванский спор в венгеро-румынских отношениях и советско-германское противостояние в Дунайском регионе (1940-1941). // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multiseculare moldo-ruso-ucrainene” / «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012.
- Суворов В. День «М». Черкассы, 1994.
- Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992.
- Суворов В. Тень Победы. Донецк, 2002.
- Суншон Л. Транснистрия: евреи в аду. Одесса, 1998.
- Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.
- Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995 (militera.lib.ru/h/taylor/index.html).
- Терещенко М.Н. Побеждали не числом, а умением. // ВИЖ, 1994, № 8.
- Тимофеев А. Стоит над горой Алёша. Облик красноармейца, освободителя Балкан. // Родина. 2011, № 1.
- Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // ННИ, 1990, № 1.
- Ткач Е. Антииудаизм, или Пещерный мир. Кишинев, 1998.
- Толченев М.П. За кулисами второго фронта. М., 1947.
- Трубайчук А. Возвращаясь к 1939 году. // Межд. жизнь, 1991, № 1.
- Трубайчук А.Ф. Пакт о ненападении: была ли альтернатива второй мировой войне. Киев, 1990.
- Трухановский В.Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М., 1985.
- Трухановский В.Г. Британская политика в области ядерных вооружений. М., 1987.
- Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939 – 1945). М., 1965.
- Трухановский В.Г. Размышления в связи с книгой Р. Эдмондса «Большая тройка». // ННИ, 1992, № 2.
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1982.
- Тудоряну Н.Л. Американский красный крест в годы Великой Отечественной войны. По архивным материалам. // ННИ, 2000, № 2.
- Тудоряну Н.Л. Отношения США и России в начале XX века. // Международные отношения: история и современность. Часть 4. Кишинев, Молд. госуниверситет, 1999.
- Тудоряну Н.Л. Отношения США и России в начале XX века. // ННИ, 1998, № 2.
- Тудоряну Н.Л. Помощь населения Канады Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны. По русским архивным материалам. // Отечественная история, 2000, № 1.
- Тудоряну Н.Л. Русские на Гавайях. Кишинев, 2000.
- Удлер Р. Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. Pittsburg – Chișinău, 2003.
- Уколов А.Т., Ивкин В.И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. // ВИЖ, 1993, № 1.
- Ундасынов И.Н. Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965.
- Усачев И.Г. Джон Фостер Даллес. М., 1990.
- Уткин А.И. Вторая мировая война. М., 2002 (книга на сайте: militera.lib.ru/h/utkin3/index.html).
- Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989.
- Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990.
- Уткин А.И. США – Япония: вчера, сегодня, завтра. М., 1990.
- Уткин А.И. Так пришла война. Екатеринбург, 1992.
- Уткин А.И. Тихоокеанская ось. М., 1988.
- Уткин А.И. Цена Победы. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 4; США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5.
- Ушаков В.Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961.
- Файнгар И.М. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958.
- Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. Перевод с немецкого. М., 2001.
- Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Пруско-германский генеральный штаб (1640-1945). К его политическим роли в истории. Перевод с немецкого. М., 1966.
- Фест И.К. Гитлер. Биография. Перевод с немецкого. Пермь, 1993.
- Фёрстер Ю. Вермахт против СССР: война на уничтожение. // <http://www.historicus.ru/534/>; http://www1.yadvashem.org/yv/ru/pdf/yad_vashem_studies/foerster.pdf.
- Филатов Г.С. Восточный поход Муссолини. М., 1968.
- Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.
- Филиппов И.Ф. Записки о «третьем рейхе». М., 1970.
- Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.
- Филияев И.В. Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс свидетельствует. // ВИЖ, 1990, № 5.
- Фингерт И. Обречённые. Кишинев, 1994.
- Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауфенберга. М., 1975.
- Фляйшхауэр И. Пакт Молотова – Риббентропа: германская версия. // Межд. жизнь, 1991, № 7.
- Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. М., 1991.
- Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время второй мировой войны. // ННИ, 2003, № 1.
- Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 г. – июль 1941 г.). М., 1978.
- Френкель М.Ю. Планы вторжения германской армии в Америку в 1940-1942 гг. // США: ЭПИ, 1993, № 12.
- Френкель М.Ю. Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941 – 1945 гг. // США: ЭПИ, 1993, № 5.
- Фуллер Дж. Ф.С. Вторая мировая война 1939 – 1945 годов. М., 1956.

- Хавкин Б. Граф Шулембург: «Сообщите господину Молотову, что я умер за советско-германское сотрудничество». // Родина. 2011, № 1.
- Хавкин Б. Под боком у фон Бока. // Родина. 2011, № 11.
- Хазард Дж. Н. «... На защиту американских интересов». // ВИЖ, 1990, № 6.
- Хастингс М. Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. М., 1989.
- Хаттори Т. Япония в войне 1941 – 1945. Перевод с японского. М., 1973.
- Хаусхофер Карл. О геополитике. М., 2001.
- Хауз Дж. Гланц Д. Курская битва: Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2007.
- Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. М., 1972.
- Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. Перевод с японского. М., 1964.
- Хильгрубер А. Итоги Второй мировой войны. // http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/H/Hillgruber/Articles/itog_war2.html.
- Холокост. Энциклопедия. М., 2008.
- Хорьков А.Г. Накануне грозных событий. // ВИЖ, 1988, № 5.
- Хорьков А.Г. Техническое перевооружение Советской Армии накануне Великой Отечественной войны. // ВИЖ, 1967, № 6.
- Хорьков А.Г. Укрепленные районы на западных границах СССР. // ВИЖ, 1987, № 12.
- Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год. // Отечественная история, 1993, № 4.
- Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2009, № 1.
- Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 годах. Документы архивов ФСБ России. // ННИ, 2010, № 5.
- Христофоров В.С., Макаров В.Г., Хавкин Б.Л. Дело фельдмаршала Шёрнера. По материалам ЦА ФСБ России. // ННИ, 2008, № 4.
- Хубач В. Захват Дании и Норвегии. Операция Учение Везер. 1940-1941. М., 2006.
- Царёв О.И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941 – 1945 гг.). // ННИ, 1998, № 1.
- Цветков Г.Н. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев. 1973.
- Цветков Г.Н. СССР и США: отношения, влияющие на судьбы мира. Киев. 1988.
- Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917-1933 гг. Киев. 1971.
- Цителмман Р. К обоснованию мотива "жизненного пространства" в мировоззрении Гитлера. // <http://www.pereplet.ru/history/Author/Engl/C/citelman/citelman.html>.
- Цукерторг И. Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР. // ВИЖ, 1991, № 5.
- Чекисты. М., 1970.
- Черкасов П.П. Возникновение Сопротивления во Франции и ФКП (22 июня 1940 г. – 22 июня 1941 г.) // ННИ, 1990, № 4.
- Чечин О.И. Союзники. Документальный очерк. // США: ЭПИ, 1995, № 10-11.
- Чикваидзе А.Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси. 1976.
- Чукреев В.И. Загадка 22 июня 1941 года. // ВИЖ, 1989, № 6.
- Шиманский А.Н. Берлинская операция. М., 1975.
- Ширер У. «Барбаросса»: очередь России. // ННИ, 1991, № 5.
- Ширер У. Взлёт и падение третьего рейха. В 2-х томах. Перевод с английского. М., 1991.
- Шишкин Н.К. Генерал Ф. фон Мелентин: «Танкисты Красной Армии закалились в горниле войны». // ВИЖ, 1995, № 4.
- Шиян И.С. На Малой земле. М., 1974.
- Шнеер А. Плен. В двух томах. Иерусалим, 2003.
- Шорников П.М. Бессарабский фронт. Кишинёв, 2010.
- Шпотов Б.М. Ж. Пауэлс. Миф о «хорошей» войне: США и вторая мировая война. // ННИ, 2007, № 4.
- Штейнман М.М. Ватикан во второй мировой войне. М., 1951.
- Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919 – 1920 гг.) М. 1949.
- Штрайт К. Они нам не товарищи. // ВИЖ, 1992, № 1-12; 1993, № 5-6; 1994, № 2-6.
- Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929 – 1941 годы. М., 2004.
- Шупак І.Я. Голокост в Україні: Пошуки відповідей на питання історії. Дніпропетровськ, 2005.
- Элдридж Ф. Гнев в Бирме. Перевод с английского. М., 1947.
- Энгл Э., Лаури П. Зимняя война. Советское нападение на Финляндию. 1939 – 1940. Перевод с английского. М., 2006.
- Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 – сентябрь 1944. Перевод с английского. М., 1958.
- Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 – август 1945. Перевод с английского. М., 1958.
- Юбершер Г. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о «превентивной войне». // ННИ, 1999, № 6.
- Юнг Р. Лучи из пепла. История одного возрождения. Перевод с английского. М., 1962.
- Юнг Р. Ярче тысячи солнц. Перевод с английского. М., 1960.
- Юнгблуд В.Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944-1945 гг. // США: ЭПИ, 1998, № 6.
- Юнгблуд В.Т. Последний госсекретарь эпохи Франклина Рузвельта. // США: ЭПИ, 1996, № 9.
- Юнгблуд В.Т., Чукалов А.В. США и ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. // США и Канада: ЭПИ, 2010, № 4.
- Яковлев Н.Н. Пёрл-Харбор, 7 декабря 1941 года. Быль и небыль. М., 1988.
- Яковлев Н.Н. СССР – США: мотивы сотрудничества и конфликта. // США. Канада: экономика, политика, культура, 2010, № 5.
- Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. М., 1969.
- Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. М., 2003.
- Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. Новое прочтение. М., 1981.
- Якушевский А. Операции Советской Армии в 1944 году в освещении буржуазной историографии. // ВИЖ, 1974, № 6.
- Якушевский А.С. Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР. // ВИЖ, 1989, № 5.
- Ялтинская конференция, 1945. Уроки истории. Сборник статей. М., 1985.
- Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике. 1918-1925. М., 1974.
- Язькова А.А. Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963.

НЕКОТОРЫЕ РАБОТЫ АВТОРА ПО ДАННОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

1. Международные отношения накануне второй мировой войны: проблемы решений и альтернативы. // Международные отношения: история и современность. Кишинёв, 1999, № 4.
2. Istoria relațiilor internaționale în epoca contemporană. Partea 1. 1918-1939. Chișinău, 1999.
3. История международных отношений в новейшее время. Часть 1. 1918-1939. Кишинёв, 1999.
4. Предгрозовое лето 39-го. // Мысль, 1999, №№ 3 (7)-4 (8), 5.
5. Termenele posibile ale începutului celui de-al doilea război mondial. // Anale științifice ale U.S.M. Chișinău, 2000.
6. К вопросу о «превентивной войне» Германии против СССР. // Anale științifice ale Universității de Stat din Moldova. Seria științe socio-umanistice. V. 3. Chișinău, 2001.
7. Ещё раз о «теории превентивной войны». // Мысль, 2001, № 4 (14).
8. Новейшая история зарубежных стран (1914-2002). Учебник для XII класса. Chișinău, 2002.
9. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 года: проблемы решений и альтернативы. // Вестник Славянского университета. Выпуск 8. Кишинёу, 2003.
10. «Забытый» Холокост. // Мысль, 2003, № 2 (20).
11. Istoria universală contemporană (1914-2003). Manual pentru clasa a XII de liceu. Ediția a treia, completată. Chișinău, 2003.
12. Rolul lui Ion Antonescu și exterminarea evreilor sovietici în anii celui de-al doilea război mondial. // Anuar științific al ARISDIP. Vol. 2. Chișinău, CEP USM, 2004, P.13-14. (coautor – Danu Dumitru).
13. Три этапа Холокоста. Политические, юридические, внешнеполитические и экономические предпосылки геноцида молдавских евреев в годы второй мировой войны. // Мысль, 2004, № 1 (23).
14. Холокост в Молдове. Кишинёв, CEP USM, 2005, 222 С., 20 а.л. (соавторы – Дану Д., Морару А., Загорча Ю.)
15. Politica de „românizare” a proprietății evreiești din România (1940-1941). // Anuar științific al ARISDIP. Vol. 3. Chișinău, 2005. P. 65-69, (coautor – Danu Dumitru).
16. Legislația evreiască din România în perioada de la sfârșitul sec. al XIX-lea și până la mijlocul anilor '30 ai sec. al XX-lea. // Legea și viața. 2005, № 5, (coautor Danu D.). P. 52-53, [ISSN 1810-309X].
17. Legislația antisemită din România din anii 1938-1940. // Legea și viața. 2005, № 6, (coautor Danu D.). P. 50-51, [ISSN 1810-309X].
18. Holocaust: file din istorie (pe teritoriul Moldovei și în regiunile limitrofe ale Ucrainei). Chișinău, 2005.
19. Холокост: страницы истории (на территории Молдовы и прилегающих областях Украины). Кишинёв, 2005.
20. Istorie. Epoca contemporană. Manual pentru clasa a 12-a. Chișinău, 2006. (coautori: Roman A., Sîrinceană M., Rața S., Barbus L., Dumbravă A.).
21. История. Новейшее время. Учебник для 12-го класса. Chișinău, 2006, (соавторы: Роман А., Спрычанэ М., Раца С., Барбус Л., Дубровский А.).
22. Ответственность Румынского фашистского государства за Холокост на оккупированных территориях Молдовы и Украины в 1941-1944 гг. // История Холокоста в Одесском регионе. Сборник статей и документов. Одесса, 2006.
23. Визит В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон в 1942 г. и «памятная записка» У. Черчилля: политические, военные и юридические аспекты. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2007, № 1-2.
24. Второй фронт и Ленд-лиз без домислов. // Мысль, 2007, № 2 (36).
25. История международных отношений и внешней политики великих держав в новейшее время. Кишинёв, 2007.
26. Кампания гитлеровского вермахта на Западе и дискуссии вокруг её хода и последствий. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2007, № 3-4.
27. Крымская конференция и дискуссии о её историческом значении. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2008, № 4. P. 142-148.
28. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 года: инициатива подписания, возможные альтернативы и реальные последствия. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2009, № 3. P. 122-142.
29. Плач по «похищенной провинции». // Родина. 2009, № 12.
30. О «теории» подготовки СССР к войне против Германии в 1941 году. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2009, № 3, P. 122-142, 3 а.л.
31. Вероятность восстановления территориальной целостности Республики Молдова и молдо-российские отношения. // Молдово-Приднестровский регион. 2010, № 1. 0,9 а.л.
32. Варшавское восстание 1944 года и его оценки. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2010, № 2. P. 113-122, 1,2 а.л.
33. История без мифов. Вторая мировая война: генезис, ход и итоги. Кишинёв, 2010. 61 а.л.
34. De la apologetica comunismului, prin analfabetism și plagiat, spre românismul xenofob. Chișinău, 2010. (Coautor). 5 с.а.
35. Характер войны 1941-1945 годов для молдавского народа: его интерпретации в румынистской историографии и действительность. // Материалы международной научной конференции «Интерпретации различных аспектов второй мировой и Великой Отечественной войны в современной восточно-европейской историографии». Кишинёв, 21-22 мая 2010. Кишинёв, 2010 (соавтор: Спрычанэ М.В.). С. 39-44. 0,3 а.л.
36. Политика геноцида администрации Антонеску в отношении еврейского населения на оккупированных территориях Молдовы и Украины. // Материалы международной научной конференции «Интерпретации различных аспектов второй мировой и Великой Отечественной войны в современной восточно-европейской историографии». Кишинёв, 21-22 мая 2010. Кишинёв, 2010 (соавтор: Ройф Ш.А.). С. 95-99. 0,25 а.л.
37. Некоторые историки и государственные деятели о советской политике в Восточной Европе и видение европейских проблем западными союзниками СССР на последнем этапе войны. // Материалы международной научной конференции «Интерпретации различных аспектов второй мировой и Великой Отечественной войны в современной восточно-европейской историографии». Кишинёв, 21-22 мая 2010. Кишинёв, 2010 (соавторы: Колацкая А., Мошняга В.Г.). С.119-129. 0,5 а.л.
38. 28 июня 1940 года в историографии: правда и вымысел. // Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2010. С. 35-57. 1,2 а.л.
39. Ответственность Румынского государства за Холокост на территории Молдавии и Украины. // Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. Москва, 2010. С. 20-31. (соавтор: Чобу Е.). 0,9 а.л.

40. Republica Democratică Moldovenească și „Unirea” Basarabiei cu România în contextul dreptului internațional. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2010, № 3. (coautor: Victor Stepaniuc) P. 152-161, 1,5 а.л.
41. Решение бессарабского вопроса в пользу СССР и закат «Великой Румынии». // Молдово-Приднестровский регион. 2010, № 5. С. 54-64. 1,6 а.л.
42. Apariția problemei basarabene în relațiile internaționale. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2010, № 4. (coautor: Victor Stepaniuc) P. 125-141, 2,5 а.л.
43. Глупость или невежество? Ясско-Кишинёвская операция и её интерпретации в современной румынской историографии. // Родина. 2010, № 11. С. 144-147. 0,65 а.л. (соавтор: Поливцев В.Н.)
44. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права и позиция бессарабцев. // Молдово-Приднестровский регион. 2010, № 6. С. 60-64. 0,75 а.л.
45. Problema Basarabeană și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris (1917-1947). (coautor: Victor Stepaniuc). Chișinău, 2010. 35 с.а.
46. Молдавская Демократическая Республика и «объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. №1. 2011. (соавтор Степанюк В.Ф.). С.70-88.
47. Интерпретация событий 29 июня 1940 г. в современной историографии. // Клио. Журнал для учёных. 2011, №3 (54). С. 157-163. 1,2 а.л.
48. Poziția moldovenilor față de unirea Basarabiei cu România. // „Evoluția identității naționale și politice moldovenești: esența și caracterul percepției interne și externe”. Materialele conferinței științifice internaționale. Chișinău, 15-16 aprilie 2011. Chișinău, 2011. P. 61-72. 0,6 с.а.
49. Характер боевой подготовки советских и германских вооружённых сил сквозь призму «теории» подготовки СССР к войне против Германии. // «Вставай, страна огромная...». Материалы Международной научной конференции, посвящённой 70-летию начала Великой Отечественной войны 1941-1945 годов (г. Севастополь, 15-17 июня 2011 года. Киев, 2011. С. 66-79. 0,6 а.л.
50. Буго-Днестровское междуречье в 1941-1942 гг. и массовое истребление евреев румынскими фашистами. // Проблемы истории и права евреев Молдовы. Республиканская научная конференция. Кишинев, 2011.
51. Возникновение бессарабского вопроса в международных отношениях. // «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. Сборник статей, документов и воспоминаний. Тирасполь-Бендеры, 2011. С. 75-101. 0,9 а.л.
52. Присоединение Бессарабии к СССР в 1940 году. // «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. Сборник статей, документов и воспоминаний. Тирасполь-Бендеры, 2011. С. 211-222. 1 а.л.
53. Эпизоды Ясско-Кишинёвской операции. // «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. Сборник статей, документов и воспоминаний. Тирасполь-Бендеры, 2011. С. 428-432. 0,35 а.л.
54. Дискуссии по проблеме о последствиях фашистской оккупации Молдовы для еврейского населения. // Сборник научных трудов Института иудаики. Выпуск 2. Кишинёв, 2011. С. 20-33. 0,75 а.л.
55. Являлась ли война 1941-1945 годов Отечественной для молдавского народа? // Материалы круглых столов «Россия – Молдавия: диалог во имя будущего». Кишинёв, 2011. С. 16-18. 0,25 а.л.
56. Operația Iași-Chișinău și unele interpretări actuale ale ei. // Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2011, № 1. (coautor: Vladimir Polivțev) P. 155-160, 0,75 с.а.
57. Возникновение бессарабского вопроса в международных отношениях в конце 1917 – начале 1918 годов. // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.). Сборник докладов международной научной конференции. М., 2011. 0,9 а.л. С. 85-100.
58. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права. // Буковина и Бессарабия: исторические уроки, состояние и перспективы региональной безопасности. Международный научный семинар. 21 сентября 2011 г. Черновцы, 2011. С. 124-134. 0,5 а.л.
59. Молдавский коллаборационизм в годы второй мировой войны и сегодня. // Conferința științifică internațională „65 de ani ai verdictului Tribunalului de la Nürnberg: învățăminte pentru Europa contemporană” / «65 лет Нюрнбергскому вердикту: уроки для современной Европы» (Chișinău, 19 decembrie 2011). Chișinău, 2012. P. 26-36. 0,75 с.а. (соавтор: Спрынчанэ Михаил).
60. Consecințele ocupației naziste pentru populația evreiască a Moldovei și a regiunilor limitrofe ale Ucrainei. // Conferința științifică internațională „65 de ani ai verdictului Tribunalului de la Nürnberg: învățăminte pentru Europa contemporană” / «65 лет Нюрнбергскому вердикту: уроки для современной Европы» (Chișinău, 19 decembrie 2011). Chișinău, 2012. P. 103-112. 0,75 с.а. (coautor: Roif Șabs).
61. Înțelegerea „Rakovskii – Averescu” din 5-9 martie 1918 despre curățarea Basarabiei de către administrația și trupele române și interpretările ei în istoriografia contemporană. // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multiseculare moldo-ruso-ucrainene” (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012. P. 124-128.
62. Соглашение «Раковский – Авереску» от 5-9 марта 1918 г. об очищении Бессарабии румынской администрацией и войсками и его интерпретации в современной историографии. // Conferința științifică internațională „Alipirea Basarabiei la Rusia în contextul relațiilor multiseculare moldo-ruso-ucrainene” (Chișinău, 1-5 aprilie 2012). Chișinău, 2012. С. 128-133.

